Google

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at http://books.google.com/

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице http://books.google.com/

PSlav 170.75 (1)

Bd. May, 1888.

Harvard College Library

FROM THE FUND OF

CHARLES MINOT

(Class of 1828).

1 Feb. – 25 Feb. 1888.

HARVARD COLLEGE
FEB 1 1888
LIBRARY.

26-1-454

ВѢСТНИКЪ

ВРОПЫ

ВАДЦАТЬ-ТРЕТІЙ ГОДЪ. — ТОМЪ I.

ГЪ ОСОПП. — 1/11 ЯНВАРЯ, 1888.

ВѢСТНИКЪ
ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ – ПОЛИТИКИ – ЛИТЕРАТУРЫ

СТО-ДВАДЦАТЬ-ДЕВЯТЫЙ ТОМЪ

ДВАДЦАТЬ-ТРЕТІЙ ГОДЪ

ТОМЪ I

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала: на Васильевскомъ Острову, 2-я линія, № 7.

Экспедиція журнала: на Вас. Остр., Академич. переулокъ, № 7.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1888

P Slav 176.25 (1)
~~131.84~~
~~Slav 30.2~~

(1446)

НА РОДИНѢ

ВОСПОМИНАНІЯ И ОЧЕРКИ

Изъ письма къ редактору [1]).

...„Что я дѣлаю?“—спрашиваете вы меня изъ вашего прекраснаго далека, съ береговъ Атлантическаго океана.

— Ничего,—сказалъ бы я, по примѣру прежнихъ лѣтъ:—беру тепловатыя морскія ванны, гуляю по берегу, ѣмъ, пью и больше ничего. Но это не совсѣмъ вѣрно: я что-то дѣлаю еще, но пока самъ не знаю что̀. Помните, когда я вамъ показалъ изъ своего домашняго архива университетскія воспоминанія, вы заинтересовались ими и увѣрили меня, что ихъ можно напечатать.

Тогда я опять сталъ перебирать свои бумаги и захватилъ ихъ съ собой сюда, въ Усть-Нарву, на дачу, чтобы на досугѣ посмотрѣть, нѣтъ ли въ нихъ еще какихъ-нибудь воспоминаній, замѣтокъ, напримѣръ, о томъ, что̀ было дальше, что̀ я видѣлъ, что̀ наблюдалъ и переживалъ по выходѣ изъ университета.

Разбирая бумаги, съ перомъ въ рукѣ, я кое-что отмѣчаю и заношу на бумагу. „Для чего?“ спрашивалъ я и еще спрашиваю теперь себя. Еслибы я захотѣлъ похлестаковствовать, я бы сказалъ: „Допѣваю, молъ, на пустынномъ берегу свои лебединыя пѣсни“. Но я ничего никогда не пѣлъ и не допѣваю: насмѣшники, чего добраго, пожаловали бы изъ лебедя въ какого-нибудь гуся; или спросили бы меня, можетъ быть, не хочу ли

[1]) По поводу настоящаго продолженія тѣхъ воспоминаній и очерковъ, которые уже помѣщены у насъ въ апрѣлѣ истекшаго года, было получено письмо отъ автора; извлекаемъ изъ этого письма то, что служитъ объясненіемъ отношеній автора къ его воспоминаніямъ изъ эпохи, отдѣленной отъ насъ цѣлымъ полувѣкомъ.—*Ред.*

я пріумножить свое значеніе въ литературѣ, внести что-нибудь новое, вѣское?—Это на старости-то лѣтъ: куда ужъ мнѣ!

Причина, почему я вожу перомъ по бумагѣ, простая, прозаичная, а именно: отъ прогулокъ, морскихъ ваннъ, отъ обѣдовъ, завтраковъ, отъ бездѣйственнаго сидѣнья въ тѣни, на верандѣ, у меня все-таки остается утромъ часа три, которыхъ некуда дѣвать.

Здѣсь, въ Усть-Нарвѣ, живутъ тихо, уединенно, безмятежно. Дачи окружены гдѣ маленькими, гдѣ большими садами, такъ что дачникамъ неизвѣстно, какъ живутъ сосѣди. Дачники, если хотятъ, могутъ встрѣчаться другъ съ другомъ на музыкѣ, которая собираетъ около себя публику, или на морѣ во время купанья, или же на вечернихъ прогулкахъ на морскомъ берегу.

Я на музыку не хожу, въ открытомъ морѣ не купаюсь и встрѣчаюсь съ немногими знакомыми лишь вечеромъ на берегу, когда буйный вѣтеръ не рветъ шляпы съ головы и не бьетъ пескомъ въ лицо. Такимъ образомъ, дачники другъ съ другомъ не сталкиваются на каждомъ шагу, какъ, напримѣръ, около Риги и на другихъ людныхъ приморьяхъ, и другъ другу не мѣшаютъ.

Вотъ въ эти праздные три часа я завѣшиваюсь отъ солнца, въ защиту больныхъ глазъ, и роюсь въ бумагахъ, съ перомъ въ рукахъ. День за днемъ, мало-по-малу, у меня накопилась порядочная кучка писанныхъ листовъ.

Я задумываюсь, что я стану съ ними дѣлать? Бросить жалко, не показавъ никому. Спрашиваю себя: что это такое? и самъ не знаю. Это не мемуары какіе-нибудь, гдѣ обыкновенно описываются историческія лица, событія, и гдѣ требуется строгая фактическая правда: у меня въ жизни и около меня никакихъ историческихъ событій и лицъ не было. Это и не плодъ только моей фантазіи, потому что тутъ есть и правда, и, пожалуй, если хотите, все правда. Фонъ этихъ замѣтокъ, лица, сцены, большею частію, типически вѣрны съ натурой, а иныя взяты прямо съ натуры. Кто-то вѣрно замѣтилъ, что археологъ, по какимъ-нибудь уцѣлѣвшимъ отъ зданія воротамъ, обломку колонны, дорисовываетъ и самое зданіе, въ стилѣ этихъ воротъ или колонны. И у меня тоже, по одной какой-нибудь выдающейся чертѣ въ характерѣ той или другой личности, или событія, фантазія старается угадывать и дорисовываетъ остальное. Слѣдовательно, напрасно было бы отыскивать въ моихъ лицахъ и событіяхъ то или другое происшествіе, то или другое лицо, къ чему читатели бываютъ наклонны вообще, и при этомъ рѣдко попадаютъ на правду. Всегда больше ошибаются.

Пробѣгая теперь эти мои мелкіе провинціальные наброски стараго времени, я могу выразиться такъ, что все описываемое въ нихъ не столько *было*, сколько *бывало*. Другими словами, я желалъ бы, чтобы въ нихъ искали не голой правды, а *правдоподобія*, и буду доволенъ, если таковое найдется. Меня кто-то уже въ печати укорялъ въ привычкѣ обобщать мои лица: это, помнится, было замѣчено съ нѣкоторой ироніей, а между тѣмъ выходитъ какъ будто комплиментъ. Вѣдь обобщеніе ведетъ къ типичности, а обобщеніе у меня—не привычка, а натура...

При свиданіи я вамъ покажу эти листки, а вы уже рѣшите, безъ всякихъ натяжекъ и безъ всякаго, конечно, лицепріятія—годятся ли они на что-нибудь.

А теперь пока—„еще одно послѣднее сказанье“... Скоро надо убираться съ здѣшняго берега: по вечерамъ становится темно и свѣжо. До свиданія.

Усть-Нарва.
11 августа 1887 г.

I [1]).

Итакъ, конченъ учебный курсъ — теперь остается, по пословицѣ, пожинать „сладкіе плоды горькихъ корней ученья“. Я свободный гражданинъ міра, передо мной открыты всѣ пути, и между ними первый путь—на родину, домой, къ своимъ.

Я и началъ съ этого пути, который оказался не совсѣмъ легкимъ и удобнымъ. Отъ Москвы до моей родины считается слишкомъ семьсотъ верстъ. На почтовыхъ перемѣнныхъ лошадяхъ, на перекладной телѣжкѣ, это стоило бы рублей полтораста ассигнаціями (полвѣка назадъ иначе не считали) и потребовало бы дней пять времени.

Заглянувъ въ свой карманъ, я нашелъ, что этой суммы не хватаетъ. Изъ присланныхъ изъ дома денегъ много ушло на новое платье у „лучшаго портного“, бѣлье и прочія вещи. Хотѣлось явиться въ провинцію столичнымъ франтомъ.

Ѣхать „на долгихъ“, съ какимъ-нибудь возвращающимся изъ Москвы на Волгу порожнимъ ямщикомъ, значило бы вытерпѣть одиннадцатидневную пытку. Я и терпѣлъ ее прежде, когда еще мальчикомъ ѣзжалъ съ братомъ на каникулы.

Современный путешественникъ не повѣритъ: одиннадцать дней

---

[1]) *Университетскія воспоминанія*. „Вѣстн. Европы“, апрѣль 1887, стр. 489.

ухлопать на семьсотъ верстъ! Американская поговорка: „Time is money“—до насъ не доходила.

Желѣзныхъ и другихъ быстрыхъ сообщеній, въ родѣ malle-poste, не существовало—и я задумывался, какъ быть.

Мнѣ сказали, что есть какой-то дилижансъ до Казани, а оттуда-де рукой подать до моей родины.

Газетныхъ и никакихъ печатныхъ объявленій не было: я узналъ отъ кого-то случайно объ этомъ сообщеніи, и поспѣшилъ по данному адресу въ контору дилижанса, въ дальнюю отъ меня улицу. Конторы никакой не оказалось. На большомъ пустомъ дворѣ стояло нѣсколько простыхъ, обитыхъ рогожей кибитокъ и одна большая бричка на двухъ длинныхъ дрогахъ, вмѣсто рессоръ.

— Гдѣ же дилижансъ?—спросилъ я мужика, подмазывавшаго дегтемъ колеса одной кибитки.

— Какой дилижансъ, куда?—спросилъ онъ въ свою очередь.

— Въ Казань.

— А вотъ этотъ самый!—указалъ онъ на большую бричку.

— Какой же это дилижансъ: тутъ едва трое помѣстятся! возражалъ я.

— По трое и ѣздятъ, а четвертый рядомъ съ кучеромъ... Спросите приказчика: вонъ онъ въ окно глядитъ! прибавилъ онъ, указывая на маленькій деревянный домикъ, въ родѣ избы.

Я вошелъ въ комнату.

— Я желалъ бы ѣхать въ дилижансѣ въ Казань,—сказалъ я приказчику.

— Можно,—лѣниво отвѣчалъ онъ, доставая съ полки тетрадь.

— А когда ходитъ дилижансъ?

— Неизвѣстно: дня опредѣлить мы не можемъ.

— Какъ такъ: дилижансы ходятъ вездѣ въ назначенные дни!

— Нѣтъ, у насъ когда наберется четверо проѣзжихъ, тогда и пущаемъ. Одна барынька ужъ записалась: вотъ ежели вы запишитесь—такъ только двоихъ еще подождемъ или по малости хошь одного.

Я и голову опустилъ.

— Вы навѣдывайтесь: можетъ быть, и скоро тронемся!—утѣшалъ онъ меня:—въ эту пору, на лѣто, много народу ѣдетъ изъ Москвы.

Такъ какъ мнѣ время особенно дорого не было, то я и записался. На мое счастье, не прошло и трехъ дней, какъ нашелся третій попутчикъ, и мы тронулись, тѣснясь втроемъ въ

бричкѣ: четвертаго спутника не было. Багажъ уложенъ былъ частію на дрогахъ, сзади, частію на верху брички.

И это четырехдневное путешествіе было не безъ пытки. Погода стояла знойная, іюльская. Лошади двигались лѣнивой рысью, отмахиваясь хвостами отъ оводовъ. Насъ на первыхъ же порахъ покрыла густая пыль, вздымаемая нашимъ „дилижансомъ“ и другими встрѣчными и обгонявшими насъ бричками и телѣгами.

Намъ троимъ сидѣть было тѣсно. Я скромно жался въ свой уголъ, опираясь на локоть. Другую руку, и отчасти ногу, я выставлялъ наружу, чтобы дать больше простора пассажиркѣ. Она старалась завоевать себѣ побольше мѣста, безпрестанно просила не упираться сапогами въ стоявшую въ ногахъ картонку съ шляпкой. Въ головахъ, за подушками, у нея помѣщался какой-то коробокъ—кажется, съ провизіей.

Третій пассажиръ, купецъ, возвращавшійся изъ Москвы, не сдавался, сидѣлъ не бокомъ, а прямо, и занималъ одинъ почти половину брички.

Отъ этой тѣсноты мы въ первый же день возненавидѣли другъ друга, глядѣли въ разныя стороны и не говорили между собой.

— Подвиньтесь, вы мнѣ на ногу „шѣли“ (вмѣсто „сѣли“)!—шепелявила барынька.

— Куда прикажете подвинуться? Радъ бы выкинуть ноги на дорогу, да боюсь, подберетъ кто-нибудь, послѣ не найдешь!—острилъ купецъ.

— Охъ!—стонала она и отъ жара, и отъ тѣсноты.

Я улыбался въ сторону.

Барынька ѣхала на уральскіе заводы какой-то смотрительницей, чего—не знаю,—и все охала о предстоящемъ ей еще впереди длинномъ пути. Она боялась разбойниковъ и грозы, или „грожи“, по ея выговору.

На ея бѣду, на третьи сутки, вдругъ по дорогѣ понесся намъ на встрѣчу столпъ пыли, крутя и вертя все по пути; налетѣлъ и на насъ. Сталъ брызгать дождь.

— „Шлава“ Богу, что „бежъ грожи“! сказала барынька, крестясь. Но въ ту же минуту блеснула молнія и вслѣдъ за нею раздался ужасный громовой ударъ.

— Охъ!—простонала наша спутница, крестясь вторично.

Купецъ посмотрѣлъ на нее, что она, а я отвернулся и засмѣялся въ пространство. Но тѣмъ все и кончилось. Вихрь умчался, и солнце стало опять печь.

По лицамъ у насъ струями лился потъ, пыль липла къ

струямъ и изукрасила насъ узорами. Въ первыя же сутки мы превратились въ какихъ-то отаитянъ. На второй день совсѣмъ почернѣли, а на третій и четвертый на щекахъ у насъ пробивался зеленоватый румянецъ.

Подъѣзжая къ Казани, мы говорили ужъ не своими голосами, и не безъ удовольствія разстались, сильно пожелавъ другъ другу всякаго благополучія.

Такъ полвѣка назадъ двигались мы по нашимъ дорогамъ! Только лѣтъ черезъ двѣнадцать послѣ того появились между Петербургомъ и Москвой первые мальпосты, перевозившіе пассажировъ съ неслыханною дотолѣ быстротою: въ двое съ половиною сутокъ. Въ 1849 году я катился изъ Петербурга уже этимъ великолѣпнымъ способомъ. А затѣмъ, возвращаясь въ 1855 году черезъ Сибирь изъ кругосвѣтнаго плаванія, я ѣхалъ изъ Москвы по николаевской желѣзной дорогѣ: каковъ прогрессъ!

Въ Казани я пробылъ день, осмотрѣлъ крѣпостныя стѣны, Сумбекину башню, зашелъ на университетскій дворъ, къ памятнику Державина, потомъ посѣтилъ нѣсколько мечетей, походилъ по горбатымъ улицамъ города, по Арскому полю, и на другой день, на почтовыхъ, на-легкѣ, на перекладной телѣжкѣ, покатилъ на родину. Тутъ всего сутки ѣзды. Но покатилъ съ препятствіями. Дорожныя испытанія еще не кончились. Меня все преслѣдовалъ зной, этотъ бичъ путешественниковъ, не только въ открытой телѣжкѣ, но, какъ я извѣдалъ потомъ, и въ вагонахъ, и на кораблѣ. Сколько разъ онъ, буквально, допекалъ меня въ жизни, но никогда такъ назойливо и злобно, какъ на этомъ 180-ти-верстномъ разстояніи! Солнцу угодно было зажарить меня, и оно жарило; особенно это чувствовалось послѣ ванны, взятой въ Казани.

Въ полдень не стало мочи терпѣть: куда бы нибудь да укрыться! Наконецъ пріѣхали въ какой-то городишко—если не ошибаюсь, въ Буинскъ, гдѣ надо было мѣнять лошадей. Ямщикъ подвезъ меня было къ станціонной избушкѣ, безъ двора, безъ сѣней, которую со всѣхъ сторонъ пожирали солнечные лучи.

— Поставь меня съ телѣгой куда-нибудь въ тѣнь!—просилъ я ямщика:—тутъ сгоришь!

Онъ ввезъ меня подъ навѣсъ постоялаго двора напротивъ станціи. Я чуть не обнялъ благодѣтеля. Такъ отраденъ мнѣ былъ навѣсъ двора, даже съ запахомъ навоза.

Я сидѣлъ еще въ телѣжкѣ, одурѣлый отъ жара, томимый не столько голодомъ, сколько жаждой. Не прошло и десяти минутъ, какъ на дворъ вбѣжалъ впопыхахъ маленькій человѣчекъ, въ военной или полицейской форменной фуражкѣ и сюртукѣ.

— Козловъ! Козловъ!. Гдѣ ты, подлецъ?—кричалъ онъ сердито на весь дворъ. Изъ дома, по деревянной, крытой лѣстницѣ, на этотъ голосъ, проворно сбѣжалъ мужикъ въ красной рубашкѣ, съ большимъ ключомъ на поясѣ.

— Здѣсь, ваше высокоблагородіе, здѣсь!—торопливо отозвался онъ.

— Къ тебѣ въѣхалъ пріѣзжій,—съ гнѣвомъ продолжалъ офицеръ,—а ты и ухомъ не ведешь, не даешь знать въ полицію! а? Ты знаешь, какъ строго приказано?

— Да они на почтовыхъ ѣдутъ: ко мнѣ только сейчасъ подъ навѣсъ стали...

— Врешь, врешь, подлецъ! ямщикъ сказывалъ, что проѣзжій обѣдать здѣсь будетъ! Первымъ твоимъ дѣломъ, подлецъ, потребовать отъ проѣзжаго видъ и представить въ полицію.

Онъ сталъ грозить пальцемъ. Я сошелъ съ телѣги, вынулъ изъ кармана свой университетскій отпускной билетъ и подалъ сердитому господину.

— Вотъ мой билетъ!—сказалъ я ему:—Я только-что въѣхалъ и черезъ часъ ѣду дальше.

Старикъ надѣлъ очки, взглянулъ пристально на меня, потомъ на билетъ.

— А куда изволите ѣхать?

Я сказалъ ему.

— Извольте получить вашъ видъ: онъ въ порядкѣ.

— Не вините его,—заступился я за хозяина:—онъ даже не видалъ меня и моей телѣжки.

— Нѣтъ, нѣтъ, онъ подлецъ! Онъ долженъ смотрѣть въ оба: мало ли кто къ нему заѣдетъ! Полиція обо всѣхъ должна знать!

Тѣмъ бы, кажется, все и должно кончиться. Но городничій—это былъ самъ городничій, какъ я узналъ послѣ отъ хозяина—прибавилъ къ нашему разговору такое необыкновенное заключеніе, что читатель, пожалуй, не повѣритъ, подумаетъ, что я сочинилъ этотъ шаржъ.

— Можетъ быть, вы зарѣзали вашихъ родителей и бѣжали!—выпалилъ онъ.

Я остолбенѣлъ отъ этой гиперболы и не нашелся, что ему сказать. Ѣдучи дальше, я объяснилъ ее себѣ догадкою, что вѣроятно въ служебной практикѣ городничаго былъ подобный случай, потому что выдумать этого нельзя даже и въ шутку.

Къ вечеру на пути ожидалъ меня другой сюрпризъ. Зной уступилъ мѣсто духотѣ, небо заволокло черными тучами, по-

крывшими тьмою поля, лѣса, дорогу. Въ восемь часовъ началась гроза, или „грожа", по выговору барыньки, но такая жестокая, классическая гроза, какую я послѣ видалъ только въ тропическихъ широтахъ.

Тьма уступила мѣсто нестерпимому и непрестанному, безъ промежутковъ, блеску молніи, съ перекатами непрерывнаго же грома. Мы ѣхали между двухъ стѣнъ сплошного лѣса. Узкая полоса дороги, отъ ливня, часа черезъ два образовала корыто мягкаго тѣста изъ чернозема. Лошади вязли по колѣно и едва вытаскивали ноги. Рысь смѣнилась шагомъ, который становился все медленнѣе. Отъ блеска лошади вздрагивали и останавливались, какъ одурѣлыя.

У ямщика оказались двѣ рогожи: въ одну онъ завернулся, какъ барыня въ шаль, а другую далъ мнѣ. Я прикрылъ ею не себя, а чемоданъ, чтобы дождь не подмочилъ мои московскія обновки. А самъ отдалъ на жертву дождю свою „непромокаемую", но промокавшую камлотовую шинель и университетскій поношенный сюртукъ съ малиновымъ воротникомъ, теперь мнѣ уже ненужный.

Мы еще съ часъ или полтора шлепали по дорогѣ, ожидая, что гроза стихнетъ. Но лошади останавливались все чаще и чаще, а гроза не только не унималась, а еще будто разыгрывалась сильнѣе.

— Баринъ! Надо заѣхать переждать,—предложилъ ямщикъ: кони, того-гляди, станутъ совсѣмъ, ничего съ ними не подѣлаешь: вѣдь, какъ боятся!

— Куда же заѣхать?

— А вотъ туточка, сичасъ у дороги, татарская деревушка будетъ: туда и заѣдемъ. Переждемъ малость! Который часъ таперича?

— Полночь!—сказалъ я:—ну, заѣзжай! Да какъ ты проѣдешь? тутъ все широкая канава вдоль дороги идетъ.

— Тамъ есть мостикъ, соломенный онъ: кабы въ темень, такъ, пожалуй, провалишься въ канаву—онъ хворостомъ крытъ, да сверху соломки накидано: только слава, что мость! А теперича, молонье-то вонъ какое (ухъ! какъ „жгётъ"!): свѣтло, переберемся какъ-нибудь.

Мы такъ и сдѣлали, перебрались. Ямщикъ чуть не въ самыя окна одной избушки всадилъ оглобли. Онъ сталъ стучать кнутомъ въ окна и въ ворота. Долго никто не отзывался, хотя при блескѣ молніи мы видѣли въ окнахъ людей.—Отоприте, отворите!—кричали мы, какъ Ваня въ „Жизни за Царя".

Послѣ нѣкоторыхъ переговоровъ о томъ, кто мы и что намъ нужно, насъ впустили въ избу, внесли туда же мой чемоданъ, подушку, саквояжъ, а телѣгу и лошадей укрыли подъ навѣсъ. Въ избѣ оказалось человѣкъ пять рослыхъ татаръ.

— Отчего такъ долго не пускали?—спросилъ я.

— Боялись!—говорятъ.

— Чего?

— А не знаемъ, бачка, какіе люди стучатъ. Вчера ночью воры пришли, стучали, много стучали: мы не пустили и сами спрятались.

— Васъ тутъ пятеро—и боялись! Почемъ вы знали, что вчера воры были?

— Мы знаемъ ихъ, бачка: знакомые!

Когда зажгли огонь, я хотѣлъ лечь на лавку, но сейчасъ же увидѣлъ, что это невозможно. Лавки, столъ и отчасти стѣны, все будто шевелилось отъ сплошной массы таракановъ. На лавку даже нельзя было сѣсть—она была точно живая.

Да и напрасна была затѣя уснуть. Вся избушка тряслась отъ раскатовъ грома. Наружи дождь шумѣлъ, какъ водопадъ. Оттого и татары всѣ были на ногахъ, не спали. Увидя у нихъ большой самоваръ, я велѣлъ поставить, досталъ дорожный запасъ и сталъ пить чай. Такъ прошло время до разсвѣта. Около пяти часовъ утра, мы пустились въ путь—гроза еще не кончилась совсѣмъ. Туча удалялась впередъ отъ насъ, а сзади великолѣпно блистало солнце. Впереди видно было, какъ молнія, теперь, при солнцѣ, уже безъ блеска, падала бѣлыми зигзагами на нивы; до насъ доходили слабые удары грома. Другую такую грозу, повторяю, продолжительную и жестокую, я, помню, видѣлъ только въ Японіи, когда мы съ фрегатомъ стояли на Нагасакскомъ рейдѣ.

Не знаю, что стало бы съ моей спутницей-барынькой, въ такую „грозу“.

Послѣ грозы, казалось бы, воздухъ долженъ освѣжиться: но, противъ обыкновенія, онъ точно накалился—и остальную сотню верстъ я добирался почти безъ сознанія, точно спалъ, пріѣхалъ домой въ видѣ каленаго орѣха и только дня черезъ два принялъ свой обыкновенный видъ.

II.

Меня охватило, какъ паромъ, домашнее баловство. Многіе изъ читателей, конечно, испытывали сладость возвращенія, послѣ долгой разлуки, къ роднымъ, и поймутъ, что я на первыхъ по-

рахъ весь отдался сладкой нѣгѣ ухода, внимательности. Домашніе не даютъ пожелать чего-нибудь: все давно готово, предусмотрѣно. Кромѣ семьи, старые слуги, съ нянькой во главѣ, смотрятъ въ глаза, припоминаютъ мои вкусы, привычки, гдѣ стоялъ мой письменный столъ, на какомъ креслѣ я всегда сидѣлъ, какъ постлать мнѣ постель. Поваръ припоминаетъ мои любимыя блюда —и всѣ не наглядятся на меня.

Домъ у насъ былъ, что называется, полная чаша, какъ впрочемъ было почти у всѣхъ семейныхъ людей въ провинціи, не имѣвшихъ по близости деревни. Большой дворъ, даже два двора, со многими постройками: людскими, конюшнями, хлѣвами, сараями, амбарами, птичникомъ и баней. Свои лошади, коровы, даже козы и бараны, куры и утки—все это населяло оба двора. Амбары, погреба, ледники переполнены были запасами муки, разнаго пшена и всяческой провизіи для продовольствія нашего и обширной дворни. Словомъ, цѣлое имѣніе, деревня.

Кромѣ нашей семьи, т.-е. моей матери, сестеръ и брата, оставшагося въ Москвѣ въ университетѣ, по болѣзни, еще на годъ, у насъ въ домѣ проживалъ одинъ отставной морякъ. Назову его Якубовъ. Выйдя въ отставку, онъ пріѣхалъ въ свою деревню, или деревни: у него ихъ было двѣ, съ тремя стами душъ крестьянъ въ обѣихъ, верстахъ въ полутораста отъ города. Но одинокому холостяку вскорѣ наскучило тамъ: сельскаго хозяйства онъ не понималъ и не любилъ, и онъ переселился въ губернскій городъ.

Губернскіе города, подальше отъ столицы, были, до желѣзныхъ дорогъ, оживленными центрами общественной жизни. Помѣщики съ семействами, по дальнему разстоянію отъ Москвы, проводили зиму въ своемъ губернскомъ городѣ. Наша губернія особенно славилась отборнымъ обществомъ родовитыхъ и богатыхъ дворянъ.

Якубовъ случайно замѣтилъ красивый, свѣтлый и уютный деревянный флигель при нашемъ довольно большомъ каменномъ домѣ, выходившемъ на три улицы—и нанялъ его, не предвидя, что проживетъ въ немъ почти полвѣка и тамъ и умретъ.

Якубовъ былъ крестнымъ отцомъ насъ четверыхъ дѣтей. По смерти нашего отца, онъ болѣе и болѣе привыкалъ къ нашей семьѣ, потомъ принялъ участіе въ нашемъ воспитаніи. Это занимало его, наполняло его жизнь. Добрый морякъ окружилъ себя нами, принялъ насъ подъ свое крыло, а мы привязались къ нему дѣтскими сердцами, забыли о настоящемъ отцѣ. Онъ былъ луч-

шимъ совѣтникомъ нашей матери и руководителемъ нашего воспитанія.

Якубовъ былъ вполнѣ просвѣщенный человѣкъ. Образованіе его не ограничивалось техническими познаніями въ морскомъ дѣлѣ, пріобрѣтенными въ морскомъ корпусѣ. Онъ дополнялъ его непрестаннымъ чтеніемъ—по всѣмъ частямъ знанія, не жалѣлъ денегъ на выписку изъ столицъ журналовъ, книгъ, брошюръ. Какъ, бывало, прочитаетъ въ газетѣ объявленіе о книгѣ, которая, по заглавію, покажется ему интересною, сейчасъ посылаетъ требованіе въ столицу. Романовъ, и вообще беллетристики, онъ не читалъ и зналъ всѣхъ тогдашнихъ крупныхъ представителей литературы больше по наслышкѣ. Выписывалъ онъ книги историческаго, политическаго содержанія и газеты.

По смерти нашего отца, состарѣвшись, онъ изъ флигеля перешелъ въ большой каменный домъ и занялъ половину его.

Якубовъ сталъ совершеннымъ семьяниномъ у насъ, сдѣлался хотя и faux père de famille, но своею привязанностью къ намъ, умными совѣтами, заботливымъ руководствомъ нашего воспитанія и образованія, превосходилъ и родного отца.

Это не рѣдко бываетъ. Добровольно взятое на себя иго—уже не иго: оно легче и охотнѣе переносится, особенно когда подкладкой ему служитъ симпатія. Мы всегда охотнѣе даемъ то, чего отъ насъ не требуютъ и чего мы не обязаны давать. Въ этомъ и весь секретъ.

Мать наша, благодарная ему за трудную часть взятыхъ на себя заботъ о нашемъ воспитаніи, взяла на себя всѣ заботы о его житьѣ-бытьѣ, о хозяйствѣ. Его дворня, повара, кучера слились съ нашей дворней, подъ ея управленіемъ—и мы жили однимъ общимъ домомъ. Вся матеріальная часть пала на долю матери, отличной, опытной, строгой хозяйки. Интеллектуальныя заботы достались ему.

Я останавливаюсь на этомъ старикѣ, потому что онъ заслуживаетъ вниманія, не только какъ представитель своего времени вообще, но и какъ человѣкъ въ особенности.

Мать любила насъ не тою сентиментальною, животною любовью, которая изливается въ горячихъ ласкахъ, въ слабомъ потворствѣ и угодливости дѣтскимъ капризамъ, и которая портитъ дѣтей. Она умно любила, слѣдя неослабно за каждымъ нашимъ шагомъ, и съ строгою справедливостью распредѣляла поровну свою симпатію между всѣми нами четырьмя дѣтьми. Она была взыскательна и не пропускала безъ наказанія или замѣчанія ни

одной шалости, особенно если въ шалости крылось зерно будущаго порока. Она была неумолима.

За то Петръ Андреевичъ Якубовъ, заступившій намъ мѣсто отца, былъ отецъ-баловникъ. Это имѣло ту хорошую сторону, что смягчало строгую систему материнскаго надъ нами контроля. Баловство—не до глупой слабости, не до излишества—также необходимо въ дѣтскомъ воспитаніи. Оно порождаетъ въ дѣтскихъ сердцахъ благодарность и другія добрыя, нѣжныя чувства. Это своего рода практика въ сферѣ любви, добра. Сердце, какъ и умъ, требуетъ развитія.

Бывало, нашалишь что-нибудь: влѣзешь на крышу, на дерево, увяжешься за уличными мальчишками въ сосѣдній садъ, или съ братомъ заберешься на колокольню—она узнаетъ и пошлетъ человѣка привести шалуна къ себѣ. Вотъ тутъ-то и спасаешься въ благодѣтельный флигель, къ „крестному“. Онъ ужъ знаетъ, въ чемъ дѣло. Является человѣкъ, или горничная, съ зовомъ: —Пожалуйте къ маменькѣ! — „Пошелъ“, или „пошла вонъ!“ —лаконически командуетъ морякъ. Гнѣвъ матери между тѣмъ утихаетъ—и дѣло ограничивается выговоромъ, вмѣсто дранья ушей и стоянія на колѣняхъ, что было въ наше время весьма распространеннымъ средствомъ смирять и обращать шалуновъ на путь правый.

У Якубова былъ отличный поваръ и кромѣ того особый кондитеръ. Иногда онъ оставлялъ насъ обѣдать, и тутъ ужъ всякому кормленію и баловству не было конца. Былъ у него, между прочимъ, особый шкафчикъ, полный сластей—собственно для насъ.

Со мной онъ, ежедневно катаясь по городу для воздуха, заѣзжалъ еще въ разныя лавки и накупалъ также сластей, игрушекъ и всякихъ пустяковъ, нужды нѣтъ, что дома всего этого было вдоволь и давалось намъ регулярно. Мать обыкновенно отбирала всѣ эти гостинцы, если мы не успѣвали потребить ихъ, и воевала съ баловникомъ.

Если онъ самъ не купитъ, то дастъ мелкихъ денегъ, чтобы мы распорядились, какъ хотимъ. И это отбиралось отъ насъ, а если мать не замѣчала, мы накупали всякой дряни: бобовъ, стручковъ, моченой груши и тому подобныхъ, строго запрещенныхъ намъ, уличныхъ лакомствъ, и втихомолку съѣдали. Выдаваемыя ежедневно по порціямъ сласти насъ не удовлетворяли: слаще всякаго варенья казался излишекъ, да еще запретный.

Курьезно, что когда я пріѣхалъ по окончаніи университетскаго курса, онъ не успѣлъ поздороваться, велѣлъ заложить „тарантасъ“ (въ родѣ длинной линейки съ подножкой), какъ всегда

дѣлалъ, когда я пріѣзжалъ на каникулы мальчикомъ, и повезъ было, по-прежнему, въ кондитерскія и другія лавки со сластями. Я засмѣялся, и онъ тоже, когда я спросилъ, гдѣ продается лучшій табакъ.

Изъ всѣхъ насъ четверыхъ я былъ самымъ близкимъ сопутникомъ и собесѣдникомъ моряка. Братъ, старше меня года на три, былъ бойкимъ, до-нельзя шаловливымъ гимназистомъ и эмансипировался отъ домашняго режима.

III.

Петръ Андреичъ, или „крестный", какъ мы и всѣ въ домѣ звали Якубова, учился въ Петербургѣ, въ морскомъ кадетскомъ корпусѣ и въ царствованіе Екатерины выпущенъ во флотъ, въ морскую артиллерію. — Намъ велѣли представиться Потемкину, —разсказывалъ онъ мнѣ:—мы всѣ безусые, безбородые, 18-ти или 19-ти-лѣтніе мальчики, въ новенькихъ офицерскихъ мундирахъ, явились къ нему во дворецъ. Въ залѣ много ждало важныхъ лицъ: ихъ звали по очереди къ нему. Наконецъ дошло до насъ. Насъ ввели въ кабинетъ и вытянули въ шеренгу у дверей. Потемкинъ лежалъ на диванѣ: около него сидѣли на креслахъ и стояли нѣсколько лицъ. Онъ посмотрѣлъ на насъ пристально и обратился къ присутствующимъ: —„Каковы!—сказалъ онъ гнусливо, кивая на насъ:—вотъ съ какими поросятами я долженъ служить!"—Онъ усмѣхнулся, и другіе тоже, потомъ махнулъ намъ рукой, чтобы шли вонъ.

Якубовъ участвовалъ въ кампаніи противъ французовъ. Суворовъ пожиналъ лавры на сушѣ, переходилъ Альпы, а флотъ нашъ блокировалъ Италію съ моря.

Теперь не помню, долго ли служилъ Якубовъ во флотѣ и когда онъ вышелъ въ отставку. Знаю только, что онъ пріѣхалъ на Волгу, въ свое имѣніе, въ чинѣ капитанъ-лейтенанта, съ владимірскимъ крестомъ—и, поселившись въ губернскомъ городѣ, спустя нѣкоторое время, вступилъ въ гражданскую службу совѣтникомъ, кажется, губернскаго правленія. Я сталъ знать, помнить и любить его съ семилѣтняго возраста, а это было въ двадцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія. Онъ уже былъ въ чистой отставкѣ.

Когда Якубовъ явился въ провинцію, онъ былъ еще не старымъ человѣкомъ. Онъ сблизился съ тогдашнимъ дворянскимъ кругомъ и рѣшительно завоевалъ себѣ общую симпатію и ува-

женіе. Это былъ чистый самородокъ честности, чести, благородства и той прямоты души, которою славятся моряки, и при томъ съ добрымъ, теплымъ сердцемъ. Все это хорошо выражается англійскимъ словомъ „джентльменъ", котораго тогда еще не было въ русскомъ словарѣ. Въ обращеніи онъ былъ необыкновенно привѣтливъ, а съ дамами до чопорности вѣжливъ и любезенъ.

Онъ былъ вездѣ принятъ съ распростертыми объятіями, его ласкали, не давали быть одному. И у себя онъ давалъ часто обѣды, ужины, на которыхъ нерѣдко присутствовали и дамы. Я помню, хотя былъ еще маленькій, какъ у него было шумно, весело, какъ изъ флигеля разносились по двору громкіе голоса, какъ прыгали пробки въ потолокъ. Когда забѣжишь во флигель —а забѣжишь всегда, когда были гости—послѣдніе наперерывъ ласкаютъ, накормятъ пирожнымъ, мороженымъ, дадутъ шампанскаго, словомъ, избалуютъ до-нельзя.

Такъ продолжалось, должно быть, лѣтъ десять, т.-е. такое свѣтское, широкое и гостепріимное житье-бытье. У него даже былъ свой романъ. Онъ влюбился въ одну молодую, красивую собой графиню. Объ этомъ онъ мнѣ разсказалъ уже послѣ, когда я пришелъ въ возрастъ, но не сказалъ: раздѣляла ли она его склонность. Онъ говорилъ только, что у него явился соперникъ, нѣкто богатый, молодой помѣщикъ Ростинъ. Якубовъ ступевался, уступилъ.

— Отчего же вы не искали ея руки? — спросилъ я, недовольный такой прозаической развязкой.

— Оттого, мой другъ, что онъ могъ устроить ея судьбу лучше, нежели я. У меня какихъ-нибудь триста душонокъ, а у него двѣ тысячи. Такъ и вышло. Я самъ желалъ этого. Оба они счастливы, и слава Богу!—Онъ подавлялъ легкій вздохъ.

И дѣйствительно такъ было. Я зналъ эту графиню, бывалъ у Ростина, жившаго гостепріимно и открыто, въ его недалекой отъ города деревнѣ. Въ то время, когда онъ мнѣ это разсказывалъ, графиня была уже пожилая женщина, но все еще со слѣдами красоты, мать взрослыхъ дѣтей. Якубовъ говорилъ съ ней и о ней не иначе, какъ съ нѣжною почтительностью—и былъ искреннимъ другомъ ея мужа и всей семьи.

Потомъ я не знаю, какъ онъ жилъ до своей старости. Съ 1822 года меня отвезли учиться въ Москву. Лѣтомъ на короткое время я пріѣзжалъ, и потомъ изъ университета, на каникулы домой и находилъ все того же ласковаго, безмѣрно добраго отца и друга. Онъ постепенно старѣлъ, а мы съ братомъ являлись домой уже юношами. Ласки, баловство, подарки—такъ и лились

на насъ до смѣшного. Живи онъ до сихъ поръ, я думаю онъ и теперь повезъ бы меня въ кондитерскую покупать конфекты.

Но по мѣрѣ того, какъ онъ старѣлъ, а я приходилъ въ возрастъ, между мной и имъ установилась—съ его стороны передача, а съ моей—живая воспріимчивость его серьезныхъ техническихъ познаній въ чистой и прикладной математикѣ. Особенно ясны и неоцѣненны были для меня его бесѣды о математической и физической географіи, астрономіи, вообще космогоніи, потомъ навигаціи. Онъ познакомилъ меня съ картой звѣзднаго неба, наглядно объяснялъ движеніе планетъ, вращеніе земли, все то, чего не умѣли или не хотѣли сдѣлать мои школьные наставники. Я увидѣлъ ясно, что они были дѣти передъ нимъ въ этихъ техническихъ, преподанныхъ мнѣ имъ урокахъ. У него были нѣкоторые морскіе инструменты, телескопъ, секстантъ, хронометръ. Между книгами у него оказались путешествія всѣхъ кругосвѣтныхъ плавателей, съ Кука до послѣднихъ временъ.

Я жадно поглощалъ его разсказы и зачитывался путешествіями. „Ахъ, еслибы ты сдѣлалъ хоть четыре морскія кампаніи (морскою кампаніею считается каждые полгода, проведенные въ морѣ), то-то бы порадовалъ меня!“—говаривалъ онъ часто въ заключеніе нашихъ бесѣдъ. Я задумывался въ отвѣтъ на это: меня тогда уже тянуло къ морю, или по крайней мѣрѣ къ водѣ. Еслибы онъ предвидѣлъ, что современемъ я сдѣлаю пять кампаній—да еще кругомъ свѣта!

Поддаваясь мистицизму, можно, пожалуй, подумать, что не одинъ случай только далъ мнѣ такого наставника—для будущаго моего дальняго странствія. Впрочемъ, помимо этого, меня нерѣдко манили куда-то вдаль широкіе разливы Волги, со множествомъ плавающихъ, какъ лебеди, бѣлыхъ парусовъ. Я цѣлые часы мечтательно, еще ребенкомъ, вглядывался въ эту широкую пелену водъ.

И по пріѣздѣ въ Петербургъ, во мнѣ уживалась страсть къ водѣ. Разсказы ли „крестнаго“, вмѣстѣ съ прочитанными путешествіями, или широкое раздолье волжскихъ водъ, не знаю что, но только страстишка къ морю жила у меня въ душѣ. Гуляя по Васильевскому Острову, я съ наслажденіемъ заглядывался на иностранныя суда и нюхалъ запахъ смолы и пеньковыхъ канатовъ. Я прежде всего поспѣшилъ, по пріѣздѣ въ Петербургъ, посѣтить Кронштадтъ и осмотрѣть тамъ море и все морское.

Якубовъ происходилъ отъ старой дворянской фамиліи, но онъ былъ аристократъ, баринъ—больше въ душѣ. Старые дворянскіе

роды онъ ставилъ высоко, къ другимъ сословіямъ относился только снисходительно.

— Здравствуй, старина!—говорилъ онъ по-просту, въ отвѣтъ на почтительный поклонъ какого-нибудь купца, или:—здравствуйте, отецъ!— привѣтствовалъ онъ священника. Напротивъ, съ людьми своего круга, онъ, при встрѣчѣ на улицѣ, здоровался, съ близко знакомыми фамильярно, дружески, перекидывался нѣсколькими словами, шуткой, передъ менѣе знакомыми вѣжливо приподнималъ фуражку, а передъ дамами обнажалъ всю голову.

Пріѣзжая послѣ, въ мои университетскія каникулы, я сталъ замѣчать, что посѣтители у него становились рѣдки, а самъ онъ не выѣзжалъ никуда, совершая только свои ежедневныя прогулки въ экипажѣ, „для воздуха", непремѣнно со мной.

Я видѣлъ, что онъ и на прогулкахъ сталъ избѣгать встрѣчъ, даже съ близкими его знакомыми. Отъ прочихъ онъ скрывался, сколько могъ. На мой вопросъ:

— Отчего это?—онъ сказалъ просто:—„на старости лѣтъ—отвыкъ отъ людей. да и пострѣловъ тутъ не мало!" —Между тѣмъ, при встрѣчѣ на улицѣ, или если кто успѣетъ проникнуть къ нему въ домъ, онъ обойдется любезно и радушно.

Иногда выходили по этому поводу забавныя сцены. Пріѣдетъ, напримѣръ, гость, спроситъ:—„Дома ли?" —Человѣкъ побѣжитъ въ обходъ по корридору доложитъ.—„Владиміръ Васильевичъ",—скажетъ онъ; или:—„графъ Сергѣй Петровичъ".—Якубовъ, вмѣсто отвѣта, энергически молча показываетъ человѣку два кулака. Человѣкъ скроется въ корридоръ и ждетъ въ нерѣшительности, не зная, что дѣлать. Въ передней гость ждетъ отвѣта, а въ кабинетѣ барскіе кулаки, которыхъ, впрочемъ, онъ въ ходъ никогда не пускалъ. Гость, между тѣмъ, наскучивъ ждать, сброситъ съ себя шинель или шубу (пальто тогда не было извѣстно) и идетъ въ залу, потомъ въ гостиную, и, наконецъ, отворяетъ дверь въ кабинетъ.

— А! графъ Сергѣй Петровичъ, милости прошу!—радушно привѣтствуетъ его морякъ:—садитесь, вотъ здѣсь! Эй, малый!—крикнетъ человѣку:—скажи, чтобъ намъ дали закуску сюда, да позавтракать что-нибудь.

Въ провинціи, по крайней мѣрѣ въ то время, посѣтителямъ непремѣнно предлагалось угощеніе: утромъ закуска, вино; послѣ обѣда—сласти.

Слугѣ потомъ не было ни выговора, ни замѣчанія. Гнѣвъ Якубова бывалъ всегда мгновенной, быстро потухавшей вспышкой.

Катаясь тоже со мной по городу, онъ издали иногда завидитъ ѣдущаго въ экипажѣ, или идущаго на-встрѣчу знакомаго.

— Не гляди туда, отвернись!—шопотомъ предупредитъ меня, и самъ съ юношескимъ проворствомъ перекинется черезъ сидѣнье на другую сторону линейки.

Между близкими его знакомыми я помню особенно двухъ стариковъ, его сверстниковъ, жившихъ почти безвыѣздно по своимъ деревнямъ. Одинъ былъ Ѳедоръ Петровичъ Козыревъ, а другой—Андрей Герасимовичъ Гастуринъ. Они пріѣзжали въ губернскій городъ въ три года разъ на дворянскіе выборы, но совсѣмъ не затѣмъ, чтобы ихъ выбирали, а, напротивъ, чтобъ не выбирали.

— Когда мы хотимъ повидаться съ ними,—сказывалъ мнѣ предводитель дворянства, Бравинъ,—стоитъ только написать имъ, что ихъ намѣрены баллотировать: сейчасъ же оба бросятъ свои захолустья и пріѣдутъ просить, чтобъ не выбирали.

Я зналъ и любилъ этихъ обоихъ сверстниковъ моего „крестнаго“. Это были такіе же добрые, ласковые баловники-старички. Къ первому изъ нихъ я, проѣзжая домой на каникулы, уже студентомъ, сворачивалъ верстъ пятнадцать въ сторону съ большой дороги и проводилъ у него по два и по три дня. У него была прелестная усадьба, т.-е. собственно господскій домъ, окруженный обширнымъ садомъ, во вкусѣ временъ Людовика XIV, съ стриженными аллеями, каскадами, бесѣдками, нимфами и другими затѣями, конечно въ миніатюрѣ, впрочемъ значительно запущенный и заброшенный. Болѣе всего занимала меня большая библіотека—все французскихъ книгъ. Козыревъ былъ поклонникъ Вольтера и всей школы энциклопедистовъ и самъ смотрѣлъ маленькимъ Вольтеромъ, острымъ, саркастическимъ — какъ многіе тогда поклонники Вольтера. Духъ скептицизма, отрицанія свѣтился въ его насмѣшливыхъ взглядахъ, улыбкѣ и сверкалъ въ рѣчахъ. Бесѣдой нашей съ нимъ и братомъ служили французскіе писатели. Но онъ былъ такъ деликатенъ и остороженъ съ нами, юношами, что давалъ намъ читать и самъ читалъ съ нами произведенія французской поэзіи, декламируя Расина, Корнеля и „Генріаду“ Вольтера. О смыслѣ и значеніи ученія мыслителей-энциклопедистовъ онъ умалчивалъ. „Баснями соловья не кормятъ!“ заканчивалъ онъ наши бесѣды и велѣлъ подавать всегда тонкій, изящный обѣдъ. У него былъ отличный поваръ, кажется, французъ.

Онъ не выходилъ изъ халата, и очень рѣдко выѣзжалъ изъ предѣловъ своего имѣнія. У него была въ нѣсколькихъ верстахъ другая деревня, но онъ и въ ту не всякій годъ загля-

дывалъ. Помню я теперь его слегка рябоватое лицо, темно-сѣрые умные глаза, насмѣшливо-добродушную улыбку и свѣтлый шелковый съ полосками халатъ. Онъ такъ сидѣлъ въ своемъ изящномъ кабинетѣ, такъ гулялъ и въ укатанныхъ аллеяхъ своего сада, около пруда, гдѣ плавали лебеди, а по цвѣтникамъ, и по его комнатамъ тоже, расхаживали журавли и павлины.

Кромѣ этого сада да своей библіотеки, онъ ничего знать не хотѣлъ, ни полей и лѣсовъ, ни границъ имѣнія, ни доходовъ, ни расходовъ. Когда онъ ѣзжалъ въ другую свою деревню,—разсказывали мнѣ его же люди,—онъ спрашивалъ: „чьи это лошади?“ на которыхъ ѣхалъ.

Точно такъ же не зналъ и не хотѣлъ знать ничего этого и „крестный“ мой, и третій близкій ихъ другъ и сверстникъ, А. Г. Гастуринъ. Этотъ былъ простой, неученый, но добрый, всѣми любимый, деревенскій житель, не выпускавшій изо рта большой пѣнковой трубки. Онъ весь почернѣлъ и какъ будто прогорѣлъ отъ солнца и отъ табаку. Когда я спрашивалъ Якубова о его хозяйствѣ, о посѣвахъ, умолотѣ, количествѣ хлѣба—даже о количествѣ принадлежащей ему земли и о доходахъ: „А не знаю, другъ мой,—говоривалъ онъ, зѣвая:—что привезетъ денегъ мой кривой староста, то и есть. А сколько онъ высылаетъ куръ, утокъ, индѣекъ, разнаго хлѣба и другихъ продуктовъ съ моихъ полей—спроси у своей маменьки: я велѣлъ ему отдавать ей отчетъ, она знаетъ лучше меня!“

Когда оба старика пріѣзжали въ городъ на выборы, они обыкновенно жили у Якубова, и намъ всѣмъ, дѣтямъ, было отъ нихъ тройное баловство.

Съ утра, бывало, они всѣ трое лежатъ въ постеляхъ, куда имъ подавали чай или кофе. Въ полдень они завтракали. Послѣ завтрака опять забирались въ постели. Такъ ихъ заставали и гости. Рѣдко только, въ дни выборовъ, они натягивали на себя допотопные фраки или екатерининскихъ временъ мундиры и панталоны, спрятанныя въ высокіе сапоги съ кисточками, надѣвали парики, чтобъ ѣхать въ дворянское собраніе на выборы. Какіе смѣшные были всѣ трое! Они хохотали, оглядывая другъ друга, а мы, дѣти, глядя на нихъ!

Мнѣ кажется, у меня, очень зоркаго и впечатлительнаго мальчика, уже тогда, при видѣ всѣхъ этихъ фигуръ, этого беззаботнаго житья-бытья, бездѣлья и лежанья, и зародилось неясное представленіе объ „обломовщинѣ“.

IV.

И по пріѣздѣ домой, по окончаніи университетскаго курса, меня обдало той же „обломовщиной“, какую я наблюдалъ въ дѣтствѣ. Самая наружность родного города не представляла ничего другого, кромѣ картины сна и застоя. Тѣ же, большею частью деревянные, посѣрѣвшіе отъ времени дома и домишки, съ мезонинами, съ садиками, иногда съ колоннами, окруженные канавками, густо заросшими полынью и крапивой, безконечные заборы; тѣ же деревянные тротуары, съ недостающими досками, та же пустота и безмолвіе на улицахъ, покрытыхъ густыми узорами пыли. Вся улица слышитъ, когда за версту ѣдетъ телѣга или стучитъ сапогами по мосткамъ прохожій.

Такъ и хочется заснуть самому, глядя на это затишье, на сонныя окна съ опущенными сторами и жалюзи, на сонныя физіономіи сидящихъ по домамъ или попадающіяся на улицѣ лица. „Намъ нечего дѣлать!“—зѣвая, думаетъ, кажется, всякое изъ этихъ лицъ, глядя лѣниво на васъ: „мы не торопимся, живемъ—хлѣбъ жуемъ, да небо коптимъ!“

И вправду должно быть такъ. Чиновникъ, совѣтникъ какой-нибудь палаты, лѣниво, около двухъ часовъ, ѣдетъ изъ присутствія домой, нужды нѣтъ, что отъ палаты до дома не было и двухъ шаговъ. Пройдетъ писарь, или гарнизонный солдатъ еле-еле бредетъ по мосткамъ. Купцы, забившись въ глубину прохладной лавки, дремлютъ или играютъ въ шашки. Мальчишки среди улицы располагаются играть въ бабки. У забора коза щиплетъ траву.

— Ужели ничего и никого новаго нѣтъ?—спрашиваю „крестнаго“, объѣзжая городъ и лѣнивымъ окомъ осматриваясь кругомъ:—я все это знаю, давно видѣлъ: вонъ, кажется, и коза знакомая!

— Какъ нѣтъ новаго! Вотъ сейчасъ подъѣдемъ къ новому собору: онъ ужъ освященъ. Каковъ!—хвастался онъ, когда мы сошли съ дрожекъ и обходили соборъ. Соборъ, въ самомъ дѣлѣ, очень хорошъ: обширенъ, стройныхъ размѣровъ и съ тонкими украшеніями на фронтонѣ и капителяхъ колоннъ.

— Вотъ и это новое: ты еще не видалъ, при тебѣ не было!—говорилъ Якубовъ, указывая на новое зданіе на Большой улицѣ.

Я прочелъ на черной доскѣ надпись: „Питейная контора“.

Это откупщикъ выстроилъ, — прибавилъ онъ.

Встрѣтился намъ очень старый священникъ, посмотрѣлъ на насъ, прикрывъ глаза руками отъ солнца, узналъ Якубова и отвѣсилъ низкій поклонъ.

— Здравствуй, батька, здорово! крестить, что-ли, ходилъ, или отпѣвалъ кого-нибудь?—шутилъ крестный.

— Чего?—отозвался, останавливаясь, тотъ:—не слышу!

Мы проѣхали.

— Когда я пріѣхалъ сюда, этотъ батька былъ уже зрѣлыхъ лѣтъ попикъ: теперь ему подъ восемьдесятъ!—добавилъ мнѣ крестный.

— Это все старое и ветхое, что вы мнѣ показываете, кромѣ собора да питейной конторы,—сказалъ я.—Гдѣ же новое, молодое, свѣжее?

— Свѣжее? есть свѣжія стерляди, икра, осетрина, дичь... Всего этого — здѣсь въ волю; ужо маменька твоя покормитъ тебя,—шутилъ онъ.

— А новые люди, нравы, духъ?—допрашивалъ я.

— Люди?.. Да теперь лѣто: никого въ городѣ нѣтъ, всѣ по деревнямъ. Вотъ, погоди, къ осени съѣдутся, увидишь и людей, познакомишься со всѣми. А теперь тебѣ надо „представиться“ губернатору.

Я встрепенулся.

— Зачѣмъ? Еслибъ я пріѣхалъ сюда на службу—другое дѣло, а я къ осени думаю ѣхать въ Петербургъ.

— А все-таки надо представиться ему,—настаивалъ Якубовъ:—онъ замѣтитъ тебя гдѣ-нибудь, спроситъ—кто, а ты у него не былъ: это никуда не годится. И къ архіерею тоже, и къ предсѣдателямъ палатъ, да еще къ такому-то и къ такому-то.

Онъ насчиталъ домовъ десять, гдѣ я будто бы долженъ побывать—не знаю самъ, да и онъ не зналъ—для чего. „Для приличія,—говорилъ онъ:—молодой человѣкъ вездѣ долженъ являться“. Тоже не объяснилъ—зачѣмъ. Я не раздѣлялъ этого принципа стараго вѣка—соваться вездѣ, гдѣ и не нужно; нравы уже мѣнялись, но спорить съ нимъ не желалъ, рѣшивъ про себя, что у губернатора я запишусь, сказалъ бы: „оставлю карточку“, еслибъ она у меня была, но ея не было—я только-что вступалъ въ свѣтъ,—а къ прочимъ загляну при удобномъ случаѣ.

Такъ и сдѣлалъ. Къ осени, однако же, надо было подчиниться губернскому режиму и дѣлать визиты, нужные и ненужные, т.-е. къ знакомымъ и незнакомымъ. Это соблюдается, какъ я увидѣлъ послѣ, строже въ провинціи, нежели въ столицахъ, и не побывать у иного въ извѣстный день—наживешь себѣ не-

друга. Вотъ чѣмъ и какимъ дѣломъ разбавлялось, между прочимъ, провинціальное бездѣлье!

Якубовъ объяснилъ, какъ я сказалъ выше, причину своего отчужденія отъ людей, кромѣ старости, между прочимъ, еще тѣмъ, что онъ „отвыкъ“ отъ нихъ: это не совсѣмъ удовлетворило меня. Вглядываясь и вдумываясь тогда въ его образъ мыслей и жизнь сознательно, я видѣлъ кое-что въ его характерѣ, къ чему прежде у меня не было ключа, что-то постороннее, кромѣ старческой усталости: не то боязнь, не то осторожность. Онъ не скучалъ и не тяготился, когда къ нему заглядывалъ, напримѣръ, вышеупомянутый Ростинъ, потомъ одинъ сосѣдъ по деревнѣ и большой его пріятель, затѣмъ веселый собесѣдникъ и юмористъ Бравинъ, еще Чуринъ, наконецъ братья жены Ростина, бывшаго его „предмета“, З—іе, князь П. Онъ благоволилъ также и къ губернатору, и къ женѣ его, „прекрасной дамочкѣ“, по его выраженію, хотя эта дамочка была увядшая, худощавая, съ впалыми, потухшими глазами, и вовсе не прекрасная собой женщина.

Но, любя всѣхъ этихъ лицъ, онъ не искалъ встрѣчъ и съ ними, точно остерегался общества, пятился отъ знакомыхъ, а незнакомыхъ вовсе не принималъ.

Главною причиной была, конечно, старческая усталость, „отвычка“ отъ людей, какъ онъ говорилъ, но тутъ наполовину было и дѣйствительно боязни. Онъ, какъ и многіе тогда, былъ запуганъ тѣмъ переполохомъ, который произвело четырнадцатое декабря во всемъ русскомъ обществѣ. Хвостъ отъ этого переполоха еще тянулся не только по провинціямъ, но и въ столицахъ. Я помню, что съ насъ, студентовъ, при вступленіи въ университетъ, отбиралась подписка „въ непринадлежности къ тайнымъ обществамъ“. Эта мудрая мѣра производила одно дѣйствіе: тѣмъ, кто изъ молодежи и во снѣ не видали никакихъ тайныхъ обществъ, этимъ давалось о нихъ понятіе—и только. Принадлежавшимъ же къ этимъ обществамъ—если были такіе—она, я полагаю, преградою не служила.

Подъ тайными обществами, между прочимъ, разумѣлись масонскія ложи. Якубовъ, какъ почти всѣ дворяне тогда, или, лучше сказать, вся русская интеллигенція, принадлежалъ тоже къ масонской ложѣ. Въ Петербургѣ всѣ лучшія, извѣстныя, высокопоставленныя лица были членами масонскихъ ложъ; между прочимъ, говорили, что и императоръ Александръ Павловичъ тоже былъ членъ.

Въ нашемъ губернскомъ городѣ была своя отдѣльная масон-

ская ложа, во главѣ которой стоялъ Бравинъ. Члены этой ложи разыгрывали масонскую комедію, собирались въ потаенную, обитую чернымъ сукномъ комнату, одѣвались въ какіе-то особые костюмы, съ эмблемами масонства, длинными бѣлыми перчатками, серебряными лопатками, орудіемъ „каменьщиковъ", и прочими аттрибутами масонства.

Не всѣ члены, однако, были посвящены въ таинственную суть масонства. Общая, всѣмъ извѣстная цѣль была—защита слабыхъ, бѣдныхъ, угнетенныхъ, покровительство нуждающимся и т. п. дѣла благотворительности. Многіе изъ членовъ занимали низшія должности въ іерархіи ордена, напримѣръ что-то въ родѣ какихъ-то звонарей и т. п., и повышались въ степеняхъ, послѣ разныхъ испытаній, смотря по способностямъ и значенію.

Все это я узналъ послѣ, частію отъ самого Якубова, а болѣе отъ другихъ, менѣе скромныхъ и пугливыхъ бывшихъ членовъ. „Крестный" открылъ мнѣ весьма немногое, случайно. Однажды зимой, часу въ десятомъ вечера, губернаторъ прислалъ за мной просить къ себѣ потанцовать—къ его дочери нечаянно собрались дѣвицы, молодые люди—чтобъ я пріѣхалъ. У меня не оказалось свѣжихъ бѣлыхъ перчатокъ, магазины были уже заперты. Я принялся было тереть бѣлымъ хлѣбомъ надѣванную пару, какъ явился „крестный". Узнавъ, въ чемъ дѣло, онъ повелъ меня къ себѣ. Изъ задняго секретнаго ящика комода онъ досталъ пару длинныхъ бѣлыхъ перчатокъ и отдалъ мнѣ.

— Да это женскія, длинныя, по локоть, сказалъ я:—онѣ не годятся!

— Годятся, вели только обрѣзать лишнее,—замѣтилъ онъ.

— Да откуда онѣ у васъ?

— Это масонскія,—давно у меня лежатъ: молчи, ни слова никому!—шепталъ онъ, хотя около насъ никого не было.

Переполохъ по поводу масонства повелъ послѣ 14-го декабря къ обыскамъ у всѣхъ принадлежавшихъ къ этому братству. Забирали бумаги, отсылали въ Петербургъ, а предсѣдателя ложи, Бравина, самого отвезли туда, забравъ всю его переписку. Но важнѣйшая часть его бумагъ, за нѣсколько часовъ до обыска, говорятъ, была брошена въ прудъ въ его саду. Объ обыскѣ предупредилъ его полиціймейстеръ, его пріятель, и тѣмъ спасъ Бравина, можетъ быть, отъ тяжелыхъ послѣдствій. Бравинъ былъ въ перепискѣ съ заграничными масонами и, вѣроятно, былъ не чуждъ не однѣхъ только всѣмъ открытыхъ, благотворительныхъ, но и политическихъ цѣлей, какія входили въ секретный кругъ

дѣятельности, какъ видно, иностранныхъ и русскихъ масонскихъ ложъ.

14-ое декабря открыло правительству глаза на эти послѣднія цѣли и вызвало извѣстное систематическое преслѣдованіе масонства, а съ нимъ — всякихъ „тайныхъ обществъ“, которыя подозрѣвались, но которыхъ, кромѣ заговора декабристовъ, кажется, тогда не существовало.

Всѣ, кого призывали и допрашивали, такъ перетрусили, что послѣ долго боялись говорить объ этомъ, даже между собой, шопотомъ.

— Что же вы дѣлали, когда собирались въ своей тайной масонской залѣ: дѣла какія-нибудь? — допрашивалъ я „крестнаго“.

— Да, были дѣла, читали письма, протоколы... мало было дѣлъ!—нехотя отвѣчалъ онъ.

— Что же еще?—приставалъ я.

— Какой ты любопытный! Еще... пили шампанское—вотъ что! чуть не ведрами, такъ что многихъ къ утру развозили по домамъ.

Больше я ничего отъ него не узналъ. На вопросъ о Бравинѣ и его пребываніи въ Петербургѣ, онъ лаконически сказалъ, что Бравина продержали тамъ около полугода, потомъ отпустили. „Воротился весь синій, даже почернѣлъ: его, слышно, подвергли тамъ секретно тѣлесному наказанію“...—дошепталъ онъ и положилъ на губы палецъ молчанія.

Всѣ напуганные масоны и не-масоны, тогдашніе либералы, вслѣдствіе крутыхъ мѣръ правительства, приникли, притихли, быстро превратились въ ультра-консерваторовъ, даже шовинистовъ—иные искренно, другіе надѣли маски. Но при всякомъ случаѣ, когда и не нужно, заявляли о своей преданности „престолу и отечеству“. Напримѣръ, Бравинъ хвастался мнѣ, что брилліанты отъ пожалованнаго ему, уже нѣсколько лѣтъ спустя послѣ 14-го декабря, перстня онъ раздѣлилъ между нѣсколькими своими дочерями, чтобъ у каждой осталось воспоминаніе о „милости“. Всѣ пошили себѣ мундиры; недавніе атеисты являлись въ торжественные дни на молебствія въ соборъ, а потомъ съ поздравленіемъ къ губернатору. Передъ каждымъ, даже заѣзжимъ лицомъ крупнаго чина, снимали шляпу, дѣлали ему визиты. Только старички, въ родѣ Козырева и еще немногихъ, ухомъ не вели и не выползали изъ своихъ норъ. Козыревъ саркастически посмѣивался, и надъ крутыми мѣрами властей, и надъ переполохомъ. Громъ въ деревенскія затишья не доходилъ.

„Крестный“ мой, живучи въ городѣ, наружно, подъ ферулой прежняго страха, тоже вторилъ другимъ. Но иногда я подмѣчалъ, что онъ, стоя у окна и глядя въ пространство, что-то горячо бормоталъ про себя, жестикулировалъ, повидимому, протестуя, послѣ разговоровъ или чтенія въ газетахъ, о нѣкоторыхъ крутыхъ мѣрахъ. Однажды до меня долетѣли слова:—„Простого выговора не стоитъ,—сквозь зубы бормоталъ онъ, бросая газету:—а его на поселеніе!“ Оборотившись отъ окна, онъ принималъ свой обыкновенный, покойный видъ. Катаясь разъ по городу, мы встрѣтили какого-то незнакомаго господина въ коляскѣ. Якубовъ почтительно съ нимъ раскланялся.

Я спросилъ:—Кто это такой?

— Тайный совѣтникъ Сидоровъ, или Петровъ (не помню теперь), пріѣзжій.

— Вы не знакомы съ нимъ?

— Нѣтъ.

Спросить, зачѣмъ кланяется, было неловко: мнѣ ужъ было ясно, что прежняго страха ради: „чтобъ не сочли за вольнодумца, да не донесли... жандармы“.

Мнѣ, юношѣ, были тогда новы если не всѣ, то многія „впечатлѣнья бытія“, между прочимъ, и жандармы, т.-е. ихъ настоящее, новое, съ Николаевскихъ временъ, значеніе. Это значеніе объяснилъ мнѣ, тоже шопотомъ, Якубовъ, а всю глубину жандармской бездны раскрылъ мнѣ потомъ губернаторъ, которому я, по настоянію „крестнаго“, все-таки „представился“.

До тѣхъ поръ я видалъ жандармовъ въ Москвѣ, у театральныхъ подъѣздовъ, въ крестныхъ ходахъ, на гуляньяхъ, въ ихъ высокихъ каскахъ съ конской гривой, на рослыхъ лошадяхъ. Ни о какихъ штабъ-офицерахъ, назначенныхъ въ каждую губернію, и о роли ихъ я не имѣлъ понятія. Отъ губернатора я въ первый разъ услыхалъ и о важности шефа ихъ, графа Бенкендорфа, и о начальникѣ штаба, тогда еще полковникѣ Дуббельтѣ—и обо всемъ, что до нихъ касается, а болѣе о томъ, что они сами до всего касаются. Я тогда сталъ большими глазами смотрѣть на губернскаго полковника Сигова. Я думалъ, что онъ будетъ во все пристально вглядываться, вслушиваться и даже записывать, что отъ него всѣ должны бѣгать и прятаться. Но, къ удивленію моему, я видалъ его окруженнаго толпой и мечущаго банкъ въ нѣкоторыхъ домахъ, въ пріемные вечера, обыкновенно въ особой задней комнатѣ, въ облакахъ табачнаго дыма.

— Какъ же такъ?—спрашивалъ я, невинный юноша, въ недоумѣніи, у губернатора:—вѣдь его обязанность, вы говорите, до-

носить о безпорядкахъ, обо всемъ вредномъ, запрещенномъ—такъ какъ онъ цензоръ нравовъ—стало-быть, и объ азартныхъ играхъ; а онъ самъ тутъ играетъ и прячется?

— Оттого онъ тутъ и вездѣ въ толпѣ, чтобы все смотрѣть и слушать: иначе, какъ же онъ будетъ знать и о чемъ доносить? —былъ отвѣтъ.

V.

Я далъ понять выше, что Якубовъ былъ баринъ въ душѣ, природный аристократъ. Между прочимъ, онъ былъ сынъ своего вѣка, крѣпостникъ. Это, повидимому, противорѣчитъ „джентльменству". Нисколько, если не сходить съ почвы исторической перспективы. А у насъ, въ настоящее время, начавшееся, впрочемъ, уже съ сороковыхъ годовъ, линіи этой перспективы, какъ будто сгнившіе, ненужные плетни, повалены, сломаны. Удятъ изъ прошлаго какую-нибудь личность, отдѣляютъ ее отъ его времени, точно отдираютъ старый портретъ отъ холста, отъ освѣщенія, колорита, аксессуаровъ обстановки, и неумолимо судятъ ее современнымъ судомъ и казнятъ, забывая, что она носитъ девизы и цвѣта своего вѣка, его духа, воспитанія, нравовъ и прочихъ условій. Это все равно, что судить, зачѣмъ лицо изъ прошлаго вѣка носило не фракъ, а камзолъ съ кружевными манжетами, и, пожалуй, еще зачѣмъ не ѣздило по желѣзнымъ дорогамъ?

Не подумаютъ эти легкомысленные судьи, что черезъ какія-нибудь полсотни, сотню лѣтъ, если послѣдующія поколѣнія будутъ смотрѣть на нихъ сквозь подобныя очки, они предстанутъ передъ ними куда въ непривлекательномъ видѣ! Вѣдь потомокъ далеко уходитъ отъ предка впередъ, и кажется умнѣе его—благодаря придатку знанія, опытовъ, открытій, нажитыхъ временемъ. Но уменъ ли онъ въ самомъ дѣлѣ—это еще вопросъ. Имѣя это въ виду, предвидя не въ далекомъ будущемъ судъ потомка надъ собою, умный потомокъ воздержится отъ легкомысленнаго смѣха надъ предкомъ, кажущимся простоватымъ, несвѣдущимъ, неумѣлымъ.

Такіе судьи въ свое оправданіе, пожалуй, укажутъ на Бѣлинскаго: онъ-де тоже повиненъ въ этомъ грѣхѣ: впадалъ въ рѣзкость, изрекалъ строгіе, даже желчные приговоры минувшему времени, минувшимъ дѣятелямъ, иногда стяжавшимъ заслугами почетъ и уваженіе своихъ современниковъ.

Да, водилось это и за Бѣлинскимъ, искреннимъ, правдивымъ, но горячимъ въ своихъ увлеченіяхъ. Но, однако, тотъ же Бѣ-

линскій, гдѣ-то въ одной своей статьѣ, не помню по какому поводу, замѣтилъ, что теперь любой студентъ математическаго факультета знаетъ больше Пиѳагора или Эвклида—и, кажется, если память не обманываетъ меня, приходитъ къ вопросу: а былъ ли бы современный студентъ на высотѣ этихъ ученыхъ мужей въ ихъ время?

Но самъ онъ, Бѣлинскій, иногда дѣйствительно неблагосклонно смотрѣлъ въ прошлое.

Между прочимъ, онъ съ задоромъ нападалъ и на Пушкина за то, что тотъ,—пожалѣвъ, что „нѣтъ князей Пожарскихъ, что Сицкихъ древній родъ угасъ“,—съ укоромъ отозвался о томъ, что оселъ „демократическимъ копытомъ лягаетъ геральдическаго льва“, и что теперь „спроста лѣзутъ въ tiers-état“.

Здѣсь Бѣлинскій горячо упрекалъ Пушкина, котораго такъ высоко цѣнилъ, конечно, за то, какъ этотъ геній не оцѣнилъ „пружины смѣлыя гражданственности новой“, какъ не проникся духомъ времени, не воспринялъ и не пропагандировалъ началъ этой гражданственности. Ему, кажется, было больно за Пушкина.

Но онъ, внѣ минутъ раздражительныхъ увлеченій, умѣлъ быть безпристрастенъ. Напримѣръ, онъ не могъ выносить Кукольника, какъ автора напыщенныхъ и ходульныхъ драматическихъ поэмъ—„Тассъ“, „Джуліо Мости“, фальшиваго романа „Эвелина дє Вальероль“—но какъ ласково, съ какой теплотой отзывался онъ о повѣстяхъ того же Кукольника изъ Петровской эпохи, въ которыхъ авторъ былъ простъ и правдивъ!

И внѣ литературы, въ житейскомъ быту, Бѣлинскій умѣлъ смотрѣть на разныя явленія, которыя должны бы возбуждать въ немъ духъ противорѣчія и раздраженія, совершенно покойно и разумно.

Въ Петербургѣ, будучи уже на службѣ, я однажды въ Новый годъ, между визитами по начальству, заѣхалъ къ нему въ форменномъ фракѣ, въ бѣломъ галстухѣ.

— Что это: подлость?—дразнилъ я его, зная, какъ онъ возставалъ противъ всякихъ поклоненій и поклоновъ.

— Подлость, не нами начатая,—добродушно замѣтилъ онъ: —выдумывать и вводить новую подлость—это подло, а повторять старыя приходится сплошь да рядомъ.

Въ бросаньѣ камней въ прошлое и въ отжившихъ людей у Бѣлинскаго явились подражатели, чуть не цѣлая школа. Ничего не стоитъ выудить кого-нибудь изъ давно-прошедшаго и отдѣлывать на всѣ корки. Мудрая латинская пословица: de mortuis aut bene, aut nihil, давно сдана въ архивъ.

Но Бѣлинскій бывалъ виноватъ въ пристрастныхъ—и, съ исторической точки зрѣнія, невѣрныхъ – порицаніяхъ прошлымъ людямъ—подъ давленіемъ своего искренняго влеченія къ лучшему, котораго требовалъ даже отъ прошлаго, какъ нѣкоторые ревнивцы скорбятъ, зачѣмъ въ любимой женщинѣ не все чисто и свѣтло въ ея прошломъ. А эти другіе, непризванные „строгіе цѣнители и судьи“ изъ чего бьются, запальчиво замахиваясь своими дѣтскими тросточками на отжившихъ дѣятелей? Считаютъ ли они себя лучше ихъ? Вѣроятно такъ: порицать можно только то, чего за собой не сознаешь—иначе языкъ не повернулся бы говорить, по пословицѣ, „о ворѣ, когда на самомъ шапка горитъ“.

Обращаюсь къ Якубову. Онъ непробудно жилъ и умеръ на лонѣ крѣпостного права и пользовался послѣднимъ—не какъ всѣ помѣщики, а никогда не злоупотребляя своими правами. Я уже сказалъ, что дохода и разныхъ продуктовъ съ земли своей онъ получалъ столько, сколько „привезетъ староста“. Въ дворнѣ у него, кромѣ своего кучера, повара и двухъ, трехъ лакеевъ съ семействами, были еще столяры, портные, сапожники. Онъ отпускалъ ихъ по городу на оброкъ, не справляясь, гдѣ и какъ они живутъ, что̀ зарабатываютъ. Онъ не получалъ съ нихъ ни гроша, и только когда понадобятся ему сапоги, онъ велитъ своему сапожнику сшить, заплативъ, что̀ стоитъ товаръ. Понадобится починка или заказъ новой мебели—тоже самое.

Домашней крѣпостной прислугѣ—а тогда другой, наемной, не было,—жалованья не полагалось, но каждый праздникъ онъ позоветъ, бывало, меня и отдастъ разложенныя у него кучки серебряныхъ рублей.—„Это,—скажетъ,—отдай Васькѣ, это Митькѣ, это Гришкѣ, всѣмъ сестрамъ по серьгамъ“,—прибавитъ въ заключеніе. Самъ никогда лично не давалъ, а черезъ насъ.

— „Митька“, „Васька“, „Гришка“! – скажутъ на это нозые люди: — развѣ это не мерзко? — Теперь мерзко, да и нельзя: крѣпостныхъ людей нѣтъ, и никто не позволитъ называть себя кличками, какъ собакъ. А тогда не казалось мерзко: всѣ стараго поколѣнія люди привыкли къ этому, и я не слыхивалъ, чтобы тогдашніе пожилые помѣщики, умные, образованные, даже въ столицѣ, иначе звали прислугу, какъ: „малый“ или „Петрушка“, „Егорка“, „Машка“, „Дашка“ и т. д. Другой манеры звать не было, развѣ кто носилъ такое имя, что никакъ не вопрешь его въ уменьшительное, напримѣръ: Ѳерапонтъ, Сосипатръ, Трефилъ, женщина Макрида.

Мы всѣ, т.-е. тогдашнее новое поколѣніе, конечно, такъ уже не обращались съ прислугой. Кстати припомнить, что и Грибоѣ-

довъ подтверждаетъ этотъ обычай. У него Фамусовъ не иначе зоветъ прислугу, какъ „Филька“, „Петрушка“. Слѣдовательно, винить Якубова за повсемѣстный въ его время обычай, было бы несправедливо. Пожалуй, иной изъ „молодыхъ“ упрекнетъ его и за то, зачѣмъ онъ не говорилъ слугамъ: *вы*. Однако, услыхавъ однажды, что я сказалъ человѣку: „Петръ, пожалуйста, принеси мнѣ“... (не помню что), онъ оберпулся отъ окна и съ живостью замѣтилъ мнѣ:—„Какъ это твое „пожалуйста“ хорошо!“—Скажутъ, что ссылаться на Фамусова нельзя: онъ-де за то и Фамусовъ, что въ немъ воплощается застарѣлая порча его вѣка, какъ и въ Скалозубѣ, и въ Молчалинѣ и въ другихъ. А вотъ былъ же-де Чацкій, который лучомъ свѣта разсѣялъ эту тьму, и т. д.

Да, былъ Чацкій—Грибоѣдовъ: а много ли ихъ было, этихъ вѣстниковъ новаго міросозерцанія, новой жизни? Стало-быть, всякій новый современный судья прошлаго, оглядываясь назадъ, ставитъ себя на мѣсто Чацкаго? Это скромно! Не походитъ ли, однако, такой судья на вышеприведеннаго студента математическаго факультета, который, зная теперь больше, чѣмъ Пиѳагоръ или Птоломей, вздумалъ бы поставить себя на ихъ мѣсто?

Какъ правъ былъ Гоголь въ своемъ отвѣтѣ на упрекъ, зачѣмъ онъ не вывелъ въ „Ревизорѣ“ ни одного хорошаго человѣка! Всѣ бы стали ставить себя на мѣсто хорошаго человѣка, и никто не захотѣлъ бы узнавать въ себѣ ни Хлестакова, ни Городничаго и прочихъ. Грибоѣдову нельзя было обойтись въ своей комедіи безъ „хорошаго человѣка“, и вотъ всѣ судьи прошедшаго ставятъ себя въ роль Грибоѣдова—Чацкаго.

Но вѣдь Фамусовы, Скалозубы, Молчалины, Хлестаковы есть и теперь, и будутъ, можетъ быть, всегда, не въ одномъ русскомъ, но и во всемъ человѣческомъ обществѣ, только въ другой формѣ: тѣмъ и велики и безсмертны обѣ комедіи, что онѣ создали формы, въ которыя отливаются типы цѣлыхъ поколѣній.

Поэтому не мѣшало бы поглубже задуматься надъ вопросомъ всякому, куда бы онъ въ прошломъ могъ пристроить себя: къ Фамусову, Хлестакову, Городничему и другимъ, которыхъ была цѣлая рать, большинство, или же къ рѣдкимъ, блестящимъ исключеніямъ, въ родѣ Чацкаго?..

Я брошу на Якубова еще большую въ глазахъ „строгихъ судей“, тѣнь. Онъ былъ вспыльчивый, какъ порохъ, но не желчный, незлобивый старикъ. Отъ мгновенныхъ вспышекъ его не оставалось никакого дыма, какъ отъ пороха. Провинится человѣкъ, не угодитъ ему, разсердитъ, обыкновенно пустяками какими-нибудь, онъ затопаетъ, подниметъ оба кулака,

иногда сложитъ ихъ вмѣстѣ, и, грозя, закричитъ:—„Дьяволъ твою душу побери! Я тебѣ голову проломаю!“ Это были его точныя выраженія въ гнѣвѣ. Въ эти минуты тому, кто не знаетъ его коротко, онъ покажется страшенъ. Но въ одну минуту гнѣвъ погасалъ, какъ молнія, и никогда ни одному слугѣ онъ не только „головы не проломалъ“, но никто не видалъ, чтобы онъ тронулъ кого-нибудь щелчкомъ, даже чтобы мальчишку взялъ за ухо или за волосы. У него въ рукахъ и пріемовъ для драки не было.

А грозенъ онъ бывалъ до комизма. Сидитъ, бывало, за столомъ: случится иногда, что супъ пересоленъ или жаркое пережарено.—Малый!—закричитъ онъ грозно:—подай палку!

У него была дубинка съ круглой головкой, сопровождавшая его въ прогулкахъ. „Малый“, иногда лѣтъ пятидесяти или шестидесяти, стоявшій, въ числѣ другихъ трехъ или четырехъ такихъ же „малыхъ“, съ тарелками за нашими стульями, а лѣтомъ махавшихъ надъ нашими головами вѣтвями отъ мухъ—малый приносилъ дубинку.

— Поди, дай понюхать Акимкѣ (повару)!—приказывалъ Якубовъ:—и скажи, что онъ отвѣдаетъ этого кушанья, если опять пересолитъ супъ.

„Малый“ серьезно выслушивалъ приказаніе и шелъ въ кухню, къ Акимкѣ, съ дубинкой. Неизвѣстно, давалъ ли онъ ему понюхать ее.

Вспыльчивость Якубова была, конечно, дѣломъ его личнаго темперамента, а сдержанное, холодное отношеніе къ крѣпостнымъ людямъ исходило изъ условій не одного крѣпостного права. Онъ служилъ въ военной, и притомъ морской, службѣ, гдѣ субординація и дисциплина, особенно въ прежнее время, соблюдались во всей строгости по морскому уставу Петра I, даже до жестокости. Командиру военнаго судна предоставлялись во время похода, въ морѣ, широкія права, между прочимъ, въ крайнемъ случаѣ, право на смертную казнь подчиненныхъ. Эти слѣды субординаціи и почтенія къ властямъ, и вообще къ старшимъ, онъ вынесъ оттуда же и сохранилъ до гроба.

По этой причинѣ онъ настаивалъ, чтобы и я ѣхалъ „представляться“ къ губернатору, къ архіерею и всѣмъ губернскимъ властямъ, и вообще людямъ съ чиномъ, съ вѣсомъ въ губерніи.

Нечего дѣлать, надо было исполнить желаніе старика.

VI.

На парѣ, въ дрожкахъ, подкатилъ я къ губернаторскому дому, робѣя, самъ не зная чего, вѣроятно подъ вліяніемъ понятій Якубова о приличіяхъ, и вошелъ въ швейцарскую. Швейцаровъ въ провинціи тогда не водилось: не отъ кого было стеречь, оттого и звонковъ не было, двери въ подъѣздахъ никогда не запирались. Лакейскія были битвомъ набиты праздными лакеями. Меня принялъ жандармъ и пошелъ наверхъ доложить „камердину". Приказано просить.

Черезъ обширную, изящно-убранную длинную залу, всю въ зеркалахъ, съ шелковыми занавѣсами, люстрами, канделябрами, меня ввели въ кабинетъ. Я ожидалъ видѣть какого-нибудь обрюзглаго старика, какъ видалъ прежде губернаторовъ, въ дѣтствѣ, и вдругъ увидѣлъ господина, лѣтъ сорока съ чѣмъ-нибудь, красиваго, стройнаго, въ утреннемъ элегантномъ неглижé, съ коветливо повязаннымъ цвѣтнымъ галстухомъ. Онъ встрѣтилъ меня по-губернаторски, бѣгло взглянулъ на меня, слегка кивнулъ, но не подалъ руки. Тогда высшіе чины не были, какъ теперь, фамильярны съ низшими.

— Сію минуту кончу, а пока присядьте,—сказалъ онъ, указывая стулъ, ласковымъ, пріятнымъ голосомъ.

Я сѣлъ. Худощавый брюнетъ, секретарь, читалъ ему бумаги и подавалъ къ подписи. Я, между тѣмъ, всматривался въ губернатора и въ убранство кабинета.

У губернатора были красивыя, правильныя черты лица, живые каріе глаза съ черными бровями, прекрасно очерченный ротъ съ тонкими губами. Взглядъ бѣглый, зоркій, улыбка веселая, немного насмѣшливая. Стройныя, красивыя руки съ длинными прозрачными ногтями. Дома, въ утреннемъ нарядѣ, съ бѣлыми, какъ снѣгъ, манжетами, онъ смотрѣлъ франтомъ, какихъ я видалъ потомъ въ Петербургѣ, въ первыхъ рядахъ Михайловскаго театра. Въ черныхъ волосахъ у него пробивалась преждевременная сѣдина, какъ бываетъ у брюнетовъ.

На этажеркахъ, на столѣ, стояли статуэтки, дамскіе портреты, разныя элегантныя бездѣлушки. На стѣнахъ нѣсколько картинъ и у одной—шкафъ съ книгами.

Губернаторъ кончилъ. Секретарь сталъ откланиваться.

— Вы не знакомы?—спросилъ онъ насъ.

— Нѣтъ,—отвѣчали мы оба.

— Иванъ Ивановичъ Добышевъ, правитель канцеляріи.

Мы слегка поклонились другъ другу.

— А... ваше имя и отчество, позвольте...

Я сказалъ; онъ повторилъ секретарю.

— Вы прямо изъ университета?—обратился онъ ко мнѣ.

— Да-съ.

— Что-жъ вы намѣрены теперь дѣлать?

— Теперь пока отдыхаю, а зимой собираюсь въ Петербургъ, на службу.

— Военную или статскую? и т. д.

Я сталъ раскланиваться.

— Кланяйтесь Петру Андреевичу (Якубову),—прощался онъ, опять не подавая руки,—да скажите ему, что и я, и жена, мы оба пеняемъ, что онъ не заѣдетъ къ намъ. Я его почти всякій день вижу, какъ онъ ѣздитъ кататься мимо.

— Хорошо-съ, скажу. Онъ никуда не заѣзжаетъ, боится!—сказалъ я.

— Чего?

— 14 декабря всѣхъ здѣсь напугало; его, кажется, больше другихъ.

Губернаторъ звонко закатился смѣхомъ, показывая отличные бѣлые зубы.

— Пойдемте къ женѣ, скажите ей,—и повелъ меня черезъ залу въ другую, третью и, наконецъ, въ четвертую комнату.

— Марья Андреевна, гдѣ ты? Послушай, отчего Якубовъ не бываетъ у насъ!..—Онъ ввелъ меня.

Жена его, уже упомянутая выше, худощавая дама, съ поблекшими щеками и синими впалыми глазами, сидѣла въ бѣломъ пеньюарѣ, съ неубранной головой, въ маленькой гостиной.

— Послушай, Левъ Михайлычъ: это ни на что не похоже; ты ведешь прямо ко мнѣ, да еще молодого человѣка, а я не одѣта!..—упрекнула она.

— Представляю тебѣ: такой-то.

— Monsieur est très présentable,—безцеремонно, вслухъ замѣтила она, съ любопытствомъ оглядывая меня съ ногъ до головы.

Я поёжился отъ этого замѣчанія прямо мнѣ въ глаза. „Какъ римская матрона съ рабомъ, не церемонится!“—подумалъ я, помня еще римскую исторію вскорѣ послѣ университета.

— Знаешь, отчего Петръ Андреевичъ не ѣздитъ къ намъ? боится заговора, тайныхъ обществъ: у насъ-то! А впрочемъ, знаете что,—прибавилъ онъ, обращаясь ко мнѣ:—у меня между декабристами много пріятелей, есть и родные. Да отъ насъ, кто

былъ помоложе таились тогда, и я попалъ въ противный лагерь и фигурировалъ на площади 14-го декабря: въ меня камнемъ бросили изъ бунтующихъ рядовъ, съ ногъ сшибли... Это было замѣчено...

— И слава Богу!—замѣтила жена: за то ты теперь губернаторъ, а то Богъ знаетъ, что было бы съ тобой, еслибъ связался съ ними!

Якубовъ вѣрить не хотѣлъ, когда я передалъ ему этотъ разговоръ.—Онъ съума сошелъ: въ первый разъ видитъ тебя и разболтался! Услышитъ жандармъ, вѣдь донесетъ!—говорилъ онъ.

— Скажите Петру Андреевичу, что мы его очень любимъ,— прощаясь, говорила губернаторша, — чтобы заѣзжалъ каждый день; обѣдать бы пріѣхалъ! А вы, когда начнутся вечера, будьте нашимъ гостемъ. Вы танцуете, и вѣрно хорошо?

— Большой охотникъ! Въ Москвѣ, на вечерахъ, я всегда начиналъ мазурку,—похвастался я.

— И прекрасно. Соня! гдѣ ты, Соня? Поди сюда!—кликнула она въ открытую дверь боковой комнаты.

Вошла молодая прелестная дѣвушка, между 15 и 16 годами, съ такимъ же острымъ и живымъ взглядомъ, какъ у отца, съ граціозно сложенными губами, съ красивымъ носикомъ, съ яркимъ, нѣжнымъ румянцемъ.

Она застѣнчиво присѣла въ отвѣтъ на мой поклонъ.

— Вотъ у насъ еще танцоръ: онъ будетъ твоимъ кавалеромъ на нашихъ вечерахъ, вмѣсто этого неуклюжаго Миши Лопарева...

Ея взглядъ мелькомъ скользнулъ въ мою сторону. Она опять присѣла и скрылась. Послѣ этого я уѣхалъ и долго не являлся къ губернатору, пока онъ не прислалъ за мной жандарма, какъ меня ни принуждалъ Якубовъ.

— Вмѣстѣ съ вами, пожалуй,—отговаривался я, зная, что онъ не поѣдетъ.

Еще до наступленія зимы я успѣлъ перезнакомиться со всѣми губернскими властями, предсѣдателями, совѣтниками палатъ, членами разныхъ правленій и многими, пріѣхавшими на житье въ городъ помѣщиками.

Почти всѣхъ этихъ членовъ, отъ большихъ до малыхъ, привязывало къ службѣ не одно жалованье, тогда незначительное. Какой-нибудь предсѣдатель палаты получалъ тысячи три, совѣтники—тысячи по двѣ съ половиной (ассигнаціями), а младшіе, правители дѣлъ, разные секретари и т. п., кто полторы,

кто тысячу рублей; ниже спускалось до 700 и 300 рублей, даже менѣе.

Очевидно, жить этимъ было нельзя, иногда съ семействомъ, особенно въ провинціи, гдѣ даже у мѣщанъ водились свои лошади. Обѣдалъ всякій дома, клубовъ не водилось. Обѣдая въ гостяхъ, приходилось принимать и у себя: вездѣ расходъ. Чѣмъ же жили всѣ эти „служилые люди“? А доходами.

Отъ Якубова я узналъ исторію состоянія каждаго изъ губернскихъ тузовъ. Крупныя дворянскія состоянія, источники и количество доходовъ онъ, не знавшій только своихъ собственныхъ, зналъ отлично.—Вотъ у братьевъ Иглевыхъ,—говорилъ онъ:—до пяти сотъ тысячъ дохода: старшій живетъ роскошно, мотаетъ, а у младшаго, Н. М., никто никогда чашки чая не выпилъ. Сидитъ безвыѣздно въ деревнѣ. Самъ по утрамъ пьетъ молоко, а за обѣдомъ ѣстъ вареную говядину съ кислой капустой. А домъ у него старинный, барскій, однѣ оранжереи чего стоютъ! Персики, ананасы свои...

— Вѣдь онъ ѣстъ же ихъ: не все одну капусту!—возражалъ я.

— Какъ не такъ,—ѣстъ! Все посылаетъ въ городъ на базаръ. На однихъ яблокахъ тысячъ пять получитъ въ годъ. А тронетъ въ саду яблоко мальчишка или баба—такъ вздуетъ!

Про другого говорилъ:

— А этотъ сотню тысячъ получитъ въ годъ, а проживетъ двѣ—на псовую охоту.

Про чиновниковъ, дѣльцовъ, катаясь со мной по городу, сообщалъ много подробностей. Укажетъ бывало то на тотъ, то на другой домъ:—Вотъ это домъ совѣтника или предсѣдателя такого-то,—и разскажетъ при этомъ:—Онъ пріѣхалъ сюда, на мундиръ денегъ занялъ у меня, а теперь у него деревенька съ тремя стами душъ, да домикъ этотъ выстроилъ, женѣ изъ Москвы наряды выписываетъ, ведетъ большую игру.

— Откуда же все это: богатую невѣсту, что ли, взялъ?—спросишь.

— Нѣтъ, бѣдную дворяночку взялъ, сироту. Какъ откуда? Лѣтъ десять секретаремъ въ консисторіи пробылъ, тамъ нажилъ, потомъ губернаторъ Тмакинъ переманилъ его къ себѣ въ секретари, дѣльный былъ, а потомъ съѣздилъ въ Петербургъ, подмазалъ гдѣ слѣдуетъ и воротился предсѣдателемъ. Хапунъ, пострѣлъ!—заключалъ онъ.

Обо всѣхъ отставныхъ и служащихъ онъ развивалъ передо мной такую же хронику. Отзывы эти проникнуты были брезгли-

востью. Честный морякъ, не знавшій даже доходовъ съ своего имѣнія, очевидно презиралъ этотъ способъ наживы. Отъ этого онъ бросилъ свою гражданскую губернскую службу.—„Нашему брату, дворянину, грязно съ ними уживаться“,—отзывался онъ.

Впрочемъ, весь городъ, т. е. все губернское общество, не только мирилось съ системой чиновничьихъ доходовъ, но даже покровительствовало ей. Плохенькаго, не умѣвшаго наживать этимъ способомъ или занимавшаго недоходное мѣсто—не носили на рукахъ.

Правительство, конечно, знало, что казеннаго жалованья не хватаетъ на прожитокъ, потому и не совало носа въ омутъ непривилегированныхъ поборовъ — стало-быть, терпѣло ихъ; по-французски есть вѣрное слово: toléràit.

Такіе поборы и не назывались взятками. Этимъ словомъ клеймили обыкновенно вымогательство, прижимательство, голую продажу правосудія въ уѣздномъ судѣ, въ палатѣ, въ процессахъ по имущественнымъ дѣламъ. Такіе судьи-лихоимцы были у всѣхъ на виду и на счету, и уваженіемъ не пользовались. Если въ обществѣ водились съ ними, то это только по личнымъ разсчетамъ.

— Хапунъ, пострѣлъ!—говорилъ Якубовъ при встрѣчѣ съ такимъ судьей и быстро перекидывался на другую сторону линейки, чтобъ не отвѣчать на поклонъ.

Какіе же, спрашивается, доходы затѣмъ могли получать служащіе? Я недоумѣвалъ, но, перезнакомившись съ служебнымъ персоналомъ, я мало-по-малу проникъ взглядомъ въ губернскую бездну. Напримѣръ, я узналъ, что всякій священникъ или благочинный, обязательно представляя въ годъ двѣ книги въ консисторію, одну метрическую, другую не помню какую, прилагалъ, смотря по приходу, извѣстную сумму для секретаря: кто сто, кто двѣсти или и болѣе рублей. Можно сообразить, по числу приходовъ въ епархіи, какая почтенная сумма составлялась изъ такихъ приношеній. А если къ этому прибавить бракоразводныя дѣла—то какъ было не нажить секретарю дома и деревни!

Точно также и въ губернской службѣ: городничіе, исправники представляли свои годичныя вѣдомости, отчеты и прочее, тоже „со вложеніемъ“ извѣстной суммы, иногда крупной, если въ этихъ отчетахъ и вѣдомостяхъ, т. е. въ городахъ и уѣздахъ, не все обстояло благополучно.

Давали не то что случайно, для покрытія какихъ-нибудь темныхъ дѣлъ, а такъ просто, по обычаю. И какъ не дать: пожалуй, иной правитель дѣлъ, или лицо по особымъ порученіямъ,

при случаѣ и напакостить, а получивъ подарочекъ — посовѣстится, и еслибы случился грѣшокъ, то замнетъ, промолчитъ.

Прошу замѣтить, что я говорю про давнопрошедшее время: теперь, вѣроятно, священники посылаютъ въ консисторіи только однѣ книги, а городничіе и исправники — одни чистые отчеты, безъ „вложенія“ для секретарей.

Я помню юмористическій разсказъ губернаторскаго чиновника по особымъ порученіямъ, Янова, человѣка образованнаго, собесѣдника веселаго, неистощимаго на анекдоты и разсказы. Предмѣстникъ Углицкаго употреблялъ его по письменной части, такъ какъ онъ писалъ скоро, живо и хорошо, но долженъ былъ удалить его отъ писанія. Онъ въ дѣловыя бумаги подпускалъ остроты и юморъ. Губернаторъ ему однажды замѣтилъ, что въ дѣловыхъ письмахъ къ важнымъ лицамъ надо писать имена ихъ полностію, напримѣръ: не Егоръ Петровичъ, а Георгій, не Евѳимъ, а Евѳимій Ивановичъ, не Сергѣй, а Сергій и т. д., а къ неважнымъ лицамъ можно-де писать просто. Яновъ принялъ это къ свѣденію и пошелъ писать: къ какому-нибудь министру въ Петербургъ — „Ѳедорей Павловичъ“, „Михалій Ивановичъ“, а къ простымъ, напротивъ, вмѣсто Аѳанасій Степановичъ, писалъ „Аѳанасъ Степановичъ“, и т. п. Нѣсколько такихъ бумагъ успѣли проскочить въ Петербургъ и возбудили тамъ вниманіе. Потомъ въ одной дѣловой бумагѣ, говоря о какомъ-то умершемъ чиновникѣ, написалъ, что „покойный былъ безпокойнаго нрава“. За эти остроты отъ писанія бумагъ его устранили.

Обращаюсь къ его разсказу. Это говорилось въ губернаторской канцеляріи, при другихъ, между прочимъ при правителѣ канцеляріи. Губернаторъ задумалъ объѣзжать, по положенію, губернію и послалъ Янова впередъ, въ тѣ мѣста, гдѣ онъ хотѣлъ самъ побывать и осмотрѣть. Это дѣлалось съ тѣмъ, чтобы по уѣздамъ привели все въ порядокъ, исправили неисправности, словомъ — чтобъ проснулись, гдѣ власти спятъ, и принялись за дѣло. Заставать врасплохъ и потомъ карать за неисправности, или ждать исправленія — казалось хуже. По отъѣздѣ губернатора опять спустили бы рукава — и спускали. Губернскія власти знали это очень хорошо по опыту.

— Вотъ я и поѣхалъ, — разсказывалъ Яновъ: — пріѣхалъ въ К., остановился у городничаго; квартира уже была готова. Онъ угостилъ отличнымъ завтракомъ, потомъ сталъ показывать толстыя дѣла, какія-то книги и бумаги. — „Потрудитесь провѣрить приходъ и расходъ суммъ“, говоритъ. Я, наморщивъ лобъ, пристально заглянулъ въ нихъ, не прочиталъ ни строчки, притво-

рился, что провѣрилъ итоги. „Вѣрно“, говорю: „прощайте“. „Вотъ еще полиція, пожарная команда,—говоритъ:—не угодно ли взглянуть?“ А я ужъ влѣзъ въ тарантасъ. „Ахъ, чортъ бы тебя взялъ, мучитель!“ думаю. „Превосходно“, говорю: „такъ и блеститъ! А пожарные, какіе молодцы!“ — добавилъ я, глядя на мизерныхъ, маленькихъ четырехъ солдатиковъ, въ изношенныхъ мундирахъ.— „Мундиры съ иголочки“,—подсмѣивался я. Я сталъ надѣвать перчатки: только одинъ палецъ не лѣзетъ—что̀ такое? Я опрокинулъ перчатку: изъ пальца ко мнѣ на колѣни посыпались золотые, штукъ двадцать. Я проворно подобралъ, спряталъ ихъ въ карманъ. „Прощайте, — говорю, приподнявъ фуражку:—у васъ все въ отличномъ порядкѣ, вы примѣрный чиновникъ:—такъ и губернатору доложу. Трогай!“ Пріѣхалъ въ С. Та же исторія: ночлегъ у городничаго, отличный ужинъ съ шампанскимъ—и гдѣ только они его тамъ берутъ въ захолустьѣ? На другой день такой же смотръ и отъѣздъ. Прощаюсь, надѣваю перчатку: опять палецъ не лѣзетъ и перчатка тяжела. Мнѣ это понравилось. Дальше я ужъ самъ сталъ смотрѣть—тяжела ли перчатка и лѣзутъ ли пальцы?

— Вы, можетъ быть, думаете, что онъ шутитъ?—сказалъ мнѣ секретарь, смѣясь:—вовсе нѣтъ: это точь-въ-точь было!

— Какія шутки!—почти обидчиво замѣтилъ разсказчикъ:— Воротясь, послѣ ревизіи, я за обѣдомъ у губернатора разсказалъ и распотѣшилъ всѣхъ.

— И губернаторъ слышалъ?

— Какъ-же: онъ больше всѣхъ тѣшился!—заключилъ разсказчикъ.

— За что̀ же вамъ давали?

— Какъ же: за то, что не смотрѣлъ и не видалъ ничего.

— И у васъ не было того, что называется...—началъ я и остановился, пріискивая слово.

— Scrupule, вѣрно хотите вы сказать?—договорилъ Яновъ:— было, какъ не быть! Я даже думалъ, не отдать ли назадъ, да... передумалъ. Вѣдь это не взятка—фи, какъ можно! Я не способенъ, ни прижать, ни пожаловаться, и еслибъ нашелъ неисправность, самъ замѣтилъ бы и посовѣтовалъ исправить. А тутъ просто суютъ въ руки лишнія деньги, да еще нажитыя, очевидно, неправедно. Какъ же ихъ не отобрать и не спрятать въ карманъ, тѣмъ болѣе, что перчатки разорвались, не выдержали бы...

И разсказчикъ, и всѣ слушатели смѣялись.

Зимой, я помню, одна барыня, небогатая помѣщица, сѣто-

вала, разсказывая своей пріятельницѣ при мнѣ и еще при одномъ родственникѣ, старикѣ, по секрету, о своемъ недоумѣніи, за кого выдать дочь, хорошенькую дѣвушку, съ которой мнѣ приходилось иногда танцовать на вечерахъ.

— Двое приглядываются къ моей Катѣ,—говорила она:—и Ягорскій, и Мальхинъ: того и гляди сдѣлаютъ предложеніе, а я не знаю, какъ быть, за котораго отдать? Ягорскій—женихъ бы хоть куда! И Катѣ нравится, изъ себя видный, славно танцуетъ, по-французски говоритъ, такъ и сыплетъ...

— Такъ, вотъ, за него бы и отдать, если онъ нравится барышнѣ,—вставилъ я.

— Вотъ молодые люди: у нихъ все романы въ головѣ! У меня еще дома двѣ на рукахъ: многаго я дать не могу, чѣмъ же станутъ молодые жить? Вотъ у Мальхина, такъ у того полтораста душъ, доходу отъ должности, говорятъ, тысячъ пять получаетъ...

— Помилуйте, онъ плѣшивый, толстый, да еще взятки беретъ!—брезгливо перебилъ я.

— Ну, нѣтъ, онъ свѣжій, бодрый, что называется—„въ соку“. Брюшко точно—есть, но онъ еще танцуетъ на балахъ!—заступился за него старичокъ.—А какія это взятки! Не взятки, милостивый государь, а доходы получаетъ по мѣсту совѣтника казенной палаты!—строго прибавилъ онъ.

— Ну, это все равно!—сказалъ я.

— Какъ все равно!—горячился старикъ:—не все равно! Вотъ будете служить, тоже сами будете получать доходъ...

— Не буду!—сердито отрѣзалъ я.

— Молодо, зелено!—сказала мать Кати.

Такъ казна, пассивно допуская нештатные „сборы“, негласно дѣлилась съ служащими своими доходами, и тѣмъ дополняла нехватавшее на прожитокъ скудное жалованье.

VII.

Губернаторъ, Левъ Михайловичъ Углицкій, былъ стариннаго дворянскаго рода, учился, кажется, въ пажескомъ корпусѣ, или дома, а вѣрнѣе, должно быть, нигдѣ не учился. Онъ бѣгло говорилъ по-французски, а русской рѣчью владѣлъ мастерски, безъ книжнаго краснорѣчія. Она свободно лилась у него, умно, блестяще, съ искрами юмора, съ неожиданными ловкими оборотами, остроумными сравненіями, антитезами. Я, да и другіе тоже, заслу-

шивались его разсказовъ: онъ былъ виртуозъ-разсказчикъ. Онъ отлично пользовался не пріобрѣтенными систематическимъ путемъ, а всячески нахватанными знаніями почти во всемъ и обо всемъ. А нахваталъ онъ знанія не изъ книгъ, не въ школѣ, а съ живыхъ людей, на ходу, въ толпѣ безчисленныхъ знакомыхъ во всѣхъ слояхъ общества. У него, въ памяти, какъ у швеи въ рабочемъ ящикѣ, были лоскутки всякихъ знаній, и онъ быстро и искусно выбиралъ оттуда нужный въ данную минуту клочокъ. Что западало ему въ память, то и оставалось тамъ навсегда и служило ему вѣрно. У него развился взглядъ и вкусъ и въ литературѣ, и въ искусствахъ, особенно въ живописи. Онъ былъ не только любитель, но и знатокъ хорошихъ картинъ. Апломбъ въ разговорѣ, что называется, у него былъ удивительный: онъ отважно врѣзывался въ разговоръ, какъ рубака въ непріятельскій строй, и отлично уклонялся, когда натыкался на неодолимую преграду.

Особенно мастерски владѣлъ онъ софизмомъ, какъ отличный дуэлистъ шпагой, и спорить съ нимъ, поставить его въ границы строгой логики, было мудрено: онъ не давался.

Нѣкоторые изъ его разсказовъ такъ и просились подъ перо. Еслибъ я могъ предвидѣть, что когда-нибудь буду писать для печати, я внесъ бы нѣкоторые разсказы въ памятную книжку. Иные еще и теперь сохранились у меня въ памяти. Особенно интересны у него выходили характеристики нѣкоторыхъ извѣстныхъ, громкихъ личностей, съ которыми онъ былъ въ сношеніяхъ личныхъ или служебныхъ. Онъ долго служилъ адъютантомъ у разныхъ начальниковъ и сохранилъ въ памяти живую характеристику о нихъ. У него была масса воспоминаній, скопившихся за тридцать слишкомъ лѣтъ, съ начала нынѣшняго столѣтія. Онъ такъ же, какъ Онѣгинъ, помнилъ и всѣ анекдоты „отъ Ромула до нашихъ дней“. У него въ натурѣ была артистическая жилка — и онъ, какъ художникъ, всегда иллюстрировалъ портреты разныхъ героевъ, напримѣръ выдающихся дѣятелей въ политикѣ, при дворѣ, или героевъ отечественной войны, въ которой, юношей, уже участвовалъ, ходилъ брать Парижъ, или просто извѣстныхъ въ обществѣ людей. Но вотъ бѣда. Иллюстраціи эти — какъ лицъ, такъ и событій — отличались иногда такою тонкостью, изяществомъ деталей и такою виртуозностью, что и лица, и событія казались подъ-часъ цѣликомъ сочиненными. Иногда я замѣчалъ, при повтореніи нѣкоторыхъ разсказовъ, перемѣны, вставки. Оттого полагаться на фактическую вѣрность ихъ надо было съ большой оглядкой. Онъ плелъ

ихъ какъ кружево. Всѣ слушали его съ наслажденіемъ, а я, кромѣ того, и съ недовѣріемъ. Я проникалъ въ игру его воображенія, чуялъ, гдѣ онъ говоритъ правду, гдѣ украшаетъ, и любовался не содержаніемъ, а художественной формой его разсказовъ. Онъ, кажется, это угадывалъ, и самъ гнался не столько за тѣмъ, чтобы поселить въ слушателѣ довѣріе къ подлинности событія, а чтобъ произвести извѣстный эффектъ—и всегда производилъ.

Между тѣмъ, все-таки онъ былъ безграмотный, или, по меньшей мѣрѣ, полуграмотный. Ни по-русски, ни по-французски онъ не напишетъ двухъ-трехъ строкъ грамматически правильно. Орѳографія и синтаксисъ отсутствовали. Для переписки, даже для писанія простыхъ интимныхъ писемъ, ему нуженъ былъ секретарь или секретари. Какъ это могло случиться— не знаю и до сихъ поръ. Я долго, особенно послѣ въ Петербургѣ, служилъ ему добровольнымъ секретаремъ.

Губернаторскій домъ былъ убранъ со вкусомъ и поставленъ Углицкимъ на широкую, щегольскую ногу. Особенно коллекція картинъ въ его кабинетѣ была замѣчательна. Кромѣ того, вдобавокъ къ казенной мебели, онъ выписалъ еще много ненужныхъ вещей, всегда съ печатью вкуса, изъ Петербурга и Москвы, завелъ щегольской экипажъ, красивыхъ лошадей, выписалъ тонкаго повара. Каммердинеръ у него былъ что-то въ родѣ какого-нибудь французскаго Ляфлёра, Пикара или Лебеля, гладкій, красивый, откормленный, одѣтый щегольски, почти какъ его господинъ, съ напускной важностью, почтительный съ его превосходительствомъ и наглый съ просителями, плутъ и взяточникъ. Словомъ, все— на широкую, барскую ногу, и не по провинціальному, а по петербургскому масштабу.

„Стало-быть, у него много было денегъ?“ слѣдуетъ за этимъ вопросъ.—Ничего у него не было, кромѣ жалованья—и... долговъ! Жалованья полагалось губернатору шесть тысячъ рублей (ассигнаціями), казенный домъ, отопленіе, освѣщеніе—и только. Послѣ, кажется, впрочемъ, удвоили окладъ, но не помню, было ли то при Углицкомъ, или послѣ него. Какъ же жить, да еще на такую широкую ногу, щегольски?

Подумаютъ, можетъ быть, что онъ тоже имѣлъ „доходы“ по должности. Нѣтъ, никогда. Онъ былъ очень опрятенъ, держалъ себя безукоризненно, джентльменомъ. Все, что доставлялось на губернаторскій домъ изъ лавокъ, оплачивалось немедленно. Такъ было во все время его губернаторства, и при отъ-

ѣздѣ его оттуда, за нимъ, ни у одного купца, ни въ какой лавкѣ, не осталось ни гроша долга.

Онъ щеголялъ этимъ, какъ щеголялъ изящнымъ костюмомъ отъ петербургскаго портного, покроемъ и бѣлизной бѣлья, чистыми, прозрачными ногтями. Ничѣмъ этимъ, какъ и мелкими долгами, онъ не грѣшилъ. — Это „mauvais genre", — говорилъ онъ. — „Послѣ того, остается мнѣ пойти съ этими торгашами въ харчевню чай пить, или въ Петербургѣ гулять по Невскому проспекту въ фуражкѣ, а въ театрѣ въ первый рядъ залѣзть въ зеленыхъ замшевыхъ перчаткахъ и т. п. Фи! On risque se déclasser!"

Крупныхъ „доходовъ" по службѣ онъ гнушался не менѣе — въ родѣ, напримѣръ, положенныхъ, будто бы, ежегодныхъ субсидій отъ откупщика губернаторамъ и другимъ властямъ покрупнѣе, по нѣсколько тысячъ. Углицкій сказывалъ мнѣ потомъ объ этихъ попыткахъ приношенія со стороны откупщика.

— Какъ же вы это приняли? — спросилъ я.

— Allez vous promener! — сказалъ я ему на его намекъ. „Но вѣдь это вездѣ дѣлается: это обычай!" — настаивалъ откупщикъ и отошелъ съ носомъ.

Это, конечно, была правда. Еслибъ Углицкій поползнулся на такой доходъ, онъ мнѣ бы объ этомъ не заикнулся.

Но... но... вотъ онъ что прибавилъ и поставилъ меня въ тупикъ.

— Кто беретъ эти приношенія, — сказалъ онъ: — тѣ обязаны потомъ дѣлать по откупамъ разныя потворства. Прошлой весной онъ подъѣхалъ-было ко мнѣ съ просьбой: выпусти, да выпусти я хлѣбъ къ сплыву по Волгѣ...

(Какой это хлѣбъ и почему его нельзя было отпустить, я теперь совершенно забылъ.)

- Что же вы? — спросилъ я: — конечно, не разрѣшили?

— Разумѣется, нѣтъ. Сталъ приставать: мы съ нимъ пріятели — хлѣбъ-соль водимъ; c'est un bon enfant après tout. Мнѣ не хотѣлось отдѣлаться сухимъ отказомъ: „вотъ, — сказалъ я, — я на той недѣлѣ ѣду въ С. уѣздъ — вы вѣдайтесь, какъ хотите, съ вице-губернаторомъ: онъ безъ меня будетъ управлять губерніей".

— Что же онъ?

— Ничего не сказалъ, почесалъ только за ухомъ. Я уѣхалъ. Переправляюсь въ С. уѣздѣ черезъ Волгу, вижу: плывутъ россыпи. Спрашиваю, съ чѣмъ это? отъ кого? „Съ хлѣбомъ, — говорятъ: — откупщикъ внизъ спускаетъ".

Губернаторъ заключилъ еще свой разсказъ смѣхомъ. Не

знаю, замѣтилъ ли онъ, какой крупный и неопрятный софизмъ вставилъ онъ въ свою службу. Мой барометръ его нравственности сталъ колебаться.

Потомъ онъ на вечерахъ игралъ въ карты, если не съ азартомъ, то съ значительнымъ увлеченіемъ, между прочимъ и съ откупщикомъ. Злоязычный Яновъ разсказывалъ, что „откупщику не везетъ въ игрѣ... съ Львомъ Михайловичемъ“,—добавилъ онъ съ комическимъ вздохомъ.

— Зачѣмъ же онъ не броситъ, если проигрываетъ?—спросилъ я.

Яновъ засмѣялся и похлопалъ меня по колѣнкѣ.

VIII.

Но все-таки Углицкій былъ въ долгу какъ въ шелку. У него были не мелкіе, а довольно крупные и притомъ стереотипные долги. Общую сумму своихъ долговъ онъ опредѣлялъ въ тридцать-семь тысячъ, т.-е. стереотипныхъ долговъ. Сумма же подвижныхъ, мелкихъ долговъ мѣнялась, то повышалась, то понижалась: послѣднее случалось, когда заимодавецъ попадалъ въ „денежную минуту“, узнавалъ, что Углицкій получилъ кушъ. Онъ уплачивалъ, если не все, то хоть часть. Если же долгъ затягивался, то, послѣ извѣстнаго срока, причислялся къ стереотипнымъ. Правда, онъ возлагалъ упованіе на наслѣдство послѣ какой-то богатой бездѣтной тетки въ Петербургѣ, — но это наслѣдство было проблематическое, въ родѣ ожиданія пріѣзда богатаго дяди изъ Америки.

И такъ, онъ жилъ прежде всего долгами, какъ отецъ Онѣгина, по словамъ Пушкина. Тогда, кажется, и все старое поколѣніе пробавлялось этимъ способомъ: только „лѣнивый“, по пословицѣ, не дѣлалъ долговъ. Когда, бывало, упрекнутъ кого-нибудь долгами, у виноватаго всегда былъ готовъ стереотипный отвѣтъ: „у кого ихъ нѣтъ?“

У Углицкаго дѣланіе долговъ было приведено въ систему, которую онъ прилагалъ къ дѣлу такъ же виртуозно, какъ юморъ и остроуміе къ разсказамъ. Система, очевидно, принадлежала воспитанію и нравамъ его времени. Долги дѣлались и не платились какъ-то помимо всякихъ вопросовъ о нравственности, какъ хожденіе въ церковь и усердное исполненіе религіозныхъ обрядовъ у многихъ молящихся часто не вяжется съ жизнью. Напримѣръ, украсть у ближняго изъ кармана, изъ стола, тайно присвоить—

никто и никогда изъ этихъ „джентльменовъ“ не рѣшался, скорѣй застрѣлится; а занять съ обѣщаніемъ отдать „при первой возможности“, „при удобномъ случаѣ“, и забыть — это ничего, можно!

Какъ могли эти господа жить и спать, что называется, на оба уха, беззаботно, не заглядывая изъ сегодня въ завтра — непостижимо для человѣка въ здравомъ умѣ и твердой памяти! А они жили и жили уютно, комфортабельно, изящно — и считали себя, не шутя, джентльменами. Напримѣръ, Углицкій разсказывалъ мнѣ уже послѣ, когда мы пріѣхали въ Петербургъ (я забѣгаю впередъ), какъ онъ однажды за границей очутился „entre de mauvais draps“ и какъ выпутался. Послѣ отставки онъ поселился въ Парижѣ, конечно, съ подругой. Пенелопа его, Марья Андреевна, оставалась въ Петербургѣ, на маленькой квартиркѣ, „на антоніевой пищѣ“; дочь была помѣщена въ первоклассный пансіонъ оканчивать воспитаніе, конечно, на чужой счетъ, — тетки или другой благотворительницы — не помню. Въ Парижѣ онъ взялъ квартиру, завелъ мебель, разумѣется, изящную—все это на счетъ своей побочной, увлеченной имъ супруги. Жила эта чета не стѣсняясь, пользуясь всѣми парижскими благами и, наконецъ, черезъ годъ—прожились. Онъ сбылъ мебель и всѣ вещи за безцѣнокъ и уѣхалъ на Рейнъ, потомъ во Франкфуртъ—и въ одинъ день... „Figurez-vous,—говорилъ онъ:—у меня осталось всего 25 талеровъ“. Я вчужѣ ужаснулся, слушая его. „Что же вы сдѣлали?“ спрашиваю я. „Я ходилъ по франкфуртскимъ бульварамъ и все думалъ, какъ извернуться... Тамъ есть павильонъ въ одномъ саду, съ статуей Аріадны „на тигрѣ“, открытый для публики. Я отъ нечегодѣлать зашелъ туда. Смотрю на эту Аріадну и думаю... думаю: „Вѣдь это садъ богатаго банкира... Пойду къ нему!“ — и пошелъ.— Дома, принимаетъ. Какъ о васъ доложить?— „Gentilhomme russe“. Банкиръ принялъ меня съ утонченной вѣжливостью, спросилъ, „чему онъ обязанъ честію“, и т. д. Я ему очень слегка, небрежно, шутя, очертилъ свое критическое положеніе. „Figurez-vous, говорю: у меня 25 талеровъ въ карманѣ, а мнѣ до дома больше 300 миль... и мнѣ необходимо... „Сколько вамъ нужно? — спросилъ онъ, выслушавъ,—чтобъ доѣхать?“ — „Тысячи двѣ франковъ, я полагаю, довольно“... Представьте, онъ подошелъ къ столу, отрѣзалъ чекъ на эту сумму и велѣлъ человѣку проводить меня въ кассу... „Но вѣдь ему надо было скоро заплатить: у васъ было что-нибудь въ виду?“ — „Ни гроша въ виду“.— „Какъ же вы думали сдѣлать?“ — „Никакъ не думалъ“. Я смотрѣлъ на него въ страхѣ за него, а онъ отвѣчалъ мнѣ веселымъ взглядомъ. „Il y a une providence pour les malheureux...—продолжалъ онъ:—Figurez-vous:

—по Рейну въ это время ѣхалъ нашъ Дворъ; я бросился въ Эмсъ — нашелъ между придворными друзей, сослуживцевъ, и представилъ имъ свое положеніе живо, въ яркихъ краскахъ, даже прослезился. Обо мнѣ доложили. . Тамъ вспомнили, что я когда-то танцовалъ на придворныхъ балахъ... и мнѣ выдали двѣ тысячи пятьсотъ франковъ. Я сейчасъ отвезъ деньги къ банкиру и поспѣшилъ въ Россію".

Здѣсь кстати приведу еще два разсказа самого Углицкаго и его пріятеля, отставного полковника Сланцова, другъ о другѣ. Сланцовъ былъ однополчанинъ Углицкаго, жилъ съ нимъ вмѣстѣ, что называется, душа въ душу. То же воспитаніе, нравы, прекрасный тонъ, манеры, щегольство, та же бойкость французской и русской рѣчи на словахъ и таже малограмотность на письмѣ. Кажется, все ихъ поколѣніе какъ-то свысока смотрѣло на грамотность. Письменныя занятія презрительно назывались нѣкоторыми тогдашними военными: „купаться въ чернилахъ".

У Сланцова было порядочное имѣніе за Волгой, гдѣ онъ проводилъ лѣтніе мѣсяцы, а въ городѣ былъ гостемъ Углицкаго. Когда они были вмѣстѣ, для гостей просто былъ праздникъ слушать ихъ. Однажды, послѣ обѣда, мы сидѣли у камина въ кабинетѣ Углицкаго втроемъ, т.-е. они двое и я.

Они пустились въ откровенныя воспоминанія, удили изъ прошлаго другъ у друга ѣдкіе случаи и перекидывались ими, какъ шалуны, хлѣбными шариками за обѣдомъ между собой.

— Послушайте, что онъ со мной сдѣлалъ однажды!—разсказалъ, между прочимъ, Углицкій про Сланцова:

— Это было въ Германіи; мы (съ войскомъ) подвигались къ французской границѣ. Нашъ полкъ былъ въ... (я забылъ теперь, какое мѣстечко онъ назвалъ). Я былъ полковымъ адьютантомъ. Командиръ послалъ меня верстъ за сорокъ, къ дивизіонному генералу, съ бумагами и порученіями. Я взялъ троихъ людей изъ полка и отправился верхомъ. Денегъ у насъ—ни у него (онъ указалъ на Сланцова), ни у меня не было ни алтына, nous étions à sec, ждали все изъ дома. А изъ дома получали только слезныя письма: „послѣ французовъ все разорено, не поправились, дохода нѣтъ, чтобъ потерпѣли, пробавлялись казеннымъ" и т. п. канитель! Жили мы на одной квартирѣ, у старой нѣмки, обѣдали у командира, да у офицеровъ, у кого были деньги. Между тѣмъ у насъ въ полку велась крупная игра. Былъ одинъ капитанъ Шлепковъ—такъ отшлепывалъ въ банкъ, что иногда всѣ деньги изъ полка соберутся у него,—и потомъ у него же занимаются. Усталый, злой, голодный, я воротился дня черезъ три

домой. „Гдѣ Андрей Иванычъ?“ — спрашиваю у деньщика. „Къ Шлепкову, говоритъ, пошли, и всѣ господа тамъ“. Я сталъ раздѣваться, вдругъ вижу письмо за зеркаломъ: отъ матери. Я обрадовался до слезъ, сталъ читать, пропустилъ разныя домашнія подробности, съ поклонами отъ тетокъ, дядей, кузинъ, и добрался до живого мѣста: „посылаю тебѣ, милый Левушка, сто золотыхъ“. Я чуть не прыгнулъ до потолка. Дальше мелькомъ пробѣжалъ строки: „разорены отъ французовъ... береги деньги... долго не пришлю... эти заняла“... и т. д. Я спряталъ письмо и сталъ искать денегъ на столѣ, въ столѣ — нѣту. „Кто принесъ письмо?“ спрашиваю деньщика. „Андрей Ивановичъ, говоритъ, положилъ его за зеркало“. „Вѣрно, деньги спряталъ къ себѣ въ ящикъ: умникъ!“ подумалъ я — и, какъ блаженный, поужиналъ и легъ спать. У меня такъ и звенѣли въ ушахъ все золотые. Я мечталъ, какъ я разгуляюсь на завтра и... конечно, поиграю, обыграю Шлепкова. Утромъ рано кричу съ постели: „Андрей! Андрюша!“ Храпитъ. Черезъ полчаса опять зову. „Мм“... мычитъ. Потомъ, слышу, возится, встаетъ. „Гдѣ деньги спряталъ?— спрашиваю:—въ ящикѣ, что ли?“ Кряхтитъ. „Говори же!“ — „Погоди... сапогъ не лѣзетъ“. Опять кряхтитъ. „Давай же деньги!“ говорю. „Какія деньги?“ — „Какъ какія деньги? вѣдь ты вѣрно съ письмомъ и деньги изъ канцеляріи принесъ?“ — „Ахъ, эти-то! Да, принесъ... Эхъ, другой сапогъ не лѣзетъ!“... — „Гдѣ же деньги? Не томи, говори и давай... въ столѣ, что ли, у тебя?“... — „Нѣтъ, онѣ... у Шлепкова“, говоритъ. Я ужаснулся. „Какъ такъ?“... „Отшлепалъ, братъ Лёвушка; такъ отшлепалъ... ахъ, проклятые сапоги!“... — „Ужели ты все спустилъ, безсовѣстный?“ спрашиваю. А онъ въ отвѣтъ мнѣ только печально головой кивнулъ...

— Что-жъ ты не прибавилъ вздоха моего?—перебилъ Сланцовъ.—Я такъ вздохнулъ, что деньщикъ пришелъ, думалъ—зову его! „Ужели ты мнѣ хоть пяти золотыхъ не оставилъ?“ горько упрекнулъ онъ меня, какъ теперь помню...

— И это все правда?—спросилъ я.

— Да, это... правда,—сознался Сланцовъ:—Que voulez-vous! Nous étions en guerre, et à la guerre comme à la guerre!

— Но погоди же: ты дискредитировалъ меня передъ молодымъ человѣкомъ—онъ подумаетъ, что я нахалъ, а ты великодушный другъ! Я тоже могу припомнить кое-что: какъ ты мнѣ отплатилъ. Figurez-vous,—обратился онъ ко мнѣ и продолжалъ по-французски, но потомъ перешелъ на русскую рѣчь. — Мы воротились въ Петербургъ, я вышелъ въ отставку, а онъ (указывая на Углицкаго) остался въ полку; жили мы вмѣстѣ. Я нанялъ квартиру,

отдѣлалъ ее щегольски, накупилъ мебели, лампъ, вазъ, зеркалъ, картинъ, разныхъ дорогихъ bibelots—cela m'a coûté les yeux de la tête—словомъ, промотался—конечно, пока въ долгъ. Сдѣлалъ также полный гардеробъ. Понадобилось мнѣ, однако, съѣздить въ деревню добыть денегъ. Съ этой войной, да съ походами, я не имѣлъ понятія о своихъ дѣлахъ, не зналъ, что у меня есть, что въ имѣніи дѣлается. Я поѣхалъ на какой-нибудь мѣсяцъ — осмотрѣться, распорядиться. Пріѣхалъ—и нашелъ хаосъ: денегъ въ конторѣ пять рублей, староста въ бѣгахъ. Я попробовалъ похозяйничать — вышло хуже. Зато священникъ встрѣтилъ меня съ крестомъ и святой водой, а приказчикъ поднесъ хлѣбъ-соль. Я подумалъ, подумалъ, перебывалъ у всѣхъ сосѣдей, звалъ и угощалъ у себя уѣздную челядь, засѣдателей, исправниковъ и прочихъ и, наконецъ, нашелъ сосѣда—домосѣда, практическаго хозяина и скрягу,—честнаго и аккуратнаго, который всю жизнь просидѣлъ между пшеницей и овсомъ, самъ сѣялъ, жалъ и мололъ и самъ возилъ свой хлѣбъ на пристань, на Волгу. Онъ за пять процентовъ съ дохода взялъ всѣ мои дѣла на свои плечи. И теперь всѣмъ завѣдуетъ, конечно, лучше меня. Все это задержало меня вмѣсто мѣсяца—цѣлыхъ четыре. Осенью я воротился въ Петербургъ. Пріѣзжаю вечеромъ: его (указывая на Углицкаго) не было дома. Было еще не поздно, и я хотѣлъ поѣхать вечеромъ куда-нибудь къ знакомымъ. Обрился и велѣлъ дать одѣться. „Что прикажете подавать?“ спрашиваетъ каммердинеръ. „Дай синій фракъ“.—„Синяго фрака нѣтъ“...—„Какъ нѣтъ: гдѣ же онъ? Я его не бралъ съ собой“. Вижу, что Петрушка конфузится и молчитъ. „Пропилъ“, думаю. „Куда-жъ ты его дѣвалъ?“ грозно спрашиваю. „Левъ Михайлычъ,—говоритъ,—взяли“... —„Онъ мундиръ носитъ: зачѣмъ ему?“—„Да... заложили!“ Я молчалъ: что было сказать? „Дай другой: тамъ былъ зеленый“...—„И тотъ... тоже-съ“...—„Ну, дай сюртукъ, что есть“...—„Ничего не оставили“, говоритъ. Я отворилъ шкафъ: пустой! Осматриваюсь кругомъ: все голо! Беру свѣчку, иду въ гостиную, въ залу: ни картинъ, ни вазъ, ни серебра... „И это все заложилъ!!“ въ ужасѣ почти закричалъ я. „Точно такъ-съ“. Только портретъ моей покойной жены сиротливо висѣлъ на стѣнѣ подъ флёромъ! Я въ отчаяніи пожалъ плечами. Вотъ онъ каковъ! Теперь и судите, имѣлъ ли я право проиграть его золотые!—заключилъ Сланцовъ.

— Мнѣ слѣдуетъ спросить, имѣлъ ли я право заложить твои вещи?—добавилъ Углицкій.—Figurez-vous,—обратился онъ, въ свою очередь, ко мнѣ:—онъ (указывая на Сланцова) обѣщалъ выслать мнѣ изъ деревни—если не всѣ, такъ хоть половину проигранныхъ

имъ моихъ ста золотыхъ—и въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ не только не прислалъ ни гроша, даже ни строчки не написалъ! Что мнѣ было дѣлать! Мнѣ на обѣдъ не хватало: что, не правда? —обратился онъ къ Сланцову.—Я, закладывая твое добро, выручалъ только свои золотые: да! Я хоть портретъ твоей жены оставилъ тебѣ, а ты мнѣ ни одного золотого... за границей не приберегъ. Представьте—ни одного!..

— Ну, Левушка, этого недоставало! Чтобъ ты еще этотъ портретъ заложилъ! сознайся—ты былъ бы, что называется, franche canaille!—возразилъ Сланцовъ.

— Что вы скажете, молодой человѣкъ, слушая насъ?—спросилъ Углицкій:—Изверги?

— Нѣтъ, я ничего не скажу, а послѣ насъ современемъ будутъ пѣть: „Вотъ послушайте, ребята, какъ живали въ старину!“—замѣтилъ я, смѣясь.— Но, извините, мнѣ кажется, вы оба въ этихъ разсказахъ усиливаете колоритъ. Потомъ, меня не столько удивляетъ смѣлость этихъ вашихъ проказъ другъ надъ другомъ, сколько трогаетъ кротость, съ какою вы оба принимали это. „Ужели ты мнѣ пяти золотыхъ не оставилъ!“ мягко упрекнули вы за растрату денегъ въ критическую минуту—и только! А вы „лишь пожали плечами“, найдя пустую квартиру. „О, дружба, это ты!“ невольно скажешь!

— О, нѣтъ, мы дня три ненавидѣли другъ друга послѣ того, дулись, не говорили между собой, а потомъ сейчасъ же помирились, какъ только кто-то первый... не помню, ты или я (Сланцовъ обратился къ Углицкому) — денегъ достали, конечно въ долгъ... и замазали брешь. А съ нимъ мы не считались: *твое* и *мое* у насъ, какъ у допотопныхъ людей, не существовало! — заключилъ Сланцовъ.

Меня, новаго, свѣжаго молодого человѣка, удивляло и занимало все въ этихъ людяхъ. И это систематическое, искусное проживательство на чужой счетъ, и безцѣльная канитель жизни, безъ идей, безъ убѣжденій, безъ опредѣленной формы, безъ серьезныхъ стремленій и увлеченій, безъ справокъ въ прошломъ, безъ заглядыванія въ будущее. Если и было дѣло, оно тянулось вяло, сонно, какъ-нибудь.

Сколько пропадало, уходило ни на что силъ и дарованій въ этомъ, тогда старомъ поколѣніи людей! Вотъ хоть бы эти два представителя своего времени, Углицкій и Сланцовъ, и сколько другихъ, —подобныхъ имъ,—были умные, живые, даровитые. Это видно было изъ каждаго слова, шага. Оба прошли строгую военную школу, сражались, дѣлали, что имъ приказывали, и ни одинъ

не вложилъ въ дѣло часть самого себя, что-нибудь свое. Изъ войны, походовъ, сраженій, они оба вынесли впечатлѣнія личной отваги, блеска, щегольства, разныхъ веселыхъ авантюръ за границей, изображали все это въ остроумныхъ, пикантныхъ разсказахъ. Серьезная, строгая сторона той великой эпохи отъ нихъ ускользнула. Они ея будто не видали, жили какъ-то внѣ ея. Дома у себя—та же беззаботность и безсодержательность жизни. Сланцовъ не умѣлъ распорядиться своимъ имѣніемъ и сдалъ на руки другому. Углицкій въ дѣлахъ по своей должности былъ очень чутокъ, наблюдателенъ и зорокъ, и былъ бы исполнителенъ, еслибъ... Вотъ это „еслибъ"! У меня была бабушка, которая говаривала: „еслибъ не *бы*, да не *но*, были бы мы богаты давно!" Былъ бы исполнителенъ и Углицкій, еслибъ... хотѣлъ.

А былъ способенъ. Бывало, пришлютъ ему массу протоколовъ изъ губернскаго правленія для подписанія. Онъ самъ слушалъ чтеніе ихъ въ правленіи разсѣянно, безпрестанно отвлекался, разсказывалъ членамъ новости, анекдоты, шутилъ. А въ кабинетѣ у себя, когда его домашній чиновникъ, проживавшій у него чѣмъ-то въ родѣ лягавой собаки, бѣгавшей съ разными поносками, и иногда postillon d'amour, станетъ читать подробно, онъ нетерпѣливо вырываетъ у него бумагу и подписываетъ... „Я еще не дочиталъ, о чемъ протоколъ!" замѣтитъ чиновникъ. „Хочешь,—скажу о чемъ?" отвѣтитъ губернаторъ и скажетъ. По одному намеку въ началѣ протокола онъ зналъ, о чемъ говорится дальше, нужды нѣтъ, что въ правленіи слушалъ чтеніе въ полъ-уха.

Толпу просителей приметъ живо, бойко, разберетъ и отпуститъ въ какіе-нибудь полчаса. Осмотритъ тюрьму, какой-нибудь гошпиталь—все это на ходу, мимоѣздомъ, до завтрака, а между завтракомъ и обѣдомъ дѣлаетъ или принимаетъ визиты. Словомъ, снаружи дѣло такъ и кипѣло у него и около него,—и все-таки ничего новаго, живого, интереснаго во всей административной машинѣ не было. У него была тьма способностей, но живъ, бодръ, зорокъ и очень подвиженъ былъ онъ самъ, а дѣло оставалось такимъ же, какъ онъ его засталъ.

За то, какъ онъ былъ представителенъ, présentable, по его выраженію! Какъ красиво губернаторствовалъ въ пріемахъ у себя на дому, въ гостиныхъ у губернской знати, на губернаторскихъ выходахъ въ праздники, или въ соборѣ у обѣдни! Всякій въ толпѣ, не зная его, скажетъ, что это губернаторъ. Когда онъ гулялъ одинъ пѣшкомъ по городу, незнакомые встрѣчные снимали шляпу, узнавая въ немъ „особу". Онъ пуще всего дорожилъ представительностью, и другихъ цѣнилъ по тону, позѣ, манерамъ.

Онъ представительность смѣшивалъ съ добродѣтелью и снисходилъ, ради нея, къ чужимъ порокамъ, а къ своимъ и подавно, чувствуя себя présentable au plus haut degré.—„Très présentable!“ было у него высшей аттестаціей новаго лица.

Я сказалъ, что новаго, живого въ свое дѣло онъ не вносилъ: виновать. Онъ задумалъ ввести кое-что новое—именно прекратить „нештатные“ доходы или поборы, о которыхъ не могъ не знать подробно. Excusez du peu! Онъ уже не разъ проговаривался объ этомъ въ обществѣ и наводилъ на коренныхъ губернскихъ служакъ пугливое недоумѣніе. Тѣ стали оглядываться и шептать между собою.

Мало-по-малу замыселъ этотъ сталъ проявляться у него и на дѣлѣ, пока еще тѣмъ, что онъ двухъ-трехъ „оглашенныхъ“, и частію уличенныхъ въ мелкихъ поборахъ подчиненныхъ призывалъ къ себѣ и пригрозилъ имъ судомъ. Всѣ встрепенулись.

Къ исполненію этого своего замысла онъ вздумалъ привлечь... меня!! Я у него, въ качествѣ знакомаго, до наступленія осенняго сезона, почти не бывалъ, заѣзжалъ только изрѣдка, по настоянію Якубова, къ губернаторскому подъѣзду въ такіе часы, когда Углицкаго не было дома.

Все, что я говорю о немъ, между прочимъ и вышеприведенный разсказъ о разговорѣ его съ Сланцовымъ, происходило зимой, когда я у него въ домѣ близко ознакомился съ нимъ и со всѣмъ его домашнимъ бытомъ.

И. Гончаровъ.

ПЕРВОЕ

ДВАДЦАТИПЯТИЛѢТІЕ

ОСВОБОЖДЕНІЯ НЕГРОВЪ

1-ОЕ ЯНВАРЯ 1863—1888 г.

22-го сентября 1862 года, президентъ Линкольнъ прокламаціей объявилъ всенародно, что съ 1-го января 1863 года американскіе негры освобождаются навсегда отъ позорнаго ига рабства,—позже это было узаконено и внесено въ конституцію [1]). Въ 1870 году, при президентѣ Грантѣ, къ американской конституціи была прибавлена XV статья [2]), въ силу которой неграмъ были дарованы полныя права гражданства. Въ первый день наступающаго 1888 г. Соединенные-Штаты будутъ, такимъ образомъ, праздновать завершившееся первое двадцати-пятилѣтіе освобожденія негровъ, и теперь кстати поставить вопросъ: какой степени развитія и благосостоянія вообще достигли американскіе негры въ первую четверть вѣка своей свободы?

Излишне говорить о положеніи негровъ въ Америкѣ послѣ двухъ съ половиною вѣковъ рабства, наканунѣ освобожденія,—

---

[1]) Прибавл. ст. XIII. „Ни рабство, ни невольное состояніе подчиненія (servitude), кромѣ наказанія за преступленіе, налагаемаго согласно законамъ, не должно существовать въ Соединенныхъ-Штатахъ или въ какихъ-либо мѣстахъ, находящихся подъ ихъ юрисдикціею".

[2]) „Право гражданъ Соединенныхъ-Штатовъ подавать голосъ не должно быть отрицаемо или ограничиваемо Соединенными-Штатами или отдѣльнымъ штатомъ—на основаніи расы, цвѣта кожи или прежняго состоянія рабства".

всѣ еще и теперь помнятъ знаменитую повѣсть г-жи Бичеръ-Стоу: „Хижина Дяди Тома“. Напомнимъ только одно, что въ 1862 г. негры получили исключительно *одну только свободу*, безъ всякой имущественной придачи со стороны ли ихъ прежнихъ господъ, или со стороны федеральнаго правительства. „Мулъ и сорокъ акровъ земли“ (15 десятинъ), о которыхъ мечтали и толковали простодушные негры, остались для нихъ въ родѣ несбыточной „золотой грамоты“... Опытность въ нѣкоторыхъ работахъ, пріобрѣтенная подъ свистомъ бича надсмотрщика, да пара мозолистыхъ рукъ—вотъ былъ весь ихъ капиталъ, съ которымъ они вступили на широкое поприще свободной жизни въ республикѣ. Даже послѣ великаго акта освобожденія, цѣлыхъ семь лѣтъ они не могли, подобно своимъ бѣлымъ соотечественникамъ, заявлять о своихъ спеціальныхъ нуждахъ; съ политической точки зрѣнія, даже свободный негръ, при счетѣ жителей, былъ сначала не единицей, а дробью, представляя собою только *три пятыхъ* жителя-гражданина!

Несмотря на все это, негръ неудержимо шелъ впередъ, пользуясь сознательно или безсознательно общими благопріятными условіями государственной и общественной жизни. Четверть вѣка тому назадъ онъ былъ рабочимъ воломъ,—хуже,—безправнымъ человѣческимъ существомъ, не имѣвшимъ ни единаго живого чувства, которое не могло бы быть безнаказанно поругано... Кто же онъ теперь? А теперь негръ—священникъ и даже епископъ у божьяго алтаря, законодатель въ національномъ капитоліѣ, профессоръ въ университетѣ, докторъ въ больницѣ, редакторъ въ газетѣ, судья въ залѣ суда, торговецъ въ городѣ, фермеръ-хозяинъ въ деревнѣ и вездѣ полноправный американскій гражданинъ, — какъ то будетъ видно изъ настоящаго очерка современнаго положенія негритянскаго населенія Соединенныхъ-Штатовъ.

I.—Негритянское народонаселеніе въ Америкѣ.

Не мало было пророковъ и на сѣверѣ, и на югѣ, предсказывавшихъ, что негры, послѣ своего освобожденія, начнутъ вымирать и, пожалуй, въ концѣ концовъ, выродятся совсѣмъ. Такое предсказаніе основывалось главнымъ образомъ на томъ соображеніи, что бывшіе рабы не будутъ въ состояніи содержать себя настолько же удовлетворительно, насколько содержали ихъ господа; что черная раса, лишившись посторонней поддержки и столкнувшись съ бѣлой въ борьбѣ за существованіе, непремѣнно

должна будетъ уступить мѣсто послѣдней. Обратимся теперь къ статистикѣ и провѣримъ это пророчество.

Въ 1840 г. число рабовъ въ Соединенныхъ-Штатахъ было 2.487.000; въ 1860 г. это число возросло до 3.950.000; такимъ образомъ, приращеніе рабовъ за то двадцатилѣтіе было около 60%. По цензу 1860 г., въ южныхъ штатахъ всѣхъ негровъ (рабовъ и вольныхъ) было 4.200.000; въ 1880 г. въ тѣхъ же штатахъ это число достигло 6.000.000, что̀ показываетъ приращеніе за послѣднее двадцатилѣтіе около 43%. Повидимому, со времени освобожденія, негры стали вырождаться; но это только такъ кажется, такъ какъ въ послѣднемъ вычисленіи не принято во вниманіе число черныхъ (около 600.000), живущихъ въ сѣверныхъ штатахъ, съ прибавленіемъ которыхъ процентъ приращенія негровъ будетъ именно около 60%. Допустимъ даже, что эта цифра будетъ нѣсколько ниже, то и въ такомъ случаѣ еще не можетъ быть рѣчи о вырожденіи негровъ въ Америкѣ. Во-первыхъ, есть общеизвѣстный фактъ, показывающій, что съ бо́льшимъ развитіемъ человѣческаго общества его плодовитость уменьшается; а кому же не извѣстно, что негры за эти 25 лѣтъ далеко шагнули впередъ по пути цивилизаціи? Во-вторыхъ, если мы станемъ сравнивать приращеніе американскихъ негровъ съ приращеніемъ бѣлыхъ въ Соединенныхъ-Штатахъ, то всѣ цифры будутъ рѣшительно въ пользу чернаго брата. Напримѣръ, число пуританъ Новой-Англіи (первоначальные янки) сильно сокращается съ каждымъ годомъ. Еслибы не постоянная волна европейскихъ эмигрантовъ, собственно янки здѣсь давно бы уже вымерли. Далѣе, въ 1860 г. число бѣлыхъ въ южныхъ штатахъ было 8.040.000; въ 1880 г. въ тѣхъ же штатахъ ихъ считалось 12.500.000, что̀ показываетъ приращеніе около 50%. Если же мы примемъ во вниманіе приливъ бѣлыхъ, разумѣется эмигрантовъ, въ южные штаты и выселеніе негровъ въ сѣверные штаты, а также въ Либерію,—въ такомъ случаѣ перевѣсъ приращенія народонаселенія навѣрно будетъ на сторонѣ черныхъ. А вотъ другой разсчетъ: въ 1860 г. бѣлое народонаселеніе здѣсь было—26.690.206; негритянское (считая рабовъ и вольныхъ)—4.441.830; черные составляли, слѣдовательно, болѣе 16% всего народонаселенія Соединенныхъ-Штатовъ. Въ 1870 г. число бѣлыхъ было 33.592.245, а черныхъ—4.086.387, или около $14^1/_2$%. Въ 1880 г. число бѣлыхъ было 43.402.970, а негровъ было 6.580.793, или свыше 15.2%. Не забудемъ также, что за десятилѣтіе съ 1870 по 1880 г. приращеніе народонаселенія въ Соединенныхъ-Штатахъ вообще (включая приливъ эмигрантовъ,

составляющихъ 9% приращенія) было около 30%. Отсюда очевидно, что негры размножаются далеко быстрѣе, чѣмъ бѣлые въ Америкѣ. Ясное дѣло—пророчество о вырожденіи освобожденныхъ негровъ было ложнымъ.

Не можемъ, впрочемъ, не указать на одинъ интересный фактъ, указывающій на вырожденіе смѣшанной „цвѣтной расы. Дѣло въ томъ, что мулаты (дѣти бѣлаго отца и черной матери), превосходя негровъ въ умственномъ отношеніи, обыкновенно уступаютъ имъ физически; мало того, они часто страдаютъ золотухой и чахоткой. Изъ статистики компаній страхованія жизни видно, что между тѣмъ какъ смертность между бѣлыми въ Соединенныхъ-Штатахъ вообще выражается отношеніемъ 18.1000, смертность между мулатами—41.1000; но смертность между чистыми неграми не превышаетъ смертности между бѣлыми.

II.—Школы у негровъ.

Вполнѣ возможно, что въ какія-нибудь 30—40 лѣтъ негры будутъ составлять большинство жителей въ южныхъ штатахъ; но численное большинство еще не дало бы имъ перевѣса надъ бѣлыми на поприщѣ политики, журналистики и вообще общественной жизни. Американцы отлично понимаютъ, что сила находится чаще въ качествѣ, чѣмъ въ количествѣ; поэтому они считаютъ вопросъ объ образованіи негровъ почти настолько же важнымъ, какъ вопросъ объ ихъ гражданскихъ правахъ. Вотъ почему, немедленно по окончаніи гражданской войны, различныя церковныя общества, благотворительныя ассоціаціи и единичные филантропы стали содѣйствовать къ открытію школъ какъ спеціально для негровъ, такъ и вообще школъ на югѣ, въ которыя негры принимались бы наравнѣ съ бѣлыми. Такъ образовались, между прочимъ, слѣдующія учебныя заведенія: духовная семинарія для негровъ въ городѣ Ралэй (въ шт. Сѣв. Каролина), университетъ для негровъ въ Атлантѣ (въ шт. Георгія), университетъ Фиска въ Нашвиллѣ (въ шт. Теннесси). Словомъ, черные юноши получили возможность учиться богословію, медицинѣ, юриспруденціи, агрикультурѣ, классическимъ и естественнымъ наукамъ. Между тѣмъ нѣкоторыя извѣстныя учебныя заведенія и на сѣверѣ привѣтливо открыли свои двери для братьевъ черной кожи, напримѣръ университетъ Брауна, духовная семинарія въ Филадельфіи и др.

Вообще можно сказать, что негры хотѣли учиться; въ обра-

зованіи они видѣли могучее знамя свободы, подъ сѣнью котораго они могли завоевать себѣ болѣе правъ, чѣмъ даже подъ сѣнью закона. Какъ сейчасъ увидимъ, школьное дѣло у негровъ идетъ, по обстоятельствамъ, очень удовлетворительно.

Въ рукахъ черныхъ находится теперь болѣе 18.000 публичныхъ школъ, въ которыхъ обучается свыше 900.000 негритянскихъ дѣтей. Въ коллегіяхъ (нѣчто въ родѣ нашихъ гимназій), университетахъ и высшихъ спеціальныхъ заведеніяхъ (медицинскихъ, юридическихъ, богословскихъ, техническихъ, агрономическихъ) обучается теперь около 16.000 черныхъ студентовъ. Какъ ни почтенны эти цифры сами по себѣ, тѣмъ не менѣе безграмотность между черными гражданами сравнительно съ бѣлыми еще очень значительна. По цензу 1870 г., число безграмотныхъ совершеннолѣтнихъ негровъ мужского пола въ южныхъ штатахъ было 1.167.000; въ 1880 г. это число возросло до 1.355.000. Въ восьми южныхъ штатахъ число безграмотныхъ взрослыхъ негровъ превосходитъ большинство всѣхъ обыкновенно вотирующихъ тамъ.

Чтобы наглядно показать, въ какомъ отношеніи находятся негры къ бѣлымъ въ дѣлѣ образованія, приведемъ нѣкоторыя данныя изъ штата Южной-Каролины. Къ 1880 г. народонаселеніе того штата простиралось до 995.577 жителей, въ томъ числѣ бѣлыхъ было 391.105, черныхъ—604.372. Въ томъ же году въ штатѣ было 2.973 публичныхъ школъ, стоившія народонаселенію 351.415 долларовъ. Въ этихъ школахъ обучалось дѣтей негровъ 72.853, дѣтей бѣлыхъ—61.219; другими словами, черные школьники составляютъ 7% негровъ, а бѣлые школьники—15% народонаселенія своего же цвѣта.

Обыкновенно говорятъ, что школы спеціально для негровъ стоятъ далеко ниже школъ для бѣлыхъ; что университеты для черныхъ по своей программѣ въ сущности не выше среднихъ учебныхъ заведеній, а потому негры-теологи, медики, юристы, агрономы, учителя и т. д. далеко уступаютъ въ свѣденіяхъ своимъ бѣлымъ собратьямъ. Во всемъ этомъ, по нашему, нѣтъ ничего удивительнаго и ничего доказывающаго неспособность негра къ наукамъ. Напротивъ, пришлось бы считать *чудеснымъ*, еслибы негры уже теперь, въ первую четверть вѣка по своемъ освобожденіи, сравнялись съ бѣлыми въ наукахъ. Если мы припомнимъ, на какомъ низкомъ уровнѣ стояли негры во время своего рабства; если мы примемъ въ соображеніе, что сначала у нихъ не было ни пяди земли, ни доллара денегъ, и что даже до сихъ поръ громадное большинство изъ нихъ находится въ положеніи черно-

рабочаго, то мы должны признать, что они сдѣлали блестящіе успѣхи въ умственномъ развитіи.

Здѣсь часто упрекали федеральное правительство за нежеланіе помочь неграмъ въ дѣлѣ образованія. Извѣстно, что въ пользу школъ 26-ти сѣверо-западныхъ штатовъ правительство отвело 67.983.014 акровъ (25.175.000 десятинъ) общественной земли, между тѣмъ какъ оно не дало ни акра земли и ни доллара денегъ въ пользу школъ для черныхъ. Но нельзя при этомъ забывать, что правительство, по обстоятельствамъ, и не могло ничего сдѣлать въ этомъ отношеніи до послѣдняго времени. Три года тому назадъ, когда конгрессъ, наконецъ, рѣшился назначить 15.000.000 долларовъ въ пользу школъ южныхъ штатовъ (безъ различія расъ), то и тогда ясно было, что ни расовый антагонизмъ, ни вражда между югомъ и сѣверомъ еще далеко не вполнѣ улеглись...

Здѣсь есть не мало противниковъ классическаго образованія для негровъ; они спрашиваютъ: „зачѣмъ негру латинскій и греческій языки? Не лучше ли обучать его ремесламъ?“ На это друзья негровъ резонно отвѣчаютъ: „если классицизмъ полезенъ для бѣлыхъ, то онъ долженъ быть полезенъ и для черныхъ“. Не вступая въ этотъ праздный диспутъ, замѣтимъ отъ себя, что у черныхъ дѣйствительно число теологовъ и юристовъ просто подавляетъ число технологовъ и инженеровъ, и что было бы полезно уравновѣсить отношеніе этихъ чиселъ, что, впрочемъ, сознаютъ теперь и образованные негры; въ послѣднее время они стали заявлять, что образованные ремесленники временъ рабства стали вымирать, а на ихъ мѣсто молодыхъ негровъ не появляется; поэтому, говорятъ они, слѣдуетъ обратить особенное вниманіе на индустріальное образованіе.

Въ низшихъ школахъ для негровъ учителя — негры же; въ среднихъ же и высшихъ бѣлые преподаватели пока преобладаютъ; къ сожалѣнію, у насъ нѣтъ цифровыхъ данныхъ о числѣ тѣхъ и другихъ.

Попечители школъ въ Нью-Іоркѣ не разъ высказывались за закрытіе спеціальныхъ школъ для негровъ, предлагая распредѣлить черныхъ учениковъ по школамъ для бѣлыхъ. Это, по ихъ мнѣнію, было бы и выгоднѣе (ежегодное сбереженіе въ 30.000 долларовъ), и болѣе согласно съ американскимъ демократическимъ духомъ; но общественное мнѣніе пока еще противъ введенія этой школьной реформы. Впрочемъ въ нѣкоторыхъ школахъ между бѣлыми можно найти и черныхъ школьниковъ. Недавно въ одной изъ такихъ школъ первымъ кончилъ курсъ негръ; его наградили

золотою медалью, а его бѣлые сотоварищи (около 60) поднесли ему букетъ; этотъ букетъ далеко дороже золотой медали.

Считаемъ нужнымъ дать болѣе подробныя свѣденія о важнѣйшихъ учебныхъ заведеніяхъ для негровъ. Первой школой, открытой спеціально для негровъ, была семинарія въ шт. Огайо, основанная черными методистами въ 1847 г.; эта семинарія постепенно разрослась въ университетъ Уилберфорса. Въ 1863 г. президентомъ университета былъ назначенъ епископъ Пэйнъ—негръ. За послѣднія 15 лѣтъ въ этомъ университетѣ получили образованіе 2.841 человѣкъ, изъ нихъ 1.070 дѣвушекъ. Въ университетѣ три факультета—богословскій, юридическій и музыкальный. Общеобразовательный курсъ раздѣляется на два отдѣленія—классическое и научное (реальное). Въ первомъ проходятъ слѣдующіе предметы: латинскій языкъ (избранныя сочиненія Ливія, Горація, Цицерона, Тацита, Плавта, Теренція), греческій (избр. сочиненія Гомера, Геродота, Платона, Эсхила, Лизія, Демосѳена), французскій, нѣмецкій, тригонометрія, землемѣрство и навигація, словесность, алгебра, зоологія, астрономія, физика, химія, политическая экономія, логика, исторія литературы, богословіе, геологія, философія, международное право, этика, исторія цивилизаціи (по Гизо). Въ реальномъ отдѣленіи преподаются тѣ же предметы, за исключеніемъ древнихъ языковъ, но естественныя науки проходятся въ большемъ размѣрѣ Этой же программы общаго образованія придерживаются и въ другихъ университетахъ для черныхъ.

Университетъ Фиска въ Нашвиллѣ, въ шт. Теннесси, былъ первымъ учебнымъ заведеніемъ, открытымъ на югѣ для дѣтей освобожденныхъ негровъ; это было въ 1865 г.; и тутъ инициатива принадлежала религіозному обществу (миссіонерскому). Генералъ Фискъ усердно помогалъ деньгами новому заведенію, которое впослѣдствіи и приняло его имя. Настоящее зданіе университета воздвигнуто главнымъ образомъ на средства, пріобрѣтенныя студенческимъ хоромъ. Этотъ хоръ сдѣлалъ шестилѣтній туръ въ Америкѣ и въ Европѣ. Интересъ репертуара этого хора составляли пѣсни бывшихъ негровъ-рабовъ. Въ этомъ университетѣ есть спеціально индустріальное отдѣленіе, обнимающее слѣдующіе предметы: типографское дѣло, гигіена и уходъ за больными, кулинарное дѣло, шитье и кройка. Студенты сами издаютъ и печатаютъ ежемѣсячный журналъ—„Fisk Herald“. Всего студентовъ въ университетѣ 453.

Университетъ Говарда въ Вашингтонѣ былъ основанъ въ 1867 г. Генералъ Говардъ былъ главнымъ дѣятелемъ при открытіи этого университета. За послѣднія 10 лѣтъ здѣсь кончили

курсъ: 233 студента на богословскомъ факультетѣ, 241—на юридическомъ, 523—на медицинскомъ (считая въ томъ числѣ фармацевтовъ и дантистовъ); 421 студентъ прошли классическій курсъ и 1.413—реальный. Въ этомъ университетѣ было и коммерческое отдѣленіе, но оно закрыто. Въ индустріальномъ отдѣленіи учатъ плотничеству, типографскому дѣлу, сапожному, портняжному, жестяному, кулинарному и копировальному. Учащихся считается 445, въ томъ числѣ 57 женщинъ. Президентъ этого университета—бѣлый.

Университетъ въ Атлантѣ, въ шт. Георгіи, былъ основанъ миссіонерскимъ обществомъ въ 1869 г. Мистеръ Уэръ, первый президентъ университета, былъ пламеннымъ поборникомъ совмѣстнаго обученія черныхъ и бѣлыхъ; но, несмотря на всѣ его старанія, бѣлые студенты отказывались поступать въ его университетъ. Согласно его завѣщанію, тѣло этого поборника равенства расъ было погребено на линіи, раздѣляющей кладбище бѣлыхъ отъ кладбища черныхъ. Число учащихся—291, изъ коихъ 149—женщины.

Университетъ штата Кентукки, въ Луисвиллѣ, былъ основанъ черными баптистами въ 1873 г. и находится въ рукахъ исключительно черныхъ.

Институтъ штата Виргиніи, находящійся въ рукахъ негровъ, содержится штатомъ; 20.000 долларовъ отпускается ежегодно этому заведенію. Здѣсь учителей — 10, изъ нихъ 4 женщины. Этотъ институтъ — общеобразовательное заведеніе. По закону штата, всѣ негры-учителя и учительницы обязаны слушать лѣтній курсъ (по крайней мѣрѣ разъ въ три года) въ этомъ институтѣ, внося за свое содержаніе (за 8 недѣль) всего только 16 долларовъ. Прошлымъ лѣтомъ въ стѣнахъ этого института собралось 252 учителя обоего пола. Благодаря этому прекрасному правилу, народные учителя имѣютъ возможность продолжать свое собственное образованіе и, вмѣстѣ съ тѣмъ, дѣлиться личными наблюденіями и опытомъ. Никакіе съѣзды не могутъ замѣнить такіе учительскіе курсы.

Индустріальная школа въ Тускеджи, въ штатѣ Алабама, была основана въ 1880 г. самимъ штатомъ. Школѣ отпускается всего только 3.000 долларовъ, но, благодаря частнымъ жертвователямъ, школа не нуждается ни въ землѣ, ни въ инструментахъ и ни въ средствахъ. Въ прошломъ году для студентокъ выстроено новое зданіе; кирпичи—1.000.000 штукъ—были сдѣланы самими студентами. Школа владѣетъ 540 акрами земли. Это, такъ сказать, коллективная ферма, сама удовлетворяющая почти всѣмъ

своимъ потребностямъ. Тутъ есть плотничная мастерская, кузница, кирпичный заводъ, огородъ, птичій дворъ, типографія и т. д. Школа продаетъ кирпичи и на сторону. Студентки ведутъ кухню и шьютъ на себя и на студентовъ. По мѣрѣ увеличенія средствъ, будутъ вводиться и другія ремесла. Теперь, напримѣръ, вводится фотографія. Одинъ клубъ въ Бостонѣ пожертвовалъ школѣ средства на лѣсопильню. Весь доходъ школы простирается до 20.000 долларовъ. Въ этой школѣ 20 преподавателей; президентомъ былъ назначенъ мистеръ Вашингтонъ—негръ. Уже свыше 400 мужчинъ и женщинъ получили образованіе въ этой школѣ.

Помимо упомянутыхъ школъ, есть еще слѣдующія высшія учебныя заведенія для негровъ: земледѣльческій институтъ въ Виргиніи, гдѣ учатся также и индѣйцы; университетъ Бетселя въ Арканзасѣ, университетъ (Шо) въ Сѣверной-Каролинѣ, коллегія въ Техасѣ.

Епископъ Пэйнъ, пасторъ Симмонсъ, мистеръ Лангстонъ (бывшій посланникъ въ Гаити), мистеръ Вашингтонъ и другіе извѣстнѣйшіе профессора изъ черныхъ, видали дни рабства и испытали на себѣ всякаго рода нужду и горе.

III.—Журналистика у негровъ.

Самымъ яркимъ доказательствомъ успѣховъ, сдѣланныхъ неграми въ дѣлѣ образованія, служитъ развитіе журналистики между ними. Для изданія и редактированія газеты необходимо быть, по крайней мѣрѣ, на нѣсколько градусовъ образованнѣе массы читателей.

Въ настоящее время въ Соединенныхъ Штатахъ издается неграми болѣе *полутораста* періодическихъ изданій! Одни изъ нихъ—большинство—еженедѣльныя газеты, другія—журналы—выходятъ ежемѣсячно и каждые три мѣсяца. Назовемъ важнѣйшія изъ этихъ изданій: „Enterprise“ (Предпріятіе), „Freeman“ (Свободный человѣкъ), „Progressive American“—выходятъ въ Нью-Іоркѣ; „Bee“ (Пчела), „People's Advocate“ (Защитникъ народа), —въ Вашингтонѣ; „Advocate“ (Защитникъ)—въ Бостонѣ; „Tribune“, „Sentinel“ (Часовой), „Christian Recorder“ (Христіанскій лѣтописецъ)—въ Филадельфіи; „Director“—въ Балтиморѣ; „Star“ (Звѣзда), „Planet“—въ Ричмондѣ; „Elevator“—въ Санъ-Франциско; „Defiance“ (Вызовъ)—въ Атлантѣ; „Lancet“ въ Питербургѣ; „Phoenix“—въ Саваннѣ. Изъ журналовъ укажемъ на „Negro-American“ (Американскій Негръ), выходящій ежемѣсячно въ Бо-

стонѣ, „Church Review“ (Церковное Обозрѣніе) и „Alumini Magazine“, выходящіе въ Филадельфіи каждые три мѣсяца.

Редакторъ газеты „Enterprise“, г. Арно, получилъ образованіе въ парижскомъ (американскомъ) институтѣ; онъ обладаетъ обширными свѣденіями относительно своей расы и нерѣдко снабжаетъ капитальными статьями по различнымъ вопросамъ о неграхъ лучшія газеты страны; его газета имѣетъ самое большое число подписчиковъ изъ всѣхъ негритянскихъ изданій, — до десяти тысячъ. „Enterprise“ занимается больше литературными и общественными вопросами. Газета „Freeman“, имѣющая около пяти тысячъ подписчиковъ, считается главнымъ органомъ политической партіи негровъ — „независимыхъ“. Г. Форчунъ, редакторъ этой газеты, получилъ образованіе въ университетѣ Говарда. Газеты „Enterprise“ и „Freeman“ извѣстны въ цѣлой странѣ, и ихъ редакторы считаются силою. Г. Форчунъ сообщалъ намъ, что число его регулярныхъ репортеровъ и сотрудниковъ (изъ разныхъ штатовъ) простирается до 50, и что изданіе газеты ему обходится въ 100 долларовъ въ недѣлю. Многіе изъ его корреспондентовъ служатъ также его агентами: они распространяютъ его газету, собираютъ объявленія и получаютъ извѣстный процентъ отъ выручки. Здѣсь, въ Нью-Іоркѣ, у него много волонтеровъ-репортеровъ, работающихъ „изъ-за славы“ (for glory). Состоя стенографами, клерками, переписчиками и т. д., они въ свободное время предлагаютъ свои услуги даромъ; за то, какъ репортеры, они пользуются безплатнымъ входомъ на балы, концерты и другія увеселительныя собранія черныхъ. Наборщики въ этихъ газетахъ—негры; они получаютъ до 15 долларовъ въ недѣлю.

Въ другихъ городахъ веденіе газеты еще проще; тамъ часто два-три человѣка дѣлаютъ все дѣло, начиная отъ писанія статей и кончая продажей газеты, включая сюда и печатаніе. Намъ лично приходилось видѣть на югѣ такія нехитрыя литературныя заведенія. Какъ бы то ни было, но, по пословицѣ — „свой своему по-неволѣ братъ“, негры довѣряютъ больше газетамъ, выходящимъ изъ-подъ пера черныхъ, чѣмъ газетамъ бѣлыхъ. Г. Форчунъ указалъ намъ на одно неблагопріятное для прессы черныхъ обстоятельство.

„Бѣда въ томъ, — говорилъ онъ,—что у насъ еще нѣтъ богатыхъ и въ то же время способныхъ писателей, которые могли бы вести все дѣло изданія единолично. Въ большинствѣ случаевъ газеты у насъ выходятъ на паяхъ, а при такихъ условіяхъ каждый пайщикъ считаетъ себя въ правѣ давать тонъ и направленіе газетѣ. Въ результатѣ нерѣдко получается ссора пайщиковъ, не-

правильное появленіе газеты, а то и временное пріостановленіе; все это возбуждаетъ недовѣріе подписчиковъ и вредно вліяетъ на газетное дѣло".

Здѣсь существуетъ „Національная ассоціація прессы негровъ", обнимающая всѣхъ „цвѣтныхъ" журналистовъ; цѣль ассоціаціи — коллективное полученіе важныхъ новостей; кромѣ того, ассоціація устроиваетъ національные конвенты, на которыхъ обсуждаются вопросы, касающіеся черной расы. На прошлогоднемъ конвентѣ въ Вашингтонѣ, напримѣръ, читались рефераты: „Должны ли мы защищать смѣшанныя школы?"; „Будущее негровъ на югѣ"; „Негритянскій и китайскій вопросы" и т. д. На ряду съ серьезными вопросами иногда поднимаются и пустые; напримѣръ, одинъ журналистъ настаивалъ на томъ, что, изъ уваженія къ собственной расѣ, они, негры, должны писать слово „negro" большой буквой — Negro.

Въ Нью-Іоркѣ у черныхъ есть „Литературно-историческое общество", собирающееся разъ въ недѣлю въ одной негритянской церкви. Одинъ изъ членовъ читаетъ лекцію, а затѣмъ каждому члену предоставляется возможность высказать свое мнѣніе вкратцѣ по данному вопросу. Лучшія изъ лекцій обыкновенно попадаютъ на столбцы негритянскихъ газетъ. Нерѣдко на трибунѣ черныхъ появляются и бѣлые лекторы, по приглашенію. Кромѣ того, здѣсь же есть „Христіанская унія молодыхъ негровъ", имѣющая свою библіотеку, читальню и гимнастическій залъ. Въ читальнѣ, разумѣется, находятся на лицо всѣ лучшіе журналы и газеты, выходящіе изъ-подъ пера черныхъ. Просматривая эти изданія, мы невольно задавали себѣ вопросъ: „чѣмъ они отличаются отъ изданій бѣлыхъ?" И вотъ какой отвѣтъ мы давали сами себѣ.

— Вотъ въ сущности вся разница между бѣлымъ и чернымъ: бѣлый ученѣе и опытнѣе, у него далеко выше артистическое чувство, да и нравственное тоже; но вмѣстѣ съ тѣмъ у бѣлаго недовольство настоящимъ часто переходитъ въ отчаяніе. Черный — это полупросвѣщенный юноша, полный жизни и полный надеждъ на будущее; смыслъ жизни ему еще непонятенъ, но за то онъ быстро подмѣчаетъ комическія стороны жизни и смѣется надъ ними самымъ заразительнымъ хохотомъ.

Разъ намъ пришлось присутствовать на церемоніи открытія школы для черныхъ въ Бруклинѣ; при этомъ пѣлись гимны и пѣсни, декламировались рѣчи, все это — произведеніе черныхъ авторовъ. Это навело насъ на мысль познакомиться съ произве-

деніями черныхъ писателей. Но здѣсь можно сообщить, конечно, только короткія и отрывочныя замѣтки по этому предмету.

Еще во время войны за независимость Соединенныхъ-Штатовъ, негритянка Гунтли привѣтствовала Вашингтона поэмой; „отецъ отечества" отвѣчалъ ей лестнымъ письмомъ, сохраняющимся и до нынѣ; Гунтли оставила, кромѣ того, нѣсколько поэмъ и интересные мемуары.

Фредерикъ Догласъ, безспорно, самый извѣстный негръ въ Америкѣ. Въ своей „автобіографіи" онъ разсказалъ объ ужасахъ рабства и своемъ побѣгѣ. Догласъ принадлежитъ къ числу первоклассныхъ ораторовъ, и его имя останется навсегда на страницахъ исторіи Соединенныхъ-Штатовъ.

Вильямъ Стиллъ въ своей книгѣ: „Подземная желѣзная дорога",—сообщилъ о многихъ случаяхъ побѣговъ рабовъ съ юга; онъ былъ секретаремъ тайнаго общества, составленнаго главнымъ образомъ изъ бѣлыхъ, съ цѣлью содѣйствія къ освобожденію рабовъ. Бѣглецовъ, а часто и ихъ помощниковъ, наказывали смертью; книга Стилла полна потому самыхъ трогательныхъ и трагическихъ случаевъ. Кромѣ того, тому же автору принадлежатъ двѣ брошюры: „Вотированіе и трудъ" и „Борьба за права черныхъ". В. Стиллъ владѣетъ теперь складомъ каменнаго угля въ Филадельфіи и считается богатѣйшимъ негромъ въ томъ городѣ.

Подъ заглавіемъ: „Величіе Христа"—пасторъ-негръ Крёммель изъ Вашингтона опубликовалъ свои проповѣди; эти проповѣди могли бы сдѣлать честь любому бѣлокожему проповѣднику. Крёммель—королевской крови (его дѣдъ былъ королемъ въ Тимани, въ Африкѣ). Интересна судьба этого королевскаго внука. Его отецъ сначала былъ рабомъ на югѣ, но затѣмъ выкупился на волю и поселился въ Нью-Іоркѣ. Здѣсь будущій проповѣдникъ научился читать и писать; въ 1831 г., въ штатѣ Нью-Гэмпширъ была открыта высшая школа для черныхъ и бѣлыхъ вмѣстѣ, и туда поступилъ молодой Крёммель; но фермеры не могли выносить и вида этой школы; разъ въ полночь они пристегнули къ школѣ девяносто паръ воловъ и спустили ее въ болото; испуганные школьники бросились въ лѣсъ, а фермера провожали ихъ выстрѣлами. Такъ какъ Крёммеля не допустили больше ни въ одну школу для бѣлыхъ, то ему пришлось учиться дома. Уже будучи пасторомъ, онъ поступилъ въ кэмбриджскій (англійскій) университетъ, гдѣ и кончилъ курсъ по богословскому факультету. Впослѣдствіи онъ былъ профессоромъ въ коллегіи въ Либеріи и написалъ интересную брошюру—„Будущее Африки". Крёммель доказываетъ съ понятнымъ для него увлеченіемъ, что негровъ Африки будто могутъ циви-

лизовать только негры, и что неграмъ впослѣдствіи будетъ принадлежать высокая миссія—создать собственную цивилизацію.

Адвокатъ Стрэкеръ написалъ книгу—„Новый югъ", въ которой онъ превосходно обрисовалъ современное положеніе негровъ и бѣлыхъ на югѣ. Стрэкеръ былъ членомъ законодательнаго собранія въ Южной-Каролинѣ и разъ былъ кандидатомъ (но не избранъ) въ вице-губернаторы того же штата.

Профессоръ Д. Улльямсъ написалъ книгу—„Негры-піонеры цивилизаціи" и помѣстилъ рядъ статей въ „Baptist Companion", „Industrial Herald" и „Richmond Planet". Улльямсъ кончилъ курсъ въ одномъ изъ лучшихъ здѣшнихъ университетовъ (Броуна) и теперь преподаетъ математику и древніе языки.

Изъ всѣхъ читанныхъ нами книгъ негровъ-авторовъ намъ больше всего нравится „Исторія негровъ въ Америкѣ"—почтенный трудъ полковника Георга Улльямса. Съ нѣмецкою обстоятельностію (недаромъ въ немъ есть и нѣмецкая кровь,—его мать родилась отъ нѣмца и негритянки) авторъ ведетъ свой разсказъ съ 1619 по 1880 гг., безпристрастно излагая судьбу своего несчастнаго народа. Улльямсъ получилъ образованіе на сѣверѣ; во время междоусобной войны онъ дослужился до чина полковника. Затѣмъ онъ сдѣлался ревностнымъ проповѣдникомъ евангелія и объявилъ, что истинный христіанинъ не долженъ принимать участіе въ войнѣ.

Изъ негровъ-композиторовъ укажемъ на Шваліе-де-Салосъ и Крега, написавшихъ нѣсколько музыкальныхъ пьесъ.

IV.—Церковь у негровъ.

Въ жизни негровъ нашего времени религія имѣетъ очень важное значеніе; поэтому считаемъ нужнымъ показать, въ какомъ положеніи находится у нихъ церковь.

Еще до сихъ поръ въ здѣшнемъ духовенствѣ бѣлой расы преобладаетъ мнѣніе, что только бѣлые пасторы могутъ успѣшно вести негровъ впередъ по пути „христіанской цивилизаціи". Такое мнѣніе основывается на такихъ соображеніяхъ: только высокообразованный человѣкъ (получившій общее и спеціально богословское образованіе) можетъ быть хорошимъ духовнымъ пастыремъ, а такихъ людей между неграми нѣтъ или очень мало. Помимо образованія отъ пастора требуется хорошее воспитаніе,—умѣнье держать себя съ достоинствомъ, приличнымъ важному сану пастора, — а благовоспитанныхъ семействъ между неграми почти вовсе нѣтъ. Если черные пасторы получатъ большинство,

то въ періодическихъ собраніяхъ они будутъ рѣшать дѣла церкви по своему усмотрѣнію, что̀ (по мнѣнію бѣлыхъ пасторовъ) навѣрно привело бы къ печальнымъ послѣдствіямъ. Наконецъ, никогда пророкъ не принимается съ полнымъ довѣріемъ въ собственномъ отечествѣ, *ergo*—бѣлые пасторы должны имѣть больше вліянія на черныхъ прихожанъ, чѣмъ негры-пасторы. Послѣдній доводъ долженъ бы имѣть силу и *vice versa*, съ чѣмъ, конечно, бѣлые пасторы не согласятся, да и вообще всѣ приведенныя соображенія далеко не основательны.

Въ епископальномъ журналѣ (Church Magazine) пасторъ Перри (бѣлый) основательно разобралъ вопросъ о томъ, должно ли имѣть чернокожее духовенство. Исходя изъ того положенія, что въ церкви Христовой нѣтъ ни раба, ни свободнаго, ни чернаго, ни бѣлаго, но всѣ люди вообще—братья, авторъ горячо и убѣдительно доказываетъ, что только негры-пасторы могутъ просвѣтить негровъ. Ссылаясь на исторію церкви, онъ говоритъ, что христіанство прочно прививалось только тамъ, гдѣ дѣло проповѣди находило избранниковъ между туземцами. Только негры-пасторы могутъ успѣшно проповѣдывать неграмъ религію любви; поэтому, продолжаетъ авторъ, бѣлые могутъ оказать величайшую услугу чернымъ братьямъ, давъ наилучшее воспитаніе и образованіе чернымъ проповѣдникамъ. Въ этомъ направленіи теперь и дѣйствуютъ лучшіе люди, заинтересованные въ христіанскомъ просвѣщеніи негровъ. Хорошій починъ въ этомъ благомъ дѣлѣ принадлежитъ бѣлымъ студентамъ богословскаго училища въ Филадельфіи; они объявили въ своей петиціи начальству, что они считаютъ своимъ христіанскимъ долгомъ дать мѣсто въ своей семьѣ своимъ чернымъ братьямъ. Ихъ петиція была уважена. Нужно вообще отдать справедливость филадельфійской духовной семинаріи: оттуда выходятъ лучшіе негры-проповѣдники. Духовная семинарія въ Ралэй, содержимая методистами, по результатамъ далеко уступаетъ филадельфійской, хотя профессора и тамъ бѣлые; очевидно, общеніе съ бѣлыми студентами развиваетъ негровъ-студентовъ далеко сильнѣе, чѣмъ одно слушаніе лекцій бѣлыхъ профессоровъ. Вслѣдствіе крайней недостаточности богословскихъ школъ для черныхъ, число высокообразованныхъ негровъ-пасторовъ очень ограничено. Большинство изъ нихъ, всего ихъ считается до 5.000, могутъ считаться только грамотными, но далеко не образованными. При такихъ условіяхъ естественно было ожидать, что нѣкоторые негры-пасторы послужатъ только къ соблазну [1]).

[1]) Пасторъ Джасперъ, напр., пріобрѣлъ громкую репутацію, проповѣдуя на тему „Солнце движется“ (The sun do move). Курьезовъ изъ проповѣдей черныхъ пасторовъ и не перечесть.

Боясь именно соблазна, многіе епископы крайне неохотно посвящаютъ въ пасторы черныхъ.

Негры въ большинствѣ случаевъ протестанты-методисты и баптисты. Въ Нью-Іоркѣ, напримѣръ, изъ шести церквей для черныхъ только двѣ и одна католическая, и та построена всего годъ тому назадъ. По случаю открытія послѣдней одинъ черный пасторъ-протестантъ заявилъ:

„Мы противъ римскаго католицизма. По моему глубокому убѣжденію, наша раса не должна подчиняться церкви, воюющей противъ свободы мысли и противъ публичныхъ не-сектантскихъ школъ. Только путемъ образованія въ публичныхъ школахъ наша раса можетъ быть поднята до уровня бѣлой расы. Посмотрите, каково вліяніе католицизма уже съ самаго начала: священникъ Буркэ нашей расы провозгласилъ въ своей католической церкви двѣ ереси: „только негры будутъ допускаться въ церковь“,— это ересь противообщественная, изолирующая негровъ (къ ихъ же невыгодѣ) отъ общества бѣлыхъ; или: „только католики могутъ получить царство небесное“,—это ересь религіозная, глубоко оскорбляющая всѣхъ христіанъ, которые чаютъ спасенія, поступая по евангелію, но не подъ диктовку католическихъ священниковъ. Мы стремимся къ свободѣ, а намъ навязываютъ умственное и нравственное порабощеніе, которое, въ концѣ концовъ, можетъ оказаться хуже перваго рабства“.

Безъ всякаго сомнѣнія, этотъ пасторъ правъ, отдавая, съ той точки зрѣнія, предпочтеніе протестантизму предъ католицизмомъ. Нельзя, впрочемъ, игнорировать того обстоятельства, что даже слѣпое подчиненіе вліянію католическихъ патеровъ должно считаться прогрессивнымъ шагомъ по отношенію ко многимъ тысячамъ негровъ. Мы намекаемъ, конечно, на „вудуизмъ“, еще далеко не искорененный между здѣшними неграми.

Что такое „вудуизмъ“? Это особенный культъ, основанный на вѣрѣ въ колдовство; вуду-негръ—это и жрецъ, умѣющій заклинать къ добру и къ худу, и врачъ, знающій силу различныхъ снадобій и чаръ. Вудуизмъ служитъ темнымъ воспоминаніемъ объ Африкѣ, откуда онъ завезенъ былъ въ Америку вмѣстѣ съ рабами; и поддерживается-то онъ главнымъ образомъ африканскими средствами: такъ, важнѣйшія снадобья вуду до сихъ поръ привозятся изъ Африки. Странное явленіе: въ то время, какъ миссіонерскія общества отправляютъ отсюда въ Либерію высокопросвѣщенныхъ проповѣдниковъ, отъ африканскихъ вуду на тѣхъ же пароходахъ сюда пересылаются различные корни, травы и чары, обладающіе какой-то таинственной силой! Въ Нью-Іоркѣ,

американской метрополіи, на ряду съ просвѣщенными неграми-врачами практикуетъ и одинъ вуду, — единственный „докторъ“ изъ здѣшнихъ черныхъ эскулаповъ, разъѣзжающій въ собственной каретѣ! Этотъ докторъ (онъ получилъ дипломъ въ одномъ изъ колледжей и лечитъ травами) „привораживаетъ“ сердца, лечитъ отъ „заговора“ и, конечно, vice-versa, — самъ напускаетъ „вуду“. — „Я напущу на тебя вуду“, — это самая страшная угроза между неграми. Дѣло въ томъ, что тутъ заклинанье не обходится одними только словами, а сопровождается подсыпаніемъ разныхъ зелій и нерѣдко—ядовъ. Не мало было случаевъ, что здоровый человѣкъ, ни съ того, ни съ сего, станетъ пухнуть и въ два-три дня умираетъ. Есть основаніе думать, что въ распоряженіи вуду-негровъ есть сильные африканскіе яды (въ видѣ корней), привозимые изъ Африки. Кора дерева сиферъ (sipher) и корень айвори—особенно часто употребляются въ заклинаніяхъ вуду. У черныхъ знахарей есть цѣлая іерархія, во главѣ которой стоитъ вуду-Мультольтесъ; старшины-вуду съѣзжаются разъ въ три года въ Новомъ-Орлеанѣ. Вуду-негры приносятъ жертвы —голубя, когда требуется добро,—змѣю, когда въ виду имѣется худо. Жрецы-вуду находятъ какую-то связь между своими церемоніями съ богослуженіемъ, происходившимъ въ храмѣ Соломона. Нужно замѣтить, что и бѣлые не брезгаютъ иногда услугами вуду, особенно въ дѣлѣ любви. Иногда вудуизмъ ведетъ къ трагическимъ случаямъ. Вотъ одинъ изъ нихъ.

Въ Южной-Каролинѣ одинъ негръ 40 лѣтъ влюбился въ жену своего сосѣда, негритянку, 25-лѣтъ; такъ какъ черная красавица не ободряла ухаживанья сосѣда, то послѣдній обратился къ помощи старика-вуду; чрезъ недѣлю послѣ этого „красавица“ сдѣлалась мягче, но объявила, что она не оставитъ мужа, пока тотъ живъ; черный ловеласъ снова обратился къ знахарю; тотъ пошепталъ на пулю и совѣтовалъ влюбленному пустить ее въ голову сосѣда; а чтобы избавить его отъ страшнаго призрака висѣлицы, знахарь далъ своей жертвѣ какой-то амулетъ, избавляющій, будто бы, отъ суда и расправы. Конецъ былъ таковъ: влюбленный негръ убилъ своего сосѣда и отправился къ его женѣ; преступника арестовали, судили, осудили и повѣсили. А суевѣрная толпа недоумѣвала: какъ же это сила вуду не подѣйствовала?

Имѣя въ виду вудуизмъ, нельзя не признать, что обращеніе негровъ въ христіанство, какъ бы грубо оно ни было понято ими, все-таки должно считаться прогрессивнымъ явленіемъ.

Крещеніе, совершаемое по обряду баптистовъ, сильно дѣй-

ствуетъ на воображеніе черныхъ. Они иногда экзальтируются до обморока. Разъ мнѣ пришлось присутствовать при крещеніи 65 негровъ—39 женщинъ и 26 мужчинъ; мужчины были одѣты въ черныя длинныя платья, а женщины—въ бѣлыя. При погруженіи въ воду тѣ и другія произносили восклицанія восторга: они видѣли небеса, „улетали“ туда и падали почти безъ чувствъ; дьяконы просто уносили многихъ изъ нихъ въ уборную. Хоръ восторженныхъ мужчинъ и женщинъ пѣлъ гимны, причемъ нерѣдко тотъ или другой изъ пѣвчихъ вставлялъ слова и фразы отъ себя.

V.—Негры на политическомъ поприщѣ.

Съ 1870 г., когда неграмъ были даны права гражданства, и „политиканство“ стало быстро развиваться между ними. Это было неизбѣжно. Избавившись отъ господъ, негры стремились отдѣлаться и отъ нелюбимыхъ ими начальниковъ, до того времени избираемыхъ изъ плантаторовъ. Съ усердіемъ новопосвященныхъ, негры густою толпою окружали избирательные ящики и, какъ одинъ человѣкъ, подавали свои голоса за бѣлыхъ республиканцевъ, переселившихся къ нимъ съ сѣвера. На вотированіе они смотрѣли какъ на новый священный обрядъ, да и не обходилось оно безъ участія ихъ пасторовъ. Дѣло въ томъ, что приходъ былъ прежде единственной организованной единицей, поэтому политическіе вожаки и начали съ пасторовъ: послѣдніе, будучи развитѣе массы и имѣя вліяніе на своихъ пасомыхъ, какъ нельзя лучше могли исполнять роль мѣстныхъ политиковъ. Послѣ обычной службы, пасторы произносили политическіе спичи и тутъ же раздавали избирательные билеты, объяснивъ, гдѣ, когда и за кого слѣдуетъ вотировать. Вскорѣ между неграми появились и собственные вожаки, способные организировать десятки и даже сотни приходовъ; по пословицѣ: „своя рубашка ближе къ тѣлу“, эти вожаки сами мѣтили на избирательныя мѣста. Такимъ образомъ, прежде нежели у негровъ были свои образованные люди, у нихъ уже были собственные представители въ законодательныхъ собраніяхъ различныхъ южныхъ штатовъ. Законодателемъ можетъ быть и человѣкъ неграмотный, а писаремъ—нѣтъ, поэтому низшія избирательныя должности (писаря, секретари, судебные слѣдователи, сборщики податей и т. д.) были заняты неграми только впослѣдствіи, когда школьное дѣло у нихъ значительно развилось. По общему здѣсь мнѣнію, у негровъ есть много лов-

кихъ политиковъ и краснорѣчивыхъ ораторовъ. Способность негровъ краснѣ говорить удивляетъ даже самихъ американцевъ.

Теперь, въ концѣ первой четверти столѣтія со времени освобожденія, негры занимаютъ всевозможныя должности, за исключеніемъ поста губернатора. Въ обѣихъ палатахъ конгресса, во всѣхъ законодательныхъ собраніяхъ южныхъ штатовъ, во всѣхъ судахъ послѣднихъ штатовъ—вездѣ есть представители негровъ, и нѣкоторые изъ нихъ пользуются заслуженною репутаціей. Догласъ, выступившій на общественную трибуну еще до освобожденія негровъ, удивилъ страну своимъ краснорѣчіемъ и изяществомъ и правильностью языка. Въ то время Догласъ считался чудомъ своего вѣка, теперь же Догласы стали обыкновеннымъ явленіемъ,—ихъ считаютъ тысячами. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что между черными политиканами есть люди, во всѣхъ отношеніяхъ равные лучшимъ бѣлымъ политиканамъ. Если черныхъ до сихъ поръ не избирали на губернаторскія мѣста и не назначали въ министры, то это единственно по расовымъ предубѣжденіямъ. Депутація черныхъ просила президента Кливлэнда вручить одинъ изъ министерскихъ портфелей негру; на это президентъ благоразумно отвѣчалъ, что въ такомъ случаѣ съ равнымъ правомъ могли бы требовать того же американскіе нѣмцы, французы, ирландцы и т. д., и въ такомъ случаѣ правительство, вмѣсто національнаго, сдѣлалось бы націоналистическимъ. Полагаю, что въ теченіе слѣдующей четверти вѣка мы увидимъ негровъ и на губернаторскомъ посту, а можетъ быть, и въ министерскомъ кабинетѣ президента. Въ Либерію, Гаити и Санъ-Доминго негры назначаются американскими посланниками.

Здѣсь часто упрекаютъ негровъ за то, что они будто бы не понимаютъ разныхъ политическихъ вопросовъ, продаютъ свои голоса и обкрадываютъ казну. Не защищая негровъ отъ этихъ упрековъ, скажу, однако, что въ этихъ же винахъ грѣшны и бѣлые; вся разница только въ степени. Негры, какъ масса, стоятъ ниже бѣлыхъ, поэтому политическая купля и продажа у нихъ ведутся грубѣе, открытѣе. Негра можно купить и за 50 ц., а бѣлому давай пару долларовъ; негръ-чиновникъ стянетъ тысячу долларовъ, а бѣлый на его мѣстѣ съумѣетъ украсть и цѣлый десятокъ тысячъ. Такова уже здѣсь политическая механика. Ужъ если надо искать виновныхъ, а главное — зачинщиковъ, то таковые, конечно, находятся въ рядахъ бѣлыхъ политикановъ, посвятившихъ черныхъ во всѣ тонкости политиканскаго искусства. Кто какъ не бѣлые изобрѣли политическую ариѳметику, заключающую въ себѣ „сложеніе, дѣленіе и молчаніе“ (addition, division and

silence)? Случается, иногда, что выборы на югѣ кончаются кровавой свалкой, но и тутъ зачинщиками обыкновенно бываютъ бѣлые, а черные—послушнымъ орудіемъ.

Такъ какъ негры своимъ освобожденіемъ и гражданскими правами обязаны республиканской партіи, то вполнѣ естественно, что до сихъ поръ они держатся этой партіи. Только въ послѣдніе годы, и при томъ наиболѣе развитые изъ негровъ, стали заявлять, что, изъ чувства благодарности, они не обязаны всегда поддерживать кандидатуру республиканцевъ, какъ какъ между послѣдними иногда являются люди недостойные. Это значитъ, что негры начинаютъ стремиться къ политической независимости. Лучшія газеты страны привѣтствуютъ политическую самостоятельность негровъ, какъ „вторую эмансипацію". Само собою разумѣется, что новая эмансипація можетъ состояться только тогда, когда масса негровъ возвысится до уровня бѣлыхъ; до того же времени неграмъ суждено подчиняться политическимъ вожакамъ, будь они бѣлой или черной кожи.

Назначеніе учителей и пасторовъ на югѣ обыкновенно производится не безъ политическихъ разсчетовъ: люди, стоящіе во главѣ правленія, имѣютъ въ виду, что во время выборовъ церковные и школьные учителя будутъ поддерживать всѣми средствами своихъ „благодѣтелей".

VI.—Негры-солдаты.

Во время междоусобной войны негры принимали дѣятельное участіе во многихъ битвахъ; храбро сражаясь противъ своихъ бывшихъ господъ, негры тѣмъ самымъ доказали свои права на свободу и гражданство; такъ, по крайней мѣрѣ, посмотрѣли на дѣло сѣверяне-солдаты. Человѣкъ, съ оружіемъ въ рукахъ, защищающій свою свободу, предпочитающій смерть подневольной жизни —такой человѣкъ уже не рабъ. Сѣверяне-солдаты, имѣвшіе тысячи случаевъ убѣдиться въ готовности негровъ отдать свою жизнь за свободу, разъ навсегда рѣшили, что бывшіе рабы вполнѣ заслуживаютъ быть гражданами. Этимъ-то убѣжденіемъ и объясняется единодушное одобреніе извѣстной статьи конституціи 1870 г., гласящей о равноправіи негровъ.

Какъ между бѣлыми, такъ и между черными, во время войны явилось много скороспѣлыхъ капитановъ, маіоровъ, полковниковъ и генераловъ, изъ которыхъ большая часть уже переселилась въ другой міръ; но остающіеся въ живыхъ и до сихъ поръ ведутъ за собою массы, если не на поле брани, то на поле политики.

У негровъ звонкій титулъ „генерала“ или „полковника“ значитъ еще болѣе, чѣмъ у бѣлыхъ. Вотъ почему между черными кандидатами такъ часто появляются ветераны прошлой войны.

Въ настоящее время въ американской регулярной арміи есть четыре черныхъ полка: два полка инфантеріи и два полка кавалеріи. По оффиціальнымъ репортамъ, можно судить о полной годности негровъ къ военной службѣ. Черные солдаты ни въ чемъ не уступаютъ бѣлымъ: они такъ же храбры, такъ же терпѣливо выносятъ всякаго рода труды и лишенія, какъ и бѣлые; они пьянствуютъ далеко меньше бѣлыхъ, а именно: въ прошломъ году у негровъ было 4 случая алкоголизма на 1.000, а у бѣлыхъ солдатъ—76 случаевъ на 1.000.

Въ черныхъ полкахъ офицеры, за весьма малымъ исключеніемъ, бѣлые, такъ какъ до сихъ поръ чернымъ почти не удавалось попасть въ вестъ-поинтскую военную академію. Кандидатовъ въ эту академію назначаютъ члены конгресса, каждый изъ своего штата; насколько намъ извѣстно, въ академіи учились два негра; одинъ изъ нихъ отлично окончилъ курсъ, и товарищи хорошо обращались съ нимъ; другой плохо поспѣвалъ въ математикѣ и никакъ не могъ расположить къ себѣ бѣлыхъ кадетовъ; не кончивъ курса, онъ оставилъ академію. Бѣлые академисты не дѣлаютъ разницы между бѣлыми и черными полками; нерѣдко лучшіе изъ нихъ предпочитаютъ послѣдніе.

Въ Нью-Іоркѣ, года два тому назадъ, открыта подписка на сооруженіе памятника чернымъ солдатамъ, павшимъ во время междоусобной войны; до сихъ поръ подписка шла медленно; можетъ быть, юбилейный годъ оживитъ это благое дѣло.

VII.—Экономическое положеніе негровъ.

Двадцать-пять лѣтъ тому назадъ негры, получивъ свободу, выступили на широкое поприще жизни съ пустыми руками. Экономическое положеніе ихъ было крайне трудное. Бывшіе ихъ господа-плантаторы относились къ нимъ послѣ войны очень недовѣрчиво, да и не могли они доставить работу всѣмъ свободнымъ рукамъ, такъ какъ въ большинствѣ случаевъ они сами были разорены. Негры не могли пріобрѣтать всего болѣе удобные для нихъ участки земли по той простой причинѣ, что плантаторы ни за что не хотѣли продавать ихъ своимъ бывшимъ рабамъ; выселеніе на свободныя государственныя земли требовало, во-первыхъ, издержекъ, а во-вторыхъ — что еще важнѣе — перемѣны всего

строя жизни. Работы на хлопчато-бумажныхъ или табачныхъ плантаціяхъ вовсе не приготовили негровъ къ суровой фермерской жизни въ сѣверо-западныхъ штатахъ. При такихъ условіяхъ неграмъ оставалось одно — наниматься въ работники или идти прислугой. За эту четверть вѣка условія значительно измѣнились.

Изъ статистическихъ данныхъ относительно штата Георгія за 1881 г. мы находимъ слѣдующія интересныя цифры: все имущество штата было оцѣнено въ 270.993.888 долларовъ, въ томъ числѣ негры владѣли имуществомъ на 6.478.951 д., что составляетъ 2,4% всего имущества штата. Число вотирующихъ гражданъ въ томъ штатѣ было—137.000 бѣлыхъ и 94.000 черныхъ. Отсюда видно, что на долю каждаго взрослаго бѣлаго приходится имущества на 2.000 долларовъ, а на каждаго взрослаго чернаго—на 70 долларовъ. Конечно, разница между тѣми и другими громадная, почти въ 30 разъ, но это уже далеко отъ того состоянія пауперизма, въ которомъ негры были 25 лѣтъ тому назадъ. Земля штата Георгія оцѣнена была въ 86.921.959 долларовъ, въ томъ числѣ земля негровъ въ 1.754.800 д. Считая 3 доллара за акръ, мы найдемъ, что негры въ томъ штатѣ владѣютъ 584.933 акрами земли, или по 6,2 акра на взрослаго негра. Мы имѣемъ дѣло только съ средними цифрами; разумѣется, между неграми есть неимѣющіе ни пяди земли, ни доллара собственности, но, съ другой стороны, между ними есть владѣльцы прекрасныхъ плантацій, стоющихъ десятки и даже сотни тысячъ долларовъ. Насколько мнѣ извѣстно, милліонеровъ до сихъ поръ нѣтъ между неграми. Но возвратимся къ статистикѣ. Скотъ разнаго рода въ штатѣ Георгія былъ оцѣненъ въ 23.638.294 д., въ томъ числѣ на долю негровъ приходится скота на 2.213.021 д., или почти десятая часть. При этомъ нужно имѣть въ виду, что въ послѣдніе годы богатство негровъ возрастаетъ въ бо́льшей пропорціи, чѣмъ богатство бѣлыхъ. Напр., годовое приращеніе скота въ штатѣ Георгія показано въ 2%, между тѣмъ какъ приращеніе скота собственно у негровъ было 7%. По положенію негровъ въ штатѣ Георгія можно судить о положеніи негровъ вообще въ южныхъ штатахъ.

Большіе города юга переполнены неграми, предлагающими свои руки за бездѣлицу. Правда, и существованіе тамъ стоитъ недорого, но такъ какъ случайный трудъ не можетъ обезпечивать рабочаго круглый годъ, то по временамъ, особенно зимою, городскимъ неграмъ приходится бѣдствовать. Положеніе негровъ-фермеровъ далеко лучше. Даже на небольшомъ клочкѣ земли негръ можетъ обезпечить свое существованіе, что бы онъ ни

сѣялъ—хлопокъ, табакъ, сахарный тростникъ, рисъ или просто кукурузу. По общему отзыву туристовъ, фермы негровъ настоящаго времени далеко не имѣютъ такого привлекательнаго вида, какимъ отличался югъ во времена рабства. Негры теперь одѣваются бѣднѣе, смѣхъ и пѣсни слышатся между ними рѣже, хаты смотрятъ непривѣтливѣе, чѣмъ прежде. Но вѣдь это только что начало самостоятельной жизни послѣ двухъ-вѣкового рабства. Это—переходное время; далѣе наступитъ правильное теченіе жизни, признаки которой читатель, надѣюсь, уже видѣлъ въ предыдущихъ главахъ нашего очерка.

Только въ послѣдніе годы бѣлые эмигранты стали направляться на югъ, противъ котораго у нихъ существуетъ сильное предубѣжденіе. Многіе здѣсь спѣшатъ пророчить, что неграмъ будетъ очень плохо, когда эмиграціонная волна направится на югъ. Мы же полагаемъ, что негры только выгадаютъ отъ прилива бѣлыхъ. Свое мнѣніе мы основываемъ на томъ простомъ наблюденіи, что негры въ сѣверныхъ штатахъ, окруженные подавляющимъ большинствомъ бѣлыхъ, живутъ далеко лучше, чѣмъ ихъ собратья на югѣ. Примѣръ сосѣда заразителенъ, будь то къ лучшему или худшему, а подражательность у негра необыкновенно сильно развита.

Прежде негры раздѣлялись на два класса—рабовъ и свободныхъ; теперь же, съ развитіемъ образованія и увеличеніемъ богатства, у нихъ явилось три отдѣльныхъ класса. Возьмемъ, напримѣръ, городъ Вашингтонъ, съ его 65.000 чернаго народонаселенія. Тамъ есть черная аристократія, средній классъ—чиновная среда, и низшій классъ—рабочій и прислуга. Каждый изъ этихъ классовъ живетъ отдѣльно одинъ отъ другого и между ними нѣтъ общественной связи, подобно тому, какъ это ведется у бѣлыхъ. Къ черной аристократіи принадлежатъ слѣдующія лица: сенаторъ Брюсъ, профессоръ Гринеръ, докторъ Пёрвисъ, семья Уормли, членъ конгресса Огара, директоръ училищъ Кукъ, сборщикъ податей Кукъ, пасторъ Гринки, профессоръ Лангстонъ (бывшій посланникъ въ Гаити), Догласъ, бывшій маршалъ округа Колумбіи, и др. Высокое образованіе, высокое оффиціальное положеніе и значительное богатство—все это мы найдемъ въ черной аристократіи. Госпожа Брюсъ-Окторуина—въ толпѣ бѣлыхъ женщинъ ее нельзя отличить; она прекрасно образована, говоритъ по-французски, играетъ на фортепіано, рисуетъ по фарфору,—словомъ, она совершенно благовоспитанная лэди; несмотря на это, двери аристократическихъ домовъ бѣлыхъ всегда для нея заперты. Госпожа Огара также образованная дама; она держитъ бѣлую

гувернантку для своихъ дѣтей. Члены черной аристократіи разъѣзжаютъ въ собственныхъ каретахъ, дѣлаютъ визиты другъ другу, собираются на вечера, задаютъ блестящіе балы. Въ „Воскресной Пчелѣ“ (органъ черной аристократіи) то-и-дѣло встрѣчается описаніе костюмовъ негритянскихъ красавицъ, бывшихъ на томъ или другомъ балу. У черныхъ богачей прислуга черная, но та и другая сторона отлично понимаютъ, что ихъ взаимныя отношенія не могутъ быть другими, какъ только отношенія господъ и прислуги. Между членами этого круга есть лица, владѣющія состояніемъ въ нѣсколько сотъ тысячъ. Семья Уормли владѣетъ однимъ изъ лучшихъ домовъ Вашингтона, стоющимъ 150.000 долларовъ; члены этой семьи получили наилучшее образованіе. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ Догласъ женился (во второй разъ) на бѣлой дѣвушкѣ, служившей у него въ департаментѣ клеркомъ; съ того времени его отношенія къ черной аристократіи совершенно измѣнились: этотъ бракъ считается оскорбленіемъ черной расы, да и госпожа Догласъ чувствовала себя крайне неловко среди черныхъ дамъ, далеко превосходящихъ ее по образованію.

Къ среднему классу принадлежатъ клерки, служащіе въ различныхъ департаментахъ, и торговцы; это также люди болѣе или менѣе образованные, многіе изъ нихъ имѣютъ собственные дома; они съ завистью смотрятъ на своихъ аристократовъ и съ пренебреженіемъ относятся къ черной рабочей массѣ. У этого класса бываютъ также свои вечера, балы, экскурсіи и др. увеселенія.

Прислуга и рабочіе составляютъ низшій классъ; чернымъ плебеямъ невозможно попасть въ дома средняго и высшаго класса, развѣ только въ качествѣ прислуги. У черной массы есть много обществъ разнаго характера—религіозныхъ, филантропическихъ, увеселительныхъ, взаимной помощи и т. д.

Въ нѣкоторыхъ изъ южныхъ штатовъ идетъ сильное переселеніе негровъ—явленіе, хорошо знакомое и у насъ. Въ штатѣ Луизіана, напримѣръ, въ какіе-нибудь два года до десяти тысячъ негровъ переселилось изъ холмистыхъ графствъ въ долину Миссисипи. Переселяются тѣ изъ негровъ, кому терять нечего, кто надѣется на лучшее въ новыхъ, невѣдомыхъ мѣстахъ. Дѣло въ томъ, что весь югъ вообще страдаетъ отъ системы кредита или, вѣрнѣе, залога; какъ у большихъ плантаторовъ, такъ и у бѣдныхъ негровъ, все заложено и перезаложено. У послѣднихъ часто трудъ будущаго года уже запроданъ и, такъ-сказать, съѣденъ. *Кулачество* на югѣ сильно развито. Вотъ образчикъ этой системы,

какъ она развилась на югѣ. Плантаторъ владѣетъ нѣсколькими тысячами акровъ земли, которую онъ отдаетъ мелкими участками въ аренду неграмъ, взимая съ нихъ продуктами. Часто негры обращаются къ нему съ просьбой о займѣ въ счетъ будущаго урожая; у плантатора денегъ нѣтъ,—его плантація давно заложена въ какомъ-нибудь банкѣ, но онъ имѣетъ кредитъ во многихъ лавкахъ; онъ пишетъ такого рода записку одному изъ торговцевъ: „прошу отпустить подателю товаровъ на мой счетъ на 2 долл. 50 ц., посчитавъ ихъ ему въ 4 доллара". Пользуясь такимъ кредитомъ, негръ послѣ сбора урожая, отдавъ всѣ продукты плантатору, часто остается въ долгу. Такъ идетъ годъ за годомъ. При такихъ условіяхъ, при первой вѣсти о лучшихъ мѣстахъ, негръ бросаетъ свое пепелище, взваливаетъ свои скудные пожитки на мула и темною ночью исчезаетъ, оставивъ свой долгъ на память плантатору. Но тутъ оправдывается пословица „нѣтъ худа безъ добра": оставшіеся на мѣстѣ негры обыкновенно выговариваютъ лучшія условія.

Въ послѣдніе годы черные фабричные рабочіе стали организоваться по примѣру бѣлыхъ. Однихъ черныхъ „рыцарей труда" насчитывается до 65.000. Сознаніе солидарности интересовъ сближаетъ черныхъ и бѣлыхъ рабочихъ прочнѣе, чѣмъ отвлеченное понятіе о братствѣ людей вообще. Въ южныхъ штатахъ, ближайшихъ къ сѣвернымъ, организація идетъ быстрѣе; однако же на югѣ, гдѣ между черными почти вовсе нѣтъ бѣлыхъ рабочихъ, объ организаціи и слуху нѣтъ.

Негритянскій кварталъ въ городѣ Нью-Іоркѣ очень непріятенъ, но итальянскій не уступитъ ему въ этомъ отношеніи, а польско-еврейскій даже далеко превзойдетъ. Многіе богатые дома предпочитаютъ негритянскую прислугу ирландской.

VIII.—Отношенія между черными и бѣлыми.

Мы пришли теперь къ самому больному мѣсту въ нашемъ очеркѣ. Проповѣдники слова Божія твердятъ, что въ церкви Христовой нѣтъ ни бѣлаго, ни чернаго, а всѣ люди—братья; законъ гласитъ, что черные и бѣлые граждане должны пользоваться равными правами; каждому безпристрастному человѣку извѣстно, что между чернокожими есть люди настолько же образованные, способные и высоконравственные, какъ и лучшіе изъ бѣлыхъ. Несмотря на все это, расовое предубѣжденіе далеко еще не искоренено. Приведу нѣсколько фактовъ.

Въ шт. Тенесси, въ сентябрѣ прошлаго года, одинъ бѣлый фермеръ былъ убитъ неизвѣстными людьми и ограбленъ. По подозрѣнію, одинъ старый негръ былъ арестованъ; онъ признался въ преступленіи и указалъ на 9 своихъ сообщниковъ—негровъ. Со старикомъ была учинена расправа по суду линча. Послѣ того изъ 9-хъ обвиняемыхъ фермеры взяли изъ тюрьмы двухъ и повѣсили. Затѣмъ они снова осадили тюрьму. Но судья и прокуроръ успѣли убѣдить фермеровъ оставить остальныхъ обвиняемыхъ въ рукахъ правосудія. Но еще до окончанія суда фермеры окружили залу суда, схватили 5 обвиняемыхъ и повѣсили ихъ изъ оконъ зданія суда. Фермеровъ переполошило то обстоятельство, что судъ освободилъ двухъ изъ обвиняемыхъ, явившихся главными свидѣтелями со стороны штата, и этихъ несчастныхъ нашли повѣшенными чрезъ нѣсколько дней. И такъ, за одного бѣлаго десять негровъ!

Другой случай. Въ іюлѣ настоящаго года въ одной деревнѣ шт. Луизіана одинъ негръ былъ пойманъ въ домѣ бѣлой женщины, съ которой онъ жилъ въ незаконной связи; бѣлые хотѣли высѣчь негра, но вдругъ изъ-за кустовъ раздались выстрѣлы въ нихъ; бѣлые убѣжали, захвативъ съ собою свою жертву. Получивъ подкрѣпленіе, они повѣсили негра и отправились арестовать негровъ, стрѣлявшихъ въ нихъ; произошла битва: шесть негровъ было убито и одинъ бѣлый. На слѣдующій день четыре негра были пойманы и повѣшены. Затѣмъ еще два негра были схвачены, изъ которыхъ одинъ былъ повѣшенъ, а другой, доказавшій свою невиновность, былъ освобожденъ.

Вотъ еще случай. Въ прошломъ апрѣлѣ въ шт. Южная-Каролина пятеро негровъ, принадлежавшихъ къ шайкѣ воровъ, убили 12-лѣтняго мальчика, замѣтившаго, какъ они воровали хлопокъ съ плантаціи его отца. Преступниковъ арестовали и посадили въ тюрьму. Вдругъ разнеслась вѣсть, что отецъ мальчика сошелъ съ ума съ горя, и что и мать также помѣшалась. Взволнованные этой вѣстью, фермеры сейчасъ же отправились въ тюрьму и повѣсили обвиняемыхъ, которые предъ смертью признались въ своемъ преступленіи.

Каждый годъ можно собрать сотни подобныхъ случаевъ. Особенно часто расправляются съ неграми по суду линча за изнасилованіе бѣлыхъ женщинъ. Въ нѣкоторыхъ южныхъ штатахъ и законъ наказываетъ смертью за это преступленіе; но граждане обыкновенно не дожидаются суда въ такихъ случаяхъ. Помимо мести, кровавыя столкновенія между бѣлыми и черными бываютъ и по другимъ причинамъ. Въ 1883 г. въ шт. Виргинія,

во время общихъ выборовъ, въ одномъ небольшомъ городѣ произошло кровавое столкновеніе между бѣлыми и черными по политическимъ причинамъ; черные управляли городомъ, а бѣлымъ хотѣлось забрать власть въ свои руки. Разъ бѣлые устроили митингъ; черные, въ числѣ 500, окружили и хотѣли разогнать ихъ; произошла свалка: три негра были убиты, а четыре бѣлыхъ ранены, изъ нихъ двое смертельно. Политиканы передъ тѣмъ распускали слухъ, что если демократы (бѣлые) возьмутъ верхъ, то они снова введутъ рабство.

Послушаемъ жалобы самихъ черныхъ. Одна изъ резолюцій, проведенныхъ неграми на національномъ конвентѣ въ Луисвиллѣ, гласитъ: „Мы знаемъ, что многіе законы, изданные для защиты нашихъ гражданскихъ правъ, остаются мертвой буквой. Почти во всѣхъ южныхъ штатахъ неграмъ невозможно получить правосудіе въ судахъ; они не наслаждаются всѣми плодами своего труда; имъ мѣшаютъ пользоваться ихъ политическими правами во время выборовъ; имъ закрываютъ доступъ къ изученію ремеслъ; содержатели отелей и желѣзнодорожныя компаніи нарушаютъ ихъ гражданскія права; штаты не даютъ имъ полной возможности учиться".

Недавно одно „общество молодыхъ христіанъ" (бѣлыхъ) отказало въ пріемѣ одному негру, совершенно приличному господину. По этому поводу епископъ Броунъ (негръ) изъ Вашингтона сказалъ: „Черная раса нигдѣ не пользуется полной свободой. Негръ долженъ быть вдвое умнѣе и ловчѣе бѣлаго, чтобы сравняться съ нимъ, да и тогда онъ еще не избавляется отъ общественнаго остракизма". Пасторъ Деррикъ (негръ), говоря по тому же поводу, сказалъ: „Намъ нужно добиться другой эмансипаціи —избавленія отъ унизительнаго остракизма, встрѣчаемаго людьми нашей расы въ религіозныхъ обществахъ и церквахъ бѣлыхъ, а также почти во всѣхъ предпріятіяхъ и работахъ".

Прошедшимъ лѣтомъ владѣлецъ парка Асбери, изобилующаго источниками и озерами, объявилъ, что онъ не позволитъ неграмъ гулять въ своемъ паркѣ. Это запрещеніе вызвало горячій протестъ со стороны черныхъ гражданъ. Скажемъ кстати, что подобному же остракизму со стороны нѣкоторыхъ загородныхъ фешенебельныхъ отелей подверглись и евреи.

Этимъ же лѣтомъ, въ Чарлстонѣ, епископалы собирались на конвентъ; болѣе половины бѣлыхъ лицъ, духовныхъ и свѣтскихъ, объявили, что они не желаютъ допускать на конвентъ черныхъ епископаловъ, такъ какъ такое общеніе означало бы „общественное равенство". По мнѣнію щепетильныхъ епископаловъ, черные

епископалы должны отдѣльно обсудить о своихъ нуждахъ и довести о томъ до свѣденія конвента бѣлыхъ епископаловъ. Негры съ негодованіемъ отказались подчиниться такому унизительному для нихъ рѣшенію своихъ бѣлыхъ „братьевъ во Христѣ".

Въ виду всего этого, въ послѣднее время газеты съ жаромъ обсуждали вопросъ о томъ, насколько извинительно расовое предубѣжденіе. Не возражая противъ политическаго равноправія негровъ, газеты тѣмъ не менѣе высказываются за право бѣлыхъ держаться особнякомъ въ обществѣ, если это имъ желательно; законъ не можетъ и не долженъ регулировать, такъ сказать, интимныя отношенія гражданъ. Существованіе же расоваго предубѣжденія почти никѣмъ изъ бѣлыхъ не оспаривалось. Другого мнѣнія держатся сами негры. Въ одномъ коллективномъ письмѣ, напечатанномъ въ нью-іоркской газетѣ „Sun", негры горячо возражали противъ того мнѣнія, будто бы расовое предубѣжденіе еще очень сильно. Въ доказательство своего мнѣнія, они ссылались на то, что законъ о равноправіи негровъ могъ быть проведенъ только при одобреніи трехъ-четвертей народа. Далѣе они указывали на рѣчь одного извѣстнаго южанина (редактора газеты „Atlanta Constitution"), утверждавшаго, что отношенія между бѣлыми и черными, на югѣ, теперь очень дружественны. Негры могутъ молиться почти во всѣхъ протестантскихъ церквахъ Нью-Іорка, и во всѣхъ, безъ исключенія, католическихъ. За исключеніемъ одного театра, негры допускаются во всѣ нью-іоркскіе театры. Отели, рестораны, магазины въ Нью-Іоркѣ ничего не имѣютъ противъ черной публики.

Въ Нью-Іоркѣ, и вообще на сѣверѣ—одно дѣло, а другое дѣло—на югѣ. Въ штатѣ Георгія только-что проведенъ законъ, воспрещающій „смѣшанныя школы": школы для бѣлыхъ не должны допускать черныхъ учениковъ (и обратно), подъ опасеніемъ штрафа и тюремнаго заключенія.

Во Флоридѣ епископъ Пэйнъ (негръ), былъ высаженъ на полотно желѣзной дороги, въ пяти миляхъ отъ Джаксонвилля, потому что онъ, имѣя билетъ перваго класса, отказался перейти въ вагонъ, спеціально назначенный для черныхъ („for colored passengers"). Онъ подалъ въ судъ, но не знаемъ, чѣмъ кончилось дѣло. Въ штатѣ Тенесси есть законъ, дозволяющій желѣзнодорожнымъ компаніямъ держать для черныхъ особые вагоны, но послѣдніе должны быть одинаковаго качества, какъ и для бѣлыхъ. Одна компанія обратила вагоны для черныхъ въ курительные вагоны и буфетъ для бѣлыхъ. Учительница-негритянка купила билетъ перваго класса и вошла въ вагонъ для бѣлыхъ;

кондукторъ требовалъ, чтобы она перешла въ курительный вагонъ; она отказалась; тогда на слѣдующей станціи ее высадили вонъ, силой; она подала въ судъ, и судъ оштрафовалъ компанію въ 500 долларовъ, въ пользу учительницы.

Въ Пенсильваніи судъ постановилъ, что желѣзнодорожныя компаніи могутъ имѣть особые вагоны для черныхъ, но вагоны должны быть одинаковаго качества, какъ и для бѣлыхъ. Но судъ въ штатѣ Иллинойсъ пришелъ къ другому заключенію: такъ какъ желѣзныя дороги суть общественные пути сообщенія, то они не должны дѣлать никакой разницы между бѣлыми и черными гражданами.

Религіозная газета „Independent“ такъ высказалась по данному вопросу: „Если негры, какъ присяжные, могутъ сидѣть въ судѣ на одной скамьѣ съ бѣлыми, если они могутъ класть свои шары въ избирательные ящики вмѣстѣ съ бѣлыми, въ такомъ случаѣ отчего не ѣздить имъ въ однихъ вагонахъ съ бѣлыми, не молиться въ тѣхъ же церквахъ, не учиться въ тѣхъ же школахъ? Гражданское равноправіе требуетъ полнаго равенства“.

Полагаемъ, что приведенныхъ фактовъ достаточно, чтобы показать, что расовое предубѣжденіе еще сильно, и что даже законы не могутъ обезпечить неграмъ полнаго равноправія. Только высокое и общее развитіе, какъ бѣлыхъ, такъ и черныхъ, заставитъ гражданъ въ ихъ общественныхъ отношеніяхъ игнорировать цвѣтъ кожи и племенное различіе. Теперь есть не мало американцевъ, униженно преклоняющихся предъ громкими титулами европейцевъ; такіе американцы, съ другой стороны, не задумаются оскорбить тѣхъ изъ своихъ согражданъ, которые, по волѣ судебъ, родились черными или принадлежатъ къ еврейскому племени.

IX.—Личныя наблюденія автора.

Читатель, надѣюсь, не посѣтуетъ на меня, если я, въ заключеніе своего очерка, приведу собственныя наблюденія надъ неграми въ Америкѣ. За эти пятнадцать лѣтъ, мнѣ нерѣдко приходилось имѣть дѣло съ „цвѣтными“ гражданами различныхъ слоевъ, какъ на сѣверѣ, такъ и на югѣ. Особенно близко мнѣ пришлось наблюдать ихъ въ штатѣ Флорида, гдѣ около двухъ лѣтъ я занимался медицинской практикой. Оттуда я и поведу свой разсказъ.

Я жилъ въ небольшомъ городѣ, раскинутомъ, можно сказать, въ лѣсу; первобытныя тропинки вели отъ одного дома къ дру-

гому; улицъ и въ понятіи еще не было. Когда въ первый разъ, ночью, ко мнѣ постучался дюжій негръ и объявилъ, что тамъ, гдѣ-то на берегу озера, нужна моя помощь, то, признаюсь, не безъ страха я послѣдовалъ за нимъ. Вмѣстѣ съ медицинскими инструментами я не забылъ захватить съ собой и заряженный револьверъ. Скомандовавъ своему чернокожему чичероне идти впередъ и указывать дорогу, я невольно думалъ о томъ, какъ легко ему завести меня въ какую-нибудь чащу и, въ сообществѣ пріятелей, обобрать меня до нитки. Но со мной былъ револьверъ, и я не отставалъ отъ негра. Паціентка задержала меня часа на три. Уже свѣтало, когда я собрался домой: несмотря на это, негръ непремѣнно хотѣлъ меня проводить обратно. Дорогой мы разговорились. Мой проводникъ оказался простодушнѣйшимъ, почтительнымъ и веселымъ малымъ, и мнѣ стыдно стало и за страхъ свой, и за револьверъ. Вскорѣ я убѣдился, что негры были далеко добродушнѣе и человѣчнѣе, чѣмъ бѣлые той мѣстности. Не бралъ я болѣе съ собой револьвера въ своихъ ночныхъ странствіяхъ и никогда не имѣлъ никакихъ непріятностей отъ негровъ.

Не раздѣляя расоваго предубѣжденія своихъ коллегъ-южанъ, я лучше ихъ обращался съ неграми, а потому они чаще обращались ко мнѣ за помощью.

— Смотрите, докторъ, не лечите негровъ въ кредитъ,—замѣтилъ мнѣ одинъ коллега:—у нихъ чувство долга еще не развито. Я не пойду къ негру на домъ иначе, какъ получивъ гонораръ впередъ.

— Ради этнографическихъ интересовъ, я не прочь рискнуть и долларомъ,—отговорился я и продолжалъ лечить негровъ попрежнему.

Я долженъ сказать, что если за нѣкоторыми неграми и остался должокъ, то таковой же остался и за бѣлыми; большинство же черныхъ паціентовъ оказались исправными плательщиками. Правда, нѣкоторые изъ нихъ платили, такъ сказать, натурою: одинъ дровъ привезетъ, другой срубитъ ихъ и т. д., но вѣдь это все равно, что деньги.

Въ качествѣ врача, мнѣ приходилось посѣщать многія негритянскія семьи и познакомиться съ ихъ жизнью. Что касается названій разныхъ болѣзней и лекарствъ, то въ этомъ отношеніи негры безконечно превосходятъ нашихъ крестьянъ. Многіе трудные латинскіе термины передѣлываются неграми на ихъ собственный ладъ, да вѣдь этимъ же грѣшатъ и бѣлые, да еще и образованные... Разъ одна негритянка (прачка), жаловалась мнѣ на

сильную ревматическую боль въ колѣнномъ сочлененіи. Распросивъ больную о ходѣ болѣзни, я сказалъ, что, дескать, пропишу.

— Извините, докторъ,—заговорила она,—но я должна сказать вамъ, что я пробовала іодную тинктуру—и не помогло; давали мнѣ камфрный спиртъ растирать, и отъ этого толку мало; пробовала я хлороформъ съ масломъ—облегченіе только моментальное; керосинъ всего больше помогалъ мнѣ, да все это не излечило моего колѣна. Дайте мнѣ что-нибудь посильнѣе да повѣрнѣе.

Это не единичный случай. При чрезвычайномъ обиліи врачей здѣсь—ихъ считается одинъ на каждые пятьсотъ жителей—и при англійской рецептурѣ, вполнѣ естественно, что здѣшняя публика много знаетъ о болѣзняхъ и лекарствахъ.

Бѣднѣйшіе изъ негровъ живутъ въ грязныхъ лачугахъ, наживо сколоченныхъ и часто безъ стеклянныхъ оконъ. Но тамъ, гдѣ мужъ или жена имѣетъ правильный заработокъ, тамъ вы встрѣтите безупречную чистоту и опрятность. Впрочемъ, говоря вообще, негры безпечнѣе, лѣнивѣе и расточительнѣе бѣлыхъ. Во Флоридѣ я видалъ бѣлыхъ, живущихъ бѣднѣе каждаго негра, но они перебивались такъ до поры, до времени, сбирая гроши для пріобрѣтенія земли или дома. Другое дѣло негры: они еще не умѣютъ отказывать себѣ въ настоящемъ, для того чтобы получше устроить свою жизнь въ будущемъ. По воскресеньямъ негры одѣваются не хуже, если еще не лучше бѣлыхъ; негритянки имѣютъ слабость къ яркимъ цвѣтамъ, нерѣдко выставляя въ одномъ костюмѣ всѣ цвѣта радуги.

Гдѣ я практиковалъ, всѣ негры, не исключая учителя и пастора, работали по найму; только у немногихъ были собственные дома и участки земли. Пасторъ Джонсъ, полуграмотный негръ, лѣтъ 40, былъ очень симпатичнымъ человѣкомъ; немногое онъ зналъ изъ евангелія, но что зналъ, тому вѣрилъ всѣми силами своего существа, какъ вѣрили, быть можетъ, только наши прадѣды. Говоря въ церкви о нравственныхъ терзаніяхъ грѣшника и наслажденіи праведника, онъ, подобно актеру, то и другое невольно представлялъ на собственной персонѣ,—такъ сильно было его воображеніе. Никогда не забуду я слѣдующей сцены крещенія негровъ: Джонсъ пригласилъ меня присутствовать при крещеніи нѣсколькихъ новообращенныхъ негровъ въ озерѣ; на берегу озера стояло десятка три негровъ—мужчинъ и женщинъ; они громко, но нестройно, пѣли какой-то гимнъ; пасторъ вошелъ въ воду по грудь; за нимъ вели молодую негритянку; положивъ правую руку на грудь новообращенной, а лѣвой придерживая ее сзади, пасторъ устремилъ пристальный взглядъ на небо

и крайне взволнованнымъ голосомъ сказалъ: — „О! во имя Отца и Сына и святого Духа, я крещу сестру Нанси!“ При этихъ словахъ онъ погрузилъ женщину въ воду. Хоръ негровъ оживленно повторялъ: „Слава! слава! слава!“ Несмотря на то, что около меня стояло нѣсколько бѣлыхъ „зубоскаловъ“, не стѣснявшихся дѣлать вслухъ глупыя замѣчанія, эта сцена произвела на меня необыкновенно сильное впечатлѣніе. Такая глубокая вѣра въ высшій идеалъ должна имѣть важное значеніе въ развитіи массы негровъ.

У негровъ былъ собственный молитвенный домъ; это просторная деревянная хата въ одну комнату, полную скамеекъ; въ теченіе недѣли этотъ же домъ служилъ школой для черныхъ дѣтей. По воскресеньямъ, отъ восьми до десяти часовъ вечера, часто прислушивался я къ страннымъ заунывнымъ гимнамъ, доносившимся до меня изъ церкви черныхъ; своимъ мотивомъ эти гимны живо напоминали мнѣ пѣсни негровъ временъ рабства. Да, рабство исчезло, но память о немъ еще долго, долго будетъ храниться въ массѣ негровъ, живущихъ въ глуши южныхъ штатовъ. Другіе мотивы поютъ городскіе негры, другія мысли шевелятъ ихъ... Но объ этомъ послѣ.

Пасторъ Джонсъ былъ одаренъ недюжиннымъ даромъ слова. Во время выборовъ онъ горячо убѣждалъ негровъ стоять за республиканцевъ. Въ то время, какъ я жилъ во Флоридѣ, Джонсъ имѣлъ большой успѣхъ въ своемъ графствѣ, но за то и пришлось ему поплатиться. Разъ ночью, когда онъ спалъ въ шалашѣ въ лѣсу (онъ по найму чистилъ поле), одинъ изъ бѣлыхъ демократовъ выстрѣлилъ въ него изъ ружья, заряженнаго крупною дробью. Рано утромъ одинъ негръ прискакалъ за мной; я нашелъ въ тѣлѣ Джонса девять дробинъ, изъ которыхъ, къ счастью, ни одна не попала въ важные органы. Пока я вынималъ дробины, Джонсъ экзальтированно молился, прощая своему врагу. Джонсъ не хотѣлъ да и не могъ преслѣдовать судомъ своего врага, — вѣдь свидѣтелей не было, а начинать дѣло по подозрѣнію—это совершенно безполезно.

Встрѣчаясь съ чернымъ пасторомъ, я обыкновенно подавалъ ему руку, за что и получилъ дружеское внушеніе отъ мэра.

— Вы, докторъ, здѣсь новичокъ и не знаете нашихъ обычаевъ, — замѣтилъ онъ мнѣ; — мы не обращаемся съ неграми такъ ласково, какъ вы; они намъ не ровня.

— Какъ не ровня?“ —возразилъ я:—по вашей же конституціи, они пользуются равными съ вами гражданскими правами.

— Конституція — дѣло политики; она не обязываетъ меня сближаться съ неграми и въ обществѣ.

— Не предполагаете ли вы и въ будущей жизни держаться вдали отъ негровъ? — спросилъ я, зная, что мэръ, какъ и Джонсъ, былъ вѣрующимъ баптистомъ.

— Въ будущей жизни? — мэръ запнулся, но потомъ нашелся: — въ будущей жизни, полагаю, негры будутъ вполнѣ очищенными.—Онъ разсмѣялся. Онъ не дѣлалъ мнѣ болѣе своихъ замѣчаній.

Семейныя узы у массы негровъ не особенно крѣпки; поссорятся мужъ съ женой и разойдутся; глядишь, у нихъ уже образовались новыя парочки; помирятся, опять сходятся—до слѣдующей размолвки. Мнѣ кажется, законъ о разводѣ имѣетъ дурное вліяніе на нихъ; они знаютъ, что разводъ дозволяется закономъ, а такъ какъ печальная процедура развода долга и дорога, то они обходятъ ее вполнѣ. Я говорилъ объ этомъ съ Джонсомъ; онъ сообщилъ мнѣ, что такіе случаи развода очень часты, но какъ помочь горю—онъ не знаетъ.

Городскіе негры настолько же отличаются отъ негровъ, живущихъ въ глуши, насколько у насъ въ Россіи городское населеніе отличается отъ деревенскаго. И въ городахъ негры, большею частію, работаютъ по найму, но это уже народъ, очень мало похожій на моихъ флоридскихъ знакомыхъ; они знаютъ себѣ цѣну, знаютъ свои права и умѣютъ постоять за себя. Черные кучера, лакеи, швейцары, кухарки, горничныя, няньки получаютъ одинаковое съ бѣлыми жалованье и ни въ чемъ не уступаютъ послѣднимъ. Года два ходилъ я въ Нью-Іоркѣ къ черному цирюльнику стричься; часто я заводилъ съ нимъ рѣчь о послѣднихъ новостяхъ—и что же? мой негръ-цирюльникъ всегда былъ въ состояніи поддержать разговоръ обо всемъ на свѣтѣ: ему, какъ и мнѣ, всѣ новости in urbi et orbi были знакомы. Значитъ, не для однихъ только своихъ патроновъ онъ держалъ въ своемъ скромномъ заведеніи три ежедневныхъ газеты и одинъ недѣльный иллюстрированный журналъ. На мой вопросъ, что онъ думаетъ о бракѣ Догласа, женившагося на бѣлой, мой цирюльникъ отвѣчалъ:

— Мнѣ это не нравится, совсѣмъ не нравится. У этой пары нѣтъ ничего общаго: онъ—талантливый политическій дѣятель, какихъ очень мало; она — самый обыкновенный клеркъ. Что ему въ ней понравилось?—только бѣлая кожа! Стыдно! Ну, а ей въ немъ?—извѣстность, богатство; конечно, бѣлый съ его положеніемъ не женился бы на такой женщинѣ. Какъ будто Догласъ

не могъ найти себѣ между черными лэди настоящую пару,—совершенную лэди, образованную, а не то, что эта—клеркъ.

— Такъ вы противъ брака между бѣлыми и черными?

— Совсѣмъ нѣтъ, но я противъ того, чтобы сенаторы Соединенныхъ-Штатовъ женились на своихъ кухаркахъ, будь онѣ бѣлыя или черныя. Въ бракѣ должно быть соотвѣтствіе, нѣкоторое равенство. То же и въ обществѣ. Кстати прочитайте вотъ газетную вырѣзку.

Онъ подалъ мнѣ вырѣзку изъ „Pittsburg Dispatch“, въ которой я прочиталъ слѣдующее:

„Госпожа мэри Анна Тоддъ, жена покойнаго Генри Тоддъ, изъ Дарiенъ, шт. Георгія, умерла; оставшееся послѣ нея имущество, 200.000 долларовъ, будетъ раздѣлено согласно волѣ покойнаго Тодда. Тоддъ былъ негръ; онъ обладалъ необыкновенною способностью наживать деньги; такъ какъ деньги служатъ самымъ сильнымъ нивеллиторомъ расъ, то Тоддъ никогда не имѣлъ недостатка въ бѣлыхъ партнерахъ. Бѣлыя дамы города Дарiенъ принимали у себя черную госпожу Тоддъ и сами посѣщали ее. Тодды умерли бездѣтными. По завѣщанію Тодда, все его имущество, по смерти его жены, должно быть раздѣлено между двумя церквами, изъ коихъ одна для бѣлыхъ, а другая для черныхъ; деньги должны быть употреблены для образовательныхъ и благотворительныхъ цѣлей. Останки мужа и жены Тоддъ сопровождали на кладбище толпы бѣлыхъ и черныхъ гражданъ“.

— Когда негръ дѣйствительно стоитъ чего-нибудь, то изъ бѣлыхъ только глупцы не дадутъ ему настоящей цѣны, — замѣтилъ цирюльникъ въ видѣ комментарія.

Замѣчаніе моего чернаго собесѣдника о „несоотвѣтствіи въ бракѣ“ вызвало у меня въ памяти одинъ дѣйствительный романъ изъ жизни негровъ, который, въ заключеніе, я и разскажу вкратцѣ.

Въ городѣ Колумбіи, въ штатѣ Южная-Каролина, въ числѣ освобожденныхъ рабовъ одной семьи была дѣвушка Нанси, отличавшаяся цвѣтущимъ здоровьемъ и негритянскою красотою. Ей бы какъ разъ было въ пору играть роль „черной Венеры“. На кухнѣ работала Нанси въ рабствѣ, и та же работа выпала ей на долю и на свободѣ; но Нанси была совершенно довольна своею судьбою; съ утра до вечера раздавался ея громкій смѣхъ. Нанси одѣвалась самымъ скромнымъ образомъ и только въ исключительныхъ случаяхъ надѣвала башмаки. На вечеринкахъ, устраиваемыхъ черной прислугой обоего пола, Нанси считалась царицей: ни одна изъ черныхъ красавицъ не могла состязаться съ нею ни въ пляскѣ, ни въ пѣньѣ. Поклонниковъ у нея было

много, но она еще не рѣшала разстаться съ дѣвичьей волей. Такъ текла ея жизнь мирно и счастливо.

Въ томъ же городѣ Колумбіи жилъ генералъ и членъ конгресса Элліотъ, извѣстный богачъ, даровитый адвокатъ и высоко образованный человѣкъ. Элліотъ росъ, учился и занимался адвокатурой въ Бостонѣ. Во время междоусобной войны онъ принялъ, конечно, сторону сѣверянъ и дослужился до генеральскаго чина. Послѣ войны онъ поселился въ Колумбіи и, по справедливости, считался вожакомъ республиканской партіи въ Южной-Каролинѣ. Онъ былъ не разъ избираемъ въ конгрессѣ. На одной изъ лучшихъ улицъ Колумбіи у него былъ собственный домъ, отличавшійся изяществомъ и роскошью. Разъ Элліотъ отправился кататься на парѣ собственныхъ рысаковъ. На углу одной улицы онъ былъ очарованъ слѣдующей живой картиной: молодая негритянка только-что наполнила ведро воды изъ помпы и поставила его себѣ на голову, повязанную краснымъ платкомъ; негритянка старалась уравновѣсить ведро, но это ей удалось не сразу, — вода капала на ея открытую шею, возбуждая въ ней веселый смѣхъ; ея босыя коричневыя ноги виднѣлись изъ-подъ нѣсколько поднятой юбки. То была—Нанси. Генералъ-конгрессмэнъ сразу влюбился въ нее, познакомился съ нею и вскорѣ женился на ней, не взирая на протестъ своихъ друзей. Служанка Нанси сразу сдѣлалась госпожей роскошнаго дома и многочисленной прислуги; шелкъ, кружева, бриллианты—все было къ ея услугамъ. Нанси должна была сказать—„прости навсегда“ своимъ веселымъ пріятельницамъ и пріятелямъ. Она вступила въ другое общество, должна была вести знакомство съ людьми богатыми, образованными и извѣстными въ политическомъ мірѣ. Но была ли она такъ же счастлива, какъ прежде? Едва ли. Разъ бывшая госпожа этой Нанси проходила мимо дома Элліота. У мраморнаго фонтана, окруженнаго рѣдкими растеніями, сидѣла „генеральша“ въ шелковомъ платьѣ янтарнаго цвѣта; своими *босыми* ногами она задумчиво копалась въ сыромъ пескѣ. Дружеское привѣтствіе бывшей ея госпожи испугало Нанси,—она быстро спрятала свои ноги подъ шелковой юбкой, а затѣмъ, оправившись, сказала:

— Не смѣйтесь, старая барыня, надъ своей бывшей рабой. Вы знаете, я никогда не могла выносить башмаковъ. Еслибы генералъ замѣтилъ меня въ такомъ видѣ, онъ выбранилъ бы меня; но безъ него я при каждомъ удобномъ случаѣ снимаю башмаки. Вся эта роскошь не можетъ заставить меня позабыть то счастли-

вое время, когда я была просто Нанси, а теперь я—жена генерала-конгрессмэна Элліота".

Вмѣстѣ съ своимъ мужемъ Нанси была принята въ лучшемъ республиканскомъ обществѣ какъ въ Колумбіи, такъ и въ самомъ Вашингтонѣ. При президентѣ Гарфильдѣ на балахъ госпожа Элліотъ была окружаема выдающимися бѣлыми политиканами: одни заискивали расположенія генерала-конгрессмэна, другимъ хотѣлось показать, что у нихъ нѣтъ расоваго предубѣжденія, а третьимъ - просто нравилась сама Нанси.

Генералъ Элліотъ умеръ, оставивъ своей женѣ все свое громадное состояніе. Простодушная и неопытная въ финансовыхъ дѣлахъ, Нанси спустила все свое богатство въ какія-нибудь пять-шесть лѣтъ. На-дняхъ она умерла въ крайней бѣдности, забытая всѣми.

Нашъ очеркъ конченъ. Мы желали дать читателю общее понятіе о настоящемъ положеніи негровъ въ Америкѣ, и старались главнымъ образомъ—во-первыхъ—собрать какъ можно болѣе существенныхъ данныхъ и фактовъ, а во-вторыхъ — отнестись съ полнымъ безпристрастіемъ къ своему предмету. У насъ лично нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что негры, при благопріятныхъ условіяхъ, могутъ достигнуть одинаковой съ бѣлыми степени развитія. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, у негровъ есть дѣйствительно свои особенныя черты, отличающія ихъ отъ нашей, кавказской расы. Быстрота соображенія, необычайная сила фантазіи, свойство беззавѣтнаго увлеченія хорошими и дурными чувствами, почти всеобщее музыкальное чувство, доброта и другія, трудно уловимыя, свойства отличаютъ негра отъ народовъ кавказской расы. Мы вполнѣ раздѣляемъ мнѣніе тѣхъ образованныхъ негровъ, которые утверждаютъ, что имъ предстоитъ цивилизовать негровъ Африки и создать тамъ свою собственную культуру. Въ чемъ могутъ заключаться особенности такой, чисто негритянской цивилизаціи, объ этомъ теперь, конечно, и догадываться нельзя, но сомнѣваться въ возможности такой цивилизаціи положительно нѣтъ никакого основанія.

П. Поповъ.

Нью-Іоркъ.

НОВОЕ

НА

СТАРОЙ ПОДКЛАДКѢ

Повѣсть изъ американскаго быта.

I.

... — На меня-то ужъ, конечно, не разсчитывайте. Жизнь слишкомъ коротка, чтобъ таскаться по всѣмъ этимъ чернорабочимъ фермерамъ. Понять не могу, какъ это вамъ, докторъ, при всемъ вашемъ знаніи свѣта вообще и нашего сѣверо-американскаго въ особенности, приходитъ въ голову везти лорда Гурдайля къ этимъ нелѣпымъ людямъ.

— Не подрывайте „устоевъ“, дорогая моя миссисъ Моррисъ, что хотите — только не подрывайте „устоевъ“!.. — воскликнулъ докторъ Кларкъ.—Вы забываете, что эти самые „нелѣпые“ фермеры у насъ, въ сѣверо-американскихъ штатахъ, на плечахъ своихъ выносятъ всю тяжесть нашей земледѣльческой по преимуществу республики; а мы обязаны показать молодому лорду товаръ нашъ лицомъ. Вѣдь не первый же это встрѣчный: онъ кипу рекомендательныхъ писемъ съ собою привезъ.

Такъ отвѣчалъ средняго роста, плотный мужчина, лѣтъ подъ-пятьдесятъ на видъ, нехотя поднимаясь съ пня, на которомъ сидѣлъ, безцѣльно стругая ножемъ сучокъ дерева и, слѣдственно, обрѣтаясь въ блаженнѣйшемъ для американца расположеніи духа; въ словахъ его, однако, слышалась уже въ эту минуту нотка иронiи, хотя и трудно было распознать, относится ли это

къ собесѣдницѣ, или къ обсуждаемымъ „устоямъ“ республики. Лысый, крупный, непомѣрно раздавшійся отъ нездоровой одутловатости, какая производится въ людяхъ ѣздою въ закрытыхъ каретахъ и черезъ-чуръ утонченными обѣдами, главное—ужинами съ шампанскимъ,—этотъ господинъ съ едва скрываемымъ сожалѣніемъ оглянулся на свой пень, съ котораго согнало его обращеніе подошедшей къ нему красивой дамы—тоже пожилыхъ лѣтъ.

Докторъ оглядывался кругомъ, ища глазами, нѣтъ ли другого сидѣнья, которое бы можно было предложить собесѣдницѣ, лишь бы самому не разставаться съ пнемъ; но ничего подходящаго вблизи не оказалось: вокругъ высились лишь сѣдыя ветлы миніатюрной рощицы, съ трехъ сторонъ оцѣпленной жилыми постройками, а скамьи и складные стулья, разставленные при входѣ въ разбитую въ сторонѣ палатку, всѣ были заняты шумной компаніей молодежи; нѣкоторые изъ нихъ даже сидѣли у другихъ на колѣняхъ, а цѣлыхъ пятеро, не находя себѣ, какъ видно, мѣста въ палаткѣ, со смѣхомъ, въ повалку, улеглись въ мексиканскій гамакъ и неистово раскачивались, такъ что застонали и заскрипѣли желѣзныя кольца на крючьяхъ, ввинченныхъ въ самые стволы деревъ. Не видя никакой возможности добыть стулъ, докторъ выразилъ свистомъ просившееся съ языка крѣпкое словцо, и въ раздумьѣ провелъ всѣми пятью пальцами ото лба въ волосахъ; но и тутъ получилась осѣчка: черные, щетинистые, съ густою просѣдью волосы были, какъ видно, острижены подъ гребенку въ самомъ недавнемъ времени,—и докторъ, вмѣсто замышляемаго освѣженія своего мыслительнаго аппарата, поверженъ былъ неудачею привычнаго жеста еще въ большее затрудненіе. Впрочемъ, если уже удержать за собою пень не представлялось возможности, то и особаго изощренія умственныхъ способностей отъ него въ настоящее время не требовалось: его собесѣдница, красивая лэди Моррисъ, совсѣмъ и не дожидалась больше его отвѣтовъ, а говорила сама безъ передышки – будто спѣшила выложить богатѣйшій запасъ накопившихся соображеній, фактовъ и сужденій.

— „Устои“!—хороши нашлись „устои“ республики!— не то съ досадой, не то съ дружескимъ упрекомъ въ голосѣ повторяла она доводы доктора:—ужъ вамъ бы, докторъ Кларкъ, право, слѣдовало бы въ сторонѣ оставить это затасканное на всѣхъ публичныхъ платформахъ выраженіе: не первый годъ вы въ Америкѣ живете — лучше кого другого знаете цѣну всѣмъ этимъ трескучимъ фразамъ, и всѣ эти фразы разсчитаны лишь на то, чтобъ выманить избирательные голоса деревенскихъ простофиль...

Хороши дались вамъ „устои республики“ — нечего сказать!.. Я просто ужаснулась—положительно-таки ужаснулась,—когда Магги сказала мнѣ о вашемъ намѣреніи ѣхать къ этимъ Ригби. Сами вѣдь знаете: эти знатные англичане — дайте имъ только предлогъ—всегда готовы вдаваться въ самыя спѣшныя заключенія... Воображаю, какія, возвратясь домой, чудеса станетъ разсказывать лордъ Гурдайль о „столпахъ и устояхъ великой республики“—и о нравахъ и обычаяхъ „туземцевъ“—уфъ! — И миссисъ Моррисъ содрогнулась, будто и впрямь у нея морозъ по кожѣ пробѣжалъ.

— Но, дорогая моя лэди, надо же знатнымъ иностранцамъ доставить случай изучать страну...

— Изучать страну!! Этого только недоставало!.. Да что вы—на Сандвичевы острова, что ли, вашихъ знатныхъ иностранцевъ завезли?.. Изучать страну—по этимъ-то вульгарнымъ фермерамъ!.. Я удивляюсь вамъ, докторъ Кларкъ. Понятно бы было еще, еслибы вы повезли лорда Гурдайля на копи, на фабрики — все это въ порядкѣ вещей; а то, если уже нельзя безъ земледѣльческаго элемента обойтись—везите его въ одно изъ помѣстій нашихъ джентльменовъ-фермеровъ, плантаторовъ,—людей, которые видали свѣтъ и умѣютъ жить, гдѣ хозяйки не натираютъ себѣ на работѣ мозолей на рукахъ, а мужчины не являются къ столу безъ сюртуковъ—„подъ мощнымъ прикрытіемъ своего рабочаго аромата“, какъ говаривала покойная матушка... Ваши иностранцы и безъ того всегда готовы вообразить, что вся наша страна и впрямь стоитъ на какихъ-то „устояхъ“, — что все держится въ Штатахъ этою самонадѣянной посредственностью.

— Смотрите, миссисъ Моррисъ, — не отстать бы намъ съ вами отъ вѣка!..—шутливо отозвался, наконецъ, докторъ, лѣниво переступая съ ноги на ногу и снова принимаясь стругать свой сучокъ.—Вы, я вижу, не читали еще моднѣйшей книги настоящаго сезона — не прониклись духомъ Левина въ писаніяхъ русскаго романиста: гдѣ же ужъ, кажется, и искать бо́льшаго съ меньшей братіей равенства, какъ становясь въ ея ряды съ заправскою косой?..

— И опять-таки, докторъ, ошибаетесь... Читала, могу даже болѣе того вамъ сообщить: читала—и поняла,—чего уже рѣшительно нельзя сказать про всѣхъ, у кого теперь *Анна Каренина* въ рукахъ побывала... Оттого Толстой и могъ написать эту геніальную гиль, что самъ же принадлежитъ къ „десяти тысячамъ высшихъ міра сего“... Онъ знаетъ, что его-то ужъ никто не столкнетъ съ мѣста, на которомъ онъ родился — никто его не

смѣшаетъ съ первымъ встрѣчнымъ, который пробивается впередъ силою своей глотки, скача верхомъ на золотомъ набитомъ боченкѣ, только-что опорожнившемся въ его собственной полпивной.

— Ужъ вы, миссисъ Моррисъ — извѣстная поносительница адептовъ честнаго труда...—Но миссисъ Моррисъ не нуждалась въ поощреніи и продолжала, не слушая ничего:

— Левинъ!.. Возьмите вы Левина... Вѣдь это — чистая эпидемія: всякій здѣсь сталъ приводить слова и дѣйствія Левина — и все вкривь и вкось... Дался же имъ этотъ Левинъ!.. И отчего, скажите на милость, Левину, Толстому, или какому еще тамъ графу или княгинѣ не дурачиться отъ нечего-дѣлать, не разыгрывать чувствительныхъ сценокъ съ пэйзанами—какъ тѣ идиллическіе пастушки, которыми намъ расписываютъ вѣера?.. А посмотрѣла бы я, съ какого они голоса запѣли бы здѣсь, гдѣ каждый мясникъ, портной и пивоваръ готовъ на ногу наступить самому развитому и изысканному представителю стариннѣйшихъ фамилій въ странѣ... Этимъ Смизсамъ, Сноббсамъ да Броунамъ— дай только палецъ рядомъ съ собой положить—они мигомъ всѣми ногами на столъ къ вамъ заберутся... Хоть бы ты, Эльза, разстроила весь нелѣпый планъ поѣздки съ англичаниномъ на ферму къ этимъ огородникамъ Ригби!—обратилась, въ заключеніе, миссисъ Моррисъ къ стройной и изящной, но черезъ-чуръ для своего высокаго роста худощавой дѣвушкѣ, подходившей къ нимъ въ сопровожденіи совсѣмъ еще молодого человѣка, на которомъ обыкновенная жакетка, по лѣтнему, приморскому положенію, замѣнена была бѣлой фланелевой рубашкой, зашнурованной спереди яркимъ шнуркомъ, при развѣвающемся по вѣтру шелковомъ шарфѣ.

Миссъ Эльза скользнула, въ сторону говорившей, металлически-холоднымъ взглядомъ своихъ небольшихъ, обрамленныхъ черными рѣсницами, эффектныхъ сѣрыхъ глазъ, ничего, однако, не добавлявшихъ къ надменному характеру ея хорошенькой головки, откинутой нѣсколько назадъ отъ тяжести едва укладывавшихся на ней русыхъ косъ; любезно улыбаясь, она протянула затянутую въ перчатку руку тому, кого звали докторомъ Кларкомъ.

— Я вѣрить кузену Стивену не хотѣла, докторъ, когда онъ мнѣ сказалъ, что вы здѣсь въ такую пору. Что обратило васъ въ бѣгство изъ города?

— И въ такое горячее для политики время... Они тамъ, говорятъ, всѣ перегрызлись изъ-за предстоящаго конвента?—присоединился къ вопросамъ кузины и молодой человѣкъ, весь озаряясь той ликующей улыбкой, какая свойственна совсѣмъ юнымъ людямъ

при встрѣчѣ съ своими избранными „идолами“; предъ ними они готовы повергаться ницъ, заранѣе изображая на своихъ выразительныхъ молодыхъ лицахъ и смѣхъ, имѣющій вызываться въ публикѣ остротами „идола“, и нѣмой протестъ противъ лицъ, не умѣющихъ цѣнить ихъ „идола“ по достоинству.

— Ничто меня въ бѣгство не обращало,— съ разстановкою отвѣчалъ докторъ, точно взвѣшивая каждое слово, какъ то, впрочемъ, „идолу“ и подобаетъ:—развѣ что всегдашнее мое желаніе набраться свѣжести, силъ и идей въ средѣ моихъ милыхъ и добрыхъ знакомыхъ.

— Конечно! конечно!—поддакивая ему и тѣмъ еще подчеркивая его слова, засмѣялся Стивенъ, ища одобренія въ лицахъ дамъ: - докторъ Кларкъ всегда ищетъ живительныхъ водъ у самаго источника.

— Какъ разъ то самое и я хотѣлъ сказать... Хотя, между нами говоря, въ городъ-то теперь именно и стекаются всѣ жаждущіе „движенія воды“;—и докторъ, молча заколыхавшись всѣмъ своимъ тучнымъ тѣломъ, расхохотался, наконецъ, своей собственной остротѣ жиденькимъ не по фигурѣ смѣхомъ.

— „Движенія воды“,—разумѣется, въ политическомъ смыслѣ?—будто обрадовавшись случаю, вставила свое слово миссисъ Моррисъ.

— Пожалуй, что и въ политическомъ—если не въ „водочномъ“,—не безъ цинизма возражалъ, продолжая колыхаться, докторъ:—а вѣрнѣе всего, что въ смыслѣ финансовомъ: всѣ старые мухоморы поползли изъ Западной-Виргиніи —пронесся, видите, у нихъ слухъ, что Магонъ опять мѣтитъ въ сенаторы, такъ всякъ, кто только могъ, приплелся въ городъ, чтобъ справиться самому: удержится ли какая ни на есть цѣна за ихъ излюбленными валютами, или же всѣ ихъ денежки въ трубу полетятъ—если, чего добраго, съ содѣйствія Магона, Западная-Виргинія совсѣмъ откажется платить свои долги... Да что я вамъ объ этомъ разсказываю? дамамъ это, вѣдь, статья не интересная... Видите ли, какъ вредно на мнѣ отзывается лѣтняя городская жизнь внѣ вашего вліянія... А что—не здѣсь ли нашъ общій другъ, миссисъ Флинтъ?

— Это вы въ связи съ бумагами Виргиніи объ ней вспомнили?—возбужденно освѣдомилась миссисъ Моррисъ и тутъ же съ достоинствомъ добавила:—Конечно, здѣсь—и при обычномъ своемъ дѣлѣ.

— При какомъ же именно теперь? — полюбопытствовалъ докторъ, любившій-таки послушать сужденія дамъ другъ о другѣ.

— О! ничего особеннаго!—протянула въ носъ миссисъ Моррисъ, перебивая открывшую-было ротъ миссъ Эльзу:—все при томъ же растиранье ревматическихъ членовъ этихъ новыхъ высочекъ Сноббсовъ; не все ли ей равно? здѣсь, вѣдь, крупныхъ аферъ не наклёвывается...

— Не понимаю, право, тётя Флора, какъ можете вы такія вещи говорить о знакомыхъ, съ которыми сами же мы состоимъ въ ежедневныхъ и самыхъ дружескихъ сношеніяхъ!—съ неудовольствіемъ перебила ее племянница, досадливо сморщивъ тонкія брови своего подвижного лица.—Это совершенно въ характерѣ тёти Флоры,—пожаловалась она доктору, какъ своему, домашнему человѣку,—степень фамильярности, вполнѣ оправдываемая ихъ давнишнимъ знакомствомъ, совершенно въ ея характерѣ... Это все то же, что ваши вѣчныя жалобы на ѣду за столомъ, тётя Флора.

— Это, другъ мой Эльза, уже сноровка у матушки такая,—вмѣшался молодой человѣкъ, ласково обнимая мать своей мощной рукой по плечу, будто принимая ее подъ свою защиту:—это не нравъ, не характеръ, а дипломатія такая моей мамаши: охать все—чтобъ самой больше досталось... Не такъ ли я говорю?—и онъ оглянулся на приникшую къ его высокой фигурѣ мать.—Это то же, что, бывало, мнѣ тотъ, поросшій шерстью, русскій нигилистъ, выставленный въ музеѣ, разсказывалъ: у нихъ дома—кто первый подберется къ банкѣ съ вареньемъ, тотъ непремѣнно въ нее и плюнетъ—чтобъ другимъ, значитъ, не доставалось.

— Стивенъ, помилосердуй!

— Стивенъ! да замолчишь ли ты? закричали въ голосъ обѣ лэди, и негодованіе ихъ вышло бы весьма внушительно, еслибы не разразилось съ обѣихъ сторонъ неудержимымъ смѣхомъ.

— Эти кузены—ужасный, докторъ, народъ... Къ тому же Стивенъ за послѣднее время выработалъ себѣ самый дрянной жаргонъ,—продолжала жаловаться изящная кузина, безъ тѣни, однако же, досады въ голосѣ.—Тѣмъ болѣе пріятенъ намъ вашъ пріѣздъ, докторъ: вы хоть по-человѣчески разскажете о томъ, что на свѣтѣ дѣлается: мы здѣсь совсѣмъ мхомъ поросли... Совсѣмъ никого интереснаго нѣтъ.

— Неужели же никакихъ развлеченій?

— Ничего, кромѣ тошнѣйшей рыбной ловли... Составился, было, у насъ въ отелѣ кружокъ для практики французскаго языка, но—вы сами знаете—какое невозможное общество въ этихъ глухихъ приморскихъ отеляхъ.

— А производили вы рекогносцировку нашего отеля, докторъ?— безцеремонно перебивая кузину, освѣдомился Стивенъ.— Нѣтъ?.. Въ такомъ случаѣ я весь къ вашимъ услугамъ... Французскимъ языкомъ мы хоть и на обѣ ноги въ отелѣ хромаемъ— а все же и здѣсь не всѣ блины комомъ пекутся.

— Да вотъ дамы только-что стали меня посвящать въ закулисныя стороны своей деревенской идиллiи... —съ шуточною укоризною остановилъ своего усердствующаго друга докторъ, и тонкая усмѣшка мелькнула на его крѣпко поджатыхъ губахъ: какъ и всегда, никто по этой усмѣшкѣ не могъ бы распознать—издѣвается ли докторъ Кларкъ, или воздаетъ лишь должное находчивости собесѣдника.

— О! это еще не уйдетъ; а мама съ кузиной и безъ насъ пока обойдутся: не надо имъ слишкомъ, докторъ, поддаваться; какъ разъ впрягутъ или осѣдлаютъ—тогда и бѣгай у нихъ на посылочкахъ,—приправилъ на свой ладъ отвѣтъ доктора Стивенъ, подхватывая того подъ локоть и увлекая въ сторону дома.

— Конечно, конечно! Это прекрасная мысль, Стивенъ; рекомендуй доктору здѣшній egg-nogg—а то и молочный пуншъ— стоитъ, докторъ, попробовать, рѣшительно стоитъ!—энергично помахивая сѣдыми кудрями, послала имъ вслѣдъ благой совѣтъ миссисъ Моррисъ, видимо принимая живѣйшее участіе въ томъ, чтобы „рекогносцировка“ увѣнчалась должнымъ успѣхомъ.

— Что вы, миссисъ Моррисъ, помилосердуйте! я еще, надѣюсь, не въ томъ фазисѣ, чтобы прибѣгать къ такимъ противоядіямъ, какъ молочный пуншъ,—выкрикнулъ своимъ тоненькимъ голоскомъ, едва переводя духъ отъ смѣха, докторъ Кларкъ, и уже занося ногу на порогъ гостепріимно раскрытаго отельнаго буфета.

— Хорошо, хорошо! Мы васъ ждемъ, не мѣшкайте!..

II.

— Нигдѣ, какъ за стаканомъ чего-нибудь такого, не удается молодежи завязывать сношенія съ крупными политическими заправилами,—пояснила миссисъ Моррисъ племянницѣ въ видѣ комментарія на послѣдній маленькій эпизодъ:—ловкій ходъ со стороны Стивы—только бы догадался онъ,—и она не досказала мысли, спохватясь, что это до собесѣдницы не касается.

Но, несмотря на разсѣянную свою внѣшность и аристокра-

тичную—какъ ей сдавалось—безучастность, слухомъ надѣлена была миссъ Эльза весьма острымъ, со столь же острою склонностью пользоваться обмолвками ближняго, а тѣмъ болѣе родной тетки своей, миссисъ Флоренсъ Моррисъ. Конечно, и на этотъ разъ миссъ Эльза не сочла нужнымъ пропустить столь удобный случай для изощренія давно ею для себя намѣченной въ свѣтѣ миссіи подавленія суетной въ ближнихъ гордыни.

— Да, тетя Флора, ваша правда: мужчины много покладистѣе бываютъ послѣ выпивки... Только едва ли докторъ Кларкъ такой неопытный новичокъ, что поддастся воздѣйствію Стивена или даже молочнаго пунша.

Будь это замѣчаніе прямо разсчитано на возбужденіе гнѣва тети Флоры—оно вполнѣ достигло бы этой цѣли: почтенная лэди разомъ выпрямилась, подобрала губы своего хорошенькаго рта и, уставясь прямо на племянницу, заявила, внушительно потрясая въ тактъ словамъ всѣми своими кудрями:

— Лиззи Стромъ—помяни ты мое слово: отъ тебя скоро всѣ будутъ бѣгать какъ отъ чумы... Ты съ каждымъ днемъ дѣлаешься все язвительнѣе: берегись—это людьми всегда приписывается зависти... А въ твоемъ положеніи зависть такъ показалась бы понятна, такъ многое бы могла пояснить...

Вульгарное имя Лиззи, которымъ миссъ Стромъ была при рожденіи надѣлена непризнававшимъ—какъ самъ онъ говорилъ—никакихъ „тонкостей“ сѣверянином-отцомъ, больно рѣзнуло слухъ элегантной племянницы: могла же она—казалось ей—надѣяться, что цѣною многолѣтнихъ неутомимыхъ стараній, уступокъ, компромиссовъ, она успѣла изгладить изъ памяти людской это ненавистное ей имя, прививъ на мѣсто его романично-иностранное имя Эльзы; но въ этомъ она, какъ видно, ошибалась;—за то остальную часть теткиной аттаки приняла она съ подавляющимъ достоинствомъ, мѣряя небольшую, полную фигурку той съ головы до ногъ своимъ леденящимъ взглядомъ.

— Если вы ищете себѣ партнера для ссоры, тетя Флоренсъ, то ужъ лучше бы вамъ прямо обратиться къ миссисъ Флинтъ: она-то ужъ васъ, конечно, всегда поддержитъ—хотя, конечно, отъ нея вамъ пощады не ждать... а меня то ужъ, сдѣлайте милость, оставьте въ сторонѣ—я не расположена стирать наше грязное бѣлье на виду у всего отеля...

— О, конечно, что и говорить... Въ совершенства я хотя и не мѣчу, а ужъ если пошло на то, такъ все же благодарю Создателя, что зависть-то меня не въ конецъ еще изсушила.

— Зависть?.. Чему мнѣ завидовать? — подхватила миссъ

Эльза прозрачный намекъ тетки: — завидовать!.. Ужъ не вашей ли настойчивости добиваться луны, довольствуясь, въ концѣ концовъ, мѣднымъ тазомъ?—и, бросая этотъ мѣткій камень въ огородъ тетки, миссъ Эльза еще выше вскинула маленькой головкой и вздула ноздри своего тонко очерченнаго, чисто американскаго покроя носа, надѣленнаго, казалось, способностью одинаково хорошо приспособляться ко всѣмъ оттѣнкамъ людскихъ сношеній; носъ придавалъ или свою долю пикантности юмору, или же добавочную внушительность гнѣву своей владѣтельницы; но теперь и губы молодой лэди подались едва примѣтнымъ движеніемъ книзу —а это разомъ придало лицу дѣвушки жесткое, старческое выраженіе. Миссъ Эльзѣ и то, впрочемъ, было добрыхъ тридцать лѣтъ, которыя—въ минуты неудовольствія или просто усиленнаго сосредоточенія мысли—рѣзко отпечатлѣвались тончайшею сѣтью мелкихъ, будто острымъ ножемъ нарѣзанныхъ отъ угловъ глазъ къ вискамъ черточекъ; тогда какъ въ моменты оживленія то же лицо молодѣло на цѣлыхъ десять лѣтъ и становилось весьма красивымъ.

— Увидимъ, мѣднымъ ли это окажется тазомъ на этотъ разъ...—уже спокойнѣе отвѣчала на ея послѣднюю придирку тетя Флора, которая, видимо, начинала мучиться желаніемъ подѣлиться блестящею мыслью.—Конечно, при твоемъ обычномъ отсутствіи проницательности, ты все же ничего въ толкъ не возьмешь, пока Мортонъ Ломаксъ не займетъ губернаторской должности.

— Не скоро, значитъ, придется мнѣ просвѣтиться.

— Я же тебѣ говорю, что докторъ Кларкъ — хотя онъ и не хочетъ, по чисто мужскому упрямству, въ томъ сознаться—а все же съ каждымъ днемъ все больше и больше проникается убѣжденіемъ въ томъ, что безъ Ломакса имъ не обойтись... что необходимо становится выставить кандидатомъ въ губернаторы природнаго джентльмена вмѣсто прежнихъ кулей съ деньгами, едва спасавшихъ партію отъ пораженія...

— Помяни ты мое слово, Эльза,—добавила миссисъ Моррисъ, видимо умывая руки отъ только-что улегшейся стычки и открыто взывая къ симпатичному вниманію племянницы: — сама увидишь, что на этотъ разъ я заставлю этого хитраго шотландца Кларка плясать по моей дудкѣ.

— Да вѣдь самый же конвентъ для назначенія демократическихъ кандидатовъ откроется чуть ли не на дняхъ, въ концѣ будущаго мѣсяца?

— Что же такого? тѣмъ оно и лучше для насъ. Ничего

не можетъ быть выгоднѣе, какъ выступить съ предложеніемъ никому не приходившаго на умъ кандидата въ самую послѣднюю минуту, когда партизаны всѣхъ заранѣе подготовляемыхъ кандидатовъ сразятся на конвентѣ на ножахъ—перессорятся и перегрызутся до того, что хоть негру готовы кандидатуру навязать, лишь бы не досталась она ставленнику другого крыла партіи.

— Въ такомъ случаѣ, конечно, тетя Флора, ваша возьметъ: когда и на негрѣ можетъ состояться компромиссъ, то вашему другу, Мортону Ломаксу, отчаяваться пока нечего, — благодушнѣйшимъ тономъ замѣтила племянница: ясное дѣло, что миссъ Эльза не такъ легко прелагала гнѣвъ на милость, какъ тетка ея; но тетя Флора, увлекшись воображаемой картиной успѣха, не слушала ея:

— Вообрази себѣ только физіономію этой муміи ходячей, ханжи миссисъ Ломаксъ, когда, по возвращеніи домой съ Ка-арльсба-адскихъ, зна-аете ли, во-одъ—для попра-авленья мо-ей бѣдной пе-ечени,—протянула тетя Флора сильно въ носъ, очевидно представляя говоръ отсутствующей путешественницы:—когда застанетъ она здѣсь своего благовѣрнаго въ самомъ разгарѣ политической кампаніи... среди ненавистныхъ этой сѣверной лицемѣркѣ „кабачныхъ политикановъ“!.. Это превосходно... Я какъ теперь вижу передъ собой постное выраженіе ея утинаго лица!..— И миловидно-свѣжее лицо самой тети Флоры все заискрилось готовымъ, казалось, изо всѣхъ поръ бить юморомъ, все испещрилось ямочками блаженнѣйшихъ улыбокъ при мысли о нелѣпой картинѣ разочарованія и досады несимпатичной ей жены друга Ломакса.

— Какъ теперь слышу ея гнусливыя причитанья: „была-а бы *я* на ва-ашемъ мѣстѣ, дорогой Мортонъ—было бы въ ва-асъ ма-алѣйше-е со-озна-аніе ва-ашего *до-олга* по отно-ошенію къ се-емьѣ, до-орогой Моортонъ... О! нѣтъ!.. кто другой можетъ такъ низко пасть въ ея мнѣніи—но никакъ уже не до-орогой Мо-ортонъ... О! до-орогой Мо-ортонъ никогда не по-огрузится въ низменную политику—не ста-анетъ прихо-одить въ со-оприкосновеніе со всѣмъ де-егтемъ, по-оставляемымъ каба-атчиками и па-атронами ихъ на сма-азыванье политической машины. О! конечно нѣтъ: какъ это можно—супру-угу са-амой интелли-ге-ентно-ой миссисъ Л-о-омаксъ!!. вѣдь ея же па-а и ма-а также не одобряли соприкосновенія съ этими ры-ыча-агами со-оціальнаго ра-астлѣнія“... По дѣломъ ей будетъ, кислой лицемѣркѣ... Батюшка тоже съ матушкой... такіе же, конечно, были, какъ и она, скопидомы и ханжи, набивавшіе себѣ капиталъ по грошамъ, пока

не посчастливилось захватить подрядъ чистки помойныхъ ямъ, или вступить на какой другой инте-еллекту-а-альный, по ихъ мнѣнію, путь къ богатству и извѣстности... Тысячи долларовъ, Эльза, не пожалѣла бы, чтобы послушать эту ханжу — какими еще эмерсоновскими теоріями станетъ она оправдывать вступленіе до-орого-го Мо-ортона на развращающую арену политики... ха! ха! ха! ха!..

И лицо тети Флоры, вытянутое передъ тѣмъ въ стать съ поджатыми губами и вытаращенными на подобіе отсутствующей миссисъ Ломаксъ глазами, мгновенно приняло свой натуральный видъ и расплылось въ лучезарную улыбку: углы губъ разомъ поднялись кверху, темнокаріе глаза засвѣтились лукавымъ огонькомъ, будто у подстроившаго злостную западню школьника, щеки и подбородокъ снова всѣ заискрились ямочками. Трудно было примирить общее выраженіе этого по-дѣтски оживленнаго, нѣжнаго колорита лица съ почти сѣдыми буклями, спускавшимися на красивый, бѣлый, нетронутый, казалось, морщинами лобъ.

Но мѣткія какъ стрѣлы и холодныя какъ сталь реплики миссъ Эльзы Стромъ способны бы были согнать улыбку съ лица херувима, а не только такой впечатлительной особы, какъ ея тетка, миссисъ Флоренсъ Моррисъ. Снизойдя до полуодобрительной улыбки на удачное представленіе общей доброй знакомой, миссъ Эльза все же кончила пренебрежительнымъ замѣчаніемъ:

— Я такъ и знала, тетя Флора, что у васъ опять какая-нибудь проказа на умѣ, а вовсе не интересы Стивена, какъ увѣряли вы, или „демократической партіи“, съ которой вы постоянно носитесь.

Миссъ Эльза была не въ духѣ, и какъ всегда въ такихъ случаяхъ ни мало тѣмъ не стѣснялась, какъ глубоко рѣзнуть такія слова ея собесѣдника: но высказыванье горькихъ истинъ давно было признано неотъемлемымъ аксессуаромъ исключительнаго положенія, занятаго миссъ Эльзой въ семьѣ, и оно отнюдь не возбуждало того отпора, котораго можно бы ожидать.

Тетя Флора, однако же, была оппонентомъ не послѣдней силы, но не столько, однакожъ, по какой-нибудь особенно выдержанной логикѣ аргументовъ, сколько потому, что неизмѣнно пользовалась всѣми приходившими ей въ данную минуту на умъ орудіями.

— Сдѣлай ужъ милость, отложи о Стивенѣ попеченья: онъ сынъ джентльмена, и ему, конечно, всегда будетъ мѣсто въ средѣ джентльменовъ... А въ интересахъ демократической партіи—позволь тебѣ, Лиззи, доложить—ты столько же смыслишь, сколько извѣстное четвероногое въ апельсинахъ... Да и какъ же могло бы это быть иначе—съ кровью этихъ жидоморовъ янки, что

течетъ по твоимъ жиламъ?—При одной мысли о вызываемомъ сю образѣ „жидомора янки“, миссисъ Моррисъ презрительно повела носомъ и вся мгновенно съежилась, будто крѣпкаго уксуса хлебнула.—Тебѣ бы слѣдовало уже за-одно съ миссисъ Ломаксъ записаться въ жены-мироносицы при какомъ-нибудь Эмерсонѣ или ѣхать въ какую-нибудь Месопотамію голыхъ готентотовъ обшивать да библіи имъ раздавать... Широкое поле дѣятельности, нечего сказать!... А ужъ о Стивенѣ отложи попеченія: въ немъ, слава Богу, нѣтъ ни капли торгашеской крови сѣверянъ... Да...—добавила, пріостановясь, миссисъ Моррисъ, значительно уже сбавляя съ прежней спѣсивости тона:—Да... если мы вотъ Ломакса проведемъ въ губернаторы, онъ не преминетъ вывести Стивена на видное мѣсто, и бѣдному мальчику не нужно тогда будетъ корпѣть по одиннадцати мѣсяцевъ въ году надъ перепискою департаментскихъ бумагъ.

Но миссъ Эльза не изъ-за какой-нибудь любви къ самобичеванію выдержала длинную теткину тираду; она ни у кого не любила оставаться въ долгу:

— А если „сѣверная ханжа“ да заберетъ себѣ въ голову провести свои „эмерсоновскія теоріи“ въ дѣло, тогда что?—не безъ злого умысла освѣдомилась молодая лэди, заранѣе тонко улыбаясь „шаху“, подносимому теткѣ, и давая исходъ накопившимся бурнымъ чувствамъ энергической полировкой ногтей лѣвой руки о шведскую перчатку, надѣтую на правую руку на случай того, что пришлось бы, пожалуй, эту руку подать первому встрѣчному.

— Да что же ты меня за младенца, что ли, Эльза, принимаешь?—съ самодовольной уже улыбкой встрѣтила этотъ новый ходъ тетя Флора, снова вся озаряясь улыбками и переходя въ конфиденціальный шопотъ присяжнаго заговорщика.—Сказать развѣ, въ чемъ дѣло?.. Ну, такъ и быть, только смотри: это должно остаться между нами... Какъ бы ты думала? — вѣдь я Ломакса подбила цѣлыхъ десять тысячъ подписать теперь же на фондъ демократической партіи, да!.. Вотъ хорошъ будетъ сюрпризъ его святошѣ!—И тетя Флора расхохоталась своимъ короткимъ, прерывающимся подъ напоромъ новыхъ мыслей смѣхомъ.

— Откуда же деньги-то у него вдругъ взялись?—съ оттѣнкомъ недовѣрія въ голосѣ спросила Эльза, не теряя еще надежды выиграть партію.

Но тетя Флора слишкомъ увѣрена была въ побѣдѣ, чтобы обижаться въ такую пору за недовѣріе къ ея заявленіямъ; она спѣшно отпарировала ударъ противницы и, духа не переводя, продол-

жала:—Откуда бы ни взялись, а нашлись, когда мнѣ понадобилось... Онъ было-хотѣлъ, какъ это всегда ведется, обѣщать кругленькій кушъ на расходы по кампаніи, въ случаѣ выставленія его самого кандидатомъ; но я тотчасъ сообразила, что синица въ руки вѣрнѣе журавля на небѣ; жена его, ханжа-мироносица, удавится скорѣе, чѣмъ грошъ денегъ дастъ хотя бы и за вѣрное губернаторство; она кости всѣхъ своихъ пророковъ перероетъ, а докажетъ, что такая процедура противна всѣмъ законамъ этики... Такъ я ужъ взяла, такъ и быть, дѣло на себя, убѣдила Мортона Ломакса весь кушъ разомъ выложить, пока она тамъ печень себѣ правитъ въ Европѣ, благо деньги наготовѣ у нихъ были на выкупъ какихъ-то тамъ мельницъ.

— И не совѣстно вамъ, тетя Флора, выклянчивать деньги?

— Совсѣмъ не выклянчивать!.. Между порядочными людьми не приходится ставить всѣхъ точекъ на *i*... Конечно, эти дѣла требуютъ дипломатической снаровки... пришлось и тутъ увѣрить Мортона въ томъ, что пожертвованіе это будетъ тѣмъ дѣйствительнѣе, что произведетъ добавочный эффектъ гражданскаго подвига, не подсказаннаго никакими эгоистическими соображеніями... Да что говорить, мы все чисто обдѣлаемъ, только бы мнѣ завербовать услуги нашего хитроумнаго друга, доктора Кларка.

— ...Который, какъ угорь, въ руки не дается!—съ обычною готовностью подсказала племянница.—Да, нечего сказать, за малымъ у васъ дѣло стало: докторъ Кларкъ, говорятъ, такъ скрутилъ всѣхъ демократическихъ лидеровъ, что безъ него на сходкахъ партіи пикнуть не смѣютъ.—И съ этими словами миссъ Эльза поднялась со скамьи, до которой онѣ въ разговорѣ добрели и на которой усѣлись въ сторонѣ отъ отеля, обращеннаго фасадомъ на голую песчаную приморскую пелену—въ виду двери отельнаго буфета, за которой скрылись незадолго передъ тѣмъ докторъ со Стивеномъ.

III.

Дверь буфета была открыта настежъ, и передъ нею стоялъ теперь средняго роста и довольно таки плотный, краснолицый отъ свѣжаго загара господинъ, очевидно только-что вернувшійся съ рыбной ловли и переживающій теперь чуть ли не высшее наслажденіе завзятаго рыболова: сомнѣнья не могло въ томъ быть, что господинъ этотъ находился въ самомъ разгарѣ занимательнѣйшаго разсказа о своихъ рыбачьихъ приключеніяхъ. Разставляя руки, будто показывая стоявшему въ дверяхъ съ

трубкою старику размѣры сорвавшейся, а можетъ быть пойманной рыбы, онъ забывалъ, что на рукѣ его еще навѣшено жестяное ведро съ ракушками, идущими рыбѣ на прикормъ, а раковины грохотали по жести какъ дѣтская погремушка, привлекая на говорившаго вниманіе сидѣвшихъ поодаль дамъ.

Рукава надѣтой прямо на тѣло синей фланелевой рубашки были все еще засучены по локоть, очевидно, отъ послѣдняго мытья; засунуты были и панталоны въ высокіе резиновые сапоги съ голенищами; потъ градомъ лилъ со лба говорившаго, и, осушая его фуляровымъ платкомъ, нѣжнѣйшаго розоваго цвѣта, онъ не проявлялъ и тѣни стѣсненія своимъ костюмомъ, дополняемымъ парою изящнѣйшей вышивки и тѣмъ еще болѣе привлекавшихъ вниманіе помочей, которыя, очевидно, служили свою службу вѣрой и правдой, избавляя собственника своего отъ необходимости стѣснять себя тугими поясами: голосъ краснолицаго господина и перекатистый его смѣхъ, звучный и грудной,—все чаще и чаще сталъ долетать до дамъ, когда съ веранды, оцѣплявшей весь верхній этажъ дома, вдругъ посыпались прямо передъ разсказчикомъ клубки разноцвѣтной шерсти.

Зоркіе глаза миссъ Эльзы, уже и до того не разъ останавливавшіеся на громко говорившемъ господинѣ, сверкнули теперь своимъ металлическимъ блескомъ съ веранды, откуда поскакали на песокъ клубки, на удивленно взирающаго на нихъ господина въ помочахъ—и разомъ охватили положеніе вещей.

Миссъ Эльза поднялась съ мѣста, быстро оглядываясь по сторонамъ, и, недолго думая, указала тетѣ Флорѣ на проходившую въ виду ихъ узкимъ проливомъ двухмачтовую лодку, уже заворачивавшую въ сторону отельной пристани; не вступая въ пространныя объясненія, молодая лэди проявила тутъ совсѣмъ несообразную съ ея прежнею манерою спѣшность и увлекла тетку ускореннымъ шагомъ къ берегу; оттуда онѣ, минуты двѣ-три спустя, уже махали платками, привѣтствуя многочисленное общество на плавно скользящемъ по водѣ парусномъ суднѣ, не обращая никакого вниманія на то, что происходило за ними у оставленнаго въ сторонѣ главнаго корпуса отеля.

Тѣмъ временемъ, вслѣдъ за катившимися впереди клубками шерсти, изъ дома успѣла выбѣжать дѣвушка въ перетянутомъ по тонкой таліи поясомъ бѣломъ платьѣ и съ выбившимися въ безпорядкѣ на шею волнистыми и неоспоримо рыжими, хотя и темнѣйшаго оттѣнка, волосами.

При видѣ снаряженнаго рыбакомъ господина, молодая особа взвизгнула: „Ахъ, мистеръ Гиксъ!“—тѣмъ пронзительнымъ фаль-

цетомъ, какимъ во всѣ времена и во всѣхъ, надо полагать, странахъ вырывается избытокъ ощущеній у самыхъ молодыхъ особъ прекраснаго пола въ наиболѣе критическіе моменты ихъ повседневной жизни—все равно, будь то появленіе паука или мыши, или же неловкой руки кавалера, ловящей ихъ какъ разъ въ то время, когда онѣ изъ силъ выбиваются показать, что совсѣмъ не желаютъ быть пойманными; съ хохотомъ бросилась она за послѣднимъ клубкомъ шерсти, къ которому уже подбирался степеннымъ, перевалистымъ шагомъ вызвавшій это восклицаніе господинъ; всею силой лѣвой руки и локтя неловко прижимая къ груди остальные уже подобранные имъ клубки, онъ точно боялся, что вотъ, вотъ и они снова заскачутъ въ припрыжку въ разныя стороны.

— Благодарствуйте, мистеръ Гиксъ, благодарствуйте!—торопливо выговаривала, пробѣгая мимо него къ клубку, вся раскраснѣвшаяся отъ движенія и смѣха дѣвушка:—Кто бы могъ вообразить, что вы такъ скоро вернетесь... Такая была неловкость съ моей стороны опрокинуть эту корзинку съ шерстями—и чуть-чуть что не на голову вамъ!..

— Ужъ вы, миссъ Магги, не полагаете ли, что черепъ мой такого свойства, что въ дребезги разлетится отъ шерстянаго клубка?—возразилъ тотъ, высыпая клубки въ разставленное передъ нимъ платье и открыто любуясь склонившимся передъ нимъ оживленнымъ, ослѣпительно свѣжимъ лицомъ запыхавшейся дѣвушки; она медленно поднимала теперь на него свои темные, „бархатные“, ласкающіе своею мягкостью глаза, изъ-подъ взбитыхъ на лобъ завитковъ, черезъ которые растопленной мѣдью пробивались лучи начинавшаго уже спускаться солнца. Если мягкость этого взгляда мало гармонировала съ дерзки-приподнятымъ у самаго кончика носикомъ и крупнымъ, смѣлымъ очеркомъ губъ, если даже и вся наклоненная поза дѣвушки, на глазъ требовательнаго критика, была въ эту минуту нѣсколько разсчитанна—то все же это нимало не нарушало общую грацію эффекта, произведеннаго на далеко не избалованный такого рода впечатлѣніями вкусъ мистера Абрама Гикса изъ каменноугольной мѣстности родного его Гиксвилля.

— И кому же въ голову придетъ, что вы могли такъ скоро оторваться отъ чарующаго общества Даліи Сноббсъ? Воображаю, какъ много умнаго вынесли вы изъ разговоровъ ея за цѣлый день, чуть ли не съ самаго вѣдь разсвѣта,—замѣтила дѣвушка, переходя, наконецъ, отъ дѣйствія и взглядовъ къ разговору.

— Ха! ха! ха!.. Съ разсвѣта! А вы впередъ, миссъ Магги,

не капризничайте: поѣхали бы съ нами, такъ не только бы разговоровъ наслушались, но и на спасательной станціи пообѣдали бы, да и видѣли бы, какъ мы такую-то вотъ макрель вытянули,—и мистеръ Гиксъ съ блаженнѣйшей улыбкой даже голову на сторону склонилъ отъ душевнаго умиленія, разставляя руки чуть не на аршинъ одну отъ другой.

— Нѣтъ, уже премного благодарна,—я ни до рыбъ, ни до разговоровъ на возвышенныя тэмы не охотница... Удивляюсь я, какъ еще рыба вся въ морѣ подъ эти разговоры не уснула.

Мистеръ Гиксъ на такую выходку только еще громче разсмѣялся.

— Напрасно вы такъ полагаете: миссъ Далія весьма практичная особа—и разговоры ея очень интересны: она серьезно принялась вводить у себя ремесленныя школы по европейскому образцу, и меня подбиваетъ.

— Воображаю, какъ тошно это попрошайничество... Я бы на вашемъ мѣстѣ...

— Что вы, миссъ Магги! это Далія-то Сноббсъ попрошайничаетъ? У нея самой, по смерти отца, побольше, я полагаю, моего денегъ-то будетъ... Ха! ха! ха! ха! миссъ Сноббсъ попрошайничаетъ!— повторилъ Абрамъ Гиксъ замѣчаніе Магги, будто все болѣе и болѣе проникаясь нелѣпостью такого предположенія.

— Да развѣ это не попрошайничество—съ ножемъ къ горлу приставать къ людямъ, чтобы деньги по ея примѣру бросали на всѣ эти нелѣпыя затѣи?... Правду говоритъ тетя Флора, что у этихъ выскочекъ ни въ чемъ не бываетъ чувства мѣры: то страсть какая-нибудь къ ученью ихъ одолѣваетъ, и вотъ по Европѣ онѣ скачутъ чуть что не подъ-руку гуляя съ собственными переводчиками и курьерами, то...

— Ну, это вы напрасно: подъ этотъ разрядъ миссъ Далія не подойдетъ; она весьма и весьма спокойная особа,—мы съ нею во многомъ за это утро сошлись, хотя и, понятное дѣло, за ученостью ея мнѣ, конечно, не угоняться.

— Какъ было не сойтись? — насмѣшливо перебила, не слушая его, миссъ Магги, и бархатные до того глазки ея сверкнули гнѣвнымъ огонькомъ:—понятное дѣло, сошлись... Такое вѣдь тоже идиллическое положеніе... Я и отсюда могу себѣ представить, какъ мистеръ Абрамъ Гиксъ тянетъ изъ воды аршинную макрель, а ученая миссъ Далія Сноббсъ тянетъ его самого, охвативъ его гибкій станъ своими цѣпкими руками и потрясая по вѣтру своей артистической гривкой фальшивыхъ волосъ.

— Да вы уже и вправду не приревновали ли меня къ Даліи Сноббсъ, Магги?..—и, говоря это, Абрамъ Гиксъ снова раскатился своимъ перекатистымъ смѣхомъ. – Право, не будь я вдвое васъ старше, у меня бы, пожалуй, отъ такой чести закружилась и голова...

— Сколько разъ говорила я вамъ, мистеръ Гиксъ, оставить въ покоѣ ваши лѣта—разъ уже я объ нихъ забываю!—и отложивъ внезапно прежній гнѣвъ въ сторону, молодая особа обдала такимъ теплымъ взглядомъ Абрама Гикса, что тотъ даже растерялся на мигъ и не нашелся ничего лучшаго сдѣлать, какъ усѣсться на стоявшемъ при палаткѣ стулѣ, вовсе и не подумавъ предложить стулъ собесѣдницѣ.

Но та, очевидно, была не изъ тѣхъ несчастныхъ особъ, которыя сами не знаютъ порою, что дѣлать съ своей персоной. Поднявъ забытую на травѣ у палатки садовничью граблю, молодая красавица безмятежно продолжала говорить что-то совсѣмъ уже непонятное для затуманеннаго Гикса, и, говоря, опиралась грудью на палку грабли, то-и-дѣло плутовски поглядывая изъ-подъ длинныхъ рѣсницъ на собесѣдника.

— Я вамъ вотъ что скажу, мистеръ Гиксъ,—добавила она наконецъ, заключая, повидимому, что онъ вполнѣ сталъ на ея точку зрѣнія:—съ Даліей Сноббсъ вы водите свои умные разговоры въ лодкѣ, а меня покатайте на своихъ гнѣдыхъ лошадяхъ: я безъ ума отъ вашей новой пары... вотъ мы и квиты будемъ... Поѣдемъ сегодня кататься въ вашей корзиночкѣ, какъ только установится отливъ...

— Конечно, конечно, миссъ Магги: все, что угодно—гнѣдые всегда къ вашимъ услугамъ.

— Вотъ и отлично... А завтра мы всѣмъ обществомъ ѣдемъ на ту ферму огородниковъ, какъ ихъ—Ригби, кажется?.. И лордъ Гурдайль съ нами поѣдетъ!.. Какъ вы думаете, мистеръ Гиксъ,—и Магги выпрямилась во весь ростъ, откинувъ плечи назадъ, какъ учили ее при верховой ѣздѣ, точно вопросъ слишкомъ важенъ былъ для прежней небрежной позы:—какъ думаете вы—съ кѣмъ поѣду я: съ вами или съ настоящимъ лордомъ?.. Замѣтьте: онъ мнѣ разъ уже въ городѣ цѣлый вечеръ напѣвалъ любезности.

И Магги съ вызывающею кокетливостью посмотрѣла на мистера Гикса, скрещивая руки на груди и ни мало не смущаясь тѣмъ, какъ упорно возвращаются взгляды собесѣдника на ея полныя, розовыя руки, просвѣчивающія отъ самыхъ плечъ черезъ кружево, вшитое въ узкіе рукава: привычка—вторая натура, а

Магги Стромъ давно привыкла не только со стойкостью выносить, но даже и вызывать подобные взгляды, хотя самъ Гиксъ, встрѣтившись съ нею глазами, покраснѣлъ какъ школьникъ и, чувствуя себя въ нелѣпомъ положеніи, не зналъ въ первую минуту замѣшательства, о чемъ идетъ рѣчь. Магги пришлось повторить свой вопросъ:

— Что же вы не отвѣчаете мнѣ? хотите вы, я дамъ вамъ отдыхъ и посвящу завтрашній вечеръ настоящему лорду?

— Перестаньте—не дурачьтесь, Магги.

— Такъ вы не вѣрите, что я могу вскружить голову лорду?.. такъ вотъ же я вамъ покажу, что я съ нимъ сдѣлаю.

Абрамъ Гиксъ подернулъ бровью, морщась, будто отъ скрипа визгливаго колеса.

— Оставьте эти шутки, Магги—я знаю, что вы хоть кому вскружите голову.

— Такъ-то вамъ будетъ безопаснѣе, мистеръ Гиксъ, говорить!

— А все бы хотѣлось, чтобы вы, молодыя лэди, меньше поощряли этихъ залетныхъ прощалыгъ.

— Фи, какое выраженіе, мистеръ Гиксъ! Что бы сказала тутъ ученая миссъ Сноббсъ—будь она на моемъ мѣстѣ?—и темные глазки дѣвушки такъ и запрыгали отъ удовольствія и сдерживаемаго смѣха:—этотъ живой лордъ-то — прощалыга!.. Чудесно—нечего сказать!..

— Конечно, — и опять-таки скажу: прощалыга, и всѣ эти знатные иностранцы... Дома съ голода мрутъ или съ честныхъ людей деньги силой либо обманомъ забираютъ—а сюда ѣдутъ выслѣживать богатыхъ невѣстъ... Будь я американской лэди—я бы на сотню шаговъ не подпускалъ къ себѣ этихъ нахаловъ! Они и смотрятъ-то на всѣхъ американокъ какъ на товаръ какой: въ стеклышко—да знатоками!—и мистеръ Гиксъ въ волненіи своемъ еще выше засучилъ рукава фланелевой рубашки, обнажая мускулистыя, густо поросшія волосами руки, будто боксомъ собираясь хорошенько проучить всю бродячую ораву лордовъ.

— Боже мой!.. — насмѣшливо отозвалась ему въ тонъ Магги:—неужели же вы рѣшитесь, положа руку на сердце, мнѣ сказать, что, будь вы молодой лэди—что трудно, признаться, предположить—вы не польстились бы на всеобщее поклоненіе?..

— Поклоненіе поклоненію—рознь. Магги, вотъ мое искреннее убѣжденіе: я слишкомъ высоко ставлю самое учрежденіе брака, чтобы говорить хладнокровно объ этихъ сдѣлкахъ, а эти иностранные бродяги готовы всякую женщину въ грязь втоптать,

лишь бы деньгами ея заручиться—такъ-то! Да что объ этомъ говорить—я за васъ только радъ, Магги, что нѣтъ за вами той кубышки съ золотомъ, что привлекаетъ этого сорта хищную птицу,—смѣясь, заключилъ мистеръ Гиксъ, постепенно возвращаясь къ прежнему благодушію, какъ всегда бывало съ нимъ послѣ того, когда онъ давалъ волю словамъ безъ стѣсненія.

Но Магги не была еще готова отказаться отъ своей забавы.

— А хотите, я вамъ докажу, что и безъ кубышки съ лордомъ справлюсь? Хотите пари на вашу гнѣдую пару?—настаивала она, поднявъ свою хорошенькую голову и становясь лицомъ къ лицу съ Абрамомъ Гиксомъ, будто съ тѣмъ, чтобы убѣдить его, какъ она хороша и какъ разнообразны ея рессурсы на покореніе сердецъ англійскихъ лордовъ.

— Берите гнѣдыхъ хоть теперь же, только не гладьте по шерсти вы этихъ...

На долю отсутствующаго лорда, впрочемъ, такъ и не выпало новаго эпитета: послѣдняя поза Магги оказалась такъ для нея неудобна, что изъ рукъ ея вывалился клубокъ шерсти, а потянувшись за нимъ, она, какъ и водится, выпустила и всѣ остальные; бросившись ихъ поднимать, Абрамъ Гиксъ со всего размаха ударился въ плечо молодой лэди и съ такою силою, что едва не сбилъ ее съ ногъ. Онъ тутъ же инстинктивно охватилъ ее руками, чтобы поддержать, но его такъ вдругъ обдало одуряющимъ запахомъ тонкихъ духовъ, что тутъ же забыты были всѣ слова извиненія, а неожиданная неловкость, вызвавшая это внезапное соприкосновеніе щеки его съ трепетавшимъ еще отъ движенія молодымъ существомъ, до такой степени лишила этого разсудительнаго сорокалѣтняго человѣка всякаго самообладанія, что, проговоривъ нѣсколько несвязныхъ словъ о какомъ-то спѣшномъ дѣлѣ, мистеръ Гиксъ изъ Гиксвилля передалъ дѣвушкѣ поднятые клубки и тутъ же обратился въ безпорядочное, спѣшное отступленіе въ сторону дома.

Спокойно провожая его глазами, миссъ Магги Стромъ едва замѣтно повела лишь плечами, и, самодовольно оглянувъ свою полную, но все еще стройную молодую фигуру, поправила сдвинувшійся на корсажѣ букетъ желтыхъ розъ.

По вѣтру до нея уже доносились голоса—будто въ доказательство того, что предшествовавшая сценка разыгрывалась не на необитаемомъ островѣ; но миссъ Магги, несмотря на молодость свою, прекрасно, какъ видно, умѣла управляться со своими дѣлами: она и тутъ, нимало не смущенная, повернула свое оживленное, привѣтливое личико въ сторону голосовъ и поспѣ-

шла на встрѣчу людной группѣ новоприбывшихъ, шедшихъ къ отелю съ пристани, въ обществѣ ея сестры Эльзы и тети Флоры.

Въ особой находчивости на этотъ разъ не встрѣтилось, однако, и надобности: никто, кромѣ Эльзы, и не примѣтилъ поспѣшнаго отступленія Абрама Гикса: слишкомъ уже довольны и заняты были всѣ прибывшими на частной яхтѣ посѣтителями съ модныхъ сосѣднихъ морскихъ купаній. Самъ островъ Силеръ-Гровъ не претендовалъ на репутацію первокласснаго лѣтняго убѣжища, но, вслѣдствіе обильной рыбной ловли у береговъ этого вдавшагося въ океанъ острова и обилію богатыхъ мягкокожими крабами мѣстъ въ тихихъ проливахъ, онъ предъявлялъ собою вѣскія приманки для мужчинъ, скучавшихъ на болѣе бойкихъ морскихъ купаньяхъ, и нерѣдко, какъ и теперь, служилъ цѣлью веселыхъ мужскихъ экскурсій „на холостую ногу“ въ частныхъ или казенныхъ яхтахъ.

Магги немедленно была окружена партіей совсѣмъ юныхъ джентльменовъ и послѣ краткихъ привѣтствій побѣжала во главѣ другихъ, рука-объ-руку со Стивеномъ, къ лужайкѣ, гдѣ, со стороны отеля, отведено было мѣсто для крокета. Послѣдовала за юношами, въ своемъ качествѣ молодой лэди, и Эльза Стромъ, неся клубки, навязанные ей сестрой.

IV.

Намѣренно поотстала отъ другихъ лишь миссисъ Моррисъ. За то она завладѣла единственнымъ мужчиной положительныхъ лѣтъ, и съ этимъ подходящимъ спутникомъ спѣшить ей было некуда; да и разговоръ у нихъ шелъ не такой, чтобы удобно было вести его при публикѣ.

— На этотъ разъ вы мною останетесь довольны,—увѣрялъ ее высокій и весьма еще красивый джентльменъ осанистой военной выправки, несмотря на его нѣсколько подозрительно загребавшую землю лѣвую ногу:—я ужъ вѣрно знаю, останетесь довольны...

— Конечно, останусь довольна, любезный полковникъ. Не сама ли я вамъ всегда указываю на то, какой въ васъ кроется богатый матеріалъ? Стоитъ вамъ только стряхнуть съ себя эту безпечность, эту лѣнь, и вы всѣмъ этимъ господамъ янки покажете, какъ слѣдуетъ направлять людей и политику.

Полковникъ съ чувствомъ пожалъ одними кончиками пальцевъ

опиравшуюся на высокій зонтикъ ручку миссисъ Моррисъ и со вздохомъ промолвилъ:

— Вы моя *Mascotte*, вы моя путеводительная звѣзда.

— Миссисъ Ломаксъ не пишетъ еще, когда собирается домой?—спросила его собесѣдница, будто въ отвѣтъ на этотъ подавленный вздохъ. Несмотря на весь интересъ свой къ дѣламъ, обыкновенно отводимымъ исключительному вѣденію мужчинъ, миссисъ Моррисъ все же была, прежде всего, женщиной—и женщиной совсѣмъ не заурядной миловидности. Какъ же было ей не придти къ тому заключенію, что вздохъ вырванъ тутъ у Мортона Ломакса ничѣмъ инымъ, какъ мыслью о томъ, какъ непохожа его чопорная, сухая, и душой, и тѣломъ, жена на идущую теперь съ нимъ рядомъ увлекательную, несмотря на сѣдину, и женственную до конца ногтей *Mascotte*.

И въ умѣ тети Флоры съ быстротой молніи промелькнула картина далекаго прошлаго, когда прямой и гибкій тогда, какъ тростникъ, и ловкій на лошади, какъ присяжный ѣздокъ на призы—Мортонъ Ломаксъ пріударивалъ за нею, молодой вдовой, какъ принялъ онъ напускную ея строгость за чистую монету непоколебимыхъ правилъ и, къ величайшей ея досадѣ, оставилъ ее въ покоѣ. Романическій элементъ, правда, и о сю пору проглядывалъ порою въ ихъ отношеніяхъ—но и только.

Настоящее, впрочемъ, время—миссисъ Моррисъ сама это сознавала—не совсѣмъ было удобно для экскурсій въ область чувства, и потому, сѣвъ на первый попавшійся при палаткѣ стулъ, она указала полковнику мѣсто противъ себя и перешла къ дѣламъ болѣе практичнаго свойства.

— Такъ всѣхъ, говорите вы, повидали, кого было нужно?

— Всѣхъ рѣшительно: и Герндоны, и Ли, и Карроли—всѣ сливки нашего общества обѣщаютъ изъ всѣхъ силъ работать за меня... Какъ бы вы думали: что̀ хочетъ Карроль устроить для меня?.. Ни болѣе, ни менѣе, какъ банкетъ-monstre, на которомъ мнѣ бы открыто преподнесли списокъ лицъ, завѣряющихъ меня въ своей поддержкѣ — въ поддержкѣ наилучшихъ элементовъ штата... Замѣчательно хорошій малый этотъ Фреддъ Карроль: джентльменъ съ головы до ногъ!.. И ни въ чемъ онъ не знаетъ неудачи... Помнится, нѣсколько лѣтъ тому назадъ учинили мы сообща лисью охоту—не хвастаясь скажу: оба мы были тогда красивы—обоимъ море было по колѣно... Или еще было это до войны?... Множество хорошенькихъ дѣвочекъ попадалось намъ тогда въ горахъ на встрѣчу... во всякомъ случаѣ, это было прежде дѣла у форта Сомтера...

— Да, да, я прекрасно помню, когда это было, — перебила миссисъ Моррисъ давно ей знакомый разсказъ:—но что же вамъ вчера-то лидеры въ городѣ сказали?

— Лидеры?.. О, да, бишь, политиканы,—припомнилъ полковникъ, съ явнымъ трудомъ отрываясь отъ заманчивой картины раннихъ своихъ шалостей и побѣдъ,—что-жъ лидеры? . Лидеры ничего... Говорятъ: спичей надо коллекцію хорошенькую подготовить, обѣщали мнѣ бездну самаго пикантнаго матеріала доставить для обличенія янки-республиканцевъ.

— Да это все будетъ хорошо, если васъ выставятъ кандидатомъ, а насчетъ конвента-то какъ? Обѣщалъ вамъ кто изъ лидеровъ поддержку? Что они говорятъ? Ручаются ли они за руководителей рабочихъ массъ?—сыпала вопросами миссисъ Моррисъ, начиная волноваться флегматичностью пріятеля.

— Будьте покойны, дорогой мой другъ, будьте покойны, съ рабочими массами—дѣло въ шляпѣ.

— Вамъ это кто изъ лидеровъ говорилъ?—настаивала миссисъ Моррисъ.

— Некому мнѣ объ этомъ говорить: я самъ это лучше всѣхъ лидеровъ знаю... Не безпокойтесь, мой заботливый другъ; подумайте о своихъ нервахъ!—и полковникъ убѣдительно пожалъ кончики пальцевъ преданнаго друга молодости. — Я не хочу утруждать вниманіе лэди сухими дѣловыми деталями, но вы можете повѣрить моему политическому чутью, шестому, такъ сказать, въ истомъ джентльменѣ чувству... Повѣрьте, наконецъ, слову Мортона Ломакса изъ Осборна!—И полковникъ рѣшительно ударилъ себя сжатымъ кулакомъ въ грудь.

Это пылкое проявленіе концентрированнаго чувства заставило миссисъ Моррисъ промолчать одно лишнее, противъ обыкновенія, мгновеніе, чѣмъ и воспользовался полковникъ, поднимаясь снова въ волненіи своемъ на ноги и мѣрно уже отчеканивая слова, будто обращаясь къ многотысячной толпѣ съ платформы:

— Повѣрьте слову Мортона Ломакса: рабочія массы юга утомлены вымогательствами и скаредностью пришлыхъ съ чуждаго сѣвера янки!.. Рабочія массы глубоко сожалѣютъ о прежней порѣ плантаторскаго величія и отеческой надъ ними опеки!.. Да-съ, дорогая моя лэди!.. Это васъ поражаетъ? вамъ кажется это парадоксомъ?.. Ха! ха! ха! ха!.. И я тому не удивляюсь: я вовсе этому не удивляюсь!.. Такія вещи не бросаются въ глаза поверхностному наблюдателю. Для пониманія ихъ требуется умъ, прошедшій всю трудную школу парламентскихъ дебатовъ, требуется ширина кругозора государственнаго человѣка.

— Но почему же, почему же явилась у васъ эта увѣренность, что рабочіе за васъ?—ввернула, наконецъ, свой вопросъ миссисъ Моррисъ послѣ нѣсколькихъ тщетныхъ на то попытокъ.

— Почему?.. Какъ, дорогая моя, почему?.. Вотъ что значитъ всю жизнь свою прожить хорошенькой, изнѣженной женщиной!—галантно уклонился отъ отвѣта полковникъ.—Конечно, хорошенькой женщинѣ не до прозаичныхъ деталей политическихъ кампаній, а то бы вы знали, что рабочія массы—всѣ даже ихъ молодые агитаторы—тоже говорятъ, что рабочія массы сидятъ безъ хлѣба!.. Положительно-таки, безъ куска хлѣба!..—съ трагическимъ замираніемъ послѣдняго слова въ клокотавшей чувствомъ груди провозгласилъ полковникъ, откидываясь всѣмъ корпусомъ назадъ на разставленныя ноги, озираясь красивыми своими глазами и покручивая лѣвый усъ, точь-въ-точь, припомнилось ему тутъ, какъ дѣлывалъ то Сальвини, неизмѣнно возбуждая этимъ жестомъ громъ рукоплесканій.—Безъ куска хлѣба, говорю я вамъ!—добавилъ онъ уже fortissimo, и затѣмъ, послѣ моментальной, но тѣмъ не менѣе ко всякой неожиданности подготовляющей нервы паузы, оставилъ прежнюю позу и сразу перешелъ въ тихій разговорный тонъ.—Eh bien! Какой же логическій изъ того выводъ?.. А тотъ, дорогая моя лэди, что рабочимъ массамъ нуженъ хлѣбъ. Не правда ли, выводъ простъ?.. Но вѣдь и всѣ геніальные выводы—до-нельзя просты, стоитъ только въ строгой системѣ построить свои посылки... Вы знаете, мужской умъ—кто, бишь, изъ ученыхъ это первый сказалъ?.. Не Дарвинъ только, если не ошибаюсь... кто-то другой; еще имя, помнится, на С... Впрочемъ, все равно... Мужской умъ, хотѣлъ я только-что сказать, мужской умъ работаетъ индуктивнымъ образомъ, а женскій—прямо набрасывается на заключенія, и оба, въ сущности, приводятъ ихъ къ однимъ и тѣмъ же выводамъ... Но разница есть, разница все же есть, какъ между всѣмъ мужскимъ и женскимъ!.. „Das ewig Weibliche“!..—и полковникъ снова разсмѣялся, окидывая собесѣдницу побѣдоноснымъ взглядомъ.

— Что же вы магазины хлѣбные для черни, что ли, открывать станете?—съ легкимъ оттѣнкомъ непочтительности освѣдомилась миссисъ Моррисъ; она не понимала нѣмецкаго языка и отказывалась проникаться полковничьей логикой.

— О, нѣтъ... Дѣло гораздо проще: мы доставимъ бѣдному люду работу, бездну работы, гибель работы!.. Это такъ просто, дорогая моя лэди, что, право, становится смѣшно, какъ подумаешь, что никто до сей поры до того же не додумался... Но я собираюсь эксплуатировать эту идею—самую квинтъ-эссенцію

изъ нея извлечь... Это, конечно, между нами, дорогая моя миссисъ Моррисъ,—съ возрастающею нѣжностью замѣтилъ полковникъ, склоняясь всѣмъ туловищемъ къ собесѣдницѣ и впадая въ прочувствованный шопотъ:—рабочіе, дорогой мой другъ, за того, кто доставитъ имъ работу... за того, кто доставитъ имъ хлѣбъ... Интересы рабочихъ массъ и плантаторовъ, т.-е. низшихъ и высшихъ классовъ, совершенно тождественны, и рабочіе это знаютъ. Есть деньги у плантатора, есть у него средства открыто жить въ городѣ, строиться, задавать балы, однимъ словомъ, сыпать деньгами, какъ только умѣли мы, плантаторы,—тогда есть работа, есть и хлѣбъ у рабочаго. Ergo, водворяется всеобщее довольство и полнѣйшее fiasco всѣхъ этихъ вашихъ нынѣшнихъ „апостоловъ труда“.

Аргументы полковника, которые онъ съ большою методичностью отсчитывалъ длинными пальцами своей протянутой къ собесѣдницѣ, хотя и желтой, но элегантной руки, — аргументы эти оказались тутъ той добавочной соломинкой, подъ которой ломится, наконецъ, спина долготерпѣливаго верблюда. Миссисъ Моррисъ, совсѣмъ отъ природы терпѣніемъ верблюда не надѣленная, вовсе не расположена была слушать диссертацію на тэму рабочаго вопроса и, мысленно порѣшивъ, что полковникъ заведенъ теперь на добрый часъ, воспользовалась первой передышкой друга, заявляя, что пора одѣваться къ чаю.

— А я все же замолвлю словечко моему пріятелю, брату-Алоисію, — заявила миссисъ Моррисъ, направляясь въ сопровожденіи Мортона Ломакса къ дому.—Вы знаете, каково это католическое духовенство—патеры эти пользуются такимъ вліяніемъ на массы... Да и то, наконецъ: въ нашемъ кругу братъ-Алоисій такъ себя прекрасно поставилъ... А вамъ не худо бы, полковникъ, здѣсь же переговорить съ докторомъ Кларкомъ: безъ него, говорятъ, на конвентѣ съ мѣста тронуться нельзя. Когда-то еще вашимъ рабочимъ массамъ придется васъ выбирать, а въ кандидаты вы безъ Кларка не пробереτесь.

Зналъ это прекрасно и полковникъ Ломаксъ: онъ собственно и изъ города-то ѣхалъ, чтобы разогнать хандру, навѣянную на него всеобщими ссылками на то, что провести его кандидатуру въ губернаторы скорѣе всего можетъ одинъ докторъ Кларкъ, у котораго въ рукахъ давно сводились всѣ нити мѣстнаго политическаго дѣйствія. Не мало, притомъ, крови портили полковнику Ломаксу и рутинныя его занятія при его адвокатской конторѣ и по управленію желѣзно-дорожными заводами его богатой жены, приставившей его, за время своего отсутствія, къ дѣлу

болѣе, впрочемъ, для порядка, чтобы чувствовалось, гдѣ слѣдуетъ, хотя бы подобіе хозяйскаго глаза. Что жена рѣзко отмежевала сферу его возможнаго произвола въ дѣлахъ и видимо не довѣряла его дѣловымъ способностямъ — о томъ, по давней къ тому привычкѣ, полковникъ мало печалился; но не могло его не возмущать вторженіе всѣхъ этихъ мелочныхъ, низменныхъ деталей будничной жизни въ тотъ особый внутренній міръ, который онъ воздвигъ себѣ силою собственнаго воображенія съ той поры, какъ стараніями друзей, подобныхъ миссисъ Моррисъ, въ головѣ его прочно водворилась мысль пробиться на высшій постъ въ своемъ родномъ штатѣ.

Мрачныя мысли, однако же, неспособны были долго держаться въ подвижномъ умѣ полковника, и вечеромъ этого дня не было въ отелѣ того непредубѣжденнаго человѣка, который бы въ душѣ не сознался, что трудно себѣ и представить болѣе обходительнаго, болѣе сановитаго и болѣе остроумнаго джентльмена, чѣмъ полковникъ Мортонъ Ломаксъ изъ Осборна.

V.

Полковникъ прекрасно и самъ зналъ, что трудно было не засмотрѣться на его военную осанку, и рѣшительно нельзя было устоять противъ его тонкаго юмора. Но такова уже суетность природы мужчины, что ему весьма пріятно, когда послѣдній изъ этихъ неоспоримыхъ фактовъ былъ во всеуслышанье подтвержденъ миссисъ Альвой Флинтъ, душою ихъ „кружка“, да и всего отельнаго общества.

Это во всеуслышанье заявленное мнѣніе миссисъ Флинтъ не пошло тутъ, однако же, далѣе ушей, наиболѣе этимъ отзывомъ польщенныхъ: къ концу третьяго анекдота изъ военнаго и охотничьяго репертуара полковника, разсказаннаго имъ же самимъ, съ его всегдашней увлекательной манерой, тутъ же вечеромъ на террасѣ у освѣщенныхъ оконъ отельной гостиной, кучка слушателей значительно порѣдѣла, а четвертый анекдотъ дослушала и потому могла вполнѣ оцѣнить одна лишь миссисъ Альва Флинтъ.

— Удивляюсь я, полковникъ, — съ чарующей, какъ ему сдавалось, наивностью закончила эта лэди: — одно мнѣ непонятно — какъ еще, зная вашу проницательность и глубокое пониманіе людей, находятся простаки, воображающіе, что ихъ планы могутъ укрыться отъ васъ: не смѣшно ли, напримѣръ, было со

стороны этихъ бостонскихъ капиталистовъ пытаться подкопаться подъ васъ въ желѣзно-дорожныхъ дѣлахъ?

— Подкопаться подъ меня!..—расхохотался полковникъ.— Это „подкопаться“ отмѣнно мило сказано, дорогая моя миссисъ Флинтъ!..—и онъ съ пристальною томностью остановился глазами на собесѣдницѣ, будто магнетизируя ее взглядомъ и силясь запомнить эту граціозно-ребяческую выходку.—Хотѣлъ бы я посмотрѣть того молодца, что подкопается подъ Мортона Ломакса изъ Осборна!.. Не хвастаясь, скажу—я на своемъ вѣку въ полусотнѣ дуэляхъ принималъ участіе: и во многихъ—сказать вамъ по секрету—въ качествѣ главнаго дѣйствующаго лица... Подкопаться! Неподражаемо!

И, продолжая самодовольно посмѣиваться, полковникъ вытянулъ свои ноги во всю ихъ длину, засунувъ руки въ карманы брюкъ и, видимо мысленно смакуя пикантность смѣлаго предположенія, продолжалъ:

— Еслибы только разсказать имъ половину...

Но глаза миссисъ Флинтъ давно присмотрѣлись къ полумраку, царившему на террасѣ, и видъ собесѣдника былъ для нея краснорѣчивѣе самихъ его словъ.

— Ни-ни-ни, полковникъ! Ни полслова о вашихъ ужасныхъ дуэляхъ и шалостяхъ!.. Знаю я васъ, повѣса вы этакой... —и миссисъ Флинтъ звонко хлопнула полковника вѣеромъ по сухой ногѣ, но, не давая разыграться полковничьему восторгу отъ этого новаго и еще болѣе пикантнаго комплимента, совсѣмъ уже серьезно продолжала:—Съ такими людьми, какъ эти бостонскіе капиталисты, тактика другая нужна: не станете же вы вызывать на дуэль фиктивное лицо—корпорацію, которая—какъ мнѣ передавали—рада бы смѣстить васъ изъ директоровъ общества „S. V. Line“.

Сухой, дѣловой тонъ и юридическій терминъ могли бы дѣйствительно показаться забавными въ устахъ женщины, явно возбуждающей восхищеніе собесѣдника, но не потому теперь заливался хохотомъ Мортонъ Ломаксъ.

— Вотъ оно что значитъ женщины!—произнесъ онъ, наконецъ, переводя духъ:—въ мизинцѣ вашемъ, пожалуй, больше ума, чѣмъ въ любомъ изъ насъ, неуклюжихъ мужчинъ, а дѣла все же, для васъ, лэди, всегда остаются той же *terra incognita*...

— Что же скажете вы, полковникъ, развѣ это—одни пустые слухи?—спросила миссисъ Альва въ отвѣтъ на иронически-самодовольный взглядъ, которымъ ее обдалъ полковникъ.

— Нѣтъ дыма безъ огня, дорогая моя лэди, нѣтъ дыма безъ огня. Ужъ если на то пошло, я вамъ показать могу, какъ люди „подкапываются“ подъ Мортона Ломакса... Только, понимаете ли, это должно, конечно, остаться между нами... Нѣтъ! нѣтъ! безъ увѣреній, моя дорогая!—и полковникъ медленно поднесъ мягкую руку миссисъ Флинтъ къ своимъ губамъ: — между нами двумя нѣтъ мѣста увѣреніямъ... Довѣряй беззавѣтно, или и щипцами не дотрогивайся—вотъ девизъ Мортона Ломакса.

— Такъ, значитъ, были-таки съ ихъ сторонъ предложенія?— вернулась къ прежнему вопросу миссисъ Альва, нимало, какъ видно, не возбужденная трогательной довѣрчивостью полковника.

— Не предложенія, дорогая моя, — далеко до того, а сказать, что за совѣтомъ моимъ ѣхали они изъ самаго Бостона— это, пожалуй, будетъ ближе къ дѣлу... Конечно, по дорогѣ, въ Нью-Іоркѣ останавливались переговорить съ ех-милліонеромъ Гульдомъ: но это была простая формальность... Я имъ открылъ глаза, объяснилъ, въ чемъ дѣло, и теперь у насъ составляется синдикатъ,—я же и во главѣ его стану,—чтобъ скупить обезцѣненныя акціи „S. V. Line“, подправить кое-гдѣ, для вида, дорогу, поприжать, съ содѣйствія Гульда, сосѣднія линіи, распустивъ, подъ шумокъ, слухи о нахожденіи у насъ нефтяныхъ источниковъ— а тамъ и дѣло въ шляпѣ... Ручаюсь, что на акціи дороги публика толпою набросится! мы же сто на сто наживемъ... Такъ-то подкапываются подъ полковника Мортона Ломакса, дорогая моя лэди!..—и полковникъ снова захохоталъ самодовольнѣйшимъ смѣхомъ и дружески потрепалъ собесѣдницу по полной рукѣ.

— И вы вѣрно знаете, что Гульдъ готовъ помогать? — нѣсколько непочтительно переспросила миссисъ Флинтъ.

— Какое готовъ! рвется съ нами за-одно, завалилъ всѣхъ телеграммами! Еще сегодня мнѣ одинъ изъ его агентовъ въ городѣ говорилъ, что Гульдъ скупилъ до десяти тысячъ акцій „S. V. Line“ на этихъ дняхъ, на имя разныхъ подставныхъ лицъ... Я самъ, по возвращеніи завтра домой...

— Удивительно, удивительно!—переходя снова изъ дѣлового въ льстиво-пріятельскій тонъ, замѣтила миссисъ Альва Флинтъ:— право, полковникъ, на мѣстѣ этихъ дѣльцовъ, я побоялась бы имѣть съ вами дѣла...

— Но, миссисъ Флинтъ, вы меня, кажется, не поняли! — воскликнулъ полковникъ, разомъ подбирая всѣ развинченные свои длинные члены и вытягиваясь шестомъ на своемъ креслѣ: — конечно, вы меня не поняли: Мортонъ Ломаксъ — не торгашъ-янки! мы людей топить не собираемся... Все это для блага края, для славы.

— О, понятно, понятно, полковникъ. Будьте увѣрены, я васъ знаю—и цѣню!.. Не пора ли намъ, однако, и въ комнату? мнѣ что-то будто ночная сырость почувствовалась?

Позволительно было сомнѣваться въ томъ, чтобы полновѣсный организмъ цвѣтущей здоровьемъ миссисъ Флинтъ подвергался риску отъ какихъ бы то ни было перемѣнъ температуры, но полковникъ страдалъ застарѣлой подагрой, и брошенное вскользь замѣчаніе собесѣдницы заставило его нѣсколько спѣшно отретироваться изъ пріятнаго tête-à-tête съ дамой въ таинственномъ полумракѣ приморской ночи къ пылающему камину прозаичной отельной гостиной...

Миссисъ Флинтъ, съ своей стороны, пристала, лишь на нѣсколько минутъ, къ сидѣвшему въ гостиной оживленному обществу: лишь только полковникъ погрузился въ дебри тяжеловѣснаго юмора перваго своего анекдота изъ времени войны, лэди эта вышла въ корридоръ и быстрыми, мелкими, но, тѣмъ не менѣе, рѣшительными шагами направилась къ нумеру, занимаемому въ отелѣ балтиморскимъ старымъ биржевикомъ Сноббсомъ, сваленнымъ въ постель ревматизмомъ.

На стукъ ея въ дверь немедля отвѣчали позволеніемъ войти. Но если миссисъ Альва Флинтъ оставила веселое общество для того лишь, чтобы навѣстить бѣднаго больного, то состраданіе, несомнѣнно, занимало въ натурѣ ея весьма обширное мѣсто: визитъ ея длился много долѣе, чѣмъ могло бы то объясниться однимъ интересомъ добросердечной знакомой. Въ общей, однако, сложности, не прошло и часа, какъ на ближайшую отъ Сидеръ-Грова телеграфную станцію летѣла съ верховымъ шифрованная депеша такого, приблизительно, содержанія:

„*Джону Питерсу Эск.*

„*Банкирская контора* Питерсъ и К°.

„Покупайте немедля на разныя фиктивныя имена до четырехъ тысячъ акцій „S. V. Line“, не возбуждая толковъ на биржѣ. Расходы по операціи приписать, какъ и всегда, на счетъ № 0,387. Письмо съ инструкціями слѣдуетъ.

„*Джорджъ Вашингтонъ Второй*“.

Маленькая телеграфная станція не такими, конечно, управлялась невѣждами и дикарями, которые могли бы оставаться въ неизвѣстности, еслибы дѣйствительно проявился на свѣтѣ потомокъ великаго Отца Республики, носящій громкій титулъ Джорджа Вашингтона *Второго*. Потому, увидавъ эту, ни съ чѣмъ несо-

образную, подпись присланной ночью депеши, догадливый телеграфный чиновникъ самъ себѣ глазомъ подмигнулъ и тутъ же рѣшилъ, что это—новая шутка кого-то изъ отельной молодежи, вздумавшей морочить честную публику насчетъ того, что будто и на самомъ дѣлѣ понадобились кому, наконецъ, акціи „S. V. Line"; на нихъ въ ихъ околоткѣ не сыскать бы охотника и по десяти долларовъ за акцію: сельскаго телеграфнаго чиновника обойти не такъ легко, и онъ, конечно, не обратилъ на эту шутовскую депешу серьезнаго вниманія.

VI.

Миссисъ Флинтъ чрезвычайно любила общество, и въ обыкновенное время никто бы не заподозрилъ въ ней склонностей доброй самаритянки.

Возвратясь въ гостиную, она не замедлила подсѣсть къ самому оживленному кружку, и такъ удачно примкнула къ разговору, точно будто присутствовала при немъ съ самаго начала.

Судя по открытому, веселому лицу миссисъ Флинтъ и ея удачнымъ шуткамъ, заставлявшимъ смѣяться все общество, можно бы было заключить, что эта лэди и самой собою, и всѣмъ свѣтомъ такъ же довольна, какъ результатами только-что совершеннаго ею визита милосердія; а между тѣмъ это нимало не расположило ее мягче относиться къ своимъ завѣдомымъ противникамъ, въ числѣ которыхъ выступала на виднѣйшее мѣсто миссисъ Флоренсъ Моррисъ, несмотря даже на то,—если не именно потому,—что дамы эти знали другъ друга много лѣтъ, и молодой Стивенъ числился въ рядахъ самыхъ пламенныхъ почитателей той же самой миссисъ Альвы Флинтъ.

Удачный визитъ къ больному на этотъ разъ, казалось, еще обострилъ язычокъ миссисъ Альвы Флинтъ, такъ что, выведенная, наконецъ, изъ себя, миссисъ Моррисъ съ искренней радостью привѣтствовала появленіе въ дверяхъ сосѣдней билліардной не особенно ею долюбливаемаго Абрама Гикса, ища хотя бы въ немъ возможнаго союзника.

— Подойдите къ намъ, мистеръ Гиксъ, полюбуйтесь на друга вашего, миссисъ Флинтъ, въ ея новой роли поборницы женственности и семейныхъ добродѣтелей,—возбужденно попыталась миссисъ Моррисъ вовлечь молчаливаго Гикса въ споръ, въ которомъ ей уже надоѣло уступать одну порцію за другой.

— Прошу прощенья, миссисъ Моррисъ!—вступилась за смю-

щеннаго этою рѣзкостью Абрама Гикса сама миссисъ Альва Флинтъ; она оказывалась тутъ, при обильномъ освѣщеніи насаженныхъ въ люстры керосиновыхъ лампъ, крупной блондинкой, явно переступившей уже тотъ предѣлъ, за которымъ лѣта женщинъ всѣхъ цивилизованныхъ людскихъ общинъ сдаются въ область смутныхъ догадокъ.—Я слишкомъ практична, чтобы бросать слова свои на вѣтеръ, навязывая людямъ дикія для нихъ понятія и вещи: я только доказывала вамъ фактами, что намъ, американкамъ, нелѣпо тягаться за французскими агитаторами въ юбкахъ. Политическій салонъ такъ же присталъ нашимъ демократическимъ учрежденіямъ, какъ сѣдло какому-нибудь неуклюжему животному.

Миссисъ Флинтъ щеголяла легкою вульгарностью выраженій, почитая—и съ немалымъ, судя по ея популярности, основаніемъ, что это придаетъ, въ глазахъ мужчинъ, не малую соль ея разговору; потому она и теперь не остановилась передъ презрительнымъ подергиваньемъ плечъ миссисъ Моррисъ, а со спокойною отчетливостью докончила начатую мысль.—А что попытки на интригу у насъ производятся—объ томъ никто съ вами и не споритъ: всѣхъ шутовъ гороховыхъ по сумасшедшимъ домамъ не разсадишь.

— Но если такъ, то вы всякій личный починъ станете предавать поруганью... Лучше бы уже сразу полицейскій надзоръ надъ всѣми учредить.

— Вѣрно сказано, миссисъ Моррисъ! – поддержалъ ее докторъ Кларкъ, любившій-таки подливать масло въ препирательства друзей и знавшій по опыту, что ничто такъ не одушевляетъ скучающее общество въ сельской глуши, какъ стычки равно неустрашимыхъ и находчивыхъ дамъ:—совершенно вѣрно сказано: на то человѣкъ и рожденъ въ свободной странѣ, чтобы поступать какъ Богъ на душу пошлетъ—поперекъ дороги не становись!.. Вѣдь это же любимый девизъ у васъ, американцевъ: не такъ ли я говорю, мистеръ Гиксъ? Вѣдь каждый изъ васъ жизнь готовъ положить за неотъемлемое право американца браться за какое хочетъ дѣло—быть хотя бы смѣшнымъ или нелѣпымъ, если только фантазія ему на то въ голову придетъ.

— Позвольте, однако же, докторъ Кларкъ, сэръ,—съ торжественною медленностью и выпячиваясь всей грудью впередъ, протянулъ въ носъ, полковникъ Мортонъ Ломаксъ, какъ дѣлалъ онъ всегда, когда случалось ему выступать, такъ сказать, въ защиту своихъ друзей или убѣжденій; полковникъ готовъ былъ требовать, хотя бы цѣною крови, объясненія отъ всякаго смѣльчака, посягавшаго на шутку надъ американскими идеями.—Присут-

ствующимъ лэди и джентльменамъ было бы, полагаю, не безъинтересно...—началъ полковникъ.

Но полковнику такъ и не удалось округлить столь прекрасное вступленіе, не удалось выступить ораторомъ отъ всего общества: ни та, ни другая лэди не была еще расположена слагать оружіе, и миссисъ Моррисъ безъ церемоніи перебила друга своей молодости, совсѣмъ его будто не замѣчая.

— Я и не говорю, докторъ, о сѣверныхъ янки: имъ и книги въ руки, хомуты ли чинить, или китайскія реформы въ политику вводить,—на все это они мастера... Но что касается до высшихъ государственныхъ талантовъ, то всѣмъ взорамъ приходится обращаться на югъ, въ нашу старую Виргинію...

— Приходилось, миссисъ Моррисъ; не смѣшивайте древней исторіи съ настоящимъ—приходилось.

— Что же, вы станете, пожалуй, утверждать, что южане...

— Не уклоняйтесь отъ вопроса, дорогая миссисъ Моррисъ: не о томъ у насъ рѣчь. Я первая готова всѣ качества и таланты признать за южанами, въ особенности имѣя передъ собой примѣромъ такого джентльмена, какъ нашъ общій другъ здѣсь, полковникъ... Но изъ этого все же не слѣдуетъ, чтобы былъ какой-либо смыслъ въ устройствѣ политическаго салона тамъ, гдѣ политику до извѣстной степени создаютъ кабатчики, а рѣшаются дѣла голосами избирателей, девять десятыхъ изъ которыхъ вы бы первая къ себѣ на порогъ не пустили... Да что объ этомъ говорить! вѣчно только азбучные зады твердишь,—заключила миссисъ Флинтъ, обращаясь къ доктору:—правда ваша, докторъ: никому, къ сожалѣнію, запрета въ нашей покладистой странѣ нѣтъ,—хоть на головѣ своей каждый для удовольствія своего подвизайся!

Но нашу миссисъ Моррисъ не такъ-то легко было отстранить.

— Грѣхъ вамъ, милѣйшая миссисъ Флинтъ, зарывать свои таланты въ землю,—наступала она съ возрастающимъ пыломъ:—васъ сама судьба прочила въ звѣзды театральнаго міра, а не то такъ въ публичные лекторы, кочующіе по нашему многострадальному отечеству. Почему бы вамъ не попытать счастья, не выступить подъ дирекціей опытнаго антрепренера на аренѣ состязанія изъ-за женскихъ правъ или хотя бы принудительной трезвости?..

— Благодарствуйте за добрый совѣтъ, миссисъ Моррисъ, но вы, право, слишкомъ любезны, и по дружбѣ преувеличиваете мои таланты,—отвѣчала та, посмѣиваясь, смотря на южанку въ упоръ и безцѣльно перебирая кольца, сверкающія на ея крупныхъ, бѣ-

лыхъ рукахъ:—сама я имѣю всѣ права, которыми хочу пользоваться, и не вступила еще въ ту пору женской жизни, когда стремятся заслушиваться собственныхъ рѣчей, за невозможностью найти себѣ другихъ добровольныхъ слушателей.

Ударъ направленъ былъ мѣтко, но былъ уже слишкомъ рѣзокъ: лѣта составляли больное мѣсто южанки, гордившейся остатками своей красоты; и, несмотря на спѣшную попытку доктора перемѣнить разговоръ, отпоръ со стороны миссисъ Моррисъ не заставилъ себя, конечно, ждать.

— Все въ жизни условно, дорогая моя миссисъ Флинтъ: для иныхъ старость—сущій кладъ... Возьмите вы хоть некрасивыхъ женщинъ, изъ тѣхъ, что, какъ говорится, рублены топоромъ,—за ними та положительная выгода, что у нихъ нѣтъ возраста: онѣ такъ же уродливы въ шестьдесятъ, какъ и въ шестнадцать лѣтъ, и не имъ ужъ, понятно, приходится плакать о томъ, чего за ними никогда не водилось.

Миссисъ Флинтъ и сама прекрасно сознавала недостатки своего широкаго, скулистаго лица, монгольскихъ глазокъ и широкаго, хотя и весьма выразительнаго рта, надѣленнаго двумя рядами блестящихъ и несомнѣнно натуральныхъ зубовъ; но, какъ женщина умная, она давно примирилась со своей внѣшностью, и хорошо знала, что прекрасно сохранившаяся, рѣдкостная въ американкѣ фигура и умѣнье одѣваться къ лицу совершенно сбивали людей съ толку касательно ея лѣтъ, и все еще дозволяли ей числиться въ разрядѣ молодыхъ женщинъ и удерживать при себѣ немалое число преданныхъ друзей изъ мужчинъ, главнымъ образомъ привлекаемыхъ ея замашками хорошаго малаго. Женщинъ она, собственно говоря, слегка презирала и весьма мало ихъ мнѣніями и обществомъ дорожила, но въ присутствіи свидѣтелей она, конечно, не могла оставить задорную пріятельницу безъ урока.

— Боже правый, миссисъ Моррисъ! вы опять взобрались на вашего любимаго конька—женскую красоту... Послушать васъ, подумаешь, что вы агентъ на поставку одалисокъ въ гаремъ какого-нибудь восточнаго властелина... Я же, сознаюсь, плохой въ этомъ дѣлѣ судья: моего жанра красота—вы сами знаете—такова, что я бы ею на матримоніальной рулеткѣ никакъ бы не сорвала банка, а потому и принуждена была удовольствоваться бѣднымъ Флинтомъ, который, по счастью для него, совершеннѣйшій профанъ въ женской красотѣ.

И, сверкнувъ своими бѣлыми зубами, миссисъ Флинтъ присоединилась къ общему смѣху; обведя присутствующихъ торже-

ствующе-лукавымъ взглядомъ своихъ глазокъ съ комично-приподнятыми у висковъ бровями, она посмотрѣла на часы и рѣшительно заявила, что безсовѣстно въ деревнѣ такъ поздно засиживаться.

Возраженій на то не послѣдовало ни отъ кого, тѣмъ болѣе, что комната разомъ наполнилась гамомъ голосовъ вернувшейся со взморья молодежи; не удалось даже и миссисъ Моррисъ дать противницѣ достойнаго отпора, несмотря на то, что ничего, въ сущности, нѣтъ для человѣка обиднѣе намековъ на неудачи, вызвавшія его въ прошломъ на неисправимыя глупости.

Сорвать банкъ на матримоніальной рулеткѣ не удалось въ жизни и красивой вдовѣ, миссисъ Моррисъ, но пыталась она на то не одинъ разъ, и, что̀ несравненно обиднѣе, не могла даже льстить себя теперь и надеждою, что попытки эти покрыты для друзей ея мракомъ неизвѣстности.

VII.

Рано поднялась слѣдующимъ утромъ миссисъ Моррисъ. Магги, съ обычною своею непочтительностью, увѣряла даже потомъ, что тетя Флора стала топтаться по комнатѣ, отворять и затворять шкафы и комоды и плескаться въ водѣ чуть ли не съ разсвѣта, ликуя, что не даетъ никому спать.

Магги, конечно, преувеличивала, но преувеличенія были вполнѣ въ характерѣ Магги. Взрощенная на привилегіяхъ послѣдняго и запоздалаго ребенка въ достаточной еще въ ту пору семьѣ, она нисколько не почитала себя обязанной отречься отъ этихъ привилегій и позже, придя въ возрастъ. Одна изъ любимѣйшихъ ея замашекъ состояла въ томъ, что она говаривала про васъ самыя вопіющія небылицы въ вашемъ же присутствіи, и на всѣ опроверженія ваши невозмутимо приподнимала лишь на мгновенье тонкія брови свои и вскидывала на васъ лучезарно удивленный взглядъ своихъ золотисто-карихъ, круглыхъ, какъ у ребенка, глазъ, проронявшая наивное: „неужели?“ — и безъ зазрѣнія совѣсти тутъ же принималась дальше плести свою басню, подливая лишь добавочную дозу насмѣшекъ по отношенію къ смѣльчаку, осмѣлившемуся оспаривать ея первоначальныя заявленія.

Стоитъ ли говорить, что дамы въ одинъ голосъ признавали эту манеру Магги вульгарной? Да и мужчины также не любили попадаться ей на язычокъ, хотя большинство ихъ находило Магги олицетвореніемъ граціи и остроумія,—когда стрѣлы этого остроумія направлялись на кого-нибудь изъ ближайшихъ ихъ друзей. Да и

то сказать: кому изъ лучшихъ людей не приходилось пожимать плечами на нелѣпую безтактность своихъ пріятелей, не умѣющихъ мило принимать шутокъ надъ собою?

Магги хорошо изучила эту случайно нащупанную ею струну мужского характера и пользовалась ею, не щадя ни друзей, ни поклонниковъ, въ той справедливой увѣренности, что—стоило ей только не пропустить времени на мировую — и какихъ-нибудь пяти минутъ экстренной вкрадчивости и льстивости съ ея стороны всегда будетъ достаточно на то, чтобъ повернуть на милость гнѣвъ любого изъ добровольныхъ носителей ея нелегкаго, надо сознаться, ига. Къ тетѣ Флорѣ приставала она не только по вкоренившейся привычкѣ, но и изъ-за интереса такого времяпрепровожденія... Никто вѣдь не могъ бы предусмотрѣть, какъ приметъ и какъ отпарируетъ тетя Флора то или другое, по отношенію къ ней, замѣчаніе или дѣйствіе. Одно было вѣрно: тетя Флора могла порою разсердиться и осадить васъ такъ, какъ вы того не ожидаете, но за то она никогда ничѣмъ не обижалась, съ невозмутимостью стоика пропуская мимо глазъ и ушей всѣ нелестныя для нея инсинуаціи.

Въ настоящемъ случаѣ можно было по справедливости сказать, что тетя Флора ничѣмъ не заслуживала чьихъ бы то ни было нападокъ. Все дѣло было въ томъ, что, при всей своей склонности къ образу жизни вполнѣ обезпеченныхъ свѣтскихъ людей, у тети Флоры не было на то рѣшительно никакихъ средствъ, и потому приходилось, чтобъ угоняться за людьми, проталкиваться впередъ окольными путями.

Такъ случилось оно и теперь. Заѣхала тетя Флора—какъ сама увѣряла — въ Сидеръ-Гровъ по дорогѣ въ Нью-Іоркъ съ тѣмъ только, чтобъ взглянуть на сына и „дѣвочекъ“, проводившихъ тамъ лѣто; она хотѣла навѣдаться, не будетъ ли отъ нихъ порученія къ тетѣ Адѣ въ Саратогу, гдѣ та жила вещественнымъ, такъ сказать, олицетвореніемъ семейнаго идеала счастья—на собственной роскошной виллѣ, замужемъ за разъ навсегда пришибленнымъ къ землѣ тяжелымъ сознаніемъ собственнаго богатства и воображаемаго имъ значенія, полуидіотомъ Итономъ. Гдѣ же было и остановиться, на день, другой, тетѣ Флорѣ, какъ не въ комнатѣ племянницы? Эльзѣ, правда, пришлось перебраться спать на кушетку, предоставляя теткѣ свое мѣсто на двуспальной кровати рядомъ съ Магги, которую никогда и въ голову никому не приходило тревожить; насчетъ ея никто никогда и не помышлялъ ничѣмъ попользоваться, хотя, казалось бы, и не тяжело было бы ей чѣмъ-нибудь на два коротенькихъ дня поступиться: тетя Флора

рѣшительно говорила, что больше того прожить съ ними не можетъ—ее и такъ заждались въ двухъ-трехъ другихъ мѣстахъ.

Но вотъ прошло не два дня — цѣлыхъ десять, а длинной, худощавой Эльзѣ все еще приходилось гнуться въ три погибели на кушеткѣ, тогда какъ тетя Флора и не заикалась болѣе объ отъѣздѣ... Да изъ-за чего ей и было спѣшить! Общества въ отелѣ было вволю, наѣзжали мужчины и изъ города, кушала тетя Флора за двоихъ, хотя и имѣла привычку встрѣчать взоромъ непроизвольной мученицы всякое блюдо за столомъ,—все оглядывая, критикуя и даже обнюхивая и тѣмъ доводя до изступленія и прислугу, и хозяина; да и обходились ей всѣ эти удовольствія—при даровой комнатѣ—много дешевле жизни въ какомъ-нибудь другомъ мѣстѣ. Конечно, она не могла не видѣть, что племянницы не выказываютъ къ ней никакого родственнаго расположенія; но, вѣдь и то сказать, никто изъ ихъ семьи не былъ склоненъ вдаваться въ излишнія нѣжныя чувства, даже если и то допустить, что племянницы рады бы были ее выжить, еслибы не дружба ихъ къ Стивену—все же тетя Флора нимало этою догадкой не смущалась: она гордилась своимъ философскимъ складомъ ума, и, видя передъ собой строго намѣченную цѣль, мирилась со всѣми средствами къ ея достиженію. Конечно, думалось ей, глупенькія дѣвушки не способны оцѣнить всей важности этой цѣли, но сама она—тетя Флора—твердо вѣрила въ то, что стоитъ теперь на самомъ интересномъ фазисѣ въ дѣлѣ установленія надъ штатомъ губернатора по своему личному выбору и вкусу. Такое серьезное предпріятіе способно было бы вдохнуть жизнь и энергію въ мертвеца; тетя же Флора, несмотря на свои пятьдесятъ лѣтъ, не сознавала за собой ни малѣйшаго приступа старческой слабости.

Въ это утро она дѣйствительно встрепенулась отъ сна спозаранку. Ее точно вдругъ въ самое сердце кольнуло сознаніе того, какъ важна и неотложна ея миссія,—и она, безъ малѣйшаго промежутка, перешла отъ сна къ полному сознанію всего, что ей предстояло въ этотъ день совершить.

Преп. брату-Алоисію написала она еще съ вечера съ тѣмъ, чтобъ письмо дошло до этого тонкаго политика, состоявшаго директоромъ большой католической академіи, какъ разъ къ его полуденному обѣду; она знала, что братъ-Алоисій часто посвящалъ вечера свои посѣщенію пригородныхъ виллъ мѣстныхъ „новыхъ“, а также и родовыхъ богачей, и, конечно,—только бы ему захотѣть—съумѣетъ ввернуть тѣмъ же вечеромъ всѣмъ, кому слѣдуетъ, словцо о желательности выставленія кандидатомъ на губернатора такого прекраснаго представителя лучшихъ южанскихъ

семей, такого доблестнаго эксъ-конфедерата, какимъ всѣ почитаютъ Мортона Ломакса изъ Осборна.

Братъ-Алоисій—такой элегантный, смѣтливый человѣкъ, что для него, при связяхъ его, не должно быть ничего невозможнаго; а что онъ сдастся на ея доводы, въ томъ миссисъ Моррисъ ни на минуту не сомнѣвалась. Не подѣйствуетъ письмо—она нанесетъ ему визитъ собственной персоной, и тогда дѣло будетъ мигомъ слажено. Не самъ ли красивый директоръ коллегіи показывалъ ей на дняхъ стихи, въ которыхъ онъ звучными риѳмами воспѣвалъ ея—миссисъ Моррисъ—красоту и добродѣтели? и воспѣвалъ онъ ихъ многіе годы тому назадъ, когда сынъ ея, Стивенъ, находился въ числѣ воспитанниковъ академіи, въ которой братъ-Алоисій состоялъ преподавателемъ. И когда показывалъ онъ ей, съ тонкой усмѣшкой—не то насмѣшки, не то сожалѣнія, этотъ, пожелтѣлый отъ времени, листокъ его юношеской, застѣнчивой дани идеальной, на его глаза, красотѣ и добродѣтелямъ,—не явно ли свидѣтельствовалъ краснорѣчиво льстивый взоръ брата-Алоисія о томъ, что подобная дань музы по отношенію къ миссисъ Моррисъ и теперь не была бы неумѣстна?.. Конечно, эти краснорѣчивые взоры были вполнѣ платоничны; притомъ же братъ-Алоисій восьмидесятыхъ годовъ былъ уже не тѣмъ юнымъ, краснѣющимъ членомъ „Христова Братства“ великой римской церкви, который, бывало, приводилъ ей—молодой и не въ конецъ еще войною разоренной вдовѣ—ея маленькаго Стиву по субботамъ; многія лица „высшаго круга“ поговаривали даже теперь, что братъ-Алоисій принялъ себѣ за образецъ аристократическаго англійскаго монсиньора Капела, предпринявшаго недавно просвѣтительную миссію по штатамъ, и что братъ-Алоисій, подобно тому же монсиньору, одержимъ большимъ честолюбіемъ, склонностью къ тонкимъ интригамъ и руководству необдѣленныхъ благами міра сего особъ—преимущественно прекраснаго пола.

Дружба подобнаго человѣка была вещью весьма цѣнной,—и никто того не сознавалъ яснѣе самой тети Флоры; къ нему-то она и обратилась теперь, прося его совѣта и поддержки въ дѣлѣ привлеченія на сторону полковника Ломакса всѣхъ подлежащихъ просвѣщенному воздѣйствію патеровъ элементовъ, самой себѣ предоставляя, въ ожиданіи отвѣта на письмо, возобновить атаку свою на политику Кларка. Приступиться къ доктору, за раннимъ часомъ утра, конечно, не представлялось возможности: всѣ въ домѣ спали безмятежнымъ сномъ; но ей—держащей въ рукахъ столько потайныхъ нитей будущаго развитія мѣстныхъ политическихъ комбинацій—конечно, не спалось.

Не могло и быть въ томъ никакого сомнѣнія, что она до-
ѣдетъ свою затѣю до конца, и всему штату будетъ извѣстно.
ому обязанъ онъ своимъ новымъ губернаторомъ. Свѣтильника
ъдъ спудомъ держать миссисъ Моррисъ отнюдь не собиралась:
о совсѣмъ даже было не въ ея правилахъ. Напротивъ того:
на заявитъ свою личность, „покажетъ себя“ тѣмъ, кто не при-
навалъ ея права на передовыя въ свѣтѣ мѣста; она заставитъ
нова гремѣть по штату славу имени Моррисовъ, имѣвшаго
огда-то почетную извѣстность во всей странѣ, „протретъ глазки“
адутой роднѣ покойнаго мужа, не признававшей ее равною себѣ
о рожденію и связямъ; она станетъ ковать желѣзо, пока горячо,
скоро—очень теперь скоро—наложитъ на зазнавшихся богачей
ою маленькую, но, тѣмъ не менѣе, властную ручку...

VIII.

Конечно, побѣда будетъ нелегка; но кто же и цѣнитъ
обѣды? Въ личныхъ рессурсахъ своихъ миссисъ Моррисъ
сомнѣвалась, да и какія же, въ сущности, могли быть
ины болѣе вѣрныя орудія для борьбы?

Умъ и смѣтливость, конечно, на первомъ планѣ; но на
нихъ далеко въ вербовкѣ прозелитовъ не уѣдешь; миссисъ
исъ прекрасно сознавала, что въ затѣянномъ ею дѣлѣ над
йствовать на всѣ слабости и коньки человѣческой пр
ступать отчасти, гдѣ иначе было нельзя, услугою платя за
сти дѣло втайнѣ, но съ обольстительною убѣдительнос
дѣлѣ женской убѣдительности красивая внѣшность—из
ало—должна была играть весьма важную роль.

Миссисъ Моррисъ была, однако же, слишкомъ опытна
злагать какія бы то ни было надежды на одни остатки
асоты: въ рѣдкія минуты углубленія въ самое себя она
иноминала свои пятьдесятъ лѣтъ, хотя въ обычное врем
обнымъ для себя образомъ игнорировала этотъ непр
ктъ. Да зачѣмъ и останавливаться на непріятныхъ в
гда отъ мрачныхъ мыслей только морщины ложатся у р
астіе, отъ котораго миссисъ Моррисъ всѣми силами от
лась; Магги даже увѣряла, что тетя Флора неизмѣнно
иваетъ губки въ улыбку, когда пребываетъ въ одиночес
снѣ, дабы углы губъ, чего Боже сохрани, не опу
изу“...

Однако, что бы тамъ Магги ни говорила, природа нес

милостива была къ тетѣ Флорѣ, и ей не приходилось еще, по примѣру многихъ другихъ лэди ея лѣтъ, тратить часы на реставрированіе своей красоты: зубы сохранились у нея такъ прекрасно, что ей случалось, для развлеченія въ часы досуга, прибѣгать къ кому-нибудь изъ домашнихъ, прося ихъ заглянуть ей въ ротъ, не найдется ли на зубахъ какого-нибудь воображаемаго ею изъяна, и тѣмъ напрашиваясь на комплиментъ; просто собранные наверху головы сѣдые волосы выбивались, какъ и у молоденькой Магги, натуральными завитками на лобъ и затылокъ, морщины не испортили еще тонко очерченныхъ контуровъ лица, а легкій — о, самый легкій — слой розовой пудры легко возвращалъ глазамъ блескъ, и лицу — нѣжный колоритъ молодости, въ особенности когда иллюзія эта поддерживалась оживленною болтовней тети Флоры, въ которую она впадала въ присутствіи всякой мало-мальски симпатичной аудіенціи.

Все это было прекрасно само по себѣ, но несомнѣнно требовало хорошей рамки: наилучшія произведенія величайшаго изъ мастеровъ и то лишаются эффекта безъ достойной рамки. А рамка эта и для молодой женщины куда какъ дорого обходится. Хорошо знала это тетя Флора и въ это утро, когда это сознаніе необходимости трудомъ и искусствомъ довершать то, чего не допускали размѣры кошелька, поставило ее такъ спозаранку на ноги.

За зеркаломъ она долго не замѣшкалась, а съ рѣшительнымъ видомъ принялась натягивать толстыя и длинныя замшевыя перчатки, предназначенныя на охраненіе рукъ отъ простого мыла, которымъ тетѣ Флорѣ приходилось стирать чулки и носовые платки. Да, элегантной носительницѣ идей южанской исключительности и разборчиваго аристократизма самой приходилось содержать въ порядкѣ эти предметы первой необходимости: отельная прачка очень дорого стоила, а для стирки и вставать приходилось съ пѣтухами, чтобъ дать вещамъ высохнуть и убрать ихъ до прихода въ комнату прислуги, такъ какъ стирка по комнатамъ строго была воспрещена. Затѣмъ — вопросъ о платьѣ. Нарядовъ у тети Флоры всегда водилось два-три и весьма великолѣпныхъ; одинъ въ нихъ былъ неизмѣнный изъянъ: на локтяхъ выдавали они свои преклонныя лѣта, хотя бы на красивыхъ, полныхъ плечахъ самой тети Флоры красовались не болѣе недѣли и были точно на нее самое сшиты; и самый, казалось, тяжкій въ жизни тети Флоры крестъ состоялъ въ томъ, чтобы прикрывать продранные локтями сухопарой сестры Ады рукава — хитрыми отдѣлками и кружевами. На этотъ, однако же, день миссисъ Моррисъ рѣшительно

огло и быть въ томъ никакого сомнѣнія, что она до-
свою затѣю до конца, и всему штату будетъ извѣстно,
занъ онъ своимъ новымъ губернаторомъ. Свѣтильника
удомъ держать миссисъ Моррисъ отнюдь не сбиралась:
мъ даже было не въ ея правилахъ. Напротивъ того:
ить свою личность, „покажетъ себя“ тѣмъ, кто не при-
ея права на передовыя въ свѣтѣ мѣста; она заставитъ
емѣть по штату славу имени Моррисовъ, имѣвшаго
почетную извѣстность во всей странѣ, „протретъ глазки“
одней покойнаго мужа, не признававшей ее равною себѣ
нію и связямъ; она станетъ ковать желѣзо, пока горячо,
—очень теперь скоро—наложитъ на зазнавшихся богачей
еньвую, но, тѣмъ не менѣе, властную ручку...

VIII.

чно, побѣда будетъ нелегка; но кто же и цѣнитъ легкія
Въ личныхъ рессурсахъ своихъ миссисъ Моррисъ отнюдь
алась, да и какія же, въ сущности, могли быть у жен-
лѣе вѣрныя орудія для борьбы?
и смѣтливость, конечно, на первомъ планѣ; но на нихъ
леко въ вербовкѣ прозелитовъ не уѣдешь; миссисъ Мор-
красно сознавала, что въ затѣянномъ ею дѣлѣ надо было
ть на всѣ слабости и коньки человѣческой природы,
отчасти, гдѣ иначе было нельзя, услугою платя за услугу,
ло втайнѣ, но съ обольстительною убѣдительностью, а
женской убѣдительности красивая внѣшность—извѣстное
жна была играть весьма важную роль.
исъ Моррисъ была, однако же, слишкомъ опытна, чтобы
какія бы то ни было надежды на одни остатки своей
въ рѣдкія минуты углубленія въ самое себя она все же
ала свои пятьдесятъ лѣтъ, хотя въ обычное время пре-
для себя образомъ игнорировала этотъ не
а зачѣмъ и останавливаться на непріятныхъ
мрачныхъ мыслей только морщины ложатся у
отъ котораго миссисъ Моррисъ всѣми силами
Магги даже увѣряла, что тетя Флора неизмѣни
убки въ улыбку, когда пребываетъ въ одиноч
кабы углы губъ, чего Боже сохрани, не

о, что бы тамъ Магги ни говорила, природа и

милостива была къ тетѣ Флорѣ, и ей не приходилось еще, по примѣру многихъ другихъ лэди ея лѣтъ, тратить часы на реставрированіе своей красоты: зубы сохранились у нея такъ прекрасно, что ей случалось, для развлеченія въ часы досуга, прибѣгать къ кому-нибудь изъ домашнихъ, прося ихъ заглянуть ей въ ротъ, не найдется ли на зубахъ какого-нибудь воображаемаго ею изъяна, и тѣмъ напрашиваясь на комплиментъ; просто собранные наверху головы сѣдые волосы выбивались, какъ и у молоденькой Магги, натуральными завитками на лобъ и затылокъ, морщины не испортили еще тонко очерченныхъ контуровъ лица, а легкій — о, самый легкій — слой розовой пудры легко возвращалъ глазамъ блескъ, и лицу — нѣжный колоритъ молодости, въ особенности когда иллюзія эта поддерживалась оживленною болтовней тети Флоры, въ которую она впадала въ присутствіи всякой мало-мальски симпатичной аудіенціи.

Все это было прекрасно само по себѣ, но несомнѣнно требовало хорошей рамки: наилучшія произведенія величайшаго изъ мастеровъ и то лишаются эффекта безъ достойной рамки. А рамка эта и для молодой женщины куда какъ дорого обходится. Хорошо знала это тетя Флора и въ это утро, когда это сознаніе необходимости трудомъ и искусствомъ довершать то, чего не допускали размѣры кошелька, поставило ее такъ спозаранку на ноги.

За зеркаломъ она долго не замѣшкалась, а съ рѣшительнымъ видомъ принялась натягивать толстыя и длинныя замшевыя перчатки, предназначенныя на охраненіе рукъ отъ простого мыла, которымъ тетѣ Флорѣ приходилось стирать чулки и носовые платки. Да, элегантной носительницѣ идей южанской исключительности и разборчиваго аристократизма самой приходилось содержать въ порядкѣ эти предметы первой необходимости: отельная прачка очень дорого стоила, а для стирки и вставать приходилось съ пѣтухами, чтобъ дать вещамъ высохнуть и убрать ихъ до прихода въ комнату прислуги, такъ какъ стирка по комнатамъ строго
испрещена. Затѣмъ — вопросъ о платьѣ. Нарядовъ у тети
всегда водилось два-три и весьма великолѣпныхъ; одинъ
ь былъ неизмѣнный изъянъ: на локтяхъ выдавали они свои
ные лѣта, хотя бы на красивыхъ, полныхъ плечахъ самой
юры красовались не болѣе недѣли и были точно на нее
шиты; и самый, казалось, тяжкій въ жизни тети Флоры
состоялъ въ томъ, чтобы прикрывать продранные лок-
хопарой сестры Ады рукава — хитрыми отдѣлками и кру-
На этотъ, однако же, день миссисъ Моррисъ рѣшительно

Не могло и быть въ томъ никакого сомнѣнія, что она доведетъ свою затѣю до конца, и всему штату будетъ извѣстно, ому обязанъ онъ своимъ новымъ губернаторомъ. Свѣтильника ъ спудомъ держать миссисъ Моррисъ отнюдь не сбиралась: совсѣмъ даже было не въ ея правилахъ. Напротивъ того: заявитъ свою личность, „покажетъ себя“ тѣмъ, кто не привалъ ея права на передовыя въ свѣтѣ мѣста; она заставитъ ова гремѣть по штату славу имени Моррисовъ, имѣвшаго да-то почетную извѣстность во всей странѣ, „протретъ глазки“ утой роднѣ покойнаго мужа, не признававшей ее равною себѣ рожденію и связямъ; она станетъ ковать желѣзо, пока горячо, скоро—очень теперь скоро—наложитъ на зазнавшихся богачей ю маленькую, но, тѣмъ не менѣе, властную ручку...

VIII.

Конечно, побѣда будетъ нелегка; но кто же и цѣнитъ легкія ѣды? Въ личныхъ рессурсахъ своихъ миссисъ Моррисъ отнюдь сомнѣвалась, да и какія же, въ сущности, могли быть у женны болѣе вѣрныя орудія для борьбы?

Умъ и смѣтливость, конечно, на первомъ планѣ; но на нихъ ихъ далеко въ вербовкѣ прозелитовъ не уѣдешь; миссисъ Моръ прекрасно сознавала, что въ затѣянномъ ею дѣлѣ надо было ѣствовать на всѣ слабости и коньки человѣческой природы. упать отчасти, гдѣ иначе было нельзя, услугою платя за услугу, ти дѣло втайнѣ, но съ обольстительною убѣдительностью, а дѣлѣ женской убѣдительности красивая внѣшность—извѣстное о—должна была играть весьма важную роль.

Миссисъ Моррисъ была, однако же, слишкомъ опытна, чтобы лагать какія бы то ни было надежды на одни остатки своей соты: въ рѣдкія минуты углубленія въ самое себя она все же помнила свои пятьдесятъ лѣтъ, хотя въ обычное вре бнымъ для себя образомъ игнорировала этотъ нед ктъ. Да зачѣмъ и останавливаться на непріятныхъ да отъ мрачныхъ мыслей только морщины ложатся у стіе, отъ котораго миссисъ Моррисъ всѣми силами ась; Магги даже увѣряла, что тетя Флора неизмѣнн маетъ губки въ улыбку, когда пребываетъ въ одиноче снѣ, дабы углы губъ, чего Боже сохрани, не оп ву“...

Однако, что бы тамъ Магги ни говорила, природа не

милостива была къ тетѣ Флорѣ, и ей не приходилось еще, по примѣру многихъ другихъ лэди ея лѣтъ, тратить часы на реставрированіе своей красоты: зубы сохранились у нея такъ прекрасно, что ей случалось, для развлеченія въ часы досуга, прибѣгать къ кому-нибудь изъ домашнихъ, прося ихъ заглянуть ей въ ротъ, не найдется ли на зубахъ какого-нибудь воображаемаго ею изъяна, и тѣмъ напрашиваясь на комплиментъ; просто собранные наверху головы сѣдые волосы выбивались, какъ и у молоденькой Магги, натуральными завитками на лобъ и затылокъ, морщины не испортили еще тонко очерченныхъ контуровъ лица, а легкій — о, самый легкій — слой розовой пудры легко возвращалъ глазамъ блескъ, и лицу — нѣжный колоритъ молодости, въ особенности когда иллюзія эта поддерживалась оживленною болтовней тети Флоры, въ которую она впадала въ присутствіи всякой мало-мальски симпатичной аудіенціи.

Все это было прекрасно само по себѣ, но несомнѣнно требовало хорошей рамки: наилучшія произведенія величайшаго изъ мастеровъ и то лишаются эффекта безъ достойной рамки. А рамка эта и для молодой женщины куда какъ дорого обходится. Хорошо знала это тетя Флора и въ это утро, когда это сознаніе необходимости трудомъ и искусствомъ довершать то, чего не допускали размѣры кошелька, поставило ее такъ спозаранку на ноги.

За зеркаломъ она долго не замѣшкалась, а съ рѣшительнымъ видомъ принялась натягивать толстыя и длинныя замшевыя перчатки, предназначенныя на охраненіе рукъ отъ простого мыла, которымъ тетѣ Флорѣ приходилось стирать чулки и носовые платки. Да, элегантной носительницѣ идей южанской исключительности и разборчиваго аристократизма самой приходилось содержать въ порядкѣ эти предметы первой необходимости: отельная прачка очень дорого стоила, а для стирки и вставать приходилось съ пѣтухами, чтобъ дать вещамъ высохнуть и убрать ихъ до прихода въ комнату прислуги, такъ какъ стирка по комнатамъ строго

эспрещена. Затѣмъ — вопросъ о платьѣ. Нарядовъ у тети всегда водилось два-три и весьма великолѣпныхъ; одинъ ъ былъ неизмѣнный изъянъ: на локтяхъ выдавали они свои ныя лѣта, хотя бы на красивыхъ, полныхъ плечахъ самой лоры красовались не болѣе недѣли и были точно на нее шиты; и самый, казалось, тяжкій въ жизни тети Флоры состоялъ въ томъ, чтобы прикрывать продранные локхопарой сестры Ады рукава — хитрыми отдѣлками и кру. На этотъ, однако же, день миссисъ Моррисъ рѣшительно

могло и быть въ томъ никакого сомнѣнія, что она до-
свою затѣю до конца, и всему штату будетъ извѣстно.
бязанъ онъ своимъ новымъ губернаторомъ. Свѣтильник
:пудомъ держать миссисъ Моррисъ отнюдь не сбиралась:
сѣмъ даже было не въ ея правилахъ. Напротивъ того:
ивитъ свою личность, „покажетъ себя“ тѣмъ, кто не при-
ея права на передовыя въ свѣтѣ мѣста; она заставитъ
гремѣть по штату славу имени Моррисовъ, имѣвшаго
о почетную извѣстность во всей странѣ, „протретъ глазки“
родинѣ покойнаго мужа, не признававшей ее равною себѣ
денію и связямъ; она станетъ ковать желѣзо, пока горячо,
)—очень теперь скоро—наложитъ на зазнавшихся богачей
аленькую, но, тѣмъ не менѣе, властную ручку...

VIII.

ечно, побѣда будетъ нелегка; но кто же и цѣнитъ легкія
? Въ личныхъ рессурсахъ своихъ миссисъ Моррисъ отнюдь
тѣвалась, да и какія же, въ сущности, могли быть у жен-
болѣе вѣрныя орудія для борьбы?
ь и смѣтливость, конечно, на первомъ планѣ; но на нихъ
далеко въ вербовкѣ прозелитовъ не уѣдешь; миссисъ Мор-
екрасно сознавала, что въ затѣянномъ ею дѣлѣ надо было
вать на всѣ слабости и коньки человѣческой природы,
ь отчасти, гдѣ иначе было нельзя, услугою платя за услуги,
дѣло втайнѣ, но съ обольстительною убѣдительностью, а
женской убѣдительности красивая внѣшность—
должна была играть весьма важную роль.
ссисъ Моррисъ была, однако же, слишкомъ опы
ть какія бы то ни было надежды на одни оста
: въ рѣдкія минуты углубленія въ самое себя о
инала свои пятьдесятъ лѣтъ, хотя въ обычное в
мъ для себя образомъ игнорировала этот
Да зачѣмъ и останавливаться на непріятных
ть мрачныхъ мыслей только морщины ложатся у
отъ котораго миссисъ Моррисъ всѣми силами
Магги даже увѣряла, что тетя Флора неизмѣн
губки въ улыбку, когда пребываетъ въ одино
, дабы углы губъ, чего Боже сохрани, не
..
ако, что бы тамъ Магги ни говорила, природа

милостива была къ тетѣ Флорѣ, и ей не приходилось еще, по примѣру многихъ другихъ лэди ея лѣтъ, тратить часы на реставрированіе своей красоты: зубы сохранились у нея такъ прекрасно, что ей случалось, для развлеченія въ часы досуга, прибѣгать къ кому-нибудь изъ домашнихъ, прося ихъ заглянуть ей въ ротъ, не найдется ли на зубахъ какого-нибудь воображаемаго ею изъяна, и тѣмъ напрашиваясь на комплиментъ; просто собранные наверху головы сѣдые волосы выбивались, какъ и у молоденькой Магги, натуральными завитками на лобъ и затылокъ, морщины не испортили еще тонко очерченныхъ контуровъ лица, а легкій — о, самый легкій — слой розовой пудры легко возвращалъ глазамъ блескъ, и лицу — нѣжный колоритъ молодости, въ особенности когда иллюзія эта поддерживалась оживленною болтовней тети Флоры, въ которую она впадала въ присутствіи всякой мало-мальски симпатичной аудіенціи.

Все это было прекрасно само по себѣ, но несомнѣнно требовало хорошей рамки: наилучшія произведенія величайшаго изъ мастеровъ и то лишаются эффекта безъ достойной рамки. А рамка эта и для молодой женщины куда какъ дорого обходится. Хорошо знала это тетя Флора и въ это утро, когда это сознаніе необходимости трудомъ и искусствомъ довершать то, чего не допускали размѣры кошелька, поставило ее такъ спозаранку на ноги.

За зеркаломъ она долго не замѣшкалась, а съ рѣшительнымъ видомъ принялась натягивать толстыя и длинныя замшевыя перчатки, предназначенныя на охраненіе рукъ отъ простого мыла, которымъ тетѣ Флорѣ приходилось стирать чулки и носовые платки. Да, элегантной носительницѣ идей южанской исключительности и разборчиваго аристократизма самой приходилось содержать въ порядкѣ эти предметы первой необходимости: отельная прачка очень дорого стоила, а для стирки и вставать приходилось съ

ь дать вещамъ высохнуть и убрать ихъ до при-
у прислуги, такъ какъ стирка по комнатамъ строго
ла. Затѣмъ — вопросъ о платьѣ. Нарядовъ у тети
одилось два-три и весьма великолѣпныхъ; одинъ
неизмѣнный изъянъ: на локтяхъ выдавали они свои
, хотя бы на красивыхъ, полныхъ плечахъ самой
совались не болѣе недѣли и были точно на нее
самый, казалось, тяжкій въ жизни тети Флоры
ь въ томъ, чтобы прикрывать продранные лок-
сестры Ады рукава — хитрыми отдѣлками и кру-
ъ, однако же, день миссисъ Моррисъ рѣшительно

бы самымъ на видъ пустяшнымъ свѣденіемъ—въ томъ вѣрномъ предположеніи, что все можетъ, при случаѣ, пригодиться.

— Я совсѣмъ не о деньгахъ говорю, мистеръ Гиксъ,—съ достоинствомъ осадила того самымъ внушительнымъ своимъ тономъ миссисъ Моррисъ:—слава Богу, наши старыя Каролины, Виргиніи и Мэрилэндъ—не вашъ торгашескій Нью-Іоркъ, гдѣ всякій выскочка, не знающій, какъ звали его дѣда родного, можетъ роль играть,—были бы только деньги... У насъ такихъ выскочекъ съ грязью смѣшаютъ.

— Позвольте, позвольте, дорогая моя лэди,—вступился тутъ докторъ, принимая на себя роль примирителя:—вы совсѣмъ удаляетесь отъ вопроса о несчастномъ положеніи нашего общаго друга, Ломакса; его-то ужъ, кажется, трудно причесть къ обдѣленнымъ міра сего: и деньги, какъ Гиксъ говоритъ, валятъ къ нему, и положеніе.

— Конечно, деньги ему принесла еще женитьба на этой гнусливой янки изъ Бостона; но положеніе въ свѣтѣ далъ женѣ онъ; оно—его по праву рожденія... Это то же самое, какъ говаривалъ, бывало, братецъ Джорджъ, что священныя права Бурбоновъ: вы можете съ Бурбона голову на плахѣ снять, а священнаго права на престолъ вы все же у него не отнимете... Чѣмъ бы тотъ же Мортонъ Ломаксъ былъ, позвольте васъ спросить, еслибы за нимъ ничего не было, кромѣ жениныхъ денегъ и навязаннаго ею дѣла управляющаго?—Да тогда бы...

— Вотъ ужъ вѣрно люди говорятъ: упаси меня Богъ отъ друзей, а отъ враговъ я самъ избавлюсь!—расхохоталась, не выдержавъ, миссисъ Альва Флинтъ, у которой еще не улеглось сердце:—послушать васъ, дорогая миссисъ Моррисъ, подумаешь, полковникъ Ломаксъ такъ ужъ слабоуменъ, что безъ положенія своего оказался бы совсѣмъ пропащимъ человѣкомъ.

— Мы съ вами, миссисъ Флинтъ, на разныхъ языкахъ говоримъ и понять другъ друга не можемъ. Это—вещь давно извѣстная!.. Сознаюсь, я выросла на почитаніи семейныхъ традицій; я, впрочемъ, этимъ и не хвалюсь. Не моя вина, что родилась я въ домѣ, обставленномъ всякими удобствами и роскошью... Произойди мы, какъ тотъ же братецъ Джорджъ говоритъ, отъ рода прабабушекъ, которыя спокона вѣка воду кувшинами на головѣ въ Европѣ таскали, и мы были бы, пожалуй, прямы какъ стрѣлы и невозмутимы какъ кретины... Но мы всѣ, ни болѣе ни менѣе, какъ пучки нервовъ—пучки животрепещущихъ нервовъ! Какъ же дивиться тому, что природа въ насъ не ангельская? Пожалуй, и я забыла бы думать, какъ звали

дѣда родного, еслибы вмѣсто роскошнаго дома выросла со свиньями и гусями, въ землянкѣ, питаясь картофелемъ да кашей овсяной... Если *вы* меня не въ состояніи понять, право, вина въ томъ не моя,—миссисъ Моррисъ остановилась съ рѣзкимъ ударе-ніемъ на этомъ *вы* и, передернувъ углами своего миловиднаго рта, изобразила на подвижномъ лицѣ своемъ картину невообразимѣйшаго къ собесѣдницѣ презрѣнія:—но меня, конечно, пой-метъ докторъ Кларкъ; онъ-то еще, конечно, не забылъ, чѣмъ его родина обязана традиціямъ, поддерживаемымъ первыми фамиліями Англіи.

— Но при чемъ же опять-таки тутъ Мортонъ Ломаксъ?— упорно возвращался къ своему докторъ, давно потерявъ нить дамскихъ аргументовъ и не менѣе Стивена возмущаясь такими нападками на миссисъ Альву Флинтъ, хотя та, повидимому, и ухомъ не вела, усердно предаваясь разматыванью шерсти.

— А при томъ, если хотите знать, милѣйшій докторъ,—обратила на этотъ вызовъ всѣ свои батареи противъ упрямаго доктора миссисъ Моррисъ, отбрасывая въ сторону всякую логику,—при томъ, дорогой мой сэръ, что стыдъ и срамъ вамъ, заправителямъ демократической машины: вы ногами топчете самыя почетныя традиціи страны и демократіи, не давая хода такимъ людямъ, какъ Ломаксы!.. Самъ Джорджъ Вашингтонъ указывалъ на джентльменовъ юга, какъ на самой жизнью установленныхъ вожаковъ политики и мысли въ странѣ...

— Боже правый! мы-то въ чемъ тутъ провинились?—воскликнулъ, въ напускной тревогѣ, докторъ.

— А въ томъ хотя бы, что тянете вверхъ всякую иностранную дрянь... Замѣтьте, я не говорю о джентльменахъ иностраннаго происхожденія, подобныхъ вамъ, докторъ,—поправилась миссисъ Моррисъ, встрѣтясь глазами съ поверженнымъ въ конечный ужасъ Стивеномъ.—Говорю я обо всѣхъ этихъ ирландскихъ и нѣмецкихъ разношерстныхъ эмигрантахъ; объ этихъ неумытыхъ оравахъ, которыми пополняются теперь ряды старой демократіи; о томъ, что толстые кошели разбогатѣвшихъ выскочекъ открываютъ имъ доступъ ко всѣмъ важнѣйшимъ мѣстамъ, тогда какъ такихъ людей, какъ Ломаксъ, рожденныхъ джентльменами, съ инстинктами народныхъ вождей, оставляютъ вѣкъ свой прозябать на частныхъ своихъ дѣлахъ...

— Зачѣмъ заставлять прозябать? этимъ мы не занимаемся; но, воля ваша, миссисъ Моррисъ, я и не вижу никакихъ инстинктовъ народнаго вождя въ нашемъ общемъ другѣ Ломаксѣ, хотя полковникъ и прекрасный человѣкъ... Да отъ чего же

ему, наконецъ, и дорогую родину спасать въ наше мирное время?..

— А я такъ вижу, докторъ! вижу эти инстинкты уже въ томъ, что родился Ломаксъ отъ людей, управлявшихъ политикою страны!..—Нѣсколько напыщенное выраженіе это такъ пришлось по сердцу миссисъ Моррисъ, что она еще разъ съ усиленнымъ удареніемъ повторила его, вызывающе поднимая вверхъ свою красивую головку, напоминающую собою хорошей работы камеи, и потрясая передъ самымъ лицомъ доктора своимъ крупнымъ вѣеромъ. — Да, милостивый государь,—отъ длиннаго ряда предковъ, *дѣлавшихъ исторію страны*!...

— Такъ и вы заразились моднымъ повѣтріемъ идей наслѣдственности?.. Вотъ ужъ чего не ожидала бы отъ васъ, миссисъ Моррисъ... Интересно бы знать, по Дарвину вы или по Золя?..

Но тетя Флора уже всецѣло была погружена въ осѣнившее ее наитіе, и послѣдняя шпилька миссисъ Флинтъ оставлена ею была совсѣмъ безъ вниманія.

X.

— Мнѣ всегда, докторъ, сдавалось, что вы не составили еще себѣ яснаго понятія о томъ, что такое наши лучшія южанскія фамиліи.

— Но, право же, миссисъ Моррисъ...

— Позвольте, докторъ, позвольте: я прекрасно знаю, что вы мнѣ на это скажете... А на самомъ дѣлѣ, вы по сю пору смѣшиваете насъ съ разными янками, которые — какъ я только-что сказала — не знаютъ, кто былъ ихъ собственный дѣдъ, да и былъ ли таковой.

Дружное восклицаніе присутствующихъ и громкое: „мама!“ со стороны Стивена, дали миссисъ Моррисъ знать, что она хватила черезъ край, и она поспѣшила поправиться:

— Оставь меня, Стива — мы здѣсь, надѣюсь, въ своемъ кружкѣ: Альва, я знаю, смотритъ на эти вещи по-философски, а мистеръ Гиксъ, конечно, не заподозритъ меня въ желаніи быть невѣжливой... Что я хочу сказать—такъ это только то, что насъ докторъ не понимаетъ!.. Чтобы оцѣнить насъ по достоинству, надо было бы самому жить въ южныхъ штатахъ, надо имѣть „устои“ въ нашихъ мѣстахъ, проникнутые строгимъ духомъ южанскаго кодекса понятій чести и долга, которые держались у насъ повсемѣстно до войны.

— Зачѣмъ доктору за четверть вѣка назадъ залетать?—вступилась миссисъ Альва Флинтъ, отстраняя рукой сидѣвшаго передъ нею Стивена и, очевидно, готовясь сказать и свое рѣшительное слово: — у васъ на югѣ, какъ слышно, и теперь поудержались кое-какія традиціи добраго стараго времени; не далѣе, какъ на той недѣлѣ, въ самой Саваннѣ — этомъ гнѣздѣ рабовладѣльческой аристократіи, разомъ перерѣзали другъ другу горло и перестрѣляли другъ друга на смерть съ полдюжины отборныхъ представителей „лучшихъ мѣстныхъ семей“... Кровь лила ручьями —и все кровь самая что ни на есть синяя, аристократическая: кто палъ на полѣ долга и чести, влѣпляя пощечину другу, сказавшему дурное слово про его любимую кобылу; кто въ общей свалкѣ поплатился ударомъ ножа изъ-за угла; кто палъ, спасая кого-нибудь, а кто—помогая своимъ... Турниръ получился перворазрядный: четверо убито на мѣстѣ, сколько-то изувѣчено—чего вамъ еще лучше? Этой сценки стало бы на самый избалованный рыцарскими подвигами вкусъ—развѣ только-что рыцари дрались не изъ-за лошадей; не всѣмъ же выпадаетъ такая счастливая звѣзда —родиться на югѣ съ полвѣка тому назадъ, чтобы всецѣло проникнуться высокимъ духомъ подобныхъ дѣяній... Да и то сказать: къ чему намъ, черни непосвященной, томиться, стремясь проникнуть недоступное—докапываться до давно сданныхъ въ архивъ мотивовъ?

— Превосходная тирада, превосходная!—иронически захлопала затянутыми уже въ старыя перчатки руками миссисъ Моррисъ: — все же вы совершенная янки, миссисъ Флинтъ — это вещь давно доказанная — а, извѣстное дѣло, самый складъ ума янки не позволяетъ мышленію его заноситься дальше таблички умноженія.

— Такъ-то оно, пожалуй, будетъ и лучше для янки:—удержитъ ихъ въ границахъ строгой доказанности вещей,—замѣтилъ докторъ, готовясь иначе направить разговоръ; но миссисъ Моррисъ не слушала его и неслась уже на всѣхъ парусахъ:

— Не я, конечно, стану такому умному человѣку, какъ докторъ, рекомендовать гнаться за мотивами, которые давно сданы въ архивъ... Но опять-таки не могу не предостеречь его, чтобы не судилъ онъ насъ по разнымъ перекрестнымъ помѣсямъ... Множеству сыновей лучшихъ южныхъ семей пришлось покориться тяжкой необходимости — жениться, для поправленія дѣлъ и для поддержки фамильнаго имени, на дочеряхъ разныхъ разбогатѣвшихъ во время войны проходимцевъ—тѣхъ двуногихъ, что извѣстны были у насъ за „бѣдныхъ бѣлыхъ“, которые, въ

доброе старое время, сидѣли смирно по своимъ горнымъ норамъ, не смѣя и носа своего отвести отъ родного корыта — не то, чтобы тянуться съ крупными плантаторами въ родню... Хотя, пожалуй, эти „бѣдные бѣлые“ и выше стояли одной-другою ступенью противъ негровъ или лошаковъ, на которыхъ перевозили они изъ своихъ горныхъ трущобъ контрабандный виски, выкуренный ими безъ вѣдома акцизныхъ чиновниковъ... На этомъ самомъ винокуреніи, да на подрядахъ, ими и денежки нажиты, что помогло потомъ ихъ дочерямъ повыходить замужъ за джентльменовъ и захватить въ свои ростовщичьи руки выжженныя сѣверянами старинныя фамильныя плантаціи.

— Не слишкомъ ли вы несправедливы въ сужденіяхъ вашихъ о „бѣдныхъ бѣлыхъ“? — вставилъ свое слово давно уже возмущавшійся Абрамъ Гиксъ: — вы о нихъ, миссисъ Моррисъ, отзываетесь ничуть не лучше, чѣмъ о неграхъ — а между тѣмъ, по вашимъ же понятіямъ, что негръ, что обезьяна — все одно...

— Еще бы мнѣ лучше отзываться о нихъ!.. Негръ, взросшій въ хорошемъ плантаторскомъ домѣ — не въ примѣръ большій джентльменъ, чѣмъ эти ваши бѣлые оборванцы! Негръ-слуга вѣкъ свой терся въ кругу господъ, невольно пріобрѣталъ внѣшній лосъ цивилизаціи; онъ не рветъ вамъ всѣ нервы на клочки на каждомъ шагу, онъ не ѣстъ за вашимъ столомъ съ ножа, не прибѣгаетъ на каждомъ шагу къ плевальницѣ — негръ не можетъ стать на одну доску съ вами по самой природѣ вещей; и это онъ прекрасно знаетъ; съ негромъ не было мѣста ни малѣйшему недоразумѣнію; негра я могла къ себѣ приблизить, не возбуждая въ немъ никакого самомнѣнія... Негры были намъ дороги—мы не только выносили близость негровъ, но ко многимъ изъ нихъ искренно привязывались.

— Какъ привязываются къ собакамъ? — съ явною горечью подсказалъ Абрамъ Гиксъ.

— Хотя бы и такъ!.. Не въ словахъ дѣло и не въ неграхъ, а въ томъ, что эти бѣлые отщепенцы втираются въ самую кровь и плоть лучшихъ семей... Но я не объ этихъ примѣрахъ теперь буду говорить, а прошу васъ обратить вниманіе на такія представительныя семьи, какъ Ломаксы, напримѣръ! — миссисъ Моррисъ чувствовала, что отвоевала себѣ, наконецъ, арену свободнаго слова и продолжала уже съ полной ясностью духа:— Знаете ли вы, что первый Ломаксъ—Джонъ Ломаксъ—прибылъ сюда изъ Англіи еще въ 1633-мъ или 1636-мъ году, хорошенько не припомню. Не поладилъ онъ, что ли, дома съ родными, владѣвшими большими помѣстьями въ Эссекскомъ граф-

ствѣ — Мортонъ Ломаксъ еще и теперь оттуда, говорятъ, ренту получаетъ — или просто молодого человѣка охота къ приключеніямъ обуяла, вѣрно я не знаю; только Джонъ Ломаксъ доброй волей прибылъ въ колонію Виргиніи, а затѣмъ, женясь на кровной лэди, изъ дома Фэрфаксовъ, поселился въ нашемъ графствѣ, обзавелся большими плантаціями и положилъ начало у насъ славному роду Ломаксовъ, которые вотъ уже двѣсти слишкомъ лѣтъ занимаютъ въ штатѣ своемъ почетныя мѣста.

— Я, конечно, словъ вашихъ оспаривать не посмѣю, — флегматично отозвался докторъ, хотя изъ-подъ тяжелыхъ вѣкъ его и блеснулъ — показалось такъ миссисъ Флинтъ — лукавый огонекъ: — но не слѣдуетъ и того забывать, что людская молва всегда склонна преувеличивать заслуги и доблести дѣятелей прошлаго...

— Такъ, такъ, докторъ, вполнѣ съ вами согласна; но опять-таки нѣтъ и правилъ безъ исключеній... Сами посудите, — принялась миссисъ Моррисъ высчитывать по пальцамъ: — Второй Джонъ Ломаксъ - и это извѣстно всякому — второй Джонъ былъ предсѣдательствующимъ судьей нашего графства; Джонъ Ломаксъ Третій — былъ королевскимъ намѣстникомъ восточнаго Побережья; Джонъ Четвертый — полковникомъ королевской милиціи; Джонъ Пятый былъ спикеромъ въ собраніи Мэриленда, а братъ его, Дугласъ, былъ шестнадцать лѣтъ въ конгрессѣ, затѣмъ посланникомъ въ Европѣ... Въ Испаніи это было или въ Австріи, Стивенъ?.. Впрочемъ, все равно — онъ сложилъ свою славную голову въ арміи конфедератовъ...

— Удивительно! — замѣтилъ докторъ: — удивительно!..

— Ничуть не удивительно, докторъ, если принять во вниманіе, изъ какихъ прекрасныхъ источниковъ кровь ихъ наполнялась: въ старину Ломаксы переженились на Дугласахъ, на Фэрфаксахъ, Сросмортонахъ, на Скарбургахъ, на Картерахъ, на Кропперахъ и другихъ дѣвушкахъ лучшихъ южанскихъ семей... Генералъ Соммерсъ Кропперъ — дядя отца нашего Мортона Ломакса по матери — былъ извѣстный герой революціонной войны, другъ Джорджа Вашингтона, въ сенатѣ долго состоялъ, былъ предсѣдателемъ общества Цинцинната... Да и по женской линіи, — припомнила, уже заканчивая свой обзоръ Ломаксовъ, миссисъ Моррисъ: — и по женской линіи семья эта не оставляетъ лучшаго и желать... По матери своей нашъ Мортонъ Ломаксъ внукомъ приходится знаменитому адвокату Пенсильваніи, Сиѳу Сарджента, который столько лѣтъ былъ въ конгрессѣ, а потомъ былъ кандидатомъ на президентство по одному списку съ Клеемъ... Фамилія Сарджентовъ такъ же славится въ Пенсильваніи, какъ Ло-

макcы въ нашемъ штатѣ... Въ жилахъ Сарджентовъ течетъ кровь Итоновъ изъ...

— Но женская линія вообще, — слабо попытался вставить слово докторъ.

— Изъ Коннектикута... тѣхъ самыхъ Итоновъ, къ которымъ принадлежитъ сестры Ады мужъ, Бартонъ Итонъ, — продолжала миссисъ Моррисъ, игнорируя перерывъ и не давая пересѣчь нити своей главной рѣчи: — а это значитъ многое, весьма многое; на всемъ востокѣ, во всей Новой-Англіи не сыщешь, за однимъ развѣ исключеніемъ Эндикоттовъ, болѣе чистокровной семьи... Спенсеры изъ Нью-Джерси, Диккенсы изъ Пенсильваніи, всѣ они перероднились съ Сарджентами и вложили свою струю аристократической исключительности въ кровь этой фамиліи, давшей столько судей, государственныхъ дѣятелей, духовныхъ лицъ, ученыхъ и воиновъ... И что за красота была этихъ женщинъ!.. Покойница мать моя говаривала, что ея бабушка — Алиса Марси — красивѣйшей почиталась женщиной въ своемъ штатѣ, но это лишь послѣ жены современнаго ей Сарджента... А это — не шутка сказать.

— Мама, помилосердуйте! зачѣмъ доктору знать о прабабушкиной красотѣ? — вступился Стивенъ, начинавшій утрачивать послѣднюю дозу терпѣнья, несмотря на годами привитую терпимость къ болтовнѣ матери.

— Зачѣмъ? Я не объ томъ совсѣмъ и говорю, Стивенъ: вамъ бы приличнѣе было вслушаться прежде, чѣмъ перебивать какую бы то ни было лэди, а тѣмъ болѣе вашу мать... Хотя, конечно, мнѣ извинительно было бы, пожалуй, и похвалиться тѣмъ, какою чудною красотою отличались женщины нашей семьи... Самъ ты, я думаю, помнишь тетку Ломакса, что пятидесяти лѣтъ отъ роду чуть голову не вскружила молодому принцу Уэльскому, при его пріѣздѣ сюда. Странно бы было, еслибы, съ такимъ рядомъ предковъ, съ такими прецедентами и фамильными традиціями, Мортонъ Ломаксъ оказался не на высотѣ своего призванія: чѣмъ бы его ни сдѣлали — мэромъ ли въ Англіи, губернаторомъ ли нашего стараго штата...

— Что-жъ? губернаторство отъ него, конечно, не ушло, еслибы вотъ сами вы, миссисъ Моррисъ, выступили публично въ защиту его кандидатуры! — воскликнулъ докторъ, съ неподдѣльнымъ восхищеніемъ уставясь черезъ очки на миссисъ Моррисъ, вся фигура которой дышала искреннимъ, заразительнымъ увлеченіемъ.

— И впрямь обидно, что женщинъ въ делегаты не допу-

скаютъ: впрочемъ, мнѣ надо еще домой заглянуть—такъ я даже и въ зрители на конвентъ не попаду.

— Жаль! при вашемъ бы, миссисъ Моррисъ, пособіи, быть бы Ломаксу губернаторомъ.

— Что же, за нами дѣло не станетъ,— словила его на словѣ быстрая южанка: выставьте вы только Ломакса кандидатомъ, а мы уже, пожалуй, отрядъ амазонокъ на эту кампанію учредимъ— всѣ бы записались въ Ломаксову гвардію...

— Да вотъ идетъ и самъ виновникъ торжества... Ломаксъ! полковникъ Ломаксъ!! — закричала миссисъ Флинтъ, сводя руки трубою у рта и перегибаясь черезъ перила веранды.

Но Мортонъ Ломаксъ, вернувшійся съ верховой прогулки —онъ ѣздилъ разгонять утренній сплинъ,— уже прослышалъ звуки дружественныхъ голосовъ, и голова его, въ соломенной шляпѣ, уже поднималась изъ-за перилъ лѣстницы съ противоположной стороны веранды.

— Полковникъ!—крикнула ему первая на встрѣчу миссисъ Сильва Флинтъ:— скажите—хороша я буду въ сѣрой съ аксельбантами амазонкѣ, капитаномъ женскаго отряда Ломаксовой гвардіи?

— А я трубачемъ?.. — подхватила подбѣжавшая на шумъ Магги.

— А я скороходомъ?..—поспѣшилъ за другими и Стивенъ.

— Это въ женскій-то отрядъ?—словила его на словѣ Магги —и оба залились звонкимъ, молодымъ хоромъ.

Полковникъ Мортонъ Ломаксъ, не находившій никогда подходящихъ рѣчей иначе какъ ставъ предварительно въ позицію, рѣшительно не зналъ теперь, какъ и держать себя подъ дружнымъ напоромъ увѣсистой миссисъ Альвы и расшалившейся Магги, налетѣвшей на него со стороны, и только-что наставилъ бравый полковникъ, наконецъ, ротъ свой въ подходившую ко всякому случаю улыбку, какъ у него уже повисла на рукѣ тетя Флора, говоря:

— Оставьте, Мортонъ, эту шаловливую молодежь. Мы здѣсь замышляли наборъ въ дамскую гвардію, чтобъ провести васъ въ губернаторы...

— О, да! — понимаю!.. премного чести! — повторялъ не пришедшій еще въ себя полковникъ.

— Пойдемте лучше за докторомъ на берегъ, Мортонъ Ломаксъ,—посовѣтовала миссисъ Моррисъ: — тамъ вы оба можете всласть курить, не стѣсняясь моимъ присутствіемъ... Терпѣть не могу атмосферу смазныхъ сапоговъ, всюду вносимую этимъ Гиксомъ и Альвой Флинтъ! — заявила миссисъ Моррисъ, обра-

щаясь къ доктору, лишь только они нагнали его у выхода къ морю:—какія вы тамъ коммунарскія на этотъ счетъ идеи ни проповѣдуйте!..

Докторъ Кларкъ никакихъ такихъ рѣчей за собой не зналъ; но такъ уже былъ ошеломленъ потокомъ обрушившихся на него словъ, что только вскинулъ круглыми очками, въ знакъ протеста, на южанку, безмятежно навязывающую ему совершенно чуждыя ему идеи—лишь бы было ей что опровергать.

— Что вы тамъ, докторъ, ни проповѣдуйте, а я все же скажу, что хорошіе экземпляры человѣчества обезпечиваются лишь длиннымъ рядомъ предковъ, знавшихъ цѣну себѣ, своей фамиліи и своему на свѣтѣ мѣсту.

XI.

Заявляя доктору Кларку, что ей невозможно быть на конвентѣ, такъ какъ надо будетъ „съѣздить домой“, миссисъ Моррисъ, конечно, не подразумѣвала тотъ неказистый, точно наскоро сколоченный изъ сѣрыхъ досокъ, двухъ-этажный домъ въ Вашингтонѣ, который являлся теперь единственной уцѣлѣвшей у нея собственностью. Она сама переселилась изъ него въ болѣе помѣстительный домъ сестры, лишь только удалось сдать свой домъ внаймы, что обыкновенно случалось съ открытіемъ каждой конгрессіонной сессіи.

Объ этомъ своемъ сѣромъ домѣ миссисъ Моррисъ случалось, правда, упоминать вскользь, какъ о довольно-таки комфортабельной городской резиденціи; но за дѣйствительное свое семейное гнѣздо, какъ миссисъ Моррисъ, такъ и сестрамъ ея казалось гораздо болѣе респектабельнымъ выдавать старую ферму, какимъ-то чудомъ уцѣлѣвшую за полуслѣпымъ калѣкой кузеномъ, въ гористой, глухой мѣстности старой Виргиніи. Нужды нѣтъ, что на фермѣ той, которая сходила у нихъ подъ именемъ семейной плантаціи, никогда онѣ не живали, да и теперь не заглядывали въ нее по цѣлымъ годамъ; кузенъ, по счастливой случайности, носилъ ту же фамилію, что и сестры до замужества ихъ; вслѣдствіе того всѣ онѣ не стѣснялись предъявлять извѣстныя права на земельную собственность кузена, мирно прозябавшаго на своемъ клочкѣ земли въ Ривердэлѣ, продавая шерсть съ своихъ овецъ. Пользовались сестры этою собственностью кузена въ томъ смыслѣ, что неизмѣнно выставляли на визитныхъ карточкахъ своихъ: „Миссисъ Моррисъ—Миссисъ Стромъ“; или же

„Миссисъ Итонъ, *née* Гердонъ, *изъ Ривердэля, что на Шенандоѣ*"... Это выходило на карточкѣ чрезвычайно изящно—„совершенно на англійскій ладъ",—говаривала иногда Эльза Стромъ, любуясь карточкой сбоку и склоня на сторону свою изящную головку: „что-то въ самыхъ звукахъ *Ривердэль на Шенандоѣ* наводитъ образованнаго человѣка на мысль о старинныхъ англійскихъ или нѣмецкихъ замкахъ, сидящихъ на гранитной скалѣ и недоступныхъ иначе, какъ по подъемному мосту"...

Положимъ, миссъ Эльза Стромъ ни въ Англіи, ни въ Германіи никогда не бывала—иначе, конечно, бы знала, что едва ли найдутся въ этихъ странахъ имена рѣкъ такого чисто индѣйскаго пошиба; но въ дѣлѣ подобнаго сопоставленія окружающихъ ее вещей съ прелестями остатковъ руинъ и фантастическихъ легендъ феодальныхъ временъ незнакомство Эльзы Стромъ съ европейской жизнью и ландшафтомъ еще только сильнѣе подстрекало ея воображеніе; за скудостью матеріаловъ на мѣстѣ, она не стѣснялась захватывать имъ субституты изъ разныхъ иныхъ рессурсовъ и обрывковъ знанія, уцѣлѣвшихъ въ памяти ея отъ безпорядочно жаднаго чтенія всякаго рода якобы историческихъ романовъ и мемуаровъ; надъ ними эта молодая лэди проводила свой досугъ, въ томъ счастливомъ самообольщеніи, что расширяетъ тѣмъ свой умственный кругозоръ, или же—какъ сама она любила шутливо повторять гдѣ-то подхваченное выраженіе—„меблируетъ свою голову"...

„Молодая лэди" — терминъ весьма растяжимый; но онъ безспорно принадлежалъ по праву миссъ Эльзѣ Стромъ, такъ какъ она не только замужемъ никогда не бывала, но и склонностей никакихъ матримоніальныхъ не проявляла съ той поры, когда въ ранней молодости—во вторую же зиму своего выѣзда въ вашингтонскій „свѣтъ" — потерпѣла горькое разочарованіе отъ коварной измѣны нѣкоего *chargé d'affaires*, на руку котораго твердо разсчитывала. Коварный дипломатъ, совсѣмъ уже собравшись покинуть Вашингтонъ, въ пламенныхъ французскихъ выраженіяхъ высказалъ миссъ Эльзѣ свою къ ней пылкую страсть, одновременно съ тѣмъ весьма драматично разоблачая неизвѣстный ей дотолѣ фактъ—а быть можетъ и вымыселъ—существованія вполнѣ законной сожительницы въ дальней Греціи.

Поведи элегантный дипломатъ объясненія свои на прозаично дѣловомъ англійскомъ языкѣ, на которомъ говорилъ не хуже языка родного, златокудрая миссъ Эльза, пожалуй, проявила бы здѣсь скорѣе практичную мудрость змѣя, нежели выказанную ею при этомъ случаѣ кротость голубицы; но противъ обаянія фран-

цузскаго объясненія въ любви устоять она была не въ силахъ: въ конецъ обезоруженная, отпустила она вѣтреннаго дипломата со слезами умиленія на глазахъ и безъ слова упрека на устахъ— и съ той поры заняла въ семейной іерархіи мѣсто, весьма подходящее къ положенію французской *douairière*. До нѣкоторой степени Эльза являлась общепризнанной охранительницей разъ навсегда условленныхъ фамильныхъ традицій, то-и-дѣло нарушаемыхъ необдуманными репликами Магги, лишеннымъ достоинства поведеніемъ тети Флоры, практичною изворотливостью самой матери ея, миссисъ Стромъ—не говоря уже о Стивенѣ, который за послѣднее время впалъ въ вульгарную привычку глумленія въ кругу родныхъ надо всѣмъ, что такъ радостно принималось ими на вѣру и такъ тщательно—общими усиліями старшихъ—ограживалось отъ всякихъ несимпатично холодныхъ изысканій. Правда, что въ присутствіи „рабочихъ-торгашей янки" Стивенъ проглатывалъ, что называется, аршинъ, и становился „большимъ папистомъ, чѣмъ самъ папа"; но въ домашнемъ кругу оттого все же было нелегче: тутъ онъ „франмасонствомъ" своимъ отводилъ душу за всю свою сдержанность въ иныхъ мѣстахъ.

Романтичная сѣнь, навѣянная на миссъ Эльзу раннимъ ея эпизодомъ съ дипломатомъ, давно возведеннымъ семейными преданіями чуть ли не въ послы, носилась надъ ней туманнымъ облакомъ во всю ея раннюю молодость, и подъ ея-то смягчающимъ всѣ тоны покровомъ она совершенно спокойно носила теперь на плечахъ своихъ тяжкое для большинства дѣвушекъ бремя тридцати лѣтъ и давнымъ-давно привычное званіе молодой лэди. Злые языки Вашингтона, правда, говорили, что вся эта ея *grande passion* была лишь произвольно вызваннымъ миражемъ, что „посолъ" никогда и женатъ не былъ, а раздулъ случайно на умъ навернувшуюся отговорку до размѣровъ покинутой въ Греціи жены лишь для того, чтобъ избѣгнуть скандала процесса по нарушенію обѣщанія жениться на миссъ Эльзѣ Стромъ и по добру по здорову выбраться изъ Вашингтона — и что въ дѣйствительности самъ этотъ „дорогой отсутствующій принцъ", лишившись дипломатическаго своего поста при смѣнѣ одного изъ безчисленныхъ министерствъ своей родины, состоитъ теперь маклеромъ въ одномъ изъ игорныхъ домовъ въ Германіи... Но эти праздные толки злыхъ языковъ принимались Стромами съ олимпійскимъ презрѣніемъ.

Сильно ошибся бы, однако же, тотъ, кто, зная лишь по слухамъ о *grande passion* Эльзы Стромъ, готовился бы встрѣтить въ ней томное олицетвореніе дѣвичьей безпомощности и разбитыхъ молодыхъ надеждъ. Безпрекословное признаніе домашними

того эфемернаго пьедестала, который придумала себѣ Эльза Стромъ, настолько поощряло ея самопроизвольное посвященіе себя въ весталки-хранительницы священнаго огня фамильныхъ традицій, что въ плодовитой на идеи головкѣ этой молодой лэди какъ-то сама собой возникла и до извѣстной степени оформилась своеобразная система, сказавшаяся весьма оригинальнымъ воззрѣніемъ на вещи: съ теченіемъ лѣтъ миссъ Эльза твердо убѣждалась въ томъ, что ихъ семья—какимъ-то заранѣе предопредѣленнымъ путемъ—подается въ сторону пресловутой системы первородства, установленной вѣками въ знатныхъ англійскихъ фамиліяхъ... И складывалось это воззрѣніе до такой степени согласно обстоятельствамъ, что самый развѣ упрямый радикалъ отказался бы видѣть въ томъ предопредѣленіе свыше.

И на самомъ дѣлѣ: сама она—Эльза Стромъ—давно хранитъ традиціи семьи,—носитъ, такъ сказать, вырѣзанными на скрижаляхъ сердца своего имена всѣхъ предковъ по прямой и несчетному множеству боковыхъ линій, которые чѣмъ-нибудь да отличились кромѣ мѣрянья лентъ за прилавкомъ или какого другого, столь же вульгарнаго метода зашибанья мѣдныхъ грошей; однимъ словомъ, — беретъ на себя, подобно старшему въ родѣ, заботу утвержденія и храненія семейныхъ традицій на твердыхъ основахъ, тогда какъ Магги, съ красотой и бойкостью своей, очевидно, предназначена судьбою на роль младшаго сына „аристократической семьи“, на изысканіе, такъ сказать, „средствъ и путей“ къ поддержкѣ на подобающей высотѣ традицій тамъ, гдѣ онѣ, какъ и въ ихъ семьѣ, не сопровождаются семейнымъ богатствомъ.

Въ теченіе всей своей двадцатилѣтней жизни маленькая Магги была всеобщимъ баловнемъ, отъ котораго не требовалось ровно ничего, кромѣ того, чтобъ сама она была жива, весела и довольна. Какъ и во всякой семьѣ съ южанскими тенденціями, школа у Стромовъ не была въ чести; да и не всѣми ли на свѣтѣ признается тотъ неоспоримый фактъ, что всякая американка отъ самаго рожденія надѣлена тѣмъ шестымъ чувствомъ—кто зоветъ его тактомъ, а кто и простою смекалкой—которое помогаетъ ей вездѣ удерживаться наравнѣ съ женщинами наивысшихъ слоевъ? Какъ бы высоко ни забросила американку ея счастливая звѣзда—она крѣпко къ хорошему мѣсту присосется, неустанно набираясь свѣтскаго лоска, маневрируя, правда, порою, какъ канатная танцовщица, но никогда не теряя сомообладанія, ничѣмъ не проявляя невѣжества своего, а не то такъ и выставляя его сама въ такой чарующей формѣ, что само невѣжество ея является прелестью, недосягаемой для неодаренныхъ „шестымъ чувствомъ“ евро-

пеекъ. Школы, коллегіи, все это хорошо, конечно, для мальчиковъ; да и то, по мнѣнію южанъ, больше для составленія связей, плоды которыхъ должны несомнѣнно помогать имъ въ карьерѣ впослѣдствіи. Что же касается до такой бойкой красавицы, какъ Магги, кому же могла придти дикая мысль начинять ея прелестную головку разною ученою сухостью? И вотъ, продержавъ, славы ради, дѣвочку года полтора въ дорогомъ монастырскомъ пансіонѣ, Магги снова взяли домой; всякій ее баловалъ, и даже портилъ насколько могъ, забавляясь подбиваньемъ ее на весьма не безвредныя, но тѣмъ не менѣе забавныя шалости.

Вдругъ на горизонтѣ Стромовъ показался Абрамъ Гиксъ. Положимъ, никто не обратилъ бы серьезнаго вниманія на этого *ours mal léché*, какъ прозвала его на первыхъ же порахъ миссъ Эльза,—она хотя и съ трудомъ, но все же владѣла французскимъ языкомъ, или, вѣрнѣе говоря, отборной коллекціей французскихъ выраженій; никто бы не сдѣлалъ шагу въ сторону этого „новаго богача", выѣхавшаго въ милліонеры чуть ли, говорили, не изъ кузнецовъ и впервые прибывшаго въ Вашингтонъ съ тѣмъ, чтобъ смазать „кое-какія" конгрессіонныя колеса для ускоренія желательныхъ ему по дѣламъ законодательныхъ мѣръ. Вашингтонъ вѣдь не какой-нибудь затерянный въ провинціи городокъ, и Абрамъ Гиксъ никакъ не явился бы тамъ звѣздою, способною привлечь взоры Эльзы Стромъ или домашнихъ; но дѣло въ томъ, что сама Магги соизволила обратить на Абрама Гикса свое благосклонное вниманіе, заинтересовавшись непомѣрно раздутыми слухами о милліонахъ этого не вылѣзавшаго еще до той поры изъ берлоги своей пенсильванскаго богача.

Какъ же было это миссъ Эльзѣ понимать? Не явный ли то перстъ Провидѣнія, указывающій путь, которымъ Магги, подобно младшимъ сыновьямъ разорившихся аристократовъ, предстояло поправить семейную фортуну, утвердить дорогія традиціи посредствомъ брачнаго союза съ семьей, традицій отнюдь не имѣющей, но за то богатой презрѣннымъ металломъ...

Миссъ Эльза такъ въ планахъ своихъ и положила, что Магги „вступаетъ съ Гиксомъ въ брачный союзъ", и на этомъ совершенно успокоилась; такое выраженіе вполнѣ естественно наводило мысль Эльзы на брачные союзы членовъ королевскихъ домовъ—союзы, совершаемые иногда черезъ спеціальныхъ делегатовъ, даже безъ присутствія той или другой изъ высокихъ договаривающихся сторонъ! Въ такого рода союзахъ столь ненавистный миссъ Эльзѣ элементъ вульгарности женитьбы и выхода замужъ, очевидно,

ствовалъ, и потому она вполнѣ мирилась съ перспективою
ятія Гикса въ члены собственной семьи.
Самой Магги мириться тутъ было не съ чѣмъ, такъ какъ
и за Гикса она рѣшила прежде даже, чѣмъ онъ ей былъ
ставленъ, и съ неизмѣнною сердечной легкостью ожидала со
на день конечнаго предложенія со стороны этого не въ мѣру
ичиваго поклонника;—объ этомъ-то и зашелъ у сестеръ откро-
ый разговоръ въ самый день поѣздки на ферму, въ то время,
Эльза взялась, передъ шестичасовымъ деревенскимъ „чаемъ“,
тистичнѣе причесать капризныя кудри своей избалованной
ицы, за которой привыкла ухаживать, какъ за малымъ
комъ.
Въ миссъ Эльзѣ не было и тѣни зависти къ успѣхамъ то не
сѣру требовательной, то неподражаемо-ласковой сестры; жи-
ь и молодость ея вносили цѣлыя волны жизненнаго свѣта
я, Эльзы, сѣренькое существованіе, наполняемое искусственно
грѣваемымъ интересомъ ко всякаго рода шекспировскимъ и
съ умнымъ кружкамъ, за которые дѣвушка цѣплялась всѣми
ми ускальзывающей изъ-подъ ногъ молодости—изъ боязни,
отпавъ отъ нихъ, утратишь и послѣднюю связь съ обществомъ.

XII.

— Смотри, постарайся, какъ только можешь, Эльза!—при-
ривала Магги, тщательно разсматривая миловидное, раскрас-
нееся и еще лоснящееся отъ мытья личико свое въ ручное
ало.—Букли спереди надо взбить полегче, какъ, помнишь,
у кузины шведскаго посла на пикникѣ на Потомакѣ, и
можно ниже приколоть волосы сзади; я рѣшила надѣть свою
sborough hat: широкія поля всего лучше оттѣняютъ лицо,
особенности при лунномъ свѣтѣ... Вѣдь сегодня же лунная
, не правда ли, Эльза?..
И, не обращая никакого вниманія на отвѣтъ сестры, Магги
а повертываться то той, то другой стороной къ свѣту, при-
ывая концы своихъ волнистыхъ волосъ то такъ, то иначе къ
, любуясь новыми эффектами цвѣтовъ и не переставая щебе-
, какъ дѣлаетъ хорошенькая птичка, перещипывая клювомъ
корашивая свой пернатый нарядъ.
— Конечно, будетъ мѣсяцъ—я ужасно какъ люблю мѣсяцъ...
такъ, конечно, какъ Салли Гиббсъ, которая увѣряетъ, что
цѣлымъ ночамъ просиживаетъ, глазъ съ луны не спуская!

Я ужъ и то ей говорю: — Салли, такъ ты себѣ развѣ однихъ только котовъ въ поклонники залучишь!.. Конечно, это все пустяки; а все же лунные эффекты я сама ставлю весьма высоко... Еслибы не та лунная ночь да не тотъ пикникъ, когда катались мы по Потомаку,—этой пигалицѣ, Пэгги Симпсонъ, какъ ушей бы своихъ не видать такого жениха, какъ Треттеръ изъ Невады!.. Сегодня же заставлю этого тюленя Гикса сдѣлать себѣ предложеніе, а то это рѣшительно становится ни на что не похоже! Еслибы не неуклюжесть его, право бы можно подумать, что онъ разсчитываетъ на какой-то чрезвычайный эффектъ: вѣрно онъ собирается нарядиться на свое новоселье какимъ-нибудь индійскимъ набобомъ и, заведя меня въ лѣтній садъ, предложить мнѣ руку и сердце, стоя на колѣняхъ у волшебнаго фонтана, вымощеннаго изумрудами и яхонтами... Досадно, этотъ молодой лордъ Гурдайль вдругъ уѣхалъ: мнѣ онъ необходимъ былъ, чтобы подвинуть дѣла съ Гиксомъ.

— Пустяки, Магги! присутствіе лорда обратило бы твоего Гикса въ бѣгство.

— Весьма ошибаетесь, миссъ Эльза! Гиксъ стоитъ любого лорда, и знаетъ это. Еслибы только не былъ онъ такъ застѣнчивъ, я бы и въ Саратогѣ съ нимъ покончила... Надоѣла мнѣ эта возня, признаться!.. пришлось даже моему желѣзнодорожнику отставку прописать, чтобъ дорожку этому свѣтлѣйшему принцу Абраму Гиксу расчистить... А теперь, вотъ, и сентябрь на исходѣ, мама, вотъ, и то пишетъ, что не можетъ больше денегъ сюда высылать!

— Гиксъ и зимой станетъ въ Вашингтонъ наѣзжать, успѣешь и тогда съ нимъ покончить,—спокойно разсудила Эльза.

— Какъ бы не такъ! Стану я еще зиму въ этомъ противномъ Вашингтонѣ жить, гдѣ никому изъ-за этихъ чванныхъ европейскихъ „дипломатокъ“ ходу нѣтъ, слуга покорная! Да и всѣ тамъ пронюхали, что мама жильцовъ держитъ; куда какъ пріятно выслушивать всякіе намеки и слѣдить за тѣмъ, какъ бы кто изъ жильцовъ на лишній центъ газу не сжегъ!..

— Нельзя же, Магги, у меня у самой сердце на части разорваться порою готово, но откуда же денегъ взять? тебѣ же самой, при твоей красотѣ, сколько нужно на туалетъ... Ты же, вѣдь, не то что какая-нибудь дурнушка, которую никто не замѣтитъ, хотя бы она въ рогожкѣ по *Pensylvania Avenue* прошлась... Какимъ же другимъ способомъ удержать приличную обстановку?.. Да и все это тебѣ нажужжала въ уши тетя Флора!.. Повѣрь, никто на этотъ счетъ ничего вѣрнаго не знаетъ; у мамы, сама знаешь, какая прекрасная система: она никого не беретъ въ домъ,

кромѣ членовъ конгресса, подъ видомъ пріѣзжихъ друзей дома, и ужъ, конечно, этого рода жильцы не такъ съ мамой обходятся, чтобъ ее принимать за какую-нибудь содержательницу меблированныхъ комнатъ. Да, наконецъ, и не мама одна, всѣ то же исподтишка дѣлаютъ; чтобъ судить о насъ, надо самимъ стоять въ сторонѣ отъ дѣла.

— Какъ же! станутъ насъ выгораживать, когда та же тетя Флоренсъ на всѣхъ перекресткахъ кричитъ о презрѣнныхъ содержательницахъ меблированныхъ комнатъ — всякому встрѣчному заявляетъ, что у нея никогда не бывало въ семьѣ ни одного торгаша, ни одной женщины, унижающейся до заработка или до домашнихъ работъ... И все это — когда тебѣ изо дня въ день приходится таскаться въ это противное казначейство, когда дядя Джорджъ содержитъ отель, а мама — съ утра до ночи то на кухнѣ, то на рынкѣ... Удивляюсь, какъ еще мама терпитъ въ домѣ эту язву! — закончила Магги, захлебываясь отъ негодованія.

— Перестань же, Магги, вывертываться изъ-подъ рукъ! — съ легкой досадой остановила ее Эльза. — Ничего ты сама въ этомъ дѣлѣ не смыслишь: развѣ безъ тети Флоренсъ жили бы у насъ такіе люди, какъ сенаторы Гаммондъ и Нортонъ, такіе крупные дѣльцы, какъ Уардъ и Пальмеръ?.. Да и тебѣ бы безъ ихъ приношеній цвѣтовъ и перчатокъ, и безъ катанья на ихъ лошадяхъ, зимы бы одной не вынести, живя одной своей семьей, разсчитывая каждый грошъ.

— Про нихъ я и не говорю. А безъ тети Флоры прекрасно бы обошлись, по крайней мѣрѣ эта рыжая Дудли не твердила бы при мнѣ, за общимъ столомъ, о нищихъ герцогиняхъ, чистящихъ постояльцамъ сапоги... Покажу я ей, какъ чистятъ сапоги, когда выйду за Гикса!.. Слышала ты, Эльза, какія онъ чудныя вещи для своего дома въ Филадельфіи на той недѣлѣ заказалъ? Говорятъ, всѣ карнизы лѣпились артистами изъ Италіи, а всѣ ковры заказаны по какимъ-то особымъ рисункамъ во Франціи; какъ только выткутъ ихъ — всѣ модели уничтожатъ, чтобъ ни у кого другого такихъ не было!.. Я было-подговаривалась къ Гиксу, чтобъ онъ разсказалъ мнѣ все о домѣ — хотѣла, знаешь, подать ему заранѣе мысль о томъ, что мнѣ особенно нравится; да этотъ невообразимый тюлень въ толкъ ничего не береть: только суставами въ пальцахъ щелкаетъ, да смѣется!.. Говоритъ: всѣ подробности — большая тайна, и будто ему хочется, чтобъ я разомъ все увидала, когда онъ пригласитъ насъ помогать его матери принимать на новосельѣ, въ будущія святки... Воображаю, какая кикимора его матушка съ коннектикутской

ситцевой фабрики!.. Подальше придется спровадить ее, когда домъ будетъ въ моихъ рукахъ.

— Трудненько это будетъ устроить: сама видишь, сынъ души въ старухѣ не слышитъ, да чуть ли не ею одной и все его ситцевое производство держится.

Магги съ пренебреженіемъ подернула плечами и не возражала ни словомъ. Притомъ и прическа была тѣмъ временемъ кончена; детали же остального туалета дѣвицъ не допускали поддержки сколько-нибудь связнаго разговора. Это не мѣшало, однако же, Эльзѣ погрузиться въ мечты о томъ, какъ сама она, подъ предлогомъ разстроеннаго здоровья, выхлопочетъ себѣ долгій отпускъ изъ государственнаго казначейства, въ которомъ вотъ уже пятый годъ занималась отвратительной операціей пересчитыванія старыхъ ассигнацій, и укатитъ въ Европу навѣстить красавицу сестру, которой Гиксъ навѣрное добьется представленія къ англійскому двору, а пожалуй, и приглашенія погостить при дворѣ: принцъ Уэльскій питаетъ, вѣдь, большое пристрастіе къ американкамъ!..

Этотъ новый поворотъ мыслей былъ до того интенсивенъ, что не могъ не прорваться наружу; и, видя, какъ сестра прикалываетъ передъ зеркаломъ на головѣ свою картинную Gainsborough hat, Эльза съ необычнымъ для нея увлеченіемъ воскликнула:

— А хороша бы была герцогская діадема на твоихъ волосахъ, Магги!

Магги такъ давно привыкла къ ѳиміаму, воскуряемому ея красотѣ, что совсѣмъ перестала его замѣчать; собственно говоря, она даже не особенно и цѣнила этотъ даръ красоты, столь сильно возвышаемый въ ней природною, нѣсколько кошачьей, граціей. Однако и она тутъ самодовольно усмѣхнулась на это безхитростное преклоненіе сестры, которая сама еще могла со многими поспорить красотой, и съ разсудительностью особы, гордящейся своимъ здравымъ смысломъ, отвѣчала:

— Нельзя же, Эльза, все въ однѣ руки захватить — герцоги и деньги что-то рѣдко попадаются вмѣстѣ; вотъ Бесси Джонсъ на дядюшкины милліоны пріобрѣла какого-то допотопнаго итальянскаго маркиза—а намъ, безприданницамъ, хорошо бы и Гиксовы пять-шесть милліоновъ къ рукамъ прибрать... Докторъ Кларкъ зоветъ это „естественнымъ подборомъ“ — на то онъ, впрочемъ, и докторъ, чтобъ вдаваться въ метафизику... А за американцемъ же, право, много забавнѣе быть замужемъ. Какъ бы это сказать? — какъ-то больше по себѣ чувствуется.

— За то и двери не всѣ будутъ передъ тобою открыты,

ли бы, еслибы ты была женою знатнаго европейца; эти
и янки-мужья, нѣтъ-нѣтъ, да такую вольность не въ пору
ъ, что волосы у жены на головѣ дыбомъ станутъ... По-
ли ты, какъ Дикъ Смалей хладнокровно сюртукъ снялъ
овъ, въ Нью-Портѣ, ссылаясь на жару?

Мало ли что случается... Мнѣ-то ужъ во всякомъ случаѣ
Гиксъ не такъ милъ, чтобъ сердцемъ по его манерамъ
Теперь же, притомъ, и изъ моды выводится за иностран-
ыходить — слишкомъ уже они съ цѣны спали: Альва еще
итала письмо отъ Рейдеровъ изъ Милана: пишутъ, что
американкѣ ничего не стоитъ найти себѣ въ Италіи мар-
самой, что ни на есть, древней и неподдѣльной родо-
; а графа, чистѣйшей воды, можно тамъ же за какихъ-
ятьдесятъ тысячъ заполучить — франковъ ли, долларовъ ли,
нько не помню, только что-то очень дешево. А на нѣ-
ъ бароновъ совсѣмъ, говорятъ, и спроса больше нѣтъ...
ъ, и итальянцы теперь, увѣряютъ, уже не въ той чести,
жде: слишкомъ ужъ много ихъ на рынкѣ; и все первый
даже оскомину можно набить: хотя бы малѣйшее могло
уть сомнѣніе насчетъ древности ихъ рода или неподдѣль-
нцеты ихъ самихъ и многочисленной ихъ родни... Стивенъ
ь, что всѣ здѣшніе тряпичники и шарманщики — маркизы
; и я, право, готова ему вѣрить послѣ того, какъ бѣдная
Габурри пять лѣтъ голодная насидѣлась въ мужниномъ
въ Венеціи... Нѣтъ, воля твоя, Эльза, всѣ эти ино-
хороши были для нашихъ тетушекъ, а въ наше время
ли что-то смахивать на подмоченный товаръ.

„Неужели же бѣдной дѣвочкѣ нуженъ весь этотъ самооб-
тобы рѣшиться выйти за Гикса?“—подумала Эльза, и у
ю-сжалось сердце за сестру; но все же она не сказала
слова.

Еще хорошо, — продолжала разсуждать Магги, — если
завербовать себѣ настоящаго англійскаго непромотавшагося
аго“ сына, изъ какой-нибудь семьи, занесенной въ *Burke's*
, какъ удалось, напримѣръ, одной изъ нью-іоркскихъ Дю-
прибрать къ рукамъ будущаго герцога... А то и русскіе
ты не дурны, если вѣрить разсказамъ тети Флоры объ
гельницѣ, вышедшей шестнадцати лѣтъ за шестидесяти-
русскаго посла, гулявшаго, бывало, по посольскому дому
въ великолѣпной шелковой стеганой, съ разводами, ман-
а и пикантность варварства свою цѣну имѣетъ — конечно
не отдаваясь ему въ руки, гдѣ-нибудь Сибири.

Трудно было Эльзѣ согласиться съ практичной дерзостью выводовъ этого скороспѣлаго философа: она выросла на разсказахъ о блестящихъ доблестяхъ европейской аристократіи, на интересныхъ эпизодахъ изъ романовъ Дюмà-отца, принимаемыхъ ея матерью, тетей Флорой да и всей семьей за неоспоримые факты исторіи.

Припомнилось, впрочемъ, и ей тутъ время тяжкаго испытанія, когда и она чуть-было не измѣнила знамени, которое такъ высоко держала всю свою жизнь — когда чуть-было не вышла замужъ за южнаго плантатора, несомнѣнно происходившаго отъ младшей вѣтви извѣстной англійской фамиліи, занесенной въ *Burke's Peerage*; но для этого жениха сама она не пришлась по мѣркѣ, и была забракована его семьей изъ-за того, что происходила отъ отца сѣверянина, не позаботившагося о томъ, чтобъ занести свое имя въ списки столь изящно составляемой теперь американской геральдики. Судьба, впрочемъ, сжалилась надъ ней: ей не представлялось затѣмъ и случая идти дальше по скользкому пути пожертвованія своими аристократическими тенденціями, и она тихо сживалась съ перспективою остаться старой дѣвой, въ сладкой увѣренности, что никто не можетъ упрекнуть ее въ томъ, что она поступилась въ жизни семейными традиціями; живи она въ эпоху первой французской революціи — такъ мечталось ей въ часы досуга — съ какимъ упоеніемъ сложила бы она свою голову на гильотинѣ, въ доказательство вѣры своей въ священную миссію родовой аристократіи!..

Пав. Каширинъ.

ЖИЗНЬ ТЮРЬМЫ

ВЪ

ШЕСТИДЕСЯТЫХЪ ГОДАХЪ.

Личныя наблюденія и замѣтки.

Какова бы ни была любознательность посѣтителя тюрьмы, сколько бы разъ онъ ни прошелся по ея корридорамъ и камерамъ, заглядывая даже во всѣ ея закоулки—все же онъ увидитъ, такъ сказать, одну оффиціальную жизнь тюрьмы, но не дѣйствительную, съ ея подробностями и мелочами, а потому едва ли успѣетъ составить себѣ полное и правильное понятіе о ней. Многое покажется ему незаслуживающимъ вниманія, а именно оно-то иногда и вноситъ въ жизнь подневольнаго обитателя тюрьмы такія условія, которыя никакъ не могутъ быть названы желательными и полезными. А если посѣтитель—лицо сколько-нибудь вліятельное, то онъ рискуетъ пройтись по тюрьмѣ, вовсе не видя ея...

Мнѣ довелось во второй половинѣ шестидесятыхъ годовъ, по обязанностямъ службы, провести въ стѣнахъ тюрьмы четыре года, и изо дня въ день, съ утра до вечера, видѣть тюремную жизнь ничѣмъ неприкрашенною, во всѣхъ ея подробностяхъ и мелочахъ. Можетъ быть, мой взглядъ на тюремное дѣло выработался у меня, вслѣдствіе того, нѣсколько односторонне и ошибочно, такъ какъ глазъ мой до утомленія насмотрѣлся на тюремный бытъ,—да не мало наболѣла и душа отъ постояннаго воспринятія тѣхъ тяжелыхъ ощущеній, которыя являются послѣдствіемъ фи-

зическаго и нравственнаго страданія, какое несетъ иногда запертый въ тюрьму, безъ различія — ничтожно или тяжко его преступленіе. Но моя главная цѣль — дать читателю не трактатъ, а живой матеріалъ, по которому онъ могъ бы самъ составить себѣ какое-либо опредѣленное понятіе о томъ, чѣмъ была наша тюрьма еще недавно и какъ въ ней жилось. Свѣденія, сообщаемыя мною, и описанія, сдѣланныя съ натуры, не могутъ, конечно, представлять собою связнаго цѣлаго и являются поневолѣ отрывочными и разбросанными; но такова и сама жизнь тюрьмы, обитатели которой проходили мимо меня, какъ въ панорамѣ. То, что теперь является предъ глазами читателя, можетъ быть названо не болѣе, какъ только выдержками изъ моей записной тетради, въ которую я заносилъ въ свое время все то, что мнѣ казалось заслуживающимъ вниманія.

Во второй половинѣ шестидесятыхъ годовъ я въ первый разъ познакомился съ тюремными порядками, поступивъ на службу въ тюрьму пересыльныхъ арестантовъ, въ такъ-называемую пересыльную тюрьму.

Она помѣщалась тогда, какъ и теперь, внутри продолговатаго четыреугольника, выкроеннаго въ кварталѣ каменныхъ домовъ, въ самомъ центрѣ города. Изъ Демидова переулка отъ воротъ тянется между стѣнами смежныхъ зданій длинный пролетъ шириной около двухъ саженъ, нѣчто въ родѣ ущелья. Въ этомъ четыреугольникѣ расположенъ каменный двухъ-этажный флигель съ пристройками, и около половины всего мѣста остается для двора. Стѣна, окружающая этотъ дворъ, постройки второй гимназіи, бани и другіе частные дома — все это плотно охватываетъ зданіе тюрьмы. Вѣтеръ сюда рѣдко залетаетъ, а солнце заглядываетъ только лѣтомъ, да и то часа на два, на три. Такая замкнутость мѣста препятствуетъ возобновленію воздуха въ жилыхъ помѣщеніяхъ; верхнее жилье главнаго флигеля имѣетъ еще для себя свѣтъ и воздухъ, какой есть на дворѣ, но помѣщенія нижняго этажа явно страдаютъ лишеніемъ того и другого.

Во всю длину обоихъ этажей тянутся корридоры съ дюжиной дверей. Верхній этажъ занятъ квартирой смотрителя, нѣсколькими камерами для содержащихся и тюремной церковью. Внизу тоже рядъ комнатъ, съ дверью изъ каждой, выходящею на общій корридоръ. За неимѣніемъ иныхъ помѣщеній, въ одной изъ камеръ живетъ семейный письмоводитель, занятый безпрерывно въ конторѣ тюрьмы, а въ другой — тюремная команда, состоящая на

половину изъ обязательно-служащихъ. Еще одна камера этого этажа занята банею, тутъ же и прачешная. Въ полицейскихъ домахъ города бань нѣтъ; въ уѣздныхъ тюрьмахъ на такую роскошь нечего и разсчитывать, а потому, всякій пересылаемый арестантъ только въ столичной тюрьмѣ и можетъ надѣяться какъ-нибудь омыть свое грѣшное тѣло; баня въ тюрьмѣ необходима, какъ пища.

По количеству куб. футъ воздуха, арестантскія помѣщенія здѣсь разсчитаны приблизительно на 160 человѣкъ, а цифра содержащихся переходила почасту далеко за 200. Между прибытіемъ въ тюрьму и отправленіемъ куда-либо далѣе, вся эта масса проживаетъ здѣсь часто до трехъ сутокъ. Многіе имѣютъ при себѣ жену, дѣтей и имущество, а потому, чѣмъ многочисленнѣе арестантская партія, тѣмъ болѣе съ ней чемодановъ, сундучковъ, ящичковъ; особенно много бываетъ туго набитыхъ мѣшковъ, узелковъ, грязныхъ и вонючихъ. Когда партія уходитъ, слѣды ея и атмосфера, разумѣется, остаются въ камерахъ. Очень рѣдко въ тюрьмѣ остается человѣкъ 40—50. Тогда только и возможно почище вымести, помыть—безъ просушки до-суха—и провѣтрить свободныя камеры; но уже тотчасъ послѣ чистки, или вечеромъ въ тотъ же день эти камеры непремѣнно снова займутся вновь прибывшими. Гораздо чаще случается такъ, что, по прибытіи партіи, камеры наполняются до того, что только вошедшіе первыми размѣщаются *гдѣ должно*, а задніе ряды устроиваются уже гдѣ попало, *гдѣ возможно*, т.-е. на полу въ проходѣ между нарами, а зачастую и подъ нарами.

Зимой корридоръ нижняго этажа есть первое помѣщеніе прибывшей арестантской партіи, гдѣ производятся переклички каждаго по имени и повѣрка документовъ. Пока все это исполняется—пройдетъ часъ, и болѣе, смотря по числу прибывшихъ; корридоръ, густо занятый суетящимся людомъ, дѣлается въ это время похожимъ на что-то въ родѣ предбанника, преисполненнаго самыхъ разнообразныхъ запаховъ. Полъ въ корридорѣ изъ плиты; три его двери выходятъ прямо на дворъ, а потому держать ихъ отворенными не всегда возможно. Въ каждой камерѣ имѣются деревянныя нары, неизбѣжно грязныя, потому что грязь въѣлась тутъ въ каждую щель, накопляясь годами; извѣстныя плотоядныя имѣютъ здѣсь всегда готовый и прочный пріютъ; никакой подстилки на нары не полагается; да ее тутъ и имѣть нельзя уже по одному тому, что она была бы самымъ вѣрнымъ передатчикомъ всякихъ заразительныхъ болѣзней.

Корридоръ и камеры верхняго этажа имѣютъ лучшій видъ,

потому что бываютъ рѣдко заняты до чрезмѣрной полноты; въ нихъ свѣтлѣе, просторнѣе, чище и болѣе воздуху; полы тутъ крашены, есть даже нѣсколько кроватей съ тюфяками и одѣялами. Въ этомъ этажѣ помѣщается преимущественно благородное сословіе и только немногіе изъ разночинцевъ, смотря по тому, кто почище, поопрятнѣе. Здѣсь, по крайней мѣрѣ, есть всегда возможность вымыть крашеный полъ и освѣжить воздухъ.

По вѣдомости тюрьмы, сегодня состоитъ на лицо 130 человѣкъ; камеры заняты болѣе чѣмъ на половину; въ восемь часовъ вечера прибыла партія еще въ 111 человѣкъ. На дворѣ ноябрь, холодный дождь и слякоть; люди промокли, прозябли, идя по колѣно въ грязи; они пришли съ вокзала пѣшкомъ и, конечно, не по тротуару; съ партіей много женщинъ и дѣтей. Имъ бы хотѣлось, конечно, поскорѣе пріютиться къ мѣсту, согрѣться, обсохнуть, поѣсть чего-нибудь горячаго, но ничего подобнаго нельзя допустить въ такую минуту: прежде всего надобно сдѣлать перекличку, повѣрку путевыхъ документовъ, т.-е. принять партію отъ конвоя, потомъ каждаго осмотрѣть, какъ самого, такъ и все, что онъ имѣетъ при себѣ; до тѣхъ поръ партія остается въ корридорѣ. Полчаса времени прошло, пока каждаго назвали по имени и повѣрили его путевые документы; но у каждаго изъ партіи есть мѣшокъ или узелъ, гдѣ уложены еще нѣсколько узелковъ и мѣшечковъ; въ этихъ узелкахъ можетъ быть что-нибудь такое, чего не слѣдуетъ дозволять брать съ собой въ камеру; необходимо рыться въ каждомъ узелкѣ, необходимо вытряхнуть все, что есть въ мѣшечкахъ. Только по окончаніи такого осмотра можно дать путникамъ мѣсто и предоставить ихъ самимъ себѣ, съ тѣмъ чтобы обсохнуть и согрѣться, какъ они съумѣютъ.

Если прибывшихъ немного, тогда осмотръ не затянется; но если въ корридорѣ ожидаетъ цѣлая сотня людей и столько же узелковъ съ имуществомъ, тогда для 7—8 человѣкъ тюремной команды нѣтъ никакой физической возможности тщательно осмотрѣть людей и ихъ движимость, тѣмъ болѣе, что и отпустить ихъ по камерамъ тоже надо торопиться, хотя бы и для того, чтобы они не заявили шумнаго протеста на то, что ихъ долго держатъ въ корридорѣ, гдѣ половина ихъ уже давно усѣлась на грязномъ плитномъ полу.

Все заставляетъ торопиться осмотромъ каждой большой партіи, такъ что иногда онъ дѣлается больше для успокоенія со-

вѣсти; дѣйствительный же осмотръ, т.-е. предупреждающій скрытіе какой-либо запрещенной вещи, примѣняется только къ имуществу арестантовъ каторжнаго разряда; но и тутъ цѣль не всегда можетъ быть достигнута, потому что, какъ ни ловко умѣетъ находить все запрещенное привыкшій къ дѣлу солдатъ—такъ же ловко, а часто и гораздо ловче бывалый каторжникъ съумѣетъ спрятать то, что̀ хочетъ взять съ собой въ камеру.

Наконецъ, вся партія провѣрена, осмотрѣна и размѣщена по камерамъ. На этотъ разъ дѣло было кончено съ небольшимъ въ часъ, потому что каторжныхъ всего дюжина. И вотъ, у этихъ двѣнадцати человѣкъ, при большомъ количествѣ отдѣльныхъ узелковъ или мѣшечковъ (каторжники вообще не имѣютъ большого имущества, считая его лишнею обузой въ дорогѣ и стараясь каждую вещицу превратить въ деньги, которыя всегда легче спрятать), отобрано: два складныхъ ножа, стамеска, что-то похожее на иглу, которой зашивается кульё, обломокъ отточеннаго желѣзнаго обруча и пивная бутылка, содержащая въ себѣ темноватаго цвѣта жидкость; на бутылкѣ наклеенъ небольшой ярлыкъ съ надписью: „арниковая примочка отъ ломоты ногъ“.

— Какая же эта примочка, братецъ ты мой?—добродушно сомнѣвается тюремный солдатъ, нюхая въ горлышко бутылки, бывшее заткнутымъ туго свернутою грязною тряпочкой: —водкой пахнетъ оттудова...

— Стало-быть, такъ нужно, — вразумляетъ его владѣлецъ бутылки, мужиченко съ небольшой сѣденькой бородкой и рысьими глазками;—стало-быть, такъ въ аптекѣ сдѣлано.

— Понятное дѣло, — поддерживаетъ его сосѣдъ, тоже каторжный:—всякая примочка дѣлается на винѣ, а то и на спиртѣ какомъ.

— Кто же это далъ тебѣ экую примочку?—спроситъ фельдфебель, контролирующій осматривающихъ солдатъ и самъ тоже осматривающій.

— Дохтуръ отпустилъ. Каждый день чтобы я ноги растиралъ.

— Какой такой? изъ какой больницы? въ какомъ городѣ?

— Я-то самъ кіевской губерніи, а примочку дали мнѣ въ этомъ... верстъ за сто отъ Кіева... мудреное такое прозванье.

— А бумага гдѣ? свидѣтельство, что тебѣ примочка дана?

Справляются съ путевымъ документомъ, гдѣ должна быть отмѣтка о томъ, что такой-то боленъ тѣмъ-то, и что ему выдана такая-то мазь, или, если примочка, такъ, разумѣется, не въ пивной бутылкѣ, а въ обыкновенной аптечной посудинѣ. Оказы-

вается, онъ лжетъ: въ путевомъ документѣ его нѣтъ никакой особой отмѣтки.

— Ты, братецъ, морочишь,—говоритъ фельдфебель:—никакой бумаги при тебѣ не имѣется на эту примочку. Кабатчикъ далъ ее тебѣ, а не докторъ.

— Стало-быть, писаря ее затеряли, господинъ служивый. Мнѣ помнится, бумага была.

— Толкуй себѣ: такъ тебѣ сейчасъ и повѣрили.

Въ бутылкѣ оказывается обыкновенная водка, или разведенный водою спиртъ, подкрашенный нѣсколькими каплями чернилъ, или другимъ чѣмъ-нибудь.

— А это что?—спрашиваетъ солдатъ у другого, находя небольшой складной ножъ, спрятанный въ носкѣ сапога.

— Вѣдь видишь—не ложка, а спрашиваешь!—досадливо объясняетъ владѣлецъ ножа, добытаго имъ съ трудомъ и за деньги и хранимаго какъ драгоцѣнность.

— Вѣдь знаешь, что ножа нельзя... Зачѣмъ онъ у тебя? для чего?—допытывается солдатъ, довольный тѣмъ, что нашелъ запрещенный товаръ.

— Ножикъ-то зачѣмъ?..—И владѣлецъ ножа только пожимаетъ плечами, какъ бы желая выразить этимъ: „глупѣе вопроса и не придумать".

— А гдѣ ты взялъ этотъ самый ножикъ?—придирается солдатъ, впередъ зная, что именно отвѣтитъ каторжный и всякій другой арестантъ.

— Гдѣ взялъ... Понятное дѣло: нашелъ на пути.—И каторжный отворачивается, не желая болѣе отвѣчать на вопросы, которые и дѣлать вовсе нѣтъ надобности,—такъ уже извѣстенъ отвѣтъ.

Но у этихъ же самыхъ арестантовъ, черезъ какую-нибудь недѣлю, снова можно будетъ найти и ножи, и отточенные обручи, и стамески, и проч. Въ каждой партіи непремѣнно есть семейные. У нихъ движимости всегда болѣе, чѣмъ у каторжныхъ, тоже семейныхъ; одна часть имущества находится съ мужемъ, другая—съ женой, такъ какъ каждый имѣетъ право владѣть въ пути 30 фунтами багажа. Женщины помѣщаются и осматриваются на женскомъ отдѣленіи тюрьмы, гдѣ фельдфебеля замѣщаетъ женщина. Тутъ гораздо удобнѣе скрыть и флягу съ „примочкой отъ ломоты", и деньги, и ножъ. Пересылаемые мужъ и жена разъединяются только въ тюрьмахъ и на ночлегахъ, а во время пути они всегда вмѣстѣ, если мужъ ссыльно-поселенецъ, а не каторжникъ. И вотъ, во время пути или во время хлопотъ при

отбытіи партіи все запрещенное и переходитъ, иногда чрезъ нѣсколько рукъ, въ отдѣленіе каторжныхъ. Оно или мѣняется на что-нибудь, или продается, или, просто, воруется, такъ что въ рукахъ ловкаго каторжника, пока онъ пройдетъ отъ столицы до Тобольска, до Томска и далѣе—въ рукахъ его перебываетъ не одинъ ножъ, не одна стамеска. Въ дорогѣ никто его не станетъ обыскивать: начальникъ этапа обязанъ только сбыть съ рукъ проходящую партію, а конвой тоже не станетъ обыскивать, чтобы найти ножъ. Конвой не боится ножа, да арестанту и неудобно воевать съ солдатомъ, имѣющимъ для укрощенія строптивыхъ изъ партіи—если не штыкъ, такъ прикладъ. Такимъ образомъ, въ каждой арестантской партіи всегда имѣется запрещенное имущество.

Отправленіе партіи изъ тюрьмы представляетъ еще болѣе возни и хлопотъ. Дѣло обыкновенно начинается не позже четырехъ часовъ утра для всѣхъ, начиная со смотрителя и кончая тюремнымъ ламповщикомъ. Выведутъ въ корридоръ всѣхъ, кто назначенъ къ отправленію, и начинается работа: перекличка, повѣрка съ документами, потомъ раздача бѣлья, обуви, одежды, т.-е. халатовъ съ желтыми тузами, штановъ, шапокъ и полушубковъ. Застучитъ молотокъ кузнеца по кандаламъ и наручникамъ Суета и гамъ невообразимые, а воздухъ... надобно дышать имъ, чтобы составить себѣ настоящее понятіе о немъ. Особенно портятъ его полушубки, жирно смазанные чѣмъ-то бѣлымъ, маркимъ и съ ѣдкимъ кислымъ запахомъ.

Когда раздача одежды кончится, когда всѣ будутъ сосчитаны — на дворѣ уже часовъ семь утра; тогда слѣдуетъ незатѣйливая трапеза въ видѣ щей или какой-нибудь похлебки, привезенной изъ тюремнаго замка достаточно горячею; наконецъ, раздадутъ хлѣбъ, кому слѣдуетъ, и деньги, кому полагается, судя по званію, отъ 10 до 50 копѣекъ. Деньгами получаютъ дѣти и благородное сословіе: первый чинъ 15 копѣекъ, а кто высшаго ранга, тому болѣе. Когда и это все кончено, тогда партія сдается конвою и длинной вереницей выступаетъ изъ воротъ тюрьмы, слѣдуя по Демидову переулку, по Мѣщанской и далѣе. Голова партіи гремитъ невидимыми ножными кандалами каторжныхъ, а въ хвостѣ ея тянутся подводы и зеленыя тюремныя кареты съ кладью, слабыми, старыми и женщинами съ дѣтьми. Дружное бряцанье ножныхъ кандаловъ заглушается только проѣздомъ экипажей, встрѣчающихъ и обгоняющихъ партію.

Осматривая, вскорѣ послѣ моего поступленія на службу, тюремную церковь, я замѣтилъ рослаго, плечистаго, красиваго человѣка лѣтъ тридцати-пяти, въ плисовой поддевкѣ и высокихъ начищенныхъ сапогахъ, прибиравшаго церковную утварь, и заключилъ, что это церковный сторожъ. Мнѣ показалось, что я его знаю, что гдѣ-то, когда-то, при какомъ-то случаѣ я видѣлъ его... Спустя часъ, когда я стоялъ съ фельдфебелемъ въ корридорѣ нижняго этажа,—онъ проходилъ мимо, въ казарму тюремной команды. Арестанты, сновавшіе по корридору, съ чашками въ рукахъ, чтобы получить свою порцію обѣда, почтительно сторонились передъ нимъ, давая дорогу; двое каторжныхъ даже поклонились ему, и не какъ-нибудь, а въ поясъ; онъ отвѣчалъ имъ кивкомъ и улыбкой.

— Какой бравый!—говорю фельдфебелю.—Это здѣшній церковный сторожъ?

— Такъ точно-съ: онъ и по этой части занимается.

— А еще же чѣмъ онъ занимается?

— Больше ничѣмъ-съ: это Васька заплечникъ.

— Какъ! Да вѣдь онъ церковный сторожъ?

— Такъ точно, сторожъ; это его партикулярная должность, значитъ, по усердію, такъ какъ онъ есть набожный. А форменная служба извѣстно какая: плетьми отстегать кого... Нынче ему совсѣмъ дѣла нѣтъ: стегаютъ рѣдко, а все больше засылаютъ въ каторгу. Ему здѣсь житье хорошее: сидитъ себѣ въ коморкѣ въ своей да башмаки шьетъ, а ежели соскучитъ, такъ къ намъ въ команду приходитъ. Въ носки играть любитъ съ солдатиками. Въ командѣ съ нами и харчится онъ, такъ какъ на казенный гривенникъ въ сутки-то немного наѣшь. Приплачиваетъ за харчи своихъ полтора рубля. И ламповщикъ также харчится у насъ за четыре съ полтиной. И намъ не грузно, и имъ не въ примѣръ лучше, чѣмъ ѣсть въ сухомятку. Хорошій, смирный человѣкъ: вовсе не похожъ на заплечника.

На дѣлѣ, впрочемъ, оказалось, что это дѣйствительно *мастеръ*, но болѣе *башмачный* и исполняющій обязанность мастера *заплечнаго* неохотно, изъ крайности. Въ народѣ его называютъ просто палачемъ или „катомъ“, а въ печатной вѣдомости на пищевое довольствіе тюрьмы значится: — „заплечному мастеру въ сутки 10 копѣекъ“.—Это значитъ, что онъ получаетъ не готовую арестантскую пищу, а деньги. Прочитавъ инструкцію и познакомившись съ ея подробностями,—я понялъ послѣ, почему онъ, встрѣчая меня въ корридорѣ, на дворѣ, въ конторѣ, въ первое время нашего знакомства какъ-то ежился и чувствовалъ себя неловко.

По указанію инструкціи, палачъ долженъ содержаться отдѣльно отъ прочихъ арестантовъ, въ особой камерѣ, за постоянно замкнутой дверью, отворяемой только въ случаѣ его выхода для какой-либо его собственной надобности, или по требованію конторы тюрьмы. Онъ не имѣетъ права ходить безъ конвоя даже по тюремному двору и свободенъ только въ своей одинокой кельѣ, да и то относительно: двое солдатъ тюремной команды, живущіе въ сосѣдней съ нимъ комнатѣ, имѣющей свой особый выходъ, обязаны наблюдать за нимъ днемъ и ночью, по очереди, для чего въ общей стѣнѣ сдѣлано маленькое оконце безъ стекла. Заключеніе его, по инструкціи, одиночное; его келья должна быть для него тюрьмою въ тюрьмѣ.

Въ народѣ, относительно палача, существуетъ мнѣніе, что онъ избирается, будто бы, изъ тяжкихъ преступниковъ, что онъ долженъ быть человѣкъ лютый, грѣшникъ нераскаянный, непрощаемый. Быть можетъ, въ старое время оно такъ и было; но мой настоящій сосѣдъ по жилью (насъ отдѣлялъ потолокъ) не обвинялся ни въ какомъ убійствѣ. Это одинъ изъ такъ-называемыхъ „непомнящихъ родства“, которые имѣютъ какія-либо причины скрывать свое настоящее званіе и имя. Говорятъ, будто онъ дезертиръ. Правда,—въ глазахъ его есть что-то хищное, отталкивающее. Но тюрьма переработаетъ и обуздаетъ хоть какую угодно натуру. Кто бы ни былъ прежде мой сосѣдъ, что бы онъ ни натворилъ въ своемъ прошломъ, но въ настоящее время это самый смирный, самый уступчивый, разсудительный, добродушнѣйшій изъ всѣхъ жителей тюрьмы. Съ цѣлью прибавить что-либо къ казенному гривеннику, онъ занимается шитьемъ женской обуви и несетъ обязанность церковнаго сторожа. Кромѣ того, онъ добровольно и не гласно отправляетъ иногда еще и третью обязанность: караульнаго своихъ караульныхъ.

Двое изъ тюремной стражи, обязательно-служащіе—одинъ наивный добрякъ, другой латышъ Михель, оба пьяницы и дряной народъ, которымъ нельзя поручить ничего мало-мальски серьезнаго—назначены сторожами заплечнаго мастера и должны денно и нощно наблюдать за нимъ сквозь оконце, какъ сказано выше. Чтобы разъединить ихъ съ арестантами—всегда пользующимися услугами пьяницы-солдата—ихъ и помѣстили не въ казарму съ прочими, а именно въ канурку, смежную съ кельей палача, какъ его сторожей. И вотъ, выходятъ такіе казусы: выпьютъ лишнее эти сторожа, поссорятся, зашумятъ и готовы оттаскать другъ друга. Сначала палачъ усовѣщеваетъ ихъ, уговариваетъ, урезониваетъ; шумъ минутъ на пять умолкаетъ, потомъ

начинается снова, и дѣло кончается всегда тѣмъ, что палачъ свяжетъ ихъ обоихъ, уложитъ спать, запретъ на задвижку снаружи и только тогда вернется къ себѣ. Утромъ онъ встанетъ раньше, чтобы отворить дверь и развязать ихъ; разумѣется, отъ нихъ же онъ получаетъ и пріятельское спасибо, а иногда и угощеніе, за то, что предупредилъ драку и не донесъ на нихъ фельдфебелю, т.-е. избавилъ ихъ отъ сидѣнья въ арестантскомъ карцерѣ.

Когда въ первые дни моего пребыванія здѣсь приходилось мнѣ заходить въ камеру каторжныхъ, чтобы прекратить игру въ карты, чтобы найти и отобрать ихъ, чтобы предупредить возникающую ссору и т. д., такъ—признаюсь—сердце мое сжималось при взглядѣ на эти суровыя, угрюмыя физіономіи, на ихъ бритые черепа, на ихъ ножные „браслеты“, громко говорившіе о себѣ при каждомъ движеніи ноги. Послѣ же всякое отобраніе чего бы то ни было дѣлалось какъ-то за-просто, какъ самое безопасное дѣло. А въ сущности, опасность наткнуться на грубость какого-либо головорѣза, а то такъ и на ножъ—совсѣмъ не такъ далека, какъ это кажется, вслѣдствіе привычки и притупленія чувства осторожности и самосохраненія. Да и къ чему можетъ повести отвага, когда вдвоемъ съ безоружнымъ солдатомъ приходится говорить и дѣйствовать между двухъ десятковъ молодцовъ, потерявшихъ все, кромѣ жизни, и которымъ болѣе нечего терять; имъ совершенно все равно, кого ни пырнуть въ бокъ въ минуту досады или злобы. Изъ этихъ двадцати, навѣрное, двое-трое есть такихъ, которые всегда готовы на все, хотя бы и для того только, чтобы порисоваться передъ братіей, чтобы заслужить названіе удальца. Арестантъ не очень стѣсняется требованіями тюремныхъ властей, не торопится исполненіемъ таковыхъ и всегда старается отстоять что-либо въ собственную пользу, а тѣмъ болѣе въ пользу общую, въ пользу камеры—это въ глазахъ товарищей даетъ ему немалый авторитетъ, при случаѣ очень вліяющій на массу. Попробуйте тутъ прибѣгнуть къ власти, къ инструкціи, или, въ крайнемъ случаѣ, попробуйте употребить грубую силу. Результатъ будетъ если не кровавый, такъ, тѣмъ не менѣе, не удовлетворяющій ни инструкціи, ни требованію тюремной власти.

Не далѣе какъ вчера, проходя съ фельдфебелемъ по двору, я заглянулъ въ окно камеры нижняго этажа, гдѣ помѣщаются шестнадцать человѣкъ каторжныхъ. Между ними—девять за убійство, двое за святотатство, четверо за грабежъ съ насиліемъ и одинъ за поджогъ. При слабомъ свѣтѣ висящей въ углу керо-

синовой лампы, вижу, что пятеро изъ нихъ, устроивъ изъ халата щитъ, чтобы не замѣтили чрезъ дверное оконце,—играютъ въ карты, не опасаясь за окно на дворъ, находящееся нѣсколько выше человѣческаго роста. Двое стоятъ у двери, прислушиваясь. Остальные смотрятъ на играющихъ. Но, вотъ, одинъ изъ игроковъ что-то горячо заговорилъ, на кого-то замахнулся кулакомъ и вскочилъ на ноги. Я просунулъ руку сквозь желѣзныя звенья оконной рѣшетки и громко постучалъ въ стекло. Щитъ изъ халата мгновенно опустился, и компанія бросилась по нарамъ, каждый на свое мѣсто; навѣрное, они тотчасъ же рѣшили что отвѣчать, если спросятъ, и смотря по тому, кто спроситъ: какой-либо унтеръ тюремной команды, или помощникъ, или же самъ смотритель, замѣтившій запрещенное дѣйствіе.

— Кто игралъ? подавайте карты!—потребовалъ я, войдя въ камеру.

— Здѣсь не играли, ваше благородіе,—отвѣтилъ одинъ.

— Можетъ, по сусѣдству,—поддержалъ другой.

— Ошибиться нумеромъ изволили,—досказалъ третій.

— Именно здѣсь: я самъ видѣлъ въ окно и постучалъ.

— Да и въ сусѣдней камерѣ тоже окно есть, — замѣтилъ одинъ.

— Да у насъ и картъ нѣтъ, ваше благородіе.

— Ваше благородіе сами еще вновѣ здѣсь, — началъ было второй, ласковымъ голоскомъ и съ улыбочкой.

— Такъ потому-то ты думаешь, что я тебѣ такъ сразу и повѣрю!

Увѣреніе въ томъ, что я не ошибся, увѣщаніе, строгость рѣчи, угроза употребить силу—все это не повело бы ни къ чему; каждый особо и всѣ вдругъ стали бы приводить свои резоны и отнѣкиваться. Я попробовалъ задѣть арестантское самолюбіе.

— Хоть я дѣйствительно вновѣ здѣсь, но уже слышалъ, что будто бы арестанты каторжнаго разряда не любятъ вилять, какъ какіе-нибудь карманные воришки. Извѣстно мнѣ также и существующее между каторжными правило: не попадаться и не ссориться. Вотъ мнѣ фельдфебель это сказалъ. А вы знаете, что онъ уже не новичокъ здѣсь... Играли и попались—это первое, а главное то, что одинъ изъ васъ было и ссору завелъ, кулакомъ замахнулся. Потому-то я и постучалъ.

— Такъ точно, — добавилъ фельдфебель: — сами своихъ же порядковъ не соблюдаютъ. Дѣйствительно, какіе это каторжные, простые карманщики, воришки...

— Противъ воровъ мѣра извѣстна,—продолжаю я:—сдѣлаемъ

обыскъ въ камерѣ, перероемъ всѣ ваши пожитки, и карты найдутся.

— Ваше благородіе, — добавилъ опять догадливый фельдфебель: — не одна, а пять колодъ найдется... Все и дѣло что на часъ безпокойства. Команда теперь свободна.

Мы выиграли дѣло. Зная, что карты, найденныя вслѣдствіе обыска, уже не вернутся хозяину, сколько бы колодъ ни нашлось, а слѣдовательно ущербъ имущественный потерпитъ не одинъ, а многіе,—одинъ изъ ближе стоявшихъ ко мнѣ, бухнулъ на колѣни и подалъ мнѣ колоду картъ, настолько заигранныхъ, что едва можно было отличить фигуру отъ туза.

— Ваше благородіе! Помилосердствуйте: весь капиталъ мой тутъ. Послѣдній двугривенникъ за колоду отдалъ. По грошамъ, по копѣйкамъ собрано.

— Вотъ такъ-то честнѣе и почетнѣе!—наставительно произнесъ кто-то изъ нихъ, стоявшій сзади всѣхъ, по адресу отдавшаго карты: — влопался, чортовъ олухъ, такъ нечего тутъ зубы заговаривать.

Женскимъ отдѣленіемъ занятъ верхній этажъ пристройки къ главному флигелю. Здѣсь помѣщеніе еще тѣснѣе, чѣмъ въ мужской части тюрьмы; недостатокъ воздуха и вентиляціи еще чувствительнѣе. Испорченный воздухъ пропиталъ здѣсь самыя стѣны, мебель, кровати и столы, тюфяки, посуду, словомъ—все, что находится въ этихъ пяти небольшихъ комнаткахъ, принимающихъ въ себя все количество пересылаемыхъ женщинъ и дѣтей. Не пахнетъ только махоркой, кожей, дегтемъ, но за то тутъ всегда пахнетъ ребятишками. Форточки мало помогаютъ, да и отворять ихъ чаще мѣшаетъ присутствіе именно дѣтей. Эти маленькія канурки могутъ освѣжаться только въ то время, когда незаняты. Относительно пищи, здѣсь нѣсколько роскошнѣе, чѣмъ въ мужскихъ камерахъ, потому что, вмѣстѣ съ пищей для женщинъ, на каждаго ребенка отпускается 10 копѣекъ. Имѣя двухъ, трехъ дѣтей, мать можетъ ѣсть нѣсколько лучше,—можетъ купить булку, можетъ достать и молока. Но, разумѣется, на то, чтобы достать для малютки *чистаго* молока, рѣдко можно разсчитывать; это не легко, впрочемъ, и для свободнаго жителя столицы. Во всякомъ случаѣ, здѣсь живется лучше, уже и потому только, что во всемъ чувствуется присутствіе сердобольной женщины, завѣдующей женскою частью содержащихся, и отсутствіе солдата. Конечно, распоряженія женщины, завѣдующей этой частью тюрьмы, уже совсѣмъ выходятъ изъ рамки самой снисходительной инструкціи; но другого

выхода нѣтъ, да и быть не можетъ, потому что инструкція здѣсь еще ярче указываетъ на свою несостоятельность, на полную невозможность дѣйствовать согласно ея строгимъ указаніямъ.

Завѣдующая женскимъ отдѣленіемъ хотя по рангу и не стоитъ выше унтеръ-офицера тюремной команды, хотя смотритель тюрьмы есть лицо отвѣтственное за дѣйствія этой женщины и, слѣдовательно, имѣющее право приказывать, — но и въ этомъ случаѣ разсудокъ и человѣколюбіе становятся не на сторону субординаціи, а всегда за дѣйствія этой женщины и матери...

Въ пересыльной тюрьмѣ я прослужилъ всего съ небольшимъ шесть мѣсяцевъ; она была для меня подготовленіемъ къ знакомству съ настоящей тюрьмой, гдѣ я встрѣтилъ, такъ сказать, болѣе осѣдлое населеніе, иныя формы жизни и иные порядки.

„Тюремный замокъ", „Литовскій замокъ", „Городская тюрьма" — это оффиціальныя, общеупотребительныя названія извѣстнаго зданія, сурово-форменнаго вида, находящагося по сосѣдству съ Большимъ и Маріинскимъ театрами, въ сѣверо-западномъ углу площади, тотчасъ за мостомъ, куда обращена его юго-восточная башня съ круглыми окнами и воротами. Оно имѣетъ, впрочемъ, и другія прозвища, болѣе характерныя. Нѣкоторые изъ содержащихся — преимущественно давно заключенные — и до сихъ поръ иногда величаютъ его „дяднымъ домомъ", а торговцы лежащаго напротивъ Литовскаго рынка назвали его „ярославскою гостинницей". О первомъ названіи можно сказать только то, что оно было извѣстно уже въ тридцатыхъ годахъ. По поводу же второго названія я обратился къ алфавитамъ тюрьмы за нѣсколько лѣтъ, куда вносятся имя, фамилія и званіе всякаго, кто хотя бы на нѣсколько часовъ былъ здѣсь заключенъ за что бы то ни было. Я думалъ, что число содержавшихся разночинцевъ ярославской губерніи было когда-нибудь преобладающимъ,—но мои ожиданія не оправдались: оно не превышало цифры какой-либо другой губерніи. Оказалось, что наибольшее число содержащихся въ годъ приходится на долю крестьянъ и мѣщанъ петербургской губерніи. Едва ли тюрьма и въ былое время походила нѣсколько на пристанище, въ которомъ жилось какъ въ гостинницѣ; вѣроятно поводомъ къ тому послужилъ какой-нибудь, теперь забытый, анекдотъ.

Зданіе замка смотритъ вообще угрюмо. Лучшій видъ представляетъ собою фасадъ его на Офицерскую улицу, занятый церковью, конторой, квартирами служащихъ и, отчасти, женскимъ

отдѣленіемъ содержащихся. Но за то фасадъ на Тюремный переулокъ — настоящая тюрьма; это высокая гладкая стѣна безъ всякихъ архитектурныхъ украшеній; по ней три ряда рѣдко расположенныхъ, небольшихъ оконъ, задѣланныхъ щитами, какъ это бываетъ у опускныхъ форточекъ; щиты эти настолько закрываютъ окно, что стоящій внутри у окна видитъ въ него только часть неба и верхъ крыши сосѣдняго дома. Въ былое время окна служили содержащимся средствомъ сообщенія съ находящимися на свободѣ: бросались записки, а съ помощью бичевки, опущенной сверху, передавались и вещи, которыя,—какъ, напримѣръ, бутылку съ водкой, — нельзя было пронести въ ворота. Вѣроятно, это и вызвало какъ задѣлку оконъ щитами, такъ и запрещеніе ходить по тротуару, окружающему зданіе. О немъ напоминалъ часовой всякому идущему впервые по этому тротуару; отсюда происходили сплошь и рядомъ жалобы и непріятности. Если, напримѣръ, тротуаръ сухъ и удобенъ для пѣшехода, а подлѣ хоть по колѣно грязь — выбора нѣтъ: онъ долженъ идти по грязи, потому что часовой напомнитъ ему объ этомъ, сперва замѣчаніемъ въ родѣ: „не ходить по панели!“ —или: „сойди прочь!“ —а затѣмъ и какою-нибудь мѣрой. Не запрещенъ проходъ только по тротуару Офицерской.

Ходъ въ замокъ одинъ: въ ворота съ калиткой и двумя небольшими круглыми оконцами, въ юго-восточной башнѣ. За этими первыми воротами круглое пустое пространство, крытое сводомъ и освѣщаемое фонаремъ, потому что само оно не имѣетъ оконъ; это нѣчто въ родѣ сѣней. Впереди другія ворота, желѣзныя, рѣшетчатыя, весьма крѣпкія и замкнутыя во всякое время дня и ночи —это главныя. Такъ они и называются. Далѣе, шага на четыре, третьи ворота, деревянныя глухія, какъ первыя, и тоже съ оконцами на слѣдующій за ними тюремный дворъ. Но чтобы, пройдя эти третьи ворота, войти въ самое зданіе, гдѣ помѣщаются заключенные, надобно миновать еще ворота, четвертыя, такъ какъ по двору тянется высокій заборъ, кругомъ почти всего зданія, саженяхъ въ двухъ, и мѣстами болѣе, отъ его фасада внутрь. За этимъ заборомъ, на большомъ дворѣ, нѣсколько малыхъ дворовъ и садиковъ. Съ такого, малаго, двора уже слѣдуетъ дверь въ самое зданіе, на лѣстницу. За ней опять дверь: съ лѣстницы въ корридоръ того или другого арестантскаго отдѣленія, а затѣмъ уже дверь изъ корридора въ арестантскую камеру.

Между вторыми и третьими воротами, на пространствѣ около трехъ кв. саженей, находится главный постъ тюремной стражи, состоящій изъ двухъ городовыхъ унт.-офицеровъ и двухъ солдатъ

тюремной команды; днемъ они всѣ въ сборѣ на этомъ пунктѣ, а ночью дѣлятся на двѣ смѣны. Тутъ самая серьезная, самая безпокойная, но и самая видная служба. Здѣсь проходитъ все идущее и несущее, съ улицы и на улицу, со двора и на дворъ, въ арестантскія помѣщенія и изъ нихъ. Этого мѣста миновать нельзя. Сюда назначаются лучшіе люди тюремнаго штата. Никакой другой службы въ замкѣ они уже не несутъ. Здѣсь осматривается и пропускается или остается все, что̀ идетъ или несется въ тюрьму или изъ нея. Одинъ изъ двухъ городовыхъ находится у калитки главныхъ воротъ, безотлучно. Его обязанность отомкнуть и замкнуть калитку; калитка этихъ воротъ должна быть заперта постоянно и непремѣнно на ключъ, какъ бы часто ни приходилось отмыкать и замыкать ее, а приходится открывать калитку, особенно днемъ, почти ежеминутно.

Изъ-подъ главныхъ воротъ, т.-е. съ небольшой площадки, гдѣ присутствуетъ стража, налѣво по свѣтлому корридору ходъ въ квартиры служащихъ, совершенно изолированныя отъ арестантскихъ помѣщеній, затѣмъ въ контору тюрьмы, въ тюремную церковь, въ пріютъ для дѣвочекъ, принадлежащихъ содержащимся вообще подъ стражей, и, наконецъ, въ женское отдѣленіе. Прямо съ площадки, т.-е. за третьими воротами, лежитъ большой дворъ, куда выходятъ окнами и дверьми остальныя помѣщенія тюрьмы, собственно арестантскія отдѣленія, кухни, пекарня, квасная, прачешная, баня, швальня, мастерскія, тюремная больница, цейхгаузъ, помѣщеніе военнаго караула, и проч., и проч.

Въ первой половинѣ шестидесятыхъ годовъ, жизнь тюрьмы въ замкѣ дошла, по своей распущенности, до того, что могла бы почти оправдывать названіе, данное ей торговцами Литовскаго рынка. Смотритель, отставной генералъ, человѣкъ весьма почтенныхъ лѣтъ, добрый, снисходительный ко всѣмъ и ко всему, управлялъ тюрьмой весьма благодушно изъ своего уютнаго, теплаго кабинета. Распоряженія его, исполняемыя другими и рѣдко провѣряемыя, исполнялись плохо, или совсѣмъ не исполнялись, смотря потому, какъ смотрѣли на нихъ исполнители, т.-е. его помощники, тюремные городовые, приставники арестантскихъ отдѣленій и, наконецъ, сами арестанты. Пользуясь правомъ свиданія съ родными, арестанты видѣлись съ ними во всякое время (разумѣется, не ночью), безъ всякихъ ограниченій и почти безъ надзора; свиданіе можно было имѣть и съ дѣйствительными родственниками, и съ тѣми, кто бы только назвался родственникомъ, имѣя какую-либо нужду переговорить съ тѣмъ или другимъ изъ арестантовъ. Видѣлись въ конторѣ, въ корридорѣ, на дворѣ по-

ближе къ воротамъ, словомъ, гдѣ было удобнѣе бесѣдовать безъ свидѣтелей, лишь бы это не бросалось въ глаза. Передавалось арестанту все, съ самымъ поверхностнымъ осмотромъ. Каждая просьба арестанта или его родственника всегда разрѣшалась, и притомъ съ просьбами обращались не только къ „добрѣйшему“ смотрителю, но и къ его помощнику, къ письмоводителю, къ эконому, къ городовому, даже къ дьячку. Порядки въ тюрьмѣ сдѣлались самые патріархальные; за то и подгулявшія физіономіи, подбитые глаза, ссоры и потасовки въ тюрьмѣ были далеко не рѣдкостью. Въ штрафномъ журналѣ, въ книгѣ, въ которую вписывается проступокъ арестанта и наложенное на него за это взысканіе, почти на каждой страницѣ красовалось: „за драку“, „за пьянство“, „за игру въ карты“, „за брань въ пьяномъ видѣ“; а въ графѣ наложеннаго наказанія — „на двое сутокъ на хлѣбъ и на воду“, „на двое сутокъ въ карцеръ“, „въ карцеръ на однѣ сутки“, „прощенъ, какъ провинившійся въ первый разъ“, или: „прощенъ, какъ арестантъ добропорядочнаго поведенія“.

Двери арестантскихъ отдѣленій замыкались только на ночь, и то не всегда, смотря по добродушію или строгости приставника отдѣленія и солдата, остающагося на ночь въ корридорѣ. Арестанты ходили другъ къ другу на бесѣды вполнѣ свободно; каторжникъ могъ безъ труда посѣщать новичка-воришку и бесѣдовать съ нимъ сколько угодно. Ловкіе люди хаживали въ гости и на женское отдѣленіе, разумѣется, на основаніи дозволенія „повидаться съ родственницей“. Переписка между мужскими отдѣленіями и женскимъ велась тоже безъ особаго труда, съ помощью двугривенныхъ и четвертаковъ, получаемыхъ солдатами тюремной же стражи.

Каждое арестантское отдѣленіе обыкновенно избирало изъ своей среды „старосту“, главною обязанностью котораго было, прежде всего, соблюденіе интересовъ отдѣленія и охраненіе допущенныхъ льготъ. На такую должность выбирался арестантъ изъ давно сидящихъ, старый, опытный плутъ, знающій тюрьму, какъ собственную камеру. Оффиціальное положеніе этого избранника было таково, что отдѣленіе могло чрезъ него заявлять предъ смотрителемъ о всѣхъ своихъ нуждахъ, чтобы ему не приходилось объясняться съ каждымъ изъ отдѣленія. Приставникъ — унтеръ-офицеръ или толковый рядовой тюремной команды, завѣдующій отдѣленіемъ,—имѣя дѣло съ отъявленнымъ плутомъ-старостой, волей-неволей, долженъ былъ ладить съ нимъ, если только дорожилъ своимъ мѣстомъ, всегда болѣе или менѣе доходнымъ,—потому доходнымъ, что какъ сами арестанты, такъ

и ихъ родственники, приходящіе на свиданіе, хорошо знали, что отъ приставника, какъ ближайшаго надсмотрщика отдѣленія, зависитъ многое. И вотъ, приставникъ и староста вели дѣло управленія отдѣленіемъ такъ, чтобы все казалось обстоящимъ благополучно, а что неблагополучно, такъ чтобы оно было шито-крыто. Бывало и такъ, что требованіе приставника или дежурнаго по тюрьмѣ городового унтеръ-офицера открыто не исполнялось арестантами почему-либо. На жалобу первыхъ смотритель отвѣчалъ полумѣрой, а иногда и самую жалобу находилъ неумѣстной. Выходило, сплошь и рядомъ, такъ, что чины тюремной стражи были не стражей, а прислугой содержащихся. Наконецъ, и самая тюремная команда, состоявшая изъ обязательно-служащихъ, получавшихъ обыкновенное казенное жалованье въ видѣ какихъ-нибудь пяти-шести рублей въ годъ, прямо разсчитывала на доходность службы: любой солдатъ, за болѣе или менѣе солидное вознагражденіе, всегда готовъ былъ служить арестанту въ чемъ-либо. Какъ естественный результатъ такой распущенности арестантовъ и стражи ихъ—явилась возможность побѣговъ изъ тюрьмы. Одинъ ушелъ чрезъ слуховое окно крыши восточнаго флигеля замка; двое другихъ, разомъ, спустились съ крыши около часовни, на Офицерскую улицу, въ пяти саженяхъ отъ будки часового, а арестантъ каторжнаго разряда, Ба—въ, изъ дворянъ, почелъ, видно, неприличнымъ лазанье по тюремнымъ чердакамъ и крышамъ—и, избравъ путь болѣе почетный, вышелъ изъ воротъ тюрьмы, днемъ, да и не крадучись, а напутствуемый добрыми пожеланіями и рукопожатіемъ одного изъ помощниковъ смотрителя.

Эпизодъ этотъ хотя и принадлежитъ довольно далекому прошлому тюрьмы, но онъ такъ наглядно характеризуетъ ея бывшіе порядки, что я позволю себѣ остановиться на немъ.

Приговоренный еще старымъ судомъ къ каторгѣ, Ба—въ содержался въ одной изъ уѣздныхъ тюрьмъ. На пути въ Сибирь, онъ поступилъ въ пересыльную тюрьму, откуда, подъ видомъ болѣзни, былъ перемѣщенъ, какъ водится, въ больницу замка, впредь до выздоровленія. Въ сущности, боленъ онъ вовсе не былъ, но это входило въ планъ бѣгства, обдуманный и подготовленный если не ранѣе, такъ въ пересыльной тюрьмѣ, гдѣ всегда имѣются совѣтники на дѣла всякаго рода, начиная съ самой несложной кражи и до того, какъ надобно приниматься за дѣло убійства и бѣгства.

Чтобы, смотря по надобности, оттянуть свое отправленіе изъ пересыльной тюрьмы вмѣстѣ съ ближайшей партіей, желающій прибѣгаетъ къ самому обыкновенному способу: объявляетъ о своей болѣзни и проситъ отправить его въ больницу. Добиваться истины, т.-е. дѣйствительно ли боленъ арестантъ, или притворяется—на это нѣтъ ни охоты, ни времени, ни у администраціи тюрьмы, всегда съ удовольствіемъ сбывающей всякаго лишняго человѣка, ни у врача, лично осматривающаго только серьезно заболѣвшихъ.

По просьбѣ Ба—ва, быть можетъ поддержанной еще полтинникомъ, фельдшеръ написалъ, по обыкновенію, свидѣтельство; врачъ, довѣряющій фельдшеру до извѣстной степени, хотя и находилъ болѣзнь ничтожною, но подмахнулъ свидѣтельство—и дѣло съ концомъ. Ба—ва отправили въ больницу замка. Пролежавъ съ недѣлю и стараясь не попадаться каждому на глаза, онъ еще не успѣлъ приглядѣться ни городовымъ, ни кому-либо другому изъ тюремной стражи. Это также входило въ его разсчеты и составляло для него немалую выгоду, потому что стража замка, и въ особенности городовые, обязана присматриваться къ арестантамъ и, по возможности, знать каждаго въ лицо. Ба—ва зналъ въ лицо только надзиратель больницы и двое изъ больничныхъ служителей, какъ видѣвшіе его чаще другихъ. Замѣтилъ его какимъ-то образомъ, по его головѣ съ длинными черными волосами и окладистой бородкой, одинъ фельдфебель тюремной команды, городовой унтеръ-офицеръ, Каменскій; у него была необыкновенная способность запоминать черты лица, съ перваго же взгляда.

Въ то время арестанты благороднаго сословія видѣлись съ родными за-просто, безъ стѣсненій, въ одной изъ комнатъ, занятыхъ конторой. Посѣтители и арестанты обыкновенно скучивались къ одной сторонѣ ея, и тутъ, въ тѣснотѣ и полумракѣ, подъ защитой отсутствія надзора, происходили и родственныя объятія, и выпивки. Ловкій баринъ или разодѣтая барыня легко проносили въ комнату свиданій всякій запрещенный товаръ; осмотръ вообще, а благородныхъ посѣтителей въ особенности, производился на-скоро, для глазъ, чтобы не обидѣть посѣтителя, а особенно посѣтительницу.

Такимъ образомъ, въ воскресенье послѣ обѣдни и обѣда, въ самый густой наплывъ посѣтителей, вмѣстѣ съ другими, пришелъ изъ больницы на свиданіе съ кѣмъ-то и Ба—въ, какъ водится, въ халатѣ и туфляхъ. Свиданіе продолжалось часа полтора, въ которые онъ успѣлъ совершенно измѣнить свой внѣшній видъ: остригъ голову, сбрилъ бороду и усы; прикрылъ глаза синими очками; на плечахъ, вмѣсто халата, явилось пальто; на ногахъ

панталоны съ лампасами и лакированные сапоги; на шеѣ манишка съ запонками и цвѣтнымъ галстухомъ, на головѣ цилиндръ; въ рукахъ желтыя перчатки и, въ заключеніе, трость съ какимъ-то затѣйливымъ набалдашникомъ. Все это было благополучно принесено ему.

Когда свиданіе кончилось и арестанты были уведены обратно въ больницу, посѣтители подошли къ главнымъ воротамъ, чтобы пройти по одному чрезъ калитку, а въ томъ числѣ и преобразившійся Ба—въ. Онъ велъ себя съ полнымъ достоинствомъ, не торопился пройти прежде всѣхъ, а, напротивъ, ждалъ, натягивая на руку перчатку и усиленно помогая себѣ въ этомъ гримасами, для того, конечно, чтобы болѣе измѣнить физіономію въ данную минуту. Наконецъ, дождавшись очереди, онъ смѣло поднялъ ногу, чтобы шагнуть за калитку; но тутъ-то и загородила ему дорогу объемистая фигура Каменскаго. Его подозрительный, зоркій глазъ и тутъ не измѣнилъ ему, несмотря на то, что Ба—ва теперь не узналъ бы, пожалуй, и родственникъ, давно не видѣвшійся съ нимъ. Прежде чѣмъ остановить сомнительнаго посѣтителя, Каменскій внимательно присмотрѣлся къ нему и, преградивъ своею тушею калитку, спросилъ его:

— Вы, господинъ, къ кому приходили?

— А тебѣ какое дѣло?—возразилъ Ба—въ, совершенно спокойно.

— Да такъ, дѣло. Позвольте освѣдомиться?

— Ты за смотрителя тутъ, что ли, или за помощника, что позволяешь себѣ всякаго останавливать?

— Не за смотрителя, господинъ, а лицо ваше мнѣ какъ-будто знакомо. Потому я и спрашиваю,—неувѣренно говорилъ Каменскій, продолжая всматриваться въ бѣглеца.

При этомъ городовой у калитки притворилъ ее и повернулъ ключъ. Половина посѣтителей осталась непропущенной; а прошедшіе чрезъ калитку также остановились, чтобы посмотрѣть, чѣмъ кончится дѣло. Многіе изъ нихъ, и прошедшіе, и оставшіеся, конечно, знали, кого остановилъ Каменскій; всѣ они, какъ его сообщники, сочувствовали Ба—ву и въ эту рѣшительную минуту готовы были поддержать его, дрожа за успѣхъ дѣла, такъ смѣло начатаго и висящаго, какъ говорится, на волоскѣ. Раздалось вдругъ нѣсколько громкихъ протестовъ, безъ выбора выраженій, что вотъ-де какой-нибудь городовой, чортъ знаетъ почему, имѣетъ право всякаго задерживать. Минута была критическая. Фельдфебель не только имѣлъ право, но былъ обязанъ попросить подозрительнаго посѣтителя въ контору, гдѣ его тоже обязаны были спросить, къ кому

изъ арестантовъ приходилъ онъ, какъ родственникъ. Что бы онъ отвѣтилъ:—къ такому-то, находящемуся въ больницѣ, такъ какъ эта часть посѣтителей видѣлась съ больными, только-что прошедшими по площадкѣ подъ воротами; но сейчасъ справились бы въ больницѣ, спросили бы у такого-то:—кто къ вамъ приходилъ на свиданіе? мужчина или женщина? Какъ она или онъ одѣты? Такой-то, не зная, почему именно его спрашиваютъ, естественно, проврался бы отвѣтомъ, еслибы даже и зналъ истинную причину вопросовъ. Словомъ, Ба—ву пришлось бы вернуться въ больницу, гдѣ надзиратель узналъ бы его тотчасъ. Дѣло было бы проиграно.

Въ эту критическую минуту изъ конторы вышелъ въ коридоръ помощникъ смотрителя. Ба—въ поблѣднѣлъ, но рѣшилъ пытать счастье до конца; тотчасъ же и поддерживаемый возгласами прочихъ посѣтителей, громко, безъ передышки заговорилъ онъ о томъ, что его оскорбляютъ, въ чемъ-то подозрѣваютъ, не даютъ пройти, что онъ тотчасъ же отправится съ жалобой къ высшему начальству, и что, въ заключеніе, завтра же предастъ этотъ случай гласности, распишетъ и пропечатаетъ о такомъ насиліи и т. д.

Капитанъ, озадаченный всею этою трескотнею, обратился къ своему подчиненному, застывшему предъ нимъ съ рукой, приложенной къ козырьку.

— Что это съ вами, Каменскій? Почему вы ихъ остановили?

— Лицо ихъ показалось мнѣ, ваше высокоблагородіе, какъ-будто знакомо,—отвѣтилъ фельдфебель.

— Еще бы!—громко и со смѣхомъ отозвался Ба—въ:—да я чуть ли не въ десятый разъ прихожу сюда, господинъ капитанъ. Что же мудренаго въ томъ, что физіономія моя ему приглядѣлась!

Аргументъ этотъ, да еще поддержанный смѣхомъ остановившихся за калиткой, окончательно убѣдилъ капитана въ грубой ошибкѣ Каменскаго.

— Ну, какъ же можно безъ всякой причины останавливать человѣка? Вамъ-то ужъ это въ особенности непростительно.

И величественнымъ движеніемъ руки капитанъ приказалъ городовому, державшему ключъ калитки, отворить ее и пропустить Ба—ва и остальныхъ посѣтителей. Затѣмъ онъ обратился уже прямо къ Ба—ву и съ самой любезной улыбкой:

— Пожалуйста... Извините, пожалуйста... Вы не повѣрите, какъ трудно вездѣ поспѣть, вездѣ предупредить эти промахи. Рѣшительно нѣтъ никакой возможности...

Тутъ почтенный капитанъ довелъ любезность свою до того, что провелъ Ба—ва до наружной калитки и крѣпко пожалъ его руку въ перчаткѣ, да, за-одно, разсыпался въ любезностяхъ и передъ остальными выходившими посѣтителями; все это продѣлалъ онъ для того, разумѣется, чтобы вознаградить несправедливо и безтактно оскорбленнаго „порядочнаго человѣка".

Когда всѣ свиданія кончились, когда движеніе улеглось, сторожъ тюремной конторы, подметая полъ, нашелъ въ углу подъ скамьей кучку черныхъ волосъ, сѣрый суконный больничный халатъ, шлепальцы-туфли и сѣрую арестантскую шапку. Бросились въ больницу: чей халатъ, туфли и шапка? кто изъ больницы вызывался на свиданіе? всѣ ли въ больницѣ на-лицо? На эти и другіе вопросы нельзя было отвѣтить тотчасъ. Записка конторы, по которой арестанты вызывались изъ больницы, какъ уже ненужная, была брошена, да потомъ оказалось, что фамиліи бѣжавшаго и написано въ ней не было, потому что онъ просто пристроился къ кучкѣ, шедшей на свиданіе; очевидно, это тоже входило въ планъ побѣга, чтобы, въ случаѣ неудачи, не выдать тѣхъ, кто ему принесъ платье. Всѣхъ больныхъ поставили каждаго къ своей кровати, и, разумѣется, кровать Ба—ва оказалась безъ хозяина. Засуетилось тюремное начальство; болѣе всѣхъ, конечно, суетился некстати любезный капитанъ; но Ба—ва, разумѣется, и слѣдъ простылъ.

Безпредѣльно патріархальное управленіе тюрьмой, въ которой цифра содержащихся достигала 800 человѣкъ, было уже извѣстно администраціи; а тутъ еще побѣгъ, и даже не побѣгъ, а что-то похожее на умышленный выпускъ арестанта. Естественно, что добрый, старый и превосходительный смотритель замка долженъ былъ уступить свое мѣсто другому, который оказался не очень добрымъ—и въ чинѣ поручика. Притомъ ему сказали: „приведите тюрьму въ должный видъ, въ порядокъ".

Оказалось, что служащіе, за исключеніемъ очень немногихъ, имѣютъ самыя добрыя сердца; но эта доброта, навѣянная патріархальностью бывшаго управленія, и ничтожность получаемаго содержанія идутъ рука-объ-руку съ наклонностью къ невольному отчасти любостяжанію. Но привести распущенную тюрьму въ должный видъ, имѣя подчиненныхъ, которымъ нельзя ничего довѣрить, которые, вмѣсто помощи, станутъ оказывать противодѣйствіе—дѣло не легкое.

Когда я былъ переведенъ въ замокъ, работа по приведенію

его въ порядокъ была уже болѣе чѣмъ на полъ-пути. Я пришелъ, такъ сказать, на готовое; самое трудное было уже сдѣлано. Правда, водкой все еще пахло, но уже изрѣдка; содержащіеся наказывались карцеромъ уже не за одно пьянство; встрѣчались хмельные, но больше изъ чиновъ самой тюремной команды, однако все рѣже и рѣже, такъ какъ команда формировалась уже не изъ обязательно служащихъ, а изъ вольнонаемныхъ, изъ отставныхъ; притомъ, за 7 и за 12 рублей въ мѣсяцъ, при готовой одеждѣ и обуви, желающихъ служить находилось достаточно. Карты, шашки шахматные рисунки, сдѣланные на подкладкѣ арестантскаго пальто или на внѣшней сторонѣ выдвижного ящика арестантскаго столика, стали рѣдкостью; прогулки изъ одного арестантскаго отдѣленія въ другое прекратились.

Первое частное отдѣленіе—самое большое, самое многолюдное въ замкѣ, а вмѣстѣ и самое спокойное и безопасное. Здѣсь содержатся за самые разнообразные проступки и преступленія, но не влекущіе за собой тяжкихъ наказаній: ни лишенія правъ, ни каторги; большая часть содержащихся—за простую кражу, т.-е. безъ взлома; это—карманщики, приговоренные за что-либо мировыми судьями и судомъ на срокъ не болѣе мѣсяца, за прошеніе милостыни, за нарушеніе общественной тишины, за неимѣніе вида и т. п.

Отдѣленіе помѣщается въ нижнемъ этажѣ восточнаго флигеля; окна его выходятъ на дровяной дворъ, т.-е. на часть тюремнаго двора, отдѣленную заборомъ и заставленную полѣнницами дровъ для отопленія всего зданія, разумѣется съ неизбѣжными опилками и дровянымъ соромъ. Расположеніе отдѣленія такое: общій длинный корридоръ съ окнами на набережную канала, подоконники которыхъ не ниже средняго человѣческаго роста, и тринадцать отдѣльныхъ камеръ съ дверьми на этотъ корридоръ. Изъ тринадцати камеръ одна занята приставникомъ, двѣ—складомъ имущества въ видѣ казенной одежды и проч., и остальныя—арестантами. Камера или нумеръ, это комната въ одно, въ два и въ три окна; въ двери прорѣзъ, т.-е. оконце безъ стекла, небольшое, въ четверть аршина. По двумъ противоположнымъ стѣнамъ камеры деревянныя нары, поднимающіяся на петляхъ, каждая на одного; у третьей стѣны, между окнами, небольшой кухонный столикъ съ выдвижнымъ ящикомъ; въ ящикѣ деревянныя ложки, а на столикѣ деревянная посуда—два, три бака и порціи хлѣба, выданнаго на сутки. На нарахъ подстилка тол-

диной пальца въ два, называемая тюфякомъ, и немного потолще подушка. Съ утра и до вечера, подстилки и подушки свернуты, и нары подняты къ стѣнѣ. Въ камерѣ остается столъ, подоконники и арестанты, не имѣющіе права опустить нару днемъ, развернуть подстилку и лечь на нее; это допускается только во время обѣда, или если арестантъ занятъ какой-нибудь работой, также и чтеніемъ. Скамеекъ или табуретовъ нѣтъ. Это не изъ экономіи, а просто потому, чтобы онѣ не послужили орудіемъ, въ случаѣ ссоры. Полы въ камерахъ моются самими жильцами, и потому чисты до извѣстной степени. Тепла въ камерахъ достаточно, потому что жильцы почти всегда дома и топятъ печи сами, но воздухъ рѣдко бываетъ чистъ, при полномъ почти всегда числѣ содержащихся. Лѣтомъ, при открытыхъ окнахъ, можно имѣть его нѣсколько чистымъ, но зимой одна или двѣ форточки немного помогутъ, если въ камерѣ въ теченіе сутокъ дышутъ 15—20 человѣкъ, смотря по величинѣ ея; да и на дворѣ воздухъ не можетъ быть чистъ, а тѣмъ болѣе на дровяномъ.

Это отдѣленіе и то, которое надъ нимъ, называются „частными“, вѣроятно потому, что прежде они имѣли какія-либо особыя отношенія къ полицейскимъ частямъ, и это названіе такъ и пристало къ нимъ.

Въ первомъ нумерѣ отдѣленія почти всегда полное число содержащихся—до 20 человѣкъ. Это такъ-называемые „дворники“; они метутъ и вообще содержатъ въ чистотѣ тюремный дворъ, топятъ баню, прачешную, моютъ тюремныя кареты, развозящія арестантовъ по городу, смазываютъ ихъ и, словомъ, исполняютъ всѣ мелкія обыденныя тюремныя работы. Желающихъ попасть въ эту камеру всегда много, уже по одному тому, что здѣсь нѣтъ скуки бездѣйствія; „дворники“ большую часть дня проводятъ внѣ камеры и постоянно заняты чѣмъ-нибудь, а потому они носятъ казенные сапоги, а не лапти; имъ дается небольшое мѣсячное жалованье, на которое они могутъ купить себѣ чаю и сахару, а главное – табачку; послѣ усиленной работы имъ разрѣшается иногда опустить нары и, не раскладывая подстилокъ, отдохнуть часокъ; всѣ эти льготы невелики, но въ тюрьмѣ цѣна имъ далеко не малая; живется „дворникамъ“ лучше, чѣмъ остальнымъ, которые ничѣмъ не заняты и не знаютъ, какъ убить свободное время. Въ камеру этихъ счастливцевъ выбираются люди преимущественно изъ „рѣшенныхъ“, а не слѣдственныхъ, и самаго безукоризненнаго поведенія, кроткаго характера и болѣе или менѣе солидные; именно такихъ-то въ тюрьмѣ и немного.

Слѣдующій нумеръ занятъ такъ-называемымъ „привилегиро-

ваннымъ сословіемъ". Для него есть особое отдѣленіе; это купцы, купеческіе братья, купеческіе сыновья. Въ этой же камерѣ помѣщены—не по положенію, а только изъ снисхожденія къ положенію—и бывшіе купцы, торговые приказчики, и вообще люди, привыкшіе носить не сермягу, а сюртукъ. Имъ допускаются кое-какія незначительныя льготы; но это зависитъ прямо отъ того, какъ они ведутъ себя. Если, напримѣръ, приставникъ донесетъ, что въ камерѣ „привилегированныхъ" часто шумятъ, ссорятся, не исполняютъ требованій кого-либо изъ тюремной стражи—они тотчасъ могутъ лишиться допущенныхъ льготъ, начиная съ того, что отъ нихъ отберутъ собственные сапоги и заставятъ надѣть казенные лапти.

Вотъ, напримѣръ, этотъ рослый и полный, сѣдой старикъ, пьющій чай съ лимономъ и въ прикуску. Это купецъ Ф., домовладѣлецъ города Петербурга; онъ содержится уже болѣе года, по разнымъ дѣламъ, и между прочимъ по обвиненію въ поджогѣ собственнаго дома. (Такъ какъ привилегированное сословіе соединено въ одной камерѣ, то и роды преступленій тутъ не ограничиваются кражей, а разнообразные, исключая убійства). Это человѣкъ самаго неуживчиваго, вздорнаго характера, такъ что остальные жильцы камеры стараются держаться отъ него въ сторонѣ. Онъ напоминаетъ собою „Кита Китыча", но тюремная жизнь не допускаетъ многаго изъ того, что онъ позволилъ бы себѣ дома; здѣсь чуть не каждое изъ его желаній встрѣчаетъ препятствіе. Онъ хорошо понимаетъ, что жить сообразно съ своими привычками и нравами можно только дома, и, насколько возможно, крѣпится; но въ тюремной жизни такая масса мелочей, выводящихъ изъ терпѣнія людей самаго уступчиваго нрава, такъ много здѣсь условій и необходимыхъ правилъ, дѣйствующихъ на самые крѣпкіе нервы и выводящихъ человѣка изъ границъ благоразумія, что надобно быть чуть не философомъ, чтобы скоро примириться съ условіями арестантской жизни, а Ф. привыкъ жить среди семьи, покорной до рабства, привыкъ распоряжаться домашнею жизнью какъ какой-нибудь ханъ. Иногда невыносимо тяжело приходится этому шестидесяти-пяти-лѣтнему старику, нравственно тяжело, потому что до репрессивныхъ мѣръ, относительно его особы, дѣло еще не дошло. Но онъ часто вызываетъ противъ себя подобныя мѣры, хотя до сихъ поръ его ограждала старость и снисходительность къ нему тюремной администраціи.

А вотъ другой, въ свѣтло вычищенныхъ сапогахъ. Это купецъ Б., обвиняемый въ подлогѣ, въ мошенничествѣ, въ поддѣлкѣ чего-то и еще въ чемъ-то. Тоже человѣкъ безпокойнаго харак-

тера и вовсе не старый. Это самый неутомимый дѣлецъ прежней формаціи и большой писака; онъ каждый день имѣетъ крайнюю нужду что-либо написать по своему дѣлу: прошеніе, отзывъ, аппеляцію, кассацію — и каждый день просится въ контору. А это трудно, потому что желающихъ писать по своимъ дѣламъ не одинъ онъ, а двѣ трети тюремнаго населенія. Комната, въ которой дозволено арестантамъ писать прошенія и письма, очень небольшая; каждое отдѣленіе имѣетъ для письма только одинъ день въ недѣлю, часа на два, на три. Младшій братъ его еще изъ пересыльной тюрьмы былъ отправленъ мною съ партіей за Уралъ, на жительство. Вѣроятно, и этотъ послѣдуетъ въ ту же сторону.

Слѣдующій — тоже купецъ: злостный банкротъ, но человѣкъ смирный и спокойный, и вообще поведенія безупречнаго — въ оградѣ тюрьмы.

Рядомъ съ нимъ — высокій, худощавый молодой человѣкъ, бывшій приказчикъ одного иностраннаго столичнаго магазина. Тоже за подлогъ, что-то насчетъ векселей. Въ тюрьмѣ онъ болѣе года; натура его крайне безпокойная: онъ не можетъ посидѣть спокойно ни одной минуты. Онъ французскій подданный, эльзасецъ; поступивъ въ тюрьму, не зналъ по-русски ни одного слова, но теперь — мало того что свободно объясняется — выучился читать и писать по-русски, имѣя для письма, какъ всѣ, два-три часа въ недѣлю. Пишетъ по своему дѣлу множество прошеній, отзывовъ и проч., но не всегда удобопонятныхъ. Такъ, въ одномъ изъ прошеній онъ, желая сказать, что не чувствуетъ за собою никакой вины, выразился такъ: „живу въ тюрьма больше одинъ годъ, не имѣя при себѣ никакой, даже самый легкій вина“. Ему возвратили это прошеніе съ надписью: „спиртные напитки въ тюрьмѣ запрещаются и выдаются только въ тюремной больницѣ, по назначенію тюремнаго врача, къ которому и предоставляется обратиться съ просьбой“. Онъ все-таки продолжаетъ отписываться, хотя судъ уже и приговорилъ его въ арестантскія роты на два года.

А вотъ еще крестьянинъ Ч., гостинодворецъ, приказчикъ одного магазина. Тоже за что-то по векселямъ. Этотъ и въ тюрьмѣ остается типомъ гостинодворца: всегда и со всѣми вѣжливъ и любезенъ до крайности; свое время убиваетъ работой: клеитъ ёлочныя украшенія, бонбоньерки, коробочки, ящички; работаетъ очень чисто.

Содержащимся въ этой камерѣ разрѣшено ношеніе собственныхъ сапоговъ и фуражки. Это одна изъ льготъ; настоящая тюремная одежда каждаго арестанта состоитъ изъ бѣлья грубаго

холста, панталонъ и короткаго пальто сѣраго сукна, такой же шапки безъ козырька, веревочныхъ лаптей съ парой холщевыхъ онучъ. Ничего собственнаго изъ одежды инструкція не допускаетъ. Всякую допущенную льготу смотритель принимаетъ на собственный страхъ, а потому всякая льгота, всякое отступленіе отъ инструкціи въ пользу арестанта разсматривается какъ награда за хорошее поведеніе. Дозволеніе пить чай и особенно—курить табакъ—это два сильно дѣйствующія средства къ обузданію непокорнаго и строптиваго. Куреніе разрѣшается не всѣмъ, и то со строгимъ выборомъ достойныхъ и подъ условіемъ, чтобы въ камерѣ не было черезъ-чуръ накурено; а чтобы этого достигнуть, табакъ дозволяется покупать въ такихъ небольшихъ доляхъ, чтобы курящій берегъ его, какъ нѣкое дорогое лакомство, зная, что болѣе одного раза въ мѣсяцъ купить не позволятъ. Въ камерѣ купцовъ за чистотой воздуха строго наблюдаетъ купецъ Ф., считающій куреніе смертнымъ грѣхомъ.

Въ одномъ изъ слѣдующихъ нумеровъ соединены всѣ содержащіеся въ замкѣ евреи. Тамъ они справляютъ и свою субботу, и другіе праздники, насколько это возможно; пищу они получаютъ обыкновенную тюремную и въ указанное время. Раза два въ годъ, въ большіе праздники, имъ разрѣшается полученіе пищи извнѣ, отъ родственниковъ и благотворителей, приготовленной по ихъ уставу. Всѣ девять человѣкъ содержатся за мошенничество. Это самый безпокойный нумеръ изъ всѣхъ отдѣленій; непокорными, строптивыми и т. п. ихъ назвать было бы несправедливостью. Каждый изъ нихъ готовъ, хоть и не вдругъ, покориться требованію всякаго тюремнаго солдатика; всего онъ боится, все уважаетъ, но всякій, ежедневно, при первомъ удобномъ случаѣ, непремѣнно готовъ просить о какой-либо нуждѣ своей, хоть и знаетъ, что такая-то или иная просьба не будетъ уважена и не можетъ быть удовлетворена. Каждый изъ нихъ имѣетъ въ судѣ по два и по три дѣла; каждый проситъ позволенія написать по своему дѣлу непремѣнно какое-нибудь прошеніе. Сами они написать что-либо не въ состояніи, и потому обращаются съ этимъ къ старостѣ отдѣленія, или къ кому другому изъ грамотныхъ. Охотниковъ исполнить желаніе просящаго найдется хоть дюжина, потому, конечно, что за трудъ надо заплатить: или двугривенный при покупкѣ чая, сахару или табаку, или порцію въ натурѣ чаемъ и сахаромъ, или что-нибудь другое—пирогъ, булка, которую принесетъ въ воскресенье посѣтитель-родственникъ. Въ камерѣ евреевъ за то всегда все исправно и все сдѣлано прежде, чѣмъ у другихъ. Одинъ изъ нихъ—здѣшній, а остальные восемь—пересе-

ленцы западныхъ губерній. Всѣ они уже приговоренные и давно ушли бы по назначенію, еслибы сами же не старались просидѣть въ замкѣ нѣсколько лишнихъ мѣсяцевъ. Вотъ, напримѣръ, одинъ изъ нихъ—минскій мѣщанинъ, отчаянный и неисправимый плутъ и укрыватель краденаго и воровъ, извѣстный въ цѣлой губерніи. У него пять самостоятельныхъ дѣлъ. Преступленія доказаны, дѣла рѣшены, и онъ приговоренъ полевымъ военнымъ судомъ западнаго края къ переселенію въ Сибирь. Онъ знаетъ, что отъ Сибири ему никакъ не отдѣлаться, но ему все же пріятно пробыть подолѣе въ столицѣ. Изъ пересыльной тюрьмы онъ перебирается, по болѣзни, въ замокъ. Въ одномъ изъ своихъ пяти дѣлъ онъ, съ помощью разныхъ совѣтниковъ, нашелъ возможность разсчитывать на переслѣдованіе дѣла и такимъ образомъ пробыть извѣстное время въ столицѣ. Дѣло его заключается въ слѣдующемъ. Онъ подговорилъ мальчишку Л. совершить какую-то кражу. Тотъ послушался: укралъ и все краденое передалъ ему, за ничтожную плату. Обкраденный узналъ обо всемъ и началъ дѣло, указавъ какъ на воришку, такъ и на наставника. Воришка сперва запирался, а потомъ разсказалъ на судѣ истину. Дѣло кончилось: еврея высылаютъ въ Сибирь. Въ то же время судили и Л. тоже по нѣсколькимъ дѣламъ, и также выслали, вслѣдъ за евреемъ. Гдѣ-то въ острогѣ они сходятся вмѣстѣ, бесѣдуютъ, какъ старые знакомые, но вскорѣ, какъ того, такъ и другого, задерживаютъ на пути и привлекаютъ, въ качествѣ свидѣтелей, по дѣламъ другихъ лицъ. Л. въ теченіе этого времени успѣлъ сдѣлаться уже юношей и содержится въ замкѣ по какому-то новому дѣлу. Въ это время еврей прибываетъ въ пересыльную тюрьму и узнаетъ, что Л. и еще два-три старыхъ его знакомыхъ содержатся въ замкѣ. Это обстоятельство заставило его постараться какъ-нибудь перебраться въ замокъ, и вотъ еврей и Л. снова вмѣстѣ, въ замкѣ. Еврей подаетъ прошеніе о томъ, что по такому-то дѣлу о кражѣ, произведенной Л., онъ обвиненъ совсѣмъ неправильно и проситъ переслѣдовать дѣло. Въ то же время и Л.—по уговору, конечно, и за какую-либо взятку—подаетъ также прошеніе, въ которомъ старается доказать, что по дѣлу объ извѣстной кражѣ онъ все лгалъ и вралъ потому, что его будто принудилъ къ тому становой приставъ. Оба эти прошенія сочиняетъ староста, онъ же и переписываетъ—конечно, не даромъ: еврей имѣетъ въ конторѣ деньги, и жалѣетъ его достояніе староста вовсе не обязанъ. Онъ и не жалѣетъ, потому что и самъ такой же мошенникъ и воръ. Дѣло кончается тѣмъ, что оба прошенія возвращаются имъ. Но они опять напишутъ, и не одинъ разъ, и опять

заплатятъ за трудъ, лишь бы пробыть въ столицѣ столько, сколько имъ требуется, или пока не надоѣстъ строгое заключеніе.

Далѣе слѣдуютъ двѣ камеры, занятыя срочными, по приговорамъ суда и мировыхъ судей. Потомъ двѣ камеры слѣдственныхъ, еще не знающихъ, когда и чѣмъ разрѣшится ихъ дѣло. По коридору вѣчно ходитъ „корридорный", солдатъ тюремной команды. Проходя мимо камеръ, онъ, по привычкѣ, заглядываетъ въ дверное оконце. Это есть и его обязанность, да и развлеченіе: заглянетъ въ оконце, скажетъ что-нибудь кому-нибудь дѣльное или пустое—это все равно, лишь бы сказать что-нибудь и представить изъ себя хоть и малое, но все-таки начальство. Иногда побалагуритъ съ кѣмъ-либо изъ словоохотливыхъ заключенныхъ. Какъ-нибудь да надо день-то скоротать, ходя вѣчно по одному и тому же корридору. Но вотъ у наружной двери раздался звонокъ. Корридорный быстро зашагалъ, дошелъ до двери, отворилъ ее и впустилъ приставника съ двумя новыми жильцами, только-что поступившими въ замокъ, въ видѣ арестантовъ.

Новыхъ жильцовъ привели въ контору, при слѣдующихъ документахъ:

1) „Препровождается при семъ, вмѣстѣ съ постановленіемъ о заарестованіи, клинсвій мѣщанинъ Петръ Ивановъ, обвиняемый въ кражѣ изъ частнаго б—скаго банка денежныхъ бумагъ на сумму одной тысячи пяти-сотъ рублей, въ принятіи котораго прошу выдать конвойному установленную квитанцію".

2) „Мировой судья 00 участка города С.-Петербурга, разобравъ дѣло по обвиненію купеческаго сына Ильи Прокопова въ буйствѣ въ публичномъ мѣстѣ, въ нарушеніи общественной тишины въ Демидовскомъ саду и въ оскорбленіи дѣйствіемъ частнаго лица, по совокупности преступленій, приговорилъ: заключить Прокопова въ тюрьму на двадцать-восемь дней".

Первое — это отношеніе судебнаго слѣдователя, а второе — исполнительный листъ мирового судьи. При такихъ бумагахъ полицейская стража одной изъ городскихъ частей представила въ контору замка двухъ молодыхъ людей. Оба хорошо одѣты и, по внѣшности, люди „порядочные", т.-е. не обыкновенные оборванцы-жулики. Видъ перваго, въ особенности, говоритъ, какъ будто, въ его пользу. Второй немного на-веселѣ. Оба подлежатъ помѣщенію на первое частное: первый въ камеру слѣдственныхъ, какъ мѣщанинъ, а второй—къ срочнымъ вообще, хоть онъ и принадлежитъ къ „привилегированному" сословію. Купцы, приговоренные судомъ „на высидку", за пьянство, за буйство и т. п., въ камеру купцовъ не помѣщаются.

Явился дежурный городовой, приставникъ съ бѣльемъ, одеждой и обувью для двоихъ, и унтеръ-офицеръ военнаго караула. Обязанность перваго — осмотрѣть имущество арестанта, а послѣдній обязанъ присутствовать при всякомъ осмотрѣ поступающихъ въ тюрьму.

Ивановъ, какъ трезвый и стоявшій нравственно нѣсколько выше своего товарища, въ первую же минуту почувствовалъ переходъ къ худшему. Содержась до сего въ одной изъ полицейскихъ частей, онъ былъ лишенъ только свободы, но въ замкѣ это не все. Въ части онъ могъ носить собственное платье и бѣлье, могъ послать въ трактиръ за обѣдомъ, могъ даже и выпить въ мѣру, напримѣръ, передъ обѣдомъ рюмку водки; курить могъ сколько угодно; съ родными видѣться — хоть каждый день; а здѣсь, прежде всего, ему предложили снять все свое платье, все его безукоризненно чистое, тонкое бѣлье и надѣть казенное. Онъ поблѣднѣлъ и растерялся, видя необходимость надѣть вотъ эту рубашку — толстѣйшаго холста, грубую, полубѣлую, отдающую мыломъ и съ какими-то плохо вымытыми, въѣвшимися въ полотно пятнами; потомъ — сѣрые грубые штаны и такое же пальтишко съ краснымъ стоячимъ воротникомъ; сѣрую же, неуклюжую, отрепанную, на толстой грязной подкладкѣ, шапку безъ козырька, а въ заключеніе, вмѣсто своихъ красныхъ шерстяныхъ чулокъ и полусапожекъ — надѣть заношенныя, плохо вымытыя портянки и лапти.

— Что же это... мнѣ? надѣть? — едва слышно проговорилъ онъ, не обращая вопроса ни къ кому и съ явнымъ отвращеніемъ смотря на лежавшее на деревянной скамьѣ платье и бѣлье.

— Это вамъ и есть, — отвѣтилъ приставникъ, который понялъ тяжелое положеніе новичка-арестанта, но понялъ по своему, и по лицу его скользнула едва замѣтная улыбка, казалось, говорившая: „ну-ка, баринъ, отвѣдай-ка нашего кустюма“.

— Помилуйте... какъ же это?.. Позвольте мнѣ остаться въ своемъ платьѣ! — обратился онъ къ стоявшему подлѣ офицеру. Тотъ объяснилъ ему, что здѣсь всѣ обязаны носить казенную одежду, что собственная дозволяется только въ части, потому что тамъ казенной не имѣется.

— Сдѣлайте милость, господинъ офицеръ! — продолжалъ онъ просить: — войдите въ мое положеніе. Ну, по крайней мѣрѣ, бѣлье оставьте мнѣ. И сапоги. Неужели и носовыхъ платковъ нельзя? Вотъ эти два полотенца позвольте!

Ни сапоговъ, ни носковъ, ни платка, ни полотенца не разрѣшили ему оставить при себѣ для употребленія; первое и второе

замѣнять портянки и лапти, а сморкаться можно и безъ платка, да и полотенца въ камерѣ есть казенныя — цѣлыхъ два: одно для обѣденной посуды, а другое для того, чтобы вытереть разъ въ сутки лицо, т.-е. это не одному, а 5 — 6 человѣкамъ. Если въ камерѣ 20 человѣкъ, такъ три полотенца. Но вотъ бѣда: человѣкъ говоритъ, что уже лѣтъ пять носитъ, не снимая съ тѣла, шерстяную фуфайку, по указанію врача, такъ какъ страдаетъ ревматизмомъ; что фуфайка стала для него необходимостью, что онъ даже лѣтомъ ея не снимаетъ. По инструкціи, и фуфайки нельзя, да еще красной. Собственно, въ инструкціи про фуфайку ничего не сказано, но есть особое приказаніе не допускать въ тюрьмѣ ни собственнаго бѣлья, ни одежды. Фуфайка — это одежда; ну, и нельзя, а между тѣмъ арестантское пальтишко надѣвается прямо на рубаху и имѣетъ не рядъ пуговицъ, а только одну, вверху у воротника. Чтобы помочь горю, офицеръ могъ дать одинъ совѣтъ: завтра обратиться къ тюремному врачу. Если онъ найдетъ, что фуфайка необходима — тогда ее и дадутъ ему, но не свою, а казенную, изъ бѣлой фланели.

Пока Ивановъ, едва удерживая слезы, одѣвался въ казенную одежду, въ это время городовой выворачивалъ карманы его собственной, и нашелъ въ нихъ: двадцать рублей денегъ, перочинный ножъ, карандашъ, перо, писчую бумагу, золотые часы съ цѣпочкой и серебряный портсигаръ съ папиросами; а рядомъ со шляпой на скамьѣ лежали четыре его же книги: два тома Карамзина, руководство къ изученію бухгалтеріи и томъ Пушкина. Все это должно было остаться въ конторѣ.

— Неужели и отечественной исторіи читать здѣсь не дозволено?

— Потомъ, когда просмотрятъ, такъ, быть можетъ, дозволятъ.

— А папиросы? А вотъ немного чаю, сахару и булки?

— Чай, сахаръ и булку можно... А папиросы — быть можетъ, и папиросы вамъ дозволятъ, потомъ. Это не всѣмъ разрѣшается, какъ исключеніе, какъ награда за хорошее поведеніе.

Офицеръ приказалъ, впрочемъ, приставнику помѣстить его въ камеру, гдѣ староста, и замѣнить старое платье — новымъ, не надѣваннымъ еще. Болѣе этого пока сдѣлать было ничего нельзя. Прихвативъ чай, сахаръ и булки, Ивановъ отошелъ въ сторону ждать, пока кончатъ съ „купеческимъ сыномъ“, совершенно иначе смотрѣвшимъ на постигшее его бѣдствіе. Пока Ивановъ одѣвался, онъ все время подсмѣивался, смотря на него, и все что-то нашептывалъ конвойному изъ части.

— Какимъ образомъ случилось, что ввѣренный тебѣ аресто-

ванный—въ такомъ видѣ? Вы съ нимъ заходили куда-нибудь? — обратился офицеръ къ полицейскому служителю, видимо сконфуженному вопросомъ.

— Никакъ нѣтъ: они доставлены въ часть отъ пристава... такъ и были выпивши.

— Какимъ образомъ... и вовсе не образомъ, господинъ капитанъ, а просто портвейномъ, — сострилъ купеческій сынъ, выступивъ впередъ. — Да-съ, чистымъ портвейномъ... Я знаю, что я сюда на муки пришелъ. Здѣсь у васъ, говорятъ, хересами да портвейнами не очень-то потчуютъ. По этой причинѣ я и хотѣлъ уснастить себя на вся дни страданій. Да не вышло: отецъ не дозволилъ... Вы, можетъ, знаете его? Мы вотъ тутъ, на Офицерской, магазинъ содержимъ, колоніальный магазинъ... Вы меня извините, — добавилъ онъ, передохнувъ и указывая пальцемъ на приготовленное для него одѣяніе: — я этакой пакости не могу надѣть. Извините. Сдѣлайте ваше одолженіе.

Офицеръ и ему тоже объяснилъ, что здѣсь, въ тюрьмѣ, всѣ носятъ казенную одежду и, какъ на примѣръ, указалъ на Иванова.

— Да какая же это одежда, помилуйте: это одѣть нищему, а я, слава Богу... На Гороховой у насъ свой домина, не меньше да и получше здѣшняго-то будетъ. Да я отъ роду не надѣвывалъ рзани этакой.

— Что врете-то? гдѣ же тутъ рвань? — замѣтилъ приставникъ, желая отстоять репутацію тюремныхъ одеждъ. — Видите — все цѣло: и пуговица свѣжая на пальтѣ пришита. Развѣ это рвань? Извольте одѣваться.

— Вонъ тому приказано дать новое. А я-то чѣмъ хуже его? портвейну-то выпилъ, что ли?.. Да я тебѣ за всякое платье отплатить могу. У меня найдется и побольше двадцати рублей. Вотъ онѣ...

Чтобы доказать, что это именно такъ, онъ вытащилъ изъ бокового кармана бумажникъ, выхватилъ изъ него пачку ассигнацій и шлепнулъ ее на скамью. Трудно было убѣдить купеческаго сына въ томъ, что такъ или иначе, а казенную одежду ему придется надѣть, что всѣмъ нельзя выдавать новую, что кому-нибудь надобно же донашивать старую. Принимая въ разсчетъ его нетрезвое состояніе, надо было ждать, пока онъ рѣшится переодѣться. Съ полчаса смѣшилъ онъ, относясь со своей полупьяной иронією къ каждой надѣваемой вещи. Особенно пришлись ему не по вкусу лапти и портянки, съ которыми онъ никакъ не могъ справиться. Въ этомъ случаѣ онъ былъ совершенно правъ: дѣйствительно трудно заставить держаться на ногѣ полуаршинную

тряпку, не имѣющую никакихъ завязокъ, да еще и не въ сапогѣ, а въ лаптѣ. Наконецъ, одѣли-таки; но это былъ еще не конецъ: съ нимъ былъ цѣлый узелъ всякаго добра. Въ объемистой шкатулкѣ, прикрытая бисквитами и пряниками, нашлась фляжка съ портвейномъ, съ фунтъ чаю, нѣсколько фунтовъ колотаго сахару, сотни двѣ папиросъ, жестянка съ молотымъ кофе и разная мелочь, въ родѣ щипчиковъ, чайной ложки, перечницы съ перцемъ и проч.; особо въ корзинкѣ оказалась бутылка сливокъ и масса разной сухой закуски въ видѣ сыра, масла, колбасы и проч., а въ заключеніе—до десятка булокъ. Было видно, что его собирала въ путь чадолюбивая хлѣбосолка мать. Ему разрѣшили взять съ собой въ камеру только съѣдобное. Все прочее осталось въ конторѣ.

Когда онъ придетъ въ камеру срочныхъ, тогда его сожители объяснятъ ему все до тонкости, почему вотъ это такъ, а это не такъ, а этакъ. Но прежде, по приказанію приставника, его постарались уложить на нару и дать ему выспаться. — Почему же Иванову, — спрашиваетъ онъ, — дозволили взять съ собой чай и сахаръ, обѣщали курево разрѣшить, даже одежду приказано ему выдать новую, а мнѣ, россійскому купцу, домовладѣльцу, платящему всякія подати — почему же мнѣ отказано въ этакомъ почетѣ? Развѣ я худокровнѣе какого-нибудь мѣщанина на шолковой подкладкѣ?..— „А вотъ почему, милый человѣкъ,— объясняютъ ему новые товарищи:—мѣщанинъ этотъ—слѣдственный арестантикъ, а ты срочный, рѣшенный. Онъ просидитъ въ тюрьмѣ-то не мѣсяцъ, а годъ, можетъ статься, а то и побольше; вѣдь еще неизвѣстно: виноватъ онъ въ чемъ-либо, или окажется вовсе невиновнымъ. Вотъ поэтому самому ему и оказали льготу; быть можетъ, что онъ попадетъ и въ камеру, гдѣ купцы сидятъ, тамъ будетъ почище; и платье, и спанье поновѣе тамъ. А ты, милая душа, хотя и форменный купеческій сынъ, но ты виноватый, твоя виновность доказана. Ты вотъ выпилъ лишнее, нашумѣлъ въ Демидронѣ, а можетъ, и по скулѣ заѣхалъ кому. Вотъ, мировой тебя за то и пристукнулъ, чтобы ты помнилъ, что на публикѣ шумѣть не годится, а драться даже и нигдѣ не дозволено. Здѣшнее начальство понимаетъ это самое, то-есть, что за твое дебоширство тебѣ казнь положена: вмѣсто разныхъ суповъ съ потрохами, да гусей чиненыхъ, жареныхъ, да пироговъ со свѣжими сигами — здѣсь ты будешь хлебать щи неважныя, да научишься, какъ гоняться съ ложкой за горошиной. Вмѣсто булки сдобной тебѣ дадутъ хлѣбца; вмѣсто чаю трехрублеваго тебѣ водицы предложатъ, и курева тоже не дадутъ тебѣ. И все это для того, чтобы

ты помнилъ, что въ тюрьмѣ несладко живется, чтобы, то-есть, отбить у тебя охоту попасть сюда въ другой разъ. Да, кромѣ того, ежели ты здѣсь дозволишь себѣ что-нибудь такое, по-купечески, такъ и еще того хуже тебѣ будетъ: „закупорятъ въ ящикъ". Здѣсь ты долженъ помнить: тишина чтобъ была, порядокъ во всемъ и послушаніе, и грубаго слова не моги никому сказать. Вотъ, какъ ты отсидишь здѣсь четыре недѣльки, такъ, можетъ статься, въ другой разъ и не захочешь попасть на казенныя харчи"...

Въ самокъ, впрочемъ, рѣдко попадаетъ человѣкъ въ родѣ Прокопова — состоятельный. Такіе стараются отсидѣть въ полицейской части, гдѣ содержаніе гораздо льготнѣе. Но и здѣсь купеческому сынку будетъ относительно легче, чѣмъ человѣку безденежному. Чрезъ часъ вся камера будетъ знать, что Прокоповъ человѣкъ не простой, не сѣрый, что въ ближайшее воскресенье къ нему придутъ на свиданіе богатые родственники и нанесутъ ему всякой съѣдобности; значитъ, пока онъ сидитъ въ этой камерѣ, и сожители его будутъ чаще ѣсть булки, колбасы, пироги и прочее. Каждый будетъ стараться угодить ему. Да и самъ приставникъ отдѣленія, если и не дозволитъ ему ничего запрещеннаго, то все-таки будетъ съ нимъ ласковъ, а не грубъ. Придетъ въ воскресенье самъ старикъ, или жена его, или братъ какой-нибудь, и приставнику непремѣнно изловчатся сунуть за обшлагъ зелененькую, а быть можетъ, и синенькую, за то собственно, чтобъ былъ подобрѣе.

Когда оба принятые одѣлись, когда все оставшееся изъ вещей было записано въ книгу и выдана имъ квитанція, тогда приставникъ повелъ ихъ въ тюремный цейхгаузъ, гдѣ они сдали завѣдующему цейхгаузомъ городовому унтеръ-офицеру всю свою одежду; затѣмъ, въ тюремную больницу, гдѣ фельдшеръ освидѣтельствовалъ ихъ: здоровы ли, не имѣютъ ли какой накожной болѣзни, сыпи, ранъ и тому подобнаго.

— Староста! — крикнулъ приставникъ, дойдя по корридору отдѣленія до камеры № 5, которую корридорный тотчасъ отворилъ.

Изъ камеры вышелъ арестантъ въ такомъ же пальтишкѣ съ краснымъ воротникомъ. Ему лѣтъ сорокъ; это —юркій человѣкъ, расторопный, съ плутоватымъ взглядомъ исподлобья.

— Вотъ тебѣ въ камеру новый постоялецъ,—указалъ приставникъ на Иванова.—А вотъ этого,—кивнулъ онъ на купеческаго сына,—въ ту, къ срочнымъ!

— Да у меня, Иванъ Тимоѳеичъ, всего только два свободныхъ мѣста,—отозвался староста, еще не зная, что это жилецъ пріятный: — а въ прочихъ камерахъ и по пяти есть, можно не тѣсниться.

— Такъ приказано,—отрѣзалъ приставникъ и обратился къ Иванову, положивъ руку ему на плечо:—это, вотъ, у насъ староста. Вы его слушайте. А то—жулики все. И онъ тоже плутъ естественный, а все-жъ-таки староста и въ обиду васъ никому не дастъ, пока не обзнакомитесь да не обживетесь.

— Покорнѣйше васъ благодарю, Иванъ Тимоѳеичъ: какъ это вы при всякомъ новомъ человѣкѣ меня величаете, — возразилъ староста: — кажется, я противъ васъ ни въ какомъ плутовствѣ не былъ замѣченъ.

— Вотъ на!.. Ты здѣсь за что? Нешто, не за хапанье? Такъ тебѣ бы, братецъ, въ приставникахъ быть, а не старостой.

Это значило, что приставникъ въ веселомъ настроеніи и шутитъ.

— Стало-быть, изъ *чистыхъ* они?—спросилъ староста, кивнувъ на Иванова.

— Ну, да. А ты вотъ что: ты халдеямъ не дозволяй на новенькихъ набрасываться. У нихъ эту замашку я давно замѣтилъ.

И приставникъ съ Прокоповымъ пошелъ далѣе, а староста и Ивановъ вошли въ свою камеру; дверь за ними тотчасъ заперлась на ключъ, и корридорный побѣжалъ за приставникомъ, чтобы отворить ему камеру срочныхъ.

Камера, гдѣ живетъ староста, о двухъ окнахъ, достаточно свѣтлая, потому что полѣнница дровъ, лежащая противъ оконъ, уже на исходѣ,—и достаточно просторная, такъ какъ всѣ нары, кромѣ одной у окна, подняты къ стѣнѣ; на этой опущенной нарѣ сидятъ пять человѣкъ арестантовъ; одинъ читаетъ книгу, прочіе внимательно слушаютъ. Нѣсколько человѣкъ бродятъ изъ угла въ уголъ. Двое сидятъ на подоконникахъ и чинятъ свою одежду. Кромѣ указанія приставника, староста и самъ тотчасъ сообразилъ, что новый жилецъ не сѣрый мужикъ, что называется „изъ чистыхъ“, т.-е., человѣкъ живущій по-барски и, быть можетъ, грамотный, а то такъ еще и ученый, — изъ нѣмцевъ. Староста—человѣкъ бывалый; для него было бы и того достаточно, что, передавая ему Иванова, приставникъ сказалъ ему „вы“, а не „ты“, какъ прочимъ. Кромѣ этого, у Иванова въ рукѣ узелокъ; слѣдовательно, тамъ съѣдобное что-нибудь, можетъ быть и чай есть, и сахаръ, такъ какъ эти „чистые“ — народъ избалованный.

Староста любитъ и съѣсть получше, и чайку напиться, и табачку хорошаго покурить не прочь, но капитала своего онъ не имѣетъ, купить не на что, заработка нѣтъ, родныхъ—тоже. Значитъ, надобно разсчитывать прямо на чужое, потому что той четверти фунта чаю да двухъ фунтовъ сахару, которые отпускаются отъ начальства „за службу", старостѣ не хватитъ на мѣсяцъ, а табаку даромъ не даютъ, даже и махорки. Если на отдѣленіи есть парочка такихъ какъ Ивановъ и Прокоповъ—тогда хорошій староста навѣрное будетъ и чай пить каждый день, и булки ѣсть, и табакъ курить. Прокопову чаю въ камерѣ не дозволятъ пить, это вѣрно; но чай и сахаръ явятся у старосты, и приставникъ будетъ смотрѣть снисходительно, если Прокоповъ придетъ два раза въ день въ камеру № 5 и будетъ пить чай вмѣстѣ съ старостой. Но все это надобно продѣлывать тонко и чисто: смотритель и помощники, если и узнаютъ про то стороной, такъ они на это дѣло рукой махнутъ. А ежели изъ-за этого произойдетъ жалоба—тогда держись: и приставнику попадетъ на калачи, да и старостѣ достанется. Во всякомъ случаѣ, староста понимаетъ, что новыхъ жильцовъ надо приласкать, а при случаѣ и выручить, если по новости они въ бѣду попадутъ. Но новый жилецъ не долженъ никогда разсчитывать, что и остальные члены камеры будутъ къ нему ласковы и нѣжны. Никто изъ нихъ не обязанъ говорить ему „вы". Всѣ, или почти всѣ, будутъ обращаться съ нимъ какъ съ равнымъ, а то и прибавятъ иной разъ въ насмѣшку: — „господинъ-баринъ". По крайней мѣрѣ, первое время это будетъ такъ, особенно если они замѣтятъ, что онъ брезгливо сторонится ихъ.

Вотъ въ дверномъ оконцѣ показалась голова приставника, кончившаго съ купеческимъ сыномъ и шедшаго теперь мимо, въ свою приставницкую. Онъ взглянулъ въ оконце, такъ себѣ, безъ цѣли, по привычкѣ. Въ это время староста толковалъ Иванову, указывая на свободную нару, какъ она поднимается къ стѣнѣ и какъ опускается для спанья на ней.

— Ну, вотъ и чудесно. Устраивайтесь,—замѣтилъ приставникъ.

— Иванъ Тимоѳеичъ,—сказалъ староста:—перинку-то ужъ не забудьте намъ, да подушечку пуховую, какая помягче. Да одѣяльце заграничное—соблаговолите.

— Не забуду, послѣ, къ вечеру.

— Иванъ Тимоѳеичъ, какъ же это такъ?—заговорилъ одинъ изъ тѣхъ, что чинили свое одѣяніе:—я у васъ на-дняхъ просилъ вицмундирчикъ свѣженькій. Мнѣ вы его не соблаговолили, а но-

вичка окопировали какъ на вечеринку. Я тутъ прѣю годъ, а онъ прямо съ вѣтру. Этимъ-то бы послѣднѣе носить старое, такъ какъ мы люди заслуженные, а онъ...

— Ты учить, что ли, меня станешь, кому что носить?—прервалъ его приставникъ.

— Гдѣ-же мнѣ, сѣрому, учить. Я не про то...

— А про что? Что тебѣ дадено, то ты и носи... Ты лучше вотъ что: сойди съ верстака-то. Вѣдь знаете, что на подоконникахъ сидѣть не дозволено. Для чего-жъ садиться?

— Да темно, Иванъ Тимоѳеичъ. Боюсь кустюмъ спортить.— И оба сидѣвшіе на подоконникахъ, при первыхъ же словахъ приставника, стали на ноги.— Вы поглядите-ка: чуть не каждый день съ иглой занимаюсь. Совсѣмъ портнымъ сталъ. На волѣ я былъ писаремъ, а иглы и въ рукѣ не умѣлъ держать.

— А бумаги-то тебѣ кто подшивалъ?—замѣтилъ одинъ изъ слушавшихъ чтеніе.

— Ты молчи, карманщикъ! Не съ тобой разговариваютъ,— огрызнулся писарь и снова напалъ на приставника:—право, Иванъ Тимоѳеичъ: вотъ, поглядите, девяносто-девятую дыру зашиваю.

— Ты дома-то что носилъ? Куль или рагозу?

— То дома, Иванъ Тимоѳеичъ, а здѣсь я не дома, а въ гостяхъ у васъ, такъ оно и стыдно маленько.

Но приставникъ уже не слушалъ его. Отдавъ корридорному какое-то приказаніе, онъ отошелъ отъ двери, чтобы идти далѣе.

— Плѣшивый чортъ, и слушать не хочетъ!—вполголоса проговорилъ писарь; но замѣчаніе это вышло громче, чѣмъ онъ разсчиталъ, или на этотъ разъ ухо приставника оказалось слишкомъ чуткимъ; но дверь отворилась настежъ, и въ камеру вошелъ приставникъ.

— Что-о?.. Плѣшивый чортъ?

— Да развѣ я васъ, Иванъ Тимоѳеичъ?—Писарь даже поблѣднѣлъ: такъ озадачилъ его подобный исходъ

— А кого же? Кто же здѣсь плѣшивый?

Къ несчастію, въ камерѣ всѣ до послѣдняго были густоволосые, старосту никакъ нельзя было плѣшивымъ назвать, да, кромѣ того, и за названіе старосты чортомъ точно также пришлось бы отвѣтить, а на головѣ приставника свѣтилась какъ зеркало огромная лысина.

— Да я и сказалъ въ шутку, а не съ тѣмъ, чтобы вы услышали,—отвѣчалъ писарь съ поддѣльной улыбкой, безнадежнымъ взоромъ обводя волосатыхъ товарищей заключенія.

— А я вотъ услышалъ, воровская твоя образина! Я плѣ-

шивымъ-то сталъ, двадцать-пять годовъ на службѣ отбывши, а не по твоему, не на воровствѣ руку набивалъ! Пойдемъ въ контору! Тамъ тебѣ покажутъ, какой я есть чортъ.

— Ну, простите, Иванъ Тимоѳеичъ! Я въ шутку совсѣмъ.

— Пойдемъ въ контору, говорятъ тебѣ! Вѣдь доложу, что идти не хочешь, запиской потребуютъ,—тогда хуже будетъ.

Когда приставникъ и писарь ушли, на Иванова со всѣхъ сторонъ посыпались вопросы: кто онъ, за что, имѣетъ ли деньги, сдалъ ли ихъ въ конторѣ, получилъ ли въ томъ квитанцію и проч., и проч. Чтеніе книги прервалось.

— Братцы: кто желаетъ объ закладъ побиться?—замѣтилъ одинъ изъ слушавшихъ чтеніе:—я говорю, что Назаркѣ быть сегодня въ „ящикѣ“. Надобно будетъ ему хлѣбъ передать на ужинъ.

— Это и безъ заклада видимое дѣло,—согласился другой. За „плѣшиваго чорта“ по головкѣ, небойсь, не погладятъ. Самъ напросился.

Староста, зная назойливость сожителей, собравшихся теперь около новичка, безъ церемоніи предложилъ имъ разойтись, а самъ опять сталъ спускать нару, для того чтобы смахнуть съ нея пыль, присѣсть на нее съ Ивановымъ, въ видѣ исключенія изъ правила: не спускать наръ днемъ,—и занять его по своему. Собравшіеся около Иванова тотчасъ разошлись, кромѣ одного, чернобородаго, почему-то не уважившаго предложенія старосты и обратившагося къ новому сожителю съ замѣчаніемъ:

— Такъ вы изъ клинскихъ, милый человѣкъ. Почти-что землякъ: я изъ ярославскихъ, да вотъ нечистая сила занесла меня поглядѣть здѣшнюю столицу. Вотъ и сижу, разглядываю вотъ, въ окошечко, какъ лежатъ дрова.

Ивановъ промолчалъ. Онъ только глубоко вздохнулъ. Нѣкоторые засмѣялись. Староста покачалъ головой, взглянулъ на ярославца и продолжалъ возиться около нары. Ярославецъ снова обратился къ Иванову:

— Вы, сударь ты мой, напрасно печалуетесь: не стоитъ того. Что же дѣлать, коли бѣсъ попуталъ. Я вотъ здѣсь больше полугода коротаю время. Сперва грузно было, а теперь привыкъ, глядя на людей. Одно здѣсь у насъ нескладно: начальство оченно ужъ заботливое. Няньчитъ оно тебя, теперича, какъ ребенка малаго. И на которую ногу стать тебѣ, и какъ ты шагнуть долженъ, и какое дѣло тебѣ дѣлать надобно--все тебѣ укажутъ. Да что дѣло! и въ томъ даже наставятъ тебя, о чемъ думать долженъ ты, и какъ въ мысляхъ раскладывать. Право, такъ. Ну, извѣстное дѣло: и харчи тебѣ казенныя. Конечно, что не жирно

кормятъ и не солоно; такъ это потому, милый человѣкъ, чтобы нутро арестантское не попортилось. Опять же и одѣваютъ тебя словно куколку. Вишь какой пинжакъ тебѣ дали: съ иголочки, право. И щиблетики чудесные. Только барышнѣ и носить ихъ, а не нашему брату, сиволапому. Я видалъ въ кіятрѣ, вотъ тутъ насупротивъ насъ: тамъ все въ этакихъ барышни танцуютъ.

Староста, кончивъ съ нарой и видя такое неуваженіе къ своему предложенію оставить новичка въ покоѣ, ухватилъ говоруна за плечи, круто повернулъ его, далъ такого толчка, что тотъ въ три прыжка очутился въ другомъ углу камеры.

— Къ дѣлу ли теперь такія рѣчи твои?—послалъ ему староста вслѣдъ.—Когда ты былъ вновѣ, такъ весело ли было тебѣ? Съ чего ты берешь, что балагурство твое всякому пріятно и радостно?

— Что-жъ это вы, Семенъ Семенычъ, толкаетесь этакъ?—возразилъ ярославецъ, обѣими руками шлепнувшись о печь.—Нешто этакъ можно? А ежели бы я о печку-то лбомъ бы треснулся, что бы тогда было?

— И чудесно сдѣлалъ бы, — отвѣтилъ староста, садясь на нару и приглашая сдѣлать то же Иванова: — не лѣзь къ человѣку безъ надобности.

— Да развѣ я ему дурное сказалъ, что вы со мной такъ невѣжливо?

— Будь уменъ, и самъ по себѣ, а къ новому человѣку не приставай безъ надобности—не дозволено, вотъ тебѣ и сказъ.

— А вы, какъ староста, такъ вамъ нешто толкаться дозволено?

— Да, я староста, и не тобой поставленъ. А ты кто такой? Ты что же: попрекаешь меня, что ли, старостомъ моимъ?

— Вона вы куда гнете. Ну, Господь съ вами. Я человѣкъ незлопамятный.

Ярославецъ знаетъ, что передъ старостой слѣдуетъ смолчать, хоть онъ неправъ. Не желая заводить непріятности, онъ махнулъ рукой и подсѣлъ къ тѣмъ, которые опять принялись за книжку.

— Вотъ такъ-то лучше, чѣмъ языкъ чесать,—сказалъ староста.—Слушай вотъ книжку-то. Это прибыльнѣе будетъ и спокойнѣе, коли не хочешь попасть къ Назаркѣ въ компанію.

На это ярославецъ вовсе не отвѣтилъ. Но въ прежнее время не сдѣлалъ бы онъ старостѣ подобной уступки. Тогда слово старосты не имѣло такого вѣса, ни въ камерѣ между арестантами, ни предъ приставникомъ противъ камеры. Тотъ толчокъ вызвалъ бы цѣлую

бурю: ярославецъ самъ бы первый принесъ жалобу приставнику, какъ обиженный, и въ случаѣ разбирательства, вся камера обвинила бы старосту кругомъ, какъ собственнаго избранника, обязаннаго, прежде всего, уважать достоинство каждаго изъ товарищей, отнюдь не употребляя во зло своей власти и не позволяя себѣ даже жесткимъ словомъ оскорбить товарища. Но теперь староста, назначаемый смотрителемъ, есть хотя и не оффиціальный, но за то дѣйствительный помощникъ приставника. Онъ, кромѣ своей обязанности смотрѣть за порядкомъ и тишиной въ камерѣ, долженъ знать и то, что дѣлается и говорится на всемъ отдѣленіи, а иногда и что думается. Только одинъ староста имѣетъ право посѣщенія любой камеры своего отдѣленія. Въ каждой камерѣ у него есть „нужный человѣкъ", сообщающій ему все нужное. А онъ уже, въ видахъ собственной выгоды, всегда доведетъ до свѣденія приставника то, о чемъ тому знать понадобится.

Когда ярославецъ успокоился, староста занялъ Иванова собственной бесѣдой. Прежде всего онъ позаботился узнать, имѣетъ ли вновь-прибывшій деньги, будетъ ли и впредь имѣть ихъ и тратить, будетъ ли пить чай и ѣсть булки. Собранныя свѣденія оказались совершенно въ его пользу. Онъ, кромѣ того, узналъ, что въ воскресенье придетъ братъ Иванова, служащій тоже въ банкирской конторѣ. А такъ какъ староста—человѣкъ несостоятельный, то по разсчету и выходило, что новичка не только слѣдуетъ приласкать, но и услужить ему, не мѣшаетъ и понравиться.

— Вы, сударь, объ этомъ не безпокойтесь,—говорилъ онъ Иванову тоненькимъ, вкрадчивымъ голосомъ,—дѣло маленькое: чтобы портянка на ногѣ держалась, такъ мы для этой статьи раздобудемся у приставника веревочкой. Да и самый лапоть этотъ надобно умѣючи перевязать къ ногѣ, а то—или ногу сотрешь, или лапоть шлепаетъ. Веревокъ на это хотя и не полагается, а приставникъ дастъ; онъ человѣкъ разсудительный, хотя и строгій. Да и нельзя быть не строгимъ: народъ здѣсь дрянной, любитъ баловаться, а начальство требуетъ, чтобъ во всемъ порядокъ былъ. Собственно говоря, лапоть, ежели онъ новый, такъ выдается съ завязками, а завязокъ этихъ хватитъ на какія-нибудь недѣли на двѣ, на три. Новыхъ и не спрашивай: экономъ не дастъ. Всякая веревочка у него на счету и, такъ сказать, выходитъ изъ его кармана. На то онъ и экономъ.

— Въ конторѣ сказали мнѣ, что сапоговъ нельзя носить,—замѣтилъ Ивановъ:—а вотъ вы въ сапогахъ.

— Это правильно,— продолжалъ староста:—здѣсь почти всѣ носятъ эти лапотки, хотя кое-кто есть и въ сапогахъ. И я носилъ лапотки, пока не былъ старостой. Старостѣ дозволяется сапоги носить, такъ какъ онъ есть человѣкъ служащій. Приставнику съ помощникомъ за всѣмъ не усмотрѣть въ отдѣленіи. Дѣла здѣсь довольно, хоть оно и не видно. Сапоги—это начальство мнѣ льготу оказываетъ, такъ сказать, за службу мою; да въ сапогахъ и ходить удобнѣе. А ходьбы старостѣ довольно: и въ контору долженъ я ходить каждый день, а иногда и не одинъ разъ; и въ кухнѣ бывать надобно почаще, коли я дежурный; и по отдѣленію до-сыта нагуляѣшься. Да мало ли куда. Я вотъ и книжку такую имѣю: долженъ я вписать въ нее каждаго на своемъ отдѣленіи: и званіе его, и какъ зовутъ. Долженъ помѣтить, кто убылъ: въ больницу ли кто ушелъ съ отдѣленія, въ карцеръ ли, кто съ воли прибылъ, кто изъ больницы—все это я въ книжку. Приставникъ на отдѣленіи есть енаралъ, а я секлетарь его. Я помимо приставника долженъ знать, какой есть человѣкъ каждый арестантъ: смирный ли онъ, или безпокойный. И чтобы это было необлыжно. И я долженъ быть доволенъ своей службой, такъ какъ я нахожусь при дѣлѣ. Вѣдь здѣсь что: издохнешь отъ скуки, ежели ты ни въ швальню не ходишь, ни въ сапожную, ни въ столярную, ни въ повара, ни въ хлѣбопеки не годишься ты. При прежнемъ начальствѣ легче было скуку разбивать: броди, бывало, по всѣмъ отдѣленіямъ, коли у тебя знакомые есть. Только сноровку имѣй: не кажись на глаза начальству. Тамъ посидишь, въ другомъ мѣстѣ поболтаешь, въ шашки съ кѣмъ займешься, въ картишки иной разъ. Наскучило тебѣ бродить — спать ложись, хоть весь день валяйся на койкѣ. А нынче не то: первое дѣло, завсегда ты запертъ въ своей камерѣ. И лечь ты не можешь. Нара—вотъ она, вмѣсто стула она тебѣ, и то не во всякое время. А подстилку ты можешь развернуть только послѣ повѣрки, когда спать ложиться. Во весь Божій день нѣтъ тебѣ никакого дѣла. Ежели ты грамотный, такъ книжку бы читалъ какую-нибудь. Такъ вѣдь и книгъ нынче здѣсь не дозволено. Вотъ они читаютъ. А какая книжка? Дьяконъ ихъ нынче раздаетъ. О чемъ въ этой книжкѣ писано? О спасеніи души человѣческой. Нѣтъ спору—полезная она, да утѣхи-то въ ней нѣту никакой, потому что читаютъ ее здѣсь чуть не другой мѣсяцъ. Я ее на половину знаю наизусть. Сегодня читаешь о спасеніи души, завтра о томъ же. Она и прискучила тебѣ, прости Господи, хуже горькой рѣдьки. А другой не даютъ, не допросишься. Попросить смотрителя или помощника: книжку бы вотъ обмѣнить хотѣлось. Проси, говорятъ,

у отца діакона. А діакона ты и видишь-то одинъ разъ въ недѣлю: въ церкви во время обѣдни-то. А кончилась служба: ты на отдѣленіе, а дьяконъ домой. Ну, и читай опять о душѣ. Строгости здѣшнія, это бы ничего—можно переживать, а вотъ скука тебя какъ звѣрь заѣдаетъ.

— А какія же еще строгости тутъ у васъ?

— Сударь вы мой, милый человѣкъ: всего тебѣ и не перечесть. Здѣсь все по мѣркѣ. Да вотъ балагуръ-то ярославскій — онъ что говоритъ: на волѣ, говоритъ, музыканты по нотамъ играютъ, а пѣвчіе поютъ. А мы вотъ здѣсь, говоритъ, такъ сами живемъ по нотамъ. И это онъ вѣрно говоритъ. Здѣсь на все законъ, на все правило. Любо-нелюбо, а ты всякую-то пустяковинку долженъ дѣлать такъ, какъ указано. Проснуться ты долженъ въ шесть часовъ утра; сейчасъ же и встань, потому что ежели тебя въ койкѣ застанутъ — и нехорошо: на первый разъ тебѣ выговоръ, а потомъ и другимъ проймутъ. Живо вставай да и бѣги къ „парашкѣ“ помыться; а утрись общественнымъ утиральникомъ; ихъ въ камерѣ два, на всю камеру и на двѣ недѣли. А коли брезгливъ ты, такъ полой утрись, да только чтобы тебя не видалъ приставникъ: сейчасъ онъ на тебя крикнетъ и укажетъ тебѣ, что на это утиральникъ данъ, а пинжакъ не порть. Ну, потомъ ты прибери перинку свою, нару подними. Полъ потомъ надо въ камерѣ подместь, а то и помыть его; „парашку“ снести надобно въ отходное мѣсто, сполоснуть ее и прибрать. Это работа общественная: по очереди дѣлается всѣми, кто есть въ камерѣ— кромѣ старосты. Я, сударь мой, избавленъ отъ этихъ работъ. Вотъ, къ примѣру: ежели вы этихъ дѣловъ справлять не хотите... Понятное дѣло: можетъ статься, дома-то у васъ три, четыре прислуги имѣется. А здѣсь нельзя: или самъ дѣлай, или найми за себя. Вотъ, къ примѣру: этотъ ярославецъ, или другой кто— всякую работу справитъ за тебя, и не за дорого: какую нибудь кружечку чайку, да, коли есть лишняя, булочку когда. Въ особенности ежели его снабдить папиросочкой, такъ онъ тебѣ будетъ прислуживать, какъ лакей хорошій. Онъ парень толковый, хоть и съ придурью иной разъ.

— Да мнѣ папиросъ не отдали: въ конторѣ остались.

— Это ничего: первое время только, а тамъ и отдадутъ... Да, сударь мой, табачокъ здѣсь цѣнится пуще хлѣба, пуще сахара. Не вдругъ разрѣшаютъ, и не всякому. Тому, что съ вами прибылъ, на срокъ-то, тому не дадутъ. А мы добудемъ. Табачокъ у насъ допускается въ видѣ какъ награда, за первостатейное поведеніе. И беречь надобно его: одинъ разъ въ мѣсяцъ купить

дозволяютъ. Это значитъ форменно купить: выдастъ смотритель тебѣ деньги и скажетъ приставнику: купить табаку, сахару и чаю. И бумажку дастъ ему: написано въ ней, кому именно дозволяется. А больше въ этотъ мѣсяцъ отдѣленіе и просить не смѣй, чтобы, то-есть, приставникъ шелъ въ лавку за покупками. Это, говорю я, форменно, а мы тихимъ манеромъ достанемъ. Такъ то-съ!.. Правду сказалъ, бестія: по нотамъ живемъ, строже какъ солдаты.

— Вы раза два назвали „парашку“ какую-то. Это что за парашка?

— Парашка-то? — улыбнулся староста.—Это, сударь мой, приносится въ камеру поганый ушатъ, потому что изъ камеры не пущаютъ ночью.

— Почему же онъ не ушатомъ, а парашкой называется?

— Хм... почему парашкой?—И староста снова улыбнулся. Это, вотъ видите ли, исторія такая однажды случилась. Давно это было... Ну, да ладно: въ другой разъ когда я вамъ разскажу. Да не въ постный день и разсказывать надо про нее .. Ну-съ: день нашъ арестантскій начинается, извѣстно—мытьемъ да молитвой. Потомъ дежурный городовой приходитъ съ повѣркой: считаетъ въ каждой камерѣ, всѣ ли дома, не растаялъ ли за ночь кто-нибудь. Послѣ этого очередные идутъ съ приставникомъ къ вахтеру за хлѣбомъ. Въ сутки отпускается арестанту солдатская порція: два съ половиной фунта. Послѣ этого чайку можно заварить, коли кто имѣетъ. Вы какъ на этотъ счетъ: постоянно чай по утрамъ потребляете или что другое?

— Иногда чай, но лучше стаканъ хорошаго кофе.

— Эхъ, кабы кофейку-то... Что и говорить—хорошій напитокъ. —Староста при этомъ глубоко вздохнулъ.—Пилъ и я, бывало, а вотъ здѣсь забылъ, какъ и пахнетъ онъ. Трудно это здѣсь, милый человѣкъ.

— Да вѣдь чай пьютъ, говорите вы?

— Чай можно, два раза въ день, а кофейку трудно: хлопотливо очень. Развѣ когда въ праздникъ, да и то надобно къ этому дѣлу пріохотить самого приставника, чтобы онъ помогъ.

— Что же тутъ особенно труднаго?

— А вотъ что трудно: принесутъ на корридоръ ушатъ съ кипяткомъ; изъ него ты и завари чайку. Небойсь: губъ не обожжешь, не ошпаришься этимъ кипяткомъ. Чай, куда ни шло, пьешь, потому что онъ тебѣ вся утѣха здѣсь. А кофеекъ заварить надо форменно: иначе будетъ не кофей, а бурда теплая. Опять же и постный, потому что сливочекъ или молочка трудно

раздобыть. Узнаетъ смотритель ежели, что приставникъ арестантиковъ кофейкомъ балуетъ, такъ онъ ему такого кофею пропишетъ, что на недѣлю отъ обѣда откажешься. А все-таки мы съ вами какъ-нибудь да попробуемъ. Надо обождать. А чай просто пьется. Можно и булочку, коли капиталъ есть. Чай здѣсь—вся утѣха, потому что дѣла тебѣ никакого нѣтъ, а насчетъ забавы какой не смѣй и подумать. Чуть маленько—сейчасъ-же тебя „закупорятъ въ ящикъ". Не токмо что забава какая, а просто вотъ кучка собралась на нарѣ: корридорный сейчасъ и глядитъ въ оконце—что та куча дѣлаетъ. Книжку читать только здѣсь и можно, а работы никакой. Вотъ, послѣ обѣда ходятъ дрова пилить да колоть, а потомъ въ печи принести. И тутъ все-жъ порядокъ и строгость; со двора ли, на дворъ ли—ты долженъ идти въ линію, а не по одному. Приставникъ смотритъ и городовой, чтобы ты съ другимъ отдѣленіемъ не смѣлъ разговаривать, коли встрѣтишься. Провѣтриться на часокъ выходимъ, вотъ сюда за заборъ-то. Это мѣсто у насъ садомъ называется. Видите—растетъ три березки да два кустика. Значитъ,—садъ. И опять же таки приставникъ съ тобой, чтобъ ты чинно велъ себя. Какъ прошелъ день—слава тебѣ, Господи. Послѣ ужина повѣрка бываетъ: тутъ по отдѣленіямъ помощникъ обходитъ. Всѣ должны въ это время у коекъ стоять. Послѣ вечерней повѣрки ты сейчасъ долженъ спать ложиться. Спи не спи, а будь въ своей койкѣ. Ежели ты не легъ, а бродишь по камерѣ, такъ корридорный тебѣ сейчасъ носъ утретъ: почему не въ койкѣ? А заснешь не скоро, потому что ты не трудился днемъ, да къ тому же въ камерѣ завсегда свѣтло: всю ночь горитъ лампа. При прежнемъ начальствѣ ее завсегда подвертывали потемнѣе, а то худо спать. А нынче нельзя; сейчасъ спросятъ: кто сегодня въ такой-то камерѣ лампу подвернулъ? Такой-то вотъ, потому молъ, что мѣшала спать и коптила оченно. И разговоръ весь. И пошлютъ такого-то ночки на три въ ящикъ: тамъ, молъ, хорошо заснешь, такъ какъ лампа тебѣ не станетъ мѣшать.

— А если не узнаютъ, кто именно? Очень можетъ случиться, что изъ всей камеры только и не спалъ тотъ, кто подвернулъ.

— Нѣту, сударь мой: прежде можно было этакимъ манеромъ, а нынче не выйдетъ. Ну-ка, попробуй нынче, упрись камера: не найди виноватаго. Свиданія не дадутъ, чаю лишатъ, курево отберутъ на вѣки-вѣчные, вмѣсто обѣда хлѣбъ съ водой дадутъ и парашку тебѣ днемъ въ камеру поставятъ. А староста, хоть онъ, можетъ статься, и не въ этой камерѣ, все одно: сапоги долой и лапти надѣнь. Вотъ какъ нынче. За что же вся камера

пострадать должна? Сейчасъ доберутся толкомъ, кто ночью вставалъ? кто похерилъ свѣтъ? Только хуже сдѣлаетъ себѣ виноватый, если самъ не скажется... Нынче не прежнее житье. За самые пустяки, за какое-нибудь нескладное слово, ежели ты скажешь, вотъ, послѣднему солдату,—сейчасъ тебя въ контору и подъ уголовный судъ. А рѣшеніе въ конторѣ у насъ завсегда одно, если ты виновенъ: безпремѣнно въ ящикъ, хотя бы и за малую вину. Строго нынче стало, сильно строго.

— Что же это у васъ тутъ за ящикъ такой? Вѣроятно, карцеръ?

— Онъ самый и есть; а ящикомъ онъ зовется въ шутку, потому что ты въ немъ, дѣйствительно, словно въ ящикѣ. Здѣсь народъ—сочинители: всякой вещи прозванье дадутъ, и всякому дѣлу. Карцеръ здѣшній—это, сударь мой, каютка такая, сажени съ полторы будетъ во всѣ стороны. Полъ въ ней, потолокъ и стѣны—въ этомъ вся и мебель. Надъ дверью дыра, въ которую ставится кружка съ водой и хлѣбъ. Тамъ тебѣ и темно, и холодно, и сыро, и жестко. А пуще всего—нехорошій воздухъ, потому что парашка опять-таки тутъ же съ тобой въ карцерѣ, и вынесть ты ее можешь въ сутки одинъ разъ. Свернись клубочкомъ въ углу, словно песъ какой, а вмѣсто подушки шапка тебѣ служитъ. Самое худое мѣсто: не приведи Богъ попасть въ этотъ кузовъ. А есть и такіе молодцы: просидитъ шесть сутокъ, похудѣетъ, обрюзгнетъ съ лица, вѣдь шесть дѣнъ немытый,—ошалѣлымъ смотритъ... А выпустили, онъ опять-же-таки норовитъ продѣлать что-нибудь неуказанное. Карцеровъ здѣсь семь, и сплошь да и рядомъ полный комплектъ въ нихъ. А два да три заняты это завсегда. Извѣстное дѣло: ежели ты попалъ въ карцеръ, такъ тебѣ потомъ и свиданія не дадутъ праздника два, три; и чай пить тебѣ потомъ не дозволяютъ; а про курево и говорить нечего: кто въ карцерѣ побывалъ, тотъ и не проси. А ежели и карцеръ тебя не исправитъ, такъ тебя помѣстятъ въ секретный номеръ, да ужъ не на шесть дней, а на мѣсяцъ, на два и болѣе, пока ты не высидишься, да просить не станешь.

— Что же это еще за секретный номеръ? — допрашивалъ Ивановъ.—Хуже карцера?

Староста подумалъ, вздохнулъ и потомъ отвѣтилъ.

— Оно, пожалуй, и не хуже, а выходитъ, что не въ примѣръ хуже... Я, сударь мой, ровно два мѣсяца высидѣлъ въ секретномъ. Это самое сидѣнье и выпекло изъ меня такого распрекраснаго человѣка, что даже вотъ старостой меня сдѣлали... Это, вотъ видите ли, комнатка такая, попросторнѣй карцера. И свѣтъ

есть въ ней, и тепло, и сухо, и воздухъ хорошій, потому что парашка въ особомъ чуланчикѣ, съ трубой кверху, и кровать тамъ есть съ тюфякомъ, табуретикъ, чтобы ты присѣсть могъ, столикъ,—все какъ слѣдуетъ. А на повѣрку и выходить, что лучше въ карцерѣ отсидѣть шесть сутокъ, чѣмъ прожить въ этой комнаткѣ мѣсяцъ или два. А почему? Потому что ты въ ней одинъ какъ перстъ. Окно у тебя вверху, рукой не достать, и видишь ты въ него одно небушко, да ночью на немъ двѣ-три звѣздочки. Въ двери ужъ не оконце, какъ здѣсь, а всего небольшая дырочка, какъ глазъ приложить. Ты-то въ нее не увидишь ровно ничего—такъ она устроена, что всегда прикрыта щиткомъ—а корридорный солдатикъ завсегда увидитъ въ нее, что ты дѣлаешь. Ходитъ онъ по корридору, и день съ утра до вечера, и ночь напролетъ словно маятникъ. Надоѣстъ онъ тебѣ до смерти, душу вытянетъ изъ тебя хожденьемъ своимъ, а разговаривать не станетъ съ тобой. Ты тутъ ужъ совсѣмъ одинъ два-то мѣсяца. Сунетъ тебѣ приставникъ обѣдъ или ужинъ—и шабашъ: ни души живой не увидишь ты. Голоса человѣческаго не слыхать тебѣ, кромѣ что приставникъ съ обѣдомъ придетъ, да буркнетъ тебѣ: „на, вотъ, похлебай горяченькаго“. Только и скажетъ, а то обругаетъ тебя въ три погибели, если ты блажной. Настанетъ день Божій и конца ему нѣтъ, точно годъ онъ тянется. Дурь къ тебѣ въ голову разная полѣзетъ отъ тоски да скуки. Передумаешь ты про всю твою жизнь, разберешь ее по косточкамъ—а толку все нѣтъ: скука тебя давитъ, жить тебѣ не хочется, потому что ты дни забылъ, не знаешь ты вовсе, какой день сегодня, и не знаешь, когда мука твоя кончится, когда тебя выпустятъ. Вотъ оно, сударь мой, что значитъ „секретный“. Когда меня выпустили, да привели на отдѣленіе, вотъ въ эту самую камеру—чудно какъ-то стало мнѣ: точно я на волюшкѣ. Право такъ; забылъ, что въ тюрьмѣ я, и такъ радостно стало. Вижу—все живые люди, ходятъ, говорятъ. Вотъ и этотъ самый Андрюшка ярославецъ былъ тогда. Вышколилъ меня этотъ секретный номеръ: ученымъ я сдѣлался и ума-разума на аршинъ прибавилось. Теперь я, сударь ты мой, фьюю!...

Тутъ разсказчикъ протяжно свистнулъ, увлеченный воспоминаніемъ и, какъ бы въ подтвержденіе того, что теперь онъ дѣйствительно умнѣе сталъ, прибавилъ:

— Теперь меня никакая бестія не сманитъ на что ни на есть запрещенное. Знаю я теперь, что чѣмъ пахнетъ. Пущай другой пробуетъ, гдѣ тошно, гдѣ солоно—а я не хочу. Выходился я оченно довольно...

Въ это время въ дверномъ оконцѣ появилось, какъ въ рамкѣ, усатое лицо корридорнаго, а затѣмъ, увлекшійся староста услышалъ вопросъ:

— Кто тутъ свистать вздумалъ? Нешто не знаете, что нельзя такое? Кто свисталъ изъ васъ?

Корридорный непремѣнно донесетъ приставнику о томъ, что въ такой-то камерѣ кто-то засвисталъ. А если онъ этого не сдѣлаетъ, и если до приставника дойдетъ слухъ—а онъ непремѣнно дойдетъ—что свистали, и что корридорный не донесъ по добротѣ своей собственно, такъ за это онъ не въ очередь будетъ стоять сутки на часахъ. Приставникъ ни за что не скроетъ этого обстоятельства отъ смотрителя, потому что слухъ о свистаніи непремѣнно дойдетъ и до смотрителя, помимо приставника. А ужъ со старосты-то смотритель взыщетъ втрое, чѣмъ, напримѣръ, съ писаря или съ ярославца. „Если ты староста,—скажетъ онъ,—такъ ты долженъ собою прочимъ примѣромъ служить. А ты что: свистать? Что ты—въ лѣсъ пришелъ?“—Возьметъ онъ штрафной журналъ, да собственноручно, крупнѣйшими буквами и напишетъ въ немъ: „Крестьянинъ такой-то губерніи и уѣзда, староста перваго частнаго отдѣленія, вмѣсто того, чтобы поведеніемъ своимъ показывать примѣръ отдѣленію въ соблюденіи тишины и порядка, вмѣсто того, чтобы останавливать другихъ отъ поступковъ, запрещенныхъ инструкціею—дозволилъ себѣ свистать въ камерѣ. За такой проступокъ, влекущій взысканіе съ каждаго изъ арестантовъ, а тѣмъ болѣе со старосты отдѣленія—Иванъ Аѳанасьевъ наказывается заключеніемъ въ карцеръ на трое сутокъ“. Непремѣнно распишетъ подлиннѣе и покрупнѣе, подталкиваемый убѣжденіемъ, что староста долженъ быть наказанъ строже, чѣмъ другіе. Староста же, предъ характерною личностью смотрителя, не станетъ оправдываться какой-нибудь грубой ложью; онъ призоветъ всѣхъ святыхъ въ свидѣтели того, что онъ свистнулъ совсѣмъ невзначай, неумышленно, что увлекся разсказомъ, что просто погорячился. Но смотритель не повѣритъ свидѣтелямъ изъ святыхъ: ему подавай свидѣтелей изъ обыкновенныхъ смертныхъ, а таковыхъ на лицо не имѣется, потому что арестанты не свидѣтели. „А ты не увлекайся,—отвѣтитъ смотритель: ты помни, что ты есть староста, что ты считаешься лучшимъ человѣкомъ въ отдѣленіи; и не горячись, такъ какъ тебѣ извѣстно, что въ тюрьмѣ есть такое прохладное мѣсто, которое можетъ прохладить горячность твою“.

Въ настоящемъ случаѣ именно этотъ самый ярославецъ, благодаря своей находчивости, веселому нраву и незлопамят-

ности, онъ-то и помогъ старостѣ вывернуться изъ щек положенія.

— Не ослышались ли вы, господинъ корридорный?—о онъ на вопросы солдата: у насъ какъ будто бы никто стагъ. Мы, вотъ, книжку читаемъ чувствительную и по заплакать готовы, кабы бъ этой книжкѣ хоть бы малост Какъ же тутъ свистать-то! Можетъ, гдѣ подальше, въ др мерѣ.

— Нѣтъ, врешь: не въ другой, а въ этой самой,—в корридорный.—Что ты лясы-то мнѣ точишь. Надо полаг и есть свистунъ.

— Ну, ужъ это, господинъ служивый, вы себѣ лиши на душу берете; я и свистать не умѣю вовсе. А вотъ меня есть такой, со свищемъ. Такъ опять же и онъ не в въ этакомъ грѣхѣ, такъ какъ, собственно, не свищетъ, а шипитъ, какъ гусь лапчатый.

Всѣ въ камерѣ дружно засмѣялись. И у корридорна зашевелились усы отъ трудности удержаться отъ улыбки. славецъ передохнулъ и продолжалъ:

— Оно дѣйствительно, что и мнѣ послышалось, как гдѣ свистнули: подъ воротами, стало быть, дежурнаго го требуютъ туда. Вотъ это такъ вѣрно-съ.

Только-что успѣлъ онъ это высказать, какъ со дво ствительно послышался мелко-дробный звукъ полицейскаго воторымъ вызывается дежурный городовой, находящійся п или гдѣ-нибудь на тюремномъ дворѣ, или въ арестантск мѣщеніяхъ. Ярославецъ даже подпрыгнулъ отъ удовол заговорилъ смѣлѣе и увѣреннѣе:

— Вотъ оно, ушко-то ваше, господинъ честной: оконфузилось.—Второй свистокъ изъ-подъ воротъ дали.— какъ же это такъ, на невиннаго человѣка экую вину м могли?

— Вонъ городовой по двору улепетываетъ,—замѣтил староста, указывая пальцемъ на окно.

— А вѣдь и вправду, не ослышался ли я, — про корридорный, смотря на окно, мимо котораго, придерживая торопливо шагалъ городовой.

— Оно самое и есть: извѣстно ослышались,—резон говорилъ ярославецъ.—Да нешто мы дураки набитые, что свистать!

Въ это время на дворѣ одинъ разъ ударили въ кол

— Одинъ разъ, — замѣтилъ кто-то изъ арестантовъ: — это означаетъ: господа старосты, въ контору пожалуйте.

— Для перваго частнаго за коврижками,—заключилъ ярославецъ.

Староста схватилъ шапку и направился къ двери, которую корридорный самъ же отворилъ, чтобы его выпустить.

— Въ контору требуютъ, повѣрку сличать,—сказалъ староста Иванову и потомъ, проходя мимо ярославца, шепнулъ и ему:— спасибо, что выручилъ. Расквитаемся.

Незлопамятность ярославца и его находчивость, выручившая старосту изъ бѣды, не будетъ забыта: она вознаградится обильнымъ чаепитіемъ съ булками, которое староста устроитъ на счетъ новичка. Теперь старостѣ нечего бояться. Бѣда миновала. Корридорный уже не станетъ доносить приставнику на самого себя, т.-е. что онъ будто ослышался, даже и въ томъ случаѣ, если въ душѣ у него осталось сомнѣніе, что въ камерѣ дѣйствительно свистали, и что, придравшись къ случаю, арестанты провели его. Но староста человѣкъ осторожный, опытный и не утѣшится тѣмъ, что вывернулся изъ неловкаго положенія. Разсчитывая на то, что до приставника можетъ дойти продѣлка ярославца съ довѣрчивымъ простакомъ корридорнымъ, и что изъ этого можетъ возгорѣться новая непріятность, и гораздо большая, потому что вина старосты будетъ уже тройная: онъ свистнулъ, обманулъ корридорнаго самъ и, наконецъ, потворствовалъ ярославцу,—чтобы предупредить все это, онъ сегодня же выберетъ минутку, когда приставникъ будетъ въ хорошемъ настроеніи, и самъ разскажетъ ему обо всемъ подробно. Этимъ онъ и себя совершенно обезпечитъ отъ всякихъ послѣдствій, да, такъ сказать, нѣсколько иллюстрируетъ въ глазахъ приставника и характеръ ловкаго плута-ярославца.

Пока староста находился въ отсутствіи, сожители Иванова снова напали на него съ вопросами, совѣтами и замѣчаніями. Всѣ они уже поняли, что этотъ новичокъ „изъ чистыхъ“, тѣмъ болѣе, что староста принялъ его подъ свое особое покровительство. Именно по этому-то послѣднему обстоятельству, всѣ они теперь будутъ сторониться отъ него, чтобы не набрести на какую-либо непріятность. Совмѣстное жительство, конечно, возьметъ свое. Такъ или иначе, а нужно будетъ привыкать къ новой обстановкѣ жизни и къ новому обществу; это будетъ зависѣть отъ того, насколько онъ будетъ сообщителенъ и говорливъ, насколько усвоитъ понятіе о томъ, что между нимъ, этимъ яро-

славцемъ, и прочими—нѣтъ никакой разницы, что всѣ они совершенно равноправны съ нимъ. Его прямая выгода сойтись поскорѣе съ товарищами, потому что только при этомъ условіи онъ можетъ разсчитывать на ихъ снисходительность къ нему, какъ непривыкшему къ грубымъ работамъ, какъ къ „бѣлоручкѣ". А въ тюрьмѣ есть работы, на которыя нельзя нанять за себя кого-либо изъ товарищей. Пошло, напримѣръ, отдѣленіе на дровяной дворъ, пилить и колоть для себя дрова. Тутъ всѣ заняты, всѣ должны работать, и ему, „чистому", можно будетъ только тогда отдѣлаться отъ непривычной работы, когда онъ будетъ увѣренъ, что въ камерѣ никто не заявитъ претензіи на то, что онъ не работаетъ вмѣстѣ съ камерой. Ему необходимо сойтись со всей камерой, именно для того, чтобы члены ея дѣлали ему кое-какія поблажки и исключенія изъ общаго правила. Приставникъ тотчасъ замѣтилъ его отношенія къ товарищамъ, и если они хороши —тѣмъ лучше! ему не надобно будетъ указывать новичку того, что ему будетъ непріятно. Впрочемъ староста еще не одну лекцію прочтетъ ему по поводу его новыхъ обязанностей.

Когда староста вернется изъ конторы, къ тому времени принесутъ на корридоръ ушатъ кипятку, тотъ самый, въ которомъ приносили обѣдъ. Тѣ камеры, которымъ разрѣшено чаепитіе, возьмутъ хранящіеся у приставника чайники и кружки, самаго разнообразнаго калибра и вида,—и заварятъ чай. Староста, всегда присутствующій при раздачѣ кипятка, обѣда и ужина, конечно первымъ заваритъ свой чайникъ, и будетъ имѣть чай горячѣе, чѣмъ у того, кто его заваритъ послѣднимъ. Это одно изъ преимуществъ старосты, точно такъ же, какъ и относительно обѣда, гдѣ его чашка будетъ содержать супъ, щи или горохъ гуще и жирнѣе. Но для прочихъ существуетъ правило: если сегодня первая камера брала обѣдъ или кипятокъ первою, такъ завтра она будетъ брать его послѣднею, а первою возьметъ вторая камера, и такъ всякое отдѣленіе по порядку. Конечно, кипяткомъ, принесеннымъ изъ кухни въ этомъ ушатѣ, черезъ дворъ—не обожжешься; но и за то спасибо, что его даютъ.

Часовъ въ семь вечера, такимъ же порядкомъ раздается ужинъ, т.-е. щи или горохъ, оставшіеся отъ обѣда и разбавленные кипяткомъ. Ужинъ и обѣдъ, разумѣется, бываетъ артельный: если въ камерѣ человѣкъ двадцать, то они ѣдятъ изъ трехъ или четырехъ деревянныхъ чашъ, называемыхъ баками; а если въ камерѣ пять-шесть человѣкъ, такъ изъ одной чаши. Послѣ ужина дневальные, т.-е. очередные каждой камеры, вымоютъ посуду. За Иванова станетъ править эту обязанность, вѣрно, ярославецъ. Кончился

ужинъ и прибрана посуда—въ камерахъ прочитаютъ или пропоютъ молитву. Читаютъ всегда по утрамъ, а вечеромъ молитва всегда почти поется, и съ явной охотой и удовольствіемъ, хотя и не вездѣ складно. Съ охотой потому, что только разъ въ сутки арестантъ и можетъ отвести душу пѣніемъ.

Потомъ начнется повѣрка: въ отворенную дверь каждой камеры, по очереди, войдетъ офицеръ и городовой; послѣдній считаетъ людей, а первый отмѣчаетъ на четвертушкѣ бумажки,—тоже называемой „повѣрка", гдѣ показано все число содержащихся въ замкѣ въ данную минуту. Этимъ и кончится арестантскій день. Приставникъ принесетъ Иванову сѣрое суконное одѣяло, подушку и подстилку, выбравъ тѣ, которыя еще не очень затасканы; особенно чистыхъ не бываетъ, такъ какъ покровы, подстилки и подушки стираются не часто.

Не съ удовольствіемъ протянется Ивановъ на жесткомъ, непривычномъ ложѣ: не скоро заснетъ онъ на немъ: развѣ за полночь, быть можетъ, подъ утро. Да и не сонъ это будетъ, а кошмаръ; толпой нахлынутъ тяжелыя грёзы, навѣянныя перечувствованнымъ. Въ ранній часъ утра надобно будетъ подняться съ неловкаго, непривычнаго спанья и, быть можетъ, съ головною болью. Умоется онъ надъ вонючимъ ушатомъ, съ тоской вспомнивъ о своемъ домашнемъ комфортѣ. Староста или балагуръ-ярославецъ, приправляя услугу свою кое-какими прибаутками, пожалуй, подастъ ему на руки, быть можетъ, угоститъ и кусочкомъ мыльца, сбереженнымъ отъ бани или просто украденнымъ у приставника или у товарища. Вытереть лицо придется общимъ утиральникомъ— грубымъ, грязноватымъ, царапающимъ—потому что староста вчера предупредилъ его о томъ, что полой пальто надо утираться осмотрительно. Пройдетъ по камерамъ дежурный городовой, опять считая людей. Потомъ, по два и по три человѣка изъ камеры, со старостой и приставникомъ, гуськомъ потянутся къ вахтеру за порціями хлѣба. Они же по пути принесутъ на корридоръ и вчерашній ушатъ съ кипяткомъ. Послѣдуетъ чаепитіе, а затѣмъ настанетъ свободное время до обѣда, который тоже едва ли придется новичку по вкусу. Положимъ, что обѣдъ этотъ стряпалъ поваръ, положимъ, что обѣдъ будетъ полнѣй, гуще ужина, разведеннаго водой, но все-таки онъ куда какъ нероскошенъ: горохъ, супъ или щи, въ которыхъ можно поймать иногда кусочекъ мяса, и не всякій день каша, масляная настолько, что ее нельзя назвать кашею безъ масла. Иногда вареное мясо раздается и по небольшимъ порціямъ на каждаго.

Рядомъ съ 2-мъ частнымъ, находящимся этажемъ выше и ничѣмъ не отличающимся отъ 1-го частнаго, помѣщается больница. Она не имѣетъ вида арестантскаго отдѣленія, т.-е. корридора и постоянно замкнутыхъ камеръ. Это рядъ разной величины комнатъ, съ обыкновенной больничной обстановкой. Двери не заперты, а, напротивъ, обязательно растворены настежъ, днемъ и ночью, съ тою цѣлью, чтобы больничный служитель могъ удобнѣе быть во всякой комнатѣ въ данную минуту, а также и для сохраненія одинаковой температуры въ комнатахъ. Здѣсь гораздо просторнѣе, чѣмъ въ отдѣленіяхъ, свѣтлѣе и вообще чище. Но воздухъ и здѣсь нехорошъ, такъ какъ вентиляція самая плохая, вслѣдствіе устройства зданія и по мѣстности, въ которой она находится. Но здѣсь, по крайней мѣрѣ, кормятъ хорошо; врачъ, завѣдующій больницей, только требуетъ тотъ или иной продуктъ для больного, но покупаетъ и вообще завѣдуетъ отдѣльною кухнею больницы экономъ тюрьмы и его штабъ. Условія жизни арестанта въ больницѣ иныя, чѣмъ на отдѣленіи: и булку съѣстъ онъ здѣсь казенную, и чаю можетъ выпить горячаго, и супъ или щи вкуснѣе и полежать на кровати не запретятъ ему послѣ обѣда, словомъ—онъ здѣсь отдыхаетъ. Мѣра обузданія слишкомъ безпокойныхъ тоже не та, что въ отдѣленіи: тамъ карцеръ, а здѣсь укрощаетъ слабая порція пищи, которую назначаютъ провинившемуся, т.-е. жидкій габеръ-супъ и небольшой кусочекъ булки или хлѣба.

Что пища въ больницѣ гораздо лучше, чѣмъ на отдѣленіяхъ, это можетъ видѣть всякій. Но въ больницѣ есть еще другой родъ довольствія: медикаменты, микстуры и мази, и проч., приготовляемыя въ больничной аптекѣ. Во всемъ этомъ необходимо положиться уже прямо на совѣсть врача, такъ какъ ни администрація тюрьмы, ни экономъ, ни члены тюремнаго комитета, ничего не смыслятъ въ аптечномъ дѣлѣ, и ничего не могутъ сказать, худо такое-то лекарство или хорошо. Какого либо медицинскаго инспектора, контролирующаго тюремную больницу—я въ замѣ еще не видалъ; слѣдовательно надо положить, что врачъ дѣйствуетъ какъ ему заблагоразсудится, и предоставить остальное тюремному комитету и, затѣмъ, контрольной палатѣ. По моимъ наблюденіямъ, за вѣрность которыхъ я, впрочемъ, не стою, а также и по отзывамъ самого врача—около трети больныхъ (взявъ годовой срокъ) страдаютъ грудными болѣзнями. Въ одинъ годъ можно насчитать до дюжины человѣкъ, пришедшихъ въ тюрьму здоровыми и ушедшихъ съ какою-либо грудною болѣзнью, полученною или въ отдѣленіи, или даже въ самой больницѣ. Но уже въ этомъ врачъ не виноватъ и ничѣмъ не можетъ помочь такому

грустному факту. Недостатокъ хорошаго воздуха, которымъ дышетъ лишенный свободы—это общее качество какъ полицейскихъ частей города, такъ и пересыльной тюрьмы, и замка.

Кромѣ находящихся въ больницѣ во все время недуга, въ нее каждый день являются арестанты, только пользующіеся какой-либо микстурой или мазью, или совѣтами врача, но живущихъ на своемъ отдѣленіи. Вотъ въ числѣ этихъ послѣднихъ придетъ завтра въ больницу и Ивановъ съ приставникомъ или его помощникомъ. Для этого ему придется пройти по тюремному двору, въ томъ же пальтишкѣ, въ которомъ безъ фуфайки онъ и въ камерѣ чувствовалъ съ непривычки, что ему больше чѣмъ нежарко. Къ фуфайкѣ своей онъ привыкалъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, а теперь на спинѣ у него только грубая рубаха да суконное пальто съ одной пуговицей, а на дворѣ порядочный морозъ. Заявитъ онъ врачу о своей нуждѣ, но врачъ, найдя его здоровымъ, быть можетъ, даже въ шутливомъ тонѣ, заявитъ ему собственное мнѣніе: привычка носить фуфайку есть привычка дурная, и что отъ всякой дурной привычки отвыкнуть никогда не поздно, а тѣмъ болѣе человѣку молодому.

Сосѣднее съ больницей отдѣленіе называется „подсудимое“. Теперь это названіе не имѣетъ смысла, какъ и оба „частныя“. Здѣсь въ одной изъ камеръ помѣщаются повара и хлѣбопеки тюрьмы. Все это люди разнообразнаго рода проступковъ, дѣла которыхъ уже рѣшены, но рѣшенія почему-либо еще не приводятся въ исполненіе. За трудъ свой они получаютъ настолько небольшую плату, что очень немногіе сберегутъ кое-что къ выходу изъ тюрьмы. Всѣ они допущены къ обязанности своей, съ строгимъ выборомъ, смирные, не слишкомъ испорченной нравственности и безусловно хорошаго поведенія. Часть заработка всѣ они истрачиваютъ здѣсь же, на чай, сахаръ и табакъ. Очень немногіе отказываютъ себѣ въ этой единственной усладѣ неволи, особенно относительно табаку. А трудъ они несутъ немалый, потому что ихъ всего человѣкъ 20, а наварить и напечь надобно ежедневно какъ на содержащихся 600—800 человѣкъ въ замкѣ, такъ и на пересыльную тюрьму, куда пища доставляется часовъ въ десять, а два раза въ недѣлю—и въ шесть часовъ утра. Ложатся спать они вмѣстѣ со всѣми послѣ повѣрки, но поднимаются часа въ три утра—и начинается работа: повара возятся около котловъ, въ дюжину ведеръ каждый, а пекари начинаютъ хожденіе около квашни, въ которой можно утонуть. Желающихъ по-

ступить въ число этихъ рабочихъ и тѣхъ, которые называются „дворниками“—много; всѣ готовы были бы идти въ какую бы то ни было работу, лишь бы избавиться отъ праздности въ отдѣленіи.

Въ одной изъ камеръ этого отдѣленія помѣщены и тѣ, которымъ разрѣшена работа столярная и сапожная. Ихъ семеро и не бываетъ болѣе десяти, за неимѣніемъ помѣщенія. Теперь два столяра и пятеро сапожниковъ. Всѣ они допущены тоже со строгимъ выборомъ, и настолько должны быть извѣстны администраціи тюрьмы, чтобы она могла ручаться, что инструментъ, сапожный или столярный, не попадетъ ни въ одно изъ отдѣленій, не будетъ употребленъ ни на что, кромѣ шитья сапогъ или обдѣлки дерева, что ножъ изъ мастерской не попадетъ въ камеру, гдѣ содержатся каторжные.

Изъ числа этихъ семи человѣкъ, не могу не остановиться на одномъ столярѣ, Епифановѣ. Онъ сдѣлалъ очень хорошій кабинетный столъ, который и оцѣнилъ самъ въ 12 рублей, а на рынкѣ такой столъ стоилъ бы 40—50 рублей. Лѣсъ, клей, лакъ, петли, замки и сукно—на все это имъ употреблено девять рублей, а три рубля онъ пожелалъ получить за работу. Но арестантъ, взявшій такъ дешево, руководствуется слѣдующимъ: инструментъ казенный, хотя и плохой; ни за харчи, ни за квартиру, ни за дрова, ни за одежду съ него не потребуютъ; за работу же, которую ему поручитъ иногда тюремный экономъ, онъ получитъ по расчисленію 8—10 копѣекъ въ день. А потому и оказывается, что онъ получилъ за столъ втрое болѣе, т.-е. по 25 копѣекъ за день. Сапожникъ, починяющій казенную арестантскую обувь, получаетъ и того менѣе: онъ зарабатываетъ отъ экономa каждый день не болѣе 4—6 копѣекъ. Немного болѣе получитъ и поваръ съ пекаремъ, работающіе въ потѣ лица съ трехъ часовъ утра, а также и портной, шьющій арестантскую одежду.

Столяръ Епифановъ—личность настолько симпатичная, что просто не вѣрится, какъ онъ могъ въ чемъ-либо провиниться; но нашъ фельдфебель, старый тюремный стражъ, видитъ Епифанова въ замкѣ, въ теченіе пяти послѣднихъ лѣтъ, чуть-ли не пятый разъ. При мнѣ онъ поступаетъ уже второй разъ. А это самый скромный, уступчивый, самый безхитростный человѣкъ въ тюрьмѣ. Который именно разъ онъ сидитъ въ замкѣ, онъ откровенно, съ самой добродушной, вовсе не нахальной улыбкой, признается, что онъ „сбился со счету“. Разгадка же этого обстоятельства слѣдующая и, мнѣ кажется, совершенно естественная для слабо-

характернаго человѣка, котораго въ данную минуту некому поддержать.

Когда, высидѣвъ срокъ, онъ былъ выпущенъ на свободу въ послѣдній разъ, то получилъ заработанныхъ денегъ что-то за шестьдесятъ рублей. Для мастера своего дѣла, съ такою суммой легко можно бы начать правильную трудовую жизнь, не боясь, что до пріисканія работы не на что будетъ поѣсть и нечѣмъ заплатить за ночлегъ. Но онъ иначе распорядился, и со своей свободой, и со своими трудовыми деньгами. Просидѣвъ въ заключеніи около года, онъ почувствовалъ потребность „размаяться и отвести душеньку". И отвелъ: четыре дня пьянствовалъ безъ просыпу, а на пятый, уже не имѣя въ карманѣ ни гроша денегъ—большею частью растерянныхъ,—но чувствуя потребность новой выпивки, онъ забрался на чей-то чердакъ, сломалъ тамъ замокъ, сталъ собирать висѣвшее бѣлье и попался въ руки дворниковъ. На шестой день по выходѣ изъ тюрьмы, его снова привели въ нее, какъ пойманнаго на кражѣ со взломомъ. Не сразу можно было въ приведенномъ оборванцѣ узнать столяра—такъ усердно, должно быть, онъ отводилъ душу, такъ безпощадно избили его дворники. Съ недѣлю онъ пролежалъ въ тюремной больницѣ, а затѣмъ снова принялся за столярную работу. Теперь ему грозитъ болѣе строгое взысканіе: придется годъ или два отбыть въ арестантскихъ ротахъ, такъ какъ онъ попался въ кражѣ уже не въ первый разъ, да еще со взломомъ. Въ настоящее время здѣсь два подобныхъ субъекта, отвыкшихъ отъ жизни на свободѣ и считающихъ тюрьму за свою „гостинницу": Епифановъ и Викулъ Савельичъ, содержащійся по извѣстному дѣлу объ убійствѣ приказчика покойнаго Громова, жившаго въ Петергофѣ.

Въ одной изъ камеръ этого же отдѣленія находятся называемые „тюремными прачками", а иногда „малолѣтками". Это восемнадцать человѣкъ мальчишекъ 16, 17 и 18-ти лѣтъ. Многіе изъ нихъ уже рецидивисты, попавшіе въ тюрьму второй разъ; есть изъ нихъ человѣкъ шесть за преступленія болѣе серьезныя, чѣмъ простая кража. Они—жертвы прежняго размѣщенія содержащихся, прямо по роду преступленій и безъ различія возраста. 16-лѣтній карманный воришка, втянутый въ серьезное преступленіе какимъ-нибудь неисправимымъ негодяемъ, помѣщался въ томъ же отдѣленіи, гдѣ его сообщникъ, а черезъ годъ дѣлался и самъ готовымъ на все. Многіе изъ нихъ этимъ путемъ дошли до каторги, хотя, при иныхъ условіяхъ содержанія, могли бы быть возвращены на путь

честнаго труда. Теперь они всѣ собраны въ этой камерѣ, самой безпокойной изъ цѣлой тюрьмы. Утрата свободы не убила въ нихъ беззаботности и веселости юности. Приставникъ то-и-дѣло появляется въ этой камерѣ, чтобы унять начавшуюся возню и хохотъ. Иногда онъ занятъ чѣмъ-либо, или отсутствуетъ, и на минуту опаздываетъ; тогда, сплошь и рядомъ, возня переходитъ въ ссору, а затѣмъ въ потасовку. Двоихъ и троихъ, съ разбитымъ глазомъ, съ расцарапанной щекой или лбомъ, ведутъ въ контору на разбирательство. Весьма рѣдко, во время такихъ разборовъ, появляются слезы, какъ доказательство еще не вовсе погибшей нравственности; чаще, каждый изъ нихъ, стараясь оправдать себя, отчаянно вретъ, безъ малѣйшаго смысла, но не запнется; до истины добраться невозможно, потому что свидѣтели изъ камеры тоже станутъ врать, отстаивая одинъ того, другой другого. Разбирательства эти почти всегда кончаются помѣщеніемъ въ карцеръ всѣхъ троихъ.

Чтобы занять чѣмъ-нибудь мальчишекъ, придумали произвесть ихъ въ прачки, т.-е. дать имъ работу, которая до сихъ поръ исполнялась взрослыми, и съ большой охотой, такъ какъ она оплачивается жалованьемъ. Съ помощью дрянной машины дѣло идетъ какъ слѣдуетъ, потому что работники народъ смышленый. Но юность и тутъ заявляетъ о своихъ правахъ: несмотря на присутствіе приставника или его помощника, то-и-дѣло какой-нибудь Ванька непремѣнно изловитъ минутку, чтобы плеснуть въ лицо Мишкѣ пригоршни мыльной воды; Мишкѣ не хочется остаться въ долгу: въ отместку за такое невѣжество, онъ или вцѣпится Ванькѣ въ волосы, или примется хлестать его связкой мокраго бѣлья; конечно, обоихъ потянутъ въ контору, а оттуда въ карцеръ.

Цѣль соединенія ихъ въ одной камерѣ все-таки достигнута: арестанты другихъ отдѣленій уже не вліяютъ на этихъ начинающихъ преступниковъ. Отъ работъ въ прачешной остается свободное время, въ которое предполагается занять ихъ обученіемъ грамотѣ. Это еще въ проектѣ, а пока, по предложенію тюремнаго діакона, съ цѣлью возвращенія этихъ юношей на путь добра, онъ занимаетъ ихъ душеспасительными бесѣдами; но дѣло идетъ плохо. Сперва слушатели сидятъ на своихъ нарахъ смирно, какъ подобаетъ въ присутствіи духовнаго лица, и внимательно слушаютъ. Но, вотъ, одному почему-то сдѣлалось смѣшно. Оказывается, что сосѣдъ состроилъ смѣшную рожу, или шепнулъ что-нибудь совсѣмъ неподходящее къ рѣчи діакона. Сперва смѣшливая натура крѣпится, отворачивается, но такъ какъ неугомон-

ный сосѣдъ продолжаетъ свои мимическія упражненія—за это ему слѣдуетъ дать тычка, такъ, чтобы не замѣтилъ діаконъ; получивъ слѣдуемое, сосѣдъ старается отплатить тѣмъ же, а если можно, такъ вдвое. Тычками размѣнялись честно, но діаконъ замѣтилъ, и бесѣда прерывается. Сперва діаконъ усовѣщеваетъ виноватыхъ и мало-по-малу изъ проповѣдника дѣлается мировымъ судьей: разбираетъ, кто правъ, кто виноватъ, кто началъ. Кончается тѣмъ, что прервавшихъ бесѣду потащатъ въ контору, гдѣ послѣдуетъ новое, болѣе краткое, разбирательство и обыкновенный приговоръ: виноваты оба, а потому обоихъ слѣдуетъ посадить въ карцеръ.

Вообще это самая безпокойная камера; приставникъ говоритъ, что готовъ взять на себя управленіе двумя отдѣленіями, лишь бы только избавили его отъ хлопотъ съ этими „чертенятами“.

Тотчасъ за этимъ отдѣленіемъ слѣдуетъ большая, свѣтлая комната, такъ-называемая „столовая“, потому что въ былое время арестанты нѣсколькихъ отдѣленій имѣли здѣсь общій столъ; но такое скопленіе въ одномъ мѣстѣ массы арестантовъ скоро нашло неудобнымъ даже и прежнее патріархальное управленіе тюрьмой. Теперь это помѣщеніе называется швальней и занято ею. Рѣшенные, срочные, пользующіеся репутаціей смирныхъ, усердно работаютъ здѣсь иглой. Здѣсь шьется арестантское платье и бѣлье, но бываетъ и работа со стороны. Многіе изъ спеціалистовъ дѣла зарабатываютъ хорошія деньги, уже не говоря о томъ, что они избавлены отъ сокрушающей праздности и скуки въ отдѣленіи. Всѣ работаютъ охотно; даже и не-портные съ удовольствіемъ идутъ въ швальню и учатся владѣть иглой, на подходящей работѣ, за что получаютъ и ничтожную плату, конечно: копѣйки 3—4 въ день, пока не выучится. Къ сожалѣнію, пустить въ швальню можно только развѣ десятую долю всего тюремнаго населенія...

В. К—невъ.

НА МОТИВЪ

ИЗЪ СЫРОКОМЛИ.

Оглянусь ли кругомъ—какъ во мракѣ ночномъ
Ни откуда не вижу просвѣта,
Пѣсню ль я запою—я за пѣсню свою
Отъ людей не услышу привѣта.

Не понять имъ огня, что сжигаетъ меня,
Ни стремленій моихъ, ни печали,
И все то, чѣмъ живу—пылкимъ „сномъ на яву“
Безъ сомнѣнія бъ люди назвали.

Каждый смѣлый порывъ, каждый честный призывъ
Изумленной встрѣчали улыбкой,
И пытаться найти къ сердцу братьевъ пути—
Вижу, горькою было ошибкой.

Замыкаясь въ себя, никого не любя,
Я мечталъ о покоѣ нирваны,
Иль съ безумной тоской, самъ, своею рукой
Растравлялъ незажившія раны...

Я боролся съ собой, я боролся съ судьбой,
Но въ душѣ искра Божія тлѣла,
Загасить не могла безпросвѣтная мгла
Эту искру, что ярко горѣла.

И язвя, и кляня, осуждая, меня
Пусть толпа забросаетъ камнями—
Я счастливѣе ихъ—безучастныхъ, слѣпыхъ,
Поглощенныхъ своими страстями.

Вѣдь они, какъ рабы, упоенья борьбы
Не поймутъ, не упьются мечтами,
Не извѣдаютъ грозъ, и восторговъ, и грёзъ,
Не заплачутъ моими слезами!

В. Н.

СЕМЕНЪ-СИРОТА

и

ЕГО ЖЕНА.

Деревенская быль.

I.

Въ селѣ Куяновкѣ, харьковской губерніи, жилъ бѣдный парень-сирота, по имени Семенъ. Въ 1872 году, отецъ и мать его умерли отъ холеры, и Семенъ, восьми лѣтъ отъ роду, остался сиротою и сталъ жить по чужимъ людямъ. Ни земли, ни хаты у Семена не было: отецъ его былъ Николаевскій солдатъ и надѣла не получилъ, а самъ Семенъ въ ревизію не попалъ.

Такъ жилъ Семенъ по чужимъ угламъ до 20 лѣтъ. И прискучила ему такая жизнь, захотѣлось жениться и зажить своимъ домомъ. Жилъ онъ въ это время въ работникахъ у богатаго мужика.

Рядомъ съ нимъ жила вдова старуха съ своей дочкой Катериной. Жили онѣ бѣдно, дѣтей у старухи больше не было, хозяйничать было некому, а работника нанять по бѣдности онѣ не могли.

Понравилась Семену Катерина, и сталъ онъ уговаривать ее выйти за него замужъ.

— Лѣта твои такія, что тебѣ пора выходить замужъ,—говорилъ онъ ей.—Богатый тебя не возьметъ, потому что ты бѣдная, а выйти замужъ надо. Выходи за меня. У васъ есть земля, хо-

зяйство, да некому работать; а я и хотѣлъ бы работать, да нѣтъ у меня ни земли, ни хозяйства. Поженились бы мы съ тобой, да и стали бы работать вмѣстѣ; жили бы хорошо и тихо.

Катерина слушала Семеновы рѣчи, но ничего окончательно ему не говорила. А Семену она все больше и больше нравилась. Замѣтила это мать Катерины и обрадовалась, что находится дочкѣ ея женихъ, а въ дому работникъ. И стала она уговаривать Катерину выйти замужъ за Семена, чтобы принять его къ себѣ „въ пріймы".

Да не по сердцу былъ Семенъ Катеринѣ.

Былъ онъ парень невидный, низенькій, рябой, съ маленькими быстрыми сѣрыми глазами. Да и то не нравилось ей, что Семенъ любилъ иной разъ похвастать и пофарсить, особенно какъ подгуляетъ на праздникахъ, и знала она, что частенько прокучивалъ онъ весь свой заработокъ. Подумала, подумала Катерина, да дѣлать было нечего. Рѣшилась послушаться матери и принять Семена къ себѣ въ мужья.

Свадьбу они сыграли въ Катерининой хатѣ. Посаженною матерью была мать Катерины, а въ отцы Семенъ попросилъ своего хозяина. Хозяинъ согласился и даже такъ раздобрился, что справилъ Семену въ подарокъ новую поддевку и сапоги.

Поженились молодые—и стали вмѣстѣ жить.

Семенъ очень любилъ свою жену, души, какъ говорится, въ ней не чаялъ; а ей онъ все нелюбъ былъ. Подойдетъ бывало къ ней Семенъ, хочетъ приласкать, а она отвернется отъ него. Обидно стало Семену, и закипѣло у него сердце на жену. Сталъ онъ ревновать ее, не позволялъ разговаривать съ чужими, а разъ даже и побилъ за это.

Еще больше не взлюбила его Катерина.

„Что-жъ онъ срамитъ меня понапрасну? Думаетъ—боюсь я его! такъ вотъ стану же я и въ самомъ дѣлѣ обманывать, пускай уже тогда за дѣло бранится".

Умерла тутъ мать у нея, и некому стало отговаривать ее отъ дурныхъ мыслей.

Противъ Семеновой хаты, черезъ выгонъ, была экономія богатаго купца Петрищенка. Въ экономіи жилъ управляющій, его помощники и разные служащіе; народъ все холостой, веселый. Гулящихъ женщинъ тамъ очень любили. А если попадала въ услуженіе къ нимъ и честная, хорошая, то и ее старались заманить и соблазнить. А Катерина была красавица, высокая, проворная, съ темными бровями и голубыми глазами. Заглядывались на нее всѣ служащіе въ экономіи. Замѣтила это Катерина, и

стала бѣгать въ экономію и за дѣломъ, и безъ дѣла: то къ кухаркѣ, то къ ключницѣ управляющаго. Увидѣлъ ее и самъ управляющій, присмотрѣлся хорошенько, крякнулъ, что-то сказалъ про себя, да на другой день и велѣлъ позвать ее полы мыть у себя на квартирѣ.

Пришла Катерина, стала полы мыть, а управляющій подошелъ къ ней, потрепалъ ладонью по плечу и сказалъ:

— Такъ тебя Катериной зовутъ?

— Катериною.

— И мужъ у тебя есть?

— Есть, да паршивый,—бойко сказала Катерина и лукаво взглянула на управляющаго:

— А вамъ зачѣмъ это знать?

Управляющій подступилъ ближе къ ней, обнялъ ее и сказалъ:

— Жаль мнѣ такихъ молодицъ, у которыхъ мужья паршивые. Вотъ что, Катерина, ты бы почаще ко мнѣ ходила. Ты водку пьешь?

— Не пью, коли не подносятъ.

Подошелъ управляющій къ шкафу, досталъ оттуда водку, налилъ ей рюмку, потомъ еще, да еще. Тутъ онъ опять потрепалъ ее по плечу и сказалъ ласково:

— А если будешь любить меня—и не то еще тебѣ будетъ: — засыплю деньгами.

Поняла Катерина, что̀ говорилъ ей управляющій, и стыдно ей стало слушать такія рѣчи. Но вспомнила она жизнь свою съ постылымъ мужемъ, какъ онъ билъ ее, и рѣшилась отбросить всякій стыдъ. А тутъ еще отъ водки въ головѣ шумитъ, на сердцѣ весело, ничего не страшно, и море по колѣна...

Съ тѣхъ поръ начала Катерина чаще прежняго ходить на экономію. Замѣтилъ это Семенъ и сталъ за нею подсматривать. Увидѣлъ онъ у нея новый шерстяной платокъ, увидѣлъ новые черевики [1]), и началъ догадываться, что дѣло тутъ не ладно. Потомъ видитъ — приноситъ Катерина тонкое вышитое полотенце, панскую скатерть, серебряную ложечку и прячетъ все въ сундукъ. Семенъ и радъ прибыли, да и страхъ его беретъ, думаетъ: „за что̀ это ей дарятъ? не панъ ли тутъ примѣшался?“ И сталъ Семенъ упрекать Катерину, что она его обманываетъ. Разъ ужъ очень за сердце взяло,—не утерпѣлъ, да и побилъ ее, чтобы не бѣгала на экономію. А потомъ и пожалѣлъ. „А что какъ я напрасно билъ ее?— думаетъ Семенъ.—Можетъ, она и правду гово-

[1]) *Черевики*—лѣтняя обувь малорусскихъ женщинъ, башмаки.

ритъ, что управляющій даритъ за то, что она хорошо полы моетъ, чисто стираетъ и гладитъ. А то и такъ могла взять: хозяйки нѣтъ, присмотрѣть въ домѣ некому, ну и беретъ, что захочетъ".

Утѣшаетъ себя такъ Семенъ, и стыдно ему станетъ, что онъ женѣ не вѣритъ, и сдѣлается ему Катерина снова люба, цѣлуетъ онъ ее, ласкается къ ней. Потомъ вдругъ покажется ему, что Катерина совсѣмъ его не любитъ, что притворяется только передъ нимъ, а сама только и думаетъ, какъ бы скорѣе убѣжать. А тутъ и сосѣди начали про Катерину худо говорить, и чуть не въ глаза смѣются. Стыдно стало Семену даже на улицу выйти: такъ и кажется, что всѣ на него смотрятъ и пальцами показываютъ. Началъ Семенъ еще больше Катерину бранить и часто бивать сталъ. И пошло у нихъ житье все хуже да хуже.

Разъ, въ воскресенье вечеромъ, Катерина побѣжала на экономію за молокомъ. Она часто приносила домой молоко и всегда говорила мужу, что это даетъ ей коровница тихонько отъ управляющаго... Ждалъ, ждалъ Семенъ—нѣтъ Катерины. Побѣжалъ онъ къ управляющему на кухню, спрашиваетъ, не была ли тутъ Катерина. Кухарка и коровница переглянулись, засмѣялись и говорятъ: „была тутъ твоя Катерина, да нѣтъ ея; видно, домой ушла"... Разъ пять ходилъ Семенъ на экономію и въ окна къ управляющему заглядывалъ, да занавѣшены окна, не видать ничего...

Пришелъ Семенъ домой, легъ одѣтый на постель. Тяжело на душѣ у него и не спится ему. Только послѣ полуночи вернулась Катерина. Зажгла она огонь, видитъ—лежитъ Семенъ, не спитъ, заложивъ руки подъ затылокъ, и смотритъ на нее. Потомъ всталъ, волоса всклокочены, глаза кровью налиты. Уставился онъ на Катерину и дрожащимъ отъ гнѣва голосомъ заговорилъ:

— Такъ-то ты за молокомъ ходишь! Или тебѣ тамъ и по праздникамъ, и по ночамъ работа есть! Потаскуха ты! вотъ что!

Схватилъ онъ обрывокъ веревки и началъ имъ стегать Катерину изо всѣхъ силъ. Сначала она хотѣла обороняться и ухватилась-было за веревку. Разсвирѣпѣлъ Семенъ еще больше: бросилъ веревку и кинулся на Катерину съ кулаками, сшибъ ее съ ногъ, билъ ее ногами и таскалъ за волоса.

— Вонъ отсюда! Хату ты мою опоганила! Вонъ!

— Врешь, не твоя хата, а моя, батьковская. Самъ ты поганый, паршивый!

— Вонъ, потаскуха, вонъ съ глазъ моихъ!

И Семенъ вытолкалъ Катерину на дворъ.

— Караулъ! разбой!—кричала она на всю деревню.

На крикъ сбѣжались сосѣди. Катерина ревѣла и ругала Семена.

— Не видать тебѣ больше меня, какъ ушей своихъ. И безъ тебя проживу, подлецъ ты этакой, разбойникъ!

А сосѣди подсмѣиваются:

— По дѣломъ тебѣ, батькова дочка: связалась съ паномъ, такъ и мужа не надо!

Катерина ушла изъ дому и поступила къ управляющему не то въ кухарки, не то въ горничныя. Черезъ недѣлю она пришла домой, пошарила въ сундукѣ, собрала кой-какія вещи свои, заперла сундукъ и собралась уходить, не говоря ни слова мужу. Семенъ все время смотрѣлъ на то, что дѣлала Катерина, и тоже ничего не говорилъ; но, когда Катерина собралась уходить, онъ поднялся съ лавки и сказалъ:

— Ты куда это? Давай сюда ключъ!—И онъ отнялъ у нея ключъ и вещи ея.

Ему хотѣлось и побить ее, и приласкать.

Бросилъ онъ ключъ и вещи на землю и началъ ее уговаривать со слезами на глазахъ:

— Чего тебѣ надо, Катерина, скажи ты мнѣ, ради Бога? Ѣсть тебѣ дома нечего или пить? или я тебя обижаю, или я тебя?.. Эхъ, Катерина, не дѣлала бы ты такъ, я бы тебя вотъ какъ любилъ! Ты думаешь, онъ тебя вѣкъ хлѣбомъ кормить будетъ? Придетъ время—вспомнишь и объ мужѣ, да поздно будетъ. А что я тебя билъ, обижалъ, такъ вѣдь не камень я, а человѣкъ... Брось ты все это! Эхъ, Катерина, Катерина, или ты Бога забыла?!

Семенъ чуть не плакалъ, а Катерина молча и насмѣшливо слушала мужа. Увидала она у Семена на глазахъ слезы, схватила вещи и выбѣжала скорѣе изъ хаты.

II.

Прошелъ мѣсяцъ. Катеринѣ хотѣлось развязаться съ мужемъ. Она спрашивала совѣта у знакомыхъ. Ей сказали, что это можетъ сдѣлать волостной судъ. Она заявила старшинѣ, и онъ вызвалъ на первое число Семена. Чувствовало сердце Семена, что недоброе затѣяла Катерина, и пошелъ онъ въ судъ, повѣся голову.

Въ судѣ, на длинной скамьѣ, сидѣли трое судей. Одинъ былъ старичокъ, другіе два помоложе. А передъ ними стояла Катерина.

— Ну, что скажешь?—спросилъ ее одинъ судья.

— Я до вашей милости, господа судьи,—заговорила быстро Катерина. — Не хочу я жить съ мужемъ; пусть онъ дастъ мнѣ такую бумагу, чтобы мнѣ можно было жить отдѣльно, и чтобы онъ до меня не касался.

— Вотъ чего захотѣла! Какъ же это такъ?

— Да такъ: не хочу я съ нимъ жить; лучше смерть, чѣмъ жизнь такая.

— Что же, онъ бьетъ тебя, что ли?

— А то какъ же не бьетъ. Нѣтъ того дня, чтобы онъ меня не отполосовалъ. Чѣмъ попало бьетъ. Возжи давалъ:—„на, говоритъ, повѣсься, тебѣ туда и дорога“. Какъ же мнѣ съ нимъ жить!

Семенъ смирно стоялъ тутъ же; онъ все собирался что-то сказать судьямъ, откашливался, вздыхалъ и, наконецъ, не вытерпѣлъ и заговорилъ:

— Какъ же я тебя бью? Когда это было, чтобы я тебя вѣшаться посылалъ? Не вѣрьте ей, господа судьи: она неправду говоритъ. Она сама убѣжала отъ меня на экономію и съ паномъ тамъ связалась.

— Вотъ оно что! Оттого-то ты и съ мужемъ жить не хочешь, что другого себѣ нашла!—сказалъ старикъ-судья.

Спросили человѣкъ двухъ свидѣтелей изъ сосѣдей. Они сказали, что Семенъ, точно, иной разъ билъ жену, но что она сама тому виной, потому что связалась съ паномъ и дома не живетъ.

— Какъ же это такъ, молодица, ты подумай хорошенько, вѣдь это нехорошо, надо жить вмѣстѣ съ мужемъ, — сказалъ другой судья.

— Нѣтъ, я не согласна, не буду я съ нимъ жить; пусть дастъ мнѣ такую бумагу, чтобы не касался до меня.

На Семена жалко было и глядѣть. Онъ съёжился и жалобно посматривалъ своими маленькими, быстрыми глазами то на судей, то на жену.

— Ну, а ты, Семенъ, что скажешь? согласенъ ты отпустить ее?

Семенъ совсѣмъ готовъ былъ заплакать и насилу отвѣтилъ сквозь слезы:

— Мнѣ что! Пусть дастъ мнѣ отступные пятьсотъ рублей да бумагу такую, чтобы я могъ въ другой разъ жениться,—тогда пусть идетъ!..

Жалобно проговорилъ это Семенъ и махнулъ рукой. Слезы покатились у него изъ глазъ: видно, не нужно было ему ни пятисотъ рублей, ни бумаги, лишь бы Катерина осталась при немъ.

Судьи поговорили между собою и начали уговаривать Катерину.

— Не бросай мужа; сама будешь послѣ жалѣть. Пока молода, тебя вездѣ примутъ, а постарѣешь—никто тебя хлѣбомъ кормить не станетъ.

Катерина не соглашалась.

— Не хочу я съ нимъ жить, а коли приневолите, такъ хуже будетъ, вотъ что я вамъ скажу: либо я ему что сдѣлаю, либо на себя руки наложу. Вотъ что!

— Ого!—сказалъ судья помоложе. — Нѣтъ, насъ не испугаешь. А ну, иди-ка сюда да посиди въ холодной. Посмотримъ, что ты надъ собой сдѣлаешь. Ступай-ка, ступай!

Катерина упиралась, но ее насильно втолкнули въ холодную, а судьи стали разбирать другія дѣла.

Минутъ черезъ пять изъ холодной постучали въ дверь.

— Что тамъ?

— Это я,—отозвалась Катерина.

— Что скажешь?

— Выпустите меня; я пойду къ мужу; я согласна съ нимъ жить.

— Ага, такъ бы давно. Посиди-ка еще: теперь намъ некогда. А ты пока подумай-ка еще.

Прошло часа два, пока судьи разобрали всѣ дѣла. Катерина разъ пять стучалась, просила выпустить ее и клялась, что будетъ жить съ мужемъ. Когда весь народъ разошелся по домамъ, выпустили и ее.

— Ну, что скажешь? Передумала?—спросили судьи.

— Я буду съ нимъ жить, господа судьи,—сказала Катерина, — я согласна.

Семенъ смотрѣлъ то на жену, то на судей, и отъ радости не вѣрилъ своимъ ушамъ.

— Она вретъ, господа судьи; она, вѣрно, обманываетъ.

— Ты, смотри, правду говори: будешь ты жить съ мужемъ, будешь слушаться его?

— Буду, господа судьи.

— Ну, вотъ и хорошо,—сказалъ старичокъ-судья: — живите мирно да тихо, а если что и не такъ, то не фордыбачить надо, а терпѣть. Ну, а теперь поцѣлуйтесь да идите съ Богомъ.

Семенъ подошелъ было къ женѣ и хотѣлъ поцѣловать ее, да та заартачилась и отвернулась.

— Не хочу, не надо!—говоритъ.

— Какъ „не хочу“? Цѣловались же прежде; ну, и теперь поцѣлуйтесь! — уговаривали ее судьи.

— Мнѣ стыдно, господа судьи, — отвѣтила Катерина, закрываясь рукавомъ. И какъ ни уговаривали ее поцѣловаться, она не захотѣла.

Стали по домамъ расходиться. Вышла Катерина вмѣстѣ съ мужемъ и сосѣдями, но дорогой увильнула отъ нихъ, осталась позади и пошла задворками, да не домой, а прямо на экономію.

III.

Видитъ Семенъ — никакимъ судомъ не вернуть ему Катерины. Затосковалъ онъ хуже прежняго. Сядетъ одинъ за столъ — не ѣстся, не пьется ему. Похудѣлъ онъ весь и въ лицѣ осунулся. Выйдетъ на улицу, увидитъ Катерину веселую, нарядную, и еще тяжелѣе на душѣ станетъ. А Катерина нарочно старается встрѣтить мужа да посмѣяться надъ нимъ. Хуже ножа остраго для Семена былъ этотъ смѣхъ. Хотѣлось ему тогда побить и ее, и управляющаго, да совѣсть не позволяла, Бога вспоминалъ.

Прошла осень, прошла зима. Семенъ все тоскуетъ и по ночамъ не спитъ; а утромъ встанетъ, на ногахъ шатается, голова болитъ, въ ушахъ звенитъ. На работу ходитъ нехотя, хозяйство запустилъ совсѣмъ. Сядетъ гдѣ-нибудь въ хатѣ, уставится глазами въ одно мѣсто, ничего не видитъ, ничего не слышитъ, точно мертвый!

Задумалъ разъ Семенъ пойти въ праздникъ въ церковь. Всталъ, умылся, надѣлъ новую поддевку, подвязался краснымъ кушакомъ, надѣлъ картузъ и вышелъ за ворота. „Дай, думаетъ, подожду, рано еще, никто не идетъ“. Стоитъ онъ и смотритъ кругомъ. „Вишь, всѣ хаты топятся; у каждаго варится борщъ, каша молочная. Придутъ люди изъ церкви, обѣдать станутъ съ семейными; а я что?“..

Посмотрѣлъ Семенъ на свою хату: стоитъ она, покривившись, цѣлый мѣсяцъ нетопленная; труба торчитъ облупанная; стѣны покоробились, необмазанныя, а окна тряпками заткнуты. Взглянулъ Семенъ на пустой свой дворъ — видитъ, копаются въ навозѣ двѣ курицы его и пѣтухъ. „Было бы и мнѣ чѣмъ разговѣться,— подумалъ онъ, да стоговить некому“.—И Семенъ посмотрѣлъ черезъ выгонъ на экономію.

Тамъ надъ кухней тоже показался дымокъ.

„Ишь ты, и тамъ начинаютъ обѣдъ готовить. Теперь у нихъ

вмѣсто кухарки поваръ, хорошее все готовитъ... Никогда не ѣдалъ я ихнихъ кушаньевъ. А вотъ Катерина ѣстъ; она, небось, и весь постъ жрала скоромное. Хорошее ей житье; живетъ и горя не видитъ. Для чего ей жить съ мужемъ? чего она не видала дома? куска хлѣба да борща постнаго? То ли дѣло у управляющаго: получаетъ онъ по триста рублей въ мѣсяцъ, да еще такъ, небось, захватитъ себѣ".

Подумалъ это Семенъ и опять посмотрѣлъ на свою хату, на разбитое окно, покачалъ головой и тяжело вздохнулъ.

— Эхъ ты, житье наше горькое!—сказалъ онъ и махнулъ рукой.

И повѣсилъ Семенъ голову, стоитъ задумавшись, и въ церковь ему уже не хочется, и плакать не можетъ. Утромъ, какъ собирался онъ въ церковь, ему, какъ будто, и хорошо было на душѣ. Послѣ обѣдни хотѣлъ пойти къ своей крестной, пообѣдать тамъ, потолковать кой о чемъ. А какъ вышелъ за ворота, глянулъ на экономію, вспомнилъ свое житье, вспомнилъ Катерину и управляющаго, такъ опять поднялась въ немъ злоба. Лицо его потемнѣло, осунулось, а сердце такъ и щемитъ въ груди. „Зачѣмъ я на свѣтъ родился?—думаетъ:—лучше бы помереть мнѣ, пропасть бы куда-нибудь, чтобы и слѣда отъ меня не осталось".

Идетъ сосѣдъ мимо Семена въ церковь, въ новой свиткѣ, въ большой барашковой шапкѣ, съ палкою въ рукахъ. Поровнялся съ Семеномъ, снялъ шапку и говоритъ:

— Здоровъ будь, Семенъ! И ты идешь? Пойдемъ вмѣстѣ, веселѣе будетъ.

— Я еще не собрался,—отвѣтилъ Семенъ.

Сосѣдъ прошелъ, а Семенъ постоялъ немного и поплелся въ хату, самъ не зная зачѣмъ. Отворилъ дверь, постоялъ на порогѣ, подошелъ къ столу, сѣлъ на лавку, опустилъ голову и задумался. Долго сидѣлъ онъ такъ... Слышитъ, подъ окнами народъ разговариваетъ; поднялъ онъ голову—видитъ, сосѣди, ужъ изъ церкви домой идутъ. „Теперь сядутъ люди обѣдать съ семейными, разговоры пойдутъ, радость... а у меня что?".. И еще тяжелѣе стало ему. „Не пойду къ крестной. Никуда не пойду!"—подумалъ Семенъ и легъ на лавку.

Долго поджидала крестная мать Семена къ обѣду. Старикъ ея проголодался, ворчалъ и просилъ обѣдать, а Семенъ все не приходитъ. Стала старуха собирать на столъ, а дочь свою Марью послала за Семеномъ. Вошла Марья къ нему въ хату. Семенъ по-прежнему лежалъ на лавкѣ.

— Здравствуй, Семенъ! Иди скорѣй обѣдать, матушка ждетъ!— сказала Марья.

Семенъ не двинулся съ мѣста и молчалъ. Какъ ни просила его Марья, онъ не хотѣлъ идти.

— Обѣдайте сами, я не пойду.—И онъ отвернулся лицомъ къ стѣнѣ.

Марья постояла въ хатѣ, видитъ, что Семену не по себѣ, и пошла домой. Послѣ обѣда пришла сама старуха и принесла Семену борщу въ кувшинѣ, каши молочной и пироговъ съ творогомъ и сметаной. Семенъ ничего не сталъ ѣсть; старуха подумала, что онъ при ней не хочетъ ѣсть, оставила обѣдъ, а сама ушла.

Только передъ вечеромъ всталъ Семенъ; хлебнулъ борщу, бросилъ ложку, надѣлъ картузъ и пошелъ въ кабакъ.

IV.

Съ этихъ поръ и зачастилъ Семенъ въ кабакъ ходить; выпьетъ хорошенько, возьметъ гармонику, ходитъ по улицѣ, играетъ и пѣсни поетъ во все горло, не хуже любого парня холостого.

Разъ идетъ Семенъ по улицѣ изъ кабака пьяный, съ гармоникой въ рукахъ, и видитъ—ѣдетъ на встрѣчу ему управляющій на бричкѣ съ кучеромъ.

Семенъ остановилъ его.

— Баринъ, а баринъ! я до вашей милости.

Управляющій остановился.

— Что надо?

Семенъ, не спѣша, смѣло подошелъ къ бричкѣ.

— Я къ вашей милости,—говоритъ.—Совѣтуютъ мнѣ люди къ вамъ наняться; говорятъ, работа у васъ есть.

— Теперь всѣ мѣста заняты, было бы раньше просить.

Семенъ не отставалъ:

— Видите, баринъ, тамъ служитъ у васъ моя жена, Катерина... При васъ находится. Отдайте мнѣ ее назадъ; я бы вамъ спасибо сказалъ, даромъ мѣсяцъ прослужилъ бы.

— Зачѣмъ тебѣ Катерина? Что тебѣ нужно отъ меня?

— Жинку мою! Отдайте мнѣ жинку!—громче и съ укоризною заговорилъ Семенъ:—мнѣ не мѣсто надо... Постойте, баринъ, не уѣзжайте... Вы вотъ хорошими людьми называетесь, грамотные, на всякіе манеры обучены... Зачѣмъ же вы у нашего брата, мужика, женъ отымаете? Жениться вамъ, баринъ, слѣдуетъ! Вотъ что!

Семенъ старался говорить не сердясь, но еле сдерживалъ свой голосъ и съ укоромъ глядѣлъ на управляющаго.

— Не твое это дѣло, пошелъ вонъ! — закричалъ управляющій.—Трогай!—велѣлъ онъ кучеру.

Кучеръ стегнулъ лошадей. Бричка покатила.

— А это ваше дѣло—чужихъ женъ отбивать!—закричалъ Семенъ вслѣдъ.—Душегубъ ты! Кровопійца ты мой, анаѳема!

Семенъ постоялъ еще, глядя, какъ ѣхалъ управляющій.

— Эй, постой! — крикнулъ онъ было опять. — Но управляющій не останавливался. Онъ или не слыхалъ Семена, или стыдился людей: неподалеку возлѣ кабака стояла толпа народа и слышала, что говорилъ Семенъ.

Махнулъ Семенъ рукой и пошелъ домой. На дорогѣ вдругъ остановился, будто что вспомнилъ, схватилъ свою гармонику, сталъ растягивать ее безъ толку, во всю мочь, пока разорвалъ, потомъ швырнулъ ее въ сторону и пошелъ опять въ кабакъ.

И загулялъ Семенъ пуще прежняго. Какъ выпьетъ онъ, точно веселѣе на сердцѣ станетъ, а проспится—еще тяжелѣе сдѣлается, и начнетъ онъ опять раздумывать о своей бѣдѣ и о томъ, кто въ ней больше виноватъ. И всегда ему казалось, что Катерина съ управляющимъ были виновнѣе его, да и люди то же говорили. А иной разъ и его не хвалили: „Да и ты сплоховалъ, Семенъ,—говорили сосѣди:—не слѣдъ было бабѣ волю давать. А теперь ужъ какъ поправишь! Отрѣзанный ломоть не пристанетъ. А ты вотъ что: плюнь на нее лучше, да и забудь вовсе“.

Такія рѣчи не утѣшали Семена. Своей вины онъ еще ясно не видѣлъ, да и разлюбить жену не могъ. „Остается одно, горе водкою заливать“, говорилъ онъ себѣ съ отчаянія.

Была только одна душа, которая жалѣла его по настоящему и давала совѣты потолковѣе: это крестная мать его.

— Выбрось ты изъ головы думки объ ней. И не дѣло ты, сынокъ, задумалъ въ шинокъ ходить, — уговаривала она его,— не доведетъ оно до добра, самъ знаешь. Что ужъ больно тосковать-то? Неужто только и свѣта въ окнѣ, что твоя Катерина? Неужто на свѣтѣ и дѣла другого нѣтъ, какъ съ женой жить? Коли случилась такая бѣда, то и справиться съ ней надо умѣючи. Послушай меня, старуху: вино тоскѣ не поможетъ; а вотъ займись дѣломъ какимъ, впрягись въ работу, и тосковать некогда будетъ. Да и безъ жены добрые люди есть, найдется съ кѣмъ и о дѣлѣ потолковать, и словомъ тоску разогнать, душу отвести... Грѣхъ, сынокъ, такъ тосковать, право, грѣхъ!

Слушаетъ Семенъ ее молча, голову опустилъ, а иной разъ скажетъ:

— Эхъ, легко вамъ говорить-то. Кабы знали вы, что̀ у меня на сердцѣ дѣлается!..

— Знаю, сыночекъ, знаю. Развѣ не видно? Да что же дѣлать-то? Все-жъ виномъ горю не поможешь. Возьмись-ка лучше за работу, все полегче будетъ,—повторяла старуха.

— Да мнѣ не то что работать, мнѣ иной разъ самого себя страшно сдѣлается. Только вамъ, матушка, и признаюсь: иной разъ такъ вотъ и хочется мнѣ порѣшить обоихъ, и его, и Катерину,—такъ вотъ просто изъ головы не выходитъ.

Сказалъ это Семенъ, схватился за голову и заплакалъ.

Старуха испугалась и руками всплеснула.

— Что̀ ты, что̀ ты, сыночекъ?! Христосъ съ тобою! И говорить-то такъ грѣхъ, а не то что сдѣлать. Богъ велитъ прощать обиду, а ты вотъ что въ голову забралъ! Забудь и думать про это; Богъ съ тобой!

— И радъ бы не думать, матушка, да думается! Хоть бы кто связалъ мнѣ руки или заперъ куда-нибудь да сторожей приставилъ!

Старуха перекрестилась.

— Господи, помилуй! На что тебѣ сторожей,—ты самъ сторожъ себѣ... Не давай себѣ воли, вотъ и все тутъ. Неужто человѣкъ не воленъ надъ собой? Не давай злу пересиливать себя. Молись лучше, думай больше о Богѣ. Онъ поможетъ тебѣ.

Часто говорила такъ Семену крестная мать, и онъ въ душѣ соглашался съ нею. Задумается онъ отъ этихъ словъ, а останется одинъ, сдѣлается ему скучно, и опять начнетъ думать свое. „Что̀ я теперь? Ни жены, ни дѣтей у меня нѣтъ; какъ былъ сирота, такъ и остался. Зачѣмъ мнѣ жить на свѣтѣ? Бейся, работай, и нѣтъ тебѣ никакой радости! Чего мнѣ еще ждать, чего у Бога просить?.. Одно только и остается—утопиться. А то развѣ повѣситься вонъ на той осинѣ, что за садомъ у дороги растетъ? Будетъ ѣхать кровопійца мой, анаѳема, то-то порадуется. Пріѣдетъ къ Катеринѣ, разскажетъ ей, и посмѣются они надо мною, порадуются моей смерти... Нѣтъ, голубчики, не дамъ вамъ смѣяться! Лучше душу свою загублю и въ Сибирь пойду, а порѣшу васъ обоихъ, чортову парочку, и подарю чертямъ! Разсчитаюсь я съ вами, погодите!“

И такое зло возьметъ Семена, что побѣлѣетъ весь.

V.

Подошла весна; сосѣди за работу принялись.

Всходы этою весною вышли хорошіе; радуются люди, про урожай толкуютъ, а Семену и дѣла до этого нѣтъ. Что урожай, что неурожай, ему все равно. И работа на умъ не идетъ. Бывало, захочетъ онъ взяться за дѣло да раздумаетъ. „Для кого мнѣ стараться, зачѣмъ хлопотать?—думаетъ,—ничего мнѣ не надо! Плюну лучше на все!“ Броситъ онъ работу и пойдетъ въ хату. Сидитъ въ хатѣ одинъ, одичалъ совсѣмъ, и людей чураться началъ. На людяхъ Семену еще тошнѣе; такъ бы и на свѣтъ не глядѣлъ, провалился бы куда-нибудь. Прежде ласковый былъ, а теперь поздоровается съ нимъ кто-нибудь, Семенъ шапки не скинетъ, буркнетъ что-нибудь себѣ подъ носъ и норовитъ уйти скорѣе... Спроситъ его о чемъ—ни до чего ему дѣла нѣтъ. И изъ хаты рѣдко выходитъ, и въ кабакъ уже не навѣдывается: не помогаетъ водка: съ похмѣлья еще хуже, еще тяжелѣе на сердцѣ.

Сидитъ онъ разъ въ хатѣ и видитъ—на лавкѣ ножъ лежитъ. Посмотрѣлъ онъ на него, потомъ всталъ, взялъ ножъ и попробовалъ рукою. „Ишь ты, вострый какой!“—думаетъ. Подошелъ Семенъ къ зеркалу, держитъ ножъ въ рукѣ и смотритъ на себя въ зеркало. Вдругъ поднялъ онъ ножъ къ горлу и началъ изловчаться, какъ бы лучше себя зарѣзать; потомъ попробовалъ, какъ другого человѣка зарѣзать. Долго стоялъ онъ передъ зеркаломъ, изловчался, какъ по горлу хватить и какъ въ бокъ подъ сердце пырнуть. Потомъ приставилъ себѣ ножъ къ сердцу. „Пырнуть вотъ только—и квитъ“, думаетъ. И какъ подумалъ онъ это, сдѣлалось ему страшно, по тѣлу морозъ пробѣжалъ, испугался онъ смерти. Задумался онъ на минуту, и вдругъ ровно что́ вспомнилъ: засмѣялся, глаза заблестѣли. Быстро поднялъ онъ ножъ, размахнулся изо всей силы и пырнулъ ножемъ въ воздухъ, точно тутъ кто стоялъ.

— Ага, попались голубчики! —закричалъ Семенъ и отъ злости зубами заскрипѣлъ. Потомъ онъ сѣлъ на лавку, присмирѣлъ и задумался. Когда онъ поднялъ голову, взглядъ его остановился на образѣ Спасителя въ терновомъ вѣнкѣ. Семенъ вздрогнулъ, точно чего испугался; ножъ выпалъ у него изъ руки, онъ опустилъ голову на грудь и застоналъ.

— Господи, Господи! За что ты меня караешь?

Онъ закрылъ лицо руками и зарыдалъ навзрыдъ...

VI.

На другой день всталъ Семенъ спокойнѣе. Вспомнилъ онъ, что вчера привязалъ своего коня на огородѣ на короткой веревкѣ подъ грушей, да и забылъ про него. „Бѣдная скотина,—думаетъ онъ,—стоитъ непоеная, голодная!“ Пошелъ Семенъ на огородъ. Стоитъ конь, голову повѣсилъ, всю траву подъ собою вытлъ. Напоилъ Семенъ коня и перевязалъ его на свѣжее мѣсто. Пошелъ въ хату, поѣлъ хлѣба съ лукомъ, запилъ водою, взялъ косу изъ подъ навѣса, вышелъ на задворки, сѣлъ подъ дерево въ тѣни и началъ ее точить. День свѣтлый стоялъ, теплый; кругомъ травка, деревья зеленѣютъ, радуются. Ожилъ будто и Семенъ. Принялся за покосъ и сталъ работать вплотную. И у себя на пашнѣ, и по найму поденно у богатыхъ сосѣдей. Заработокъ ему нуженъ былъ—подати требовались, да и по хозяйству кое-что справить надо было.

И стала проходить тоска у Семена, откуда и охота къ работѣ припала. А тутъ еще и Катерину не сталъ встрѣчать. Переѣхала она съ управляющимъ въ другой хуторъ купца Петрищенка. Замѣтилъ Петрищенко, что у этого управляющаго въ Куяновкѣ разные безпорядки завелись, и перевелъ онъ его въ Николаевку, верстъ за десять отъ Куяновки, ближе къ главному управляющему.

Не сталъ Семенъ встрѣчаться съ Катериною, перестала она мозолить ему глаза и смѣяться надъ нимъ, и Семену сдѣлалось легче. Злоба на Катерину у него мало-по-малу проходила, и онъ какъ будто бы началъ забывать ее. „Что же,—думаетъ,—прожить можно и безъ жены; значитъ, такъ Богу угодно. Должно быть, на то его воля. А я, дуракъ-то, что было задумалъ. Грѣхъ-то какой хотѣлъ на душу взять. Слава тебѣ, Господи, что не попустилъ ты меня!“ Думаетъ такъ Семенъ и еще больше на работу налегаетъ.

Видитъ онъ, осень подходитъ, а у него хата не мазана, крыша худая течетъ, труба облупилась. Принялся Семенъ оправлять свой дворъ; то дыру въ плетнѣ заплететъ, то двери въ хлѣвѣ поправитъ. И весело ему за работой, и на душѣ легко. „Ничего, думаетъ Семенъ,—поправлюсь; чего я такъ засмутился? Ай и въ самомъ дѣлѣ больше мнѣ житья нѣтъ? Вотъ колибъ только бабу себѣ пріискать, а то безъ бабы трудно, не управлюсь въ хозяйствѣ. Да не найдешь, пожалуй. Какая дура пойдетъ ко мнѣ, женатому? А можетъ, что и пойдетъ? Ежели бы

вдова какая, ловко бы! Вотъ Марьяна въ Солодкомъ хуторѣ... вдова. Отчего бы ей не жить со мною!.. Вотъ только, что двое дѣтей у нея... Изъ нашихъ развѣ кого бы?.. Марѳа вотъ... стара ужъ... Наталка... ну, Богъ съ ней, нескладная... Да... Химка вотъ... я и забылъ! Баба молодая, дѣтей нѣтъ. И мужа, кстати, нѣтъ"... И вспомнилъ тутъ Семенъ, какъ Химкинъ мужъ бросилъ ее, поступилъ въ экономію, да и сталъ тамъ жить съ другою бабой. „А Химка должна согласиться, баба славная, тихая, только вотъ слабая... Повидаться бы съ нею да поговорить. Можетъ, и сладимся какъ-нибудь. Надо только вотъ дворъ свой оправить, а то, вишь, какъ я запустилъ его".

И на другой день съ ранняго утра Семенъ принялся за работу. Скинулъ онъ сапоги, подкачалъ штаны, замѣсилъ глины и полѣзъ на крышу трубу мазать. Вымазалъ трубу, сталъ хату мазать и вымазалъ лучше всякой бабы, и побѣлилъ всѣ стѣны и трубу. Работаетъ онъ, мѣситъ глину, мажетъ, бѣлитъ, а самъ все поглядываетъ на улицу, не идетъ ли кто. „Чего добраго, смѣяться станутъ", думалъ онъ... „Вишь, скажутъ, какая баба въ штанахъ нашлась". Пришло время хлѣбъ молотить; видитъ Семенъ, ржаная солома хорошая, на топливо жалко ее изводить. Вспомнилъ Семенъ, что у него въ сундукѣ шесть рублей лежатъ. „Надо бы на ярмаркѣ пару овецъ купить; вотъ солома-то и пригодится на зиму. Зеленую повыберутъ, а объѣдки можно и въ печку. А тамъ, Богъ дастъ, и ягнята будутъ, оно и хорошо... Непремѣнно надо купить. Да и баба—„покажи, скажетъ, свое хозяйство, тогда я пойду къ тебѣ". А что я покажу ей? Коня да трое куръ?"..

Надумалъ Семенъ купить овецъ и сталъ дожидаться ярмарки.

VII.

Въ Куяновкѣ ярмарка была на вторую Пречистую [1]).

Захотѣлось и Катеринѣ поѣхать на ярмарку, и сказала она объ этомъ своему барину. Управляющій велѣлъ запречь ей пару лошадей въ телѣгу и дать за кучера мальчика изъ рабочихъ. Катерина собралась ѣхать не одна, а вмѣстѣ съ кухаркою конторщика, молодою солдаткою Мариною. Сдружилась она съ нею вскорѣ, какъ переѣхала въ Николаевку. Онѣ вмѣстѣ распивали чай и пересуживали своихъ хозяевъ: Марина разсказывала про конторщика, а Катерина про управляющаго.

[1]) 8 сентября.

Нарядилась Катерина по-лѣтнему: надѣла новую плисовую безрукавку, нарядное ситцевое платье съ оборками, обулась не въ простые черевики, а въ новыя ботинки на резинкахъ. И вошла въ комнаты управляющаго. Управляющаго не было дома, и Катерина на свободѣ стала любоваться собою передъ зеркаломъ.

На столѣ было разставлено много разныхъ штучекъ: маленькая каменная собачка, крошечный домикъ и другія пустяковины. Тутъ стояли и пузырьки съ лекарствами и разными духами. Видѣла не разъ Катерина, какъ управляющій брызгалъ свое платье этими духами, когда собирался ѣхать въ гости. Катерина притворила дверь, подошла къ столу и начала перебирать пузырьки. Возьметъ одинъ, вынетъ пробку, понюхаетъ, потомъ другой, третій; всѣ такъ перебрала. Понравился ей особенно одинъ пузырекъ, и она хотѣла налить изъ него въ горсть пахучей водицы, да водицы было только на донышкѣ. Катерина побоялась лить и взяла другой пузырекъ; тамъ водицы было больше. Понюхала Катерина—хорошо пахнетъ, такъ и бьетъ въ носъ. Она налила на ладонь пахучей водицы и стала натирать себѣ виски. Красноватое, здоровое лицо ея теперь такъ и разгорѣлось. Она налила еще водицы на ладонь, мазнула по головѣ сверхъ платка, потомъ по кофтѣ. Хотѣла еще налить, да въ передней кто-то скрипнулъ дверью. Катерина подумала, не управляющій ли это, испугалась и, съ перепугу, пролила водицу на полъ. Дверь пріотворилась, и изъ-за нея выглянула Марина; она хотѣла войти въ комнату, да не смѣла.

— Иди, иди, Марина; я тутъ одна,—сказала Катерина.

Марина вошла.

— Ну, я готова, а ты собралась? Поѣдемъ!—сказала она.—Ой, да какъ здѣсь пахнетъ-то! Отчего это?

— Да это я хотѣла немного поприбрать на столѣ, да разлила тутъ пузырекъ съ чѣмъ-то,—начала-было оправдываться Катерина, да подумала, что передъ Мариной этого не нужно.

— Вотъ этимъ самымъ панъ натираетъ себѣ виски и одежу брызгаетъ. Я и себѣ побрызгала, и виски натерла... Понюхай-ка, какъ пахнетъ отъ меня!

Марина понюхала и заговорила, покачивая головой:

— А-а, какъ пахнетъ славно! Это дикалонъ. Ты и мнѣ дай немножко: у моего такого нѣтъ. А когда я была горничной у главнаго управляющаго, такъ тамъ все было, а у барыни и путря была. Духами побрызгаешь платье, платокъ, а потомъ путрею какъ напутришься, лицо станетъ бѣ-ѣ-лое—бѣлое. А ну, побрызгай-ка и на меня дикалономъ!

Катерина налила себѣ на ладонь духовъ и мазнула Марину по груди сверхъ плисовой кофты. Повынимали онѣ изъ кармановъ бѣлые платки и надушили ихъ. Платки эти были чужіе: Катерина стащила у управляющаго, а Марина—у конторщика. Посмотрѣла Катерина на пузырекъ, а тамъ пахучей водицы съ наперстокъ осталось.

Испугалась Катерина.

— Ой, матушка, что я надѣлала! Вотъ до этихъ поръ было, а теперь... Что мнѣ ему сказать?

— У, дура, его понемножку надо, а ты и рада, что дорвалась!—сказала Марина.—Эхъ, ты...

Катерина покачала головой:

— А вѣдь будетъ ругаться; ну, да пусть! Я скажу: „почемъ я знаю, куда оно дѣвалось? Я не трогала“!

— Постой, я тебя научу, такъ и ругаться не будетъ,—сказала Марина и лукаво засмѣялась.—Смотри, тутъ осталось немножко дикалону; а ты долей водой и пусть стоитъ. Ни за что не узнаетъ! Только пахнуть будетъ немного не такъ. А ты вотъ что сдѣлай: пробкой не затыкай, онъ и подумаетъ, что самъ забылъ заткнуть, а оно и выдохлось.

Катерина такъ и сдѣлала. Переглянулись онѣ, потомъ посмѣялись, повертѣлись передъ зеркаломъ и поѣхали.

Сидятъ онѣ на возу какъ барыни. Сѣна подъ ними наложили много, сверху ковромъ покрыли. Хорошо имъ сидѣть, а кучеренокъ кое-какъ прицѣпился спереди, свѣсивши ноги. Разговариваютъ онѣ тихо, чтобы не слыхалъ кучеръ. Вспомнятъ про пахучую водицу, переглянутся и засмѣются.

— Далъ тебѣ твой на праздникъ?—спрашиваетъ Катерина.

— Далъ рубль, чтобъ онъ сдохъ! —отвѣтила Марина.—Какъ ни просила еще дать,—нѣтъ, говоритъ, денегъ. „Я самъ, говоритъ, наберу тебѣ на платье и платокъ куплю, когда деньги будутъ“.

— А мой щедрѣе: три рубля далъ,—сказала Катерина.

— Тебѣ-то хорошо, а мнѣ худо. Работаешь, какъ проклятая, сама корову доишь, обѣдъ готовишь, подаешь самоваръ два раза, все сама, то туда, то сюда, такъ и крутишься съ утра до вечера... А ты до кухни не мѣшаешься и бѣлья не стираешь... Захочешь, такъ и половъ мыть не будешь. Только и работы тебѣ, что въ комнатахъ прибрать.

Слушаетъ Катерина, и вдругъ сдѣлалась въ лицѣ грустная и говоритъ тихо:

— Нѣтъ, и съ моимъ что-то сдѣлалось... все сердится, ру-

гается, не угодишь никакъ...—Она подумала немного и потомъ спросила:

— А знаешь, что я тебѣ скажу?

— Что?

— Не знаю навѣрное, а только, должно быть, я...—досказала она на ухо Маринѣ.—Вотъ уже два мѣсяца примѣчаю... Тошнитъ все, а прежде того не было. Такъ оно бываетъ?

— Оно, оно и есть,—отвѣтила Марина.—Что-жъ ты говорила пану?

— Нѣтъ.

— И не говори, до самаго конца не говори... подтягивайся хорошенько и вида не показывай, а то еще прогонитъ... А потомъ, какъ придетъ время, хоть и будетъ прогонять, ты не иди, скажи: „Куда я теперь пойду? Мужъ меня не приметъ". Такъ у него и останешься. А будетъ прогонять, скажи: „давай денегъ на ребенка, твой вѣдь онъ". Да нѣтъ, онъ тебя не прогонитъ.

— Охъ, что-то не весело мнѣ, страшно!—сказала Катерина.

— Въ первый разъ, оттого это. Потомъ привыкнешь. У меня двое было; одно отъ этого, а другое отъ кассира; теперь вотъ третій на сносѣ; тѣ-то померли, слава Богу.

— А какъ не помруть?

— Э!.. Чего тамъ не помрутъ? Помрутъ!—сказала Марина.

Катерина помолчала, а потомъ спрашиваетъ:

— А что ты дѣлала, чтобы померли?

— Что жъ тамъ дѣлала? развѣ имъ много нужно?

Катерина подумала, будто что вспомнила, и спросила:

— А оно не грѣхъ?

Марина пожала плечами и промолчала. Замолчала и Катерина. Онѣ обѣ хорошо знали, грѣхъ ли это. Имъ обѣимъ стало неловко.

Помолчавъ немного, Марина заговорила о другомъ.

— Мужъ-то мой скоро домой будетъ. Осенью служба ему кончается, пріѣдетъ, вотъ бѣда-то: придется уже при немъ... что я скажу? Которыя раньше померли, безъ него родились, хоть и узнаетъ, да ничего, а тутъ на его глазахъ...

За такими разговорами пріятельницы не замѣтили, какъ доѣхали до Куяновки. Въѣхали онѣ на ярмарку, поѣхали шагомъ, потихоньку, между народомъ и возами. При самомъ началѣ ярмарки, по обѣ стороны. стояли овцы и коровы. Потомъ шелъ конный рядъ. Тутъ часто попадались цыгане; всѣ они шумѣли, кричали, божились, крестились на церковь и ругались самыми крѣпкими словами. Тутъ же бродили и черныя лохматыя цыганки,

съ длинными сережками въ ушахъ, а за ними бѣгали босые, оборванные цыганята. Наши пріятельницы проѣхали конный рядъ, рыбный, и остановились посреди ярмарки. Недалеко отъ нихъ стоялъ балаганъ, гдѣ распивали чай, а дальше шли лавки съ краснымъ товаромъ.

Онѣ слѣзли съ телѣги, походили по ярмаркѣ; посмотрѣли на ситцы, полотна, платки; купили себѣ лощеныхъ нитокъ и иголокъ. Знакомыя односельчанки Катерины проходили мимо нея и пересмѣивались. Онѣ не здоровались съ нею и притворялись, что не видятъ ея. Кругомъ ходили дѣвушки и молодицы, смѣялись, показывали другъ другу свои обновки. Только Катерина съ Мариной держались въ сторонѣ отъ всѣхъ. Прежнія ихъ деревенскія подруги и пріятельницы не заговаривали съ ними; теперь каждая изъ нихъ думала про себя: „это не наши, куда ужъ намъ до нихъ! вишь какъ расхаживаютъ, срамницы!“

Находившись по ярмаркѣ, онѣ остановились передъ лавкой съ квасомъ и пивомъ. Тутъ онѣ встрѣтили знакомую лавочницу съ нарядною горничной сосѣдняго помѣщика. Обѣ одѣты были по-городски, и у обѣихъ лица раскраснѣлись отъ пива, которымъ ихъ угощалъ какой-то франтоватый писарь. Катерина съ Мариной обрадовались, что нашли, съ кѣмъ поболтать, и тоже спросили себѣ пива.

Катерина привыкла у управляющаго къ пиву, потому что каждый день таскала себѣ изъ погреба, когда бутылку, когда двѣ.

Разговорилась Катерина съ пріятельницами и развеселилась; раскраснѣлась отъ пива, глаза сдѣлались бойкіе, голосъ звонкій. Даже походка измѣнилась: она не торопилась, а шла важно. Пріятельницы подошли къ бакалейщику.

— Нѣтъ ли у васъ лампасету? — спросила Марина.

— Монпансье? — переспросилъ торговецъ. — Есть, какъ-же-съ.

— Дайте мнѣ коробочку.

Торговецъ подалъ ей. Марина обернулась къ пріятельницамъ и важно сказала:

— Чай пить съ этимъ хорошо, — ловкая штука.

Катерина наклонилась къ Маринѣ и на ухо спросила ее:

— Какъ называется... что ты говорила... вотъ, что у барыни... чтобъ бѣлѣе быть?

— А-а, знаю... путря!

— А можно здѣсь купить?

— Спроси.

Катерина подошла къ торговцу и важно спросила:

— Нѣтъ ли у васъ путри?

— Чего-съ?

— Путря есть у васъ?—повторила Катерина.

— Какая это путря? Для чего вамъ?

— Такая вотъ, что путрятся... Бѣлая,—старалась объяснить Катерина.

Торговецъ усмѣхнулся и сказалъ:

— Вы спросите это вотъ здѣсь, напротивъ, гдѣ шапками торгуютъ: тамъ держатъ про случай.

Катерина подошла къ балагану съ шапками и спросила, нѣтъ ли тутъ „путри".

Двое мальчишекъ за прилавкомъ засмѣялись и разъ десять переспросили ее, что̀ это за „путря", какая она и для чего. Видитъ Катерина, что надъ нею смѣются, и повернулась уходить. Мальчишки закричали ей вслѣдъ:

— Эй ты, путря, вернись! вернись, путря!

Деревенскіе парни толпились тутъ же около шапошника. Они видѣли Катерину и слышали, что она спрашивала какой-то „путри". Одинъ изъ парней тоже крикнулъ:

— Вернись, путря!

Другіе тоже шутили, смѣялись и кричали:

— Вишь, путря! Или какъ ее! Барыня!

— Эй ты, барыня!—крикнулъ другой.

— Какая это барыня? А я не разглядѣлъ!—сказалъ третій.

— Такая барыня... управляющаго Бондаренкова, ха-ха-ха!

— А! Это та барыня, что на арендѣ у Бондаренка!..

Катерина торопилась уйти подальше, чтобы не слыхать этихъ насмѣшекъ.

VIII.

Въ это время проходилъ мимо Семенъ. Онъ гналъ впереди себя на одной веревочкѣ пару овецъ, подталкивая ихъ сзади колѣномъ, и помахивалъ хворостиною. Лицо его было заботливое. Онъ гналъ своихъ овецъ и только о нихъ и думалъ. Поровнялся Семенъ съ толпою; увидалъ его знакомый дьячокъ. Онъ покупалъ тутъ шапку для своего сына. Дьячокъ былъ выпивши и крикнулъ Семену:

— Продаешь овецъ или самъ купилъ?

Семенъ посмотрѣлъ на него.

— Купилъ.

— Сколько далъ?

— Да дорого,—пять.

— Нѣтъ, не дорого,—сказалъ дьячокъ.—Хозяйство, значитъ, собираешь? Молодецъ! Только ты, братъ, жену свою сперва вороти, а то она, вонъ, ходитъ да путри спрашиваетъ.

Семенъ вздохнулъ, поднялъ голову и посмотрѣлъ на дьячка.

— Катерина? а гдѣ она?—спросилъ онъ.

— А вотъ только-что мимо проходила. И чего ты смотришь? А еще мужъ! Эхъ, братъ! распустилъ ты ее. Вонъ, на всю ярмарку подняли ее на смѣхъ: путри, вишь, ходитъ—спрашиваетъ... Понимаешь? Путра — это такая штука, что барыни свою морду бѣлятъ, чтобъ больше господамъ-франтамъ разнымъ нравиться. У моей жены—и то нѣтъ путры, а твоя... словно барыня какая...

Семену стало стыдно за Катерину, и онъ покраснѣлъ. Кругомъ парни стоятъ, а сами будто не видятъ и не слышатъ, что говорятъ. Имъ было жалко Семена, и они понимали, что ему и безъ того не легко.

Дьячокъ не унимался.

— Да я на твоемъ мѣстѣ такъ бы ее проучилъ... вѣкъ бы помнила!

— Богъ съ нею!—сказалъ Семенъ.—Вы думаете, мнѣ легко?.. —Онъ махнулъ хворостиной на своихъ овецъ и поскорѣе ушелъ отъ дьячка, чтобы не слыхать ничего про Катерину.

Семену уже недалеко оставалось до дому; надо было только взойти по улицѣ на гору и перейти выгонъ среди деревни. Только-что сталъ онъ подыматься съ своими овцами на гору, слышитъ—сзади кто-то шибко ѣдетъ. Онъ посторонился, оборотился назадъ и увидалъ—ѣдутъ Катерина съ Мариною. Семенъ будто ничего не замѣчаетъ, понурилъ голову и погналъ своихъ овецъ.

Ѣдетъ Катерина, на всю улицу хохочетъ, заливается. Даже Маринѣ стало стыдно; она дернула Катерину за рукавъ и шепнула ей, чтобы та замолчала и не срамила себя передъ людьми.

Катерина указала на Семена и говоритъ:—Смотри, Семенъ хозяйство собираетъ. Моихъ овецъ, что мнѣ подарили, пропилъ, а этихъ, должно быть, укралъ. Эй ты, хозяинъ премудрый! Гдѣ это ты овецъ подцѣпилъ? — закричала она Семену.

Хотѣлъ Семенъ броситься на нее и хорошенько побить, да удержался.

— Гдѣ ни подцѣпилъ, да мои, а ты хоть и барыня Бондаренкова, да у тебя ничего нѣтъ!

— Ахъ ты паршивый дьяволъ! Какая я барыня, какая я Бондаренкова барыня? Постой, Ѳедька, остановись! Я ему покажу, какая я барыня.

Семену понравилось, что онъ разозлилъ Катерину. Онъ посматривалъ на нее и думалъ: „еще драться выдумала! не стоитъ при людяхъ срамиться; а то я бы ее попотчивалъ... помнила бы".

Марина не дала Катеринѣ соскочить съ воза. Она придержала ее за руку, а кучеренокъ погналъ лошадей въ гору.

На косогорѣ стоялъ кабакъ. Съ ярмарки много народу набралось въ немъ изъ Куяновки и изъ другихъ деревень. Около крыльца стояли подводы. Въ кабакѣ было такъ тѣсно, что многіе пили водку за порогомъ, на вольномъ воздухѣ. Весь народъ видѣлъ и слышалъ, что случилось между Катериною и Семеномъ. Одинъ пьяный мужикъ крикнулъ:

— Эй, Семенъ, держи жену! Держи, братъ! Пусть ругается, а ты ее держи: безъ жены, братъ, плохо! Не пускай, дуракъ, поверни ее домой!.. Эхъ ты, Хома!—сказалъ мужикъ, когда увидалъ, что Семенъ только рукой махнулъ, а Катерина уѣхала.

Изъ толпы вышелъ, подвыпивши, молодой коренастый мужикъ, съ маленькой бородкой. Это былъ Василь, пріятель Семена. Онъ махнулъ рукою и закричалъ:—Поворачивай, братъ, сюда! Поворачивай! Выпьемъ вмѣстѣ.

— Некогда теперь, послѣ,—отвѣтилъ Семенъ.

— Чего тамъ—некогда! Поворачивай! Дѣло есть.

Онъ догналъ Семена, схватилъ его за руку и сталъ тащить въ кабакъ.

Семену не хотѣлось заходить. Уже два мѣсяца не бывалъ онъ тамъ. Въ шинкѣ народъ все безпутный, рѣчистый,—того и гляди, не тотъ, такъ другой сведетъ рѣчь на Катерину, и растравитъ сердце ему. Но пьяный Василь ни за что не хотѣлъ отпустить Семена.

— Вонъ сватъ Ѳедоръ домой идетъ; нехай онъ твоихъ овецъ догонитъ,—сосѣдъ вѣдь онъ тебѣ!—Ѳедоръ взялся догнать Семеновыхъ овецъ домой, а Василь, почти насильно, потащилъ Семена въ кабакъ.

Вошелъ Семенъ съ своимъ пьянымъ товарищемъ въ кабакъ, и неловко ему стало. „Зачѣмъ я сюда зашелъ? Лучше бы домой", подумалъ онъ. Прислонился онъ у притолоки, за спинами другихъ, и оглядывался по сторонамъ. А Василь стоитъ ужъ подлѣ него съ бутылкой въ одной рукѣ и чаркой въ другой.

— Спасибо тебѣ, Семенъ, что зашелъ... А я таки-давно, братъ, не видалъ тебя, даромъ, что живемъ по сосѣдству... Давно и водку вмѣстѣ пили... Пей, братъ!

— Пей ты,—сказалъ Семенъ.

Товарищъ выпилъ и снова поднесъ ему. Семенъ поморщился

и неохотно протянулъ руку за стаканомъ, взялъ, подержалъ его, посмотрѣлъ, вздохнулъ, потомъ — нечего дѣлать — перехватилъ другой рукой, перекрестился и выпилъ все до капельки.

— Дай Богъ всякаго благополучія! — сказалъ онъ.

— Пусть наше будетъ сверху! — сказалъ Василь, налилъ себѣ рюмку и выпилъ.

Когда онъ поднесъ Семену вторую рюмку, тотъ уже охотнѣе пилъ, чѣмъ первую. Третью рюмку Семенъ выпилъ еще смѣлѣе, и почувствовалъ, что если станетъ пить больше, такъ будетъ пьянъ. Онъ собрался-было ужъ уходить; Василь не пускалъ, налилъ опять рюмку, выпилъ самъ и поднесъ еще Семену.

— Нѣтъ, Василь, не силуй, пьянъ буду... Нельзя мнѣ теперь, право, нельзя; пойду домой — тамъ управиться надо. Самъ видѣлъ — овецъ купилъ; надо же ихъ убрать.

— Есть о чемъ хлопотать! — говоритъ Василь: — сватъ доставилъ ихъ тебѣ домой и въ хлѣвъ загонитъ, и воды дастъ, развѣ онъ самъ не хозяинъ, развѣ не знаетъ? Тьфу! Хлопочетъ о чемъ... пей!

Не выдержалъ Семенъ, выпилъ и четвертую рюмку, и сталъ уже совсѣмъ на-веселѣ.

Выпили по пятой чаркѣ, и бутылка опустѣла. Пришлось и Семену потчивать пріятеля, и онъ велѣлъ подать ему еще бутылку...

Развязался языкъ у Семена, и разговорились они оба по душѣ. Давно уже Семенъ такъ не говорилъ.

— Какую она мнѣ обиду, Василь Ивановичъ, сдѣлала! — говорилъ Семенъ. — Другой на моемъ мѣстѣ давно уже повѣсился бы. Сколько я вытерпѣлъ, одинъ Богъ знаетъ! Черезъ нее мнѣ и людей стыдно стало.

— Самъ ты виноватъ, самъ, братъ, виноватъ! Зачѣмъ ты женился, коли не можешь женою управлять? Дуракъ, братъ, ты, хоть и товарищъ мнѣ. Спроси кого угодно, всякій скажетъ: дуракъ... Вотъ дядя Михайло, онъ человѣкъ старый, — пусть скажетъ... Дядя Михайло! скажи по правдѣ: не дуракъ онъ, коли женился, да не съумѣлъ жену къ рукамъ прибрать?

Михайло усмѣхнулся, покрутилъ головою и сказалъ:

— Ну, какая у кого жена... съ иной и не справиться... Вотъ хотя бы его Катерина; что съ нею подѣлаете? Плюнулъ бы на такую... да и все тутъ... Ты не сердись, Семенъ, что я такъ говорю... Это я такъ сказалъ, къ слову; а по мнѣ — Богъ съ нею, моя хата съ краю... Пусть люди живутъ какъ знаютъ...

Василь не унимался.

— Нѣтъ, ты скажи: дуракъ онъ или нѣтъ? А я тебѣ скажу,

что онъ дуракъ. Зачѣмъ онъ женился, коли жены не держитъ дома? Какая бы она тамъ ни была, — добрая, поганая, безпутная,—да жена: повѣнчались, такъ надо вмѣстѣ и жить. А то — что же это: вѣдь онъ себя завязалъ ею: теперь другая не пойдетъ за него. Или такъ ему и жить? Какой же, у чорта, будетъ изъ него хозяинъ?

Василь отвернулся и сердито плюнулъ въ сторону, потомъ досталъ изъ кармана трубку и продолжалъ насмѣшливо:

— Или на сторонѣ, стало быть, надо бабу искать? Что же это будетъ? На такую развѣ можно надѣяться? Сегодня здѣсь, а завтра снялась да пошла! Поминай, какъ звали!

Василь чиркнулъ спичкой и закурилъ трубку. Все стихло; кругомъ Василя столпились однодеревенцы и слушали молча, съ любопытствомъ. Василя всѣ считали парнемъ умнымъ, бѣдовымъ на языкъ, особенно когда бывалъ выпивши, а потому никто не хотѣлъ вмѣшиваться въ ихъ разговоръ.

Въ другое время Семенъ ни за что бы не сталъ говорить о Катеринѣ передъ людьми и другихъ не сталъ бы слушать. А теперь онъ выпилъ, и не стыдился. Только обидно ему было, что Василь называлъ его при всѣхъ дуракомъ. Еслибы кто другой такъ говорилъ, Семенъ не сталъ бы его и слушать, началъ бы самъ ругаться, и, пожалуй, дѣло дошло бы до драки. Василя же онъ любилъ и побаивался, и спорить съ нимъ не рѣшался.

Немного погодя, заговорилъ другой молодой мужикъ:

— Нехай бы моя жинка такъ сдѣлала, то было бы ей то, что Кузьма Носачъ своей жинкѣ устроилъ! Ужъ поучилъ бы я ее! Слыхали вы про Кузьму? Пришелъ это онъ изъ солдатъ, видитъ—нѣтъ жинки дома. — „Гдѣ она?“ — спрашиваетъ.—„У Грицая, говорятъ, служитъ“.—Разспросилъ онъ, какъ она тамъ служитъ, запрегъ лошадь, да за нею... Забралъ ее, привязалъ къ оглоблѣ, да и маршъ! Кобылу разъ стегнетъ, а ее два, кобылу разъ, а ее два!.. Вотъ такъ и проучилъ ее! Будетъ знать, какъ изъ дому уходить... Вотъ такъ бы и ты сдѣлалъ... Правду я говорю, дядя Михайло? а? Или ты заснулъ?

Старикъ Михайло очнулся, поднялъ голову и заговорилъ:

— Кто спитъ, я? Нѣтъ, я не сплю, я все слышу, да думаю себѣ: молодъ ты, братъ, еще, вотъ что: не дѣло ты Семену совѣтуешь. Не такая бываетъ правда на свѣтѣ.

— А то какъ же? Неужто кланяться ей? „Спасибо, молъ, тебѣ, женушка, за это“?

Михайло покачалъ головой и сказалъ:

— Глупый ты, глупый. Коли хошь, чтобы жена тебя слу-

шалась, такъ сперва самъ себя научи, какъ надо жить, а она съ тебя примѣръ возьметъ...

Молодой мужикъ засмѣялся.

— Ну, хорошо; я вотъ какъ сдѣлаю: пріѣду домой, сейчасъ посажу жену за столъ въ передній уголъ и буду ей кланяться: пусть она съ меня береть примѣръ!

Старикъ Михайло улыбнулся, посмотрѣлъ на всѣхъ и опять заговорилъ:

— А ты какъ думаешь? Вонъ, я свою старуху жалѣю, и она меня уважаетъ. Хоть и посердится, какъ приду домой выпивши, а все ничего, пусть посердится, того я и стою. А до драки, Богъ миловалъ, дѣло у насъ не доходило; 35 годовъ вмѣстѣ прожили, а ни разу жену не ударилъ... Разъ только кнутомъ стегнулъ, какъ стала она съ золовкой спорить; давно дѣло это было—мы тогда съ братомъ дѣлились.

— Что̀ правда, то̀ правда,—заговорилъ еще одинъ мужикъ: —дядько Михайло никогда своей жинки не бьетъ. Я по сосѣдству живу, а не слыхалъ ни разу. Кнутомъ—можетъ, не знаю, только не слышалъ. Прямо сказать—ладно живутъ... Дай Богъ всѣмъ такъ.

Такъ говорили мужики. Семенъ молчалъ и слушалъ. Онъ сидѣлъ на лавкѣ, свѣсивши голову на грудь и опершись спиною о стѣну. Ни одно слово не пролетѣло мимо его ушей, и никогда еще слова не западали въ его душу такъ сильно, какъ теперь. Хмель у него точно рукой сняло, будто Семенъ и не пилъ ничего. Ему казалось, что всѣ смѣются надъ нимъ, считаютъ его дуракомъ... Одни совѣтуютъ поступать съ женою строго, другіе толкуютъ, что надо жалѣть ее, а всѣ одно говорятъ, что нужно жену держать при себѣ... И стыдно стало Семену, и досадно. Захотѣлъ онъ во что бы то ни стало воротить Катерину домой. Чѣмъ дольше слушалъ онъ, тѣмъ больше хотѣлось ему воротить ее поскорѣе. Глаза его засверкали, зарѣзалъ онъ на своемъ мѣстѣ и порывался что-то сказать. Наконецъ, онъ вскочилъ съ лавки и закричалъ:

— Шабашъ! Довольно! Будетъ! Дуракъ я! Знаю, что дуракъ! Не умѣю жить... Спасибо вамъ, люди добрые, за совѣтъ!.. Только не знаете вы, что̀ у меня вотъ тутъ, вотъ тутъ!!—кричалъ Семенъ, ударяя себя кулакомъ въ грудь...—Ну, да теперь я ужъ не тотъ Семенъ, что былъ! Будь я проклятъ, если не ворочу ее домой! Будетъ она дома. Сама не придетъ—насильно приведу; не миновать ей моихъ рукъ!

Въ толпѣ засмѣялись.

— Толкуй тамъ! Не далъ Богъ жабѣ хвоста, а то всю траву помяла бы... Такъ и ты...

Эта насмѣшка еще болѣе разсердила Семена.

— Такъ я вру? Я вру? — закричалъ онъ и кинулся-было драться. Его схватили за руки и придержали. Семенъ вырвался, хотѣлъ еще что-то кричать, но такъ задыхался отъ злобы, что ничего не могъ сказать, и опрометью кинулся къ дверямъ. Кабатчикъ крикнулъ ему:

— Деньги-то отдай!

Семенъ вернулся и досталъ рублевку. Кабатчикъ подалъ ему сдачу мѣдяками. Семенъ схватилъ мѣдяки, не считая, швырнулъ ихъ о землю и побѣжалъ домой.

Мужики захохотали и загикали ему вслѣдъ.

Старикъ Михайло покачалъ головой. Василь готовъ былъ заплакать отъ жалости къ бѣдному товарищу... Иные кинулись собирать деньги, но кто-то крикнулъ:

— Не тронь! не тронь!

Кабатчикъ тоже вмѣшался: толпа разступилась. Кабатчикъ снялъ со стѣны лампочку, посвѣтилъ, собралъ деньги и подалъ ихъ Василю.

— На, отдай ихъ Семену.

— Нехай дядя Михайло возьметъ, — сказалъ Василь.

— Что мнѣ ихъ брать? Нехай у тебя будутъ, — сказалъ Михайло кабатчику: — придетъ самъ, и отдашь: знаемъ вѣдь, сколько ихъ.

Кабатчикъ спряталъ деньги въ ящикъ.

IX.

Проснулся Семенъ на другой день и припомнилъ все, что было съ нимъ вчера.

Припомнилъ, что говорилъ онъ въ шинкѣ, какъ ему не вѣрили и смѣялись надъ нимъ,—и опять поднялась у него злоба.

„Смѣются надо мной, дуракомъ обзываютъ, что пустилъ жену! И хозяинъ, и мужъ я, будто, негодный! И никто-то, ни одна душа не вѣритъ мнѣ, что ворочу Катерину! Смѣются только, какъ надъ дуракомъ! Или я и въ самомъ дѣлѣ дуракъ! Врутъ они! Сами они дураки! Ничего они не понимаютъ! Я имъ докажу, какой я дуракъ! Верну Катерину, непремѣнно верну! Сама не захочетъ — силою верну, къ оглоблѣ привяжу, а ворочу! На

то я мужъ, хозяинъ въ домѣ, чтобы порядокъ давать! Посмѣются они сами надъ собой!"

Разговоръ въ кабакѣ не выходилъ у Семена изъ головы. Припоминалъ онъ, что говорили Василь и дядя Михайло. И ему самому уже казалось, что онъ самъ кругомъ виноватъ, что до сихъ поръ не вернулъ жену.

„Дуракъ я и есть, правду говорятъ люди! Вишь, что выдумалъ! Хотѣлъ себѣ Химку за мѣсто жены взять; стыдно и вспомнить про это... Тьфу! Правду люди говорятъ, что не надо жинки своей терять! — другой во вѣки не найдешь, съ чужою тоже вѣкъ не проживешь".

И сталъ Семенъ вспоминать все свое прошлое. Вспомнилъ онъ, какъ посваталъ Катерину, какъ женился, какъ любилъ онъ ее и какъ потомъ пошло у нихъ несогласіе, какъ билъ онъ ее... Припомнился ему судъ... какъ ему обидно было, что Катерина на него въ судъ подала, его же винила, что онъ бьетъ ее.

„Эхъ, кабы не билъ я ее да не придирался съ самаго начала, можетъ, оно ничего бы и не было... и въ судъ бы ей не за что было подавать на меня... Самъ я далъ ей зацѣпку, самъ виноватъ".

Крѣпко задумался онъ, и что больше думалъ Семенъ, то яснѣе чувствовалъ, что и онъ много виноватъ. Все стыднѣй и досаднѣй становилось ему на себя самого, и злоба на Катерину понемногу проходила.

„Вишь, грѣхъ какой! Насильно милъ не будешь, — думалъ Семенъ. — Пройдетъ время, она образумится, непремѣнно образумится! Не будетъ вѣкъ *онъ* съ нею жить, броситъ ее! Тогда куда ей? Что съ нею будетъ? Тогда она и одумается, за умъ возьмется. А то вѣдь она все одно какъ вѣтеръ была всегда,— что съ нея возьмешь?.. Можетъ быть, Богъ все это къ лучшему устроилъ?! Можетъ быть, все это для того и сдѣлалось, чтобы мы оба покаялись да въ разумъ пришли?" —Такъ думалъ Семенъ. Теперь онъ начиналъ вѣрить, что затѣмъ съ нимъ и горе случилось, чтобы ему узнать потомъ, въ чемъ настоящая жизнь и настоящая радость... „Видно, горе учитъ человѣка понимать, въ чемъ истинная радость!"... Видѣлъ онъ теперь только одно, что есть на свѣтѣ одна настоящая, истинная правда: чтобы человѣку съ человѣкомъ жить въ мирѣ и согласіи.

„И сколько это люди сами себѣ горя дѣлаютъ, — думалъ онъ, — а вѣдь какъ жить-то можно было бы ладно!"

Душа его измучилась злобою и жаждала успокоенія и любви. Сердце его радостно билось, на душѣ становилось легко и ясно,

и онъ спрашивалъ себя, придетъ ли счастливое время? И вѣрилъ, что придетъ, вѣрилъ, что вернется къ нему Катерина, и заживутъ они по новому, тихо да ладно. Подъ-часъ ему даже казалось, будто Катерина уже вернулась и, вотъ, стоитъ передъ нимъ...

Время шло. Семенъ никакъ не могъ успокоиться; теперь, впрочемъ, не злоба его мучила: онъ безпокоился отъ радостнаго ожиданія, когда-то наступитъ это желанное время? И онъ сталъ раздумывать, какъ бы ускорить это дѣло.

„Вотъ ладно бы было, коли бы сама образумилась да сама пришла! А то придетъ, когда прогонятъ ее. Да долго ждать!.. А теперь ни за что не уломаешь... не пойдетъ... И не придумаю, какъ быть... Въ волость ежели?.. Опять вѣдь ничего не выйдетъ... Было ужъ, усовѣщевали... стращали... да что толку-то? Хуже еще... совсѣмъ обовлится... Какъ быть?.. Нѣтъ, надо ѣхать къ ней... Можетъ, уговорю... Только бы вернулась...“

Семена стало душить что-то въ горлѣ... „Кажись бы... пальцемъ бы не тронулъ. Авось увидала бы тогда, что такъ-то лучше... стали бы жить мирно да любовно... Эхъ, дуракъ я, право, дуракъ... не съумѣлъ я удержать свое счастье, самъ разстроилъ его... думалъ—битьемъ ее разуму научить“... Семенъ чуть не плакалъ отъ досады. „Поѣду, право, поѣду... Теперь ужъ я—ни, Боже мой! только лаской... Авось Богъ дастъ... Помоги, Господи!“ Семенъ перекрестился. „Вотъ придетъ воскресенье—и поѣду...“

X.

Насилу дождался Семенъ воскресенья, запрегъ лошадь и поѣхалъ. Чего только не приходило ему въ голову, пока онъ доѣхалъ до Николаевки! То ему казалось, что онъ напрасно выѣхалъ изъ дому, и лучше ему вернуться, и онъ придерживалъ бѣжавшую лошадь и ѣхалъ тихо, шагомъ. То вдругъ ему станетъ весело: представляется ему, что Катерина уже согласилась ѣхать съ нимъ, и онъ начнетъ погонять коня во весь духъ, и мчится словно на пожаръ. Потомъ опять присмирѣетъ и раздумается: ѣхать иль не ѣхать?.. Наконецъ, подъѣхалъ Семенъ къ заводу. Сердце у него забилось сильнѣе и на душѣ сдѣлалось тревожнѣе. „Что-то будетъ?“ думалъ онъ.

Подъѣхалъ онъ къ воротамъ, привязалъ лошадь къ коновязи. Тутъ стояли еще двѣ подводы какихъ-то незнакомыхъ мужиковъ изъ другихъ деревень. Семенъ поздоровался съ ними и сталъ

возлѣ своего воза, не зная, на что рѣшиться. Ни мужики его не спрашивали, зачѣмъ онъ пріѣхалъ, ни онъ ихъ не спрашивалъ: мало ли зачѣмъ люди ѣздятъ на заводъ? Тотъ за разсчетомъ, другой наниматься, еще что-нибудь купить... Зналъ Семенъ, что можно тутъ цѣлый день простоять, и никто изъ служащихъ не спроситъ, зачѣмъ онъ пріѣхалъ.

Еще вчера онъ слышалъ, что сегодня будетъ освящаться заводъ, а завтра, въ понедѣльникъ, начнется работа. Зналъ Семенъ, что каждый годъ, послѣ молебна, всѣ служащіе у Петрищенка идутъ къ директору и тамъ сидятъ до вечера, пьютъ и ѣдятъ. Семенъ нарочно выбралъ такой день, когда Бондаренка навѣрно не будетъ дома, и можно смѣло подступить къ Катеринѣ.

Немного погодя, увидѣлъ Семенъ, какъ попы и всѣ служащіе выходили изъ завода и направились черезъ садъ въ квартиру директора. „Ну, пошли“,—подумалъ Семенъ: „теперь самое время... пойду... что Богъ дастъ“. Онъ готовъ былъ уже идти, но опять заробѣлъ. Внутренній голосъ говорилъ: „не ходи —ничего не выйдетъ, осрамишься только“. Однако, подумавъ, онъ опять рѣшился и пошелъ. Робко отворилъ онъ дверь и вошелъ въ кухню. Видитъ, въ кухнѣ поваръ и мальчишка-помощникъ что-то стряпаютъ на плитѣ, а Катерины не видно. Семенъ поздоровался.

— Здравствуйте вамъ! Съ праздникомъ!

Поваръ посмотрѣлъ на Семена.

— Спасибо. И тебя такъ же,—отвѣтилъ онъ, а самъ, видно, удивился приходу Семена.

Семенъ крякнулъ, переступилъ съ ноги на ногу и чуточку наклонился впередъ, чтобы заглянуть въ дверь сосѣдней комнаты. Дверь была открыта. Поваръ замѣтилъ это и сказалъ, чтобъ выручить Семена:

— Садись, гостемъ будешь... Провѣдать пришелъ?

Семенъ переступилъ съ ноги на ногу.

— Да, провѣдать... Такъ кое-что...

— Пана дома нѣтъ,—сказалъ поваръ, чтобы подбодрить Семена.

— На освященіи... слышалъ... Ну, а какъ у васъ тутъ Катерина? долго она тутъ думаетъ быть?

Поваръ пожалъ плечами, улыбнулся и отвѣчалъ:

— Какъ же, живетъ за барыню!.. А лучше было бы, еслибы ты ее взялъ домой: суется не въ свое дѣло, командовать хочетъ, а ничего не смыслитъ.

Семену понравились эти слова: „значитъ, поваръ за меня“, —подумалъ онъ. Вдругъ слышитъ Семенъ какой-то шорохъ въ комнатахъ, шаги, кто-то идетъ сюда, въ кухню. Смотритъ Семенъ—на порогѣ Катерина стоитъ, да такъ и вытаращила на него глаза.

— А-а-а! это вы?—сказала она.

— Стало-быть, я... здравствуй!—говоритъ Семенъ

Катерина вдругъ какъ накинется на него, ни съ того, ни съ сего.

— Чего тамъ—„здравствуй“? Какое—„здравствуй“? Какого бѣса притащился? „Здравствуй“?! Кого ты тутъ не видалъ?

— Не было бы дѣла, то не пріѣхалъ бы,—скромно проговорилъ Семенъ.

— Какое тебѣ тутъ дѣло? Съ кѣмъ это у тебя тутъ дѣла завелись? У насъ за дѣломъ люди въ контору ходятъ. Ступай-ка, — маршъ отсюда!

Поваръ смотрѣлъ то на Семена, то на Катерину, и сказалъ:

— Чего ты человѣку глаза запрыскала? Тьфу! Будто кипяткомъ ошпарилъ онъ тебя!

— Не ваше дѣло!—сказала Катерина, повернулась и быстро пошла въ комнаты.

Она подумала, что, можетъ, Семенъ не къ ней пріѣхалъ, а зашелъ на кухню за чѣмъ-нибудь къ повару. Ей стало стыдно, что поваръ такъ ее обрѣзалъ: „чего ты, говоритъ, прыскаешь человѣку въ глаза?“

Послѣ ухода Катерины, поваръ пододвинулъ Семену табуретъ и пригласилъ его сѣсть. Семенъ сѣлъ. Потомъ досталъ поваръ изъ большой кастрюли бѣлый горячій пирожокъ и подалъ Семену.

— На! можетъ, не ѣлъ еще.

— Спасибо, дома успѣлъ пообѣдать... не надо.

— Ну-ну, бери, чего тамъ—„не надо“!

Семенъ взялъ пирожокъ, перекрестился и сталъ ѣсть. Съѣвши пирожокъ, онъ завернулъ полу поддёвки, вытеръ руки о подкладку и сталъ благодарить. Поваръ подалъ ему другой пирожокъ.

— Не надо, спасибо...

— Ну-ну, бери!

Семенъ взялъ и сталъ ѣсть, потомъ опять перекрестился, поблагодарилъ повара и заговорилъ медленно, обдумывая каждое слово.

— Вотъ вы—какъ васъ по батюшкѣ?—сами слышали: развѣ

я ей что худое сказалъ? Вы—люди умные... а я своимъ глупымъ разумомъ не могу и понять, что мнѣ теперь дѣлать? Сказать бы—холостой я, такъ не холостой; женатый—такъ гдѣ же моя жинка? Ни хозяинъ я, ни наймитъ, а такъ, прости Господи,—чортъ знаетъ что!.. Чего она потаскалась изъ дому? Чего она ищетъ? Напасти своей?..

Поваръ взглянулъ на Семена и сказалъ:

— Чудно, братъ, говоришь ты: развѣ тебѣ мѣшаетъ кто свою жену домой взять?

— Что же, мнѣ убить ее, что ли? Ужъ я ее и уговаривалъ, и стыдилъ, не безъ того и за патлы иной разъ таскалъ, что-жъ мнѣ дѣлать? И на судъ ходили, въ волость. Судьи присудили жить намъ вмѣстѣ, а она изъ волости да прямо до *него* на экономію... Вы тутъ живете,—вамъ виднѣе: скажите, пожалуйста, думаетъ она домой идти или нѣтъ? Что ее тутъ держитъ?

Поваръ пожалъ плечами и сказалъ:

— Кто ее знаетъ? Живетъ съ паномъ.

— Э-эхъ, лучше не говорите!—сказалъ Семенъ. Онъ махнулъ рукой, и слезы выступили у него на глазахъ. Потомъ онъ оправился немного и сказалъ:

— Если вамъ сказать по правдѣ, такъ я затѣмъ и пріѣхалъ, чтобы взять ее отсюда.

— Ну, и бери. Я и самъ радъ. Надоѣла тутъ она всѣмъ. Я думалъ, что ты самъ теперь ее не хочешь... а если твоя воля, такъ ты посмѣлѣе...

Поваръ взглянулъ на мальчугана, помощника своего, и нарочно послалъ его за чѣмъ-то на ледникъ, чтобы не мѣшалъ. Потомъ говоритъ наединѣ Семену тихо:

— Коли хочешь, такъ послушайся меня. Ты посмѣлѣе, да почаще въ глаза лѣзь къ пану: давай, молъ, мою жинку! Да при людяхъ! А не послушаетъ, такъ главному пожалуйся, а то прямо въ Харьковъ письмо самому Петрищенку: „жену мою, молъ, отнялъ, живетъ съ нею“. Небось, ему стыдно станетъ... Эхъ, ты—Хома! на твоемъ мѣстѣ я бы ее во-о какъ!.. Ты посмѣлѣе будь!.. Положимъ, теперь все равно, ничего не дождешься, а ты пріѣзжай хоть въ слѣдующее воскресенье, прямо въ контору, и заяви: „хочу жену взять; разсчетъ пожалуйте“. Потомъ пану скажи, если что не такъ... А черезъ недѣльку пріѣдешь въ другой разъ, потомъ еще и еще,—да почаще... Я думалъ, ты самъ ее теперь не хочешь... А если твое желаніе, такъ тутъ нечего долго разговаривать.

Семенъ сказалъ:

— Да, наше такое глупое желанье, глупая моя голова... А я бы васъ попросилъ — когда и отъ себя ей словечко сказать, что она худо себѣ дѣлаетъ: другихъ людей она лучше послушаетъ. Урезоньте ее. Я вамъ такое великое спасибо скажу. Пану тоже скажите такое слово... Можно намекомъ какъ-нибудь. Передайте, что я, вотъ, пріѣзжалъ. Катерину, молъ, къ себѣ требуетъ, хочетъ жалобу задать въ великій судъ, въ палату...

Поваръ посмотрѣлъ на Семена, какъ бы спрашивая: „или ты и въ самомъ дѣлѣ жалобу подашь?“ Потомъ вслухъ сказалъ:

— Это можно. Если тебѣ такъ хочется, такъ я ее скоро выживу. О-о, я выживу!.. Только сразу нельзя; а ты, какъ я тебѣ говорилъ, почаще сюда наѣзжай,—хоть и панъ дома, все равно. Перестанетъ она такъ прыскать... Я ужъ ей тутъ наговорю, я свое дѣло сдѣлаю...

Въ это время вернулся изъ ледника съ чѣмъ-то мальчикъ, и они замолчали.

Какъ вдругъ Катерина опять на порогѣ.

— Разговоры разговариваете? Про что это? Что же у васъ водки на столѣ нѣту, гости дорогіе?—спросила она чванно.

— Мы не гости, смѣяться тутъ нечего,—сказалъ Семенъ,—а ты не гордись да думай, какъ бы домой... Довольно уже, будетъ!

Катерина такъ и уставилась на Семена глазами:

— Вотъ Богъ, а вотъ порогъ! Вишь, пришелъ сюда... маршъ! Голодранецъ! Есть у тебя хозяйство? Куда ты меня поведешь? Все пропилъ! И не думай, забудь и дорогу сюда!

Семенъ спокойно выслушалъ Катерину и твердо отвѣтилъ ей:

— Послушай, Катерина, ты не прыскай; я тебя не неволю сейчасъ, только такъ и знай, что быть тебѣ дома. Иначе и въ головѣ не клади!

Катерина измѣнилась въ лицѣ. Больше всего озадачило ее то, что Семенъ совсѣмъ не сробѣлъ и говоритъ такъ спокойно. И злость ее взяла, и боялась она, не сдѣлалъ бы чего Семенъ. А тутъ еще и поваръ вступился за него.

— Ты, братъ, поѣзжай себѣ,—сказалъ онъ:—коли слова не слушаетъ, дѣлай свое дѣло.

Потомъ онъ сказалъ Катеринѣ:

— Вотъ мужъ твой хочетъ жалобу задать въ великій судъ... Это не то, что въ волость: тогда узнаешь...

— Въ какой это судъ, куда? Много понимаетъ онъ!

— Понимаетъ!—твердо проговорилъ Семенъ:—нѣтъ своего ума, такъ люди научатъ... Извѣстно, въ какой судъ: на окружной.

Катерина притворно засмѣялась.

— Окружной?.. ухъ, какъ испугалась, ажъ сорочка побѣлѣла! – Потомъ она повернулась и съ такимъ же смѣхомъ быстро пошла въ комнаты. Но не смѣхъ былъ у нея на душѣ. Большую загвоздку сдѣлали ей эти слова: „судъ окружной“! Пусть бы самъ Семенъ стращалъ, а то и поваръ. „Значитъ, тутъ что-то есть“,—думала она.

Немного погодя, Семенъ попрощался и уѣхалъ домой. Дорогой онъ все твердилъ: „Ишь ты! Думалъ вонъ какъ, а вышло совсѣмъ иначе. Думалъ: пріѣду, сейчасъ возьму и поведу ее, а оно... скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается... Гм... думалъ такъ, а вышло вонъ какъ! Ну, ничего, что Богъ ни даетъ, все къ лучшему“.

Стегнетъ онъ кнутомъ свою лошаденку, прикрикнетъ на нее, оглянется весело по сторонамъ на озимые всходы, на потемнѣвшій лугъ, взглянетъ на осеннее солнышко и опять твердитъ про себя въ десятый разъ: „думалъ такъ, а вышло вонъ какъ... А оно, Богъ дастъ, все къ лучшему“.

Пріѣхалъ Семенъ домой и сталъ съ нетерпѣніемъ ожидать слѣдующаго воскресенья, чтобъ поѣхать опять къ Катеринѣ.

XI.

А Катерина, послѣ того, какъ Семенъ вышелъ изъ кухни и уѣхалъ домой, начала подумывать, что нехорошо она обошлась съ мужемъ. Не то, чтобъ совѣсть ее мучила, а просто она боялась, что Семенъ отомститъ ей за это. А тутъ еще замѣтила она, что управляющій сталъ косо посматривать на ея полноту, рѣже говорилъ съ нею и часто сердился. Катерина думала, что чѣмъ-нибудь не угодила своему барину, и всячески старалась подладиться подъ его нравъ. Но это не помогало, а только больше злило управляющаго. Онъ началъ уже догадываться, что Катерина беременна, и сталъ зорко смотрѣть за нею.

На другой день, послѣ ярмарки, онъ узналъ отъ кого-то, какъ она спрашивала на ярмаркѣ пудры, какъ смѣялись надъ нею и называли ее Бондаренковою барыней. И очень стыдно было ему слышать эти разсказы. Онъ порѣшилъ непремѣнно прогнать Катерину и сталъ еще больше придираться къ ней.

На третій день послѣ ярмарки, когда Катерина подавала самоваръ, управляющій сердито спросилъ ее:

— Что это у тебя такое? Чего ты туда напхала?

Катерина немного покраснѣла, но спохватилась. Она вспомнила Маринин совѣтъ, не выдавать тайны, и бойко, со смѣхомъ, отвѣтила:

— Чего тамъ напхала? Ничего! Наѣлась, юбокъ двѣ надѣла, вотъ оно и показывается тамъ.

Управляющій не повѣрилъ ей. Онъ сталъ еще больше придираться къ Катеринѣ: то подастъ она что-нибудь не такъ, то скажетъ что̀ некстати, все не угодитъ ему. Теперь онъ чаще требовалъ къ себѣ повара, чѣмъ Катерину; въ послѣдніе дни такъ даже повару велѣлъ и самоваръ подавать. Катерина все рѣже стала бывать въ комнатахъ, когда дома былъ управляющій, и все время проводила больше на кухнѣ. Она замѣчала, что баринъ пересталъ ее жаловать, и боялась, какъ бы не случилось чего похуже. Вмѣстѣ съ тѣмъ она начала чаще вспоминать о Семенѣ; онъ ей казался лучше, чѣмъ былъ прежде, такъ что можно бы, пожалуй, отъ нужды съ нимъ и жить. Но по временамъ ей становилось досадно и думать объ этомъ, и ей хотѣлось сорвать зло свое надъ Семеномъ, какъ тогда на ярмаркѣ. Но она вспомнила, что послѣ она пожалѣла объ этомъ. И теперь она еще каялась, что худо обошлась съ Семеномъ, когда онъ самъ пріѣхалъ къ ней. Чувствовала она, что ей не удержаться тутъ, и что плохое ей будетъ житье у мужа, отомститъ онъ ей за все... Послѣ поваръ сказалъ ей, что Семенъ опять пріѣдетъ въ воскресенье, и Катерина съ нетерпѣніемъ стала ожидать пріѣзда мужа, чтобы загладить свою вину.

Вечеромъ въ тотъ день, какъ освящали заводъ, управляющій Бондаренко пришелъ домой отъ директора выпивши. Онъ встрѣтилъ Катерину въ передней и сердито ругнулъ ее. Потомъ онъ прошелъ въ свой кабинетъ, усѣлся въ кресло, громко икнулъ и крикнулъ повару.

— Эй ты тамъ, Андрей!

Андрей прибѣжалъ.

— Принеси зельтерской воды бутылку!

Поваръ мигомъ принесъ изъ погреба маленькую бутылочку, откупорилъ ее и налилъ шипящей воды въ стаканъ. Управляющій выпилъ сразу цѣлый стаканъ, выпятился, икнулъ на весь домъ и спросилъ повара:

— Ну что?

— Ужинъ подавать?—спросилъ его поваръ.

— Не надо... Что̀ тутъ, братъ, у насъ съ тобою все въ порядкѣ?

Поваръ переступилъ съ ноги на ногу, кивнулъ головой къ кухнѣ, куда сейчасъ прошла Катерина и сказалъ тихо:

— Пріѣзжалъ... домой требуетъ.

— Кто?

— Мужъ... Говоритъ, судомъ будетъ... въ палату, что ли...

Поваръ внимательно и лукаво смотрѣлъ на управляющаго, стараясь узнать, что онъ думаетъ.

Управляющій сидѣлъ нахмуривши брови. Потомъ онъ фыркнулъ, какъ лошадь, и крикнулъ сердито:

— Скажи, пусть береть! Эти сволочи зазнаются, не уживаются.

— Обѣщалъ опять пріѣхать въ воскресенье,—сказалъ поваръ.

— Пусть береть хоть завтра,—сказалъ управляющій. Потомъ онъ одумался и прибавилъ тихо:—Только ты, смотри, ей не говори, а то натворитъ тутъ еще чего-нибудь. Слышишь?

— Слушаю.

— Ну, иди себѣ спать.

Катерина слышала изъ кухни, какъ управляющій сердито крикнулъ: „скажи, пусть береть!“ Сердце у нея сразу замерло, въ груди защемило. „Что если онъ это про меня говоритъ?“ раздумывала Катерина. Ей стало страшно.

Она хотѣла спросить у повара, о чемъ это управляющій говорилъ съ нимъ; но раздумала: все равно, правды не скажетъ... а хоть и скажетъ, что изъ того? „Послѣ сама узнаю“, думала она.

Цѣлую недѣлю Катерина ходила какъ угорѣлая. Теперь уже она по всему видѣла, что прошли ея веселые дни. Съ минуты на минуту ожидала она, что ее разсчитаютъ. „Хоть бы не прогналъ, пока Семенъ пріѣдетъ,—думала она,—а то какъ тогда я покажусь ему на глаза? Стыдно будетъ“. Она уже не чванилась передъ поваромъ и передъ другими, не старалась верховидѣть, а была тише воды, ниже травы.

Вотъ пришло и воскресенье.

Семенъ пріѣхалъ на экономію рано; управляющій только-что напился чаю и еще не выѣзжалъ въ церковь. Теперь Семенъ уже смѣлѣе вошелъ въ кухню, сталъ возлѣ порога, кнутъ держитъ въ одной рукѣ, а шапку въ другой. Поваръ былъ очень занятъ возлѣ плиты, а Катерины въ кухнѣ не было. Скоро вошла и она въ кухню, неся шумящій самоваръ. Увидѣла она Семена, глаза ихъ мелькомъ встрѣтились и сейчасъ же разошлись. Но ни онъ, ни она не сказали: „здравствуй“. Катерина молча опять пошла въ комнату и сейчасъ же воротилась; въ рукахъ она несла подносъ съ стаканомъ, сахарницею и чайникомъ. По-

ставила она поднось на столъ, оборотилась къ Семену, взглянула на него, усмѣхнулась и сказала:

— А „здравствуй“ куда дѣвалъ? въ борщѣ съѣлъ?

Семену очень понравились эти слова; онъ съ радостью проговорилъ:

— Ну, здравствуй, здравствуй!

— То-то... Ты ждешь, чтобъ я первая... ишь какой! — ласково сказала Катерина.

Она повернулась туда-сюда, схватила тряпку, вытерла мокрый табуретъ и подставила его Семену.

— На, садись,—сказала она:—все равно, сколько ни стой, больше не выростешь.

Семенъ такъ весь и просіялъ, и отъ радости не зналъ, что сказать. Молча сѣлъ онъ на табуретъ около дверей. Поваръ суетился возлѣ плиты и только поглядывалъ то на него, то на Катерину.

„Слава Богу, образумилась она“, думалъ Семенъ. Сердце такъ и прыгало у него въ груди. Онъ не зналъ, кого и благодарить: поваръ ли это такъ Катерину настроилъ, или она сама по себѣ одумалась?

Катерина вертѣлась по кухнѣ и все придумывала, какъ бы лучше обойтись съ Семеномъ; но ничего ей не приходило въ голову.

— Вы готовы уже чай пить?—спросила она повара.

— Пей, я сейчасъ,—сказалъ поваръ.

Катерина поспѣшно достала изъ шкафа еще два стакана, поставила на столъ и налила всѣ три стакана. Потомъ она оборотилась къ Семену, улыбнулась и спросила:

— Ты будешь чай пить?

Семенъ встрепенулся, посмотрѣлъ на Катерину, двинулъ плечами и сказалъ робко:

— Добре дуть, какъ дадуть: почему не пить, коли за столъ сажаютъ?

Катерина дѣлала видъ, будто не слышитъ его словъ, и обратилась къ повару:

— Садитесь уже! Довольно вамъ возиться тамъ возлѣ своей плиты; еще успѣете Самоваръ уже совсѣмъ застылъ.

Поваръ отеръ фартухомъ руки и подсѣлъ къ столу. Катерина тоже сѣла, налила себѣ въ блюдечко чаю и стала пить. Поваръ глянулъ на третій стаканъ и посмотрѣлъ на Катерину. Она нахмурила брови, потомъ вскочила, подошла къ Семену и сказала:

— Постой, встань.

Семенъ всталъ.

Катерина взяла табуретъ, поставила возлѣ стола и, не глядя на Семена и не называя его по имени, говоритъ:

— Иди ужъ, садись, пей.

Семенъ ушамъ своимъ не вѣрилъ: эти ли слова онъ слышитъ? Катерина ли это говоритъ? Онъ только переступилъ съ ноги на ногу, надѣлъ шапку на кнутовище и поставилъ къ стѣнкѣ, но не подошелъ къ столу.

Поваръ взглянулъ на него.

— Ну иди, иди! чего тамъ?—сказалъ онъ Семену.

— Да коли идти, такъ идти,—проговорилъ медленно Семенъ и сѣлъ возлѣ стола на табуретъ, перекрестился, налилъ себѣ въ блюдечко чаю и, держа его обѣими руками, принялся усердно прихлебывать, наморщивая лобъ. И какъ онъ ни старался сдерживаться, маленькіе сѣрые глаза его такъ и прыгали, такъ и прыгали отъ радости.

Съ минуту всѣ трое сидѣли молча и слышалось только прихлебыванье чая въ три рта да шипѣнье на плитѣ. Катеринѣ было очень неловко, она едва сидѣла на своемъ мѣстѣ. Ей хотѣлось заговорить, и она спросила повара:

— Что тамъ у васъ скворчитъ на плитѣ?

— Ничего, пусть себѣ скворчитъ,—угрюмо отвѣчалъ поваръ. И опять всѣ замолчали.

Поваръ налилъ себѣ и Семену по второму стакану и спросилъ его:

— Что, скучно, небось, дома одному?

— Скучновато,—отвѣчалъ Семенъ:—да что подѣлаешь?

— Бери вотъ ее, да и хозяйничайте!—сказалъ поваръ:—чего такъ-то... Эхъ, вы! Да еслибы у меня своя хата, развѣ бы я сталъ наниматься?!

Катерина оживилась въ лицѣ и заговорила:

— А онъ, глупый, все думаетъ, что я отъ него убѣгаю, будто я съ нимъ жить не хочу!.. Развѣ я сама убѣгаю? нужда гонитъ; было бы чѣмъ жить, такъ жила бы дома!.. Теперь хоть бы и домой пришлось идти, такъ есть съ чѣмъ: ты еще не знаешь, сколько я заработала!.. А онъ думаетъ: „ушла, ушла!..“

— Что тамъ я думаю, ничего я не думаю,—проговорилъ Семенъ смущенно. Онъ чувствовалъ, что Катерина говоритъ не совсѣмъ правду, догадывался, что въ ея словахъ есть какая-то ложь и хитрость; но онъ радъ былъ и это слышать отъ нея, и готовъ принять ея слова за чистую правду.

— Я того не помню, что иногда, бывало, поспоримъ,—начала опять Катерина:—безъ этого нигдѣ не обходится, тутъ оба виноваты... А придетъ время домой идти, такъ и пойду, да еще пѣшкомъ не пойду, потому что не съ пустыми руками! Видишь, вотъ, сундукъ? Кѣмъ онъ купленъ? Не ты его покупалъ? То-то. А въ немъ всего полно... Ты не думай, что я деньги такъ, на вѣтеръ пускала. Ты не слушай того, что тамъ брешутъ...

— Я не слушаю... люди всего наговорятъ,—сказалъ Семенъ.

Катерина замѣтила, что онъ допиваетъ стаканъ; взяла и сама налила ему и себѣ.

— Пей... да не считай своей жинки за... какую-нибудь... Еще кто его знаетъ, кто больше виноватъ, я или ты: за хорошимъ мужемъ и свинка—господинка...

Семену показались обидными эти слова. Только не такое теперь время было, чтобы платить за обиду, да и что это за обида передъ его радостью? Онъ молчалъ и слушалъ все, что говорила Катерина, и иногда ему казалось, что она только зубы заговариваетъ. Потомъ и это прошло, и Семенъ совсѣмъ сталъ вѣрить, что Катерина будетъ опять съ нимъ жить. Не зналъ только онъ, когда это сбудется. Да и Катерина не знала навѣрно, пойдетъ ли она домой сегодня, или послѣ, а говорила все это на всякій случай, чтобы заранѣе помириться съ Семеномъ, а то еще, чего добраго, въ хату не пуститъ, когда ее разсчитаютъ.

Въ это время управляющій одѣвался у себя въ комнатахъ и собирался ѣхать въ церковь. Когда онъ стоялъ передъ зеркаломъ и поправлялъ свой галстухъ, изъ сосѣдней угловой комнаты, гдѣ была контора, онъ услышалъ голосъ конторщика:

— Петръ Даниловичъ, лошади поданы!

— Хорошо,—отвѣчалъ управляющій. Онъ снялъ съ вѣшалки пальто и сталъ надѣвать его.

— Эй, ты тамъ, Андрей!—крикнулъ онъ.

Поваръ мигомъ появился на порогѣ, вытирая фартухомъ руки. Вслѣдъ за нимъ Катерина схватилась съ своего мѣста, подошла къ дверямъ и стала подслушивать, о чемъ они будутъ говорить. Семенъ сидѣлъ задомъ къ двери, пилъ чай и ничего не замѣчалъ.

— Ты, гляди, тутъ присмотри,—говорилъ управляющій повару:—сегодня я велю выдать разсчетъ Катеринѣ; пусть убирается куда знаетъ; подводу ей дадутъ, я прикажу.

— Да за нею ужъ пріѣхалъ... мужъ... тутъ онъ,—проговорилъ поваръ.

— Ну, это еще лучше,—сказалъ управляющій.

Потомъ онъ громко черезъ корридоръ крикнулъ конторщику:

— Павелъ Ивановичъ!

— А, что?—отозвался конторщикъ.

— А то: пожалуйте-ка сюда на минутку!

Конторщикъ вошелъ съ перомъ въ рукѣ и подалъ управляющему подписать какую-то бумажку.

Управляющій разсмотрѣлъ бумажку, подписалъ ее и сказалъ:

— Ну-съ, я ѣду, а вы, пожалуйста, тутъ смотрите, видите, всѣ поразъѣзжались... помощники отпросились въ гости, такъ вы уже сами...

Конторщикъ кивнулъ головою и повернулся, чтобы выйти, но управляющій задержалъ его и громко, съ разстановкою, проговорилъ:

— Катеринѣ выдать разсчетъ; пусть убирается... Тамъ ей мужъ пропишетъ „путри“... Потомъ онъ прибавилъ тише:—Черезъ нихъ, чертей, только сраму наберешься... зазнаются, сволочи!

Конторщикъ взглянулъ на управляющаго и улыбнулся. Затѣмъ спросилъ:

— Такъ и подводу ей выдать или не надо?

— Да за ней тамъ пріѣхали, что ли .. Впрочемъ, если надо, пусть отвезутъ, чортъ съ ней!

И управляющій вышелъ и уѣхалъ.

Когда Катерина услышала, какъ управляющій сказалъ: „Катеринѣ выдать разсчетъ“, она такъ и присѣла, будто кто обухомъ ударилъ ее по головѣ. Тысячи мыслей промелькнули въ ея головѣ, какъ молнія. Ей представилось все, что она пережила, и что дальше ей придется встрѣтить. Но она скоро оправилась, подошла къ Семену и, какъ ни въ чемъ не бывало, лукаво спросила его:

— Хочешь, чтобы я поѣхала домой? А биться не будешь?

— Почему-жъ и не хотѣть? Вѣдь я и раньше говорилъ,— сказалъ Семенъ, пожимая плечами и стараясь казаться спокойнымъ. Онъ удивлялся, съ чего это съ женой такая перемѣна? Поваръ куда-то вышелъ, и Катерина осталась съ мужемъ одна съ-глазу-на-глазъ. Она лукаво посмотрѣла на Семена и сказала:

— Ну, ужъ такъ и быть, поѣдемъ. Я сегодня разсчетъ получу: еще вчера говорила управляющему... А то, можетъ, ты церемониться вздумаешь? Если такъ, то лучше я отсюда прямо на другое мѣсто поѣду: у меня ужъ давно найдено хорошее мѣсто. Для меня, братъ, вездѣ будетъ мѣсто: для хорошей у всякаго хорошо.

Семена покоробили эти слова. „Ужъ лучше бы она ничего не говорила“, подумалъ онъ. „Коли ѣхать, такъ ѣхать, а не хо-

чешь, такъ и сказала бы прямо". Глаза его вдругъ помутились и веселость съ лица пропала. Но онъ пересилилъ себя и сказалъ робко:

— Какъ знаешь... я не неволю. Только послѣ будешь каяться; не сегодня, такъ завтра, не теперь, такъ въ четвергъ, а надо идти домой... Ты не думай, что я тебя стращаю... Ты спроси людей, что они скажутъ; сколько сраму мы и безъ того приняли!

Въ эту минуту вошелъ въ кухню поваръ. Семенъ замолчалъ. Катерина сказала, притворившись спокойной:

— Ну, такъ ѣдемъ, человиче [1]): надоѣло уже мнѣ по наймамъ таскаться; поживемъ еще дома.

Поваръ только поглядѣлъ искоса на Семена и на Катерину и ничего не сказалъ.

Семенъ все еще не вѣрилъ, чтобы Катерина поѣхала съ нимъ сегодня же. Только когда она начала суетиться и укладывать въ большой новый сундукъ свое добро, Семенъ пересталъ сомнѣваться. Чтобы скрыть свою радость, онъ отвернулся, взялъ шапку и сказалъ:

— Такъ я пойду къ лошади.

— Иди, да приходи, поможешь сундукъ вынести,—сказала Катерина.

Семенъ поспѣшно вышелъ.

Черезъ часъ они уже ѣхали домой.

XII.

Пріѣхали они въ Куяновку и зажили вмѣстѣ.

Только не сразу у нихъ дѣло пошло на ладъ. Первое время они оба мало говорили другъ съ другомъ,—не то дулись, не то стыдились другъ друга. Сядутъ обѣдать, ѣдятъ молча, другъ на друга не глядятъ. А начнутъ рѣчь о чемъ, такъ все не ладится разговоръ.

Катерина старалась скрыть отъ Семена, что она беременна, и каждую минуту опасалась, что вотъ-вотъ онъ узнаетъ все... И Семенъ, дѣйствительно, скоро догадался про тайну Катерины. Онъ не сказалъ ей ни слова, только сталъ сумрачнѣе прежняго и сердитѣе.

Видитъ Катерина, что Семенъ невеселый, и дрогнуло у нея сердце...

---

[1]) Мужъ. по-малороссійски.

Сѣли они разъ за столъ обѣдать. Собралась она съ духомъ и говоритъ мужу:

— Чего ты надулся, какъ пшеничный коржъ?

Семенъ сидѣлъ въ это время за столомъ на лавкѣ и рѣзалъ хлѣбъ къ обѣду. Онъ поднялъ глаза на Катерину, пристально посмотрѣлъ на нее и проговорилъ угрюмо:

— Нѣтъ ты мнѣ скажи, чего это тебя такъ раздуло? Что же мнѣ радоваться, что ли, что жинка набѣгала себѣ?..

Семенъ сердито положилъ хлѣбъ на столъ, нахмурился и принялся ѣсть борщъ.

Катерина только-что собиралась протянуть сухую ложку къ чашкѣ, но тутъ отъ словъ Семена вдругъ вся покраснѣла, смутилась и опустила руку.

— Коли мое не въ ладъ, такъ я и назадъ! Я себѣ найду мѣсто! — проговорила она немного погодя. Но думала она совсѣмъ другое.

— Никакая собака не гонитъ тебя изъ дому,—сказалъ Семенъ;—будетъ, уже и такъ показала себя!

И съ этого дня стали они еще болѣе коситься другъ на друга. Оба они понимали теперь, что нужно стараться жить вмѣстѣ мирно, и оба хотѣли того, да не умѣли направить разъ испорченную жизнь.

Но вотъ пришло время: Катерина родила...

Съ родовъ она долго проболѣла. Семену жаль стало ее, и началъ онъ ухаживать за нею, какъ за ребенкомъ маленькимъ. Худого слова не слышала отъ него Катерина; на ея глазахъ ласкалъ онъ ея ребенка, какъ родного, и называлъ сыночкомъ... Понравилось это Катеринѣ, перестала она сердиться на Семена, и размягчилось сердце ея. Бывало, какъ долго не подходитъ онъ къ ней, соскучится Катерина и говоритъ бабкѣ:

— Семена бы позвали, нехай бы посидѣлъ здѣсь: мнѣ легче было бы.

Придетъ Семенъ, сядетъ, скажетъ привѣтливое слово, приласкаетъ ребенка, и хорошо станетъ Катеринѣ, заглядываетъ она мужу въ лицо, и чувствуетъ, что онъ любъ ей становится. А Семенъ видитъ, что Катерина такъ ласково смотритъ на него, и еще больше ухаживаетъ за нею. То спроситъ онъ, не хочется ли ей чего поѣсть, то квасу напиться ей подастъ, или воды, то прикроетъ ее потеплѣе, или ребенка на другой бокъ перевернетъ. Иной разъ и вовсе ничего не сдѣлаетъ, а просто посидитъ возлѣ Катерины молча—и сдѣлается ей такъ хорошо... И стало стыдно Катеринѣ за свой грѣхъ, глядючи на Семенову доброту, на его

любовь. И въ первый разъ замужемъ всплакнула она не отъ боли тѣлесной, а отъ раскаянія...

На второй день послѣ рожденія крестили ребенка. Дали ему имя Ивана. На крестинахъ всѣ сосѣди называли его Семеновымъ сыномъ и, выпивая по рюмкѣ, приговаривали:

— А сынъ твой, нехай, великій ростетъ да счастливый будетъ.

Крестная мать такъ прямо и сказала Семену:

— Ну, сынокъ, далъ Богъ мнѣ внука, а тебѣ сына. Жалѣй его, жалѣй, оно твое дитя, ты ему батька, такъ и знай; она мать ему, а ты—батька... А не будешь жалѣть, не станешь за свое дитя считать, Богъ тебя накажетъ. Такъ-то, сынокъ!

— Да некуда дѣваться, надо жалѣть,—проговорилъ Семенъ, выпилъ чарку и сказалъ:

— Нехай Богъ дастъ, чтобъ сынъ мой великій росъ да счастливъ былъ.

— Такъ, такъ, Семенъ!—говорили развеселившіеся старики и старухи:—такъ! Нечего поминать старые грѣхи: дитя ни въ чемъ неповинно, а виноваты батька да мать...

Выздоровѣла Катерина послѣ родовъ, и стали жить они съ Семеномъ лучше прежняго...

Такъ прошло съ полгода. И совсѣмъ бы хороша была ихъ жизнь, еслибы не одно зло, съ которымъ они еще сладить не успѣли. Бывало, какъ только глянетъ Катерина на Ваньку, задумается о прошломъ, вспомнитъ свой грѣхъ, и стыдно ей станетъ, и больно. Видитъ Катерина, Семенъ ни въ чемъ ее не упрекаетъ, а думаетъ она себѣ: „лучше бы онъ поругалъ меня, побилъ... Совѣсть, будто, чище стала бы, а то теперь, словно что̀ украла, провинилась передъ нимъ“. А тутъ ребенокъ, какъ бѣльмо, постоянно торчитъ у нея на глазахъ и напоминаетъ ей о грѣхѣ. Она не знала, куда бѣжать отъ стыда передъ самой собою, хотѣлось ей казнить себя за вину свою, но ей легче было казнить ребенка... И стала Катерина сгонять свое зло на безвинномъ дитяти...

Бывало, возьметъ и пошлепаетъ его, бѣдненькаго, ни за что, ни про что; а иногда кричитъ Ванька по цѣлымъ часамъ, а Катерина тутъ же сидитъ себѣ, шьетъ и будто не слышитъ. Часто у нихъ выходили черезъ это ссоры съ Семеномъ.

Пришла какъ-то праздниками въ гости къ нимъ крестная мать Семенова. Сидятъ они и гуторятъ о томъ, о семъ, а Ванька въ люлькѣ раскричался на всю хату, оретъ, ѣсть проситъ. Крестная мать и говоритъ Катеринѣ:

— Возьми, дочка, покорми Ваньку

— Да, нехай плачетъ, не помретъ,—отвѣтила Катерина.

Ванька разревѣлся пуще прежняго. А Катерина нарочно не береть его на руки, не хочетъ покормить грудью. Семенъ и говоритъ ей:

— Или ты не слышишь? Или тебѣ позакладало? Чего не покормишь его?

Катерина разсердилась.

— Нехай его черви съѣдятъ! Только и знай, что корми! — говоритъ она.

Осерчалъ и Семенъ, поднялся съ лавки, уставился на Катерину и закричалъ:

— А то кто же его кормить будетъ? Я, что ли? Дура ты! Вижу я, вижу, ты на немъ зло сгоняешь! Чѣмъ дитя виновато, что его мать таскалась! Корми, коли набѣгала!

Проговоривъ это, Семенъ схватилъ съ гвоздя шапку и вышелъ поскорѣе на дворъ, чтобы избѣжать большей ссоры.

Крестная мать посмотрѣла ему вслѣдъ, глянула на Катерину, покачала головой и тихо проговорила, какъ бы про себя:

— Охъ, дѣтки! Много еще вамъ учиться надо, какъ жить...

И замолчала старуха. Видитъ она, у Катерины слезы на глазахъ. Встала она со скамейки, подошла къ люлькѣ, утерла глаза, взяла на руки ребенка, стала кормить грудью, цѣлуя его и приговаривая:

— Будетъ же, будетъ, будетъ, дѣточка! А-а-а-а-а-а... Раскричалося бѣдное. Будетъ же, будетъ, дорогой Ваничка!

Немного погодя, Семенъ вошелъ въ хату и молча присѣлъ на лавкѣ. Ребенокъ уже насосался и сидѣлъ веселый на рукахъ у Катерины. Крестная мать и говоритъ ей:

— Дай-ка мнѣ сюда Ванькѣ; я его почукаю.

Подошла она къ Катеринѣ, взяла ребенка на руки и начала подбрасывать.

Ребеночекъ веселый, смѣется, рученками машетъ, попрыгиваетъ. Подшлепываетъ его старуха и приговариваетъ:

— Ой такъ-такъ, сѣютъ макъ и петрушку, пастернакъ! Ой такъ-такъ! Чуки-чуки-чукъ! Чуки-чуки-чукъ!

Семенъ сидѣлъ на лавкѣ и, глядя на жену, почесывалъ себѣ затылокъ. Катерина сложила руки на груди и грустно задумалась о чемъ-то, сидя на скамейкѣ задомъ къ столу. Старуха долго утѣшалась ребенкомъ, потомъ поднесла его къ Семену и говоритъ:

— А ну-ка, Ванькѣ, хватай батькѣ за волоса, ну-ка, хватай, хватай! Такъ, такъ, такъ его! - Ребенокъ вцѣпился въ голову отца. Семенъ выпуталъ рученки его изъ волосъ и говоритъ матери:

— Берите его, несите. Мнѣ и такъ тошно...

— Ладно, ладно, что тебѣ досадно,—заговорила старуха дѣтскимъ языкомъ, будто это самъ Ванька такъ говоритъ: — ладно, ладно, а мы отъ тебя не отстанемъ, пока ты не возьмешь насъ на руки. Ты нашъ батько; возьми насъ, возьми!

Семенъ притворился сердитымъ.

— Вонъ у него мать есть, пусть беретъ.

Старуха покачала головой, отошла съ ребенкомъ отъ Семена, сѣла на лавкѣ и опять стала его подбрасывать и говорить:

— Вѣрно ты говоришь: есть у насъ мать, есть... да и батько у насъ есть: ты нашъ батько, а это наша мать. Вотъ такъ-такъ! Чуки-чуки-чукъ! Правда, Ваничка? правда, дѣточка? Да, правда, правда, говори, Ванькѣ: ты нашъ батько. А мы маленькія дѣточки, насъ надо хлѣбцемъ кормить; да... да... мы ничего не знаемъ, мы, малюсенькія дѣточки, ничего не знаемъ!.. Батьки наши дураки, а матери дурки. Они дерутся, а у дѣтокъ чубы болятъ. Нехорошо такъ! Ой, такъ-такъ, чуки-чуки-чукъ, нехорошо такъ!.. Мы, маленькія дѣточки, кушать хочемъ, молочка намъ надо, хлѣбца надо, кормите насъ, батько съ мамкой! Жалѣйте насъ: грѣхъ вамъ будетъ отъ Бога за насъ, малюсенькихъ. Назвался батькомъ, такъ бери меня на руки, бери! Ой такъ-такъ, чуки-чуки-чукъ!

Семенъ слушалъ, слушалъ крестную мать, и стыдно, наконецъ, ему стало.

— Давайте уже его сюда! — сказалъ онъ ей, протягивая руки. Обрадовалась старуха, встала съ лавки, поднесла ребенка къ Семену и говоритъ ему:

— На, бери свое добро: у меня уже руки заболѣли.

Взялъ Семенъ на руки ребенка, погладилъ его по головкѣ, поцѣловалъ, поставилъ его у себя на колѣняхъ и говоритъ ему весело:

— Агу, Ванькѣ, агу, агу... поцѣлуй меня! ну, поцѣлуй!

Семенъ поднесъ ребенка къ своему лицу. Ванька разинулъ ротикъ, засопѣлъ, прижался ко лбу отца и облизнявилъ его.

— Вотъ умница, вотъ умница!—говоритъ Семенъ:—ты мой хорошій сыночекъ; ты будешь слушаться меня, какъ выростешь, а я тебя любить буду...

Семенъ долго ласкалъ и цѣловалъ ребенка. Катерина подняла голову, взглянула на мужа, но опять опустила глаза и покраснѣла вся. Немного погодя, взглянула она въ другой разъ на Семена сквозь выступившія на глазахъ слезы, опять опустила глаза и еще больше зардѣлась вся, какъ маковъ цвѣтъ, замор-

гала рѣсницами, а слезы такъ и закапали одна за другою на ея передникъ: капъ, капъ, капъ. Ни вздоха, ни рыданій не слышно было у Катерины, только крупныя слезы все сильнѣй текутъ: капъ, капъ, капъ... А Семенъ все играетъ съ ребенкомъ. Увидѣлъ онъ, что Катерина повѣсила голову и плачетъ; понялъ онъ, какія это слезы, пересталъ заниматься Ванькой и подумалъ про себя: „Ахъ ты бѣдная, бѣдная... стыдно это ей... жаль мнѣ ее", и самъ чуть-чуть не заплакалъ. Поднялъ онъ кроткіе глаза на Катерину, посмотрѣлъ на нее любовно и говоритъ ей тихо, а у самого голосъ дрожитъ:

— Ну, полно, Катерина, не плачь! Ну, будетъ же, будетъ..

Катерина закрыла лицо передникомъ и тихо плакала.

— Нехай поплачетъ, ей легче будетъ,—говоритъ старуха.

— Ты бы лучше, вотъ, дала чего-нибудь закусить матери,— сказалъ Семенъ.

— Не знаю, какъ вы, а я, дѣтки, не хочу, не надо,—говоритъ старуха.

— Нѣтъ, время уже полудневать, и мнѣ ѣсть хочется,—сказалъ Семенъ.

Катерина поспѣшно встала, на ходу утерла слезы и вышла изъ хаты. Она вошла въ коморку, стала на ослонъ и вынула изъ мѣшка, висѣвшаго на балкѣ посреди коморки, кусокъ сала, отрѣзала самую лучшую четвертушку и внесла въ хату.

— Закусите, чѣмъ Богъ послалъ, — говоритъ она крестной матери,—а ужъ водки нѣту, не взыщите.

Старуха сѣла за столъ.

— Вотъ еще выдумала: водки!—сказала она:—живутъ люди и безъ водки, былъ бы хлѣбъ святой.

Сѣли за столъ. Порѣзала Катерина сало на маленькіе кусочки и стала ѣсть. Семенъ за столомъ держалъ на рукахъ Ваньку, забавляя его, цѣловалъ его и мазалъ ему саломъ губки.

Сидятъ всѣ за столомъ, а старуха все сводитъ рѣчь на то, какъ надо жить.

— Жизнь прожить—не поле перейти. Много еще воды утечетъ... И старость придетъ... И вы будете стары, какъ я... И умирать всѣ будемъ. Не надо этого забывать: надъ всѣми Богъ, всѣ помремъ...

Помолчитъ старуха, проглотитъ кусочекъ и опять ведетъ такую рѣчь.

Семенъ и Катерина молча слушали.

Долго такъ говорила крестная мать...

Когда она ушла домой, закачала Катерина ребенка въ люлькѣ,

а сама сѣла на лавку и задумалась. Семенъ подошелъ къ ней, ласково положилъ ей на плечо руку, заглянулъ ей въ глаза и спросилъ:

— Чего ты плакала, Катерина? Ты не сердишься на меня?..

Только-что проговорилъ это Семенъ—Катерина глубоко, глубоко вздохнула, будто гора съ плечъ свалилась; посмотрѣла она на него жалкимъ, умоляющимъ взглядомъ, заплакала навзрыдъ и повисла у него на шеѣ.

— Семенъ... Семенъ!.. Про... прости!—твердила она, обливаясь слезами.

Семенъ тоже плакалъ и ласкалъ Катерину...

Съ тѣхъ поръ, какъ повѣнчались они, Катерина теперь въ первый разъ съ настоящей любовью обнимала и цѣловала мужа. Обоимъ имъ показалось, будто они до сихъ поръ не знали другъ друга, будто въ первый разъ сегодня увидѣлись они и породнились душами.

И стали они съ этого времени какъ одинъ человѣкъ. Прошелъ годъ, и не видѣли они косого взгляда, не слышали другъ отъ друга суроваго слова.

И до сихъ поръ живутъ они мирно, душа въ душу. Работаютъ оба, не покладая рукъ.

Хозяйка и жена Катерина образцовая. Хата у нея стала, какъ куколка, нарядная, даромъ что старая. Хозяйство Семеново тоже поправилось. Осенью купилъ онъ другого коня и сталъ заниматься въ свободное время извозомъ. Станція желѣзной дороги и экономія были недалеко. Разнаго народа сюда пріѣзжало и назадъ уѣзжало на станцію. Повезетъ Семенъ на станцію одного, а оттуда, смотришь, везетъ уже другого: что даютъ, то беретъ, лишь бы не даромъ обратно ѣхать... А если другая какая работа выпадетъ, въ лѣсъ ли поѣхать, или за соломою кому понадобится, Семенъ не отказывается. Такъ и заведено у него, что почти каждую недѣлю дня по три не бываетъ онъ дома. Промерзнетъ онъ дорогою, пріѣдетъ домой, а хозяйка добрая—Катерина встрѣчаетъ его радостно, для него уже и наварено, и напечено, и въ хатѣ тепло.

Ѳ. Тищенко.

ИНОЗЕМЦЫ

въ

МОСКОВСКОЙ РОССІИ.

— Изъ исторіи иностранныхъ исповѣданій въ Россіи въ XVI и XVII вѣкахъ. Изслѣдованіе Дм. Цвѣтаева. Москва, 1886.

— Памятники къ исторіи протестантства въ Россіи, ч I,—его же, и проч.

Значеніе иноземцевъ въ московскомъ царствѣ составляетъ одинъ изъ любопытнѣйшихъ вопросовъ въ нашей исторіи — въ томъ сложномъ пунктѣ ея, на переходѣ отъ московской Россіи къ Петровскимъ и послѣ-Петровскимъ временамъ, который до сихъ поръ еще не переставъ быть спорнымъ. Давно извѣстенъ тотъ особый характеръ, какой создало себѣ московское царство, — характеръ, исполненный національной и религіозной исключительности и нетерпимости ко всему иноземному и иновѣрному, подъ конецъ даже и греческому; и давно также извѣстно, что, несмотря на то, съ первыхъ шаговъ московскаго царства, съ XV-го вѣка, начинается притокъ западныхъ иноземцевъ, т.-е., въ сущности, притокъ скрытыхъ, несознаваемыхъ и непризнаваемыхъ западныхъ вліяній; этотъ притокъ все болѣе возрастаетъ—и къ концу XVII-го вѣка доставляетъ Петру многочисленный контингентъ иноземцевъ, которыми онъ могъ воспользоваться какъ готовыми силами въ своихъ новыхъ государственныхъ и образовательныхъ планахъ. Этотъ наплывъ иноземцевъ, которые наконецъ даже не столько сами направлялись въ Москву изъ торговыхъ разсчетовъ или служебныхъ преимуществъ, сколько были вызываемы самимъ москов-

скимъ правительствомъ для его различныхъ служилыхъ и промышленныхъ интересовъ,—былъ явнымъ противорѣчіемъ съ тою исключительностью, которая руководила не только правительствомъ, но и всѣми людьми московскаго царства, и очевидно долженъ былъ вызываться только крайнею необходимостью. Московскіе люди не только въ XV-мъ столѣтіи, но и въ концѣ XVII-го (и послѣ, въ самое царствованіе Петра Великаго) относились къ западнымъ иноземцамъ, всегда иновѣрнымъ, съ величайшимъ недовѣріемъ, даже враждою. Тѣ вѣка, XV—XVII, не только у насъ, но и въ самой Европѣ были временемъ сильной вѣроисповѣдной нетерпимости (гуситство и реформація; сопровождавшія ихъ волненія и войны; основаніе іезуитскаго ордена; религіозныя смуты въ Польшѣ и западной Руси, унія и т. д.); у насъ эта общая религіозная нетерпимость эпохи усиливалась относительно западныхъ иноземцевъ подозрѣніемъ ко всякому ихъ обычаю, къ ихъ научному знанію, которое людямъ наивно невѣжественнымъ нерѣдко казалось дьявольскою хитростью. Общее сознаніе московскихъ людей увѣряло ихъ, что Москва есть третій Римъ, что московское царство есть единое истинно христіанское государство, избранное Богомъ, превышающее всѣ другіе народы и чистотою вѣры, и мудростію правленія и обычая; на эти другіе народы московскій человѣкъ смотрѣлъ съ презрительнымъ высокомѣріемъ, какъ на людей, погрязшихъ во лжи и „поганствѣ“: въ сношеніяхъ съ этими людьми нужна была величайшая осторожность, чтобы не осквернить чистоты своей вѣры, не дать надъ собою власти діавольскому соблазну. Когда иноземцы стали, однако, размножаться въ благочестивомъ царствѣ, въ нимъ стали отчасти привыкать, но предубѣжденіе сохранялось долго. Можно было пользоваться для „государева дѣла“ ихъ „хитростью“, но слѣдовало все-таки остерегаться общенія съ ними, чтобы не заразиться какимъ-нибудь еретичествомъ... Если, однако, все это не помѣшало все возраставшему размноженію западныхъ иноземцевъ въ московской Россіи и даже усиленному вызову ихъ самимъ правительствомъ, то въ этомъ надо видѣть никакъ не случайное, а именно органическое явленіе нашей старой культуры. Дѣйствительно, едва только начало установляться и крѣпнуть новое государство въ Москвѣ, оказалась неизбѣжная потребность въ помощи просвѣщенія: если необходимость послѣдняго не ощущалась въ области понятій научно теоретическихъ, если даже эта теоретическая сторона совсѣмъ отвергалась по исключительно понятымъ богословскимъ соображеніямъ и вслѣдствіе той трудности, съ какою всегда научное мышленіе проникаетъ въ наивно-невѣже-

ственную среду, при полномъ отсутствіи школы, то необходимость знаній практическихъ была такъ настоятельна, что устраняла непріязненное вѣроисповѣдное чувство. Такимъ образомъ фактъ призванія иноземцевъ пріобрѣтаетъ глубокое значеніе въ исторіи нашей бытовой культуры и образованія. Московская Русь сама осуждала этимъ свою національную исключительность, допуская чуждый элементъ въ устройство своего внутренняго быта, и вмѣстѣ съ тѣмъ свидѣтельствовала, что въ глубинѣ національной жизни лежало все-таки извѣстное тяготѣніе къ тому образованію, какое развилось на западѣ въ тяжкій періодъ нашего невольнаго застоя послѣ татарскаго нашествія. Правда, панегиристы московской Россіи не совсѣмъ признаютъ или даже совсѣмъ отвергаютъ это значеніе вызова иноземцевъ. Утверждаютъ, что Москва при этомъ нисколько не поступалась своими началами, что она допускала иноземцевъ только съ чисто внѣшними утилитарными цѣлями, не давая имъ никакого мѣста въ своей внутренней жизни, продолжая отрицать ихъ съ вѣроисповѣдной точки зрѣнія, то-есть въ самомъ существѣ ихъ нравственной особенности, такъ что внѣ своего спеціальнаго практическаго служенія они не играли затѣмъ никакой роли. Дѣйствительно, московская Россія съ конца XV-го вѣка и до Петровскихъ временъ сохраняла это недовѣріе къ иноземцамъ, не разъ допускала взрывы религіозной вражды, ревниво слѣдила за отношеніями иностранныхъ служилыхъ людей къ туземцамъ,—но остается тотъ фактъ, что была признана необходимость ихъ *знанія*; что ихъ помощь распространялась все на большее число отправленій государственной и бытовой жизни; что все болѣе признавалось необходимымъ усвоеніе ихъ знаній самими русскими людьми и что иноземная наука, искусство и ремесло возбуждали все больше интереса. Кончалось тѣмъ, что между самими русскими еще въ XVII столѣтіи стали оказываться любители иноземнаго знанія, иноземцы находили между русскими друзей и покровителей и, наконецъ, иноземная наука еще до Петра Великаго становилась въ сознаніи лучшихъ людей необходимою потребностію, безъ удовлетворенія которой не могло обойтись ни государство, ни общество. Въ концѣ концовъ образовательныя стремленія Петра были только послѣднимъ проявленіемъ этого давно возникшаго сознанія. Понятно, что это умственное вліяніе проникало весьма медленно: съ одной стороны совершенное отсутствіе школы до самой половины XVII вѣка дѣлало для русскихъ чрезвычайно труднымъ усвоеніе какихъ-либо теоретическихъ понятій, и незнаніе языковъ дѣлало недоступными иностранныя книги; съ другой стороны, прибывавшіе иноземцы боль-

шею частію были не ученые, а практики, притомъ не лучшаго сорта, и призывались или являлись сами для спеціальныхъ практическихъ цѣлей, — это были купцы, ремесленники, промышленники, военные люди, врачи и т. п., — такъ что, собственно говоря, не могло быть рѣчи о какомъ-либо правильномъ образовательномъ ихъ дѣйствіи. Это послѣднее возникаетъ въ извѣстной мѣрѣ лишь во второй половинѣ XVII-го столѣтія, когда иноземное образованіе начинаетъ проникать въ Москву черезъ посредство юго-западной школы.

Въ первое время иноземцы приходили въ Москву особливо съ торговыми цѣлями, искали доступа въ московское царство въ родѣ того, какъ европейцы въ то же время добивались торговаго доступа на Востокъ и въ Китай: какъ, напримѣръ, въ Китаѣ, такъ нѣкогда и въ московскомъ царствѣ этотъ доступъ давался туго, съ большимъ недовѣріемъ, ограничивался немногими опредѣленными пунктами, иноземцы окружаемы были бдительнымъ надзоромъ. Новѣйшіе историки (напр. и историкъ, на трудахъ котораго мы теперь остановимся) обвиняютъ этихъ иноземныхъ купцовъ въ „корыстолюбіи“, въ эксплуатаціи русскихъ людей, — какъ будто когда-нибудь торговля не только съ чужими, но и съ своими обходилась безъ корыстолюбія и эксплуатаціи, какъ будто наши соотечественники (создавшіе изреченіе: „не обманешь, не продашь“ и т. п.) были въ торговлѣ безсребренниками и филантропами: если эта жалоба была умѣстна, то „корыстолюбіе“ развивалось особенно потому, что заѣзжіе иноземцы, какъ англичане, голландцы, нѣмцы, становились обыкновенно монополистами за отсутствіемъ и даже невозможностью конкурренціи со стороны туземцевъ. Иноземные купцы пріѣзжали издалека, часто съ большимъ рискомъ морскихъ путешествій; они бывали единственными проводниками иноземнаго товара и единственными скупщиками товара русскаго за границу, за неимѣніемъ торговой предпріимчивости и знанія у самихъ русскихъ, что и бываетъ главнымъ условіемъ для эксплуатаціи. Подобное совершалось вѣроятно и съ иноземческимъ ремесломъ и промысломъ въ старой Москвѣ: но съ другой стороны, можетъ быть, съ тѣхъ еще временъ въ средѣ самихъ русскихъ идетъ репутація „нѣмецкой“ или „аглицкой“ работы, которой безспорно отдавалось преимущество. Иноземцы эксплуатировали тамъ и здѣсь русскій рынокъ прежде всего потому, что этотъ рынокъ не представлялъ достаточнаго экономическаго сопротивленія: вмѣсто противодѣйствія собственною предпріимчивостью правительство старалось только противопоставить иноземческой эксплуатаціи свою казенную, забирая цѣлые обшир-

ные отдѣлы иноземной торговли въ откупъ или монополію казны... Этою иноземческой эксплуатаціей русскаго рынка московская Россія платилась за низкій уровень своей культуры,—какъ и до сихъ поръ, къ сожалѣнію, мы платимся на экономическомъ рынкѣ за жалкое состояніе нашей школы и за неразвитость общественной самодѣятельности—даже въ торговомъ и промышленномъ дѣлѣ.

Итакъ, жалобы на эксплуатацію напрасны: иноземцы пріѣзжали въ Россію вовсе не съ филантропическою цѣлью, а въ поискахъ собственной выгоды, какъ и русскіе люди старались извлечь изъ нихъ пользу для себя. Въ этихъ послѣднихъ видахъ начались вызовы иноземцевъ на житье и службу въ Москву: понадобились всякаго рода „знатцы“ для исполненія разныхъ государственныхъ потребъ, и изъ этихъ „знатцевъ“ къ концу XVII-го вѣка образовалась извѣстная „Нѣмецкая“ или „Иноземская Слобода“ въ Москвѣ и ея отпрыски въ другихъ городахъ. Нашимъ историкамъ много разъ приходилось указывать болѣе или менѣе крупную дѣятельность иноземцевъ въ старой московской жизни. Они исправляли самые разнообразные труды, для которыхъ у московскихъ людей недоставало знанія: они бывали архитекторами, литейщиками, артиллеристами, царскими врачами, ремесленниками, офицерами и генералами, посланниками и дипломатическими агентами, заводчиками, аптекарями и т. д., наконецъ первыми устроителями театра, драматическими писателями, актерами и фокусниками. Къ сожалѣнію, въ цѣломъ эта роль иноземцевъ еще не была собрана и оцѣнена; очевидно во всякомъ случаѣ, что она не была вовсе такимъ отрывочнымъ, внѣшнимъ и случайнымъ явленіемъ, какъ представляли ее иногда панегиристы московской старины,—напротивъ, это былъ крупный органическій фактъ нашей культурной исторіи: московская Россія, при всемъ самомнѣніи и нетерпимости, должна была признать необходимость знанія, какимъ владѣли иноземцы, и Петровская реформа, еще донынѣ обвиняемая въ ненаціональности, въ сущности была только первымъ открытымъ заявленіемъ давно полу-признаваемаго факта—необходимости усвоенія западной образованности. Тѣ крайности, которыя при этомъ происходили въ Петровской реформѣ, имѣютъ свое естественное объясненіе: онѣ просто вызывались противоположною крайностью прежняго времени; нетерпимость вызывала, какъ реакцію, извѣстный индифферентизмъ; натянутая обрядность отозвалась разгуломъ; упорное храненіе стараго обычая—погонею за новизной. Крайности съ теченіемъ времени отпадали; но образовательныя связи съ Европой установились прочно, и отрицаніе ихъ, о которомъ мечтаютъ новѣйшіе

недоумки, было бы національнымъ предательствомъ. Наша исторія съ конца XVII-го вѣка двинулась въ дѣлѣ просвѣщенія именно по тому пути, который необходимъ былъ для русскаго народа, какъ народа европейскаго; этотъ путь былъ неизбѣженъ для полнаго развитія политическихъ, нравственныхъ и умственныхъ силъ народа, и на него нехотя, по-неволѣ вступала московская Россія: связанная тогда исключительнымъ міровоззрѣніемъ, которое создалось подъ вліяніемъ тѣсно понятаго преданія и подъ давленіемъ тяжелыхъ внѣшнихъ обстоятельствъ, она тѣмъ не менѣе инстинктивно влеклась на европейскую дорогу и, опасаясь Запада, была, однако, имъ сильно заинтересована.

Собрать вмѣстѣ всѣ эти факты влеченія къ западному образованію, оцѣнить мѣру его вліяній въ до-Петровскую эпоху было бы достойнымъ и чрезвычайно интереснымъ предметомъ для историческаго изслѣдованія. Нѣтъ сомнѣнія, что оно стоитъ на очереди. До сихъ поръ отмѣчались только отдѣльныя стороны и единичные факты этого явленія; роль иностранцевъ указывалась въ частныхъ случаяхъ—въ исторіи старой русской торговли, военнаго дѣла, заводской промышленности и т. п., но еще не было указано историческое значеніе иноземцевъ въ цѣломъ и вообще. Въ послѣдніе годы вопросу объ иноземцахъ посвятилъ цѣлый рядъ спеціальныхъ изслѣдованій г. Цвѣтаевъ, но его изысканія, наиболѣе внимательныя изъ всѣхъ, какія до сихъ поръ сдѣланы были у насъ по этому предмету [1]), останавливаются исключительно на вѣроисповѣдной исторіи иноземцевъ, проживавшихъ въ Россіи въ XVI и XVII столѣтіяхъ [2]).

---

[1]) Есть, напр., цѣлое обширное изслѣдованіе г. Соколова: „Отношеніе протестантизма къ Россіи въ XVI и XVII вѣкахъ“, М. 1880, крайне натянутое, дурно изложенное и, какъ доказываетъ теперь г. Цвѣтаевъ провѣркой съ источниками, нерѣдко весьма неточное.

[2]) Первыя изслѣдованія г. Д. Цвѣтаева являются, если не ошибаемся, лѣтъ десять тому назадъ, и теперь составили цѣлый рядъ весьма цѣнныхъ трудовъ:

— Марья Владиміровна и Магнусъ датскій,—въ „Журн. Мин. Просв.“, 1878, № 3-й.

— Положеніе протестантовъ въ Россіи до Петра Великаго,—въ „Журн. Мин. Просв.“, 1883, сентябрь и октябрь.

— Протестантство въ Россіи въ правленіе Софьи,—въ „Р. Вѣстн.“, 1883, № 11.

— Изъ исторіи брачныхъ дѣлъ въ царской семьѣ московскаго періода. М. 1884.

— Генералъ Николай Бауманъ и его дѣло. Изъ жизни московской Ново-Иноземской слободы въ XVII вѣкѣ, въ „Р. Вѣстн.“, 1884, № 11.

— Вѣроисповѣдное положеніе протестантскихъ купцовъ въ Россіи. М. 1885.

— Построеніе первой каменной протестантской церкви въ Москвѣ. М. 1885.

— Обрусѣніе иноземцевъ-протестантовъ въ московскомъ государствѣ,—въ „Р. Вѣстникѣ“, 1886, № 8, 10.

Авторъ не имѣетъ въ виду общаго историческаго значенія иноземческаго элемента въ нашемъ старомъ быту и разсматриваетъ иноземную общину въ кругу ея собственной жизни, именно церковной: это собственно—церковная исторія иноземной общины, преимущественно нѣмецкой, католической и протестантской, исторія церквей или кирокъ, пасторовъ, школъ, отношеній пасторовъ съ ихъ приходами, и т. п. Тѣмъ не менѣе и здѣсь найдется не мало важныхъ данныхъ для исторіи старой русской жизни. Устройство иноземныхъ общинъ совершалось подъ дѣйствіемъ взглядовъ, учрежденій и нравовъ тогдашней русской жизни; присутствіе иноземцевъ въ самой столицѣ государства допускалось по необходимости—безъ нихъ нельзя было обойтись, хотя религіозное чувство русскихъ возмущалось видомъ иновѣрческихъ храмовъ, которые не удостоивались названія церквей и именовались „кирками“ „ропатами“ и „молитвенными хоромінами“. Эти „кирки“ имѣли довольно неспокойную судьбу: онѣ не однажды изгонялись съ одного мѣста на другое, бывали даже разрушаемы, когда было чѣмъ-нибудь враждебно возбуждено настроеніе властей или народной толпы; наконецъ „кирки“ вмѣстѣ съ самими иноземцами выведены были довольно далеко за черту тогдашней Москвы, въ Ново-иноземскую Слободу, въ ту мѣстность нынѣшней Москвы, которая называется Лефортовскою частью и гдѣ памятью Иноземской Слободы осталась „Нѣмецкая“ улица. Въ первое время положеніе иноземцевъ было довольно затруднительно; чѣмъ дальше, тѣмъ больше привыкали къ нимъ и правительство, и сами москвичи и, наконецъ, съ ними водили дружбу даже самыя высокопоставленныя лица, какъ, напр., бояринъ Матвѣевъ, князь В. В. Голицынъ и др., хотя, какъ дальше увидимъ, крайняя нетерпимость со стороны вѣрныхъ хранителей преданія сохранилась до самыхъ послѣднихъ годовъ XVII-го столѣтія.

Въ книгѣ „Изъ исторіи иностранныхъ исповѣданій“ г. Цвѣтаевъ отчасти объединилъ свои прежнія отдѣльныя изслѣдованія по этому предмету, и хотя она не исчерпываетъ предмета, надъ которымъ авторъ продолжалъ работать и далѣе, но представляетъ все-таки нѣчто цѣлое. Книга распадается на двѣ части: въ одной говорится объ исторіи протестантскихъ церквей и духовенства въ московской Россіи или собственно въ Москвѣ, въ другой—о сооруженіи въ Москвѣ перваго католическаго храма (что случилось въ самыхъ послѣднихъ годахъ XVII-го столѣтія). Авторъ

— Литературная борьба съ протестантствомъ въ московскомъ государствѣ,—въ „Р. Вѣстн.“, 1887, № 4—7 и потомъ въ отдѣльной книжкѣ.

Два отдѣльныя крупныя изданія г. Цвѣтаева указаны въ заглавіи статьи.

весьма обстоятельно собралъ и свѣрилъ литературу по этому предмету, и особую цѣну придаетъ его труду то, что, кромѣ книжныхъ источниковъ, онъ воспользовался обширнымъ рукописнымъ матеріаломъ изъ московскаго главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ, особливо документами посольскаго и иноземнаго приказа. Хотя, какъ мы сказали, книга занята прежде всего внутреннею жизнью иноземной церковной общины, а не дѣятельностью иноземцевъ на службѣ русскому государству, но отношенія этой общины къ правительству, по ея собственнымъ церковнымъ вопросамъ, представляютъ не мало характерныхъ фактовъ для русской культурной исторіи XVI-го и XVII-го вѣковъ.

Исторія протестантской общины въ Москвѣ начинается со второй половины XVI-го вѣка. Религіозное возбужденіе въ самой Европѣ было тогда въ полномъ разгарѣ: еще продолжалась организація протестантства, которое послѣ первыхъ успѣховъ проникалось духомъ пропаганды; съ другой стороны, католицизмъ, испытавшій такія большія потери въ средней Европѣ, продолжалъ борьбу съ протестантствомъ и желалъ, въ то же время, вознаградить свои утраты давно желанными пріобрѣтеніями въ Европѣ восточной. Эти послѣднія стремленія были неновы: съ самаго раздѣленія церквей Римъ всѣми мѣрами старался бросить зерно католичества на русской почвѣ, въ чемъ послѣ и успѣлъ во время господства Литвы и Польши надъ западно-русскими землями. Но въ земляхъ восточно-русскихъ, гдѣ православіе поддерживалось и политическою властью, всѣ попытки католической пропаганды были совершенно безуспѣшны. Напротивъ, русская церковь и за нею народная масса восприняли въ полной мѣрѣ враждебныя отношенія Византіи къ Риму до того, что латинство, т.-е. католичество, отождествлялось съ поганствомъ, т.-е. язычествомъ; простодушные люди тѣхъ вѣковъ чувствовали къ нему искренній страхъ и омерзѣніе. Въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ тяжелаго національнаго существованія православіе стало синонимомъ самой національности; это была вѣрная примѣта русскаго человѣка, такъ что даже „литовскіе люди“, т.-е. тѣ же русскіе и православные, находившіеся подъ католическою властью, внушали людямъ московскимъ недовѣріе и казались чужими. Иностранцамъ, которымъ случалось бывать въ Россіи и получать нѣкоторое понятіе о характерѣ народа, не могла не бросаться въ глаза эта страстная привязанность народа къ своей вѣрѣ, доходившая до фанатизма, который не выносилъ даже малѣйшихъ обрядовыхъ различій. Съ XVI-го вѣка въ западно-европейской литературѣ появляется цѣлый рядъ книгъ, трактовавшихъ о „ре-

лигіи московитовъ": о ней говорили подробно путешественники, и нѣкоторые изъ нихъ, какъ Герберштейнъ, даже очень близко изучали русскую историческую и церковную старину, и въ этихъ книгахъ достаточно разсказывалось о страстной преданности „московитовъ" своей вѣрѣ. Тѣмъ не менѣе духъ пропаганды былъ такъ силенъ, что не только католицизмъ, никогда не отрекавшійся отъ мечты о всемірномъ господствѣ, но даже протестантство, въ этомъ направленіи болѣе разсудительное, помышляли о возможности распространенія своихъ вѣроисповѣданій на русской почвѣ. Извѣстны богословскіе споры, какіе велъ съ представителями тѣхъ и другихъ ученій Иванъ Грозный, который самолично и искусно защищалъ русское православіе отъ враждебныхъ покушеній. Съ этой полемики Грознаго противъ протестантства г. Цвѣтаевъ начинаетъ свою исторію протестантской общины въ Россіи. У протестантовъ была въ XVI вѣкѣ надежда основать въ Москвѣ свою церковную общину не изъ однихъ иноземцевъ, но и изъ природныхъ москвитянъ, и датскій король Христіанъ III еще въ 1552 году посылалъ въ Москву типографщика Миссенгейма съ библіей и другими книгами, въ которыхъ содержится „сущность нашей христіанской вѣры" (этими другими книгами были, какъ предполагаютъ, Аугсбургское исповѣданіе и Катехизисъ Лютера). Король предполагалъ, что еслибы посланныя книги были приняты и одобрены царемъ и духовенствомъ, то слуга короля, Миссенгеймъ, напечаталъ бы эти книги въ нѣсколькихъ тысячахъ экземпляровъ, переведя ихъ на русскій языкъ, отъ чего король ожидалъ великой пользы для русской церкви и для душевнаго спасенія благочестивыхъ людей. Изъ посольства ничего не вышло. Въ другой разъ проповѣдникъ протестантства явился въ составѣ посольства польскаго короля Сигизмунда-Августа въ 1570 году: это былъ членъ общины чешскихъ братьевъ, Иванъ Рокита, съ которымъ Грозный, по окончаніи посольскихъ дѣлъ, вступилъ въ пространныя религіозныя пренія. Взглядъ царя на протестантство былъ очень строгій: оно было незаконнымъ уклоненіемъ отъ церкви; оно было даже ниже католичества: „ты не только еретикъ,—говорилъ онъ Рокитѣ,—но и слуга антихристовъ дьявольскаго совѣта"; царь молилъ Бога, чтобы онъ сохранилъ русскій народъ отъ тьмы протестантскаго невѣрія. Безъ сомнѣнія, таково было и общее мнѣніе, и протестантамъ надо было думать гораздо меньше о пропагандѣ между русскими, чѣмъ о томъ, чтобы пріобрѣсти для себя самихъ дозволеніе своего вѣроисповѣданія и богослуженія. Полагаютъ, что эти попытки пропаганды и побудили Грознаго отсрочить разрѣшеніе свободы

протестантскаго богослуженія. До постройки кирки протестанты могли имѣть только домашнее богослуженіе, которое совершали пасторы, случавшіеся при посольствахъ или плѣнные. Главный контингентъ для образованія общины, а затѣмъ и для постройки храма доставили плѣнные протестанты, преимущественно изъ Ливоніи и Швеціи. „На нихъ,—разсказываетъ г. Цвѣтаевъ,—Грозный посмотрѣлъ какъ на контингентъ, изъ котораго можно набрать тѣхъ „знатцевъ", достать которыхъ онъ первоначально надѣялся путемъ приглашеній и найма, но въ чемъ такъ упорно воспрепятствовали ему западные сосѣди. Въ войнѣ съ Швеціей онъ прямо издалъ строгій приказъ не продавать плѣнныхъ, и тѣхъ, кто изъ нихъ знаетъ какое-нибудь искусство или ремесло, доставлять къ нему. Воюя съ Ливоніей, наши точно вычерпывали оттуда мѣстный нѣмецкій элементъ. Полонъ отводился внутрь Россіи громадными партіями, иногда по тысячамъ, причемъ переводили по преимуществу молодыхъ, красивыхъ и знатнѣйшихъ. Какъ ни много погибало ихъ отъ холода, голода и другихъ причинъ, плѣнныхъ можно было видѣть не по однимъ городамъ, въ Москвѣ, Владимірѣ, Нижнемъ-Новгородѣ, Псковѣ, Великомъ Новгородѣ, Угличѣ и др., но и въ глухихъ мѣстностяхъ; большія толпы ихъ справлялись и въ только-что покоренныя области казанскихъ и астраханскихъ татаръ". Значительная часть плѣнныхъ была обращаема въ крѣпостныхъ; остававшіеся свободными поселяемы были отдѣльно; такія отдѣльныя поселенія иноземцевъ въ самой Москвѣ дѣлались еще при Василіѣ III, и небольшія иноземческія слободы были въ Замоскворѣчьѣ, въ Наливкахъ, и близъ устья Яузы, на Болвановкѣ. Многіе обращались въ православіе, чтобы обезпечить свой бытъ, и потомъ смѣшивались съ русскими; другіе поступали въ русскую службу, причемъ болѣе знатные получали почетныя мѣста и помѣстья.

Между прочимъ, въ числѣ плѣнныхъ въ ливонскую войну взятъ былъ Тиманъ Бракель, по замѣчанію г. Цвѣтаева—первый лютеранскій пасторъ въ Москвѣ, извѣстный по имени (1559). Въ оставшемся отъ него сочиненіи, гдѣ описывается разореніе Лифляндіи въ эту войну, разсказаны и его собственныя приключенія въ московскомъ плѣну. Любопытно упоминаніе, что въ Псковѣ онъ встрѣтилъ единовѣрцевъ между русскими. Онъ восхваляетъ чудесную помощь Бога среди испытаній своего плѣна: „Ибо когда я, вмѣстѣ съ своимъ братомъ, былъ приведенъ въ Псковъ, первый русскій городъ, Онъ, милосердый Богъ, внушилъ и поручилъ утѣшить насъ двоимъ членамъ своей святой, по обстоятельствамъ мѣста, скрытой и тайной церкви, *русскимъ по*

происхожденію и языку". Бракель не долго оставался въ Москвѣ и, между прочимъ, проповѣдывалъ, совершалъ обряды въ домахъ плѣнныхъ ливонцевъ; съ пребыванія его въ Москвѣ (1559—1560) г. Цвѣтаевъ считаетъ первый зародышъ лютеранской общины въ Москвѣ.

Настоящее основаніе общины произошло тогда, когда у нея появилась своя собственная кирка и постоянное духовенство. Число плѣнныхъ умножалось, и между ними (въ 1564 или 1565) взятъ былъ ученый пасторъ Веттерманъ, о которомъ узналъ самъ Грозный и которому онъ поручилъ осмотрѣть кремлевскую библіотеку, богатую латинскими и греческими книгами. Извѣстенъ разсказъ о томъ, какъ пораженъ былъ Веттерманъ обиліемъ книжныхъ сокровищъ въ этой библіотекѣ. Впослѣдствіи часть ливонскихъ плѣнныхъ и между ними Веттерманъ были отпущены, но ихъ все-таки оставалось слишкомъ много; большинство изъ нихъ были лютеране, и такъ какъ московское правительство не хотѣло стѣснять ихъ вѣроисповѣданія, то они добились, наконецъ, основанія своей кирки. Это разрѣшено было въ концѣ 1575 или въ началѣ 1576, въ правленіе Симеона Бекбулатовича, разумѣется, по собственнымъ соображеніямъ Грознаго. „По какому случаю и кто выпросилъ у царя это разрѣшеніе, сказать что-нибудь опредѣленное трудно; здѣсь прежде всего, конечно, значило личное мнѣніе Грознаго, который, хотя въ религіозномъ отношеніи и считалъ протестантство ниже католичества, однако, при всѣхъ измѣненіяхъ отношеній, постоянно держался ближе къ протестантамъ и думалъ, что они лучше умѣютъ слушаться его царскаго запрещенія—не распространять свое вѣроисповѣданіе между православными. Въ войнѣ съ Ливоніей онъ достаточно присмотрѣлся тамъ къ киркамъ, могъ понять ихъ значеніе и предположить, что онъ легче заставитъ плѣнныхъ и служащихъ при немъ протестантовъ прикрѣпиться къ Москвѣ, менѣе жалѣть о родинѣ и не стремиться туда, если у нихъ будетъ здѣсь свой храмъ".

Эта первая кирка, по предположеніямъ г. Цвѣтаева, была выстроена въ томъ протестантскомъ поселеніи, которое было расположено близъ устья Яузы. Церковь была небольшая, деревянная, безъ колокольни и колоколовъ, но простояла не долго. По разсказу Горсея, царь разгнѣвался на нѣмцевъ, и слобода была разграблена и церковь разрушена. Это было въ 1580 или 1581 году. На основаніи позднѣйшихъ показаній Маржерета г. Цвѣтаевъ объясняетъ это такъ: „Къ концу своей жизни Грозный, почти безъ разбора не щадившій ни своихъ, ни чужихъ, какъ поводомъ, воспользовался теперь по отношенію ливонцевъ ихъ высокомѣ-

ріемъ, тщеславіемъ и дерзкими поступками, которые они стали позволять себѣ".

Въ матеріальномъ отношеніи нѣмцы скоро поправились; для богослуженія они собирались въ частномъ домѣ, и новая кирка была выстроена уже въ царствованіе Годунова: въ то время въ Москвѣ собралось опять много иноземцевъ, и Годуновъ оказывалъ имъ покровительство, въ особенности докторамъ. Но и эта церковь была сожжена войсками второго самозванца, когда выгорѣла и самая слобода. При Михаилѣ Ѳедоровичѣ, разсѣявшіеся иноземцы стали снова собираться и селились въ разныхъ частяхъ Москвы, и богослуженіе совершалось, вѣроятно, въ упомянутомъ старою описью Москвы домѣ „нѣмецкаго дьячка", т.-е. кистера. Рядъ пасторовъ уже не прерывался. Число иноземцевъ, очень уменьшившись въ смутное время, стало снова возрастать по заключенію мирныхъ договоровъ Столбовскаго и Деулинскаго (1617—1618); построена была и новая кирка. Ею пользовались иноземцы разныхъ протестантскихъ исповѣданій и національностей: въ метрической книгѣ 1624 года отмѣчено, что въ этой общинѣ было англичанъ, шотландцевъ и ирландцевъ почти больше, чѣмъ нѣмцевъ, и большинство изъ нихъ были военные; но московское правительство считало нужнымъ скрывать отъ иностранныхъ правительствъ существованіе этой церкви и именно, когда шла рѣчь о сватовствѣ Михаила Ѳедоровича за племянницу Густава-Адольфа, по вѣроисповѣданію лютеранку, и для будущей царицы выговаривалась кирка, то московскіе бояре отвѣчали: „костелы иныхъ вѣръ въ московскомъ государствѣ никогда не бывали и впредь то статися не можетъ, потому что то нашей православной вѣрѣ противно".

Въ 1626 году церковь сгорѣла и на мѣсто ея выстроена была другая, деревянная, въ Большомъ или Земляномъ городѣ. Около того же времени часть прихожанъ этой церкви образовала отдѣльную общину и устроила себѣ особую церковь въ Бѣломъ городѣ, и это было, вѣроятно, начало такъ-называемой впослѣдствіи новой лютеранской общины или „кирки новыхъ нѣмцевъ"; но церковь существовала спокойно только до 1632 года. По разсказу Олеарія, она была разрушена по слѣдующему поводу. Передъ тѣмъ русскіе наняли много иностраннаго войска за границей, и, за недостаткомъ женщинъ, многіе нѣмецкіе офицеры поженились на купеческихъ служанкахъ; новыя офицерши не желали занимать въ церкви мѣсто ниже своихъ прежнихъ госпожъ, а купчихи находили это для себя обиднымъ; ни одна сторона не желала, конечно, уступать, и однажды споръ между ними пере-

шелъ въ драку. Какъ разъ въ это время проѣзжалъ мимо патріархъ и, узнавъ о причинѣ драки, сказалъ: „Я думалъ, въ церковь нѣмцы ходятъ съ благочестивыми мыслями, чтобы отправлять свое богослуженіе, а не сводить свои тщеславные счеты". Церковь въ тотъ же день была срыта, и вновь построить ее позволили уже за чертой Бѣлаго города, хотя нѣмцы успѣли все-таки завести церковь и въ прежней мѣстности.

По словамъ Олеарія, нѣсколько разъ бывшаго въ Россіи около половины XVII столѣтія, свободою богослуженія пользовались кромѣ лютеранъ также реформаты, состоявшіе особенно изъ англичанъ и голландцевъ. У англичанъ бывали заѣзжіе пасторы изъ посольствъ, какъ, напр., тотъ Ричардъ Джемсъ (1619 г.), въ бумагахъ котораго найдены были извѣстныя прекрасныя пѣсни, записанныя ему какимъ-то русскимъ знакомцемъ. Позднѣе, англійскихъ пасторовъ оттѣснили голландскіе, что г. Цвѣтаевъ ставитъ въ связь съ начинавшимся перевѣсомъ голландцевъ надъ англичанами въ торговлѣ. Реформаты начали-было, безъ разрѣшенія правительства, строить себѣ каменную церковь, но въ 1643 г. всѣмъ протестантскимъ церквамъ пришлось вынести новый разгромъ.

Дѣло въ томъ, что близость иновѣрныхъ храмовъ къ православнымъ церквамъ въ городѣ дѣйствовала непріятно на религіозное чувство благочестивыхъ русскихъ людей; кромѣ того московскіе купцы жаловались на ущербъ, который наносили имъ иноземные купцы, поселяясь въ городѣ въ ихъ сосѣдствѣ и торгуя безпошлинно. Жалобы не приводили ни къ чему; но, наконецъ, въ эти отношенія вмѣшалась часть московскаго духовенства. Въ мартѣ 1643 годъ священники нѣсколькихъ церквей подали царю челобитную, въ которой жаловались, что нѣмцы поставили въ ихъ приходахъ свои „ропаты", держатъ въ своихъ домахъ русскихъ людей, скупаютъ у русскихъ дорогою цѣною дворы, заводятъ корчмы, и отъ всего этого православные приходы пустѣютъ. Духовенство просило, чтобы иноземцы были высланы изъ города, чтобы кирокъ имъ строить въ городѣ дозволяемо не было и чтобы они не держали у себя русскихъ людей. Правительство взялось за дѣло строго; тотчасъ же данъ былъ указъ, запрещавшій нѣмцамъ покупать дворы не только въ городѣ, но и въ слободахъ, и приказывавшій сломать кирки, поставленныя на дворахъ близъ русскихъ церквей.

Нѣмцы черезъ свои придворныя связи принялись-было хлопотать о сохраненіи по крайней мѣрѣ одной, болѣе дальней кирки, но напрасно. Вскорѣ, однако, одно обстоятельство помогло имъ вновь устроить церковь на другомъ участкѣ, нѣсколько

дальше. Въ это самое время шло сватовство царевны Ирины Михайловны за датскаго королевича Вольдемара. Въ маѣ того же 1643 года вернулся изъ Даніи царскій посланецъ, „амбуржецъ" Марселисъ, ѣздившій туда по этому дѣлу; онъ принялся хлопотать о новой церкви для нѣмецкой общины, и его хлопоты имѣли успѣхъ. Дѣло въ томъ, что въ привезенныхъ Марселисомъ условіяхъ брака на первомъ планѣ стояло требованіе для Вольдемара и его людей свободы вѣры, и мѣста въ Москвѣ для сооруженія кирки; и такъ какъ о томъ же просили и московскіе нѣмцы, то на другой же день послѣ доклада Марселиса просьба ихъ была удовлетворена; притомъ и нѣмецкіе доктора, также хлопотавшіе по этому предмету, выказали тогда особенную ревность, вылѣчивши царя отъ приключившейся ему болѣзни. Отвѣтъ въ Данію долженъ былъ доставить опять Марселисъ; въ царской грамотѣ данъ былъ отвѣтъ утвердительный и прибавлено, что въ московскомъ государствѣ иноземцамъ, по ихъ вѣрѣ, никогда не дѣлалось затрудненій: „А у предковъ нашихъ, у великихъ государей царей и великихъ князей россійскихъ, и нынѣ у насъ, великаго государя, многихъ окрестныхъ государствъ иноземцы разныхъ вѣръ люди, которые у насъ, великаго государя, и въ подданствѣ, и мы, великій государь, и у тѣхъ въ ихъ вѣрахъ и въ законѣ воли не отнимаемъ, и кирки, по ихъ вѣрамъ, есть, и моленье свое совершаютъ по своимъ вѣрамъ и по закону".

Московскіе иноземцы продолжали добиваться постройки церкви въ чертѣ города, но и въ слѣдующее царствованіе прежнее постановленіе о сломкѣ кирокъ въ чертѣ города было подтверждено и, наконецъ, вообще для поселенія нѣмцевъ и для ихъ храмовъ найдено было „дальнее мѣсто", куда они и были переведены въ 1652 году: это было началомъ *Ново-иноземской* или *Нѣмецкой Слободы*, которая съ тѣхъ поръ тамъ и утвердилась.

Указанныя отношенія свидѣтельствуютъ о достаточной степени вѣротерпимости въ московскомъ государствѣ въ ту эпоху, которая отмѣчена была крайнимъ вѣроисповѣднымъ фанатизмомъ. Г. Цвѣтаевъ припоминаетъ при этомъ преслѣдованія протестантства въ католическихъ странахъ и Варѳоломеевскую ночь; но сличеніе не совсѣмъ точно: тамъ шло дѣло о разновѣріи въ средѣ *одного народа*, между тѣмъ у насъ иновѣрцы были чужіе, иностранцы, и притомъ очень нужные намъ самимъ, и не было бы никакой надежды обратить ихъ насильственно къ православію. Еслибы случилось, что протестантизмъ или католичество стали распространяться между самими русскими, то у насъ несомнѣнно образовались бы тѣ же самыя озлобленныя отношенія, какія бы-

вали между католиками и протестантами въ западной Европѣ. Въ этомъ достаточно удостовѣряетъ позднѣйшая исторія раскола. Москва именно заботилась, чтобы устранена была всякая возможность иновѣрной пропаганды между русскими; только это условіе дало возможность иновѣрцамъ пріобрѣсти свои храмы, и, несмотря на то, какъ мы видѣли, эти храмы и сами иноземцы не однажды подвергались разгрому.

Точку зрѣнія московскаго правительства г. Цвѣтаевъ опредѣляетъ такъ: „Тамъ, гдѣ было достаточное количество протестантовъ, чтобы образовать отдѣльную общину, и гдѣ жили они постоянно, у насъ вообще не стѣсняли ихъ въ отправленіи общественнаго богослуженія, дозволяя имъ имѣть церкви и духовенство. Нельзя было добиться разрѣшенія построить себѣ кирку только тѣмъ протестантамъ, которые проживали въ Россіи въ разброску, небольшими группами, или временно, каковы иноземные купцы и тому подобные люди, хотя и таковые не были стѣснены въ личномъ вѣроисповѣданіи, домашнемъ богослуженіи и пользованіи кирками, уже существовавшими“ (это послѣднее, полагаемъ, разумѣлось бы само собою). Противополагая Москву Новгороду, который разрѣшалъ строить католическія церкви нѣмецкимъ купцамъ, жившимъ въ Новгородѣ только временно, авторъ продолжаетъ: „Москва, все тянувшая на службу государству и старавшаяся замѣнить католиковъ протестантами, въ свободѣ богослуженія отдала предпочтеніе протестантамъ, служилымъ и прикрѣпившимся къ русской землѣ“. (Надо замѣтить только, что въ Новгородѣ не было и самыхъ условій, какія явились потомъ въ Москвѣ; тогда, между прочимъ, и протестантство еще не существовало). „Какіе пріемы ни употребляли западныя правительства, чтобы добиться для наѣзжавшихъ къ намъ на время купцовъ строить свои кирки, постоянно получался отвѣтъ: купцы вольны отправлять службу своей вѣры у себя на дому, но особыхъ церквей строить не могутъ“,— было опасеніе, что такія церкви могутъ дѣлаться орудіемъ пропаганды. „Допускаемое на практикѣ въ жизни, протестантство въ смыслѣ юридическомъ было только терпимо. Отсюда — не только отклоненіе устанавливать договоры съ западными государствами относительно свободы купцамъ строить церкви, но и полная осторожность въ формѣ дарованія религіозной свободы служилымъ и осѣвшимъ въ Россіи протестантамъ. Строители кирокъ ни разу не получали заявленія правительства, что протестанты имѣли право на построеніе церквей; напротивъ, каждое правительственное разрѣшеніе на постройку кирки принимало видъ особой, временной и

частной милости, отнюдь не обязательной для правительства ни въ иныхъ мѣстахъ, ни въ другое время, ни для иныхъ лицъ".

„Это, однако, не мѣшало правительству, въ случаяхъ, отъ которыхъ не опасалось пропаганды, свою вѣротерпимость къ служилымъ иноземцамъ простирать до того, что оно нанимало ихъ или жаловало ихъ пасторовъ".—Замѣтимъ кстати, что въ дѣловомъ языкѣ того времени нѣмецкіе люди, и въ томъ числѣ пасторы, именовались обычными уменьшительными, такъ что, напр., лютеранскій пасторъ Матіасъ или Іоганнъ выходилъ на тогдашнемъ языкѣ: „нѣмецкій попъ Матюшка", „Яганко" и т. п.

Повторяя свое обвиненіе противъ иноземцевъ въ „эгоистическомъ меркантилизмѣ", г. Цвѣтаевъ заключаетъ: „не понимая народнаго духа и обыкновенно крайне самомнительные и своекорыстные, протестанты не могли стать къ русскимъ близко, войти въ сердечныя съ ними отношенія: эксплуатація ими мѣстнаго населенія и нравственно-религіозные соблазны побуждали также и правительство держать ихъ подальше отъ русскихъ, пока, наконецъ, не пришло оно къ мысли совсѣмъ отдѣлить ихъ, однихъ изъ нихъ выславъ на сѣверную окраину государства, а другихъ удаливъ за черту столичнаго города"...

Московскіе иноземцы XVI и XVII вѣка могли не представлять особенно симпатичнаго населенія, но не слѣдуетъ и преувеличивать: мы замѣчали уже, что довольно странно приписывать спеціально имъ корыстолюбіе, которое составляетъ если не обще-человѣческую, то во всякомъ случаѣ обще-купеческую черту; съ другой стороны, они очень часто должны были превышать москвичей своимъ образованіемъ или техническимъ знаніемъ и умѣлостью—бывали между ними и настоящіе ученые люди; наконецъ нельзя вовсе сказать, чтобы имъ легко было вступить въ „сердечныя отношенія" съ русскими, потому что послѣдніе уже впередъ, подъ вліяніемъ нравовъ и религіозныхъ понятій, относились къ нимъ недружелюбно и даже прямо враждебно. Не говоримъ, напримѣръ, о неоднократномъ разрушеніи ихъ храмовъ, которое могло бывать слѣдствіемъ единичнаго возбужденія религіозныхъ страстей; но и постоянныя сношенія не отличались мягкостью, и самъ г. Цвѣтаевъ тутъ же даетъ примѣры, что иноземцамъ было довольно трудно приладиться къ московскому вкусу. Напр., онъ приводитъ не однажды разсказанный случай: „Несшіе службу и занимавшіеся торговлей въ Россіи иноземцы, нѣмцы, голландцы, французы и другіе, чтобы ближе походить на русскихъ и при встрѣчахъ и обращеніи съ ними избавиться отъ различныхъ непріятностей и обидныхъ прозвищъ, перемѣ-

нили свое платье на русское. Совершая крестный ходъ по улицамъ Москвы, патріархъ замѣтилъ, что нѣкоторые, когда онъ преподавалъ благословеніе народу, кланяются недостаточно глубоко и, узнавъ, что это „нѣмцы", сказалъ: „Грѣшно, что такимъ способомъ нечестивые иноземцы, не узнанные, могутъ восхищать святое благословеніе". Ближайшій указъ объ иноземцахъ послѣ этого былъ тотъ, чтобы они немедля скинули русское платье и носили одежду своей страны. За недостаткомъ готоваго новаго платья и умѣлыхъ портныхъ, многіе вынуждены были одѣться въ старое, доставшееся отъ отцовъ и дѣдовъ, валявшееся въ сундукахъ и бывшее часто не впору".

Священники воспользовались этимъ неудовольствіемъ патріарха и повторили свои жалобы на опустѣніе приходовъ отъ нѣмцевъ, и въ результатѣ состоялся указъ о переводѣ всѣхъ нѣмцевъ за городъ, въ Ново-иноземскую Слободу. Такъ разсказываетъ Олеарій; г. Цвѣтаевъ объясняетъ, что выселеніе нѣмцевъ не было какимъ-либо особеннымъ насиліемъ, и находитъ, что ближайшимъ поводомъ къ выселенію были опустошительные пожары въ Москвѣ лѣтомъ 1652 года, заставившіе подумать о новой распланировкѣ города, а кромѣ того присоединилось желаніе ослабить вредъ, причиняемый иноземцами русскимъ, и, выдѣливъ ихъ, удобнѣе пользоваться ихъ услугами, ради которыхъ они были призваны. Нѣмцамъ отведены были вполнѣ достаточные участки земли; въ Слободѣ проведены правильныя улицы, и, по словамъ Олеарія, большинство нѣмцевъ говорили, что запрещеніе носить русскую одежду и отдѣленіе ихъ отъ русскихъ было имъ только новымъ удобствомъ. Въ новую Слободу были, конечно, перенесены и старыя кирки.

Но на первыхъ же порахъ и здѣсь произошелъ разгромъ, свѣденіе о которомъ сохранилось у Олеарія. Виною его было самоуправство жены полковника Лесли, которая жестоко обращалась съ крестьянами въ помѣстьѣ своего мужа, отягощала ихъ работой, заставляла ѣсть въ посты мясо и даже побросала въ огонь образа. Крестьяне пожаловались царю; но пока дѣло разбиралось, толпа москвичей бросилась въ Слободу, напала на кирки и произвела въ нихъ немалое разрушеніе. — Это былъ послѣдній погромъ.

Мало-по-малу отношенія становились все болѣе ровными и прочными. Слобода разросталась. Наемныя иноземныя войска, по окончаніи войны, осѣдали въ Нѣмецкой Слободѣ; само правительство, при Алексѣѣ Михайловичѣ, нашло болѣе удобнымъ не нанимать иноземцевъ только на время войны, а, напротивъ, остав-

лять ихъ въ Россіи, чтобы они могли обучать самихъ русскихъ ратному дѣлу и этимъ расширить составъ „иноземнаго строя", въ который поступали теперь и русскіе.

Племенной составъ Иноземской Слободы во второй половинѣ XVII-го вѣка былъ очень пестрый. „Жили въ ней,—говоритъ г. Цвѣтаевъ,—французы, испанцы, итальянцы, австрійцы, англичане, голландцы, датчане, шведы, ливонцы, нѣмцы, поляки, словомъ, едва ли въ Западной Европѣ существовала какая-либо національность, у которой не было бы здѣсь своего представителя, причемъ численный перевѣсъ постоянно былъ на сторонѣ нѣмцевъ, такъ что другіе иностранцы, для удобства взаимныхъ сношеній, должны были изучать нѣмецкую рѣчь. Католиковъ было мало; по вѣроисповѣданію это были, главнымъ образомъ, протестанты, по роду занятій преимущественно мастеровые, художники, торговцы, военные, то-есть люди или состоявшіе на государевой службѣ и добивавшіеся ея, или искавшіе заработка и прибыли... Слишкомъ невелико было между ними число лицъ, которыя въ устройствѣ своего положенія могли опираться на свои несомнѣнныя достоинства. Знаніями отличались лейбъ-медики и т. п. люди, приглашенные въ Россію за крайне высокую цѣну; знанія видны были и въ нѣкоторыхъ пасторахъ и школьныхъ учителяхъ; большинство же не могло похвалиться ни умственными, ни нравственными качествами; въ самихъ пасторахъ меркантильные разсчеты и желаніе играть видную роль слишкомъ были ясны". Г. Цвѣтаевъ собираетъ неблагопріятные отзывы самихъ иноземцевъ о свойствахъ жителей Нѣмецкой Слободы; отзывы благопріятные гораздо рѣже. „У иноземцевъ составляется вообще взглядъ, что „старые нѣмцы", то-есть тѣ, которые вели свой родъ отъ плѣнныхъ эпохи Грознаго и поселившіеся въ Россіи давно, были весьма неискусны и невѣжественны; лучше ихъ „нѣмцы новые", только-что прибывшіе въ Россію". (Остается полагать, что они загрубѣвали въ здѣшней обстановкѣ, гдѣ не имѣли ни школы,—кромѣ элементарной,—ни благопріятнаго вліянія болѣе образованной среды). „Наше правительство также не чуждо было этой мысли. У него было почти правиломъ лейбъ-медиковъ держать недолго и замѣнять ихъ новыми, нарочно призываемыми вмѣсто прежнихъ. До нѣкоторой степени это видно и въ замѣщеніи высшихъ военныхъ должностей".

Въ правленіе царевны Софьи сдѣлана была попытка къ законодательному утвержденію за протестантами неприкосновенности ихъ религіозныхъ убѣжденій: подъ вліяніемъ недружелюб-

ныхъ отношеній къ Людовику XIV, оно обѣщало эту неприкосновенность французскимъ гугенотамъ. За нихъ хлопоталъ черезъ своего посла курфирстъ бранденбургскій, и хотя ему старались помѣшать французскіе іезуиты, находившіеся въ польскомъ посольствѣ, но въ отвѣтной царской грамотѣ, отъ января 1689 г., объявлялось, что „выгнанцы“ или „утеклецы“ евангельской вѣры могутъ ѣхать въ русское царство „не съ сумнѣнною надеждою“, что имъ данъ будетъ невозбранный пропускъ и они будутъ приняты въ русскую службу и пожалованы по ихъ службѣ, породѣ, чести и сану, и съ полной свободой возврата. Копія съ этой грамоты была опубликована въ Пруссіи на нѣмецкомъ и французскомъ языкѣ; неизвѣстно, воспользовался ли ею кто-нибудь изъ гугенотовъ, — но она имѣла другое дѣйствіе: съ тѣхъ поръ на русской границѣ былъ значительно ослабленъ надзоръ за пріѣзжающими иностранцами. Обыкновенно ихъ пропускали только по сношенію съ посольскимъ приказомъ или по предварительному извѣщенію оттуда; теперь часто довольствовались заявленіемъ пріѣзжаго объ его имени и цѣли пріѣзда. Г. Цвѣтаевъ замѣчаетъ, что это облегчило доступъ въ Москву и такимъ людямъ, которые иначе едва ли бы туда попали: теперь они произвели смуту въ нѣмецкой общинѣ и заставили снова усилить надзоръ за пріѣзжими иноземцами. Таковъ былъ, напримѣръ, извѣстный послѣдователь Якова Бёма, Квиринъ Кульманъ, противъ котораго возстали сами протестантскіе пасторы Иноземской Слободы и который былъ сожженъ въ Москвѣ въ 1689 году.

Знакомство русскихъ съ Нѣмецкой Слободой между тѣмъ расширялось; вліятельныя лица, которымъ приходилось иногда разбирать домашніе споры нѣмцевъ, узнали ближе обитателей Слободы, не только служилыхъ людей, но пасторовъ и школьныхъ учителей. Здѣсь, наконецъ, нашелся и собственный интересъ. Извѣстный Артамонъ Матвѣевъ, котораго называли „отцомъ и другомъ нѣмцевъ“, задумалъ устроить у себя и при дворѣ театръ на западный образецъ, и въ маѣ 1672 г. послалъ полковника Штадена за границу для найма комедіантовъ, танцовщиковъ и музыкантовъ; но пока тотъ еще не успѣлъ исполнить порученія, нашлась возможность устроить театръ домашними московскими средствами—Нѣмецкой Слободы. Бояринъ Матвѣевъ нашелъ помощника въ пасторѣ Грегори. Любопытныя подробности объ этомъ дѣлѣ сообщены въ изданныхъ недавно запискахъ Рингубера, который былъ учителемъ школы, находившейся при лютеранской церкви, а потомъ саксонскимъ посланцемъ. Школьные театры были въ обычаѣ въ Германіи; подобнымъ образомъ устро-

ился театръ и здѣсь. Матвѣевъ поручилъ Грегори написать „комедію“ и разучить ее въ его школѣ. Грегори написалъ трагикомедію „Эсѳирь“ или такъ-называемое „Артаксерксово дѣйство“. Шестьдесятъ-четыре мальчика, частію русскіе, но большинство иностранцы, дѣти офицеровъ и купцовъ, нѣсколько мѣсяцевъ разучивали ее по-нѣмецки и по-русски. Труды Грегори раздѣляли его помощникъ по обученію въ школѣ, учитель Лаврентій Рингуберъ, русскому языку обучалъ Юрій Михайловъ, кулисы рисовалъ живописецъ Петръ Инглисъ... Вотъ какъ очевидецъ Рингуберъ описываетъ впечатлѣніе, произведенное на государя первымъ представленіемъ: „Представленіе состоялось 17-го октября 1672 г. (въ Преображенскомъ). Пораженный имъ царь проглядѣлъ цѣлыхъ *десять часовъ*, не вставая съ мѣста. Навѣрное это будетъ началомъ нашего счастія. Царь выразилъ свою милость автору и сыну Блюментроста, лучше всѣхъ другихъ исполнившему свою первую роль“...

Надежды на „счастіе“ пока не совсѣмъ оправдались, но несомнѣнно, что въ царствованіе Алексѣя Михайловича иноземцы дѣйствительно въ первый разъ становились въ Россіи на прочную почву, потому что сильнѣе чувствовалась надобность въ ихъ службѣ и знаніяхъ. Курфирстъ саксонскій восхвалялъ, въ дипломатической грамотѣ 1662 года, „отмѣнное благоволеніе“ царя Алексѣя къ нѣмцамъ,—и заискивающая фраза не была лишена основанія, какъ и боярина Матвѣева не даромъ называли „отцомъ и другомъ нѣмцевъ“.

Положеніе вещей стало измѣняться при Ѳедорѣ Алексѣевичѣ. Г. Цвѣтаевъ замѣчаетъ, что нѣмцамъ, которые вообще далеко не жили мирно между собою и ссорились по практическимъ церковнымъ дѣламъ, но держались вмѣстѣ по общимъ вопросамъ ихъ положенія, теперь надо было сблизиться еще тѣснѣе, въ виду начавшихся репрессалій правительства противъ нѣмцевъ-протестантовъ. „Мало-по-малу при дворѣ (Ѳедора Алексѣевича) пріобрѣтало значеніе южно-русско-польское направленіе, особенно сильное послѣ женитьбы Ѳедора на Агаѳьѣ Грушецкой, родомъ изъ выѣхавшей въ Россію шляхетской семьи. Ея вліянію приписывали введеніе въ намъ польскихъ обычаевъ стричь волосы, брить бороды, носить польское платье, основаніе польскихъ и латинскихъ школъ, такъ что сторонники Нарышкиныхъ, тянувшіе больше въ сѣверо-западномъ направленіи и потому стоявшіе ближе къ „нѣмцамъ“, въ дѣйствіяхъ Ѳедора усмотрѣли сходство съ дѣйствіями перваго самозванца. Вблизи престола вдругъ не

оказалось ни одного лица, сочувствующаго протестантамъ. У Нарышкиныхъ отнято было всякое вліяніе на государственныя дѣла, Артамонъ Матвѣевъ былъ сосланъ въ Сибирь. Нѣмецкій театръ, заведенный первоначально не безъ цѣли, чтобы позабавить молодую супругу царя (Алексѣя) Наталью Кириловну, по царскому указу (25-го декабря 1676 г.) былъ убранъ. По военной службѣ изъ иноземцевъ пошелъ въ гору Гордонъ, до фанатизма преданный католицизму и другъ іезуитовъ. Трудно предрѣшить, какъ далеко зашло бы неблаговоленіе къ протестантамъ при Софьѣ, еслибы не нѣкоторые практическіе разсчеты правительства и еслибы у протестантовъ, къ тому времени значительно сплотившихся, не явились такіе искусные предводители, какъ голландскій и датскій резиденты, умѣвшіе втягивать всесильнаго тогда князя В. В. Голицына и въ интересы сѣверо-западной Европы".

Къ этому времени относится любопытный документъ, рисующій взглядъ старыхъ русскихъ людей, строго вѣрныхъ преданію, на допущеніе иновѣрцевъ въ среду русской жизни. Дѣло въ томъ, что нѣмцы, а именно старая лютеранская община, добились теперь построенія себѣ первой каменной кирки: она была кончена около 1686 г. Документовъ объ этой постройкѣ, ни челобитной нѣмцевъ, ни правительственнаго разрѣшенія—не сохранилось; но взамѣнъ того отысканъ былъ недавно документъ, относящійся именно къ этому дѣлу и представляющій протестъ со стороны ревнителей старины противъ допущенія иновѣрныхъ храмовъ. Если нѣмцы думали, что кромѣ красоты и удобства каменный храмъ лучше обезпечивалъ богослуженіе отъ внѣшнихъ невзгодъ и давалъ прочность общинѣ, то хранители русскаго преданія, вообще не считая иноземныхъ храмовъ приличными въ православной землѣ, опасались, что эти храмы, особливо каменные, могутъ стать опорой для иновѣрной пропаганды. Эту послѣднюю мысль и излагаетъ „Слово на латиновъ и лютеровъ, яко въ московствѣмъ царствіи и во всей Россійствѣй земли не подобаетъ имъ костела или кирки еретическихъ своихъ вѣръ созидати".

Это „Слово", найденное и изданное въ 1884 г. профессоромъ харьковскаго университета Лебедевымъ, отнесено имъ ко времени царей Іоанна и Петра (1689—1696), и царскимъ „первосовѣтникомъ", вліянію котораго приписывается допущеніе постройки, считается Лефортъ. Г. Цвѣтаевъ едва ли не съ большимъ основаніемъ полагаетъ, что „Слово" написано раньше, именно въ правленіе царевны Софьи, по поводу происходившей тогда постройки лютеранской церкви, и упоминаемый въ немъ

„первосовѣтникъ“ есть князь В. В. Голицынъ [1]). Полагаютъ, что авторомъ „Слова“ былъ Игнатій, тогда архимандритъ въ одномъ изъ московскихъ монастырей, потомъ митрополитъ тобольскій. Оно составлено въ вопросахъ и отвѣтахъ, и, опровергая всѣ доводы, какіе могли приводиться въ пользу разрѣшенія постройки иновѣрныхъ храмовъ, безусловно отрицаетъ свободу вѣроисповѣданія и для лютеранъ, и для католиковъ: она несовмѣстна съ достоинствомъ православія и съ самыми практическими интересами народа. Въ началѣ, авторъ „Слова“ указываетъ святость православной церкви и различіе ея отъ церкви еретической, и если первую надо любить, то послѣднюю должно ненавидѣть. Рядъ примѣровъ изъ ветхозавѣтной исторіи подтверждаетъ необходимость истиннаго богопочитанія. На вопросъ, не слѣдуетъ ли дозволить имѣть свои храмы иноземцамъ, которые, покинувъ свою землю, вѣрно служатъ московскимъ государямъ своимъ купечествомъ, авторъ отвѣчаетъ рѣшительнымъ отрицаніемъ. „Въ нашемъ московскомъ государствѣ не должно быть костелу и кирхѣ не только каменнымъ, но и деревяннымъ, какъ равно и латинскимъ ксензамъ и лютеранскимъ и кальвинскимъ пасторамъ, этимъ ложнымъ учителямъ, развратникамъ православной вѣры, не должно, ради тайнаго ихъ лукавства, дозволять имъ ни ученія ихъ ереси, ни совершенія службы. Если же допустить все это изъ-за торговли, то это будетъ означать, что православная вѣра начала продаваться православными, стала оскудѣвать въ ней твердость, неправосовѣтующіе поддались слабости, или сомнѣваются въ ней, или даже считаютъ ее равной съ другими. Ревнители православія не попустятъ еретикамъ такого зданія, начавшееся разрушатъ до основанія потому, что оно нечестиво и скверно, не достойно быть на святомъ мѣстѣ святой русской земли“.

Если принять въ русскую землю „явныхъ отступниковъ, проклятыхъ еретиковъ и развратниковъ“, то это значитъ желать вкорененія ихъ ересей въ Россіи; храмъ православный есть домъ молитвы, костелы и кирки иновѣрцевъ — вертепы разбойническіе. Никто изъ истинно православныхъ не можетъ смотрѣть на эти вертепы и дружить съ лютерскою ересью, которая постоянно безчеститъ православную церковь и насъ, почитателей Пресвятой Богородицы и святыхъ мощей. Иновѣрцы прикрываются, будто они служатъ государямъ купечествомъ; но отъ ихъ жительства въ Москвѣ и другихъ городахъ нашимъ купцамъ громадные убытки,—и уже теперь иновѣрцы постоянно хулятъ и укоряютъ

[1]) „Слово“ издано въ „Чтеніяхъ“ Моск. Общ. Ист. и Древн. 1884 г., кн. III, и подробно изложено у Цвѣтаева, стр. 213—234.

православную церковь. Если же будутъ просить себѣ храма воины, полководцы и иные чиновники, то слѣдуетъ отказать имъ, и даже „съ гнѣвомъ отослать“ ихъ, какъ просящихъ по невѣжеству, потому что ихъ труды, въ сравненіи съ царскимъ жалованьемъ, малы и худы, а прежнее житье ихъ на родинѣ было убого и укорительно; иные, еслибы жили не изъ-за прибытковъ, держали бы съ нами православную вѣру, а которые измѣнили своему природному государю, едва ли будутъ вѣрно служить и новому—улучивъ время, они тоже измѣнятъ, почему и держатся неправовѣрія своего прежняго государя. Авторъ припоминаетъ изъ русской исторіи, какъ митрополитъ Филиппъ не позволилъ, чтобы несли крестъ передъ папскимъ посломъ Антоніемъ, сопровождавшимъ Софію; а затѣмъ приводитъ въ примѣръ, что дѣлается въ Испаніи, какъ разсказываютъ наши послы: „крѣпко держась своей католической вѣры, испанцы не дозволяютъ у себя ни строить кирокъ и жидовскихъ школъ, ни жить иновѣрцамъ“. Еретическія лютеранскія и кальвинскія кирки, это—шанцы, какіе дѣлаются для приступа къ городамъ, созданіе діавольскихъ учениковъ и христіано-хульныхъ людей: если не разорить ихъ, то еретики произведутъ большой приступъ соблазна и произведутъ сомнѣніе въ православной русской вѣрѣ; а разрушеніе ихъ принесетъ милость божію и доставитъ радость всѣмъ православнымъ. Такъ думаютъ всѣ истинно православные. „Знай,—говоритъ авторъ, обращаясь къ первосовѣтнику,—что когда православные видятъ это бѣсовское зданіе, они неутѣшно сѣтуютъ и скорбятъ, и хотя молчатъ какъ люди плотскіе, по страху предъ попустившими зданіе, однако въ тайнѣ одолѣваютъ ихъ слезы“. Этотъ страхъ еще простителенъ мірянамъ, а лицамъ духовнымъ не слѣдуетъ молчать о правдѣ: въ день суда молчащіе будутъ осуждены безъ всякаго оправданія. Итакъ, кирки должны быть истреблены: „нужно разорить еретическое зданіе, чтобы его новостью не развратить православныхъ, не навлечь на себя, при жизни и по смерти, анаѳему, а на всю Россію праведнаго божія гнѣва“. На замѣчаніе, что въ Москвѣ были же прежде кирки деревянныя,—не все ли равно? — полемистъ отвѣчаетъ, что далеко не все равно. „Деревянныхъ кирокъ доселѣ никто не зналъ у нѣмцевъ: у нихъ онѣ были тайно, и никто не назвалъ бы ихъ кирками, а простыми амбарами, ничѣмъ не отличающимися отъ прочихъ домовъ [1]). Это же отступническое зданіе строится не

[1]) Полемистъ говорилъ не совсѣмъ правду. Мы видѣли выше, что и деревянныя кирки смущали московское духовенство, и ихъ не разъ переносили съ мѣста на мѣсто или толпа разрушала ихъ.

тайно, а явно, безъ всякой боязни, точно будто равное святымъ церквамъ. Приходящіе въ Москву люди со всѣхъ концовъ владѣній нашихъ государей спросятъ здѣсь живущихъ: что это за большія зданія? какъ зовутъ ихъ? Спрашиваемые отвѣтятъ съ радостью: это—Святая соборная и апостольская церковь во имя Пресвятыя Богородицы, а это—обитель св. Архангела Михаила и святителя Алексѣя, Чудовъ монастырь. Указывая и сообщая о нихъ и о другихъ святыхъ обителяхъ, они веселятъ вопрошающихъ. Но вотъ, когда увидятъ посѣтители лютеранское зданіе и спросятъ о немъ, тогда спрашиваемые глубоко, съ невыносимымъ стыдомъ и позоромъ, вздохнутъ и вынуждены будутъ сказать: „нѣмецкихъ еретиковъ, лютеровъ и кальвиновъ кирки складенныя, за немного дней, по совѣту одного изъ первосовѣтниковъ". Услышавши такую безчестящую вѣсть, спрашивающіе содрогнутся".

Это увѣщаніе выражало именно ту точку зрѣнія, какая принадлежала подлинной московской Россіи, и если XVI и XVII вѣка допустили извѣстную, хотя и ограниченную терпимость къ иновѣрцамъ, то необходимо признать, что первое отступленіе отъ тѣхъ вполнѣ и исключительно народныхъ началъ, какія хотятъ приписать только московскому періоду, началось уже именно въ этомъ періодѣ, задолго до Петра.

Новая эпоха въ бытѣ московскихъ иноземцевъ начинается съ правленія Петра. Расположеніе его къ иноземцамъ тотчасъ подняло настроеніе Слободы, и съ другой стороны вызвало новый протестъ людей стараго русскаго духа. Петръ Великій въ первую пору, во время своей московской жизни, часто бывалъ въ Слободѣ, дружилъ и веселился съ иноземцами и иноземками; иноземцы все больше проникаютъ въ ближайшій кругъ Петра, рядомъ съ Голицыными, Нарышкиными, Шереметевыми; занимаютъ офицерскія мѣста въ прежнихъ потѣшныхъ полкахъ. Сближеніе доходитъ до того, что Петръ часто посѣщаетъ лютеранскую и реформатскую кирки, въ качествѣ воспріемника креститъ нѣсколькихъ дѣтей у иноземцевъ Слободы, и, какъ говорятъ, самъ положилъ первый камень новой каменной церкви, которую строила теперь вторая, новая лютеранская община (1694); предполагаютъ даже, что она была выстроена на его средства. Это полное нарушеніе прежней сдержанности властей относительно иновѣрцевъ побудило въ самомъ началѣ патріарха Іоакима предостеречь своего духовнаго сына отъ опасности слишкомъ тѣснаго сближенія съ иноземцами. Приглашенный однажды въ 1690 году къ царскому столу, онъ рѣшительно отказался присутствовать за нимъ, если

тамъ будутъ иноземцы; царь уступилъ, но, конечно, въ другой разъ угостилъ и иноземцевъ. Въ томъ же году патріархъ Іоакимъ умеръ и въ своемъ завѣщаніи повторилъ свои убѣжденія: онъ умолялъ государей, какъ своихъ духовныхъ дѣтей, не допускать русскихъ до дружбы съ иновѣрцами и строго запретить, чтобы иноземцы, „пришедъ сюда, въ благочестивое царство, вѣръ своихъ не проповѣдывали, въ укоризну о вѣрѣ не разговаривали бы ни съ кѣмъ и обычаевъ своихъ иностранныхъ и по своимъ ихъ ересямъ на прелесть христіанамъ не вносили бы", просилъ также не опредѣлять ихъ на высшія должности ни въ войскѣ, ни въ судѣ, а также не дозволять строить имъ „молбищныхъ по прелестямъ ихъ сборищъ еретическихъ", а какія уже и есть, и тѣ „годно было бы снести, потому что въ нихъ много чинится хулы на православную вѣру и на русскихъ и такъ какъ въ самыхъ иностранныхъ государствахъ нѣтъ ни одной православной церкви".

Неблагопріятно относился къ иноземщинѣ и новый (послѣдній) патріархъ Адріанъ. Хотя онъ былъ не такъ требователенъ въ своихъ обличеніяхъ, но тѣмъ не менѣе ясно высказывалъ свое неодобреніе. Во время приготовленій Петра къ азовскому походу происходило освященіе новой лютеранской кирки; Петръ присутствовалъ и здѣсь. Въ пиршествахъ съ иноземцами происходило, конечно, много излишествъ въ словахъ и поступкахъ, и примѣръ царя не могъ не найти подражателей. Во время приготовленій къ походу патріархъ обратился къ паствѣ съ увѣщаніемъ объ очищеніи души вѣрою и добрыми дѣлами; онъ остановился и на вредномъ вліяніи иноземныхъ обычаевъ, которые отвращаютъ людей отъ вѣрности православію и добрымъ нравамъ: „Не только прочіе узаконенные посты, но и великую сію четыредесятницу многіе презираютъ... Нынѣ и благородные, и простые, даже юноши величаются пьянствомъ, безстыдно хвалясь другъ предъ другомъ: тогда и тогда-то былъ пьянъ и проспалъ церковное торжество въ праздники Господни". „Не только,—говоритъ патріархъ,—по пьянымъ и нощнымъ своимъ тризнищамъ", но и повсюду, люди неученые и незнающіе объюродѣли отъ табацкихъ трубокъ и злоглагольствъ лютерскихъ, кальвинскихъ и прочихъ еретиковъ. „Совратясь отъ стезей отцовъ своихъ, говорятъ: зачѣмъ такой чинъ въ церкви и для чего такъ дѣлается? нѣтъ въ томъ пользы, человѣкъ это сдѣлалъ, безъ того жить можно и какъ кто хочетъ. Зачѣмъ, говорятъ, поминовенія усопшихъ, призываніе въ молитвахъ на помощь Святыхъ, посты?"..

Въ предисловіи къ новому изданію „Православнаго исповѣданія" (1696) патріархъ, возставая на протестантскія лже-

ученія, замѣчаетъ, что иновѣрцы „начали уже и въ нашу всероссійскую полуденную страну, въ православій паче полуденныя свѣтлости сіяющую, входя, какъ волки въ овчихъ кожахъ, вносятъ тайно и явно своихъ нощеподобныхъ во мракѣ предлоговъ и обычаевъ громады, вопрошая: чего ради сіе и на что это?“ Онъ особенно предостерегаетъ противъ зловредныхъ книжекъ, катехизисовъ Лютера, переведенныхъ на славянскій языкъ [1]).

Иная была исторія католическихъ церквей и духовенства въ московскомъ государствѣ. Притязанія католицизма проникнуть въ русскую землю начинаются, какъ извѣстно, очень давно, съ перваго раздѣленія церквей. Эти притязанія не имѣли успѣха, какъ рушилась и попытка провести къ намъ флорентинскую унію. Русскіе люди, правительство, духовенство и народъ одинаково не терпѣли латинства, боялись и презирали его; символъ его, латинскій „крыжъ“ [2]), былъ предметомъ и страха, и омерзѣнія. Эта ненависть къ католичеству обнаружилась и въ томъ, что съ тѣхъ поръ, какъ начались въ московскомъ государствѣ вызовы или допущеніе иноземцевъ, число допущенныхъ католиковъ было всегда гораздо менѣе, нежели число протестантовъ. Мы упоминали, что Иванъ Грозный былъ весьма невысокаго мнѣнія о внутреннемъ достоинствѣ протестантства, которое считалъ церковнымъ хищничествомъ, но на практикѣ онъ все-таки предпочелъ протестантовъ. Такъ это было и послѣ.

Въ то время, какъ протестанты уже съ конца XVI-го вѣка болѣе или менѣе свободно строили свои кирки и совершали общественное богослуженіе, католики напрасно добивались себѣ подобнаго разрѣшенія. Когда сдѣлана была попытка этого рода въ царствованіе Іоанна и Петра, и два московскихъ католическихъ патера подали царямъ челобитную о разрѣшеніи построить въ Иноземской Слободѣ костелъ, то сдѣлана была справка, бывали ли прежде такія челобитья и что по нимъ дѣлалось. Выписка изъ дѣлъ посольскаго приказа, относящихся къ этому предмету, начиналась извлеченіемъ изъ статейнаго списка о пребываніи въ Россіи Антонія Поссевина. Это считалось, слѣдовательно, первымъ фактомъ въ вопросѣ о построеніи католической церкви въ московскомъ государствѣ. Извѣстны сношенія Ивана Грознаго съ римской куріей во время войны съ Баторіемъ; сношенія имѣли

[1]) Это были переводъ бѣлорусскій, вышедшій въ 1562 году въ Несвижѣ, и другой переводъ, вышедшій въ Стокгольмѣ въ 1628 году.

[2]) Это слово давно вошло къ намъ для обозначенія латинскаго креста,—съ польскаго: krzyz

цѣль чисто политическую; но папское посольство, явившееся въ Москву въ отвѣтъ на русское посольство въ Римъ, тотчасъ воспользовалось случаемъ, чтобы коснуться вопросовъ вѣроисповѣдныхъ Въ личныхъ бесѣдахъ Грознаго съ Поссевиномъ происходили настоящія богословскія препирательства объ отношеніяхъ католичества и православія; результатъ богословскаго спора не былъ пріятенъ для Поссевина; не много добился онъ и въ дипломатическихъ переговорахъ. Воспользовавшись намекомъ, онъ началъ рѣчь о допущеніи въ Россію венеціанскихъ купцовъ, съ которыми должны были явиться и духовные люди, и о разрѣшеніи имъ имѣть свою церковь; допустить купцовъ Иванъ Грозный согласился бы только въ крайнемъ случаѣ, еслибъ не оставалось иного средства добиться участія папы въ хлопотахъ о перемиріи съ Польшей, но допустить католическихъ церквей онъ вовсе не желалъ, предполагая, что это навѣрно было бы началомъ или поводомъ къ пропагандѣ. Бояре сказали Поссевину отъ имени царя: „Венетамъ въ наше государство пріѣзжать вольно и со своими попами, и со всякими товарами, церквамъ же римскимъ въ нашемъ государствѣ быть не пригоже, потому что до насъ прежде того обычая не бывало, мы хотимъ держать то по старинѣ, и вновь тому быть не годится“. И во второй разъ, когда Поссевинъ пріѣхалъ въ Москву по заключеніи мира съ Польшей, онъ снова заявлялъ свои требованія о соединеніи вѣръ, о наступательномъ союзѣ противъ турокъ, о посылкѣ русскихъ молодыхъ людей въ Римъ, о допущеніи венеціанскихъ и другихъ католическихъ торговыхъ людей съ ихъ священниками, о замѣнѣ въ Россіи „магистровъ лютерскихъ“, не признающихъ Богородицы и святыхъ, священниками римской вѣры и т. д.; но ему было повторено то же самое: „Римлянамъ, вениціанамъ и цесаревой области торговымъ людямъ въ московское государство пріѣзжать и торговать повольно и попамъ съ ними ихъ вѣры ѣздить воля безо всякаго возбраненія, только имъ ученія своего русскимъ людямъ не плодить и костеловъ имъ въ государствѣ московскомъ не ставить“; о лютеранахъ сказано было, что въ россійскомъ государствѣ всякихъ вѣръ люди многіе живутъ, и своимъ обыкновеніемъ, и къ русскимъ людямъ не пристаютъ, „а хотя бы кто и похотѣлъ пристати, того тому чинить не попускаютъ“. Въ отказахъ Поссевину московское правительство говорило не совсѣмъ правду, и самъ Поссевинъ зналъ, что у лютеранъ было тогда въ Москвѣ двѣ кирки, но въ своихъ писаніяхъ онъ неправильно и съ тенденціозною цѣлью объяснялъ, будто протестанты выманили

себѣ разрѣшеніе построить церкви, назвавъ себя католиками, и что царь велѣлъ сжечь ихъ церкви, узнавъ объ этомъ обманѣ.

Очевидно, что уже съ этихъ поръ у московскаго правительства былъ разный взглядъ на протестантовъ и католиковъ: къ послѣднимъ была старая, незабытая вражда, при томъ у нихъ весьма справедливо предполагалось гораздо болѣе настойчивое стремленіе къ пропагандѣ. Со временъ Грознаго тотъ же взглядъ держался вплоть до Петра Великаго. „Въ противоположность протестантскимъ пасторамъ и киркамъ, — говоритъ г. Цвѣтаевъ, — существовавшимъ въ Россіи постоянно, хотя и съ различными превратностями въ судьбѣ, католики, при всемъ томъ, что не были стѣсняемы въ вѣрѣ, никогда, за исключеніемъ эпохи самозванцевъ, не получали дозволенія имѣть ни костела, ни іезуитовъ, послѣ же междуцарствія не допускались къ нимъ и священники, даже было время, когда запрещался въѣздъ въ Россію и простымъ мірянамъ католическаго вѣроисповѣданія". Новая попытка сдѣлана была при Борисѣ Годуновѣ, на этотъ разъ изъ Польши: польскій посолъ предлагалъ вѣчный миръ между Россіей и Польшей, между прочимъ, на условіи допущенія католическихъ костеловъ; но попытка опять была безуспѣшна. Во время междуцарствія въ Москву проникло нѣсколько іезуитовъ, францисканцевъ и ксендзовъ; для Марины устроена была во дворцѣ домашняя каплица, но впослѣдствіи въ посольскомъ приказѣ не придавали этому факту никакого значенія и не думали допускать въ немъ какой-нибудь антецедентъ. И дѣйствительно, замѣчаетъ г. Цвѣтаевъ, — „теперь достаточно выяснено, насколько были чужды католицизма сами самозванцы и безсильны, еслибы даже задумали ввести его, а слѣдовательно, какъ были преувеличены пропагандическія надежды, возлагавшіяся на нихъ католиками". Самозванецъ надавалъ въ Варшавѣ много обѣщаній относительно обращенія Россіи въ католичество, но въ Москвѣ, хотя онъ и готовъ былъ предоставить католикамъ такую же свободу богослуженія, какою пользовались протестанты, вовсе не желалъ имѣть іезуитовъ своими совѣтниками, и они видали его рѣдко; его ближайшими совѣтниками были не католики, а протестанты-поляки, и, по вопросу о костелахъ, онъ обратился за благословеніемъ и совѣтомъ къ патріарху, и польскимъ посламъ о допущеніи іезуитовъ и строеніи костеловъ отвѣчалъ отрицательно. Любопытенъ отзывъ современнаго историка-іезуита Пирлинга, приводимый г. Цвѣтаевымъ: „Въ Димитріѣ (по вступленіи въ Москву), мало-помалу совершилась печальная перемѣна... Онъ не только вполнѣ удалилъ іезуитовъ, которымъ покровительствовалъ, хотя и очень

мало, со времени вступленія на престолъ, но окружилъ себя совѣтниками-еретиками, пользовавшимися всѣмъ его довѣріемъ... Соединяя низость съ лицемѣріемъ, онъ ласкалъ вниманіемъ папу и короля, когда того требовали обстоятельства; но, сдѣлавшись самъ себѣ господиномъ, съ презрѣніемъ говорилъ о священной главѣ церкви и замышлялъ пагубныя намѣренія противъ Сигизмунда III".

Извѣстно, что старая вражда и самого католичества къ греческому и русскому православію, вмѣстѣ съ неудачами пропаганды вели, въ эпоху междуцарствія, къ крайнимъ излишествамъ поляковъ въ тѣхъ областяхъ, которыя не были защищены московскими войсками: совершались насилія надъ духовенствомъ, осквернялись православныя церкви и т. п. Эти насилія еще увеличили давнюю ненависть русскихъ къ католицизму и отозвались потомъ стѣсненіемъ католиковъ въ московскомъ государствѣ. Это обнаружилось уже вскорѣ: когда, въ 1610, шла рѣчь о призваніи королевича Владислава на московскій престолъ, русскіе,—какъ ни было трудно тогда ихъ положеніе,—непремѣннымъ условіемъ ставили неприкосновенность православной вѣры и, относительно построенія костеловъ, обязывали будущаго царя поступать по совѣту патріарха. При вступленіи на престолъ Михаила Ѳедоровича католики были отстраняемы и свобода ихъ общественнаго богослуженія стѣснена еще больше прежняго. Въ 1634, въ совѣщаніяхъ о Поляновскомъ мирѣ, на вопросъ о костелахъ бояринъ Шереметевъ отвѣтилъ: „церквей иныхъ вѣръ въ московскомъ государствѣ не бывало и впредь этому быть нельзя". Передъ тѣмъ, когда шли переговоры о дѣлахъ торговыхъ и французскій посолъ добивался привилегій и свободы богослуженія для французскихъ купцовъ, то торговля была разрѣшена, „а учителямъ ксенжанамъ, іезуитамъ и службѣ римской не быть", о томъ велѣно было дьяку „отказать накрѣпко" (1629). Бояре даже преувеличили, какъ это не однажды бывало въ подобныхъ случаяхъ: „въ московскомъ государствѣ не въ обычаѣ, чтобъ иноземцы держали разныхъ вѣръ ксенжей, учителей и службы; того не бывало, не будетъ и быть тому нельзя, о томъ царское величество велѣлъ тебѣ (послу) подлинно объявить". Эти хлопоты о допущеніи „ксенжей" побуждали только московское правительство особенно остерегаться католиковъ и не допускать ихъ въ Россію. Когда въ 1631 поручено было русскому агенту, полковнику Лесли, набирать за границею военныхъ людей, ему именно велѣно было нанимать солдатъ шведскихъ и иныхъ государствъ, „кромѣ французскихъ людей, а французовъ и иныхъ, которые папежскія вѣры, отнюдь не нани-

мать", и когда въ числѣ нанятыхъ оказалось все-таки нѣсколько католиковъ, ихъ вознаградили за проѣздъ и съ надежными проводниками отправили обратно. Послѣ заключенія мира съ Польшей, голштинскую торговую компанію обязывали въ 1634 г., подъ угрозою *смертной казни*, не привозить и не держать у себя римской вѣры поповъ и никакихъ латинской вѣры людей. При Алексѣѣ Михайловичѣ католики, однако, появляются въ Москвѣ; многіе попадали плѣнными изъ Литвы и Бѣлоруссіи, но при Алексѣѣ и Ѳедорѣ они все таки не имѣли своей церкви и свое богослуженіе могли слышать только отъ заѣзжихъ патеровъ при посольствахъ или отъ проѣзжавшихъ черезъ Россію на востокъ миссіонеровъ.

Положеніе должно было очень измѣниться при преемникахъ Алексѣя Михайловича. Г. Цвѣтаевъ указывалъ уже, что Милославскіе, пользовавшіеся вліяніемъ въ это первое время, отличались тенденціями южно-русскими, „а отсюда какъ бы и польскими"; царь Ѳедоръ и царевна Софья учились у извѣстнаго Симеона Полоцкаго, человѣка кіевскаго схоластическаго образованія, который слылъ „латынщикомъ", и Ѳедоръ владѣлъ польскимъ, а также латинскимъ языками; при Софьѣ большимъ значеніемъ пользовался князь В. В. Голицынъ, стремившійся особливо къ сближенію съ южною, католическою Европою... Въ дипломатическихъ сношеніяхъ, въ которыхъ хотѣли привлечь и Россію къ союзу противъ турокъ, начинается опять рѣчь о католическомъ духовенствѣ и костелахъ; при посольствахъ являются въ Москву католическіе духовные, и именно іезуиты, которые даже успѣваютъ остаться на жительство въ Москвѣ.

Обойтись совсѣмъ безъ католическихъ духовныхъ было, наконецъ, трудно, когда въ московской службѣ находились все-таки иноземцы-католики и когда въ южныхъ, вновь пріобрѣтенныхъ областяхъ бывали католики подданные. По московскому договору съ Польшей, 1678, этимъ послѣднимъ разрѣшалось для богомолья ѣздить въ ближніе костелы за рубежъ; вскорѣ нашли болѣе удобнымъ допускать на время изъ-за рубежа польскихъ священниковъ, но кіевскій воевода писалъ въ Москву, что это небезопасно, потому что пріѣзжающіе священники „провѣдываютъ вѣсти", т.-е. собираютъ политическія свѣденія: изъ Москвы отвѣчено было, что для служилыхъ иноземцевъ въ тамошнихъ городахъ присланъ будетъ пасторъ изъ Москвы, а изъ Польши римскихъ поповъ больше не пропускать.

Съ особенной ревностью взялась теперь за дѣло цесарская дипломатія – въ союзѣ съ римской и польской. Въ Москву одно

за другимъ являлись цесарскія посольства, и каждое, вслѣдъ за другими дѣлами, поднимало вопросъ о допущеніи въ Москву римско-католическихъ духовныхъ и о построеніи костела. Понятно, что эти посольства находили себѣ усердныхъ пособниковъ въ иноземцахъ-католикахъ, находившихся въ русской службѣ, и самымъ вліятельнымъ лицомъ этого рода былъ извѣстный Патрикъ Гордонъ, шотландецъ родомъ, съ 1661 г. состоявшій въ русской службѣ, ревностный католикъ, сдѣлавшійся усерднымъ пособникомъ цесарскихъ и папскихъ дипломатическихъ предпріятій и московскихъ интригъ по этому предмету. Пріобрѣвши себѣ авторитетъ своими военными заслугами, онъ имѣлъ связи въ правительствѣ временъ царевны Софьи, а затѣмъ пользовался и расположеніемъ самого Петра. Въ Иноземской Слободѣ Гордонъ сошелся съ другими служилыми католиками; съ нимъ вступали въ сношенія цесарскіе послы и разныя католическія духовныя лица, бывавшія тогда не разъ въ Москвѣ проѣздомъ въ восточныя земли съ миссіонерскими и посольскими дѣлами и не упускавшія случая поработать въ Москвѣ въ интересахъ католицизма. Особенно заботились о томъ, чтобы въ Москвѣ успѣли свить себѣ гнѣздо іезуиты: ихъ приверженцы были уже въ Иноземской Слободѣ, какъ нѣкто Гваскони, проживавшій въ Москвѣ подъ видомъ флорентинскаго купца; іезуиты проникали въ Москву съ посольствами, подъ другими именами и званіями, или прямо въ видѣ духовныхъ лицъ, и успѣвали, несмотря на отсутствіе прямого разрѣшенія, оставаться въ Москвѣ подъ предлогомъ духовныхъ потребностей католической паствы въ Иноземской Слободѣ, хотя въ дѣйствительности оказывалось иногда, что собственно интересы этой паствы занимали ихъ умѣренно.

Первая оффиціальная просьба католиковъ Слободы о разрѣшеніи, подобно лютеранамъ и кальвинистамъ, держать пасторовъ и молитвенные дома, безъ чего ихъ „душамъ чинится великое поврежденіе“, подана была государямъ Іоанну и Петру въ началѣ 1684 г. [1]). Эту просьбу повторило прибывшее вскорѣ многочисленное цесарское посольство; но, несмотря на желаніе сильнаго тогда Голицына сдѣлать пріятное иностраннымъ посламъ, льстившимъ его самолюбію, дѣло о допущеніи костела не состоялось. Тогда же прибылъ еще „цесарскій гонецъ и секретарь“ Вота, въ которомъ только голландскій резидентъ Келлеръ угадалъ скрывавшагося іезуита, но и его хлопоты не помогли. Посольство

[1]) Просьбу эту подавали иноземцы католической вѣры: генералъ-поручикъ Петрушка Гордонъ, генералъ-маіоръ графъ Давыдко фонъ Граамъ, Александерко Левистонъ, Францка Гваскоиій и другіе—Антошка, Еремка, и пр.

вернулось, не достигнувъ цѣли, но ему удалось, однако, благодаря Голицыну, оставить въ Москвѣ привезеннаго съ собой „пастора Шмидта", который оказался іезуитомъ. Разрѣшеніе, данное Шмидту, было, однако, частное и личное, такъ что въ посольскомъ приказѣ, тогдашнемъ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, не осталось никакого документа, который дѣлалъ бы его пребываніе въ Москвѣ прочно обезпеченнымъ.

Въ слѣдующемъ, 1685 году, прибыло новое цесарское посольство, въ которомъ опять пробралось, подъ вымышленными именами, нѣсколько іезуитовъ. Теперь стали хлопотать о томъ, чтобы оставить въ Москвѣ другого ксендза на помощь Шмидту. Подоспѣлъ опять новый гонецъ, который везъ папскую грамоту, чтобы возобновить сношенія, прервавшіяся раньше вслѣдствіе несогласія относительно взаимныхъ титуловъ. И на этотъ разъ переговоры были неудовлетворительны, но цесарское посольство все-таки кое-что успѣло сдѣлать: посолъ съумѣлъ водворить въ Слободѣ второго іезуита, купилъ для іезуитовъ на цесарскія деньги домъ, записавши его на имя Гваскони.

Въ перепискѣ съ цесарскимъ дворомъ шла тогда рѣчь между прочимъ о формѣ дипломатическихъ сношеній; именно, русскіе требовали, чтобы цесарь принималъ царскія грамоты самъ изъ рукъ посла, какъ это въ Москвѣ дѣлалось съ цесарскими грамотами. Въ Вѣнѣ стали дѣлать изъ этого дипломатическую клаузу и намекали, что исполнятъ русское желаніе, если въ Москвѣ формально примутъ іезуитовъ и дозволятъ строеніе костела. Въ Москвѣ это поняли, но не желали уступать и предпочитали оставлять дѣло какъ оно было: іезуиты проживали въ Москвѣ не по праву, а только по особой царской милости; римское богомолье допущено только „по многому прошенью цесаря для братской дружбы". Московское правительство хотѣло оставить за собой возможность всегда освободиться отъ іезуитовъ, еслибы то оказалось нужнымъ.

Г. Цвѣтаевъ подробно разсказываетъ эти долгіе споры съ цесарской дипломатіей. Этими спорами наполнены были и переговоры большого русскаго посольства, отправившагося въ Вѣну въ 1687 году. Правительство продолжало стоять на своемъ, а іезуиты пробовали всякія мѣры, чтобы проникнуть въ Москву и тамъ укрѣпиться: іезуитъ отправляется гонцомъ съ цесарской грамотой; русскому двору необходимо требуется хорошій докторъ — о немъ русскіе просятъ въ Вѣнѣ и обѣщаютъ пропустить іезуита, если онъ повезетъ съ собою доктора, но іезуитъ ѣдетъ, а доктора нѣтъ; черезъ Москву ѣдутъ или возвращаются католическіе послы

на востокъ, при нихъ обыкновенно іезуиты, которые всегда стараются подольше задержаться въ Москвѣ для того, чтобы помочь дѣлу своихъ московскихъ собратій, и т. д. Уже въ это первое время, когда іезуиты только-что проникали въ Москву, посторонніе наблюдатели стали замѣчать результаты ихъ дѣятельности. Голландскій резидентъ Келлеръ, защищавшій протестантскіе интересы, писалъ своему правительству въ февралѣ 1686 года: „Много шуму надѣлали здѣсь опасныя широкія интриги, которыя повсюду направляютъ католики противъ протестантовъ. За нѣсколько дней начали они распространять при дворѣ свое худое мнѣніе о протестантахъ и ложно обвинять какъ лютеранъ, такъ и реформатовъ въ томъ, что оба ихъ вѣроисповѣданія оскорбляютъ и поносятъ Дѣву Марію. Разсказываютъ, будто эти обвиненія, написанныя на славянскомъ языкѣ, были принесены во дворъ и тамъ были читаны". Особенно ревностнаго паписта Келлеръ указываетъ именно въ Гордонѣ; большую подозрительность его возбуждали іезуиты польскіе: „польское королевство,—писалъ онъ,—разсадникъ этихъ учениковъ Іисуса... и они не надѣлаютъ добра. Слишкомъ извѣстно, что польская нація—въ тѣсномъ союзѣ съ іезуитами, и поляки, и іезуиты—покорные слуги римскаго престола".

Іезуиты,—говоритъ г. Цвѣтаевъ,—старались раздувать несогласія въ московской протестантской общинѣ. „Вмѣстѣ съ тѣмъ они пытались завлекать въ свою школу русскихъ мальчиковъ и внушать имъ католическія мысли; втираясь въ дома вельможъ, набрасывали тѣнь на православіе, распространяли въ Москвѣ пропагандическія книги на русскомъ языкѣ и католическіе образа, въ видахъ совращенія православныхъ; косвенно едва ли даже не разжигали поднявшіеся у насъ тогда споры о религіозныхъ вопросахъ, какъ вопросъ о пресуществленіи, и т. п. Получая тайно содержаніе отъ цесаря, они выставляли себя безсребренниками; притворяясь чистыми, въ то же время совершали преступленія противъ самыхъ основныхъ своихъ монашескихъ обѣтовъ. Такъ, несомнѣнно извѣстно, что у іезуита Давида было нѣсколько любовницъ... и царскій докторъ Карбонарій, „костельный" учитель Ѳома и другіе помогали ему прикрыть то отъ людскихъ глазъ. Іезуиты служили также тайными агентами нѣкоторыхъ католическихъ правительствъ для сообщенія имъ о политическихъ въ Москвѣ дѣлахъ".

Между тѣмъ въ правительствѣ готовился и потомъ совершился переворотъ. Иноземные офицеры, видя, что перевѣсъ будетъ на сторонѣ Петра, по приказу его, оставили Москву, не предупредивъ своего ближайшаго начальника, князя Голицына. Пока еще

не вступая въ Москву, Петръ устроилъ въ Александровской Слободѣ военныя экзерциціи, которыми распоряжался Гордонъ: здѣсь произошло первое тѣсное сближеніе Петра со служилыми иноземцами Слободы, особливо съ Гордономъ. Въ Москвѣ это не понравилось; патріархъ Іоакимъ и раньше былъ возстановленъ противъ Гордона, а теперь добился удаленія руководителей Гордона, двухъ іезуитовъ, которые жили тогда въ Москвѣ, смѣнивъ Шмидта и его помощника. Удалить ихъ было не трудно, потому что, какъ мы упоминали, московское правительство остереглось дать имъ какое-нибудь формальное право жить въ Москвѣ. Въ указѣ по этому дѣлу замѣчено было, что іезуиты жили въ Москвѣ только „для дружбы и любви государской къ цесарскому величеству"; но для чего цесарское величество просилъ о разрѣшеніи ихъ пребыванія въ Москвѣ, „и того своего намѣренія подлинно имъ, великимъ государямъ (т.-е. Іоанну и Петру), его цесарское величество никогда, ни чрезъ грамоты свои, ни чрезъословъ и посланниковъ, не объявилъ и не открылъ". А въ прежнее время іезуиты въ московскомъ государствѣ не живали, и цесарскихъ торговыхъ людей римской вѣры нѣтъ, или есть человѣкъ пять-шесть, которые пріѣзжаютъ по своей волѣ, и „вольно имъ для употребленія своей вѣры выѣзжать въ государство цесарскаго величества". Въ указѣ упомянуто, что патріархъ Іоакимъ и весь освященный соборъ просили объ удаленіи іезуитовъ, которые живутъ въ Москвѣ „безъ дѣла", но „чинятъ много противнаго православной церкви"; рѣшено было поэтому отпустить іезуитовъ „къ цесарскому величеству" — „съ честью и береженьемъ".

Іезуитамъ, конечно, не понравилось рѣшеніе, объявленное имъ въ посольскомъ приказѣ. Они старались затянуть отъѣздъ; между прочимъ обратились за содѣйствіемъ къ польскому резиденту, который просилъ оставить при немъ хоть одного іезуита, но въ посольскомъ приказѣ выразили ему удивленіе, что онъ проситъ оставить при себѣ чужого, не польскаго, подданнаго. Наконецъ, іезуиты выѣхали, а изъ Москвы послали въ Вѣну извѣщеніе объ ихъ отъѣздѣ, написанное весьма сдержанно и не упоминавшее о томъ, что, между тѣмъ, стало извѣстно. А извѣстно стало слѣдующее: іезуиты съ дороги писали въ Москву своимъ друзьямъ, давая имъ разныя секретныя порученія по своимъ дѣламъ; большая часть писемъ были перехвачены въ посольскомъ приказѣ; написанныя по-нѣмецки — были переведены и прочитаны государямъ; осталось безъ перевода одно итальянское письмо, вѣроятно за неимѣніемъ въ приказѣ переводчика. Однѣ письма были полу-оффиціальныя, убѣждавшія общину не приглашать иныхъ духовныхъ лицъ кромѣ

іезуитовъ и выражавшія надежду на возвращеніе; въ другихъ письмахъ шла рѣчь о личныхъ интимныхъ дѣлахъ, и отсюда обнаруживалась весьма некрасивая частная жизнь, совсѣмъ несвойственная церковнымъ пастырямъ и духовнымъ отцамъ; между прочимъ, одно письмо, къ особѣ женскаго пола, запрятано было въ другихъ и его рекомендовалось передать съ особливою осторожностью, чтобъ никто не видалъ; въ приказѣ отмѣтили, что въ немъ „написано многое безчинство срамное и блудное".

Правительство было, кажется, послѣ этого еще болѣе довольно отъѣздомъ іезуитовъ и рѣшило на будущее время вообще не допускать въ Россію членовъ этого ордена. Послѣднее представлялось тѣмъ болѣе удобнымъ, что, за исключеніемъ нѣсколькихъ ревностныхъ приверженцевъ ихъ, какъ Гордонъ и другіе, сама община была къ нимъ довольно равнодушна. Впослѣдствіи, дѣйствительно имъ удавалось проникать въ Россію или только тайно, или въ качествѣ проѣзжавшихъ черезъ Россію миссіонеровъ; относительно духовныхъ не-іезуитовъ, правительство думало, что они будутъ все-таки меньше вдаваться въ пропаганду. Около этого времени въ Москву именно прибылъ, проѣздомъ съ востока, іезуитъ, который желалъ подольше остаться въ Москвѣ; правительство думало, напротивъ, что ему пора ѣхать домой: 7-го мая онъ получилъ приказъ о выѣздѣ, но не выѣзжалъ, пока, наконецъ, уже въ половинѣ іюля его выпроводили насильно.

Въ мартѣ 1690 г. умеръ патріархъ Іоакимъ. При этомъ произошло очень странное обстоятельство, до сихъ поръ не выясненное. Въ современномъ „житіи" Іоакима упоминается очень темно, что предъ избраніемъ преемника его, патріарха Адріана, оказалась „нѣкая распря, отъ нѣкоего, иже бяше *иноплеменникъ*, притворяшеся же Россіянинъ, иже не вѣмъ како промчеся, якобы произволяшеся ономy и на патріаршество возведену быти, но Божіимъ предвѣдѣніемъ, молитвами святѣйшаго Іоакима, патріарха московскаго, или посланіемъ, прежде сего писаннымъ отъ святѣйшаго господина Досиѳея, патріарха іерусалимскаго, не повелѣвающаго въ духовномъ чинѣ въ Россіи иноземцевъ поляковъ пастырями поставляти, остережено сіе бысть". Г. Цвѣтаевъ сопоставляетъ съ этимъ одно письмо пробравшагося въ то время въ Москву іезуита Михаила Яконовича, попавшееся въ руки правительства. Въ бумагахъ посольскаго приказа отмѣчено содержаніе этого письма: іезуитъ въ письмѣ къ своему корреспонденту „жалуетца, что ево Москва въ патріархи не приняла; а голосы подала на митрополита казанскаго", т.-е. Адріана. Повидимому, этотъ іезуитъ былъ въ Москвѣ подъ ложнымъ именемъ

какого-то пріѣзжаго самозваннаго пастыря. „Трудно сказать,— замѣчаетъ г. Цвѣтаевъ,—чему болѣе дивиться здѣсь, дерзости ли потерявшихъ совѣсть іезуитовъ, или полному непониманію дѣйствительнаго положенія дѣла, ослѣпленныхъ пропагандой, узкихъ фанатиковъ и мечтателей".

Удаленіе іезуитовъ изъ Москвы произвело, конечно, непріятное впечатлѣніе въ Вѣнѣ. Отъ цесарскаго резидента въ Польшѣ получилось письмо въ посольскій приказъ, гдѣ говорилось о томъ, какъ непріятно императору изгнаніе іезуитовъ, и что если они не будутъ возвращены, то можно опасаться прекращенія дипломатическихъ отношеній императора съ Россіей. Но въ Москвѣ знали объ этомъ и раньше, и изъ перехватываемой переписки все больше убѣждались въ необходимости держаться принятаго рѣшенія — не допускать іезуитовъ. Послѣдніе, съ своей стороны, старались мстить, чѣмъ могли. Въ Австріи захваченъ былъ одинъ православный архимандритъ Исаія, съ которымъ еще при Софьѣ во время крымскихъ походовъ отправлены были грамоты къ валашскому воеводѣ и константинопольскому патріарху, гдѣ говорилось о желаніяхъ московскаго правительства относительно положенія турецкихъ христіанъ. Исаію захватили въ цесарской землѣ, били и посадили въ тюрьму, а царскія грамоты распечатали. Архимандриту удалось написать о своемъ положеніи къ Іоанникію Лихуду, и онъ жаловался на злобу іезуитовъ, отъ которой, если не заступятся государи, ему „быть безъ головы". Исаія писалъ: „Ближніе люди здѣшніе говорятъ: какъ москали безчестили на Москвѣ нашихъ іезуитовъ, мы здѣсь сдѣлаемъ ему, Исаію, и заморимъ его... Іезуиты воры вымышляютъ много ложнаго и разсѣваютъ здѣсь плевелы... И Лихудій радѣлъ бы въ Москвѣ, потому что іезуиты смѣются и говорятъ, что нѣтъ у москалей разума и не смѣютъ они ничего для меня сдѣлать. Въ два года ничего не отозвалось обо мнѣ отъ государей, а здѣшніе за своихъ іезуитовъ умираютъ, не только что заступаются". Едва ли сомнительно, что въ разсчетѣ на этотъ недостатокъ разума и сдѣлана была упомянутая попытка посадить іезуита на патріаршескій московскій престолъ.

Въ 1691 г. явилось въ Москву цесарское посольство Куртца, въ свитѣ котораго былъ его пасынокъ, Андрей Плейеръ, оставшійся потомъ въ Москвѣ, и доминиканскій ксендзъ. Посольство принято было довольно холодно: въ Австріи не нуждались, а, напротивъ, цесарское правительство, затрудненное венгерскимъ возстаніемъ Текелія, желало, чтобы Россія послала войско въ Крымъ, что отвлекло бы татаръ отъ соединенія съ Текеліемъ. Куртцъ

тотчасъ заговорилъ объ іезуитахъ, объ огорченіи императора по поводу ихъ удаленія, ссылался на договоръ, будто бы заключенный относительно ихъ Шереметевымъ въ Вѣнѣ; въ посольскомъ приказѣ удостовѣрено было, что Шереметевъ никогда такого договора не заключалъ, а относительно іезуитовъ отвѣтили весьма рѣшительно, сославшись на примѣръ другихъ государствъ и на „непотребныя дѣла“ іезуитовъ въ Москвѣ. Указано было, что іезуиты, вмѣсто того, чтобы держать себя спокойно, начали „жить противно, вступаться не въ свои дѣла, вмѣщать новое, писать по почтѣ въ иныя государства о чемъ не подлежало“; патріарху и духовенству „чинили многую противность, на прелесть и на ссору печатали на русскомъ языкѣ многіе листы и призывали въ свои училища русскихъ дѣтей“. Относительно листовъ объяснялось при другомъ разговорѣ съ Куртцомъ въ посольскомъ приказѣ, что іезуиты печатали ихъ на русскомъ языкѣ въ Римѣ, „на прелесть“, т.-е. на соблазнъ, привозили въ Москву и раздавали по домамъ. Наконецъ, чтобы прекратить эти домогательства о возвращеніи іезуитовъ, въ посольскомъ приказѣ рѣшили показать цесарскому посланнику подлинныя непристойныя письма іезуитовъ, перехваченныя раньше. Сдѣлано было это съ большой осторожностью и наединѣ. Куртцъ, самъ принадлежавшій къ іезуитскому ордену, былъ весьма непріятно пораженъ содержаніемъ этихъ писемъ, старался скрыть свое смущеніе и заподозрилъ подлинность писемъ; но въ посольскомъ приказѣ эта подлинность была ему доказана и объяснено, что правительство не желало пользоваться этими письмами для позора іезуитовъ и сообщило ему письмо тайно для увѣренія его правительства. Онъ сталъ возражать, что если бываютъ худые люди, то изъ-за нихъ не слѣдуетъ изгонять добрыхъ, но этотъ аргументъ не подѣйствовалъ. Куртцъ признался, что домъ Гваскони купленъ былъ на цесарскія деньги, и просилъ, чтобы домъ признали цесарскимъ (это давало бы потомъ поводъ вмѣшиваться въ дѣла католической общины), но въ посольскомъ приказѣ отвѣтили: „прежде цесарскихъ дворовъ на Москвѣ не бывало, и нынѣ быть имъ не для чего; когда тотъ дворъ купленъ на имя торговаго иноземца Гвасконія, такъ Гвасконій пусть и владѣетъ имъ“.

Куртцъ добился только одного: разрѣшено было держать въ Москвѣ для католической общины двухъ ксендзовъ и притомъ свѣтскихъ. Впослѣдствіи оказалось однако, что оставленный въ Москвѣ священникъ былъ доминиканецъ. Въ слѣдующемъ 1692 г. въ посольскомъ приказѣ узнали, что цесарь велѣлъ Куртцу готовить въ новую поѣздку въ Россію своего сына (или пасынка)

Антонія Плейера вмѣстѣ „съ нѣмецкими законниками, которые ѣдутъ къ Москвѣ служить въ папежскомъ костелѣ“. Плейеръ долженъ былъ остаться въ Россіи нѣсколько лѣтъ и научиться русскому языку, чтобы стать послѣ переводчикомъ; съ нимъ отправились и были приняты въ Москвѣ два священника (взамѣнъ оставленнаго прежде доминиканца), которые названы были въ цесарской грамотѣ мірскими ксендзами, но оказались францисканскими монахами [1]). Самому Плейеру разрѣшено остаться въ Москвѣ, но „жить гдѣ сокровенно, и по Слободѣ *въ лишнія мѣста не шататься*“.

На дворѣ упомянутаго Гваскони католики выстроили себѣ „деревянный костеликъ“, но имъ хотѣлось имѣть настоящій каменный костелъ, и такъ какъ при тогдашнемъ отношеніи правительства къ католичеству невозможно было надѣяться на разрѣшеніе, то прибѣгли къ другому пути. Въ концѣ 1694 г. Гордонъ, въ разговорѣ съ Петромъ, просилъ у него позволенія на постройку каменной церкви. Петръ согласился, но дѣло все-таки должно было пройти черезъ оффиціальное вѣдомство, и Гордонъ, не надѣясь тутъ на успѣхъ, велъ дѣло пока частнымъ образомъ. Наконецъ, нужно было обратиться въ посольскій приказъ, и католическіе патеры подали отъ себя челобитную какъ разъ въ то время, когда шли приготовленія къ азовскому походу и служилые иноземцы могли больше разсчитывать на благосклонность. Въ приказѣ, по обычаю, сдѣлана была справка въ прежнихъ дѣлахъ, но когда выписка была изготовлена (въ ней прибавлены были и новѣйшія свѣденія о стѣсненіи православія въ цесарскомъ государствѣ), Петръ уже отправился подъ Азовъ. Каменная стройка между тѣмъ шла (безъ формальнаго разрѣшенія), и недовольные этимъ протестанты обратили на это вниманіе властей; по заявленію въ приказѣ одного „иноземскихъ дѣлъ стряпчаго“, иноземцы опасались, „какъ бы они, римляне, въ строеніи того костела безъ государскаго указу своимъ прельщеніемъ и лживымъ ученіемъ не учинили какого хищнаго мщенія и тѣсноты не только русскому народу, но и имъ, иноземцамъ“.

По разслѣдованію оказалось, что каменная кладка костела была уже доведена до половины и что стройка назначалась для бого-

[1]) Одинъ изъ нихъ назывался Павелъ-Іосифъ Яросъ, или въ правописаніи посольскаго приказа „Еросхъ“ и „Ерошхъ“. Это былъ, конечно, Ярошъ, братъ славянинъ, именно чехъ. Другой назывался Лефлеръ, и Гордонъ упоминалъ потомъ въ письмѣ къ одному изъ своихъ друзей, что это были люди богобоязненные и ученые, но что они недостаточно понимаютъ по-нѣмецки и потому имъ трудно проповѣдывать.

служенія. Призванный къ отвѣту Гваскони, на дворѣ котораго это дѣлалось, сослался на вліятельнаго у царя и тогда отсутствовавшаго Гордона, и говорилъ, что строеніе, исполняемое по приказу и чертежу Гордона, есть вовсе не церковь: „погребъ“ его (т.-е. подвальный этажъ) назначается для погребенія, а „каменная палатка“ надъ нимъ — для гулянья, хотя Гордонъ не имѣлъ бы права строить усыпальницы для своей фамиліи на чужомъ дворѣ. Показаніе Гваскони было такъ натянуто, что онъ даже не рѣшился скрѣпить его своею подписью. Продолженіе стройки было запрещено, но Гордонъ, находясь съ Петромъ подъ Азовомъ, снова (какъ онъ самъ записалъ въ своемъ дневникѣ) обратился къ Петру съ просьбою, „относительно своего *мѣста погребенія* въ Москвѣ, окончить которое и покрыть крышей представляются различныя препятствія“. Петръ опять обѣщалъ велѣть написать объ этомъ. Вслѣдствіе того въ Москвѣ произведено было новое разслѣдованіе; царю сообщены были настоящія свѣденія о постройкѣ, и, по его указу, строеніе велѣно было „закрыть“.

Наконецъ, католики достигли своей цѣли. Въ войнѣ съ Швеціей, Петръ былъ въ союзѣ съ Польшей и „для лучшей къ себѣ всей Рѣчи Посполитой склонности“ дозволилъ католикамъ свободу исповѣданія и строеніе каменныхъ костеловъ. Въ октябрѣ 1706 г. Меньшиковъ извѣщалъ папу Климента XI о каменномъ костелѣ и іезуитской школѣ. Іезуиты, по прежнему обычаю, явились сначала при цесарскихъ послахъ въ видѣ свѣтскихъ священниковъ, а потомъ и въ собственномъ видѣ. Школа ихъ въ 1707 году считала до 50 русскихъ учениковъ, и нѣкоторые изъ нихъ перешли потомъ въ католичество. Въ 1719 году іезуиты снова были изгнаны изъ Россіи, и московскій костелъ сдѣлался предметомъ споровъ между тремя католическими орденами—капуцинами, францисканцами и доминиканцами: правительство допускало то тѣхъ, то другихъ, смотря по обстоятельствамъ.

Но какимъ образомъ былъ выстроенъ католическій костелъ въ Москвѣ,—даже и въ то время не знали. Когда вновь учрежденный святѣйшій синодъ сдѣлалъ запросъ въ иностранную коллегію о числѣ и правахъ католическихъ костеловъ, пересмотрѣны были старыя дѣла посольскаго приказа, и тамъ не нашлось никакихъ свѣденій объ этомъ предметѣ. Спросили тогдашняго старосту костела, которымъ былъ сынъ Гордона, и онъ сказалъ, что послѣ перваго запрещенія отецъ его во время азовскаго похода просилъ у Петра разрѣшенія достроить костелъ, и будто бы по его позволенію строеніе было докончено; но былъ ли цар-

скій указъ письменный или устный, онъ не знаетъ, а что бумаги костела были отобраны въ 1719 году при удаленіи іезуитовъ. Свѣденіе было мало правдоподобно, потому что при Гордонѣ каменной церкви у католиковъ не было. Хотя, такимъ образомъ, за костеломъ не нашлось юридическаго права, зданіе осталось нетронутымъ. Лѣтъ черезъ 50, католики представили копію съ указа, будто бы выданнаго Петромъ на этотъ костелъ въ 1705 г.; но для копіи не нашлось оригинала и сама она по своей формѣ не представляла признаковъ достовѣрности. Новая попытка утвердить юридическія права костела сдѣлана была при императорѣ Павлѣ, опять съ ссылкой на грамоту Петра, сгорѣвшую будто бы въ недавнемъ пожарѣ, но новыя справки опять не подтвердили существованія указа.

Въ 1812 году этотъ католическій костелъ, состоявшій изъ двухъ зданій, теплаго и холоднаго, сгорѣлъ и возобновленъ былъ только холодный. Въ царствованіе императора Николая католикамъ разрѣшено было построить новый костелъ уже въ центрѣ города, хотя на невидномъ мѣстѣ (1845 г.), а старый былъ упраздненъ.

Такова была, въ общихъ чертахъ, судьба иностранныхъ исповѣданій въ старой Москвѣ. Какъ видимъ, московское государство, хотя и было значительно недовѣрчиво къ иновѣрцамъ, особливо къ католикамъ, но только изъ опасенія пропаганды; вообще же оно не представляло, въ этомъ отношеніи, какого-нибудь особеннаго исключенія изъ господствовавшей въ тѣ вѣка вѣроисповѣдной исключительности. Къ внутреннему быту иноземныхъ исповѣданій, когда они оставались въ своемъ кругу, оно было просто равнодушно. Относительно католиковъ оно было право въ своей недовѣрчивости, потому что католики дѣйствительно ловили всякій случай къ пропагандѣ. Протестанты хотя имѣли въ первое время мысль о распространеніи своихъ религіозныхъ взглядовъ, но эта мысль, кажется, всегда была свободна отъ церковнаго властолюбія, какое неизмѣнно соединялось съ пропагандой католической, свободна тѣмъ больше, что протестантство, отвергавшее эти властолюбивыя стремленія въ самомъ папствѣ, никогда не имѣло одного центральнаго авторитета; мысль его о распространеніи своихъ религіозныхъ взглядовъ была отвлеченная и, повидимому, была очень скоро покинута, когда протестанты увидѣли невозможность ея практическаго исполненія. Г. Цвѣтаевъ держится въ этомъ отношеніи средняго взгляда [1]). Онъ не думаетъ, чтобы проте-

[1]) Журн. Мин. Просвѣщ. 1888, октябрь, стр. 188 и дал.

станты были исключительно космополитами, равнодушными къ религіозной пропагандѣ, какъ это полагалъ Соловьевъ [1],—хотя ревностная привязанность къ своему исповѣданію, на которую при этомъ ссылается г. Цвѣтаевъ, легко могла существовать и безъ стремленія къ пропагандѣ, имѣвшей мало шансовъ. Съ другой стороны, нашъ авторъ считаетъ преувеличеннымъ мнѣніе упомянутаго прежде историка протестантства въ Россіи, г. Соколова, будто бы „протестанты разставили свои тайныя пропагандическія сѣти *на всѣхъ путяхъ, при каждомъ соприкосновеніи* съ православными"; на нашъ взглядъ, мнѣніе Соколова есть просто бьющая на эффектъ фраза, какъ все его разсужденіе объ этомъ предметѣ [2]) и какъ многія другія мѣста его книги. Но вопросъ объ отраженіяхъ протестантства въ русской жизни, которыя замѣчаются въ старыхъ русскихъ ересяхъ и нѣкоторыхъ вѣтвяхъ раскола, до сихъ поръ остается мало выясненнымъ.

Труды г. Цвѣтаева до сихъ поръ посвящались почти исключительно внутренней жизни западныхъ церковныхъ общинъ въ Россіи до эпохи Петра Великаго включительно; въ новѣйшихъ изслѣдованіяхъ онъ старается разъяснить вопросъ объ обрусѣніи иноземцевъ-протестантовъ и о литературной борьбѣ съ протестантствомъ въ московской Россіи. Подъ обрусѣніемъ онъ разумѣетъ собственно принятіе иноземцами, и именно протестантами, православія: онъ справедливо могъ принимать перемѣну вѣры за перемѣну національности въ томъ отношеніи, что иноземецъ, не-православный, въ тѣ времена съ трудомъ могъ сближаться съ туземною средою и не выходилъ изъ своего иноземческаго круга, между тѣмъ какъ принятіе русской вѣры дѣлало, напротивъ, почти неизбѣжнымъ сближеніе съ обществомъ русскимъ, потому что отрывало иноземца отъ его соотечественниковъ, которые должны были относиться къ нему враждебно за перемѣну религіи. Эта перемѣна вынуждалась обыкновенно обстоятельствами: для людей, потерявшихъ въ долголѣтнее пребываніе въ Россіи всякую связь съ родиной, оставалось, наконецъ, примкнуть къ новому отечеству, и для этого единственнымъ средствомъ было принятіе русской вѣры и подданства; въ тяжелыхъ матеріальныхъ условіяхъ это доставляло и практическую помощь: московская власть обыкновенно оказывала покровительство новообращеннымъ, давала за крещеніе награды, которыя въ первое время были даже весьма

[1]) Исторія Россіи, т. XIII, стр. 218—225.

[2]) Отношенія протестантизма къ Россіи въ XVI и XVII вѣкахъ, соч. Ив. Соколова. Москва, 1880, стр. 241—243.

значительны, и стали уменьшаться только впослѣдствіи, когда число обращавшихся стало возрастать, а интересъ правительства привязывать иноземцевъ къ Россіи сталъ ослабѣвать.

Но, за этими вопросами чисто церковнаго быта, предстоитъ для историческаго объясненія другой, не менѣе, если не болѣе существенный вопросъ о культурномъ значеніи иноземческихъ вызововъ и поселеній въ старой Россіи. Множество фактовъ, сюда относящихся, было отмѣчено въ нашей исторической литературѣ: съ XV вѣка множество иноземцевъ приходило въ Россію и служило ей въ разныхъ областяхъ труда, отъ дипломатической службы до солдатства и ремесла; историки отмѣчали эти факты, но большею частью упоминая ихъ мимоходомъ, придавая имъ какъ бы только анекдотическій интересъ,—очевидно между тѣмъ, что присутствіе иноземцевъ въ разнообразныхъ сторонахъ жизни, именно требовавшихъ научнаго или техническаго знанія, на пространствѣ болѣе чѣмъ двухъ вѣковъ стараго московскаго царства, становится важнымъ историческимъ фактомъ, имѣющимъ органическое значеніе въ развитіи старой русской жизни. Намъ этотъ фактъ представляется какъ выраженіе полу-сознаваемаго инстинктивнаго стремленія русскаго народа въ европейскую среду, отъ которой онъ былъ надолго оторванъ внѣшними условіями своей исторіи. Это стремленіе сказывалось сначала отрывочными, а потомъ все болѣе расширявшимися запросами на европейское знаніе и самый обычай, при помощи вызова иноземцевъ въ Россію, и завершилось при Петрѣ открытымъ признаніемъ необходимости европейскаго знанія для самихъ русскихъ. Такимъ образомъ, исторія иноземческихъ вызововъ является вмѣстѣ однимъ изъ несомнѣнныхъ антецедентовъ Петровской реформы.

А. Пыпинъ.

ЦВѢТУЩАЯ СТАРОСТЬ

Посвящается Виктору Антоновичу Арцимовичу.

Земля, для дней веселыхъ мая,
Одѣлась въ лучшій свой нарядъ;
И, весь въ цвѣту, благоухая,
Предсталъ предъ нимъ фруктовый садъ.

Въ кругу цвѣтущей молодежи
Есть яблонь старая. Она
Ужъ къ долу клонится, но тоже
Богатымъ цвѣтомъ убрана.

Полюбоваться старымъ другомъ
Подходитъ къ ней сѣдой старикъ,—
Но въ немъ, въ отпоръ его недугамъ,
Духовныхъ силъ запасъ великъ.

Для всѣхъ явленій жизни зорки,
Въ привѣтъ веснѣ они слились—
Старушка, лежа на подпоркѣ;
Старикъ, на посохъ опершись.

Алексѣй Жемчужниковъ.

НАКАНУНѢ
ПЕРЕВОРОТА

Романъ въ двухъ частяхъ, соч. Маріонъ Крофордъ

Съ англійскаго.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Въ 1865 году нынѣшняя столица Италіи все еще напоминала въ значительной степени древній Римъ. Она еще не пріобрѣла современной физіономіи, какая теперь ее отличаетъ. Корсо не было расширено и оштукатурено; вилла Альдобрандини еще не прорѣзана, съ цѣлью проведенія Via Nationale; южный флигель палаццо Колонна попрежнему выходилъ въ узенькій переулокъ, куда прохожіе боялись заглядывать въ сумерки. Русло Тибра не было углублено ниже Фарнезины, и сама Фарнезина еще исправлялась; о желѣзномъ мостѣ на Рипетто и не мечтали, а Prati di Castello все еще были, какъ и показываетъ ихъ названіе, обширными пастбищами. На южной оконечности города, пространство между фонтаномъ Моисея и новой станціей желѣзной дороги, идущее мимо Діоклетіановыхъ Бань, все еще служило плацомъ для маневровъ французской кавалеріи. Даже народъ на улицахъ былъ совсѣмъ другого вида, чѣмъ теперь, какъ его наблюдаютъ посѣтители и иностранцы, зимующіе въ Римѣ. Французскіе драгуны и гусары, французская пѣхота и французскіе офицеры

вездѣ виднѣлись во множествѣ пополамъ съ блестящими папскими зуавами, и сѣрые мундиры зуавовъ, съ ярко красными кантами, красными шарфами и желтыми короткими штиблетами, придавали живописность каждой толпѣ. Главный отрядъ войскъ представляли они, насчитывая сотни джентльменовъ въ своихъ рядахъ, а въ числѣ офицеровъ—первыя имена Франціи и Австріи. Въ тѣ дни на улицахъ появлялись большія кардинальскія кареты съ нарядными лакеями, запряженныя великолѣпными воронымн конями. Въ окна съ опущенными стеклами „князья церкви“ раскланивались съ прохожими. А зачастую послѣ полудня раздавался стукъ лошадиныхъ копытъ благородныхъ гвардейцевъ, проносившихся по Корсо на благородныхъ скакунахъ, конвоируя его святѣйшество, въ то время какъ всѣ встрѣчные опускались на одно колѣно и съ непокрытой головой принимали благословеніе старика съ кроткими очами и благообразными чертами лица —главу церкви и государства. Нерѣдко также Пій IX выходилъ изъ экипажа и прогуливался по Пинчіо, весь въ бѣломъ, останавливаясь по временамъ, чтобы поговорить съ окружающими или же положить нѣжную руку на свѣтлыя кудри какого-нибудь англійскаго дитяти, заглядѣвшагося съ удивленіемъ и восхищеніемъ на проходящаго папу. Папа вообще любилъ дѣтей и въ особенности золотокудрыхъ, напоминавшихъ ему ангеловъ, но не англовъ, какъ говорилъ папа Григорій Великій.

Что касается моды того времени, то, вѣроятно, многіе изъ насъ охотнѣе согласились бы претерпѣть тяжкую кару, чѣмъ вернуться къ ней, какъ ни казалась она въ то время прекрасной, — къ огромнымъ кринолинамъ, въ ту пору еще не уступившимъ мѣста противоположной крайности — узкимъ и облегающимъ тѣло платьямъ-princesse, какія стали носить въ 1868 г. Но современники и въ то время производили такое же другъ на друга впечатлѣніе, какое производятъ теперь. Моды въ костюмѣ, которыми девять-десятыхъ свѣтскихъ людей бываютъ такъ озабочены, повидимому, оказываютъ гораздо менѣе вліянія на взаимныя отношенія мужчинъ и женщинъ, чѣмъ всякій другой продуктъ человѣческой изобрѣтательности. Лишь бы всѣ были одѣты по модѣ, и все идетъ совершенно такъ же, когда носятъ высокіе каблуки и узкія платья, какъ двадцать-пять лѣтъ назадъ, когда люди ходили въ плоскихъ башмакахъ и никому еще не снились перчатки въ три пуговицы,—и тогда, когда женщины самыхъ скромныхъ размѣровъ занимаютъ пространство въ три или четыре квадратныхъ фута въ бальной залѣ, и когда мужчины носили короткіе штаны. Человѣческія существа со временъ Адама

завертывались подобно червямъ въ коконы, постоянно ожидая того чуднаго момента, когда высвободятся изъ самодѣльныхъ путъ и примутъ видъ ангельской бабочки, переживъ періодъ человѣческихъ куколокъ. Но хотя человѣчество само ткетъ и шьетъ свои платья и старается вмѣстѣ съ Соломономъ превзойти въ великолѣпіи лилію полей, но въ людяхъ не проявляется ни малѣйшаго признака того, чтобы они въ какомъ-либо отношеніи приближались къ ангеламъ небеснымъ.

Не костюмы однако той эпохи придавали улицамъ Рима ихъ отличительный характеръ. Въ настоящее время, когда столь многое измѣнилось, трудно сказать, въ чемъ заключалась своеобразная прелесть древняго города; но прелесть эта, тѣмъ не менѣе, существовала и была такъ отлична отъ прелести всякаго другого мѣста, что обаяніе Рима вошло въ пословицу. Быть можетъ, ни одно мѣсто въ Европѣ не было столь привлекательно. Въ тѣ дни, какъ и теперь, много иностранцевъ наѣзжало сюда и въ качествѣ резидентовъ, и въ качествѣ туристовъ; но, казалось, они принадлежали къ другому классу людей. Они въ ту пору не такъ шли въ разрѣзъ съ окружающимъ и менѣе нарушали общій характеръ древности. Вѣроятно они были гораздо серьезнѣе, пріѣзжали съ предвзятой мыслью восхищаться Римомъ, а не бранить кухню въ гостинницахъ. Они привозили съ собой извѣстныя познанія по части исторіи, литературы и обычаевъ древнихъ, привитыя воспитаніемъ, основаннымъ больше на изученіи классиковъ, нежели жидкихъ трактатовъ о возрожденіи. Они пріѣзжали съ понятіями, часто пропитанными старомодными предразсудками, но не лишенными оригинальности; въ настоящее время они пріѣзжаютъ съ духомъ отрицанія, лишенные настоящихъ, искреннихъ убѣжденій, и щеголяютъ поверхностнымъ образованіемъ.

Прежніе „джентльмены“ утромъ любовались видами и цитировали другъ другу Горація, а по вечерамъ проводили время съ римлянами, желая узнать отъ нихъ все, что можно, о Римѣ; теперешніе „джентльмены“ проведутъ одно или два утра, критикуя архитектуру Браманте, а по вечерамъ, подобно недругамъ Давида, „скалятъ зубы, какъ псы, и рыщутъ по городу“.

Молодыя лэди тѣхъ временъ радовались, что могутъ увидѣть такъ много прекрасныхъ вещей въ галереяхъ, и были такъ наивны, что восхищались тѣмъ, что имъ нравилось; теперешнія молодыя лэди не находятъ предметовъ для восхищенія, кромѣ собственной проницательности въ отыскиваніи ошибокъ въ рисункахъ Рафаэля и краскахъ Микель-Анжело. Наше время — эпоха некомпетентной критики искусства — и никто не считаетъ себя на-

столько неопытнымъ, чтобы не смѣть свое сужденіе имѣть. Достаточно посѣтить полдюжины итальянскихъ городовъ и прочитать нѣсколько страницъ модной эстетической литературы — другого образованія не требуется для того, чтобы смѣлый юный критикъ взялся за свое легкое дѣло. Искусству говорить парадоксы можно научиться въ пять минутъ, и оно доступно ребенку: оно заключается, главнымъ образомъ, въ томъ, чтобы взять два мнѣнія у двухъ различныхъ авторовъ и, отрѣзавъ половину одного мнѣнія, приставить къ половинѣ другого,—и только. Результатъ бываетъ неизмѣнно поразительный и вообще непонятный. Когда юный салонный критикъ умѣетъ быть поразительнымъ и непонятнымъ, его репутація скоро устанавливается, такъ какъ люди считаютъ глубокимъ то, чего не понимаютъ, а все, что удивляетъ, пріятно для вкуса, притупленнаго пряностями.

Но въ 1865 г. вкусъ Европы былъ въ иномъ состояніи. Вторая имперія была еще въ полной силѣ. Эмиль Зола еще не написалъ „Assommoir“. Князь Бисмаркъ только-что довелъ до благополучнаго конца первую часть своей трилогіи; Садовой и Седанской битвы еще не происходило. Гарибальди завоевалъ Неаполь, а Кавуръ сказалъ: „еслибы мы только для себя сдѣлали то, что дѣлаемъ для Италіи, то были бы большими негодяями“. Но Гарибальди еще не былъ побѣжденъ при Ментанѣ, и Австрія еще не уступила Венеціи. Кардиналу Антонелли предстояло еще десять лѣтъ вести свою стойкую борьбу за остатки свѣтской власти; Пій IX долженъ былъ прожить еще тринадцать лѣтъ и пережить ровно на мѣсяцъ „короля-честнаго человѣка“, Виктора-Эммануила. Вліяніе Антонелли господствовало въ Римѣ и распространялось на всѣ католическіе дворы Европы; но онъ былъ далеко не популяренъ между римлянами. Іезуиты, однако, были еще непопулярнѣе и несомнѣнно подвергались еще большимъ нападкамъ. Римляне больше любятъ крамолу, нежели партіи, и лучше ее понимаютъ; общественное мнѣніе часто выражается съ временнымъ оживленіемъ, яростнымъ и бѣшенымъ, пока длится, и вполнѣ ничтожнымъ, когда ярость его истощена.

Но Римъ въ тѣ дни былъ населенъ только римлянами,—тогда какъ теперь значительная часть его населенія состоитъ изъ итальянцевъ съ сѣвера и юга, привлеченныхъ въ столицу различными интересами—раса людей, столь же отличная отъ первоначальныхъ римскихъ гражданъ, какъ и германцы или испанцы, и, къ несчастію, вовсе не расположенныхъ выказывать большую дружбу или ласковую привѣтливость кореннымъ жителямъ. Римлянинъ — по натурѣ человѣкъ сварливый, но онъ при этомъ

крайне миролюбивый человѣкъ. Политики и агенты революціи не разъ бывали обмануты этими качествами, воображая, что римлянинъ ворчитъ, потому что дѣйствительно желаетъ перемѣны, и слишкомъ поздно убѣждались, когда уже перемѣна произошла, что тотъ же римлянинъ—очень равнодушный ихъ приверженецъ. Папское правительство преслѣдовало ворчаніе, какъ вредное проявленіе, а потому населеніе наслаждалось, дразня власть, предаваясь ворчанію въ потайныхъ мѣстахъ и величая себя заговорщиками. Невинный шопотъ мелочного недовольства былъ принятъ итальянской партіей за глухой рокотъ потухшаго вулкана; но когда перемѣна совершилась, итальянцы нашли, къ своему великому неудовольствію, что римляне ровно ничего не хотѣли сказать своимъ ворчаніемъ, и что въ настоящее время они не только продолжаютъ ворчать на правительство за все про все, но еще неукоснительно борются съ нимъ во всемъ, что̀ касается внутреннихъ порядковъ города. Въ дни, предшествовавшіе перемѣнѣ, отеческое управленіе руководило дѣлами маленькаго государства и считало за лучшее устранять всякую возможность столкновенія, не давая ворчунамъ голоса въ публичныхъ или экономическихъ дѣлахъ. Ворчуны жаловались на это, но какъ скоро это обстоятельство было устранено, ихъ жалобы усилились, и они стали настаивать на непогрѣшимости бездѣйствія, на томъ основаніи, что кто ничего не дѣлаетъ, тотъ не дѣлаетъ и худого.

То была, вмѣстѣ съ тѣмъ, эпоха старой школы художниковъ, людей, которые—если ихъ сила творчества и не всегда бывала пропорціональна честолюбію—все же были выше своихъ новѣйшихъ преемниковъ по понятіямъ объ искусствѣ и относились къ нимъ, какъ Апеллесъ къ помпейскимъ стѣннымъ декораторамъ, или какъ помпейскіе декораторы къ современнымъ малярамъ. Время Овербека и послѣднихъ религіозныхъ живописцевъ уже почти прошло, но время модной художественной развращенности еще не наступило. Акварельная живопись была еще въ младенчествѣ, а гравировка по дереву не стала еще великимъ искусствомъ; но *„Оборванецъ“* еще не получилъ преміи въ Парижѣ, а неприличіе не было возведено на степень художества. Французская школа еще не доказала поразительной разницы, существующей между обнаженнымъ и голымъ тѣломъ, а англійская—еще не мечтала о кошмарахъ анатомическаго кривлянья.

Теоріи Дарвина были уже обнародованы, но не обратились въ законъ, и очень немногіе изъ римлянъ о нихъ слышали; еще менѣе можно было бы найти лицъ, готовыхъ утверждать, что истинность этихъ теорій будетъ скоро доказана обратнымъ спо-

собомъ: быстрымъ вырожденіемъ людей въ обезьянъ, вслѣдствіе чего послѣднія должны будутъ радоваться, что не доразвились въ людей. Зато многія другія теоріи пользовались обширной популярностію, но съ тѣхъ поръ низко упали во мнѣніи людей. Пруссія все еще была въ теоріи второстепенной державой, а имперія Луи-Наполеона казалась прочной. Великая междоусобная война въ Соединенныхъ-Штатахъ только-что окончилась, и люди все еще сомнѣвались, удержится ли республика. Трудно перечислить всѣ ходячія мнѣнія той эпохи. Большая часть политическихъ вѣрованій того времени представляется теперь какимъ-то идіотическимъ суевѣріемъ, немногимъ предпочтительнѣе, какъ сказалъ бы Маколей, египетскому поклоненію кошкамъ и луку. Тѣмъ не менѣе, и тогда, какъ и теперь, люди сходились тайно въ погребахъ и логовищахъ, какъ будто въ гостиныхъ или клубахъ, и шопотомъ или громко утверждали, что ихъ теоріи вѣрны и стоютъ того, чтобы ихъ испробовали на дѣлѣ. Слово „республика“ имѣло въ ту эпоху притягательную силу для людей огорченныхъ, и хотя, послѣ завоеванія Неаполя, Гарибальди, въ нѣкоторомъ родѣ публично, отказался отъ республиканскихъ принциповъ, но въ Италіи заговорщики всѣхъ сословій продолжали связывать его имя съ идеей общаго благополучія, построеннаго по плану: „sois mon frère, ou je te tue“. Глубокая тайна со стороны правительствъ и еще большая со стороны заговорщиковъ — практиковались какъ самый вѣрный принципъ всѣхъ политическихъ операцій.

Въ началѣ 1865 г. люди переѣзжали черезъ Альпы въ каретахъ; суэзскій каналъ еще не былъ прорытъ; первый атлантическій телеграфный канатъ не заложенъ; германское единство еще не придумано; Пій IX царствовалъ въ папской области; Луи-Наполеонъ былъ идоломъ Франціи; президента Линкольна еще не убили,—что̀ еще прибавить къ этому, чтобы указать на пропасть, отдѣляющую то время отъ нынѣшняго? Разница между европейскими государствами 1865 и 1885 гг. почти такъ же велика, какъ между Европой 1789 и 1814 гг.

Но я имѣю дѣло только съ Римомъ, а не со всей Европой. Я намѣренъ разсказать исторію нѣкоторыхъ лицъ, ихъ счастія и несчастія, ихъ приключеній и тѣхъ усложненій, въ какихъ они обрѣтались въ теченіе двадцати лѣтъ. Люди, чью исторію я разскажу, по большей части изъ патриціевъ, и въ началѣ повѣствованія почти не выходятъ за предѣлы собственнаго класса,—класса оригинальнаго и почти единственнаго въ мірѣ.

Говоря вообще, нѣтъ человѣка, который былъ бы такимъ

римляниномъ съ головы до пятокъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, такимъ не-римляниномъ, какъ римскій дворянинъ. Это не парадоксъ, не игра словъ. Римскіе аристократы—римляне по воспитанію и традиціямъ, но по крови почти всѣ космополиты. Обычай международныхъ браковъ практикуется среди римской аристократіи почти какъ правило. Одинъ римскій князь — англійскій пэръ; многіе изъ римскихъ князей—испанскіе гранды; многіе изъ нихъ женаты на дочеряхъ знатныхъ французскихъ фамилій, дочеряхъ царствующихъ нѣмецкихъ принцевъ, экс-королей и экс-королевъ. Въ одномъ княжескомъ домѣ можно найти слѣдующую комбинацію: въ немъ три брата; старшій женился сначала на дочери знатнаго англійскаго пэра, а затѣмъ на дочери еще знатнѣйшаго французскаго пэра; второй братъ женился сначала на германской „свѣтлости", а затѣмъ на дочери венгерскаго магната; третій же братъ женился на дочери французскаго дома, происходящаго изъ королевской фамиліи Стюартовъ. И это не единственный примѣръ. Можно назвать десятки фамилій, у которыхъ отъ постоянныхъ международныхъ браковъ почти не осталось итальянской крови въ жилахъ. И это же смѣшеніе расъ объясняетъ тѣ диковинные и совсѣмъ не итальянскіе типы, попадающіеся между ними, а также и странный космополитизмъ, царствующій среди римскаго общества. Кругъ людей, близкіе родственники которыхъ набираются въ высшихъ сферахъ каждой европейской столицы, не можетъ отличаться провинціализмомъ въ наружности и манерахъ; тѣмъ менѣе можетъ онъ считаться типичнымъ для своей націи. И, однако, такъ велика сила традиціи, патріархальной семейной жизни и первоначальной обстановки, среди которой ростутъ дѣти этой смѣшанной расы, что они на первыхъ же порахъ усвоиваютъ себѣ безспорный внѣшній видъ римлянъ, звучную римскую рѣчь и родъ федеративнаго духа, чуждаго всѣмъ такимъ классамъ въ остальной Европѣ.

Они вмѣстѣ ростутъ, вмѣстѣ ходятъ въ школу, вмѣстѣ выѣзжаютъ и вмѣстѣ обсуждаютъ всѣ дѣла родного города. Ни одинъ домъ не продается и не покупается, ни одной сотни франковъ не выигрывается въ экартé, ни одинъ бракъ не заключается безъ того, чтобы все общество не взвѣсило и не обсудило его со всѣхъ сторонъ. И со всѣмъ тѣмъ, хотя сплетенъ много, скандальной хроники почти не существуетъ; и еще меньше было ее двадцать лѣтъ тому назадъ, не потому, можетъ быть, что въ новую столицу хлынулъ потокъ новыхъ людей, но просто потому, что городъ сталъ больше и пережилъ извѣстную простоту нравовъ, нѣкогда отличавшую его и составлявшую его лучшую

охрану. Вопреки увѣреніямъ писателей всѣхъ національностей, пытавшихся описывать итальянскую жизнь и отъ поверхностнаго знакомства съ итальянцами впавшихъ въ заблужденіе и вообразившихъ, что итальянцы находятся постоянно въ возбужденномъ состояніи духа,—основа итальянскаго характера очень проста—гораздо проще чѣмъ у его вѣкового соперника, сѣвернаго европейца. Достаточно сказать, что итальянецъ обыкновенно выражаетъ то, что̀ чувствуетъ, тогда какъ главная гордость сѣверныхъ людей заключается въ томъ, что, каковы бы ни были ихъ чувства, они ихъ не проявляютъ наружу. Главная цѣль большинства итальянцевъ—сдѣлать жизнь пріятной; главная цѣль тевтонскихъ племенъ—сдѣлать ее выгодной. Поэтому итальянцы умѣютъ быть пріятными и нравиться путемъ искусства; между тѣмъ какъ сѣверный человѣкъ—мастеръ наживать богатство при всякихъ обстоятельствахъ, а когда онъ накопитъ достаточно денегъ, чтобы пользоваться досугомъ, то ему приходится, по большей части, прибѣгать къ южному искусству съ этою цѣлью. Но южная простота въ окончательномъ своемъ дѣйствіи приводитъ также къ поразительнымъ результатамъ; итальянецъ вообще не удовлетворится уплатой извѣстной суммы денегъ въ вознагражденіе за нанесенную ему обиду. Когда врагъ обидитъ его, онъ стремится къ простѣйшему удовлетворенію—смерти своего недруга, и часто добивается его тѣмъ или другимъ способомъ. Будучи простъ, онъ мало разсуждаетъ и дѣйствуетъ съ насиліемъ. Сѣверный умъ, способный къ обширнымъ комбинаціямъ мысли, стремится совмѣстить месть за обиду съ личной выгодой, и въ духѣ холоднаго и дальновиднаго разсчета взвѣшиваетъ выгоду пожертвовать врожденной жаждой крови цивилизованной алчности къ деньгамъ.

Д-ръ Джонсонъ полюбилъ бы римлянъ за одно то, что вообще, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, они умѣютъ любить и ненавидѣть. Патріархальная система, бывшая въ полномъ ходу двадцать лѣтъ тому назадъ и только теперь уступающая мѣсто болѣе современному образу жизни, поощряетъ страсти любви и ненависти. Гдѣ отецъ и мать сидятъ за столомъ другъ противъ друга, а ихъ сыновья съ женами и дѣтьми помѣщаются по ихъ сторонамъ, часто въ числѣ двадцати душъ, гдѣ всѣ они живутъ подъ одной крышей, носятъ одну фамилію и связаны семейнымъ единствомъ, тамъ весьма вѣроятно будутъ царить общія чувства и взгляды на всѣ вопросы семейной чести, въ особенности среди людей, обо всемъ толкующихъ съ жаромъ, отъ европейской политики до домашней кухарки. Они могутъ ссориться и браниться между собой—что̀ они часто и дѣлаютъ—но въ сношеніяхъ съ внѣшнимъ

міромъ врагъ одного будетъ врагомъ всѣхъ, такъ какъ племенная и фамильная гордость очень велики. Въ Римѣ есть фамилія, члены которой съ незапамятныхъ временъ непремѣнно два раза въ недѣлю обѣдаютъ вмѣстѣ, и ихъ теперь слишкомъ тридцать человѣкъ садится за патріархальную трапезу. Хороша такая жизнь или дурна—дѣло вкуса, но она существуетъ и по большей части неизвѣстна лицамъ, описывающимъ итальянскій характеръ. Свободное и постоянное обсужденіе всякаго рода вопросовъ, конечно, расширяетъ предѣлы ума; но съ другой стороны, будь всѣ діалектики одной расы, одного имени и одной крови—такая привычка привела бы только къ непомѣрному развитію всякихъ предубѣжденій. Въ Римѣ въ особенности, гдѣ столько семей пріобрѣтаютъ свой отличительный характеръ подъ вліяніемъ чужеземки-матери, фамильныя мнѣнія обусловливаются самымъ именемъ. Домъ Боргезе думаетъ такъ-то и такъ-то; домъ Колонна раздѣляетъ совсѣмъ противоположныя мнѣнія, между тѣмъ какъ домъ Альтьери отличается по своимъ воззрѣніямъ и отъ того, и отъ другого, и относительно многихъ предметовъ имена Боргезе, Альтьери, Колонна связываются въ умахъ римлянъ всѣхъ классовъ съ различнымъ строемъ принциповъ и взглядовъ, съ различнымъ типомъ характеровъ и совсѣмъ отличными внѣшними и явными признаками расы. Нѣкоторыя изъ этихъ условій существуютъ среди дворянства другихъ странъ, но, полагаю, не въ такомъ размѣрѣ.

Въ Германіи аристократическій слой принимаетъ извѣстную, такъ сказать, мундирную окраску отъ арміи, въ которой играетъ важную роль, и патріархальная система нарушается продолжительными отсутствіями изъ родительскаго дома сыновей-воиновъ.

Во Франціи различіе между республиканцами, монархистами и имперіалистами поглотило и объединило идеи и принципы цѣлаго ряда семей и превратило ихъ въ политическія корпораціи.

Въ Англіи обычай предоставлять младшимъ сыновьямъ пробивать себѣ самостоятельно дорогу въ жизни и раздѣленіе всей аристократіи на двѣ главныхъ политическихъ партіи—истребили патріархальный духъ.

Какъ бы то ни было, но римское дворянство отличается характерными чертами, чуждыми всякой другой аристократіи. Оно космополитное по чужеземнымъ бракамъ, возобновляемымъ въ каждомъ поколѣніи; оно патріархальное и феодальное по собственнымъ непрерывнымъ традиціямъ семейной жизни; оно существенно римское по языку и общественнымъ обычаямъ. Оно пережило великія перемѣны въ послѣднія двадцать лѣтъ; но боль-

шая часть присущихъ ему чертъ осталась, несмотря на новыя и обширнѣйшія партіи, новыя и горькія политическія ненависти, новыя идеи о домашней жизни и новыя моды въ костюмѣ и кухнѣ.

Поэтому, читая разсказъ о жизни моего героя, Джіованни Сарачинеско, съ того времени, какъ ему исполнилось въ 1865 г. тридцать лѣтъ, и по сей день, необходимо судить о немъ со знаніемъ нѣкоторыхъ изъ особенностей его сословія. Онъ не римскій простолюдинъ, какъ Джіованни Карденьа, великій теноръ, и немногія изъ его идей имѣютъ связь съ идеями пѣвца; но общее у него съ нимъ — это та удивительная простота характера, унаслѣдованная отъ римскихъ предковъ мужского колѣна, которая можетъ служить ключомъ ко многимъ изъ его поступковъ, какъ хорошихъ, такъ и дурныхъ,—простота характера, внушающая миролюбіе, но не всегда удерживающаяся отъ внезапнаго насилія, и заставляющая сильно любить и ненавидѣть.

II.

Шесть часовъ пополудни, и въ покояхъ посольства толпится столько народа, сколько и слѣдовало ожидать сегодня. Гостей набралось бы и больше, будь погода хорошая; но шелъ сильный дождь, и на обширномъ дворѣ, образовавшемъ центръ дворца, фонари пятидесяти каретъ сверкали сквозь влагу и мракъ, и всѣ кучера сидѣли подъ большими дождевыми зонтами и ворчливо завидовали выѣзднымъ лакеямъ, толпившимся въ передней вокругъ большого бронзоваго камина.

Но въ пріемныхъ комнатахъ было свѣтло и тепло; тамъ топились камины и горѣли лампы подъ абажурами нѣжныхъ цвѣтовъ; болѣе или менѣе знаменитые мужчины разговаривали по уголкамъ о политикѣ; болѣе или менѣе красивыя женщины сплетничали за чаемъ, кокетничали или желали, чтобы подвернулся кто-нибудь, съ кѣмъ бы можно было пококетничать. Здѣсь были представители различныхъ націй и идей, но много также и римлянъ. Всѣ они какъ будто избѣгали своихъ соотечественниковъ, развлекаясь трудностью разговора на чужомъ языкѣ. Весело имъ было или нѣтъ — вопросъ неважный; но такъ какъ они охотно собирались всѣ вмѣстѣ по два раза въ день, въ продолженіе пятимѣсячнаго римскаго сезона — отъ перваго импровизированнаго танцовальнаго вечера передъ Рождествомъ до послѣдняго параднаго бала въ теплую апрѣльскую погоду послѣ Пасхи—то надо

думать, что они находили удовольствіе въ обществѣ другъ друга. На тотъ случай, еслибы пріемъ оказался скучнымъ, посланникъ пригласилъ синьора Стриллону, пѣвца. Время отъ времени онъ бралъ нѣсколько аккордовъ на роялѣ и исполнялъ какую-нибудь арію собственнаго сочиненія громкимъ и страстнымъ голосомъ, переходя иногда, для эффекта, къ большому pianissimo, и подводя, такимъ образомъ, тѣхъ изъ присутствующихъ, которые болтали подъ шумокъ музыки, не ожидая такого внезапнаго перерыва.

Около дверей большого салона стояла небольшая кучка народа. Нѣкоторые ждали случая незамѣтно ускользнуть; другіе только-что пріѣхали и озирались кругомъ, ища глазами того пункта, гдѣ находится посланникъ съ посланницей, и тѣхъ лицъ, которыхъ имъ всего желательнѣе было избѣжать, пройдя впередъ. Вдругъ, какъ разъ въ ту минуту, какъ синьоръ Стриллона взялъ высокую ноту и замеръ на ней, прежде чѣмъ перейти въ патетическій фальцетъ, толпа у двери немного раздалась. Въ комнату вошла дама, одна, и остановилась у двери, дожидаясь, когда пѣвецъ замолкнетъ, чтобы идти далѣе. Она была замѣчательная женщина; всѣ знали, кто она, и всѣ глядѣли на нее, и легкій шопотъ восторга пронесся по комнатѣ, больше отъ ея появленія, чѣмъ отъ высокой ноты синьора Стриллоны.

Герцогиня д'Астрарденте не двигалась и оглядывалась кругомъ. Одинъ министръ, два секретаря и трое или четверо князей бросились къ ней, каждый со стуломъ въ рукахъ; но она отказалась, поклонившись одному, поблагодаривъ другого и обмѣнявшись нѣсколькими словами съ третьимъ. Она не сядетъ; она еще не поздоровалась съ посланникомъ и его женой.

Двое мужчинъ послѣдовали за ней по пятамъ, когда пѣвецъ кончилъ пѣть. Одинъ былъ бѣлокурый человѣкъ лѣтъ тридцати-пяти, толстый и изысканно-одѣтый. Онъ шелъ какой-то крадущейся походкой, заложивъ шляпу за спину. Въ его лицѣ было что-то непріятное, быть можетъ вслѣдствіе его блѣдности и безцвѣтныхъ усовъ. Голубые глаза были малы и близко посажены; а взглядъ водянистый и неопредѣленный; жидкіе свѣтлые волосы раздѣлены проборомъ по срединѣ низкаго лба; около рта сложилась презрительная складка, полуприкрытая усами, а подбородокъ черезъ-чуръ отклонялся назадъ. Онъ былъ, какъ уже сказано, изысканно одѣтъ и, повидимому, очень самоувѣренъ и держался какъ можно ближе къ герцогинѣ. Казалось, что онъ чувствуетъ себя совсѣмъ какъ дома.

Уго дель-Фериче дѣйствительно трудно было смутить, и его самонадѣянность была, по всей вѣроятности, главной причиной

его удачъ. Онъ былъ человѣкъ, ежедневно творившій чудеса, создавая нѣчто изъ ничего. Отецъ его врядъ ли даже принадлежалъ къ низшему дворянству, хотя и величалъ самого себя „dei conti del Ferice", т.-е. изъ фамиліи графовъ этого имени; но гдѣ и когда жили эти графы—вопросъ, на который онъ никогда не могъ отвѣтить удовлетворительно. Онъ нажилъ небольшое состояніе и почти все промоталъ передъ смертью, оставя остатки единственному сыну, прожившему въ первый же годъ все до копѣйки. Но, въ награду за разстроенныя финансовыя обстоятельства, Уго, уже юношей, съумѣлъ составить себѣ положеніе въ свѣтѣ. Онъ началъ съ того, что храбро назвался „il conte del Ferice". Никто и никогда не оспаривалъ у него этого титула, и такъ какъ до сихъ поръ онъ еще не вздумалъ предложить его какой-нибудь богатой невѣстѣ, то вопросъ объ его графскомъ достоинствѣ оставался безъ всякой провѣрки. Онъ составилъ много знакомствъ въ коллежѣ, гдѣ воспитывался: отецъ отдалъ его въ Collegio dei Nobili, что уже само по себѣ было паспортомъ въ лучшее общество, и, выростая, молодой человѣкъ ревностно искалъ общества своихъ старыхъ школьныхъ товарищей, и, благоразумно избѣгая всякаго другого, онъ достигъ того, что сталъ считаться однимъ изъ нихъ. Онъ былъ очень любезенъ и услужливъ въ юности, и съумѣлъ заслужить репутацію человѣка необходимаго, а это было ему лучшей рекомендаціей. Никто не спрашивалъ, платилъ онъ по счетамъ своего портного, или же тотъ поставлялъ ему платье даромъ, на извѣстныхъ условіяхъ. Онъ всегда былъ отлично одѣтъ, всегда готовъ играть въ карты, и его приглашали на всѣ собранія сезона. Онъ съ успѣхомъ изучилъ искусство быть занимательнымъ, и люди звали его въ обѣду зимой и въ загородные дома лѣтомъ. Онъ бывалъ въ Парижѣ и часто ѣздилъ въ Монте-Карло; но настоящимъ его поприщемъ былъ Римъ, гдѣ онъ всѣхъ зналъ и гдѣ всѣ его знали. Онъ два или три раза тщетно пытался жениться на молодыхъ особахъ американскаго происхожденія и очень богатыхъ; но не смогъ удовлетворить родительскую заботу о гарантіяхъ и потерпѣлъ фіаско въ своихъ попыткахъ. Но прошлымъ лѣтомъ денежныя дѣла его какъ будто поправились. Онъ объявилъ, что получилъ скромное наслѣдство отъ дяди, жившаго въ южной Италіи; обшилъ шляпу чернымъ крепомъ и сталъ жить богаче. Вмѣсто того, чтобы ходить пѣшкомъ или ѣздить на извозчикахъ, онъ завелъ небольшую каретку, запряженную маленькой лошадкой, и миніатюрнаго кучера; весь экипажъ казался очень простъ и непритязателенъ, но прибавилъ много удобства въ жизни. Уго грѣ-

шилъ тѣмъ, что носилъ слишкомъ много перстней и другихъ ювелирныхъ украшеній, но этотъ дурной вкусъ не выразился въ его скромномъ экипажѣ. Общество повѣрило въ умершаго дядю и поздравляло Уго съ наслѣдствомъ, на что тотъ неизмѣнно отвѣчалъ съ вялой улыбкой на блѣдномъ лицѣ: — О, наслѣдство совсѣмъ пустое, какихъ-нибудь нѣсколько скуди, но что-жъ дѣлать. Мнѣ такъ мало нужно—и съ меня довольно.

Тѣмъ не менѣе люди, хорошо его знавшіе, предостерегали его, что онъ толстѣетъ.

Другой человѣкъ, слѣдовавшій за герцогиней д'Астрарденте по гостиной, былъ совсѣмъ иного типа. Донъ-Джіованни Сарачинеско не былъ ни очень высокъ, ни особенно красивъ, хотя въ вопросѣ о его наружности мнѣнія очень расходились. Онъ былъ сильный брюнетъ—почти такой же смуглый мужчина, какъ герцогиня смуглая женщина, сильнаго сложенія, но худъ, и его черты смѣло и рѣзко выдѣлялись, благодаря коротко остриженнымъ волосамъ и острой бородкѣ. Носъ былъ, пожалуй, слишкомъ широкъ для лица, и необыкновенно яркіе глаза придавали послѣднему выраженіе безпокойной энергіи; высокій четырехугольный лобъ и мускулистая шея отличались какимъ-то благородствомъ. Руки были широки и смуглы, но нервныя и хорошей формы, съ прямыми, длинными пальцами и коротко остриженными ногтями. Многія женщины утверждали, что донъ-Джіованни самый красивый мужчина въ Римѣ; другія находили, что онъ слишкомъ смуглъ и худъ, что лицо его слишкомъ жестко, а черты некрасивы. Словомъ, взгляды на его наружность сильно расходились. Донъ-Джіованни былъ холостъ, хотя почти всякая дѣвушка въ Римѣ съ радостью пошла бы за него замужъ. Но до сихъ поръ онъ колебался... или, вѣрнѣе сказать, нисколько не колебался оставаться холостякомъ. Его нежеланіе жениться вызывало большія порицанія, и иныя долетали до его ушей. Онъ мало заботился о томъ, что ему говорили друзья, и нисколько не интересовался тѣмъ, что говорилъ свѣтъ вообще, вслѣдствіе чего люди часто называли его эгоистомъ—мнѣніе особенно распространенное среди пожилыхъ княгинь съ незамужними дочерьми и раздѣляемое даже отцомъ донъ-Джіованни и его единственнымъ родственникомъ, старымъ княземъ Сарачинеско, сильно желавшимъ увѣковѣчить свое имя. Между тѣмъ Джіованни былъ бы хорошимъ мужемъ, потому что онъ былъ честенъ и постояненъ по природѣ, привѣтливъ по характеру и внимателенъ по воспитанію и привычкѣ. Слава о необузданности его нрава основывалась скорѣе на любви къ опаснымъ приключеніямъ, нежели на

склонности къ скандальнымъ похожденіямъ. Но на всѣ матримоніальныя предложенія онъ отвѣчалъ, что ему только тридцать лѣтъ, что времени впереди много, и что онъ еще не встрѣтилъ женщины, на которой бы ему захотѣлось жениться, и что онъ намѣренъ жениться по любви.

Герцогиня д'Астрарденте поздоровалась съ хозяйкой дома и отошла отъ нея въ сопровожденіи тѣхъ же двухъ мужчинъ; но теперь они подошли къ ней съ двухъ сторонъ и старались обратить на себя ея вниманіе. Очевидно, что она желала быть безпристрастной, такъ какъ усѣлась и указала на два стула по обѣимъ сторонамъ того, на которомъ сидѣла, своимъ спутникамъ; они немедленно послѣдовали ея приглашенію и на время заняли выдающееся между остальными кавалерами положеніе.

Корона д'Астрарденте была очень смуглая женщина. На всемъ югѣ не найти было бы такихъ черныхъ глазъ, такихъ смуглыхъ щекъ, подернутыхъ яркимъ румянцемъ, и такихъ косъ цвѣта вороньяго крыла. Хотя она была и не блондинка, но это не мѣшало ей быть красавицей; ея тонкія черты были, по мнѣнію художниковъ, безукоризненно правильны; ротъ не малъ, но красиво и благородно очерченъ, хотя выражалъ больше силы и рѣшимости, чѣмъ это нравится мужчинамъ въ женскихъ лицахъ. Но въ изящныхъ, тонкихъ ноздряхъ было за то много чувствительности, а также и отваги; а прямой носъ и гладкій лобъ были такъ же чисты, какъ благородныя мысли, которыя прикрывалъ послѣдній и которыя часто сверкали въ глубинѣ великолѣпныхъ глазъ. Она не была изъ тѣхъ красавицъ, которыя презрительно смотрятъ на окружающихъ, хотя ея лицо могло прекрасно выражать презрѣніе. Но тамъ, гдѣ другая женщина выражала презрѣніе, ей стоило только серьезно взглянуть, а молчаніе довершало остальное. Она владѣла сильнымъ оружіемъ и пользовалась имъ, какъ и всѣмъ остальнымъ, благородно. Ей нужна была вся ея сила, такъ какъ положеніе ея съ самаго начала было не изъ легкихъ. У нея было мало печалей, но онѣ были велики, и она мужественно переносила ихъ.

Можно было бы спросить: почему Корона дель Кармине вышла замужъ за старика, человѣка истасканнаго и истощеннаго шестидесяти-лѣтняго дэнди, чья каррьера была столь извѣстна, а дѣянія такъ же скандальны, какъ знаменито въ исторіи страны его старинное имя. Ея замужество само по себѣ было трагедіей. Нѣтъ надобности знать, какъ оно произошло: она приняла Астрарденте, съ его герцогствомъ, богатствомъ, дурнымъ прошлымъ, въ тотъ самый день, какъ вышла изъ монастыря, гдѣ

воспитывалась. Она поступила такъ, чтобы спасти отца отъ разоренія, чуть не отъ голодной смерти. Ей было всего семнадцать лѣтъ, и ей сказали, что свѣтъ золъ, и она рѣшила начать жизнь съ геройской жертвы. Она геройски приняла ее на себя, и никто никогда не слыхалъ, чтобы она пожаловалась. Пять лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, и ея отецъ, для котораго она отдала все, что имѣла, самое себя, свою красоту, свое мужественное сердце и надежду на счастіе,—ея старикъ отецъ, котораго она такъ любила, умеръ послѣднимъ въ родѣ, оставивъ по себѣ только одну красавицу дочь, но бездѣтную. Какъ она страдала теперь, что она выстрадала вообще—этого не зналъ ни одинъ человѣкъ. Она произвела безумный фуроръ, когда впервые появилась въ свѣтѣ, и вмѣстѣ съ криками восторга раздавался также и крикъ, что съ ней поступили безбожно. Но циники, утверждавшіе, что она не преминетъ найти утѣшеніе, должны были сознаться, что ошиблись: мужчины, изо всѣхъ силъ старавшіеся склонить ее на незаконную любовь, должны были со стыдомъ отступить. Въ вихрѣ выѣздовъ и развлеченій, въ которомъ протекли первые два года ея свѣтской жизни, Корона вела себя спокойно и съ достоинствомъ, присущимъ ея характеру; а старый герцогъ д'Астрарденте улыбался и игралъ кудрями своего удивительнаго парика и говорилъ всѣмъ и каждому, что его жена — единственная въ мірѣ женщина, которая стоитъ выше подозрѣній. Люди сначала недовѣрчиво смѣялись, но по мѣрѣ того, какъ время шло, они молча согласились, что старому грѣховоднику и тутъ повезло, но въ душѣ негодовали, что благороднѣйшая изъ женщинъ прикована къ такой жалкой развалинѣ, какъ герцогъ д'Астрарденте. Корона всюду ѣздила, куда принято, и много принимала у себя; были въ числѣ гостей и болѣе близкіе, и искренно расположенные къ ней люди; нѣкоторые изъ нихъ были и молоды, но никогда тѣнь скандала не касалась имени герцогини. Она въ самомъ дѣлѣ была выше подозрѣнія.

Теперь она сидѣла между двухъ мужчинъ, очевидно старавшихся ей понравиться. Положеніе было не ново; она, какъ обыкновенно, разговаривала съ обоими и ни одному не оказывала предпочтенія. И, однако, въ душѣ она предпочитала одного другому и знала это. Ей рѣшительно не все равно было, который изъ двухъ отойдетъ отъ нея, и который останется. Она была выше подозрѣній—да, выше подозрѣній всѣхъ людей, за исключеніемъ самой себя, какъ было до сихъ поръ, въ продолженіе цѣлыхъ пяти лѣтъ. Она знала, что, войди ея мужъ въ комнату, онъ такъ же безпечно кивнетъ головой Джіованни Сарачинеско,

какъ еслибы тотъ былъ братомъ его жены, — такъ же безпечно, какъ и Уго дель Фериче, сидѣвшему по другую сторону. Но въ глубинѣ души она знала, что въ Римѣ есть только одно лицо, на которое ей пріятно глядѣть, только одинъ голосъ, который ей пріятно и вмѣстѣ съ тѣмъ страшно слушать, потому что онъ имѣетъ даръ превращать ея жизнь въ какой-то кошмаръ, и она вопрошаетъ себя: долго ли это продлится и неужели никогда не будетъ перемѣны?! Разница между Джіованни и другими мужчинами всегда существовала. Другіе присаживались къ ней съ разговорами и иногда переходили на такую тему, которая ей была непріятна, толковали ей о любви, — одни какъ о единственной вещи, ради которой стоитъ жить, другіе съ напускнымъ цинизмомъ оспаривая самое ея существованіе и затѣмъ съ грубой непослѣдовательностью пускаясь въ страстныя объясненія своихъ чувствъ. Когда они бывали глупы, она смѣялась надъ ними; когда они становились дерзки, она вставала и уходила. Такія объясненія, впрочемъ, напослѣдокъ почти совсѣмъ прекратились, потому что она снискала репутацію холодной и безчувственной женщины, и это служило ей щитомъ. Но Джіованни никогда не говорилъ съ нею какъ другіе. Онъ никогда не касался старыхъ, избитыхъ темъ, затасканныхъ всѣми другими. Она не могла бы сказать, о чемъ именно онъ разговаривалъ, потому что онъ безразлично касался самыхъ разнообразныхъ предметовъ. Она не могла бы также сказать, больше ли онъ обращаетъ на нее вниманія въ обществѣ, чѣмъ на другихъ женщинъ; она часто размышляла про себя, что у него не такой блестящій умъ, какъ у нѣкоторыхъ другихъ знакомыхъ ей мужчинъ, что онъ не такъ разговорчивъ, какъ большинство изъ нихъ; она знала только — и въ этомъ-то всего горше упрекала себя — что предпочитаетъ его лицо всѣмъ другимъ лицамъ, его голосъ — всѣмъ другимъ голосамъ. Ей и въ голову не приходило, что она его любитъ; по ея взглядамъ, худо было уже и то, что есть мужчина, чье общество ей пріятнѣе другихъ, и она скучаетъ, если онъ къ ней не подойдетъ. Она была очень твердая и честная женщина, пожертвовавшая собой человѣку, который зналъ свѣтъ вдоль и поперекъ, но при всей своей опытности способенъ былъ видѣть, что свѣтъ не сплошь дуренъ, и которому собственное безпутство не мѣшало гордиться честностью жены. Астрарденте совершилъ сдѣлку, когда женился на Коронѣ; но онъ былъ мудрый человѣкъ своего поколѣнія и зналъ и цѣнилъ то, что въ ней пріобрѣлъ. Онъ прекрасно зналъ всѣ опасности, какимъ она подвергалась, и вовсе не былъ такъ жестокъ, чтобы добровольно подвергать ее имъ.

Онъ сначала зорко наблюдалъ за тѣмъ впечатлѣніемъ, какое производятъ на нее всякаго рода свѣтскіе люди, и въ числѣ другихъ отмѣтилъ Джіованни; но онъ пришелъ къ заключенію, что жена его постоитъ за себя во всевозможныхъ обстоятельствахъ. Къ тому же Джіованни не былъ habitué въ палаццо Астрарденте и не выказывалъ обычнаго рвенія понравиться герцогинѣ.

Съ той минуты, какъ Корона замѣтила свое предпочтеніе къ Сарачинеско, она разсердилась на себя и старалась избѣгать Джіованни; по крайней мѣрѣ, не давала ему замѣтить, что онъ ей нравится. Мужъ, сначала читавшій ей постоянно нравоученія о томъ, какъ слѣдуетъ вести себя въ свѣтѣ, особенно предостерегалъ ее, чтобы она не выказывала холодности человѣку, котораго желаетъ удалить отъ себя.—Мужчины,—говорилъ онъ,—привыкли къ этому; они считаютъ это первымъ признакомъ того, что женщина ими, въ сущности, заинтересована; если вы хотите отдѣлаться отъ мужчины, то обращайтесь съ нимъ систематически такъ, какъ вы обращались бы со всякимъ другимъ; его оскорбитъ ваше равнодушіе, и онъ оставитъ васъ въ покоѣ.

Но Джіованни не оставлялъ, и Корона подумывала, какъ бы ей убить интересъ, какой онъ ей внушаетъ.

Въ настоящую минуту ей захотѣлось чашку чая. Она бы охотно послала Уго дель-Фериче за ней, но нашла нужнымъ поступить такъ, какъ ей было наименѣе пріятно, и обратилась съ этой просьбой къ Джіованни. Слуги, разносившіе чай, вышли изъ комнаты, и Сарачинеско пошелъ ихъ разыскивать. Какъ только онъ ушелъ, дель-Фериче заговорилъ. Голосъ у него былъ мягкій и вкрадчивый.

— Говорятъ, что донъ-Джіованни женится,—замѣтилъ онъ, наблюдая украдкой за герцогиней въ то время, какъ, повидимому, совершенно равнодушно сообщалъ эту новость.

Герцогиня была слишкомъ смугла, чтобы на ея лицѣ особенно легко было замѣтить перемѣну. Быть можетъ, она и не повѣрила этой исторіи; глаза ея были устремлены на какой-то отдаленный предметъ въ комнатѣ, какъ будто ее очень интересовало то, что она видитъ, и она не сразу отвѣтила.

— Да, это большая новость, если только вѣрно. А на комъ онъ женится?

— На доннѣ Тулліи Майеръ, вдовѣ финансиста. Она страшно богата и приходится кузиной Сарачинеско.

— Какъ странно!—воскликнула Корона.—Я только-что глядѣла на нее. Вѣдь это она вонъ тамъ, съ зелеными перьями?

— Да,—отвѣчалъ дель-Фериче, глядя въ томъ направленіи, въ какомъ указывала герцогиня.—Это она. Ее всегда издали можно узнать по туалету. Но дѣло еще не рѣшено.

— Значитъ, нельзя поздравить донъ-Джіованни? — спросила герцогиня, внезапно глядя на собесѣдника.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ онъ:—лучше, можетъ быть, совсѣмъ не говорить съ нимъ объ этомъ.

— Хорошо, что вы меня предупредили, иначе я бы навѣрное заговорила.

— Я не думаю, чтобы Сарачинеско охотно говорилъ о своихъ сердечныхъ дѣлахъ,—сказалъ дель-Фериче довольно внушительно. — Но вотъ онъ и самъ. Я надѣялся, что онъ долѣе проходитъ за чаемъ.

— Онъ достаточно долго ходилъ, чтобы вы успѣли сообщить свою новость, — спокойно отвѣчала Корона, въ то время, какъ подходилъ донъ-Джіованни.

— Какую новость?—спросилъ онъ, садясь около нея.

— О помолвкѣ, которая еще не разглашена,—отвѣчала герцогиня. — Дель-Фериче извѣстна эта тайна. Можетъ быть, онъ сообщитъ ее вамъ.

Джіованни взглянулъ на бѣлокураго, блѣднаго человѣка, но ничего не прочиталъ на его жирномъ лицѣ. Видя, что тотъ ничего не отвѣчаетъ, Сарачинеско вѣжливо перемѣнилъ разговоръ.

— Поѣдете ли вы завтра на охоту, герцогиня?

— Смотря по тому, какая будетъ погода и поѣдетъ ли герцогъ. А вы собираетесь?

— Разумѣется. Какая жалость, что вы не ѣздите верхомъ!

— По моему, для женщины совсѣмъ несвойственно охотиться, —замѣтилъ дель-Фериче, припоминая, что герцогиня высказалась какъ-то въ этомъ смыслѣ, и увѣренный поэтому, что она его одобритъ.

— Вы сами не охотитесь,—сухо замѣтилъ донъ-Джіованни, — а потому вамъ не нравится, чтобы женщины охотились.

— Я недостаточно богатъ для того, чтобы охотиться,—сказалъ Уго скромно.—Кромѣ того, есть и другая основательная причина: когда дамы уѣзжаютъ на охоту, я лишаюсь ихъ общества.

Герцогиня разсмѣялась. Ей совсѣмъ не хотѣлось смѣяться, но надо же было поощрять разговоръ. Джіованни продолжалъ на ту же тему.

— Завтра будетъ чудная охота. Многіе въ первый разъ выѣзжаютъ въ этомъ году. Одинъ господинъ выписалъ нарочно ло-

шадей изъ Англіи. Я забылъ его имя—какой-то богатый англичанинъ.

— Я встрѣчалъ его, — сказалъ дель-Фериче, гордившійся тѣмъ, что всѣхъ знаетъ.—Онъ типъ... страшный богачъ... лордъ... я не могу произнести его фамиліи... и неженатый. Онъ произведетъ фуроръ въ обществѣ. Онъ выигралъ призъ на парижскихъ скачкахъ въ прошломъ году и, говорятъ, пуститъ одного изъ своихъ скакуновъ на steeple-chase, который устроивается на святой.

— Стоитъ поѣхать на охоту, чтобы увидѣть этого англичанина, — замѣтила герцогиня, какъ бы устало, откидываясь на спинку креселъ. Джіованни молчалъ, но не показывалъ виду, что хочетъ уйти. Дель-Фериче, съ такой же рѣшимостью не трогаясь съ мѣста, оживленно болталъ.

— Донъ-Джіованни правъ, — продолжалъ онъ.—Всѣ ѣдутъ на охоту. Будетъ нѣсколько бриковъ. М-me Майеръ упросила Вальдерно выѣхать четверикомъ въ брикѣ и захватить съ собой ее и большое общество.

Герцогиня не дослушала словъ дель-Фериче, такъ какъ при упоминовеніи имени донны Тулліи, которую теперь обыкновенно звали m-me Майеръ, машинально повернулась и взглянула на Джіованни. Онъ также услышалъ это имя, хотя и не слушалъ болтовни Уго, и, встрѣтившись съ глазами Короны, съ смущеніемъ завертѣлся на стулѣ, точно желалъ дать понять, что болтовня Уго ему непріятна. Но въ этотъ моментъ дель-Фериче всталъ съ мѣста; онъ увидѣлъ проходившую мимо донну Туллію, и счелъ минуту удобной, чтобы получить приглашеніе ѣхать съ нею вмѣстѣ въ брикѣ. Пробормотавъ извиненіе, котораго Корона не разслышала, онъ пошелъ добиваться своей цѣли.

— Я думалъ, что онъ никогда не уйдетъ, — сказалъ Джіованни сердито.

Онъ не имѣлъ обыкновенія разыгрывать соперника тѣхъ, кто разговаривалъ съ герцогиней. Онъ до сихъ поръ никогда не говорилъ ничего подобнаго, и герцогиня испытала особое ощущеніе, вовсе не непріятное. Она не безъ удивленія взглянула на него.

— Вы не любите дель-Фериче?—спросила она серьезно.

— А вы развѣ его любите? — отвѣтилъ онъ.

— Что за вопросъ! Почему я буду любить его или не любить?

Въ тонѣ ея была чуть слышная горечь, когда она высказывала вопросъ, который часто задавала самой себѣ. Почему, напримѣръ, ей любить или не любить Сарачинеско?

— Не знаю, во что бы превратился міръ, еслибы у насъ не было симпатій и антипатій,—внезапно проговорилъ Джіованни.—

Я думаю, было бы очень скучно жить; да и теперь невесело. Я хотѣлъ просто спросить: забавляетъ ли васъ дель-Фериче такъ, какъ онъ всѣхъ забавляетъ?

— Откровенно говоря, сегодня онъ мнѣ вовсе не показался забавнымъ,—отвѣтила Корона съ улыбкой.

— И вы, значитъ, довольны, что онъ ушелъ?

— Я не жалѣю объ этомъ.

— Герцогиня, — вдругъ повернулся къ ней Джіованни.—Я радъ, что онъ ушелъ, потому что хочу задать вамъ одинъ вопросъ. Имѣю ли я право, какъ хорошій знакомый, задать вамъ вопросъ?

— Это зависитъ...

Корона почувствовала, какъ кровь бросилась ей въ лицо. Руки ея горѣли въ перчаткахъ отъ предчувствія чего-то необыкновеннаго; ея сердце сильно забилось.

— Это касается одного меня,—продолжалъ Джіованни тихо.

Онъ видѣлъ, что Корона покраснѣла—зрѣлище, не виданное никѣмъ другимъ въ Римѣ, но ему некогда было обдумывать, что̀ это значитъ.

— Отецъ хочетъ женить меня; онъ требуетъ, чтобы я женился на доннѣ Тулліи... m-lle Майеръ.

— Ну, такъ что-жъ?

Корона почувствовала дрожь; за минуту передъ тѣмъ ее бросило въ жаръ.

Односложный отвѣтъ ея былъ тихъ и невнятенъ. Она думала: слышитъ ли Джіованни біеніе ея сердца, такое медленное и громкое, что оно почти оглушало ее.

— А просто вотъ что̀. Совѣтуете ли вы мнѣ жениться на ней?

— Почему вы меня объ этомъ спрашиваете?

— Мнѣ бы хотѣлось вашего совѣта, — сказалъ Джіованни, сжимая смуглыя руки и устремляя на нее яркіе глаза.

— Она еще молода. Хороша собой... баснословно богата. Почему же вамъ на ней не жениться? Вы можете быть съ ней счастливы.

— Счастливъ? Счастливъ съ нею? Нѣтъ, конечно. Неужели вы думаете, что жизнь можетъ быть сносной съ такой женщиной?

— Не знаю. Многіе мужчины женились бы на ней, еслибы...

— Значитъ, вы думаете, что мнѣ слѣдуетъ жениться?

Корона колебалась; она не понимала, зачѣмъ ему ея мнѣніе, и вмѣстѣ съ тѣмъ чувствовала, что съ того дня, какъ она слѣпо рѣшила пожертвовать собою, исполнивъ желаніе отца и выйдя

замужъ за Астрарденте, ей не приходилось переживать болѣе трудной борьбы съ самой собою. Однако, не могло быть и сомнѣнія въ томъ, что̀ ей слѣдуетъ сказать: какъ могла она посовѣтовать кому-нибудь жениться безъ любви, послѣ того, что̀ сама испытала?

— Неужели вы не хотите мнѣ посовѣтовать? — повторилъ Сарачинеско. Онъ очень поблѣднѣлъ и говорилъ съ такой серьезностью, что Корона долѣе не колебалась.

— Я, конечно, не посовѣтую вамъ жениться, если вы увѣрены, что не можете быть съ нею счастливы.

Джіованни съ облегченіемъ вздохнулъ, и руки его разжались.

— Я выкину эту мысль изъ головы, — сказалъ онъ. — Боже васъ благослови, герцогиня, за вашъ совѣтъ!

- Дай Богъ, чтобы совѣтъ мой былъ удаченъ! — сказала Корона чуть слышно. — Но какъ здѣсь холодно! Поставьте, пожалуйста, куда-нибудь мою чашку и подойдемте ближе къ огню; Стриллона опять собирается пѣть.

— Я бы желалъ, чтобы онъ спѣлъ для меня: „Nunc demittis, Domine“, замѣтилъ Джіованни, глаза котораго странно блестѣли.

Полчаса спустя Корона д'Астрарденте спускалась съ лѣстницы посольства, закутанная въ мѣха, вслѣдъ за выѣзднымъ лакеемъ. Когда она вышла на подъѣздъ, Джіованни Сарачинеско быстро подошелъ къ ней въ то время, какъ подъѣзжалъ экипажъ. Лакей растворилъ дверцу, но Джіованни подалъ руку Коронѣ, чтобы помочь взойти на подножку. Она прикоснулась тонкими пальчиками, обтянутыми перчаткой, къ рукаву его пальто, и ей показалось, когда она садилась въ карету, что рука его сильно дрожала.

— Доброй ночи, герцогиня; я вамъ очень благодаренъ.

— Доброй ночи; вамъ не за что̀ благодарить меня, — отвѣчала она почти печально.

Джіованни молчалъ и стоялъ со шляпой въ рукахъ на подъѣздѣ, пока карета не отъѣхала прочь. Послѣ того застегнулъ пальто и пошелъ по грязнымъ и темнымъ улицамъ. Дождь пересталъ, но все было мокро, и камни мостовой блестѣли при неровномъ свѣтѣ мигавшихъ газовыхъ рожковъ.

III.

Дворецъ Сарачинеско стоитъ въ старинномъ кварталѣ Рима, отдаленномъ отъ широкихъ улицъ, застроенныхъ оштукатуренными домами, съ макадамомъ; — отдаленномъ отъ квартала

чужеземцевъ, выставокъ блестящихъ магазиновъ, стука элегантныхъ экипажей и криковъ разносчиковъ газетъ. Обширныя, неправильныя зданія выстроены вокругъ трехъ дворовъ и со всѣхъ сторонъ выходятъ на узкіе переулки. Фундаментъ, шестнадцати футъ вышины, вплоть до массивныхъ, съ желѣзными рамами, окошекъ нижняго этажа, состоитъ изъ большихъ камней, искрошившихся по угламъ и вообще пострадавшихъ отъ времени, отъ толчковъ тяжело нагруженныхъ фуръ, для которыхъ съ незапамятныхъ временъ тѣсно было въ узкихъ проѣздахъ, и онѣ ударялись желѣзной обшивкой о массивныя стѣны. Изъ трехъ громадныхъ воротъ, ведущихъ съ трехъ сторонъ во внутрь зданія, одни заперты желѣзной рѣшеткой, другія болтами, и только третьи открыты для повседневнаго употребленія. Около нихъ стоялъ высокій старикъ-привратникъ въ ливрейномъ фракѣ и шляпѣ съ кокардой. По праздникамъ онъ появлялся въ традиціонномъ костюмѣ парижскаго „швейцара“, въ великолѣпныхъ шелковыхъ чулкахъ и тяжеломъ темно-зеленомъ, расшитомъ золотомъ мундирѣ, опираясь на толстую алебарду — постоянный предметъ удивленія для всѣхъ мальчишекъ квартала. Онъ завивалъ свою бѣлую большую бороду, изъ подражанія своему господину, и былъ немногорѣчивъ и точенъ въ отвѣтахъ.

Въ эту эпоху въ палаццо Сарачинеско никогда никого не принимали; въ домъ не было женщинъ; то было мужское царство, и въ воздухѣ мрачныхъ дворовъ, окруженныхъ темной колоннадой со сводами, было что-то строго мужское: ни одного растенія, ни одного пестраго или яркаго пятна, чтобы смягчить однообразный сѣрый тонъ старинныхъ стѣнъ.

Мостовая содержалась въ чистотѣ и порядкѣ; тамъ и сямъ новыя плиты доказывали, что ее чинили когда слѣдуетъ, но, по отсутствію всякихъ украшеній, это зданіе могло бы быть крѣпостью, да оно, впрочемъ, такъ и было. Владѣльцы, отецъ съ сыномъ, жили въ своемъ родовомъ домѣ съ торжественнымъ великолѣпіемъ, отзывавшимся феодальными временами. Джіованни былъ единственный отпрыскъ двадцати-пяти-лѣтней супружеской жизни. Мать его была старше его отца и умерла два или три года тому назадъ. Она была угрюмая женщина, и при жизни не смягчала женской прелестью и граціей дворецъ, гдѣ жила. Напротивъ того, ея меланхолическій нравъ уживался какъ нельзя лучше съ похоронным характеромъ дома. Сарачинеско всегда были мужественной расой, предпочитавшей силу красотѣ и власть комфорту.

Джіованни пошелъ изъ посольства домой пѣшкомъ. Ему хо-

тѣлось подышать свѣжимъ воздухомъ послѣ душныхъ покоевъ. Онъ намѣревался, къ тому же, обѣдать дома сегодня, и предвидѣлъ непріятные разговоры съ отцомъ. Отецъ и сынъ были слишкомъ похожи другъ на друга, чтобы не симпатизировать одинъ другому, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, слишкомъ энергическаго и боевого темперамента, чтобы особенно гоняться за миромъ. Въ настоящемъ случаѣ предстояла борьба, такъ какъ Джіованни рѣшилъ, что не женится на m-me Майеръ, а отецъ, съ своей стороны, рѣшилъ, что онъ на ней женится, и безъ промедленія: оба были люди съ очень сильной волей и настойчивые въ своихъ мнѣніяхъ.

Ровно въ семь часовъ отецъ съ сыномъ появились изъ разныхъ дверей въ небольшую гостиную, гдѣ обыкновенно сходились, и не успѣли они войти, какъ слуга доложилъ, что кушанье на столѣ.

Двухъ словъ достаточно для описанія стараго князя Сарачинеско; онъ былъ старѣйшее изданіе своего сына. Шестьдесятъ лѣтъ жизни не согнули его крѣпкаго стана и не потушили блеска глазъ, но волосы и борода были бѣлы, какъ снѣгъ. Онъ былъ шире въ плечахъ и плотнѣе, чѣмъ Джіованни, но того же роста, и до сихъ поръ сохранилъ пропорціональность всѣхъ частей, несмотря на склонность къ полнотѣ. Онъ былъ во всѣхъ отношеніяхъ тѣмъ, чѣмъ будетъ сынъ въ его годы—живой и энергичный; рѣзкія черты лица стали еще рѣзче, а черные глаза и смуглая кожа еще рельефнѣе выдѣлялись, благодаря ослѣпительной бѣлизнѣ волосъ и такой же бородѣ. То былъ тотъ же типъ, но въ иной стадіи развитія.

Обѣдъ былъ сервированъ съ старомоднымъ великолѣпіемъ, постепенно исчезающимъ въ Римѣ. Старинное серебро, старинный китайскій фарфоръ и хрусталь сверкали, а старикъ-буфетчикъ двигался неслышно, исполняя уже сорокъ лѣтъ подъ-рядъ обязанности, какія до него исполнялъ его отецъ. Князь Сарачинеско и донъ-Джіованни сидѣли на противоположныхъ концахъ стола, время отъ времени перекидываясь словами.

— Я сегодня попалъ подъ дождь,—замѣтилъ князь.

— Надѣюсь, что вы не простудились,—отвѣтилъ сынъ.—Къ чему вы выходите въ такую погоду?

— А ты къ чему выходишь?—возразилъ отецъ.—Развѣ ты менѣе подверженъ простудѣ, чѣмъ я? Я выхожу потому, что всегда выходилъ.

— Превосходная причина. А я хожу потому, что не держу экипажа.

— А почему ты не держишь экипажа?

— Если вамъ угодно, то я заведу его. Я завтра же заведу экипажъ, лишь бы опять не попасть подъ дождь и не простудиться. Гдѣ вы меня видѣли пѣшкомъ?

— На Корсо, полчаса тому назадъ... А зачѣмъ ты такъ нелѣпо говоришь про мои желанія?

— Если вы находите, что это нелѣпо, я не буду, — отвѣчалъ Джіованни спокойно.

— Ты вѣчно мнѣ противорѣчишь, — сказалъ князь. — Налей вина, Пасквале!

— Противорѣчу вамъ?—повторилъ Джіованни. —Вотъ чего и въ помышленіяхъ не имѣлъ!

Старикъ-князь медленно выпилъ рюмку вина, прежде чѣмъ отвѣтить.

— Почему ты не устроишься самостоятельно и не живешь, какъ подобаетъ джентльмену? Зачѣмъ ты ходишь пѣшкомъ и обѣдаешь въ кафе́?

— Развѣ я обѣдаю въ кафе́, когда вы обѣдаете дома?

— Ты привыкъ вести трактирную жизнь, а это дурная привычка. Какой толкъ въ томъ, что мать оставила тебѣ состояніе, если ты не живешь какъ слѣдуетъ богатому человѣку!

— Я васъ отлично понимаю,—сказалъ Джіованни, и темные глаза его засверкали.—Вы вѣдь знаете, что все это однѣ придирки. Я величайшій домосѣдъ изъ всѣхъ вашихъ знакомыхъ. Это все придирки. Вы опять хотите завести рѣчь о моей женитьбѣ.

— И имѣю полное право настаивать на твоей женитьбѣ. Оставь вино на столѣ, Пасквале, и фрукты... вотъ такъ. Подай донъ-Джіованни сыръ. Я позвоню, когда нуженъ будетъ кофе. Ступайте.

Буфетчикъ и лакей вышли.

— Кого этотъ вопросъ больше касается, чѣмъ меня, желалъ бы я знать?—сказалъ князь.

— Никого, полагаю, кромѣ меня,—отвѣчалъ Джіованни съ горечью.

— Тебя?... скажите, пожалуйста! Но что же ты можешь возражать противъ этого? Это семейное дѣло. Ты развѣ хочешь, чтобъ владѣнія Сарачинеско были разбиты на куски и розданы стаѣ голодныхъ родственниковъ только потому, что ты бродяга, цыганъ, сорви-голова, никуда негодный лѣнтяй, и не хочешь дать себѣ трудъ заключить въ объятія одну изъ тѣхъ женщинъ, которыя вѣшаются тебѣ на шею?

— Вашъ лестный отзывъ о родственникахъ блѣднѣетъ только

передъ изяществомъ вашихъ выраженій о моей женитьбѣ,—замѣтилъ Джіованни презрительно.

— И ты говоришь, что никогда мнѣ не противорѣчишь!—вскричалъ гнѣвно князь.

— Если вы ссылаетесь на то, что̀ я сказалъ сейчасъ, то это не противорѣчіе. Я только комментирую ваши слова.

— Развѣ ты станешь отрицать, что не разъ отказывался жениться?

— Это было бы неправдой. Я отказывался, отказываюсь и буду отказываться, пока самъ не пожелаю.

— Вотъ, по крайней мѣрѣ, опредѣленный отвѣтъ. Ты будешь отказываться, пока не сломишь себѣ шеи, изъ подражанія глупымъ англичанамъ, и тогда... прощай Сарачинеско! Послѣдній въ родѣ кончитъ достойнымъ образомъ.

— Если я долженъ жить только для того, чтобы стать отцомъ наслѣдниковъ вашихъ титуловъ, то самъ отказываюсь носить ихъ.

— Ты, во всякомъ случаѣ, не будешь носить ихъ раньше моей смерти. Думалъ ли ты когда о томъ, что я самъ могу жениться?

— Сдѣлайте одолженіе. M-me Майеръ такъ же охотно выйдетъ за васъ, какъ и за меня. Женитесь, пожалуйста, и наплодите побольше дѣтей, и пусть всѣ, въ свою очередь, женятся, достигнувъ двадцатилѣтняго возраста. Желаю вамъ счастія и побольше родныхъ!

— Ты несносенъ, Джіованни. Я думалъ, что ты уважаешь донну Туллію...

— Зовите ее m-me Майеръ,—перебилъ Джіованни.

— А! ты намекаешь, что она гонится только за титуломъ и богатствомъ.

— Вы очень уважительно отзывались о ней, когда намекали, что она вѣшается мнѣ на шею.

— Я? никогда я ничего подобнаго не говорилъ. Я сказалъ, что всякая женщина...

— Включая, конечно, и m-me Майеръ, — снова перебилъ Джіованни.

— Да дай же ты мнѣ договорить!—закричалъ князь.

Джіованни пожалъ плечами, выпилъ рюмку вина, отрѣзалъ себѣ сыру, но ничего не сказалъ. Видя, что сынъ молчитъ, старикъ Сарачинеско тоже замолчалъ. Онъ такъ разсердился, что потерялъ нить мыслей. Быть можетъ, Джіованни пожалѣлъ о

сварливомъ тонѣ, принятомъ имъ, а потому заговорилъ съ отцомъ болѣе мягко.

— Будемъ справедливы,—сказалъ онъ.—Я выслушаю васъ, а вы выслушайте меня. Во-первыхъ, когда я думаю о женитьбѣ, то не считаю ее пустяками...

— Надѣюсь, — проворчалъ старикъ.

— Я считаю женитьбу важнымъ шагомъ въ жизни человѣка. Я не такъ старъ, чтобы спѣшить съ этимъ дѣломъ, и не такъ юнъ, чтобы не понимать его важности. Я не хочу, чтобы меня торопили. Когда я рѣшусь жениться, то не иначе, какъ по собственному выбору и такъ, чтобы обезпечить если не счастіе, то покой жизни. Я не хочу жениться на m-me Майеръ. Она молода, красива, богата...

— Очень богата! — воскликнулъ князь.

— Очень богата. Но я также молодъ, богатъ, хотя и некрасивъ...

— Разумѣется, некрасивъ,—отрѣзалъ старикъ-князь, все еще сердившійся, хотя и говорившій спокойно.—Ты весь въ меня.

— Я горжусь этимъ сходствомъ,—отвѣчалъ серьезно Джіованни.—Но возвращаюсь къ m-me Майеръ. Она вдова...

— Развѣ это ея вина? — спросилъ отецъ, снова разсердясь.

— Надѣюсь, что нѣтъ,—улыбнулся Джіованни.—Надѣюсь, что она не умертвила старика Майера. Тѣмъ не менѣе, она вдова. Это очень серьезное препятствіе. Развѣ кто-нибудь изъ моихъ предковъ былъ женатъ на вдовѣ?

— Ты въ каждомъ словѣ выказываешь свое невѣжество,— сказалъ старикъ-князь, презрительно усмѣхаясь.—Леоне Сарачинеско женился на вдовѣ курфюрста Лимбургъ-Стинкенштейнъ въ въ 1581 году.

— Вотъ оттого-то мы и любимъ, вѣроятно, такъ спорить, что у насъ въ жилахъ течетъ нѣмецкая кровь,—замѣтилъ Джіованни.—Неужели потому, что триста лѣтъ тому назадъ мой предокъ женился на вдовѣ, я долженъ тоже жениться на вдовѣ? Подождите, не сердитесь; есть другія причины, почему m-me Майеръ мнѣ не по-сердцу. Она слишкомъ веселая женщина, слишкомъ любитъ свѣтскія развлеченія.

Князь громко и иронически расхохотался. Его бѣлые волосы и борода разлетѣлись въ разныя стороны, и онъ показалъ всѣ свои зубы, крѣпкіе и бѣлые до сихъ поръ.

— Это великолѣпно! — вскричалъ онъ: — божественно, несравненно, неподражаемо, юмористично! Джіованни Сарачинеско нашелъ женщину, которая кажется ему слишкомъ веселой! Хвала

небесамъ! Мы, наконецъ, узнали его вкусъ. Мы найдемъ ему монашенку, добродѣтельнаго феникса, дѣвочку, только-что выпущенную изъ монастыря и давшую обѣтъ преданности и самоотверженія. Это ему будетъ по нраву, и онъ будетъ образцовымъ, счастливымъ супругомъ.

— Я не понимаю этого взрѣва веселости,—отвѣчалъ Джіованни съ холоднымъ пренебреженіемъ.—Ваша веселость заразительна, но я не понимаю ея причины.

Отецъ пересталъ смѣяться и поглядѣлъ на сына съ любопытствомъ, сдвинувъ густыя брови отъ усиленнаго вниманія. Джіованни отвѣчалъ такимъ же взглядомъ, и казалось, что эти двое разгнѣванныхъ людей фехтуютъ глазами черезъ столъ. Сынъ первый заговорилъ.

— Вы хотите сказать, что я не гожусь въ мужья молоденькой дѣвушкѣ?

— Послушай, сынокъ,— отвѣчалъ князь:—довольно болтать пустяки. Я настаиваю на этомъ бракѣ, какъ говорилъ раньше. Это самый подходящій для тебя. И вмѣсто того, чтобы быть мнѣ благодарнымъ, ты воротишь носъ и отказываешься исполнить свой долгъ. Доннѣ Туллiи двадцать-три года. Она блестящая, богатая женщина. Репутація ея безукоризненна. Она намъ дальняя кузина...

— Одна изъ той стаи воронья, о которой вы упоминали съ такой нѣжностью,— замѣтилъ Джіованни.

— Молчать!—закричалъ старикъ Сарачинеско, ударяя тяжелой рукой по столу такъ, что стаканы и рюмки запрыгали.—Я хочу, чтобы ты меня выслушалъ, и мало того,—чтобы ты меня послушался. Донна Туллія родственница. Соединеніе въ однѣхъ рукахъ ея состоянія и твоего будетъ очень выгодно для вашихъ дѣтей. Все говоритъ въ пользу этого брака, и ничто противъ него. Ты женишься на ней черезъ мѣсяцъ. Я уступлю тебѣ титулъ Сантъ-Иларіо вмѣстѣ съ помѣстьемъ и дворецъ на Корсо, если ты не хочешь жить здѣсь.

— А я отказываюсь! — отвѣчалъ Джіованни, трясясь отъ гнѣва.

— Если ты отказываешься, то оставишь мой домъ черезъ мѣсяцъ,—мягко проговорилъ князь.

— И такимъ образомъ исполню ваше предыдущее приказаніе: основаться самостоятельно и жить, какъ подобаетъ джентльмену,—отвѣчалъ Джіованни съ горькимъ смѣхомъ.—Мнѣ вѣдь это не трудно. Я богатъ, какъ вы справедливо замѣтили.

— И тебѣ будетъ удобнѣе вести жизнь, которая тебѣ больше

нравится,—возразилъ князь:—жизнь праздношатающагося свѣтскаго шаркуна, ухаживать за...

— За кѣмъ?—спросилъ сынъ, дѣлая страшное усиліе, чтобы говорить спокойно.

— Что, ты думаешь, я тебя боюсь? Ты думаешь, отецъ менѣе смѣлъ или энергиченъ, чѣмъ ты? За кѣмъ?—закричалъ старикъ, вскакивая съ мѣста отъ ярости.—За кѣмъ, какъ не за Короной д'Астрарденте, — за кѣмъ еще тебѣ ухаживать? Ты влюбленъ въ нее и попусту убиваешь молодость на эту безумную страсть! Весь Римъ говоритъ это, и я скажу то же!

— Вы и сказали,—отвѣтилъ Джіованни очень тихо.

Онъ сидѣлъ за столомъ, не двигая ни однимъ мускуломъ, съ лицомъ какъ у мертваго.—Вы сказали и, оскорбивъ эту даму, совершили дѣло, недостойное вашей крови. Дай мнѣ, Господи, силу помнить, что вы мой отецъ! — прибавилъ онъ вдругъ, весь задрожавъ.

— Постой!—проговорилъ князь, который, при всемъ своемъ самолюбіи и при всей своей и вспыльчивости, былъ честный человѣкъ. — Я никогда ее не оскорблялъ—она выше подозрѣнія. Это ты губишь молодость въ безнадежной страсти къ ней. Видишь, я говорю спокойно...

— Что говоритъ весь Римъ?—перебилъ его Джіованни. Онъ былъ все еще блѣденъ какъ смерть, но рука, которой онъ оперся, больше не дрожала.

— Всѣ говорятъ, что ты влюбленъ въ Астрарденте, и что мужъ это замѣчаетъ.

— Довольно, — отвѣтилъ Джіованни тихимъ голосомъ. — Я подумаю о бракѣ, который вы мнѣ предлагаете. Дайте мнѣ срокъ до весны, чтобы рѣшиться.

— Это долгій срокъ,—замѣтилъ князь, усаживаясь на мѣсто и принимаясь чистить апельсинъ. Онъ далеко не былъ спокоенъ, но перемѣна въ манерѣ сына обезоружила его гнѣвъ. Князь былъ вспыльчивъ и необузданъ, невоздержанъ на языкъ и деспотиченъ по нраву, но при всемъ томъ сильно любилъ сына.

— Не нахожу, чтобы это было слишкомъ долго. Даю вамъ слово, что серьезно обдумаю этотъ вопросъ. И если найду возможнымъ жениться на доннѣ Туллiи, то исполню ваше желаніе и дамъ вамъ отвѣтъ передъ Святой. Больше ничего не могу обѣщать.

— Я непремѣнно желаю, чтобы ты послушался моего совѣта, — отвѣчалъ отецъ, совсѣмъ умиротворенный. — Если тебѣ такъ не нравится донна Туллія, то есть еще Біанка Вальдерно, за ней есть помѣстье.

— Она очень дурна собой, — возразилъ Джіованни спокойно.

Онъ все еще былъ очень взволнованъ, но отвѣчалъ отцу машинально.

— Вѣрно!... Онѣ всѣ дурны, эти Вальдерны. Кромѣ того, они тосканскаго происхожденія. Но что ты скажешь про маленькую Рокка? Она очень шикарная дѣвочка, воспитывалась въ Англіи и къ тому же хорошенькая.

— Я боюсь, что изъ нея выйдетъ мотовка.

— Ну, она можетъ мотать свои деньги.

— Лучше не рисковать, — сказалъ Джіованни.

Вдругъ онъ перемѣнилъ позу и взглянулъ на отца.

— Мнѣ жаль, что мы вѣчно ссоримся изъ-за этого вопроса. Право, мнѣ не хочется жениться, но я хочу угодить вамъ и постараюсь это сдѣлать. Почему мы вѣчно съ вами бранимся?

— Не знаю, — улыбнулся князь. — Должно быть, виноватъ мой дьявольскій характеръ.

— А я унаслѣдовалъ его, — отвѣтилъ донъ-Джіованни сосмѣхомъ, которому силился придать веселость. — Но я понимаю вашъ взглядъ. Вы считаете, что мнѣ пора остепениться.

— Да, мой другъ. Пью за твое будущее счастье, — сказалъ старикъ, поднося къ губамъ рюмку.

— А я за нашъ будущій миръ.

— Но вѣдь мы никогда взаправду не ссорились, Джіованнино, не такъ ли?

Всѣ слѣды гнѣва исчезли съ лица отца. Оно сіяло нѣжной улыбкой, освѣщавшей лицо точно солнечнымъ лучомъ.

— Нѣтъ, конечно. Какъ можемъ мы ссориться? Вѣдь насъ всего двое на свѣтѣ.

— Вотъ и я всегда это говорю, — согласился князь и мирно сталъ ѣсть очищенный апельсинъ. — Если такихъ двое людей, какъ мы съ тобой, будутъ дѣйствовать дружно, то нѣтъ такой вещи, которой бы они не достигли; если же мы будемъ ссориться...

— Justitia non fit, coelum vero ruet, — пародировалъ поговорку Джіованни.

— Я не очень силенъ въ латыни, Джіованнино, — сказалъ старикъ.

— Небо обрушится, а справедливости не будетъ.

— Нѣтъ; кто сердитъ, тотъ всегда несправедливъ. Но бури, говорятъ, прочищаютъ небо.

— Кстати, что, дѣло о продажѣ лѣса рѣшено? — спросилъ Джіованни.

— Ахъ да, конечно. Я совсѣмъ было забылъ сказать,—отвѣчалъ весело отецъ.

И они мирно заговорили о дѣлахъ. Когда они разстались и Джіованни пошелъ къ себѣ, онъ казался совсѣмъ спокойнымъ, но это былъ одинъ видъ. Въ сущности, онъ былъ жестоко взволнованъ. Онъ былъ такъ же вспыльчивъ, какъ отецъ, но страсти его были глубже и прочнѣе: мать его была испанка, и меланхолическій нравъ ея націи сообщился частью и сыну, придавъ глубину и постоянство горячему итальянскому темпераменту, унаслѣдованному имъ отъ отца. Послѣдній не догадывался о причинѣ перемѣны, происшедшей въ тонѣ Джіованни относительно женитьбы. Разница въ темпераментѣ дѣлала сына непонятнымъ отцу.

Джіованни болѣе года тому назадъ догадался, что онъ любитъ Корону д'Астрарденте. Вопреки обычаямъ молодыхъ людей въ его положеніи, онъ прежде всего рѣшилъ, что никогда не дастъ ей этого замѣтить—и въ этомъ былъ ключъ ко всѣмъ его дѣйствіямъ. Онъ, какъ ему казалось, обращался съ нею какъ со всѣми остальными женщинами, которыхъ встрѣчалъ въ свѣтѣ, и думалъ, что искусно скрывалъ свою страсть отъ свѣта и отъ любимой женщины. Онъ дѣйствовалъ во всѣхъ случаяхъ съ осмотрительностью, приносившею ему несомнѣнно большую честь. Онъ провелъ цѣлый годъ въ непрестанной борьбѣ съ самимъ собой, рѣшивъ, что, если можно, онъ побѣдитъ любовь. Правда, что когда случай представлялся, онъ не отказывалъ себѣ въ удовольствіи разговаривать съ Короной д'Астрарденте объ общихъ, конечно, вопросахъ, но при этомъ всегда выяснялся какой-нибудь новый пунктъ симпатіи между ними. Никогда—онъ могъ сказать это положа руку на сердце—онъ не касался опаснаго сюжета о любви и не менѣе опаснаго—о дружбѣ, обсужденіе которыхъ приводитъ часто къ пагубнымъ послѣдствіямъ. Никогда ни словомъ, ни дѣломъ не старался онъ возбудить въ смуглой герцогинѣ интересъ къ самому себѣ; онъ говорилъ о книгахъ, о политикѣ, объ общественныхъ вопросахъ, но никогда о ней самой или о себѣ. Онъ твердо держалъ обѣщаніе, данное въ душѣ, что разъ онъ имѣлъ несчастіе полюбить чужую жену—женщину до того благородную, что даже въ Римѣ ничего не могли сказать про нее... онъ сохранитъ въ тайнѣ эту страсть. Астрарденте былъ старъ, можно сказать, дряхлъ, несмотря на свой великолѣпный парикъ, Коронѣ же—всего двадцать-два года. Еслибы мужъ ея умеръ, Джіованни выступилъ бы претендентомъ на ея руку передъ цѣлымъ свѣтомъ, а пока онъ не хотѣлъ ничѣмъ

нарушить покой ея души или оскорбить чувство собственнаго достоинства, потому что истинно любилъ ее и прежде всего не хотѣлъ скомпрометировать ея незапятнанное имя. Можетъ быть, она никогда не полюбитъ его; но онъ силенъ и терпѣливъ, и окажетъ ей единственную честь, какая въ его власти: будетъ терпѣливо дожидаться.

Но Джіованни упустилъ изъ виду, что онъ одинъ изъ выдающихся людей въ Римѣ, что онъ на виду у всѣхъ, и что многіе слѣдятъ за всѣми его движеніями въ гостиныхъ, надѣясь, что онъ обратитъ на нихъ вниманіе; многіе замѣтили, что хотя онъ никогда, входя въ гостиную, сразу не подходилъ къ Коронѣ, но всегда отыскивалъ ее глазами и не упускалъ случая поговорить съ нею въ теченіе вечера. Зоркіе наблюдатели, общественные коршуны, слѣдующіе по слѣдамъ царственнаго орла, отлично разглядѣли выраженіе досады на лицѣ Джіованни, когда ему не удавалось поговорить съ-глазу-на-глазъ съ Короной, хотя бы въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ, и дель-Фериче, игравшій въ Римѣ роль вѣстовщика, пустилъ слухъ, что Джіованни влюбленъ. Люди повторяли этотъ слухъ, какъ онъ и надѣялся, и исторія разошлась по Риму.

Правда, въ городѣ не нашлось бы ни одного смѣльчака, который бы осмѣлился намекнуть на это въ присутствіи Джіованни, даже еслибы ему этого и хотѣлось; но такія вещи никогда не остаются скрытыми. Родной отецъ сказалъ ему это въ припадкѣ гнѣва, и ударъ произвелъ свое дѣйствіе.

Джіованни сидѣлъ въ глубокомъ креслѣ своего кабинета и обдумывалъ свое положеніе. Его первымъ движеніемъ былъ безумный гнѣвъ противъ отца; но когда послѣдній объяснилъ, что насчетъ герцогини никто ничего не говоритъ, гнѣвъ Джіованни обратился на себя самого. Горько было думать, что все его самоотверженіе, всѣ его продолжительныя усилія скрыть любовь ни къ чему не привели. Онъ проклиналъ свое безуміе и неосторожность, и вмѣстѣ съ тѣмъ дивился, какъ могла эта исторія всплыть наружу. Онъ твердо рѣшилъ убить впечатлѣніе, невольно имъ произведенное, и первое попавшееся средство показалось ему наиболѣе пригоднымъ. Жениться на доннѣ Тулліи, прежде нежели слухъ о его любви къ герцогинѣ укоренится, казалось ему самымъ дѣйствительнымъ средствомъ заткнуть ротъ сплетникамъ. Съ одной стороны, это казалось благородной мыслью: принести себя всего и на вѣки въ жертву, чтобы не дозволить связывать свое имя, хотя бы и невиннымъ образомъ, съ именемъ любимой женщины; искоренить любовь къ ней изъ сердца, отдавъ его другой женщинѣ.

Онъ спасетъ такимъ образомъ Корону отъ непріятностей, а ея имя отъ сплетенъ, и если кто-нибудь осмѣлится упомянуть объ этой исторіи...

Джіованни всталъ съ мѣста и машинально снялъ рапиру со стѣны и сталъ фехтовать ею, какъ это часто дѣлалъ для практики. Если кто-нибудь упомянетъ объ этой исторіи, думалъ онъ, у него есть средство заставить его замолчать быстро и на-вѣки. Глаза его засверкали при мысли, что онъ, хотя косвенно, можетъ вступиться за Корону. Но вдругъ онъ отбросилъ рапиру и бросился опять въ кресло.

Нѣтъ, онъ не могъ этого сдѣлать. Онъ не могъ обидѣть женщину, хотя бы ради того, чтобы спасти другую. Пусть надъ нимъ смѣются и зовутъ его Донъ-Кихотомъ, а онъ не женится ради одного приличія.

Онъ далъ слово отцу, что подумаетъ о женитьбѣ и дастъ ему отвѣтъ до Святой. До тѣхъ поръ много еще времени. Онъ подумаетъ, и если къ этому времени забудетъ Корону, то... онъ громко засмѣялся въ пустынной комнатѣ, и звукъ собственнаго голоса вывелъ его изъ задумчивости.

Забудетъ? развѣ такіе, какъ онъ, забываютъ? Другіе могутъ, а онъ нѣтъ. Изъ чего тѣ люди сдѣланы? Или, можетъ быть, они не любили, а потому и забывали. Всякій можетъ забыть бѣдную донну Туллію. Но развѣ можно забыть, когда истинно любишь?!

Джіованни до этого времени никогда не любилъ. Онъ зналъ двухъ или трехъ женщинъ, которыя ему очень нравились, но онъ вскорѣ убѣдился, что не питаетъ къ нимъ истиннаго чувства, хотя онѣ и развлекаютъ, и забавляютъ его... тѣмъ менѣе могъ онъ представить себѣ, что можно на-вѣки связать себя съ нелюбимой женщиной. Для его независимой натуры одна мысль о такомъ бракѣ была ненавистна.

Было четыре часа утра, когда Джіованни пошелъ спать, но онъ спалъ плохо и мало, и сны его были тревожные. То ему снилось, что онъ стоитъ на зеленомъ лугу со шпагой въ рукѣ, кончикъ которой обагренъ кровью, а его противникъ лежитъ у его ногъ. То онъ грезилъ, что сидитъ одинъ въ большой гостиной, и смуглая женщина подходитъ къ нему, кротко говоря:— „Женись, ради меня!“—Онъ проснулся со стономъ. Часы на колокольнѣ пробили девять, а съѣздъ охотниковъ назначенъ былъ въ одиннадцать, въ пяти миляхъ разстоянія отъ Porta Pia. Джіованни вскочилъ и позвонилъ слугу.

IV.

День былъ чудный, и полъ-Рима отправилось на охотничій съѣздъ, не потому, чтобы этотъ съѣздъ чѣмъ-нибудь отличался отъ другихъ подобныхъ, но потому, что такъ вздумалось. Свѣтъ похожъ на горячечнаго больного въ бреду; онъ рѣдко дѣйствуетъ сознательно; рѣдко даже сознаетъ то, что говоритъ, и время отъ времени, безъ всякаго предостереженія или предумышленности, поднимается спозаранку съ постели и бросается, какъ полоумный, въ погоню за своей послѣдней галлюцинаціей. Главная разница только въ томъ, что у горячечнаго больного есть сидѣлка, а у свѣта ея нѣтъ.

Въ настоящемъ случаѣ всѣмъ вдругъ привидѣлось, что надо ѣхать на охотничій съѣздъ, и дорога по ту сторону Porta Pia покрыта была на далекомъ протяженіи экипажами всякаго рода и вида, начиная отъ брика, запряженнаго четверкой князя Вальдерно, до скромной телѣжки, влекомой осломъ и нагруженной вареными бобами, хлѣбомъ и сыромъ, припасами, раскупающимися грумами,—учрежденіе незнакомое англійской охотѣ. Одинъ за другимъ катились экипажи по дорогѣ мимо Sant'Agnese, внизъ съ холма черезъ Ponte Nomentana и далеко затѣмъ до того мѣста, гдѣ сходились три дороги и лежало обширное пастбище. Здѣсь экипажи поворачивали и выстроивались рядомъ, точно на передъ-обѣденномъ гуляньѣ на Пинчіо, а не въ пяти миляхъ разстоянія отъ Рима, среди полей Кампаньи.

Описывать холмы, лежащіе на югъ отъ Рима, было бы оскорбленіемъ природы; описывать съѣздъ охотничій—было бы оскорбленіемъ для цивилизованныхъ читателей англійскаго языка. Послѣднее слишкомъ хорошо извѣстно всѣмъ и каждому: красивыя группы мужчинъ и женщинъ, охотниковъ всякаго возраста и наружности, благородные скакуны, ведомые подъ устцы грумами; причемъ, время отъ времени, кто-нибудь изъ охотниковъ садится на сѣдло, оправляется, испытываетъ подпруги и поводья, и, осмотрѣвъ, на мѣстѣ ли жестянка съ сандвичами и бутылка съ хересомъ, отдавъ послѣднія инструкціи груму, медленно отъѣзжаетъ. Римскій охотничій съѣздъ имѣетъ менѣе дѣловой характеръ, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ—вотъ и все. Что же касается римскихъ холмовъ, то они не похожи ни на какіе другіе въ мірѣ и такъ красивы въ своемъ родѣ, что пытаться ихъ описывать было бы праздникъ и безполезнымъ дѣломъ; это только выдало бы тщеславіе автора и ничтожество его пера.

Донъ-Джіованни прибылъ рано, несмотря на безсонную ночь. Онъ вышелъ изъ кабріолета около дороги вмѣсто того, чтобы ѣхать въ поле, и сталъ осматривать экипажи, выстроенные передъ его глазами. Вдали онъ замѣтилъ донну Туллію Майеръ. Она стояла среди небольшой группы мужчинъ, около брика Вальдерно. Ее легко было узнать по платью издали, какъ справедливо замѣтилъ наканунѣ дель-Фериче. Сегодня на ней былъ костюмъ, главные цвѣта котораго составляли желтый съ зеленымъ и громадная шляпа съ такими же перьями, увѣнчивавшими ея голову, а въ рукахъ она держала желтый зонтикъ. Она была довольно красивая женщина, средняго роста, съ неестественно бѣлокурыми волосами и неподдѣльнымъ хорошимъ цвѣтомъ лица, который она еще благоразумно не испортила попытками улучшить его посредствомъ косметиковъ; глаза у нея были голубые, но выраженіе ихъ неопредѣленное и не внушающее довѣрія. Ртомъ ея очень восхищались: онъ былъ невеликъ, румянъ и съ пухлыми губками. Она была очень жива и громко говорила, привлекая всеобщее вниманіе и собирая вокругъ себя толпу поклонниковъ. Ея разговоръ былъ не остроуменъ, но оживленъ, и шумная болтливость слыла за остроуміе; она замѣчательно хорошо понимала людей и выказывала удивительно дурной вкусъ во всѣхъ художественныхъ вещахъ, но съ упорствомъ настаивала на своихъ взглядахъ и не терпѣла противорѣчія. По какой-то странной случайности, несмотря на то, что многое въ ней было вульгарно, въ общемъ сказывалось нѣчто необъяснимо порядочное, —тотъ неподражаемый отпечатокъ общественнаго превосходства, который нельзя пріобрѣсти никакимъ образовательнымъ процессомъ. Кто ее видѣлъ, могъ удивляться ея громкому голосу, забавляться эксцентричностью костюма и шокироваться рѣзкими манерами, но каждый безошибочно отнесъ бы ее къ той категоріи людей, которую величаютъ „хорошимъ обществомъ“.

Въ числѣ мужчинъ, окружавшихъ донну Туллію, находился и дель-Фериче, человѣкъ, про котораго можно было сказать, что отсутствіе его было нечувствительно, такъ какъ онъ всегда и вездѣ присутствовалъ. Джіованни не любилъ дель-Фериче, не будучи въ состояніи объяснить своей антипатіи. Онъ вообще не любилъ людей, которыхъ подозрѣвалъ въ двуличности, а у него не было никакого основанія думать, что истина, поглядѣвшись въ зеркало, увидѣла бы въ немъ отраженіе жирнаго, блѣднаго лица Уго и его безцвѣтныхъ усовъ. Но если Уго былъ и лгунъ, то отличался хорошею памятью, такъ какъ никогда не попадался во лжи, и слылъ полезнымъ членомъ общества,—честь, никогда

почти не достающаяся на долю правдивыхъ людей. Джіованни тѣмъ не менѣе не любилъ его и во многомъ подозрѣвалъ; и вотъ хотя онъ намѣревался подойти къ доннѣ Тулліи, но, увидя около нея дель-Фериче, воздержался отъ своего намѣренія. Онъ медленно сошелъ съ небольшой возвышенности и, подходя къ толпѣ, перебрасывался словами съ нѣкоторыми изъ знакомыхъ, мысленно давая себѣ слово избѣгать донны Тулліи и тотчасъ же сѣсть на коня. Но это ему не удалось. Въ то время, какъ онъ остановился на минуту около экипажа маркизы Рокка и обмѣнялся нѣсколькими словами съ нею и съ ея дочерью, той самой дѣвчонкой, которую отецъ предлагалъ ему въ жены, онъ совсѣмъ позабылъ о близости особы, которую онъ желалъ избѣжать, и когда, нѣсколько секундъ позднѣе, направился къ своей верховой лошади, m-me Майеръ отрѣзала ему путь и фамильярно хлопнула по плечу ручкой зонтика.

— Итакъ, вы собирались сѣсть на лошадь, не поздоровавшись со мной?—сказала она рѣзко, по всегдашней своей манерѣ.

Джіованни круто повернулся и, взглянувъ на нее, низко поклонился. Донна Туллія разсмѣялась.

— Что именно показалось вамъ такимъ смѣшнымъ въ моей наружности?—спросилъ онъ.

— Altro! когда вы отпустили мнѣ такой низкій поклонъ...

— Я хотѣлъ извиниться такъ же, какъ и поздороваться,—отвѣчалъ донъ-Джіованни вѣжливо.

— Я бы выслушала охотнѣе извиненія, и обошлась бы безъ такого низкаго поклона.

— Я готовъ извиниться...

— Но смиренно, не оправдывая себя,—продолжала разговоръ донна Туллія и пошла медленно впередъ.

Джіованни вынужденъ былъ за нею послѣдовать.

— Мое оправданіе, однако, очень основательно,—сказалъ онъ.

— Хорошо, если такъ, то я выслушаю; но вы не увѣрите меня, что хотѣли оказать мнѣ вниманіе.

— Я въ очень дурномъ расположеніи духа. И не хотѣлъ въ такомъ видѣ показываться вамъ на глаза.

Донна Туллія внимательно поглядѣла на него. И, отвѣчая, надула съ неудовольствіемъ красныя, пухлыя губки.

— Похоже на то, что вы не въ духѣ. Мнѣ жаль, что я васъ побезпокоила. Лучше не трогать дремлющую собаку, какъ говоритъ пословица.

— Я еще не кусаюсь,—отвѣтилъ Джіованни.—Увѣряю васъ, что я не опасенъ.

— О! я нисколько васъ не боюсь,—отвѣчала его спутница съ легкимъ пренебреженіемъ.—Пожалуйста не воображайте, что своимъ дурнымъ расположеніемъ духа вы можете меня запугать. Вы, конечно, ѣдете на охоту?

— Да,—отвѣчалъ Сарачинеско коротко.

Ему не нравилась манера обращенія съ нимъ донны Тулліи.

— Поѣдемте лучше съ нами и оставьте въ покоѣ бѣдныхъ лисицъ. Вальдерно повезетъ насъ въ объѣздъ въ Кампанеллу, и мы тамъ будемъ наслаждаться пикникомъ, а къ тремъ часамъ вернемся домой.

— Очень вамъ благодаренъ, но я долженъ проѣздить свою лошадь. Поэтому извините меня...

— Опять?—воскликнула донна Туллія.—Вы сегодня рѣшили, кажется, все извиняться.

Затѣмъ, мѣняя внезапно тонъ и глядя въ землю, мягко прибавила:

— Мнѣ бы хотѣлось, чтобы вы съ нами ѣхали. Я такъ рѣдко утруждаю васъ своими просьбами.

Джіованни быстро взглянулъ на нее. Онъ зналъ, что донна Туллія желала выйти за него замужъ; онъ даже подозрѣвалъ, что отецъ объяснялся съ ней на этотъ счетъ,—вещь довольно обыкновенная, когда дѣло касается брака со вдовой. Но онъ не зналъ, что донна Туллія по своему влюблена въ него. Онъ поглядѣлъ на нее и увидѣлъ слезы досады на ея смѣлыхъ голубыхъ глазахъ. Онъ колебался съ минуту, но присущая ему вѣжливость взяла верхъ.

— Я поѣду съ вами,—спокойно сказалъ онъ. Краска удовольствія заиграла на нѣжныхъ щечкахъ m-me Майеръ; она поняла, что одержала побѣду, но не хотѣла показать своего удовольствія.

— Вы говорите это такъ, какъ будто бы оказываете милость! —произнесла она съ притворной досадой, которую опровергало счастливое выраженіе ея лица.

— Простите мнѣ; напротивъ того, мнѣ оказываютъ милость, —машинально отвѣтилъ Джіованни.

Онъ согласился потому, что не зналъ, какъ отказать, но уже сожалѣлъ объ этомъ и хотѣлъ бы уклониться отъ поѣздки.

— Не похоже, чтобы вы такъ думали,—сказала донна Туллія, съ сомнѣніемъ поглядывая на него.—Если вы собираетесь быть непріятнымъ, то я освобождаю васъ отъ обязательства.

Она говорила это потому, что знала — онъ не воспользуется позволеніемъ.

— Если вы такъ охотно освобождаете меня, то, значитъ, не особенно хотите, чтобы я съ вами ѣхалъ,—сказалъ ея спутникъ.

Донна Туллія закусила губу, и наступило минутное молчаніе.

— Я васъ оставлю на минутку, если позволите, и пойду отошлю лошадь домой... Я сейчасъ же вернусь.

— Вонъ ваша лошадь—напротивъ, въ двухъ шагахъ отъ насъ,—сказала m-me Майеръ.

Даже этой минутой не дали ему воспользоваться, и донна Туллія дожидалась, пока донъ-Джіованни приказывалъ удивленному груму сѣсть на скакуна и проѣздить его въ такомъ мѣстѣ, гдѣ бы онъ не наткнулся на собакъ.

— Я до послѣдней минуты не вѣрила, что вы поѣдете съ нами,—сказала донна Туллія, когда оба пошли къ экипажамъ. Большинство мужчинъ, собиравшихся на охоту, уже сѣли на коней, и небольшая группа очень порѣдѣла. Но пока они разговаривали, другой экипажъ подъѣхалъ и остановился около брика Вальдерно. Астрарденте забралъ въ голову непремѣнно ѣхать съ женой на съѣздъ, но они опоздали. Астрарденте всегда опаздывалъ по принципу. Когда Джіованни и донна Туллія вернулись къ брику, они внезапно очутились лицомъ къ лицу съ герцогиней и ея мужемъ. Корона не удивилась, увидя Джіованни съ женщиной, на которой онъ не хотѣлъ жениться, но старику-герцогу это было повидимому очень пріятно.

— Видишь ли, Корона, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія, что я тебѣ говорилъ!—воскликнулъ престарѣлый дэнди, такъ громко, что Джіованни нахмурился, а донна Туллія чуть-чуть покраснѣла. Оба поклонились, проходя мимо экипажа. Донъ-Джіованни взглянулъ прямо въ лицо Короны, снимая шляпу. Онъ могъ бы незамѣтнымъ для донны Тулліи жестомъ показать ей, что не по доброй волѣ попалъ въ настоящее свое положеніе. Но донъ-Джіованни былъ джентльменъ и ничего подобнаго не сдѣлалъ; онъ поклонился, спокойно поглядѣлъ на женщину, которую любилъ, и прошелъ мимо. Астрарденте, зорко наблюдавшій за нимъ, замѣтивъ равнодушный взглядъ Сарачинеско, слегка фыркнулъ привычнымъ для него образомъ. Онъ побожился бы, что ни его жена, ни Джіованни не выказали ни малѣйшаго интереса другъ къ другу.

Онъ былъ доволенъ. Жена его была выше подозрѣній, какъ онъ всегда говорилъ; но онъ старикъ и видалъ свѣтъ, и зналъ, что какъ бы слѣпо ни довѣрялъ онъ благородной женщинѣ, пожертвовавшей ему своей молодостью, для нея вполнѣ возможно невинно заинтересоваться какимъ-нибудь молодымъ человѣкомъ, въ родѣ Джіованни Сарачинеско, напримѣръ, а потому счелъ за

лучше надзирать за нею нѣкоторое время. Теперь онъ фыркнулъ отъ удовольствія. Корона бровью не повела при упоминовеніи объ этомъ бракѣ, и совершенно равнодушно кивнула проходившему мимо молодому человѣку.

— Ага, донна Туллія!—закричалъ герцогъ, отвѣчая на ея поклонъ:—вы не позволили донъ-Джіованни ѣхать верхомъ; всадники уже отъѣзжаютъ.

Послѣ такого прямого обращенія ничего не оставалось, какъ остановиться и поговорить. Герцогиня сидѣла съ той стороны экипажа, мимо котораго проходили Джіованни и донна Туллія, и ея мужъ пересѣлъ на скамейку, напротивъ жены, чтобы удобнѣе разговаривать. Послѣ обоюдныхъ рукопожатій, Джіованни естественнымъ образомъ заговорилъ съ Короной, а ея мужъ сталъ любезничать съ донной Тулліей.

— Какой человѣкъ захочетъ ѣхать на охоту, когда онъ можетъ вмѣсто того съ вами разговаривать?—говорилъ старикъ Астрарденте, на раскрашенномъ лицѣ котораго появилась гримаса, когда-то бывшая плѣнительной улыбкой. Всѣ знали, что онъ красится; его зубы были чудомъ американскаго искусства, а парикъ ввелъ въ заблужденіе одного великаго живописца. Платье сшито съ особенною ловкостью, и въ публикѣ онъ почти никогда не снималъ перчатокъ съ маленькихъ рукъ. Донна Туллія разсмѣялась на его слова.

— Вамъ бы слѣдовало поучить донъ-Джіованни говорить комплименты,—замѣтила она.—Онъ сегодня золъ какъ волкъ.

— Я думаю, что человѣка въ его положеніи нечего учить говорить вамъ комплименты,—сказалъ герцогъ многозначительно. И прибавилъ конфиденціально, понижая голосъ:—надѣюсь, что скоро мнѣ можно будетъ поздравъ...

— Я уговорила его отказаться отъ охоты на сегодняшній день,—перебила донна Туллія поспѣшно.

Она говорила такъ громко, что Корона могла ее слышать.

— Вмѣсто того онъ ѣдетъ съ нами въ Кампанеллу.

Джіованни не могъ удержаться, чтобы не взглянуть на Корону. Она слабо улыбалась, и въ ея лицѣ не было замѣтно ни малѣйшаго измѣненія.

— Вамъ должно быть будетъ очень весело,—мягко проговорила она, глядя вдаль.

— Не присоединитесь ли и вы къ намъ, герцогиня?—пригласила донна Туллія.—Завтрака хватитъ на всѣхъ, и чѣмъ больше будетъ народа, тѣмъ веселѣе.

Донна Туллія предложила это съ обычной откровенной ма-

нерой, вперивъ голубые глаза въ лицо Короны. Повидимому приглашеніе было самое радушное, но донна Туллія хорошо знала, что въ ея словахъ была шпилька, или по крайней мѣрѣ въ ея намѣреніи. Но Корона спокойно взглянула на мужа и затѣмъ вѣжливо отказалась.

— Вы очень добры, но намъ никакъ нельзя ѣхать съ вами сегодня. Мы ведемъ очень регулярную жизнь,—объяснила она съ легкой улыбкой,—и не приготовились къ такой поѣздкѣ. Очень вамъ благодарна и жалѣю, что мы не можемъ воспользоваться вашимъ любезнымъ приглашеніемъ.

— Очень жаль,—отвѣтила донна Туллія съ рѣзкимъ смѣхомъ.—Мы намѣрены очень веселиться.

Джіованни ничего не сказалъ. Если что можетъ сдѣлать для него еще непріятнѣе предстоящій пикникъ m-me Майеръ—это присутствіе герцогини. Онъ зналъ, что поставилъ себя въ ложное положеніе тѣмъ, что сдался на слезливое приглашеніе донны Тулліи. Онъ помнилъ, какъ онъ говорилъ о ней наканунѣ Коронѣ, увѣряя, что никогда не женится на этой дамѣ. Корона ничего не знала о перемѣнѣ въ его планахъ послѣ бурнаго разговора съ отцомъ: ему страстно хотѣлось бы объясниться съ герцогиней, но онъ понималъ, что никакія объясненія немыслимы. Корона подумаетъ, что онъ непослѣдователенъ или, по крайней мѣрѣ, ухаживаетъ за веселой вдовушкой, не располагая на ней жениться. Онъ подумалъ даже, что самоотверженіе требуетъ отъ него, чтобы онъ представился въ невыгодномъ свѣтѣ женщинѣ, которую любилъ, но впервые понялъ, какъ горько ему будетъ казаться слабымъ и непостояннымъ въ глазахъ единственнаго существа, чьимъ добрымъ мнѣніемъ дорожилъ, и ради кого готовъ былъ на всякія жертвы. Стоя около нея, положивъ руку на край экипажа, онъ пристально глядѣлъ вдаль, на отъѣзжавшихъ всадниковъ съ собаками.

— Пойдемте, донъ-Джіованни, пора ѣхать,—сказала донна Туллія.—О чемъ вы думаете? васъ точно превратили въ статую.

— Извините,—промолвилъ Сарачинеско, внезапно выходя изъ задумчивости. — Прощайте, герцогиня; прощайте, Астрарденте; счастливаго пути.

— Вы вѣчно будете жалѣть, что не присоединились къ намъ! —закричала m-me Майеръ, пожимая руку герцогинѣ и ея мужу. —Мы поѣдемъ по всей вѣроятности въ Альбано, гдѣ проведемъ всю ночь... подумайте только! Развѣ не весело? У насъ ни у кого нѣтъ даже съ собой гребня! Прощайте. Вѣроятно встрѣтимся сегодня вечеромъ, если только вернемся въ Римъ. Пойдемте, Джіо-

ванни,—прибавила она фамильярно, отбрасывая титулъ и величая его по имени. Вѣдь они кузены, и въ Римѣ легко отбрасываются всякіе титулы между дальнѣйшими родственниками и даже знакомыми. Но донна Туллія знала, что Корона д'Астрарденте ни при какихъ обстоятельствахъ не могла бы назвать Сарачинеско просто „Джіованни". Корона, однако, не доставила ей удовольствія видѣть, что слова ея произвели хотя какое-нибудь дѣйствіе на нее. Гордое лицо герцогини не показывало никакого измѣненія, и она повидимому такъ мало обращала вниманія на m-me Майеръ, какъ на мошку, крутящуюся въ солнечномъ лучѣ.

Итакъ, Джіованни съ m-me Майеръ присоединились къ своей шумной компаніи и сѣли въ брикъ.

Но прежде, чѣмъ они тронулись съ мѣста, экипажъ д'Астрарденте проѣхалъ мимо. Смѣхъ и громкій говоръ долеталъ до ушей Короны все слабѣе и слабѣе, по мѣрѣ увеличивающагося разстоянія, и былъ очень ей непріятенъ. Но она крѣпко сжала мужественныя губы и откинулась назадъ, поправляя одной рукой плэдъ на колѣняхъ старика-мужа, а другой защищаясь отъ солнца раскрытымъ зонтикомъ.

— Благодарю, душа моя; ты настоящій ангелъ по заботливости,—сказалъ старый дэнди, гладя руку жены.—Что за вульгарная особа эта m-me Майеръ! И однако въ ней есть своего рода шикъ.

Корона не отнимала руки у мужа; она привыкла къ этому. Въ сущности, по своему онъ былъ добръ къ ней. Было бы нелѣпо ревновать его къ другимъ женщинамъ, которымъ онъ отпускалъ отчаянные комплименты; но вѣдь онъ не былъ скупъ на комплименты и для жены. Странныя отношенія создались между старикомъ и молоденькой дѣвушкой, на которой онъ женился. Будь онъ не такой свѣтскій человѣкъ, или будь Корона не такъ честна и возвышенно-благородна, ихъ семейная жизнь могла бы превратиться въ семейный адъ. Но Астрарденте, при всемъ томъ, что былъ отчаянный кутила и истаскавшійся дэнди, любилъ жену; а она, великолѣпная и юная красавица, покорилась этому, потому что поклялась, а разъ давъ клятву, считала немыслимымъ малѣйшее уклоненіе отъ обязанностей жены. Для нея было страшнымъ ударомъ, когда она открыла, что интересуется донъ-Джіованни, даже тѣмъ поверхностнымъ, какъ ей казалось, образомъ, то-есть какъ свѣтскимъ человѣкомъ, съ которымъ ей веселѣе разговаривать, чѣмъ съ другими, и котораго она находила пріятнѣе другихъ кавалеровъ. Она тоже провела безсонную ночь и, вставъ поутру, рѣшила, что перестанетъ думать

о Джіованни, и если ей это не удастся, то удвоитъ заботы о мужѣ и болѣе чѣмъ когда-либо сосредоточится на своихъ обязанностяхъ. Теперь она только удивлялась, какъ того ожидалъ и Джіованни, почему это онъ отказался отъ охоты, чтобы провести день съ донной Туллiей.

Но она не хотѣла признаться даже самой себѣ, что глухая боль, которую она чувствовала у сердца, и которая мѣшала ей свободно дышать, имѣла хоть какое-нибудь отношеніе къ только-что произошедшей сценѣ. Она крѣпко стиснула губы и оправила плэдъ на колѣняхъ у мужа.

— М-me Майеръ вульгарна, — отвѣчала она.—Должно быть она такова отъ природы.

— Женщины никогда не бываютъ такими отъ природы,— отвѣчалъ мужъ.—Я думаю, что она переняла это отъ мужа. Тѣмъ не менѣе она отличная партія для Джіованни Сарачинеско. Богата, милліонерша. Безспорно красива, весела... гм! немножко даже слишкомъ весела, но Джіованни такъ серьезенъ, что такой контрастъ будетъ служить къ взаимной выгодѣ.

Корона молчала. Старику-мужу ничто не было такъ непріятно, какъ ея молчаніе.

— Почему ты мнѣ не отвѣчаешь?—спросилъ онъ съ досадой.

— Не знаю... я думала, отвѣчала Корона просто.—Я не нахожу, въ сущности, чтобы это былъ такой уже выгодный бракъ для послѣдняго въ родѣ Сарачинеско.

— Ты думаешь, что она затормошитъ его? - сказалъ старикъ.—Она весела... очень весела, а Джіованни очень, очень солиденъ.

— Я не нахожу дурнымъ, что она весела Но мнѣ кажется, что Сарачинеско могъ бы жениться на дѣвицѣ Рокка, напримѣръ. Къ чему ему брать за себя вдову?

— Такую молодую вдову! Старикъ Майеръ былъ дряхлъ, какъ древняя статуя ихъ музея. У него была парализована одна рука, и онъ страдалъ подагрой; да, душа моя, ты не знаешь, какая у него была подагра.

Старикъ презрительно ухмыльнулся. У него самого не было подагры.

— Донна Туллія очень молодая вдова. Кромѣ того, она такъ богата. У стараго Сарачинеско сердце разбилось бы, еслибы такая куча денегъ ушла изъ его фамиліи. Онъ вѣдь скряга, старикъ Сарачинеско!

— Я этого не слыхала,—замѣтила Корона.

— О! мало ли вещей въ Римѣ, о которыхъ никто не слы-

шалъ, и это одна изъ нихъ. Я ненавижу скупость. Это такъ вульгарно.

Самъ Астрарденте дѣйствительно не былъ скупъ, но отлично умѣлъ отстаивать свои интересы. Онъ любилъ деньги, но любилъ также и тратить ихъ, и по возможности съ тѣмъ, чтобы пустить пыль въ глаза. Но чтобы Сарачинеско былъ скупъ, это была неправда. Онъ проживалъ много, но безъ всякаго чванства.

— Право, я не думаю, чтобы князя Сарачинеско можно было назвать скупымъ,—сказала Корона. — Но, сколько я его знаю, не могу понять, почему ему такъ хочется, чтобы сынъ его женился на деньгахъ m-me Майеръ; во всякомъ случаѣ мнѣ кажется это не изъ алчности.

— Ну, тогда ужъ я и не знаю, какъ ты это назовешь,— отвѣчалъ Астрарденте рѣзко. Въ этой фамиліи всѣ и всегда были меланхолики и втайнѣ заражены страстью копить деньги. И лица у нихъ такія же кислыя и мрачныя, какъ у евреевъ изъ Гетто.

Корона поглядѣла на мужа и слегка улыбнулась при видѣ его стараго, худощаваго лица, на которомъ свѣтъ и тѣни расположены были искуснѣе, чѣмъ на лицѣ любой актрисы, и поверхностно сглаживали морщины, проведенныя годами изысканнаго и утонченнаго эгоизма. Она подумала, что лицо у Джіованни было точно суровое и страстное, но мужественное и благородное. Минуту спустя она спохватилась и рѣшительно выкинула изъ ума всякія сравненія, но, видя, что мужъ расположенъ бранить Сарачинеско, попыталась перемѣнить разговоръ.

— У Франджипани, кажется, большой балъ; мы, конечно, поѣдемъ?

— Разумѣется. Я ни за что не хотѣлъ бы пропустить его. Такого бала давно не было и долго не будетъ. Развѣ я когда-нибудь лишаю себя... то-есть, я хочу сказать—тебя... развлеченій?

— Нѣтъ, ты очень добръ,—мягко проговорила Корона.— Мнѣ кажется даже иногда, что ты слишкомъ утруждаешь себя изъ-за меня. Право, я не такъ люблю общество, какъ ты думаешь. Я бы часто съ охотой осталась дома, еслибы ты этого пожелалъ.

— Развѣ ты находишь, что я уже слишкомъ старъ, чтобы выѣзжать въ свѣтъ?—спросилъ старикъ сердито.

— Конечно, нѣтъ,—терпѣливо отвѣтила Корона.—Какъ могу я это думать? Развѣ я не вижу, что ты любишь свѣтъ.

— Конечно, люблю. Каждый разсудительный человѣкъ въ

цвѣтѣ лѣтъ любить общество себѣ подобныхъ. Почему же мнѣ его не любить?

Герцогиня не улыбнулась. Она привыкла слышать, что ея старикъ-мужъ говоритъ о себѣ какъ о молодомъ человѣкѣ. Это была невинная фантазія.

— Я нахожу это вполнѣ естественнымъ,—отвѣчала она.

— Но чего я не понимаю,—продолжалъ Астрарденте, поплотнѣе укутывая свое тонкое горло отъ рѣзкаго вѣтра tramontana, чтобы такіе старики, какъ Сарачинеско, все еще стремились играть роль въ свѣтѣ.

Сарачинеско былъ моложе, чѣмъ Астрарденте, и его желѣзнаго сложенія могло хватить еще на одно поколѣніе, несмотря на бѣлые волосы.

— Ты, кажется, сегодня сердитъ на Сарачинеско,—замѣтила Корона, чтобы что-нибудь сказать.

— Зачѣмъ ты его защищаешь?—сердито спросилъ мужъ.— Онъ мнѣ разстроиваетъ нервы, этотъ кислый старикашка.

— Я думаю, что весь Римъ будетъ на балѣ у Франджипани,—начала Корона, не обращая вниманія на раздражительность мужа.

— Тебя, кажется, этотъ балъ очень интересуетъ.

Корона замолчала; это было ея единственнымъ оружіемъ, когда мужъ сердился. Онъ ненавидѣлъ молчаніе и вообще тотчасъ же смягчался. Быть можетъ, при своей великой опытности, онъ въ самомъ дѣлѣ цѣнилъ удивительное терпѣніе жены и несомнѣнно очень любилъ ее.

— Тебѣ нужно новое платье, душа моя, — началъ онъ въ примирительномъ тонѣ.

Жена его слыла за женщину, которая одѣвается лучше всѣхъ въ Римѣ. И несомнѣнно, что въ этомъ отношеніи она такъ же отличалась отъ другихъ, какъ и во всемъ остальномъ. Она любила хорошо одѣваться, а у ея старика-мужа былъ удивительный вкусъ. Кромѣ того, онъ очень гордился ея наружностью, и еслибы она перестала затмѣвать всѣхъ другихъ женщинъ, то его хвастливое убѣжденіе, что она выше подозрѣнія, утратило бы отчасти значеніе.

— Право, это не нужно,—отвѣчала Корона:—у меня столько платьевъ, и тамъ будетъ такая давка.

— Душа моя, береги свою красоту, но не скупись на ея украшеніе,—сказалъ старикъ съ любезнѣйшей изъ своихъ улыбокъ.—Я хочу, чтобы у тебя былъ такой туалетъ на сегодняш-

немъ балѣ, чтобы его долго помнили всѣ присутствующіе. Займись этимъ безъ промедленія.

— Ну, что-жъ, это такое желаніе, которое ни для какой женщины не трудно выполнить, — отвѣчала Корона съ легкимъ смѣхомъ, — хотя я не думаю, чтобы мое платье запомнили присутствующіе.

— Какъ знать, какъ знать! — озабоченно произнесъ Астрарденте: — я помню платья, которыя видѣлъ... онъ вдругъ запнулся... ну, да, которыя видѣлъ лѣтъ десять тому назадъ! — прибавилъ онъ, разсмѣявшись надъ тѣмъ, что чуть было не сказалъ: сорокъ, вмѣсто десяти. —Платья, душа моя, продолжалъ онъ, — производятъ глубокое впечатлѣніе на умы мужчинъ.

— Ну, что касается этого, — отвѣчала герцогиня, — то я нисколько не хлопочу о томъ, чтобы произвести какое-нибудь впечатлѣніе на мужчинъ, также какъ и на женщинъ.

Она говорила шутливо, радуясь, что разговоръ принялъ болѣе пріятный оборотъ.

— Даже и на меня, моя душа? — спросилъ старикъ Астрарденте, подмигнувъ женѣ.

— Ну, это совсѣмъ другое дѣло, — отвѣчала Корона спокойно.

И они стали обсуждать туалетъ Короны, пока экипажъ не подъѣхалъ къ дворцу Астрарденте. Но когда въ три часа пополудни Коронѣ пришлось ѣхать съ обычными визитами, она была рада, что ѣдетъ одна, и, откинувшись на подушки, серьезно обдумывала свое положеніе, переѣзжая отъ одного дома къ другому и разсылая карточки. Большинству женъ стариковъ показалось бы пустымъ дѣломъ то, что имъ нравится такой человѣкъ, какъ Джіованни Сарачинеско. Но чѣмъ больше Корона думала объ этомъ, тѣмъ сильнѣе убѣждалась, что она впала въ страшный грѣхъ. Это сознаніе безмѣрно тяготило ее и лишало удовольствія, съ какимъ она обыкновенно каталась по улицамъ Рима. Оно опережало все окружающее, преслѣдовало ее и дѣлало крайне несчастной.

— Непремѣнно отправлюсь къ padre Filippo,—сказала она самой себѣ, вернувшись домой.

V.

Вальдерно посадилъ донну Туллію около себя на переднюю скамейку, и случай устроилъ такъ, что Джіованни и дель-Фериче сѣли рядомъ позади ихъ. Съ полдюжины другихъ мужчинъ размѣстились какъ попало, и въ томъ числѣ меланхолическій Спикка, извѣстный дуэлистъ, и нѣкій Казальверде, человѣкъ сомнительной репутаціи. Остальныхъ донна Туллія величала своимъ „кордебалетомъ“. Въ тѣ дни поведеніе донны Тулліи очень сильно критиковалось, и ее считали черезъ-чуръ эмансипированной, какъ тогда выражались. Старые люди широко раскрывали глаза при видѣ веселой молодой вдовы, отправлявшейся пикникомъ въ Кампанью съ цѣлымъ обществомъ мужчинъ. Но еслибы какой-нибудь интимный недругъ рѣшился замѣтить ей, что она подаетъ поводъ къ сплетнямъ, она подняла бы брови, объясняя, что всѣ эти господа были для нея все равно, что братья, а Джіованни, къ тому же, и кузенъ. Она, быть можетъ, удостоила бы сказать, что не сдѣлала бы ничего подобнаго въ Парижѣ, но что въ миломъ старомъ Римѣ чувствуетъ себя какъ бы въ родной семьѣ, не стѣсняется. Теперь она болтала съ Вальдерно, высокимъ, бѣлокурымъ человѣкомъ, съ слабохарактернымъ ртомъ и добродушнымъ нравомъ. Она похитила Джіованни, и хотя онъ сидѣлъ мрачный и молчалъ, но присутствіе его было ей пріятно. Гладкое лицо дель-Фериче выражало самодовольный покой, а его водянистые голубые глаза вяло уставились въ траву, росшую по краямъ дороги.

Нѣкоторое время въ брикѣ царствовало безмолвіе, и Джіованни могъ предаться, безъ помѣхи, размышленіямъ, которыя были невеселаго свойства. Мало-по-малу другіе мужчины заговорили о собакахъ, и Спикка, много разъ бывавшій въ Англіи, высказывалъ нелестныя замѣчанія о римской охотѣ. Дель-Фериче слушалъ молча, а Джіованни вовсе не слушалъ, и, застегнувшись на всѣ пуговицы и закрывъ глаза, курилъ одну папиросу за другой. Вдругъ донна Туллія громко засмѣялась, и слышно было, какъ она, повернувшись лицомъ къ Вальдерно, закричала:

— Неужели вы такъ думаете? Когда же это будетъ? Они у насъ тогда попляшутъ.

— Они говорятъ про политику, — сказалъ дель-Фериче тихимъ голосомъ, обращаясь къ Джіованни. Но послѣдній только пожалъ плечами и продолжалъ курить. Онъ вовсе не желалъ бесѣдовать съ дель-Фериче.

Римскія власти подозрѣвали дель-Фериче въ симпатіяхъ къ революціонерамъ, но не боялись его. Поэтому его не тревожили, хотя онъ и замѣчалъ иногда, что за нимъ слѣдятъ. Но, будучи человѣкомъ, преслѣдующимъ исключительно и во всемъ личныя, а не партійныя цѣли, онъ не придавалъ значенія, какъ говорилъ, чести, оказываемой ему шпіонами, время отъ времени удостоивавшими его своимъ вниманіемъ. Если за нимъ и надзирали, то онъ нисколько не желалъ выставляться мученикомъ въ глазахъ друзей и передавать исторіи про sbirro, преслѣдующихъ его какъ тѣнь. Онъ дѣлалъ видъ, что стоитъ выше подозрѣнія, и рѣдко высказывалъ какія-нибудь мнѣнія. Онъ не былъ пропагандистомъ новыхъ доктринъ; это было слишкомъ опасное дѣло для человѣка его темперамента. Но онъ предвидѣлъ перемѣны и рѣшилъ ими воспользоваться. Ему терять было нечего, а выиграть онъ могъ очень много. И, будучи человѣкомъ терпѣливымъ, рѣшилъ, что извлечетъ изъ революціи возможную пользу, не выходя изъ границъ осторожности. Онъ былъ слишкомъ уменъ, чтобы пытаться вполнѣ провести власти, зная, что ихъ трудно обмануть, и въ виду этого выбралъ средній путь: постоянно толковалъ о прогрессѣ, о народномъ образованіи и о свободѣ печати, но въ то же время громко провозглашалъ, что всѣ эти вещи, какъ и всѣ преимущества цивилизаціи, можно получить безъ всякаго измѣненія въ формѣ правленія.

Такимъ образомъ онъ заявлялъ о своей приверженности свѣтской власти папы, прикидываясь, что вѣритъ въ возможность полезныхъ реформъ, и такимъ же образомъ занялъ положеніе, вполнѣ удовлетворявшее его цѣлямъ: онъ навлекалъ на себя подозрѣнія своими либеральными рѣчами, и затѣмъ обезоруживалъ всякія подозрѣнія безмятежнымъ равнодушіемъ къ шпіонству, какимъ его окружали. Послѣдствіемъ этого было то, что между тѣмъ какъ онъ былъ замѣшанъ въ очень серьезныя дѣла — съ единственною цѣлью извлечь изъ этого личную выгоду, между тѣмъ какъ онъ получалъ деньги за тѣ свѣденія, какія могъ доставить благодаря своему общественному положенію,—власти и большинство знакомыхъ смотрѣли на него какъ на безвреднаго человѣка, который можетъ, конечно, повредить самому себѣ глупыми прогрессивными теоріями, но никому другому. Немногіе догадывались, что его рвеніе къ общественнымъ дѣламъ, взрывы энтузіазма къ либеральному образованію и свободѣ печати были только средствомъ добывать деньгу посредствомъ политики. Онъ былъ такъ скроменъ, такъ непритязателенъ, что никто не подозрѣвалъ, что главной заботой его жизни было нажить большія деньги.

Но подобно многимъ умнымъ, но дурнымъ людямъ, у дель-Фериче былъ одинъ слабый пунктъ, постепенно разроставшійся и мало-по-малу заполонившій его и долженствовавшій ускорить ходъ событій, которыя онъ намѣтилъ про себя. Слабымъ пунктомъ дель-Фериче была непостижимая ненависть къ Джіованни Сарачинеско; и онъ допустилъ это чувство взять перевѣсъ въ его жизни надъ всѣмъ остальнымъ, и главнымъ наслажденіемъ для него стало вредить Джіованни, гдѣ и какъ можно. Какъ это началось и когда — онъ не зналъ и не хотѣлъ знать. Показалось ли ему, что Джіованни третируетъ его свысока и даже, быть можетъ, презираетъ,—но мало-по-малу антипатія къ этому человѣку разрослась и стала главной заботой его существованія.

Завлечь Джіованни въ какой-нибудь политическій заговоръ и затѣмъ, предавъ его, упрятать въ тюрьму или дождаться его ссылки изъ Рима—вотъ планъ, который очень нравился дель-Фериче, и который ему очень желательно было бы привести въ исполненіе. Онъ часто пытался вовлечь Джіованни въ политическій разговоръ, но тщетно. Джіованни пожималъ плечами и былъ непроницаемъ. Дель-Фериче, однако, не отчаявался и пользовался всякимъ случаемъ для возобновленія своихъ попытокъ.

Пикникъ былъ шумный, но Джіованни былъ не въ духѣ; онъ не обращалъ вниманія на заигрыванія донны Тулліи и большею частію отдѣлывался молчаніемъ. Дель-Фериче улыбался и болталъ, болталъ и улыбался, стараясь, по обыкновенію, льстить и угождать доннѣ Тулліи. Мало-по-малу рѣзкій сѣверный вѣтеръ и яркое солнце высушили почву, и m-me Майеръ предложила пройтись пѣшкомъ по дорогѣ къ Риму—предложеніе такое оригинальное, что оно было принято съ восторгомъ. Доннѣ Тулліи хотѣлось пройтись съ Джіованни; но тотъ, подъ предлогомъ, что забылъ что-то въ брикѣ, далъ время Вальдерно занять свое мѣсто. Когда Джіованни пошелъ вслѣдъ за другими, дель-Фериче, какъ будто поджидавшій его, пошелъ съ нимъ рядомъ.

— Мнѣ кажется, — началъ дель-Фериче,—что еслибы вамъ предоставили выборъ, вы бы охотнѣе пошли по всякой другой дорогѣ, чѣмъ по этой.

— Почему? — беззаботно спросилъ Джіованни.—Эта дорога очень хороша.

— Мнѣ кажется, что наша римская Кампанья не представляетъ никакихъ прелестей для землевладѣльцевъ, какъ вы.

— Почему? для пастбища она очень хороша.

— Могла бы быть лучше. Когда подумаешь, что въ древнія времена она вся была застроена виллами...

— Теперь другія условія. Мы живемъ не въ древнія времена, — сухо сказалъ Джіованни.

— Другія условія!—вздохнулъ дель-Фериче.—То-то и есть; но вѣдь условія зависятъ больше отъ людей, нежели отъ природы. То, чего добивались наши предки посредствомъ закона и энергіи, мы могли бы возстановить при помощи закона же и энергіи.

— Вы глубоко ошибаетесь. Потребовалось бы въ пять разъ больше энергіи, чѣмъ было у древнихъ римлянъ, чтобы превратить Кампанью въ цвѣтущій садъ. Никто не можетъ быть въ пять разъ энергичнѣе древнихъ; что касается законовъ, то они вполнѣ хороши.

Дель-Фериче былъ въ восторгѣ. Впервые Джіованни удостоивалъ съ нимъ спорить.

— Развѣ условія такъ различны? Я этого не вижу. Та же холмистая мѣстность, тотъ же климатъ...

— И вдвое больше воды, —перебилъ Джіованни.—Вы забываете, что Кампанья очень низка, и что ея рѣки очень поднялись. Еслибы городъ былъ выстроенъ на прежнемъ уровнѣ, то постоянно заливался бы водой. Рѣки поднялись и превратили почву въ болото. Неужели вы думаете, что какой бы то ни было законъ или энергія могли бы отвести въ море воду изъ этихъ зараженныхъ лихорадкою мѣстностей? Я не думаю.

— Ну да, это одинъ изъ тѣхъ великихъ вопросовъ, которые будутъ современемъ разрѣшены,—сказалъ дель-Фериче.—Вы не станете отрицать, что нашей странѣ необходимы многія улучшенія, и что распространеніе прогрессивныхъ идей было бы полезно.

— Можетъ быть; но вы понимаете одно подъ прогрессомъ, а я другое.

— Я понимаю положительное улучшеніе безъ революціонныхъ перемѣнъ.

— Извините,—вѣжливо замѣтилъ Джіованни, зорко поглядѣвъ на своего спутника,—если я выскажу сомнѣнія въ искренности вашего заявленія. Я, напротивъ того, думаю, что вы положительно связываете идею объ улучшеніяхъ съ весьма положительными революціонными перемѣнами.

Дель-Фериче невольно оглянулся. Времена были такія, когда всѣ боялись, чтобы ихъ кто-нибудь не подслушивалъ. Но дель-Фериче зналъ, съ кѣмъ говорить, и что единственное средство продолжать разговоръ—это не отнѣкиваться и такимъ образомъ косвенно выразить довѣріе собесѣднику.

— Согласны ли вы прямо отвѣтить на прямой вопросъ? — важно спросилъ онъ.

— Задайте сперва вашъ вопросъ,—отвѣчалъ Джіованни.

Онъ тоже зналъ, съ кѣмъ говоритъ, и не придавалъ словамъ собесѣдника больше значенія, чѣмъ словамъ попугая.

— Вы наслѣдникъ въ родѣ, который съ незапамятныхъ временъ былъ въ оппозиціи съ папой. Нельзя представить себѣ, чтобы вы были всей душой преданы его свѣтской власти. Скажите откровенно: какъ бы вы отнеслись къ тѣмъ революціоннымъ перемѣнамъ, въ желаніи которыхъ меня подозрѣваете?

— Не вижу причины скрывать это отъ васъ. Я бы примирился съ неизбѣжнымъ.

— Но развѣ вы не думаете, что отмѣна свѣтской власти папы была бы большимъ преимуществомъ для Рима?

— Нѣтъ, не думаю. Для Италіи можетъ быть, но не для Рима. Италія упрочила бы свое обаяніе и сразу заняла бы высокое мѣсто среди европейскихъ державъ. Но Римъ былъ бы разоренъ, и мы всѣ обѣднѣли бы, потому что цѣны на всѣ предметы поднялись бы, а налоги увеличились. Нѣтъ, оставляя даже въ сторонѣ вопросъ о симпатіяхъ и преданности папѣ, даже съ личной точки зрѣнія, я не желаю перемѣнъ. Никакой богатый человѣкъ не можетъ ихъ желать; революціонный духъ свойственъ только тѣмъ, у кого ничего нѣтъ.

— Но, съ другой стороны, тѣ, у кого ничего нѣтъ или почти ничего, находятся въ большинствѣ.

— Даже еслибы это было и справедливо,—въ чемъ я сомнѣваюсь,—все же я не вижу причины, почему невѣжественное большинство должно управлять образованнымъ меньшинствомъ.

— Но вы забываете, что большинство получитъ образованіе.

— Образованіе—такой терминъ, котораго нельзя опредѣлить. Каждый школьный учитель образованнѣе насъ съ вами. Что же, желали ли бы вы, чтобы нами управляли школьные учителя? Образованіе того рода, какой имѣетъ практическое значеніе въ управленіи націей, не дается въ школахъ; оно должно научить разбираться въ людскихъ страстяхъ, чувствахъ и побужденіяхъ, гуманизировать идеи и установить какую-нибудь систему, посредствомъ которой большинство избирателей съумѣло бы отличать присутствіе въ ихъ кандидатахъ тѣхъ качествъ, какія желательны: честности и здраваго смысла. Я не знаю, въ чемъ должна состоять эта система, но утверждаю, что никакое образованіе, если оно не дастъ этого рода знанія, не представитъ практической выгоды вотирующему большинству въ странѣ съ конституціоннымъ правленіемъ.

Дель-Фериче печально вздохнулъ.

— Я боюсь, что вы не найдете такой системы нигдѣ въ Европѣ,—сказалъ онъ.

Онъ разочаровался и въ Джіованни, и въ надеждѣ найти въ немъ признаки революціоннаго духа.

— Въ этомъ я съ вами согласенъ,—отвѣтилъ Сарачинеско. —Тѣхъ улучшеній, въ какихъ мы именно нуждаемся, мы, конечно, не найдемъ въ Европѣ... Но донна Туллія зоветъ насъ. Намъ лучше присоединиться къ безвредному стаду барановъ, нежели разсуждать о выгодѣ или невыгодѣ предаться въ руки волковъ, которые пожрутъ насъ съ кожей и костями, съ домами и со всѣмъ нашимъ имуществомъ...

И такимъ образомъ вся компанія снова разсѣлась по мѣстамъ въ брикѣ; Вальдерно привезъ ихъ въ Римъ черезъ Porta San-Giovanni.

А. Э.

НОВѢЙШІЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ САЛТЫКОВА

„Въ жизни знаменитыхъ русскихъ писателей—когда она не обрывается преждевременно какой-нибудь катастрофой — слишкомъ часто наступаетъ раннее утомленіе, оскудѣніе творчества, паденіе или, по крайней мѣрѣ, застой таланта. Въ литературной дѣятельности Салтыкова, продолжающейся уже тридцать пять лѣтъ, не замѣтно ничего подобнаго. Озираясь мысленно на длинный путь, пройденный нашимъ сатирикомъ, нельзя не замѣтить постепеннаго возрастанія его силъ, постепеннаго расширенія его горизонта". Такъ говорили мы пять лѣтъ тому назадъ, заканчивая нашъ этюдъ о Щедринской сатирѣ [1]); то же самое, съ бо́льшей еще увѣренностью и бо́льшей силой, можно повторить и теперь, въ виду новѣйшихъ произведеній Салтыкова. А между тѣмъ, чего только ни перенесъ, въ послѣдніе годы, нашъ многострадальный писатель! Говоря его собственными словами (въ первомъ изъ „Пестрыхъ писемъ"), онъ потерялъ, на время, „употребленіе языка"; подобно Крамольникову („Сказка-элегія"), онъ ощутилъ, совершенно неожиданно и совершенно явственно, что „его вчерашнее *бытіе* какимъ-то волшебствомъ превратилось сегодня въ *небытіе*". Его постигла, затѣмъ—уже не въ переносномъ, а въ буквальномъ смыслѣ слова—тяжкая, мучительная болѣзнь. „Боленъ я—восклицаетъ онъ въ первой главѣ „Мелочей жизни"—невыносимо. Недугъ впился въ меня всѣми когтями и не выпускаетъ изъ нихъ. Изможденное тѣло ничего не можетъ ему

[1]) „Вѣстникъ Европы" 1883 г., №№ 1, 2, 3, 4, 5.

противопоставить. Ночи провожу въ тревожномъ снѣ, пишу рѣдко и съ большимъ мученьемъ, читать не могу вовсе и даже—слышать чтеніе. По временамъ самый голосъ человѣческій мнѣ нестерпимъ". И все-таки, за исключеніемъ короткихъ, вынужденныхъ промежутковъ, больной писатель не покидаетъ пера; его творчество остается сильнымъ и свободнымъ среди самыхъ тяжелыхъ внѣшнихъ условій. Написанное въ минуты, „вырванныя у жаднаго недуга", не уступаетъ созданному въ эпоху полной физической бодрости. Поразительна, при этомъ, и неуклонная вѣрность однажды избранной дорогѣ, поразительна тѣмъ болѣе, что причину болѣзни, его гнетущей, самъ авторъ видитъ въ *писательствѣ*. „Ахъ, это писательское ремесло! Это не только мука, но цѣлый душевный адъ. Капля по каплѣ сочится писательская кровь, прежде нежели попадетъ подъ печатный станокъ. Чего со мною ни дѣлали! И вырѣзывали, урѣзывали, и перетолковывали, и цѣликомъ запрещали, и всенародно объявляли, что я вредный, вредный, вредный. Трудно повѣрить, а въ провинціи власть имущіе дѣлали гримасы, встрѣтивъ гдѣ-нибудь мою книгу. Какимъ образомъ этотъ вредный писатель попалъ сюда?—вотъ вопросъ, который считался самымъ натуральнымъ относительно моихъ сочиненій, встрѣченныхъ гдѣ-нибудь въ библіотекѣ или въ клубѣ... Въ родномъ городѣ нѣкто пожертвовалъ въ мѣстный музей мой бюстъ. Стоялъ-стоялъ этотъ бюстъ года два благополучно — и вдругъ его куда-то вынесли. Оказалось, что я—вредный"... Не всякому дана способность равнодушно переносить булавочные уколы, обращающіеся иногда въ настоящее истязаніе. Чѣмъ глубже чувство, вдохновляющее писателя, чѣмъ сильнѣе его вѣра въ идеалъ, проповѣдуемый „могучимъ словомъ отрицанія", тѣмъ оскорбительнѣе для него непониманіе, недовѣріе, достающееся на его долю. Хорошо еще, еслибы оно шло только съ одной стороны, выражалось только въ запрещеніяхъ и сокращеніяхъ; въ данномъ случаѣ область его гораздо шире—оно захватываетъ часть публики, возводится въ систему „читателемъ-ненавистникомъ", принимается на вѣру „солиднымъ читателемъ", порабощаетъ „читателя-простеца". Чтобы не сложить оружія, чтобы идти впередъ, не смотря на ужасающую массу намѣренныхъ и ненамѣренныхъ недоразумѣній, нужна та страстная любовь къ печатному слову, которую столько разъ исповѣдывалъ Салтыковъ, нужно твердое убѣжденіе въ его непреодолимой силѣ. „Литература не умретъ, не умретъ во вѣки вѣковъ! Ничто такъ не соприкасается съ идеей о вѣчности, ничто такъ не поясняетъ ее, какъ представленіе о литературѣ... Не будь того свѣточа, кото-

рый литература всюду приноситъ съ собой, и звуки, и краски, и линіи—все было бы смѣшеніе, хаосъ. Одна литература имѣетъ привилегію *гласить во всѣ концы*, она одна имѣетъ даръ всѣхъ соединять подъ сѣнію своею, всѣмъ давать возможность вкусить отъ сладостей общенія". Этого взгляда на литературу, выраженнаго Салтыковымъ девять лѣтъ тому назадъ („Круглый годъ"), онъ держится, очевидно, и до сихъ поръ, и, благодаря ему, раненый, истекающій кровью, остается въ первомъ ряду сражающихся. Понятіе о жизни сливается для него съ понятіемъ о борьбѣ; къ нему примѣнимы вполнѣ слова нѣмецкаго поэта:

Denn ich bin ein Mensch gewesen
Und das heisst—ein Kämpfer sein.

Заглавіе статьи, которую мы теперь хотимъ дополнить: „Русская общественная жизнь въ сатирѣ Салтыкова"—было избрано нами не случайно. Мы думали и продолжаемъ думать, что въ Щедринской сатирѣ отражается русское общество, сначала такимъ, какимъ его застала великая эпоха реформъ, потомъ такимъ, какимъ оно постепенно становилось подъ вліяніемъ преобразованій и контръ-преобразованій, подъ вліяніемъ движенія и застоя, прогресса и реакціи. Теперь, какъ и прежде, происходитъ постоянная смѣна теченій, измѣняющихъ внѣшній видъ и внутреннее настроеніе общества; теперь, какъ и прежде, каждая новая метаморфоза, въ главныхъ своихъ чертахъ, переносится на громадное полотно, надъ которымъ уже цѣлую треть вѣка работаетъ кисть Салтыкова. Мы разстались съ этой работой въ то время, когда ея послѣднимъ словомъ были „Письма къ тетенькѣ" (1882) и „Современная Идиллія" (1883), послѣдними сюжетами—такъ-называемая „народная политика" и періодъ „выжиданія", характеризуемый девизомъ: „погодить надо" [1]). За періодомъ выжиданія послѣдовала эпоха „перехода отъ фразы къ дѣлу"; въ творчествѣ Щедрина ей соотвѣтствуютъ „Недоконченныя бесѣды" и „Пошехонскіе разсказы" [2]). „Пестрое время" изображено въ „Пестрыхъ письмахъ" (1886), непосредственнымъ продолженіемъ которыхъ являются „Мелочи жизни" (1887). Параллельно съ главной дорогой извивается капризная тропинка „Сказокъ" (1886),

[1]) „Современной Идилліи" мы посвятили отдѣльную замѣтку въ № 11 „В. Европы" за 1883 г.

[2]) Отдѣльными книгами „Недоконченныя бесѣды" и „Пошехонскіе разсказы" вышли въ 1885 г., но первое появленіе ихъ въ печати (за исключеніемъ первыхъ пяти „бесѣдъ", написанныхъ еще въ семидесятыхъ годахъ) относится къ концу 1883 и началу 1884 года.

то забѣгающая въ область фантазіи, то возвращающаяся на почву реальнаго міра. Во всѣхъ названныхъ нами книгахъ сатирикъ часто уступаетъ мѣсто художнику; въ авторѣ „Пестрыхъ писемъ“ и „Мелочей жизни“ мы узнаемъ, на каждомъ шагу, автора „Господъ Головлевыхъ“. Прямымъ дополненіемъ къ исторіи Іудушки служитъ „Пошехонская старина“, еще развертывающаяся передъ глазами нашихъ читателей.

„Наше время — не время широкихъ задачъ“. Такова была формула, провозглашенная въ началѣ семидесятыхъ годовъ и долго служившая мишенью для стрѣлъ сатирика. Не успѣли еще отзвучать ея послѣдніе отголоски, какъ на смѣну ея явилась другая, болѣе смѣлая: „прочь мечтанья, прочь волшебные сны, прочь фразы! пора, наконецъ, за дѣло взяться!“ Вооружаясь противъ фразъ, эта формула была сама не чѣмъ инымъ, какъ фразой, и вдобавокъ, по выраженію Салтыкова, „фразой не новой, а засиженной, истрепанной, почти истлѣвшей подъ наслоеніями пыли и плѣсени — фразой, которую въ любомъ архивѣ, на любой полкѣ можно прочесть въ безконечномъ разнообразіи редакцій“. „Я не поклонникъ фразы“,—читаемъ мы въ „Пошехонскихъ разсказахъ“,—даже въ тѣхъ случаяхъ, когда она представляетъ собою образецъ чеканки и округленности; но въ то же время я не могу не сравнивать. Въ прежней фразѣ, отъ которой мы отрекаемся, все-таки слышалось нѣчто хотя неясное, недосказанное, но не идущее въ разрѣзъ человѣческой природѣ. Прежняя фраза не давала разрѣшеній, не указывала ни прямыхъ цѣлей, ни путей для достиженія ихъ; но она не отравляла, не засоряла мозговъ. Нынѣшняя посконная фраза прежде всего противна человѣческому естеству. Надо перестать быть человѣкомъ, чтобъ формулировать ее, не краснѣя. Отъ этого-то такъ часто слышится, рядомъ съ нею, напоминаніе объ участкѣ“. Новоявленная формула исполнена внутреннихъ противорѣчій. Она протестуетъ противъ работы мысли и, вмѣстѣ съ тѣмъ, цѣпляется за обрывки и кусочки мыслей, чтобы доказать свое право на существованіе. Она взываетъ къ народному здравому смыслу, видитъ въ немъ охрану противъ „растлѣвающей цивилизаціи“ — и вмѣстѣ съ тѣмъ вопіетъ о распущенности и разнузданности народа, о необходимости „страха“, какъ средства укрощенія и управленія. Въ сущности, передъ нами происходитъ продолженіе стариннаго спора, вступившаго изъ „періода состязаній“ въ періодъ „приказательнаго чревовѣщанія“. Въ періоды состязаній,—говоритъ сатирикъ устами Крамольникова,—вопросъ ставится такъ: одни видятъ высшую задачу человѣческой дѣятельности въ содѣйствіи къ

разрѣшенію вопросовъ всесторонняго человѣческаго развитія, и эту задачу называютъ *дѣломъ*; другіе, напротивъ, не признавая неизбѣжности человѣческаго развитія, ту же самую задачу называютъ мечтаніемъ, фразой. Въ періоды чревовѣщаній, ряды защитниковъ высшихъ задачъ постепенно рѣдѣютъ и, наконецъ, совсѣмъ умолкаютъ; напротивъ того, чревовѣщатели смѣло выступаютъ впередъ и, не встрѣчая ни откуда препятствія, открываютъ односторонній бой, наполняя при этомъ веси и грады всяческимъ сквернословіемъ и проклятіями". Къ какому же *дѣлу* несутся ихъ сердца? „А вотъ къ какому: къ упраздненію человѣческой мысли, къ доведенію человѣческой рѣчи до степени бормотанія. Кому же, въ данномъ случаѣ, болѣе приличествуетъ кличка мечтателей? Тѣмъ ли, которые, не смотря на мракъ, окутывающій будущее, все-таки не теряютъ изъ вида законовъ человѣческаго совершенствованія, или тѣмъ, которые осуждаютъ людей на то, чтобы сидѣть, упершись лбомъ въ стѣну, и въ безмолвіи ожидать, пока она на нихъ повалится?.."

Исканіе *дѣла*, лишенное идеаловъ въ будущемъ, непремѣнно должно обращаться къ прошедшему и принимать, такъ сказать, кладбищенскій характеръ. Какъ бы ни былъ высокъ надгробный холмъ, какъ бы ни былъ тяжелъ надгробный крестъ, они не мѣшаютъ разрытію могилы, раскрытію гроба, извлеченію тлѣющихъ въ немъ костей, не мѣшаютъ попыткамъ воскресить покойника или, по крайней мѣрѣ, пустить въ оборотъ похороненные вмѣстѣ съ нимъ аттрибуты его угасшей власти. Покойникъ, котораго стараются поднять наши искатели *дѣла*—это до-реформенный строй, погребенный 19-го февраля 1861 года. Его черты многими уже забыты, многимъ вовсе неизвѣстны по личному опыту; весьма важно, поэтому, показать ихъ въ настоящемъ ихъ видѣ, освѣтить потемки, среди которыхъ работаютъ и на которыя разсчитываютъ гробокопатели. Такимъ лучемъ свѣта является второй изъ „Пошехонскихъ разсказовъ", повидимому полный комизма, а на самомъ дѣлѣ болѣе чѣмъ серьезный. Передъ читателями проходитъ цѣлая вереница „добродѣтельныхъ" представителей „добраго стараго времени" — городничихъ, исправниковъ, предводителей, уѣздныхъ судей. Для тѣхъ, кто способенъ принять эту „добродѣтель" за чистую монету, присовокупляется напоминаніе, что возвращеніе въ потерянный рай сопряжено съ немалыми трудностями. „Въ до-реформенное время почти всѣ служебныя должности занимались, въ губерніяхъ и уѣздахъ, по выбору отъ дворянства. Поэтому, все тогда было благородно. Правилъ насчетъ благородства никакихъ не было, а просто

предполагалось, что отъ благородныхъ людей слѣдуетъ ожидать и благородныхъ поступковъ. Благородные люди не входили другъ съ другомъ въ соглашеніе, и, тѣмъ не менѣе, гармонія была полная. Не было ни съѣздовъ, ни обмѣна мыслей, ни возбужденія и разрѣшенія вопросовъ, а всякій понималъ свое дѣло столь отлично, какъ будто сейчасъ со съѣзда пріѣхалъ. Каждый дѣйствовалъ за себя лично, но эти личныя дѣйствія сливались въ одномъ согласномъ хорѣ, въ которомъ ни единаго диссонанса не было слышно. Удивительное это время было, волшебное, и называлось оно *порядкомъ вещей*... Неудивительно, что оно оставило въ избранныхъ душахъ благодарныя воспоминанія. Еще менѣе удивительно, что въ средѣ этихъ избранниковъ прорывается стремленіе возстановить волшебныя времена и возвратиться къ тому спокойному и величаво-благородному жизненному теченію, которое составляло ихъ существенное обаяніе. Къ сожалѣнію, избранники обыкновенно упоминаютъ при этомъ о какомъ-то *дворянскомъ принципѣ*. Тогда, дескать, дворянскій принципъ господствовалъ, оттого и было всѣмъ хорошо. Возстановимте опять этотъ принципъ — и опять будетъ всѣмъ хорошо. Но это не такъ. Во времена, о которыхъ идетъ рѣчь, никакихъ принциповъ не было—вотъ отчего было всѣмъ хорошо. Это-то именно и называлось *порядкомъ вещей*. Существовало нѣчто въ родѣ запертой пагоды, безъ оконъ и дверей, въ которой хранились никому неизвѣстныя и недоступныя письмена". Стремиться къ старинѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ говорить о принципахъ, значитъ ломиться въ двери этой пагоды—и рисковать раскрытіемъ письменъ, въ которыхъ не обнаружится, пожалуй, ровно ничего почтеннаго и обаятельнаго. „Ни пытливости, ни принциповъ"—вотъ девизъ, рекомендуемый сатирикомъ для движенія впередъ, равносильнаго движенію назадъ. „И главное, чтобы безъ шуму; чтобы никто, ни о чемъ, никому, ни гу-гу". Этотъ послѣдній совѣтъ остался неисполненнымъ, да едва ли онъ и былъ исполнимъ; но насчетъ отсутствія принциповъ наши „назадняки" (новое выраженіе, пущенное въ ходъ профессоромъ Ламанскимъ) не оставляютъ желать ничего лучшаго. Жаль только, что они не перестаютъ что-то „бормотать" о „дворянскомъ принципѣ".

Кромѣ „принциповъ", у искателей „дѣла" есть еще одно излюбленное словечко: *основы*. Исторія этого словечка—фантастическая, но, тѣмъ не менѣе, отнюдь не висящая на воздухѣ—пріурочена Салтыковымъ къ подвигамъ Никиты Беркутова (второго изъ „пошехонскихъ реформаторовъ") и къ передовицамъ „Уединеннаго Пошехонца". Беркутовъ, прежде дѣйствовавшій больше

по части „первыхъ двухъ пунктовъ", пришелъ къ убѣжденію, что „несравненно удобнѣйшимъ поводомъ для уловленій могутъ служить такъ-называемыя *основы*, какъ по растяжимости понятія, ими выражаемаго, такъ и потому, что онѣ затрогиваютъ не столько умъ и чувство человѣка, сколько его шкуру". Въ проповѣди „Уединеннаго Пошехонца" главную роль изъ числа основъ играла собственность; объ остальныхъ основахъ — говорилъ онъ — „въ полицейскомъ управленіи имѣются лишь скудныя свѣденія, но въ ближайшемъ будущемъ ожидается отъ губернскаго правленія подробное по сему предмету разъясненіе". Къ поддержанію основъ призывалось и общество, но съ такой оговоркой: „не для того содѣйствіе обывателей нужно, чтобы г. исправникъ потребность въ ономъ ощущалъ, а для того, чтобы сами обыватели въ полезныхъ упражненіяхъ время препровождали". Понимаемыя извѣстнымъ образомъ, *основы* сливаются въ одно цѣлое съ „препонами" — и въ третьемъ „Пошехонскомъ разсказѣ" чиновникъ „департамента Препонъ" недаромъ грозитъ упраздненіемъ не только „департаменту Пересмотровъ и Преуспѣяній", но и „департаменту Оговорокъ", т.-е. самому Жюстмильё. На нижней ступенькѣ лѣстницы, созидаемой во имя „основъ" и „препонъ", стоятъ Скорпіоновъ и Тарантуловъ, добывающіе себѣ пропитаніе „похвальными поступками", испускающіе „охранительные звуки" и довольно дешево продающіе свою снисходительность къ „мечтаніямъ". На другихъ ступенькахъ размѣщаются Скорняковъ, нѣкогда западникъ, потомъ славянофилъ, еще позже признавшій за благо сдѣлаться „простымъ русскимъ человѣкомъ" и выработавшій себѣ „особую русскую точку зрѣнія, въ основаніи которой лежитъ исполненіе предписаній начальства" („Пестрыя письма", IX); „Ѳедотъ да не тотъ" — превосходный исполнитель и вмѣстѣ съ тѣмъ неутомимый прожектеръ, къ „волшебнымъ" планамъ котораго мы еще будемъ имѣть случай возвратиться („Пестрыя письма", III); „новозавѣтный шалопай" Ростокинъ, „обучавшійся краткимъ наукамъ" и считающій себя, поэтому, въ правѣ не „корпѣть", а прямо „мѣтить", т.-е. принять немаловажное участіе въ предстоящей „общей передѣлкѣ" (исходной его точкой служитъ формула: tout est à refaire); „государственный послушникъ" или „государственный доктринеръ" Люберцевъ, замѣняющій мало-по малу идею государственности идеей о бюрократіи, интересъ государства — интересомъ казны („Мелочи жизни", VII). Къ этимъ представителямъ чиновнаго міра примыкаетъ „счастливецъ" Крутицынъ („Мелочи жизни", XII), всю свою жизнь „высоко державшій сословное знамя". Было время, когда онъ отвер-

галъ необходимость борьбы; интересы „знамени“ заставили его измѣнить этому взгляду и приступить къ борьбѣ, наименовавъ ее только, для успокоенія совѣсти, „отстаиваньемъ освященныхъ вѣками интересовъ“. Было время, когда онъ „фыркалъ“ на бюрократію и гордился своей независимостью; теперь онъ пришелъ къ убѣжденію, что „между интересами бюрократическими и сословными не только не существуетъ ни малѣйшей розни, но, напротивъ, первые споспѣшествуютъ вторымъ, а вторые оплодотворяютъ первые“. „Сословная обезпеченность—таковъ его окончательный выводъ—можетъ быть достигнута только при соотвѣтствующемъ устройствѣ всего государственнаго уклада“... Крутицынъ—открытый союзникъ искателей „дѣла“; но у послѣднихъ есть и тайные приспѣшники, выведенные на сцену въ „Пестрыхъ письмахъ“ подъ именемъ „анти-реформенныхъ бунтарей“. Правда, эти оригинальные заговорщики были потребованы къ отвѣту, но имъ нетрудно было убѣлиться паче снѣга; вѣдь на печати изъ общества вырѣзанъ былъ ультра-благонадежный девизъ: поспѣшай обратно! „Идите съ миромъ и продолжайте вашу благонамѣренно-преступную дѣятельность!“—воскликнулъ презусъ слѣдственной коммиссіи, отпуская по домамъ безвинно-обиженныхъ генераловъ: „ваши намѣренія благовременны и тайнымъ совѣтникамъ свойственны. Объ одномъ прошу васъ: будьте осмотрительны въ выборѣ вашихъ соумышленниковъ. Помните, что коварство на каждомъ шагу подстерегаетъ васъ, и что, благодаря ему, благовременное можетъ сдѣлаться неблаговременнымъ и благонамѣренное—неблагонамѣреннымъ!“ Въ такомъ напутствіи едва ли предстояла надобность; современнымъ „анти-реформеннымъ бунтарямъ“ незачѣмъ вступать въ опасныя связи, потому что они безъ всякихъ затрудненій могутъ пополнять свои ряды соумышленниками несомнѣнно благонадежными.

На страницахъ программы, выражаемой, вкратцѣ, словами: tout est à refaire, большую роль играетъ, какъ извѣстно, упраздненіе самостоятельнаго суда, повиннаго въ тяжкихъ прегрѣшеніяхъ—въ водвореніи „самочиннаго самодержавія“, въ „расхищеніи власти“. „Стоитъ только заправскому властителю думъ—такъ формулируется это обвиненіе въ „Недоконченныхъ бесѣдахъ“—засадить Ивана Непомнящаго въ кутузку, какъ самочинный властитель думъ въ ту же минуту выростаетъ изъ-подъ земли и освобождаетъ Ивана изъ кутузки; и наоборотъ, не успѣетъ заправскій властитель думъ поощрить Ивана Благонамѣреннаго, какъ самозванецъ уже тащитъ его на скамью подсудимыхъ. И все—нарочно“. Что въ Россіи издавна и непрерывно совершаются

расхищенія всякаго рода—въ томъ числѣ и расхищеніе власти—этого сатирикъ не отрицаетъ; ему кажется только, что охранительное усердіе направляется вовсе не туда, куда слѣдуетъ. Настоящіе „расхитители власти"—это „лукавые рабы, обдѣлывающіе, подъ прикрытіемъ ея обаянія, свои личныя дѣлишки", или „самоуправцы, по милости которыхъ существованіе въ провинціи становится годъ отъ году болѣе и болѣе загадочнымъ". А между тѣмъ, „о подлинныхъ расхитителяхъ охранительная публицистика въ большинствѣ случаевъ проходитъ молчаніемъ, нѣкоторыхъ же изъ нихъ—напримѣръ самоуправцевъ — даже похваляетъ". Другое дѣло—судебныя учрежденія; по отношенію къ нимъ все считается пригоднымъ и умѣстнымъ—„и слѣпая ярость, и клевета, и раскатистый хохотъ... Не странно ли видѣть, что въ сферѣ охранительной можетъ существовать пресса, которая слово *легальность* произноситъ не иначе, какъ съ прибавленіемъ паскуднаго: risum teneatis amici?"..

„Охранительная", т.-е. псевдо-охранительная пресса тѣмъ болѣе ненавистна Салтыкову, чѣмъ выше, въ его глазахъ, призваніе и роль литературы. Мы знаемъ, чего онъ отъ нея ожидалъ, какія возлагалъ на нее задачи—и легко можемъ себѣ представить, какое впечатлѣніе должны производить на него не только „Уединенные Пошехонцы", проповѣдники систематической травли и насильственнаго „отрезвленія", но и газеты увеселительно-консервативнаго пошиба, органы Непомнящихъ („Газетчикъ", въ „Мелочахъ жизни") и Подхалимовыхъ („Пестрыя письма", V). Когда Подхалимовъ говоритъ ему: „печать—сила", передъ нимъ проносится что-то далекое, свѣтлое, бодрое... „Ни одинъ изъ бывшихъ свидѣтелей этого далекаго—я не исключаю даже старшихъ изъ Подхалимовыхъ—не можетъ вспомнить о немъ безъ умиленія. Гдѣ-то, когда-то я слышалъ эти самыя слова (*печать—сила*), не въ этой обстановкѣ, не изъ этихъ устъ, но слышалъ, несомнѣнно слышалъ. Я помню, что они поднимали мой духъ и наполняли мое сердце сладостною тревогою. Вмѣстѣ съ другими я вѣрилъ, что печать есть сила и что этой силѣ суждено развиваться и сдѣлаться несокрушимою". И что же? Сила оказывается на-лицо, но пользуются ею Беркутовы и Подхалимовы! Это случилось не вдругъ; вторженіе улицы въ литературу наблюдалось сатирикомъ уже давно, редакція „Помоевъ" была выведена имъ на сцену еще въ „Письмахъ къ тетенькѣ"—но потокъ, уносящій старыя литературныя преданія, поднимается все выше и выше, и „ликующая" печать все больше и больше обрѣтается въ авантажѣ сравнительно съ „трепещущей". „Спросите Непо-

мнящаго, что онъ хочетъ, какія цѣли преслѣдуетъ его газета? и ежели въ немъ сохранилась хоть капля искренности, то вы услышите отвѣтъ: хочу подписчика" — и тѣсно связанныхъ съ подписчикомъ объявленій. Благодаря подписчикамъ и объявленіямъ, газета составляетъ сокровище, которое Непомнящій бережетъ, какъ зѣницу ока. „Въ виду упроченія ея будущаго, не должно быть рѣчи ни объ идеяхъ, ни о цѣляхъ, ни объ убѣжденіяхъ. Непомнящій употребляетъ всѣ средства, чтобы проникнуть въ мысль и вкусы вліятельной среды, справляется у приспѣшниковъ, угадываетъ смыслъ улыбокъ и тѣлодвиженій, напоминаетъ о своей неизмѣнной готовности, а иногда даже удостоивается собесѣдованій. Язвить онъ исключительно безоружныхъ, тѣхъ, которые на его науськиванье не могутъ дать прямого отпора". Чѣмъ же отвѣчаетъ на „безшабашность" Непомнящаго общее теченіе жизни? Отворачивается ли оно отъ нея, или идетъ ей на встрѣчу? „На этотъ вопросъ — говоритъ сатирикъ — я не могу дать вполнѣ опредѣленнаго отвѣта. Думаю, однакожъ, что современная жизнь настолько заражена тлѣніемъ всякаго рода крохъ, что одно лишнее зловоніе не составляетъ счета. Мелочи до такой степени переполнили ее и перепутались между собою, что критическое отношеніе къ нимъ сдѣлалось труднымъ. Приходится принимать ихъ—только и всего".

Констатировать пассивное отношеніе общества къ „мелочамъ жизни"—не значитъ еще примириться съ нимъ. Вся послѣдняя книга Салтыкова представляетъ собою страстный протестъ противъ такого примиренія. Въ увеличивающемся господствѣ „мелочей" онъ видитъ опасность, тѣмъ болѣе грозную, чѣмъ больше надвигаются и ростутъ крупные вопросы жизни. Забываемые, пренебрегаемые, заглушаемые шумомъ и трескомъ будничной суеты, они напрасно стучатся въ дверь, которая не можетъ, однако, вѣчно оставаться для нихъ закрытой. „Прозябаніе", обусловливаемое торжествомъ „мелочей", также не можетъ быть безсрочнымъ; чрезмѣрная продолжительность его угрожаетъ „гніеніемъ" — или смутой. Сердечная боль, овладѣвающая Салтыковымъ при мысли о будущемъ, о томъ будущемъ, которымъ чревата покорность „мелочамъ жизни", увлекаетъ его за обычную границу его сатиры. Не довольствуясь образной, иносказательной рѣчью, не останавливаясь на отрицаніи, онъ прямо указываетъ выходъ изъ колеса, въ которомъ вертится современная жизнь. „Человѣчество—говоритъ онъ—безсрочно будетъ томиться подъ игомъ мелочей, ежели заблаговременно не получится полной свободы въ обсужденіи идеаловъ будущаго". Пятая глава „Мелочей жизни",

развивающая этотъ основной тезисъ, памятна, безъ сомнѣнія, читателямъ нашего журнала. Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что она бросаетъ отраженный свѣтъ на все творчество Салтыкова, раскрываетъ первоисточникъ его сатиры, устраняетъ возможность сомнѣній въ наличности и окраскѣ положительнаго ея содержанія.

Въ прежнихъ произведеніяхъ Салтыкова мы встрѣчались не разъ съ „тѣнью грядущихъ событій"; оправданіе его „преувеличеній"—т.-е. преувеличеній съ точки зрѣнія данной минуты—не разъ брала на себя позднѣйшая дѣйствительность. Даръ предвидѣнія не измѣнилъ ему и въ послѣднее время. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только прочесть слѣдующій отрывокъ изъ „Мелочей жизни", и вспомнить, что онъ написанъ не въ 1887, а въ 1886 году: „надъ всей школой тяготѣетъ нивеллирующая рука циркуляра. Опредѣляются во всей подробности не только предѣлы и содержаніе знанія, но и число годовыхъ часовъ, посвящаемыхъ каждой отрасли его. Не стремленіе къ распространенію знанія стоитъ на первомъ планѣ, а глухая боязнь этого распространенія... О личности педагога забыто; онъ обязывается выполнить букву циркуляра — и больше ничего... Мало того: *при самомъ входѣ въ школу о всякомъ жаждущемъ знанія находится справка—дворянинъ или мѣщанинъ?*" Всѣмъ извѣстно, какое значеніе дано этой справкѣ съ нынѣшняго учебнаго года... Тѣмъ же угадывающимъ, если можно такъ выразиться, характеромъ отличается и „проектъ обновленія", составленный Стрѣловымъ („Пестрыя письма") и озаглавленный: „Время не терпитъ". „Въ сущности, это былъ проектъ всеобщаго упраздненія; но такъ какъ нынѣ всѣ уже согласны, что въ упраздненіи-то и заключается обновленіе, то терминологія Стрѣлова была принята безъ особенныхъ затрудненій. Онъ предлагалъ упразднить все: суды, земство, крестьянское самоуправленіе. Всѣ уѣзды онъ дѣлилъ на попечительства, по числу наличныхъ дворянъ-землевладѣльцевъ или ихъ довѣренныхъ, и съ подчиненіемъ всѣхъ попечителей предводителю. Въ рукахъ попечителей перепутана была власть судебная, административная и полицейская. Они завѣдывали народною нравственностью, образованіемъ, зрѣлищами, играми и забавами. Обязаны были устранять вредные обычаи и искоренять сквернословіе Но преимущественно смотрѣть, чтобъ мужикъ не лѣнился". Еще раньше, въ „Пошехонскихъ разсказахъ", мы встрѣчались съ достойнымъ предшественникомъ Стрѣлова; вся разница въ томъ, что Клубковъ не облекалъ свои вожделѣнія въ форму проекта. Идеалъ *дѣла*, о которомъ мечталъ Клубковъ,

„представлялся ему снабженнымъ всѣми аттрибутами крѣпостного права. Около этой упраздненной формулы ютились всѣ его помыслы, и никакой иной комбинаціи онъ не только придумать, но и случайно представить себѣ былъ не въ состояніи". Онъ не хотѣлъ понять, что „разъ *жезлъ* выпалъ изъ рукъ за негодностью, гораздо выгоднѣе совсѣмъ о немъ позабыть, нежели изнывать надъ пріисканіемъ средствъ одинаковаго съ нимъ воспитательнаго пошиба". Въ галереѣ Щедринскихъ типовъ Клубковъ—вмѣстѣ съ Конономъ Лукичемъ („Мелочи жизни", VI)—имѣетъ еще другое значеніе: онъ служитъ наглядной иллюстраціей тому, что Деруновы, Разуваевы и Колупаевы попадаются не только въ рядахъ средняго сословія, что кулакомъ и міроѣдомъ можетъ быть не одинъ только „чумазый". „Идетъ чумазый, идетъ, и даже уже пришелъ"—это восклицаніе, раздавшееся въ первый разъ въ „Убѣжищѣ Монрепо", повторяется и въ „Мелочахъ жизни"; но на этотъ разъ „чумазому" противополагается уже не обитатель Монрепо, а „интеллигенція", гдѣ бы она ни обитала, интеллигенція, безъ которой „мы не имѣли бы ни понятія о чести, ни вѣры въ убѣжденія, ни даже представленія о человѣческомъ образѣ". Успѣшно бороться съ „чумазымъ" она, къ несчастію, не можетъ, потому что „ни откуда не защищена и гибнетъ безпомощно, какъ быліе въ полѣ".

Отзываясь на всѣ явленія современной жизни, Салтыковъ не могъ пройти молчаніемъ еврейскій вопросъ, выдвинутый на первый планъ эпохой „народной политики" и не сходящій съ тѣхъ поръ со сцены. „Исторія — читаемъ мы въ „Недоконченныхъ бесѣдахъ"—никогда не начертывала на своихъ страницахъ вопроса болѣе тяжелаго, болѣе чуждаго человѣчности, болѣе мучительнаго, нежели вопросъ еврейскій. Исторія человѣчества вообще есть безконечный мартирологъ, но въ то же время она есть и безконечное просвѣтлѣніе. Въ сферѣ мартиролога еврейское племя занимаетъ первое мѣсто; въ сферѣ просвѣтлѣнія оно стоитъ въ сторонѣ, какъ будто лучезарныя перспективы исторіи совсѣмъ до него не относятся... Стигматизированный еврей является на свѣтъ, стигматизированный агонизируетъ въ жизни и стигматизированный же умираетъ. Или, лучше сказать, не умираетъ, а видитъ себя и по смерти безсрочно-стигматизированнымъ въ лицѣ дѣтей и присныхъ". Предубѣжденіе противъ евреевъ трудно-искоренимо, потому что основами его служатъ преданія, переходящія изъ рода въ родъ, и безсознательные капризы расоваго темперамента. Эти основы всего упорнѣе хранитъ толпа—толпа, „которая сама насквозь пропитана злосчастіемъ, и въ отношеніи которой

всякій укоръ былъ бы несправедливостью, всякое рѣшительное воздѣйствіе—дѣломъ въ высшей степени щекотливымъ". Не толпѣ, однако, принадлежитъ новѣйшее усложненіе еврейскаго вопроса—„произвольное представленіе о еврейскомъ типѣ, на основаніи образцовъ, взятыхъ не въ трудящихся массахъ еврейскаго племени, а въ сферахъ болѣе или менѣе досужихъ и эксплуатирующихъ". Противъ этого представленія и направлены Салтыковымъ самые тяжелые, самые мѣткіе удары. Эксплуатація—явленіе слишкомъ распространенное, чтобы быть пріуроченнымъ къ извѣстной національности. Формула у всѣхъ эксплуататоровъ одна и та же; разница только въ способѣ ея произношенія. Еврейское: *дурака шашу*—совершенно тождественно съ чисто-русскимъ: *сосу дурака*. „Говорятъ, будто выраженіе: *дурака шашу*—представляетъ девизъ, которымъ опредѣляется отношеніе *всякаго* еврея къ окружающей средѣ. Но, въ такомъ случаѣ, отчего же не допустить подобнаго же толкованія и для выраженія: *сосу дурака*, которое на практикѣ имѣетъ отнюдь не менѣе обширное примѣненіе? Оба выраженія одинаково омерзительны, оба доступны совсѣмъ не всякому встрѣчному, а только могущему вмѣстить. Сосать простеца или дурака (онъ же рохля, ротозѣй, мужикъ, и проч.) очень лестно, но для этого нужно имѣть случай, сноровку и талантъ. Деруновъ и Колупаевъ—сосутъ, а Малявкинъ и Козявкинъ, хоть и живутъ съ ними по сосѣдству — *не* сосутъ. Тотъ же самый законъ имѣетъ силу и въ еврейской средѣ; и между евреями правомъ лакомиться *дуракомъ* пользуются лишь сильные организмы. Вся разница въ томъ, что коренной Деруновъ, присасываясь къ Малявкину, называетъ его крестникомъ и не чуждается прибаутокъ въ родѣ: по-милу да по-божецки, ты за меня, я за тебя, а Богъ за всѣхъ! А Деруновъ-еврей сосетъ безъ прибаутокъ, серьезно; пососетъ и скорлупу выплюнетъ. Ужасно видѣть это серьезное выплевыванье скорлупокъ, но, право, и прибаутки слышать не слаще"... Можно ли вообразить себѣ что-либо болѣе правдивое и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе убѣдительное, чѣмъ эта простая параллель между *шашаніемъ* и *сосаніемъ*, между Деруновымъ—евреемъ и Деруновымъ—кореннымъ русскимъ?

Мы касаемся здѣсь одной изъ самыхъ характеристическихъ особенностей Щедринской сатиры: способности олицетворенія, способности создавать образы, воплощающіе въ себѣ идею автора и вмѣстѣ съ тѣмъ полные движенія и жизни. Иногда эти образы едва намѣчены, иногда они разростаются въ крупныя, художественно-отдѣланныя фигуры; иногда они соотвѣтствуютъ цѣлой категоріи или группѣ лицъ, сосредоточиваютъ въ себѣ коллектив-

ныя черты цѣлаго типа, иногда индивидуализируются ярко и рѣзко, выходя изъ рамокъ сатиры, сближая или отождествляя ее съ повѣстью или романомъ. *Шашущій* еврей и *сосущій* Деруновъ напоминаютъ намъ картины, набрасываемыя на экранъ съ помощью волшебнаго фонаря, чтобы служить иллюстраціей къ публичной лекціи; онѣ быстро проносятся передъ нашими глазами —но цѣль достигнута, сила впечатлѣнія увеличена въ нѣсколько разъ, отвлеченная мысль пріобрѣла осязательную форму. Такое же значеніе имѣетъ эпизодъ съ Иваномъ Рыжимъ въ послѣднемъ изъ „Пошехонскихъ разсказовъ“ или бесѣды о „своихъ средствахъ“ въ „Мелочахъ жизни“ (глава III). Нѣсколько словъ, брошенныхъ мимоходомъ, часто производятъ дѣйствіе бенгальскаго огня, измѣняющаго колоритъ картины. Такъ напримѣръ, только-что упомянутая нами бесѣда о „своихъ средствахъ“ происходитъ у соборнаго протоіерея; „нынѣ и онъ—замѣчено въ скобкахъ—играетъ очень немаловажную роль“. Въ послѣдній, удачный пріѣздъ свой въ Петербургъ Стрѣловъ („Пестрыя письма“) привезъ съ собою и отвезъ куда слѣдуетъ „просвирку отъ муромскихъ чудотворцевъ“, а нѣкоторый тайный совѣтникъ еще раньше „въ теченіе всей первой недѣли поста говорилъ по-славянски, какъ бы опасаясь оскоромиться русскимъ языкомъ“ („Недоконченныя бесѣды“).

Изображенія „скупого“ или „разсѣяннаго“, „придворнаго“ или „ученаго“ вышли, въ послѣднее время, изъ моды, потому что они рѣдко бываютъ вѣрными дѣйствительности, потому что нѣтъ людей, которые были бы *только* скупыми или разсѣянными, *только* придворными или учеными. Салтыкову удалось обновить и освѣжить старинный жанръ; его „хозяйственнаго мужичка“, его „сельскаго священника“, его „читателя-ненавистника“ („Мелочи жизни“, VI и VIII) никто не упрекнетъ въ схематичности или шаблонности. Коллективное лицо является здѣсь столь же живымъ, какъ еслибы мы имѣли дѣло не съ представителемъ типа, а съ опредѣленнымъ Петромъ Ивановымъ или отцомъ Петромъ. Объясняется это, прежде всего, самымъ выборомъ темы. Салтыковъ изображаетъ не „мужичка“ вообще, а мужичка извѣстнаго пошиба и склада и при томъ мужичка, который не весь исчерпывается одной господствующей чертою. Сложность—эта неизбѣжная принадлежность жизни—не чужда „хозяйственному мужичку“ Салтыкова. Онъ дорожитъ каждой копѣйкой, но теряетъ рубли въ своихъ сдѣлкахъ съ городскимъ торговцемъ. Онъ пріобрѣтатель и сберегатель по преимуществу, но ему несвойственна безусловная неразборчивость въ средствахъ пріобрѣтенія, онъ по при-

родѣ „чуждъ кровопивства“. Онъ широко пользуется чужими силами, но не жалѣетъ и собственнаго труда; онъ одинаково строгъ къ другимъ и къ самому себѣ. Главный источникъ его трудолюбія—стремленіе къ обезпеченности, въ самомъ скромномъ смыслѣ этого слова; но ему знакомо и наслажденіе, доставляемое трудомъ... Типичныя фигуры, создаваемыя Салтыковымъ, не выставляются на показъ совсѣмъ готовыми и неподвижными, какъ восковыя куклы. „Хозяйственный мужичокъ“ выступаетъ передъ нами въ разныхъ положеніяхъ, въ разныя минуты своей жизни. Мы видимъ его весной, лѣтомъ, зимою, въ городѣ и въ дорогѣ, въ полѣ и дома; мы видимъ отношенія его къ семьѣ, къ рабочимъ, къ окружающему міру. Для насъ становится яснымъ не только значеніе „хозяйственности“, но и ея генезисъ; мы понимаемъ, откуда идетъ это вѣчное безпокойство, эта неугомонная тревога, не прекращающаяся до самой смерти. Въ существованіи, наполненномъ дрязгами и суетой, но не лишенномъ, повидимому, своеобразнаго довольства, внезапно раскрываются черты почти трагическаго свойства—отсутствіе любви, отсутствіе надежды на будущее, отсутствіе всего того, что освѣщаетъ жизнь и согрѣваетъ сердце. „Съ какой стороны подойти къ этому разумному мужику? Какимъ образомъ увѣрить его, что не о хлѣбѣ единомъ живъ бываетъ человѣкъ?“ Эти заключительные вопросы, остающіеся безъ отвѣта, производятъ подавляющее впечатлѣніе; но не напрашиваются ли они сами собою, если вглядѣться поближе въ нарисованную Салтыковымъ фигуру „хозяйственнаго мужичка“?

Изображеніе „хозяйственнаго мужичка“ или „сельскаго священника“ захватываетъ цѣлое существованіе, цѣлаго человѣка; характеристика „читателя-ненавистника“, „солиднаго читателя“, „читателя-простеца“ заключена, по необходимости, въ болѣе тѣсныя границы, потому что она имѣетъ дѣло только съ однимъ уголкомъ душевнаго міра. И сюда, однако, Салтыкову удалось внести движеніе и жизнь. Онъ беретъ „читателя-ненавистника“ еще неоперившимся вполнѣ, еще неидущимъ дальше „чудачества и брюзжанья“—и доводитъ его мало-по-малу до геркулесовыхъ столбовъ неоскудѣвающей и неумолкающей злобы. „Хитрое подмигиванье“ уступаетъ мѣсто „громкому лаю пса, самочинно ставшаго на стражу“. Изъ среды „ненавистниковъ обыкновенныхъ“ выдѣляются „ненавистникъ-одиночка“ и „ненавистникъ-писатель“. Между различными видами ненавистничества, да и внутри одного и того же вида, господствуетъ полнѣйшее противорѣчіе; „только ненависть къ честнымъ и высокимъ идеаламъ жизни стоитъ неизмѣнно и незыблемо, освѣщая своимъ распро-

страняющимъ чадъ факеломъ путь распри, умственной смуты и лжи". Въ „солидномъ читателѣ" и „читателѣ-простецѣ" также совершаются метаморфозы; они сближаются постепенно съ „читателемъ-ненавистникомъ", не переставая быть самими собою. Простецы распадаются на „живчиковъ" и „байбаковъ", сходныхъ между собою только въ отношеніяхъ къ „убѣжденному писателю". И тѣ, и другіе игнорируютъ его, „а въ извѣстныхъ случаяхъ не прочь и погрызть. Что нужды, что они грызутъ безсознательно, не по собственному почину — фактъ грызенія нимало не смягчается отъ этого и стоитъ такъ же твердо, какъ еслибы онъ исходилъ непосредственно изъ среды самихъ ненавистниковъ".

Съ характеристикой группъ близко соприкасаются портреты отдѣльныхъ лицъ, изображаемыхъ въ качествѣ представителей группы. Въ „Пестрыхъ письмахъ" (IX) Салтыковъ различаетъ, напримѣръ, три категоріи „пестрыхъ людей". Одни „сами себѣ выработали пестрое сердце и пестрый умъ, преднамѣренно освободивъ себя отъ всѣхъ стѣсненій совѣсти"; другимъ „фея жизни пестрое ремесло, въ видѣ дара, въ колыбель положила"; третьи „пестрятъ ради шкурнаго спасенія". Послѣднія двѣ категоріи Салтыковъ рисуетъ преимущественно общими штрихами; первая выступаетъ передъ нами въ лицѣ Скорнякова. По отношенію къ извѣстнаго рода прессѣ такую же роль играютъ Подхалимовъ и Иванъ Непомнящій. Чѣмъ рельефнѣе обрисовывается, въ подобныхъ случаяхъ, индивидуальность героя, тѣмъ больше художникъ заслоняетъ собою сатирика. Ростокинъ—типичный неошалопай; но рядомъ съ коллективными чертами типа мы видимъ въ немъ черты, свойственныя ему лично, выдѣляющія его изъ среды родственныхъ ему экземпляровъ. То же самое слѣдуетъ сказать и о „государственномъ доктринерѣ" Люберцевѣ, о самоновѣйшемъ адвокатѣ Перебоевѣ, объ „отрезвившемся" земцѣ Красновѣ. Въ „Счастливцѣ"—онъ же „носитель знамени", Крутицынъ—элементъ личный еще больше преобладаетъ надъ общимъ. Несмотря на сжатость, исторія Крутицына представляетъ собою цѣлый романъ, съ трагической развязкой. Это не только иллюстрація къ сліянію дворянскаго теченія съ бюрократическимъ: это лучъ свѣта, брошенный въ интимную жизнь мнимосчастливаго человѣка мнимо-счастливаго вслѣдствіе бѣдности и узкости избранныхъ имъ идеаловъ. Спиритистомъ, редстокистомъ, проповѣдникомъ какихъ-то собственныхъ измышленій Крутицынъ становится не случайно. „Въ эпохи нравственнаго и умственнаго умаленія, когда реальное дѣло выпадаетъ изъ рукъ, подобныя фантасмагоріи совершаются нерѣдко. Не находя удовлетво-

реній въ дѣйствительной жизни, общество мечется на удачу и въ изобиліи выдѣляетъ изъ себя людей, которые съ жадностью бросаются на призрачныя выдумки и въ нихъ обрѣтаютъ душевный миръ... Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, безсрочно удовлетворяться культомъ какого-то знамени, которое и само по себѣ есть не что иное, какъ призракъ, и продолжительное обращеніе съ которымъ можетъ служить только въ смыслѣ подготовки къ другимъ призракамъ". Главная опасность, угрожающая „счастливцамъ" въ родѣ Крутицына, заключается въ томъ, что призраки, для самихъ „носителей знамени" играющіе роль хлѣба, сплошь и рядомъ оказываются камнемъ для натуръ болѣе свѣжихъ — для дѣтей „счастливца". „Больнымъ мѣстомъ" молодое поколѣніе является не для однихъ Разумовыхъ. Старшій сынъ Крутицына повѣрилъ росказнямъ о свойствахъ „знамени" и выразилъ полную готовность принять его изъ рукъ отца; но въ существованіе младшаго сына еще на школьной семьѣ закралась „двойственность", изъ которой онъ не нашелъ другого выхода, кромѣ самоубійства. „Въ наше время господства призраковъ перестаетъ казаться противоестественнымъ и безпощадный призракъ смерти"...

Творческую силу Салтыкова особенно удобно изучать въ тѣхъ разсказахъ, въ которыхъ всего менѣе слышна сатирическая нота. Это зависитъ не отъ того, чтобы тенденціозность шла въ разрѣзъ съ художественностью, а просто отъ того, что вниманіе читателя можетъ сосредоточиться всецѣло на образахъ, выдѣленныхъ изъ водоворота политической и общественной жизни. Таковы, напримѣръ, Черезовы, мужъ и жена, такова Ольга Ладогина („Христова невѣста"), таковы Чудиновъ, „Ангелочекъ", „Полковницкая дочь". Конечно, Черезовы—прямыя порожденія современной почвы; это—своего рода „хозяйственные мужички", только перенесенные въ сферу городского, умственнаго труда. Возможность появленія ихъ обусловливается господствомъ желѣзнаго принципа: chacun pour soi, chacun chez soi—но этотъ принципъ остается, если можно такъ выразиться, за кулисами, на первый планъ выдвигается психологическій этюдъ, а не соціологическая проблема. Насъ поражаетъ существованіе, проникнутое неувѣренностью и страхомъ — неувѣренностью въ завтрашнемъ днѣ, страхомъ за жалкія средства, едва достаточныя для прозябанія. Вопросы о будущемъ не заглушались для Черезовыхъ даже усиленною работою, а „волновали и мучили съ утра до вечера. Некогда было подумать о томъ, зачѣмъ пришла и куда идетъ эта безразсвѣтная жизнь... Но о томъ, что эта жизнь

можетъ мгновенно порваться, думалось ежемгновенно, безъ отдыха". Черезовы не бѣдствуютъ, не терпятъ настоящаго горя; они расположены другъ къ другу, здоровы, заняты, у нихъ есть ребенокъ—и все-таки они производятъ на насъ впечатлѣніе людей глубоко-несчастныхъ, такъ что даже въ смерти Черезова мы видимъ скорѣе избавленіе для него самого, чѣмъ катастрофу для его семейства. Это одна изъ тѣхъ скромныхъ, безшумныхъ житейскихъ драмъ, мимо которыхъ проходитъ толпа, ничего о нихъ не подозрѣвая. Продолжительныя, однообразныя, заурядныя, онѣ сливаются съ сѣрымъ фономъ будничной жизни и выступаютъ на немъ яркимъ пятномъ только передъ вдумчивымъ взглядомъ художника. Для самихъ дѣйствующихъ лицъ ужасъ добровольной пытки, длившейся цѣлые годы, часто становится понятнымъ лишь въ виду близкой ея развязки. „Что я дѣлалъ, зачѣмъ жилъ?"—восклицаетъ Черезовъ во время предсмертныхъ мукъ; „что мы дѣлали, зачѣмъ жили?.. Надя! Вѣдь мы на каторгѣ были, и называли это жизнью, и даже не понимали, изъ чего мы бьемся, что дѣлаемъ; ничего мы не понимали!" Для Черезовой „просвѣтлѣніе" умирающаго мужа проходитъ безслѣдно. „Она продолжаетъ работать съ утра до вечера; теряя одну работу, подыскиваетъ другую, такъ что *каторга* остается въ прежней силѣ"... Нѣсколько лучше, чѣмъ жизнь Черезовыхъ, сложилась, въ концѣ концовъ, жизнь Ольги Ладогиной—но сколько она должна была вынести и перетерпѣть, прежде чѣмъ наполнить свое существованіе кое-какими „крохами"! „Бѣдная моя, бѣдная!"—такъ называетъ Ольгу ея отецъ; чувствуется, что то же самое говоритъ о ней мысленно и Салтыковъ. Вся „Христова невѣста" проникнута нѣжнымъ состраданіемъ къ дѣвушкѣ, обреченной на одиночество, на разочарованіе, на безцвѣтную молодость и суетливую старость. При другихъ общественныхъ условіяхъ судьба Ольги, какъ и судьба Черезовыхъ, могла бы быть другая, но только отчасти Ей было бы легче найти „дѣло", можетъ быть даже не совсѣмъ „крохотное"—но не легче было бы найти личное счастье.

Не въ одной только „Христовой невѣстѣ" выразилась глубокая воспріимчивость Салтыкова къ людскому горю Мы встрѣчались съ этой чертой и раньше, въ „Госпожѣ Падейковой", въ „Больномъ мѣстѣ", въ „Дворянской хандрѣ", въ „Убѣжищѣ Монрепо", въ „Господахъ Головлевыхъ". Мы видѣли отзывчивость автора даже къ такой печали, источникъ которой ему прямо антипатиченъ; мы сожалѣли, вмѣстѣ съ нимъ, даже объ Аринѣ Петровнѣ, даже о Порфиріѣ Владимірычѣ („Іудушкѣ"),

когда ихъ сломила душевная мука. Такое же сожалѣніе внушаетъ намъ теперь Крутицынъ, потерявшій и счастье, и вѣру въ счастье. Еще сильнѣе впечатлѣніе, производимое горемъ незаслуженнымъ, напрасно гибнущею жизнью. „Сельская учительница“ принадлежитъ къ числу самыхъ потрясающихъ страницъ, написанныхъ Салтыковымъ. Простота разсказа доведена до крайнихъ предѣловъ; заурядна сама Анна Петровна, заурядна ея обстановка, заурядна самая причина ея самоубійства — но эта заурядность и составляетъ главный ужасъ сѣренькой драмы, разыгрывающейся передъ нашими глазами. Наряду съ „Сельской учительницей“ стоитъ, съ этой точки зрѣнія, финалъ „Портного Гришки“. „Ничто такъ естественно не вызываетъ любви,—читаемъ мы въ „Пошехонскихъ разсказахъ“, — какъ бѣдность, угнетенность, скорбь и злосчастіе“. Въ этихъ немногихъ словахъ мы видимъ ключъ къ одной изъ самыхъ крупныхъ сторонъ творчества Салтыкова. Его влекутъ къ себѣ „униженные и оскорбленные“ — влекутъ къ себѣ и тогда, когда каждый изъ нихъ стоитъ передъ нимъ отдѣльно, и тогда, когда они сливаются въ одну громадную массу. Отсюда его любовь къ „пошехонской странѣ“, въ которой ему все родственно и достолюбезно. „Дороги мнѣ и зыбучіе ея пески, и болота, и хвойные лѣса; но въ особенности милъ населяющій ее людъ, простодушный, смирный, слегка унылый, или, лучше сказать, какъ бы задумавшійся надъ разрѣшеніемъ какой-то непосильной задачи.. Бывали минуты, когда пошехонская страна приводила меня въ недоумѣніе; но такой минуты, когда бы сердце мое перестало болѣть по ней, я рѣшительно не запомню. Бѣдная эта страна,—ее надо любить... Эта робкая боль, сказывающаяся всюду, эти подавленные стоны, волной переливающіеся изъ края въ край, могутъ замучить. Они призываютъ къ суду человѣческой совѣсти тѣни прошлаго; побуждаютъ ее разбираться въ томъ, что казалось позабытымъ, канувшимъ въ вѣчность; заставляютъ чего-то искать, какихъ-то лучей, на которыхъ можно было бы успокоиться... искать, искать, —и не находить...“

Когда Салтыкову становится душно въ реальномъ мірѣ, онъ даетъ волю своей фантазіи, и она уноситъ его въ сферу „волшебства“. Иногда разрывъ съ дѣйствительностью не идетъ дальше преувеличеній, утрировокъ; для содержанія, взятаго прямо изъ жизни, придумываются только небывалыя комбинаціи—небывалыя, но не безусловно невозможныя. Мысли, несомнѣнно находящіяся въ оборотѣ, принимаютъ, подъ перомъ сатирика, такую форму, въ которую никто не рѣшится облечь ихъ на самомъ дѣлѣ, но

которая, въ сущности, вовсе не такъ имъ чужда, какъ можетъ показаться съ перваго взгляда. Происходитъ, однимъ словомъ, нѣчто въ родѣ наглядной reductio ad absurdum; безобразные продукты человѣконенавистническихъ мечтаній показываются сквозь увеличительное стекло, усиливающее, конечно, ихъ уродливость, но не измѣняющее истиннаго ихъ свойства. Таковы, напримѣръ, прожекты, авторомъ которыхъ является „Ѳедотъ да не тотъ". Само собою разумѣется, что никто не предлагалъ и не предложитъ „упорядочить воспроизведеніе", образовавъ „институтъ племенныхъ молодыхъ людей"; но неужели кто-нибудь рѣшится утверждать, что предначертанія Ѳедота всецѣло висятъ на воздухѣ? Фантастиченъ только заключительный выводъ Ѳедота, но отнюдь не мотивы, на которыхъ онъ построенъ. Когда Ѳедотъ говоритъ самому себѣ: „такъ какъ составъ и свойство грядущихъ поколѣній находятся въ тѣсной зависимости отъ состава и свойствъ нынѣ дѣйствующаго молодого поколѣнія, то, дабы усовершенствовать первое, необходимо произвести въ послѣднемъ такой подборъ людей, который представлялъ бы несомнѣнное ручательство въ смыслѣ благонадежности",— то не обрѣтается ли онъ гораздо ближе къ землѣ, чѣмъ къ облакамъ? Когда онъ предлагаетъ „признать чисто правоспособными только тѣхъ молодыхъ людей, кои добрымъ поведеніемъ и успѣхами въ древнихъ языкахъ окажутся того достойными", то не касается ли онъ. по крайней мѣрѣ одной ногой, весьма твердаго грунта? Наличность реальнаго элемента становится еще болѣе замѣтной въ прожектѣ, относящемся къ печати. На возрожденіе современныхъ литераторовъ и публицистовъ Ѳедотъ надежды не возлагаетъ и находитъ удобнѣйшимъ „оставить ихъ подъ дѣйствіемъ спасительнаго страха, подъ коимъ они до-днесь пребывали, не чувствуя оттого для себя отягощенія" (!). „Намордниковъ" онъ не рекомендуетъ, но почему? Потому что уповаетъ на природу, „которая, наконецъ, возмутится и явится на помощь къ благонамѣреннымъ людямъ съ естественной развязкой. Уже достаточное количество сошло съ арены, остальные... не замедлятъ!" Можно ли сомнѣваться въ томъ, что эту благодушную надежду питаетъ не одинъ только Ѳедотъ? Вся разница между воображаемымъ Ѳедотомъ и его реальными прототипами заключается, быть можетъ, только въ степени откровенности, съ которой высказывается общая ихъ задушевная мысль... „Будущихъ" литераторовъ прожектъ Ѳедота раздѣляетъ на десять отрядовъ, по десяти человѣкъ въ каждомъ; „сто-первому литератору предоставляется переходить по очереди изъ одного отряда въ другой, пока время не укажетъ на необ-

ходимость образованія одиннадцатаго отряда". Когда отряды будутъ изготовлены и снабжены „штатнымъ содержаніемъ", тогда, „по воспослѣдованіи пригласительнаго сигнала, между отрядами начнется полемика, но полемика благородная и притомъ сливающаяся въ одномъ общемъ чувствѣ признательности". И что же, развѣ можно быть увѣреннымъ въ томъ, что въ одинъ прекрасный день не придется сказать, словами одного изъ старыхъ Щедринскихъ героевъ: „все сіе совершилось"?..

Въ эпизодѣ съ Ѳедотомъ фантастичны только прожекты, сочиняемые изобрѣтателемъ племенного института; въ исторіи статскаго совѣтника Передрягина, уведеннаго въ плѣнъ медвѣдями („Пестрыя письма", II) фантастичны самыя приключенія героя— но фантазія и здѣсь не вовсе порываетъ связь съ дѣйствительностью. Мы читаемъ сказку, прелестную, игривую, забавную сказку, но никакъ не можемъ перенестись всецѣло въ сказочное медвѣжье царство. Не даромъ же и самъ Передрягинъ сохранилъ между медвѣдями привычки и взгляды, пріобрѣтенные въ департаментѣ. Его рѣшимость дѣйствовать „не забѣгая впередъ, но и не отступая назадъ", его зимняя медвѣжья конституція (article premier et unique: „съ наступленіемъ зимы всякій да заляжетъ въ берлогу и да сосетъ лапу"), смѣлымъ взмахомъ руки распространяемая имъ и на лѣтнее время („есть народы и почище васъ, но и тѣ довольствуются зимней конституціей")— все это носитъ на себѣ характеръ не исключительно медвѣжій. Передрягинъ въ средѣ Топтыгиныхъ мало чѣмъ отличается отъ Передрягина, возвратившагося въ Гусевъ переулокъ и берущагося ходатайствовать какъ о введеніи реформъ, такъ и объ „упраздненіи таковыхъ".

Точнѣе опредѣлить значеніе „сказки", какою она выходитъ изъ-подъ пера Салтыкова, поможетъ намъ слѣдующій отрывокъ изъ рѣчи Крамольникова къ „либрпансёрамъ" („Пошехонскіе разсказы", III). „Многіе изъ васъ думаютъ, что можно до такой степени умалиться, стушеваться, исчезнуть, что самая суровая дѣйствительность не выдержитъ и поступится хоть забвеніемъ. Тщетная надежда, государи мои! Уступки и забвенія свойственны явленіямъ нарождающимся, не окрѣпшимъ и не увѣреннымъ въ своемъ будущемъ, а не дѣйствительности, имѣющей за собой многовѣковую исторію. Дѣйствительность подчиняетъ себѣ все, находящееся въ районѣ ея кругозора, фасонируетъ все, что поддается ея дѣйствію, а неподдающееся—выбрасываетъ за бортъ. Вотъ будущность, которая предстоитъ. И вы не минуете ея, хотя и надѣетесь, что *норы*, въ которыхъ вы спрятались въ

ожиданіи лучшихъ дней, не выдадутъ васъ. Выдадутъ, господа! Да вы и сами, наконецъ, не вытерпите насильственнаго заключенія и выйдете!" Не трудно узнать въ этихъ словахъ первообразъ одной изъ лучшихъ сказокъ Салтыкова: „Премудрый пискарь"—но въ сказочной формѣ мысль автора пріобрѣтаетъ еще бо́льшую силу, производитъ еще болѣе неотразимое впечатлѣніе. Все краснорѣчіе Крамольникова блѣднѣетъ передъ послѣдними минутами „премудраго пискаря". „Вся жизнь мгновенно передъ нимъ пронеслась. Какія были у него радости? Кого онъ утѣшилъ? Кому добрый совѣтъ подалъ? Кого пріютилъ, обогрѣлъ, защитилъ? Кто объ его существованіи вспомнитъ? И на всѣ эти вопросы ему пришлось отвѣчать: никому, никто. Онъ жилъ и дрожалъ—только и всего. Даже вотъ теперь: смерть у него на носу, а онъ все дрожитъ, самъ не знаетъ изъ-за чего. Въ норѣ у него темно, тѣсно, повернуться негдѣ; ни солнечный лучъ туда не заглянетъ, ни теплomъ не пахнётъ. И онъ лежитъ въ этой сырой мглѣ, незрячій, изможденный, никому не нужный, лежитъ и ждетъ: когда же, наконецъ, голодная смерть окончательно освободитъ его отъ безполезнаго существованія?.. И вдругъ онъ исчезъ. Что̀ тутъ случилось—щука ли его заглотала, ракъ ли клешней перешибъ, или самъ онъ своею смертью умеръ и всплылъ на поверхность—свидѣтелей этому дѣлу не было. Скорѣе всего самъ умеръ, потому что какая сласть щукѣ глотать хвораго, умирающаго пискаря, да къ тому же еще и *премудраго*?" Какая потрясающая картина, какъ безгранично жалокъ „премудрый" пискарь! Его нельзя даже презирать—до такой степени глубоко состраданіе, которое онъ внушаетъ. Какъ богата, какъ могуча фантазія писателя, превратившая массу горькихъ наблюденій въ одинъ живой образъ, неизгладимо врѣзывающійся въ память! Импровизатору нуженъ только одинъ стихъ, чтобы создать цѣлую поэму; для Салтыкова достаточно, кажется, одного слова, чтобы отвлеченная мысль одѣлась сама собою въ плоть и кровь, расцвѣтилась яркими красками. Въ рѣчи Крамольникова упоминалось о *норахъ*—и вотъ, воображенію сатирика-поэта представилась *темная, тѣсная* нора пискаря, живущаго только для того, чтобы жить, и умирающаго, не знавъ жизни... „Карась-идеалистъ" напоминаетъ, въ свою очередь, Андрея Курзанова („Пошехонскіе разсказы", IV)—и обѣ фигуры, сказочная и не-сказочная, дополняютъ одна другую. Бесѣда карася съ ершомъ и щукой—настоящій pendant къ бесѣдамъ Андрея съ Стратиговымъ и Язвилло; только Андрей былъ, пожалуй, еще болѣе идеалистомъ, чѣмъ карась. И карась, и Андрей, нѣкоторое время невозбранно

говорили о добродѣтели,—но рѣчамъ обоихъ наступилъ конецъ, для Андрея лишь не столь внезапный, какъ для карася. Проповѣдь Андрея о „божескомъ житіи“ сначала была подвергнута критикѣ въ „Уединенномъ Пошехонцѣ“ и признана не то чтобы прямо-неправильной, а неблаговременной; потомъ послѣдовало періодическое сажаніе въ кутузку, и наконецъ—„фюить“! Карась диспутировалъ со щукой всего три раза въ теченіе одного дня и уже на третій диспутъ явился подъ стражей и „съ нѣкоторыми поврежденіями“.

Не всѣ сказки Салтыкова такъ тѣсно связаны съ его сатирой —но всѣ лучшія между ними („Бѣдный волкъ“, „Вѣрный Трезоръ“, „Сосѣди“, „Гіена“, „Баранъ Непомнящій“, „Кисель“, „Коняга“) отличаются необыкновенной внутренней силой. Нѣкоторыя изъ нихъ—настоящія „стихотворенія въ прозѣ“, настоящія пѣсни любви, вдохновляющей „отрицаніе“ Салтыкова. „Коняга“ —мы указывали на это при самомъ выходѣ въ свѣтъ „Двадцати-трехъ сказокъ“ [1]) — напоминаетъ, по глубинѣ чувства, лучшія произведенія Некрасова. Болѣе чѣмъ гдѣ-либо слышится здѣсь „убѣжденность“ автора, та убѣжденность, которая дѣлаетъ творчество источникомъ наслажденій... и страданій. Печальна, въ особенности, судьба „убѣжденнаго“ русскаго писателя; помимо всего остального, надъ нимъ тяготѣетъ сознаніе „изолированности“ или, по крайней мѣрѣ, недостатокъ увѣренности въ томъ, что его любятъ и понимаютъ. Онъ встрѣчается на каждомъ шагу „и съ ненавистью, и съ безчестными передержками, и съ равнодушіемъ, и съ насмѣшкой; ему рѣдко улыбается прямое, осязательное сочувствіе“. *Читатель-другъ* несомнѣнно существуетъ, но онъ „заробѣлъ, затерялся въ толпѣ, и дознаться, гдѣ именно онъ находится, довольно трудно“. Къ этой отчужденности писателя Салтыковъ возвращается настойчиво и упорно; мысль о ней все больше и больше составляетъ его „больное мѣсто“. Она стоитъ на первомъ планѣ въ заключительной главѣ „Мелочей жизни“, въ воспоминаніяхъ и думахъ „Имярека“. „Въ каждой строкѣ, написанной Имярекомъ, звучало убѣжденіе—такъ, по крайней мѣрѣ, ему казалось,—но убѣжденіе это, привлекая къ нему симпатіи однихъ, въ то же время возбуждало ненависть въ другихъ. Симпатіи утопали въ глубинахъ читательскихъ массъ, не подавая о себѣ голоса, а ненависть металась во-очію, громко провозглашая о себѣ и посылая на встрѣчу угрозы. Около ненависти группировалась и обычная апатія средняго человѣка,

[1]) См. Литературное Обозрѣніе въ № 11 „В. Европы“ за 1886 годъ.

который не умѣетъ ни любить, ни ненавидѣть, а поступаетъ съ такимъ разсчетомъ, чтобы въ его жизнь не вкралось недоумѣніе или неудобство. Такое содержаніе жизни Имярека должно было дать и соотвѣтственные результаты. А именно: въ смыслѣ общественнаго вліянія – полная неизвѣстность; въ смыслѣ личной жизни —оброшенность, пренебреженіе, почти поруганіе"... Лозунгъ его, въ кипучее время его дѣятельности, выражался въ трехъ словахъ: свобода, развитіе и справедливость... „И вотъ теперь, скованный недугомъ, онъ видитъ передъ собой призраки прошлаго. Все, что наполняло его жизнь, представляется ему сновидѣніемъ. Что такое свобода—безъ участія въ благахъ жизни? Что такое развитіе — безъ ясно намѣченной конечной цѣли! Что такое справедливость, лишенная огня самоотверженности и любви? Слова, слова и слова... Онъ чувствуетъ, что сердце его горитъ, и что онъ пришелъ къ цѣли поисковъ всей жизни, что только теперь его мысль установилась на стезѣ правды. Онъ простираетъ руки, ищетъ отклика, онъ жаждетъ идти, возглашать .. И сознаетъ, что сзади у него нависъ ворохъ крохъ и мелочей, а впереди—ничего, кромѣ одиночества и оброшенности"...

Да, въ положеніи Имярека много истиннаго трагизма. Мы не станемъ утверждать, что достаточной поддержкой должна служить для него мысль о честно-исполненномъ дѣлѣ, достаточной наградой — „предположительное" сочувствіе „читателя-друга"; мы не станемъ даже указывать на то, что между читателями Салтыкова гораздо больше друзей, чѣмъ „ненавистниковъ" или хотя бы индифферентовъ. Въ минуты раздумья, неизбѣжныя подъ концомъ продолжительной, трудной дороги, въ минуты сомнѣнья, переживаемыя каждымъ мыслителемъ или художникомъ,—а тѣмъ болѣе мыслителемъ-художникомъ, — безсильны утѣшенія этого рода, все равно, подсказываются ли они своею или чужою мыслью. Успокоить тревогу, поднять упадшій духъ могла бы только масса воздуха и свѣта, ворвавшаяся извнѣ въ внутренній міръ писателя. Кто посвятилъ всѣ свои силы борьбѣ съ дремотой и темнотою, тотъ долженъ, чтобы отойти съ миромъ, увидѣть хотя бы зарю новаго дня, услышать хотя бы робкій шелестъ пробуждающейся жизни. Салтыкову, до сихъ поръ, это не было дано—и вотъ, какъ намъ кажется, разгадка настроенія, въ которомъ Имярекъ ожидаетъ смерти. Но Имярекъ, къ счастію, еще живъ — а гдѣ есть жизнь, тамъ есть и надежда. Отчаяніе могло бы овладѣть Имярекомъ развѣ тогда, еслибы онъ самъ пересталъ вѣрить въ спасительную силу своего „лозунга". На самомъ дѣлѣ этого нѣтъ; прежняя его формула оказывается только недостаточной, неполной,

но она допускаетъ самыя широкія вставки, усовершимости ея нѣтъ предѣла. Не ей ли, въ сущности, обязанъ Имярекъ тѣмъ стремленіемъ вверхъ и вдаль, которое выразилось съ такой удивительной мощью въ послѣднихъ словахъ „Мелочей жизни“? Не она ли заставляетъ его продолжать „поиски“, идти впередъ по „стезѣ правды“? Не она ли возбуждаетъ въ немъ то „недовольство“, въ которомъ Некрасовъ видѣлъ характеристическую черту Бѣлинскаго—„недовольство, при которомъ нѣтъ ни самообольщенья, ни застоя“? Конечно, свобода не имѣетъ цѣны безъ „участія въ благахъ жизни“; но можетъ ли участіе въ благахъ жизни быть завоевано безъ помощи свободы? Конечно, развитіе важно только въ связи съ „ясно намѣченной конечной цѣлью“—но какая же высокая цѣль можетъ быть достигнута безъ предшествующаго развитія? Конечно, холодна справедливость, не согрѣтая „огнемъ самоотверженности и любви“—но развѣ источникомъ самоотверженія не служитъ, между прочимъ, страстная жажда справедливости?.. Нѣтъ, „лозунгъ“ сохранилъ свою силу, и каково бы ни было настоящее Имярека, будущее едва ли сулитъ ему „оброшенность“ и „изолированность“.

К. Арсеньевъ.

ИСПОЛНЕНІЕ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ РОСПИСИ
ЗА 1886 ГОДЪ.

По исполненію государственной росписи, 1886-ой годъ, какъ это видно изъ недавно опубликованнаго отчета государственнаго контроля, оказался не болѣе счастливымъ, нежели былъ предшествовавшій ему 1885-ый годъ, когда дефицитъ по обыкновенному бюджету составилъ 41 милліонъ рублей. Уже самая роспись 1886 года, при ея составленіи, была сведена съ весьма значительнымъ дефицитомъ: доходы были исчислены въ 790.752.000 р.; расходовъ предвидѣлось 816.000.000 руб. Въ дѣйствительности же, обыкновенныхъ доходовъ поступило всего только 780.680.000 рублей, а обыкновенныхъ расходовъ произведено 832.390.000 р., вслѣдствіе чего недоборъ доходовъ сравнительно съ расходами составилъ 52 мил. рублей. За присоединеніемъ къ доходамъ 2.244.000 р. свободнаго остатка отъ заключенныхъ смѣтъ 1882 года (взамѣнъ свободныхъ остатковъ, которые впослѣдствіи могутъ оказаться въ подлежащихъ выдачѣ суммахъ по бюджету 1886 года), превышеніе обыкновенныхъ расходовъ надъ доходами составило 49.467.936 рублей—почти 50 милліоновъ.

Изъ приведенныхъ цифръ видно, что значительный дефицитъ 1886 года, уступающій, въ теченіе послѣднихъ 20 лѣтъ, по размѣру лишь дефициту 1881 года, достигшему 80 мил. рублей, является результатомъ того, что доходовъ поступило меньше, нежели ожидалось по росписи, расходовъ же произведено болѣе. Значительное превышеніе въ расходахъ надъ первоначальнымъ смѣтнымъ ихъ исчисленіемъ—обычное явленіе въ нашихъ бюджетахъ, одно изъ слабыхъ мѣстъ которыхъ составляютъ такъ-называемыя сверхсмѣтныя ассигно-

вания, иногда, какъ въ 1880 г., превышавшія 50 мил. р. и рѣдко спускающіяся ниже 30 мил. рублей. Но въ прежнее время и доходовъ поступало обыкновенно болѣе противъ цифръ росписи, составлявшейся на основаніи размѣра поступленій предшествовавшихъ лѣтъ, и этимъ болѣе или менѣе регулировалась погрѣшность въ исчисленіяхъ расходнаго бюджета. Въ послѣдніе годы замѣчается уже не то: въ 1884 году доходовъ поступило противъ росписи менѣе на 11 мил. рублей, въ 1885 году менѣе на 18 мил. рублей, и, наконецъ, въ 1886 году, какъ показано выше, менѣе на 10 мил. рублей.

Впрочемъ цифры 1886 года требуютъ оговорки. Въ числѣ обыкновенныхъ доходовъ по росписи было показано 18.392.000 р. отъ общества юго-западныхъ желѣзныхъ дорогъ въ уплату за рельсы и подвижной составъ правительственныхъ заказовъ и въ возвратъ выданныхъ обществу авансовъ. Доходъ этотъ, согласно принятому для росписи 1887 г. порядку, — читается въ объяснительной къ отчету запискѣ—показанъ поступленіемъ не по обыкновенному, а по чрезвычайному бюджету. Поэтому, при сравненіи обыкновенной росписи съ ея исполненіемъ, 18 мил. р. изъ росписи должны быть исключены. Затѣмъ, въ итогѣ обыкновенныхъ доходовъ, поступившихъ по росписи, содержится 10 мил. р. непринадлежащихъ собственно къ поступленіямъ 1886 года таможенныхъ сборовъ 1881 — 1885 г., уплаченныхъ досрочными горными ассигновками и числившихся въ государственномъ банкѣ по счету депозитовъ таможенныхъ учрежденій. Эту сумму слѣдуетъ вынесть изъ дѣйствительныхъ поступленій 1886 года. Тогда въ результатѣ окажется:

ожидалось по росписи . . . . . 772.359.743 рубля
дѣйствительно поступило . . . . . 770.546.090 руб.,

т.-е. поступило менѣе противъ ожидавшагося по росписи на 1.813.653 рубля.

Какъ ни незначительна эта цифра недобора, но она не лишена значенія, которое выясняется еще нагляднѣе изъ сравненія цифры государственныхъ доходовъ за послѣднее пятилѣтіе. Въ одномъ изъ нашихъ обзоровъ государственнаго бюджета мы указывали на возвышеніе государственныхъ доходовъ изъ года въ годъ, хотя неравномѣрное и происходившее скачками [1]), но весьма быстрое, примѣромъ котораго можетъ служить пятилѣтіе 1877—82 гг.: въ 1877 году доходовъ получено около 549 мил. р.; черезъ пять лѣтъ, въ 1882 году, цифра ихъ, возрастая изъ года въ годъ, достигла 706 мил. руб. Такимъ образомъ среднее ежегодное увеличеніе доходовъ равняется

[1]) „Вѣстникъ Европы", 1886 г., январь, стр. 360 и слѣд.

31 мил. рублей. Не то замѣчается за послѣдніе годы: въ 1886 году обыкновенные государственные доходы доставили, если не принимать въ соображеніе операціи по выкупнымъ платежамъ, которая до 1885 года не входила въ общія смѣты, 722 мил. рублей, болѣе противъ 1882 года всего лишь на 16 мил. рублей. Но значительную долю и этого увеличенія составляетъ доходъ отъ желѣзныхъ дорогъ, пріобрѣтенныхъ или построенныхъ казною послѣ 1882 года, доходъ отъ которыхъ въ 1886 году доставилъ до 13 мил. рублей. А такъ какъ вся эта сумма тратилась на расходы по тѣмъ же желѣзнымъ дорогамъ, то дѣйствительнаго приращенія государственныхъ средствъ она не представляла. Между тѣмъ въ промежутокъ времени 1882—1886 годовъ послѣдовало введеніе новыхъ налоговъ (съ имуществъ, переходящихъ безмездными способами, съ денежныхъ капиталовъ и торговыхъ и промышленныхъ предпріятій) и повышеніе многихъ прежде существовавшихъ, напр. акциза съ питей, нѣкоторыхъ статей таможеннаго тарифа и пр.

Приведенныя данныя свидѣтельствуютъ о крайней напряженности, въ какой находится нынѣ платежная народная сила. Такое молодое государство, какъ Россія, несомнѣнно должно находиться и находится въ фазисѣ развитія: народонаселеніе и территорія его увеличиваются, потребности ростутъ. Если при этихъ условіяхъ, несмотря на увеличеніе размѣра налоговъ, сумма, удѣляемая народомъ на государственныя потребности, не возрастаетъ—это ясно доказываетъ, что народъ въ формѣ косвенныхъ налоговъ платитъ все или почти все, что можетъ. При такомъ положеніи дѣла дальнѣйшее увеличеніе налоговъ, ничего не доставивъ казнѣ, можетъ окончательно и надолго подорвать производительную народную силу. Это было бы необходимо имѣть въ виду при господствующей у насъ наклонности, если вѣрить появляющимся въ печати извѣстіямъ, устранить дефицитъ въ бюджетѣ цѣлымъ рядомъ новыхъ косвенныхъ налоговъ и усиленіемъ нѣкоторыхъ существующихъ. Не слѣдуетъ забывать, что каждый новый налогъ не только ложится на народъ тяжестью, далеко превышающею выгоды, извлекаемыя изъ налога казною, но и затрудняетъ отрасль промышленности, ставшей его предметомъ, вслѣдствіе необходимости регламентаціи и надзора, вообще несовмѣстными съ оживленною промышленною дѣятельностью. Сверхъ того слишкомъ значительный размѣръ налога на какой-нибудь предметъ даетъ поводъ къ ущербу народной нравственности, обращая въ промыселъ стремленіе обойти законъ съ цѣлью избѣжать уплаты непосильно тяжелаго налога.

Сравнительно съ 1885 годомъ доходы 1886 года представляютъ нѣкоторое повышеніе, именно на сумму до 6 мил. рублей. Но это увеличеніе, не говоря объ относительной его незначительности, не можетъ быть объясняемо въ очень благопріятномъ экономическомъ смыслѣ.

Въ числѣ доходныхъ статей нашего государственнаго бюджета есть три, которыя въ прежнее время доставляли казнѣ слишкомъ двѣ трети общей суммы доходовъ и теперь еще доставляютъ до трехъ пятыхъ ея, именно: а) подати, поземельный и лѣсной налоги, б) питейный и в) таможенный доходъ. На движеніи доходовъ по этимъ тремъ статьямъ и слѣдуетъ преимущественно остановиться.

Въ прежнее время подати вмѣстѣ съ поземельнымъ и лѣснымъ налогомъ съ лѣсовъ, включенныхъ во владѣнныя записи, доставляли казнѣ до 120 мил. р. и болѣе (въ 1878 г., напримѣръ, болѣе 122 мил. р.); но затѣмъ, еще до отмѣны подушной подати, цифра этого дохода стала значительно падать, что всего доказательнѣе свидѣтельствовало о необходимости облегчить лежавшую на низшемъ населеніи податную тяжесть. Это и было сдѣлано постепенной отмѣной, согласно Высочайшему повелѣнію 1-го января 1881 года, подушной подати. Окончательная отмѣна этой подати послѣдовала лишь съ текущаго 1887 г.; въ 1886 году она еще взималась съ государственныхъ крестьянъ, съ освобожденіемъ отъ нея крестьянъ другихъ наименованій. На 1886 годъ податей было исчислено $91^1/_2$ мил. рублей, въ дѣйствительности же поступило съ небольшимъ $86^1/_2$ мил. р., менѣе на 5 мил. р., вслѣдствіе чего недоимки податного сбора за прежнее время, достигавшія къ 1886 году 40 мил. рублей, къ 1887 году увеличились до 45 м. р. Этотъ результатъ особенно неутѣшителенъ въ виду того, что 1886-ой годъ ознаменовался почти повсемѣстнымъ прекраснымъ урожаемъ. Какъ извѣстно, 1884 и 1885 годы были у насъ особенно неблагопріятны почти для всѣхъ мѣстностей имперіи. Въ центральныхъ губерніяхъ, независимо отъ неурожая, народонаселеніе пострадало отъ застоя торговли и промысловъ, отъ сокращенія фабричнаго производства, отъ сокращенія и даже полной пріостановки кустарнаго производства и, наконецъ, отъ упадка извознаго промысла, который въ московской и другихъ смежныхъ губерніяхъ, вслѣдствіе дороговизны фуража, сталъ приносить не выгоды, а убытки. Въ другихъ губерніяхъ къ неурожаю присоединялись падежи скота, пожары и градобитія. 1886-ой годъ сулилъ какъ будто отдыхъ: прекрасный всходъ и ростъ хлѣбовъ обѣщалъ давно небывалую богатую жатву. Но уже въ серединѣ лѣта началась непогода: безпрерывные, почти повсемѣстные дожди мѣшали уборкѣ хлѣба и портили зерно. Затѣмъ стоявшая

во многихъ мѣстностяхъ въ первую половину зимы распутица препятствовала вывозу хлѣба на базары для продажи; наконецъ, на всѣ сорта хлѣбныхъ продуктовъ и въ прошломъ, и въ нынѣшнемъ году держалась низкая цѣна вслѣдствіе высокой пошлины, установленной Германіей на ввозимый въ предѣлы ея хлѣбъ. Все это и привело какъ къ указанному выше недобору въ податяхъ, такъ и недобору, сравнительно съ росписью, по выкупнымъ платежамъ съ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ. Платежей этихъ ожидалось до 43½ м. р., поступило же менѣе 42 мил. р.,—слѣдовательно съ недоборомъ слишкомъ въ 1½ мил. рублей.

Неудовлетворительнымъ должно быть признано также поступленіе питейнаго дохода. Главную часть этого дохода составляетъ акцизъ съ выкуриваемаго вина. При введеніи у насъ, по уничтоженіи откуповъ, съ 1-го января 1863 года, акцизной системы размѣръ акциза былъ первоначально установленъ въ 4 коп. съ градуса, а въ царствѣ польскомъ (нѣсколько позднѣе, съ 1866 года) въ 2½ коп. съ градуса. При постоянномъ увеличеніи размѣръ акциза къ 1882 году былъ доведенъ, для всѣхъ частей имперіи одинаково, до 8 коп. съ градуса и доставилъ казнѣ въ 1882 и 1883 годахъ по 253 м. рублей въ годъ. Но въ слѣдующіе два года доходъ этотъ сталъ падать и не превысилъ въ 1885 году 231½ мил. рублей. Между тѣмъ въ 1885 году послѣдовало новое, до 9 коп. съ градуса, возвышеніе акциза, которое должно было оказать полное вліяніе съ 1886 года. На этотъ годъ питейный доходъ былъ исчисленъ по росписи въ 250½ мил. рублей. Разбирая роспись, мы [1]), основываясь на количествѣ потребляемаго спирта, находили, при возвышеніи акциза на 12½%, такое исчисленіе слишкомъ скромнымъ. Оказалось однако, что ошиблись въ невыгодную сторону не только мы, но и министерство финансовъ: дохода отъ питей получено въ 1886 году всего лишь 237 м. р., менѣе нежели предполагалось на 13 мил. р. Сумма эта, по вычетѣ другихъ видовъ питейныхъ сборовъ, соотвѣтствуетъ акцизу съ 24 съ небольшимъ милліоновъ ведеръ безводнаго (сто-градуснаго) спирта, а между тѣмъ еще весьма недавно, въ 1880—1883 гг., количество безводнаго спирта, ежегодно оплачивавшагося акцизомъ и, слѣдовательно, шедшаго въ народное потребленіе, доходило до 29 мил. ведеръ и даже больше. Можно ли предполагать, что въ короткое время, несмотря на приростъ населенія, потребленіе народомъ вина сократилось на 16%. Въ статьѣ нашей о росписи на 1886 годъ мы отвѣчали уже на этотъ вопросъ отрицательно. При томъ же мнѣніи остаемся мы и теперь: количество спирта, потребляе-

[1]) „Вѣстникъ Европы", февраль 1886 г., стр. 877 и слѣд.

маго народомъ, не уменьшается, а увеличивается количество его, ускользающее отъ оплаты акцизомъ. Изъ видовъ нарушенія питейнаго устава наиболѣе убыточны для казны контрабандный ввозъ спирта въ предѣлы имперіи, тайное винокуреніе и злоупотребленіе на винныхъ заводахъ; по оффиціальнымъ свѣденіямъ, напр., по отчетамъ департамента неокладныхъ сборовъ, всѣ эти нарушенія (да и другіе ихъ виды также) усиливаются съ каждымъ годомъ. Въ отчетѣ департамента неокладныхъ сборовъ за 1883 годъ указывалось какъ фактъ, что чуть не все поголовно населеніе вдоль нашей западной границы занимается контрабандой какъ главнымъ, если не исключительнымъ промысломъ и преимущественно контробандным ввозомъ спирта. Въ западныхъ же губерніяхъ по преимуществу практикуются тайное винокуреніе и злоупотребленія на винокуренныхъ заводахъ, какъ это доказывается цѣлымъ рядомъ судебныхъ процессовъ. Какими результатами это отзывается для казны, можно судить по слѣдующимъ даннымъ. Двадцать лѣтъ тому, въ царствѣ польскомъ, при существовавшемъ тогда размѣрѣ акциза въ $2^1/_2$ коп. съ градуса, оплачивалось акцизомъ около 3.500.000 ведеръ въ годъ безводнаго спирта; въ 1886 году весь питейный налогъ въ царствѣ польскомъ доставилъ до $15^1/_2$ м. рублей, что, по вычетѣ разныхъ сборовъ (патентнаго, съ пива и т. д.), при 9 коп. акциза съ градуса, соотвѣтствуетъ не болѣе какъ $1^1/_2$ мил. ведеръ безводнаго спирта. Итакъ, въ теченіе 20 лѣтъ потребленіе вина сократилось почти въ $2^1/_2$ раза, несмотря на то, что въ этотъ періодъ народонаселеніе (въ 1867 г. около 6 мил. душъ) увеличилось на 20—25%, а промышленная и преимущественно фабричная дѣятельность за послѣднее время такъ усилилась, что многимъ кажется даже необходимымъ принять мѣры противъ ея дальнѣйшаго развитія.

Такое же бросающееся въ глаза уменьшеніе питейнаго дохода замѣчается и въ другихъ пограничныхъ губерніяхъ, напримѣръ въ бессарабской, гдѣ въ 1882 году питейный доходъ доставилъ казнѣ болѣе 4 мил. рублей, а затѣмъ, все падая и падая, въ 1886 году не превысилъ 2.700.000 р. Да и не мудрено: премія за спиртъ, пущенный въ оборотъ безъ оплаты его акцизомъ, слишкомъ заманчива для того, чтобы изъ-за нея не потрудиться,— и трудятся. Нѣтъ ухищренія, предъ которымъ остановились бы „водворители“ контрабаднаго спирта въ наши предѣлы; въ этомъ отношеніи они доходятъ до виртуозности: спиртъ провозится въ выдолбленныхъ кузовахъ телѣгъ и саней, въ полѣнницахъ дровъ, въ бревнахъ и, наконецъ, въ жестянкахъ, запеченныхъ въ караваи ржаного хлѣба.

Взирая на понижающіяся цифры питейнаго казеннаго дохода, напрасно стали бы радоваться ревнители народной трезвости; пьян-

ство, по всѣмъ извѣстіямъ, не уменьшается. Въ этомъ отношеніи не принесъ, повидимому, пользы и законъ 1885 года о торговлѣ крѣпкими напитками, имѣвшій, между прочимъ, цѣлью содѣйствовать болѣе умѣренному и равномѣрному употребленію вина и уничтоживший прежній классическій кабакъ съ замѣной его трактиромъ, гдѣ, какъ предполагалось, вино будетъ потребляться вмѣстѣ съ ѣдою, и винными и ведерными лавками, въ которыхъ вино должно продаваться не распивочно, а въ запечатанной посудѣ, для употребленія его на дому. Цѣль оказывается недостигнутой: возникшіе во множествѣ трактиры являются тѣми же кабаками: о ѣдѣ въ нихъ и помину нѣтъ, а только пьютъ и пьютъ, съ тою еще разницей, что тотъ, кто постыдился бы пойти въ прежній кабакъ, теперь съ спокойной совѣстью посѣщаетъ заведенія, носящія облагороженное названіе трактира. Посѣщеніе трактировъ женщинами стало заурядnымъ явленіемъ; въ прежнихъ кабакахъ онѣ не бывали. Винныя лавки превращаются въ распивочныя незамысловатымъ маневромъ: владѣльцы ихъ нанимаютъ рядомъ крестьянскую избу, въ которой на полной свободѣ и распивается принесенное изъ лавки вино; даже въ особой избѣ нѣтъ надобности: вино распивается на улицѣ передъ лавкой, причемъ многими торговцами, для удобства публики, устраиваются столбы съ привѣшенною къ нимъ на цѣпочкѣ жестяною кружкой и со скамьями для сидѣнья.

Приведенные цифры и факты свидѣтельствуютъ, что измѣненія, послѣдовавшія въ 1885 году въ питейномъ дѣлѣ, не достигли цѣли ни относительно выгоды казны, ни относительно народной нравственности. Въ настоящую минуту направленіе, имѣвшее въ виду двѣ совершенно различныя и мало совмѣстимыя цѣли, повидимому оставлено. Но можно думать, по примѣру прошлаго, что дальнѣйшимъ повышеніемъ акциза съ питей, о проектахъ котораго носятся слухи, не достигнется и прямой цѣли—увеличенія дохода казны.

Таможенный доходъ доставилъ, въ 1886 году, 102 мил. руб., болѣе предшествовавшаго года на 5 мил. рублей. На ту же приблизительно цифру доходъ этотъ превышаетъ среднее поступленіе таможеннаго дохода за все девятилѣтіе съ 1878 года, т.-е. со времени введенія уплаты пошлины золотомъ [1]). Это увеличеніе объясняется, отчасти, поступленіемъ большого количества пошлинъ съ металловъ, а глав-

[1]) „Золотая“ пошлина была установлена въ 1876 году и примѣнена съ 1877 г., но въ первый годъ она не увеличила таможеннаго дохода, доставившаго только 52 мил. рубл., такъ какъ въ виду предстоящаго увеличенія таможеннаго тарифа коммерсанты спѣшили ввезти нужное на 1877 годъ количество товаровъ въ концѣ 1876 г. Притомъ 1877 годъ былъ годъ войны.

нымъ образомъ съ чая. Въ 1884 и 1885 году ихъ получено менѣе 20 м. рублей; въ 1886 году поступленіе чайныхъ пошлинъ превысило 25 м. р., хотя количество ввезеннаго въ 1886 году чая (2 м. пудовъ съ небольшимъ), большее противъ ввоза 1885 г. (1.700.000 п.), совершенно совпадаетъ съ ввозомъ 1884 года. Изъ этого видно, что въ 1885 году привозъ чая, подъ вліяніемъ возвышенной таможенной пошлины, сократился на 15% и возросъ снова, когда прежніе запасы истощились. Возвышеніе пошлинъ на чай на первое время (что̀ будетъ дальше—еще вопросъ) принесло пользу не только казнѣ, но и нѣкоторымъ другимъ профессіямъ: по свѣденіямъ изъ пограничныхъ западныхъ губерній, контрабандный промыселъ, сосредоточивавшій, главнымъ образомъ, свою дѣятельность на провозѣ спирта, теперь обратилъ усиленное вниманіе на чай: ввозится не только чай (напримѣръ, въ дублированныхъ стѣнкахъ приходящаго въ портъ судна), но и кипы изготовленныхъ обертокъ съ этикетами извѣстныхъ фирмъ. Неменьшее поощреніе своей дѣятельности нашли въ увеличенныхъ пошлинахъ на чай и чайные торговцы, усиливъ сбытъ подъ именемъ китайскаго капорскаго продукта до того, что теперь рѣдкій день не приходится читать о новомъ судебномъ разбирательствѣ по этому предмету, или о захватѣ полиціей въ лавкахъ и трактирахъ цѣлыхъ грудъ этого отечественнаго суррогота китайскаго зелья.

Подъ вліяніемъ усиленнаго таможеннаго тарифа, какъ нашего, такъ и нашихъ сосѣдей, а равно вслѣдствіе общаго промышленнаго застоя, какъ привозъ къ намъ товаровъ, такъ и вывозъ нашихъ за границу, въ послѣднее пятилѣтіе, сократился на цѣлую треть. При этомъ, однако, торговый балансъ (судя по оффиціально извѣстнымъ даннымъ, безъ соображенія контрабаднаго ввоза) постоянно, и въ довольно значительномъ размѣрѣ, склоняется въ нашу пользу. Отчетъ государственнаго контроля приводитъ по этому предмету слѣдующія цифры, заимствованныя изъ свѣденій министерства финансовъ:

	привозъ по европейской торговлѣ	вывозъ по европейской торговлѣ
	рублей:	
Въ 1882 г.	527.512.000	667.343.000
„ 1883 „	519.137.000	627.419.000
„ 1884 „	491.649.000	553.963.000
„ 1885 „	385.697.000	504.784.000
„ 1886 „	379.715.000	450.651.000

Если и въ дальнѣйшемъ будетъ продолжаться такое же сокращеніе оборотовъ нашей внѣшней торговли, то едва ли послѣдуетъ приращеніе таможеннаго дохода. По росписи на 1887 годъ поступленіе этого дохода опредѣлено въ цифрѣ 115 мил. рублей, болѣе

противъ росписи 1886 года на 15 милліоновъ рублей; но, по свѣденіямъ о поступленіи доходовъ съ 1-го января по 1-е октября 1887 года, таможенныхъ сборовъ получено всего лишь 57 милліоновъ рублей, менѣе—сравнительно съ поступленіемъ ихъ за тотъ же періодъ 1886 года—на 11½ м. рублей. Между тѣмъ внесеніе въ роспись 1887 года суммы таможеннаго дохода, значительно превышающей доходы прежнихъ лѣтъ, основывалось на томъ, что при перечисленіи золотой валюты въ кредитные рубли (пошлина поступаетъ золотомъ, а въ росписи показывается въ кредитныхъ рубляхъ) для 1887 г. былъ принятъ курсъ въ 1 р. 67 коп. кред. за золотой рубль, тогда какъ въ 1886 и предыдущіе годы онъ принимался всего лишь въ 1 р. 50 к. кред. Если принять это во вниманіе, то разность окажется еще значительнѣе: она составитъ слишкомъ 11 мил. металлическихъ, т.-е. болѣе 18 мил. кредитныхъ.

Впрочемъ, нужно замѣтить, что при частомъ измѣненіи тарифа цифры таможеннаго дохода постоянно колеблются независимо отъ торговыхъ или экономическихъ условій. Иногда довольно одного слуха о предположеніи повысить пошлину на какой-нибудь товаръ для того, чтобы торговцы поспѣшили очистить пошлиной большее количество его, что́ увеличиваетъ таможенный доходъ текущаго года въ ущербъ слѣдующему.

Изъ другихъ доходныхъ статей слѣдуетъ упомянуть о пятипроцентномъ сборѣ отъ денежныхъ капиталовъ, доставившемъ 10 мил. рублей, и о дополнительныхъ сборахъ процентномъ и раскладочномъ съ торговыхъ и промышленныхъ предпріятій, которыхъ поступило 5 мил. рублей. Эти сборы установлены только съ 1885 года и служатъ—какъ это мы уже объясняли—первымъ, довольно впрочемъ нерѣшительнымъ шагомъ ко введенію у насъ подоходнаго налога. Акциза съ сахара поступило 15 мил. рублей, болѣе предшествующаго года на 1.200.000 р., вслѣдствіе того, что акцизъ, согласно установленному въ 1881 году плану, съ 1 августа 1886 года увеличенъ съ 65 к. до 85 коп. съ пуда. Впрочемъ, относительно сахарнаго дохода въ объяснительной къ отчету запискѣ много оговорокъ. Съ одной стороны—читается въ ней—„такъ какъ по смѣтѣ расходовъ издержано 3 мил. р. (2.999.997 р.) на вывезенный за границу сахарный песокъ, то дѣйствительный доходъ казны отъ акциза на сахаръ составитъ 12 мил. рублей". Но, съ другой стороны, „сумма эта не выражаетъ собою полной цифры дохода 1886 года, такъ какъ часть дохода (около 4 мил. р.), вслѣдствіе дарованной сахарозаводчикамъ отсрочки во взносѣ причитающагося съ нихъ акциза періода 188⅝ г. и вывозной преміи до 1 марта 1887 года, поступила

уже въ доходъ 1887 года". Съ третьей стороны, за вывезенный за границу сахаръ, захарозаводчикамъ выдано въ 1886 году преміи 4.618.919 рублей [1]). Со стороны четвертой, въ возмѣщеніе выданныхъ премій въ 1886 году поступило 787.544 р. Вѣроятно нашлась бы еще и пятая сторона, въ видѣ поступленія въ 1886 году въ сахарный доходъ такихъ суммъ, которыя причитались собственно за одно изъ предшествующихъ лѣтъ. Но и изъ приведенныхъ цифръ видно, что выгода, извлекаемая казной изъ увеличивающагося сахарнаго дохода, нѣсколько проблематична, а счеты по этому доходу такъ же запутаны, какъ запутаны въ послѣднее время и отношенія казны къ захарозаводчикамъ. Весьма желательно упрощеніе этихъ отношеній. Выдача премій, согласно мнѣнію государственнаго совѣта при ихъ установленіи, прекратилась съ первыхъ мѣсяцевъ 1887 г. Можно надѣяться, что впредь такія преміи, въ томъ же или другомъ видѣ, разрѣшаемы не будутъ. Принципъ: laissez faire, laissez passer—наиболѣе пригоденъ въ государственной промышленной политикѣ, по крайней мѣрѣ внутренней, и наиболѣе выгоденъ и для казны, и для народа, и для самой промышленности; отступленія отъ него могутъ быть допускаемы только въ исключительныхъ, и очень, очень рѣдкихъ случаяхъ. Въ этомъ мы можемъ сослаться на слова бывшаго министра финансовъ Н. Х. Бунге, въ его всеподданнѣйшемъ докладѣ о росписи на 1886 годъ, парировавшаго „требованія, обращенныя къ государственному казначейству" и говорившаго о невыгодѣ безплодно растрачиваемыхъ казенныхъ субсидій [2]). Жаль только, что ясно сознаваемыя въ теоріи правильныя экономическія положенія утрачиваютъ свою руководящую силу передъ напоромъ мелкихъ, минутныхъ, не всегда безкорыстныхъ теченій.

Сборъ съ пассажировъ желѣзныхъ дорогъ и съ перевозимыхъ по нимъ грузовъ большой скорости доставилъ 7.905.000 р., нѣсколько менѣе противъ 1885 года. Въ объяснительной къ отчету запискѣ это приписывается уменьшенію числа пассажировъ 1 и 2 класса, хотя общее число ихъ въ 1886 году (34.330.000 человѣкъ) нѣсколько увеличилось противъ предшествовавшаго года.

---

[1]) Какъ извѣстно, выдача премій за вывозимый за границу сахаръ, сначала по 1 р., потомъ по 80 к. съ пуда, была установлена вслѣдствіе жалобъ сахарозаводчиковъ на то, что имъ некуда сбывать излишекъ производимаго сахара. Премія этой въ 1885 и 1886 годахъ выдано за 7.600,000 пудовъ 6.532,860 р.; премія эта выдана какъ бы въ ссуду, но на не совсѣмъ обыкновенныхъ условіяхъ возврата („Вѣстн. Европы", февраль 1887 года, стр. 807). Сверхъ премія за вывезенный сахаръ возвращается акцизъ.

[2]) См. „Вѣстникъ Европы", февраль, 1886 г., стр. 883 и 884.

Наши государственные расходы, какъ это неоднократно говорилось, постоянно увеличиваются: въ десятилѣтіе 1877—1886 года они увеличились съ 588 мил. р. до 780 мил. [1]), т.-е. на 192 мил. рублей. Увеличеніе это по годамъ происходило неравномѣрно; былъ даже годъ, когда (1882 г.) расходъ сравнительно съ предшествующимъ годомъ, вслѣдствіе исключительныхъ и случайныхъ обстоятельствъ, понизился на 25 мил. р. [2]). Но подробное разсмотрѣніе тѣхъ условій, при которыхъ происходило измѣненіе въ цифрахъ бюджета за указанное десятилѣтіе, какъ въ общемъ, такъ и по отдѣльнымъ вѣдомствамъ, приводитъ къ заключенію, что сравненіе цифръ 1877 и 1886 года даетъ понятіе о нормальномъ, свойственномъ нашимъ бюджетамъ, ростѣ нашихъ государственныхъ расходовъ. Главное увеличеніе произошло по слѣдующимъ вѣдомствамъ: 1) по системѣ государственнаго кредита на 98 мил. р. (114—212 мил. р.), вслѣдствіе заключенныхъ за это время займовъ; 2) по военному вѣдомству на $19^1/_2$ мил. р. ($192^1/_2$—212 мил. р.), вслѣдствіе общаго увеличенія расходовъ, въ томъ числѣ и на строительныя работы; 3) по морскому вѣдомству на 17 мил. р. (28—45 мил. р.), преимущественно вслѣдствіе усиленныхъ въ три послѣдніе года расходовъ на кораблестроеніе; 4) по министерству финансовъ на 16 мил. р. (100—116 мил. р.), вслѣдствіе разныхъ значительныхъ приплатъ въ послѣдніе годы по гарантіи чистаго дохода желѣзныхъ дорогъ, по выдачѣ премій и возврату акциза за вывезенный за границу сахаръ, и пр.; 5) по министерству внутреннихъ дѣлъ на $15^1/_2$ мил. р. (57—$72^1/_2$ мил. р.), вслѣдствіе увеличившихся расходовъ на содержаніе полицейскихъ управленій, на пожарную часть, на тюрьмы и многія другія учрежденія; 6) по министерству путей сообщенія на $15^1/_2$ мил. р. (10—$25^1/_2$ мил. р.), вслѣдствіе вновь возникшихъ расходовъ (рядомъ съ доходами) по эксплоатаціи принятыхъ въ вѣденіе казны и построенныхъ ею желѣзныхъ дорогъ; 7 и 8) по министерствамъ народнаго просвѣщенія на $4^1/_2$ мил. р. ($16^1/_2$—21 м. р.), и юстиціи на $3^1/_2$ м. р. ($16^1/_2$—20 мил. р.), отъ развитія подвѣдомственныхъ имъ учрежденій.

Принимая въ соображеніе приведенныя данныя, нельзя не признать такое увеличеніе расходовъ умѣреннымъ, тѣмъ болѣе, что съ 1887 года курсъ нашего кредитнаго рубля значительно упалъ, а это и помимо платежей, производимыхъ въ металлической валютѣ, должно

---

[1]) Изъ общей суммы расходовъ 1886 г. исключаются, для правильности сравненія обороты выкупной операціи, до 1885 года не вносившіеся въ общую роспись.

[2]) Вслѣдствіе того, напр., что въ 1881 году по военному вѣдомству были сдѣланы большіе вещевые запасы, которые расходовались въ слѣдующіе годы, вслѣдствіе чего расходы 1882, 83 и 84 годовъ по военному вѣдомству сократились на 25—28 мил., да и въ 1885 и 1886 году не превосходили 209 и 212 мил. рублей.

было вообще отозваться невыгодно на казенномъ хозяйствѣ, какъ невыгодно отзывается и на хозяйствѣ частныхъ лицъ. Надѣяться на уменьшеніе расходовъ въ будущемъ нѣтъ ни малѣйшаго основанія, напротивъ, слѣдуетъ ожидать, что и впередъ они будутъ возрастать, какъ возрастали до сихъ поръ. Это видно, между прочимъ, уже изъ того, что платежи по займамъ на общегосударственныя потребности по росписи на 1887 годъ исчислены въ суммѣ 177 м. р., болѣе противъ росписи 1886 г. (151 м. р.) на 26 мил. рублей, да уплатъ, подлежащихъ возврату отъ желѣзныхъ дорогъ, но, какъ извѣстно, никогда въ полной цифрѣ не возмѣщаемыхъ, въ суммѣ 65 мил. рублей, на 7 мил. р. болѣе противъ росписи 1886 года. Правда, значительная часть этого увеличенія въ платежахъ по заграничнымъ обязательствамъ зависитъ отъ того, что по росписи 1887 года платежи по долгамъ, заключеннымъ на металлическую валюту, исчислены въ размѣрѣ 1 р. 67 коп. кр. за металлическій рубль. Но, независимо отъ этого, платежи увеличились отъ увеличенія общей суммы государственныхъ долговъ, которыхъ къ 1 января 1886 года числилось 5.186.194.196 р. [1]), къ 1 января 1887 года 5.263.952.532 р., болѣе на 77.758.336 рублей. Затѣмъ, хотя по всѣмъ другимъ расходамъ роспись 1887 года не представляетъ увеличенія противъ 1886 года, даже по нѣкоторымъ вѣдомствамъ есть незначительныя сокращенія, но, какъ убѣждаетъ насъ опытъ, при исполненіи росписи расходы рѣдко остаются въ предѣлахъ, отведенныхъ имъ смѣтами.

Невыгодное финансовое положеніе не исчерпывается превышеніемъ обыкновенныхъ расходовъ нашего бюджета надъ доходами; къ этому присоединяются еще и расходы чрезвычайнаго бюджета.

Собственно чрезвычайныя поступленія, имѣющія характеръ дѣйствительнаго дохода, весьма невелики. Въ 1885 году ихъ было менѣе 3 мил. р. военнаго вознагражденія, да около 9 мил. рублей возврата желѣзно-дорожными обществами ссудъ, выданныхъ имъ въ счетъ дополнительныхъ облигаціонныхъ капиталовъ, если только возвратъ считать доходомъ. Въ росписи на 1887 годъ такихъ поступленій предвидится еще меньше: около $3^1/_2$ м. р. военнаго вознагражденія и 1.625.000 р. въ возвратѣ отъ желѣзныхъ дорогъ.

---

[1]) Въ томъ числѣ долга по кредитнымъ билетамъ 694.960.853 р.; къ 1 января 1887 г. долгъ по кредитнымъ билетамъ уменьшился на 50 мил., вслѣдствіе уплаты этой суммы госуд. банку за выпущенные имъ для государственныхъ потребностей кредитные билеты. Долги въ металлической валютѣ и къ 1886 и къ 1887 году исчислены по курсу 1 р. 50 коп. за металлическій рубль.

Въ этомъ отношеніи 1886 г. былъ удачнѣе, такъ какъ въ этомъ году, сверхъ 1½ мил. р. военнаго вознагражденія, оказалось 26½ мил. рублей, возвращенныхъ желѣзными дорогами въ возмѣщеніе произведенныхъ имъ въ прежнее время выдачъ. Но въ параллель съ этимъ 28-милліоннымъ поступленіемъ нужно было произвести чрезвычайныхъ расходовъ на постройку казенныхъ желѣзныхъ дорогъ и на улучшенія въ нихъ, а отчасти и на частныя желѣзныя дороги (2.347.000 р.) до 60 мил. рублей, да 2 мил. р. слишкомъ на устройство портовъ. Разумѣется, эти расходы должны быть отнесены къ разряду капитальныхъ, т.-е. такихъ, которые не могутъ уравновѣшиваться текущими доходами, а сами создаютъ источники будущихъ доходовъ или непосредственно—въ суммахъ, поступающихъ въ казну, или косвенно—въ извлекаемыхъ народнымъ хозяйствомъ выгодахъ. Но если выгода не обнаруживается въ приращеніи государственныхъ доходовъ, какъ, напр., по сооруженію стратегическихъ желѣзныхъ дорогъ, а капитальныя сооруженія производятся изъ года въ годъ въ очень значительныхъ размѣрахъ—въ 1884 г. такихъ расходовъ было произведено на 38 мил. р., въ 1885 г. на 56 м. р. и т. д.,—то они ложатся весьма тяжелымъ бременемъ на государственное казначейство, и безъ того не имѣющее возможности свести балансъ по бюджету.

Вмѣстѣ съ увеличеніемъ долговъ казны, ростутъ долги и недоимки, причитающіеся государственному казначейству. Къ 1886 году долговъ казнѣ числилось 1.161.443.815 р.; въ теченіе 1886 года исключено изъ счетовъ, по безнадежности взысканія и по другимъ случаямъ, 12 м. р. слишкомъ; тѣмъ не менѣе, къ 1887 году долги казнѣ увеличились до 1.206.647.357 рублей, т.-е. на 45 мил. рублей.

Наибольшее увеличеніе долга, какъ и въ прежніе годы, оказалось въ суммахъ, причитающихся съ желѣзныхъ дорогъ. Долгъ ихъ, составлявшій къ 1886 году 981.313.847 р., изъ которыхъ въ 1886 году было списано со счетовъ 1.800.000 р., увеличился къ 1887 году до 1.019.150.000 рублей, т.-е. на 38 мил. рублей. Несмотря на громадность этой суммы, такой результатъ финансовыхъ отношеній казны къ частнымъ желѣзнымъ дорогамъ можно считать еще сравнительно благопріятнымъ. Въ одной изъ предшествовавшихъ статей по отчетамъ мы говорили объ этихъ отношеніяхъ [1]); повторимъ вкратцѣ сущность. Доходъ большей части желѣзно-дорожныхъ облигацій и акцій гарантированъ казною, которая и выплачиваетъ эти себя причитающіеся по нимъ проценты; сверхъ того, выдаетъ дорогамъ разныя ссуды; но отъ дорогъ получаетъ въ возмѣщеніе не все ею из-

[1]) „Вѣстникъ Европы", январь 1886 г., стр. 375.

расходованное, а лишь извѣстную часть чистаго дохода дорогъ. Недоданное записывается въ долгъ за тою или другою желѣзной дорогой, но опять подъ условіемъ возврата лишь въ случаѣ избытка чистаго дохода. Въ 1886 году казною, по уплатѣ гарантіи, съ суммой (около 3 мил. р.) на затраты по устройству желѣзныхъ дорогъ, израсходовано 63 мил. рублей; получено же отъ нихъ 57 м. р., такъ что излишекъ дѣйствительныхъ расходовъ казны простирается до 6 м. р.; но это благодаря лишь поступившимъ уплатамъ за прежнее время. Въ упомянутой статьѣ, на основаніи цифръ нѣсколькихъ предшествовавшихъ лѣтъ, мы опредѣляли среднюю цифру ежегоднаго увеличенія задолженности желѣзныхъ дорогъ казнѣ въ 70 мил. руб. Но въ послѣдніе годы условія значительно измѣнились, вслѣдствіе того, что нѣкоторыя частныя дороги, наиболѣе убыточныя, поступили въ казенное вѣденіе, какъ, напр., дороги тамбово-саратовская, николаевская, муромская. Долги, за ними числившіеся, списаны со счетовъ, а приносимые ими убытки падаютъ непосредственно на казенныя финансовыя смѣты. Тѣмъ не менѣе, за 1885 годъ долги частныхъ желѣзныхъ дорогъ казнѣ увеличились на 59 м. рублей. Въ 1886 году увеличеніе задолженности ограничилось приведенною выше цифрою 38 мил. р., главнымъ образомъ, потому, что—не въ примѣръ ни прошедшему, ни будущему—отъ юго-западныхъ желѣзныхъ дорогъ, въ возмѣщеніе прежнихъ выдачъ, поступило въ казну 18 мил. рублей.

Есть, однако, еще причина, по которой приплаты казны за частныя желѣзныя дороги нѣсколько понизились. Обширные и столь невыгодные обороты желѣзныхъ дорогъ и необходимость улучшенія существующихъ въ нихъ порядковъ справедливо вызвали усиленное вниманіе высшихъ правительственныхъ учрежденій и особенно государственнаго контроля, въ которомъ желѣзно-дорожный отдѣлъ принялъ характеръ и размѣры департамента. Сверхъ того, при отдѣлѣ учреждена особая коммиссія, на которую возложено повѣрять отчеты частныхъ желѣзныхъ дорогъ за прежнее время. Затѣмъ существуютъ мѣстныя контрольныя учрежденія для практической повѣрки оборотовъ какъ казенныхъ дорогъ, такъ и нѣкоторыхъ особенно невыгодныхъ частныхъ. Серьезное отношеніе къ дѣлу, а именно: тщательное предварительное разсмотрѣніе желѣзно-дорожныхъ смѣтъ, повѣрка правильности производимыхъ расходовъ, наблюденіе за согласнымъ съ уставами распредѣленіемъ дохода и за своевременностью разсчетовъ съ казною—не осталось безъ вліянія. Но это вліяніе можетъ выразиться лишь болѣе или менѣе значительнымъ уменьшеніемъ ежегодныхъ приплатъ казны за желѣзныя дороги и никогда не дойдетъ до установленія равновѣсія между суммами, приплачиваемыми казною, и тѣми, какія поступаютъ отъ желѣзныхъ дорогъ, не говоря уже ни

объ уплатѣ прежняго долга, ни объ уплатѣ какой-либо части причитающихся по этому долгу процентовъ. Причина этого заключается въ коренной несостоятельности желѣзно-дорожныхъ обществъ, происходящей, по выраженію объяснительной къ отчету записки, отъ слишкомъ дорогой постройки желѣзныхъ дорогъ. Наглядное понятіе по этому предмету даютъ таблицы, напечатанныя въ 1887 году коммиссіею, учрежденною для повѣрки отчетовъ частныхъ желѣзныхъ дорогъ „объ основныхъ капиталахъ желѣзныхъ дорогъ, эксплоатируемыхъ частными обществами, результатахъ эксплоатаціи ихъ въ 1883—1885 гг. и долгахъ общества правительству". Таблицы эти касаются 42 желѣзныхъ дорогъ, находившихся до 1887 въ частномъ управленіи [1]).

Основные строительные капиталы этихъ 42 дорогъ составляли 2.612.098.538 рублей [2]), въ томъ числѣ 205.993.603 р. негарантированныхъ и 2.406.104.935 р. гарантированныхъ. Обязательныхъ ежегодныхъ платежей по нимъ 119.681.732 р., въ томъ числѣ 5.264.375 р. по негарантированнымъ и 114.417.356 р. по гарантированнымъ. Средній ежегодный доходъ всѣхъ дорогъ, за періодъ 1883—85 гг., составлялъ валовой 221 м. р., а чистый 85 мил. руб. Доходъ за 1886 годъ, какъ это видно изъ отчета государственнаго контроля, нѣсколько ниже показанной средней цифры. Такимъ образомъ, даже еслибы весь чистый доходъ, съ круговой порукой дорогъ одна за другія, поступалъ на обязательныя ежегодныя уплаты, то и въ такомъ случаѣ недоборъ оказался бы въ суммѣ около 34 мил. рублей. При разсчетѣ съ каждой дорогой отдѣльно, результатъ выходитъ еще менѣе утѣшительнымъ. Напримѣръ, по уральской дорогѣ ежегодный обязательный платежъ равняется 4.089.503 р., а чистый доходъ— 235.392 рублямъ.

Выходъ изъ такого положенія одинъ: наиболѣе убыточныя частныя дороги послѣдовательно будутъ переходить въ вѣденіе казны, лежащіе на нихъ долги спишутся со счетовъ, а тягостныя обязательства будутъ непосредственно исполняться казною. Можно только надѣяться, что, какъ ни неудобно вообще веденіе казною промышленнаго предпріятія, казенная эксплоатація желѣзныхъ дорогъ будетъ менѣе убыточна, нежели нынѣшняя эксплоатація ихъ съ безшабашными управленіями, подставными общими собраніями и полнѣйшимъ равнодушіемъ пайщиковъ къ веденію дѣла, благо гарантированъ

[1]) Изъ этихъ дорогъ въ 1887 году еще одна, наиболѣе убыточная, уральская перешла въ казенное вѣденіе.

[2]) При исчисленіи строительныхъ капиталовъ металлическіе рубли переведены въ кредитные по курсу 1 р. 80 к. кр. за металлич. рубль.

опредѣленный доходъ съ облигацій и акцій, давно уже покоящихся въ разныхъ банковыхъ учрежденіяхъ.

Но подъ чьимъ бы управленіемъ ни находились желѣзныя дороги, не онѣ, очевидно, выведутъ нашъ государственный бюджетъ изъ затруднительнаго положенія.

Къ вопросу о средствахъ установленія равновѣсія между доходами и расходами нашего государственнаго бюджета мы возвратимся при обозрѣніи государственной росписи на 1888 годъ, обнародованіе которой должно послѣдовать одновременно съ появленіемъ настоящей нашей статьи въ печати.

Обзоръ нашъ исполненія государственной росписи за 1886 годъ закончимъ отдѣломъ, котораго до сихъ поръ въ нашихъ ежегодныхъ статьяхъ мы не касались: такъ-называемыми спеціальными средствами. Средства эти во многихъ отношеніяхъ служатъ казнѣ подспорьемъ къ удовлетворенію общественныхъ и правительственныхъ потребностей, которыя безъ нихъ должны бы упадать непосредственно на суммы государственнаго казначейства. Всѣхъ „средствъ“ значится, по отчету государственнаго контроля, 258. Оборотъ принадлежащихъ имъ всѣмъ вмѣстѣ капиталовъ представляется за 1886 годъ въ слѣдующемъ видѣ: оставалось къ 1886 году капиталовъ 258.516.569 р.; въ теченіе года поступило 40.279.421 рубль; израсходовано 34.531.702 р.; осталось къ 1887 году 264.264.287 рублей. Наиболѣе крупные капиталы принадлежатъ эмеритальнымъ капиталамъ нѣкоторыхъ вѣдомствъ, а именно:

	Состояло къ 1886 г.	Поступило въ 1886 г.	Израсходовано въ 1886 г.	Осталось къ 1887 г.
		Рублей.		
1) Капиталъ эмеритальной кассы военно-сухопутнаго вѣдомства . . .	87.924.909	7.619,156	5.308.665	90.235.400
2) Капиталъ эмерит. кассы морского вѣдомства	18.807 649	1.373,088	1.070,508	19.110.229
3) Эмеритальная касса горныхъ инженеровъ	1.577.997	157.385	136.145	1.599.237
4) Эмеритальная касса инженеровъ путей сообщенія	2.282.192	277,451	176 889	2.382.754
5) Эмерит. капиталъ вѣдомства министерства юстиціи.	6.276.592	904.552	86.020	7.095.124

Въ числѣ эмеритуры значится въ приложеніи къ отчету государственнаго контроля эмеритальный капиталъ царства польскаго, остатокъ котораго показанъ на 1887 г. въ 3 мил. рублей. Но, какъ неоднократно заявлялось въ печати, эмеритура царства польскаго давно уже оказалась несостоятельной, благодаря слишкомъ льготнымъ

условіямъ назначенія эмеритуры, крупнымъ пенсіямъ, при коротких срокахъ выслуги. Въ настоящее время, да и давно уже, вся тяжесть весьма крупныхъ расходовъ по эмеритальнымъ пенсіямъ, въ царствѣ польскомъ отъ полумилліона до милліона рублей въ годъ, падаетъ на государственное казначейство. Едва ли не грозятъ банкротствомъ, судя по цифрамъ оборотовъ, эмеритуры горныхъ инженеровъ и инженеровъ путей сообщенія. Вообще возможность учрежденія эмеритуры казенныхъ вѣдомствъ весьма сомнительна, хотя онѣ и представляются очень заманчивыми. Вначалѣ, пока нѣтъ выдачи пенсій, капиталы быстро ростутъ, но черезъ пятнадцать-двадцать лѣтъ, оказывается, что ежегодные взносы уже не покрываютъ выдаваемыхъ пенсій. Періодъ же времени, въ который общая сумма назначаемыхъ пенсій ростетъ, при распространеніи пенсій на вдовъ и сиротъ, не менѣе 70—90 лѣтъ; только по истеченіи этого періода число выбывающихъ пенсіонеровъ равняется числу вновь назначаемыхъ, и то если не будетъ расширенія штатовъ. Между тѣмъ, лица, отъ которыхъ идетъ иниціатива учрежденія эмеритуры въ томъ или другомъ вѣдомствѣ, обыкновенно въ немъ очень вліятельныя, естественно желаютъ и сами воспользоваться выгодами эмеритуры, и назначаютъ выдачу эмеритальныхъ пенсій даже за пять лѣтъ участія въ эмеритурѣ, при долговременной государственной службѣ. За 10—15 лѣтъ эти выдачи достигаютъ особенно значительныхъ размѣровъ. Сложность исчисленій при установленіи правилъ эмеритуры и неопредѣленность необходимыхъ для этого данныхъ, основанныхъ на теоріи вѣроятностей, облегчаютъ проведеніе любого проекта. Повѣрка невозможна. Проектъ, проведенный вліятельными лицами, оказывается принятымъ, а черезъ десять лѣтъ эмеритальной кассѣ уже грозитъ банкротство. Наглядным примѣромъ этого можетъ служить эмеритура горныхъ инженеровъ. Года три тому назадъ, въ правилахъ ея послѣдовали значительныя измѣненія: размѣры пенсій значительно сокращены, и, тѣмъ не менѣе, поступленія эмеритуры всего лишь на 21 т. р. превышаютъ расходъ. Нѣтъ сомнѣнія, что черезъ нѣсколько лѣтъ потребуется или новое ограниченіе правъ эмеритантовъ, или кассѣ снова будетъ грозить банкротство. Въ выгодномъ положеніи, безъ перспективы несостоятельности, находится эмеритура военнаго вѣдомства, но лишь вслѣдствіе того, что въ основу этой эмеритуры положенъ пожертвованный казною восьмимилліонный фондъ.

Вообще нельзя не придти къ заключенію, что эмеритура есть наименѣе удобная форма обезпеченія находящихся въ правительственной службѣ лицъ въ старости или ихъ семействъ по ихъ смерти: или эмеритальная касса должна находиться подъ страхомъ банкрот-

ства, или, въ устраненіе этого, въ основаніе ея должны быть положены слишкомъ тяжелыя для участниковъ условія. Лѣтъ семь-восемь тому назадъ была образована коммиссія для пересмотра пенсіоннаго устава. Она остановилась-было на эмеритурѣ, но признала необходимымъ опредѣлить размѣръ эмеритальныхъ вычетовъ въ 12%,— размѣръ, невозможный даже для наиболѣе выгодно поставленнаго служащаго.

Къ отдѣлу пенсіонныхъ капиталовъ, вмѣстѣ съ эмеритальными кассами, могутъ быть отнесены: а) инвалидный капиталъ, достигнувшій къ 1887 году размѣра 24 милліоновъ рублей, при ежегодномъ оборотѣ по доходамъ и расходамъ около 3 м. р.; и б) капиталъ призрѣнія заслуженныхъ гражданскихъ чиновниковъ, составившій къ 1887 году 5.430.000 р. при поступленіи, въ 1886 году— 630 т. р. и при расходѣ въ 273 т. рублей.

Какъ видно изъ отчета государственнаго контроля, изъ спеціальныхъ средствъ израсходовано въ 1886 году на эмеритальныя и другія пенсіи и пособія лицамъ, оставившимъ службу, и инвалидамъ 9.817.000 рублей.

Изъ другихъ наиболѣе крупныхъ расходовъ изъ спеціальныхъ средствъ слѣдуетъ упомянуть о пособіяхъ по случаю пожаровъ, неурожая, падежа скота и т. п.—4.628.000 р.; на содержаніе учебныхъ заведеній, стипендіи и пособія на воспитаніе 4 мил. р.; издержки по тюремной части—2 мил. рублей, на квартирное довольствіе войскъ— 1.000.000 рублей.

Ѳ. С.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 января 1888 г.

Университетскіе безпорядки по сообщеніямъ „Правительственнаго Вѣстника“ и отзывы о томъ въ печати.—Авторитетный голосъ въ пользу свѣтской начальной школы.—Попытка опредѣлить, что даетъ народу начальная школа.—Циркуляръ попечителя дерптскаго учебнаго округа.—Неприкосновенность начальной школы, какъ выводъ изъ всего предыдущаго.—Министерство финансовъ въ 1887 году.—Мировая сдѣлка съ главнымъ обществомъ желѣзныхъ дорогъ.—Къ вопросу о вѣротерпимости.

Въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“, 3-го декабря истекшаго года, появилось слѣдующее сообщеніе, по поводу происшедшихъ, 22-го ноября, въ московскомъ университетѣ безпорядковъ:

„22-го ноября сего года, въ Москвѣ, въ залахъ россійскаго благороднаго собранія, во время концерта съ благотворительною цѣлью, даннаго въ пользу недостаточныхъ студентовъ и фонда оркестра и хора московскаго университета, студентъ 3-го курса юридическаго факультета, Синявскій, въ то время, когда инспекторъ студентовъ шелъ по одной изъ боковыхъ залъ, сзади приблизился къ нему и нанесъ оскорбленіе дѣйствіемъ. Синявскій былъ тутъ же арестованъ, а концертъ продолжался и окончился въ полномъ порядкѣ. Возмутительный фактъ грубаго насилія, совершонный къ тому же въ обстановкѣ, требовавшей со стороны студентовъ, являвшихся какъ бы хозяевами вечера, усиленнаго порядка и вѣжливости относительно собравшейся публики, долженъ былъ, повидимому, возбудить взрывъ негодованія со стороны молодежи, имѣющей честь принадлежать къ старѣйшему изъ русскихъ университетовъ. Къ сожалѣнію, часть студентовъ, по началу незначительная, отнеслась сочувственно къ недостойному поступку товарища и, побуждаемая лицами, постоянно и вездѣ ищущими смуты, задумала устройство сходки на университетскомъ дворѣ во вторникъ, 24-го ноября. Получивъ заблаговременно свѣденія о мѣстѣ и времени сходки, московскій генералъ-губернаторъ принялъ необходимыя мѣры къ предупрежденію нарушенія порядка. Собравшаяся на Моховой, близъ зданія стараго университета, толпа около 800 человѣкъ, состоявшая главнымъ образомъ изъ сту-

дентовъ университета, нѣсколькихъ воспитанниковъ другихъ высшихъ учебныхъ заведеній и праздныхъ зрителей, была своевременно остановлена; университетскія ворота были заперты, и прибывшій на мѣсто безпорядка, по приказанію генералъ-губернатора, оберъ-полиціймейстеръ убѣждалъ собравшихся разойтись. Толпа держала себя сдержанно, обѣщала исполнить обращенное къ ней приглашеніе, но не приводила въ исполненіе обѣщанія. Тогда, вслѣдствіе требованія генералъ-маіора Юрковскаго, вызвана была заранѣе приготовленная, по распоряженію генералъ-адъютанта князя В. А. Долгорукова, сотня казаковъ и остановлена на нѣкоторомъ разстояніи. Обращенное вслѣдъ затѣмъ приглашеніе прекратить недозволенное сборище было немедленно исполнено. Въ то же время въ университетѣ значительное большинство студентовъ совершенно спокойно продолжало слушаніе профессорскихъ лекцій, и только человѣкъ около двухсотъ самовольно прекратили занятія и вышли на университетскій дворъ, съ цѣлью образованія сходки. Приглашенные въ актовую залу ректоромъ университета, они по началу шумно требовали смѣны инспектора и безнаказанности своего поступка, но послѣ категорическаго заявленія попечителя учебнаго округа, что нарушеніе порядка безнаказаннымъ остаться не можетъ, и что степень взысканія будетъ зависѣть отъ ихъ дальнѣйшаго поведенія, они подчинились требованію попечителя разойтись изъ университета и оставить свои билеты у находившагося тутъ же ректора. Казалось бы, что не имѣвшее повода возбужденіе должно было затихнуть, но подстрекаемая неблагонамѣренными товарищами та же часть студентовъ возобновила на слѣдующій день попытку организовать сходку—близъ университетскихъ клиникъ, по Рождественкѣ, и 26-го числа, въ четвергъ—на Нарышкинскомъ проѣздѣ, близъ екатерининской больницы, гдѣ занимается 5-й курсъ студентовъ-медиковъ, вовсе не принимавшихъ участія въ этомъ неосмысленномъ движеніи. Попытку у рождественскихъ клиникъ удалось предотвратить безпрепятственно; сходку же у екатерининской больницы, въ виду упорства собравшихся, пришлось разсѣять движеніемъ жандармовъ и полиціи, причемъ, какъ оказалось по собраннымъ, совершенно точнымъ, свѣденіямъ, никому не было нанесено увѣчій или тяжкихъ поврежденій. Въ виду непрекращавшихся безпорядковъ, генералъ-губернаторъ призналъ необходимымъ немедленно арестовать и выслать,—на мѣста родины или проживанія родителей,—студентовъ, уже заранѣе обратившихъ на себя вниманіе своею неблагонадежностью и вредно вліявшихъ на товарищей въ данномъ случаѣ; въ свою очередь, правленіе университета исключило 27 студентовъ, замѣченныхъ въ подстрекательствѣ и въ появленіи на всѣхъ предполагавшихся сходкахъ. Исключенные студенты, по распоряженію генералъ-адъютанта, князя В. А. Долгорукова, были тогда же арестованы и подвергнуты удаленію изъ столицы.

„Озабочиваясь немедленнымъ водвореніемъ порядка и признавая мѣры увѣщанія, относительно студентовъ, уже исчерпанными, генералъ-губернаторъ еще въ четвергъ, 26-го ноября, находилъ полезнымъ временное прекращеніе университетскихъ занятій, но, получивъ точныя свѣденія отъ университетскаго начальства, что около 2.500 студентовъ изъ 3.544 человѣкъ, всего числа учащихся въ универ-

ситетѣ, продолжаютъ спокойно посѣщеніе лекцій, и не желая обращать на невинныхъ кару, заслуженную ихъ товарищами, временно признаlъ возможнымъ не настаивать на приведеніи въ исполненіе этого предположенія.

„Въ пятницу, 27-го числа, среди бывшей до того спокойной части студентовъ, появилось возбужденіе, какъ слѣдствіе злоумышленно распускаемыхъ среди нихъ слуховъ о мнимой смерти двухъ студентовъ, будто бы пострадавшихъ при разсѣяніи сходки у екатерининской больницы. Никакія мѣры увѣщанія попечителя и ректора университета, ссылавшихся на безусловное удостовѣреніе генералъ-губернатора, что ничего подобнаго не существовало, предлагавшихъ назвать имена мнимо-умершихъ и, когда таковыя назывались, представлявшихъ безспорныя доказательства нелѣпости вымысла,—не достигали цѣли. Въ субботу, 28-го числа, слухи эти овладѣли всѣми слушателями новаго университета, прекратившими учебныя занятія и окончательно вышедшими изъ предѣловъ повиновенія. Наступилъ тотъ психическій моментъ, когда толпа утрачиваетъ всякую способность разумнаго пониманія и не подчиняется уже болѣе никакому убѣжденію. Попечитель учебнаго округа довелъ до свѣденія генералъ-губернатора о происходящемъ въ университетѣ и, получивъ согласіе его сіятельства, вошелъ съ ходатайствомъ къ Министру Народнаго Просвѣщенія о временномъ прекращеніи лекцій и занятій во всѣхъ университетскихъ зданіяхъ и клиникахъ. По полученіи согласія его высокопревосходительства, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Делянова, въ понедѣльникъ утромъ, 30-го ноября, въ университетѣ были временно прекращены занятія впредь до особаго распоряженія.

„Нарушеніе порядка значительной частью студентовъ московскаго университета, составляя по себѣ печальное явленіе, вызвало необходимость твердаго образа дѣйствій. Малѣйшая попытка идти дальше въ этомъ направленіи будетъ немедленно подавлена распоряженіемъ мѣстной администраціи. Самое же временное прекращеніе лекцій въ университетѣ даетъ возможность одуматься студентамъ, потерявшимъ способность трезваго обсужденія ничѣмъ не вызванныхъ обстоятельствъ и вмѣстѣ съ тѣмъ постановленія со стороны университетскаго начальства тѣхъ условій, при коихъ будетъ признано возможнымъ возобновленіе временно пріостановленныхъ занятій".

За симъ послѣдовали два сообщенія, отъ 4-го и 8-го декабря:

„Студентъ московскаго университета Александръ *Синявскій*, за нанесеніе оскорбленій дѣйствіемъ инспектору студентовъ сего университета, отданъ въ дисциплинарный баталіонъ военнаго вѣдомства срокомъ на три года".

„Студентъ Императорскаго казанскаго университета Константинъ *Алексѣевъ*, за оскорбленіе дѣйствіемъ инспектора сего университета, отданъ въ дисциплинарный баталіонъ военнаго вѣдомства, срокомъ на три года".

Въ „Правительственномъ Вѣстникѣ", 11-го декабря, сообщалось слѣдующее:

„Въ теченіе минувшей недѣли получены извѣстія о безпорядкахъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ въ Харьковѣ, Одессѣ и Казани.

„Въ харьковскомъ технологическомъ институтѣ слушатели собрали сходку и оказали неповиновеніе распоряженію начальства, а 3-го декабря студенты университета, въ числѣ 30 человѣкъ, выбѣжали внезапно изъ аудиторій на улицу, и соединясь, по предварительному сговору, съ кучкою технологовъ и ветеринаровъ, произвели буйство, выбивъ стекла въ нижнемъ этажѣ зданія. Въ новороссійскомъ университетѣ, 2-го декабря, составилась сходка студентовъ, мѣшавшая чтенію лекцій и требовавшая съ шумомъ отмѣны дѣйствующаго устава университетовъ. Наконецъ, въ Казани, 4-го декабря, толпы студентовъ университета и ветеринарнаго института образовали шумныя сходки, причемъ студенты университета предъявляли то же требованіе, что и въ Одессѣ. Во время сходки студентовъ Константинъ Алексѣевъ нанесъ оскорбленіе дѣйствіемъ инспектору студентовъ. Занятія въ этихъ трехъ университетахъ и въ харьковскомъ технологическомъ институтѣ пріостановлены.

„Сопоставленіе многихъ обстоятельствъ ясно свидѣтельствуетъ, что во всѣхъ этихъ безпорядкахъ дѣйствуютъ подстрекательства злонамѣренныхъ людей".

По поводу всего сообщеннаго въ „Правительственномъ Вѣстникѣ" мы встрѣтили отзывы только въ двухъ газетахъ.

„Свѣтъ" объясняетъ причину студентскихъ безпорядковъ „иноземною интригою", оставляя при этомъ необъясненнымъ болѣе любопытный вопросъ: было ли бы возможно, путемъ иноземной интриги, вызвать студентскіе безпорядки въ Боннѣ, Гейдельбергѣ, Тюбингенѣ и другихъ нѣмецкихъ университетахъ, гдѣ также не обходится безъ безпорядковъ; но едва ли бы нашелся въ Германіи публицистъ, который взялъ бы на себя смѣлость объяснить такіе безпорядки „иноземною интригой"; подобное объясненіе могло бы встрѣтиться тамъ только въ какомъ-нибудь юмористическомъ листкѣ. Но у насъ одна изъ большихъ газетъ, перепечатывая ту остроумную догадку „Свѣта", замѣтила только, что „во всякомъ случаѣ не лишено значенія то, что безпорядки (въ университетахъ) возникаютъ у насъ почти одновременно съ обостреніемъ нашихъ отношеній къ нѣкоторымъ державамъ". Комментарій мало въ чемъ уступаетъ своему тезису.

Другая газета, „Гражданинъ", въ лицѣ своего редактора, подошла къ тому же вопросу съ другой стороны, но, начавъ, какъ говорится, за здравіе, кончила за упокой:

„Въ разговорахъ о студентскихъ безпорядкахъ, которые случалось слышать не одинъ, а нѣсколько разъ, приходилось встрѣчаться съ мыслію о политической будто бы подкладкѣ этихъ безпорядковъ. Когда я спорилъ то съ однимъ, то съ другимъ объ этомъ предметѣ, настаивая на отсутствіи политическаго значенія въ этихъ безпорядкахъ, мнѣ указываютъ (указывали?), какъ на доказательство того, что я неправъ, на *заключительныя* (курсивъ въ подлинникѣ) строки послѣдняго правительственнаго сообщенія (отъ 11-го декабря) о студентскихъ безпорядкахъ, гдѣ будто-бы эта мысль высказана.

„Я перечиталъ эти строки правительственнаго сообщенія, и, признаюсь откровенно, я въ нихъ нашолъ не указаніе какого либо факта, а скорѣе одно лишь предположеніе.

„Болѣе того, самое это предположеніе мнѣ показалось до того смутно намѣченнымъ, что я склоненъ думать, что именно оно потому такъ смутно высказано, что не подкрѣпляется никакими фактами, и, вѣроятно, сорвалось съ пера въ первую минуту, въ попыхахъ, когда всестороннее и хладнокровное обсужденіе вопроса было затруднено наплывомъ впечатлѣній и непровѣренными толками.

„Во всякомъ случаѣ, очень жаль, что такъ случилось, потому что въ обществѣ, въ разныхъ слояхъ, всегда есть охотники эксплуатировать эту струнку *политическихъ* (курсивъ въ подлинникѣ) безпорядковъ, и однихъ ими пугать, а другихъ—смущать... А во-вторыхъ, за границу, вслѣдствіе этого предположенія, полетѣли Богъ вѣсть какія розсказни объ этихъ шалостяхъ молодежи, и о таинственной ихъ связи съ политическими агитаторами... Врядъ ли такого рода тревожные слухи и сенсаціонныя утки могутъ быть намъ нужны теперь, когда уже безъ того, съ такою жадностью, ловятъ всякій ложный слухъ о Россіи, чтобы вредить нашей биржѣ, и еще ронять нашъ кредитъ.

„Но все это мелочь; а вотъ что, по моему, весьма важно и печально. Сегодня я видѣлъ педагога и изъ его разговора со мною, знаете, какое я вынесъ печальное впечатлѣніе: что въ общество эти слухи о политическомъ значеніи безпорядковъ между учащейся молодежью пускаютъ такіе болтуны-педагоги.

„И еще печальнѣе та причина, почему они это дѣлаютъ. Для того, чтобы еще разъ миновать необходимости заговорить, наконецъ, о *душѣ* учащагося"...

Прерываемъ на этомъ нашу выписку, такъ какъ авторъ, коснувшись „души", вступилъ, очевидно, въ область „психологіи"; но при этомъ онъ, должно быть, руководился какимъ-нибудь извѣстнымъ ему оригинальнымъ курсомъ этой науки, не имѣя случая или досуга изучать ее болѣе всесторонне. Вѣроятно, по этой причинѣ, даже и его пріятели, болтуны-педагоги, постарались уклониться отъ бесѣды съ нимъ о душѣ.

Кромѣ отзывовъ упомянутыхъ двухъ газетъ мы ничего не встрѣтили въ нашей ежедневной печати по отношенію сообщеннаго въ „Правительственномъ Вѣстникѣ". По вопросу же объ иноземной интригѣ, „Свѣтъ" и „Гражданинъ", повидимому, расходятся радикально: въ то время, когда первый думаетъ, что смуты пришли къ намъ изъ-за границы, второй предполагаетъ, наоборотъ, что самая идея смуты—туземнаго происхожденія, что въ нашемъ обществѣ „всегда есть охотники эксплуатировать струнку *политическихъ* безпорядковъ", и что первыя мѣста между ними занимаютъ „болтуны-педагоги"...—„Кто правъ"—изъ упомянутыхъ газетъ—„судить не намъ"...

Когда начинался минувшій годъ, можно было думать, что наиболѣе замѣтный слѣдъ будетъ имъ у насъ оставленъ въ области финансовъ, во главѣ которыхъ только-что появилось тогда новое лицо. Ожидались также, одними—съ надеждой, другими—со страхомъ, крупныя реформы въ вѣдомствѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, косвенно, но весьма сильно задѣвающія и судебную сферу. Меньше всего, повидимому, преобразовательное—или, въ извѣстномъ смыслѣ, антипреобразовательное—движеніе должно было отозваться на учебномъ вѣдомствѣ. Дѣйствительность рѣшила иначе; 1887-ый годъ будетъ въ особенности памятенъ по тѣмъ нововведеніямъ, которыя онъ принесъ съ собою для высшей и средней школы. Правда, проектъ организаціи промышленнаго образованія еще не утвержденъ, и одному изъ самыхъ главныхъ его отдѣловъ, относящемуся къ реальнымъ училищамъ, вовсе, кажется, не суждено осуществиться; тѣмъ важнѣе, за то, перемѣны, происшедшія въ положеніи университетовъ, гимназій и прогимназій. Мы говорили о нихъ, въ свое время, весьма подробно [1]); мѣсто, занимаемое ими въ исторіи прошедшаго года, не требуетъ, съ нашей стороны, дальнѣйшихъ объясненій. Неприкосновенной, до сихъ поръ, осталась одна только низшая, начальная школа; но условія, при которыхъ она теперь существуетъ, признаны подлежащими пересмотру. Возбужденъ, какъ извѣстно, вопросъ объ объединеніи всѣхъ народныхъ школъ—объединеніи, которое, въ данную минуту, не можетъ означать ничего иного, кромѣ замѣны свѣтской школы церковно-приходскою. Отсюда удвоенный интересъ, пріобрѣтаемый всѣмъ, касающимся начальной школы.

Чрезвычайно любопытны и характеристичны данныя, найденныя нами на-дняхъ въ оффиціальномъ документѣ—въ „Общемъ очеркѣ состоянія народныхъ училищъ таврической губерніи за 1886 г.“, составленномъ мѣстнымъ директоромъ народныхъ училищъ. „Въ 1883 и 1884 г. — читаемъ мы въ этомъ очеркѣ — въ таврическихъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ печатались тяжкія обвиненія на наши школы, *по распоряженію лицъ, никогда этихъ школъ не видавшихъ*. Хотя эти обвиненія и были вполнѣ опровергнуты нарочно назначенною коммиссіею изъ представителей учебнаго вѣдомства, духовенства и земства, *но опроверженіе это тогдашнимъ епархіальнымъ начальствомъ не было дозволено напечатать въ епархіальныхъ вѣдомостяхъ*. Въ отчетномъ году преосвященный Мартиніанъ (новый епископъ таврическій), посѣтивъ, между прочимъ, тѣ самыя школы, на которыя взведены были столь тяжкія обвиненія (въ анти-религіозномъ направленіи, без-

[1]) См. Обществ. Хронику въ № 8 и Внутр. Обозр. въ №№ 9, 10 и 11 „Вѣстника Европы“ за 1887 г.

божіи и т. п.), оффиціальнымъ отзывомъ на имя бердянскаго предводителя дворянства торжественно засвидѣтельствовалъ ихъ доброе и религіозно-нравственное направленіе, которымъ онѣ всегда отличались, и освободилъ ихъ, такимъ образомъ, отъ тяготѣвшаго на нихъ незаслуженнаго нареканія". Констатировавъ заботливость учителей и законоучителей объ умственномъ развитіи дѣтей, преосвященный Мартиніанъ удостовѣряетъ, что „въ большинствѣ народныхъ школъ бердянскаго уѣзда законъ Божій преподается какъ законоучителями, такъ и заступающими ихъ мѣсто нѣкоторыми учителями и учительницами, усердно и съ пониманіемъ дѣла, и уроки, преподанные ими, усвояются дѣтьми разумно. Выдающимися въ этомъ святомъ дѣлѣ личностями можно признать учителей новопавловскаго и новоандреевскаго училищъ, которые ведутъ обученіе дѣтей истинамъ христіанскаго ученія столь успѣшно, что могутъ служить образцомъ для многихъ *законоучителей* въ сельскихъ школахъ ввѣренной мнѣ епархіи. Впрочемъ, выставляя на видъ свѣтлыя стороны народныхъ школъ въ бердянскомъ уѣздѣ, я не могу умолчать и о нѣкоторыхъ несовершенствахъ въ нихъ, а именно: о не совсѣмъ удовлетворительномъ въ *нѣкоторыхъ* школахъ чтеніи по славянскимъ книгамъ и о непріобученіи дѣтей къ церковному пѣнію. *Но можно надѣяться, что первый недостатокъ будетъ предотвращенъ въ недалекомъ будущемъ,* когда дѣти пріобрѣтутъ навыкъ въ этомъ предметѣ, еще недавно введенномъ въ сельскія школы. *Не отчаяваюсь и въ усвоеніи дѣтьми церковнаго пѣнія,* когда сами учителя и учительницы будутъ избираться на эту должность, достаточно подготовленные къ этому предмету. Внѣшній порядокъ какъ въ школѣ, такъ и при церковномъ богослуженіи учениками и ученицами соблюдается во всей точности".

Хорошо было бы, еслибы эти слова преосвященнаго таврическаго запечатлѣлись въ памяти всѣхъ призванныхъ къ участію въ рѣшеніи вопроса о будущихъ судьбахъ народной школы. Не правы ли мы были, утверждая много разъ, что въ основаніи нападеній на свѣтскую, земскую школу лежитъ, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, совершенное ея незнаніе? Предвзятая мысль признается нетребующею фактической повѣрки; одинъ типъ школы возносится до небесъ, другой провозглашается никуда негоднымъ, безъ всякаго личнаго знакомства съ послѣднимъ—а иногда и съ первымъ. Какое значеніе можно придавать газетнымъ выходкамъ или коллективнымъ заявленіямъ противъ свѣтской школы вообще (припомнимъ, напримѣръ, московскую депутацію, просившую объ упраздненіи земской школы, или рѣчи, произнесенныя на московскомъ съѣздѣ противораскольническихъ миссіонеровъ), разъ что совершенно неосновательными оказались даже прямыя обвиненія, нашедшія мѣсто на страницахъ епархіальныхъ

вѣдомостей? Не ясно ли, что, отказываясь напечатать опроверженіе этихъ обвиненій, прежніе распорядители таврической епархіальной газеты, „никогда не видавшіе“ свѣтской школы, руководились систематическимъ предубѣжденіемъ противъ обвиняемыхъ ими школъ, противъ свѣтскаго начальнаго обученія—предубѣжденіемъ, не уступавшимъ даже самымъ безспорнымъ доказательствамъ? Ближайшее изученіе свѣтской школы не можетъ дать, *въ общемъ выводѣ*, другихъ результатовъ, чѣмъ тѣ, къ которымъ пришелъ епископъ таврическій. Она усовершима и совершенствуется непрерывно; она стоитъ на правильной дорогѣ, допускающей всякое улучшеніе, всякую разумную реформу. Она имѣетъ на своей сторонѣ преимущество опыта и спеціальнаго знанія, преимущество всесторонняго, безпристрастнаго контроля; она пользуется народнымъ сочувствіемъ и пріобрѣтаетъ расположеніе каждаго, кто потрудится посмотрѣть на нее поближе. Авторитетный голосъ преосвященнаго Мартиніана устраняетъ всякое сомнѣніе въ томъ, что она можетъ не уступать — и иногда уже теперь не уступаетъ — церковно-приходской школѣ даже въ томъ, что́ считается обыкновенно главнымъ преимуществомъ послѣдней: въ знаніи церковнаго пѣнія и церковно-славянскаго языка. Этого мало: по свидѣтельству епископа таврическаго, свѣтскій учитель можетъ стоять наравнѣ съ духовнымъ—или еще выше—даже въ преподаваніи закона Божія. Остается только пожелать, чтобы другіе епархіальные архіереи послѣдовали примѣру преосвященнаго Мартиніана и ознакомились лично съ возможно бо́льшимъ числомъ свѣтскихъ начальныхъ школъ. Желаніе это высказывалось нами уже давно, и высказывалось не нами одними. „Вмѣсто того, чтобы довѣряться ассистентамъ, которые *часто бываютъ подчиненными тѣхъ, кого провѣряютъ*, я бы просилъ его преосвященство — писалъ еще въ 1882 г. одинъ изъ членовъ александровскаго (екатеринославской губерніи) уѣзднаго училищнаго совѣта — самому лично провѣрить преподаваніе. Вотъ-то было бы счастье, еслибы нашъ добрый пастырь когда-нибудь вздумалъ заглянуть въ народную школу!“ Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что даже между высшими представителями свѣтскаго учебнаго вѣдомства найдется не мало такихъ, которые вовсе или почти вовсе незнакомы, по личному опыту, съ завѣдуемой ими сельской начальной школой. Мы узнаемъ, напримѣръ, изъ отчета директора таврическихъ народныхъ училищъ, что попечитель одесскаго учебнаго округа (въ составъ котораго входитъ таврическая губернія) посѣтилъ, въ 1886 г., три городскія школы въ Севастополѣ, — но не видимъ, чтобы онъ побывалъ хотя бы въ одномъ сельскомъ училищѣ... Въ виду критическаго момента, переживаемаго теперь свѣтской начальной школой, естественнымъ ея защитникамъ слѣдовало бы воору-

житься съ головы до ногъ—если только они не хотятъ заранѣе признать себя побѣжденными.

Къ отчету о народныхъ училищахъ, состоящихъ въ вѣденіи таврической дирекціи, приложенъ отчетъ о церковно-приходскихъ школахъ таврической епархіи. Мы находимъ въ этомъ отчетѣ тѣ же черты, которыя поражали насъ постоянно въ отчетахъ о церковно-приходскихъ школахъ петербургской епархіи. На каждую церковно-приходскую школу таврической губерніи приходится, среднимъ числомъ, по 42 учащихся, между тѣмъ какъ для свѣтскихъ школъ той же губерніи это число равняется 62. Сами священники состоятъ учителями только въ *шести* церковно-приходскихъ школахъ (изъ 47); въ пятнадцати школахъ преподаваніе находится въ рукахъ псаломщиковъ. Школъ грамотности *числится* въ епархіи только *девять*, съ 72 учащимися. Въ списокъ церковно-приходскихъ школъ занесена, по ошибкѣ, одна свѣтская, содержимая на счетъ земства и крестьянскаго общества и состоящая въ завѣдываніи училищнаго совѣта. Нѣкоторыя уѣздныя земства принимаютъ участіе въ содержаніи церковно-приходскихъ школъ; но, по замѣчанію директора народныхъ училищъ, это участіе было бы гораздо болѣе значительнымъ, „еслибы, съ одной стороны, состояніе церковно-приходскихъ школъ было столь же извѣстно земству, какъ состояніе школъ земскихъ, а съ другой стороны, еслибы дѣятельность лицъ, завѣдывающихъ церковно-приходскими школами, не вызывала по временамъ и по мѣстамъ нѣкотораго недовѣрія къ себѣ воинствующимъ отношеніемъ къ школамъ земскимъ. Такъ, по отзыву мелитопольскаго училищнаго совѣта, духовенство воспрепятствовало открытію двухъ земскихъ школъ взамѣнъ церковно-приходскихъ, *номинально существовавшихъ*“. Съ „номинальнымъ существованіемъ“ церковно-приходской школы мы встрѣчались и въ петербургской губерніи. Желательно было бы знать, возможенъ ли такой фактъ въ области свѣтской школы и возможно ли здѣсь, въ особенности, противодѣйствіе учрежденію „реальной“ школы, вмѣсто „номинальной“?... Отчетъ о таврическихъ церковно-приходскихъ школахъ заканчивается указаніемъ на религіозно-нравственное вліяніе, уже теперь оказываемое ими на учащихся—а въ подстрочномъ примѣчаніи директора народныхъ училищъ мы читаемъ слѣдующее: „въ этомъ отношеніи начальныя школы вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія въ таврической губерніи не представляютъ никакого отличія отъ школъ церковно-приходскихъ“. Принимаемъ къ свѣдѣнію это новое доказательство въ пользу равенства и равноправности обоихъ главныхъ типовъ начальной школы.

Тенденціозные противники свѣтскаго начальнаго обученія часто выражаютъ сомнѣніе относительно плодовъ, имъ приносимыхъ, или

прямо отрицаютъ его пользу. Въ подтвержденіе своего тезиса они либо вовсе не приводятъ никакихъ фактовъ, либо ссылаются на отдѣльныя, случайныя явленія, произвольно перетолковываемыя и обобщаемыя. Тѣмъ важнѣе всякое серьезное изслѣдованіе, задающееся вопросомъ: что успѣла сдѣлать, въ двадцать съ небольшимъ лѣтъ, начальная школа, созданная земской реформой? Первый толчокъ къ подобнымъ изслѣдованіямъ былъ данъ покойнымъ барономъ Н. А. Корфомъ, когда онъ, лѣтъ семь тому назадъ, приступилъ къ пересмотру ходячихъ фразъ о „рецидивѣ безграмотности", о быстромъ и полномъ забвеніи всего проходимаго въ начальной школѣ. Еще шире поставилъ задачу г. Красевъ (если мы не ошибаемся, занимающій должность инспектора народныхъ училищъ). Не ограничиваясь повѣркой *знаній*, пріобрѣтенныхъ на школьной скамьѣ, онъ рѣшился изучить вліяніе школы во всей его полнотѣ, бытовое, умственное и нравственное. Областью изученія онъ избралъ цѣлый уѣздъ (карсунскій, симбирской губерніи), близко ему знакомый; сотрудниками его были учащіе въ начальныхъ школахъ (какъ священники, такъ и свѣтскія лица). Результаты этой коллективной, въ высшей степени цѣнной работы изложены въ брошюрѣ г. Красева: „Что даетъ крестьянину начальная народная школа" (Симбирскъ, 1887). Изъ числа 3.946 учениковъ и учениць, окончившихъ, въ продолженіе послѣднихъ десяти лѣтъ, курсъ ученья въ начальныхъ школахъ карсунскаго уѣзда, на повѣрочныя испытанія явилось почти три четверти — 2.842. Прежде всего были приведены въ ясность ихъ настоящія занятія. Оказалось, что изъ числа явившихся 2.200—болѣе 77% — раздѣляютъ трудъ своихъ родителей по обработкѣ земли, „ревностно и безпрекословно исполняя всѣ доступныя ихъ силамъ и ихъ возрасту домашнія и полевыя работы"; занимающіеся ремеслами, рукодѣльемъ, пастушествомъ, работами на фабрикахъ и у частныхъ лицъ составляютъ около $12^1/_2$%, а на долю „письмоводства" приходится только 2%. Болѣе краснорѣчиваго отвѣта на злостную болтовню выставляющую народное училище разсадникомъ писарей и аблакатовъ, нельзя себѣ и представить... Познанія испытуемыхъ по закону Божію найдены весьма удовлетворительными; высшія отмѣтки (пять и четыре) получило 1.543 человѣка, т.-е. болѣе половины, а совершенно слабо отвѣчало только 21. Затруднялись отвѣтомъ бывшіе ученики преимущественно тогда, когда вопросы предлагались имъ священникомъ въ отвлеченной, схоластической формѣ; какъ только испытаніе принимало характеръ собесѣдованія, велось въ разговорномъ тонѣ, результаты получались другіе, гораздо лучшіе. По отзыву одного изъ законоучителей, пріобрѣтенныя знанія по закону Божію не остаются мертвымъ матеріаломъ; бывшіе ученики умѣютъ прилагать ихъ къ обла-

сти религіи и нравственности. Нѣкоторые ученики—замѣчаетъ другой экзаменаторъ—весьма кстати добавляли къ своимъ отвѣтамъ священныя преданія, сдѣлавшіяся имъ извѣстными изъ домашняго чтенія. Чѣмъ дольше существуетъ школа, тѣмъ сильнѣе ростетъ число пользующихся церковной библіотекой, гдѣ она есть на-лицо; въ одномъ изъ селъ карсунскаго уѣзда это число увеличилось, за пятнадцать лѣтъ, слишкомъ впятеро. Многіе изъ бывшихъ учениковъ пріобрѣтаютъ евангелія, часословъ, псалтырь и читаютъ ихъ, въ часы досуга, своимъ домашнимъ. Помимо 3.946 евангелій, выданныхъ окончившимъ курсъ въ народной школѣ, въ сорока-девяти деревняхъ карсунскаго уѣзда находится въ обращеніи — по свѣденіямъ, безъ сомнѣнія неполнымъ — 3.033 книги, изъ которыхъ свѣтскаго содержанія — 834, духовнаго содержанія—2.199 (болѣе 73%). Что громадное большинство бывшихъ учениковъ продолжаетъ читать и послѣ выхода изъ школы, это видно и изъ отмѣтокъ, полученныхъ при повѣрочномъ испытаніи по русскому и славянскому чтенію; по первому предмету неудовлетворительныя отмѣтки (т.-е. менѣе трехъ) получили только 130, по второму—только 237 изъ 2.842. Очень утѣшительный результатъ дало и испытаніе по ариѳметикѣ (144 неудовлетворительныя отмѣтки). Всего слабѣе бывшіе ученики оказались по письму (401 неудовлетворительная отмѣтка) — и это вполнѣ понятно, потому что упражненіе въ письмѣ требуетъ матеріаловъ, которыми рѣдко располагаютъ крестьяне, а навыкъ къ письму теряется сравнительно скоро. Можно только удивляться, что хорошія отмѣтки по письму (5 и 4) получили все-таки 1.222 бывшихъ ученика.

Всего важнѣе, конечно, свѣденія объ общемъ, нравственномъ вліяніи школы на учениковъ. Большой опредѣленности здѣсь ожидать и требовать нельзя; развитіе не можетъ быть выражено цифровыми данными. Приходилось, по-неволѣ, ограничиваться отзывами лицъ, близко стоящихъ къ школѣ и къ народу—но заподозрить искренность и правдивость этихъ отзывовъ враги свѣтской школы едва ли рѣшатся, потому что они даны, большею частью, мѣстными священниками. Неблагопріятны для школы только весьма немногіе отзывы, да и они не идутъ дальше *сомнѣнія* въ образовательномъ дѣйствіи начальнаго обученія. Гораздо рѣшительнѣе представители противоположнаго взгляда. „Въ общежитіи всегда можно отличить грамотнаго отъ неуча; грамотный почтительнѣе бываетъ къ старшимъ, поприличнѣе держитъ себя, пологичнѣе и попонятливѣе въ разговорахъ; изъ грамотныхъ пока еще нѣтъ отчаянныхъ пьяницъ, хотя нѣкоторые изъ нихъ давно уже женаты и сами ведутъ хозяйство“... „Скромность, сосредоточенность во взглядѣ, сравнительная учтивость въ разговорѣ и манерахъ, умѣнье и готовность отвѣтить

прямо на предложенный вопросъ — вотъ внѣшнія, постоянно присущія бывшимъ школьникамъ черты, которыхъ напрасно искать въ дѣтяхъ, не обучавшихся въ училищѣ. Сдерживаемые школьной дисциплиной, они и по выходѣ изъ школы замѣтно чуждаются тѣхъ безобразій, какими отличаются ихъ сверстники, ростущіе на полной свободѣ. Въ продолженіе двѣнадцати лѣтъ я не слыхалъ, чтобы кто-нибудь изъ бывшихъ учениковъ попралъ семейное начало тѣмъ своеволіемъ, той грубостью противъ отца или матери, которыя вообще замѣчаются въ подрастающемъ поколѣніи крестьянъ... Смѣло можно утверждать, что бывшіе ученики навсегда застрахованы отъ грубаго суевѣрія"... „Съ развитіемъ грамотности замѣтно поднимается религіозно-нравственный уровень народа; въ раскольничьихъ семьяхъ религіозный фанатизмъ становится слабѣе. Въ грамотныхъ семьяхъ замѣчается болѣе человѣчности"... „Въ школѣ дѣти отвыкаютъ отъ грубыхъ поступковъ и выраженій. Вообще школа имѣетъ важное воспитательное значеніе въ религіозно-нравственномъ развитіи, преимущественно молодого поколѣнія"... „Народныя школы оказываютъ благотворное вліяніе на крестьянскую массу во всѣхъ отношеніяхъ. Пословица: ученье свѣтъ, а неученье тьма — какъ нельзя лучше оправдывается въ дѣлѣ нынѣшняго школьнаго образованія"... „Школа приноситъ хотя и не особенно замѣтную для многихъ, но несомнѣнную пользу отечеству"... „Въ житейскомъ отношеніи грамотная дѣвочка стоитъ несравненно выше неграмотной и находится въ большемъ почетѣ у женщинъ; грамотныхъ называютъ, преимущественно, *Лиза*, *Маша*, неграмотныхъ — *Лизка*, *Машка*... Грамотную дѣвочку можно отличить даже на улицѣ, во время дѣтскихъ игръ; она несравненно вѣжливѣе, скромнѣе, почтительнѣе передъ кѣмъ слѣдуетъ; въ ней больше мягкосердечія, меньше зла, чѣмъ у неграмотной". Всѣ эти мнѣнія принадлежатъ различнымъ сельскимъ священникамъ — и ими далеко не исчерпывается все хорошее, сказанное мѣстнымъ духовенствомъ о свѣтской народной школѣ. Еслибы брошюра г. Красева не заключала въ себѣ ничего другого, то и въ такомъ случаѣ она была бы серьезной услугой, оказанной дѣлу свѣтскаго начальнаго обученія. Нужно надѣяться, что благой примѣръ, поданный ея авторомъ, не останется безъ подражателей. Чѣмъ больше будетъ произведено по ея образцу изслѣдованій на мѣстѣ, въ разныхъ концахъ Россіи, тѣмъ очевиднѣе станетъ безпочвенность пропаганды, направленной къ дискредитированію одной категоріи училищъ и искусственному возвеличенію другой. За свѣтской начальной школой придется признать заслуги, ставящія внѣ всякаго спора ея право на дальнѣйшее существованіе — и вопросъ о сліяніи упадетъ самъ со-

бою или будетъ разрѣшенъ не въ смыслѣ господства церковно-приходской школы.

Конецъ минувшаго года принесъ еще одно вѣское свидѣтельство въ пользу свѣтской начальной школы; это — циркуляръ попечителя дерптскаго учебнаго округа, разъясняющій законъ 17-го мая 1887 г. Непосредственная цѣль циркуляра—устранить недоразумѣнія, вызванныя новыми школьными порядками въ остзейскомъ краѣ; но онъ содержитъ въ себѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ, весьма сильную апологію системы, лежащей въ основаніи свѣтскаго управленія начальными школами. Отличительной чертой этой системы служитъ, какъ извѣстно, взаимодѣйствіе правительственной власти (инспекція и дирекція народныхъ училищъ) и органовъ самоуправленія (земскія, городскія или сословныя учрежденія, а также смѣшанныя коллегіи — училищные совѣты). То же самое взаимодѣйствіе введено теперь въ прибалтійскихъ губерніяхъ, гдѣ до сихъ поръ завѣдываніе начальными школами принадлежало почти исключительно представителямъ сословій— и вотъ какъ оправдывается это нововведеніе въ циркулярѣ попечителя: „возлагая на извѣстную общественную единицу данную функцію управленія, государство не можетъ упразднить государственный характеръ этой функціи и разсматривать ее какъ частную собственность корпораціи. Оно не въ правѣ отказаться отъ присущей ему обязанности постояннаго, дѣятельнаго участія въ управленіи... Народное образованіе, находившееся прежде внѣ сферы государственнаго управленія, стало болѣе и болѣе входить въ его область. Нѣкоторыя учебныя заведенія—по преимуществу народныя школы—стали управляться совмѣстно обществами и правительствомъ". Пояснивъ, что уполномоченными правительства въ учебномъ дѣлѣ являются директоръ и инспектора народныхъ училищъ, циркуляръ продолжаетъ: „этимъ, однако, не нарушается единство управленія. Нельзя себѣ представить, чтобы между членами коллегіи и инспекторомъ, имѣющими въ виду одну и ту же цѣль, происходило неизбѣжно разногласіе. Не подлежитъ сомнѣнію, что въ большинствѣ случаевъ училищные совѣты согласятся съ инспекторомъ, если дѣло идетъ о дѣйствительной пользѣ школъ, точно также какъ инспекторъ не станетъ противодѣйствовать благой мѣрѣ потому только, что она исходитъ не отъ него... Инспекторъ есть лицо, исключительно занятое школьнымъ дѣломъ, посвящающее ему все свое время. Участіе и содѣйствіе такого лица несомнѣнно представляются желательнымъ для всякой коллегіи, имѣющей въ виду пользу школы. Ни о какомъ антагонизмѣ здѣсь не можетъ быть рѣчи; напротивъ, при согласной и совмѣстной работѣ правительственныхъ органовъ и представителей общества, самоуправленіе относительно школьнаго дѣла получитъ

свое истинное выраженіе, соотвѣтствующее государственному характеру школъ". Все это совершенно справедливо—и вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно несовмѣстно съ мыслью объ объединеніи начальной школы путемъ подчиненія ея исключительно церковной власти. Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, провозглашать народное образованіе функціей государственнаго характера—и въ то же время выпускать его изъ рукъ государства. Логическимъ выводомъ изъ началъ, изложенныхъ въ циркулярѣ, было бы, наоборотъ, включеніе церковно-приходскихъ школъ въ сферу дѣятельности министерства народнаго просвѣщенія. Или, можетъ быть, православная церковь и русское государство—одно и то же, и отдать школу въ управленіе церкви—все равно, что сохранить ее въ вѣденіи государства? Утвердительнаго отвѣта на этотъ вопросъ мы не ожидаемъ даже отъ самыхъ ревностныхъ друзей церковно-приходской школы. Отождествленіе православной церкви съ государствомъ — это обычный пріемъ католической полемики противъ православія, всегда опровергаемый указаніемъ на полнѣйшую самостоятельность церковной власти. Итакъ, если руководство народнымъ образованіемъ входитъ въ составъ государственнаго управленія, *никому другому* государство своихъ обязанностей по отношенію къ начальной школѣ передать не можетъ; это было бы самоотреченіемъ, самоуничтоженіемъ, идущимъ прямо въ разрѣзъ съ призваніемъ государства... Въ подтвержденіе своей мысли попечитель дерптскаго учебнаго округа не даромъ ссылается на порядокъ, существующій во внутреннихъ губерніяхъ Россіи. Пока начальная школа, къ востоку отъ Наровы и Чудскаго озера, сохраняетъ, по крайней мѣрѣ отчасти, характеръ свѣтскій, пока завѣдываніе ею принадлежитъ правительству вмѣстѣ съ органами мѣстнаго самоуправленія, до тѣхъ поръ совершенно естественно примѣненіе той же системы и къ западу отъ указанной нами демаркаціонной линіи; но усиленіе правительственнаго надзора въ остзейскомъ краѣ, параллельно съ ослабленіемъ или прекращеніемъ его въ коренныхъ губерніяхъ Россіи, было бы противорѣчіемъ, до крайности опаснымъ для нравственнаго авторитета нововведеній. Повторяемъ еще разъ: нѣтъ ничего хуже систематической двойственности въ политикѣ, нѣтъ ничего ошибочнѣе системы двухъ мѣръ и двухъ вѣсовъ.

Въ циркулярѣ г. Капустина затронута не только теоретическая, но и практическая сторона занимающаго насъ вопроса; взаимодѣйствіе правительства и общества въ дѣлѣ народнаго образованія признается не только законнымъ, но и удобнымъ, цѣлесообразнымъ. И дѣйствительно, задача начальной школы такъ широка и такъ сложна, что удовлетворительное ея разрѣшеніе можетъ быть достигнуто только совокупностью силъ, дополняющихъ одна другую. Церковно-приход-

ской школѣ исключительность, замкнутость свойственны гораздо болѣе, чѣмъ свѣтской; духовенство, вездѣ и всегда готовое считать себя непогрѣшимымъ, гораздо меньше расположено дѣлиться своею властью, допускать, рядомъ съ собою, другихъ равноправныхъ дѣятелей въ сферѣ начальнаго обученія. Въ средѣ духовенства несравненно труднѣе найти спеціалистовъ по учебной части, какими являются (или, по крайней мѣрѣ, должны и могутъ являться) инспектора народныхъ училищъ—спеціалистовъ, полезное значеніе которыхъ такъ правильно опредѣлено попечителемъ дерптскаго учебнаго округа. Наблюдатели надъ церковно-приходскими школами назначаются изъ числа приходскихъ священниковъ, обремененныхъ другими служебными обязанностями и неимѣющихъ возможности всецѣло „посвятить свое время школьному дѣлу". Между завѣдывающимъ церковно-приходской школой и наблюдающимъ за нею существуетъ, притомъ, такая корпоративная связь, о которой нѣтъ и рѣчи въ области свѣтской школы... Итакъ, попечитель дерптскаго учебнаго округа безусловно правъ; но если онъ правъ, то неправы противники свѣтскаго начальнаго обученія. Мы желали бы видѣть въ приведенномъ нами циркулярѣ ручательство въ томъ, что въ устройствѣ начальной школы не будетъ предпринято никакой ломки. Пускай она продолжаетъ идти по той дорогѣ, на которой ею сдѣлано уже такъ много; пускай остаются рядомъ, не стѣсняя другъ друга и не стремясь къ исключительному господству, всѣ различные ея виды. „Школа существуетъ ради обученія, а не для того, чтобы изъ-за нея происходили препирательства и пререканія о власти". Хорошо было бы, еслибы эти слова г. Капустина сдѣлались девизомъ наступившаго года. Этому году предстоитъ много работы надъ высшей и средней школой; его задача—исправленіе ошибокъ, сдѣланныхъ здѣсь его предшественникомъ, а не повтореніе ихъ по отношенію къ низшей школѣ, до сихъ поръ, къ счастію, еще почти не задѣтой „преобразованіями наоборотъ".

Въ мѣстномъ управленіи далеко не все обстоитъ благополучно; и здѣсь, однако, сохраненіе status-quo имѣетъ несомнѣнное преимущество передъ новизной, равносильной возвращенію къ старинѣ. Проектъ положенія о земскихъ начальникахъ встрѣтилъ, какъ извѣстно, противодѣйствіе въ оффиціальныхъ сферахъ. Если вѣрить слухамъ, это противодѣйствіе теперь устранено, и административная реформа опять поставлена на очередь. Какимъ образомъ достигнуто соглашеніе—это остается тайной; вопреки лучшимъ завѣтамъ прошлаго, общественное мнѣніе не призывается къ участію въ работѣ, происходящей въ тиши канцелярій или бюрократическихъ коммиссій.

Не подлежитъ сомнѣнію, повидимому, только одно: рѣчь идетъ, въ одно и то же время, о созданіи на мѣстахъ „сильной власти“ и о сосредоточеніи ея въ рукахъ одного сословія. Въ какомъ смыслѣ будетъ пользоваться ею привилегированная группа—объ этомъ можно судить не только по дворянскимъ прожектамъ, разобраннымъ нами въ предыдущемъ обозрѣніи, не только по вожделѣніямъ, высказываемымъ реакціонною печатью, но и по другимъ явленіямъ, еще болѣе характеристичнымъ. Такъ напримѣръ, саратовское дворянское собраніе постановило, на-дняхъ, возбудить ходатайство о пересмотрѣ закона 12-го іюня 1886 г. (положенія о наймѣ сельскихъ рабочихъ), въ видахъ лучшаго приспособленія его къ требованіямъ жизни. Итакъ, законъ, изданный едва полтора года тому назадъ и проникнутый величайшею заботливостью о землевладѣльческихъ интересахъ, оказывается недостаточнымъ, нуждающимся въ дополненіи или поправкѣ! Не ясно ли, что сословныя желанія ростутъ и будутъ расти по мѣрѣ ихъ удовлетворенія? Мало уголовной отвѣтственности рабочаго за самовольный уходъ съ работы, за грубость и неповиновеніе: нужно еще насильственное водвореніе его къ хозяину, нужна обязательность договорнаго листа, нужно, быть можетъ, отнятіе у рабочихъ права судебной защиты, предоставленіе ихъ на произволъ нанимателя или, въ лучшемъ случаѣ, на произволъ полиціи!.. Кто привыкъ хлопотать о стѣсненіяхъ для другихъ, тому трудно примириться съ мыслью о стѣсненіи собственнаго „усмотрѣнія“. Отсюда оппозиція дворянско-землевладѣльческихъ элементовъ противъ проекта регулированія частнаго лѣсного хозяйства, находящагося, въ настоящее время, на разсмотрѣніи государственнаго совѣта.

Мы знаемъ, что года два тому назадъ мысль о принудительномъ лѣсоохраненіи встрѣтила протестъ со стороны одного изъ дворянскихъ собраній; теперь противникомъ ея является газета, спеціально служащая дворянскимъ интересамъ, и разные „помѣщики“ опять поднимаютъ въ ней вопль о нарушеніи правъ собственности, о коммунистическихъ тенденціяхъ, проникающихъ въ высшія сферы государственнаго управленія. Къ прежней темѣ прибавляется только одна новая варіація: на сцену выступаетъ призывъ къ патріотическому чувству, оскорбляемому заимствованіемъ „у нѣмцевъ“. Въ данномъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, „простое (т.-е. мнимо-простое) русское чувство“ идетъ рука объ руку съ разнузданнымъ эгоизмомъ, которому чуждо всякое понятіе объ общей пользѣ. Параллельно съ явнымъ противодѣйствіемъ, готовится и тайное; если вѣрить „Новому Времени“, нѣкоторые изъ новгородскихъ лѣсовладѣльцевъ усердно заняты составленіемъ фиктивныхъ контрактовъ на рубку лѣса, съ помощью которыхъ лѣсоистребленіе свободно могло бы продолжаться и послѣ изда-

нія новаго закона. Нетрудно понять, какое значеніе имѣетъ, въ виду всего этого, надежда петербургской реакціонной газеты, что въ общемъ собраніи государственнаго совѣта „найдутся государственные люди, которые сознаютъ себя обязанными предложить этимъ вопросомъ (т.-е. вопросомъ о лѣсоохраненіи) повременить". Дѣйствительно, для многихъ лѣсовладѣльцевъ все сводится къ выигрышу времени; они могутъ сказать себѣ: Zeit gewonnen, Alles gewonnen—и приступить, пользуясь отсрочкой, къ усиленной рубкѣ лѣса, такъ чтобы новый законъ засталъ ихъ уже не *лѣсовладѣльцами*, а только *землевладѣльцами*. Но во что́ обойдется отсрочка странѣ, безъ того уже до крайности обезлѣсенной? Не поздно ли будетъ ограничить лѣсоистребленіе только тогда, когда почти нечего будетъ больше истреблять? Противники раціональнаго лѣсоохраненія стараются доказать, что настоящая опасность угрожаетъ лѣсамъ не со стороны легкомысленныхъ хозяевъ, а со стороны крестьянъ-самовольныхъ порубщиковъ; но что́ такое отдѣльныя порубки въ сравненіи съ уничтоженіемъ лѣсовъ en masse, производимымъ на строго-законномъ основаніи? Наказанія за порубку, вдобавокъ, безъ того уже усилены весьма значительно; дальше идти въ этомъ направленіи едва ли возможно. Не ссылать же порубщиковъ, въ самомъ дѣлѣ, въ Сибирь, не подводить же ихъ подъ одну мѣрку съ конокрадами!.. Въ одномъ случаѣ, впрочемъ, господа „помѣщики" готовы подчиниться ограниченіямъ въ правѣ пользованія лѣсомъ: если ограниченія эти будутъ сопряжены съ залогомъ лѣсовъ въ государственномъ (вѣроятно, дворянскомъ?) банкѣ, *на льготныхъ условіяхъ*. И здѣсь, слѣдовательно—какъ и въ вопросѣ о маіоратахъ, какъ и во всѣхъ другихъ — послѣднимъ словомъ сословническихъ тенденцій является имущественная привилегія, „воспособленіе" отъ казны, покровительство меньшинству въ ущербъ массѣ, т.-е. нѣчто прямо противоположное тому принципу, во имя котораго только и мыслимо превосходство одного класса надъ другими. Каждое ходатайство, каждое притязаніе, направленное къ огражденію спеціально-сословныхъ или классовыхъ интересовъ, является новымъ аргументомъ противъ реформы, построенной на сословномъ началѣ.

Въ судебно-административной сферѣ обратное движеніе выразилось, въ минувшемъ году, ограниченіемъ судебной гласности (законъ 12-го февраля) и законопроектомъ, съуживающимъ сферу дѣйствій суда присяжныхъ. Мнѣніе наше объ этихъ мѣрахъ извѣстно нашимъ читателямъ [1]); помимо непосредственныхъ ихъ результатовъ, онѣ расшатываютъ поколебленное и прежде великое зданіе судебныхъ уставовъ

[1]) См. Внутр. Обозрѣніе въ №№ 4 и 6 „Вѣстн. Европы" за 1887 г.

и пролагаютъ путь къ дальнѣйшей его ломкѣ. Готовится, говорятъ, какая-то перемѣна въ способѣ опредѣленія мировыхъ судей. Весьма возможно, что выборъ имѣется въ виду замѣнить назначеніемъ, по образцу порядка, существующаго уже теперь на окраинахъ имперіи. Въ связи съ этимъ состоитъ, быть можетъ, пронесшійся недавно слухъ, что земскимъ начальникамъ, вопреки первоначальному проекту, не предполагается предоставлять судебной власти. Не сдѣлана ли эта уступка именно подъ тѣмъ условіемъ, чтобы мировые судьи были отнынѣ не выборными людьми, а чиновниками, смѣняемыми и перемѣщаемыми по усмотрѣнію начальства? Конечно, изъ двухъ золъ—„соединенія властей“ въ рукахъ земскаго начальника и уничтоженія выборнаго начала въ мировомъ институтѣ—послѣднее должно быть признано мѣньшимъ; но неужели нельзя было бы обойтись и безъ того, и безъ другого? Развѣ примѣръ Кавказа, царства польскаго и западныхъ губерній не доказываетъ съ достаточною ясностью, что назначенные мировые суды отнюдь не выше избранныхъ, отнюдь даже не строже въ области уголовнаго правосудія? [1]) Безспорно, настоящій составъ выборныхъ мировыхъ судей оставляетъ желать весьма многаго; но развѣ исчерпаны всѣ средства къ его улучшенію, давно уже указанныя въ печати и въ ходатайствахъ земскихъ собраній (удлиненіе срока службы, пониженіе имущественнаго ценза, возвышеніе значенія образовательнаго ценза, замѣна единогласнаго избранія, на практикѣ почти неосуществимаго, избраніемъ по большинству двухъ третей или трехъ четвертей голосовъ, и т. п.)? Развѣ устранена или хотя бы уменьшена коренная причина недостатковъ, свойственныхъ земскимъ выборамъ—неосновательность земской избирательной системы?.. Несмотря на всѣ свои несовершенства, выборный мировой институтъ оказалъ и продолжаетъ оказывать Россіи самыя существенныя услуги. Намъ не хотѣлось бы вѣрить, что дни его сочтены, что ему суждено сойти со сцены, не показавъ, чего онъ можетъ достигнуть при условіяхъ болѣе благопріятныхъ.

Возвращаемся къ исходной точкѣ нашего обозрѣнія—къ дѣятельности министерства финансовъ. Мы имѣли уже случай замѣтить, что сдѣлано имъ, въ 1887 г., весьма немного, и это немногое—точно такъ же, какъ и вновь проектируемыя мѣры, насколько онѣ извѣстны по слухамъ—не отличается новизною. Одно время можно было ду-

[1]) Уголовная статистика удостовѣряетъ, что число оправдательныхъ приговоровъ, произносимыхъ мировыми учрежденіями, особенно велико именно тамъ, гдѣ мировые судьи назначаются министерствомъ юстиціи (см. Внутр. Обозр. въ № 10 за 1883, № 7 за 1884 и № 4 за 1886 г.).

мать, что измѣнился, по крайней мѣрѣ, образъ дѣйствій финансоваго вѣдомства по отношенію къ желѣзнымъ дорогамъ. На главное общество россійскихъ желѣзныхъ дорогъ былъ сдѣланъ начетъ въ шестнадцать слишкомъ милліоновъ рублей; чтобы избѣгнуть взысканія этихъ денегъ, обществу оставалось только прибѣгнуть къ суду, что и было имъ исполнено. Правда, процедура, окончившаяся начетомъ, началась уже давно, при прежнемъ министрѣ финансовъ, и прошла черезъ руки нѣсколькихъ коммиссій; но если новому министру не принадлежала ея иниціатива, то при его участіи, во всякомъ случаѣ, была принята рѣшительная мѣра, поставившая ребромъ одинъ изъ самыхъ важныхъ желѣзнодорожныхъ вопросовъ. Отъ исхода процесса должна была зависѣть, отчасти, судьба николаевской желѣзной дороги, срокъ выкупа которой наступаетъ въ 1888-мъ году. Едва ли, однако, суду придется постановлять рѣшеніе по спору между обществомъ и казною; стороны заключили мировую сдѣлку, которая въ моментъ напечатанія этихъ строкъ будетъ, по всей вѣроятности, уже совершившимся фактомъ. Общество обязывается уплатить почти всю насчитанную на него сумму, но получаетъ взамѣнъ отсрочку (на десять слишкомъ лѣтъ) выкупа николаевской желѣзной дороги. Новая финансовая политика и здѣсь, такимъ образомъ, оказывается вовсе не новой; она примыкаетъ даже не къ тому, что непосредственно ей предшествовало, а къ эпохѣ болѣе ранней, къ концу шестидесятыхъ годовъ (когда николаевская дорога перешла въ руки главнаго общества). Конечно, уступкѣ казны какъ бы соотвѣтствуетъ эквивалентъ, въ видѣ уплаты пятнадцати милліоновъ, которые судомъ могли и не быть присуждены казнѣ; но такъ ли велики были шансы проигрыша процесса со стороны казны? Не слѣдуетъ ли предполагать, что, доводя дѣло до суда, представители казны имѣли твердую увѣренность въ правотѣ своей претензіи? Не доказываетъ ли, наконецъ, отсрочка выкупа самой доходной изъ всѣхъ нашихъ желѣзныхъ дорогъ, что при нынѣшнемъ финансовомъ управленіи переходъ желѣзнодорожнаго хозяйства въ вѣденіе государства еще менѣе вѣроятенъ, чѣмъ при прежнемъ? А между тѣмъ Н. Х. Бунге вмѣнялась въ вину именно недостаточная рѣшительность по отношенію къ желѣзнодорожнымъ обществамъ... Не въ однихъ только западныхъ государствахъ совершается, должно быть, внутренняя перемѣна въ политическихъ дѣятеляхъ, когда они переходятъ отъ оппозиціи къ управленію.

Нужно отдать справедливость органамъ печати, прославлявшимъ И. А. Вышнеградскаго до вступленія его въ должность министра финансовъ: они продолжаютъ стоять за него и теперь, послѣ цѣлаго года напрасныхъ ожиданій, поддерживая его съ необыкновенною го-

рячностью даже тогда, когда вовсе не стоитъ горячиться. Весьма курьезна, съ этой точки зрѣнія, полемика о томъ, какое вѣдомство—финансовое или путей сообщенія—болѣе компетентно вѣдать желѣзнодорожные тарифы. Всякому постороннему, хладнокровному наблюдателю, этотъ споръ очень напоминаетъ Крыловскій „квартетъ“; рѣчь идетъ только о томъ, гдѣ кому сидѣть—а спорящія стороны вцѣпляются другъ въ друга съ усердіемъ, достойнымъ лучшаго дѣла. Въ нашей печати—да, кажется, и въ средѣ купечества—неоднократно возникала мысль объ учрежденіи особаго министерства торговли; аргументомъ въ пользу этой мысли служило обремененіе министра финансовъ массою дѣлъ, не позволяющею ему охранять какъ бы слѣдовало интересы русской торговли. Намъ всегда казалось, что такимъ наружнымъ лекарствомъ нельзя помочь внутренней болѣзни, что лишній министръ ничего не перемѣнитъ къ лучшему въ ходѣ государственнаго управленія; но между средствомъ и цѣлью здѣсь все-таки существовала нѣкоторая логическая связь, все-таки можно было думать, что съ бо́льшимъ спеціализированіемъ занятій увеличится заботливость о спеціальномъ дѣлѣ. Нововведеніе, предлагаемое теперь, направлено, наоборотъ, къ новому отягощенію наиболѣе отягощеннаго министра—министра финансовъ. Какъ бы ни называлось вѣдомство, занимающееся тарифными дѣлами, это, безъ сомнѣнія, все равно, лишь бы только они разрѣшались въ интересахъ общихъ, не исключительно желѣзнодорожныхъ—а такое разрѣшеніе можетъ быть достигнуто и въ министерствѣ путей сообщенія,—можетъ не быть достигнуто и въ министерствѣ финансовъ. Распинаясь за передачу тарифнаго дѣла въ вѣдомство министерства финансовъ, газеты извѣстнаго лагеря зачисляютъ себя въ категорію „опасныхъ друзей“ и нарушаютъ золотое правило: „pas trop de zèle“.

Въ составъ наслѣдства, полученнаго новымъ министромъ финансовъ, входили три драгоцѣнные предмета: налоги, упадающіе преимущественно на достаточные классы общества (сборъ съ наслѣдствъ, сборъ съ процентныхъ бумагъ), крестьянскій поземельный банкъ и новое фабричное законодательство, охраняемое фабричною инспекціею. Первые два остаются до сихъ поръ невредимыми, и имъ не угрожаетъ, повидимому, серьезная опасность, хотя въ врагахъ, и врагахъ ожесточенныхъ, у нихъ попрежнему нѣтъ недостатка. Менѣе благопріятно положеніе дѣлъ для фабричнаго законодательства. Со времени произнесенія извѣстной нижегородской рѣчи, надъ нимъ виситъ Дамокловъ мечъ пересмотра—пересмотра, исходъ котораго въ значительной степени предрѣшенъ похвальнымъ отзывомъ объ обвинителяхъ фабричной инспекціи. Началась ли работа, долженствующая положить конецъ только-что предпринятому дѣлу—

не знаемъ; не знаемъ даже, будутъ ли напечатаны и оглашены, по примѣру прошлыхъ лѣтъ, отчеты фабричныхъ инспекторовъ. А между тѣмъ именно въ нихъ должна заключаться масса матеріала, свидѣтельствующаго о чемъ угодно—только не объ „умѣренности“ и „справедливости“ фабрикантовъ. Насъ убѣждаютъ въ этомъ извѣстныя статьи г. Обнинскаго, основанныя на достовѣрныхъ свѣденіяхъ и бросающія весьма яркій свѣтъ на причины неудовольствія противъ новыхъ фабричныхъ правилъ. Познакомиться съ отчетами инспекціи за 1886 годъ было бы тѣмъ болѣе важно, что именно въ этомъ году введена была въ дѣйствіе послѣдняя фабричная реформа (законъ 3 іюня) и открыты губернскія по фабричнымъ дѣламъ присутствія. Результатомъ гласности, данной отчетамъ, легко могло бы быть отреченіе отъ всякой мысли о поворотѣ назадъ, къ порядкамъ, слишкомъ громко осужденнымъ указаніями опыта.

Вѣротерпимость, какъ извѣстно, съ нѣкоторыхъ поръ у насъ не въ модѣ, и между новыми правительственными распоряженіями крайне мало такихъ, которыя были бы проникнуты ея духомъ. Когда, въ видѣ исключенія, появляется законъ, не увеличивающій, а уменьшающій вѣроисповѣдныя различія, его встрѣчаетъ протестъ добровольцевъ реакціи, не признающихъ ничего внѣ своего заученнаго credo. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ минувшаго года евреямъ разрѣшено нанимать христіанъ не только для работы въ промышленныхъ заведеніяхъ, но и для постоянныхъ домашнихъ услугъ. „Варшавскій Дневникъ“, съ самаго начала выразившій сомнѣніе въ цѣлесообразности этой мѣры, прямо доказываетъ теперь необходимость ея отмѣны. „Изъ лучшей части здѣшняго (варшавскаго) общества,—говорится въ передовой статьѣ „Дневника“ (№ 264),—отъ людей образованныхъ, вполнѣ серьезныхъ, христіанскаго образа мыслей и добраго гражданскаго направленія, къ намъ то-и-дѣло доносятся вопли горькихъ сѣтованій на то духовное и тѣлесное развращеніе, которому *неминуемо* (курсивъ въ подлинникѣ) подвергается христіанская прислуга, особенно женскаго пола, въ домахъ у евреевъ“. Дальше слѣдуютъ выписки изъ письма, полученнаго редакціею и жалующагося на то, что „христіанская прислуга является къ евреямъ по первому требованію, по первому зову, между тѣмъ какъ хозяева-христіане терпятъ недостатокъ въ прислугѣ, не только хорошей (хорошую найти вообще трудно), но хотя бы какой-нибудь“. Не въ этомъ ли и заключается настоящій источникъ нападеній на законъ, дозволившій евреямъ принимать къ себѣ въ услуженіе христіанъ? Конкурренція всегда непріятна, всегда располагаетъ къ несправедливости

по отношенію къ конкуррентамъ... Если авторъ письма фактически правъ, то должны же быть какія-нибудь причины, побуждающія христіанъ такъ охотно поступать въ услуженіе къ евреямъ—и не могутъ же эти причины сводиться къ одной, указываемой корреспондентомъ: къ развращенности и распущенности евреевъ. Въ еврейской средѣ, какъ и вездѣ, есть хорошіе, есть и дурные люди; невозможно допустить, чтобы всѣ полтораста тысячъ варшавскихъ евреевъ отличались испорченностью, приписываемою имъ въ „Варшавскомъ Дневникѣ". Собственный интересъ хозяевъ, даже распущенныхъ, противодѣйствуетъ, притомъ, такому потворству прислугѣ, какое, по словамъ корреспондента, влечетъ ее въ еврейскія сѣти. Огражденіе прислуги—въ особенности несовершеннолѣтней и малолѣтней—отъ вреднаго вліянія хозяевъ должно быть, безъ сомнѣнія, предметомъ заботливости со стороны законодательной и административной власти, но размѣръ этой заботливости и способы ея проявленія не должны зависѣть отъ вѣроисповѣданія хозяевъ. Статья „Варшавскаго Дневника" служитъ новымъ доказательствомъ тому, съ какими затрудненіями сопряжена правильная оцѣнка закона, идущаго въ разрѣзъ съ господствующимъ теченіемъ.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 января 1888 (20 декабря 1887).

Политическіе итоги 1887 года въ области международныхъ отношеній.—Роль Германіи и князя Бисмарка.—Новые союзы и новыя вооруженія.—Статья „Русскаго Инвалида".—Политика вѣнскаго кабинета и ея особенности.—Логика оффиціозной печати.—Вопросъ о вооруженіяхъ и толки объ австро-русскомъ столкновеніи.—Внутреннія дѣла Франціи за истекшій годъ.—Президентъ Карно и его первое министерство.—Положеніе дѣлъ въ Англіи.—Балканскій полуостровъ.

Чувство неопредѣленной, тяжелой тревоги господствовало въ Европѣ уже въ началѣ истекшаго года, когда воинственные толки раздались въ Германіи по поводу вопроса о „септеннатѣ",—и съ тѣмъ же тяжелымъ чувствомъ встрѣчаетъ Европа и наступающій новый годъ. Болѣе всѣхъ обнаружила безпокойство за миръ Германія, и тѣмъ самымъ все чаще и сильнѣе возбуждалось безпокойство и сосѣднихъ народовъ. Три раза возникала оттуда опасность франко-нѣмецкой войны въ 1887 году: въ январѣ и февралѣ, во время извѣстной газетной кампаніи противъ французовъ изъ-за отклоненія „септенната" имперскимъ сеймомъ; въ апрѣлѣ, по поводу захвата французскаго коммиссара Шнѐбеле германскими властями, и, наконецъ, въ сентябрѣ, по случаю стрѣльбы нѣмецкой пограничной стражи въ охотившихся французовъ, изъ которыхъ одинъ былъ убитъ, а двое ранено. Два раза предпринимался въ газетахъ походъ противъ Россіи: въ іюлѣ—противъ русскихъ финансовъ, и въ концѣ года—противъ вооруженій, какъ направленныхъ противъ Австро-Венгріи. Два раза обсуждались въ Германіи значительныя военныя реформы, съ цѣлью довести вооруженныя силы имперіи до послѣдней степени напряженія,—отсюда въ началѣ года „септеннатъ", въ концѣ—преобразованіе ландвера и ландштурма. Вслѣдъ за германской имперіей должны были усиливать свои военныя заботы и другія государства, не только первоклассныя, но и второстепенныя: чрезвычайные военные кредиты, хотя и въ незначительныхъ сравнительно размѣрахъ, были послѣдовательно утверждены парламентами Франціи (8-го февраля н. ст.), Австро-Венгріи (19 и 24-го февраля), Румыніи и Бельгіи.

Таковъ прежде всего печальный итогъ истекшаго года, дорого обошедшійся европейскимъ народамъ. Всѣмъ памятны еще знаменитыя январьскія рѣчи князя Бисмарка, при обсужденіи „септенната"

въ имперскомъ сеймѣ. Канцлеръ объяснялъ тогда, что предстоящая франко-германская война будетъ ужаснѣе всѣхъ прежнихъ кровопролитій, что это будетъ безпощадная борьба на жизнь и смерть, что нужно будетъ истощить противниковъ до полнаго безкровія—saigner à blanc; онъ предлагалъ принять проектъ военнаго „семилѣтія“ (т.-е. утвержденія увеличеннаго состава войскъ и военнаго бюджета на семь лѣтъ впередъ), подъ угрозою неминуемаго столкновенія съ Франціею. Несмотря на доводы князя Бисмарка и на мрачныя предсказанія графа Мольтке, проектъ былъ отвергнутъ рейхстагомъ, въ засѣданіи 14-го (2) января, и „семилѣтіе“ замѣнено „трехлѣтіемъ“. Парламентъ былъ немедленно распущенъ, и началась избирательная борьба, самая страстная и рѣшительная, какая когда-либо велась въ Германіи. Главную роль въ этой пятинедѣльной кампаніи играло страшилище войны, смущавшее не только нѣмецкихъ избирателей, но и всю Европу. Нѣмецкіе оффиціозные органы ежедневно доказывали, что необходимо приготовиться къ предстоящимъ кровавымъ событіямъ, и что Германіи придется, быть можетъ, одновременно воевать на двѣ стороны, на западѣ и востокѣ, въ виду вѣроятной перспективы франко-русскаго союза. Крайне рѣзкія, вызывающія выходки нѣмецкихъ газетъ противъ французовъ продолжались до самаго дня парламентскихъ выборовъ, 21-го (9) февраля. Франція держала себя весьма осторожно; французская печать почти не отвѣчала на нѣмецкія нападенія, и Европа вздохнула свободно, когда выборы дали князю Бисмарку желаемое имъ большинство.

Одно обстоятельство произвело, однако, на берлинскій кабинетъ опять какъ-будто тревожное дѣйствіе. Русская дипломатія, достаточно занятая балканскими дѣлами, дала понять, что Россія сохранитъ свою „свободу дѣйствій“ на случай европейской войны, т.-е. не допуститъ новаго разгрома Франціи, въ интересахъ справедливости и политическаго равновѣсія. Петербургскія корреспонденціи двухъ дипломатическихъ газетъ, брюссельскаго „Le Nord“ и вѣнской „Politische Correspondenz“, не оставляли въ этомъ никакого сомнѣнія. Въ Берлинѣ сначала думали, что можно будетъ обезпечить собою нейтралитетъ Россіи цѣною уступокъ и содѣйствія въ разрѣшеніи восточныхъ замѣшательствъ; но потомъ увидѣли, что этотъ разсчетъ можетъ быть невѣренъ. Въ виду того, князь Бисмаркъ позаботился о пріобрѣтеніи новыхъ союзовъ и о формальномъ закрѣпленіи прежнихъ.

Военный „септеннатъ“ былъ принятъ рейхстагомъ 9-го марта (н. ст.), и около того же времени былъ заключенъ или, вѣрнѣе, возобновленъ союзъ съ Италіею на болѣе прочныхъ основаніяхъ, что не мѣшало, однако, германскимъ политическимъ дѣятелямъ воспользоваться при-

ѣздомъ въ Берлинъ графа Фердинанда Лессепса для мирныхъ демонстрацій и увѣреній по адресу Франціи. Казалось уже, что тяготѣвшій надъ Европою кошмаръ разсѣялся благополучно, и что возбужденіе общей тревоги по поводу „септенната" служило лишь рискованнымъ избирательнымъ маневромъ для обезпеченія большинства въ новомъ имперскомъ сеймѣ. Юбилей императора Вильгельма, праздновавшійся 22-го (10) марта, долженъ былъ закончить собою эру напрасныхъ волненій, судя по успокоительному тону оффиціозной прессы. Но склонность къ миролюбію продолжалась не долго. Не прошло двухъ недѣль послѣ юбилея, какъ произошелъ неожиданный эпизодъ съ французскимъ пограничнымъ чиновникомъ, который былъ завлеченъ на германскую территорію и арестованъ. Опять пришлось Европѣ переживать тяжелые дни, и берлинскій кабинетъ на этотъ разъ не особенно торопился положить предѣлъ всеобщей агитаціи, въ которой вліятельныя нѣмецкія газеты принимали, по обыкновенію, дѣятельное участіе. Какъ и всегда въ подобныхъ случаяхъ, эти газеты обвиняли во всемъ французовъ, хотя послѣдніе отнеслись къ дѣлу Шнебеле, какъ и прежде, съ замѣчательнымъ хладнокровіемъ. Кризисъ, возникшій 8 апрѣля, разрѣшился, впрочемъ, 17-го числа того же мѣсяца; германское правительство оффиціально отказалось отъ дальнѣйшаго удержанія и преслѣдованія французскаго коммиссара. Оставивъ на время Францію, нѣмецкіе оффиціозы обратились къ Россіи и грозили рѣшительно подорвать ея финансовый кредитъ, если русская дипломатія будетъ упорствовать въ своей „свободѣ дѣйствій" и не войдетъ по прежнему въ кругъ берлинской политики. Но вслѣдъ затѣмъ паденіе кабинета Депретиса въ Италіи возбудило опасенія за прочность заключеннаго союза съ Италіею; начались уже нападки на новаго итальянскаго министра-президента Криспи, имѣвшаго репутацію франкофила. Недоразумѣніе скоро прекратилось; князю Бисмарку удалось сойтись съ Криспи, какъ онъ прежде сошелся съ графомъ Робильяномъ, и первый министръ Италіи, бывшій гарибальдіецъ, отправился на свиданіе съ германскимъ канцлеромъ въ Фридрихсруэ, 2-го октября. Еще раньше ѣздилъ туда для переговоровъ австрійскій министръ иностранныхъ дѣлъ, графъ Кальноки. Новый тройственный союзъ организовался на прочныхъ началахъ—на началахъ взаимной помощи и охраны территорій участвующихъ государствъ, въ случаѣ вовлеченія кого-либо изъ союзниковъ въ европейскую войну.

Можно было бы думать, что, заручившись внушительными союзами, германское правительство успокоится. Но дѣло Кауфмана и тѣ оправдательные доводы, которыми берлинская пресса пыталась объяснить убійство французскаго охотника, указывали опять на нѣчто

болѣзненное, ненормальное, въ преувеличенномъ возбужденіи многихъ видныхъ дѣятелей и публицистовъ Германіи. Однако и этотъ эпизодъ окончился мирно, благодаря сдержанности Франціи, и въ Германіи снова были признаны дѣйствія ея агентовъ неправильными. Наконецъ, можно было полагать, что пріѣздъ русской императорской фамиліи въ Берлинъ, на пути изъ Копенгагена въ Петербургъ, будетъ содѣйствовать смягченію враждебнаго тона нѣмецкой оффиціозной печати относительно Россіи. Но и эта надежда, повидимому, не сбылась. Свиданіе двухъ императоровъ, 18-го (6) ноября, не имѣло, очевидно, никакого вліянія, или очень мало, на отношенія двухъ сосѣднихъ имперій. Разоблаченіе какой-то дипломатической фальсификаціи, направленной будто бы къ поддержанію русскаго недовѣрія къ Германіи, осталось понынѣ неразъясненнымъ, и берлинскія газеты возобновили свои обычныя угрожающія вылазки „на оба фронта“ одновременно—противъ Россіи и Франціи.

Тронная рѣчь императора Вильгельма, прочитанная при открытіи осенней парламентской сессіи, 29-го (12) ноября, упоминала уже прямо о союзникахъ и обѣщала внесеніе проектовъ, имѣющихъ цѣлью еще болѣе увеличить военныя силы Германіи. Имперскій сеймъ занялся, съ 16-го (4) декабря, этими новыми проектами, сущность которыхъ сводится къ продленію срока службы въ ландверѣ до 39 лѣтъ и въ ландштурмѣ до 45 лѣтъ, причемъ обѣ эти категоріи военныхъ резервовъ зачисляются въ общій составъ дѣйствующей арміи. Такимъ образомъ, все мужское населеніе имперіи, отъ 17-лѣтнихъ юношей до поздняго 45-лѣтняго возраста, призывается въ ряды войска, во имя защиты отечества отъ возможныхъ опасностей. Такъ какъ въ Германіи считается около 47 милліоновъ жителей, то численность вооруженныхъ силъ страны должна теперь составить колоссальную цифру. Военный министръ, генералъ Бронсаръ фонъ-Шеллендорфъ, заявилъ въ рейхстагѣ, что имперское правительство и союзныя съ нимъ державы заботятся о сохраненіи мира, но что миръ можетъ быть нарушенъ „несправедливыми нападеніями“, противъ которыхъ нужно принять надлежащія предупредительныя мѣры. Но кого и чего можетъ бояться имперія, опередившая своихъ могущественныхъ сосѣдей совершенствомъ своей военной организаціи и гарантированная вдобавокъ союзомъ съ двумя сильными европейскими государствами? Кто можетъ думать о „нападеніи“ на Германію съ ея милліонной арміею, при существованіи тѣснаго союза съ Австро-Венгріею и Италіею? О „нападеніи“ съ чьей бы то ни было стороны не можетъ быть и рѣчи, при современной группировкѣ великихъ европейскихъ державъ. Англія относится одинаково недоброжелательно и къ Франціи, и къ Россіи; она готова даже примкнуть къ

тройственной коалиціи, руководимой княземъ Бисмаркомъ, и объ этомъ присоединеніи говорилось серьезно въ наиболѣе вліятельныхъ англійскихъ газетахъ. Имѣя противъ себя не только Германію, но и Италію, и отчасти Англію, французская республика должна по-неволѣ ограничиваться заботами объ охранѣ, и всякая мысль объ агрессивной войнѣ давно покинута французами, если она когда-либо возникала въ умахъ отдѣльныхъ патріотовъ, въ родѣ поэта Деруледа или генерала Буланжé. Россія, въ свою очередь,—даже съ нѣмецкой точки зрѣнія, — сдерживается Австро-Венгріею, Италіею и Англіею, Такъ что ей нападать на Германію тоже не приходится, еслибы даже были къ тому основательные мотивы. Противъ кого же и для чего готовится съ такою лихорадочною поспѣшностью германская имперія, вооруженная и безъ того съ головы до ногъ? Въ настоящую минуту все это представляется загадочнымъ, а потому статья, появившаяся въ началѣ декабря въ оффиціальномъ органѣ нашего военнаго министерства, „Русскомъ Инвалидѣ“, какъ отвѣтъ на такой вопросъ, возбудила всеобщій интересъ и вызвала массу комментаріевъ и возраженій въ заграничной печати. Но едва ли возможно подозрѣвать искренность въ противникѣ, если онъ отдаетъ справедливость реальнымъ силамъ своихъ сосѣдей, и самъ откровенно указываетъ на сознаваемыя имъ свои слабыя стороны, какъ это дѣлается въ „Русскомъ Инвалидѣ“. Статья имѣетъ цѣлью отвѣтить на поставленный ею же вопросъ, который и составляетъ предметъ спора между заинтересованными сторонами: „кто въ дѣйствительности—спрашиваетъ наша военная газета—готовится къ нападенію и кто къ оборонѣ?“ Отвѣтомъ на такой вопросъ служитъ, съ одной стороны, исчисленіе роста военныхъ силъ Германіи и Австро-Венгріи за послѣднія 7 лѣтъ, а такое исчисленіе противная сторона можетъ счесть не иначе, какъ лестнымъ для нея, такъ какъ преимущества противниковъ оцѣнены вполнѣ, безъ всякаго самообмана, и особенно указана дѣятельность австрійскаго правительства по сооруженію желѣзныхъ дорогъ.

„Въ послѣдніе годы Карпаты — говорится въ „Русскомъ Инвалидѣ“—прорѣзаны нѣсколькими новыми желѣзнодорожными линіями, прочно связывающими Галицію съ внутренними областями и, кромѣ того, въ Галиціи сооружена сѣть дорогъ, имѣющихъ, по примѣру Германіи, наступательное значеніе. Всего въ областяхъ Австро-Венгріи, могущихъ быть театромъ войны съ Россіею, сооружено съ 1878 года *4.500 километровъ желѣзныхъ дорогъ*, причемъ отъ продольной галиційской дороги пущены впередъ, уже прямо къ нашей границѣ, вѣтви: Станиславъ-Гусятинъ, Ярославъ-Сокалъ, Львовъ-Раваруска и Дембица-Тарнобржегъ.

„Въ настоящее время уже 6 самостоятельныхъ желѣзнодорожныхъ

линій могутъ перебросить въ Галицію цѣлыя массы войскъ изъ внутреннихъ округовъ, а 9 узловыхъ станцій близь нашей границы подготовлены для ихъ выгрузки.

„Въ Львовѣ, Перемышлѣ, Ярославѣ, Дембицѣ, Ряшевѣ и другихъ пунктахъ уже возведены многочисленные бараки для войскъ, устроиваются обширные склады муки, сухарей, овса и сѣна на милліоны раціоновъ; крѣпости Перемышль и Краковъ обращены въ укрѣпленные лагери. Съ фортовъ Кракова возможно обстрѣливать нашу территорію. Эти двѣ крѣпости обращены въ депо запасовъ. Добавимъ, что въ Краковѣ собрано значительное число вагоновъ, приспособленныхъ для движенія по русскимъ дорогамъ...“

„Что же дѣлаетъ Россія—спрашиваетъ „Русскій Инвалидъ“—въ виду грозныхъ приготовленій своихъ сосѣдей?“—и отвѣчаетъ:

„Несмотря на явную опасность, Россія, признавая европейскую войну страшнымъ бѣдствіемъ для всего человѣчества, выступила первая, среди лихорадочныхъ вооруженій своихъ сосѣдей, на путь не увеличенія, а сокращенія своихъ вооруженныхъ силъ. Съ 1-го января 1881 года по 1-е января 1883 года она почти на 100 тысячъ уменьшила мирный составъ своей арміи.

„Правда, въ послѣдующіе годы Россія снова нѣсколько увеличила штатную числительность войскъ, вынужденная къ тому афганскими дѣлами, а также необходимостью поднять и мобилизаціонную свою готовность, въ виду непрерывнаго усиленія боевой готовности сосѣдей. Тѣмъ не менѣе, даже въ настоящемъ году, по штатамъ мирнаго времени въ русской арміи считается на 75.185 человѣкъ менѣе, чѣмъ то было въ 1881 году, тогда какъ наши сосѣди увеличили за тотъ же періодъ свой кадровый (мирный) составъ на 75.000 человѣкъ.

„Несомнѣнно, что, въ случаѣ войны, Россія выставитъ могущественную армію, но сосредоточеніе этой арміи къ границѣ *несравненно затруднительнѣе, чѣмъ у сосѣдей.* За послѣднія 10 лѣтъ русская желѣзно-дорожная сѣть нѣсколько увеличилась. Въ западномъ пограничномъ пространствѣ выстроено 2.828 километровъ, но въ тотъ же періодъ Германія и Австрія въ своихъ восточныхъ провинціяхъ выстроили, на площади вдвое меньшей, 9.300 километровъ.

„Всѣ проведенныя нами желѣзныя дороги нигдѣ не выступили за оборонительныя линіи, ограниченныя трехугольникомъ: Петербургъ—Варшава—Одесса. Дороги же нашихъ сосѣдей примкнули и прилегли вплоть къ самой нашей границѣ, и не трудно сообразить, что онѣ выстроены не для аванпостовъ, а для сосредоточенія войскъ.

„Достаточно взглянуть на карту, чтобы убѣдиться, какою густою сѣтью дорогъ окружена пограничная полоса Россіи и, наоборотъ, ка-

кимъ незначительнымъ числомъ путей она можетъ поддерживать свои силы, расквартированныя въ мирное время на западѣ. Не только со стороны Германіи, но и Австро-Венгріи русскимъ предѣламъ угрожаетъ быстрое вторженіе.

„*Наиболѣе дѣйствительною мѣрою противъ этой угрозы было бы увеличеніе русской сѣти желѣзныхъ дорогъ* до размѣровъ, одинаковыхъ съ сосѣдями. Но для этого нужны огромныя денежныя средства и, главное, много времени. Поэтому Россіи остается одно: увеличивать готовность крѣпостей и усиливать число войскъ, расположенныхъ въ пограничныхъ округахъ, чтобы не быть захваченной врасплохъ.

„Усиленныя военныя приготовленія нашихъ сосѣдей въ прошломъ году вынудили и насъ намѣтить рядъ соотвѣтствующихъ мѣръ, которыя и будутъ приводиться постепенно въ исполненіе.

„Переводомъ нѣсколькихъ кавалерійскихъ полковъ въ Привислянскій край, конечно, можно воспользоваться, чтобы взволновать прессу, общественное мнѣніе и обвинить Россію въ воинственныхъ намѣреніяхъ, но военные люди Германіи и Австро-Венгріи хорошо понимаютъ *оборонительное* значеніе этой мѣры и спокойно могутъ разсчитать, какое число корпусовъ должна бы Россія передвинуть еще въ мирное время къ западной границѣ, чтобы уравновѣсить свои средства, по сосредоточенію войскъ, съ средствами своихъ противниковъ? Сводя итоги силъ, съ которыми, въ случаѣ объявленія войны, можно будетъ быстро вторгнуться въ предѣлы Россіи, они и теперь еще могутъ мечтать пожать на первыхъ же порахъ относительно дешевые лавры.

„Съ своей стороны, русскіе военные люди, спокойные за окончательный исходъ борьбы, хотя бы противъ Россіи двинулись силы всей *лиги мира*, тѣмъ не менѣе ясно сознаютъ, что *оборона русскихъ предѣловъ еще не обезпечена*, и что если лига мира считаетъ себя въ правѣ, развивая оборонительныя свои мѣры, подводить даже нѣкоторые участки русской территоріи подъ выстрѣлы своихъ передовыхъ фортовъ, то и Россія имѣетъ столь же несомнѣнное право, дорожа сохраненіемъ мира, заботиться о своей защитѣ и всемѣрно охранять неприкосновенность своей земли и чести".

Иностранная политика Австро-Венгріи тѣсно связана съ германскою политикой, и вслѣдствіе того вѣнскій кабинетъ, какъ то видно и изъ вышеприведенной статьи „Русскаго Инвалида", предпринимаетъ вооруженія не въ меньшей мѣрѣ, какъ и Германія. Наравнѣ съ Германіей, если не болѣе, австрійское правительство также на-

прягаетъ свои силы для приготовленія къ борьбѣ, цѣль которой, конечно, составляетъ соперничество ея съ Россіею на Балканскомъ полуостровѣ. Австрія вооружается также во имя обороны, хотя союзъ съ Германіею и Италіею, повидимому, обезпечиваетъ ее вполнѣ отъ всякаго нападенія. Чувствуя за собою твердую опору, австро-венгерская дипломатія заговорила въ послѣднее время иначе, и оффиціозные органы ея въ печати выступаютъ смѣлѣе, не отставая въ этомъ отношеніи отъ берлинскихъ оффиціозовъ. Въ парламентскихъ заявленіяхъ графа Кальноки по восточному вопросу не разъ слышалась уже прямо враждебная нота относительно Россіи, и рѣшительный антагонизмъ между обѣими державами сдѣлался однимъ изъ принциповъ новѣйшей вѣнской политики. Очевидно, въ Австріи продолжаютъ не вѣрить въ то, что Россія не имѣетъ больше въ виду вмѣшательства въ балканскія дѣла, хотя въ теченіе 1887 года Россія относилась почти съ полною пассивностью къ происходившимъ на полуостровѣ событіямъ, ограничиваясь одними дипломатическими протестами и проектами. За это время Австрія успѣла, не потерявъ окончательно своего вліянія на Сербію, распространить его и на Болгарію; въ Софіи поставленъ принцъ Кобургскій, еще менѣе желательный для Россіи, чѣмъ принцъ Баттенбергъ. Но, очевидно, эти самые успѣхи австрійскаго вліянія и заставляютъ вѣнскій кабинетъ употреблять еще бо́льшія усилія къ поддержанію своего положенія и увеличиваютъ его подозрительность: пріобрѣсть вліяніе несравненно легче, нежели потомъ поддержать его; притомъ, успѣхи австрійской политики, главнымъ образомъ, опирались на недоразумѣнія между нами и Болгаріею, а въ иныхъ случаяхъ и на ошибки нашихъ агентовъ въ Болгаріи; но успѣхъ, основанный на такомъ разсчетѣ, непроченъ, и этимъ объясняется то напряженіе военныхъ силъ, какое мы видимъ въ Австріи,—удержать силою вліяніе, добытое ею вслѣдствіе однихъ благопріятныхъ для нея обстоятельствъ.

Въ теченіе 1887 года нѣсколько разъ предпринимались въ Австро-Венгріи значительныя военныя мѣры и назначались чрезвычайные кредиты на военныя надобности. Народное ополченіе организовано такимъ образомъ, что оно входитъ отчасти въ составъ регулярной арміи. Вооруженныя силы имперіи увеличены настолько, насколько позволяютъ ея финансовыя средства. Усовершенствованныя ружья, которыя начали уже вводиться въ войскахъ, поспѣшно замѣняются новыми, еще болѣе усовершенствованными. Помощникъ графа Мольтке по генеральному штабу, будущій его преемникъ, генералъ графъ Вальдерзе, ѣздилъ въ Австрію для обстоятельнаго осмотра ея вооруженій, и вѣнскія газеты вовсе не скрывали истинной цѣли пребыванія прусскаго генерала въ австрійскихъ предѣлахъ. Наконецъ, мы

видѣли, и „Русскій Инвалидъ“ засвидѣтельствовалъ объ энергическомъ развитіи въ Австріи желѣзно-дорожной сѣти, которая даетъ ей преимущества предъ нами, въ случаѣ необходимости сосредоточить войска на границѣ. Такое признаніе съ нашей стороны преимуществъ Австро-Венгріи, въ отношеніи мобилизаціи, должно было бы, повидимому, успокоить общественное мнѣніе и въ Австріи, какъ, мы видѣли, оно успокоилось въ Германіи, когда кн. Бисмаркъ успѣлъ добиться военнаго „септенната“.

Сверхъ ожиданія, однако, статья „Русскаго Инвалида“ не только не удовлетворила австрійскую и германскую печать, но еще болѣе увеличила тревогу и отразилась даже упадкомъ цѣнъ на европейскихъ биржахъ. Можно было бы подумать, что въ Вѣнѣ не вѣрятъ нашему признанію значенія военныхъ приготовленій Австріи, или считаютъ насъ слишкомъ скромными въ оцѣнкѣ собственныхъ силъ. Въ результатѣ оказывается одно: истекшій годъ оставилъ своему преемнику еще болѣе тяжелое наслѣдство, сравнительно съ тѣмъ, какое онъ получилъ отъ своего предшественника,—и ближайшее будущее Европы все болѣе и болѣе становится на почву опасныхъ приключеній, когда судьба народовъ зависитъ не отъ ихъ доброй воли, а отъ случая.

Франція и въ 1887-мъ году продолжала ту политику воздержанія, которая прежде такъ много содѣйствовала обновленію ея политическихъ и военныхъ силъ. Будучи великою державою, французская республика продолжала уклоняться отъ дѣятельнаго участія въ общихъ европейскихъ дѣлахъ. Зато внутренняя ея жизнь за истекшій годъ гораздо богаче разнообразными событіями и перемѣнами, чѣмъ въ какомъ-либо изъ другихъ государствъ Европы. Два министерскихъ кризиса, отставка президента Греви и избраніе на его мѣсто депутата Карно́, рѣшительная борьба съ злоупотребленіями отдѣльныхъ вліятельныхъ лицъ,—все это направляло заботы французовъ въ область домашнихъ политическихъ вопросовъ, требующихъ постояннаго вниманія и изученія.

Кабинетъ Гобле́, смѣнившій собою министерство Фрейсинэ, просуществовалъ около пяти мѣсяцевъ, съ декабря 1886 года до 16-го (4) мая прошлаго года. Этому кабинету пришлось выдержать серьезныя испытанія во время двухъ конфликтовъ съ Германіею: одного—въ эпоху борьбы изъ-за септенната, а другого—по дѣлу Шнебеле. Оба испытанія выдержаны были съ честью, благодаря благоразумію и самообладанію французскаго министра иностранныхъ дѣлъ, Флуранса, и осторожности министра-президента, Гобле́. Военнымъ министромъ былъ тогда генералъ Буланже́, котораго признавали предста-

вителемъ идеи возмездія, и который своимъ чрезмѣрнымъ исканіемъ популярности возбудилъ противъ себя неудовольствіе умѣренной части французскаго общества. Желаніе устранить этого безпокойнаго и честолюбиваго генерала было одною изъ причинъ паденія кабинета Гобле. Министръ финансовъ Дофэнъ не съумѣлъ произвести въ бюджетѣ тѣ сокращенія, на которыхъ настаивала палата; ему не удалось избѣгнуть также проектовъ новыхъ налоговъ и новаго займа, противъ чего категорически возставала бюджетная коммиссія. Предсѣдатель этой коммиссіи, опытный финансовый практикъ, Рувье, требовалъ отъ Гобле передѣлки бюджета въ духѣ экономіи, согласно неоднократнымъ постановленіямъ парламента. На этой почвѣ происходили оживленныя пренія, и такъ какъ Гобле не могъ исполнить поставленной ему финансовой задачи, то большинство депутатовъ высказалось противъ него въ засѣданіи 16-го мая. Нѣкоторые изъ видныхъ членовъ министерства, въ томъ числѣ самъ глава его Гобле и военный министръ Буланжѣ, пользовались поддержкою радикальной партіи. Кабинетъ былъ свергнутъ не только безъ участія, но и противъ воли обычнаго „свергателя министерствъ", предводителя крайней лѣвой, Клемансо. Большинство образовалось изъ оппортунистовъ и консерваторовъ. Новое министерство составлено было Рувье, человѣкомъ весьма добросовѣстнымъ и умѣреннымъ. Участіе монархистовъ въ паденіи Гобле и въ поддержаніи его преемниковъ было „первороднымъ грѣхомъ" кабинета Рувье въ глазахъ многихъ республиканцевъ. Хотя Рувье ничего не дѣлалъ для пріобрѣтенія симпатій правой стороны палаты, но онъ могъ сохранять власть только до тѣхъ поръ, пока консерваторы не отказывали ему въ пассивной поддержкѣ. Министерство Рувье не прошло безслѣдно для французскихъ финансовъ; оно значительно уменьшило государственные расходы, достигло крупныхъ сбереженій въ различныхъ отдѣлахъ бюджета и устроило превращеніе 4½-процентной ренты въ трехъ-процентную. Министерство вышло въ отставку, вслѣдствіе неблагопріятнаго для него рѣшенія палаты по поводу запроса Клемансо, въ засѣданіи 19-го (7) ноября.

Парламентская сессія, открывшаяся 25-го (13) октября, была почти всецѣло поглощена событіями, выдвинутыми на первый планъ процессомъ Каффареля и разоблаченіями относительно зятя президента, депутата Вильсона. Эти разоблаченія подготовили президентскій кризисъ, который формально начался съ 20-го ноября и закончился 3-го декабря. Подробное описаніе кризиса читатели найдутъ въ помѣщаемой ниже спеціальной корреспонденціи изъ Парижа.

Кабинетъ Рувье продолжалъ исполнять свои функціи до назначенія новаго министерства. Президентъ Карно считалъ своею обя-

занностью образовать такое правительство, которое по составу и по убѣжденіямъ отражало бы въ себѣ важнѣйшіе элементы республиканскаго большинства, выразившаго свое единодушіе голосованіемъ 3-го декабря, на версальскомъ конгрессѣ. Президентъ пытался осуществить подобную комбинацію и употребилъ на свои усилія не менѣе десяти дней; онъ велъ переговоры со всѣми видными дѣятелями парламента и остановилъ свой выборъ на двухъ лицахъ, казавшихся ему наиболѣе пригодными для созданія министерства „республиканскаго сосредоточенія". Но попытка не удалась, вслѣдствіе непримиримой розни между различными группами и партіями республиканцевъ. Гобле́, принадлежащій къ числу радикаловъ, не могъ добиться совмѣщенія умѣренныхъ элементовъ съ радикальными; извѣстный Рибо́, сенаторъ Фэй и депутатъ Рикаръ, согласившіеся уже вступить въ министерство, отказались въ послѣднюю минуту, когда узнали, что два портфеля предложены были радикаламъ — Сигизмунду Лакруа (Крижановскому) и Кламажерану. За составленіе министерства взялся затѣмъ Фальеръ, министръ внутреннихъ дѣлъ въ кабинетѣ Рувье, но онъ, съ своей стороны, не могъ добиться участія радикаловъ и долженъ былъ также отказаться отъ осуществленія предположеннаго „министерства примиренія". Въ концѣ концовъ, президентъ Карно вынужденъ былъ составить свой первый кабинетъ изъ однихъ представителей умѣренной партіи и, главнымъ образомъ, изъ оппортунистовъ, безъ всякаго участія „крайней лѣвой" и „лѣвой радикальной" группы. Главою министерства назначенъ бывшій министръ финансовъ при Ферри и Фрейсинэ, сенаторъ Тираръ; остальные члены кабинета — также люди мало извѣстные, хотя нѣкоторые изъ нихъ были уже министрами, какъ напр. министръ внутреннихъ дѣлъ Саррьянъ, министръ морской и колоній, де-Маги. Министромъ иностранныхъ дѣлъ остался Флурансъ, который вступаетъ уже въ третій кабинетъ, съ конца 1886 года. Сохраненіе одного и того же лица на важномъ посту руководителя иностранной политики указываетъ на рѣшимость французскихъ правителей придать необходимое постоянство и послѣдовательность дѣйствіямъ дипломатіи, въ виду серьезныхъ международныхъ обстоятельствъ.

Министерство Тирара — по преимуществу дѣловое; оно не могло быть встрѣчено парламентомъ съ особеннымъ сочувствіемъ, такъ какъ не давало ни громкой программы, ни громкихъ именъ, и притомъ оно почти на половину составлено изъ сенаторовъ, которые вообще не пользуются популярностью въ палатѣ депутатовъ. Кабинетъ образовался окончательно 12-го декабря; на слѣдующій день, 13-го (1) числа, прочитано было въ обѣихъ палатахъ посланіе президента Карно, опредѣляющее главные предметы заботъ и стрем-

леній новаго правительства. Президентъ, въ сущности, развилъ цѣлую программу, касающуюся законодательныхъ, административныхъ и финансовыхъ вопросовъ, болѣе или менѣе второстепенныхъ по значенію и интересу. Радикальныя газеты не преминули напомнить президенту, что его дѣло—назначать подходящихъ министровъ, а не вырабатывать для нихъ программу дѣйствій, ибо палата можетъ отвергнуть предположенія правительства, и тогда самъ президентъ будетъ затронутъ рѣшеніемъ парламента. Но посланіе указываетъ на такія задачи, относительно которыхъ никакія разногласія невозможны; оно перечисляетъ такіе предметы, которые въ глазахъ французской публики имѣютъ одинъ существенный недостатокъ, — что они скучны. Между прочимъ, въ посланіи упоминается и объ общественной гигіенѣ, и это упоминаніе послужило поводомъ для насмѣшекъ въ радикальной печати. Очевидно, положительный, трезвый умъ Карно — бывшаго практическимъ инженеромъ путей сообщенія и потомъ министромъ финансовъ—не можетъ удовлетворить любителей отвлеченныхъ реформъ, а такихъ любителей еще очень много въ средѣ депутатовъ и журналистовъ, причисляющихъ себя къ радикальному лагерю. Радикальная партія воздержалась отъ выраженія своего протеста противъ министерства Тирара, въ виду наступавшаго конца года. Декларація министерства, прочитанная въ палатахъ 15-го (2) декабря, развиваетъ лишь болѣе подробно нѣкоторые пункты президентскаго посланія, съ которымъ вообще совпадаетъ по общему своему смыслу. Такъ какъ бюджетъ на будущій годъ не былъ еще разсмотрѣнъ, то кабинетъ потребовалъ пока утвержденія расходовъ на три мѣсяца, до апрѣля 1888 года. Даже радикалы не могли отказать въ этомъ требованіи, которое и было исполнено палатою безъ особенныхъ затрудненій. Послѣ принятія нѣкоторыхъ второстепенныхъ проектовъ, 17-го (5) декабря объявлено было о закрытіи парламентской сессіи, до 10-го января 1888 года.

Консервативное министерство въ Англіи терпѣло внутри однѣ неудачи, въ теченіе всего 1887 года. Оно обновилось въ своемъ составѣ въ началѣ года: номинальный министръ иностранныхъ дѣлъ, графъ Иддеслей (сэръ Стаффордъ Ворснотъ), устраненъ былъ маркизомъ Сольсбери, который присоединилъ его портфель къ своему званію премьера, а на мѣсто лорда Черчилля, вышедшаго въ отставку, назначенъ былъ одинъ изъ бывшихъ сотрудниковъ Гладстона, Гошенъ. Эта перемѣна не принесла пользы кабинету. Единственною живою силою министерства былъ энергическій и талантливый Черчилль, который представлялъ собою элементъ демократическій и передовой

въ средѣ консервативной партіи. Считаясь консерваторомъ, Черчилль имѣлъ гораздо болѣе точекъ соприкосновенія съ такъ-называемыми радикалами, чѣмъ съ умѣренно-либеральными дѣятелями. Онъ готовъ былъ отстаивать реформы, которыхъ не могли бы одобрить либералы, въ духѣ лорда Гартингтона; онъ поддерживалъ связь между правительствомъ и народнымъ настроеніемъ, въ качествѣ весьма популярнаго и плодовитаго оратора; онъ умѣлъ увлекаться и увлекать другихъ—качество, чрезвычайно важное для политическаго дѣятеля при господствѣ парламента и свободнаго общественнаго мнѣнія. Замѣнивъ горячаго Черчилля холоднымъ и разсудительнымъ Гошеномъ, лордъ Сольсбери придалъ своему министерству болѣе однообразный и солидный видъ.

Послѣдовательное проведеніе разъ усвоенныхъ консервативныхъ принциповъ, неуклонное отрицаніе правъ и требованій Ирландіи, противодѣйствіе проектамъ Гладстона и его партіи, поддержаніе status-quo внутри и извнѣ,—все это дѣлаетъ консервативное правительство чѣмъ-то безплоднымъ, лишеннымъ творчества и настоящей жизненной силы. Важнѣйшая крупная мѣра, предложенная кабинетомъ и утвержденная парламентомъ 18-го (6) апрѣля,—мѣра чисто отрицательная; это извѣстный законъ о преступленіяхъ въ Ирландіи. Расширивъ полномочія администраціи и усиливъ репрессію при помощи этого закона, правительство не только не приблизилось къ разрѣшенію ирландскаго кризиса, но совершенно отдалилось отъ своей задачи и вновь повторило безцѣльный опытъ, который столько разъ уже оказывался несостоятельнымъ и даже пагубнымъ для обѣихъ сторонъ.

Лордъ Сольсбери пытался упрочить положеніе Англіи въ Египтѣ; для этой цѣли былъ посланъ въ Каиръ и затѣмъ въ Константинополь сэръ Друмондъ Вольфъ. Послѣ долгихъ переговоровъ состоялась конвенція, которую должны были подписать султанъ и королева Викторія. Англійскіе дипломаты были настолько увѣрены въ благополучномъ окончаніи дѣла, что договоръ былъ подписанъ королевою ранѣе подписи султана; но турецкое правительство стало оттягивать, подъ различными предлогами, исполненіе этой формальности, подъ вліяніемъ дипломатическихъ протестовъ Франціи и Россіи. Разрѣшеніе египетскаго вопроса не могло быть достигнуто безъ участія заинтересованныхъ державъ; а послѣднія не могли согласиться на отдачу Египта, прилегающаго къ суэзскому каналу, въ одностороннее распоряженіе Англіи. Конвенція такъ и осталась проектомъ, несмотря на подпись королевы Викторіи, и лорду Сольсбери пришлось отказаться отъ мысли регулировать англійскій протекторатъ надъ Египтомъ посредствомъ формальнаго соглашенія. Англичане довольно-

ствуются пока фактическою властью, въ силу извѣстнаго принципа „beati possidentes“ (блаженны владѣющіе).

Болѣе удачно окончились переговоры по двумъ другимъ, не менѣе важнымъ вопросамъ — о границахъ Афганистана со стороны Россіи и о нейтрализаціи суэзскаго канала. Англо-русское соглашеніе относительно афганскихъ границъ, заключенное окончательно 22-го (10) іюля, устранило со сцены одинъ изъ самыхъ непріятныхъ предметовъ постояннаго разлада между Англіею и Россіею, источникъ частыхъ пререканій и споровъ, доходившихъ чуть ли не до угрозы войною, какъ это было послѣ неожиданной битвы при Кушкѣ, весною 1885 года. Англо-французская сдѣлка о суэзскомъ каналѣ, подписанная 24-го (12) октября, ставитъ эту международную морскую дорогу подъ охрану государствъ, для которыхъ она имѣетъ наибольшее значеніе, и исключаетъ возможность закрытія или порчи канала въ военное время.

О дѣлахъ на Балканскомъ полуостровѣ можно сказать одно, что въ 1887 году положеніе дѣлъ, въ сущности, не измѣнилось, несмотря на внѣшнія перемѣны, какъ замѣна принца Баттенбергскаго принцемъ Кобургскимъ или паденіе министерства Гарашанина въ Сербіи.

Регентство, послѣ удаленія принца Баттенберга, долго отыскивало удобнаго для всѣхъ кандидата на вакантный княжескій престолъ, стараясь въ то же время пріобрѣсть симпатіи въ западной Европѣ и заручиться поддержкою нѣкоторыхъ вліятельныхъ кабинетовъ. Болгарскіе делегаты посѣтили многія европейскія столицы, вездѣ объясняли положеніе страны и выслушивали то заявленія прямого сочувствія, какъ въ Вѣнѣ и Лондонѣ, то совѣты благоразумія и сдержанности, какъ въ Парижѣ; въ Берлинѣ ихъ не пожелали принять, такъ какъ Германія думала тогда тѣмъ самымъ сохранить нашу дружбу. Никакого положительнаго результата болгарскіе делегаты не достигли, но они вынесли убѣжденіе, что регентство можетъ разсчитывать на покровительство трехъ великихъ державъ—Австріи, Англіи и Италіи, вслѣдствіе чего система противодѣйствія русской политикѣ могла быть примѣняема съ большею увѣренностью и смѣлостью. Когда 19-го марта (н. ст.) вспыхнуло въ Рущукѣ военное возстаніе, то оно было подавлено безъ всякой пощады, и регенты княжества не стѣснялись болѣе въ преслѣдованіи тѣхъ, которые были извѣстны своею приверженностью къ Россіи. Упрочивъ свое положеніе внутри, они взялись энергично за то, чтобы найти лицо, готовое принять на себя званіе князя, безъ формальнаго согласія европейскихъ кабинетовъ. Такой кандидатъ нашелся въ лицѣ принца Кобургскаго, связаннаго родствомъ съ орлеанскими принцами, а чрезъ нихъ—съ царствующими

фамиліями Англіи и Австріи. На первыхъ порахъ этому предпріятію не придавали большого значенія, такъ какъ трудно было ожидать, чтобы принцъ Кобургскій могъ удержаться въ положеніи, отъ котораго отказался болѣе опытный и ловкій принцъ Баттенбергъ, притомъ признанный законнымъ княземъ Болгаріи. Предполагалось также, что большинство болгарскаго народа не захочетъ открыто противиться волѣ Россіи и отвергнетъ иноземнаго принца, не имѣющаго ничего общаго ни съ настоящимъ, ни съ прошедшимъ страны. Но и эти предположенія оказались ошибочными. Болгарское народное собраніе, созванное въ Софію къ 4 іюля (н. ст.), почти единогласно избрало княземъ предложеннаго регентствомъ кандидата, въ засѣданіи 7-го іюля. Несмотря на протестъ русскаго правительства въ нотѣ къ европейскимъ державамъ, отъ 10-го августа (н. ст.), принцъ Кобургскій прибылъ въ Софію 14-го августа и вступилъ въ отправленіе княжеской должности. Онъ спокойно выдержалъ общій дипломатическій протестъ, переименовалъ регентовъ въ министры и продолжаетъ по-нынѣ дѣйствовать, не безпокоясь ни о требованіяхъ берлинскаго трактата, ни о возраженіяхъ заинтересованныхъ великихъ государствъ.

Ненормальность такого положенія вещей отзывается весьма печально на общемъ ходѣ европейской политики, какъ бы поддерживая антагонизмъ государствъ, который и безъ Болгаріи имѣетъ для себя достаточно пищи.

Въ Сербіи произошелъ значительный поворотъ въ смыслѣ освобожденія отъ чрезмѣрной австрійской опеки, но было бы поспѣшно заключать, что Сербія, освобождаясь отъ одной опеки, ищетъ тѣмъ самымъ замѣнить ее другою.

Министерство Гарашанина, доведши страну до крайняго финансоваго разстройства и до экономическаго подчиненія австрійскимъ интересамъ, было, наконецъ, уволено въ отставку, при всеобщемъ взрывѣ народнаго раздраженія. Зачинщики похода противъ объединившейся Болгаріи должны были уступить мѣсто болѣе серьезному государственному человѣку, Іовану Ристичу, который составилъ свое министерство 13-го (1) іюня. Но король Миланъ по прежнему заявляетъ свою солидарность съ австрофилами и съ Гарашаниномъ; едва ли онъ рѣшится идти прямо противъ чувствъ и интересовъ большинства населенія Сербіи, но въ то же время нельзя съ увѣренностью говорить о прочности настоящаго министерства.

Будущее Балканскаго полуострова, говоря вообще, и въ частности —внутренняя самостоятельность отдѣльныхъ племенныхъ единицъ на немъ—зависятъ не столько отъ того или другого исхода соперниче-

ства европейскихъ государствъ за „вліяніе“ на ихъ дальнѣйшую судьбу, сколько отъ способности ихъ самихъ оставаться вѣрными и не забывать извѣстной истины: concordia parvae res crescunt, discordia magnae dilabuntur.

ПИСЬМА ИЗЪ-ЗА ГРАНИЦЫ.

Парижъ, 8-го (15) декабря 1887 г.

Президентскій кризисъ.

...Предъ нашимъ отъѣздомъ изъ Берлина, одинъ нѣмецкій журналистъ замѣтилъ иронически на прощаніе: „Вы, конечно, стремитесь въ Парижъ, въ это любимое мѣсто для каждаго русскаго; тамъ теперь принимаютъ русскихъ съ удовольствіемъ“. Еслибы принять эти слова серьезно, то пришлось бы потомъ встрѣтиться съ полнымъ разочарованіемъ: въ средѣ самихъ парижанъ нѣтъ и слѣда какого-либо особеннаго интереса къ Россіи и къ русскимъ дѣламъ: по обыкновенію, въ газетахъ появляются, время отъ времени, краткія и отчасти фантастическія извѣстія изъ Петербурга, на-ряду съ сообщеніями изъ какихъ-нибудь далекихъ странъ—и ничего больше. Впрочемъ парижанамъ было не до Россіи и даже не до Германіи; они были поглощены всецѣло внутренними вопросами, и внѣшняя политика была на время оставлена совершенно въ сторонѣ. Правительственный кризисъ находился тогда еще въ томъ періодѣ, который можно назвать „вильсоновскимъ“. Газеты были переполнены всевозможными разоблаченіями и нападками по поводу старыхъ грѣховъ злосчастнаго зятя президента. Наиболѣе дѣятельную агитацію вели три журналиста — Эдуардъ Портелисъ, редакторъ „XIX-e Siècle“, Шарль Лоранъ, редакторъ „Paris“, и Рошфоръ, редакторъ „Intransigeant“. Эти три газеты—и особенно первая изъ нихъ—исполняли свою задачу съ безпощадною настойчивостью, собирая матеріалы отовсюду и не щадя издержекъ для разысканія уликъ. Вопросъ о продѣлкахъ Вильсона и его сообщниковъ былъ разработанъ репортерами съ такою полнотою, которая дѣлала бы честь любому судебному

слѣдователю. Свѣденій добыто было даже гораздо больше, чѣмъ нужно было для обвинительнаго акта; газеты вдавались въ мелкія подробности, раскапывали семейную жизнь подсудимаго и изрѣдка намекали на „преступную“ снисходительность самого Греви. Разумѣется, не одно только чувство искренняго негодованія руководило газетами, занимавшимися столь энергично разслѣдованіемъ злоупотребленій извѣстныхъ лицъ; это видно было уже изъ оригинальныхъ рекламъ, къ которымъ прибѣгали редакторы для болѣе быстрой распродажи нумеровъ на улицахъ и бульварахъ Парижа. Общественный интересъ совпадалъ, въ этомъ случаѣ, съ частною выгодою издателей: „XIX Siècle“ и „Paris“ расходились въ громадномъ числѣ экземпляровъ. Отдѣльные эпизоды усиливали вниманіе публики къ этимъ газетамъ и къ предпринятой ими кампаніи. На Эдуарда Порталиса совершено было нападеніе; кто-то нанесъ ему ударъ въ спину, при выходѣ его изъ редакціи, и экстренное прибавленіе къ „XIX Siècle“ тотчасъ же возвѣстило гражданамъ, что Порталисъ подвергся „покушенію на убійство“, и что злодѣй былъ несомнѣнно агентъ Вильсона. Оказалось, однако, что мотивомъ нападенія была личная ревность: виновникъ просто мстилъ будто бы за честь мужа — и дѣлу не дано было дальнѣйшаго хода. Исчезновеніе нѣкоторыхъ писемъ изъ числа бумагъ, арестованныхъ полиціею, вновь оживило агитацію, которая начинала уже становиться слишкомъ монотонною. Газеты получили новый матеріалъ для разслѣдованія и для горячихъ филиппикъ, способныхъ увлечь общественное мнѣніе. Съ именемъ Вильсона все чаще связывалось уже имя Греви; министровъ и президента обвиняли въ соучастіи, въ потворствѣ, въ нарушеніи принципа равенства передъ закономъ. Вся радикальная печать, которая и прежде нападала на министерство Рувьѣ за мнимый союзъ его съ консерваторами, единодушно возстала теперь противъ правительства. „France“, „National“ и „Nation“ успѣшно соперничали съ „XIX Siècle“ въ походѣ противъ „вильсонизма“; „Justice“, органъ Клемансо, „Radical“, „Rappel“ и другія вліятельныя газеты прямо говорили о кризисѣ.

Движеніе росло и распространялось все болѣе и болѣе. Продавцы уличныхъ листковъ жалобнымъ тономъ выкрикивали на бульварахъ: „Ah, quel malheur d'avoir un gendre!“—заглавіе юмористическаго стихотворенія, имѣвшаго сильный сбытъ и оставшагося популярнымъ до самаго конца кризиса. Появилась еще другая пѣсня, въ такомъ же родѣ: „Ah, quel bonheur d'avoir un beau-père!“ Забавное распѣваніе этихъ пикантныхъ заглавій было тѣмъ любопытнѣе, что каждый изъ продавцовъ (вѣрнѣе, крикуновъ—„crieurs“) придавалъ словамъ особый оттѣнокъ, то комическій, то театрально-трагическій. Публика относилась къ событіямъ совершенно спокойно; всѣ знали

заранѣе, что парламентъ и печать добьются надлежащей развязки, и поэтому не было повода волноваться. Если на бульварахъ замѣчалось нѣкоторое оживленіе, то скорѣе благодаря хорошей погодѣ, чѣмъ политикѣ. Особенно поразительно было равнодушіе, съ какимъ встрѣчено было извѣстіе о паденіи кабинета Рувье, 19-го ноября (нов. ст.). Объ этомъ можно было случайно узнать отъ „крикуновъ" вечернихъ газетъ; толпы гуляющихъ и дѣловыхъ людей проходили мимо, не обращая никакого вниманія на интересную новость. Въ день паденія министерства театры были переполнены, по обыкновенію, и нигдѣ нельзя было достать билета,—точно ничего не случилось. А между тѣмъ министерскій кризисъ открылся неожиданно даже для посвященныхъ; всѣ парламентскія группы республиканской партіи, за исключеніемъ только крайней лѣвой, заранѣе рѣшили согласиться на отсрочку обсужденія запроса Клемансо, согласно требованію Рувье, и еще наканунѣ оппозиціонныя газеты, какъ, напримѣръ, „XIX Siècle", считали безспорнымъ рѣшеніе палаты въ этомъ смыслѣ. Оттого ли, что Рувье поставилъ вопросъ о довѣріи къ кабинету, или по другимъ причинамъ,—въ засѣданіи 19-го ноября большинство высказалось противъ министерства; правая сторона присоединилась къ крайней лѣвой, и радикалы очутились въ союзѣ съ тѣми самыми элементами, поддержка которыхъ ставилась постоянно въ вину кабинету Рувье. Побѣдитель, Клемансо,—этотъ своего рода парламентскій Варвикъ, оффиціальный „свергатель министерствъ",—заявилъ на другой же день въ своей газетѣ „Justice", черезъ посредство своего друга Камилля Пельтана, что палата имѣла собственно въ виду не министровъ, а мѣтила выше, черезъ ихъ голову, въ президента Греви.

Второй періодъ кризиса, болѣе острый и рѣшительный, былъ открытъ. Вмѣсто запутавшагося Вильсона, выступилъ на сцену старикъ Греви; за зятя долженъ былъ отвѣчать прикрывавшій его тесть, глава государства. Умѣренныя газеты обсуждали еще возможныя министерскія комбинаціи и не придавали значенія толкованіямъ радикаловъ; но послѣдніе были правы. Сомнѣніе относительно характера кризиса продолжалось не болѣе двухъ дней. Лица, приглашенныя президентомъ для составленія новаго кабинета совѣтовали ему обратиться къ выразителю большинства, свергнувшаго министерство,—къ Клемансо. Предводитель крайней лѣвой впервые объяснилъ Греви, что дѣло идетъ не о кабинетѣ, а о президентствѣ; то же самое подтвердили наиболѣе видные политическіе дѣятели парламента—Флокѣ, Гобле, Бриссонъ. Греви обращался по-очередно ко всѣмъ, имѣющимъ какое-либо вліяніе въ палатѣ, и отъ всѣхъ получалъ одинаковый отвѣтъ; никто не могъ взяться за образованіе министерства съ той минуты, какъ значительная часть республиканской партіи признала

неизбѣжною отставку президента. Правитель республики переживалъ тѣ же иллюзіи и выслушивалъ тѣ же роковыя слова: „слишкомъ поздно!"—какъ и король Луи-Филиппъ въ 1848 году. Греви готовъ былъ предоставить какія угодно полномочія вождю радикаловъ, Клемансо, подобно тому, какъ Луи-Филиппъ призывалъ къ власти дѣятелей оппозиціи, Тьера и Одилона Барро. Въ обоихъ случаяхъ спасительныя мѣры принимались „слишкомъ поздно". Разница только въ томъ, что президентъ не имѣлъ надобности торопиться уѣхать изъ страны, какъ уѣзжалъ торопливо король,—ибо удаленіе Греви могло быть достигнуто законными дѣйствіями парламента, которыя устраняли всякую возможность насилія съ одной стороны, и страха и бѣгства—съ другой. Греви и пользовался этимъ „срокомъ обожданія", въ надеждѣ на благопріятный поворотъ общественнаго мнѣнія; онъ ошибочно представлялъ себѣ причины кризиса и упорно игнорировалъ—по крайней мѣрѣ оффиціально—тѣ разоблаченія, о которыхъ говорила вся Франція. Министерство пало потому, что оно слишкомъ пассивно относилось къ событіямъ и почти ничего не дѣлало для удовлетворенія настойчивыхъ общественныхъ требованій, вызванныхъ дѣломъ Вильсона; быть можетъ, оно не было въ состояніи дѣйствовать рѣшительно, такъ какъ щекотливые вопросы касались семьи президента. Греви молчалъ и не дѣлалъ ни одного шага для формальнаго отклоненія всякой солидарности съ продѣлками его родственниковъ; и ему оставалось только выйти въ отставку, когда поколебалось довѣріе къ его безукоризненной честности. Онъ тщетно искалъ министровъ, мѣнялъ нѣсколько разъ свои предположенія, то выражалъ готовность уступить парламенту, то, напротивъ, считалъ долгомъ сохранить свой постъ и не поддаваться не-конституціонному давленію,—точь-въ-точь, какъ Луи-Филиппъ, въ знаменитые февральскіе дни 1848 года. Нашлись совѣтники, которые поддерживали въ немъ иллюзіи „поворота" и брались даже помочь ему въ образованіи министерства; но эти надежды исчезали столь же быстро, какъ и возникали.

Десять тревожныхъ дней прошло такимъ образомъ въ напрасныхъ поискахъ и колебаніяхъ. Нетерпѣніе и досада овладѣли печатью. Мелкая пресса, съ „Intransigeant" во главѣ, обрушилась на старика Греви; его уже не щадили больше. Каррикатуры—весьма сомнительнаго вкуса—изображали его въ видѣ компаньона Вильсона, съ лицомъ обезьяны и съ мѣшками денегъ подъ мышкою; нежеланіе его покинуть должность президента приписывалось самымъ низменнымъ мотивамъ, и нѣкоторыя газеты серьезно предлагали выплатить ему декабрьское жалованіе (100.000 франковъ) впередъ, чтобы отнять у него поводъ тянуть кризисъ до обычнаго срока полученія этихъ де-

негъ. На бульварахъ продавалось новое стихотвореніе, съ картиною, подъ заглавіемъ: „tombés dans le pétrin", и продавцы отчаянно выкрикивали: „tout est rompu, mon gendre!" Парламентскія группы собирались ежедневно, придумывая способы побудить президента подчиниться и ускорить рѣшеніе кризиса. Въ эти критическіе дни престарѣлый правитель республики утратилъ повидимому ту долю обаянія и почета, которою онъ пользовался въ теченіе многихъ лѣтъ. Читая въ газетахъ рѣзкія и оскорбительныя выходки противъ главы государства, я невольно направлялся къ Елисейскому дворцу, по улицѣ Faubourg St.-Honoré; мнѣ казалось съ непривычки, что эти общія нападенія печати должны отражаться какъ-нибудь на внѣшнемъ положеніи и авторитетѣ власти. Но нѣтъ никакой перемѣны: караульные расхаживаютъ у воротъ дворца столь же важно и внушительно, какъ и прежде; полицейскіе агенты прогуливаются около зданія столь же увѣренно и спокойно, какъ и всегда, и публика безучастно проходитъ мимо, изрѣдка поглядывая на помѣщеніе президента и на стоящія во дворѣ кареты. Резиденція правителя сохраняетъ свой обычный оффиціальный видъ, и ничто не указываетъ на тревогу, переживаемую обитателями дворца. Совсѣмъ не то было около резиденціи короля Луи-Филиппа наканунѣ его отреченія: тогда кризисъ разрѣшался революціею, а теперь онъ рѣшается палатами и конгрессомъ.

Какъ это ни странно, но параллель съ Луи-Филиппомъ напрашивается сама собою при оцѣнкѣ послѣднихъ дней президентства Греви. Греви никогда не былъ популяренъ, въ настоящемъ смыслѣ этого слова, и по тѣмъ же причинамъ, какъ и король-буржуа. Онъ имѣлъ семейныя, домашнія добродѣтели, былъ слишкомъ разсчетливъ и бережливъ, не дѣлалъ блестящихъ пріемовъ и баловъ, хотя на это назначались спеціальныя суммы, и вообще велъ жизнь болѣе скромную и замкнутую, чѣмъ подобаетъ правителю такой страны, какъ Франція. Обвиненіе въ скопидомствѣ было однимъ изъ наиболѣе частыхъ и дѣйствительныхъ упрековъ, которые высказывались по адресу Греви. Президентъ не поддерживалъ обязательныхъ свѣтскихъ отношеній съ членами парламента, съ видными представителями парижскаго общества, съ дѣятелями литературы и журналистики; оттого онъ не былъ au courant общественнаго настроенія и въ критическій моментъ очутился совершенно одиновимъ, покинутымъ всѣми и окруженнымъ лишь немногими домашними совѣтниками, которые скрывали отъ него истину и вводили его въ заблужденіе. Греви принадлежалъ къ числу правителей *скучныхъ*, а это большой недостатокъ даже при самомъ демократическомъ французскомъ режимѣ. Популярность Гамбетты объяснялась не только его личными талантами и по-

двигами, но и его широкимъ и открытымъ образомъ жизни, его живымъ, общительнымъ темпераментомъ, его роскошными обѣдами и вечерами въ квартирѣ президента палаты, въ Бурбонскомъ дворцѣ; онъ постоянно заставлялъ говорить о себѣ, гдѣ бы онъ ни былъ, въ Парижѣ ли, въ помѣщеніи редакціи „République Française", въ Chaussée d'Antin, или въ Ville d'Avray. Этого необходимаго элемента недоставало Греви; и въ обыкновенное время, когда не было министерскаго кризиса, присутствіе правителя республики въ Елисейскомъ дворцѣ почти не замѣчалось въ Парижѣ. Это обстоятельство было не послѣднимъ изъ мотивовъ, побуждавшихъ публику желать другого президента. Греви имѣлъ и еще одинъ существенный недостатокъ: онъ былъ слишкомъ старъ для своей должности, что̀ и обнаружилось наглядно въ слабости его къ дѣлу Вильсона, въ нерѣшительности и бездѣйствіи во время продолжительнаго кризиса, когда требовались скорыя и энергическія рѣшенія для избѣжанія непріятной развязки.

Кризисъ прошелъ бы до конца безъ всякихъ волненій, и переходъ власти совершился бы вполнѣ спокойно, еслибы не напрасныя задержки и колебанія со стороны Греви. Я былъ въ палатѣ депутатовъ, 21-го ноября, на третій день послѣ паденія кабинета Рувье, когда предположенная развязка заставляла себя еще ожидать. Красивая и просторная зала засѣданій была полна народу. Оригинальная картина представлялась намъ сверху, съ трибуны иностранной прессы. Депутаты, старые и молодые, тѣснились кучками передъ президентскимъ бюро и въ проходахъ между скамьями, расположенными амфитеатромъ; они шумѣли, жестикулировали и наполняли залу неопредѣленнымъ гуломъ нѣсколькихъ сотенъ голосовъ. Президентъ Флокѐ, представительный и красивый господинъ, совсѣмъ сѣдой, съ кудрявой шевелюрой, стоитъ у своего предсѣдательскаго кресла и пробуетъ водворить тишину и порядокъ; онъ нѣсколько разъ звонитъ, постукиваетъ палочкой и начинаетъ какъ будто выходить изъ терпѣнія,—грозно кричитъ на депутатовъ, какъ на школьниковъ, и вообще обращается съ ними съ безцеремонною рѣзкостью, которая кажется удивительною для посторонняго наблюдателя. Вѣроятно, строгость необходима для того, чтобы руководить занятіями многолюднаго собранія, составленнаго изъ разнообразныхъ элементовъ. Несмотря на энергическіе призывы Флокѐ, депутаты долго не успокоиваются, расхаживаютъ и громко разговариваютъ. Понятное волненіе господствуетъ въ палатѣ, въ виду открывшагося правительственнаго кризиса. Наконецъ засѣданіе открыто, и слово дается бонапартисту Жолибуа для мотивировки внесеннаго имъ предложенія о пересмотрѣ конституціи. „Pour Victor?"—раздается рѣзкій голосъ съ центра, и общій хохотъ

разносится по залѣ. Приверженецъ принца Виктора декламируетъ съ трибуны о неизбѣжности новой передѣлки конституціонныхъ законовъ; его слушаютъ съ нѣкоторымъ вниманіемъ и даже рукоплещутъ ему, по поводу отдѣльныхъ прочитанныхъ имъ фразъ. Когда онъ кончилъ, нѣсколько депутатовъ вбѣгаютъ на трибуну, обращаясь къ Флокѣ съ поднятою рукою: они желаютъ говорить. Какого-то оратора встрѣчаютъ шумнымъ гиканіемъ; это одинъ изъ вождей правой стороны, герцогъ Ларошфуко,—онъ заявляетъ согласіе своей партіи на пересмотръ конституціи. Членъ крайней лѣвой, Мишлэнъ, тоже предлагаетъ немедленно заняться переустройствомъ государственнаго управленія, съ точки зрѣнія радикальной программы. Старикъ Бародэ совѣтуетъ подождать образованія новаго министерства, хотя онъ въ принципѣ признаетъ необходимость передѣлки конституціи для устраненія ея монархическихъ особенностей. Лукавый старецъ Андріе старается удовлетворить и противниковъ, и сторонниковъ пересмотра, предлагая передать вопросъ на разсмотрѣніе одной изъ парламентскихъ коммиссій. Всѣ эти почтенные дѣятели—довольно посредственные и даже плохіе ораторы; поэтому было очень пріятно видѣть, что на трибуну взошелъ извѣстный Рибо, одинъ изъ наиболѣе авторитетныхъ и краснорѣчивыхъ людей парламента. Высокій, статный, еще не старый, Рибо съ первыхъ же словъ завоевываетъ общее вниманіе. Онъ говоритъ съ искусственнымъ, хорошо обдуманнымъ паѳосомъ, употребляетъ театральные жесты, взываетъ къ единенію и согласію между республиканцами, указываетъ на враговъ республики—монархистовъ, готовыхъ воспользоваться раздорами среди большинства для достиженія своихъ цѣлей, и настоятельно убѣждаетъ отложить щекотливые вопросы до другого времени. Палата соглашается съ его доводами только на половину: рѣшено внести проектъ Мишлэна въ списокъ дѣлъ, подлежащихъ разсмотрѣнію въ очередномъ порядкѣ, такъ что признаніе неотложности было отвергнуто. Еще раньше было совсѣмъ отклонено предложеніе Жолибуа, какъ основанное на бонапартистскихъ вожделѣніяхъ. Въ крикахъ: „silence! aux voix!“ и т. п. принимаютъ дѣятельное участіе представители печати въ трибунахъ; иногда они одни кричатъ, вмѣшиваясь такимъ образомъ въ парламентскія пренія.

Съ перваго взгляда могло показаться страннымъ, что въ самомъ разгарѣ правительственнаго кризиса, наканунѣ отставки президента и при отсутствіи отвѣтственнаго министерства, въ палатѣ депутатовъ серьезно разсуждали о новомъ пересмотрѣ конституціи 1875 года, которая уже подверглась передѣлкѣ три года тому назадъ, въ 1884 году. Страсть передѣлывать и мѣнять конституціонные законы составляетъ одну изъ характеристическихъ чертъ національнаго

характера французовъ; то, что считается неприкосновеннымъ въ Англіи и въ Сѣверной-Америкѣ, всегда остается спорнымъ для французскихъ реформаторовъ, которые не отказались еще отъ надежды отыскать какую-нибудь идеальную формулу государственнаго устройства, нѣчто въ родѣ политическаго perpetuum mobile. Каждыя нѣсколько лѣтъ создавать новую конституцію—значитъ, очевидно, подрывать дѣйствительное значеніе и смыслъ всякихъ вообще конституцій, превращать ихъ въ перемѣнчивыя, поверхностныя формы, лишенныя прочной связи съ государственною жизнью, и этимъ дѣлать праздными самые вопросы объ ихъ передѣлкѣ. Ибо стоитъ ли хлопотать объ исправленіи такихъ политическихъ „основъ", которыя только на словахъ признаются основами, а на дѣлѣ разсматриваются какъ нѣчто временное, мимолетное, не могущее разсчитывать на долговѣчность и устойчивость? Многочисленныя конституціи, которыя составлялись во Франціи съ конца прошлаго столѣтія, были эфемерны не потому, что онѣ были неудачно придуманы или плохо написаны; напротивъ, нѣкоторыя изъ нихъ могутъ служить образцомъ политической логики, стройности и искусства, — но онѣ въ чемъ-нибудь противорѣчили условіямъ общественнаго быта страны или не имѣли времени перейти въ практическую жизнь народа. Прочность нынѣшней французской республики зависитъ не отъ такого или иного содержанія конституціи, а отъ того, что республиканское устройство соотвѣтствуетъ современному состоянію, развитію, потребностямъ и понятіямъ большинства населенія Франціи. Республика существовала до конституціи 1875 года, при монархическомъ парламентѣ, при такомъ рѣшительномъ консерваторѣ, какъ Тьеръ; она держится твердо въ теченіе семнадцати лѣтъ, и крѣпость ея не можетъ, конечно, выиграть отъ постоянныхъ попытокъ передѣлывать и колебать ея внѣшнюю организацію. Но въ настоящемъ случаѣ палата депутатовъ занималась вопросомъ о пересмотрѣ съ особенною, спеціальною цѣлью: нужно было указать на тѣ законные способы, которыми располагаетъ парламентъ, чтобы устранить и сдѣлать невозможнымъ сопротивленіе президента. Палата депутатовъ и сенатъ не могутъ смѣнить президента, который отвѣтственъ только за государственную измѣну; но обѣ палаты могутъ принять однородныя рѣшенія въ пользу пересмотра тѣхъ статей конституціи, которыя касаются президентскихъ полномочій. Тогда сдѣлалось бы необходимымъ созваніе конгресса для исполненія воли палатъ, и взаимное положеніе властей было бы легально измѣнено въ болѣе демократическомъ духѣ. Такой именно смыслъ имѣло засѣданіе палаты 21-го ноября. Но этотъ далекій путь былъ неудобенъ по многимъ причинамъ, и палата депутатовъ предпочла болѣе простую систему — „стачку министровъ", отказъ

всѣхъ видныхъ дѣятелей отъ участія въ министерскихъ комбинаціяхъ и допущеніе образованія только такого кабинета, который явится съ готовою отставкою президента Греви.

Съ 21-го ноября вопросъ признавался рѣшеннымъ безповоротно; никто не сомнѣвался въ томъ, что Греви вынужденъ будетъ уйти, и сомнѣнія оставались только относительно дня и часа его формальнаго ухода. Но тутъ начинается третій, самый странный и безпокойный періодъ кризиса—періодъ борьбы съ предполагаемою кандидатурою Жюля Ферри. Радикальная печать, неустанно добивавшаяся удаленія Греви, остановилась вдругъ передъ вопросомъ объ его преемникѣ. Газеты долго и упорно разсуждали о кризисѣ въ такомъ тонѣ, какъ будто все рѣшеніе дѣла будетъ заключаться въ отставкѣ президента. При чтеніи этихъ многочисленныхъ газетъ и листковъ, доказывавшихъ на всѣ лады необходимость скорѣйшей отставки Греви, самъ собою возникалъ вопросъ: а есть ли у нихъ готовый кандидатъ на постъ президента, и увѣрены ли они въ его торжествѣ? Оказалось, однако, что радикальная партія подумала объ этомъ важномъ обстоятельствѣ только послѣ того, какъ вполнѣ увѣрилась въ побѣдѣ надъ Греви. Отсутствіе всякаго политическаго плана, беззаботность насчетъ ближайшаго будущаго, слѣпое увлеченіе злобами дня и порывами чувства—все это рѣзко бросалось въ глаза въ данномъ случаѣ. Вспомнивъ о преемникѣ, котораго придется выбрать, радикалы съ ужасомъ замѣтили, что наиболѣе шансовъ имѣетъ ненавистный имъ Жюль Ферри, располагающій наиболѣе многочисленною и сплоченною партіею оппортунистовъ въ обѣихъ палатахъ. Замѣнить безобиднаго и скромнаго Греви честолюбивымъ и энергическимъ Ферри — это было бы хуже, чѣмъ „изъ огня да въ полымя“; это значило бы броситься въ воду изъ боязни пожара. Газеты оставили Греви въ покоѣ и принялись за Ферри. Журнальный походъ противъ бывшаго министра-президента представлялъ собою какую-то колоссальную, безпримѣрную войну всѣхъ противъ одного; это была отчасти безобразная травля, въ которой выразились худшіе инстинкты и нравы извѣстнаго сорта газетныхъ дѣятелей. Греви еще не уходилъ, а споръ о замѣщеніи вакансіи принялъ уже размѣры страстной, безпощадной борьбы. Кампанія противъ Вильсона и Греви казалась дѣтскою игрою сравнительно съ этимъ общимъ штурмомъ противъ Жюля Ферри. Анри Рошфоръ — ловкій ругатель и полемистъ, но человѣкъ безъ всякаго политическаго пониманія, совмѣщающій радикализмъ съ нелѣпымъ преклоненіемъ передъ генеральскими эполетами Буланже,—Рошфоръ называлъ Ферри не иначе, какъ „убійцею“, „холерою“, „прислужникомъ и агентомъ Бисмарка“, „измѣнникомъ, продавшимъ себя Пруссіи“, „послѣднимъ изъ негодяевъ“,

„plate canaille“ и т. п. Въ газетѣ „Intransigeant“, изо дня въ день, съ утомительнымъ однообразіемъ повторялись эти отборные эпитеты: „l'ignoble Ferry; Ferry-assassin, Ferry-famine“, и цѣлые столбцы наполнялись разными варіаціями на одну и ту же тему. Самымъ мягкимъ прозвищемъ было еще: „тонкинецъ“. Другія газеты, не столь беззастѣнчивыя и скандальныя, какъ листокъ Рошфора, употребляли выраженія менѣе сильныя,—но сущность оставалась та же. „Протежé Германіи“, „союзникъ Бисмарка“, „виновникъ гибели 30.000 (?) французовъ въ Тонкинѣ“, „тайный сторонникъ Орлеановъ“, „протежé епископа Фреппеля и самого папы“ (!),—таковы были предметы ежедневныхъ статей и замѣтокъ въ „Nation“, „Lanterne“ и въ другихъ радикальныхъ газетахъ. Нечего и говорить о наивности того пріема, который одновременно выставлялъ Ферри негоднымъ злодѣемъ и вѣроятнымъ избранникомъ большинства членовъ конгресса на высшій постъ правителя республики: Каждый разсудительный читатель долженъ былъ спросить себя: если справедлива хоть десятая доля того, что пишется о Ферри, то какимъ образомъ могутъ найтись сотни депутатовъ и сенаторовъ—людей несомнѣнно честныхъ и неглупыхъ,—которые рѣшились бы назначить этого „тонкинца“ президентомъ? Мыслимо ли, чтобы лучшія политическія силы Франціи признали своимъ вождемъ человѣка, продавшагося Пруссіи и готоваго „убивать“ французовъ въ Тонкинѣ изъ-за личныхъ выгодъ? Но такіе вопросы не поднимались во время общаго возбужденія; и въ массѣ читающей публики, особенно въ низшихъ ея слояхъ, систематическая и грубая травля противъ Ферри находила благодарную почву. Въ дѣйствительности дѣло было вовсе не въ иностранной политикѣ Ферри, а въ его внутренней политической роли, въ его отношеніяхъ къ радикаламъ и „непримиримымъ“, въ его извѣстномъ возгласѣ: „le danger est à gauche!“ Эта сторона его программы гораздо болѣе безпокоила и волновала оппозицію, чѣмъ мнимая дружба съ Германіею или склонность къ ненужнымъ колоніальнымъ экспедиціямъ. Газеты, подобныя органу Рошфора, сознательно пускали въ ходъ то ядовитое оружіе, которымъ скорѣе всего можно было достигнуть цѣли, и разсчетъ ихъ былъ тѣмъ вѣрнѣе, что оппортунистская пресса считала почему-то ниже своего достоинства входить въ оцѣнку обвиненій по существу и ограничивалась безплодными жалобами на выходки и угрозы противниковъ. Самъ Жюль Ферри не отзывался ни однимъ словомъ на сыпавшіеся со всѣхъ сторонъ газетные удары; онъ сохранялъ полное молчаніе до самаго конца кризиса. Послѣдствія показали, что эта система игнорированія враждебной агитаціи имѣетъ свои неудобства. Когда жестокая кампанія противъ Ферри завершилась покушеніемъ на его жизнь, 10-го де-

кабря, то его друзья-республиканцы возбудили даже вопросъ объ ограничительныхъ мѣрахъ противъ чрезмѣрной будто бы свободы печати. Это было крайне нелогично и непослѣдовательно. Свобода печати не мѣшала Жюлю Ферри привлечь обвинителей къ суду за клевету и за личныя оскорбленія; такого рода шагъ сразу устранилъ бы изъ полемики все то, что было въ ней лживаго или преувеличеннаго. Свобода печати не мѣшала также оппортунистамъ давать надлежащій отпоръ нападкамъ радикаловъ, доказывать нелѣпость ихъ обвиненій и бороться съ противниками ихъ же оружіемъ. Правда, умѣренныя французскія газеты предназначены большею частью для буржуазіи и уже по своей сравнительной дороговизнѣ мало доступны низшимъ классамъ населенія, тогда какъ радикальные листки почти всѣ безъ исключенія принадлежатъ къ числу дешевыхъ (по пяти сантимовъ) и потому весьма распространенныхъ изданій. Но въ этомъ всего менѣе виноваты законы, позволяющіе основывать какія угодно газеты и по какимъ угодно цѣнамъ. Приписывать учрежденіямъ и законамъ отвѣтственность за свои личные грѣхи и ошибки—это осталось еще въ привычкахъ и понятіяхъ многихъ французскихъ республиканцевъ до настоящаго времени.

Борьба противъ Ферри перешла на улицу и выразилась въ революціонныхъ сходкахъ и сборищахъ, которыя грозили принять характеръ настоящаго организованнаго возстанія въ случаѣ успѣха кандидатуры предводителя оппортунистовъ. Такъ-называемые „бланкисты" (послѣдователи покойнаго коммунара Бланки), энергическіе и смѣлые приверженцы соціальнаго и политическаго переворота, устроили нѣсколько митинговъ въ Бельвиллѣ, при участіи депутатовъ изъ рабочаго класса, Басли и Камелина, и наиболѣе дѣятельныхъ муниципальныхъ совѣтниковъ парижскаго городского управленія. На сходкѣ 25-го декабря, въ залѣ Фавіе, журналистъ Дюкъ-Керси предлагалъ „выйти всѣмъ на улицу", чтобы уничтожить буржуазную республику, „республику упадка и разложенія". Бывшій генералъ коммуны 1871 года, Эдъ, совѣтовалъ взяться за оружіе, если палата будетъ распущена. „Когда вы узнаете объ этомъ,—говорилъ онъ,—берите немедленно ваши ружья, палки или инструменты, какіе у васъ найдутся, и выходите на улицу. Никогда не было оружія у гражданъ наканунѣ революціи; вы достанете, что вамъ нужно, у младшихъ братьевъ вашихъ въ казармахъ. Но, заклинаю васъ, оставайтесь въ Парижѣ, не ходите въ Версаль. Пойдите, если хотите, устроить мирную манифестацію, безъ оружія, передъ Бурбонскимъ дворцомъ, а въ день конгресса соберитесь у городской думы и дѣлайте что угодно" (т.-е. объявите коммуну). Собраніемъ было единогласно принято рѣшеніе „спасти республику и отечество" отъ Ферри и его единомышленни-

ковъ. Въ то же время въ многолюдныхъ рабочихъ кварталахъ города расклеенъ былъ печатный манифестъ другой группы революціонеровъ—„поссибилистовъ", имѣющихъ своею цѣлью уничтоженіе буржуазіи и пренебрегающихъ вопросами чисто-политическими. Многіе граждане—сказано было въ этомъ воззваніи—„боятся государственнаго переворота. Пусть они успокоятся. Рабочая партія собрала и дисциплинировала въ Парижѣ 50.000 сторонниковъ, 50.000 бойцовъ!.. Этого болѣе чѣмъ достаточно для того, чтобы справиться со всякими посягательствами и спасти республику... Буржуазія погибаетъ отъ своихъ пороковъ; пусть народъ готовится принять наслѣдство. Но пусть не поддается необдуманнымъ внушеніямъ, выгоднымъ для его враговъ. Пусть онъ удержится отъ такихъ мѣръ, которыя сегодня прекратятъ работу повсюду и вызовутъ завтра революцію. Великодушное, но неосторожное увлеченіе подвергло бы насъ неудачѣ, которая только отдалила бы отъ насъ предметъ нашихъ постоянныхъ усилій... Въ могилѣ заправляющей нами буржуазіи мы навсегда похоронимъ привилегіи и бѣдность. Мы возстановимъ царство справедливости и равенства". Такимъ образомъ, „поссибилисты" косвенно противодѣйствовали „бланкистамъ", отодвигая моментъ расправы съ буржуазіею. Въ этомъ смыслѣ разсуждали ораторы соціальной реформы на митингѣ 27-го ноября, въ той же залѣ Фавіе. Извѣстный муниципальный совѣтникъ Жоффрэнъ горячо нападалъ на Рошфора, который радикальничаетъ на одной страницѣ газеты, а на другой проповѣдуетъ диктатуру какого-то картоннаго генерала, въ родѣ Буланже. Жоффрэнъ совѣтовалъ избѣгать уличныхъ волненій, ибо безпорядки принесли бы пользу только какому-нибудь военному честолюбцу. „Мы будемъ неизбѣжно раздавлены вслѣдствіе пассивности массъ. На улицу выйдемъ только тогда, когда увидимъ республику въ опасности,—такъ какъ эта форма правительства все-таки наиболѣе облегчаетъ для насъ дѣло соціальной и экономической революціи". Въ свою очередь бланкисты, собравшіеся въ тотъ же день въ другомъ мѣстѣ, постановили пригласить депутатовъ-соціалистовъ внести въ конгрессъ предложеніе объ упраздненіи президентской власти; они подтвердили также, что „избраніе Ферри было бы признано ими позоромъ, величайшимъ изъ преступленій и прямымъ призывомъ къ междоусобной войнѣ". Особенною страстностью отличались послѣднія сходки „бланкистовъ" и „гедистовъ" (сторонниковъ коммунара Жюля Геда) въ залахъ Фавіе и Гоше, 30-го ноября. Первые приняли своимъ лозунгомъ слова: „A bas Ferry!", напечатанныя крупнымъ шрифтомъ на афишахъ, которыя расклеены были заблаговременно въ извѣстной части города. „Генералъ" Эдъ заявилъ, что возгласъ: „долой Ферри"—означаетъ не только „долой тонкинца!"—но и

„долой всякое президентство! долой сенатъ!“ Депутатъ Плантó старался заклеймить „злодѣя, который, обогатившись на счетъ ограбленной Франціи, тащилъ ее къ ногамъ Бисмарка, какъ и къ ногамъ короля-улана (т.-е. Альфонса XII)“. Онъ полагалъ, что „народу пора уже освободиться отъ того, чтó принято называть правящимъ классомъ“. „Я не взываю къ насилію,—спѣшилъ онъ оговориться,—ибо я знаю, скольких жертвъ оно можетъ стоить; но я думаю, что оно становится роковымъ, неминуемымъ, вслѣдствіе безумія тѣхъ, которые заправляютъ нами. Вы должны только сохранить спокойствіе и энергію, чтобы хладнокровно, но рѣшительно подготовиться къ предстоящей борьбѣ“. Луиза Мишель находила, что нужно не только свергнуть того или другого правителя, но „прогнать всѣхъ правителей и уничтожить собственность, какъ единственную причину, сдѣлавшую изъ Ферри убійцу, а изъ Греви—стараго вора (!)“. Тонъ ораторовъ поднимается все выше: одинъ „предпочитаетъ смерть, чѣмъ допущеніе тонкинца къ президентству“; другой возмущается призывами къ спокойствію и указываетъ на „научные“ способы дѣйствія—на динамитъ; третій обѣщаетъ „сломать шею“ тому офицеру, который вздумаетъ при помощи солдатъ остановить его революціонное шествіе. Кто-то изъ публики, въ отвѣтъ на отчаянную тираду журналиста Роша, сотрудника „Intransigeant“, восклицаетъ, что „нужно просто убить Ферри“. Предсѣдатель Эдъ приглашаетъ всѣхъ собраться на слѣдующій день (когда ожидалось возвѣщеніе президентской отставки въ палатѣ), около Бурбонскаго дворца. Еще яснѣе были выразительно-краткія пренія „гедистовъ“. Одинъ изъ друзей Жюля Геда поставилъ вопросъ прямо. По его словамъ, „голова Ферри должна быть оцѣнена, если онъ будетъ избранъ президентомъ; надо его преслѣдовать и убить, какъ бѣшеную собаку; и тотъ, кто избавитъ насъ отъ Ферри, спасетъ республику“. Извѣстно, что такой спаситель нашелся позднѣе, въ лицѣ лотарингца Обертэна, который стрѣлялъ въ Жюля Ферри въ передней палаты депутатовъ, куда онъ вызвалъ его подъ предлогомъ какого-то сообщенія. Если такіе призывы къ преступленію могли дѣлаться безнаказанно, то это объяснялось не отсутствіемъ или недостаточностью законовъ, а общимъ критическимъ состояніемъ, охватившимъ правительство и его агентовъ. Министерство Рувье считалось въ отставкѣ, и оно ограничивалось исполненіемъ текущихъ дѣлъ, въ ожиданіи развязки, которая все еще не наступала.

Между ярыми противниками кандидатуры Ферри обращали на себя вниманіе патріоты, убѣжденные почему-то, что назначеніе этого лица президентомъ было бы равносильно окончательному отказу отъ Эльзасъ-Лотарингіи и отъ спасительнаго союза съ Россіею. Предсѣ-

датель патріотической лиги, Поль Деруледъ—человѣкъ честный и искренній, но недалекій—увѣрялъ серьезно, что въ Петербургѣ, по полученнымъ имъ свѣденіямъ, сильно безпокоятся будто бы по поводу предполагаемаго выбора Ферри, такъ какъ этотъ выборъ совершенно разстроитъ планъ франко-русскаго союза. Въ газетахъ напечатаны были выдержки изъ письма къ одному депутату „съ береговъ Невы"; въ этомъ письмѣ подробно разсказывалось, какое необычайное волненіе произведено было въ Петербургѣ извѣстіемъ объ образованіи оппортунистскаго кабинета Рувье, полгода тому назадъ: это было общее „brouhaha", и авторъ долженъ былъ бѣгать къ разнымъ лицамъ и успокоивать всѣхъ. Что же было бы, еслибы власть перешла теперь къ самому вождю оппортунистовъ, Жюлю Ферри! Россія совсѣмъ потеряла бы надежду на Францію... И эти нелѣпости серьезно передаются въ печати, повторяются на сходкахъ и въ частныхъ разговорахъ. Въ печатномъ воззваніи, расклеенномъ на бульварахъ, приводится какая-то небывалая депеша графа Игнатьева, начинающаяся словами: „У васъ два врага—Жюль Ферри и коммуна". Степень пониманія или, вѣрнѣе, невѣжества многихъ французскихъ политиковъ относительно чужихъ государствъ и народовъ измѣнилась, повидимому, очень мало со времени седанскаго погрома. Мы не говоримъ уже о странности этихъ ссылокъ на мнимыя желанія Россіи въ чисто-внутреннихъ вопросахъ Франціи. Нельзя не видѣть также значительной доли наивности въ томъ взглядѣ, что въ Петербургѣ должны волноваться изъ-за министерства Рувье или изъ-за кандидатуры Жюля Ферри,—точно русское общество не имѣетъ другихъ, болѣе близкихъ заботъ. Но, слѣдуя логикѣ Деруледа и его соратниковъ, можно бы разсуждать еще иначе. Если эти французскіе патріоты хотятъ руководствоваться нашими мнѣніями въ политическихъ дѣлахъ республики, то они должны пойти дальше и не ограничиваться вопросами о личностяхъ министровъ и президента,—ибо нашимъ нѣкоторымъ публицистамъ, быть можетъ, не нравятся самые принципы, въ силу которыхъ назначаются правители и министры въ Парижѣ. Изъ этого видно, до чего доводитъ безтактное припутываніе Россіи къ вопросамъ французской государственной жизни. Благодаря усердію нѣкоторыхъ увлекающихся дѣятелей, въ родѣ Деруледа, приходится теперь встрѣчаться съ такими абсурдами, какъ манифестація передъ домомъ русскаго посольства съ криками: „a bas Ferry!" или возгласъ Обертэна при покушеніи на жизнь Ферри: „vive la Russie!"

Страхъ передъ Ферри былъ настолько великъ у радикаловъ и среди значительной части рабочаго населенія, что многіе готовы были повернуть въ сторону Греви и сохранить стараго президента, о которомъ тѣмъ временемъ почти забыли. Рошфоръ первый подалъ си-

гналъ къ повороту; съ свойственною ему гибкостью убѣжденій и фразъ, онъ сталъ защищать того самаго человѣка, удаленія котораго требовалъ нѣсколькими днями раньше. Впрочемъ онъ позже другихъ замѣтилъ существованіе правительственнаго кризиса и примкнулъ къ противникамъ Греви, чтобы не отстать отъ соперниковъ. Для него весь вопросъ заключался еще въ генералѣ Буланже, когда пало министерство Рувье. „Кабинетъ подсудимыхъ—говорилъ онъ, съ своей обычной ругательной манерой, въ „Intransigeant" отъ 21 ноября — брошенъ съ скамьи позора, которую онъ занималъ въ теченіе семи мѣсяцевъ. Приговоръ былъ исполненъ надъ этими злоумышленниками (!) почти столь же быстро, какъ казнь Пранцини. Возбужденіе, которое привело къ настоящей путаницѣ и длится уже такъ долго, происходитъ единственно отъ оппортунистскаго и клерикальнаго заговора, имѣвшаго цѣлью низвергнуть генерала Буланже. Нужно быть слѣпымъ, чтобы не видѣть этого... Каковъ бы ни былъ новый кабинетъ, но если въ немъ не будетъ участвовать генералъ Буланже, то придется начать дѣло съизнова черезъ нѣсколько мѣсяцевъ или, быть можетъ, черезъ нѣсколько дней. Нѣмцы громко утверждаютъ и пишутъ повсюду (?), что они будутъ въ Парижѣ къ веснѣ (?!). Они бы этого не говорили, не писали бы и не были бы въ такомъ положеніи, еслибы во главѣ нашей арміи былъ опять поставленъ генералъ Буланже, который одинъ обладаетъ даромъ внушать имъ страхъ (?). Всѣ мѣры, всѣ системы, всѣ назначенія, которыя не будутъ направлены къ этому результату, будутъ разсматриваться народомъ не только какъ ошибки, но и какъ измѣны". Между прочимъ по этому образчику можно судить о политическомъ кругозорѣ популярнаго редактора, считающаго себя большимъ радикаломъ. Рошфоръ пытался теперь пропагандировать мысль объ удержаніи Греви, въ надеждѣ на призваніе Буланже въ министерство. „Мы создали нынѣшнее настроеніе,—объяснялъ онъ нѣкоторымъ депутатамъ,—и мы съумѣемъ пересоздать его вновь". Приверженцемъ Греви сдѣлался и Деруледъ; онъ пошелъ къ президенту съ повинной головой и просилъ у него извиненія за слова, сказанныя имъ гдѣ-то и переданныя въ газетахъ. Греви не могъ, конечно, придавать рѣшающее значеніе этимъ примирительнымъ попыткамъ отдѣльныхъ радикаловъ и патріотовъ, но, независимо отъ этихъ симптомовъ, онъ имѣлъ другія, болѣе основательныя причины уклоняться отъ отставки. Онъ поневолѣ долженъ былъ опасаться послѣдствій своего шага, при видѣ тѣхъ страстей, которыя разыгрались изъ-за вопроса объ его преемникѣ. Боязнь безпорядковъ и серьезныхъ волненій, въ случаѣ избранія Жюля Ферри, была весьма распространена въ Парижѣ, и Греви могъ бы легко остаться на своемъ посту, еслибы обратился къ палатамъ съ откро-

веннымъ посланіемъ, въ которомъ объяснилъ бы свое отношеніе къ дѣлу Вильсона и свою твердую рѣшимость не допускать подобныхъ злоупотребленій въ будущемъ. Престарѣлый президентъ поступилъ совершенно иначе, или, вѣрнѣе сказать, онъ никакъ не поступилъ; онъ не далъ посланія, котораго всѣ ожидали, и возбудилъ этимъ ненужное раздраженіе въ парламентѣ, и въ печати, и въ обществѣ.

На 1-е декабря (19 ноября) назначено было чтеніе президентскаго посланія; самъ Греви назначилъ этотъ день, и министры оффиціально предупредили объ этомъ обѣ палаты. Ко времени открытія засѣданія въ палатѣ депутатовъ, собралась масса народа около Бурбонскаго дворца, вдоль набережной Сены и на мосту Согласія. Толпы тихо стоятъ шеренгами, сдерживаемыя полицейскими агентами; многіе взобрались на рѣшетку дворца, на ограду набережной, на дровяные склады на баркахъ. Ни одного возгласа; повсюду спокойное ожиданіе. Въ палатѣ оказалось, что нѣтъ обѣщаннаго посланія президента, что Греви измѣнилъ свои намѣренія и думаетъ остаться. Общее недоумѣніе, неудовольствіе; непонятный поступокъ президента поразилъ даже друзей и сторонниковъ его въ палатѣ. „Хоть бы онъ далъ знать объ этомъ днемъ раньше; а то заставить палаты собраться понапрасну—это просто безуміе!"—говорилось въ кружкахъ журналистовъ и публики. Палата прервала свое засѣданіе до четырехъ часовъ. Толпы ростутъ кругомъ, начинаются громкіе возгласы: „à bas Ferry!" За оградой дворца, на широкой террасѣ, у угла Бургонской улицы, показываются группы депутатовъ—по обыкновенію парижанъ, въ однихъ сюртукахъ и безъ шапокъ, несмотря на осеннюю прохладу; они стоятъ и смотрятъ на внушительное сборище, которое тѣснится ближе къ „представителямъ народа". Нѣкоторые изъ депутатовъ перебрасываются какими-то словами съ толпою; шапки поднимаются вверхъ, раздаются какіе-то крики—вѣроятно въ честь одного изъ популярныхъ парламентскихъ дѣятелей. Въ другомъ мѣстѣ, у рѣшетки, я замѣтилъ сильное движеніе: всѣ окружили какую-то даму,—говорятъ, что это Лимузэнъ, героиня скандальнаго процесса и первая виновница кризиса, но оказалось, что это классическая энтузіастка, Луиза Мишель. Разглядѣть ее мнѣ не удалось; полицейскіе прикрыли ее и отдѣлили отъ толпы. Кто-то кричитъ: „à bas Cassagnac!"—хотя пресловутый бонапартистъ, кажется, не показывался вовсе на террасѣ. Раздается стройное пѣніе „Марсельезы"; громадный хоръ обращается какъ будто къ депутатамъ, которые внимательно слушаютъ мелодическую народную пѣсню. Прилегающія улицы запружены народомъ; вагоны конно-желѣзной дороги едва подвигаются впередъ. Наконецъ эскадроны всадниковъ появляются слѣва, со стороны набережной; они раздѣлились на два

отряда и преградили толпѣ доступъ къ палатѣ. Всадниковъ встрѣчаютъ криками: „à bas Ferry!“ Движенія муниципіальной стражи отчасти очищаютъ середину улицы; множество полицейскихъ отодвигаетъ толпу и образуетъ сплошную цѣпь, черезъ которую не пропускаютъ никого. Давка усилилась около ограды дворца: почти у самыхъ воротъ палаты взобрался на верхъ Деруледъ и кричитъ что-то, съ сигарою въ рукѣ; я слышу только, что онъ кончаетъ громкимъ возгласомъ: „à bas Ferry, à bas Ferry!“ Толстый, лысый господинъ безъ шапки убѣждаетъ его перестать,—это, вѣроятно, полицейскій комиссаръ или иной блюститель общественнаго спокойствія; Деруледъ сошелъ съ своего пьедестала. Въ толпѣ пронесся слухъ, что идетъ или ѣдетъ Рошфоръ. „Vive Rochefort!“—привѣтствовали его долго, пока онъ направлялся къ палатѣ. Говорятъ, что его не пускаютъ черезъ рѣшетку, которая съ трудомъ открывается теперь даже для журналистовъ. Его впустили наконецъ. Мнѣ нечего было и думать попасть въ палату. Я бродилъ кругомъ; вездѣ доступъ закрытъ безусловно. Депутаты ушли съ террасы; засѣданіе должно было возобновиться. Крики: „à bas Ferry!“ становятся все болѣе общими и частыми. Однако публика стала мало-по-малу удаляться, подъ дружнымъ напоромъ полицейскихъ силъ. Когда я вернулся, къ шести часамъ, площадь была уже совершенно очищена, и около дворца нѣтъ никого, кромѣ полиціи. На сосѣднихъ улицахъ прекращено было движеніе. Люди разошлись по бульварамъ Парижа, ожидая извѣстій вечернихъ газетъ о рѣшеніяхъ палаты. Извѣстно, что палата депутатовъ и сенатъ почти единогласно приняли резолюцію, что соберутся снова къ вечеру, „въ ожиданіи обѣщаннаго сообщенія“. Президенту Греви не оставалось уже ничего другого, какъ исполнить требованіе парламента, и отставка была возвѣщена на другой же день.

Энергическія мѣры были приняты правительствомъ для предупрежденія чрезмѣрныхъ сборищъ, съ самаго утра 2-го декабря. Толпа собралась, правда, на площади Согласія; но на мостъ не пропускали никого, и кругомъ палаты почти пусто: видны только депутаты, журналисты и люди, снабженные билетами для входа. Заручившись предварительно записочкою „синдика“ иностранной прессы, я безъ труда пробрался въ палату. Внизу, въ передней комнатѣ, стоитъ отрядъ муниципальной стражи. Палата оказалась въ полномъ сборѣ. Трибуны переполнены,—двинуться негдѣ. Президентъ Флоке торжественнѣе обыкновеннаго. Онъ звонитъ, приглашаетъ успокоиться. Флоке сообщаетъ о посланіи Греви относительно отставки и проситъ выслушать этотъ документъ съ полнымъ молчаніемъ. Со всѣхъ сторонъ выражается согласіе. Среди общей тишины прочитано посланіе

президента. Окончивъ чтеніе, Флокѣ ничего не добавилъ отъ себя и прямо перешелъ къ указанію конституціонныхъ законовъ, требующихъ немедленнаго созванія конгресса. Затѣмъ собраны были голоса въ пользу отсрочки засѣданій до вторника или четверга. По рѣшеніи этого вопроса, депутаты крайней лѣвой, уходя, кричатъ восторженно: „vive la république!“ Кто-то изъ центра — какъ оказалось, Бодри д'Ассонъ — отвѣчаетъ съ негодованіемъ, что теперь не время привѣтствовать республику, а нужно кричать: „vive la France!“ Депутаты разошлись, и черезъ нѣкоторое время состоялось предварительное общее собраніе республиканскихъ группъ (за исключеніемъ оппортунистскаго „союза лѣвыхъ“), для пробной баллотировки кандидатовъ въ президенты. Наиболѣе голосовъ получили Фрейсинэ и Флокѣ, но кандидатура послѣдняго была устранена по предложенію Клемансо, чтобы сосредоточить большинство около одного имени. На долю Жюля Ферри выпало всего двѣнадцать голосовъ, и по этому поводу „непримиримые“ осыпали его новыми насмѣшками: они забыли, что партія Ферри не участвовала вовсе въ голосованіи и берегла свои силы для конгресса.

Никто не считалъ нужнымъ останавливаться на разборѣ президентскаго посланія; всѣ заняты были мыслью о предстоящихъ выборахъ, о шансахъ того или другого кандидата. Посланіе Жюля Греви написано было тономъ авторитетнымъ, возвышеннымъ, вполнѣ подобающимъ достоинству правителя великой державы; но оно мало соотвѣтствовало обстоятельствамъ и совсѣмъ умалчивало о дѣйствительномъ источникѣ кризиса. Указанія на нападки прессы, на возможность образованія министерства вопреки большинству палаты депутатовъ и на „обязанность и право“ президента сопротивляться парламенту — звучали какъ-то странно въ устахъ республиканца. Неудачной казалась также та часть посланія, въ которой всѣ успѣхи и заслуги французскаго правительства за послѣднія девять лѣтъ приписывались лично президенту Греви. Но палатамъ и публикѣ было не до этихъ мелочей; дѣло шло о ближайшемъ будущемъ республики.

До поздняго вечера продолжались подготовительныя собранія различныхъ парламентскихъ группъ. Бурбонскій дворецъ старательно охранялся полиціей и войсками. Съ той стороны палаты, гдѣ площадь Вобана, появился въ началѣ седьмого часа новый отрядъ пѣхоты и послѣдовалъ во дворъ палаты. Въ толпѣ высказывались ироническія замѣчанія. „Они идутъ точно противъ пруссаковъ“,—замѣтилъ какой то молодой человѣкъ. „Тогда они не шли бы такъ смѣло“,—возразилъ громко рабочій въ блузѣ. На площади Согласія было много народу; группы людей толпились у фонтановъ, на террасѣ Тюльерійскаго сада, на пьедесталахъ статуй, — въ ожиданіи резуль-

татовъ пробной баллотировки. Въ общемъ—настроеніе было сравнительно мирное. Потомъ я узналъ, что произошло серьезное столкновеніе съ отрядомъ войска, что народныя массы наполнили всю площадь, что солдаты едва справились съ враждебной демонстраціею, что были раненые съ обѣихъ сторонъ и что многіе изъ любопытныхъ испытали холодную ванну въ бассейнахъ фонтановъ. Безпорядки были также передъ зданіемъ городской думы, представители которой принимали дѣятельное участіе въ мѣрахъ „спасенія республики" отъ кандидатуры Ферри; парижскіе „гласные" и члены городского совѣта принадлежатъ большею частью къ числу „бланкистовъ", „поссибилистовъ" и передовыхъ радикаловъ. Депутаты-соціалисты, Басли и Камелинà, отправились въ Hôtel de Ville, въ сопровожденіи значительной толпы единомышленниковъ, которые были, однако, удержаны полиціей. Городской совѣтъ, по предложенію этихъ депутатовъ и дѣятелей различныхъ революціонныхъ кружковъ, рѣшилъ послать отъ себя особую делегацію къ представителямъ департамента Сены въ палатѣ, чтобы просить ихъ позаботиться о предупрежденіи выбора Ферри во что бы то ни стало. Нѣкоторые видные члены совѣта, и между прочимъ вице-предсѣдатель Альфонсъ Эмберъ (одинъ изъ героевъ коммуны 1871 года), готовились даже организовать нѣчто въ родѣ вооруженнаго сопротивленія, на случай торжества оппортунистовъ на конгрессѣ. Интересныя и весьма горячія пренія возникли по этому поводу между мирными (говоря относительно) соціалистами и воинственными революціонерами, въ засѣданіи думы 7-го декабря. Вожди „поссибилистовъ", Жоффрэнъ и Шаберъ, рѣзко протестовали противъ произвольнаго вмѣшательства городскихъ „бланкистовъ" и ихъ руководителя Эмбера въ чисто-политическій вопросъ объ избраніи того или другого кандидата на постъ президента республики. Эти пререканія и разоблаченія, имѣвшія отчасти личный характеръ, должны были въ нѣкоторой мѣрѣ утѣшить встревоженную буржуазію: внутренніе раздоры въ революціонномъ лагерѣ охраняютъ существующій порядокъ вѣрнѣе всякихъ военныхъ и правительственныхъ мѣръ.

Вечеромъ 2-го декабря, наканунѣ конгресса, замѣчалось понятное возбужденіе повсюду, на улицахъ и бульварахъ. Послѣднія изданія газетъ покупаются на-расхватъ; люди стоятъ кучками у фонарей, около кафѣ и освѣщенныхъ магазиновъ, перечитывая нà-скоро газетныя сообщенія. Нѣкоторые кіоски съ газетами буквально осаждались и чуть ли не брались приступомъ, когда получились долго ожидаемые экземпляры „Le Soir"—самой поздней и обстоятельной изъ парижскихъ вечернихъ газетъ, выходящей около десяти часовъ вечера.

Развязка приближалась. Лихорадочное волненіе улеглось; всѣми

какъ будто овладѣло сознаніе важности и торжественности переживаемаго момента. Избраніе правителя цѣлаго народа — событіе довольно рѣдкое, и присутствовать при совершеніи такого акта было болѣе чѣмъ заманчиво; поэтому, утромъ 3-го декабря, я поѣхалъ въ Версаль, чтобы видѣть вблизи, „какъ дѣлается исторія". Я не могъ попасть въ залу засѣданій конгресса, такъ какъ для этого нуженъ былъ спеціальный билетъ, котораго у меня не было; но для меня было гораздо любопытнѣе бродить въ толпѣ кругомъ и около конгресса, слышать народные крики, возгласы, пѣніе „Марсельезы" или „Карманіолы", прислушиваться къ разговорамъ публики. „Національное собраніе", состоящее изъ членовъ обѣихъ палатъ, помѣщается въ зданіи, прилегающемъ къ лѣвому флигелю знаменитаго дворца французскихъ королей; зданіе это было построено въ началѣ семидесятыхъ годовъ спеціально для палаты депутатовъ, и соотвѣтственная надпись красуется еще сверху. Все пространство около дворца наполнено народомъ; въ тѣсной улицѣ Гамбетты, передъ фасадомъ палаты, значительная давка: депутаты и сенаторы, члены дипломатическаго корпуса и журналисты съ трудомъ добираются до входныхъ дверей, охраняемыхъ парламентскими служителями. Для членовъ конгресса и для приглашенныхъ лицъ былъ еще другой входъ, во флигелѣ дворца. Съ утра, до открытія засѣданія, происходило въ первый разъ соединенное собраніе всѣхъ республиканскихъ группъ палаты и сената, для предварительной баллотировки кандидатовъ; результаты голосованія должны были указать на то лицо, которое имѣло бы наибольше шансовъ сдѣлаться кандидатомъ всей республиканской партіи. Передовые республиканцы особенно хлопотали объ установленіи одной какой-нибудь кандидатуры, которую можно было бы съ успѣхомъ противопоставить Жюлю Ферри; они до послѣдней минуты опасались, что монархисты и консерваторы окажутъ рѣшающее вліяніе на выборъ, подавъ голоса за вождя оппортунистовъ. Понятно, что всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали первыхъ извѣстій о ходѣ пробной баллотировки. Около трехъ часовъ появляется экстренное изданіе „Gaulois", сообщающее, что наибольше голосовъ подано было за Ферри—сначала 212, а затѣмъ 216; остальные голоса распредѣлились между Фрейсинэ, Бриссономъ, Карно и другими. Неожиданная вѣсть, что все-таки Ферри „tient la corde", вызвала замѣтное волненіе. Начинаются рѣзкіе, энергическіе возгласы: „à bas Ferry!", —они доходили несомнѣнно и до членовъ конгресса. Эти возгласы долго повторяются, то медленно и грозно, то быстро и кратко, ускореннымъ темпомъ; они чередуются съ пѣніемъ „Марсельезы" и раздаются опять, въ видѣ неизмѣнныхъ припѣвовъ какой-то революціонной пѣсни. Это постоянное повтореніе одного и того же имени, сдѣ-

лавшагося почему-то ненавистнымъ народу, эти упорные народные протесты противъ одного человѣка, простого депутата, не обладающаго ни властью, ни какими-либо привилегіями,—производятъ сильное, даже какое-то жуткое впечатлѣніе. Невольно думается, что Жюлю Ферри слѣдовало бы отказаться отъ кандидатуры, возбуждающей такую тревогу, и что его сторонники напрасно раздражаютъ населеніе, выдвигая непреклонно столь непопулярное имя. Съ четырехъ часовъ принимаются серьезныя мѣры для удаленія шумной толпы и для очищенія прохода по серединѣ улицы. Муниципальная стража, въ парадныхъ костюмахъ, не могла справиться съ этою задачею; представители города, опоясанные трехцвѣтными кушаками—знакомъ своего достоинства, тщетно хлопочутъ о томъ же. Появляется отрядъ войска, и въ нѣсколько минутъ дѣло очистки приведено въ исполненіе. Со стороны дворца не пропускаютъ уже никого, также какъ изъ сосѣднихъ улицъ. Крики и пѣніе прекратились; но по временамъ раздается еще неизмѣнный возгласъ: „à bas Ferry!“, хотя и не доходитъ, вѣроятно, до членовъ національнаго собранія.

Осматривая запущенный, роскошный нѣкогда паркъ, съ замысловатыми фонтанами и статуями, гуляя по обширному двору королевскаго замка, обставленному многочисленными мраморными фигурами военныхъ героевъ прошлаго, съ большою конною статуею въ серединѣ, нельзя было не вспомнить объ обычной превратности человѣческихъ судебъ. Дворецъ Людовика XIV превращенъ теперь въ музей, и надъ фасадомъ зданія, въ которомъ пировалъ „король-солнце“ съ своими фаворитками, помѣщается надпись: „A toutes les gloires de la France“. Республика совершаетъ свое священнодѣйствіе въ любимомъ замкѣ самаго гордаго изъ королей, и потомки безправныхъ „ротюрьѣ“ призваны назначить одного изъ своихъ на постъ законнаго правителя страны.

Въ шестомъ часу вечера пронесся громкій гулъ апплодисментовъ и радостныхъ восклицаній, отъ улицы Гамбетты до площади передъ дворомъ замка. Это рукоплещутъ по поводу выбора Карно громаднымъ большинствомъ республиканскихъ голосовъ (616). Кризисъ оконченъ, Ферри не выбранъ,—всѣмъ стало легко на душѣ. Трудно себѣ представить восторгъ публики. На улицѣ, въ ресторанахъ, незнакомые поздравляютъ другъ друга, кричатъ: „vive la république!“ Въ вагонѣ желѣзной дороги какіе-то почтенные старцы превозносятъ эту „belle journée“, и на вопросъ объ обѣдѣ отвѣчаютъ, что они вполнѣ сыты этимъ прекраснымъ днемъ, что нельзя и думать о пищѣ при такомъ настроеніи. На пути къ вокзалу люди сообщаютъ мѣстнымъ жителямъ о результатѣ; то же самое повторяется по пріѣздѣ въ Парижъ, гдѣ всѣ уже знаютъ о событіи. Солдатамъ, карау-

лящимъ выходъ изъ улицы, гдѣ вокзалъ Saint-Lazare, кричатъ: „теперь можете идти спать, Ферри не выбранъ". Карно́, мало извѣстный дотолѣ и случайно выдвинутый въ президенты, сдѣлался вдругъ популярнѣйшимъ лицомъ, общимъ любимцемъ и героемъ. Уже поздно вечеромъ толпа молодежи, съ трехцвѣтнымъ знаменемъ впереди, направлялась куда-то по улицамъ. Я примкнулъ къ этому шествію изъ любопытства. Люди быстро шли, точно боялись опоздать, и все это время пѣли хоромъ какую-то пѣсню, и каждый куплетъ кончался долго повторяющимся припѣвомъ: „vive Carnot, vive Carnot!" и т. д., въ тактъ съ движеніемъ ногъ. Потомъ въ другомъ родѣ: „C'est Carnot, qu'il nous faut" и т. п., въ различныхъ комбинаціяхъ и варіантахъ. Наконецъ, манифестація остановилась передъ какимъ-то домомъ въ улицѣ des Bassins; оказалось, что толпа стремилась къ квартирѣ Карно́, чтобы устроить ему овацію и выразить ему свои чувства. Только въ одномъ этажѣ освѣщены окна, но тамъ никого не видно. Послѣ усерднаго пѣнія и восторженныхъ возгласовъ начинаются крики: „au balcon!" Все оказалось напраснымъ; очевидно, новаго президента не было дома, и толпа должна была уйти ни съ чѣмъ. Правда, на слѣдующій день я прочиталъ въ „Temps" и въ другихъ газетахъ подробный разсказъ о томъ, какъ Карно́ вышелъ на балконъ, благодарилъ и совѣтовалъ разойтись мирно по домамъ: объ этомъ позаботились уже репортеры.

За день до конгресса и даже утромъ 3-го декабря никто еще не придавалъ значенія кандидатурѣ Сади-Карно́, бывшаго министра финансовъ, выставленнаго кандидатомъ, повидимому, только за то, что онъ оказалъ отпоръ вліянію Вильсона по одному спеціальному дѣлу и не допустилъ возврата изъ казны нѣкоторой суммы денегъ. Когда министръ-президентъ Рувье упомянулъ объ этомъ фактѣ въ палатѣ депутатовъ, то вся палата единодушно привѣтствовала честнаго дѣятеля, и имя Карно́ сдѣлалось синонимомъ безукоризненной прямоты и твердаго исполненія гражданскаго долга. Кризисъ былъ вызванъ злоупотребленіями лицъ, связанныхъ съ президентствомъ, и онъ разрѣшился торжествомъ полнѣйшей честности, въ лицѣ лучшаго ея представителя. Это какъ нельзя болѣе послѣдовательно. Общій порывъ очиститься отъ приставшаго недуга, жажда простой, скромной честности, стремленіе къ нравственному обновленію правительства, заразившагося какъ будто духомъ спекуляціи,—все это выразилось настолько сильно и ярко въ настроеніи французовъ, что республиканцы не могли уже руководствоваться одними интересами своихъ партій и группъ. Говорятъ, что мысль сосредоточить большинство на имени Карно́ явилась сама собою, какъ „внезапное вдохновеніе",

Убѣдившись, что ни Фрейсинэ, ни кто-либо другой изъ видныхъ партійныхъ дѣятелей не можетъ привлечь на свою сторону соперниковъ и противниковъ, Клемансо и его друзья порѣшили остановиться на кандидатѣ, который по своей скромной роли не могъ имѣть ни враговъ, ни приверженцевъ, и который въ то же время представлялъ собою привлекательный всѣмъ принципъ — республиканской опрятности и честности. Этотъ планъ былъ принятъ уже передъ самымъ открытіемъ засѣданія конгресса. Послѣ первой же баллотировки, давшей болѣе трехсотъ голосовъ въ пользу Карно, Жюль Ферри и его партія перешли на его сторону; то же самое сдѣлалъ и Фрейсинэ—такъ какъ никому не было обидно уступить мѣсто второстепенному служителю республики. Ферри—несомнѣнно самый выдающійся и энергическій изъ государственныхъ людей современной Франціи, онъ—надежда и оплотъ умѣренной буржуазіи,—но, какъ человѣкъ борьбы, онъ не былъ бы вполнѣ безпристрастнымъ и пассивнымъ президентомъ, подобно Греви. Избраніе Ферри сдѣлалось невозможнымъ послѣ враждебнаго народнаго движенія, вызваннаго его кандидатурою. Фрейсинэ, мягкій и уступчивый по темпераменту и политикѣ, представлялъ слишкомъ мало гарантій осторожнымъ либераламъ, онъ настолько близокъ къ поддерживающей его радикальной партіи, что другіе элементы большинства не могли бы высказаться въ его пользу. Не имѣя шансовъ наградить званіемъ президента дѣйствительные таланты и заслуги, національное собраніе возвысило честность и безкорыстіе, избравъ Карно. Къ сожалѣнію, для исполненія обязанностей правителя одной честности еще недостаточно, нужно и знаніе, искусство, широкій политическій кругозоръ,—а отсутствіе этихъ качествъ можетъ имѣть такія же и даже болѣе печальныя послѣдствія, чѣмъ личныя слабости, въ которыхъ обвиняли старика Греви.

Карно имѣетъ одно большое достоинство въ глазахъ французскаго общества: онъ носитъ громкое имя, занимающее блестящую страницу въ исторіи нойнѣ конца прошлаго столѣтія. Дѣдъ нынѣшняго президента былъ великій „организаторъ побѣды“, военный министръ республики; отецъ былъ министромъ народнаго просвѣщенія въ 1848 году и теперь засѣдаетъ въ сенатѣ, такъ что Франція имѣетъ нынѣ правителя, принадлежащаго къ аристократіи въ истинномъ смыслѣ этого слова. Несмотря на демократическій режимъ, французы дорожатъ традиціями, семейнымъ и личнымъ почетомъ, основаннымъ на происхожденіи, на имущественныхъ и соціальныхъ условіяхъ. Елисейскій дворецъ, скучный и мрачный доселѣ, оживится элементомъ свѣтскихъ связей и войдетъ въ кругъ такъ-называемаго общества. Выиграютъ ли отъ этого радикалы и могутъ ли они во-

обще быть довольны устроеннымъ ими переходомъ власти отъ Греви къ Карно—это вопросъ, на который многіе изъ нихъ уже въ настоящее время отвѣчаютъ отрицательно.

Кризисъ, пережитый Франціею въ теченіе послѣднихъ мѣсяцевъ 1887 года, заключаетъ въ себѣ великій нравственный и политическій урокъ. Французская демократія, которую собирались уже спасти отъ разложенія при помощи какого-нибудь генерала или принца, вышла, повидимому, изъ испытанія болѣе бодрою и крѣпкою, болѣе сплоченною и спокойною, чѣмъ прежде,—увѣренною въ своихъ силахъ и въ своемъ будущемъ.

Л. С.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-го января 1888.

— *Бѣлорусскій Сборникъ*. Томъ первый. Губернія Могилевская. Выпускъ третій. Сказки. Собралъ Е. Р. *Романовъ*, дѣйств. членъ Импер. Русскаго Географ. Общества. Витебскъ, 1887.

Около двухъ лѣтъ тому назадъ мы отмѣтили начало изданія г. Романова, которое заставляло ожидать обильнаго вклада въ изученіе бѣлорусской народности. Широко задуманныя предпріятія подобнаго рода слишкомъ часто у насъ останавливаются на одномъ началѣ, свидѣтельствуя о прекрасныхъ пожеланіяхъ и о недостаткѣ выдержки для довершенія дѣла; на этотъ разъ мы имѣемъ, къ счастію, продолженіе изданія, начатаго г. Романовымъ. Нынѣшняя книга, болѣе 400 страницъ убористой печати, представляетъ сборникъ бѣлорусскихъ сказокъ, записанныхъ въ разныхъ мѣстахъ могилевской губерніи, частію самимъ г. Романовымъ, частію его сотрудниками изъ мѣстныхъ жителей. Бѣлорусскія сказки до сихъ поръ были мало извѣстны, и настоящій сборникъ является первымъ обширнымъ собраніемъ, восполняющимъ этотъ пробѣлъ нашей этнографической литературы. Всего находится здѣсь до 160 сказокъ и много мелкихъ разсказовъ, шутливыхъ присказокъ и разговоровъ, и т. п.: сначала идутъ сказки о животныхъ, затѣмъ сказки, названныя г. Романовымъ миѳическими, наконецъ сказки бытовыя и сатирическія. Ко многимъ изъ нихъ г. Романовъ указываетъ параллели и варіанты въ русскихъ и малорусскихъ сборникахъ Аѳанасьева, Садовникова, Драгоманова, Чубинскаго, Рудченка и пр.; для другихъ, варіантовъ не нашлось и, вѣроятно, окажутся здѣсь новые, раньше неизвѣстные мотивы.

У г. Романова отъ его прежнихъ собираній было уже значительное число сказокъ, но списки ихъ сдѣланы были на небольшомъ пространствѣ края, и г. Романовъ нашелъ нужнымъ пополнить со-

браніе собственными записями въ разныхъ мѣстностяхъ могилевской губерніи. „Я погрузился въ глубокое море народной бѣлорусской стихіи въ половинѣ іюня,—разсказываетъ онъ,—и 48 дней велъ тамъ бродячую жизнь, пробираясь по захолустнымъ пунктамъ на убогой клячонкѣ, запряженной въ нѣкое подобіе телѣги, по дорогамъ, по которымъ зачастую и сами возницы ѣхали впервые. Переѣзды эти дѣлались бо́льшею частію днемъ, съ разсчетомъ прибыть въ извѣстный пунктъ къ вечеру, когда рабочій деревенскій людъ возвратится уже съ полей и луговъ. Проведя за работой ночь, на утро я выѣзжалъ далѣе, чтобы и въ слѣдующемъ пунктѣ продѣлать то же. Только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, гдѣ находилось много матеріала и оказывалась физическая помощь со стороны мѣстной сельской интеллигенціи, мнѣ представлялась возможность провести двое-трое сутокъ; это были дневки, въ которыя, въ видѣ отдыха, я исполнялъ порученіе, возложенное на меня Московскимъ Археологическимъ Обществомъ“. Г. Романовъ сообщаетъ, что онъ проѣхалъ 770 верстъ и посѣтилъ 26 пунктовъ въ пяти уѣздахъ могилевской губерніи. Нельзя сказать, чтобы размѣры экспедиціи были особенно велики, но къ счастію она дала весьма обильные результаты. Пріятно замѣтить, что работа г. Романова, на которую онъ могъ употребить такъ немного времени, не встрѣтила на мѣстахъ тѣхъ препятствій, съ какими не однажды приходилось бороться прежнимъ этнографамъ. Много разъ случалось читать въ разсказахъ этихъ прежнихъ изыскателей о томъ, съ какими затрудненіями встрѣчались они при собираніи пѣсенъ, сказокъ и т. д., какъ нелегко бывало побѣдить упорное недовѣріе сельскихъ жителей къ постороннему человѣку, который являлся записывать — неизвѣстно, съ какою цѣлью — народныя рѣчи, хотя бы пѣсенныя и сказочныя. Рѣдко случалось, чтобы передъ этнографомъ съ полной довѣрчивостію раскрывались интимныя сокровища народной поэзіи, — какъ это было напр. съ Гильфердингомъ. Г. Романовъ можетъ также похвалиться большей удачей въ этомъ отношеніи: не помогло ли ему здѣсь то обстоятельство, что незадолго передъ тѣмъ народныя пѣсни и преданія записывались въ могилевскомъ краѣ по порученію самой оффиціальной власти — для извѣстнаго описанія могилевской губерніи, составленнаго подъ редакціей мѣстнаго губернатора, г. Дембовецкаго; во всякомъ случаѣ, нашлось достаточно разумныхъ людей между мѣстными старшинами, учителями, священниками и урядниками. „Несмотря на то, — говоритъ г. Романовъ, — что я путешествовалъ частнымъ образомъ, и уѣздныя власти даже не были предупреждены о моей поѣздкѣ, я встрѣчалъ посильное содѣйствіе къ достиженію моихъ цѣлей со стороны сельской интеллигенціи и сельской власти. Первыя минуты,

узнавъ о цѣли моего пріѣзда въ ихъ захолустье, они, разумѣется, выражали величайшее удивленіе, но затѣмъ, когда я приступалъ къ дѣлу, недоумѣнія исчезали: старшины добывали извѣстнѣйшихъ казанниковъ (сказочниковъ), батюшки или писаря предлагали отдѣльную комнату, учителя—свои услуги, и работа закипала". Но г. Романовъ имѣлъ, вѣроятно, нѣчто въ родѣ открытыхъ листовъ отъ Географическаго и Московскаго Археологическаго обществъ, отъ которыхъ, какъ онъ упоминаетъ, онъ имѣлъ также порученія; заявлялъ ли онъ о нихъ или не имѣлъ ли другихъ документовъ, которые должны были внушать къ нему довѣріе и услужливость со стороны мѣстныхъ жителей?

Лица (числомъ 69), отъ которыхъ г. Романовъ записывалъ свои тексты, были исключительно мѣстные крестьяне, по бо́льшей части не бывавшіе за предѣлами своей губерніи и неграмотные; на этомъ основаніи г. Романовъ считаетъ, что собранныя имъ сказки—„мѣстнаго происхожденія",—выраженіе, конечно, неточное.

Относительно лицъ, отъ которыхъ г. Романовъ дѣлалъ свои записи, онъ разсказываетъ слѣдующія подробности: „Къ великому моему сожалѣнію, крестьянки, въ которыхъ, главнымъ образомъ, я надѣялся встрѣтить разскащицъ, оказались далеко не удобнымъ матеріаломъ. Весьма рѣдкая изъ нихъ чувствовала себя настолько смѣлою, чтобы разсказать сказку; разсказывая же, она все-таки замѣтно смущалась и чрезъ то сбивалась и спѣшила. Но онѣ—незамѣнимыя описательницы обрядовъ, и мое собраніе описаній ихъ весьма интересно.

„Вообще отношеніе казанниковъ ко мнѣ было различное. Одни совершенно отказывались говорить сказки, и никакими средствами нельзя было заставить такихъ упрямцевъ разсказать что-либо изъ своего богатаго запаса. Это и были, главнымъ образомъ, крестьянки, и изъ мужчинъ—такъ-называемые вѣдуны, знахари. Отъ нихъ мнѣ удалось только ознакомиться съ обрядами, записать нѣсколько заговоровъ и довольно много примѣтъ и повѣрій. Другіе, и такихъ значительное большинство, стѣсняясь нѣсколько вначалѣ, потомъ, узнавши, насколько имъ это доступно, цѣль записыванія ихъ сказокъ, свободно приступали къ разсказу. Это были люди пожилые, степенные и зажиточные. Наконецъ, были и такіе, которыхъ обрадовалъ мой пріѣздъ, и они спѣшили передать мнѣ свои лучшія сказки, какъ бы желая увѣковѣчить ихъ. Они испытывали какую-то, нескрывавшуюся и отъ меня, радость по поводу того, что ихъ „стародревняя" сказка, наконецъ, выслушана „достойнымъ" человѣкомъ. По ихъ заявленію, современная молодежь отвергаетъ „старыя" сказки (миѳическія, разумѣется), осмѣиваетъ ихъ, и во всякомъ случаѣ не въ состояніи оцѣнить надлежащимъ образомъ перлы бѣлорусской поэзіи, пробав-

лялись мелкими „смѣшными“ (т.-е. юмористическими и сатирическими) сказками.

„Случалось дѣлать записи въ канцеляріяхъ волостныхъ правленій,—продолжаетъ г. Романовъ:—въ такихъ случаяхъ всегда присутствовало много крестьянъ, которые съ сосредоточеннымъ вниманіемъ слушали миѳическую сказку-сказаніе и благодушно—бытовую, юмористическую или сатирическую, вставляя изрѣдка вполголоса и свои замѣчанія.

„Были случаи, что казанники стѣснялись говорить сказки, въ которыхъ дѣйствующими лицами являлись цари. Причиною этому, какъ я узналъ, было то, что гдѣ-то урядникъ составилъ изъ-за такой сказки *полицейскій актъ*, хотя не причинившій казанникамъ ничего непріятнаго, но тѣмъ не менѣе заставившій всѣхъ разскащиковъ быть на сторожѣ. Равнымъ образомъ, приходилось замѣчать большую осторожность и въ сообщеніи обрядовъ. Оказалось, что и они не избѣгали надзора со стороны урядниковъ, частію по собственной иниціативѣ сихъ послѣднихъ, частію по настояніямъ другихъ. Вслѣдствіе этого, многіе обряды быстро исчезаютъ. Въ особенности это слѣдуетъ сказать о сѣдыхъ древностію свадебныхъ обрядахъ и колядныхъ играхъ. Даже такія невинныя развлеченія, какъ „гуканье“ весны и игрища, дѣлаются запретнымъ плодомъ, будучи зачислены въ разрядъ остатковъ язычества... Усердіе не по разуму!..

Не мало мѣста въ предисловіи г. Романовъ посвятилъ тѣмъ замѣчаніямъ, какія сдѣланы были въ литературѣ по поводу первыхъ выпусковъ его собранія. Должно припомнить, что критика, указавъ нѣкоторые недостатки въ редакціи сборника, отнеслась вообще съ большимъ сочувствіемъ къ труду собирателя, такъ что онъ не имѣлъ бы основанія на нее жаловаться. Нельзя не пожалѣть, что г. Романовъ обнаруживаетъ, однако, въ этой критикѣ большую нетерпимость, впадающую даже въ мелочность. Ему какъ будто представляется, что критикъ, дѣлающій какое-нибудь замѣчаніе, есть непремѣнно его недоброжелатель, и г. Романовъ отвергаетъ всѣ сдѣланныя критикой указанія. Было, напр., совершенно справедливо замѣчено, что г. Романовъ напрасно сливалъ, для большей сжатости печати (съ цѣлями экономіи), по нѣсколько стиховъ пѣсни въ одинъ стихъ,—когда, напр. (если ужъ необходимо было соблюдать эту экономію, и нельзя было пожертвовать на это нѣсколько лишнихъ страницъ въ книгѣ, имѣвшей 460 стр.), онъ могъ бы указать раздѣленіе стиховъ хотя бы поперечными черточками. Г. Романовъ утверждаетъ теперь, будто бы „отдѣленіе стиховъ вертикальными чертами (т.е. въ серединѣ строки, какъ объ этомъ говорилось) повлекло бы за собою почти *двойные расходы*“,—но это совершенно несправедливо,

какъ можетъ сказать всякая типографія. То же говоритъ г. Романовъ относительно печатанія въ два столбца; но извѣстно, что такое печатаніе именно служитъ къ удешевленію изданій, потому что уменьшаетъ расходъ на бумагу и печатаніе. Наконецъ, правильная передача стиховъ пѣсни есть требованіе научное, котораго вообще не слѣдуетъ жертвовать типографскому соображенію.

На одно замѣчаніе въ рецензіи „Вѣстника Европы“ (1886, апрѣль) г. Романовъ отвѣчаетъ: „не могу съ нимъ согласиться, хотя тѣмъ самымъ значительно съуживаю свою задачу“, — т.-е. не буду отмѣчать извѣстный разрядъ фактовъ, имѣющихся на лицо, хотя уменьшаю этимъ научную полезность своей работы — упорство довольно странное.

На замѣчаніе, что въ старомъ сборникѣ Дмитріева, 1869 г., нельзя было назвать простой „перепечаткой“ изъ Аѳанасьева нѣсколькихъ сказокъ, сообщенныхъ послѣднему этимъ самимъ Дмитріевымъ, г. Романовъ утверждаетъ,—не имѣя на то никакихъ основаній,—что редакція этихъ сказокъ сдѣлана была *не самимъ* Дмитріевымъ; но Аѳанасьевъ прямо указываетъ, что сказки получены отъ Дмитріева, и утвержденіе г. Романова является произвольнымъ.

Нежеланіе слышать какія-либо замѣчанія о своемъ трудѣ довело, наконецъ, г. Романова до заявленія, что онъ „къ прискорбію убѣдился въ необходимости заранѣе оговорить всѣ недостатки, даже внѣшніе, которые, казалось бы, никоимъ образомъ не должны ставиться въ вину собирателю, *не ищущему и не имѣющему отъ своихъ изданій ни малѣйшей матеріальной выгоды*“ (стр. XIII). Неужели г. Романовъ серьезно думаетъ, что если онъ не ищетъ отъ своего изданія *матеріальныхъ выгодъ*, то это должно было бы заставить критику молчать о *научныхъ недостаткахъ*, еслибы таковые встрѣтились въ его трудѣ?—Безкорыстіе похвально, отсутствіе матеріальныхъ выгодъ, т.-е. вознагражденія за трудъ,—если трудящійся есть человѣкъ недостаточный,— прискорбно; но критикѣ, собственно *научной*, нѣтъ и не должно быть никакого дѣла до этихъ соображеній. Не пожелаетъ же г. Романовъ стать подъ защиту пословицы о „даровомъ конѣ“!

— *Геродотъ*. Исторія въ IX книгахъ. Переводъ съ греческаго съ предисловіемъ и указателемъ *Ѳ. Г. Мищенка*. 2 тома. Москва. 1885—1886.

— *Ѳукидидъ*. Исторія Пелопоннесской войны, въ восьми книгахъ. Переводъ съ греческаго *Ѳ. Г. Мищенка* съ его предисловіемъ, примѣчаніями и указателемъ. Москва. 1887—88. 2 тома.

— Послѣсловіе къ переводу. Ѳукидидъ и его сочиненіе. *Ѳ. Г. Мищенка*. Москва. 1888.

Нашъ школьный классицизмъ, который господствуетъ уже два десятилѣтія, поддерживаемый самыми исключительными мѣрами, до

сихъ поръ далъ гораздо меньше результатовъ для нашего просвѣщенія, т.-е. для успѣховъ нашей науки, чѣмъ можно было бы ожидать по тѣмъ усиліямъ, какія полагались на его распространеніе и утвержденіе. Столько преподавательскихъ силъ, столько учебныхъ часовъ, положенныхъ на изученіе греческаго и латинскаго языка въ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, очень мало отразились учено-литературными трудами въ классической области. Явилась, разумѣется, масса учебниковъ, или прямо переведенныхъ, или составленныхъ по чужимъ, особливо нѣмецкимъ образцамъ; но этотъ родъ литературы есть, конечно, родъ промышленный и нимало не свидѣтельствуетъ о распространеніи научнаго знанія; но изслѣдованія, собственно ученыя, съ нѣкоторымъ самостоятельнымъ достоинствомъ, если не совсѣмъ отсутствуютъ, то ихъ можно сосчитать по пальцамъ; и замѣтимъ притомъ, что многое принадлежитъ здѣсь питомцамъ вовсе не новой, а именно старой классической школы. Не соглашаясь съ системой школьнаго классицизма, какъ она ставилась въ послѣднее время, мы, конечно, нимало не отвергаемъ великой пользы классическихъ изученій для цѣлаго состава нашего образованія и литературы: если то и другое должны пріобрѣсти самостоятельную силу, то для этого въ числѣ другихъ условій необходимо самостоятельное усвоеніе тѣхъ великихъ задатковъ общечеловѣческаго просвѣщенія, какіе заключаются въ классическомъ преданіи поэтическомъ, философскомъ и художественномъ. Достигать этого необходимо—хотя бы не тѣми школьными пріемами, какіе употребляются въ послѣднее время и которые для этого совсѣмъ не разсчитаны; но это тѣмъ не менѣе необходимо, и къ числу главныхъ средствъ, которыя должны содѣйствовать подобной цѣли, стоитъ, конечно. литературное усвоеніе основныхъ произведеній классическаго міра, въ научно исполненныхъ переводахъ.

Эти переводы въ нашей литературѣ довольно рѣдки, то-есть переводы, сдѣланные съ подлинниковъ и компетентными людьми, хотя было не мало переводовъ, сдѣланныхъ неудовлетворительно и даже изъ вторыхъ рукъ. Довольно сказать, что мы имѣемъ (очень старый) переводъ „Иліады“, но до сихъ поръ не имѣемъ „Одиссеи“, научнымъ образомъ переведенной съ подлинника; самый переводъ „Иліады“, не повторенный со временъ Гнѣдича, даетъ одинъ текстъ безъ необходимыхъ объяснительныхъ примѣчаній, когда между тѣмъ Гомеровскій вопросъ и съ нимъ вопросъ „Троянскій“ съ тѣхъ поръ вызвали множество любопытнѣйшихъ изысканій литературныхъ и археологическихъ. Въ переводѣ Гнѣдича, „Иліада“ является передъ русскимъ читателемъ лишенная всего этого необходимаго объяснительнаго матеріала. Такіе основные памятники греческой

литературы, какъ Геродотъ и Ѳукидидъ, являются въ нашей литературѣ почти въ первый разъ. Мы сказали: — почти въ первый разъ,—потому что Геродотъ переводимъ былъ еще въ прошломъ столѣтіи Нартовымъ и въ двадцатыхъ годахъ Мартыновымъ; но ихъ книги, даже переводъ добросовѣстнаго Мартынова, не могли бы удовлетворить нынѣшнимъ требованіямъ не только по устарѣвшему языку, но и по недостаточности объясненій, когда пониманіе Геродота также чрезвычайно расширилось съ новѣйшими успѣхами классической археологіи. Ѳукидидъ, если не ошибаемся, никогда не появлялся на русскомъ языкѣ.

Изъ того всемірно литературнаго значенія, какое имѣютъ эти классическіе писатели, понятна заслуга г. Мищенка, который усвоилъ ихъ нашей литературѣ своими тщательно исполненными переводами. Г. Мищенко—опять питомецъ нашей прежней классической школы, какъ къ ней же принадлежитъ г. Модестовъ, закончившій недавно свой столь же замѣчательный переводъ Тацита, о которомъ мы надѣемся дать отчетъ, и какъ г. Фетъ. Переводчикъ Геродота и Ѳукидида, извѣстный уже своими трудами по греческой литературѣ и раньше давшій переводъ Страбона, отнесся къ своимъ новымъ предпріятіямъ со всѣмъ вниманіемъ, какого требовала его задача. Его переводъ не былъ одной точной передачей текста; это былъ вмѣстѣ съ тѣмъ поводъ къ цѣлому ряду научныхъ изслѣдованій о самихъ писателяхъ и ихъ твореніяхъ. Г. Мищенко даетъ обширные трактаты о каждомъ изъ этихъ писателей, опредѣляя ихъ значеніе въ греческой литературѣ, особенности ихъ историческаго взгляда, содержаніе ихъ понятій, свойства ихъ литературнаго стиля; указываетъ точки зрѣнія, съ какихъ опредѣляютъ ихъ наиболѣе авторитетные изъ современныхъ критиковъ классической древности; самый текстъ сопровождается обширными вспомогательными примѣчаніями и указателемъ, именнымъ и предметнымъ, гдѣ объясняются вопросы языка и самой исторіи,—такъ что классическій писатель является въ русскомъ переводѣ обставленный всѣми необходимыми свѣденіями, какія должны помочь его всестороннему пониманію. Разумѣется, переводчикъ долженъ былъ при этомъ взять въ соображеніе ту массу ученыхъ комментаріевъ, какая собрана была западными, особливо нѣмецкими учеными, и г. Мищенко дѣйствительно привлекаетъ весьма обстоятельно эту обширную литературу. Въ особо изданномъ изслѣдованіи о Ѳукидидѣ, составляющемъ „послѣсловіе къ переводу“, г. Мищенко останавливается, напримѣръ, на слѣдующихъ предметахъ: характеристическія особенности изложенія Ѳукидида; рѣчи у Ѳукидида; восьмая книга; хронологія Ѳукидида и эпизоды; раціонализмъ Ѳукидида въ религіи и демократизмъ въ политикѣ;

субъективизмъ Ѳукидида; обращеніе Ѳукидида съ источниками; достовѣрность его исторіи; авторская добросовѣстность; нападеніе Мюллера-Штрюбинга на Ѳукидида. Подобнымъ образомъ онъ обстоятельно излагаетъ значеніе Геродота въ греческой исторіографіи, особенности его историческаго стиля, указываетъ мнѣнія современныхъ ученыхъ и, напримѣръ, беретъ Геродота подъ защиту отъ суровыхъ приговоровъ новѣйшаго англійскаго критика Сейса. Въ изслѣдованіяхъ г. Мищенка о Геродотѣ кстати было бы ближе остановиться на эпизодѣ о скиѳахъ, который имѣетъ большое значеніе для изслѣдованій о древнѣйшей судьбѣ славянскаго племени и которому, въ другомъ мѣстѣ, самъ г. Мищенко посвящалъ особыя изысканія. Мы должны предоставить спеціалистамъ оцѣнку самаго исполненія перевода, но едва ли ошибемся, если скажемъ, что переводъ сдѣланъ съ тою же внимательностью, какую показываетъ историко-литературное изученіе предмета у г. Мищенка, и за какую ручаются долголѣтніе спеціальные труды автора въ области греческой литературы.

— Проф. *П. Н. Петровъ*. Лекціи по всемірной исторіи, изданныя подъ редакціей проф. *В. К. Надлера*. Томъ I. Исторія древняго міра, обработанная прив.-доц. А. Н. *Деревицкимъ*. Харьковъ, 1888.

Въ „Вѣстникѣ Европы“ (1887, іюль) было упомянуто о біографическомъ очеркѣ покойнаго харьковскаго профессора Петрова, составленномъ г. Деревицкимъ. П. Н. Петровъ принадлежалъ къ числу замѣчательнѣйшихъ преподавателей, какими нерѣдко обладаютъ наши провинціальные университеты. Онъ мало появлялся въ литературѣ; послѣ своей диссертаціи: „О новѣйшей національной исторіографіи въ Германіи, Англіи и Франціи“ (1865), Петровъ издалъ еще только одно довольно обширное сочиненіе: „Очерки изъ всемірной исторіи“ (2-е изд., 1882), свидѣтельствовавшее о живомъ историческомъ дарованіи. Такимъ образомъ, его имя было мало извѣстно въ литературѣ, но въ харьковскомъ университетѣ, на службѣ которому онъ провелъ всю свою жизнь, онъ стоялъ въ ряду лучшихъ профессоровъ. Уваженіе, какое привлекала его профессорская дѣятельность, побудило теперь его сослуживцевъ, а прежде учениковъ, издать лекціи Петрова по всемірной исторіи. Изданіе университетскихъ лекцій—вообще есть у насъ вещь довольно рѣдкая; часто бываетъ конечно, что эти лекціи потому и не появляются въ свѣтъ, что представляютъ мало интереснаго въ научномъ смыслѣ,—иной разъ приходится даже жалѣть, что лекціи печатаются, жалѣть даже, что онѣ читаются: напримѣръ, какую пользу можно извлечь изъ курса „Психологіи“ проф. Владиславлева? Въ другихъ случаяхъ надо жалѣть, что профессора не

прилагаютъ нѣсколько лишняго труда, чтобы превращать иныя литографированныя лекціи въ печатныя книги. Въ нашей литературѣ, слишкомъ небогатой именно общими руководящими трудами, самостоятельно исполненными, подобныя книги были бы чрезвычайно полезны; довольно указать для примѣра изданныя въ послѣдніе годы лекціи гг. Сергѣевича, Градовскаго, Таганцева.

Чтенія Петрова по всемірной исторіи существовали также только въ литографированномъ видѣ; онъ не рѣшался издать ихъ книгой, считая нужнымъ лучше ихъ обработать,—но такъ и не успѣлъ этого сдѣлать. Нынѣшніе издатели его лекцій находятъ, что если кто-нибудь изъ нашихъ ученыхъ въ состояніи былъ взять на себя тяжелую задачу составленія курса всемірной исторіи, который стоялъ бы на высотѣ современной науки, то это былъ именно Петровъ. „Въ теченіе тридцати-пяти лѣтъ,—говорится въ предисловіи къ настоящей книгѣ, — Петровъ съ честью занималъ каѳедру всеобщей исторіи въ харьковскомъ университетѣ. Онъ не тратилъ (?) своихъ силъ на спеціальныя изслѣдованія и посвящалъ себя почти всецѣло преподаванію исторической науки. Обладая высокимъ ораторскимъ даромъ и необычайнымъ искусствомъ изложенія, онъ былъ однако далекъ отъ гоньбы за фразою и внѣшними эффектами, которыми пріобрѣтается обыкновенно дешевая, скоропреходящая популярность. Всегда и во всемъ имѣлъ онъ въ виду лишь интересы исторической истины, облекая ихъ притомъ въ изящную, не роняющую достоинства исторіи, форму. Неутомимо слѣдя за развитіемъ своей науки, онъ въ читаемыхъ имъ курсахъ тщательно взвѣшивалъ каждый фактъ, каждое слово, неустанно стараясь достигнуть высоты современнаго историческаго знанія. Ни годы, ни тяжелые недуги, ни жизненныя испытанія всякаго рода не могли оказать своего обычнаго подавляющаго вліянія на бодраго труженика науки, не изнывавшаго подъ ихъ тяжестью. Живой интересъ къ историческимъ изслѣдованіямъ возрасталъ у него съ годами, и для всѣхъ насъ, лично знавшихъ покойнаго, никогда не изгладится изъ памяти, съ какимъ благороднымъ жаромъ, съ какимъ юношескимъ энтузіазмомъ предавался онъ въ послѣдніе годы жизни, на краю могилы, изученію исторіи древняго Востока, совершенно возродившейся въ наши дни, благодаря массѣ новыхъ открытій и изысканій... Петровъ имѣлъ въ виду издать впослѣдствіи курсъ своихъ университетскихъ чтеній, но неумолимо строгій къ себѣ, поставившій себѣ разъ навсегда за правило печатать лишь то, что онъ считалъ окончательно отдѣланнымъ и законченнымъ, онъ откладывалъ осуществленіе своего намѣренія съ году на годъ до тѣхъ поръ, пока преждевременная смерть не похитила его изъ нашей среды".

Въ бумагахъ Петрова и въ литографированномъ курсѣ его лекцій остался достаточный матеріалъ для воспроизведенія его чтеній о

всемірной исторіи; но оказались и нѣкоторые пробѣлы, которые въ этомъ первомъ томѣ были восполнены г. Деревицкимъ; напримѣръ, прибавлена статья о раскопкахъ Шлиманна, отдѣлъ о греческой философіи послѣ Аристотеля и глава о римской образованности, неизвѣстно почему отсутствующая въ запискахъ Петрова, но требуемая общимъ планомъ его курса; сдѣланы также другія частныя поправки и дополненія въ различныхъ мѣстахъ книги. Изложеніе Петрова отличается дѣйствительно такими достоинствами, которыя дѣлаютъ его книгу весьма полезнымъ пріобрѣтеніемъ нашей литературы по всеобщей исторіи. Это изложеніе очень просто и сжато, но сжатость не мѣшала автору отмѣчать существенныя явленія въ историческомъ характерѣ народовъ и дать понятіе о положеніи вопроса въ современной наукѣ. Г. Надлеръ въ своемъ предисловіи счелъ нужнымъ еще слѣдующее замѣчаніе: „Модныя теоріи и вѣянія (?) никогда не подчиняли Петрова своему вліянію, и онъ никогда не сходилъ до низменной роли возвѣстителя ходячихъ мнѣній дня. Онъ не полагалъ вмѣстѣ со многими учеными нашего времени, что такъ-называемая культурная или бытовая исторія должна стоять на первомъ планѣ, въ ущербъ исторіи политической. Онъ не находилъ, что для историка гораздо важнѣе знать, какъ одѣвались и ѣли древніе греки, нежели имѣть точное и обстоятельное представленіе объ общемъ ходѣ политическаго и интеллектуальнаго развитія классической Греціи. Вмѣстѣ съ Ранке и другими великими историками Германіи, г. Петровъ полагалъ, что исторія должна слѣдить прежде и больше всего за политическимъ и общественнымъ развитіемъ человѣчества, что она обязана имѣть въ виду интеллектуальное развитіе нашего рода, но что она можетъ свободно предоставить археологіи и древностямъ изслѣдованіе нравовъ и матеріальной обстановки жизни минувшихъ поколѣній“, и т. д. Позволяемъ себѣ думать, что фраза о „модныхъ вѣяніяхъ“ и „ходячихъ мнѣніяхъ дня“ есть въ настоящемъ случаѣ безсодержательная фраза; неизвѣстно, противъ кого направлено ея полемическое осужденіе. Если въ послѣднее время историографія больше чѣмъ прежде обращаетъ вниманія на психологическіе мотивы и на бытовую сторону въ жизни народовъ, то это есть вовсе не ущербъ, а пріобрѣтеніе для науки; но мы не знаемъ, чтобы кто-нибудь утверждалъ, будто для историка важнѣе знать, *какъ одѣвались и ѣли* древніе греки, чѣмъ понять общій ходъ политическаго и умственнаго развитія классической Греціи — думаемъ, что г. Надлеръ слишкомъ далеко простеръ свое благонамѣренное негодованіе противъ „модныхъ вѣяній“.

Одну изъ очень полезныхъ принадлежностей курса Петрова составляютъ прибавленныя въ каждомъ отдѣлѣ указанія литературы предмета, причемъ обыкновенно указываются и тѣ переводныя или

самостоятельныя сочиненія, какія существуютъ по данному предмету на русскомъ языкѣ; г. Деревицкій съ своей стороны значительно дополнилъ эти цитаты.—А. П.

— *Н. М. Минскій*, Стихотворенія. С.-Петербургъ, 1887.

Въ нашемъ журналѣ стихотворенія г. Минскаго были разобраны довольно подробно еще до выхода ихъ въ свѣтъ отдѣльной книгой [1]); намъ остается только сказать нѣсколько словъ о пьесахъ, прежде не появлявшихся въ печати. Нѣкоторыя изъ нихъ („Вакханкой молодой ко мнѣ она вошла", „Наставники мои", „Есть гимны звучные", „Какъ сонъ, пройдутъ дѣла и помыслы людей") проливаютъ яркій свѣтъ на внутреннюю жизнь поэта. Намъ кажется однако, что эта жизнь еще не нашла для себя исчерпывающей формулы, не подчинилась всецѣло господству одной музы—хотя бы той, которая послѣднею явилась поэту, передъ которой онъ остался безмолвнымъ, какъ „передъ царицей рабъ" („Вакханкой молодой"). Въ творчествѣ г. Минскаго „строгая богиня", зовущая „на путь лишеній и борьбы", играла слишкомъ большую роль, чтобы исчезнуть окончательно и безслѣдно. „Борьба" совмѣстна съ любовью, всегда служившею для г. Минскаго источникомъ лучшихъ вдохновеній; она несовмѣстна съ безотраднымъ скептицизмомъ, „видящимъ ложь—въ добрѣ" и *только* неизбѣжное — „въ порочномъ и преступномъ". Не всякая „повѣсть", наполняющая „хрупкія скрижали", „безцѣльна, какъ сонъ"; мечты о „несуществующемъ мірѣ", о „неземной цѣли" не составляютъ ни единственнаго, ни безусловно-высшаго содержанія поэзіи. Скажемъ болѣе: что бы ни говорилъ г. Минскій, онъ не совсѣмъ отвернулся даже отъ первой изъ трехъ музъ, являвшихся ему поочередно — и прекрасно сдѣлалъ, потому что въ поэзіи есть мѣсто и для личнаго чувства. Оно внушило поэту одно изъ самыхъ позднѣйшихъ—и самыхъ удачныхъ—его стихотвореній: „Еще я не люблю", въ созданіи котораго не участвовала, очевидно, ни „строгая богиня", ни муза съ факеломъ и зеркаломъ, мерцающимъ „холодными лучами". Къ той же категоріи принадлежатъ многія изъ пьесъ, соединенныхъ подъ общимъ заглавіемъ: „Съ восточнаго"; любовью, только смѣшанною съ глубокою печалью, звучитъ и „Элегія". Мы надѣемся и вѣримъ, что г. Минскій и на будущее время не замкнется въ одну изъ сферъ, доступныхъ для его поэтическаго дарованія. Смущаться враждебнымъ отношеніемъ большинства критиковъ ему нѣтъ причины. Одни произнесли суровый незаслуженный приговоръ, не лично надъ нимъ, а надъ всей молодой русской поэзіей, даже надъ всей современной русской

---

[1]) „Вѣстникъ Европы", 1887, № 5.

жизнью; это осужденіе имѣетъ слишкомъ общій характеръ, чтобы быть чувствительнымъ для каждаго изъ осужденныхъ. Другіе приложили къ нему узко-національный масштабъ, оцѣняя его не столько по тому, что онъ сдѣлалъ, сколько по справкамъ, наведеннымъ о его происхожденіи; такая оцѣнка упадаетъ всей своей тяжестью на голову самихъ критиковъ.—К. К.

Въ теченіе декабря мѣсяца были доставлены авторами въ редакцію слѣдующія новыя изданія книгъ и брошюръ:

— Д. Дриль: Малолѣтніе преступники. Этюдъ по вопросу о человѣческой преступности, ея факторахъ и средствахъ борьбы съ нею. Вып. 2-й. Ч. I: Психологія преступности (первая половина). М. 1888. Стр. 254.

— Д. Мережковскій: Стихотворенія. Спб. 1888. Стр. 300.

— Русскіе писатели послѣ Гоголя. Чтенія, рѣчи и статьи Ореста Миллера. Ч. III: С. Т. Аксаковъ; П. И. Мельниковъ; А. Н. Островскій. Спб. 1888. Стр. 389.

— Очерки изъ жизни и быта прошлаго времени, С. Н. Шубинскаго. Съ 80 гравюрами. Спб. 1888. Стр. 162.

— Всеобщая исторія Георга Вебера. Т. VIII. Перев. Андреева. М. 1887. Стр. 797.

— Историческій очеркъ Сибири. Т. IV. Періодъ Екатерининскаго времени. Состав. В. К. Андріевичъ. Спб. 1887. Стр. 308.

— Русское торговое право. Практич. курсъ по наброскамъ лекцій А. П. Башилова. Вып. 1-ый. Спб. 1887.

— Единицы и физическія постоянныя, І. Эверетта. Пер. съ англ. В. Вербицкій. Спб. 1888. Стр. 275.

— Ц. Кюи, Полевая фортификація. Спб. 1888. Стр. 155.

— В. Н. Никитина: Евреи-земледѣльцы. Спб. 1887. Стр. 683.

— А. Бахтіарова, Брюхо Петербурга. Обществ.-физіол. очерки. Спб. 1888. Стр. 316.

— Необычайныя приключенія Тартарена изъ Тараскона и Тартаренъ на Альпахъ, Альфонса Доде. Пер. М. Ремезова. М. 1888. Стр. 377.

— Полное собраніе повѣстей и разсказовъ, І. Ясинскаго. 1888. Стр. 526.

— Сахарная свекловица и условія ея воздѣлыванія. В. Майзеля. Варшава 1888. Стр. 21.

— Домъ трудолюбія и его задачи, какъ органа „Общества улучшенія труда". Сост. Камилла Одынецъ. Спб. 1887. Стр. 82.

— О развитіи профессіональнаго образованія въ Полтавской губерніи. Полтава. 1887. Стр. 240.

— Редакторъ, пов. І. Видмана. Спб. 1888. Стр.

— Ариѳметика и сборникъ ариѳметическихъ задачъ для начальныхъ училищъ. Состав. Ѳ. И. Егоровъ. М. 1887. Стр. 232.

— П. І. Адамьенъ въ роли Гамлета. Крит. очеркъ А. Ярышкина. Одесса, 1887. Стр. 15.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1-го января 1888.

Разрывъ нео-славянофиловъ съ своими бывшими союзниками.—Междоусобная война оруженосцевъ Каткова, разсматриваемая съ точки зрѣнія посторонняго зрителя.—Толки объ „отрезвленіи".—Земская медицина въ черниговской губерніи.—Еще о защитѣ дѣтей.—Изъ школьной хроники.—По поводу одной прекратившейся болгарской газетѣ.

„У насъ господствуютъ два умственныхъ теченія, одинаково односторонникъ и вредно вліяющихъ на успѣхи русскаго просвѣщенія и гражданственности. Одно изъ нихъ высоко цѣнитъ западную образованность, дорожитъ успѣхами знанія и интересами личной, общественной и политической свободы, но не умѣетъ или не хочетъ понять самобытности и высоты русскаго просвѣтительнаго начала и относится къ нему отрицательно и враждебно, съ совершенно западно-европейской точки зрѣнія. Другое, чувствуя значительную неправду этой точки зрѣнія, выдвигаетъ русскую самобытность и вооружается нерѣдко не только противъ западно-европейской политики, но и противъ цивилизаціи, и не нѣкоторыхъ только ея сторонъ, а и противъ принципа свободы и противъ науки. Это направленіе часто очень узко; оно совершенно невѣрно ищетъ и находитъ русскую самобытность въ какихъ-нибудь условныхъ и весьма несовершенныхъ формахъ общежитія и приписываетъ имъ безусловную и вѣковѣчную принадлежность русскому народному духу, тогда какъ онѣ сложились лишь въ извѣстный періодъ развитія русскаго государства, были у другихъ народовъ, прежде на Руси не бывали и впослѣдствіи могутъ безъ всякаго для нея ущерба не быть. Это направленіе любитъ себя называть *исключительно*-національнымъ и русскимъ, щеголяетъ своимъ патріотизмомъ, часто не меньше крайнихъ западниковъ презираетъ и знать не знаетъ древнюю и старую Россію"...

Кому принадлежатъ выписанныя нами слова? Сначала, правда, въ нихъ звучатъ кое-какія ноты, знакомыя намъ по славянофильской гаммѣ—но онѣ скоро отходятъ на задній планъ и уступаютъ мѣсто генеральной аттакѣ противъ доктрины, имѣющей много общаго съ славянофильствомъ. *Исканіе* исключительно-русской „самобытности", нахожденіе ея въ „условныхъ и несовершенныхъ формахъ общежитія", присвоеніе себѣ монополіи на „національность"—все это, безспорно, черты, свойственныя именно славянофильскому или, по крайней мѣрѣ, неославянофильскому ученію. Весьма знаменательно, поэтому, что против-

никомъ ихъ является не кто другой, какъ профессоръ В. И. Ламанскій, „сей остальной изъ стаи славной", осиротѣвшей послѣ смерти И. С. Аксакова. Въ его устахъ приведенныя нами рѣчи означаютъ, конечно, не столько разрывъ съ славянофильствомъ, сколько глубокую антипатію къ самозванному хвосту, прицѣпившемуся къ славянофильской колесницѣ и прикрывающему свое безнадежное убожество обрывками и лохмотьями ея знамени. Въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ ничего болѣе невыносимаго, какъ слышать собственныя слова, подхватываемыя и повторяемыя съ совершенно другою цѣлью, обращаемыя въ орудіе вредныхъ, дурныхъ стремленій. Единственное средство защиты, въ подобныхъ случаяхъ—это торжественное, громогласное отреченіе отъ всякой солидарности съ непрошенными союзниками. Покойный редакторъ „Руси" ни разу не прибѣгалъ къ этому средству—можетъ быть потому, что онъ самъ все больше и больше отступалъ отъ своей первоначальной программы, примиряясь съ теченіемъ, заимствовавшимъ изъ нея лишь кое-какія „словечки". Послѣдніе могикане славянофильства (къ В. И. Ламанскому примыкаетъ, въ этомъ отношеніи, и О. Ѳ. Миллеръ) поправляютъ ошибку своего предшественника; они открещиваются отъ тѣхъ, кто наряжается въ національный костюмъ и „щеголяетъ своимъ патріотизмомъ". Лучше поздно, чѣмъ никогда; жаль только, что вѣрность традиціонной привычкѣ заставляетъ г. Ламанскаго провозглашать „*одинаково вредными* для просвѣщенія и гражданственности" два направленія, изъ которыхъ одно „высоко цѣнитъ" эти блага, другое—систематически ихъ отрицаетъ. Въ сущности, какъ намъ кажется, глубокое различіе между обоими направленіями понятно и для г. Ламанскаго; въ осужденіе перваго онъ вноситъ гораздо меньше убѣжденности и страстности, чѣмъ въ осужденіе второго. „Лакеи цивилизаціи", „лже-либералы", „прихвостни Европы"—обратились у г. Ламанскаго въ людей, дѣйствительно „дорожащихъ успѣхами знанія и интересами свободы"... Отношеніе г. Ламанскаго къ понятію о „самобытности" свидѣтельствуетъ еще нагляднѣе въ пользу сближенія его съ прежними противниками. „Если разумѣть подъ именемъ народной самобытности — говорилъ нашъ журналъ еще шесть лѣтъ тому назадъ, полемизируя съ „Русью" — совокупность предопредѣленныхъ свойствъ, навѣки застывшихъ взглядовъ, неподвижныхъ учрежденій, то въ такой самобытности слѣдуетъ отказать русскому народу, какъ и всякому другому; но самобытности въ смыслѣ особенностей, выработанныхъ исторіей, постоянно измѣняющихся, поддающихся дѣйствію самыхъ различныхъ причинъ и въ свою очередь обусловливающихъ собою самыя различныя послѣдствія, не лишенъ ни одинъ народъ, не лишена, безъ сомнѣнія, и Россія". Многимъ ли отличается отъ этой формулы протестъ г. Ла-

манскаго противъ отождествленія „русской самобытности“—съ „условными и несовершенными формами общежитія“, возводимыми на степень „безусловной и вѣковѣчной принадлежности русскаго духа“?

На чью сторону, и почему, склоняются теперь лучшіе представители славянофильскихъ преданій—это покажетъ съ поразительною ясностью другая цитата изъ той же статьи г. Ламанскаго [1]). Авторъ возстаетъ съ большою силой противъ „наивнаго“ мнѣнія, приписывающаго русскія неудачи въ восточномъ или славянскомъ вопросѣ бездарности и неумѣлости русскихъ дипломатовъ; онъ несогласенъ и съ тѣми, кто возлагаетъ рѣшеніе этого вопроса на русское оружіе (припомнимъ, что главнымъ порицателемъ дипломатіи, главнымъ проповѣдникомъ похода противъ берлинскаго трактата—т.-е. проповѣдникомъ войны—былъ И. С. Аксаковъ). „Имѣй Россія—восклицаетъ г. Ламанскій—самыхъ распрогеніальныхъ и совершенно независимыхъ отъ такъ-называемой интриги дипломатовъ, удивляй она міръ еще высшими подвигами своей славной арміи, чѣмъ былъ зимній переходъ черезъ Балканы,—но если въ ней, въ русскомъ обществѣ и народѣ, будутъ водворяемы полнѣйшая апатія, сонъ непробудный и тоска безпросвѣтная, просвѣщеніе и наука вновь объявлены неизбѣжнымъ зломъ, которое нужно-де только довести до возможнаго минимума, а искренняя, откровенная рѣчь честныхъ писателей будетъ считаться недозволительною дерзостью и чуть не преступленіемъ, то безъ всякаго дара прозорливости и пророчества легко можно предвидѣть и предсказывать одно старое горе съ новыми пораженіями и неудачами... Безъ помощи и поддержки народа, безъ участія и содѣйствія общества, ни одно государство не можетъ стоять, не только-что развиваться... Внутреннее состояніе Россіи, внутреннія ея дѣла—это и есть самая важная, самая существенная часть восточнаго славянскаго вопроса“.

Изъ двухъ направленій, о которыхъ выше говоритъ г. Ламанскій, не первое же, конечно, водворяетъ въ Россіи „полнѣйшую апатію и непробудный сонъ“, не первое считаетъ „дерзостью“ откровенную рѣчь, не первое чуждается „общественнаго содѣйствія“ и „народной поддержки“,—не первое, слѣдовательно, навлекаетъ на себя заслуженное негодованіе славянофильскаго публициста. Преградой на пути къ счастливому разрѣшенію славянскаго вопроса—какъ и всѣхъ другихъ, отъ которыхъ зависитъ будущее Россіи—является только одно „направленіе“, справедливо заклейменное г. Ламанскимъ,—направленіе, „вооружающееся противъ свободы и науки“.

Съ ударомъ, нанесеннымъ послѣднему направленію г. Ламанскимъ,

[1]) Она напечатана въ № 9 „Извѣстій С.-Петербургскаго славянскаго благотворительнаго общества“ за 1887 г. и составляетъ какъ бы profession de foi новаго редактора этого журнала.

совпалъ сильнѣйшій внутренній раздоръ въ средѣ его представителей. „Своя своихъ не познаша“: петербургская реакціонная печать ополчилась противъ московской, московская—противъ петербургской! Изъ всѣхъ войнъ самою жестокой не даромъ слыветъ междоусобная; старинное наблюденіе подтвердилось и въ данномъ случаѣ. Недавніе союзники вступили въ бой не на животъ, а на смерть—и, не имѣя возможности спорить изъ-за убѣжденій, или изъ-за принциповъ, они свели борьбу на чисто-личную почву. Смотря со стороны на это мало привлекательное зрѣлище, мы не могли не вспомнить о слѣдующихъ, какъ бы пророческихъ, словахъ Салтыкова, написанныхъ слишкомъ годъ тому назадъ, и особенно примѣнимыхъ къ настоящей минутѣ [1]): „Въ лагерѣ литературныхъ лаятелей замѣчается рознь. Исходя изъ однихъ и тѣхъ же основныхъ пунктовъ, члены этого лагеря стараются осыпать другъ друга сквернословіемъ, чтобы щегольнуть передъ подписчикомъ. Кромѣ основныхъ пунктовъ, существуетъ множество нестоющихъ ломанаго гроша подробностей, которыя даютъ обильную пищу для разногласій и обличеній... Торжествующая пресса нашего времени представляетъ сбродъ задачъ и задачекъ, не связанныхъ между собой руководящею мыслью и не допускающихъ никакой провѣрки. Отъ первой строки до послѣдней здѣсь все произвольно, ничѣмъ не обусловлено и исполнено противорѣчій. Только ненависть къ честнымъ и высокимъ идеаламъ жизни стоитъ неизмѣнно и незыблемо, освѣщая своимъ распространяющимъ чадъ факеломъ путь распри, умственной смуты и лжи“.—Новѣйшая „торжествующая пресса“ взяла на себя трудъ блистательно оправдать эти слова сатирика; поглощенная тяжбой о наслѣдствѣ, открывшемся въ іюлѣ истекшаго года, она вынесла на улицу всѣ свои мелкіе счеты и разсчеты. Каждый изъ спорящихъ, не щадя мрачныхъ красокъ для разрисовки врага, невольно разрисовалъ ими и самого себя. Московская газета называетъ петербургскаго своего противника шутомъ, грубо нарядившимся въ патріота, „громящимъ пороки и проповѣдующимъ нравственность, когда для него выгоднѣе было бы, можетъ быть, не касаться этого предмета“... Она упрекаетъ его въ „кощунствѣ“; она подозрѣваетъ, „не гремушки ли и свистульки всѣ эти якобы неудержимо выливающіяся благонамѣренныя его чувствованія“... Она говоритъ о „попрошайничествѣ“, съ какимъ редакторъ „Гражданина“ ходитъ „въ оффиціальныя и всякія сферы для распространенія своихъ изданій“; она знаетъ, что имъ „для изданія добыты деньги, и, очевидно, не малыя“; извѣстно ей и то, что онъ состоитъ на службѣ въ министерствѣ народнаго просвѣщенія и аккуратно

[1]) „Мелочи жизни“, ч. 1-ая, „Читатель-ненавистникъ“.

получаетъ свои 1.500 рублей жалованья"... Въ отвѣтъ на это изъ Петербурга летятъ другія ядовитыя стрѣлы. „Московскія Вѣдомости", подъ новой редакціей, обзываются „Лже-Московскими Вѣдомостями", „Московскимъ Новымъ Временемъ"; новому ихъ редактору, съ понятною цѣлью, противопоставляются люди, которые „никогда не мѣняли своихъ убѣжденій и своихъ вѣрованій, не продавали ихъ никому ни оптомъ, ни въ розницу, и носятъ честное имя свое настолько высоко, что не имѣютъ нужды ни прятаться за листами газетъ, за чужими спинами, ни прибѣгать къ клеветѣ и интригѣ, чтобы бороться съ своими противниками или соперниками"...

Безпристрастіе, обязательное для насъ даже по отношенію къ такой полемикѣ, заставляетъ насъ замѣтить, что перевѣсъ остроумія и колкости несомнѣнно остается на сторонѣ московской газеты. Еслибы ея обвинительный актъ противъ редактора „Гражданина" появился полгода тому назадъ, никто не затруднился бы приписать его перу самого Каткова. Въ нашихъ устахъ, это, конечно, похвала еще не особенно большая; нашимъ читателямъ извѣстно, что мы не раздѣляемъ мнѣнія о необыкновенномъ литературномъ дарованіи бывшаго редактора „Московскихъ Вѣдомостей". Не говоритъ въ пользу этого мнѣнія уже самая легкость, съ которою оружіе, выпавшее изъ рукъ покойнаго, поднято его преемниками; мечъ Ахиллеса—еслибы со сцены сошелъ дѣйствительно Ахиллесъ—пришелся бы иначе не подъ силу его „мирмидонамъ". Какъ бы то ни было, хлесткость и бойкость рѣчи, находчивость сравненій, язвительность насмѣшки—однимъ словомъ, все, плѣнявшее снисходительныхъ читателей въ прежнихъ передовыхъ статьяхъ московской газеты при Катковѣ, оказывается на лицо и теперь, въ выходкахъ противъ „Гражданина"—и послѣдній совершенно напрасно прикрывается маской равнодушія и презрѣнія; ему не справиться и съ такимъ противникомъ, какъ г. Петровскій!

Объясненіемъ побѣды—легкой, и уже поэтому одному далеко не славной побѣды, одержанной реакціонною Москвой надъ реакціоннымъ Петербургомъ, служитъ, впрочемъ, не одна только разница въ талантѣ. Въ доспѣхахъ „Московскихъ Вѣдомостей", какъ бы плохо они ни были скованы, тупое копье „Гражданина" не нашло ни одного уязвимаго для него пункта; ему пришлось даже нарушить законы литературнаго турнира и направить свои удары противъ личныхъ свойствъ г. Петровскаго. Московскій рыцарь не воздержался, какъ мы уже видѣли, отъ такого же не-рыцарскаго способа дѣйствій, но онъ отыскалъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, le défaut de la cuirasse въ самомъ содержаніи ненавистной ему газеты. „Есть основный мотивъ,—читаемъ мы все въ той же воинственной статьѣ „Московскихъ Вѣдомостей",—проходящій чрезъ всю музыку „Гражданина". Мотивъ этотъ—покло-

неніе невѣжеству, прославленіе невѣжества, культъ невѣжества,—то, что принято называть обскурантизмомъ или мракобѣсіемъ"... Это опредѣленіе совершенно вѣрно, хотя и далеко не полно. Освѣтивъ его нѣсколькими забавными иллюстраціями [1]), „Московскія Вѣдомости" скоро и сами сбились съ дороги; онѣ стали доказывать невѣжество „Гражданина" исключительно отношеніемъ этой газеты къ гимназіямъ, къ гимназическому образованію. Здѣсь есть, повидимому, крупное недоразумѣніе. „Гражданинъ", если мы не ошибаемся, никогда не высказывался противъ классицизма, и „Московскимъ Вѣдомостямъ" не предстояло надобности спѣшить на защиту своего излюбленнаго дѣтища. Въ гимназіяхъ антипатична князю Мещерскому вовсе не программа, ненавистно вовсе не преобладаніе древнихъ языковъ; ему ненавистна ихъ (бывшая) всесословность, онъ желалъ бы сократить ихъ число и затруднить къ нимъ доступъ для обыкновенныхъ смертныхъ. Въ этомъ отношеніи, какъ и почти во всемъ другомъ, онъ нимало не расходится съ „Московскими Вѣдомостями", или, по крайней мѣрѣ, разномысліе между ними отнюдь не можетъ быть признано существенно-важнымъ. Комизмъ—и въ то же самое время серьезный смыслъ—усобицы, снѣдающей реакціонную прессу, заключается, для посторонняго зрителя, именно въ томъ, что уничтожаютъ другъ друга носители одного и того же знамени. Затемнить значеніе этого факта не удастся никому изъ спорящихъ, хотя одинъ изъ нихъ—болѣе проницательный или болѣе ловкій,—и желалъ бы, очевидно, отвести глаза читающей публикѣ. „Московскія Вѣдомости" кипятъ негодованіемъ противъ другой петербургской газеты („Новостей"), осмѣлившейся заявить, что кн. Мещерскій принадлежалъ къ одной партіи съ Катковымъ и еще недавно подвизался въ одномъ лагерѣ съ г. Петровскимъ. Къ счастію для истины, негодованіе—не доказательство. „Московскія Вѣдомости" и „Гражданинъ" не только имѣли въ недавнемъ прошломъ, но продолжаютъ имѣть и до сихъ поръ безчисленное множество точекъ соприкосновенія. Возьмемъ любой вопросъ изъ современной жизни — и въ девяносто-девяти случаяхъ изъ ста мы увидимъ трогательное единодушіе между газетами, внезапно возставшими другъ на друга. Возвращается ли, положимъ, изъ отпуска министръ внутреннихъ дѣлъ—въ Москвѣ и въ Петербургѣ возсылаются, по этому поводу, одинаково пламенныя мольбы о скорѣйшемъ разрѣшеніи великой задачи, о скорѣйшемъ приведеніи къ концу реформы мѣстнаго управленія. Сходство доходитъ здѣсь даже до ме-

[1]) Приведемъ, для примѣра, одну изъ нихъ, вызванную многочисленными—и всегда малограмотными—письмами въ редакцію „Гражданина": „призывъ къ невѣжеству не оставался безъ отклика; въ разныхъ мѣстахъ мелкіе Эолы невѣжества открыли свои клапаны".

лочей. „Гражданинъ“, устами одного изъ своихъ „мелкихъ Эоловъ“, сожалѣетъ о томъ, что законъ о наймѣ рабочихъ былъ приведенъ въ дѣйствіе раньше учрежденія земскихъ начальниковъ; „Московскія Вѣдомости“, устами „Деревенскаго жителя“, совѣтуютъ отложить именно до этой вожделѣнной минуты изданіе новыхъ правилъ о потравахъ. „Гражданинъ“ и „Московскія Вѣдомости“ служатъ двумя столпами, на которыхъ покоится нашъ доморощенный протекціонизмъ, двумя вулканами, долженствующими испепелить новыя судебныя учрежденія. Кн. Мещерскій и Катковъ шли рука объ руку въ компаніи противъ прежняго университетскаго устава, противъ прежней финансовой политики; они вмѣстѣ подкапывались подъ Н. Х. Бунге, вмѣстѣ восхваляли И. А. Вышнеградскаго, вмѣстѣ сочиняли и распространяли басню о „независимости“ нашей печати, чтобы тѣмъ вѣрнѣе удерживать ее въ зависимости, тѣмъ громче кричать однимъ среди всеобщей тишины [1]). Поражая одинъ другого, они поражаютъ, слѣдовательно, самихъ себя; они сами совлекаютъ съ себя свои маски и парадныя одежды, сами показываютъ себя въ своемъ настоящемъ видѣ. „Смотрите, вотъ кто учитъ васъ нравственности, вотъ какую цѣну имѣютъ всѣ эти якобы благонамѣренныя чувствованія“,—говоритъ читателямъ одна газета, кивая на другую; эта послѣдняя отвѣчаетъ въ томъ же тонѣ,—и въ результатѣ получается паденіе всѣхъ кулисъ и декорацій, среди которыхъ давали свои представленія обѣ столичныя реакціонныя труппы. Послѣдуетъ ли за этимъ паденіе и самыхъ сценъ? Безъ сомнѣнія—нѣтъ; но къ рѣчамъ, раздающимся оттуда, слушатели все-таки будутъ относиться съ мѣньшимъ довѣріемъ, чѣмъ прежде.

Въ промежутки между взаимными разоблаченіями, органы реакціонной прессы особенно охотно занимаются ликованіемъ по поводу „отрезвленія“, замѣчаемаго ими въ обществѣ. „Отрезвленіе“—это, конечно, не что иное, какъ обращеніе на путь истины, вѣщателями которой служатъ реакціонныя газеты. Позволительно, однако, спросить, которая же изъ нихъ—настоящая обладательница истины?

[1]) Еслибы оставалось еще какое-либо сомнѣніе въ существованіи тѣсной связи между „Гражданиномъ“ и „партіей“ Каткова, то для устраненія его достаточно прочесть слѣдующій отзывъ новой редакціи „Русскаго Вѣстника“, обѣщающей хранить вѣрность прежнему направленію этого журнала: „Обращеніе „Гражданина“ въ ежедневную политическую газету можетъ быть отнесено къ явленіямъ, знаменующимъ рѣшительный поворотъ въ обществѣ и журналистикѣ въ слѣдованіи извѣстнымъ началамъ. Издатель („Гражданина“) горячо взялся за выполненіе своей задачи. Его ясное, твердо обозначившееся направленіе служитъ, разумѣется, выраженіемъ не единоличныхъ взглядовъ издателя. Направленіе это нельзя считать ни случайнымъ, ни лишеннымъ сочувствія общества“... Могъ ли бы „Русскій Вѣстникъ“ такъ отзываться о „Гражданинѣ“, еслибы не видѣлъ въ немъ одного поля ягоду съ „Московскими Вѣдомостями“?

Та ли, которая проповѣдуетъ „культъ невѣжества“, или та, уста которой прямо провозглашаются „сомнительными“? Какъ различить „отрезвляющій“ напитокъ отъ отравленнаго, когда и тотъ, и другой продаются подъ однимъ и тѣмъ же флагомъ? Еслибы поворотъ, сигнализируемый реакціонными звонарями, и начинался на самомъ дѣлѣ, его остановили бы вакханаліи „трезвеннаго слова“. Покупатель, готовившійся войти въ одну изъ лавокъ, бѣжитъ отъ нихъ какъ можно дальше, если взаимная перебранка торгашей открыла ему глаза насчетъ достоинства предлагаемыхъ ими товаровъ. Да и помимо газетныхъ рекриминацій, гдѣ основанія къ переходу съ одного пути на другой, прямо противоположный? Гдѣ обѣщанное успокоеніе, гдѣ единеніе умовъ, гдѣ мирныя завоеванія? Развѣ тѣ явленія, причиною которыхъ прежде считался недостатокъ строгости, прекратились теперь вмѣстѣ съ устраненіемъ этого недостатка и введеніемъ строгости? Не дошли ли они, наоборотъ, до небывалыхъ прежде размѣровъ? Развѣ „кризисъ“ уступилъ гдѣ-либомѣсто процвѣтанію, тревога—благодатной тишинѣ? На всѣ эти вопросы отвѣчаетъ жизнь—и отвѣчаетъ не такъ, какъ подсказываютъ ей знакомые намъ суфлеры изъ газетныхъ будокъ. Сколько бы ни раздавалось оттуда побѣдныхъ кликовъ, они никого не увлекутъ и не обманутъ; умудренное послѣдними полемическими перлами, общество напомнитъ непризваннымъ своимъ учителямъ извѣстное изреченіе о сучкѣ въ чужомъ глазу и бревнѣ въ собственномъ. Пускай они исцѣлятся сами — и потомъ уже займутся исцѣленіемъ своихъ ближнихъ.

Земскую медицину, оказавшую столько неоцѣненныхъ услугъ, радикально измѣнившую прежнее отношеніе къ народному здоровью, послужившую образцомъ для правительственныхъ мѣропріятій, постигла недавно неожиданная бѣда; она взята подъ сомнѣніе, подвергнута спеціальному надзору. „До свѣдѣнія моего дошло,—читаемъ мы въ циркулярѣ черниговскаго губернатора,—что многіе изъ земскихъ врачей, вслѣдствіе отсутствія фактическаго за ними контроля со стороны земскихъ управъ, позволяютъ себѣ крайне небрежно относиться къ поданію помощи населенію, въ особенности при эпидеміяхъ, предоставляя леченье больныхъ эпидемическихъ исключительно однимъ фельдшерамъ“. Предписавъ всѣмъ земскимъ врачамъ строго относиться къ выполненію своихъ обязанностей, губернаторъ предупреждаетъ ихъ, что въ противномъ случаѣ онъ будетъ вынужденъ, при небрежности виновныхъ, удалять ихъ отъ службы, на основаніи ст. 20 Положенія объ охранѣ, причемъ не объяснено, кѣмъ же они будутъ замѣнены; а если окажется, что ихъ замѣнить некѣмъ, — то какое

произойдетъ улучшеніе отъ ихъ удаленія? И еще вопросъ: почему не удалять, на основаніи того же закона объ охранѣ и помимо св. Синода, также и священниковъ, которые не исполняютъ всѣхъ требъ или пропускаютъ въ училищахъ уроки изъ закона Божія? „Въ виду апатичности въ дѣлѣ о народномъ здравіи земскихъ установленій,— таковы заключительныя слова циркуляра,—предписываю гг. уѣзднымъ врачамъ и исправникамъ наблюдать за дѣятельностью земскихъ врачей и о всякомъ упущеніи или небрежности съ ихъ стороны доводить немедленно до свѣдѣнія моего". Распоряженіе по истинѣ новое. Мы не оспариваемъ, конечно, обязанность земскихъ врачей лично выѣзжать въ мѣста появленія эпидемическихъ болѣзней; мы не отрицаемъ и права губернатора настаивать на энергичной борьбѣ противъ эпидемій. Насъ поражаютъ другія стороны дѣла. Откуда заимствованы свѣденія, подавшія поводъ къ циркуляру? Повѣрены ли они сношеніемъ съ земскими управами, объясненіями самихъ земскихъ врачей и безпристрастнымъ изслѣдованіемъ на мѣстѣ? Всякому, сколько-нибудь знакомому съ провинціальною жизнью, очень хорошо извѣстно, какимъ образомъ возникаютъ, сплошь и рядомъ, нареканія на земскихъ врачей. Районы ихъ дѣятельности, бо́льшею частью, очень обширны; лично поспѣвать повсюду они не имѣютъ физической возможности, тѣмъ болѣе, что у нихъ на рукахъ часто имѣется больничка или пріемный покой. Только-что проѣхавъ верстъ пятьдесятъ или болѣе въ одну сторону, они должны скакать такъ же далеко въ другую (и по какимъ, иногда, дорогамъ!); во время ихъ отсутствія поступаютъ новыя требованія — и по необходимости остаются неисполненными. Между тѣмъ, требующіе часто не хотятъ принимать никакихъ оправданій, и по уѣзду начинаетъ ходить молва о невнимательности, недобросовѣстности земскаго врача. Какъ и всегда, fama crescit eundo, особенно если въ распространеніи ея участвуютъ личные недоброжелатели обвиняемаго—или враги земскихъ учрежденій. Такъ ли происходило дѣло въ черниговской губерніи—мы, конечно, не знаемъ; но оно несомнѣнно *могло* такъ произойти—и вотъ почему мы придаемъ большое значеніе вопросу о *повторѣ* свѣденій, неблагопріятныхъ для земскихъ врачей. Въ циркулярѣ говорится, дальше, о *многихъ* врачахъ, оказавшихся небрежными; сколько же ихъ, какой они составляютъ процентъ по отношенію ко всему числу земскихъ врачей въ черниговской губерніи? Какъ велика цифра уѣздныхъ управъ, навлекшихъ на себя обвиненіе въ „отсутствіи фактическаго контроля" надъ врачами? На чемъ основанъ *общій* выводъ объ „апатичности земскихъ учрежденій", бросающій тѣнь на всѣ черниговскія уѣздныя земства? Раскрывая „Земскій Ежегодникъ" за 1884-ый годъ, мы находимъ, что изъ 34 земскихъ губерній только *пять* превосходятъ

черниговскую по относительной величинѣ расхода на народное здоровье [1]) — а гдѣ больше тратится (добровольно) на извѣстное дѣло, тамъ, вообще говоря, оно и ведется съ бо́льшей энергіей. Въ циркулярѣ губернатора названы три уѣзда, въ которыхъ смертность отъ эпидемій достигла особенно высокихъ размѣровъ: черниговскій, нѣжинскій и сосницкій. Изъ этихъ трехъ уѣздовъ только первый тратитъ на медицину 22,7% своего бюджета, т.-е. немного меньше средней цифры, приходящейся на всю губернію; въ двухъ же другихъ этотъ расходъ — 31,3 и 27,7% — значительно превышаетъ среднюю цифру. Допустимъ, наконецъ, что нѣкоторые, даже многіе черниговскіе земскіе врачи исполняютъ свои обязанности не такъ, какъ бы слѣдовало; неужели это оправдываетъ поголовную отдачу всѣхъ земскихъ врачей подъ надзоръ исправниковъ, фактически равносильный надзору становыхъ, урядниковъ и волостныхъ старшинъ, отъ которыхъ исправникъ будетъ получать матеріалъ для своихъ донесеній? Неужели нельзя было бы подѣйствовать на врачей — черезъ управы, а на управы — черезъ земскія собранія? Приличествуетъ ли уѣзднымъ врачамъ роль наблюдателя надъ коллегами—земскими врачами? Да и откуда уѣздный врачъ, бо́льшею частью живущій въ уѣздномъ городѣ, будетъ почерпать данныя о разъѣздахъ участковыхъ земскихъ врачей? Положеніе земскаго врача безъ того уже принадлежитъ къ числу самыхъ отвѣтственныхъ и тяжелыхъ; тройной надзоръ, съ перспективой внезапнаго удаленія отъ должности, притомъ не на основаніи общихъ узаконеній, а слѣдовательно безъ правильнаго слѣдствія и суда, можетъ сдѣлать его совершенно невыносимымъ... Потому не ме́ньшаго вниманія заслуживаетъ и другой, юридическій вопросъ, возбуждаемый циркуляромъ. Черниговскій губернаторъ считаетъ себя въ правѣ увольнять земскихъ врачей на основаніи ст. 20 положенія объ охранѣ; но эта статья говоритъ только о лицахъ, признанныхъ *неблагонадежными*. Небрежность и неблагонадежность — далеко не одно и то же; самый характеръ положенія объ охранѣ ясно указываетъ на то, что оно примѣнимо только къ лицамъ *политически* неблагонадежнымъ, угрожающимъ „государственному порядку и общественному спокойствію". Примѣненіе ст. 20 къ лицу, ни въ чемъ, съ политической точки зрѣнія, не только не заподозрѣнному, но даже извѣстному своею благонадежностью,—было бы такимъ же нарушеніемъ закона объ охранѣ, какъ и изданіе, въ силу статьи 15-ой того же закона, городскихъ полицейскихъ обязательныхъ постановленій, не относящихся въ дѣйствительности къ

[1]) Въ черниговской губерніи этотъ расходъ составляетъ въ среднемъ 24,2% всѣхъ земскихъ бюджетовъ, вмѣстѣ взятыхъ; въ другихъ земскихъ губерніяхъ онъ колеблется между 28,7 и 16,5%, а средняя его величина—21.1%.

„предупрежденію нарушенія общественнаго порядка и государственной безопасности". Такія постановленія, правда, иногда издаются—но это еще не значитъ, чтобы для ихъ изданія существовало законное основаніе. Законность, въ нашемъ обществѣ, вообще обрѣтается не въ авантажѣ. Высшимъ ея идеаламъ, конечно, не соотвѣтствуетъ уже самое понятіе о „чрезвычайномъ" законѣ, но появленіе его вынуждается иногда чрезвычайными обстоятельствами; что же сказать о нарушеніи или обходѣ даже и чрезвычайнаго закона? Если и онъ подвергается дальнѣйшему растяженію, если и ему дается распространительное толкованіе, не оправдываемое ни его буквой, ни его мотивами, то гдѣ же конецъ этому пути, гдѣ же граница „усмотрѣнію"? Какія могутъ имѣть послѣдствія для мирнаго теченія жизни и успѣховъ гражданственности распоряженія властей, притомъ подчиненныхъ, опирающіяся на текстъ тѣхъ или другихъ временныхъ правилъ, но въ сущности прямо идущія въ разрѣзъ съ ихъ внутреннимъ смысломъ? Земская медицина и положеніе объ охранѣ—законъ политическій — какъ это связать одно съ другимъ? Не ясно ли, что между врачемъ, хотя бы и надежнымъ, и лицомъ „неблагонадежнымъ"—нѣтъ и неможетъ быть ничего общаго?

Въ одной изъ послѣднихъ нашихъ хроникъ мы упомянули о прекрасномъ дѣлѣ, основаніе которому недавно положено въ Москвѣ; мы указали главныя задачи, преслѣдуемыя вновь открытымъ обществомъ попеченія о неимущихъ и нуждающихся въ защитѣ дѣтяхъ. Можно ли было предвидѣть, что и на его долю выпадутъ, въ самомъ началѣ его дѣятельности, тенденціозныя заподозриванія и обвиненія? Отличилась, конечно, все та же реакціонная пресса, не знающая мѣры и предѣла въ своемъ рвеніи о „власти". „Московскія Вѣдомости", нисколько не уступая въ этомъ случаѣ врагу своему „Гражданину", сочинили цѣлую юмористическую сцену, чтобы осмѣять мысль о вмѣшательствѣ въ отношенія между родителями и дѣтьми—а нѣсколько дней спустя въ печати, какъ нарочно, появились свѣденія о возмутительнѣйшемъ процессѣ, только-что окончившемся въ одномъ изъ судовъ полтавской губерніи. Обвинялась мачиха, страшно жестоко обращавшаяся съ дочерью своего мужа; обвинялся и отецъ, допускавшій это обращеніе. Неужели и въ виду такихъ фактовъ будутъ продолжаться насмѣшки надъ обществомъ, ставящимъ себѣ цѣлью охрану дѣтей? Конечно, противъ самихъ родителей охранять дѣтей придется весьма рѣдко; но если необходимость охраны существуетъ даже по отношенію къ родителямъ, то можно ли сомнѣваться въ ея значеніи для дѣтей, находящихся на попеченіи род-

ственниковъ и постороннихъ? Возлагать защиту дѣтей на всѣхъ и каждаго, значитъ не возлагать ее, въ сущности, ни на кого; отдѣльныя лица — особенно у насъ, при слабомъ развитіи инціативы и гражданскаго мужества—никакъ не могутъ замѣнить правильно-организованнаго учрежденія. Не въ состояніи замѣнить его, также, ни полиція, ни прокурорскій надзоръ; безусловно нужна сила, которою приводились бы въ движеніе органы правительственной власти. Такою силой и могутъ быть преимущественно общества въ родѣ того, которое открыто въ Москвѣ подъ предсѣдательствомъ г. Обнинскаго. Само собою разумѣется, что членамъ подобныхъ обществъ незачѣмъ предоставлять право врываться въ семейную обстановку, производить нѣчто въ родѣ слѣдствія надъ родителями, становиться судьями между ними и ихъ дѣтьми: свѣденія, достаточныя для обращенія къ администраціи или суду, могутъ быть добыты и безъ помощи столь крайнихъ средствъ и будутъ притомъ провѣрены. Другое дѣло—дѣти, находящіяся въ чужихъ рукахъ; по отношенію къ нимъ полномочія членовъ общества должны быть гораздо болѣе обширны, въ особенности тамъ, гдѣ рѣчь идетъ объ эксплуатаціи дѣтскаго труда. Право входа въ мастерскія и на фабрики должно принадлежать членамъ общества безусловно; то же самое слѣдуетъ сказать и о квартирахъ, гдѣ живутъ, съ чужими дѣтьми, акробаты, шарманщики, профессіональные нищіе,—объ избахъ, гдѣ воспитываются питомцы воспитательнаго дома. Безправіе дѣтей—худшее, можетъ быть, изъ всѣхъ безправій; все могущее смягчить его заслуживаетъ сочувствія общества и поощренія правительственной власти.

Въ хронику отголосковъ, вызванныхъ циркуляромъ 18-го іюня прошлого года, слѣдуетъ занести отвѣтъ министра народнаго просвѣщенія на упомянутое нами, въ свое время, ходатайство бердянской городской думы. Циркулярное распоряженіе 18-го іюня, по словамъ министра, „не имѣло въ виду ограничивать пріемъ дѣтей въ гимназіи и прогимназіи принадлежностью къ какому-либо сословію; въ видахъ улучшенія состава учениковъ, оно полагало допускать въ сіи заведенія лишь тѣхъ дѣтей, которыя, по условіямъ своего домашняго быта и обстановки, могутъ встрѣтить не поддержку, а всякія препятствія къ успѣшному прохожденію продолжительнаго гимназическаго образованія, вслѣдствіе отсутствія надзора въ семьѣ, бѣдности родителей, рода занятій и т. п. А потому распоряженіе министерства не заграждаетъ доступа въ гимназіи дѣтямъ изъ лучшихъ крестьянскихъ или мѣщанскихъ семействъ, если въ послѣднихъ будетъ за дѣтьми надзоръ, и условія матеріальнаго и семейнаго быта

не будутъ мѣшать успѣшному прохожденію гимназическаго курса и пріобрѣтенію дѣтьми добрыхъ нравственныхъ навыковъ". Съ перваго взгляда можетъ показаться, что въ этомъ отвѣтѣ нѣсколько смягчена строгость первоначальнаго распоряженія. Циркуляръ находилъ, что „дѣти кучеровъ, лакеевъ, поваровъ, прачекъ, мелкихъ лавочниковъ и тому подобныхъ людей"—*вовсе* не должны быть выводимы изъ среды, къ которой они принадлежатъ, т.-е. вовсе не должны быть принимаемы въ гимназіи и прогимназіи; исключеніе допускалось *только* для дѣтей, одаренныхъ необыкновенными способностями. Теперь къ этому исключенію прибавляется, повидимому, еще другое; открывается возможность отнести семью мелкаго лавочника—или иного изъ среды „тому подобныхъ людей"—къ числу *лучшихъ* крестьянскихъ или мѣщанскихъ семействъ, и такимъ образомъ доставить члену этой семьи доступъ въ гимназію. Но понятіе о *лучшемъ* семействѣ весьма растяжимо, какъ безграниченъ и произволъ въ подведеніи или неподведеніи подъ него каждаго даннаго случая. Не менѣе затруднительны и неопредѣленны условія, которымъ должно удовлетворять *лучшее* семейство. Что̀ такое „матеріальный бытъ", не мѣшающій прохожденію гимназическаго курса? Предполагается ли здѣсь нѣкоторый достатокъ—или только отсутствіе положительной нищеты? Допускается ли пополненіе собственныхъ средствъ семьи изъ источниковъ общественной или частной благотворительности (вопреки извѣстному циркуляру попечителя одесскаго учебнаго округа)? Какъ опредѣлить заранѣе, *будетъ* ли за дѣтьми достаточный надзоръ? Не бываетъ ли случаевъ отсутствія такого надзора за дѣтьми весьма достаточныхъ родителей? Какъ привести въ извѣстность *условія семейнаго быта*, позволяющія разсчитывать на безпрепятственное прохожденіе курса и пріобрѣтеніе добрыхъ навыковъ?.. Не придется ли на практикѣ свести различіе между циркуляромъ 18-го іюня и отвѣтомъ бердянской думѣ къ величинѣ довольно малой?

Закончимъ нашу хронику небольшимъ курьезомъ. Въ Болгаріи издавалась (на средства, получаемыя, какъ то̀ было объявлено, бо́льшею частью изъ Москвы) и прекратилась газета: „19-й февруарий"—та самая, которой, вѣроятно, изъ той же Москвы, откуда шли деньги, былъ сообщенъ недавно и „слухъ" о полученіи, будто бы, нѣкоторыми русскими писателями и публицистами, позволившими себѣ относиться къ болгарскимъ дѣламъ съ точки зрѣнія, не исключавшей ни здраваго смысла, ни логики, ни справедливости,—болгарскихъ орденовъ. Чтобы составить себѣ понятіе о томъ, что̀ это за газета, и основательно ли поступили органы нашей прессы, поспѣшившіе заимствовать

изъ нея „сенсаціонное“ извѣстіе, достаточно прочесть слѣдующіе отрывки изъ напечатанной въ ней пѣсни, сочиненной нѣкіимъ Болдыжевымъ (неужели болгариномъ?). Мы заимствуемъ ихъ—къ нашему, впрочемъ, удивленію — изъ оффиціальной газеты, изъ „Варшавскаго Дневника“ (№ 268), который отъ себя сообщаетъ, что эта пѣсня сочинена въ Одессѣ и „распѣвается въ гарнизонахъ“ (!?):

„А братушки въ заключенье
Сотворили возмущенье
Въ благодарность намъ;
Нѣтъ порядка, нѣтъ правленья,
Идетъ только возмущенье
По всей ихъ странѣ“...

Напомнивъ болгарамъ, и правымъ, и неправымъ, объ усмиреніи Польши, плѣнѣ Шамиля и расправахъ надъ азіатцами, пѣсня продолжаетъ:

„Точно такъ братушекъ тоже
Проберемъ сколь можно строже,
И всѣхъ усмиримъ.
Они вспомнятъ все былое,
Свое прошлое—и злое,
Перестанутъ врать“...

Хороша должна быть болгарская газета, пріютившая на своихъ страницахъ пѣсню, которая можетъ оттолкнуть отъ насъ даже и нашихъ болгарскихъ друзей; а на чемъ основано увѣреніе варшавской газеты, будто такая пѣсня поется „въ гарнизонахъ“—не знаемъ.

ИЗВѢЩЕНІЯ.

Отъ Редакціи. — Начиная съ ноября мѣсяца 1885 г. и по августъ мѣсяцъ 1887 г., въ редакціи было получено на образованіе неприкосновеннаго капитала школы К. Д. Кавелина, въ селѣ Ивановѣ, тульской губерніи, бѣлевскаго уѣзда, и на поддержаніе этой школы, а также для сооруженія на здѣшнемъ Волковомъ кладбищѣ памятника надъ могилою покойнаго:

1) Отъ 105 лицъ *)	4120 р.	64 к.
2) Въ декабрѣ 1887 г. отъ NN поступило . .	120 „	50 „
3) % текущаго счета за 1886 и 1887 гг. . .	229 „	36 „
Итого	4.470 р.	50 к.
Израсходовано на памятникъ, въ маѣ 1887 г. .	900 „	00 „
Остается на-лицо къ 1-му января 1888 г. . .	3.570 р.	50 к.

Въ виду такой наличности суммы, оставшейся за покрытіемъ всѣхъ расходовъ по сооруженію надгробнаго памятника, и желая оказать содѣйствіе къ осуществленію и другой, полезной для мѣстныхъ обывателей, цѣли тѣхъ лицъ, которыя пожелали образовать неприкосновенный капиталъ для поддержанія школы Кавелина, — бѣлевская уѣздная земская управа почтила редакцію слѣдующимъ отношеніемъ, отъ 5-го ноября 1887 г., № 2.200:

„Бѣлевъ, Тульской губерніи.—22-го сентября сего 1887 года въ „Бѣлевскомъ уѣздномъ Земскомъ Собраніи слушали заявленіе опекуна „малолѣтныхъ наслѣдниковъ Константина Дмитріевича Кавелина, „Павла Александровича Брюллова, о желаніи его передать въ вѣденіе „земства Ивановскую сельскую школу. Собраніе *постановило:* на „условія, предложенныя въ своемъ заявленіи Собранію, опекуномъ „малолѣтныхъ наслѣдниковъ К. Д. Кавелина, г. Брюлловымъ, каса„тельно передачи Ивановской сельской школы въ вѣденіе Земства, „изъявить согласіе. Относительно же помѣщенія школы воспользо„ваться предложеніемъ г. Брюллова и оставить ее въ прежнемъ по„мѣщеніи. Просить редакцію „Вѣстника Европы“ выразить благодар„ность Бѣлевскаго Земства всѣмъ жертвователямъ на школу имени „Кавелина; назначить школѣ ежегодное пособіе отъ Земства въ раз„мѣрѣ 75 рублей, каковой расходъ внести въ смѣту; выразить г. Брюл„лову благодарность Собранія за предложенное имъ безвозмездное „удобное для школы помѣщеніе, и просить г. Брюллова квитанцію „въ храненіи бумагъ переслать въ Земскую Управу“.

*) Поименованы въ отдѣлѣ извѣщеній „Вѣстн. Европы“: 1885, ноябрь; 1886, во всѣхъ 12 книгахъ; 1887, янв., февр., мартъ, апр., май, іюнь и августъ.

Въ доставленной земскою управою, отъ 22 ноября, копіи съ упомянутаго заявленія П. А. Брюллова, отца и опекуна надъ малолѣтными наслѣдниками К. Д. Кавелина, его внуками, Вадимомъ и Александромъ, предложено слѣдующее:

„Друзья и почитатели покойнаго тестя моего Константина Дмитріевича Кавелина собрали въ память его при редакціи „Вѣстника Европы" капиталъ на поддержаніе сельской школы, устроенной покойнымъ въ усадьбѣ его имѣнія при сельцѣ Ивановѣ и поддерживаемой послѣ его смерти, послѣдовавшей 3-го мая 1885 года, на личныя мои средства.

„Сумма капитала достигла по 1-е іюля 1887 года 3.338 руб. 98 коп. Исполняя желаніе жертвователей, я имѣю честь обратиться къ Бѣлевскому Земскому Собранію съ предложеніемъ принять означенную Ивановскую сельскую школу въ вѣденіе Земства на слѣдующихъ условіяхъ:

„1) Имѣющая быть открытою на упомянутый капиталъ школа должна носить имя Константина Дмитріевича Кавелина.

„2) На личный капиталъ въ 3.338 руб. 98 коп. и могущій еще получиться отъ продолженія подписки, обращенной въ государственныя процентныя бумаги, хранимыя въ Государственномъ Банкѣ или другомъ государственномъ учрежденіи, имѣетъ быть раздѣленнымъ на двѣ части. Одна, не превышающая 500 руб., предназначается для постройки зданія и вообще для первоначальнаго устройства школы, и имѣетъ быть выданною Бѣлевскому Земству, когда оно сочтетъ своевременнымъ приступить къ постройкѣ школы; остальная же часть капитала остается неприкосновенною, и проценты съ нея поступаютъ въ Бѣлевское Земство, вмѣстѣ съ крестьянскими взносами по 20 коп. съ души отъ крестьянскихъ обществъ, для которыхъ школа предназначается, а именно: отъ Ивановскаго, Зеновскаго и Кудринскаго, для поддержанія школы и производства всѣхъ по ней расходовъ, при чемъ недостающія суммы Земство принимаетъ на свой счетъ.

„3) Учитель въ школѣ получаетъ при готовомъ помѣщеніи жалованья не менѣе 180 руб. въ годъ.

„4) Учитель назначается съ согласія владѣльцевъ имѣнія при сельцѣ Ивановѣ, пока оно будетъ находиться во владѣніи наслѣдниковъ К. Д. Кавелина.

„По желанію жертвователей и по центральности положенія усадьбы наслѣдниковъ Кавелина между деревнями, для которыхъ школа предназначается, ей всего удобнѣе быть построенною на землѣ моихъ дѣтей, но необходимое для этого отчужденіе земли подъ школу, за малолѣтіемъ дѣтей моихъ, не можетъ быть сдѣлано въ настоящее время.

„Если Бѣлевское Земское Собраніе сочтетъ возможнымъ принять Кавелинскую школу на вышеизложенныхъ условіяхъ въ свое вѣденіе, то я могу предложить для школы временное пользованіе уже существующаго въ усадьбѣ моихъ дѣтей для нея помѣщенія со всѣмъ устройствомъ, съ тѣмъ чтобы Земство взяло на себя всѣ расходы по отопленію, освѣщенію и ремонту этого помѣщенія.

„Такое временное пользованіе готовымъ помѣщеніемъ сократитъ

временно и расходы Земства на школу, потому что проценты съ 500 рубл., предназначаемыхъ на постройку школы, будутъ поступать на усиленіе ея средствъ, и кромѣ того не придется нанимать для нея отдѣльнаго сторожа.

„О рѣшеніи Земскаго Собранія имѣю честь просить меня увѣдомить, съ тѣмъ чтобы я могъ извѣстить жертвователей объ этомъ рѣшеніи путемъ напечатанія въ ближайшей книжкѣ „Вѣстника Европы“.“

Редакція „Вѣстника Европы“, доводя о всемъ вышеизложенномъ до свѣденія гг. жертвователей, имѣетъ честь присовокупить, что, согласно постановленію бѣлевскаго земскаго Собранія, отъ 22-го сентября 1887 г., принявшаго на себя дальнѣйшія заботы о сельской школѣ Кавелина въ с. Ивановѣ,—остаточная сумма 3.570 р. 50 к. обращена въ государственныя процентныя бумаги, согласно принятымъ земскимъ Собраніемъ условіямъ опекуна малолѣтныхъ внуковъ К. Д. Кавелина, а именно:

1) Куплено въ неприкосновенный капиталъ школы Кавелина *6* пятипроцентныхъ 5-го займа билетовъ Государственной Коммиссіи погашенія долговъ (по 500 руб. каждый), съ купонами на срокъ 1-го апрѣля 1888 г. (№№ 292.579; 297.704; 297.622; 308.379; 352.124 и 708.863) на сумму 3.080 р. 05 к.
2) Куплено, въ ожиданіи расходовъ на постройку новаго зданія школы, *5* патипроцентныхъ билетовъ 3-го Восточнаго займа (по 100 руб. каждый), съ купонами на срокъ 1-го мая 1888 г. (№№ 48.923; 96.238—96.241) . . . . . 490 р. 45 к.

Всего 3.570 р. 50 к.

Подраздѣливъ такимъ образомъ, согласно п. 2 условій г. Брюллова, принятыхъ бѣлевскимъ земскимъ Собраніемъ, на двѣ части, редакція „Вѣстника Европы“ положила всѣ вышеупомянутыя процентныя бумаги на храненіе въ Государственный Банкъ, а двѣ квитанціи въ ихъ храненіи (№№ 488.872 и 488.873, отъ 19 декабря 1887 г.), вмѣстѣ съ оправдательными документами расхода на памятникъ и покупку бумагъ, доставила почтою въ бѣлевскую земскую управу, 21-го декабря 1887 года.

Издатель и редакторъ: М. Стасюлевичъ.

НА РОДИНѢ

ВОСПОМИНАНІЯ И ОЧЕРКИ.

IX *).

Я собрался совсѣмъ ѣхать въ Петербургъ и запасся рекомендательнымъ письмомъ отъ управляющаго удѣльною конторою—не помню теперь, къ какому вліятельному члену удѣльнаго департамента.

Пока я собирался, дѣлалъ прощальные визиты, губернаторъ вдругъ прислалъ просить меня къ себѣ. Я поѣхалъ. Онъ любезно встрѣтилъ (опять не подавая руки), повелъ меня въ кабинетъ и усадилъ рядомъ съ собой на диванѣ.

Онъ началъ съ того, что съ юношескою болтливостью раскрылъ предо мною, въ мастерскомъ разсказѣ, хронику служебныхъ „доходовъ“ всѣхъ и каждаго въ городѣ, между прочимъ и тѣхъ, кто чуть не ежедневно ѣздили къ нему и принимали его у себя. Онъ не пощадилъ и своего секретаря, безъ котораго онъ, какъ ребенокъ безъ няньки, не дѣлалъ ни шагу. Цѣлый день, и часто ночью, секретарь этотъ не отходилъ отъ него, и чуть ли не спалъ въ вицмундирѣ. „Пожалуйте къ его превосходительству“, то-и-дѣло звучало въ его ушахъ. Чиновниковъ особыхъ порученій, даже до мелкихъ канцелярскихъ чиновъ, онъ тоже перебралъ въ яркомъ характеристическомъ очеркѣ.

„Что же мнѣ-то до этого за дѣло!“—думалъ я, слушая. Я зналъ почти все, что онъ говорилъ, да и весь городъ зналъ. Стоило только не зажимать ушей. Всѣ находили, что такъ и должно быть—и не могли понять, отчего губернаторъ вдругъ „взбѣленился“, отъ чего это пошло, кто „почалъ“; теперь сказали бы: по чьей „иниціативѣ“ началось.

*) См. выше: янв., 5 стр.

А по иниціативѣ того же самаго секретаря, котораго такъ живо расписалъ мнѣ губернаторъ, нужды нѣтъ, что они другъ безъ друга, какъ сіамскіе близнецы, жить не могли.

— Вотъ каковъ персоналъ моихъ помощниковъ!—патетически заключилъ свой разсказъ губернаторъ.—Я молчалъ.—Согласитесь, что знать это и терпѣть долѣе было бы съ моей стороны не честно. Я хочу положить этому конецъ.

— Это вѣдь значитъ положить конецъ самой системѣ!—робко замѣтилъ я, а самъ подумалъ, что онъ года четыре уже „терпѣлъ“ это.

— C'est juste, vous avez parfaitement, mille fois raison!—подтвердилъ губернаторъ.

— Какъ же это сдѣлать?—продолжалъ я.—Если вы удалите этихъ людей...

— Vous y êtes! Ихъ всѣхъ прочь!—вставилъ губернаторъ.

... Тогда надо пригласить другихъ: можетъ быть, тѣ то же станутъ дѣлать?..

— *Вы* развѣ станете это дѣлать?—вдругъ спросилъ губернаторъ, и самъ же отвѣтилъ:—конечно, нѣтъ.

— Я?!—съ удивленіемъ сказалъ я, даже всталъ съ мѣста.

— Именно вы!—перебилъ Углицкій, усаживая меня рукой на диванъ. — Я остановился на васъ. Вы только-что кончили курсъ въ университетѣ, готовитесь вступить въ службу: чего же лучше, какъ начать ее въ вашемъ родномъ городѣ, живя съ своими?... и т. д.

Онъ очень искусно развивалъ передо мной заманчивую картину службы при немъ.

— Ваше воспитаніе, благородство, тонъ, манеры, знаніе языковъ, даютъ вамъ всѣ права и преимущества“... И пошелъ, и пошелъ:—„и свѣжій-то, и новый-то я человѣкъ, и новые взгляды“ у меня и проч.

Почемъ онъ зналъ мое „благородство“ и мои „взгляды“—Богъ его вѣдаетъ! Вѣроятно потому, что я казался ему „présentable“. Онъ искусно воспользовался этими мотивами, чтобы склонить меня.

— Если это и такъ, какъ ваше превосходительство говорите, то позвольте напомнить французскую пословицу: „одна ласточка не дѣлаетъ весны“...

— Вы да я—вотъ уже двѣ,—живо перебилъ онъ:—найдемъ и еще, и мы перекукуемъ ночныхъ птицъ. Рѣшайтесь! Да?

— Позвольте спросить, на какую должность вамъ угодно пригласить меня?—спросилъ я.

— Ба! Развѣ я еще не сказалъ? На мѣсто секретаря. Вы будете управлять канцеляріей...

Я—юноша—едва не пожалъ плечами отъ удивленія передъ легкомысліемъ этого—чуть не старика.

— Позвольте напомнить,—началъ я, помолчавъ,—что я только-что со школьной скамьи и никакими дѣлами не занимался. Я совершенно неопытенъ. Какъ я могу управлять группой чиновниковъ, уже служившихъ, опытныхъ?.. Я могъ бы, пожалуй, принять въ губерніи мѣсто учителя въ гимназіи, какого-нибудь инспектора уѣздныхъ училищъ, что-нибудь въ этомъ родѣ, а дѣла губернской администраціи мнѣ вовсе незнакомы...

Здѣсь полился у него рядъ доводовъ, построенныхъ больше на софизмахъ, шаткихъ предположеніяхъ...—Подайте прошеніе,—заключилъ онъ.

— У меня и аттестата еще нѣтъ,—отговаривался я.—Изъ Москвы послано въ Петербургъ, и еще не получено утвержденіе министра. Я не могу поступить на службу...

Онъ вскочилъ съ мѣста, и я всталъ.

— Такъ вотъ что мы сдѣлаемъ,—горячо перебилъ Углицкій:—вы вступите въ отправленіе должности съ завтрашняго же дня, а когда получите аттестатъ, мы васъ утвердимъ съ этого числа.

„Экъ загорѣлось! Ужели онъ всѣ дѣла рѣшаетъ такъ проворно?“—думалось мнѣ.

— Позвольте подумать,—защищался я,—посовѣтоваться съ родными... У меня уже письма есть въ Петербургъ отъ Андрея Михайловича... Я еще не знаю!..

Мнѣ, во что бы то ни стало, хотѣлось отдѣлаться отъ этого неожиданнаго предложенія. Меня тянуло въ Петербургъ. Родимый городъ не представлялъ никакого простора и пищи уму, никакого живого интереса для свѣжихъ, молодыхъ силъ. Словомъ, я скучалъ, а тутъ вдругъ остаться и служить!

— Faites ça, je vous prie!—нѣжно, пѣвучимъ голосомъ упрашивалъ онъ меня, какъ балованный ребенокъ.—Вы до полученія аттестата уже привыкнете и будете въ дѣлахъ какъ дома. Вѣдь это все пустое!—съ презрѣніемъ заключилъ онъ, указывая на груду бумагъ на столѣ.

Я видѣлъ, что мысль заманить меня на службу гвоздемъ засѣла у него въ головѣ. „Кто ему вбилъ этотъ гвоздь?“—думалъ я.

— А прежній секретарь, Добышевъ, развѣ покидаетъ службу?—спросилъ я, вспомнивъ про него.

— Какъ можно! Нѣтъ, онъ просится чиновникомъ особыхъ порученій при мнѣ—онъ утомленъ работой и часто болѣетъ...

Скажу вамъ откровенно—онъ и указалъ мнѣ на васъ, чтобы замѣнить его...

— Онъ!—сорвалось у меня восклицаніе удивленія.

— Да, онъ! А что?

— Зачѣмъ это нужно ему?

Я задумался

— C'est un grédin, si vous voulez, mais il est versé dans les affaires. Онъ и будетъ вначалѣ помогать, руководить — и... я тоже! Вы поговорите съ вашими, и завтра—милости просимъ на службу, въ канцелярію! Да? Теперь до свиданія. Кланяйтесь Петру Андреевичу.

Я сталъ уходить. Въ дверяхъ показалась губернаторша. Я поклонился.

— Что же вы у насъ не бываете?—начальственно строго спросила она.—Я пригласила васъ, а вы ни разу не заглянули?

— Я хотѣлъ начать мои посѣщенія вмѣстѣ съ Петромъ Андреевичемъ,—оправдывался я,—звалъ его, просилъ патронировать меня...

— Что же, онъ все еще боится?

Оба, и мужъ, и жена, разсмѣялись.

— Поздравь меня,—сказалъ онъ:—j'ai fait une belle acquisition. И. А. поступаетъ съ завтрашняго дня ко мнѣ на службу и будетъ, bongré-malgré, нашимъ ежедневнымъ гостемъ.

— Такъ это состоялось? вы согласны?—съ живостью спросила она.

— Позвольте... Это еще не рѣшено, надо подумать...—защищался я, пятясь къ дверямъ и раскланиваясь.

Не даромъ я отнѣкивался отъ губернаторскаго предложенія. Потомъ до меня доходили слухи, что секретарь посовѣтовалъ опредѣлить на его мѣсто меня, не какъ „новаго, свѣжаго, безкорыстнаго“ и т. д., или если и такъ, то еще болѣе всего какъ неопытнаго молодого человѣка, именемъ котораго онъ могъ бы продолжать вести дѣла по губерніи, по-своему, какъ онъ велъ ихъ прежде, т.-е. плавать подъ чужимъ флагомъ въ тѣхъ же водахъ... „Шипы“ (предупреждали меня по секрету) доставались бы мнѣ, а „розы“ падали бы на его голову“. Я счелъ это за губернскую сплетню и не обратилъ на нее вниманія. Если же въ самомъ дѣлѣ таковы были его сокровенные замыслы на мой счетъ, то они ему не удались. Судьба рѣшила иначе.

X.

Alea jacta est! Я на другой день вступилъ, если не de jure, то de facto, на службу въ губернаторскую канцелярію. Роднымъ моимъ очень улыбалось удержать меня дома: мать мечтала со временемъ женить меня и няньчить внучатъ; сестры пріобрѣтали своего домашняго кавалера для вечеровъ; слуги радовались, сами не знали чему. Особенно няня утѣшалась, что я не пропаду изъ глазъ навсегда, и смотрѣла на меня кротко и любовно.

— Завтра тебѣ надо явиться къ губернатору уже какъ къ начальнику: надѣнь бѣлый галстухъ,—сказалъ мнѣ Якубовъ.

Я бѣлый галстухъ не надѣлъ, зато напустилъ на лицо нѣкоторую важность и явился прямо въ канцелярію. Предмѣстникъ мой, Добышевъ, былъ уже тамъ. Онъ представилъ мнѣ всѣхъ чиновниковъ по очереди.

— Это столоначальникъ Трусецкій,—говорилъ онъ, указывая на господина съ большими черными бакенбардами, въ синемъ поношенномъ сюртукѣ. („Полякъ, присланный сюда изъ западныхъ губерній“ [1]),—шепнулъ при этомъ).—Это Миліановичъ, сынокъ Маріи Яковлевны, знаете?

— Какъ не знать! Мы знакомы.—Я поклонился, но руки, подражая губернатору, не подалъ: нельзя, подчиненный!

И такъ далѣе. Добышевъ перезнакомилъ меня со всѣми. Чиновники почтительно щелкали нога объ ногу и смотрѣли съ любопытствомъ на меня, а я на нихъ, не зная, что имъ сказать.

— А это сторожъ Чубукъ,—со смѣхомъ заключилъ Добышевъ, указывая на прямого, какъ палка, солдатика у дверей, съ полинявшими галунами.

— Здравія желаю, ваше высокородіе!—провозгласилъ тотъ.

— Вотъ и дѣла у насъ здѣсь!—продолжалъ Добышевъ, отворяя старый шкафъ съ еле державшеюся дверью:—а эти, что на столѣ, теперь разсматриваются. Вотъ бумаги, заготовленныя

---

[1]) Тогда, послѣ польскаго возстанія 1830 г., множество уроженцевъ польскихъ губерній было разослано, по распоряженію правительства, на службу по городамъ внутри Имперіи. Полагалось, что они обживутся съ русскими и сами обрусѣютъ. Вышло противное. Умные, вкрадчивые, большею частью образованные, во всякомъ случаѣ образованнѣе нашей провинціальной чиновничьей братіи, эти пришельцы занесли съ собой польскій духъ и нравы, и вмѣстѣ съ тѣмъ прививали понятія о политическомъ режимѣ Польши, и вообще Запада. Эта тихая, самимъ правительствомъ созданная пропаганда не осталась безъ вліянія на развитіе политическихъ идей, даже въ дальнихъ углахъ Россіи, гдѣ до тѣхъ поръ о нихъ не было и слуху.

къ подписанію его превосходительства. А это новыя входящія. Покажите, Иванъ Семеновичъ, входящій реестръ! Вотъ вамъ и ключъ отъ стола!

Добышевъ отдалъ мнѣ ключъ. — Тутъ, въ столѣ, есть двѣ секретныя бумаги съ губернаторской отмѣткой. Велѣно исполнить ихъ поскорѣе, — прибавилъ онъ.

— То-есть, какъ это исполнить бумаги? — наивно спросилъ я, вдругъ потерявъ всякую важность.

— Написать по губернаторской резолюціи исполненіе.

Тутъ Добышева позвали къ губернатору. Я сѣлъ за столъ.

„Написать исполненіе!“ — думалъ я, стараясь вникнуть въ смыслъ этой новой для меня фразы.

Вошелъ Чубукъ.

— Солдатъ пришелъ къ вашему высокородію, да еще женщина дожидается давно,—доложилъ онъ мнѣ.

Я вышелъ въ прихожую.—Что тебѣ надо?—спрашиваю солдатика.

— Егорья потерялъ, ваше высокородіе, — говоритъ.

— Какого Егорья?

— Хрестъ, значитъ, потерялъ.

Я сталъ въ тупикъ.

— Поищи хорошенько,—сказалъ я.

— Иди въ полицію а ты!.. Подай прежде объявленіе! Что лѣзешь прямо сюда! — раздался изъ другой комнаты голосъ чиновника.

Солдатикъ посмотрѣлъ на меня, я на него.

— Слышь, въ полицію ступай!—сказалъ Чубукъ.

Онъ помялся, помялся, стукнулъ ногой, сдѣлалъ направо кругомъ и ушелъ. Баба жаловалась, что сыну не выходитъ „ослобожденіе“ отъ „некрутчины“. „Ослобонить ослобонили, потому — негодный, спина кривая, а бумаги изъ правленія не даютъ и сына не отпущаютъ, а она проѣлась, жимши въ городѣ“... и т. д.

— Пожалуйте къ его превосходительству! — раздалось сзади меня.

Я попросилъ—или, виноватъ, „поручилъ“ одному изъ чиновниковъ разобрать просителей и пошелъ наверхъ. Тѣмъ и заключился первый мой дебютъ на службѣ.

— C'est charmant! Это любезно, что послушались!—встрѣтилъ меня губернаторъ, не подавая руки.—Присядьте. Не хотите ли позавтракать?

Передъ нимъ стоялъ подносъ съ закусками: икрой, селедкой, дымилась котлетка. Я отговорился, что завтракалъ, да и пред-

ложеніе, казалось мнѣ, сдѣлано было такимъ голосомъ, чтобы его не принять.

Я сталъ каждый день являться въ канцелярію—и сдѣлался однимъ изъ колесъ губернской административной машины, да еще какимъ важнымъ! Недѣли черезъ двѣ мнѣ, дома, со смѣхомъ, передали, что нашъ поваръ даже стращалъ моимъ именемъ какого-то несговорчиваго торговца мясомъ или дичью.

Но главнымъ, хотя и не гласнымъ воротилой въ дѣлахъ остался все-таки Добышевъ. А я накупилъ побольше перчатокъ, бѣлыхъ галстуховъ и выписалъ еще пару платья изъ Москвы. Это оказалось самымъ важнымъ дѣломъ въ моей службѣ.

Мои утренніе, надо было бы сказать—дѣловые часы, еслибы было дѣло, оказались довольно пріятными. Лѣтнее сонное бездѣлье кончилось: я тогда не зналъ, куда время дѣвать, а теперь не зналъ, куда оно уходило. Лѣтомъ, бывало, я стрѣлялъ на волжскихъ отмеляхъ скворцовъ, трясогузокъ, излазилъ по всѣмъ обрывамъ крутого нагорнаго берега, купался, отправлялся со своими цѣлымъ домомъ на зеленый островъ, пить, между сѣномъ и осокой, чай, иногда обѣдать, удить рыбу.

И за всѣмъ этимъ времени оставалось пропасть. Оно уходило больше на чтеніе. Я перезнакомился со всѣми, у кого были библіотеки, за неимѣніемъ публичной, читалъ все, что выписывалъ Якубовъ,—и все-таки оставался досугъ, тратившійся на затрапезныя и чайныя бесѣды со своими, на прогулки „для воздуха“ съ крестнымъ и на блаженную дремоту, иногда среди бѣлаго дня.

Зимой все это бездѣлье кончилось: у меня просто не хватало времени. Утромъ ѣдешь въ канцелярію, прочитаешь присланную сверху, т.-е. отъ губернатора, почту, потомъ „исполняешь“ бумаги „къ подписанію его превосходительства“. Съ этими послѣдними, часовъ въ 12, являешься къ нему наверхъ, въ кабинетъ.

Какъ весело бывало тамъ наверху! Идучи по лѣстницѣ, уже слышишь какое-нибудь блестящее рондо Герца или сонату Моцарта, разыгрываемыя хорошенькой, граціозной Софьей Львовной. Она ласково, немного краснѣя, отвѣтитъ на поклонъ веселой улыбкой, съ оттѣнкомъ легкой иронiи, которая, какъ скрытая булавка, нѣтъ-нѣтъ, да и кольнетъ. Дитя и вмѣстѣ не дитя: прелесть дѣвушка! Она мило краснѣла. Румянецъ вспыхнетъ и въ ту-жъ секунду спрячется, и опять покажется, глазки блеснутъ и прикроются рѣсницами.

Я большею частью угадывалъ, что у нея на умѣ, и скажу

ей, а она мило вспыхнетъ и кивнетъ утвердительно, если угадаю. Иногда скажу какое-нибудь свое наблюденіе и разсмѣшу ее. Покажутся два бѣлыхъ чудесныхъ зубка.

На пути къ губернаторскому кабинету, она была для меня какъ сирена для Улисса. Перекинешься съ ней, сначала двумятремя словами, и иногда застоишься, заслушаешься сонаты, или просто засмотришься, какъ она застѣнчиво краснѣетъ и сверкаетъ веселыми агатовыми глазками.

А тутъ кругомъ лѣсъ тропическихъ растеній, попугай—то свиститъ, то оретъ, точно его рѣжутъ, двигаясь по мѣдной перекладинѣ изъ стороны въ сторону. Тамъ трещатъ канарейки. Не хочется уйти, а надо. Вонъ губернаторъ звонитъ. Ему поспѣшно пронесли подносъ съ завтракомъ. Секретарь, т.-е. бывшій мой предмѣстникъ, оканчиваетъ свой докладъ.

У него какія-то особыя бумаги, которыя ко мнѣ не поступали. Случалось мнѣ заставать ихъ на разговорѣ о постройкахъ, заготовкахъ, подрядахъ. Но я въ это не вникалъ вовсе, губернаторъ—очень мало; вникалъ одинъ Добышевъ.

— Что это у васъ, бумаги?—спроситъ, поздоровавшись, Углицкій.—Есть что-нибудь важное?—И, не дождавшись отвѣта, велитъ обыкновенно положить на бюро.—Мы ужо съ Егорьевымъ (домашнимъ чиновникомъ) разберемъ: я подпишу и пришлю въ канцелярію А теперь, давайте завтракать. Не хотите ли?—прибавитъ равнодушнымъ, лѣнивымъ голосомъ. Это повторялось ежедневно. Онъ приглашалъ постоянно и Добышева, и меня, а мы постояно отказывались. Углицкій садился за завтракъ и съѣдалъ все до чиста. Ему приносили завтракъ на одного. Съ семьей онъ рѣдко завтракалъ: дѣла, вишь, не позволяли. Но однажды онъ принудилъ-таки меня попробовать, а Добышева никакъ не могъ склонить. Тотъ, застегнутый на всѣ пуговицы вицмундира, такъ и остался на ногахъ.

— Что это ты мнѣ принесъ? — спросилъ онъ камердинера, когда тотъ поставилъ подносъ на столъ.—Я велѣлъ почку, а это ris de veau! Какъ ris de veau по-русски?—спросилъ онъ меня.—Я не зналъ.—Какъ ris de veau по-русски?—спросилъ онъ Добышева.

— Не знаю, ваше превосходительство: — я вѣдь по-французски не говорю,—отвѣчалъ тотъ.

— Поди спроси повара, какъ это блюдо называется, и отчего онъ мнѣ не приготовилъ почку sauce madère? Я съ утра заказалъ. Не угодно ли?—прибавилъ онъ, подвигая подносъ мнѣ и Добышеву.

Этотъ отказался изъ почтенія, а я изъ почтенія же попробовалъ.

— Что, вкусно?

— Очень, — сказалъ я. — У насъ дома часто готовятъ это блюдо, только я не знаю, какъ оно называется.

— И я попробую,—сказалъ Углицкій, а попробовавъ, съ аппетитомъ доѣлъ остальное.—Не дурно, только отчего не почка?

Камердинеръ воротился и сказалъ, что это называется „сладкое мясо“ изъ груди теленка.

— Отчего-жъ почку не приготовилъ?

— Онъ думалъ, что почку приказывали къ столу.

— А? какъ вамъ это покажется!—обратился онъ къ намъ: — почка къ обѣду! Кто ѣстъ почку за обѣдомъ? Вы любите почку?—обратился онъ ко мнѣ.

— Да-съ... ничего...

— Такъ пріѣзжайте сегодня обѣдать.

Я поклонился.

— А теперь вы пройдите туда, къ женѣ, или съ Сонечкой поговорите. Выберите ей что-нибудь, пожалуйста, по-русски читать. Она любитъ. А я еще слова два скажу Ивану Ивановичу и потомъ приду.

Они остались вдвоемъ, какъ это часто случалось, совѣщались о чемъ-то другъ съ другомъ, но меня въ эти совѣщанія не посвящали, а я не напрашивался.

XI.

Я шелъ туда, на женскую половину. Тамъ было весело. Въ гостиной сидѣла Марья Андреевна, принимала визиты и важничала среди губернскихъ дамъ. Она жила сознаніемъ, что она— первая дама въ губерніи. Только у нея, кажется, и было утѣшенія. Прочее все, съ лѣтами, измѣняло ей, начиная съ мужа. А если не было визитовъ и она сама не выѣзжала, около нея сидѣла Соня, ласкаясь къ матери, какъ кошечка.

Тутъ же постоянно присутствовали двѣ барышни, сестры, неопредѣленныхъ лѣтъ — не менѣе 25 и не болѣе 30 лѣтъ. Наружности у нихъ не было, т.-е. женской: это были два засохшіе цвѣтка. Одна круглолицая, съ наивными, цвѣта болотной воды, немигающими глазами, съ широкой улыбкой. Другая, бѣлокурая, съ сѣрыми, прятавшимися подъ низенькимъ лбомъ глазами, съ хитренькимъ, высматривающимъ взглядомъ. По фамиліи ихъ ни-

кто никогда не называлъ. Губернаторша и дочь ея, и самъ Углицкій, звали ихъ Лина и Чуча, какъ сами сестры звали другъ друга. Онѣ были бѣдныя дворянки-сироты, жили съ нуждой, въ тѣсной квартиркѣ, въ мезонинѣ маленькаго деревяннаго домика, пробавляясь маленькой пенсіей за службу отца да нѣкоторыми женскими работами: вышиваньемъ подушекъ, вязаньемъ шарфовъ, дѣланіемъ цвѣтовъ изъ воску, и другихъ ненужныхъ вещей, которыя покупались у нихъ знакомыми, ради ихъ положенія, для подарковъ.

Онѣ были стариннаго дворянскаго рода: бабка ихъ была изъ княжеской, впрочемъ давно угасшей фамиліи. Онѣ любили иногда поминать объ этомъ, кажется, единственномъ ихъ преимуществѣ. Ихъ въ нѣкоторыхъ домахъ принимали, въ другихъ смотрѣли на нихъ небрежно, ради ихъ бѣдности. Такъ было до пріѣзда Углицкихъ. Губернаторша приняла ихъ подъ свое крыло, сначала тоже ради ихъ положенія, ради сиротства и памяти о княжеской породѣ, потомъ онѣ мало-по-малу вошли въ штатъ дома ея превосходительства, и умѣли сдѣлаться необходимыми, собственно Лина, старшая. Онѣ были порядочно воспитаны, т.-е. умѣли въ дурномъ переводѣ съ русскаго говорить французскія фразы, прилично сидѣть въ гостиной и держать себя за столомъ. Прежде онѣ прихаживали къ обѣду, а вечеромъ уходили домой. Потомъ, когда губернаторша сдѣлала имъ приличный гардеробъ, онѣ, что называется, живмя жили у нея и постоянно исполняли ея порученія.

Впрочемъ, послѣднія возлагались собственно на одну старшую, Лину. Лина было сокращеніе ея имени Капитолина. Имя младшей сестры „Чуча“ передѣлали изъ ихъ фамиліи Чучины, потому что ея настоящее имя, Апполинарія, сокращенію не поддавалось.

Чуча оказалась неспособною ни къ какимъ порученіямъ, кромѣ одного—сидѣть въ гостиной, съ вѣчнымъ вышиваньемъ въ рукахъ какой-то безконечной тесьмы, не то для звонка, не то для каймы къ портьерѣ, „pour avoir une contenance“, говорили Углицкіе. Ея обязанность была принимать и занимать гостя или гостью, пока губернаторша оканчивала свой туалетъ или губернаторъ не выходилъ еще изъ кабинета. Пробовала-было Углицкая поручать ей другія дѣла, но ничего изъ этого не выходило.

Чего, кажется, проще—разлить чай? Когда гостей не было и чай не разносился изъ буфета лакеями, то пили его въ маленькой гостиной у камина, на маленькомъ столѣ—и поручили разливать ей.

Вотъ тутъ точно домовой тѣшился надъ ней. У нея чашки

скользили изъ рукъ, ложечки летѣли на полъ, поднимался звонъ, громъ. То она нальетъ чаю въ сахарницу; кому вовсе не положитъ, кому переложитъ сахаръ. Ее удалили отъ этой обязанности.

И другое шло не лучше. Сонечка однажды заболѣла. Ее уложили въ постель и посадили около больной Чучу, когда Углицкой или няни не было въ комнатѣ, чтобы она въ срокъ подавала то или другое лекарство, и вообще смотрѣла бы за больной. Тутъ она чуть не надѣлала бѣды. Накапала въ рюмку, вмѣсто миндальныхъ капель, какого-то спирта, которымъ надо было натирать горло. Къ ея счастью, больной показался противенъ запахъ, и она не приняла. Мать пришла въ ужасъ, и сама Чуча струсила. Она прижала ладони къ вискамъ, какъ всегда дѣлала въ критическія минуты, заохала и заахала.

Ее удалили за это изъ комнаты и изъ дома на двѣ недѣли, къ себѣ, на „Антоніеву пищу", какъ говорилъ Углицкій. Потомъ соскучатся. И гости привыкли видѣть ее въ уголку гостиной, съ вязаньемъ, тоже спрашиваютъ, почему ея нѣтъ? За ней и пошлютъ. Она явится какъ ни въ чемъ не бывало, садится на свое мѣсто въ гостиной и за столомъ, занимаетъ гостей до прихода губернатора или губернаторши. И какъ занимаетъ хорошо, прилично, съ своей неизмѣнной широкой улыбкой, открытыми настежъ глазами, съ вѣчно-ласковымъ взглядомъ. У нея установилась одна мина навсегда и для всѣхъ.

— Здравствуйте!—отчеканитъ она каждому входящему гостю, всегда съ сіяющими радостью глазами и съ улыбкой.— Прошу садиться, вотъ здѣсь, подальше отъ окна, тутъ дуетъ. Вчера Иванъ Ивановичъ посидѣлъ тутъ, потомъ цѣлый вечеръ жаловался, что зубъ ноетъ.

Гость или гостья сядетъ. Она не смигнетъ съ него: такъ и смотритъ, не нужно ли ему чего, пуще всего, не ушелъ бы онъ, не соскучился бы.

— Марья Андреевна принимаетъ? Не помѣшалъ ли я?— спроситъ тотъ.

— Нѣтъ, нѣтъ: подождите чуточку — она сейчасъ, сейчасъ будетъ! Она теперь въ буфетѣ, по хозяйству, поваръ пришелъ. Она заказываетъ, что обѣдать сегодня... и бранитъ его...—добавляетъ шопотомъ, все улыбаясь:—сейчасъ кончитъ.

— Бранитъ? За что?

— Вчера столько петрушки въ супъ навалилъ, что ѣсть нельзя...

Гость смѣется.

— Право. Вы не вѣрите? Вотъ спросите Сонечку, когда придетъ: точно мухи въ тарелкѣ плаваютъ!

Гость опять смѣется. И она тоже. Ей весело, что она умѣетъ занимать.

— Это вы на сѣрой лошади пріѣхали? Какая большая!— продолжаетъ она, глядя въ окно.—Ахъ, кажется, Наталья Николаевна подъѣхала: вонъ ея карета, вы видите?

— Да, вижу,—говоритъ гость.

— Надо встрѣтить ее въ залѣ! — И бѣжитъ съ сіяющимъ лицомъ встрѣчать гостью, какъ родную мать. Та, слегка кивнувъ ей, заговариваетъ съ гостемъ, а она удаляется въ свой уголъ и беретъ вышиванье.

— Что Марья Андреевна: занята?—спрашиваетъ гостья.

— Съ поваромъ бранится: сейчасъ придетъ,—говоритъ гость.

— Вы почемъ знаете?

— Да вотъ кто сказывалъ!—Онъ указываетъ на Чучу. Оба смѣются, и Чуча тоже.

Выходитъ Марья Андреевна! „Здравствуйте, здравствуйте!“ и т. д.

— Мы мѣшаемъ вамъ: вы по хозяйству...—говоритъ гостья.

— Кто вамъ сказывалъ?

— Чуча говоритъ, что вы повара бранили... Ахъ, эти повара!

Марья Андреевна смотритъ на нихъ вопросительно.

— Петрушки много въ супъ наклалъ!—шутитъ гость.

Лицо Углицкой свирѣпѣетъ.

— Подите къ Сонечкѣ въ комнату!—рѣзко командуетъ она Чучѣ.

Та, бросивъ вышиванье, быстро уходитъ, приложивъ дорогой ладони къ вискамъ. „Ахъ, ахъ, что это я надѣлала!“—и разсказываетъ Сонечкѣ. Та вечеромъ разскажетъ мнѣ—и мы въ уголку весело хихикаемъ. Бѣдная Чуча!

Еще ее немного вышколили, старались преподать нѣсколько темъ для занятія гостей, а то она прежде доходила до геркулесовыхъ столбовъ въ дѣлѣ нескромности. Однажды какая-то значительная губернская дама застала ее въ сильномъ, непривычномъ для нея волненіи. На вопросъ гостьи, дома ли Марья Андреевна, принимаетъ ли, Чуча, послѣ обычной, неизмѣнной широкой улыбки и вопросовъ о здоровьѣ, о томъ, прошелъ ли „родимчикъ“ у маленькой и т. д., на вопросъ гостьи, что дѣлаютъ ихъ превосходительства, внезапно приложила ладони къ вискамъ и заахала.

— Ахъ, ахъ, не знаю!.. Что у насъ дѣлается—ахъ, что дѣлается...

— Что, что такое?—удерживая дыханье, спрашивала любопытная гостья.

— Ахъ, ахъ, не могу... не спрашивайте!

— Да говорите, милая, я никому не скажу, никому... никому...

Чуча, чтобъ занять гостью, боясь, что она, пожалуй, разсердится и уѣдетъ, начала разсказывать жестокую семейную сцену между Углицкимъ и женой.—Левъ Михайловичъ такъ разсердились, такъ кричали... ужасъ, ужасъ!..—шепчетъ она.—У Марьи Андреевны сдѣлалась истерика... Левъ Михайловичъ кричали, что лучше застрѣлиться... Сонечка заперлась у себя въ комнатѣ, плакала... ахъ!..

— Да изъ-за чего, изъ-за чего? Говорите скорѣй!—настаивала гостья.

— Еще вчера...—начала-было Чуча и прикусила языкъ. Въ дверяхъ явилась сама Марья Андреевна. Она изъ-за портьеры слышала кое-что изъ разговора и поспѣшила помѣшать продолженію. „Идите домой и глазъ больше сюда не показывайте!“—прошипѣла она змѣинымъ шопотомъ.

Чуча отчаянно приложила ладони къ вискамъ и стремглавъ бросилась домой. „Ахъ, ахъ!—твердила она дорогой!—что я надѣлала!“

Ее воротили изъ ссылки не прежде какъ черезъ мѣсяцъ, давъ ей нагоняй и подробную инструкцію, какъ и чѣмъ занимать гостей.

Когда никого не было около Углицкой, Чуча должна была сидѣть въ комнатѣ около нея. Губернаторша зѣвнетъ, и она зѣвнетъ, подставитъ скамеечку.

— Почитайте, Чуча, вонъ изъ той книги, что въ спальнѣ. Чуча почитаетъ, но и тутъ перепутаетъ слова, не тамъ дѣлаетъ ударенія, гдѣ надо. „Однажды (мнѣ разсказывала Софья Львовна) maman попросила ее почитать путешествіе какого-то іеромонаха по св. мѣстамъ. Архіерей прислалъ. Она и читаетъ въ одной главѣ: „сей ядовитый подлецъ“... Я изъ своей комнаты слышу голосъ maman: „Ахъ, какая гадость! Какія выраженія! Вы, Чуча, должны были пропустить. Сонечка, послушай, какая гадость!“ Я посмотрѣла въ книгу, а тамъ сказано: „сей ядовитый ползецъ“: это говорилось про скорпіона.

Чуча исполняла какія-нибудь несложныя порученія: сказать что-нибудь горничной, принести изъ другой комнаты ту или

другую вещь, пойти въ кабинетъ къ Углицкому, передать что-нибудь, или просто посмотрѣть, кто тамъ у него. Если же пошлютъ ее, напримѣръ, въ лавку, да дадутъ два-три порученія, купить то, отрѣзать аршинъ такой-то матеріи, заѣхать къ портнихѣ и т. п., она наполовину перепутаетъ, наполовину забудетъ.

Впрочемъ съ ней, кромѣ этихъ временныхъ ссылокъ домой „на Антоніеву пищу", обходились ласково, гуманно и шутили надъ ней весело, не оскорбляя ея. И прислуга обращалась къ ней, правда, безъ особой услужливости, но учтиво. Углицкій, если не для чего другого, то ради хорошаго тона, не допустилъ бы дикихъ нравовъ въ домѣ.

Но онъ подшучивалъ надъ ней безпрестанно и смѣшилъ на ея счетъ другихъ, но такъ безобидно, что та первая отвѣчала на его шутки своей широкой улыбкой. Только однажды она какъ будто сконфузилась, когда Углицкій спросилъ меня при ней:— Вамъ Чуча ничего не разсказывала о просвиркѣ.

— Нѣтъ, о какой просвиркѣ?

— Разскажите ему, Чуча...

— Ахъ, ахъ, Левъ Михайловичъ!..—заахала Чуча, приложивъ ладони къ вискамъ, и поспѣшила спрятаться въ уголъ гостиной, къ камину, за экранъ. Марья Андреевна съ насмѣшливой улыбкой смотрѣла на нее. Софья Львовна тоже покраснѣла отъ удовольствія. Въ это время Углицкаго позвали въ кабинетъ. Пріѣхалъ гость. Губернаторша ушла одѣваться и позвала Чучу съ собой. Мы остались съ Сонечкой.

— Какая это просвирка?—спросилъ я:—разскажите, Софья Львовна.

Дѣло вотъ въ чемъ. Губернаторшѣ за обѣдней въ соборѣ подносилась просвира, которую она передавала въ руки Линѣ или Чучѣ, обыкновенно сопровождавшимъ ее въ церковь. Эти просвирки приносились домой и благоговѣйно употреблялись на другой день, на-тощакъ. Иногда же отдавались по дорогѣ какой-нибудь бѣдной женщинѣ, или старику, ребенку, на кого укажетъ губернаторша, кто ей казался жалокъ, голоденъ. Однажды, въ дождливую погоду, садясь на паперти съ дочерью въ карету, Углицкая передала просвирку, за отсутствіемъ Лины, Чучѣ, чтобы она, по дорогѣ пѣшкомъ домой, отдала просвиру какому-нибудь нищему или нищей, да спросила бы прежде, не ѣли ли они что-нибудь утромъ, такъ какъ просвирка освященная.

— Отдала самому бѣдному!—хвасталась, съ сіяющими глазами, Чуча, пришедши домой, за завтракомъ. „Ничего, говоритъ, со вчерашняго дня не ѣлъ: вотъ, говоритъ, только на копѣечку

луку купилъ, хотѣлъ-было поѣсть"... У него изъ-за пазухи и лукъ торчитъ... Я и отдала... „Смотри же, говорю: прежде вотъ это скушай: это благословенная просвирка!.." Какъ онъ благодарилъ! „Спасибо, говоритъ, спасибо"... кланяется до земли, даже ермолку снялъ...

— Какую ермолку?

— Онъ татаринъ,—вразумила Чуча.

— Татарину освященную просвирку!—Губернаторша всплеснула руками, губернаторъ откатился съ хохотомъ отъ стола; веселѣе всѣхъ было Софьѣ Львовнѣ. И теперь, разсказывая мнѣ, она смѣялась до слезъ.

— Maman зазвонила во всѣ сонетки, позвали людей, разослали искать татарина по окрестнымъ улицамъ...

— А Чуча что? Вотъ такъ— ладони къ вискамъ: ахъ, ахъ!— Я представилъ, какъ она дѣлаетъ.

Софья Львовна досказала, что татарина нашли и привели. Онъ успѣлъ съѣсть только верхнюю, т.-е. освященную половину, и закусывалъ лукомъ. Набожная губернаторша ужаснулась, хотѣла ѣхать къ архіерею, спросить, что дѣлать: не надо ли окрестить татарина и прочее. Но губернаторъ отпустилъ его и цѣлую недѣлю тѣшилъ гостей этимъ анекдотомъ. Онъ сталъ еще ласковѣе и шутливѣе съ Чучей. Но Марья Андреевна приняла это серьезно и осудила Чучу на трехдневную ссылку домой.

Чуча была со мной любезна, старалась и меня занимать, когда никого не было въ гостиной, нужды нѣтъ, что я былъ уже свой въ домѣ.

— Вы довольны, что здѣсь остались, а не уѣхали въ Петербургъ: вамъ весело?—сладко спрашивала она меня.

— Да, я доволенъ: мнѣ очень весело.

— Когда же вамъ бываетъ весело у насъ?

— Да вотъ теперь, съ вами.

У нея засіяли глаза.

— Въ самомъ дѣлѣ? Вы это взаправду говорите? Не шутя?

— Нѣтъ.

— А отчего-жъ смѣетесь? О, вы насмѣшникъ, я знаю!

— Отчего-жъ вы знаете?

— Да ужъ знаю: кто изъ столицы заѣдетъ сюда—всѣ такіе насмѣшники! Вотъ и новый прокуроръ—тоже какой насмѣшникъ: все смѣется! Вы и съ Сонечкой все смѣетесь, шутите надо мной: я ужъ знаю, знаю... А мы, вотъ, такъ васъ очень любимъ! — прибавила, помолчавъ.

— Кто это „мы"?

— Да всѣ: Марья Андреевна, Левъ Михайловичъ — и Сонечка тоже... всѣ рады, когда вы придете... Всегда объ васъ говорятъ...

— Что же говорятъ?

— Левъ Михайловичъ вчера еще разсказывалъ Владиміру Петровичу... онъ недавно изъ деревни... вы знаете?..

— Нѣтъ, не знаю... Какой это Владиміръ Петровичъ?

— Онъ дороги да мосты строитъ, инженерный полковникъ. Его фамилія Алтаевъ... Вы видѣли его... Пузанъ такой...

Я засмѣялся.—Какъ?

Она сконфузилась:—Толстый такой!—поправилась она.

— Такъ что же Левъ Михайловичъ говорилъ про меня?

— Онъ сказалъ про васъ: „il est présentable, très-présentable", раза три сказалъ. А Марья Андреевна говоритъ: „только дикарь", говоритъ: „когда есть гости, тихонько уйдетъ. Надо, говоритъ, его вышколить: вотъ начнутся собранія—Сонечкѣ выѣзжать еще нельзя, такъ онъ будетъ моимъ кавалеромъ, въ собраніи... когда не будетъ другого...

Я засмѣялся.

— Право! Вы не вѣрите?

— Хорошо. Я спрошу у Марьи Андреевны, правда ли, что она мнѣ назначаетъ роль подставного кавалера?—шутилъ я.

— Что вы, что вы: я не сказала „подставного"! Ахъ, какъ это можно!

— Выходитъ такъ: если недостанетъ кавалера, такъ меня! Марья Андреевна разъяснитъ, какъ она сказала...

Она прижала ладони къ вискамъ:—Ахъ, ахъ, что это я надѣлала, зачѣмъ сказала вамъ? Ахъ, голубчикъ, не говорите Марьѣ Андреевнѣ... ради Бога! меня отошлютъ домой...

Я успокоилъ ее, но пересказалъ Софьѣ Львовнѣ, и мы посмѣялись.

XII.

Другая сестра, Лина, была совсѣмъ противоположнаго характера. Она была подвижная, живая, какъ ртуть, въ постоянныхъ разъѣздахъ по городу, въ суетѣ, въ хлопотахъ. Въ гостиной у Углицкихъ она появлялась рѣдко, обѣдала у нихъ, когда не было гостей. Зато съ ранняго утра она присутствовала въ спальнѣ и будуарѣ Марьи Андреевны. Когда онѣ были вдвоемъ, къ нимъ не допускались ни Чуча, ни горничная. Даже Соня

входила только поздороваться и уходила. Безъ нея губернаторша такъ же не могла обойтись, какъ мужъ ея безъ Добышева.

Уклончивая, ласковая до льстивости, всюду втиравшаяся, у всѣхъ что-нибудь выпрашивавшая, она знала все, что̀ дѣлается въ каждомъ домѣ, начиная отъ крупныхъ помѣщиковъ, предсѣдателей, до кущовъ и мѣщанъ. Свѣденія ея были до крайности разнообразны. Она знала, напримѣръ, кто какой кушъ получилъ и за какое дѣло, и куда этотъ кушъ былъ истраченъ. Знала, за что произошла размолвка между мужемъ и женой и почему гувернантка перешла на другое мѣсто. Первая узнавала о затѣвающемся сватовствѣ. Прежде полиціи узнаетъ о какой-нибудь покражѣ, о томъ, кто собирается у такого-то или у такой-то въ гостяхъ, что̀ говорятъ, у кого что̀ подаютъ за столомъ—словомъ, газета.

Все это съ живыми подробностями передавалось Марьѣ Андреевнѣ по секрету. У губернаторши въ рукахъ такимъ образомъ были нити всей губернской политики, и она иногда сама пользовалась этими свѣденіями, даже передавала кое-что мужу для его служебныхъ соображеній, и иногда озадачивала кого-нибудь безцеремоннымъ намекомъ на секретное семейное событіе, никогда не обнаруживая источника.

Лина была въ обхожденіи покорная, умѣвшая принимать какой-то фальшиво-застѣнчивый, даже робкій видъ. А услужлива какъ: до приторности. Марья Андреевна не успѣетъ пожелать, она уже угадаетъ и бѣжитъ исполнить ея желаніе, прежде нежели слуга или горничная пошевелятся. „Позвольте мнѣ, я сейчасъ... Дайте, я сдѣлаю, принесу, достану...“ —безпрестанно слышится ея писклявый голосъ. Губернаторъ ищетъ чего-то около себя глазами—а она ужъ несетъ забытый имъ въ кабинетѣ платокъ. Губернаторша намекаетъ, что она видѣла въ окнѣ какого-то магазина вещь, да забыла гдѣ: черезъ полчаса Лина уже говоритъ ей, гдѣ.

Она отлично, до тонкости, исполняла порученія Углицкой, какъ бы они сложны ни были, по части женскаго туалета. Марья Андреевна пошлетъ ее по магазинамъ, и та, зная ея вкусъ, прихоти, капризы, превзойдетъ всѣ ея ожиданія. Благодаря ей, никогда ни одной, самой богатой губернской львицѣ, не удавалось, прежде губернаторши, выписать изъ Москвы что-нибудь новое. Она подъ рукой умѣла сбывать выгодно надѣванныя губернаторшины, но еще свѣжія и нарядныя для губернскихъ и уѣздныхъ барынь платья. Она знала, въ какихъ домахъ водились старинныя кружева, до которыхъ охотница была Марья Андреевна, и умѣла сходно выторговать ихъ. Безъ нея

Углицкая не примѣритъ не только платья, шляпки, даже ботинокъ. Она рѣшала, какой цвѣтъ идетъ или не идетъ, что лучше къ лицу ей или Сонечкѣ.

И все это дѣлала съ наслажденіемъ, проворно, какъ будто все ея счастье заключалось въ томъ, чтобы угодить. А ея счастье, между прочимъ, заключалось и въ томъ, что когда замѣтили въ городѣ, какимъ фаворомъ она пользовалась у губернаторши, съ ней перестали обращаться небрежно. Кромѣ того, она пополнила свой гардеробъ, запаслась на многіе годы, чуть не до старости, бѣльемъ, платьями, даже двумя лисьими мѣхами. На тѣ платья губернаторши, которыя ей нравились, она не находила покупательницъ, и платья дарились ей.

Сестру свою она втайнѣ презирала, но скрывала это, чтобы и другіе въ губернаторскомъ домѣ не заразились тѣмъ же, не охладѣли къ ней и не свалили ее на ея плечи. Презирала она сестру за ея абсолютную ненужность: за то, что изъ нея никакой пользы нельзя извлечь, что она виситъ у нея камнемъ на шеѣ. Она, въ припадкахъ желчи, обзывала ее „немогучкой". „Безъ нея, безъ этой „немогучки",—проговаривалась она по секрету, — она, Лина, давно была бы замужемъ. А какъ посмотрятъ насъ вмѣстѣ, послушаютъ ее, эту Чучу — всѣ прочь идутъ: думаютъ, что и я такая же безпомощная и неумѣлая, и буду въ тягость семьѣ. А у меня золотыя руки!"

Она еще и теперь, когда я видѣлъ ее, сказывали мнѣ, не потеряла надежды на замужество, хотя всѣ другіе давно потеряли ее. Она сама никого не любила: ни губернаторши, ни ея дочери, никого въ городѣ; не было у нея ни птички, ни собачки, ни цвѣтка на окнѣ,—никого и ничего. Углицкаго она немного боялась: она все подозрѣвала, что, заговаривая съ ней и глядя ей зорко въ глаза, онъ будто искалъ въ ней чего-то, къ чему прицѣпиться, что-нибудь замѣтить въ ней, обнаружить, поднять на смѣхъ, — и уклонялась отъ разговора съ нимъ, отдѣлываясь отъ его шутокъ визгливымъ смѣхомъ.

Она была некрасива: глаза, смотрящіе исподлобья, нависшій надъ ними лобъ и немного выдавшійся подбородокъ сообщали ей видъ моложавой старушонки. Увертливая, скользкая, какъ ящерица, она все торопилась, бѣжала, въ рукахъ у нея всегда было какое-нибудь дѣло, ей все было некогда. Когда ее остановятъ на дорогѣ, она торопливо отвѣчаетъ, не глядя никому прямо въ глаза, въ противоположность сестрѣ, глядѣвшей на всѣхъ немигающими глазами. Нельзя понять, на чемъ основывались ея надежды найти мужа. Развѣ на томъ, что у нея были „золотыя руки".

XIII.

Зимній сезонъ былъ въ полномъ разгарѣ. Городъ наполнился пріѣзжими изъ уѣздовъ. Начались балы въ собраніи, у губернатора, у дворянъ, вечеринки почти во всѣхъ семейныхъ домахъ. Я, какъ и всѣ тогдашніе молодые люди, катался какъ сыръ въ маслѣ—съ бала на балъ, съ вечера на вечеръ. Какъ я ни увертывался, но мнѣ не разъ приходилось играть роль, въ которую прочила меня губернаторша. Какъ я былъ подставной секретарь у ея мужа, такъ, если не былъ, то числился подставнымъ ея кавалеромъ. Танцовать съ ней мнѣ случалось очень рѣдко: всѣ наперерывъ старались ангажировать ее до бала. Мнѣ доставалась эта честь иногда на вечерахъ у нея самой, когда, уступая арену гостьямъ, она сама оставалась безъ кавалера.

Я чувствовалъ, что сталъ вростать въ губернскую почву. Меня тянуло самого, то въ тотъ, то въ другой домъ, гдѣ было поживѣе, повеселѣе, гдѣ меня больше ласкали. Но надъ всѣмъ этимъ губернскимъ людомъ царила пустота и праздность. Искры интеллектуальной жизни нигдѣ не горѣло, не было ни одного кружка, который бы интересовался какимъ-нибудь общественнымъ, ученымъ, эстетическимъ вопросомъ.

Мѣстные интересы сосредоточивались на выборахъ, этихъ потѣшныхъ каррикатурахъ на выборное начало. Дѣло было вовсе не въ выборахъ, а въ обѣдахъ, танцахъ, въ картахъ.

Оторванный отъ занятій университетской жизни — я читалъ въ-одиночку, сплошь, что попадалось подъ руку, и не съ кѣмъ было даже дѣлиться впечатлѣніями и мнѣніями о прочитанномъ. Въ городѣ ни библіотеки, ни театра. Приходилось плыть по теченію мѣстной жизни. Въ карты я не игралъ и не обнаруживалъ наклонности къ нимъ. За это многіе „солидные“ люди почти презирали меня. Но зато я, какъ всѣ молодые, развлекался на балахъ кадрильнымъ ухаживаньемъ, съ робкими комплиментами, за губернскими дѣвицами или „барышнями“, какъ ихъ тогда называли. И все это подъ строгимъ контролемъ маменекъ или тетушекъ, которыя, пуще всякой полиціи, съ материнскимъ разсчетомъ, слѣдили за каждымъ взглядомъ и движеніемъ танцующихъ паръ. Протанцуешь, бывало, съ какой-нибудь „барышней“, которая приглянется, мазурку на двухъ вечерахъ сряду, начнешь заѣзжать въ домъ — губернаторша уже посматриваетъ насмѣшливо.

— Вамъ нравится Лиза Р—вая?—безцеремонно, по-начальнически спроситъ.

— Да, она хорошенькая.

— А еще что?

— Еще?.. умна, любезна, держитъ себя просто...

— Прибавьте еще, не скупитесь...—И смѣется. Чуча смѣется во всю ширину своихъ большихъ щекъ. Лина всегда уползетъ изъ комнаты, если разговоръ коснется при ней. Вѣсти шли черезъ нее. И Софья Львовна лукаво посматриваетъ на меня мелькомъ, съ затаенной булавкой иронiи въ улыбкѣ, и очень мило краснѣетъ. Я оглядываюсь во всѣ стороны. Войдетъ губернаторъ.

— Правда ли, что вы влюблены въ Р—ую?—хватитъ вдругъ при всѣхъ.

— Я! помилуйте!

— Ужъ признайтесь лучше!—шутитъ губернаторша.

И три дня городъ говоритъ, что я влюбленъ въ Р—ую. И дома пытаютъ меня, шутятъ надо мной. Мать моя принимаетъ это серьезно, шопотомъ предупреждаетъ, чтобы я остерегался ухаживать за красавицей, что мать у нея—эхидная, „и притомъ гордая, прочитъ дочь за какого-нибудь графа или князя, за богача, и за тебя не отдастъ“.

— Вонъ куда пошло! Да развѣ я женихъ кому бы ни было!—Я готовъ былъ, какъ Чуча, приложить ладони къ вискамъ и бѣжалъ къ себѣ вверхъ, на „вышку“, прятаться за книгу.

Это повторялось раза три въ зиму, и я не зналъ, какъ бы мнѣ выбраться на свободу. Но вотъ зимнiй сезонъ кончился, прошелъ и Великiй постъ. Изъ города стали разъѣзжаться, и къ празднику оставались почти одни только служащiе, купцы и другiе постоянные городскiе жители. Я съ тоской, чуть не съ ужасомъ, ждалъ наступленiя лѣта, и, наконецъ, сталъ намекать губернатору, что мнѣ нужно бы съѣздить въ Москву, за аттестатомъ, и кстати повидаться съ братомъ и воротиться вмѣстѣ съ нимъ. Губернаторъ удерживалъ, говорилъ, что хотѣлъ самъ проситься въ отпускъ, обѣщалъ взять меня съ собой. Добышевъ настаивалъ, чтобы я поскорѣе подалъ прошенiе и выписалъ изъ университета аттестатъ. Я медлилъ, и слава Богу. Ни прошенiя, ни аттестата не понадобилось.

Я продолжалъ свою службу, ѣздилъ въ канцелярiю, „исполнялъ“, уже безъ руководства Добышева, текущiя бумаги, носилъ ихъ къ подписанiю его превосходительству, а часа въ три возвращался домой, къ обѣду.

Однажды, поднимаясь по обыкновенiю около 12 часовъ, съ

заготовленными бумагами, на лѣстницу, я узналъ, что у губернатора уже съ 11 часовъ сидитъ гость, помѣщикъ Ростинъ, тотъ самый другъ Якубова, о которомъ я говорилъ выше. Онъ мнѣ коротко знакомъ: еще недавно у него, въ близкой къ городу деревнѣ, на масляницѣ, былъ трехдневный праздникъ, на которомъ я отплясалъ себѣ ноги. Я безъ церемоніи вошелъ съ бумагами прямо въ кабинетъ.

Губернаторъ и помѣщикъ сидѣли въ отдаленномъ углу и о чемъ-то съ жаромъ говорили. Увидя меня, Углицкій быстро, скороговоркой сказалъ:

— Послѣ, послѣ! Положите бумаги и пройдите къ Марьѣ Андреевнѣ или въ канцелярію.

Я успѣлъ замѣтить, что онъ былъ сильно встревоженъ, на немъ лица не было. Ростинъ тоже былъ очень серьезенъ и, повидимому, что-то сообщалъ по секрету. Ростинъ наскоро поздоровался со мной. Углицкій съ нетерпѣніемъ ждалъ, чтобы я ушелъ. „Притворите, пожалуйста, за собой дверь, и скажите, чтобы никого не принимали!“—попросилъ онъ меня. Я передалъ человѣку его приказаніе и пошелъ въ гостиную.

Въ залѣ никого не было. Въ гостиной сидѣла Чуча.

— Здравствуйте! — сказала она, улыбнулась на минуту и, обдернувъ сзади юбку, вильнула таліей и турнюрой, какъ она иногда дѣлала для граціи.

— Вы отъ Льва Михайловича теперь?—вдругъ серьезно, даже съ безпокойствомъ спросила она.

— Да, отъ него: а что?

— Что тамъ дѣлается?

— Тамъ сидитъ Егоръ Степановичъ.

— Да, я знаю: я его видѣла. А еще?

— Еще—никого нѣтъ: а вамъ нужно кого-нибудь?

— Нѣтъ, нѣтъ (она замотала головой), мнѣ не нужно! Марья Андреевна посылала меня къ нему: я отворила дверь, а Левъ Михайловичъ такъ взглянули на меня, такъ взглянули... ахъ!—Она приложила ладони къ вискамъ.—И махнули рукой—вотъ такъ (она махнула), чтобы я ушла.

— Потомъ что?

— Ничего. Марья Андреевна думала, что я перепутала что-нибудь и послала Сонечку посмотрѣть: онъ и ей махнулъ рукой. „Поди, говоритъ, къ себѣ и скажи, чтобы намъ не мѣшали“.

Услышавъ мой голосъ, вошла Софья Львовна, задумчивая, почти печальная.

— Вы были у папá?—спросила она меня.

— Да. Тамъ Ростинъ сидитъ: они о чемъ-то по секрету разговариваютъ.

— Maman очень безпокоится.

— А гдѣ Марья Андреевна?—спросилъ я.

— Она посылала за Линой и теперь заперлась съ ней и что-то шепчутъ... Я боюсь...—печально прибавила она.

— Ахъ, и я боюсь!—повторила Чуча.

— Да чего: что̀ такое?—приставалъ я.

Отвѣта не было. Мы трое стояли и вопросительно глядѣли другъ на друга.

Скоро мы заслышали, что гость уходитъ изъ кабинета; губернаторъ проводилъ его до пріемной и вошелъ къ намъ.

— Гдѣ Марья Андреевна?—спросилъ онъ торопливо, и, не дождавшись отвѣта, пошелъ къ ней, а меня попросилъ идти въ канцелярію и позвать къ нему Добышева.

Я передалъ Добышеву приглашеніе и ожидалъ въ канцеляріи его возвращенія. Но въ три часа онъ не сходилъ, и я уѣхалъ домой.

— Ну, что̀?—съ тревогой спросилъ меня крестный.—Правда это?

— Что̀ правда?

— Губернаторъ уволенъ?

Я остолбенѣлъ.—Я ничего не знаю, не слыхалъ, но похоже на правду...—Я разсказалъ ему о посѣщеніи Ростина, о смущеніи Углицкаго и всѣхъ въ домѣ.

Якубовъ разсказалъ мнѣ, что Ростинъ заѣзжалъ къ нему и показывалъ письмо изъ Петербурга, съ извѣстіемъ, что губернаторъ причисляется къ министерству, и прибавилъ, что теперь вѣроятно весь городъ знаетъ о томъ.

XIV.

Извѣстіе подтвердилось. На другой день я засталъ живые толки въ канцеляріи. Чиновники не сидѣли на своихъ мѣстахъ, а собирались кучками и шептались. Добышевъ хмуро встрѣтилъ меня, подтвердивъ, что дѣйствительно извѣстіе объ увольненіи губернатора получено, но указа еще нѣтъ.

— Подите вверхъ,—сказалъ онъ:—его превосходительство ждетъ васъ.

Я не зналъ, какъ показаться, и зашелъ прежде на женскую

половину. Чуча, завидя меня, хотѣла улыбнуться, но вмѣсто этого ахнула и приложила ладони, сначала къ вискамъ, потомъ закрыла ими лицо и залилась слезами.

— Что вы?—спросилъ я съ участіемъ:—о чемъ вы плачете?

— Ахъ, какое горе! Развѣ вы не знаете?.. Левъ Михайлычъ... уво... уволенъ... уѣзжаетъ... и Сонечка тоже...—Слезы не дали ей договорить.

Вышла Софья Львовна, тоже со слѣдами слезъ. На мой вопросъ, правда ли это, она грустно шепнула:—Да... кажется... Мы... мы уѣдемъ... Прощайте!..—И отвернулась.

— Какъ „прощайте"! Я не останусь здѣсь, я поѣду вслѣдъ за вами!—живо перебилъ я.—Я давно рвусь отсюда.

— Да? Мегсі... Я рада,—тихо сказала она.—Подите теперь къ папа́, поговорите съ нимъ, успокойте его какъ-нибудь. Онъ ходитъ въ кабинетѣ одинъ, никого не принимаетъ...

Я вошелъ въ кабинетъ. Левъ Михайлычъ ходилъ большими шагами по кабинету. Онъ обрадовался мнѣ, точно другу.

— Слышали?—почти закричалъ онъ:—каковы молодцы! Добились-таки чего хотѣли!

— Кто?—тихо спросилъ я.

— Кому же, какъ не жандарму! Подслужился! въ генералы хочется, да въ столицу. Нѣтъ, этому не бывать, какъ Богъ святъ, не бывать!—Онъ даже перекрестился.—Я еще не выжилъ изъ ума, языкъ у меня есть, за словомъ въ карманъ не полѣзу. Я тамъ открою глаза на его „ревностную и неусыпную службу"!

— Что за причина? За что?—рискнулъ я спросить и раскаялся.

Онъ пролилъ цѣлое море жёлчи на жандармовъ, и на всѣхъ, кого онъ подозрѣвалъ изъ губернскихъ властей въ интригѣ противъ него. И надо отдать ему справедливость, мастерски освѣтилъ фигуры своихъ „враговъ".

— Вотъ вы тянулись все въ Петербургъ,—заключилъ онъ:—я не только не удерживаю васъ, но настоятельно прошу уѣхать изъ этого болота! И чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше! Вы здѣсь даромъ истратите свѣжія, молодыя силы, и ничего не пріобрѣтете, никакого опыта—ни въ службѣ, ни въ жизни. Васъ подведутъ, насплетничаютъ, очернятъ, испортятъ вамъ репутацію, и карьера ваша пропадетъ! Женятъ васъ на какой-нибудь Голендухѣ Поликакіевнѣ, и вы загубите вѣкъ свой въ глуши, среди чиновной челяди, взяточниковъ, тупоумныхъ помѣщиковъ...

И пошелъ, и пошелъ рисовать мнѣ картину, совсѣмъ противоположную той, какую рисовалъ, когда приглашалъ меня остаться.

— Я зналъ все это,—сказалъ я ему:—и не остался бы долго ни въ какомъ случаѣ, тѣмъ болѣе теперь, когда вы уѣзжаете...

Тутъ онъ наконецъ подалъ мнѣ руку и горячо пожалъ мою.

— Что же вы намѣрены дѣлать?—спросилъ онъ.

— Ѣхать вслѣдъ за вами...

— А отчего не съ нами?—почти нѣжно спросилъ онъ.

— Если это не стѣсняетъ васъ—и если я вамъ могу быть чѣмъ-нибудь полезенъ...

Онъ не далъ мнѣ договорить и стремительно обнялъ меня.

— Благодарю. Не только полезны, вы мнѣ будете необходимы: я многаго жду отъ вашей... дружбы,—нерѣшительно прибавилъ онъ.—Но объ этомъ послѣ. Теперь главное—выбраться изъ этой лужи! Поѣдемте. Я вамъ найду мѣсто въ любомъ министерствѣ. Сдайте дѣла Добышеву: пусть онъ управляетъ... губерніей!

Онъ ѣдко засмѣялся и тяжело вздохнулъ.

— Я подозрѣваю,—прибавилъ онъ,—между нами сказать, и самого Добышева въ этой интригѣ... да! И предсѣдателя тоже... Яркина... Архіерей тоже послѣднее время что-то косился на меня... Вы не замѣтили, какъ онъ бывалъ сухъ?..

Я чуть не засмѣялся. Еще немного—и онъ, въ числѣ враговъ, назвалъ бы, пожалуй, Чучу.

— Пріѣзжайте ко мнѣ ужо вечеромъ: мы потолкуемъ. А теперь я еще въ ажитаціи...

Я сталъ раскланиваться. Въ это время распахнулась дверь, и въ кабинетъ стремительно вошелъ Андрей Петровичъ Прохинъ, чиновникъ особыхъ порученій при губернаторѣ. Онъ былъ навеселѣ, въ возбужденномъ состояніи.

— Что я слышалъ, ваше превосходительство! Ужели это правда?—началъ онъ, подбѣгая къ губернатору и съ паѳосомъ складывая руки на груди.—Ужели это правда?—обратился онъ и ко мнѣ.—Какъ, нашъ добрый, благородный начальникъ покидаетъ насъ? Нѣтъ, это невозможно! скажите, что это неправда!

— Вы выздоровѣли?—вдругъ спросилъ его Углицкій вмѣсто отвѣта.

— Да-съ: проходитъ, прошло... Какъ только я услыхалъ убійственную вѣсть, у меня все какъ рукой сняло... Извольте видѣть.

Онъ вытягивался передъ Углицкимъ.

— Да, вижу...—сказалъ губернаторъ, глядя на него съ нѣкоторымъ сомнѣніемъ.

— Побѣгу,—думалъ я,—узнаю: можетъ быть, неправда!—твердилъ Прохинъ.

— Правда!—заговорилъ губернаторъ.—Вы не ожидали этого? И никто не ожидалъ, и, надѣюсь, никто не желалъ...

— Никто, клянусь честью, никто! — патетическимъ голосомъ повторялъ Прохинъ.—Вы такъ много сдѣлали для губерніи, для всѣхъ насъ, для купечества, для мѣщанства... для народа!.. И не признать, не оцѣнить этого! Позвольте, ваше превосходительство, написать объяснительную подробную записку... У меня уже планъ въ головѣ готовъ...

— Да, да, пожалуйста,—уцѣпился за предложеніе Углицкій:— я хотѣлъ объ этомъ просить, но вы были... нездоровы. Никто, кромѣ васъ, не напишетъ...

— Правда, ваше превосходительство, правда: никто, никто! И онъ (указывая на меня) ни за что не напишетъ. Онъ пишетъ чувствительно, но не дѣловито. Я сегодня же засяду...

— Мы возьмемъ записку съ собой въ Петербургъ,—перебилъ губернаторъ:—Вѣдь вы поѣдете со мной, не откажетесь?..

— Нѣтъ, ваше превосходительство! Отказаться! На край свѣта за вами...

Онъ поцѣловалъ его въ плечо.

— Вотъ и онъ ѣдетъ!—указалъ губернаторъ на меня.

— Вы благородный, благородный человѣкъ, человѣкъ съ сердцемъ!—съ жаромъ отозвался Прохинъ и бросился цѣловать меня.

Уфъ! меня точно въ винную бочку посадили!

Прохинъ сталъ изливаться передъ губернаторомъ въ чувствахъ, или „чувствованіяхъ“ преданности, какъ онъ выражался, а губернаторъ живо ухватился за предложеніе писать записку въ Петербургъ и быстро увѣровалъ въ ея неотразимость и силу. Они горячо заговорили. Углицкій кидалъ мысль за мыслью, оттѣнялъ ихъ живыми деталями.

— Слушаю, слушаю! Вотъ еще надо то включить, другое...— поддакивалъ Прохинъ. Оба они говорили въ одно время, перебивая другъ друга.

Я ушелъ.—До вечера!—сказалъ мнѣ вслѣдъ губернаторъ.

Я ничего не говорилъ объ этомъ Прохинѣ. Онъ былъ полненькій, кругленькій сорокалѣтній человѣкъ средняго роста, съ сѣроголубыми на выкатѣ глазами, съ одутловатыми отъ вина щеками, вѣчно съ влажнымъ подбородкомъ и руками, такъ что послѣ его рукожатія надо было обтирать руку. Впрочемъ, онъ былъ не непріятной наружности и пріятный въ обращеніи.

Онъ служилъ по особымъ порученіямъ, собственно по письменной части. А писать онъ былъ великій мастеръ. Его доклад-

ныя объяснительныя и оправдательныя записки были шедеврами. Онъ былъ извѣстное перо въ губерніи. Онъ воспиталъ свой стиль сначала въ семинаріи, потомъ въ казанскомъ университетѣ, на хріяхъ, періодахъ, тропахъ, фигурахъ, метафорахъ, свидѣтельствахъ отъ противнаго, подобіяхъ и прочихъ тонкостяхъ риторики. Никогда отъ нихъ не отступалъ и признавался мнѣ, что еслибъ и захотѣлъ, то не могъ бы отступить. „Ужъ очень втянулся,—говорилъ онъ.—Когда возьму перо въ руку, такъ первое является у меня—не что писать, а какъ писать? Ядро мысли вылупляется на другой страницѣ листа, а на первую просится вступленіе, потомъ занимаетъ меня соображеніе о числѣ посылокъ“ и т. д.

Слогъ у него былъ плавный, текучій, пріятный. Бывало, вникая въ дѣла, читаешь и зачитываешься этой его дѣловой литературой. Нигдѣ, что называется, ни сучка, ни задоринки. Такъ и льется рѣчь, какъ тихая рѣка. Ни нечаянныхъ оборотовъ, ни сильныхъ взмаховъ и ударовъ пера, ни поразительныхъ неожиданностей. И какой тонкій, искусный казуистъ онъ былъ! Какъ онъ умѣлъ подсказанный ему Углицкимъ софизмъ развести въ сладкой водѣ своей риторики!

Къ сожалѣнію, всѣми качествами его пера и пріятнаго характера не часто приходилось пользоваться. Онъ являлся у губернатора мѣсяца два-три сряду, потомъ мѣсяца на три пропадалъ, запирался дома и... пилъ запоемъ. Когда спросятъ, что его не видать, губернаторъ, пожавъ плечами, скажетъ, что онъ „dans les vignes du Seigneur“, а другіе просто выражались: „запилъ“. Потомъ отрезвляется, и какъ ни въ чемъ не бывало, является, пишетъ дѣловыя записки, со всѣми любезенъ, ласковъ, пріятенъ.

Но въ пьяномъ образѣ бывалъ свирѣпъ. Изъ оконъ своего невысокаго деревяннаго домика, гдѣ жилъ съ своимъ отцомъ, престарѣлымъ, заштатнымъ священникомъ, показывалъ прохожимъ языкъ, грозилъ кулакомъ или плевался. Иногда выходилъ въ сѣромъ халатѣ на улицу, въ галошахъ на босу-ногу, и шелъ въ кабакъ, если дома не давали пить.

Вотъ и весь Прохинъ, бывшій мой сослуживецъ и будущій спутникъ до Петербурга.

Ко мнѣ онъ очень благоволилъ, но слога въ моихъ бумагахъ не признавалъ, и весьма основательно, потому что его не было. Не любилъ онъ еще одного—зачѣмъ я зналъ иностранные языки, а онъ нѣтъ. Когда мнѣ случилось при немъ отвѣчать губернатору или губернаторшѣ по-французски на ихъ вопросы на этомъ языкѣ, онъ на меня дулся. Вообще въ немъ таилась заноза про-

тивъ всѣхъ знавшихъ языки. „Знай я ихъ, эти проклятые языки,— проговаривался онъ за пуншемъ, среди своихъ, — изъ меня бы вышла не та фигура!“

Оставивъ его съ губернаторомъ и сойдя внизъ, я сдалъ всѣ бумаги опять Добышеву и передалъ ему ключъ отъ шкафа съ дѣлами.

— Что такъ торопитесь: успѣли бы!—сухо замѣтилъ онъ.

Съ чиновниками канцеляріи я простился дружелюбно, пожавъ имъ всѣмъ руки въ первый и послѣдній разъ: они были уже не подчиненные мнѣ. Сторожу Чубуку на его „прощенья просимъ“—я далъ рубль и пріѣхалъ домой отставнымъ-неслужившимъ чиновникомъ, и сталъ готовиться къ скорому отъѣзду въ Петербургъ.

Я не касаюсь здѣсь причины увольненія Углицкаго. Въ губерніи его жаловали мужчины, особенно безсемейные, любившіе весело пожить, да и всѣ охотно ѣздили къ нему, принимали у себя, благодаря его живому, веселому, любезному характеру, его свѣтскости, тону, обходительности. Дамы были отъ него безъ ума.

Для дѣлъ онъ не сдѣлалъ ничего, ни дурного, ни хорошаго, какъ и его предмѣстники. Были, правда, у него порывы, въ родѣ вышеописаннаго: разогнать немного тьму, прижать взяточничество, замѣстить казнокрадовъ порядочными людьми, но онъ былъ не геркулесъ, чтобы очистить эти авгіевы конюшни. Гдѣ ему? У него вдругъ загорится порывъ, вспыхнетъ и скоро простынетъ.

Причинъ къ его удаленію было, вѣроятно, найдено не мало: какихъ-нибудь мелкихъ чиновничьихъ придирокъ по дѣламъ. Но была и одна крупная причина, которая восходила до начальства дѣйствительно, какъ я слышалъ, стороной, черезъ жандармовъ.

Причина эта была посторонняя службѣ: она не подводила губернатора ни подъ какой формальный судъ и въ обществѣ вызывала только снисходительную улыбку и насмѣшливые толки. Она касалась не дѣлъ, а самой личности его, не шла къ его сану и положенію.

Онъ былъ... женолюбивъ. Въ „наукѣ страсти нѣжной“ онъ, какъ Онѣгинъ, должно быть, находилъ „и муку, и отраду“. Я еще тамъ, на мѣстѣ, слышалъ кое-какія исторіи о его „любвяхъ“, но не придавалъ имъ тогда значенія. Въ Петербургѣ уже я, частію былъ самъ свидѣтель, частію по его собственнымъ разсказамъ, могъ убѣдиться, что не только все слышанное о немъ на Волгѣ было справедливо, но и въ томъ, какъ безвозвратно и неисцѣлимо онъ былъ преданъ этой „наукѣ“, т.-е. страсти нѣжной, и какой былъ великій стратегъ и тактикъ въ ней!

Можно бы было написать нѣсколько томовъ его любовныхъ исторій, въ родѣ мемуаровъ Казановы, еслибъ всѣ такія исторіи не были однообразны, до крайности пошлы и не пріѣлись всѣмъ до тошноты. Онѣ могутъ быть занимательны только для самихъ дѣйствующихъ въ нихъ лицъ и больше ни для кого.

Еслибъ Углицкій умѣлъ писать, онъ непремѣнно изобразилъ бы себя съ своимъ обширнымъ гаремомъ и обогатилъ бы всеобщую эротическую исторію еще однимъ многотомнымъ увражемъ, въ родѣ сочиненій маркиза де Сада, Брантома и вышепомянутаго Казановы.

Къ счастію для него и для читателей, онъ былъ слабъ въ грамотѣ. Онъ явился бы въ блескѣ своего фатовства и того „хладнокровнаго разврата", которымъ, по свидѣтельству поэта, „славился" старый вѣкъ. Углицкій, какъ и Казанова, его прототипъ, не годился въ Отелло, Ромео, даже въ Донъ-Жуаны, а прямо въ Фобласы. Онъ не зналъ никакихъ нѣжныхъ чувствъ, страстныхъ изліяній, слезъ и мукъ разлуки, ревности—всего того, чѣмъ красна человѣческая любовь. И если иногда прибѣгалъ къ этому, то единственно какъ къ средству для достиженія желаемой, извѣстной и скорой развязки.

А достигнувъ ея, искалъ новаго—и такъ безъ конца.

Все это стало въ провинціи выходить наружу. Мужья загораживали отъ него женъ, но онъ, своею вкрадчивостью, тонкой лестью, потомъ наружностью и манерами, успѣвалъ ловко вести и маскировать свою ловеласовскую политику, проникалъ въ замкнутые круги и имѣлъ успѣхъ, которымъ самъ же подъ рукой хвастался. Однако шило стало прокалывать мѣшокъ. Разсказывали, что его домашній чиновникъ тайкомъ провожалъ къ нему по вечерамъ одну „барыню, будто бы изъ порядочнаго семейства". Потомъ говорили, что жена одного изъ его чиновниковъ пользовалась его благосклонностью, и что отъ этого, и ей, и мужу было хорошо. Наконецъ, говорили (это уже сплетня, должно быть), что женихъ одной красивой дѣвицы... побилъ его по секрету за... черезъ-чуръ явное и усердное поклоненіе своей невѣстѣ.

Вотъ это послѣднее обстоятельство—секретные побои—и послужило будто бы главнымъ мотивомъ доноса на губернатора и его отозванія. „Скандалъ, десять: дурной примѣръ подаетъ!"

Я этому не вѣрилъ и до сихъ поръ не вѣрю, т. е. въ причину отозванія. Но вообще въ романахъ Углицкаго теперь уже сомнѣваться не могу: самъ видѣлъ ихъ потомъ въ Петербургѣ и за границею. Перомъ не коснусь ни одного изъ нихъ, по вышесказан-

ной причинѣ. Всѣ они одинаково пошлы, и только въ живыхъ разсказахъ этого Фобласа казались остроумны и веселы. Онъ прикрывалъ свои романы лоскомъ хорошаго тона, наружнаго приличія, даже галантнаго рыцарства.

Тотъ ли или другой мотивъ повелъ къ удаленію Углицкаго, но онъ вскорѣ, въ маѣ мѣсяцѣ, оставилъ губернію, съ семействомъ, еще съ Прохинымъ, и убѣдительно пригласилъ ѣхать вмѣстѣ и меня. „Веселѣе ѣхать вмѣстѣ!“—прибавилъ онъ. Я охотно согласился.

Я простился съ родными надолго, а съ Якубовымъ навсегда. Мы крѣпко обнялись съ нимъ, не предчувствуя оба, что болѣе не увидимся. Я посѣтилъ родину ровно черезъ четырнадцать лѣтъ, но его уже не засталъ въ живыхъ.

XV.

Еслибъ въ началѣ тридцатыхъ годовъ отъ С. до Москвы существовала желѣзная дорога, намъ понадобился бы цѣлый отдѣльный поѣздъ: такъ много насъ выѣхало изъ города.

Впереди ѣхалъ дормёзъ съ губернаторомъ и его семействомъ, т. е. ихъ собственно было трое: мужъ съ женой и дочь. А затѣмъ на полверсты растянулась вереница экипажей съ провожатыми обоего пола. Поѣздъ замыкался коляской-тарантасомъ, гдѣ помѣщались я и Прохинъ, съ лакеемъ на козлахъ. А сзади насъ—бричка съ прислугой: горничной, камердинеромъ, еще лакеемъ и мальчикомъ.

Углицкій пересаживался изъ экипажа въ экипажъ, отплачивая любезностями за проводы. Къ Марьѣ Андреевнѣ по очереди садились почетныя губернскія дамы. Въ бывшемъ губернаторскомъ экипажѣ ѣхала, шептали тогда злые языки, la favorite en titre Углицкаго, жена его чиновника, да Чуча съ Линой.

Чуча была вся распухшая отъ слезъ, а Лина, сжавъ губы, смотрѣла на все злыми глазами, особенно на Чучу, и ехидно молчала. Горничная Марьи Андреевны разсказывала уже въ Москвѣ, что губернаторша не хотѣла разставаться съ Линой, звала ее съ собой, но некуда было дѣть Чучу. Лина злобно жаловалась горничной, что сестра ея заѣдаетъ ей вѣкъ, что, не будь этой „немогучки“, она, Лина, была бы въ Петербургѣ, гдѣ, разумѣется, оцѣнили бы ея „золотыя руки“, и она вышла бы замужъ.

Кромѣ Лины и Чучи, всѣ въ поѣздѣ были крайне веселы,

особенно самъ Углицкій, нужды нѣтъ, что онъ уѣзжалъ въ качествѣ опальнаго. Напротивъ, онъ веселился мыслью, что у него въ хвостѣ поѣзда ѣхалъ Прохинъ, уже съ готовой краснорѣчивой, неотразимой оправдательной запиской, прочтя которую, всѣ начальства примутъ его съ распростёртыми объятіями, будутъ гладить по головѣ, жандарма изъ провинціи прогонять и прочихъ „враговъ“ прихлопнутъ, а ему дадутъ лучшую губернію на выборъ или сдѣлаютъ его сенаторомъ.

Одѣтый щегольски, въ форменномъ сюртукѣ, со звѣздой, онъ, съ такими мечтами, весело оглядывалъ длинный поѣздъ провожатыхъ, садился то къ тѣмъ, то къ другимъ дамамъ, и даже нашелъ четверть часа посидѣть въ каретѣ наединѣ съ favorite en titre и... нѣжно, à la Казанова, съ нею проститься.

Это была какая-то увеселительная поѣздка, въ родѣ тѣхъ, судя по описаніямъ, какія совершались богатыми вельможами Екатерининскихъ временъ, ѣздившими изъ своихъ имѣній въ столицу. А тутъ ѣхалъ эксъ-губернаторъ, съ единственными шестью или семью тысячами рублей (ассигнаціями), вырученными отъ продажи мебели, экипажей, лошадей и всего движимаго имущества, но съ радужными надеждами на будущее. Онъ шутилъ, острилъ, смѣшилъ дамъ и самъ смѣялся.

Добышева въ числѣ провожатыхъ не было. Онъ терся уже около новаго губернатора. Я забылъ сказать, что послѣдній пріѣхалъ за нѣсколько дней до нашего выѣзда и вступилъ въ управленіе губерніей. Всѣ подчиненные оставались при немъ, и только на данномъ отъѣзжающему дворянствомъ завтракѣ выпили за его здоровье и разошлись.

На одной изъ станцій былъ заготовленъ обѣдъ, послѣ котораго бо́льшая часть провожатыхъ воротилась. Чуча разревѣлась на прощанье такъ, что тронула всѣхъ. Она положила голову на плечо Софьи Львовны и плакала навзрыдъ. Лина сердито оторвала ее, толкнула въ карету и, пошептавъ что-то на прощанье губернаторшѣ, сама юркнула въ экипажъ и сильно захлопнула дверцы.

Еще нѣсколько самыхъ веселыхъ изъ нашихъ провожатыхъ, близкихъ безсемейныхъ пріятелей Углицкаго, поѣхали дальше впередъ и въ богатомъ барскомъ селѣ приготовили, въ домѣ управляющаго имѣніемъ, обильный ужинъ и ночлегъ. Углицкому съ семействомъ отведены были лучшія комнаты, а намъ, помнится, четверымъ, постлали постели на полу большой залы. Но Углицкій легъ съ нами. Прохина, за недостаткомъ мѣста, помѣстили на ночь въ крестьянской избѣ, до того обильной клопами, что онъ всю

ночь, какъ разсказывалъ, только и дѣлалъ, что высовывался до пояса изъ оконъ отъ боли и бранился на все село. Спать было немыслимо. „А мужики, бестіи, говоритъ, знай-храпятъ себѣ около меня“.

Мы же всѣ, т. е. Углицкій, гости и я, спали въ повалку. Наслушались же мои молодыя уши въ эту ночь разсказовъ и анекдотовъ полупьяной компаніи! Особенно отличались самъ Углицкій и его близкій пріятель, Брашинъ. Одинъ анекдотъ скабрёзнѣе и смѣшнѣе другого, и одинъ особенно былъ такъ нечистъ и вмѣстѣ такъ смѣшонъ, что съ нашимъ хохотомъ вдругъ раздался хохотъ камердинера, которому все было слышно въ передней. Разсказчики не стѣснялись. Анекдоты Углицкаго изобиловали и кощунствомъ. Между тѣмъ, ложась спать, онъ снялъ съ груди тонкую металлическую, вершка въ два величиной, икону и просилъ меня положить на столѣ, рядомъ со мной, предварительно приложившись къ ней.

На другое утро, наконецъ, мы поѣхали уже одни, въ трехъ экипажахъ. Впереди дормёзъ съ Углицкимъ, его женой и дочерью, потомъ мы съ Прохинымъ въ колескѣ, а сзади бричка съ прислугой. Погода была прекрасная, наше расположеніе духа тоже. Мой спутникъ, Прохинъ, совсѣмъ оправившійся отъ своего періодическаго „недуга“, былъ шутливъ, веселъ, пріятенъ. Онъ острилъ надъ вчерашними проводами, и самъ Углицкій тоже. Послѣдній пересаживался изъ дормёза къ намъ въ коляску и почти все время ѣхалъ съ нами. Онъ мастерски изобразилъ въ карикатурѣ прощанье и рѣчи, и, между прочимъ, чего я никакъ не ожидалъ, самъ разболтался о нѣжномъ прощаньѣ въ каретѣ съ „дамой сердца“.

— Вамъ жаль ее?—спросилъ я съ участіемъ.

— Мнѣ!—Онъ засмѣялся.—Я смотрю теперь на нее— вотъ какъ на этого барана!—сказалъ сѣдой фатъ, указывая на кучку лежавшихъ въ тѣни около дороги барановъ.

Прохинъ зло и остроумно подшучивалъ, когда, при переѣздѣ вбродъ черезъ рѣчку или черезъ ветхій, сомнительной прочности мостъ, Углицкій пропускалъ впередъ насъ, на случай опасности. Марья Андреевна ѣхала хмурая и кислая, вздыхая по роли первой дамы въ губерніи. Софья Львовна успѣла загорѣть и очень весело улыбалась мнѣ изъ окна, когда карета на поворотахъ оборачивалась къ намъ бокомъ. На станціяхъ мы урывками мѣнялись съ нею нѣсколькими словами, смѣялись, если попадалось что смѣшное. Углицкіе просили меня взять на себя роль казначея, платить прогоны, на водку ямщикамъ и за то,

что забирали на станціяхъ, такъ что мнѣ немного выпадало на долю поболтать съ этой милой, острой и веселой дѣвушкой.

Весело, покойно, въ трое сутокъ, докатились мы до Москвы. Углицкіе остановились у своей старой тетки, на Арбатѣ, а я отправился къ товарищу, съ которымъ жилъ и мой братъ. Углицкій предупредилъ меня, чтобы я дней черезъ пять-шесть навѣдался о днѣ отъѣзда и былъ готовъ. Долѣе недѣли онъ въ Москвѣ оставаться не хотѣлъ.

Проведя весело, съ друзьями и товарищами, нѣсколько дней, я въ назначенное утро поѣхалъ къ Углицкому навѣдаться, когда мы выѣзжаемъ.

— Мы всѣ готовы,—сказалъ онъ:—все уложено, завтра хотѣли выѣхать, да Андрей Петровичъ...

— А что съ нимъ?—спросилъ я.

— Развѣ вы не знаете? Вотъ пойдемте!

Онъ повелъ меня въ маленькій деревянный флигель съ большимъ окномъ, выходившимъ на улицу. Въ немъ была одна комната, безъ передней, съ печкой, кроватью и тремя соломенными стульями. Мы изъ переулка шагнули прямо въ комнату.

За маленькимъ столомъ, въ сѣромъ халатѣ, сидѣлъ Прохинъ, съ повязанной около шеи салфеткой, и обѣдалъ, т. е. старался обѣдать, но это ему не удавалось. Мальчикъ-лакей держалъ передъ нимъ тарелку съ супомъ. Прохинъ черпалъ ложкой изъ тарелки, подносилъ ко рту, но руки дрожали, и супъ проливался на салфетку и халатъ.

— Здравствуйте, Андрей Петровичъ!—сказали мы оба.

Онъ не обернулся, не посмотрѣлъ на насъ, продолжая неудачныя попытки попасть ложкой въ ротъ.

— Каковъ?—отчаянно, вслухъ, сказалъ мнѣ Углицкій.—Что съ нимъ дѣлать? Я не знаю, какъ быть!

И я не зналъ и ничего не сказалъ, разглядывая Прохина. Глаза у него были мутные, съ красноватымъ блескомъ, борода небритая. Лицо влажное, точно вымазано масломъ. Онъ, не мигая, уставилъ глаза въ окно, на заборъ и канаву, заросшую крапивой.

— Когда это онъ успѣлъ?—спросилъ я.—Вѣдь онъ оправился совсѣмъ передъ отъѣздомъ!

— Первые три дня онъ былъ очень хорошъ, а потомъ встрѣтилъ какого-то пріятеля, сталъ пропадать, и третьяго дня вечеромъ его привезли домой безъ чувствъ. Ни везти съ собой нельзя, ни оставить здѣсь! — говорилъ въ печальномъ раздумьѣ Углицкій.—Il m'a joué un tour! А я думалъ, что онъ поможетъ мнѣ

въ Петербургѣ перомъ! А онъ—вонъ что! Между тѣмъ, въ оправдательной запискѣ нужно бы сдѣлать нѣкоторыя дополненія... Развѣ вы поможете... вы не откажетесь?

— Конечно, нѣтъ!—успокоилъ я его, видя, что онъ все упованіе оправдаться возлагалъ на эту проблематическую записку.— Теперь пока надо рѣшить, что дѣлать съ Андреемъ Петровичемъ...

— Вотъ что мы сдѣлаемъ!—вдругъ живо отозвался Углицкій, у котораго идеи, намѣренія вспыхивали внезапно, какъ искры.— Я отправляю камердинера съ бричкой назадъ: съ ними поѣдетъ назадъ и онъ.

Онъ указалъ на Прохина.—Вотъ и прекрасно: c'est une idée! Итакъ, рѣшено: завтра я отправлю его, а послѣ-завтра выѣдемъ и мы...

При этихъ словахъ, Прохинъ медленно поворотилъ голову къ намъ. Глаза у него блеснули. Онъ сорвалъ съ шеи салфетку и бросилъ на полъ.

— Да, и „прекрасно"!—обратился онъ къ намъ, передразнивая Углицкаго.—Вы хотите отправить меня, какъ куль съ поклажей, съ вашимъ лакеемъ: таковскій-дескать! Бросить его, какъ негодную клячу. „Пусть околѣваетъ!" Что же, бросьте, ваше превосходительство...

Мы съ Углицкимъ переглянулись другъ съ другомъ.

— А знаете ли, что изъ этого выйдетъ?—продолжалъ Прохинъ.—Вы думаете, я приму ваше предложеніе, расшаркаюсь, поблагодарю и поѣду съ вашимъ лакеемъ назадъ, домой? Ошибаетесь: я чиновникъ коронный, царскій слуга (онъ ударилъ себя кулакомъ въ грудь); состоялъ при васъ какъ при губернаторѣ, но лакеемъ вашимъ не былъ, любовныхъ вашихъ записокъ по городу не разносилъ: да! (Углицкій нервно почесалъ затылокъ.) Вы могли бы взять съ собой вашего Егорьева, или, пожалуй, Добышева, и потомъ отправить ихъ, какъ негодный хламъ, назадъ. Пусть они и служили бы вамъ перомъ! А я, Прохинъ, не унижусь до этого никогда! нѣтъ, никогда! Что вы оба уставили глаза на меня?—продолжалъ онъ.—Я хотѣлъ быть полезенъ вамъ своимъ перомъ, нужды нѣтъ, что вы не начальникъ мой больше. Но вы всегда были добры, ласковы со мной, снисходили къ моей слабости... А у меня благодарное, незабывчивое сердце — я и поѣхалъ съ вами! А теперь что: не нуженъ, такъ вонъ его, какъ негодную тряпку! Оставить!

Мы слушали этотъ, сказанный хорошимъ слогомъ, какъ изъподъ его пера, вылившійся монологъ, и ушамъ не вѣрили. Про-

хинъ ли это, который, за минуту передъ тѣмъ, не могъ донести ложку до рта?

— Оставьте меня здѣсь, оставьте!—продолжалъ онъ съ пьянымъ паѳосомъ:—будетъ „прекрасно"! Знаете что будетъ? Вашего лакея, если онъ осмѣлится звать меня съ собой, я вытолкаю въ шею, и не поѣду, нѣтъ, не поѣду! Оставьте меня—„прекрасно будетъ"! Я уйду въ кабакъ, да, уйду: вотъ у меня двѣсти рублей здѣсь, въ ящикѣ... Я всѣ ихъ пропью, до копѣйки, заложу одежду до послѣднихъ штановъ, рубашку пропью—и лягу вонъ тамъ, въ канавѣ — и околѣю! „Прекрасно" это будетъ, по-божески—какъ вы думаете?

Онъ опять впалъ въ свое забытье. А мы съ Углицкимъ молча, со страхомъ и недоумѣніемъ, глядѣли другъ на друга. Передъ нами разыгрывалась обыкновенная, но трагическая сцена.

— Что дѣлать? — растерянно вполголоса говорилъ Углицкій въ глубокомъ раздумьѣ:—какъ поступить? Ни взять съ собой, ни покинуть нельзя—вотъ положеніе!—Онъ скрестилъ руки на груди.

Вдругъ Прохинъ поднялся съ мѣста, сдѣлалъ два невѣрныхъ шага къ Углицкому и грохнулся передъ нимъ на колѣни.

— Не покидайте меня, не покидайте: я пропаду, какъ собака!—молилъ онъ, съ катящимися по щекамъ слезами.—Я знаю, что погибну; я вѣдь не мужикъ-пьяница, я сознаю свое положеніе и все безобразіе... Вашего лакея я не постыжусь и не послушаюсь... О, не покидайте меня... возьмите меня съ собой!

Мы оба были растроганы. Углицкій закрылъ лицо руками.

— Я не покину васъ, Андрей Петровичъ,—сказалъ онъ въ волненіи.—Будь что будетъ! Я хотѣлъ сдѣлать какъ вамъ удобнѣе...

— Я заслужу, заслужу!—продолжалъ Прохинъ:—перомъ заслужу. Я дополню оправдательную записку, буду жить съ вами, пока нуженъ. А вы хотите дать пачкать мою записку ему (онъ съ гнѣвомъ указалъ на меня): да развѣ онъ можетъ? Куда ему! Онъ только—нарлефрансе, а писать ему—развѣ стишки въ альбомы, да письма къ родителямъ въ именины. Развѣ онъ знаетъ дѣло?.. развѣ у него есть слогъ?

Начиналась опять комедія, и мы ушли. Углицкій успокоилъ Прохина, рѣшивъ взять его съ собой, и сказалъ, что мы выѣзжаемъ на другой день.

XVI.

Послѣ веселаго, съ примѣсью грусти, завтрака съ товарищами, я простился съ ними и съ Москвой. На дворѣ, гдѣ жили Углицкіе, я засталъ обычную дорожную суматоху. Укладывали чемоданы, подушки, мѣшки, узелки, въ дормёзъ и коляску. Бричка съ камердинеромъ оставалась. Въ дормёзѣ ѣхалъ Углицкій съ женой, дочерью и горничной и лакеемъ на козлахъ. Въ тарантасѣ помѣщались мы съ Прохинымъ и другой лакей, тоже на козлахъ.

Прохина лакеи вывели и посадили, пока ямщики запрягали лошадей. Его обложили подушками, такъ что онъ занималъ почти весь экипажъ. Мнѣ оставалось небольшое пространство. Послѣ прощаній, лобзаній съ тёткой, сѣли наконецъ, и мы тронулись, трясясь по избитой мостовой. У Прохина лицо, какъ вчера, было безсмысленное. Онъ смотрѣлъ тупымъ взглядомъ впередъ, ничего не видя, сидѣлъ прочно между подушекъ, какъ монументъ. На мое „здравствуйте“ онъ не отвѣчалъ ни слова, даже, кажется, не замѣтилъ моего присутствія. Такъ покатились мы по петербургскому шоссе.

Углицкіе были озабочены состояніемъ, въ какомъ былъ Прохинъ, и на каждой станціи спрашивали меня, что онъ дѣлаетъ, что говоритъ, и вообще каковъ, приходитъ ли въ себя? Я самъ смотрѣлъ на своего спутника съ нѣкоторымъ сомнѣніемъ и даже опасеніемъ:—а ну, какъ онъ... „съ безумныхъ глазъ“ набѣдокуритъ что-нибудь?—думалось мнѣ. Но онъ промолчалъ весь этотъ день. Ночь мы провели на станціи, поручивъ его попеченіямъ обоихъ лакеевъ, и на другой день, съ разсвѣтомъ, поѣхали далѣе.

Прохинъ сохранялъ свой монументальный видъ и неподвижную позу бронзоваго сфинкса, уставивъ глаза въ пространство. Онъ только безпрестанно вынималъ изъ-подъ подушки большую табакерку и набивалъ носъ табакомъ, которымъ запачкалъ себѣ и щеки, и небритую бороду. На мои вопросы онъ ничего не отвѣчалъ.

На вторыя сутки онъ сталъ обнаруживать признаки жизни—и отличился. Взглядъ его сталъ блуждать вокругъ себя; наконецъ онъ замѣтилъ и меня.

— А, и ты тутъ! не то грозно, не то насмѣшливо произнесъ онъ:—мой слогъ ѣдешь поправлять! ха, ха, ха! парлефрансе! Дай табаку!

Я подалъ ему табакерку. Зловѣщая живость разыгрывалась въ немъ все болѣе и болѣе. На вопросъ мой, знаетъ ли онъ меня, кто я такой, онъ взглянулъ на меня и ѣдко отвѣтилъ:—Какъ не знать тебя, извѣстнаго пьяницу!

Я засмѣялся. Вотъ ужъ, что называется, съ больной головы да на здоровую!

— Что смѣешься! Дай табаку!—безпрестанно командовалъ онъ. Я спѣшилъ его удовлетворить, робко прижимаясь въ уголъ и сторонясь отъ его размаховъ руками.

Онъ къ вечеру третьяго дня совсѣмъ рехнулся: кричалъ, плакалъ, называлъ насъ разбойниками, говорилъ, что мы прячемъ отъ него письма отъ отца. Завидѣвъ одну бабу, шедшую по дорогѣ съ кузовкомъ, онъ закричалъ:—Стой, стой!—Ямщикъ придержалъ лошадей, а онъ въ одно мгновеніе выскочилъ изъ экипажа—откуда проворство взялось!—перебѣжалъ дорогу и выхватилъ у бабы кузовокъ изъ рукъ, прежде нежели мы съ лакеемъ успѣли догнать его. Баба не давала, а онъ отнималъ у нея кузовъ, крича: „Здѣсь письма отъ отца: онъ проситъ помощи, его рѣзать хотятъ!“

Онъ испустилъ вопль и залился горькими слезами. Углицкій, я, оба лакея—насилу сладили съ нимъ и усадили въ коляску.

Дамы, т.-е. собственно Марья Андреевна была въ ужасѣ, нюхала соли. Софья Львовна обращала любопытный вопросительный взглядъ на меня. Я украдкой прикладывалъ ладони къ вискамъ, какъ Чуча; она спѣшила отвернуться, пряча смѣхъ въ подушку. Углицкій твердилъ, что онъ давно не былъ въ такой „ажитаціи“. Онъ гналъ ямщиковъ, торопилъ станціонныхъ смотрителей, требуя лошадей, чтобы добраться скорѣй до Петербурга и сдать Прохина въ больницу.

А этотъ продолжалъ все чудить, терялъ сознаніе. Ѣхали лѣсомъ, попадались на встрѣчу мужики, бабы.—Невольницы, приближьтесь, пойте!—командовалъ онъ:—невольники, пляшите! Этотъ лѣсъ вырубить,—говорилъ дальше,—и засѣять табакомъ... Дай табаку!

— Кто же вы такой?—рискнулъ я спросить, подавая табакерку.

— Развѣ ты не знаешь, презрѣнный рабъ? — Потомъ задумался и вдругъ спросилъ меня тихо:—А скажи-ка мнѣ... только правду скажи... кто я такой?

— Развѣ вы не знаете?

— Ей-богу, не знаю! Ты скажи, чьихъ я сынъ родителей? Откуда и куда ѣду? И ты самъ, тоже, кто такой? Лицо твое мнѣ что-то знакомо...

Я на все отвѣчалъ ему обстоятельно.

— А тамъ кто ѣдетъ впереди насъ?

— Левъ Михайлычъ Углицкій,—сказалъ я.

— Слыхалъ: имя знакомое...

На каждой остановкѣ я подбѣгалъ къ экипажу и наскоро сообщалъ Углицкимъ объ этой комедіи. Софья Львовна опять прятала смѣхъ отъ матери, которая приходила въ ужасъ, и самъ Углицкій, какъ ни былъ озабоченъ, не могъ удержаться отъ смѣха и ходилъ взглянуть на эту трагикомедію.

Мы не останавливались ни завтракать, ни обѣдать, и гнали, что̀ есть мочи. На одной станціи, пока запрягали лошадей, Софья Львовна, шопотомъ, мило краснѣя, сказала мнѣ, что ей „кушать хочется“. Я вызвалъ ее на станцію и тамъ опустошилъ скудный буфетъ. Она покушала тайкомъ, и я поѣлъ съ нею, потому что у нихъ въ каретѣ всѣ были поглощены страхомъ и заботами, было не до ѣды. Всѣ молчали.

Наконецъ вечеромъ мы доѣхали до Новгорода и заняли нѣсколько нумеровъ въ большой гостинницѣ. Марья Андреевна съ дочерью и мужемъ помѣстились въ одномъ этажѣ, а мы съ Прохинымъ въ другомъ, въ большой комнатѣ, раздѣленной перегородкой на двѣ половины, съ двумя постелями.

Сейчасъ же по пріѣздѣ послали за докторомъ. Углицкій сталъ было придумывать какую-то небывалую причину болѣзни, ссылался на нервы и прочее, чтобы не выдавать слабости Прохина. Но докторъ взглянулъ на больного, пощупалъ пульсъ, приподнялъ ему пальцемъ вѣки и сухо, коротко сказалъ:—Совсѣмъ не то, что̀ вы вы говорите: это отъ пьянства! У него delirium tremens, и нервы тутъ ни-при-чемъ.

Углицкій, нечего дѣлать, сознался, что Прохинъ пьетъ запоемъ, запилъ еще въ Москвѣ, а дорогой это разыгралось.

— Вѣрно вдругъ пересталъ пить; вотъ еслибъ вы ему постепенно уменьшали порцію водки, этого бы не случилось.

— Что̀ же теперь дѣлать: оставить его здѣсь?—спрашивалъ въ тоскѣ Углицкій.

— Зачѣмъ? Везите дальше; онъ мало-по-малу придетъ въ себя.

Онъ прописалъ успокоительное лекарство, которое обманомъ, подъ видомъ водки, заставили выпить Прохина.

Онъ бушевалъ всю ночь. Я легъ на постель, за перегородкой, и отъ усталости заснулъ какъ убитый. Прохина хотѣли уложить тоже въ постель, но не сладили; онъ упорно сидѣлъ на краю кровати, ходилъ по комнатѣ, нюхалъ табакъ. Къ нему приставили одного изъ лакеевъ и всѣ улеглись.

Несмотря на крѣпкій юношескій сонъ, меня на разсвѣтѣ разбудили отчаянные вопли Прохина. Я всталъ и взглянулъ изъ-за перегородки. Приставленный человѣкъ спалъ въ растяжку на полу мертвымъ сномъ, а Прохинъ, въ одной рубашкѣ, стоялъ у открытаго окна на колѣняхъ и раздирающимъ голосомъ кричалъ: —Рѣжутъ, отца моего рѣжутъ! вонъ, о!.. о!.. о!—И начиналъ рыдать.

Въ маѣ ночной темноты на сѣверѣ не бываетъ. Это было отчасти ново для меня, не бывшаго къ сѣверу дальше Москвы: такихъ свѣтлыхъ ночей я еще не видалъ. Ночь была совсѣмъ бѣлая; сталъ показываться солнечный лучъ и золотилъ крыши домовъ. Все спало, на улицѣ никакого движенія. Только голуби, воробьи и галки раньше всѣхъ проснулись и перелетали съ крыши на крышу.

— Духи бѣлые! Духи черные!—оралъ во все горло Прохинъ, указывая на перелетавшихъ птицъ:—они терзаютъ грудь моего отца! Вонъ, вонъ, глядите, вонзили ножницы въ него!..

— Андрей Петровичъ!—звалъ я его:—успокойтесь!

— А? что?—обратился онъ ко мнѣ.

— Узнаете ли вы меня?—спросилъ я.

— Какъ не узнать: парлефрансе! — сказалъ онъ и опять принялся орать.

Я растолкалъ лакея и поручилъ ему смотрѣть за Прохинымъ, а самъ ушелъ за перегородку досыпать прерванный сонъ.

Утромъ часовъ въ девять меня разбудилъ Углицкій и сказалъ, что все готово, что послѣ завтрака мы уѣзжаемъ. Прохинъ спалъ. Я одѣлся и пошелъ пить чай къ дамамъ. Я разсказалъ имъ о ночномъ событіи. Марья Андреевна всплеснула руками.

— Что мы будемъ съ нимъ дѣлать! Боже мой, какое горе!

Я только переглянулся съ Софьей Львовной: и намъ было не до смѣху.

Прохина разбудили, напоили чаемъ, и мы поѣхали. Прохинъ хранилъ загадочное молчаніе. Мнѣ показалось, что онъ взглянулъ на меня, какъ на знакомое лицо. Онъ самъ уже доставалъ свою табакерку изъ-подъ подушки. Станціи черезъ двѣ онъ спросилъ, нѣтъ ли чего закусить. И когда я принесъ ему бутербродовъ съ

телятиной и языкомъ, онъ поблагодарилъ меня. Послѣ того часа черезъ два, онъ, не оборачиваясь ко мнѣ, вдругъ стыдливымъ шопотомъ спросилъ: — Что Левъ Михайлычъ: онъ очень недоволенъ мною? Какъ я безпокоилъ Марью Андреевну и Софью Львовну: мнѣ совѣстно глядѣть имъ въ глаза!—Онъ прятлъ лицо даже отъ меня.

— Ничего!—успокаивалъ я его, обрадованный перемѣною:— они всѣ дѣйствительно безпокоились, но не за себя, а за ваше здоровье...

— Какая я скотина: скажите откровенно — скотина? Вы, я думаю, смѣялись надо мной.

— Нѣтъ, Андрей Петровичъ,—съ участіемъ отозвался я.—Я глубоко жалѣлъ и жалѣю, что такой человѣкъ, какъ вы, съ умомъ, образованіемъ, дарованіями, съ перомъ...—прибавилъ я.

— И такая свинья!—досказалъ онъ.

— Полноте!

— А много я смѣшилъ васъ?

— Одинъ разъ только разсмѣшили.

— Когда, чѣмъ?

— Когда назвали меня пьяницей!

— Ужели? Этого только недоставало: свою шапку на васъ надѣлъ!

Онъ глубоко задумался и загрустилъ. Я на первой же станціи подбѣжалъ къ дормезу Углицкихъ.

— Что Андрей Петровичъ?—спросили оба.

— Кланяться приказалъ!—обрадовалъ я ихъ.

Они не вѣрили. Левъ Михайлычъ выскочилъ изъ экипажа и побѣжалъ къ Прохину. Тотъ уже вылѣзъ изъ коляски и, завидя Углицкаго, закрылъ лицо руками.

— Скотина, скотина, свинья!—казнилъ онъ себя.—Не могу смотрѣть на васъ...

— Полноте, перестаньте, что вы!—успокаивалъ его Углицкій: —я такъ радъ, такъ радъ, что вы пришли въ себя; я очень боялся за ваше здоровье. Но слава Богу!—Онъ даже перекрестился.

— Какъ вы добры, снисходительны!—говорилъ сконфуженный Прохинъ, съ чувствомъ пожимая протянутыя ему Углицкимъ руки.—Я не буду больше... по крайней мѣрѣ, пока буду вамъ нуженъ... Я заслужу. Сегодня, когда я пришелъ въ себя, я уже обдумалъ, какія дополненія надо сдѣлать въ запискѣ...

— Объ этомъ послѣ, а теперь пойдемте на станцію пить вмѣстѣ чай. Какъ жена и Соня будутъ рады...

— Ахъ, нѣтъ!—отговаривался Прохинъ:—я не смѣю показаться имъ на глаза: ради Бога, позвольте подождать до Петербурга, когда совсѣмъ оправлюсь, обрѣюсь и умоюсь... тогда...

Онъ грустно и тяжело вздохнулъ.

Такъ мы мирно, покойно и прилично, какъ ни въ чемъ не бывало, въѣхали въ Петербургъ.

И. Гончаровъ.

Августъ, 1887 г.

ПЕРСТЕНЬ ПУШКИНА

По новѣйшимъ изслѣдованіямъ.

Исполнившееся 29-го января 1887 г. пятидесятилѣтіе со дня кончины Пушкина вызвало много воспоминаній о великомъ поэтѣ, и въ числѣ ихъ нѣсколько статей, замѣтокъ и писемъ также и о его перстнѣ, извѣстномъ подъ именемъ „талисмана“. Перстень этотъ имѣлъ выдающееся значеніе въ жизни и произведеніяхъ Пушкина, который связывалъ съ нимъ личныя воспоминанія и суевѣрныя примѣты:

Мечтанью вѣчному въ тиши
Такъ предаемся мы, поэты;
Такъ суевѣрныя примѣты
Согласны съ чувствами души.

„Примѣты“, 1829 г.

Значеніе, которое Пушкинъ придавалъ перстню, представляетъ поводъ разобраться въ массѣ ошибочныхъ и вымышленныхъ извѣстій послѣдняго времени о немъ и подробно разсказать о его судьбѣ и похожденіяхъ.

Рядъ извѣстій о перстнѣ начался статьею С. Л.: „Портреты Пушкина“ въ „Новостяхъ“, 30-го января 1887 г., № 29. Въ выпискѣ къ этой статьѣ авторъ мимоходомъ объяснилъ, что Пушкинъ, умирая, подарилъ „талисманъ“ Данзасу. Это невѣрное извѣстіе, заимствованное, вѣроятно, у Аммосова, который записалъ его будто бы со словъ самого Данзаса („Послѣдніе дни жизни и кончина А. С. Пушкина“), вызвало нѣсколько писемъ и возра-

женій [1]). Не будемъ, однако, разбирать ихъ и опровергать заключающіяся въ нѣкоторыхъ изъ нихъ невѣрныя свѣденія,—это было бы скучно и длинно, а ограничимся въ настоящемъ случаѣ лишь немногими необходимыми поправками.

Происхожденіе и первоначальная судьба перстня неизвѣстны. Въ 1823 или 1824 г., онъ былъ пріобрѣтенъ, вѣроятно, въ качествѣ талисмана, графинею (впослѣдствіи княгинею) Елизаветою Ксаверіевною Воронцовою, урожденною графинею Браницкою. Мужъ ея, графъ (впослѣдствіи князь) М. С. Воронцовъ, 7-го мая 1823 г., былъ назначенъ новороссійскимъ генералъ-губернаторомъ и намѣстникомъ бессарабской области. Пушкинъ, состоя на службѣ въ Кишиневѣ, при генералѣ Инзовѣ, исправлявшемъ должность намѣстника, находился тогда въ Одессѣ („А. С. Пушкинъ въ Александровскую эпоху", П. В. Анненкова, стр. 213). Вслѣдствіе перемѣщенія центральнаго управленія въ Одессу, Пушкину представился благопріятный случай перейти туда на службу, и онъ переселился въ Одессу въ іюлѣ 1823 г. Къ этому періоду жизни Пушкина относится циклъ стихотвореній, посвященныхъ памяти г-жи Ризничъ, жившей тогда съ мужемъ въ Одессѣ и умершей въ 1825 г. въ Италіи: „Простишь ли мнѣ ревнивыя мечты"; „Ненастный день потухъ"; „Ночь" (1823 г.); „Подъ небомъ голубымъ страны своей родной" (1826 г.); „Воспоминаніе" (1828 г.); предпослѣдняя строфа „Изъ путешествія Онѣгина": „А только-ль тамъ очарованій?" (1827 г.); „Разставаніе"; „Заклинаніе"; „Для береговъ отчизны дальной" (1830 г.). Въ іюлѣ же 1823 г. пріѣхалъ въ Одессу князь Воронцовъ съ семействомъ, и Пушкинъ сдѣлался однимъ изъ постоянныхъ посѣтителей его гостепріимнаго дома. Здѣсь, на дачѣ, бывшей Рено, живописно расположенной въ двухъ верстахъ отъ города —

Тамъ, гдѣ море вѣчно плещетъ
На пустынныя скалы,—

княгиня Воронцова подарила Пушкину перстень, по поводу ко-

---

[1]) Въ „Новомъ Времени" 5—8, 17-го марта, 29 го и 30-го апрѣля, 4-го и 5-го мая, №№ 3956—3959, 4009, 4010, 4014 и 4015: два письма Ольги Смирновой, корректурная поправка къ ея первому письму; письма Б. А. Данваса, Василія Пассека и Л. съ примѣчаніемъ редакціи и объясненіемъ Я. К. Грота: „Конецъ похожденій перстня Пушкина", В. П. Гаевскаго; письмо Я. К. Грота о подписи на перстнѣ, переведенной Д. А. Хвольсономъ, и корректурная поправка къ этому письму. Въ „Новостяхъ" 28—30-го апрѣля, №№ 114—116: письма И. Гальперина-Каменскаго, В. Н. Геранда и извлеченіе изъ письма Л. съ повтореніемъ объясненія Я. К. Грота. Въ „Петербургской Газетѣ", 30-го апрѣля и 5-го мая, №№ 116 и 121: „Отклики дня", Руслана, и замѣтка: „Договорились!"

тораго онъ написалъ извѣстное стихотвореніе „Талисманъ“ [1]). Оно, какъ говоритъ Анненковъ въ примѣчаніи къ этому стихотворенію, относится къ 1824 г., судя по стихамъ:

Въ край родной на сѣверъ съ юга
Не умчитъ мой талисманъ;

но окончательно отдѣлано въ 1827 г. („Сочиненія Пушкина“, изд. 1855 г., т. 2, стр. 438); впервые же напечатано въ „Альбомѣ Сѣверныхъ Музъ“, альманахѣ на 1828 г., изданномъ А. И. (Ардаліономъ Васил. Ивановымъ).

Княгиня Воронцова, даря Пушкину перстень, сама считала его талисманомъ и вѣрила въ его волшебную силу. Вѣра во все чудесное и сверхъестественное, всегда легко распространявшаяся въ полуобразованныхъ обществахъ, никогда не была у насъ такъ сильна, какъ въ концѣ XVIII-го и началѣ XIX-го вѣка. Высшее общество увлекалось масонствомъ и различными мистическими ученіями; литература преимущественно вращалась въ области сверхъестественнаго и чудеснаго, и міръ духовъ и привидѣній, перенесенный въ нашу литературу Жуковскимъ и его подражателями, пользовался большимъ успѣхомъ среди невзыскательныхъ читателей. Въ Англіи, гдѣ жили Воронцовы до переселенія въ Одессу, производили большое впечатлѣніе романы Вальтеръ-Скотта, и между ними въ особенности разсказъ о таинственныхъ приключеніяхъ Ричарда Львиное-Сердце, совершавшихся подъ вліяніемъ чаръ талисмана. Романъ этотъ переведенъ на русскій языкъ и изданъ въ Москвѣ въ 1827 г. подъ заглавіемъ: „Талисманъ, или Ришардъ въ Палестинѣ, изъ исторіи временъ Крестовыхъ походовъ“. Умственное настроеніе современнаго общества въ сторону всего таинственнаго и чудеснаго не могло остаться безъ вліянія на впечатлительную натуру княгини Воронцовой, которая, по пріѣздѣ въ Одессу, купивъ перстень мѣстнаго издѣлія, проданный въ качествѣ талисмана, дѣйствительно вѣрила, что „въ немъ таинственная сила“, и подарила его Пушкину, чтобъ оградить его —

Отъ сердечныхъ новыхъ ранъ,
Отъ измѣны, отъ забвенья.

---

[1]) Довольно скудныя и не совсѣмъ вѣрныя свѣденія о пребываніи Пушкина въ Одессѣ, о знакомствѣ его съ Ризничъ и о частныхъ поѣздкахъ на хуторъ Рено находятся въ статьяхъ Зеленецкаго („Москвитянинъ“ 1854, № 9; „Русскій Вѣстникъ“ 1859 г., № 11, и „А. С. Пушкинъ“ П. И. Бартенева, вып. 2, стр. 95). Статьи о жизни Пушкина въ Одессѣ собраны В. А. Яковлевымъ и изданы въ 1887 г. въ Одессѣ подъ заглавіемъ: „Отзывы о Пушкинѣ съ юга Россіи“.

По словамъ П. И. Бартенева, „княгиня Воронцова († 1880 г.) до конца своей долгой жизни сохраняла о Пушкинѣ теплое воспоминаніе и ежедневно читала его сочиненія. Когда зрѣніе совсѣмъ ей измѣнило, она приказывала читать ихъ себѣ вслухъ, и притомъ сподрядъ, такъ что когда кончались всѣ томы, чтеніе возобновлялось съ перваго тома. Она сама была одарена тонкимъ художественнымъ чувствомъ и не могла забыть очарованій Пушкинской бесѣды. Съ нимъ соединились для нея воспоминанія молодости“ („А. С. Пушкинъ“, вып. 2, стр. 97).

Чувства, волновавшія тогда Пушкина, нашли лучшее выраженіе въ прелестномъ стихотвореніи „Къ Морю“ (1824 г.), написанномъ передъ отъѣздомъ изъ Одессы, которую онъ оставилъ 30-го іюля 1824 г. Прощаясь съ „свободной стихіею“, онъ обращается къ океану и повѣряетъ ему страсть, удержавшую его отъ бѣгства за границу:

Ты ждалъ, ты звалъ... я былъ окованъ;
Вотще рвалась душа моя:
Могучей страстью очарованъ,
У береговъ остался я.

Мысль бѣжать изъ Россіи, гдѣ удерживала поэта страстная любовь, промелькнула и въ написанной тогда же (1824 г.) L-ой строфѣ первой главы „Евгенія Онѣгина“:

Придетъ ли часъ моей свободы?
Пора, пора! — взываю къ ней;
Брожу надъ моремъ, жду погоды,
Маню вѣтрило кораблей.
Подъ ризой бурь съ волнами споря,
По вольному распутью моря
Когда-жъ начну я вольный бѣгъ?
Пора покинуть скучный брегъ
Мнѣ непріязненной стихіи,
И средь полуденныхъ зыбей,
Подъ небомъ Африки моей,
Вздыхать о сумрачной Россіи,
Гдѣ я страдалъ, гдѣ я любилъ,
Гдѣ сердце я похоронилъ...

По поводу четвертаго стиха этой строфы А. О. Россетъ разсказывалъ („Русскій Архивъ“ 1882 г., кн. I, стр. 246), что княгиня Воронцова, гуляя съ Пушкинымъ надъ моремъ, часто повторяла стихи:

Не бѣлѣютъ ли вѣтрила?
Не плывутъ ли корабли?

что дало поводъ Пушкину называть ее въ шутку la princesse Belvetrile.

Тѣ же чувства и воспоминанія, подъ вліяніемъ которыхъ написаны стихотворенія „Къ морю“ и „Талисманъ“, внушили Пушкину еще три стихотворенія, имѣющія между собою внутреннюю связь: „Сожженное письмо“; „Желаніе славы“ (1825 г.) и „Ангелъ“ (1827 г.), которыя Бѣлинскій справедливо относитъ къ его лучшимъ произведеніямъ („Сочиненія В. Бѣлинскаго“, изд. 2, ч. 8, стр. 397 и 399). По поводу перваго („Прощай, письмо любви, прощай! Она велѣла“...) Анненковъ, описывая жизнь Пушкина въ Михайловскомъ, куда онъ прибылъ 9-го августа 1824 г., говоритъ, что его мысль постоянно живетъ въ другомъ, далекомъ, недавно покинутомъ, краѣ. „Полученіе письма изъ Одессы всегда становится событіемъ въ его уединенномъ Михайловскомъ. Послѣ XXXII-й строфы 3-й главы „Онѣгина“ онъ дѣлаетъ приписку: 5-го сентября 1824 года—Une l (lettre) de ***. Сестра поэта, О. С. Павлищева, говорила намъ, что когда приходило изъ Одессы письмо съ печатью, изукрашенною точно такими же кабалистическими знаками, какіе находились и на перстнѣ ея брата, — послѣдній запирался въ своей комнатѣ, никуда не выходилъ и никого не принималъ къ себѣ. Памятникомъ его благоговѣйнаго настроенія при такихъ случаяхъ осталось въ его произведеніяхъ „Сожженное письмо“. Вотъ гдѣ была настоящая мысль Пушкина“ („А. С. Пушкинъ въ Александровскую эпоху“, стр. 282). Въ стихотвореніи „Сожженное письмо“ Пушкинъ дѣйствительно упоминаетъ о перстнѣ, которымъ письмо было запечатано:

Ужъ перстня вѣрнаго утратя впечатлѣнье,
Растопленный сургучъ кипитъ...

Но едва ли у другого лица могъ быть такой же перстень.

Подъ вліяніемъ тѣхъ же воспоминаній Пушкинъ,—говоритъ Анненковъ,—„думалъ о славѣ и въ ней искалъ успокоенія для своего сердца и отмщенія за всѣ волненія и утраты“ („Матеріалы для біографіи А. С. Пушкина“, изд. 2, стр. 115). Мысли эти вылились въ прелестномъ стихотвореніи „Желаніе славы“ („Когда любовію и нѣгой упоенный“):

Я новымъ для меня желаніемъ томимъ:
Желаю славы *я*, чтобъ именемъ моимъ
Твой слухъ былъ пораженъ всечасно, чтобъ ты мною
Окружена была; чтобъ громкою молвою

Все, все вокругъ тебя звучало обо мнѣ;
Чтобъ, гласу вѣрному внимая въ тишинѣ,
Ты помнила мои послѣднія моленья
Въ саду, во тьмѣ ночной, въ минуту разлученья.

Третье стихотвореніе—„Ангелъ“ („Въ дверяхъ эдема ангелъ нѣжный“), по мнѣнію П. И. Бартенева, также относится къ княгинѣ Воронцовой („А. С. Пушкинъ“, вып. 2, стр. 98).

Уже болѣе спокойныя воспоминанія находимъ въ началѣ четвертой главы „Евгенія Онѣгина“, которое Пушкинъ пропускалъ въ печати, какъ слишкомъ ясно выражавшее его личныя чувства. Въ третьей изъ отброшенныхъ по этой причинѣ строфъ, которыя тѣмъ драгоцѣннѣе при изученіи его произведеній, Пушкинъ отдается тѣмъ же воспоминаніямъ:

Я долго былъ плѣненъ одною...
Но былъ ли я любимъ и кѣмъ,
И гдѣ, и долго ли?.. Зачѣмъ
Вамъ это знать?..

Трудно съ увѣренностью сказать, къ кому именно относятся эти строки. Анненковъ упоминаетъ о трехъ „загадочныхъ лицахъ“, къ которымъ Пушкинъ „въ разныя эпохи своей жизни обращалъ пѣсни, исполненныя нѣжнаго воспоминанія, ослабѣвшаго потомъ, но сохранившаго способность возставать, при случаѣ, съ новой и большей силой“, однако, не называетъ этихъ лицъ („Матеріалы“, стр. 78). Въ числѣ ихъ несомнѣнно находится упомянутая выше Ризничъ. Второе лицо, по предположенію Анненкова, та особа, къ которой написано въ 1824 г. стихотвореніе „Иностранкѣ“ („А. С. Пушкинъ въ Александровскую эпоху“, стр. 244). Но не относится ли и оно къ той же Ризничъ, также иностранкѣ? „Преданія той эпохи,—продолжаетъ Анненковъ, — упоминаютъ еще о третьей женщинѣ, превосходившей всѣхъ другихъ по власти, съ которой управляла мыслію и существованіемъ поэта. Пушкинъ нигдѣ о ней не упоминаетъ, какъ бы желая сохранить про одного себя тайну этой любви [1]). Она обнаруживается у него только многочисленными профилями прекрасной женской головы, спокойнаго, благороднаго, величаваго типа, которые идутъ почти по всѣмъ его бумагамъ изъ одесскаго періода жизни“ (тамъ же, стр. 244):

---

[1]) На московской Пушкинской выставкѣ находился и воспроизведенъ въ ея „Альбомѣ“ „донъ-жуанскій“ списокъ поэта, т.-е. перечень всѣхъ женщинъ, которыми онъ увлекался, писанный въ 1829—1830 гг.; но и въ этомъ довольно длинномъ спискѣ, очевидно не назначавшемся для печати, между многочисленными Аннами, Елизаветами и Катеринами, находимъ таинственное NN.

Перо, забывшись, не рисуетъ
Близъ неоконченныхъ стиховъ
Ни женскихъ ножекъ, ни головокъ.
„Евгеній Онѣгинъ", гл. I, LIX.

Не будемъ, однако, доискиваться разгадки этой тайны, разоблаченіе которой и не имѣетъ большого значенія при изученіи Пушкина. Важны художественныя произведенія, а не имя особы, ихъ внушившей. Добавимъ только, что въ примѣчаніи къ стихотворенію „Сожженное письмо" въ изданіи Литературнаго Фонда (т. I, стр. 344) прямо сказано, что „особа, къ которой относится это стихотвореніе, также какъ и два позднѣйшихъ: „Ангелъ и „Талисманъ", и портреты которой—строгій женскій профиль съ головой нѣсколько наклоненной—такъ часто набрасывались поэтомъ на страницахъ его тетрадей, — графиня Е. К. Воронцова".

Пушкинъ самъ вѣрилъ въ волшебную силу „талисмана" и, „по извѣстной склонности своей къ суевѣрію, соединялъ даже талантъ свой съ участью перстня, испещреннаго какими-то кабалистическими знаками и бережно хранимаго имъ" („Матеріалы", стр. 171). Въ письмѣ къ брату, у котораго оставались нѣкоторыя вещи поэта, онъ пишетъ, въ октябрѣ 1824 г., изъ Михайловскаго: „Пришли мнѣ рукописную мою книгу, да портретъ Чаадаева, да перстень—мнѣ грустно безъ него". („Сочиненія А. С. Пушкина", изд. Литер. Фонда, т. VII, стр. 87). Въ перепискѣ съ братомъ сохранился списокъ данныхъ ему порученій, въ которомъ, между прочимъ, находимъ: „bague". Не получая перстня, онъ повторяетъ эту просьбу въ письмѣ къ брату, въ декабрѣ того же года, приписывая на оборотѣ: „Да пришли мнѣ кольцо, мой Лайонъ" (тамъ же, стр. 98 и 100). Воспоминанія объ Одессѣ долго не оставляютъ Пушкина въ Михайловскомъ, и въ концѣ 1824 г. онъ пишетъ княгинѣ В. Ѳ. Вяземской (женѣ поэта, † 1886), жившей тогда въ Одессѣ: „Tout ce que me rappelle la mer m'attriste, le bruit d'une fontaine me fait mal à la lettre; je crois qu'un bon ciel me ferait pleurer de rage. Но—слава à Dieu—небо у насъ сивое, а луна—точно рѣпа" (тамъ же, стр. 93).

Особенное значеніе, которое придавалъ перстню Пушкинъ высказывалось не въ однихъ его произведеніяхъ: съ этимъ же перстнемъ на большомъ пальцѣ правой руки (для другихъ онъ слишкомъ великъ) Пушкинъ изображенъ на извѣстномъ портретѣ работы Тропинина, написанномъ въ 1827 г. по заказу Соболевскаго. Недовольный приглаженными портретами Пушкина, какіе

тогда появлялись, Соболевскій просилъ Тропинина изобразить поэта, какъ онъ бывалъ чаще, въ халатѣ, растрепаннаго, съ завѣтнымъ перстнемъ на большомъ пальцѣ правой руки. Знаменитый художникъ вѣрно исполнилъ задачу, удѣливъ мистическому перстню особенное вниманіе: правая рука, на большомъ и указательномъ пальцахъ которой надѣты два перстня (о другомъ будетъ сказано далѣе), лежитъ на столикѣ съ бумагами, а халатъ и другіе аксессуары показываютъ, что Пушкинъ не разлучался съ перстнями и дома во время работы. Портретъ этотъ, любопытная исторія котораго разсказана княземъ М. А. Оболенскимъ въ изданной имъ въ 1862 г. брошюрѣ, принадлежитъ дочери его, княгинѣ Аннѣ Михайловнѣ Хилковой (Москва, Старая Конюшенная, собственный домъ [1]). Грудной эскизъ портрета, приблизительно въ четверть натуральной величины, сдѣланный Тропининымъ, находится въ Москвѣ, въ картинной галереѣ П. М. Третьякова, но на эскизѣ, представляющемъ этюдъ головы, нѣтъ ни перстней, ни рукъ. Оба портрета были на московской Пушкинской выставкѣ 1880 г., и первый воспроизведенъ фототипически въ ея „альбомѣ“, изданномъ въ 1882 г. Обществомъ любителей россійской словесности. Въ этомъ роскошномъ собраніи, которое въ іюлѣ 1887 г. вышло вторымъ изданіемъ, подробно описана судьба портрета. Онъ воспроизведенъ въ нѣсколькихъ изданіяхъ сочиненій Пушкина, но неудачно и притомъ безъ характеристической особенности—руки и перстней. Только въ московскомъ „юбилейномъ изданіи“ 1887 г.: „Полное собраніе всѣхъ сочиненій А. С. Пушкина“ (въ одномъ томѣ), гравюра на деревѣ воспроизводитъ весь портретъ, т.-е. съ руками и перстнями. На московской выставкѣ находились также: копія этого портрета красками, принадлежащая г. Муханову, большая фотографія, принадлежащая московскому главному архиву министерства иностранныхъ дѣлъ, и фотографія малаго размѣра, а на петербургской — фотографія Эйхенвальда и кабинетныя фотографіи, изъ коихъ одна издана княземъ М. А. Оболенскимъ въ Москвѣ въ 1862 г., принадлежащія императорскому лицею („Каталогъ“ петербургской выставки, стр. 5).

---

[1]) Объ этомъ портретѣ см. „Московскій Телеграфъ“ 1827 г., ч. XV, № 9, стр. 33; „Москвитянинъ“ 1854 г., № 2, стр. 8. „О портретахъ Пушкина“ Г. Н. Геннади. „Русскій Архивъ“ 1871 г., № 1, стр. 187; „Изъ разсказовъ С. А. Соболевскаго“ Н. В. Берга; „С. Петербургскія Вѣдомости“ 1880 г., № 189; „Пушкинскій праздникъ“; „Альбомъ Московской Пушкинской выставки“, „Біографическій очеркъ А. С. Пушкина“, А. А. Венкштерна, въ пер. изд. 1882 г., стр. 101, а во второмъ, 1887 г., стр. 98; „Новости“ 1887 г., 30 января, № 29; „Портреты Пушкина“, С. Л.

Другое изображеніе Пушкина, съ тѣмъ же перстнемъ на большомъ пальцѣ лѣвой руки, находится на портретѣ работы Мозера, принадлежащемъ Сергѣю Александровичу Шилову (Москва, Пречистенка, собственный домъ). Портретъ этотъ также былъ на московской Пушкинской выставкѣ и воспроизведенъ фотогравюрою въ обоихъ изданіяхъ ея „Альбома".

„Талисманъ" послужилъ также сюжетомъ изданной въ Москвѣ въ 1833 г. лубочной картины, изображающей турчанку, передающую талисманъ своей наперсницѣ. Внизу напечатано все стихотвореніе Пушкина, съ перемѣною въ третьемъ стихѣ:

Гдѣ луна „свѣтлѣе" блещетъ,

вмѣсто „теплѣе", какъ напечатано во всѣхъ изданіяхъ. Эта довольно рѣдкая гравюра, экземпляръ которой, принадлежащій П. А. Ефремову, находился на петербургской Пушкинской выставкѣ („Каталогъ" ея, стр. 18), описана имъ въ примѣчаніи къ „Талисману" въ изданіяхъ сочиненій Пушкина 1880 и 1882 гг. и упомянута В. И. Межовымъ въ его „Puschkiniana" 1887 г. (№ 3581).

„Талисманъ" Пушкина не остался безъ подражаній. Первымъ изъ нихъ является стихотвореніе А. Б..л..н..на: „Мой талисманъ", въ „Сынѣ Отечества" и „Сѣверномъ Архивѣ" 1829 г., ч. 5, стр. 137, а вторымъ — плохое стихотвореніе: „Талисманъ", въ „Сѣверныхъ Цвѣтахъ" на 1831 г. (стр. 87), съ подписью Д.....а... Подъ этими буквами скрывается Додо (Евдокія) Сушкова, впослѣдствіи графиня Ростопчина. Это было первое напечатанное стихотвореніе 19-лѣтней писательницы. Въ біографіи графини Ростопчиной („Нива" 1887 г., № 44, стр. 108) сказано, что „первое ея стихотвореніе: „Талисманъ", появилось въ печати безъ вѣдома автора, благодаря князю Вяземскому, въ одномъ альманахѣ за подписью: Д. С—ва". Указаніе это относительно подписи оказывается неточнымъ.

Къ числу подражаній слѣдуетъ отнести и нѣсколько пародій на стихотвореніе Пушкина. Нѣкоторыя изъ нихъ, по своей нецензурности, распространялись въ рукописяхъ. Наибольшій успѣхъ, какъ по гладкости стиха, такъ и по игривости содержанія, имѣла въ 1840-хъ годахъ пародія, начинавшаяся стихами:

Тамъ, гдѣ мутными волнами
Мойка пачкаетъ гранитъ,
Межъ огромными домами
Зондермана домъ стоитъ [1]).

[1]) Домъ, бывшій Зондермана, нынѣ Франка, находится не на Мойкѣ, а на Екатерининскомъ каналѣ (на углу Большой Подъяческой), названіе котораго не укладывалось въ стихъ.

Изъ напечатанныхъ назовемъ пародію Выборгскаго Пустынника: „Талисманъ, романсъ прусскаго ландвермана“:

Тамъ, гдѣ въ наши дни фельдфебель
Данъ въ наставники уму,
Гдѣ Либкнехтъ, Якоби, Бебель
Заключаются въ тюрьму,
Гдѣ въ порядкѣ, властью данномъ,
Образецъ порядка данъ,
Тамъ мнѣ Шмидтомъ Юліаномъ
Подаренъ былъ талисманъ...

Эта пародія напечатана въ ряду другихъ пародій на стихотворенія Жуковскаго и Пушкина подъ общимъ заглавіемъ: „Военно-поэтическіе отголоски“ („Отечественныя Записки“ 1871 г., № 1, Современное Обозрѣніе, стр. 146).

Таинственный перстень заинтересовалъ и иностранцевъ, и стихотвореніе „Талисманъ“ появилось въ нѣсколькихъ переводахъ.

Въ 1835 г. издана въ Петербургѣ книжка: „The talisman“. By Al. Puschkin. From the Russian. With other pieces. St.-Petersburg, 1835 г. Printed by Schulz and Beneze 8°“. Въ 1837 г. напечатана въ Парижѣ. „La Balalayka. Chants populaires russes et autres morceaux de poésie, traduits en vers et en prose par Paul de Julvécourt. Paris. Delloye, Desmé et C-ie éditeurs. 1837. 8°“. Въ числѣ 15 стихотвореній Пушкина переведенъ прозою, довольно близко, и „Талисманъ“ (Le Talisman, стр. 9). Это изящное изданіе, съ 10 гравированными на стали видами Петербурга и Москвы, составляетъ библіографическую рѣдкость. Всѣ остальные переводы явились уже по смерти Пушкина. Французскій переводъ въ стихахъ сдѣланъ княжною А. Д. Абамелекъ, впослѣдствіи вышедшей за Баратынскаго, брата поэта, и изданъ безъ означенія года вмѣстѣ съ музыкою Н. А. Титова: „Le Talisman. Romance russe. Paroles par A. Pouschkine mises en musique par Titoff, traduites en français par m-lle la princesse Anna Abamelek“. Пушкинъ написалъ ей въ 1832 г. извѣстное посланіе („Когда-то, помню, съ умиленьемъ“); князь Вяземскій также сочинилъ ей посланіе въ 1833 г. („Сочиненія“ его, т. IV, стр. 176). Оба французскіе перевода указаны въ брошюрѣ В. К. Шульца: „А. С. Пушкинъ въ переводѣ французскихъ писателей“. С.-Петербургъ. 1880. Кстати, чтобъ впослѣдствіи не возвращаться къ музыкальнымъ произведеніямъ, назовемъ остальныя на ту же тему: романсъ Н. А. Титова († 1875) на русскій текстъ „Талисмана“ напечатанъ въ Гамбургѣ у Ф. Шуберта въ собраніи лучшихъ романсовъ и народныхъ пѣсенъ, № 31, и въ

Петербургѣ въ изданіи Стелловскаго: „Любимые романсы и пѣсни Н. Титова", № 34. На тотъ же текстъ есть еще романсъ другого Титова (И. С.), напечатанный въ Петербургѣ у М. Бернарда — всѣ три безъ означенія года.

Возвращаясь къ переводамъ, укажемъ слѣдующіе нѣмецкіе: 1) въ „Anthologie Russischer Dichter. Metrisch ins Deutsche übersetzt von A. Wald. Erste Lieferung. Odessa. Buchdruckerei von Nitzsche". 1860. 8°; 2) „Russische Dichter. Deutsch von Friedrich Bodenstedt. Alexander Puschkin. Berlin"; 1866. 8°. Въ собраніи произведеній Боденштедта въ 12 томахъ переводы Пушкина занимаютъ 4-й и 5-й томы. Въ первомъ изъ нихъ переведены мелкія стихотворенія (21), сказки, баллады и поэмы, а во второмъ—„Евгеній Онѣгинъ". Переводы Боденштедта превосходны, а нѣкоторые изъ нихъ, въ томъ числѣ „Ангелъ" и „Талисманъ", можно назвать образцовыми. Привожу замѣчательно близкій, мало уступающій подлиннику, переводъ „Талисмана":

Wo des ew'gen Meers Geschäume
Sich an öden Felsen bricht,
Wo zur Nacht durch duft'ge Räume
Wärmer strahlt des Mondes Licht;
Wo in Haremslust verweichelnd
Selig lebt der Muselmann,
Eine Zauberin gab schmeichelnd
Einst mir einen Talisman.

Und liebkosend sprach sie: wahre
Sorgsam meinen Talisman!
Kräfte brigt er, wunderbare,
Drum aus Liebe nimm ihn an.
Zwar von Krankheit und vom Grabe,
Vom Gewitter und Orkan,
Deinen Kopf und deine Habe
Rettet nicht mein Talisman!

Bietet nicht der Mahometen
Schätze dir und Reichthum an,
Die Bekenner des Propheten,
Macht er Dir nicht unterthan;
Von des Meeres öden Borden
Zu der Liebe Herzensbann,
Aus des Südens Land nach Norden
Führt dich nicht mein Talisman!

Aber wenn von schönen, schlauen
Augen Du bezaubert bist,
Oder wenn im nächt'gen Grauen
Liebelos ein Mund dich küsst:

Vor Vergessen, vor Vergehen,
Vor Verrath und Sünde dann,
Und vor neuen Herzenswesen
Schütz Dich, Freund, mein Talisman!

Продолжаемъ указаніе переводовъ: 3) „Puschkin's Talisman". Von F. Remy. „Odessaer Zeitung" 1874, № 20, и 4) въ „Dichtungen von Puschkin und Lermontoff in deutscher Uebertragung von Andreas Ascharin. Dorpat, Verlag von Mattiesen 1877". 8⁰. „Талисманъ" переведенъ и на турецкій языкъ Іосифомъ Эракомъ и изданъ въ 1868 г. въ Петербургѣ вмѣстѣ съ переводомъ „Бахчисарайскаго фонтана" отдѣльною книжкою, которая составляетъ библіографическую рѣдкость. Экземпляръ этого изданія находится въ пушкинскомъ музеѣ лицея. Едва ли это не единственный опытъ передачи Пушкина на турецкій языкъ. Объ этихъ переводахъ упоминается въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ" 1869 г., № 4. Такимъ образомъ, „Талисманъ" переведенъ: на французскій языкъ 2 раза (прозою и стихами), на нѣмецкій 4, на англійскій и турецкій по одному разу. Всѣ упомянутые переводы и романсы указаны В. Н. Межовымъ въ его „Puschkiniana", подъ №№ 3226, 3230, 3231, 3379, 3408, 3424, 3457, 3477, 3991, 4512, 4513 и 4523. Вѣроятно, найдутся еще и другіе переводы и воспроизведенія „Талисмана".

Кромѣ „талисмана" Пушкинъ носилъ еще золотой перстень съ бирюзою, изображенный, какъ сказано выше, на портретахъ работы Тропинина и Мозера. Перстень этотъ былъ заказанъ для Пушкина въ 1830-хъ годахъ П. В. Нащокинымъ, который вѣрилъ въ оберегательную силу колецъ, и просилъ носить его, не снимая. Пушкинъ повиновался, и перстень былъ снятъ уже съ мертвой руки поэта товарищемъ и секундантомъ его К. К. Данзасомъ („Матеріалы", стр. 313). Въ концѣ 1850-хъ годовъ Данзасъ обронилъ его, снимая перчатку, и драгоцѣнный перстень утраченъ навсегда (Письмо Б. А. Данзаса въ „Новомъ Времени", 7-го марта 1887 г.).

„Талисманъ", по смерти Пушкина, достался Жуковскому, который, какъ увидимъ ниже, запечатывалъ имъ свои письма. Анненковъ говоритъ, что перстень этотъ находился во владѣніи Даля („Матеріалы", стр. 171); Аммосовъ же, въ брошюрѣ: „Послѣдніе дни жизни и кончина А. С. Пушкина", утверждаетъ, притомъ, будто бы со словъ самого Данзаса, что Пушкинъ, умирая, вручилъ ему „талисманъ" на память. Но и то, и другое

невѣрно: у наслѣдниковъ Даля сохранился доставшійся ему по смерти Пушкина другой перстень съ большимъ изумрудомъ, также находившійся на московской Пушкинской выставкѣ, на которую былъ доставленъ дочерью Даля, О. В. Демидовою; перстень же, доставшійся Данзасу, былъ, какъ уже выше сказано, бирюзовый. Объ изумрудномъ перстнѣ упоминается при описаніи выставки: въ „Современныхъ Извѣстіяхъ“ 1880 г., № 155, въ статьѣ А. П. Пятковскаго—„Пушкинскій праздникъ въ Москвѣ“ (Приложеніе къ журналу „Народная Школа“ 1880 г., № 9), и въ книгѣ Ѳ. Б.: „Вѣнокъ на памятникъ Пушкину“ 1880 г., стр. 326 [1]). По смерти Жуковскаго, въ 1852 году, „талисманъ“ перешелъ къ его сыну Павлу Васильевичу, который въ 1870-хъ годахъ подарилъ его И. С. Тургеневу. Въ 1880 г. перстень былъ доставленъ Тургеневымъ на московскую и петербургскую Пушкинскія выставки, и упомянутъ въ описаніяхъ московской („Современныя Извѣстія“ 1880 г., № 155, „Народная Школа“ 1880 г., прилож. № 9, и „Вѣнокъ на памятникъ Пушкину“, стр. 326) и описанъ въ каталогѣ петербургской (стр. 33). Въ „Альбомѣ“ московской выставки сдѣланъ вѣрный оттискъ сердоликовой печати знаменитаго перстня въ первомъ изданіи и во второмъ, стр. 159; причемъ въ первомъ повторено, со словъ Аммосова, что Пушкинъ, умирая, вручилъ „талисманъ“ Данзасу. Во второмъ изданіи „Альбома“ это исправлено, и сказано, что „Данзасу подарено было кольцо съ плоской, блѣднаго цвѣта, грушевидной бирюзой въ гладкой золотой оправѣ и безъ всякой надписи“. Что же касается настоящаго „талисмана“, то онъ былъ снятъ съ руки умершаго Пушкина

[1]) Кромѣ трехъ перстней Пушкина, нѣкоторыя изъ его вещей были распредѣлены между лицами, находившимися при его кончинѣ (гр. Мих. Віельгорскій, кн. Вяземскій, Данзасъ, Жуковскій, Плетневъ, А. Тургеневъ, доктора Андреевскій, Даль и Спасскій), или по какимъ-либо отношеніямъ близко стоявшими къ поэту въ послѣднее время. Кн. Вяземскій получилъ жилетъ, бывшій на Пушкинѣ во время дуэли; Спасскій—палку съ сердоликовымъ набалдашникомъ, находящуюся въ императорской публичной библіотекѣ, которой она подарена покойнымъ библіотекаремъ ея, Беккеромъ, мужемъ воспитанницы Спасскаго. Оба предмета находились на петербургской Пушкинской выставкѣ и означены въ ея каталогѣ на стр. 32 и 33. Другая палка, черная, была подарена Жуковскимъ профессору И. П. Шульгину, сыномъ котораго, Викторомъ Ивановичемъ, доставлена въ Пушкинскій музей лицея. Прострѣленный сюртукъ достался Погодину, по смерти котораго пропалъ, о чемъ упоминаетъ А. П. Пятковскій („Народная Школа“ 1880 г., приложеніе № 9). Карманные золотые часы, по свидѣтельству А. А. Краевскаго, посланы Гоголю; тетрадь, приготовленная Пушкинымъ для новыхъ стиховъ, доставлена, съ вписанными въ нее стихами Жуковскаго о смерти Пушкина, графинѣ Ростопчиной; театральный биноклъ получилъ А. А. Краевскій. По его же словамъ, вещи распредѣлены Жуковскимъ.

Жуковскимъ (стр. 158). Въ Петербургѣ перстень Пушкина былъ выставленъ съ слѣдующей, сохранившейся у меня, запиской Тургенева: „Перстень этотъ былъ подаренъ Пушкину въ Одессѣ княгиней Воронцовой. Онъ носилъ почти постоянно этотъ перстень (по поводу котораго написалъ свое стихотвореніе: „Талисманъ“) и подарилъ его на смертномъ одрѣ поэту Жуковскому. Отъ Жуковскаго перстень перешелъ къ его сыну, Павлу Васильевичу, который подарилъ его мнѣ. Парижъ. Августъ. 1880. Иванъ Тургеневъ“.

На петербургской выставкѣ находился еще четвертый перстень Пушкина, или кольцо съ маленькой бирюзою, означенное въ каталогѣ выставки на стр. 33. Кольцо это, принадлежавшее Пушкину, было пожертвовано имъ для лотереи, устроенной въ домѣ генерала Раевскаго, и было выиграно его дочерью.

„Талисманъ“, по смерти И. С. Тургенева въ 1883 г., достался г-жѣ Полинѣ Віардо, получившей по завѣщанію все его движимое имущество; а г-жа Віардо подарила перстень лицею, въ Пушкинскій музей котораго онъ доставленъ отъ ея имени 29-го апрѣля 1887 года. Туда же передано и приведенное выше удостовѣреніе Тургенева.

Въ „Новомъ Времени“ 29-го апрѣля 1887 г. напечатана упомянутая въ началѣ этого очерка статья: „Еще о перстнѣ Пушкина“, въ которой приведено письмо г. Л. съ примѣчаніемъ редакціи. Неизвѣстный корреспондентъ подозрѣваетъ, что онъ владѣетъ знаменитымъ „талисманомъ“, и что, слѣдовательно, перстень, которому посвященъ этотъ очеркъ, не принадлежалъ Пушкину. Изъ письма г. Л. видно, что его перстень достался ему отъ отца, который купилъ его у камердинера графа Бенкендорфа; у камердинера же онъ оказался въ числѣ другихъ припрятанныхъ имъ вещей и, по его словамъ, былъ доставленъ графу Бенкендорфу, по смерти поэта, въ шкатулкѣ вмѣстѣ съ его бумагами. Къ письму г. Л. было приложено нѣсколько оттисковъ печати перстня, и одинъ изъ нихъ сдѣланъ на рукописи. Письмо это, по напечатаніи въ сокращеніи, было передано мнѣ, а мною препровождено въ Пушкинскій музей, въ которомъ собрано все, касающееся знаменитаго перстня. Я. К. Гротъ, сообщая въ редакцію „Новаго Времени“ полученный имъ переводъ татарской надписи на печати перстня, высказалъ, что предположеніе г. Л. о принадлежности его перстня Пушкину не имѣетъ основанія. По мнѣнію Я. К. Грота, перстень, снятый съ руки покойнаго, не могъ исчезнуть, и съ исчезновеніемъ его нельзя согласить несо-

мнѣнный фактъ, что онъ попалъ въ руки Жуковскаго. Кромѣ этихъ соображеній есть и другія доказательства подлинности перстня, хранящагося въ Пушкинскомъ музеѣ. Перстень не терялся изъ виду ни на одну минуту, и потому не могъ исчезнуть, а оттискъ его печати сохранился на четырехъ письмахъ Пушкина: къ Дельвигу 8-го іюня 1825 г., Катенину 4-го декабря 1825, Великопольскому 10-го марта 1826 и Ананьину 26-го іюля 1833 г., напечатанныхъ въ VII т. изданія Литературнаго Фонда, на стр. 132, 167, 178 и 316. Первое изъ нихъ было сообщено мнѣ Анненковымъ [1]); второе, находившееся на петербургской Пушкинской выставкѣ, принадлежало тогда П. П. Каратыгину, и описано въ ея каталогѣ (стр. 49) [2]); третьяго я не видалъ въ подлинникѣ, а четвертое, подаренное мнѣ Ананьинымъ, писано на большомъ почтовомъ листѣ и было запечатано краснымъ сургучомъ съ отлично сохранившимся оттискомъ перстня. Замѣчательное, не столько по содержанію, какъ по оттиску печати, оно было представлено мною на петербургскую Пушкинскую выставку и описано въ ея каталогѣ на стр. 50. Этимъ перстнемъ запечатывалъ свои письма Жуковскій. У меня есть его записка къ А. П. Елагиной, помѣченная 25-го августа, безъ означенія года, запечатанная краснымъ сургучомъ съ явственно сохранившимся оттискомъ Пушкинскаго перстня. Записка эта подарена мнѣ въ 1887 г. извѣстнымъ изслѣдователемъ и комментаторомъ Пушкина, Л. И. Поливановымъ, который получилъ ее въ 1883 г. отъ самой Елагиной. Содержаніе записки совершенно незначительно, и потому не привожу ее, но печать ея доказываетъ, что перстень Пушкина, по смерти его, дѣйствительно находился у Жуковскаго. Этимъ же перстнемъ И. С. Тургеневъ иногда запечатывалъ свои письма. У меня сохранился конвертъ одного изъ нихъ съ явственнымъ оттискомъ печати. По сличеніи оттисковъ, уцѣлѣвшихъ на письмахъ Пушкина, Жуковскаго и Тургенева, и снимка въ „Альбомѣ московской Пушкинской выставки“ съ оттискомъ печати перстня, хранящагося въ лицейскомъ музеѣ, они оказываются совершенно одинакими, чѣмъ вполнѣ устраняется возбужденное г. Л. сомнѣніе, а за симъ подозрѣніе, не владѣетъ ли онъ „талисманомъ“ — падаетъ само собою.

---

[1]) Во всѣхъ изданіяхъ сочиненій Пушкина это письмо (съ мнѣніемъ о Державинѣ) напечатано съ ошибкою: „Читая его (Державина), кажется, читаешь дурной, вольный переводъ съ какого-то *чуднаго* подлинника“. Въ подлинномъ—„чудеснаго“.

[2]) Въ печатныхъ редакціяхъ этого письма, послѣ словъ: „напоминаютъ Генриха V“, пропущено: „Къ тому же онъ уменъ, а съ умными людьми все какъ-то лучше“.

Остается сказать, былъ ли перстень Пушкина „талисманомъ", и разъяснить его надпись.

Талисманомъ (по-арабски *талесмъ*, по-персидски *телисмъ*— колдовство, чары) называется заколдованный предметъ, дающій владѣтелю его силу совершать сверхъестественное или предохраняющій отъ несчастія. Талисманами служатъ разные предметы: кольца, монеты, медали, драгоцѣнные камни, дощечки, бумажки и проч. съ изреченіями изъ алкорана или другими таинственными надписями. Эти надписи, въ которыхъ и должна заключаться чародѣйственная сила, дѣлаются такъ, что можно прочесть прямо, не переводя на бумагу, посредствомъ оттиска. Надпись же на сердоликовомъ камнѣ въ перстнѣ Пушкина сдѣлана обратно, т.-е. для оттиска. Это указываетъ, что камень въ перстнѣ Пушкина не талисманъ, а просто—печать.

Что же она изображаетъ? Вопросъ этотъ занималъ еще Тургенева. Когда, въ 1878 г., Тургеневъ, получивъ дипломъ на степень доктора оксфордскаго университета, ѣздилъ по этому случаю въ Англію, онъ бралъ съ собой перстень, чтобъ просить какого-то знаменитаго оріенталиста разъяснить таинственную надпись. Оріенталистъ составилъ объяснительную записку, которую Тургеневъ предполагалъ доставить вмѣстѣ съ перстнемъ на петербургскую Пушкинскую выставку. Въ письмѣ ко мнѣ, отъ 13-го августа 1880 г., изъ Кабура (въ Нормандіи) въ Парижъ, онъ пишетъ: „Посылаю вамъ при семъ два свидѣтельства (о кольцѣ и волосахъ) и пришлю вамъ въ переводѣ мнѣніе оксфордскаго ученаго о надписи на кольцѣ" („Письма И. С. Тургенева", стр. 363). Мнѣніе это, однако, не было доставлено, и даже впослѣдствіи не отыскано Тургеневымъ. Разбирая въ 1885 г., по порученію г-жи Віардо, вмѣстѣ съ Анненковымъ бумаги Тургенева, я вспомнилъ о запискѣ оксфордскаго ученаго, но въ бумагахъ покойнаго ея не оказалось.

По полученіи перстня въ Петербургѣ, снова возникъ вопросъ о значеніи таинственной надписи, и въ маѣ нынѣшняго года она была прочитана и переведена нѣкоторыми изъ нашихъ оріенталистовъ. По переводу академика и профессора Д. А. Хвольсона, напечатанному съ письмомъ Я. К. Грота въ „Новомъ Времени" 4 мая 1887 года, надпись означаетъ: „Симха, сынъ пресвятѣйшаго Іосифа старика, да будетъ его память благословенна". Переводы, сдѣланные, по моей просьбѣ, тогда же, другими лицами, совершенно согласны съ этимъ, и потому не были напечатаны. Между тѣмъ оказывается, что надпись разобрана еще въ 1880 г. и уже объяснена въ „Альбомѣ московской Пушкинской выставки",

въ которомъ, на 168-й стр. перваго изданія и 159-й второго, при снимкѣ съ надписи перстня, сказано, что, по переводу московскаго старшаго раввина З. Минора, надпись означаетъ: „Симха, сынъ почтеннаго рабби Іосифа, да будетъ благословенна его память". Переводъ этотъ согласенъ съ недавними объясненіями О. И. Бонета, А. Я. Гаркави и Д. А. Хвольсона; но всѣ они прибавляютъ къ имени Іосифа слово: „старца", причемъ д-ръ Гаркави объявилъ, что почеркъ надписи и титулъ „старца" указываютъ на крымско-караимское происхожденіе перстня, а профессоръ Хвольсонъ опредѣлилъ и время работы перстня—конецъ прошлаго или начало текущаго столѣтія. Такимъ образомъ, воображаемый „талисманъ" оказывается просто еврейскою именною печатью, на которой вырѣзано полукурсивными (раввинскими) буквами: „Симха, сынъ почтеннаго рабби Іосифа старца, да будетъ его память благословенна".

Княгиня Воронцова, очевидно, была въ заблужденіи относительно качества перстня, и еслибы знала о дѣйствительномъ его значеніи, конечно, не подарила бы его Пушкину, а великій поэтъ, при всемъ суевѣріи, не связывалъ бы своей судьбы съ столь обыкновеннымъ предметомъ. Но заблужденіе часто служило источникомъ художественныхъ произведеній, и безъ этого заблужденія мы не имѣли бы внушенныхъ имъ поэтическихъ строфъ Пушкина.

В. Гаевскій.

ДВА ГОДА

ВЪ

ГЕЛЬСИНГФОРССКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

Изъ воспоминаній женщины-врача.

I.

Воспоминанія мои относятся къ тому времени, когда женскіе врачебные курсы въ Петербургѣ не были еще открыты, и русскія женщины, желавшія изучать медицину, устремлялись въ заграничные университеты.

Потративъ нѣсколько лѣтъ на изученіе латинскаго языка, математики и другихъ предметовъ въ объемѣ мужской гимназіи и сдавъ по нимъ экзамены при университетѣ, я смѣло разсчитывала на возможность учиться медицинѣ въ Россіи, надѣясь на силу своихъ дипломовъ. Но рядъ безплодныхъ попытокъ въ этомъ направленіи скоро убѣдилъ меня, что и дипломы не помогаютъ; тогда я рѣшилась послѣдозать примѣру другихъ и уѣхать за границу. Но куда? Въ Цюрихъ мнѣ не совѣтовали, и жизнь тамъ была не по моимъ средствамъ; въ Кенигсбергѣ, по полученнымъ мною извѣстіямъ, положеніе русскихъ студентокъ было очень шатко и неопредѣленно; изъ Вѣны пришелъ отказъ; оставалось пробовать счастья въ Парижѣ.

Изъ этого раздумья и нерѣшительности вывело меня извѣстіе, сообщенное газетами, о допущеніи женщинъ къ слушанію лекцій въ Александровскомъ университетѣ въ Гельсингфорсѣ.

Рѣшеніе было найдено: поступить въ гельсингфорсскій университетъ было для меня всего удобнѣе, во-первыхъ, по дешевизнѣ жизни въ Финляндіи, и, во-вторыхъ, по близости Гельсингфорса отъ Петербурга. Одно меня пугало,—это чтеніе лекцій на шведскомъ языкѣ, о которомъ я не имѣла ни малѣйшаго понятія; но, взвѣсивъ всѣ данныя, я нашла, что это наименьшее изъ неудобствъ, представляемыхъ другими университетами.

Въ одинъ изъ холодныхъ и дождливыхъ дней августа выѣхала я изъ Петербурга въ Гельсингфорсъ, въ сопровожденіи моего лучшаго друга, пожилой родственницы, желавшей устроить меня на новомъ мѣстѣ. Уже на вокзалѣ въ Петербургѣ начали мы чувствовать свое отчужденіе: чуждыя лица, финскій и шведскій языкъ, размѣнъ нашихъ денегъ, отсутствіе русскихъ типовъ... Чѣмъ больше удалялись мы отъ Петербурга, тѣмъ сильнѣе ощущали свою изолированность среди шведовъ и финновъ. Напрасно искала я среди пассажировъ хоть одного представителя настоящаго сѣвернаго типа „съ вьющимися русыми волосами и нѣжными синими глазами“;—представленіе, составленное по книгамъ, быстро разсѣялось при видѣ далеко не красивыхъ, угрюмыхъ лицъ съ бѣлыми рѣсницами и прямыми желтыми волосами. И природой любоваться было нельзя: все было покрыто туманомъ, какъ густой пеленой. Но когда, черезъ нѣсколько часовъ путешествія, появилось вдругъ солнце, разсѣялся туманъ и передъ нашими глазами стали мелькать панорамы одна красивѣе другой,—чудная, своеобразная природа Финляндіи примирила насъ со всѣмъ; хотѣлось дальше ѣхать, смотрѣть и наслаждаться. Пассажиры, замѣтивъ наше восторженное настроеніе, оживились, старались намъ что-то объяснить, показать, сопровождая свои старанія такой самодовольной улыбкой, точно всѣ эти прелестные ландшафты—произведеніе ихъ рукъ.

Къ 11-ти часамъ вечера началась въ вагонѣ обычная суета, предвѣщающая скорое прибытіе, и мы догадались о близости Гельсингфорса. Когда мы проѣхали между двумя высокими стѣнами утесовъ, фантастически освѣщенныхъ мелькавшими фонарями, передъ нами блеснуло море, засверкали огоньки, и черезъ нѣсколько секундъ мы были у вокзала. Переходъ отъ поэтическаго настроенія къ слишкомъ реальному вопросу: какъ мы выберемся изъ вагона съ массой вещей,—былъ слишкомъ быстръ и неожиданъ... Мы не успѣли опомниться, какъ очутились почти въ одиночествѣ въ вагонѣ; напрасно я старалась объяснить на смѣшанномъ нарѣчіи и пантомимами уходящимъ пассажирамъ, чтобъ они прислали намъ носильщика — финны любезно съ нами рас-

кланивались и со словами: „ah, så!“ —удалялись. Время шло, носильщики не приходили, и намъ грозила пріятная перспектива провести первую ночь въ Гельсингфорсѣ подъ кровомъ сарая, куда завозятъ вагоны. Тогда побѣжала я на поиски сама, но на платформѣ почти никого уже не было, а тѣ, кто попадались на встрѣчу, ничего не понимали, чего я хочу. Почти съ отчаяніемъ обратилась, наконецъ, я къ двумъ офицерамъ, собиравшимся уже уходить: „не русскіе ли вы?“ —Да, мы русскіе,—отвѣчали они съ иностраннымъ акцентомъ. „Ради Бога, пошлите намъ носильщика и научите, какъ получить багажъ“... Офицеры съ удовольствіемъ предложили свои услуги, и мы втроемъ побѣжали къ нашему вагону, гдѣ нашли мою тетушку въ сильнѣйшемъ волненіи по поводу моего долгаго отсутствія. Любезные офицеры, посмѣявшись надъ нашимъ приключеніемъ, вытащили всѣ вещи, получили нашъ багажъ и проводили до гостинницы, въ которой посовѣтовали намъ остановиться. Намъ отвели очень удобный нумеръ, гдѣ все поражало безукоризненной чистотой и аккуратностью, но одно меня удивило—это дѣтская кроватка, стоявшая въ углу и предназначенная, очевидно, для насъ. Вошедшая горничная разсѣяла, однако, мои недоумѣнія, раздвинувъ кровать и превративъ ее изъ дѣтской въ настоящую (складныя кровати въ большомъ употребленіи въ Финляндіи, въ виду экономіи мѣста). Чемоданы наши и сундуки, несмотря на всѣ протесты съ нашей стороны, были оставлены на лѣстницѣ, при открытой двери на улицу. Тетушка волновалась всю ночь объ ихъ цѣлости, и только впослѣдствіи убѣдилась, насколько опасенія ея были неосновательны. Въ то время воровство въ Гельсингфорсѣ было необыкновеннымъ событіемъ, почему финляндцы и не считали необходимостью употребленіе замковъ.

На другой же день я рѣшила съ утра отправиться въ университетъ, подать прошеніе о поступленіи и переговорить съ ректоромъ. Долго мы съ тетушкой блуждали по городу, спрашивая: гдѣ *университетъ*?—насъ сбивали, путали, посылали въ разныя стороны, а университета все не было. Я начала ужъ сомнѣваться, не оправдались ли шутки моихъ братьевъ, все лѣто пугавшихъ меня извѣстіями, что гельсингфорсскій университетъ сгорѣлъ, но одинъ изъ прохожихъ вдругъ понялъ, чего мы хотимъ: „collegium, collegium?“ —переспросилъ онъ. Съ этимъ путеводнымъ словомъ мы пришли, наконецъ, на большую площадь, гдѣ возвышался соборъ, а по обѣимъ сторонамъ—университетъ и зданіе сената.

Поднялась я по парадной лѣстницѣ университета и начала странствовать по корридорамъ. Все тихо, нигдѣ ни души; наконецъ, на одной изъ боковыхъ лѣстницъ замѣтила я двухъ женщинъ, мывшихъ полы. „Гдѣ здѣсь канцелярія?“ —спросила я ихъ. Въ отвѣтъ—взглядъ, полный недоумѣнія. Повторяю свой вопросъ на разные лады, и по-нѣмецки, и по-русски, и такъ убѣдительно, что женщины оставляютъ полы и ведутъ меня куда-то въ подвалъ, къ университетскому сторожу, который, къ моей великой радости, говорилъ по-нѣмецки и проводилъ меня въ канцелярію. „Въ которомъ часу могу я видѣть ректора?“ спросила я единственнаго чиновника, занимавшагося въ канцеляріи. Вмѣсто отвѣта, онъ флегматично показалъ мнѣ на часахъ двѣнадцать, и опять принялся за свои бумаги. Вернувшись въ указанное время, я застала уже въ канцеляріи самого ректора, довольно моложаваго и благообразнаго господина, который любезно встрѣтилъ меня вопросомъ на французскомъ языкѣ, что мнѣ угодно? Объяснивъ причину своего посѣщенія и показавъ свой дипломъ, я спросила его о пріемномъ экзаменѣ въ университетѣ.—Вопросъ относительно пріемныхъ экзаменовъ для женщинъ еще не рѣшенъ,—отвѣчалъ онъ.—Вы еще первая женщина, заявляющая о желаніи поступить въ нашъ университетъ, но вашъ дипломъ свидѣтельствуетъ о вашей полной подготовкѣ слушать лекціи. „Такъ что я могу начать слушать лекціи, не дожидаясь рѣшенія вопроса о вступительномъ экзаменѣ?“ —Безъ всякаго сомнѣнія,—отвѣчалъ онъ.—Вообще же многія подробности еще не выяснены, —откровенно сознался ректоръ,—и я совѣтую вамъ повидать декана медицинскаго факультета, д-ра Мейера, и поговорить съ нимъ. Хотя не разсчитывайте,—прибавилъ онъ,—что вы тотчасъ же начнете изучать медицинскія науки, теперь вы будете заниматься естественными науками, и, уже давъ по нимъ экзаменъ на магистра философіи, вы приступите къ медицинѣ. „Что же я должна теперь дѣлать?“ спросила я.—Прежде всего переговорите съ деканомъ, а потомъ побывайте у всѣхъ профессоровъ, лекціи которыхъ вы должны слушать, и передайте имъ, что отъ меня вы получили разрѣшеніе посѣщать университетъ.—Вручивъ любезно адресы профессоровъ и декана, ректоръ пожелалъ мнѣ всякаго успѣха, и я удалилась, вынося впечатлѣніе, что вопросъ о допущеніи женщинъ въ гельсингфорсскій университетъ находится еще въ очень неопредѣленномъ положеніи, и ректоръ какъ будто боится сдѣлать какой-нибудь необдуманный, смѣлый шагъ. Повидимому, онъ радъ былъ спровадить меня къ профессорамъ.

Сообщивъ ожидавшей меня на бульварѣ тетушкѣ, что поступ-

леніе мое въ университетъ, кажется, уладится, я предложила приступить къ отысканію квартиры, визитъ же къ профессорамъ можно было отложить до слѣдующаго дня.

Но какъ искать квартиру въ совершенно незнакомомъ городѣ, не зная ни слова на туземномъ языкѣ! Блуждая по городу, мы замѣтили вывѣску русской лавки и обратились къ хозяину ея съ просьбой помочь намъ своими указаніями. Франтоватый купецъ очень любезно отнесся къ своимъ соотечественницамъ, выписалъ намъ всѣ объявленія о квартирахъ изъ газетъ и далъ нѣкоторые нужные совѣты. Пообѣдавъ на скорую руку въ своей гостинницѣ, начали мы поиски квартиры, не ожидая, сколько затрудненій предстоитъ намъ на этомъ пути. Хозяйки квартиръ даже не понимали, чего мы отъ нихъ хотимъ, или, видимо не желая сдавать намъ комнаты, назначали страшныя цѣны. Обезкураженныя и теряя всякое терпѣніе, мы придумали, наконецъ, нанять русскаго солдатика, понимающаго по-шведски, который и провожалъ насъ въ качествѣ переводчика.

— Эхъ, сударыни! — замѣтилъ онъ: — такой ужъ здѣсь безтолковый народъ! Нашъ братъ, русскій, хоть и не пойметъ чего, такъ догадается, а здѣсь безъ языка ничего не добьешься. — Мы не могли не согласиться съ этимъ замѣчаніемъ, справедливость котораго испытывали на себѣ. Наши поиски продолжались, но такъ же безуспѣшно, какъ и прежде; наконецъ, усталыя, входимъ мы вечеромъ въ одинъ изъ указанныхъ домовъ и слышимъ изъ окна:

— Татьяна, давай самоваръ!

Радостно переглянувшись, двинулись мы на этотъ зовъ.

— Здѣсь отдается комната внаймы? — спросила храбро тетушка (къ ней опять вернулась бодрость духа).

— Здѣсь, — отвѣчала изъ окна приличная старуха, по виду и дородности похожая на нашихъ купчихъ. — А вы вдвоемъ будете жить? — прибавила она испуганно. — Только пока, — успокоила ее тетушка: — я скоро уѣду, а племянница моя остается здѣсь.

— Только скажите вы откровенно, — допрашивала хозяйка, все еще не приглашая насъ войти: — не изъ актрисъ ли вы будете? — Мы разсмѣялись, и тетушка поспѣшила ее успокоить, сказавъ, что я пріѣхала слушать лекціи въ университетѣ. Тогда старуха, все еще недовѣрчиво оглядывая насъ, пригласила войти и осмотрѣть комнату. — Скажите, — обратилась я къ хозяйкѣ: — отчего вы и всѣ хозяйки квартиръ, которыхъ мы видѣли, относитесь къ намъ съ такимъ недовѣріемъ? — И не безъ причины, — объяснила она. — Ну, положимъ, вотъ вы и ваша тетушка кажетесь такими порядочными и при-

личными, а все-таки боишься взять. Будь вы не русскія—другое дѣло; а то какія же молоденькія русскія дѣвушки пріѣзжаютъ сюда жить? Или актрисы, или еще того хуже,—прибавила она.

Тетушка принялась ее успокаивать на мой счетъ, и старуха, повидимому, увѣрилась, а такъ какъ комната оказалась очень удобной, большой и хорошо меблированной, то мы скоро сошлись и, давъ задатокъ, поѣхали за своими вещами въ гостинницу.

Но не успѣли мы перебраться и установиться на новой квартирѣ, какъ къ намъ влетѣла дородная дама, отрекомендовавшая себя маіоршей К.

— Какая досада!—восклицаетъ она:—вы перебили у меня квартиру; я давно знакома съ здѣшней хозяйкой и намѣревалась снять у нея нѣсколько комнатъ... Не можете ли вы уступить и пріискать себѣ новую?—Не подозрѣвая заговора, мы рѣшительно отказались отъ уступки незнакомому лицу, ссылаясь на то, что мы пріѣзжія и имѣемъ право на комнату, заплативъ задатокъ. Маіорша усиливала наступленія; хозяйка, видимо сконфуженная, присоединилась къ ней, со слезами разсказывая о бѣдственномъ положеніи одинокой вдовы,—и намъ не оставалось другого исхода, какъ поскорѣе удалиться изъ-подъ гостепріимнаго крова нашей соотечественницы, чтобы не нажить непріятностей въ чужомъ городѣ. И вотъ опять начались наши странствованія изъ дома въ домъ. Стремленіе тетушки помѣстить меня у русскихъ значительно ослабѣло послѣ этого эпизода, но все-таки она рѣшила сдѣлать еще попытку, когда добродушная Татьяна уговорила свести насъ къ однимъ ея знакомымъ господамъ: „они хотя и русскіе, но здѣшніе“,—такъ рекомендовала она ихъ. Насъ встрѣтила очень молоденькая дѣвушка, недурная собой, но безъ всякаго опредѣленнаго выраженія на лицѣ. На наше замѣчаніе, что предлагаемая комната очень мала и не совсѣмъ удобна, молодая дѣвушка (оказавшаяся дочерью хозяйки квартиры) серьезно предложила мнѣ, удобства ради, поселиться съ нею въ ея комнатѣ вмѣстѣ. Мы искренно поблагодарили за такую любезность „здѣшнихъ русскихъ“, но у дверей были остановлены вопросомъ молодой особы, обращеннымъ ко мнѣ:—„Вы пріѣхали сюда учиться?—спросила она;—я бы могла вамъ давать тоже уроки“.—По какимъ же предметамъ?—поинтересовалась я.—„По всѣмъ предметамъ,—смѣло отвѣчала она,—а также могу учить музыкѣ и танцамъ“.—Непремѣнно обращусь къ вамъ за уроками танцевъ,—отвѣчала я:—вѣроятно, они мнѣ скоро понадобятся.—Тетушка едва держалась отъ смѣха, и торопила уходить, но намъ не суждено было разстаться такъ скоро съ забавной дѣвицей; она сдѣлала еще предложеніе: со-

провождать насъ при отыскиваніи квартиръ, такъ какъ она говоритъ по-шведски и знаетъ весь городъ. Отъ подобной услуги трудно было отказаться въ нашемъ положеніи, и мы втроемъ двинулись въ путь. Новая спутница, повидимому, была знакома со всѣмъ высшимъ міромъ Гельсингфорса: она поминутно съ кѣмъ-нибудь раскланивалась, объясняя намъ, что это былъ графъ такой-то, это сенаторъ, это баронесса и т. д. Простыхъ смертныхъ она не называла. Сначала мы ей вѣрили, но когда число графовъ и баронессъ возросло до невѣроятнаго числа, смутныя подозрѣнія начали нами овладѣвать, и явилось раскаяніе, что приняли услуги такой странной особы. Но разстаться съ ней было невозможно; мы продолжали свои поиски. Обойдя нѣсколько улицъ безъ результата, мы пришли, наконецъ, въ очень уютную квартиру, гдѣ отдавалась комната. M-lle Иванова (наша путеводительница), переговоривъ съ кухаркой (или madam, какъ ихъ называютъ въ Гельсингфорсѣ), заявила намъ съ важнымъ видомъ, что мы находимся у очень извѣстнаго „профессора", и что онъ сейчасъ придетъ переговорить о комнатѣ. Усадивъ насъ, m-lle Иванова расположилась какъ у себя дома и завела съ madame оживленный разговоръ, изъ котораго мы ничего не могли понять, кромѣ словъ: ryska, grefvinna, collegium.—Повѣрь,—сказала я тетушкѣ,—что она и меня произвела въ графини. — Но въ эту минуту вошелъ хозяинъ квартиры. Вмѣсто ожидаемаго почтеннаго профессора, убѣленнаго сѣдинами, мы увидали молодого человѣка, оказавшагося не болѣе какъ учителемъ (или магистромъ по мѣстному выраженію) русскаго языка въ одной изъ городскихъ школъ. Произошло общее смущеніе, не коснувшееся, впрочемъ, m-lle Ивановой, которая продолжала что-то доказывать и въ чемъ-то насъ увѣрять. Чтобы вывести насъ изъ неловкаго положенія, въ которомъ мы случайно очутились, благодаря пылкой фантазіи нашей проводницы, магистръ предложилъ переговорить съ своей матерью, у которой была свободная комната. Пока онъ велъ переговоры съ матерью, мы отправились обѣдать, пригласивъ съ собой и m-lle Иванову; благодаря ея присутствію, обѣдъ прошелъ очень оживленно, и наше мрачное настроеніе хоть немного разсѣялось. Наша новая знакомая выказала такой арсеналъ знаній, разсказывая о своихъ экзаменахъ, что я, несмотря на строгіе взгляды тетушки, хохотала до слезъ, подзадоривая ее къ новымъ выдумкамъ.—Что вы отвѣчали изъ ариѳметики на экзаменѣ? — спрашивала я.—Меня спросили правило „релетри",—отвѣчала m-lle Иванова. На мою просьбу объяснить, въ чемъ состоитъ это странное правило, она такъ запуталась въ объясненіяхъ, что я

едва, едва догадалась, что дѣло шло о тройномъ правилѣ (Regeldetre). И съ тѣхъ поръ для краткости мы стали звать ее m-lle Тирлирли, за что она нисколько не обижалась.

Въ назначенное время магистръ зашелъ къ намъ съ просьбой идти къ его матери, которая ожидала насъ. M-lle Тирлирли, несмотря на наши протесты, рѣшила сопровождать насъ и туда. Съ магистромъ мы объяснялись по-русски, хотя онъ не совсѣмъ свободно говорилъ—для учителя русскаго языка, но для насъ это было большимъ облегченіемъ. Мать магистра, очень почтенная и симпатичная старуха, со строгимъ античнымъ лицомъ, ожидала насъ въ очень уютной и хорошенькой комнатѣ, которая и предназначалась въ наше распоряженіе. Долго и серьезно осматривала она тетушку и меня, но мало-по-малу строгое выраженіе ея лица смѣнилось привѣтливой улыбкой, и она ласково обратилась ко мнѣ съ разспросами, которые магистръ переводилъ. На m-lle Иванову никто не обращалъ вниманія; несмотря на всѣ ея попытки вмѣшаться въ разговоръ, старуха игнорировала ее.

Мы сошлись во всемъ, обязавшись честнымъ словомъ держать за собой комнату до лѣта; заключеніе контракта старуха нашла излишнимъ.

На другой день, счастливыя и довольныя, что, наконецъ, мы у пристани, переѣхали и мы съ тетушкой на новую квартиру, гдѣ хозяйка (оказавшаяся женой доктора, которыхъ въ Гельсингфорсѣ называютъ doktorinna) торжественно представила намъ остальныхъ членовъ своей семьи,—уже пожилую дочь Риту и юношу сына Оскара. Вся семья докторины носила патріархальный, дружный характеръ; очень было пріятно очутиться въ такой симпатичной, доброй семьѣ. Магистръ былъ менѣе всѣхъ симпатиченъ, онъ слишкомъ много думалъ о своей особѣ, всѣ его сужденія носили слишкомъ самоувѣренный характеръ, но, къ счастью, онъ жилъ отдѣльно, и мнѣ не предстояло имѣть съ нимъ частыхъ столкновеній.

Покончивъ съ хлопотами о квартирѣ, я могла, наконецъ, приняться за визиты къ профессорамъ. По совѣту ректора, прежде всего направилась я къ декану медицинскаго факультета, д-ру Мейеру. Въ пріемной его сидѣло нѣсколько больныхъ съ завязанными глазами, почему я и догадалась, что деканъ—окулистъ. Когда дошла очередь до меня, то докторъ обратился ко мнѣ по-шведски съ разспросами о моей болѣзни. Я поспѣшила его разувѣрить и объяснила по-нѣмецки, что пришла къ нему не какъ къ врачу, а какъ къ декану университета за необходимыми ука-

заніями.—„Вы г-жа Д.?—перебилъ онъ меня:—я уже слышалъ о васъ отъ ректора; но мои лекціи вамъ еще рано посѣщать, вы прежде должны сдать экзаменъ на магистра философіи".—Въ чемъ же состоитъ этотъ экзаменъ?—спросила я.—„Вы должны прослушать въ университетѣ пять предметовъ—химію, физику, зоологію, ботанику и всеобщую исторію, или латинскій языкъ, и, избравъ изъ нихъ одинъ главнымъ, на laudatur, выдержать экзаменъ на магистра философіи. И вотъ тогда только вы приступите къ изученію медицины",—заключилъ онъ.—Во сколько же времени можно приготовиться къ подобному экзамену?—„А это зависитъ отъ прилежанія,—отвѣчалъ профессоръ:—наши студенты обыкновенно сидятъ надъ этимъ года 3—4, но бываютъ случаи, когда сдаютъ его и въ 2 года. Я бы вамъ совѣтовалъ теперь же начать слушать физику и химію, избравъ ихъ главными предметами; остальные же, какъ второстепенные, оставьте до слѣдующаго семестра".—Провожая меня, профессоръ спросилъ:—„Гдѣ же вы выучились шведскому языку?"—Да я совсѣмъ его не знаю,—отвѣчала я.—„Ну, трудно же вамъ будетъ!—сказалъ онъ, покачавъ головой:—да неужели вамъ въ Россіи нельзя учиться?"—Нѣтъ, я ужъ все перепробовала, стучалась во всѣ двери безъ успѣха.—„Жаль, жаль мнѣ васъ, много вамъ труда предстоитъ!"—сказалъ онъ на прощанье.

Послѣ разговора съ деканомъ, мнѣ сдѣлалось ясно, по крайней мѣрѣ, за какіе предметы приняться и съ чего начать. Я рѣшила послѣдовать его совѣту и заняться прежде всего химіей и физикой, какъ предметами всего болѣе нужными для медицины. Такъ какъ профессоръ физики жилъ недалеко отъ квартиры декана, то я и отправилась тотчасъ же къ нему. Дверь мнѣ отворилъ самъ профессоръ, почтенный старичокъ съ очень добродушной физіономіей. Увидавъ даму, онъ страшно сконфузился, вспомнивъ, что былъ въ халатѣ, и, впустивъ меня въ гостиную, поспѣшно скрылся въ другую комнату. Явившись переодѣтымъ, профессоръ ласково привѣтствовалъ меня, усадилъ въ кресло и приготовился слушать. Вся обстановка вполнѣ гармонировала съ фигурой самого профессора: комната была заставлена шкафами съ книгами, вездѣ безукоризненная чистота, нигдѣ ни пылинки, ни кусочка бумажки, все на своемъ мѣстѣ, какъ и самъ профессоръ, съ добродушно-апатичной улыбкой, мѣрно качавшійся на креслѣ.—„Я пришла просить позволенія посѣщать ваши лекціи",—начала я по-нѣмецки, послѣ обычной рекомендаціи.—Ja så... o, o!—улыбнулся профессоръ въ отвѣтъ.—„Могу я узнать, когда вы начнете читать и какое руководство по физикѣ вы совѣтуете

избрать?" — Старичокъ отвѣчалъ не сразу; онъ нѣсколько разъ взглянулъ на меня, качнулся раза два на креслѣ, потомъ вскочилъ и суетливо забѣгалъ по комнатѣ. Отыскавъ росписаніе лекцій, онъ подалъ мнѣ его, указавъ на часы, въ которые онъ читаетъ, и, наконецъ, сказалъ, что онъ очень радъ, очень радъ... Несмотря на несловоохотливость почтеннаго профессора, мнѣ гораздо легче чувствовалось съ этимъ добродушнымъ старичкомъ, чѣмъ при разговорѣ съ ректоромъ и деканомъ. Онъ очень любезно, съ какой-то заботливостью, проводилъ меня до двери, и, прощаясь сказалъ, что черезъ недѣлю мы увидимся на его лекціи. Отъ симпатичнаго старика направилась я къ профессору химіи, жившему въ лабораторіи университета.

Гельсингфорсъ не даромъ гордится своей лабораторіей: это прекрасное, громадное зданіе въ четыре этажа, устроено роскошно и совершенно отдѣльно, вблизи университета. Чистота и изящество поразили меня, когда я поднималась по лѣстницѣ въ квартиру профессора химіи.

— Är professorn hemma? (дома ли профессоръ?)—повторила я заученную фразу горничной, отворившей мнѣ дверь. Оказался, къ моему счастью, дома, и меня привели въ гостиную, уставленную растеніями и клѣтками съ птицами, но безъ всякихъ аттрибутовъ учености. Скоро вошелъ и самъ профессоръ, брюнетъ небольшого роста, съ красивой и выразительной физіономіей. Это былъ опять совсѣмъ другой типъ, не похожій ни на декана, ни на ректора, ни на профессора физики: живой, остроумный, говорливый, онъ скорѣе напоминалъ француза, чѣмъ флегматичнаго финна. Подробно разспросивъ меня о моихъ намѣреніяхъ и выразивъ большое сочувствіе къ желанію заниматься у него въ лабораторіи, онъ изъявилъ полное согласіе и обѣщалъ содѣйствовать во всемъ. У него не замѣтила я никакихъ колебаній или нерѣшительности относительно моихъ занятій въ университетѣ; напротивъ, ему даже, повидимому, нравилось, что женщина желаетъ учиться его любимому предмету. Узнавъ, что я не говорю по-шведски, онъ выразилъ большое сожалѣніе, такъ какъ тотъ изъ его доцентовъ, который говоритъ по-нѣмецки, уѣзжаетъ заграницу, и я должна находиться подъ руководствомъ другого, который иностранныхъ языковъ не знаетъ. — Ну, да мы какъ-нибудь обойдемъ это препятствіе,—весело заключилъ онъ. Поблагодаривъ за позволеніе, я встала проститься съ любезнымъ профессоромъ.—Еще одинъ вопросъ,—остановилъ онъ меня:—и, быть можетъ, не совсѣмъ скромный: гдѣ вы поселились, вѣдь вы никого не знаете въ Гельсингфорсѣ?—Я объяснила, что поселилась въ

семьѣ, у вдовы шведскаго доктора К. Это, повидимому, его удовлетворило; онъ взялъ мой адресъ, и я ушла, унося очень пріятное впечатлѣніе о своемъ будущемъ учителѣ. На другой же день онъ былъ у меня съ пріятнымъ извѣстіемъ, что доцентъ, говорящій по-нѣмецки, не уѣзжаетъ за границу, и согласенъ руководить моими практическими занятіями въ лабораторіи.—Черезъ двѣ недѣли приходите къ намъ, начнемъ занятія, а пока учитесь, учитесь шведскому языку,—сказалъ мнѣ профессоръ, уходя.

Теперь самое главное было устроено; оставалось только побывать у профессора ботаники; зоологію же я рѣшила оставить до будущаго года, какъ легкій и второстепенный предметъ. Профессоръ ботаники, уже знавшій о моемъ намѣреніи, далъ очень охотно разрѣшеніе посѣщать его лекціи, предупредивъ, что онѣ начнутся не раньше, какъ въ октябрѣ мѣсяцѣ. Располагая свободнымъ временемъ до начала правильныхъ занятій, я рѣшила употребить его пока всецѣло на изученіе шведскаго языка, которымъ меня всѣ такъ пугали. Надо было пріискать учителя. Узнавъ объ этомъ, m-lle Тирлирли, не переставшая насъ навѣщать, несмотря на косые взгляды строгой докторины, предложила свои услуги и повела насъ съ тетушкой къ своему знакомому учителю шведскаго языка. Мы вошли въ довольно бѣдную, но очень чисто убранную квартиру, и въ облакахъ табачнаго дыма замѣтили длинную, сухощавую фигуру хозяина ея. —Это и есть самъ учитель,—шепнула намъ Иванова. Замѣтивъ ея желаніе взять на себя роль моей патронессы, я поспѣшила предупредить ее, и обратилась сама къ учителю, съ просьбой заниматься со мной шведскимъ языкомъ.—„Я согласенъ,—отвѣчалъ онъ,—давать вамъ уроки, но у меня всѣ утренніе часы заняты; я могу предложить вамъ только два часа вечеромъ".—Для меня это было еще удобнѣе.—Какія же ваши условія?—спросила я.—„Двѣнадцать марокъ въ мѣсяцъ",—отвѣчалъ учитель. Изумленныя этой непомѣрно-малой платой,—за 60 часовъ въ мѣсяцъ—около 4-хъ рублей на наши деньги,—мы подумали, что онъ ошибся, и опять повторили свой вопросъ, но учитель далъ тотъ же отвѣтъ. Тетушка попробовала-было его уговаривать, чтобы онъ назначилъ большую плату, но на всѣ ея протесты учитель категорически заявилъ, что это его prix fixe, котораго онъ не измѣняетъ ни для кого.—Такъ позвольте по крайней мѣрѣ,—предложила тетушка, — чтобы хотя освѣщеніе было на нашъ счетъ, такъ какъ занятія ваши будутъ по вечерамъ.—„На это я согласенъ съ большимъ удовольствіемъ",—отвѣчалъ учитель. И вотъ на другой же день я пришла къ нему на уроки съ фунтомъ стеа-

риновыхъ свѣчъ и шведской грамматикой въ рукахъ, и занятія начались.

Шведскій языкъ самъ по себѣ не казался мнѣ очень труднымъ, по своему сходству съ нѣмецкимъ языкомъ и по множеству словъ, заимствованныхъ съ французскаго, но меня ужасала мысль, что я никогда не дойду до пониманія разговорнаго языка. Шведы до того сокращаютъ слова при разговорѣ, что, зная только теоретически языкъ, никакъ не можешь ихъ понимать. Учитель мой занимался со мной очень усердно и старательно, ни въ чемъ не измѣняя метода, принятаго имъ съ дѣтьми. Одинъ часъ мы читали и переводили, и я отвѣчала ему заданный урокъ (стихи наизустъ и грамматику); второй часъ, цѣлый, я писала подъ диктовку. Когда я разъ замѣтила: не слишкомъ ли много времени тратится на мою шведскую орѳографію (въ сущности очень простую) и не лучше ли употребить его на разговоръ и переводы, учитель отвѣчалъ мнѣ строгимъ внушеніемъ, что орѳографія—это главное дѣло. Я такъ и ожидала, что онъ начнетъ мнѣ ставить баллы за уроки! Второй часъ, часъ диктанта, былъ самый пріятный для учителя; онъ усаживался въ качалку, закуривалъ свою трубку, доставалъ изъ шкафа любимаго автора, и съ выраженіемъ и увлеченіемъ диктовалъ мнѣ цѣлыя страницы, большей частью стихи. Я писала какъ автоматъ, ничего не понимая, что пишу, и съ нетерпѣніемъ дожидаясь, когда учитель, наконецъ, остановится и начнетъ старательно считать мои ошибки. Однако, какъ ни усидчиво я занималась шведскимъ языкомъ, разговорный языкъ былъ все еще для меня недоступенъ. Привыкнувъ съ моимъ ментором читать правильно, не сокращая словъ, напр.: „вадъ эръ детъ“ (hvad är det), „со эръ детъ“ (så är det), я не могла узнать этихъ выраженій, когда слышала: „вайде“, „сойде“... Мнѣ нужна была практика, и случай былъ подъ рукой: хозяева наши, вообще выказывавшіе намъ большое расположеніе, при каждой встрѣчѣ приглашали меня къ себѣ, но я все дичилась и не шла. Тетушка часто гнала меня къ нимъ для практики въ шведскомъ языкѣ:—„Все переводы, да диктанты, — ворчала она, — а до сихъ поръ не понимаешь, что кругомъ говорятъ. Я скажу, что ты сегодня придешь къ нимъ чай пить“.—Я протестовала:—Подумай, въ какое положеніе ты меня поставишь. Вотъ, приду я къ нашимъ хозяевамъ, они скажутъ ласково: „А... sa-a!“ Я тоже скажу: „о-а sa!“ Затѣмъ они спросятъ меня что-нибудь, я отвѣчу невпопадъ; они начнутъ стараться иначе сказать—я буду мучиться, чтобы лучше понять, и, въ концѣ концовъ, ничего не выйдетъ, кромѣ взаимнаго недо-

умѣнія. Дай мнѣ еще подучиться, и когда ты уѣдешь, я буду къ нимъ ходить, тогда дѣло пойдетъ скорѣе". И дѣйствительно, съ отъѣздомъ тетушки, мое шведское образованіе сразу пошло быстрыми шагами впередъ: одиночество сблизило меня съ докторшей и ея семьей, я перестала ихъ дичиться, вошла понемногу въ ихъ интересы, стала говорить и даже понимать всѣ „вайде" и „сойде". Однажды послѣ урока учитель мой спросилъ съ ироническою улыбкой: „А какъ поживаетъ ваша подруга m-lle Иванова?" —Развѣ она меня такъ называетъ?—съ удивленіемъ спросила я. — „Всегда, — отвѣчалъ онъ, — и по ея разсказамъ выходитъ, что она вами руководитъ". —Я разсмѣялась.—Ну, а тетушку мою называетъ графиней?—„Это ужъ ея слабость, графини и княгини,—сказалъ онъ:—у нея другихъ знакомыхъ нѣтъ". Меня интересовало, съ какой цѣлью она это дѣлаетъ,—неужели только ради хвастовства, и я спросила учителя.—„О, у нея есть цѣль,—серьезно отвѣчалъ онъ. — Когда мать не позволяетъ ей цѣлый день рыскать по городу, она получаетъ письмо, написанное ею самой, отъ какой-нибудь миѳической графини; въ настоящее время эту роль играете вы, и такимъ способомъ она добываетъ себѣ свободу. Но я совѣтую вамъ быть съ ней осторожнѣе, — прибавилъ учитель: — она можетъ вовлечь васъ въ непріятную исторію".—Вернувшись домой, я передала тетушкѣ предостереженіе учителя, и мы долго обсуждали планъ избавленія отъ m-lle Тирлирли; но такъ какъ тетушка была противъ рѣшительныхъ мѣръ, то и оставалось сохранять только оборонительное положеніе.

Въ одно изъ воскресеній отправились мы послушать органъ въ шведскомъ соборѣ. Могучіе и торжественные звуки органа, который я слышала въ первый разъ, произвели на меня такое впечатлѣніе, что я остановилась, какъ бы подавленная ихъ чудной силой, ничего не видя кругомъ. Органъ смолкалъ, постепенно затихая, и все очарованіе исчезло, когда вдругъ раздался рѣзкій, непріятный возгласъ проповѣдника. Аффектація, его неестественная дикція мнѣ такъ не понравились, что я тотчасъ же собралась уходить, но, остановившись, чтобъ оглядѣть соборъ, невольно была поражена однообразнымъ костюмомъ молящихся женщинъ: всѣ были въ темныхъ платьяхъ съ черными платками на головахъ; не было ни одной шляпки, ни одного наряднаго костюма. Тетушка высказала предположеніе, что это собраніе какихъ-нибудь сектантовъ; я стояла за то, что шведскія дамы такъ благочестивы, что позволяютъ себѣ являться на молитву не иначе, какъ въ очень простомъ костюмѣ, даже безъ головного

убора. Вернувшись домой, мы обратились къ Ритѣ за разъясненіемъ нашихъ недоумѣній. Она ужасно расхохоталась надъ нашими предположеніями и объяснила дѣло очень просто: по воскресеньямъ бываютъ двѣ обѣдни: одна—ранняя—для простого народа, на финскомъ языкѣ, и другая—поздняя—для высшихъ классовъ, на шведскомъ.—Вы попали на первую, и всѣхъ кухарокъ и горничныхъ, въ черныхъ платкахъ, приняли за шведскихъ дамъ, облачившихся, ради смиренія, въ скромный костюмъ. Вотъ одна изъ вашихъ аристократокъ!—сказала Рита, показывая на входившую, съ молитвенникомъ въ рукахъ, нашу кухарку Агату, привѣтствовавшую насъ книксеномъ. Но, собственно говоря, наша ошибка была совсѣмъ не такъ велика, какъ показалось Ритѣ. Финляндскія дамы вообще не умѣютъ одѣваться; но что поражаетъ непривычный взглядъ—это оригинальная мода почтенныхъ, пожилыхъ особъ: всю осень, въ солнечные, но очень холодные дни, онѣ ходятъ въ мѣховыхъ салопахъ съ коротенькими рукавами и въ соломенныхъ, съ широкими полями, шляпахъ, поверхъ которыхъ завязываютъ башлыки. И наша докторина каждое утро отправлялась на рынокъ въ шубѣ и соломенной шляпѣ, и только въ декабрѣ шляпа замѣнилась капоромъ.

Наступилъ, наконецъ, день, когда я въ первый разъ должна была переступить порогъ моего будущаго храма науки. Съ ранняго утра у насъ началась суета. Съ сильнымъ волненіемъ (заразившимъ и тетушку, и нашихъ хозяевъ) ожидала я двѣнадцати часовъ, чтобы отправиться на лекцію физики. Тетушка меня одѣвала и крестила; Рита учила, какъ спросить по-шведски, гдѣ физическая аудиторія; докторина спѣшила накормить, чтобы я не проголодалась; одинъ Оскаръ хохоталъ надъ нашими страхами и увѣрялъ, что я, вмѣсто физики, попаду на лекцію богословія. Съ такими напутствіями выпроводили меня, наконецъ, въ университетъ, и, конечно, слишкомъ рано. Дома я еще бодрилась, но чѣмъ ближе къ университету, тѣмъ сильнѣе охватывало меня чувство сильной неловкости, какой-то странной боязни очутиться совершенно одной среди множества незнакомыхъ и чужихъ мужчинъ. Поднимаясь на лѣстницу, я встрѣтила толпу студентовъ, съ любопытствомъ оглядывавшихъ неизвѣстно зачѣмъ явившуюся къ нимъ даму. Окончательно сконфуженная, забывъ всѣ уроки Риты, я такъ боязливо спросила по-шведски одного изъ студентовъ: гдѣ физическая аудиторія? что онъ, конечно, не понялъ, но, тѣмъ не менѣе, повелъ меня куда-то. Долго мы шли по разнымъ корри-

дорамъ, пока мой проводникъ не остановился и не указалъ мнѣ на дверь, на которой крупными буквами было написано: „русская библіотека“. Студентъ былъ совершенно правъ въ своихъ догадкахъ: куда же вести въ университетѣ даму, да еще очевидно русскую, какъ не въ библіотеку! Но тутъ вернулась моя храбрость: я такъ отчетливо и ясно выразила мою просьбу, что студентъ, наконецъ, понялъ, чего я хочу, и, бросивъ удивленный взглядъ, повелъ меня назадъ, въ физическую аудиторію. Аудиторія была еще совершенно пуста, чему я была очень рада. Оглянувшись, я замѣтила съ удивленіемъ, что вѣшалки для верхнихъ платьевъ были устроены тутъ же, въ аудиторіи. Избравъ себѣ мѣсто съ краю на 2-ой скамейкѣ, я усѣлась и стала ожидать.—А что какъ я, въ самомъ дѣлѣ, попала на лекцію богословія или политической экономіи,—приходило мнѣ въ голову,—и меня попросятъ уйти? Но дверь изъ кабинета отворилась и вошелъ добродушный Нюбергъ. —Вы слишкомъ рано пришли,—сказалъ онъ, пріятно улыбаясь:—не забывайте впередъ академической четверти! Чтобы не было скучно ждать, войдите ко мнѣ въ кабинетъ, я покажу вамъ нѣкоторыя машины.—Студенты понемногу собирались, заглядывая съ удивленіемъ въ полуотворенную дверь физическаго кабинета, гдѣ профессоръ показывалъ мнѣ отдѣлъ электричества. Какъ была я благодарна этому доброму старику, что онъ избавилъ меня отъ пытки сидѣть въ аудиторіи, пока входили студенты! Пріятно было бы служить объектомъ наблюденія для ста человѣкъ и ждать, что вотъ-вотъ который-нибудь изъ нихъ подойдетъ съ вопросомъ: зачѣмъ вы здѣсь?—и предложитъ провести въ библіотеку!

Передъ самымъ началомъ лекціи профессоръ сказалъ нѣсколько словъ студентамъ (я догадалась, что рѣчь шла обо мнѣ), затѣмъ вернулся въ кабинетъ, пригласивъ меня слѣдовать за собой, и ввелъ въ аудиторію. Я поспѣшила къ своему мѣсту, гдѣ оставила книгу, усѣлась, стараясь занять какъ можно меньше мѣста, и впилась глазами въ профессора, начавшаго читать. Начало лекціи прошло для меня незамѣченнымъ—такъ велико было мое смущеніе, вслѣдствіе непривычнаго положенія, но мало-по-малу я овладѣла собой и стала вникать въ смыслъ словъ профессора, тѣмъ болѣе, что дѣло шло о знакомомъ предметѣ, и я заранѣе подготовилась. Наконецъ, лекція кончилась, студенты, прежде чѣмъ расходиться, пропустили меня впередъ, и я ушла довольная, что самый трудный, первый шагъ уже совершенъ. Мнѣ такъ нравился старичокъ Нюбергъ, что и лекція его показалась симпатичной и интересной, но впослѣдствіи, изъ разсказовъ студентовъ и собственныхъ

наблюденій, пришлось убѣдиться, что добрѣйшій Нюбергъ—не корифей науки, что онъ принадлежитъ къ числу тѣхъ добросовѣстныхъ лекторовъ, которые всю жизнь читаютъ по извѣстной, разъ навсегда составленной программѣ. Для нихъ мало имѣетъ значенія, пуста или полна ихъ аудиторія, какъ къ нимъ относятся ихъ слушатели, много ли выносятъ изъ лекцій... Добросовѣстно, не пропуская ни одного дня, они спокойно, изъ года въ годъ, повторяютъ однѣ и тѣ же записки, терпѣливо дожидаясь того времени, когда пенсія позволитъ сложить имъ бремя ученой дѣятельности... Такіе ученые любимы всѣми; они не принимаютъ участія ни въ какихъ университетскихъ вопросахъ, не принадлежатъ ни къ какимъ партіямъ, строго держась нейтралитета во всѣхъ своихъ отношеніяхъ и дѣйствіяхъ; случается, что подъ старость они впадаютъ въ мистицизмъ, и библія дѣлается ихъ настольной книгой. Таковъ былъ въ общихъ чертахъ и старикъ Нюбергъ, какъ я убѣдилась позднѣе. Но лекціи его я всегда аккуратно посѣщала, во-первыхъ, для опытовъ (которые, впрочемъ, старику не всегда удавались), во-вторыхъ, для шведскаго языка. Языкъ лекцій былъ для меня гораздо понятнѣе, чѣмъ разговорный, вѣроятно благодаря тому обстоятельству, что научная терминологія не подверглась такому сокращенію и видоизмѣненію, какъ въ обыкновенномъ языкѣ. Студенты мало-по-малу привыкли къ моему присутствію и не обращали на меня вниманія, что значительно примирило меня съ моимъ положеніемъ. Между нами установились молчаливыя вѣжливыя отношенія: нѣкоторые изъ нихъ стали мнѣ кланяться, другіе уступали мѣсто при входѣ; вѣшалка и мѣсто, которыя я заняла на первой лекціи въ аудиторіи, такъ и остались моими на все время посѣщенія университета; студенты никогда ихъ не занимали, какъ бы признавая этимъ мое право на присутствіе въ аудиторіи.

По вечерамъ мы иногда отправлялись съ тетушкой на Эспланаду, главный бульваръ Гельсингфорса, послушать музыку и посмотрѣть на людей. Сначала насъ очень удивляло отсутствіе роскошныхъ дамскихъ туалетовъ на гуляньѣ: темные цвѣта и простые костюмы преобладали. Если прошумитъ мимо тяжелое шелковое платье, промелькнутъ пестрые цвѣта, то, прислушавшись къ разговору, сейчасъ же убѣдишься, что обладательницы ихъ—русскія. Доминирующій элементъ на всѣхъ гуляньяхъ—студентъ. Въ бѣлыхъ фуражкахъ, съ плэдомъ черезъ плечо, здоровые, румяные, веселые, съ самодовольной улыбкой на лицѣ, носятся они, внося

всюду оживленіе. Въ обществѣ они пользуются большой популярностью, и получить отъ нихъ серенаду считается большой честью у мѣстныхъ дѣвицъ. При всякихъ торжественныхъ увеселеніяхъ и на гуляньяхъ, все начинается съ любимаго народнаго гимна финляндцевъ: „Vårt land, vårt land, vårt fosterland“ („Наша страна, наша страна, наша отчизна“), очень красиваго и мелодическаго въ музыкальномъ отношеніи, исполняемаго всегда съ громаднымъ одушевленіемъ. Написалъ его любимый финляндскій народный поэтъ, Рунебергъ, котораго финляндцы ставятъ очень высоко.

Общественныя гулянья въ Гельсингфорсѣ вообще бываютъ очень оживлены; здѣсь уже нѣтъ скуки и сдержанности, царящихъ на семейныхъ вечерахъ, нѣтъ раздѣленія на мужскія и женскія половины. И старыя tant'ы, въ круглыхъ соломенныхъ шляпахъ, и молодыя fröken, и студенты, сидятъ вмѣстѣ за отдѣльными столиками; дамы пьютъ пуншъ (очень вкусный мѣстный напитокъ), мужчины—пиво, провозглашая поминутно: „din skål, min skål, alla vackra flickors skål!“ (твое здоровье, мое здоровье, здоровье всѣхъ красивыхъ дѣвушекъ!) Порядокъ на этихъ гуляньяхъ образцовый, хотя полицейскихъ совсѣмъ не видно. Ходятъ они гдѣ-то далеко отъ публики, скромно, незамѣтно, на заднемъ фонѣ, точно ихъ обязанность—ничего не замѣчать и служить для декораціи. Въ противоположность малому количеству полицейскихъ чиновъ, въ Гельсингфорсѣ пріятно удивляетъ обиліе учащихся дѣтей. Утромъ рано улицы кишмя-кишатъ школьниками; не только болѣе старшія, но 5—6-ти-лѣтнія дѣти бѣгутъ себѣ одни, съ сумкой за спиной, въ школу. А въ первомъ часу что за оживленіе и веселый шумъ на Эспланадѣ! Въ это время кончаются утренніе классы, и дѣти свободны. Веселая дѣтская толпа наполняетъ бульваръ; дѣти бѣгаютъ, кричатъ, играютъ, никого не задѣвая, не приставая къ проходящимъ, несмотря на то, что нѣтъ здѣсь ни надзирателей, ни гувернантокъ, ни родителей, и что это дѣти, принадлежащія, большей частью, къ бѣдному классу населенія.

Вообще, если судить, по виду и поведенію дѣтей на улицѣ, о положеніи семьи и школы въ Финляндіи, то можно составить очень высокое мнѣніе о послѣднихъ: дѣти всѣ чисто и опрятно одѣты, здоровыя и бодрыя на видъ, замѣчательно дисциплинированы въ отношеніи окружающихъ; нищихъ-дѣтей я не встрѣчала.

Хотѣлось мнѣ очень пробраться въ первоначальныя школы, познакомиться съ методомъ обученія дѣтей, но, къ сожалѣнію, сначала не пришлось, а потомъ ужъ некогда было заниматься посторонними наблюденіями.

Однообразныя занятія исключительно шведскимъ языкомъ и физикой не замедлили, однако, оказать свое дѣйствіе: я начала сильно скучать безъ русскихъ книгъ и обратилась къ магистру съ просьбой достать мнѣ хоть какую-нибудь *русскую* книгу изъ библіотеки. „Ни за что! — горячо воспротивился онъ: — такъ вы никогда не выучитесь шведскому языку, если будете отвлекаться русскими книгами! Вы должны временно отрѣшиться отъ всего русскаго!“ Хотя я и рисковала умереть со скуки, но принесла еще жертву шведскому языку, отложивъ свое намѣреніе; недѣли черезъ три, однако, я такъ настоятельно приступила опять къ магистру, что онъ не устоялъ и на другой же день принесъ мнѣ разрѣшеніе отъ профессора русскаго языка на полученіе книгъ изъ русской библіотеки. Наша библіотека въ Гельсингфорсѣ очень богата по всѣмъ отдѣламъ: все, что выходитъ въ Россіи оригинальнаго или переводнаго, немедленно доставляется туда. Она занимаетъ очень обширное помѣщеніе въ университетѣ, но бываетъ открыта только два раза въ недѣлю, на два часа, и раздаетъ книги только одинъ библіотекарь. Полученіе книгъ безплатное, но право на полученіе должно быть гарантировано ручательствомъ какой-нибудь особы, извѣстной въ городѣ. Журналы и газеты на руки не выдаются, составляя исключительное достояніе самого профессора. Меня очень интересовала личность этого послѣдняго; о немъ ходили самыя разнорѣчивыя мнѣнія: студенты и большинство финляндцевъ не любили его, упрекая въ недостаткѣ любви къ своему отечеству и въ тяготѣніи къ Россіи (нѣсколько лѣтъ назадъ студенты устроили ему настоящую Katzen-Serenade,—исторію, надѣлавшую тогда большого шума); отъ людей же болѣе зрѣлыхъ, не зараженныхъ узкимъ патріотизмомъ, мнѣ приходилось слышать, что это очень умный человѣкъ, горячо преданный Финляндіи. Воспользовавшись удобной минутой, я спросила разъ одного студента: „хорошо ли читаетъ лекціи русскаго языка профессоръ Тальквистъ?“ — Объ этомъ никто не можетъ судить, — отвѣчалъ студентъ, — потому что его никто не слушаетъ. — Дома Оскаръ подтвердилъ мнѣ сказанное студентомъ. „Отчего же вы не хотите учиться русскому языку? — замѣтила я: — вѣдь большинство изъ васъ идетъ служить въ Россію“.

— Да, но русскій языкъ такой трудный! — твердилъ Оскаръ, очевидно не договаривая настоящей причины, что учащаяся молодежь не желаетъ учиться русскому языку, особенно у такого непопулярнаго профессора, какъ Тальквистъ. Я, однако, настояла и убѣдила Оскара заниматься со мною русскимъ языкомъ. Онъ принесъ мнѣ учебникъ, принятый въ реальной школѣ, но что это

былъ за учебникъ! Написанъ плохимъ языкомъ, составленъ безъ всякой системы и наполненъ назидательными исторіями для 16-лѣтнихъ юношей „о лѣнивомъ Васѣ", „о жадномъ волкѣ" и т. п. Мы бросили этотъ прекрасный учебникъ и стали заниматься по моимъ книгамъ; но все же, при всемъ моемъ стараніи, ученикъ мой особаго рвенія къ русскому языку не выказывалъ.

Зато мои познанія въ шведскомъ языкѣ подвигались довольно быстро, настолько, что я начала почитывать шведскія газеты, выписываемыя докториной. Изъ газетъ я узнала о существованіи двухъ партій въ Финляндіи: свекомановъ и финномановъ, стоящихъ за все народно-отечественное. Обѣ партіи держатся изолированно другъ отъ друга, имѣютъ свои особыя собранія, свои органы печати (такъ, напр., органъ свекомановъ—Helsingforsdagblad, органъ финномановъ — Morgonbladet,—самыя распространенныя газеты въ мое время). Партія и органы печати свекомановъ стоятъ за господство въ Финляндіи шведскаго языка; финоманы борются за повсемѣстное введеніе финскаго языка, создаютъ финскія оперы, издаютъ книги на финскомъ языкѣ. Какъ я радовалась, что во время моего пребыванія въ Гельсингфорсѣ финноманы не одержали еще побѣды, а то бы пришлось мнѣ изучать дѣйствительно трудный финскій языкъ, съ его 18-ью падежами и своеобразными особенностями!

Однажды я получила пригласительный билетъ на „Suomalaisenseura", т.-е. на финскій вечеръ; на этихъ вечерахъ господствуетъ все финское, „говорятъ по-фински, музыка и пѣніе финляндскихъ композиторовъ, чтеніе финскихъ авторовъ"; въ видѣ исключенія допускаются только танцы обще-европейскіе. Несмотря, однако, на всѣ убѣжденія Риты, что „тамъ будетъ очень весело", (хотя я ни слова бы не поняла), я отказалась идти.

Финляндцы вообще очень музыкальный народъ, хотя народныя мелодіи ихъ очень однообразны, просты и носятъ унылый характеръ. Любовь къ музыкѣ, къ пѣнію въ особенности, воспитывается въ нихъ съ ранняго дѣтства: самыя маленькія дѣти обучаются уже въ школахъ хоровому пѣнію. Искусство это доведено почти до совершенства—у студентовъ. У нихъ организованы превосходные, большіе хоры; каждый мѣсяцъ они даютъ свои концерты, весьма любимые публикой, сборъ съ которыхъ идетъ на поддержаніе „студенческаго дома". „Studenthus", клубъ студентовъ, представляетъ довольно большое и красивое зданіе; въ немъ есть концертная зала, нѣсколько обыкновенныхъ, библіотека, билліардная, столовая комнаты. Домъ этотъ выстроенъ на средства самихъ студентовъ и поддерживается ими. Въ немъ

каждый студентъ можетъ найти все, что ему нужно; съ утра онъ идетъ туда пить кофе, послѣ лекцій—завтракаетъ, обѣдаетъ, читаетъ газеты, отдыхаетъ, беретъ книги для чтенія. Тамъ же происходятъ и собранія студентовъ для обсужденія ихъ дѣлъ, а также спѣвки и концерты ихъ. Большинство гельсингфорскихъ студентовъ—изъ народа, люди бѣдные, но въ массѣ ихъ сильно развитъ духъ товарищества; помогая другъ другу и довольствуясь самой скромной жизнью, они находятъ возможность существовать въ университетѣ. „Отчаянныхъ" костюмовъ они не носятъ; иной студентъ, хотя и очень бѣдно одѣтъ, но онъ такъ франтовато закинетъ свой плэдъ, съ такимъ шикомъ надѣнетъ свою фуражку, съ такимъ выраженіемъ сознанія своего превосходства пройдетъ мимо, что даже офицеры проигрываютъ въ сравненіи съ нимъ.

Время шло и шло, и день моего полнаго одиночества, день отъѣзда тетушки, приближался. Жизнь должна была измѣниться. Съ какимъ, бывало, удовольствіемъ бѣжишь утромъ съ лекціи разсказать свои впечатлѣнія, или вечеромъ, съ утомительнаго шведскаго урока, – зная, что она ждетъ дома съ самоваромъ. Ласковая встрѣча, родные разговоры и воспоминанія, чтеніе вмѣстѣ писемъ изъ Россіи,—и потому легко переносилась трудовая жизнь и набирались силы для новаго труда. Какъ заботливо охраняли мы съ тетушкой свою свободу отъ черезъ-чуръ ужъ любезныхъ хозяевъ, которые, съ приближеніемъ дня ея отъѣзда, собирались взять совсѣмъ подъ свою опеку kära barn, какъ они ласково называли меня. Было ясное, морозное утро, когда я провожала тетушку на пароходъ. На душѣ было такъ тоскливо, что минутами хотѣлось вырваться изъ Гельсингфорса, какъ изъ тюрьмы, и бѣжать, бѣжать домой, къ роднымъ, къ друзьямъ! Но это были только минуты! Оставаться было нужно, и хотя впереди предстояла безотрадная и одинокая жизнь, одинъ трудъ и трудъ, безъ возможности даже подѣлиться съ кѣмъ-нибудь своими мыслями, —надо было мириться и съ этимъ. Медленно отчаливалъ пароходъ, унося отъ меня самаго близкаго человѣка, а я все не могла уйти съ пристани, пока Рита почти насильно не увела домой. Первое время я скучала страшно, скучала и одна, и въ обществѣ хозяевъ. Но мало-по-малу я съ ними сблизилась; съ отъѣздомъ тетушки, и они стали еще нѣжнѣе ко мнѣ относиться. Пробовали они меня развлекать, приглашать на свои званые вечера, такъ-называемые „kalas", когда собирались ихъ знакомыя дамы, съ вѣчными sa... sa, a, a! Но на этихъ вечерахъ царила

такая невообразимая скука, что я предпочитала лучше оставаться одной въ своей комнатѣ. Чинныя финляндскія дамы усаживались съ ридикюлями и работами, изрѣдка перекидываясь нѣсколькими монотонными фразами (если бывали и мужчины, то всегда отдѣльно—въ другой комнатѣ). Поработавъ и помолчавъ, принимались за закуску съ неизбѣжными кильками, полчаса прощались, и „разнообразный" вечеръ былъ конченъ. Магистръ дѣлалъ мнѣ строгіе выговоры, что я не пользуюсь такимъ удобнымъ случаемъ выучиться говорить по-шведски, но я гораздо больше любила сидѣть съ докториной и Ритой, когда онѣ были однѣ. Старуха заставляла меня читать ея любимаго поэта Рунеберга, разспрашивала меня про Россію, про мою семью. Съ Оскаромъ мы тоже очень сдружились; это былъ живой, остроумный юноша, вѣчно смѣявшійся надъ моимъ выговоромъ и оборотами шведскаго языка. Совсѣмъ не то было съ магистромъ: меня отталкивали его сильное самомнѣніе и вѣчныя нападки на все русское. Не могла я равнодушно слушать, когда онъ съ апломбомъ утверждалъ, что такихъ поэтовъ, какъ нашъ Пушкинъ, у нихъ считаютъ десятками, а такихъ, какъ Тургеневъ—и подавно. Возникалъ споръ очень ожесточенный, я горячилась страшно, и только докторина своими тактомъ и мягкостью могла насъ примирять. Привыкнувъ къ нѣкоторой чопорности и строгости въ соблюденіи приличій, господствовавшихъ въ семьѣ доктора, я была разъ сильно изумлена такого рода сценой: во время обѣда входитъ въ столовую безъ доклада старый, небрежно одѣтый и весьма непрезентабельный на видъ чухонецъ; моя чинная докторина радостно вскакиваетъ изъ-за стола, идетъ ему на встрѣчу, подаетъ руку. Рита и Оскаръ тоже суетятся вокругъ него; чухонецъ фамильярно усаживается рядомъ съ докториной и обѣдаетъ съ нами. На мой удивленный взглядъ, старуха поспѣшила мнѣ объяснить, что этотъ крестьянинъ—одинъ изъ ея друзей, и что у нихъ въ Финляндіи всѣ равны. Чухонецъ началъ какой-то разсказъ на финскомъ языкѣ, а послѣ обѣда безцеремонно закурилъ при всѣхъ свой ужасный табакъ, тогда какъ Оскару никогда не позволялось курить въ общихъ комнатахъ.

Желая меня развлечь и утѣшить въ одиночествѣ, хозяйка предложила отправиться однажды въ концертъ, въ которомъ должна была участвовать извѣстная финская пѣвица. Тотчасъ послала Оскара за билетами, которые, къ моему удивленію, стоили по одной маркѣ (30—40 коп.). „Намъ придется сидѣть въ послѣднихъ рядахъ?" спросила я съ сожалѣніемъ.—Нѣтъ, будемъ сидѣть и въ первыхъ, если заблаговременно придемъ,—отвѣчалъ

Оскаръ.—У насъ всѣ билеты одной цѣны; кто раньше придетъ, тотъ и займетъ лучшее мѣсто. Мы отправились спозаранку, и дѣйствительно заняли лучшія мѣста. Концертъ происходилъ въ актовой залѣ университета; публика входила и оставалась сидѣть въ шубахъ, такъ какъ въ нетопленной залѣ было холодно. Что же касается до пѣвицъ и другихъ артистовъ, одѣтыхъ въ легкіе костюмы,—распорядители, вѣроятно, разсчитывали, что они довольно согрѣются отъ волненія. Осмотрѣвъ залу, гдѣ не было ни пестрыхъ, ни яркихъ костюмовъ, я не могла привыкнуть къ мысли, что я въ концертѣ, а не на какомъ-нибудь митингѣ. При этомъ безусловная тишина кругомъ, торжественное выраженіе на лицахъ. Финляндцы вообще умѣютъ наслаждаться музыкой, и впослѣдствіи, посѣщая концерты, я никогда не замѣчала ни постороннихъ разговоровъ во время исполненія, ни безцѣльныхъ хожденій по залѣ; какъ только начинался концертъ, наступала мертвая тишина.

Съ каждымъ днемъ я привыкала болѣе къ своему одиночеству, и кромѣ 2—3-хъ часовъ, проводимыхъ съ хозяевами, остальное время сидѣла одна у себя за книгами. М-lle Тирлирли изрѣдка забѣгала ко мнѣ, но, видимо, я ужъ потеряла для нея всякій интересъ, да и меня перестали забавлять ея исторіи съ графинями и баронессами.

Всякихъ знакомствъ я старательно избѣгала; сначала этому удивлялись, но потомъ оставили меня въ покоѣ.

Возвратясь однажды съ лекціи, я узнала, что меня спрашивала какая-то „ryska fröken“, обѣщавшая зайти вечеромъ, чтобы застать меня дома. Съ страшнымъ нетерпѣніемъ ожидала я вечера, чтобы узнать, кто бы могла быть русская, не пріѣхала ли она тоже учиться въ Гельсингфорсъ? Послѣднее предположеніе дѣлало меня до такой степени счастливой, что я боялась и допускать его, чтобы не разочароваться потомъ. Зная, что въ Россіи много женщинъ, желающихъ изучать медицину, я считала страннымъ, что онѣ не пользуются, подобно мнѣ, открытіемъ для нихъ дверей гельсингфорскаго университета, и я все ждала ихъ появленія; но когда прошло болѣе двухъ мѣсяцевъ и никто не явился, я перестала думать о счастливой возможности имѣть товарища по занятіямъ. Наконецъ, раздался ожидаемый звонокъ, я обратилась къ двери и увидала совершенно незнакомое мнѣ лицо. Это была ужъ довольно немолодая особа, съ весьма симпатичнымъ и умнымъ выраженіемъ лица. „Вы Дубровина?“—спросила она, пытливо оглядывая меня.—Да, да,—отвѣчала я, сгорая нетерпѣніемъ узнать,

зачѣмъ она пришла.—„Вы мнѣ писали въ Кёнигсбергъ, когда я слушала тамъ лекціи въ университетѣ“,—продолжала незнакомка, медленно выговаривая слова.—Такъ вы Михайлова!—перебила я, предчувствуя радость:—зачѣмъ же вы пріѣхали сюда?—„Я вамъ разскажу,—начала Михайлова, спокойно и медленно усаживаясь въ кресло: — въ кенигсбергскомъ университетѣ не позволяютъ больше женщинамъ заниматься, и я пріѣхала сюда съ намѣреніемъ поступить въ здѣшній университетъ“.—Неужели?—воскликнула я, готовая броситься къ ней на шею. Опасаясь, должно быть, слишкомъ бурныхъ проявленій моей радости, сдержанная Михайлова сдѣлала паузу, пока я бѣгала по комнатѣ, и затѣмъ попросила меня успокоиться и хладнокровно выслушать ее.—„Садьте же пожалуйста,—успокоивала она меня:—я вамъ все разскажу по порядку“.—Ей позволили слушать лекціи на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и мнѣ. Профессоръ химіи сообщилъ Михайловой, что одна русская слушательница уже поступила въ университетъ, но она, предполагая, что эта русская—туземка, изъ Гельсингфорса, не заинтересовалась ею, и только потомъ осѣнила ее мысль, не настоящая ли это русская, и, узнавъ мой адресъ, она принялась меня разыскивать. Въ свою очередь, и я разсказала ей о своихъ удачахъ и неудачахъ, и, какъ опытный уже человѣкъ, описала ей мѣстные нравы и обычаи. Узнавъ, что она остановилась въ гостинницѣ, я, заручившись согласіемъ докторины, настояла на немедленномъ переѣздѣ ко мнѣ. Михайлова видимо колебалась, боясь, что я ей не дамъ совсѣмъ покоя, но, наконецъ, согласилась. Мигомъ перевезли мы ея вещи, мигомъ я все устроила, летая какъ угорѣлая и представляя странный контрастъ съ спокойствіемъ и хладнокровіемъ моей новой подруги. Мысль, что у меня будетъ умный и развитой товарищъ, съ которымъ я буду дѣлить занятія, отводить душу на чужой сторонѣ, что я не буду больше одна среди студентовъ, дѣлала меня безконечно счастливой. Михайлову же удивлялъ и забавлялъ мой неумолкаемый разговоръ. „Вы точно вулканъ“,—говорила она мнѣ, смѣясь. - Попробовали бы вы пожить здѣсь въ одиночествѣ,—оправдывалась я:—мнѣ казалось, что я даже забыла говорить по-русски!—Ея невозмутимое, усталое лицо какъ бы говорило: „да дайте вы себѣ отдыхъ! вѣдь я бы слегла въ постель, еслибы проговорила такъ безъ умолку весь вечеръ!“—Но меня удержать было трудно, и замолчала я только, когда замѣтила, что довела свою гостью до полнаго утомленія. На другой день мы отправились съ ней пріискивать ей помѣщеніе. Моя хозяйка посовѣтовала обратиться къ ея подругѣ fru klara stjerna (г-жа Свѣтлая Звѣзда), обладавшей,

кромѣ другихъ добродѣтелей, рѣдкимъ качествомъ среди финляндокъ—знаніемъ французскаго языка. Но увы! этотъ французскій языкъ былъ менѣе понятенъ, чѣмъ шведскій! И, кромѣ того, эта добродѣтельная дама предложила Михайловой поселиться съ нею по семейному, имѣть съ ней общую гостиную и общую спальню. Отъ такого предложенія мы, конечно, убѣжали, и я повела Михайлову къ своему учителю; у него оказалась свободная комната, и Михайлова имѣла возможность объясняться съ нимъ понѣмецки.

Для меня началась новая жизнь: утромъ мы вмѣстѣ ходили на лекціи, въ университетъ; послѣ обѣда гуляли вдвоемъ по набережной; вечеромъ сходились вмѣстѣ заниматься физикой и подготовляться къ химіи, съ нетерпѣніемъ ожидая открытія лабораторіи. Относительно шведскаго языка, Михайлова рѣшительно объявила, что имъ не будетъ заниматься: „не стоитъ тратить на него силы, обойдусь и съ нѣмецкимъ!“ И хорошо сдѣлала, такъ какъ пробыла всего два семестра въ Гельсингфорсѣ. На вопросы въ письмахъ своихъ друзей, какъ она проводитъ время, Михайлова отвѣчала, что все ея разнообразіе заключается въ трехъ словахъ: университетъ, Дубровина, море; затѣмъ: море, Дубровина, университетъ, и, наконецъ: Дубровина, университетъ, море! Иногда, въ праздничный день, мы уходили съ нею далеко, за городъ, наслаждаться чудной финляндской природой. Несмотря на глубокую осень, дни стояли ясные, хотя и холодные; это насъ утѣшало, при воспоминаніи, какая ужасная погода должна быть въ это время въ Петербургѣ. Мнѣ случалось иногда поздно возвращаться одной отъ Михайловой, и слышала я, что студенты ходятъ толпой подъ-руку по тротуару, грубо толкая тѣхъ, кто не свернетъ имъ съ дороги, но, вѣроятно, въ уваженіе, что я чужестранка, они всегда уступали мнѣ дорогу, и никакихъ непріятныхъ столкновеній у меня съ ними не было. Насъ всегда поражало, какъ мало пьяныхъ на улицахъ въ Гельсингфорсѣ; женщинъ пьяныхъ тамъ совсѣмъ не видно; если и встрѣтится подобная исключительность, то о ней полъ-года говорятъ, а газеты вносятъ въ рубрику „необычайныхъ происшествій“. Куреніе папиросъ женщинами считается непринятымъ и допускается, въ видѣ исключенія, только для русскихъ дамъ, на которыхъ вообще пуританское финляндское общество смотритъ какъ на весьма „экстравагантныхъ“ особъ.

Наконецъ, дождались мы того дня, когда могли начать занятія химіей въ лабораторіи. Въ 10 ч. утра явились мы съ Ми-

хайловой къ профессору химіи, который очень любезно насъ принялъ и попросилъ слѣдовать за собою. Пройдя нѣсколько большихъ комнатъ, въ которыхъ за шкафами и столиками занималось множество студентовъ, съ любопытствомъ оглядывавшихъ шествіе профессора съ двумя дамами по лабораторіи, мы пришли въ небольшую комнату, гдѣ было только человѣкъ пять студентовъ. „Слава Богу, что ихъ здѣсь такъ мало“,—шепнула я Михайловой, но она въ отвѣтъ сдѣлала строгіе глаза, и я замолчала. Профессоръ указалъ назначенные для насъ столы, находившіеся почти рядомъ, и, подозвавъ стоявшаго у двери бѣлокураго господина: „рекомендую вамъ—г-нъ Вайтфорсъ, доцентъ химіи; а это ваши будущія ученицы“, онъ назвалъ насъ. „Г-нъ Вайтфорсъ, говоритъ по-нѣмецки, и съ этого дня начнетъ руководить вашими занятіями. А пока, до свиданія“. Съ этими словами нашъ симпатичный профессоръ удалился. Новый менторъ, пристально оглядывая насъ своими маленькими лукавыми глазами, прежде спросилъ насъ: есть ли у насъ своя химическая посуда? И когда мы отвѣтили, что у насъ никакой посуды нѣтъ, онъ подалъ заранѣе составленный списокъ всего, что мы должны купить для практическихъ работъ. Черезъ часъ, вооруженныя двумя большими корзинами съ ретортами, колбами, сифонами и пр., которыя мы пріобрѣли въ аптекѣ, мы были уже на своихъ мѣстахъ, и занятія начались. Вайтфорсъ занимался съ нами весьма усердно и толково: задавалъ работы, дѣлалъ экзамены, и вообще относился строго и педантично къ своимъ ученицамъ; студентамъ онъ давалъ времени меньше, говоря, что они не такъ прилежны. Мы работали въ лабораторіи и утромъ, и вечеромъ, и работали съ большимъ увлеченіемъ, чему много способствовала благопріятная обстановка для занятій. Сосѣди наши, студенты, сначала съ удивленіемъ и насмѣшливо присматривались, какъ мы кипятили, цѣдили и продѣлывали разныя манипуляціи; приходили и чужіе, изъ другихъ комнатъ, посмотрѣть, какъ дамы занимаются химіей, но Вайтфорсъ ихъ довольно безцеремонно выпроваживалъ. Скоро, однако, всѣ привыкли къ нашему присутствію и перестали удивляться. Два раза въ недѣлю по вечерамъ профессоръ читалъ лекціи по химіи въ отдѣльной аудиторіи; его лекціи мнѣ очень нравились, я не пропускала ни одной и начинала почти все понимать.

Иногда Вайтфорсъ, вообще отличавшійся словоохотливостью, между дѣломъ начиналъ посторонніе разговоры, обращаясь, большей частью, ко мнѣ. „Какъ вамъ нравятся наши профессора?“ спросилъ онъ меня однажды. Я отвѣтила неопредѣленной фра-

зой, что они, повидимому, очень серьезно относятся къ своему дѣлу. „Серьезно?—переспросилъ онъ:—да, пожалуй, но безъ увлеченія... вѣдь мы, финляндцы, ужасно лѣнивы. Взгляните на студентовъ! На нашу молодую силу! Они ровно ничего не дѣлаютъ, по 8-ми лѣтъ сидятъ въ университетѣ. Вотъ если женщины начнутъ учиться, тогда—другое дѣло, у студентовъ, можетъ быть, прибавится энергіи и прилежанія, а наши профессора? — продолжалъ онъ:—изъ года въ годъ читаютъ себѣ одно и то же, самостоятельныхъ же работъ отъ нихъ не ждите; самый прилежный представитъ въ два года одну работу. Да, лѣность, къ сожалѣнію, нашъ національный порокъ!“ заключилъ онъ.—Но не оттого ли ваши студенты сидятъ такъ долго въ университетѣ,— спросила я,—что у васъ нѣтъ курсныхъ ежегодныхъ экзаменовъ, которые бы на нихъ дѣйствовали, какъ обязательный стимулъ? „Нѣтъ, до этого мы не дойдемъ!—горячо возразилъ Вайтфорсъ.— Наши студенты не дѣти; университетъ не 4-хъ-классная школа; мы смѣемся надъ вашими классами въ университетѣ; такія мѣры невозможны со взрослыми людьми“.—Но если эти взрослые, по вашимъ же словамъ, требуютъ подобныхъ мѣръ, выходя изъ университета съ сѣдыми волосами, — возразила я. „Но зато выходятъ съ очень солидными знаніями; наши медики, напр., считаются лучшими въ Европѣ“, прихвастнулъ Вайтфорсъ. Эти разговоры всегда кончались тѣмъ, что если я начинала соглашаться съ его нападеніями на своихъ, онъ тотчасъ изъ нападающаго превращался въ защитника, и оправдывалъ то, надъ чѣмъ только-что смѣялся. „А какъ вамъ нравится жизнь въ Гельсингфорсѣ?— спрашивалъ онъ.—Неужели вамъ не нравится наша патріархальность, наши благонадежныя, назидательныя taut'ы, наши благовоспитанныя смиренныя дѣвицы?“—Ваши дамы и дѣвицы мнѣ совсѣмъ не нравятся,—откровенно созналась я:—онѣ слишкомъ мало образованы и совсѣмъ неразвиты; но жизнь въ Гельсингфорсѣ мнѣ очень нравится. „Что же вамъ въ ней по вкусу?“ —То, что семейная жизнь у васъ играетъ первостепенную роль, и что отсутствіе большихъ и частыхъ развлеченій даетъ возможность больше заниматься дѣломъ. „Но у насъ прекрасный театръ, прекрасная труппа, и очень часто даютъ концерты, вечера, на которыхъ очень весело; я совѣтую вамъ познакомиться и съ этой стороной нашей жизни“, возразилъ онъ. Я вспомнила званые „веселые“ вечера у своей хозяйки, на которыхъ можно было заболѣть отъ скуки, но, не желая раздражать своего учителя, перемѣнила тему разговора.

Лекціи ботаники мы давно уже посѣщали и находили ихъ хотя не особенно интересными, но полезными въ практическомъ отношеніи. Помню слѣдующій случай на одной изъ лекцій ботаники, сильно изумившій насъ. Въ самый разгаръ лекціи, когда профессоръ съ жаромъ демонстрировалъ намъ какое-то рѣдкое растеніе, исключительно свойственное только флорѣ Финляндіи, вдругъ подъ окнами раздался протяжный, заунывный звукъ трубы. Профессоръ остановился на полу-словѣ, студенты вскочили съ мѣстъ; еще минута—и онъ, и студенты вылетѣли, какъ сумасшедшіе, изъ аудиторіи, и мы остались съ Михайловой вдвоемъ, недоумѣвая, что съ ними произошло. Оказалось, что какъ самъ профессоръ, такъ и большинство студентовъ принадлежали къ вольной пожарной командѣ, а такъ какъ пожары въ Гельсингфорсѣ возвѣщаются заунывнымъ трубнымъ призывомъ, то, услышавъ сигналъ, всѣ члены, какимъ бы дѣломъ ни были заняты, должны спѣшить на мѣсто пожара. Извозчики обязаны безпрекословно и безъ всякой платы провозить чиновъ вольной пожарной команды, по ихъ указанію, на пожаръ. Разсказываютъ, что однажды одинъ изъ членовъ, не найдя свободнаго извозчика, вскочилъ въ проѣзжавшія мимо дрожки, гдѣ сидѣла какая-то иностранка съ дочерью, и безъ всякихъ разговоровъ велѣлъ извозчику повернуть и летѣть къ мѣсту пожара. Испуганныя и ничего не понимавшія дамы подняли крикъ, вообразивъ, что ихъ увозитъ незнакомецъ, но онъ велѣлъ гнать еще сильнѣе и, доѣхавъ до мѣста пожара, вѣжливо откланялся съ еле-живыми отъ страха дамами и отправилъ ихъ домой.

Въ одинъ изъ вечеровъ, когда мы сидѣли у Михайловой, погруженныя въ изученіе гальваническихъ токовъ (о которыхъ читалъ намъ въ то время профессоръ Нюбергъ), дверь шумно отворилась, и къ намъ радостно влетѣла молодая дѣвушка, высокаго роста, съ красивымъ, оживленнымъ лицомъ. „Здравствуйте!—привѣтствовала она насъ *по-русски*.—Наконецъ-то я васъ отыскала! Моя фамилія Ганецкая; я пріѣхала изъ Петербурга, чтобы заниматься въ здѣшнемъ университетѣ“.—Я привскочила отъ радости, что нашего полка все прибываетъ, но увы! надежды были преждевременны. Скептическая Михайлова тотчасъ же принялась допрашивать новоприбывшую: зачѣмъ она пріѣхала, что хочетъ изучать, что она знаетъ, какіе экзамены уже сдала. И на повѣрку оказалось, что Ганецкая никакихъ еще экзаменовъ не сдавала, серьезной подготовки у нея не было, что ей еще нужно прохо-

дить курсъ математики, чтобы получить дипломъ на домашнюю учительницу. „Да были ли вы у профессоровъ, знаете ли, что проходится въ университетѣ“? спросила я. — Да нѣтъ еще! Не успѣла,—наивно отвѣчала Ганецкая:—я пріискивала квартиру, закупила дровъ, такъ какъ не нашла квартиры съ отопленіемъ, размѣнивала деньги, а потомъ все отыскивала васъ!—Мы едва держались отъ смѣха, представляя себѣ, какъ эта молодая особа накупила дровъ, чуть не сдѣлала запаса провизіи, намѣняла денегъ, а о главномъ—что безъ знанія математики нельзя проходить въ университетѣ физику и химію—не подумала. Но Ганецкая не особенно смутилась нашими доводами. „Ну, что же!—рѣшила она:—я буду здѣсь заниматься математикой, выдержу здѣсь экзаменъ, и начну слушать лекціи въ университетѣ“.—Но вѣдь игра не стоитъ свѣчъ!—доказывали мы:—для чего вамъ изучать математику по-шведски, когда вы, безъ всякихъ затратъ, можете ее изучить по-русски въ Петербургѣ, безъ всякаго университета!—Мнѣ еще жалко было разставаться съ мыслью, что насъ было бы трое, но Михайлова была непоколебима: „Поѣзжайте вы домой,—рѣшительно заявила она Ганецкой,—и учитесь тамъ; вамъ еще рано въ университетъ“.—А какъ же быть съ дровами и финскими марками?—спросила я... Долго мы ее убѣждали и разочаровывали, пока, наконецъ, не довели до сознанія, что дѣйствительно лучше вернуться въ Петербургъ, а черезъ годъ, сдавши тамъ экзамены, поступить въ гельсингфорсскій университетъ. На другой день мы провожали на вокзалъ нашу новую знакомую и хохотали съ ней вмѣстѣ надъ ея пріѣздомъ въ Гельсингфорсъ. „Вы скажите дома, что пріѣзжали сюда съ цѣлью устроить выгодную аферу: закупить дровъ, которыя въ Петербургѣ дороги“, совѣтовала я.—До свиданья,—прощалась она:—черезъ годъ встрѣтимся здѣсь; я буду еще простой студенткой, а вы ужъ навѣрное магистрами философіи.—Возвращаясь съ вокзала, я начала разсказывать Михайловой церемонію посвященія студентовъ въ магистры философіи.—Неужели и насъ это ожидаетъ? Представьте себѣ картину, когда мы въ вѣнкахъ на головѣ должны будемъ показываться на улицѣ, а вечеромъ, въ этомъ же нарядѣ, танцовать на балу у генералъ-губернатора!—„Нѣтъ! я ужъ ни въ какомъ случаѣ участвовать въ этой комедіи не буду“, рѣшила Михайлова.

Дѣйствительно, подробности этой средневѣковой церемоніи представляются въ настоящее время очень комическими. Черезъ каждые три года всѣ студенты, сдавшіе экзаменъ на степень магистра философіи (въ томъ числѣ и сѣдовласые), посвящаются въ это званіе съ особымъ торжествомъ. Каждый изъ нихъ заранѣе

выбираетъ знакомую молодую дѣвицу, которая готовитъ вѣнокъ для возложенія на голову магистранту. Торжество начинается молебствіемъ въ соборѣ, послѣ котораго виновники торжества, профессора, участвующія въ церемоніи дѣвицы, студенты и публика отправляются въ университетъ. Здѣсь, въ актовой залѣ, послѣ рѣчи ректора и поздравленій, подъ звуки музыки, надѣваются избранными дѣвицами вѣнки на головы магистровъ, которые они не должны снимать въ теченіе цѣлаго дня. Студенты устроиваютъ имъ обѣдъ, а вечеромъ ихъ приглашаютъ на балъ къ генералъ-губернатору, гдѣ они и танцуютъ въ вѣнкахъ. Такъ было во время моего пребыванія въ Гельсингфорсѣ, но, вѣроятно, эта церемонія утрачиваетъ съ каждымъ годомъ свой престижъ, и многія детали отпадаютъ. Мѣстное общество и студентовъ очень занималъ вопросъ, какъ мнѣ передавали: кто для насъ будетъ готовить вѣнки, когда насъ будутъ посвящать въ магистры философіи. Мы пока объ этомъ не думали, а продолжали усидчиво заниматься и аккуратно посѣщать лекціи. Но мнѣ не суждено было благополучно окончить весенній семестръ. Неожиданное горе, обрушившееся на меня—внезапная смерть матери и послѣдовавшая вслѣдъ за этимъ у меня сильная нервная горячка (какъ объяснили мѣстные доктора)—оторвали меня отъ университета. Въ продолженіе цѣлаго мѣсяца я была между жизнью и смертью, и когда, наконецъ, начала поправляться, то уже каникулы были близки. Мы разъѣхались съ Михайловой въ разныя стороны: она съ тѣмъ, чтобы больше не возвращаться, такъ какъ рѣшила поступить на вновь открывавшіеся „курсы ученыхъ акушерокъ“ въ Петербургѣ; а я еще колебалась и потому осталась на два года въ Гельсингфорсѣ.

Когда я явилась, по возвращеніи изъ Россіи, къ профессору узнать о предстоящихъ занятіяхъ, онъ мнѣ объявилъ, что черезъ двѣ недѣли я должна сдать экзаменъ по неорганической химіи, чтобы перейти къ болѣе сложнымъ занятіямъ по органической химіи. Съ сильнымъ волненіемъ готовилась я къ этому экзамену, представляя себѣ, что онъ будетъ обставленъ такъ же оффиціально и торжественно, какъ вообще у насъ принято обставлять экзаменъ. Въ назначенный часъ, 6 ч. веч., я была у профессора въ кабинетѣ; онъ меня встрѣтилъ, усадилъ и предложилъ чашку кофе. Никого изъ ассистентовъ не было, ни стола съ зеленымъ сукномъ, ни билетовъ на столѣ, ни журнала для отмѣтокъ. Я была удивлена, и всѣ мои страхи исчезли. Профессоръ взялъ со стола одинъ изъ лежавшихъ минераловъ, предложилъ мнѣ разсказать все, что я о

немъ знаю, всѣ его свойства и химическія реакціи, и, постепенно переходя къ другимъ тѣламъ, онъ, въ видѣ скорѣе бесѣды, чѣмъ разспросовъ, заставлялъ меня излагать ему всѣ мои знанія. Бесѣда наша продолжалась около часа, послѣ чего онъ объявилъ, что теперь я начну заниматься органической химіей, и такъ какъ эти занятія связаны съ большими приборами и аппаратами, то нужно заниматься вдвоемъ, а потому онъ выберетъ для меня порядочнаго студента. На другой же день мнѣ отвели другую комнату въ лабораторіи, и профессоръ привелъ ко мнѣ одного студента, совершеннаго джентльмена по виду, и отрекомендовалъ его какъ моего будущаго товарища по занятіямъ. Студентъ оказался очень порядочнымъ человѣкомъ и усерднымъ товарищемъ, а такъ какъ я уже довольно хорошо объяснялась по-шведски, то ему не представлялось никакихъ затрудненій въ разговорѣ со мною, и наши совмѣстныя работы шли довольно удачно. Я была опять единственной женщиной въ университетѣ.—Отчего это,—спросила я однажды своего товарища,—нѣтъ ни одной женщины-финляндки въ вашемъ университетѣ, послѣ того, какъ онъ такъ гостепріимно открылъ свои двери для женщинъ?—„Я слышалъ, что на-дняхъ должна поступить одна наша fröken (дѣвица),—отвѣчалъ онъ мнѣ, и, кажется, будетъ работать въ лабораторіи“.—Пожалуйста, познакомьте тогда меня съ нею,—просила я его. И дѣйствительно, черезъ нѣсколько дней, проходя по лабораторіи, я замѣтила немолодую уже дѣвушку, работавшую за столикомъ. Насъ познакомили. Я стала заходить къ ней, интересуясь ею, какъ товарищемъ и женщиной. Меня поразило то, что она занималась не только безъ увлеченія и удовольствія, но точно по тяжелой обязанности, имѣя при этомъ самый несчастный, удрученный видъ. Вызвавъ ее разъ на откровенность, я спросила ее:—Что васъ побуждаетъ заниматься, когда, повидимому, это не доставляетъ вамъ удовольствія?—„Нужно же что-нибудь дѣлать!“—безстрастно отвѣчала финляндка.—Но почему же вы избрали именно медицину?—настаивала я. „Медицину, или что-либо другое, все равно, а избрала потому, что нѣтъ другого исхода,—объяснила она.—Замужъ я не вышла, монастырей у насъ нѣтъ, что же мнѣ оставалось дѣлать!“.. Понятно, что, при такомъ настроеніи, работы ея шли крайне медленно, апатично, все ей не удавалось, и она чуть не плакала надъ каждымъ анализомъ.—Вы бы обратились за указаніями къ одному изъ доцентовъ,—посовѣтовала я ей. „Ни за что!—протестовала она:—передъ началомъ занятій я выговорила себѣ право у профессора заниматься безъ всякаго контроля и чьего-либо руководства“.— И вамъ разрѣшили?—„Сначала профессоръ не согла-

шался, но потомъ позволилъ", —отвѣчала она. Но занятія въ лабораторіи этой оригинальной дѣвицы продолжались не долго; мѣсяца черезъ два я ея уже больше не встрѣчала, и услышала, что она начала заниматься анатоміей...

Между тѣмъ, доходившіе до насъ весьма благопріятные слухи о постановкѣ новыхъ женскихъ курсовъ при медико-хирургической академіи въ Петербургѣ заставляли и меня все болѣе и болѣе думать о возвращеніи въ Россію. Убѣдившись окончательно, что на курсахъ въ Петербургѣ будетъ проходиться, судя по началу, полный курсъ медицинскихъ наукъ, я, проработавъ еще годъ въ Гельсингфорсѣ, простилась съ нимъ навсегда, унося самое пріятное и отрадное воспоминаніе о всемъ, что мнѣ тамъ встрѣтилось.

А. Ш.

ЖИЗНЬ ТЮРЬМЫ

ВЪ

ШЕСТИДЕСЯТЫХЪ ГОДАХЪ.

Личныя наблюденія и замѣтки *).

Прежде чѣмъ перейти къ описанію сосѣдняго „секретнаго отдѣленія“ тюрьмы, запишу печальную новость; она не касается замка, но подтверждаетъ то, что я говорилъ о порядкахъ въ оставленной мною пересыльной тюрьмѣ, гдѣ мнѣ приходилось отбирать у каторжника запрещенное имущество, засаленную колоду картъ, примочку отъ ломоты ногъ и прочее—до ножа. За неимѣніемъ времени и рукъ, осмотръ имущества арестантовъ пересыльной тюрьмы производится поверхностно и не достигаетъ цѣли; строго осматривается небогатое имущество только однихъ каторжныхъ; такъ-называемые „неважные“ арестанты, разный сбродъ, высылаемый изъ столицы за неимѣніе вида, за недостаткомъ занятій, и проч., почти вовсе не осматриваются; а именно отъ этихъ „неважныхъ“, путемъ купли и кражи, переходитъ въ руки каторжнаго—и старый гвоздь, и обломокъ пилы, и кусокъ желѣзнаго обруча, и ножъ и, словомъ, все, что отъ него самого отбираютъ при осмотрѣ, но что онъ старается пріобрѣсть и припрятать на всякій случай. Вотъ этотъ случай и явился тамъ нежданно, негаданно — упалъ какъ снѣгъ на голову моего несчастнаго коллеги Вельяшева. Содержащіеся въ пересыльной

*) См. выше: янв., 151 стр.

тюрьмѣ, во всякое время дня и ночи, совершенно свободно ходятъ по нижнему корридору главнаго флигеля: кто за пищей, кто за водой, кто въ извѣстное мѣсто, а иной просто ради того, чтобы разогнать скуку. Запретить имъ этого нельзя, какъ по самому устройству помѣщеній тюрьмы, такъ и по тѣмъ средствамъ, которыми смотритель долженъ довольствоваться при управленіи ею.

Вельяшевъ беззаботно шелъ по нижнему корридору въ комнату, гдѣ разогрѣвается арестантская пища, часовъ въ одиннадцать утра. Въ это время изъ камеры каторжныхъ—гдѣ мнѣ пришлось однажды отобрать колоду картъ—вышелъ арестантъ. На плечахъ его былъ надѣтъ въ накидку обыкновенный арестантскій халатъ, съ тузомъ на спинѣ, такъ что рукъ его видно не было. Давъ Вельяшеву миновать себя, онъ, молча, безъ всякихъ приготовленій, со всего плеча, воткнулъ ему въ спину, ниже лопатки, трехвершковый ножъ, по самую рукоять. Вельяшевъ бросился въ контору, послалъ за врачомъ и, истекая кровью, уже съ помощью солдата дошелъ до своей квартиры. Видѣли эту кровавую драму арестанты, бывшіе въ корридорѣ; видѣли ее два-три солдата тюремной команды, но дѣло уже было сдѣлано. Убійца направился къ двери своей камеры; два-три арестанта, бывшіе вблизи на его пути, испуганно посторонились отъ него, а одинъ изъ солдатъ заступилъ ему дорогу, ударилъ его кулакомъ, такъ что онъ слетѣлъ съ ногъ, и вырвалъ у него окровавленный ножъ.

Это произошло около полудня, а въ два часа изъ зáмка потребовали карету въ пересыльную тюрьму и привезли въ ней убійцу, для помѣщенія его прямо въ тюремной больницѣ. Онъ едва вылѣзъ изъ кареты, едва дышалъ не то отъ вынесеннаго имъ ощущенія убійства, не то отъ побоевъ, очевидно доставшихся ему въ первыя минуты послѣ происшествія. Когда я спросилъ его, кто онъ, за что содержится и проч., онъ, казалось, не понялъ ни одного изъ вопросовъ, и отвѣчалъ только нервнымъ дрожаніемъ губъ да чѣмъ-то въ родѣ улыбки. Было видно, что онъ не можетъ опомниться, не можетъ собрать и привесть въ порядокъ мыслей. Маленькій, худой, на видъ лѣтъ 25, блѣдный, съ воспаленными вѣками, съ дикимъ, блуждающимъ взглядомъ, тяжело дышущій; лицо у него потное, немытое, взбитые волосы, а вмѣсто одежды какіе-то клочья. Вся его фигура представляла изъ себя что-то растерзанное, несчастное, жалкое.

— Что это, братецъ, въ какомъ онъ безпорядкѣ?—обратился я къ одному изъ его конвойныхъ.

— Не могу знать, ваше благородіе.

— Тебѣ въ такомъ видѣ и сдали его?

— Не могу знать... такъ точно, такимъ и сдали,—поправился тюремный солдатикъ.—Я съ нимъ и въ карету сѣлъ. Такъ приказано: онъ слабъ оченно.

— Вижу, что слабъ. Чуть живъ... Признайся-ка: вѣроятно, тамъ у васъ сгоряча-то ему мятку дали?

— Не могу знать.

— Такъ точно, ваше благородіе,—вполголоса отвѣчалъ мнѣ другой солдатикъ, болѣе откровенный и знавшій меня еще въ пересыльной тюрьмѣ:—такъ точно-съ, не безъ того, извѣстное дѣло... Какъ только случилось, выбѣгли изъ казармы наши, да арестанты, которые были въ корридорѣ во время это самаго. Тутъ его, въ пошыхахъ-то, порядкомъ и помяли. Офицера было жалко оченно. Хорошій, добрѣющій офицеръ. Въ толкъ не взять: что это вздумалось ему, негодяю...

Помѣстили арестанта въ тюремную больницу, въ отдѣльную комнату, предупредивъ надзирателя, что больному не слѣдуетъ дозволять никакихъ сношеній съ прочими арестантами. Да и не до того ему: чуть живъ, лежитъ какъ пластъ, только часто проситъ пить; ноги стерты кандалами, по всему тѣлу подозрительные синяки и ссадины. Смотря на это маленькое, тщедушное тѣло, не вѣрится, какъ еще оно живо послѣ вѣроятнаго катанья, которое досталось ему тотчасъ же по совершеніи преступленія. Что откроетъ слѣдствіе—неизвѣстно, да въ настоящее время нельзя и производить его: Вельяшевъ умираетъ, а убійца его, по отзыву врачей, также едва-ли останется жить—почему именно, этого пока опредѣлить невозможно; но извѣстно, что до совершенія преступленія онъ былъ совершенно здоровъ. Словесныя свѣденія, добытыя стороной, безусловно вѣрить которымъ, разумѣется, нельзя, говорятъ слѣдующее.

Топографъ унтеръ-офицерскаго званія, туркестанскаго военнаго округа, Устиновъ, за нанесеніе сабельнаго удара своему начальнику, приговоренъ военнымъ судомъ: къ лишенію воинскаго званія, всѣхъ правъ состоянія и, затѣмъ, къ шестилѣтнему заключенію въ петровской крѣпости. По непростительной ошибкѣ кого-то, несильнаго по части географіи, Устиновъ направляется изъ Туркестана не въ петровскую, а въ петропавловскую крѣпость и прибываетъ въ Петербургъ. Пересыльная тюрьма отсылаетъ его въ крѣпость; оттуда онъ, въ той же каретѣ, возвращается, разумѣется, въ пересыльную тюрьму, потому что въ крѣпости нѣтъ и не можетъ быть какихъ-либо свѣденій о немъ. Начинается переписка; пока напишутъ въ Ташкентъ, пока оттуда отвѣтятъ, пока разъяснится ошибка, Устиновъ сидитъ въ камерѣ пересыль-

ной тюрьмы, и конца не видитъ своему сидѣнью. При немъ прибываютъ десятки ему подобныхъ и отправляются далѣе, а онъ сидитъ, тоскуетъ, ждетъ, не дождется, своей очереди, чтобы, пройдя въ кандалахъ 5—6 тысячъ верстъ, начать, наконецъ, свой шестилѣтній искусъ. Кромѣ новаго, длиннаго пути ему предстоитъ заключеніе, быть можетъ, одиночное; но это все-таки ему кажется легче, чѣмъ полная неизвѣстность: не придется ли опять вернуться въ Туркестанъ, опять нести пытку скитанія по острогамъ, этапамъ и тюрьмамъ, опять питаться въ сухомятку на гривенникъ. Содержась въ пересыльной тюрьмѣ въ числѣ каторжныхъ, онъ разсказываетъ имъ свое прошлое, ведетъ бесѣды о горькомъ настоящемъ и совѣтуется съ ними, какъ бы, чѣмъ бы облегчить неизвѣстное будущее. За совѣтомъ здѣсь дѣло не станетъ; совѣтники — народъ смышленый, практическій, опытный...

— Первое дѣло, — примѣрно говорятъ ему,—слѣдуетъ тебѣ знать, что всякое одиночное заключеніе, гдѣ бы то ни было, не въ примѣръ тяжелѣе всякой каторги, такъ какъ каторжный народъ живетъ вмѣстѣ, а не въ одиночку; ты тутъ завсегда съ сотоварищемъ. Чѣмъ тебѣ гнить цѣлыхъ шесть годовъ въ казематѣ гдѣ-нибудь, не въ примѣръ лучше отвозырять дюжину годовъ каторги. Это ты себѣ заруби на носу. Чѣмъ сидѣть тебѣ здѣсь безъ пользы, такъ надобно навести дѣло на такую линію, чтобы тебя въ каторгу спустили. А чтобы этого добиться, такъ слѣдуетъ тебѣ безпремѣнно какую-нибудь новую кашу заварить, да покруче и посолонѣе, чтобы не дать маху... Какую же бы такую кашу заварить? Надѣлать оловянныхъ двугривенниковъ? Нарисовать бумажку рублевую? Храмъ Божій обокрасть? Домъ подпалить?.. Все это можно только на волѣ, а не здѣсь; да и долго возиться, и невѣрно. Самое любезное—пырнуть кого-нибудь ножемъ въ бокъ. Надежнѣе этого и на свѣтѣ нѣтъ. Кого же бы, напримѣръ? А на кого рука поднимется, того и валяй, хотя бы и своего брата арестанта, коли насолилъ онъ тебѣ чѣмъ-нибудь. А лучше всего похерить служащаго. Оно и лучше тебѣ будетъ, да и не такъ опасно; первое дѣло: каждый служащій есть прямой твой врагъ, а второе: ежели свой братъ смекнетъ о томъ, что ты хочешь похерить его со свѣта Божьяго, такъ онъ и самъ не задумается тебѣ перемахнуть глотку. Каждому свое дорого. Самое любезное дѣло и простое—служащаго, и чѣмъ крупнѣе чинъ, тѣмъ и лучше: знай, молъ, нашихъ, уважай плѣшивыхъ. И товарищи тебя за это будутъ почитать: это, молъ, человѣкъ не простой, съ нимъ, молъ, и компанію пріятно водить, онъ, молъ, себя въ обиду не дастъ.

Таковъ одинъ изъ дюжины вѣроятныхъ совѣтовъ, которые могъ не разъ выслушивать Устиновъ отъ товарищей, и всѣ они указывали на одно и то же, хотя совѣты и давались разными людьми и въ разное время. Наслушавшись ихъ, Устиновъ рѣшился, добылъ ножъ и избралъ своей жертвой бѣднаго Вельяшева, который, къ несчастію, еще „провинился“ въ чемъ-то передъ нимъ. Какъ человѣкъ добрый, гуманный, но неопытный въ обхожденіи съ арестантами, еще по новости не успѣвшій вникнуть въ тяжелую обыденную обстановку арестантской жизни, еще не научившійся понимать арестанта,—Вельяшевъ не разрѣшилъ Устинову какой-то льготы, которую разрѣшалъ другимъ, и при этомъ упустилъ изъ виду и самый родъ преступленія Устинова, т.-е. на что онъ способенъ въ горькую минуту; наконецъ, не обратилъ вниманія и на то, что арестанту, находящемуся въ положеніи Устинова, слѣдовало бы сдѣлать даже исключеніе, т.-е. дозволить и то, въ чемъ отказывается всякому другому, который сегодня прибылъ въ тюрьму, а завтра или послѣ-завтра уйдетъ изъ нея. Только за это бѣднякъ и получилъ смертельный ударъ, на который, по простотѣ души, навѣрное вовсе не разсчитывалъ.

Навѣстивъ Устинова раза три, я пробовалъ заводить съ нимъ неоффиціальную бесѣду, чтобы узнать истинную причину убійства, но это не удалось мнѣ даже и на половину. Хотя онъ и былъ нѣсколько покойнѣе, чѣмъ въ первыя минуты прибытія въ тюрьму, но по взгляду и вообще по выраженію лица, походившему на то, какое я наблюдалъ на лицахъ безумныхъ, состояніе души его все-таки было ненормально. Тѣмъ не менѣе, отвѣты его вовсе не походили на отвѣты сумасшедшаго. Казалось, что онъ что-то скрываетъ. Но что именно?

— Обидѣлъ васъ онъ чѣмъ-нибудь? Зло какое сдѣлалъ?—говорю однажды ему.

— Нѣтъ, не сдѣлалъ,—отвѣчаетъ сквозь зубы, такъ что едва можно понять.

— За что же вы его такъ? Вѣдь не безъ причины же?

— Обстоятельство такое случилось.

— Офицеръ-то хорошій, добрякъ. Я его знаю.

— Такъ точно, хорошій.

— Жаль мнѣ его,—говорю, погодя немного:—молодой, недавно женился.

Онъ на это ничего не отвѣтилъ, но лицо какъ-то нервно дрогнуло, губы подернуло на одну сторону, на минуту закрылъ глаза и немного отвернулся къ стѣнѣ,—точно ему было больно слышать мои замѣчанія.

Что именно подвигнуло его на преступленіе? Почему онъ избралъ своей жертвой именно Вельяшева, а не другого кого? Какъ и отъ кого добылъ онъ трехвершковый ножъ, старый, ржавый, но остро отточенный? Отвѣты на эти и другіе вопросы такъ онъ и унесъ съ собой на Митрофаніевское кладбище, гдѣ хоронили арестантовъ на казенный счетъ. Говорилъ онъ что-то слѣдователю, врачу, надзирателю больницы, но все это были свѣденія противорѣчивыя и ничѣмъ неподтвержденныя. А откуда и какъ ножъ добылъ, объ этомъ арестанта не стоитъ и спрашивать. Отвѣтъ всегда одинъ и тотъ же, заученный: нашелъ!

И Вельяшевъ тоже поболѣлъ недолго. Вдова его, правда, обезпечена не въ примѣръ даже прочимъ, по особому ходатайству начальства; но тотъ, кто заступитъ въ тюрьмѣ мѣсто ея мужа, будетъ ли онъ обезпеченъ отъ удара ножемъ? Будетъ, безъ сомнѣнія, на двѣ, на три недѣли, потому что въ тюрьмѣ въ это время не будетъ ножей въ арестантскихъ камерахъ. Тотчасъ послѣ происшествія, во всѣхъ камерахъ тюрьмы былъ произведенъ обыскъ строгій, усиленный, въ родѣ тѣхъ обысковъ, которые производятся теперь въ замкѣ—но у насъ есть на то и время, и средства, въ родѣ тѣхъ обысковъ, при которыхъ находится каждая пуговка, каждая спичка, каждая игла. Нашли еще семь ножей и цѣлый ворохъ разной мелочи. Всѣхъ тѣхъ, у кого были они найдены, тотчасъ посадили въ карцеры... но собственно за то, что ножи не были у нихъ отобраны въ день прибытія въ тюрьму, за то, что не было рукъ и времени найти и отобрать ихъ своевременно. Цѣной жизни вызванъ былъ усиленный, цѣлесообразный осмотръ арестантскаго имущества, и онъ повторится еще нѣсколько разъ, но непремѣнно въ ущербъ другихъ дѣлъ, которыя, оставшись неисполненными въ свое время, принесутъ дурные результаты въ общемъ управленіи тюрьмой. Мало-по-малу и этотъ настоящій осмотръ неизбѣжно приметъ прежній видъ, а потому и результаты его будутъ прежними, точно также какъ средства тюрьмы остаются тѣми же несостоятельными; словомъ, много черезъ мѣсяцъ каторжные опять будутъ имѣть при себѣ и ножъ, и деньги, чтобы купить его. Пробовали прежде, попробуютъ и теперь предупреждать каждую прибывшую партію о томъ, чтобы имѣющій что-либо запрещенное самъ отдалъ его, съ тѣмъ чтобы потомъ не подвергнуться наказанію. Но это всегда вызывало и будетъ вызывать улыбку арестанта и естественное желаніе его половчѣе спрятать запрещенное. Это то же, что предупреждать школьника: если ты сдѣлаешь вотъ это или то, такъ будешь наказанъ. Онъ, конечно, сдѣлаетъ все это, и не одинъ, а десять разъ, несмотря

ни на какія предупрежденія, только стараясь быть осторожнѣе при исполненіи задуманнаго. Иначе не можетъ и быть.

Староста „перваго частнаго“ уже разсказалъ намъ выше кое-что объ этомъ отдѣленіи; остается теперь только дополнить этотъ разсказъ, а затѣмъ познакомиться съ нѣкоторыми изъ содержащихся.

Это—лучшее помѣщеніе тюрьмы; здѣсь свѣтлѣе, теплѣе, суше, даже воздухъ нѣсколько чище, потому что потолокъ выше, чѣмъ въ другихъ отдѣленіяхъ, и притомъ комната занята однимъ человѣкомъ, который во всякое время можетъ отворить форточку своего окна. Корридоръ идетъ по срединѣ, а по обѣимъ его сторонамъ небольшія камеры: аршина четыре въ ширину и десять въ длину; лѣвая сторона значительно свѣтлѣе, потому что имѣетъ большія, выходящія на дворъ, окна; окна камеръ правой стороны приходятся въ Тюремный переулокъ; они нѣсколько меньше оконъ лѣвой стороны и находятся на такой высотѣ стѣны, что скошенный подоконникъ выше человѣка средняго роста, а потому въ комнатѣ, особенно въ пасмурный день, не особенно свѣтло. Въ эти нумера правой стороны помѣщаются исключительно провинившіеся въ чемъ-либо. Въ каждой комнатѣ кровать съ тюфякомъ и подушкой, болѣе мягкими, чѣмъ подстилка нары; есть небольшой столъ и табуретъ; не чувствуется присутствіе ночного ушата, который стоитъ въ особой нишѣ за плотною дверью. Два-три мѣсяца сидѣнья „въ секреткѣ“, конечно, не исправляютъ, но замѣтно обуздываютъ самаго безпокойнаго; но иногда наказаніе карцеромъ не только не укрощаетъ, но приводитъ человѣка еще въ большее озлобленіе. Несмотря на то, что здѣсь каждый пользуется иногда даже чаемъ и табакомъ, вслѣдствіе какого-либо особаго разсчета, чтобы снисходительностью подѣйствовать на его нравственность, всѣ готовы отбыть двойной срокъ въ карцерѣ, на водѣ и хлѣбѣ, только бы не попасть сюда, въ этотъ теплый нумеръ, съ лучшимъ воздухомъ, съ болѣе мягкими тюфякомъ и подушкою. Трудно повѣрить, какъ боится простолюдинъ одиночнаго заключенія. Тишина и одиночество—это самое сильно-дѣйствующее на него средство. Корридорный и приставникъ—плохіе собесѣдники: они отвѣтятъ на вопросъ заключеннаго коротко, да и не всегда, а судя по тому, въ чемъ вопросъ заключается; у нихъ нѣтъ ни охоты, ни времени на бесѣду сквозь маленькое отверстіе въ двери комнаты. Дверь секретнаго нумера отворяется три раза въ сутки: утромъ, около полудня и вечеромъ, чтобы подместь комнату и вынесть ночной ушатъ, чтобы подать обѣдъ

и вечеромъ ужинъ; для повѣрки дверь не отворяется: повѣряющій только прикладываетъ глазъ къ дверному отверстію.

Заглянемъ въ нумеръ 4-ый. Тамъ сидитъ на мягкомъ, нетюремномъ стулѣ, замѣтно согнувшись надъ немного низкимъ столомъ, высокій, сухопарый господинъ, съ волосами и бакенбардами когда-то черными, но теперь значительно посѣдѣвшими. Одѣтъ онъ въ чистенькій, щегольской домашній костюмъ. На его длинныхъ и тонкихъ ногахъ съ небольшою ступней надѣты синіе чулки и красивыя гарусныя туфли. На тюремномъ столѣ, покрытомъ цвѣтною салфеткой съ кистями и бахрамой, на кучкѣ книгъ стоитъ стаканъ съ чаемъ, а подлѣ, на тюремномъ же табуретѣ, крошечный самоваръ и на немъ—чайникъ. Въ комнатѣ дымно: онъ куритъ толстую папиросу. Это издатель одной, давно уже несуществующей газетки, А. Почему именно онъ сидитъ здѣсь, а не у себя дома, этого мы касаться не станемъ—не наше дѣло, тѣмъ болѣе, что на дняхъ предполагается его освобожденіе на поручительство. Ему живется тутъ очень хорошо—насколько можно чувствовать себя хорошо, находясь подъ стражей. По крайней мѣрѣ, онъ не терпитъ никакихъ лишеній. Онъ, напримѣръ, можетъ носить не одну красную фуфайку, а хоть десять и самыхъ разнообразныхъ цвѣтовъ. Онъ имѣетъ и мягкій волосяной тюфякъ, и свою подушку, и чай можетъ пить хоть десять разъ въ день, и обѣдъ ему приносятъ не изъ тюремной кухни, и можетъ онъ выпить за обѣдомъ рюмку, двѣ вина. Словомъ, вся бѣда въ томъ, что надо быть не въ собственной, а въ казенной квартирѣ. А если онъ содержится не на благородномъ отдѣленіи, а здѣсь, въ секретномъ, такъ это потому только, что здѣсь ему гораздо удобнѣе, чище, покойнѣе, да и всѣ разрѣшенныя ему льготы здѣсь, такъ сказать, никому не лѣзутъ въ глаза. А льготы ему разрѣшены большія. Идетъ онъ въ контору, когда вздумаетъ, безъ провожатаго, разумѣется; бесѣдуетъ тамъ съ нами, разсказываетъ анекдоты, разныя варшавскія бывальщины и небывальщины. Человѣкъ интересный, хоть и много врётъ. Возвращается онъ въ свой нумеръ когда хочетъ, и проч., и проч., всего и не перечтешь. Но всѣ эти льготы разрѣшены ему по указанію внѣ-тюремной власти; слѣдовательно, мы, администрація тюрьмы, можемъ быть покойны. Конечно, найдется въ тюрьмѣ съ дюжину людей, не меньше его достойныхъ всевозможныхъ льготъ, да и по роду преступленія, быть можетъ, менѣе еще виновнѣе его, но они никакими льготами не пользуются. И то сказать: всѣмъ нельзя разрѣшить всего, хотя бы они и достойны были. Кому судьба мать, а кому и

мачиха, говоритъ пословица. Не могу не сказать на память объ этомъ господинѣ слѣдующаго. На дняхъ мнѣ, за отсутствіемъ старшаго, пришлось принять отъ него солидную сумму денегъ, чтобы представить ее въ судъ, какъ поручительство, въ случаѣ его освобожденія, съ обязательствомъ не исчезнуть какъ-нибудь. Былъ тутъ самъ онъ, былъ его повѣренный, ходатай по тому дѣлу, за которое онъ лишенъ свободы; была одна его близкая родственница, пожилая уже, но интересная и въ былое время, должно быть, очень красивая дамочка; былъ еще кто-то. Всѣ они были такъ любезны со мной, такъ предупредительны, такъ старались занять меня,—что я даже и деньги хорошенько пересчитать не успѣлъ. Мнѣ казалось, что повѣренный какъ-то особенно усердно суетился около меня съ любезностями. На слѣдующій день я явился къ кассиру суда, чтобы сдать принятый залогъ. Деньги были всѣ сполна, но вотъ бѣда: двѣ 50-рублевки оказались фальшивыми. Кассиръ только улыбался, когда я ему разсказалъ, отъ кого и при какихъ обстоятельствахъ приняты мною эти деньги...

Теперь подойдемъ къ отверстію двери нумера 7-го. Мнѣ еще ни разу не удавалось этого сдѣлать такъ, чтобы не потревожить заключеннаго; непремѣнно оглянется, какъ бы чувствуя, что въ отверстіе двери смотритъ чей-то глазъ. Надобно подойти такъ тихо, какъ подходитъ тѣнь. Слухъ долго находящагося въ одиночномъ заключеніи изощряется до такой степени, что, кажется, онъ слышитъ дыханіе ваше, слышитъ, когда муха сядетъ на дверь его комнаты. Вотъ и теперь онъ оглянулся, хотя мы и сами не слыхали, какъ подвинулись къ его двери, и совершенно беззвучно подняли щитокъ, закрывающій отверстіе. Корридорный дѣлаетъ это не стѣсняясь; заключенный къ этому и привыкъ, зная, что къ двери подошелъ корридорный или приставникъ, и потому не обращаетъ вниманія; но если это дѣлаютъ тихо, стараясь не быть услышанными—онъ непремѣнно оглянется, или остановится, если ходитъ, и всегда съ секунду посмотритъ въ дверное отверстіе.

Это—французъ, парижанинъ, содержащійся за ввозъ и сбытъ фальшивыхъ кредитныхъ билетовъ. Русскаго языка онъ не знаетъ, да и на родномъ нарѣчіи отвѣчаетъ какъ-то неоконченно, неохотно, двумя-тремя словами; каждое слово обдумываетъ, точно онъ забылъ его, или не можетъ связать длинной фразы; отъ всѣхъ предложенныхъ ему льготъ онъ отказывается—даже отъ кофе, который пробовалъ предлагать ему его сосѣдъ. Какъ рѣшеннаго, его хотѣли перевести на благородное отдѣленіе, гдѣ онъ могъ бы быть въ „обществѣ“ (конечно, какое Богъ пошлетъ) и по-

говорить съ тѣмъ или другимъ. Не только отказался, но попросилъ, какъ особой милости, оставить его здѣсь и ничѣмъ не безпокоить. Онъ совершенно подавленъ своимъ горемъ и своимъ одиночествомъ, потому что ни родныхъ, ни знакомыхъ не имѣетъ въ столицѣ. Только одинъ разъ обращался онъ съ просьбой въ посольство; но и просьба эта состояла только въ томъ, чтобы добиться ходатайства о разрѣшеніи остаться въ своемъ одиночномъ заключеніи и получить нѣсколько французскихъ книгъ; все тоскуетъ о своей несчастной, милой Франціи; именно такъ называетъ онъ свою далекую родину, и разъ какъ-то проговорился тому редактору, что молитъ Бога о смерти. Лѣтъ ему только около пятидесяти, но онъ уже сѣдой. Его особенность заключается въ томъ, что брѣется онъ (бородобрѣй—солдатъ тюремной команды, получающій за работу особую плату отъ казны) чуть не черезъ день, и потому всегда чисто выбритъ. Ему предстоитъ выѣздъ на позорной колесницѣ, т.-е. телѣгѣ съ небольшими приспособленіями, на конную площадь, для объявленія ему судебнаго приговора, а затѣмъ въ Сибирь, какъ приговоренному въ каторгу.

Въ слѣдующемъ нумерѣ двое содержатся за грабежъ. Это два неисправимые негодяя. Въ тюрьмѣ они уже третій разъ. Оба по нѣскольку разъ были наказаны карцеромъ, сидѣли по секретнымъ нумерамъ и имъ надѣвали „рукавицы“. Ничто не дѣйствуетъ на нихъ, и теперь они помѣщены въ секретный нумеръ не столько за какую-либо провинность, сколько потому, что ихъ некуда дѣть. Они и самимъ товарищамъ надоѣли до того, что одного изъ нихъ, какъ самаго безпокойнаго, каторжники товарищи хотѣли „похерить“. Кончили съ ними тѣмъ, что отдѣлили ихъ отъ прочихъ и помѣстили вмѣстѣ въ секретномъ нумерѣ, дозволивъ имъ чай и куреніе табаку—разумѣется, на собственныя деньги, хранящіяся въ тюремной кассѣ. Что будетъ далѣе, неизвѣстно; но до сихъ поръ оба живутъ дружно и ведутъ себя какъ слѣдуетъ. Вдвоемъ сидѣнье въ секретномъ нумерѣ, разумѣется, не имѣетъ никакого сравненія съ заключеніемъ одиночнымъ, да еще безъ права пить чай и курить.

Остальные нумера занимаютъ арестанты политическіе, называемые здѣсь „нечаевцами“...

Часть западнаго флигеля зáмка, какъ я сказалъ, имѣетъ четыре этажа, съ окнами отдѣленій на дворъ и съ окнами коридоровъ на Тюремный переулокъ. Здѣсь находятся четыре арестантскихъ отдѣленія, по одному на этажъ. Отдѣленіе помѣ-

щающееся въ верхнемъ этажѣ, такъ и называется „4-й этажъ“; то, которое ниже, имѣетъ оффиціальное названіе „3-й этажъ“; еще ниже слѣдуетъ „татебное“, и, наконецъ, отдѣленіе нижняго этажа,—можно даже сказать, подвальнаго,—называется „бродяжнымъ“. Тюремные шутники, не слишкомъ горюющіе объ утратѣ свободы, только татебнаго отдѣленія не удостоили никакимъ особымъ названіемъ. Такъ, 4-й этажъ на ихъ языкѣ называется „гусарами“, потому, вѣроятно, что воротникъ пальто этого отдѣленія—желтаго сукна; 3-й этажъ называется „уланами“, потому что имѣетъ синій воротникъ, а бродяжное, носящее воротникъ зеленый, совершенно правильно назвали „лѣснымъ вѣдомствомъ“; называютъ иногда и короче: „лѣсничими“. Кромѣ того, Викулъ Савельевъ—записной острякъ, величаетъ 3-й и 4-й этажи еще „гильзовою фабрикой“, въ которую мы теперь и войдемъ, начиная сверху.

Камеры, койки, подушки, подстилки, общій видъ отдѣленія и общій порядокъ жизни этихъ четырехъ этажей совершенно тотъ же, что въ 1-мъ частномъ. Но родъ преступленія здѣсь выше на нѣсколько градусовъ: кража со взломомъ, повтореніе какой-либо солидной кражи, сопровождавшейся насиліемъ, побѣгъ изъ мѣстъ заключенія и т. п. Изъ этого отдѣленія нѣкоторые допущены къ работѣ въ швальнѣ, но по строгому выбору: изъ десяти человѣкъ хорошаго поведенія выбираются два-три лучшихъ. Съ недавняго времени, по заказамъ частныхъ лицъ и папиросной фабрики Миллера, этому отдѣленію разрѣшена работа въ самыхъ камерахъ—они клеятъ гильзы. Имъ выдается готовая, нарѣзанная бумага, чашка крахмальнаго клейстера и небольшая пальмовая палочка. Каждый усвоившій механизмъ работы и чистоту ея (для этого нуженъ мѣсяцъ времени и желаніе выучиться) можетъ приготовить въ день до 500 гильзъ, съ антрактами, конечно, для обѣда, чая, отдыха и ужина, т.-е. въ мѣсяцъ 15.000 гильзъ, и заработаетъ по одной копѣйкѣ за сотню—въ день 5 копѣекъ, а въ мѣсяцъ, слѣдовательно, 1 руб. 50 коп. Непремѣнное условіе заработка—раздѣленіе труда между тремя. Дѣло это еще вновѣ, но нельзя не радоваться ему. Арестантъ занятъ и хоть что-нибудь заработаетъ. Знакомиться здѣсь не съ кѣмъ; личности, особо выдающейся чѣмъ-либо, пока не имѣется; всѣ очень хороши, и староста лучше всѣхъ; онъ въ тюрьмѣ сидитъ второй годъ, и не первый разъ, и знаетъ ее не хуже нашего фельдфебеля; плутъ, какихъ мало, но, какъ староста отдѣленія, строго блюдетъ свои обязанности и свои выгоды и льготы; какъ говорится, держитъ ухо востро, а болѣе ничего и не требуется. Это—„гусары“.

Спустимся ниже, въ 3-й этажъ, жители котораго называются „уланами“. Относительно наружнаго вида, обстановки и порядка жизни здѣсь все то же, что и въ 4-мъ этажѣ; разница въ родѣ преступленій: здѣсь содержатся за подлогъ, за воровство, мошенничество, за грабежъ съ насиліемъ и безъ онаго, за проживаніе по чужому виду и т. п. Остановиться здѣсь тоже не на комъ; также дѣлаютъ гильзы, также всѣ очень хороши, и даже еще лучше—чѣмъ этажемъ выше.

Ниже находится отдѣленіе „татебное“, гдѣ содержатся убійцы. Мы посѣтимъ его потомъ, а теперь перейдемъ въ нижній этажъ того же флигеля, гдѣ помѣщаются бродяги, отчего и самое отдѣленіе называется „бродяжнымъ“, а на языкѣ тюремныхъ юмористовъ - „лѣснымъ вѣдомствомъ“. Оно состоитъ всего изъ двухъ камеръ, вмѣщающихъ отъ 30 до 40 человѣкъ, потому что третья, мѣньшая, занята приставникомъ и его помощникомъ, имѣющими подъ своимъ надзоромъ два отдѣленія: это и татебное. Здѣсь самое плохое помѣщеніе изъ всѣхъ жилыхъ комнатъ замка: тутъ всегда сыровато, холодновато и темновато настолько, что читать въ камерѣ удобно только стоя у окна; корридоръ еще темнѣе; въ немъ сумерки во всякое время дня.

На бродяжномъ отдѣленіи содержатся исключительно люди, не объявившіе своего настоящаго званія, имени и фамиліи, живущіе безъ всякаго письменнаго вида и называющіеся обыкновенно бродягами. Здѣсь всѣ арестанты, по большей части, именуются Иванами, съ какимъ-нибудь вымышленнымъ прилагательнымъ, для отличія одного отъ прочихъ. Въ настоящее время здѣсь есть одинъ Петръ, два Василія и одинъ Семенъ. Ивановъ же – девять человѣкъ. Всѣ они не помнятъ ни родства, ни мѣста родины, ни своего званія, ни фамиліи. Истины добиться отъ нихъ бываетъ весьма трудно. Просидитъ какой-нибудь Иванъ годъ въ тюрьмѣ и болѣе и, за сокрытіе званія и бродяжничество, приговаривается судомъ къ поселенію въ Сибири. А ему только это и нужно: изъ Сибири онъ иногда опять пробирается, куда ему слѣдуетъ, опять попадаетъ въ тюрьму, опять судится. Но такъ какъ за бѣгство изъ Сибири наказываютъ строже, такъ онъ назовется уже не Иваномъ, а какимъ-либо другимъ именемъ, и снова, по знакомой дорогѣ, отправляется туда же, отъ куда удралъ. Истина открывается случайно: когда называющій себя Иваномъ или Петромъ бываетъ узнанъ и уличенъ родными, знакомыми или просто товарищами заключенія—и оказывается какимъ-нибудь Никофоромъ Лаптевымъ или Кузьмой Аѳанасьевымъ, бѣжавшимъ или изъ какого-нибудь острога, или изъ полка, а часто и изъ

Сибири, куда онъ былъ сосланъ за грабежъ, или что̀ другое. Вся цѣль такого непомнящаго родства скрыть свой слѣдъ и не быть узнаннымъ. Бо̀льшая часть содержащихся за бродяжничество—бывалые люди, побывавшіе во многихъ городахъ и городишкахъ своего обширнаго отечества и совершившіе не одно тяжкое преступленіе; это на половину Рокамболи, да не вымышленные, а подлинники. Лѣтомъ это отдѣленіе бываетъ пусто, но въ пору зимы, когда лѣса и поля не представляютъ удобства къ проживанію—оно скоро и густо наполняется Иванами, Петрами и Семенами.

Часть бродяжнаго отдѣленія раздѣлена на семь небольшихъ и темныхъ канурокъ. Это—карцеры. Но я о нихъ говорить не буду: это было бы повтореніемъ того, что̀ уже разсказывалъ о карцерѣ староста перваго частнаго отдѣленія. Я замѣтилъ, что заключеніе въ карцерѣ даже на высшій, шести-суточный, срокъ не всегда дѣйствуетъ на нравъ какого-нибудь особенно буйнаго субъекта, иногда и совсѣмъ не дѣйствуетъ. Вѣроятно въ виду подобнаго обстоятельства, не знаю когда и кѣмъ, измышлена особая репрессивная мѣра, собственно для неукротимыхъ—тюремныя „рукавицы“.

Аппаратъ этотъ имѣетъ видъ удлиненныхъ рукавовъ, крѣпко сшитыхъ изъ толстой кожи и съ нижняго конца зашитыхъ на глухо. Верхніе концы, приходящіеся къ плечамъ, соединены ремнемъ широкимъ и прочнымъ, который, когда рукава надѣть на руки, приходится на груди между плечъ, какъ разъ подъ шеей. Другой ремень, съ пряжкой, соединяетъ верхнюю часть ихъ на спинѣ, тоже тотчасъ ниже шеи. Части ихъ, гдѣ приходятся локти рукъ, тоже соединены ремнями: спереди глухимъ, а сзади съ пряжкой, застегивающейся на поясницѣ. Такимъ образомъ, если надѣть рукава и застегнуть ремни между плечъ и на поясницѣ, то надѣвшій будетъ лишенъ возможности употребить въ дѣло свои руки. Онъ можетъ согнуть ихъ въ локтѣ, насколько дозволитъ мягкость толстой кожи, можетъ свободно шевелить пальцами, сжать ихъ въ кулакъ, растопырить ихъ, глядя по ширинѣ рукава,—но не можетъ ни взять въ руку что-либо, ни снять рукавицъ. Если стянуть ремни въ мѣру, т.-е. настолько, чтобы они не дозволили рукавамъ сниматься, то это и будетъ существенная цѣль, съ которой введено употребленіе рукавицъ, какъ средства, лишающаго арестанта возможности употребить во зло свои руки. Мѣра эта можетъ назваться даже гуманною, если употребить ее вмѣсто веревокъ, потому что связываніе слишкомъ разбушевавшагося или пьянаго веревками можетъ повредить

связанному, а рукавицы не сдѣлаютъ ни малѣйшаго изъяна, ни рукамъ, ни платью, оставляя возможность ходить, сидѣть и лежать.

„Татебное“ отдѣленіе состоитъ изъ четырехъ камеръ: три довольно просторныя, въ три и два окна, и одна поменьше, въ одно окно. Всѣ четыре камеры заняты содержащимися, а приставникъ и его помощникъ живутъ въ первомъ нумерѣ бродяжнаго. Здѣсь всѣ заключены за преступленія тяжкія: святотатство, поддѣлка монеты, покушеніе на убійство, совершеніе такового, а также всѣ каторжники и всѣ лишенные всѣхъ правъ состоянія за иныя преступленія. Есть здѣсь уже выслушавшіе приговоръ суда; есть слѣдственные, т.-е. ожидающіе приговора; между ними встрѣчаются личности благообразныя и кроткія до того, что никому и въ голову не придетъ, что это убійца; но есть и такія, физіономія которыхъ, при первомъ же взглядѣ на нее, даетъ знать, на что способенъ носитель ея. Эти послѣдніе соединены въ меньшей камерѣ отдѣленія, въ нумерѣ 4-мъ—въ числѣ двѣнадцати человѣкъ. Приставникъ называетъ ихъ: „мои бральянты“. Прочіе разсортированы въ первыхъ трехъ камерахъ. Всѣ они держатъ себя, за исключеніемъ нѣкоторыхъ, солидно, но смотрятъ хмуро, непривѣтливо, невесело, какъ и черный воротникъ, присвоенный этому отдѣленію. Зато всѣ они, если заявляютъ неудовольствіе на какое-либо требованіе или дѣйствіе своего приставника, то резонно, безъ шуму, чрезъ своего старосту, и то только тогда, если увѣрены, что оно вызвано не приказаніемъ смотрителя, а исходитъ прямо отъ самого же приставника и могло бы быть нѣсколько смягчено. Ссоръ здѣсь не бываетъ, а дракъ и тѣмъ болѣе. Это потому, что всякая „потасовка“ есть дѣяніе постыдное: она ставитъ каторжника на одну доску съ какимъ-нибудь воришкой изъ перваго частнаго, или даже съ малолѣткомъ-прачкой, да, кромѣ того, грозитъ карцеромъ. Въ виду гарантіи въ пользу тишины и порядка, по отдѣленіямъ введено строго соблюдаемое правило: камера отвѣчаетъ вся за проступокъ одного или двухъ изъ своей среды. Если затѣвается ссора, и приставникъ не будетъ извѣщенъ своевременно (для этого надобно только крикнуть корридорнаго), чтобы вначалѣ же прекратить ее, то зачинщиковъ „закупорятъ въ ящикъ“, а остальные члены камеры, на извѣстное число дней, вмѣсто обѣда и ужина, получатъ одинъ хлѣбъ и воду, потеряютъ право пить чай и курить табакъ, будутъ лишены свиданія съ родственниками, должны будутъ спать безъ подстилокъ, на голой нарѣ, а въ заключеніе всѣ

сутки „парашка“ будетъ стоять у нихъ въ камерѣ. Круговая порука такой формы—только она одна, къ сожалѣнію, и можетъ содѣйствовать сохраненію порядка и тишины въ отдѣленіяхъ; къ этому, правда, присоединяется еще и сознаніе собственнаго достоинства—если можно такъ выразиться, т.-е. „намъ-де равнять себя съ какими-нибудь ворами не приходится; ужъ если сотворить что-нибудь такое, за что передъ начальствомъ отвѣчать придется, такъ не ссору глупую, а что-нибудь посолиднѣе, чтобы стоило отвѣтить за дѣло“. На глазъ—это самое спокойное отдѣленіе, самое сговорчивое, всегда готовое уважить и выполнить требованіе тюремной стражи. Но это только такъ кажется: здѣсь недостаточно примѣнить выраженіе, что „искра тлѣетъ подъ пепломъ“; надо сказать, что здѣсь вездѣ и во всемъ—огонь, прикрытый толстымъ слоемъ притворства и сдержанности до перваго удобнаго случая.

Въ настоящее время въ числѣ содержащихся много личностей, побывавшихъ здѣсь раньше, во время патріархальнаго управленія тюрьмой, когда въ любомъ отдѣленіи, по выраженію фельдфебеля, „жилось арестантамъ просто и свободно, иногда и весело“. Эти старожилы видятъ и чувствуютъ, какъ каждый новый день вноситъ въ жизнь тюрьмы какое-нибудь новое приказаніе, стѣсняющее былую свободу; что былые порядки таютъ, какъ весенній снѣгъ, и замѣняются разными строгостями; что ни малѣйшее запрещенное дѣяніе не проходитъ безъ возмездія. Этихъ старожиловъ еще настолько много, что нельзя и думать о томъ, чтобы сгруппировать ихъ гдѣ-либо въ одномъ мѣстѣ, чтобы выдѣлить ихъ изъ массы вновь поступившихъ, не вкусившихъ прежней свободы здѣшней жизни. А они-то и передаютъ каждому новичку свѣденія о быломъ тюрьмы и, въ особенности, стараются убѣдить его въ томъ, что всѣ эти новые порядки, стѣснительные и ненавистные, всѣ эти строгости, обуздавшія былую свободу, ввелъ и продолжаетъ вводить новый смотритель.

Первая камера татебнаго отдѣленія занята арестантами слѣдственными, т.-е. тѣми, которые еще ожидаютъ приговора; ихъ одиннадцать человѣкъ, по преступленіямъ разнаго характера. Пятеро изъ нихъ за убійство. Поближе познакомиться здѣсь слѣдуетъ со многими, начиная съ старосты отдѣленія, крестьянина московской губ., Михайлы. Это его настоящее имя, но тюрьма зоветъ его иначе: или Мишка Московскій, или просто Московскій. Такое прозвище онъ получилъ не столько потому, что происходитъ

изъ крестьянства московской губерніи, сколько потому, что бо́льшая часть подвиговъ его совершилась именно въ Москвѣ. Подвиговъ за нимъ числится не мало и самаго разнообразнаго свойства: кражи, грабежи, подлоги, фабрикація оловянныхъ денегъ и много, много другихъ мелкихъ дѣлъ. На поддѣлкѣ двугривенныхъ онъ попался и засѣлъ въ тюрьму. Два раза онъ былъ въ бѣгахъ, перебывалъ въ дюжинѣ остроговъ, былъ бродягой „Иваномъ", чтобы скрыть за собою слѣдъ, и, наконецъ, попалъ въ замо́къ (уже второй разъ). Сидѣлъ онъ здѣсь и ранѣе, года три тому назадъ. Между тѣмъ ему нѣтъ еще и 30 лѣтъ; красивый, неглупый, расторопный и грамотный, типъ хорошаго старосты; кромѣ того, онъ владѣетъ красивымъ басомъ, и потому находится въ числѣ пѣвчихъ тюремной церкви. Старостой онъ уже давно, одинъ изъ первыхъ избранныхъ не отдѣленіемъ, какъ водилось прежде, а тюремной властью. Что онъ человѣкъ толко́вый — это доказывается его умѣньемъ исполнять обязанность старосты: и приставникъ доволенъ имъ, какъ своимъ помощникомъ, да и отдѣленіе иного старосты не желало бы. По его словамъ, онъ началъ свое поприще мальчишкой лѣтъ пятнадцати, какъ карманный воришка, и, пройдя всѣ степени преступленій — кромѣ убійства—дошелъ до спокойнаго ожиданія приговора въ каторгу. Несмотря на то, что онъ крѣпко привыкъ къ порядкамъ прежней тюрьмы и былъ самымъ дѣятельнымъ исполнителемъ,—а часто и зачинщикомъ дѣйствій противъ тюремной власти,—но какъ только замѣтилъ онъ, что патріархальный порядокъ управленія рушился, тотчасъ сообразилъ, что плетью обуха не перешибешь, и рѣшилъ измѣнить не только свои дѣйствія, но и всѣ привычки, и всѣ правила. Онъ одинъ изъ немногихъ не побывалъ ни въ карцерѣ, ни въ секретномъ нумерѣ. Результатъ такого разумнаго поведенія былъ тотъ, что его назначили старостой такого отдѣленія, какъ татебное, а это „честь" немалая, да чего-нибудь стоютъ и всѣ льготы, о которыхъ разсказывалъ староста 1-го частнаго. Особенно удобнымъ пришлось то обстоятельство, что прежде Московскій содержался не здѣсь, а выше, въ 3-мъ этажѣ; слѣдовательно, на татебное онъ пришелъ, такъ сказать, чужимъ человѣкомъ, не имѣя здѣсь ни друзей, ни пріятелей, ни кума, ни свата; онъ могъ сразу поставить себя со всѣми жильцами отдѣленія въ отношенія независимыя и, прежде всего, стать на сторонѣ тюремной администраціи и собственныхъ выгодъ.

Первымъ изъ убійцъ этой камеры стоитъ молодой парень лѣтъ 25, огромнаго роста, сутуловатый, неуклюжій, еще совсѣмъ новичокъ между убійцами, не сидѣвшій ни разу ни въ тюрьмѣ, ни

даже въ части. Это тотъ самый субъектъ, который задушилъ Громовскаго приказчика, жившаго въ Петергофѣ, чтобы завладѣть принадлежащими ему 40 тысячами. Когда, полгода тому назадъ, онъ поступилъ въ замокъ—это былъ совершенно здоровый человѣкъ, даже казался жирнымъ не по лѣтамъ; теперь его трудно и узнать—такъ эти полгода его измѣнили: похудѣлъ до крайности, но не хворая, не вслѣдствіе болѣзни или не-гигіенической обстановки жизни; сутуловатый отъ природы, онъ теперь какъ-то сгорбился, щеки ввалились, глаза тоже—и стали какими-то оловянными, безъ малѣйшей искры. Огромная фигура его стала еще неприглядиѣе, чѣмъ въ первое время содержанія; особенно физіономія, съ большимъ, острымъ носомъ, представляетъ что-то сильно отталкивающее; взглядъ изъ-подъ бровей говоритъ тоже не въ пользу чистоты его совѣсти и мыслей. Богъ вѣсть, что у него на душѣ; физіономія ли его обманываетъ, или онъ самъ желаетъ обмануть всѣхъ, но дѣло въ томъ, что со дня поступленія въ замокъ и до настоящей минуты—это самый смирный, несмѣлый, уступчивый человѣкъ изъ всего отдѣленія; а внѣшность его такова, что даже и для храбраго встрѣча съ нимъ въ лѣсу весьма непріятно подѣйствуетъ на нервы; не знаешь, чему вѣрить: его внѣшности или его кроткому поведенію. Кромѣ этого, и письма его въ деревню къ роднымъ свидѣтельствуютъ о томъ, что, судя о его нравственности по его лицу,—можно ошибиться. Онъ грамотный, хорошо читаетъ и пишетъ. Вотъ что говоритъ онъ, между прочимъ, въ письмѣ къ своему отцу, почему-то не выславшему ему двадцати рублей, которые просилъ онъ за нѣсколько дней до совершенія преступленія.

„Еслибы, почтенный родитель мой, не пожалѣли бы вы для несчастнаго сына вашего этихъ двадцати рублей, такъ не то-бъ и было. И не случилось бы со мной такого несчастья. Видитъ Господь Богъ, да и вы знать можете то, что не пришло бы мнѣ никогда и въ мысляхъ моихъ идти на убивство. Но всячески, я васъ не виню въ бѣдѣ моей. Стало быть, Богу такъ угодно, чтобы не видать мнѣ болѣе своей родины и своихъ родимыхъ".

Письмо длинное, на двухъ листахъ писчей бумаги, и все состоитъ въ жалобѣ на судьбу и несчастный случай. Сообщникъ его и въ настоящее время сожитель и сосѣдъ по койкѣ, Викулъ Савельевъ, говоритъ, что они дѣйствительно убивать старика не думали, что убійство совершилось потому только, что старикъ проснулся и хотѣлъ кричать. Предстояло: или быть пойманными на мѣстѣ преступленія, или заставить несчастнаго старика замолчать на вѣки.

Викулъ Савельевъ—это тотъ самый, о которомъ я упомянулъ, говоря о мастерской и столярѣ Епифановѣ. Какъ Епифанову не везетъ въ трудовой и честной жизни за стѣнами тюрьмы, такъ точно не умѣетъ или не можетъ совладать съ своей свободой и Викулъ Савельевъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, свободой онъ не брезгаетъ, какъ и всякій, рѣдко ею пользующійся. Впродолженіе своей 35-лѣтней жизни онъ судился разъ десять, по крайней мѣрѣ, и преимущественно за мелкія мошенничества. Сколько именно разъ и въ какихъ тюрьмахъ, острогахъ и частяхъ сидѣлъ онъ—онъ этого сказать не берется и говоритъ: „запамятовалъ". Раза четыре состоялъ въ бѣгахъ. Это, впрочемъ, его выдающаяся слабость: половчѣе удрать изъ какой-нибудь части, отъ конвойныхъ, изъ какого-нибудь уѣзднаго острога, до-сыта нагуляться, затѣмъ совершить какое-нибудь простенькое мошенничество, хотя бы даже въ компаніи съ карманнымъ воришкой, и кончить тѣмъ, что попасться, а попавшись, опять мечтать о свободѣ, о новомъ побѣгѣ. Года три тому назадъ, при прежнемъ смотрителѣ, едва онъ не удралъ и отсюда изъ замка: дѣло не удалось только по оплошности его сообщника, такъ что, вмѣсто свободы, онъ попалъ на трое сутокъ въ карцеръ и двѣ недѣли высидѣлъ въ секретномъ нумерѣ. Скоро потомъ, окончивъ срокъ высидки, по приговору суда, на 6 мѣсяцевъ, онъ былъ освобожденъ, прожилъ на свободѣ около трехъ мѣсяцевъ и, по его собственному выраженію, „соскучился по товарищамъ". А товарищей здѣсь у него множество, на всѣхъ отдѣленіяхъ, какъ изъ старыхъ, такъ и изъ новичковъ, сошедшихся съ нимъ за стѣнами тюрьмы. Всѣ они величаютъ его не иначе, какъ „Викулъ Савельевичъ". Какого-либо тяжкаго преступленія онъ до настоящаго времени не совершилъ, и теперь очень раскаявается, что случай свелъ его съ убійцей старика-приказчика. Говоритъ, что они забрались въ Петергофъ съ единственною цѣлью, чтобы уворовать деньги, что собственно онъ даже и не входилъ въ комнату, гдѣ спалъ убитый, а только караулилъ у двери квартиры. Хоть убійца и подтверждаетъ такое показаніе, но Викула Савельева это не спасетъ: за сообщничество въ убійствѣ ему предстоитъ лишеніе правъ и ссылка на поселеніе навсегда. Это его очень сокрушаетъ, потому что побѣгъ ссыльнаго изъ Сибири влечетъ за собой наказаніе плетьми.

— Еслибы я зналъ только,—говоритъ онъ,—что этотъ долговязый дуракъ совершитъ этакое дѣло, такъ я не сталъ бы съ нимъ и знакомства водить.

— Что же,—говорю ему,—ты, пожалуй, изъ Сибири уйдешь, ежели опять соскучишься по товарищамъ?

— Какъ же теперь я могу это знать: какъ придется.

— А знаешь, что за это бываетъ?

— Знать-то знаю, да вѣдь и сердце-то у меня не каменное. А впрочемъ, если Лиза пойдетъ со мной жить туда, такъ, пожалуй, и тамъ проживемъ съ нею. Къ чему-жъ безъ надобности на плети напрашиваться!

Дѣло въ томъ, что здѣсь въ Петербургѣ есть у него старая любовь, какая-то Лиза, еще молодая; она приходитъ къ нему иногда по воскресеньямъ, подъ видомъ сестры, живущей прачешной работой. Значитъ, дѣло зависитъ отъ Лизы. Если она предпочтетъ остаться въ столицѣ, такъ онъ и изъ Сибири придетъ навѣстить ее. Одно время онъ былъ старостой 3-го этажа, и именно тогда-то и устроилъ для себя побѣгъ. Это обстоятельство и лишило его довѣрія тюремнаго начальства, такъ что новое избраніе его въ старосты стало неудобнымъ. Во всякомъ случаѣ, его нельзя назвать, въ тюремномъ смыслѣ, дурнымъ человѣкомъ; онъ никогда не только не позволитъ себѣ ссоры съ кѣмъ-либо изъ товарищей, но старается и ихъ удержать отъ нея. Большой балагуръ, всегда веселъ, всегда улыбается и смотритъ на жизнь какъ истый „философъ“.

Сюда, въ камеру № 1, перевели изъ секретнаго нумера и одного изъ убійцъ австрійскаго военнаго агента. Здѣсь же находится и извѣстный Максимъ Ивановъ, отправившій въ чемоданѣ въ Москву трупъ убитаго имъ Зона. Этотъ совсѣмъ уже непохожъ на убійцу, съ какой стороны его ни разсматривай. Онъ еще очень молодъ и смотритъ мальчишкой; но изношенъ донельзя, благодаря, разумѣется, компаніи тѣхъ красавицъ, которымъ удалось завлечь убитаго къ себѣ на квартиру; худъ, истощенъ и блѣденъ до крайности; сѣрые, прищуренные, постоянно движущіеся маленькіе глаза придаютъ физіономіи его видъ обезьяны; на сухихъ, растрескавшихся губахъ едва пробивается бѣлокурая растительность и постоянно бродитъ дряная улыбка; руки постоянно дрожатъ до того, что онъ едва можетъ донести до рта ложку щей, точь-въ-точь какъ у пьяницы, послѣ неумѣренной выпивки; вообще, вся его фигура представляетъ что-то противное, отталкивающее. Но на убійцу онъ вовсе непохожъ. Викулъ Савельевъ сравниваетъ его съ испортившимся касторовымъ масломъ, а сосѣдъ по койкѣ, татаринъ горецъ Бакчіевъ, зоветъ его не иначе какъ „марафылъ“; по объясненію солдатика команды, тоже татарина, это значитъ „оборотень“; когда Бакчіевъ разсердится, то величаетъ сосѣда еще хуже, и говоритъ, что еслибы встрѣтилъ его не въ тюрьмѣ, а въ трущобахъ родного Кавказа, такъ непремѣнно

бы пристрѣлилъ, и именно за то, что онъ „савсэмъ нэ красыва, и оченна пахожа на балшой машеннык“. Вообще, въ камерѣ да и въ отдѣленіи не любятъ новаго гостя—такою внѣшностью надѣлила его природа. Когда его арестовали и, до окончанія слѣдствія, помѣстили одного въ секретномъ нумерѣ, то онъ цѣлую недѣлю не давалъ покоя ни корридорному, ни приставнику, умоляя ихъ оставить дверь нумера открытою, особенно ночью, или побыть въ нумерѣ у него, или, наконецъ, чтобы корридорный стоялъ у двери почаще. На повѣрку вышло, что по ночамъ его преслѣдуетъ призракъ убитаго, то-и-дѣло подносящій ему ко рту рюмку съ красноватой жидкостью. Извѣстно, что, вмѣсто портвейна, онъ угостилъ Зона рюмкой острой водки или какой-то убивающей кислоты. Галлюцинаціи дошли до того, что онъ хотѣлъ посягнуть на самоубійство. Трудно повѣрить, что онъ на это можетъ быть способенъ; но на всякій случай, чтобы предупредить покушеніе, нѣсколько ночей въ нумерѣ его пришлось ночевать помощнику приставника. И при этомъ всегда онъ былъ неспокоенъ, хоть и спалъ: нѣсколько разъ въ ночь просыпался, вскакивалъ съ кровати, крестился и шепталъ молитву, засыпалъ крѣпче только подъ утро, но, вѣроятно, сонъ его былъ полонъ пугающихъ грёзъ, потому что сопровождался частымъ бредомъ и порывистыми движеніями. Потомъ, ради компаніи, въ нумеръ къ нему помѣстили одного изъ рѣшенныхъ, а затѣмъ перевели на татебное отдѣленіе.

Вторая камера занята тоже слѣдственными арестантами разнаго рода преступленій, но знакомиться здѣсь не съ кѣмъ: всѣ хороши; особенно выдающейся личности здѣсь нѣтъ, и потому перейдемъ въ сосѣднюю камеру, гдѣ недавно произошла небольшая исторія, объясняющая, какими путями попадаютъ въ тюрьму запрещенныя вещи.

Одинъ изъ параграфовъ инструкціи дозволяетъ арестантамъ свиданіе съ родственниками, которые иногда приходятъ только повидаться, т.-е. съ пустыми руками, а чаще приносятъ съ собой цѣлыя наволоки пироговъ, булокъ и прочаго, судя по состоянію. Все съѣдобное передается арестанту, не иначе какъ послѣ осмотра, предупреждающаго передачу чего-либо запрещеннаго; но иногда и сквозь строгій осмотръ, кое-что проскакиваетъ въ руки арестанта. Такъ, въ одномъ изъ кусковъ сига, запеченнаго въ пирогѣ, оказалась записка по дѣлу грабежа; другой разъ, въ фунтѣ варенья изъ брусники и яблоковъ нашли нѣчто тщательно задѣланное въ пузырѣ и похожее на половинку яблока: тамъ оказалась записка, извѣщавшая арестанта, что онъ долженъ говорить

у слѣдователя по дѣлу объ одномъ убійствѣ; въ концѣ переданной арестанту булки домашняго печенья нашли кусочекъ карандаша и два двугривенныхъ. Конечно, получившій такую передачу наказывается тѣмъ, что лишается права на свиданіе съ кѣмъ бы то ни было на весь срокъ заключенія, да и случаи къ тому сократились, потому что городовые настолько изощрились въ осмотрѣ, что подобныя попытки рѣдко удаются. Но, вотъ, оказалась возможность передачи инымъ способомъ и притомъ для болѣе громоздкой начинки, чѣмъ два двугривенныхъ.

Какъ каждое отдѣленіе имѣетъ своего старосту, назначаемаго смотрителемъ изъ лучшихъ людей отдѣленія, точно также и каждая камера имѣетъ въ средѣ своей одного изъ лучшихъ, за старшаго, по выбору приставника отдѣленія. Въ 3-мъ нумерѣ, изъ числа семнадцати человѣкъ, старшимъ былъ нѣкто Прошка, лишенный всѣхъ правъ за грабежъ съ насиліемъ и покушеніе на убійство. Часа въ два ночи, зимой, возвращаясь откуда-то, Прошка нанялъ извозчика съ Сѣнной площади на Петербургскую Сторону. Поѣхали чрезъ Неву, мимо крѣпости. Какъ баринъ неважный, да и одѣтый въ плохой полушубокъ, сѣдокъ пригласилъ извозчика сѣсть рядомъ. На Невѣ, избравъ удобный моментъ, Прошка со всего плеча ударилъ извозчика въ лѣвую сторону груди сапожнымъ ножемъ, совершенно увѣренный въ своей опытности, — въ томъ, что ударъ хорошъ, что извозчикъ и закричать даже не успѣетъ. Цѣль убійцы была такая: переодѣться въ платье извозчика, а его спустить въ прорубь; затѣмъ удрать вмѣстѣ съ лошадью, съ тѣмъ, чтобы потомъ продать и ее, и сани. Но за пазухой у извозчика лежалъ замшевый кошель съ деньгами, между которыми было пятьдесятъ копѣекъ мѣдными пятаками, стараго чекана. Ударъ угодилъ какъ разъ въ средину кошелька и оказался недѣйствительнымъ; только кошелекъ былъ пробитъ, а потомъ, между деньгами, нашелся сломавшійся кончикъ ножа. Извозчикъ оказался сильнѣе сѣдока; сколько хотѣлъ, столько и билъ онъ Прошку, предварительно связавъ ему руки кушакомъ, а затѣмъ привезъ въ петербургскую часть.

Прошка—арестантъ бывалый, парень неглупый, грамотный, ожидавшій вакансіи старосты, расторопный, всегда стоитъ за исполненіе приказаній приставника, указываетъ ему на тѣхъ, кто въ камерѣ дурно себя держитъ; словомъ, это ловкій плутъ, ради собственныхъ выгодъ, и вотъ онъ вызвался быть стражемъ нравственности въ своей камерѣ. Такому старшему, за ревностную службу, приставникъ дѣлаетъ кое-какія неважныя по-

слабленія, и, разумѣется, довѣряетъ ему болѣе, чѣмъ другимъ той же камеры, но въ то же время знаетъ, съ кѣмъ онъ имѣетъ дѣло.

Къ Прошкѣ, аккуратно по воскресеньямъ, на свиданіе приходила родная тетка, по внѣшности—старушка самыхъ безукоризненныхъ правилъ. Между прочимъ, она постоянно приносила племяннику молоко, въ кувшинѣ бѣлой жести, вмѣщавшемъ около двухъ бутылокъ. Молоко—продуктъ безвредный, питательный и потому незапрещенный; кувшинъ этотъ въ одно воскресенье передавался Прошкѣ полнымъ молока, а въ слѣдующее возвращался старушкѣ пустымъ; такимъ образомъ, молоко получалось черезъ воскресенье. Оно могло бы вовсе не передаваться, въ виду неудобства храненія посуды, необязательнаго для приставника; но Прошка—исправный старшій и, быть можетъ, будущій староста; пусть его молоко хлебаетъ, а посудину легко сберечь гдѣнибудь въ уголку подъ лавкой.

Во время свиданій, присутствующій при немъ городовой открывалъ крышку кувшина, пробовалъ, молоко ли это, или что другое, шарилъ затѣмъ по дну кувшина вилкой или ложкой, или просто лучиной, и передавалъ его арестанту. На отдѣленіи молоко расходовалось, кувшинъ выполаскивался и передавался на храненіе приставнику, такъ какъ никакой посуды въ камерѣ имѣть не дозволено, кромѣ баковъ для пищи и деревянныхъ ложекъ. Такимъ образомъ, дѣло шло благополучно около двухъ мѣсяцевъ. Но, вотъ, однажды приставникъ пришелъ въ камеру немного раньше обыкновеннаго, съ тѣмъ, чтобы забрать всякую посуду, съ чѣмъ-либо переданную на свиданіи. Прошки въ камерѣ на этотъ разъ не было: онъ съ помощникомъ приставника пошелъ въ контору для полученія квитанціи въ одномъ рублѣ денегъ, который сдала тетка, для какой-то нужды своего племянника.

Взявъ стоявшій подъ нарой кувшинъ, приставникъ слегка заворчалъ, потому что кувшинъ оказался еще довольно тяжелымъ, а слѣдовательно и неопростаннымъ. Открывъ крышку, чтобы убѣдиться, сколько именно осталось молока, онъ убѣдился только въ томъ, что молока въ кувшинѣ нѣтъ ни капли. Встряхнулъ кувшиномъ разъ, другой—плещется. Что за притча? Снова открылъ крышку, взглянулъ въ нутро; дно кувшина совершенно сухо, а внутри что-то плещется, и таки порядочно.

Когда приставникъ вошелъ въ камеру, арестанты, по-двое, по-трое, бесѣдовали, не стѣсняясь присутствіемъ своего ближайшаго начальства; но какъ только онъ взялся за кувшинъ, встряхнулъ его и открылъ крышку, вдругъ всѣ замерли, кто на полуфразѣ, кто на полусловѣ; настала общая тишина; одинъ началъ

старательно поправлять свои сѣрые штаны; другой принялся счищать рукавомъ какое-то невидимое пятнышко съ полы своего пальтишка; третій сталъ стирать рукой пыль съ подоконника; всѣ вдругъ нашли себѣ какое-нибудь занятіе.

— Вотъ такъ молодцы!—вслухъ подумалъ приставникъ, качая головой и со всѣхъ сторонъ осматривая кувшинъ. Затѣмъ вдругъ, съ азартомъ, онъ обратился уже прямо къ присутствующимъ:—Мошенники! варвары! висѣльники вы этакіе! Такъ вотъ какая посудина завелась у васъ!.. Что же вы молчите, разбойники? А? Языки примерзли къ зубамъ? Или глотку вамъ сатана кулакомъ заткнулъ?.. Такъ вы вотъ какимъ товаромъ промышлять задумали! Что же вы молчите, говорю я вамъ?..

— Да мы-то, Еганъ Астахичъ, чѣмъ-же виноваты: не наша посудина,—отозвался на эти вопросы одинъ изъ храбрѣйшихъ.

— Вы не виноваты?—И Іоганъ Евстафьевичъ еще азартнѣе набросился на этого подавшаго голосъ.—Душегубъ ты этакой! Ты въ тюрьмѣ-то который разъ киснешь? Вѣдь счетъ потерялъ... Развѣ я повѣрю тому, что ты не зналъ этого дѣла? Этакому-то мошеннику повѣрю я? А?.. Говори, разбойникъ, какъ кувшинъ отпирается?

И онъ поднесъ кувшинъ къ самому носу арестанта; тотъ попятился.

— Да крышку-то видите, Еганъ Астахичъ. Почему мнѣ знать. Надо хозяина спросить. Онъ намъ не показывалъ, кромѣ верхней крышки.

— Врешь, воровская душа! Знаешь! Всѣ вы знаете!

— Еганъ Астахичъ,—резонно заговорилъ другой арестантъ:—ежели теперича хотя мы и знали бы, такъ какой слѣдъ соваться намъ въ это. Намъ отъ васъ нѣтъ довѣрія, а онъ здѣсь за старшаго. Мы должны уважать его.

— А! онъ старшій? Онъ старшій воръ и мошенникъ! Онъ для тебя приставника старше? Такъ тебѣ хочется старшаго каналью выгородить? А передъ начальствомъ отвѣчай приставникъ? Тебѣ старшій дорогъ, а до приставника тебѣ дѣла нѣтъ?.. Приставникъ заботится о васъ, а вы что затѣяли?

Залпомъ, безъ передышки, высыпалъ онъ всѣ эти вопросы, потрясая кувшиномъ и грозно наступая на попятившагося арестанта.

— За что же вамъ отвѣчать, Еганъ Астахичъ: кувшинъ пропущенъ на свиданіи. Городовой осматривалъ. Вы не виноваты.

Противъ такого замѣчанія Еганъ Астахичъ не нашелъ возраженія и значительно понизилъ тонъ.

— Мошенникъ ты этакой!.. Какъ не виноваты: на татебномъ завелась такая посудина, и приставникъ этого не знаетъ? И вы тоже про нее не знаете, висѣльники? А?

— Я, по крайности, ничего не знаю, какая она есть.

— Что̀ тутъ съ вами разговаривать!.. Ты! пойдемъ въ контору!—обратился онъ къ тому, который отзывался незнаніемъ, а затѣмъ и къ другому говорившему:—и ты тоже иди! Тамъ разберутъ, кто зналъ, кто не зналъ. Всѣ знаете—всѣмъ и баня будетъ.

Пришли въ контору, гдѣ застали и Прошку, сильно сконфузившагося, какъ только приставникъ, съ улыбочкой, поднесъ къ его лицу кувшинъ и встряхнулъ его.

— Ну-ка, мошенникъ: что̀ тамъ плещется? Молочко не допилъ?

Отвинтили дно кувшина и вылили изъ него цѣлый стаканъ водки. Онъ имѣлъ внутреннее дно и дно-крышку, такъ хорошо закрывавшую отверстіе, что отъ кувшина водкой даже и не пахло. Посудина эта была сдѣлана въ одной извѣстной ламповой мастерской слесаремъ, пріятелемъ и землякомъ Прошки.

Дѣло опрастыванія кувшина велось такимъ образомъ: сперва расходовалось молоко, потомъ наливалась туда вода; а чтобы сполоснуть воду и вылить, владѣлецъ кувшина отправлялся въ отходное мѣсто, гдѣ его или уже ожидали три компаньона, или приходили туда минуты двѣ-три спустя. Кувшинъ общими силами выполаскивался и, затѣмъ, почтительно передавался Егану Астахичу. Все это производилось настолько чисто и ловко, что ни корридорному, ни приставнику не пришло и въ голову заподозрить, что дѣло нечисто. Надобно же было на этотъ разъ Прошкѣ почему-то не допить свою порцію; онъ полагалъ, что успѣетъ сдѣлать это, возвратясь изъ конторы. Онъ бы и успѣлъ, не приди приставникъ за посудиной ранѣе, чѣмъ всегда. Это послѣднее обстоятельство все дѣло испортило.

Послѣдствія разбирательства привели къ слѣдующему: приставникъ Шлейкусъ получилъ фундаментальную головомойку, особенно пришедшуюся ему не по вкусу, потому что во время разбирательства въ конторѣ присутствовали старосты отдѣленій, пришедшіе „сводить повѣрку“, и нѣкоторые изъ приставниковъ; получилъ онъ ее за то, разумѣется, что допустилъ полосканіе посуды не во̀ время и не въ надлежащемъ мѣстѣ; сама по себѣ, такая, оказываемая старшему, льготишка казалась-бы мелочью; что̀ за важность, если въ двѣ недѣли разъ арестантъ выплеснетъ стаканъ воды въ ретирадникъ? Но извѣстно, что и все крупное

состоитъ изъ соединенныхъ мелочей, а потому и отступать отъ правила не слѣдовало даже и одинъ разъ въ двѣ недѣли; что это такъ—фактъ былъ на лицо; еслибы съ перваго же появленія кувшина въ камерѣ, Прошкѣ нельзя было идти выполаскивать его въ ретирадникъ—продѣлка открылась бы съ перваго же раза. Очень больно было старому служакѣ выслушивать выговоръ смотрителя, говорящаго всегда громко, съ чувствомъ, съ толкомъ, съ разстановкой, всегда бьющаго, какъ говорится, не въ бровь, а прямо въ глазъ; но еще больнѣе было ему то, что его, лучшаго, опытнѣйшаго приставника, арестанты такъ ловко провели, сконфузили, одурачили; онъ готовъ былъ изжарить этого плута Прошку, затѣмъ высушить его, истолочь въ порошокъ и, смѣшавъ съ табакомъ, помѣстить въ свою апетитную тавлинку-берестянку и, наконецъ, вынюхать.

Досталось и Прошкѣ: онъ потерялъ всякое довѣріе и изъ старшаго сдѣлался послѣднимъ членомъ своей камеры; утратилъ надежду на возможность когда-либо сдѣлаться старостой отдѣленія; потерялъ право на свиданіе съ теткой впредь до выслуги; навсегда лишался права получать отъ кого бы то ни было какую бы то ни было передачу—даже простую булку; а въ заключеніе, какъ старшій, употребившій во зло довѣріе начальства и злобно воспользовавшійся послабленіемъ приставника, былъ „закупоренъ въ ящикъ“, на большій срокъ, т.-е. на шесть сутокъ. Остальные четверо, участвовавшіе въ выпивкахъ, тоже были наказаны лишеніемъ свиданія на два мѣсяца и на такой же срокъ, разумѣется, права полученія передачи; кромѣ того, они на двое сутокъ составили компанію Прошкѣ въ сосѣднихъ карцерахъ.

Намъ остается познакомиться съ „брилліантами“ татебнаго отдѣленія: староста зоветъ ихъ „патентованными“, а Викулъ Савельевъ—„лучшими изъ лучшихъ“; они занимаютъ послѣднюю камеру отдѣленія,—приставникомъ здѣсь является тотъ же Шлейкусъ, Іоганъ Евстафьевичъ. Это — старый отставной солдатъ, давно уже служитъ въ тюрьмѣ, совершенно доволенъ мѣстомъ, привыкъ и даже полюбилъ свою хлопотливую, тяжелую обязанность. Честный, осторожный, опытный и хитрый, онъ—лучшій изъ приставниковъ; въ виду того, ему и ввѣрено управленіе такимъ арестантскимъ отдѣленіемъ, гдѣ содержащихся не всегда испугаетъ ни карцеръ, ни секретный нумеръ, ни „рукавицы“, но на которыхъ лучше дѣйствуетъ не грубая сила, не страхъ наказанія, а особое искусство. И Шлейкусъ въ этомъ отношеніи

незамѣнимый человѣкъ. Всѣ въ отдѣленіи не только уважаютъ, боятся, но даже и любятъ его. А между тѣмъ ни одинъ изъ приставниковъ не обращается съ арестантами такъ грубо, какъ Шлейкусъ, особенно когда онъ во гнѣвѣ; гнѣвенъ же онъ почти постоянно, по крайней мѣрѣ такимъ кажется; но и самый ярый гнѣвъ его дѣйствуетъ на арестанта иначе, чѣмъ, напримѣръ, гнѣвъ фельдфебеля. Когда онъ очень разсерженъ кѣмъ-либо, то прежде всего раскричится и изругаетъ виновнаго самыми невозможными выраженіями, самою площадною бранью, до того кудрявою и неудобо-выговариваемою, что сами арестанты называютъ ее не иначе, какъ „трехъ-этажною". А кончается всегда тѣмъ, что самый непокорный изъ его питомцевъ замолчитъ и немедленно исполнитъ требуемое. А между тѣмъ Шлейкусъ не дозволяетъ ни малѣйшаго отступленія отъ правилъ, и то-и-дѣло тащитъ кого-нибудь въ контору. Рѣдко, но бываютъ минуты, когда онъ и въ духѣ; тогда грубый, своеобразный юморъ его и комизмъ, которыми онъ унизываетъ всякую рѣчь, даютъ арестанту поводъ и право слегка посмѣяться, но только слегка и отвернувшись въ сторону; иначе Еганъ Астахичъ тотчасъ ощетинится и спроситъ: „чего тебѣ смѣшно?" А затѣмъ непремѣнно отпуститъ какое-нибудь трехъ-этажное словцо.

Откуда же такое уваженіе, покорность, неизмѣнная дружба и пламенная любовь каторжныхъ къ своему строгому тюремщику? Причина очень простая. Чтобы принять изъ кухни обѣдъ для татебнаго отдѣленія, приставникъ никогда не пошлетъ своего помощника, а всегда идетъ самъ, и между прочимъ называетъ это „идти въ походъ противъ воровъ-поваровъ". Тутъ онъ отстаиваетъ каждую капустину, каждый лишній кусочекъ мяса, каждое пятно плавающаго жира; съ поварами онъ точно такъ же, какъ и въ своемъ отдѣленіи, страшно воюетъ и ругается, повара знаютъ характеръ „Егана Астахича"; они называютъ его не въ глаза, конечно, „Чортъ-Иванычемъ" и стараются скорѣй отпустить его— иначе онъ, того и гляди, придерется къ слову и потянетъ повара въ контору; такъ или иначе, а татебное отдѣленіе всегда получитъ обѣдъ и ужинъ хоть на грошъ да жирнѣе, гуще и полнѣе прочихъ отдѣленій; за хлѣбомъ онъ опять-таки всегда идетъ самъ, и ужъ плутъ-вахтеръ не обвѣситъ питомцевъ его ни на одинъ золотникъ; недопеченнаго, подожженнаго или вываленнаго въ золѣ хлѣба ему вахтеръ лучше не давай: облаетъ какъ злая собака и скажетъ: „жри самъ, коли такой принялъ съ пекарни; ты кумъ пекарямъ; дружбу съ ними водишь". Насчетъ кипятку для чаю онъ опять-таки идетъ самолично, всегда угадаетъ

придти первымъ, налить ушатъ полнѣе и принести кипятокъ въ отдѣленіе тщательно закрытымъ и хотя бы на одинъ, на два градуса, но всегда горячѣе прочихъ. И въ этомъ главный секретъ власти, которою пользуется Шлейкусъ на ввѣренномъ ему отдѣленіи.

Тѣ двѣнадцать человѣкъ, которыхъ Шлейкусъ называетъ „бралеянтами“, соединены въ послѣдней, меньшей камерѣ отдѣленія, какъ люди особенно выдѣляющіеся изъ среды товарищей. Но и изъ этихъ замѣтныхъ людей самыми цѣнными камнями онъ считаетъ двоихъ—Нилку и Сашку.

Сашка—казанскій татаринъ, среднихъ лѣтъ, мусульманинъ, принявшій православіе, но, въ сущности, не исповѣдующій никакой религіи, въ чемъ откровенно сознается, говоря товарищамъ: „стара вѣра забывалъ, а новая учиться не доставалъ память“. Это—старожилъ тюремнаго замка; говоритъ, что не можетъ опредѣлить, сколько именно лежитъ на душѣ его тяжкихъ преступленій, не считая безчисленныхъ мелкихъ дѣлъ, а также и того, сколько разъ сиживалъ онъ въ заключеніи по разнымъ тюрьмамъ и острогамъ и гдѣ именно. Не считая проступковъ, не влекущихъ за собою лишенія правъ, онъ, по совокупности преступленій, за грабежи, разбои, побѣги и убійства, еще старымъ судомъ приговоренъ къ пожизненнымъ каторжнымъ работамъ, но почему-то признанъ неспособнымъ къ отбыванію тяжкаго труда и оставленъ на высидку въ замкѣ впредь до перевода въ какую-либо каторжную тюрьму. Онъ проживаетъ въ замкѣ пятый годъ и подсмѣивается надъ прошлымъ, ругаетъ настоящее и надѣется на будущее. Когда его спрашиваютъ, сколько лѣтъ онъ вообще находится въ заключеніи, то отвѣтъ на это у него всегда одинъ и тотъ же, явно умышленный, заученный: „далыжна быть оченна давна“. Да и въ замкѣ онъ уже не первый разъ и старается острить на этотъ счетъ, говоря, что „выжилъ“ здѣсь двухъ смотрителей, а теперь „выживаетъ“ третьяго, откровенно признаваясь въ томъ, что встрѣчалъ въ жизни „многа нэхорошъ началники“, но что хуже настоящаго еще не встрѣчалъ. Говоритъ онъ бойко, хотя и неправильно; любитъ острить, когда видитъ, что съ нимъ бесѣдуютъ, такъ сказать, не оффиціально, а „по-друшеску“, „по-прыятэльску“.

Фигура Сашки небольшая, ниже средняго роста, но крѣпкая, сухая; лицо смуглое, подвижное и рѣзкихъ очертаній; не уродливое, но непріятное, съ отпечаткомъ наглости; нависшія густыя брови, обкусанные маленькіе усы и рѣдкая, козлиная бородка; все это

черно, какъ сажа; злые черные, постоянно движущіеся глаза его смотрятъ какъ-то снизу вверхъ; въ каждомъ движеніи, словѣ, взглядѣ, въ каждой мысли его, кажется, копошится ненависть къ тому, что̀ не по немъ; но у него есть и сила воли: онъ не только сдерживаетъ порывы своего характера, но старается даже не заявить о томъ, что они у него есть — ни словомъ, ни взглядомъ. Еслибы даже не было извѣстно его прошлое въ тюрьмѣ и на волѣ — звѣрская, хищная натура все-таки у него во всемъ проглядываетъ. Товарищи заключенія явно оказываютъ ему уваженіе, даже и теперь, когда всѣ они равноправны и лишены возможности вредить чѣмъ-либо другъ другу. Это — авторитетъ между товарищами, и слово его если и не рѣшающее — вслѣдствіе причинъ извнѣ, — тѣмъ не менѣе, имѣетъ большой вѣсъ въ отдѣленіи, хоть онъ и старается это скрыть отъ нескромныхъ глазъ; а если пользуется собственнымъ вліяніемъ, такъ дѣлаетъ это такъ, чтобы не замѣтили и сами тѣ, кого онъ заставитъ плясать по собственной дудкѣ.

Этотъ-то субъектъ и былъ старостой татебнаго отдѣленія во время прежняго управленія тюрьмой, и стоило не мало труда пріучить его къ новымъ порядкамъ. Не разсуждая о послѣдствіяхъ, онъ затѣялъ поднять на ноги сперва свое отдѣленіе, а затѣмъ и прочія, однимъ словомъ, цѣлую революцію, съ тѣмъ разсчетомъ, что въ тюрьму наѣдетъ начальство, и все кончится тѣмъ, что назначатъ другого смотрителя, т. е. такого, который будетъ держать знамя порядка не такъ высоко, а слѣдовательно, и бунта не вызоветъ. Но онъ ошибся: революціи устроить не удалось, и начальство въ тюрьму не наѣхало. Приставникъ явился съ докладомъ, что староста силой взялъ отъ корридорнаго ключи: какъ ключъ отъ камеръ, такъ и отъ выходной двери изъ корридора на лѣстницу. Тутъ слѣдовало дѣйствовать быстро и рѣшительно. Всякая полумѣра и самое небольшое колебаніе принесли бы страшный вредъ. Вывели въ корридоръ дюжину здоровыхъ солдатъ тюремной команды и часть военнаго караула. Арестанты столпились въ корридорѣ. Имъ приказали разойтись по камерамъ, а старостѣ Сашкѣ остаться въ корридорѣ, предваривъ, что если это не будетъ исполнено тотчасъ же, такъ все отдѣленіе, безъ разбора, будетъ отвѣчать. Послѣ минутнаго колебанія, сперва нѣкоторые, а потомъ и всѣ разбрелись по камерамъ. Но и староста въ корридорѣ не остался, а, напротивъ, первымъ вошелъ въ свою камеру. Потребовали ключи отъ дверей, но онъ отозвался, что положилъ ихъ куда-то, а куда именно — не помнитъ. Тогда снова предложили той камерѣ, гдѣ находился староста, или тотчасъ

сказать, куда спрятаны ключи, и вытолкать старосту изъ камеры въ корридоръ — или камера будетъ наказана вся, безъ отличія правыхъ отъ виновныхъ, т.-е. употребятъ силу, разсадятъ всѣхъ, находившихся въ камерѣ (тогда въ первой камерѣ помѣщалось 20, а на всемъ татебномъ отдѣленіи 74 человѣка), по карцерамъ, а кто будетъ сопротивляться, тому надѣнутъ „рукавицы". Въ камерѣ зашептались, и тутъ же компанія раздѣлилась на-двое: кто за, а кто противъ старосты. Московскій, настоящій староста, только-что переведенный съ 3-го этажа, открыто и громко заявилъ о томъ, что онъ лучше другихъ понялъ, что прошлое тюрьмы миновалось и не вернется, и первый предложилъ старостѣ отдать ключи, лежащіе у него же подъ подстилкой, а затѣмъ убраться вонъ изъ камеры, такъ какъ ей не разсчетъ отвѣчать за его дѣло. „Коли ты заварилъ этакую кашу, — сказалъ онъ, — такъ и ѣшь ее, а мы лучше поѣдимъ гороху, когда на отдѣленіе принесутъ обѣдъ". Многіе поддержали это предложеніе, и все кончилось безъ большого шуму. Ключи были возвращены корридорному, камеры замкнуты, а староста сведенъ въ контору, расписанъ на цѣлой страницѣ штрафного журнала и „закупоренъ въ ящикъ". Тотчасъ сдѣлали обыскъ въ отдѣленіи и нашли: 72 рубля денегъ, девять исправныхъ ножей, двѣ тонкія англійскія пилки, съ дюжину гвоздей разнаго размѣра, связку веревокъ, три долота, нѣсколько ключей разнаго вида и величины, семь колодъ затасканныхъ картъ и цѣлый ворохъ разной мелочи — въ видѣ стаканчиковъ, чашекъ, черепковъ, обломковъ желѣза, пузырьковъ, банокъ, бутылокъ, перьевъ, карандашей, и проч., и проч. Затѣмъ, оказалось что подъ койкою старосты поднимаются двѣ половицы; это была кладовая, въ которой нашли: еще ножъ, которымъ удобно и рѣзать, и колоть, почти новый и отлично отточенный, еще колоду картъ, не сильно затасканныхъ, два небольшихъ кабацкихъ стаканчика, семнадцать рублей денегъ, три бутылки цѣльнаго и одну разведеннаго, приготовленнаго къ употребленію, спирта и, наконецъ, кучу разной дряни. Спиртъ староста получалъ черезъ солдата тюремной команды (онъ отсидѣлъ потомъ шесть сутокъ въ карцерѣ рядомъ съ арестантомъ и съ позоромъ былъ изгнанъ изъ команды), платя ему за трудъ по 50 к. съ бутылки; потомъ онъ разводилъ этотъ спиртъ и въ-три-дорога продавалъ напитокъ желающимъ, конечно, не открыто и по выбору.

Вмѣстѣ съ Сашкой попали въ карцеръ и пятеро другихъ, изъ того же отдѣленія, какъ ревностные пособники по его предпріятію возмутить отдѣленіе.

Въ карцерѣ, въ компаніи пособниковъ и поставщика спирта,

Сашка просидѣлъ какъ слѣдуетъ, ничего новаго не предпринимая, въ томъ ошибочномъ предположеніи, что наказаніе ограничится только высидкою въ карцерѣ. Это съ его стороны было грубой ошибкой: изъ карцера его помѣстили въ нумеръ секретнаго отдѣленія, какъ человѣка, на котораго дѣйствуютъ только мѣры сильныя. Первые дни заточенія, отдѣльно отъ прочихъ, онъ провелъ спокойно, крѣпился, но потомъ узналъ, что срокъ неограниченъ, что въ одиночномъ заключеніи онъ будетъ находиться до тѣхъ поръ, пока не исправится, пока не выдержитъ полнаго и строгаго искуса. Вмѣсто покорности и хотя бы начала исправленія, онъ началъ тѣмъ, что, безъ всякаго повода со стороны приставника, заставлявшаго его выместь полъ нумера, онъ (разумѣется уже выйдя изъ терпѣнія, утративъ всякое самообладаніе) изругалъ его и схватилъ табуретъ; но приставникъ оказался ему не по силамъ и отнялъ табуретъ... За это его снова посадили въ карцеръ, опять на шесть сутокъ. Тутъ онъ окончательно вышелъ изъ себя и принялся ломать дверь карцера, употребивъ, вмѣсто тарана, ночной ушатъ. Пришлось надѣть рукавицы, что разумѣется, не обошлось безъ борьбы и брани. Не вдругъ, но этотъ аппаратъ видимо подѣйствовалъ на буйную натуру. День этотъ онъ все-таки продолжалъ всѣхъ бранить, начиная съ коридорнаго. Принесли снова рукавицы и обѣщали подтянуть ремни еще крѣпче. Выслушалъ—и затихъ. Изъ карцера его опять перевели въ тотъ же секретный нумеръ; но табуретъ и жиденькій столикъ вынесли вонъ, оставивъ ему только кровать съ тюфякомъ. Просидѣвъ двѣ недѣли—вѣроятно. выведенный изъ терпѣнія приставникомъ, требовавшимъ соблюденія чистоты въ нумерѣ, Сашка опять поднялъ знамя бунта: отломилъ отъ своей кровати ножку и замахнулся ею на приставника. Опять посадили на высшій срокъ въ карцеръ и опять надѣли рукавицы. Это подѣйствовало, тѣмъ болѣе, что, возвратясь въ секретный нумеръ, онъ не нашелъ тамъ уже ни кровати, ни тюфяка. Вмѣсто тюфяка, ему принесли съ татебнаго отдѣленія обыкновенную тонкую подстилку и такую же подушку.

Въ секретномъ нумерѣ онъ просидѣлъ четыре мѣсяца и только къ концу третьяго сталъ обращаться къ приставнику съ просьбой, чтобы тотъ доложилъ смотрителю, что онъ, Сашка, „до смэрты соскучилъ“; что съ этихъ поръ онъ даетъ „честна слова“ вести себя смирно; что станетъ не только дѣлать, но и думать такъ, какъ прикажетъ начальство. Просьбу уважили и перевели его на татебное, гдѣ въ четыре мѣсяца измѣнилось очень многое. Старостой былъ Мишка Московскій—антагонистъ и личный врагъ

Сашки. Все отдѣленіе было размѣщено по камерамъ, совсѣмъ не по прежнему. Во вседневную жизнь каждой камеры введена была круговая порука, съ учрежденіемъ избранія одного за старшаго. Всѣ камеры запирались не только на ночь, но и днемъ. А главное—явился новый приставникъ, и всѣ тѣ изъ арестантовъ, которые считались дурно вліяющими на отдѣленіе,—всѣ они были соединены въ одной камерѣ — въ послѣдней, куда помѣстили и Сашку.

— „Лбамъ стэна праламыть нэлза“ —такъ Сашка всегда примазывалъ эту пословицу, почему-либо заявляя Шлейкусу о своей покорности. И дѣйствительно: скоро уже два года, какъ онъ вернулся въ отдѣленіе, а его, какъ говорится, не слышно, не видно; ни въ одномъ, самомъ ничтожномъ, проступкѣ его нельзя уличить; а между тѣмъ вліяніе его на товарищей очевидно, хотя и неуловимо; во всемъ, что противно новымъ порядкамъ тюрьмы, что сколько-нибудь тормазитъ ихъ, во всемъ видно указаніе человѣка осторожнаго, злого и опытнаго; изъ каждаго разбирательства по поводу какого-либо запрещеннаго дѣйствія, въ которое онъ кажется запутаннымъ, онъ выходитъ суше, чѣмъ гусь изъ воды. Во всю свою жизнь не питалъ онъ ни къ кому такого глубокаго чувства ненависти, какое питаетъ къ фельдфебелю и смотрителю. Какъ ревниво ни караулитъ онъ свое сердце, чтобы чувство это не вырвалось какъ-нибудь наружу, но оно все-таки прорывается, вспыхиваетъ, хоть и прячется тотчасъ же, придавленное силой воли.

Какъ-то пришлось мнѣ дѣлать на татебномъ отдѣленіи заурядный двухнедѣльный обыскъ; былъ, какъ всегда, фельдфебель, двое городовыхъ безъ оружія и два опытныхъ солдата тюремной команды. Старательно осматривая имущество Сашки, т.-е. его нару, подстилку, подушку, одѣяло и одежду, фельдфебель привелъ все въ большой безпорядокъ, разумѣется предоставляя потомъ возстановленіе порядка самому арестанту. Сашкѣ это не понравилось.

— „Послѣ ваша обыска нада три дня койка прибирать въ порядкамъ“,—замѣтилъ онъ не громко, но, тѣмъ не менѣе, съ неудовольствіемъ и порывисто надѣвая на себя снятую одежду.

Замѣчаніе Сашки, естественно, вызвало возраженіе Каменскаго.

— Давно ли ты сталъ такимъ бариномъ? Нѣ что и дѣлать тебѣ. Не въ швальню идти.

Надо было видѣть тотъ полный ненависти взглядъ, какимъ сверкнули на фельдфебеля глаза арестанта, а губы его, въ то же

время, старались вытянуться въ улыбку. Еслибы въ эту минуту подъ руку Сашки подвернулся ножъ—едва ли бы онъ не воспользовался случаемъ воткнуть его въ спину ненавистнаго стража. Замѣтивъ, что я внимательно смотрю на него, Сашка махнулъ рукой, улыбнулся поддѣльной улыбкой, почесалъ въ затылкѣ, вздернулъ плечи, растопырилъ руки, закачалъ головой и обратился уже къ своей койкѣ, начавъ ее приводить въ порядокъ.

— „Эхъ—пэрина ты моя, пэрина, дэлана тэбя при Екатэрина. За то ты и мягка, что пухдовая, и цѣна тэбѣ за то сторублевая. Дать бы тэбѣ, пэрина, сэна полкуля, тогда бы ты совсэмъ харѣша была".

— Вотъ, такъ-то лучше; а то ты ужъ и разсердился,— похвалилъ его фельдфебель, нѣсколько скоса, по своему, посматривая на него и, вѣроятно, не понявъ сарказма насчетъ „перины", по виду сдѣланной дѣйствительно не вчера, жесткой и затасканной.—Что же дѣлать, ежели моя такая обязанность, что я долженъ все пересмотрѣть? Будто бы ты такъ уже и не понимаешь, что я не по своей охотѣ пришелъ рыться въ потрохахъ-то въ этихъ.

Это нравоученіе Сашка не удостоилъ даже и отвѣта, прибирая свою койку; онъ только ниже наклонилъ голову и помолчалъ съ минуту; затѣмъ снова выпрямился и обратился ко мнѣ; на лицѣ его уже нельзя было поймать теперь и тѣни чувства ненависти, подавленной волей.

— „Ваша благородья: прикажитэ гаспадынъ фирфебэлъ выдавать паболше сэна на татебная; а то бѣдны каторжны на бока будутъ доставать мазоли".

— Это, братецъ, дѣло не наше, — отшутился я:—попроси Николая Ивановича.

— „Миколай Иваныча нэ дастъ: его эта нэ выгодна. Онъ эта сэна лучше будэтъ дать на мэста капуста въ арестански щи. На то онъ есть экономa наша".

Арестанты засмѣялись на эту остроту насчетъ экономa. Повеселѣлъ какъ будто и самъ Сашка. Теперь онъ совершенно овладѣлъ собой, какъ хорошій актеръ, умѣющій въ нужную минуту мѣнять свою внѣшность. Ненависть къ смотрителю, автору этихъ обысковъ, и къ фельдфебелю, всегда присутствующему на нихъ, съ охотой обшаривающему всѣ завѣтные уголки каждой камеры,—теперь эта ненависть улеглась на днѣ его озлобленнаго сердца.

Вторымъ по списку 4-го нумера состоитъ Нилка. Онъ цѣлой головой, во всѣхъ отношеніяхъ, выше и Сашки, и всей камеры; но, какъ я уже сказалъ, за первенствомъ онъ не гонится, уступая его Сашкѣ, хотя и самъ Сашка, и вся камера, все-таки считаютъ его старшимъ членомъ каторжной братіи и всегда готовы посторониться передъ нимъ и уступить ему въ камерѣ первое мѣсто, поближе къ печи, а въ общей чашѣ – первую ложку щей. Въ глаза всѣ они величаютъ его не иначе, какъ Нилъ Федорычъ, а заглазно зовутъ сокращенно: Нилка. Это—арестантъ каторжнаго разряда, какъ и Сашка; но теперь онъ—каторжникъ-дезертиръ, за что судился и приговоренъ, предварительно высылки на прежнее мѣсто, къ наказанію плетьми въ стѣнахъ тюрьмы. Онъ нѣсколько походитъ на Сашку по своей внѣшности. Такой же смуглый и черноволосый, съ легкой просѣдью; такая же черная бородка, такіе же черные жгучіе глаза; но ростомъ онъ выше и крѣпче сложенъ, осанистѣе Сашки; при случаѣ, еслибы понадобилось, онъ легко справится съ тремя Сашками;—смотритъ онъ тоже люто, звѣремъ, но высшаго сорта, съ оттѣнкомъ того, что граничитъ съ величавостью, безъ примѣси во взглядѣ кошачьей натуры, что есть у Сашки: онъ никогда не смѣется громко, даже улыбается рѣдко и какъ-то по своему, какъ будто искусственно; большею частью серьезенъ, сосредоточенъ, и если смотритъ на того, съ кѣмъ говоритъ, такъ прямо, въ упоръ, и первымъ не опуститъ глазъ; говоритъ неохотно, не торопясь, какъ Сашка, и каждое слово выговариваетъ отчетливо, вѣско; а когда захочетъ придать фразѣ насмѣшливый, презрительный оттѣнокъ, то нѣсколько скривитъ ротъ налѣво и прищуритъ лѣвый глазъ. Если Сашка можетъ скрывать то, что у него на душѣ, и хорошо притворяется, то второй не владѣетъ и половиной его самообладанія; онъ весь на лицо. Нилка лѣтъ на десять старше Сашки; его прошлое „солиднѣе“, т.-е. крупнѣе и мрачнѣе; онъ уже разъ вынесъ тяжкое тѣлесное наказаніе и ждетъ новаго, не жалуясь на судьбу, не прося пощады, а стараясь „не думать о томъ, что ему предстоитъ“. Онъ два раза прошелъ Сибирь изъ конца въ конецъ. Правила жизни вообще и логика преступленій у него совсѣмъ иныя; безъ нужды онъ не станетъ ни грабить, ни убивать, и на какомъ-нибудь мелкомъ воровствѣ или мошенничествѣ не будетъ и „рукъ марать“; онъ говоритъ, что „если брать грѣхъ на душу, такъ было бы изъ-за чего, а на пустякахъ только и всего, что скорѣй попадешься“. Въ камерѣ его не столько любятъ, сколько уважаютъ и боятся, какъ человѣка который ни надъ чѣмъ не задумается, котораго ничто не обуздаетъ, не остановитъ, если

только его, какъ говорится, задѣть за живое, что̀ однажды и случилось по поводу разлада между нимъ и Сашкой. Дѣло произошло изъ-за новой подушки, которую приставникъ далъ въ камеру, вмѣсто ветхой, не принадлежавшей никому. Кто-то предложилъ ее Нилкѣ, какъ почетному члену камеры, но Сашка почему-то задумалъ отстоять ее для себя и, погорячась, сказалъ по адресу Нилки какую-то грубость. Нилкѣ это не понравилось; онъ вырвалъ подушку, уже положенную Сашкой подъ голову, и передалъ ее самому послѣднему и слабѣйшему изъ „бриллiантовъ“ камеры; вотъ-молъ если такъ—не мнѣ ежели, такъ и не тебѣ, а пусть тому, кто не стоитъ насъ; затѣмъ, чтобы вразумить Сашку, онъ сказалъ ему коротко и ясно: „если ты еще разъ позволишь себѣ подобную грубость, такъ я изъ тебя, Александра, сдѣлаю съ костями мѣшокъ“. Такое предупрежденіе онъ подкрѣпилъ только однимъ взглядомъ, но такимъ, что Сашка, несмотря на свои многочисленныя доблести, призналъ за лучшее уступить и даже ничего ему не отвѣтилъ. И подушка такъ и осталась во владѣніи того, кому ее отдали.

Со дня на день Нилка ждетъ исполненія надъ нимъ приговора суда за побѣгъ изъ Сибири и убійство товарища за доносъ на него. Ему извѣстно и то, что исполненіе приговора произойдетъ здѣсь, въ тюремной банѣ, и будетъ поручено смотрителю; онъ понимаетъ, что если смотритель захочетъ сказать палачу два-три слова, такъ тотъ пожалѣетъ уже изуродованную спину его и „будетъ бить въ полъ-удара“. Но просить смотрителя о томъ, чтобы тотъ устроилъ наказаніе полегче, не жестокое, не во всю, онъ просить объ этомъ не станетъ.

Не очень глубоко, но мнѣ удалось заглянуть въ прошлое этого „бриллiанта“. Его многолѣтнія похожденія — это цѣлая эпопея, мрачная, полная страданій, ужаса и крови. Если вѣрить ему на слово (я не вижу цѣли для него хвастать своимъ прошлымъ, тѣмъ болѣе, что онъ весьма неохотно о немъ разсказываетъ), то изъ его разсказовъ видно, что онъ не одинъ разъ порывался вернуться къ честному труду, не одинъ разъ пробовалъ становиться на болѣе свѣтлую дорогу жизни, но судьба постоянно, упорно толкала его на путь преступленія. И вотъ, изъ него вышелъ звѣрь, израненный нравственно и физически, озлобленный на все живое—звѣрь, доведенный до отчаянія, котораго уже едва ли возможно чѣмъ-либо исправить...

Вмѣстѣ съ Нилкой и Сашкой помѣщается еще парень лѣтъ тридцати, съ наглою, отталкивающею физіономіей; полное имя

его Иванъ Александровъ Богдановъ, а въ тюрьмѣ—Богдашка; на лицѣ у него точно написано, что онъ носитъ въ себѣ всѣ человѣческіе пороки; это—и воръ, и грабитель, и убійца— все, что угодно; но сравнивать его съ Сашкой, а тѣмъ болѣе съ Нилкой, никакъ нельзя. Онъ готовъ совершить какую угодно мерзость, хотя бы безъ всякой пользы для себя, подъ вліяніемъ перваго впечатлѣнія, не соображая ни послѣдствій, ни цѣли; онъ всегда готовъ отнять жизнь у кого бы то ни было, и не ради какой-либо нужды, не питая къ человѣку ни малѣйшей ненависти, а просто изъ дикаго удовольствія сдѣлать зло, изъ хвастовства и желанія доказать, какъ это для него нетрудно. Характера онъ самаго безпокойнаго, подходящаго болѣе къ какому-нибудь развращенному „малолѣтку-прачкѣ“; причина къ ссорѣ съ товарищемъ, съ сосѣдомъ по койкѣ, найдется у него почти всегда, и всегда есть у него желаніе устроить что-либо нарушающее тишину, или натравить на это дурака-товарища. При всемъ этомъ, всякаго физическаго страданія онъ очень боится; ни къ чему не выносливъ; карцера не любитъ, а въ штрафномъ журналѣ имя его попадается чуть не на каждой страницѣ, и въ карцерѣ сидѣлъ онъ много разъ; знаетъ, что значитъ „надѣть рукавицы“, и раза два побывалъ въ секретномъ нумерѣ. Его понятія о грѣхѣ убійства основаны на томъ, что на войнѣ-де, кто побиваетъ большее число враговъ, тотъ и молодецъ; такое убѣжденіе онъ заимствовалъ, какъ говоритъ, отъ какого-то „барина“, сидѣвшаго съ нимъ въ одной изъ провинціальныхъ тюремъ. Еслибы ему дать волю, такъ онъ, пожалуй, былъ бы не прочь перебить чуть не всю тюрьму, начавъ съ татебнаго отдѣленія; нѣчто въ этомъ родѣ онъ даже высказалъ однажды товарищамъ заключенія, и за такую откровенность получилъ должное возмездіе. Вотъ какъ это случилось.

Однажды, въ урочное время, татебное отдѣленіе вышло на прогулку въ свой садикъ; кто прохаживался изъ угла въ уголъ, кто сидѣлъ на устроенныхъ для того скамьяхъ; бесѣда была почти общая, потому что садикъ невеликъ — всѣ въ кучкѣ. Богдашка что-то объяснялъ, сидя между старостой и Викуломъ. Старостѣ, должно быть, наскучило слушать, по обыкновенію, вранье разсказчика; онъ махнулъ рукой, всталъ, плюнулъ и отошелъ прочь. Послушавъ еще нѣсколько, оставшійся на мѣстѣ Викулъ Савельевъ закачалъ головой, какъ бы въ знакъ осужденія, потрепалъ Богданова по спинѣ и сказалъ ему въ назиданіе:

— Ну, Богдаша,—будетъ: ужъ очень заврался ты. Раскинь умишкомъ-то, такъ и самъ поймешь, что зарапортовался. Это,

братецъ ты мой, называется—забраться въ чужой лѣсъ и пороть дичь нестрѣляную.

— Кто? я? Я заврался?—горячился Богдановъ.

— Говорю понятно—ты самый,—улыбаясь, продолжалъ Викулъ Савельевъ:—врешь не хуже мерина.

— Это такъ по твоему?

— Да и по твоему будетъ такъ же, коли малость поразмыслишь.

— Да ты пойми хорошенько!

— Давно я все понялъ, а потому одно я тебѣ посовѣтую: не чеши языкъ на свою шею. Вѣдь ужъ совсѣмъ говоришь не дѣло, да еще при всей честной компаніи. Вѣдь ужъ достается тебѣ за такія непотребныя словеса. И опять достанется. Долго ли до грѣха: приставникъ услышитъ — сразу испечешься. Охота тебѣ.

Недалеко отъ нихъ сидѣлъ Сашка, внимательно слушавшій и кусавшій ногти (это его любимое занятіе); онъ изрѣдка посматривалъ на говорившихъ, покачивалъ головой и зло улыбался. Рядомъ сидѣлъ Ба—въ (тотъ самый, который ушелъ изъ замка, переодѣвшись въ комнатѣ свиданій) и тоже слушалъ. Но къ концу рѣчи Викула Савельева онъ всталъ и осторожно выглянулъ въ калитку изъ садика на тюремный дворъ.

Приставникъ, когда арестанты внѣ отдѣленія, обязанъ находиться вмѣстѣ съ ними; но въ настоящемъ случаѣ онъ нѣсколько отступилъ отъ правила, и, отворивъ калитку настежъ, отошелъ по двору шаговъ десять и остановился поговорить съ дежурнымъ городовымъ. Пользуясь отсутствіемъ надзора, Ба—въ вышелъ на средину садика и, обращаясь ко всѣмъ, предложилъ вопросъ, но не настолько громко, чтобы его могъ слышать приставникъ:

— Господа (иначе онъ не выражается), кому изъ васъ наскучила каторжная жизнь? Кто желаетъ умереть—сердито и дешево—за одинъ полтинникъ? – Въ отвѣтъ ему послѣдовалъ сдержанный смѣхъ; онъ продолжалъ:—вотъ Богдаша услужитъ желающему: берется убить любого изъ насъ, безъ всякихъ мученій, съ одного удара и за-дешево. У кого чешется високъ и полтинникъ?

— Онъ шутилъ малэнька за то, что давна въ карцыръ нэ бывалъ,—вставилъ словцо Сашка, отрываясь отъ занятія.

— Вовсе не шутилъ,—возражалъ увлекшійся Богдановъ:—сейчасъ же выцарапаю за калиткой камень—и прямо въ високъ, и духъ вонъ. Ты желаешь—такъ тебя и кого угодно.

— Эка врать здоровъ, тьфу!—сплюнулъ Викулъ Савельевъ.

Уймись, говорю — здоровѣе будешь. Пошутилъ на грошъ — и будетъ съ тебя.

— А я тебѣ говорю, что я не шучу!—вскипѣлъ Богдановъ.— Есть полтинникъ? Тебѣ хочется?

— Поди къ лѣшему!.. Уйти отъ грѣха, а то въ самомъ дѣлѣ убьетъ.— Сказавъ это, Викулъ всталъ, перешелъ на другую сторону садика и уже дорогой кивнулъ головой на Ба—ва:— вотъ, убивай лучше того, если по силамъ придется. Онъ тебѣ, сѣрому, покажетъ, какъ надобно обращаться съ благородіемъ. Скулы-то у тебя чешутся, надо полагать.

— Богдаша, меня не убивай!—отозвался Ба—въ:—мнѣ еще рано умирать. У меня еще завѣщаніе не написано.—Богдановъ подвинулся къ нему шага на два ближе, но Ба—въ замахалъ руками и продолжалъ со смѣхомъ:—лучше не подходи! Я тебя боюсь, и, пожалуй, со страху башку переверну тебѣ рыломъ на спину.

— Богданъ, вотъ что,—заговорилъ Сашка:—давай честна слова; а безъ того тэбѣ нэлза вѣрить.

— Вотъ тебѣ моя правая рука и честное слово: какъ говорю, такъ и сдѣлаю.— Богдановъ подошелъ къ Сашкѣ и протянулъ ему руку. Тотъ взялъ ее, подержалъ, посмотрѣлъ на всѣхъ, какъ бы призывая ихъ въ свидѣтели, и предложилъ Богданову—своимъ рѣзкимъ, смѣющимся баскомъ—убить Нилку.

— Въ самомъ дѣлѣ, Богдаша: катай въ високъ Нила Ѳедорыча!—обрадовался Ба—въ.—Тогда, братецъ, будешь первый человѣкъ.

Богдановъ понялъ, что попался на удочку; но отступать не хотѣлось, въ виду всѣхъ, явно ожидавшихъ, чѣмъ онъ порѣшитъ. И онъ порѣшилъ тѣмъ, что зацѣпилъ Нила.

— А что же ты думаешь? Рука что-ли не поднимется у меня хотя-бы и на Нила Ѳедорыча? Развѣ онъ не такой же каторжникъ, какъ и мы съ тобой?

— Такой-то онъ такой, и даже нѣсколько хуже насъ съ тобой,—не утерпѣлъ подзадорить его Викулъ Савельевъ,—а только, Богдаша, думается мнѣ, что у него височная кость крѣпковата оченно. А ну, какъ ты не пробьешь ее, да камень-то отскочитъ тебѣ же въ глупый лобъ? Что тогда-то будетъ? Поранишь, а не убьешь?

Слышалъ и Нилка похвальбу Богданова, и только изрѣдка покачивалъ головой и улыбался, по обыкновенію, одной стороной лица. Но когда, отвѣчая Сашкѣ, Богдановъ пренебрежительно отнесся и къ его почтенной особѣ—онъ вдругъ сдвинулъ брови,

немного выпрямился и хмуро уставилъ на хвастуна свои черные глаза. Всѣ это замѣтили, и кто захихикалъ, кто неодобрительно закачалъ головой, нѣкоторые зашептались—всѣ ожидали спектакля. Но спектакль вышелъ совсѣмъ иной: небольшая калитка вдругъ вся заслонилась здоровенной фигурой фельдфебеля. Бывшая въ садикѣ „честная компанія“ вдругъ притихла—точно кто-нибудь всѣмъ имъ въ одинъ пріемъ зажалъ рты; Богдановъ нашелъ нужнымъ почему-то закашляться, хотя кашлемъ вовсе не страдалъ; а фельдфебель, какъ нарочно, на него-то именно и уставилъ свои сѣрые глаза. Проходя случайно за заборомъ, отдѣляющимъ садикъ отъ двора, и слыша разговоръ, онъ, разумѣется, заинтересовался, приложилъ чуткое ухо къ щели между досками, а затѣмъ, не проронивъ ни одного слова изъ сказаннаго Богдановымъ и другими, какъ разъ во-время явился въ калиткѣ.

— И что же это ты, Богдановъ, толкуешь опять?—заговорилъ онъ своимъ тихимъ, сиповатымъ голосомъ.—Сколько разъ тебѣ доставалось за твои пустые разговоры—и все тебѣ мало. Удивляться надо: что это тебѣ, братецъ, за охота дѣлать вредъ самому себѣ?

— Что опять, Богдашка? Что онъ опять выдумалъ?—какъ ястребъ, налетѣлъ на Богданова приставникъ, замѣтя фельдфебеля, вошедшаго въ садикъ.

— Онъ собирается выцарапать изъ мостовой камень да берется убить имъ кого угодно. Да еще не даромъ: ты же ему и полтинникъ заплати за то.

Сильно вспылилъ старикъ Шлейкусъ,—даже поблѣднѣлъ. Въ негодованіи на Богданова и на самого себя за то, что прозѣвалъ фельдфебеля, онъ махнулъ себя по лысинѣ, торопливо сунулъ въ носъ только-что взятую щепоть табаку, щелкнулъ пальцами, какъ это дѣлаютъ всѣ нюхальщики, тиснулъ берестянку свою за бортъ пальто и, какъ ястребъ на растерявшуюся курицу, бросился на Богданова.

— Ты опять за то же? Опять убить хочешь? А? Меня что-ли? Да? Камень выцарапать? Камнемъ меня хочешь? Что я тебѣ сдѣлалъ? За что ты меня?... Дай-ка, я тебя самого лучше отсюдова выцарапаю!

Ухватилъ онъ Богданова, совсѣмъ струсившаго, за рукавъ пальто—да, должно быть, прихватилъ рубашку и кожу, потому что Богдановъ охнулъ отъ боли и поморщился—и почти бѣгомъ потащилъ его за собой по садику, потомъ по двору, въ контору. Отдѣленіе негромко засмѣялось надъ несчастіемъ товарища, кромѣ Нилки, не находившаго во всемъ этомъ ничего смѣшного,

да Сашки, злобно исподлобья метавшаго молніи на виновника происшедшаго, на фельдфебеля.

— Еганъ Астахичъ, вѣдь я пошутилъ. Господинъ фельдфебель не разслышали. Ей Богу, я въ шутку!—взмолился Богдановъ, стараясь [illegible] отъ приставника.

Но

Богданова записали въ штрафной журналъ и посадили въ карцеръ. Смотритель густо намылилъ лысину Шлейкуса; „попало отъ него на чай“ (какъ говоритъ Викулъ) и старостѣ, а Сашкѣ пригрозилъ онъ секретнымъ нумеромъ, за то, что онъ натравилъ дурака на Нилку; досталось и Нилкѣ, ни въ чемъ неповинному, за то, что онъ не осадилъ Богданова въ началѣ его дикаго бахвальства. Ба—ва чуть-чуть не посадили въ карцеръ, такъ какъ изъ-за него именно и вышла вся эта исторія. И вотъ, чтобы хотя сколько-нибудь отбить у Богданова охоту заводить исторіи, чтобы показать и начальству, что камера не на сторонѣ Богданова—она рѣшила единогласно, на общемъ совѣтѣ, угостить его еще отъ себя за дурное поведеніе.

Когда, чрезъ трое сутокъ, Богдановъ вернулся въ камеру,—онъ тотчасъ понялъ, что непріятность для него не кончилась. Но разсчетъ его—совершенно правильный и вѣрный разсчетъ: онъ знаетъ настоящую цѣну своихъ дѣйствій. Всѣ эти мелкія поблажки, эту чашку какихъ-нибудь щей арестантъ ставитъ выше всякихъ угрозъ приставника, выше всякаго требованія его, основаннаго только на приказаніи начальства. Арестанту не надобно растолковывать того, что приставникъ дѣлаетъ эти поблажки скрытно не только отъ смотрителя, но и отъ фельдфебеля. Такъ или иначе, а изъ этихъ дѣйствій его на пользу питомцевъ истекаетъ именно та покорность ихъ, съ которою они выслушиваютъ его грубыя замѣчанія и самую брань и, наконецъ, торопятся исполнить всякое его требованіе.

— На, животина скверная, тискай въ глотку-то, пока не простыло!—сказалъ Шлейкусъ съ напускной сердитостью, бережно, чтобы не разлить, ставя на подоконникъ полную чашку щей. Стола въ этой камерѣ нѣтъ, какъ потому, что и безъ него тутъ немного свободнаго мѣста, такъ и съ тою цѣлью, чтобы, при случаѣ, онъ не былъ рознятъ на части, какъ оружіе въ чьей-либо рукѣ.—Тискай, да помни: я за тебя выговоръ получилъ отъ смотрителя. Тебѣ бы не щей, а языкъ отрѣзать, чтобъ онъ не болталъ.

— Съ вами, Еганъ Астахичъ, пошутить нельзя, — тономъ

укоризны отвѣчалъ Богдановъ: — вы все сейчасъ въ сурьёзъ примете.

— Это самое и есть: не шути. Вотъ тебѣ и шутка: три дня тебѣ въ „карцырѣ", а приставнику нахлобучка, да и всѣмъ попало за то, что тебѣ не заткнули глотку. Какая же это шутка: убить человѣка! Ты выхлебай щи-то, да и пошути: этой же чашкой, за спасибо-то, и убей меня. Ну-ка, попробуй, такъ я тебѣ скулы-то поправлю. Мразь ты этакая, а не каторжникъ. Тьфу! вотъ ты для меня что. Видывалъ я этакихъ на своемъ вѣку. И вѣдь выдумалъ же убивать кого: Нилку. Ну, гдѣ же ему справиться съ тобой, силачемъ. Ты не такъ, Богдашка: когда опять задумаешь убивать кого, такъ ты Нилку не трогай, и Сашку не тронь; ты схватись лучше, вонъ, съ „мухоѣданиномъ".—И Шлейкусь закивалъ на горца огромнаго роста и съ звѣрской физіономіей, бывшаго нукера Шамиля.—Сунься на него, такъ онъ тебѣ скоро растолкуетъ, какъ тамъ у нихъ на „Кавказѣ секимъ башка дѣлали".—Онъ помолчалъ немного и закончилъ свою приправу къ обѣду приказаніемъ:—Въ камерѣ не смѣй чашку оставлять! Она каменная, коли не ослѣпъ ты. Опростаешь, такъ сейчасъ отдай корридорному—онъ ко мнѣ снесетъ.

Въ продолженіе этой рѣчи онъ успѣлъ два раза понюхать табаку; теперь снова вытащилъ берестянку, круто повернулся и вышелъ изъ камеры. Онъ потому отдалъ приказъ насчетъ чашки, что она была обыкновенная глиняная, а не деревянный бачокъ, въ которомъ трудно было бы сохранить щи теплыми; а именно объ этомъ и думалъ онъ, нарушая правило: употреблять въ арестантскихъ помѣщеніяхъ посуду исключительно деревянную.

— Вотъ оно, братцы, житье арестантское!—весело заговорилъ Богдановъ, опростав чашку до-чиста и передавъ ее корридорному:—промаялся ты три дня въ ящикѣ, ошельмовали тебя за какую-нибудь пустяковину, а ты не моги и слова сказать плѣшатому чорту. Задабриваетъ: теплыхъ щей принесъ!.. Холодновато нынче какъ-то въ ящикѣ. Подлецы, не топятъ; экономъ радъ, что лишнее полѣно въ карманъ попадетъ ему, а арестантъ мерзни. Стоило бы Егашкѣ за эти щи наплевать на лысину, да рука на стараго чорта не поднимется: человѣкъ хорошій, хотя и подлецъ преестественный.

Нилка сталъ у двери и прислушивался къ шагамъ уходившаго корридорнаго, а затѣмъ вдругъ подошелъ къ Богданову и молча уставилъ на него свои черные глаза. Тотъ какъ будто сконфузился, попробовалъ улыбнуться—но улыбка не вышла; онъ тотчасъ смекнулъ, почему Нилка смотритъ на него такъ нехо-

рошо. Они—старые знакомые: лѣтъ пять тому назадъ, оба они сидѣли въ московской тюрьмѣ, гдѣ, за какое-то оскорбленіе, Нилка едва не вывихнулъ ему руку и сильно помялъ.

— Ты, Богдановъ, помнишь, какъ я училъ тебя, чтобы ты не задѣвалъ тѣхъ, кто тебѣ не по масти?—спросилъ Нилка, повидимому безъ особенной надобности поймавъ его за кисть правой руки. Богдановъ побѣднѣлъ и опять съ неудавшейся улыбкой отвѣтилъ ему:

— Что-жъ, Нилъ Ѳедорычъ, неужто съ тобой по-товарищески пошутить нельзя? Я тебя вовсе не хотѣлъ обиждать.

— И тогда я тебѣ толковалъ про это же самое, и ты долженъ помнить: я товарищъ всей камерѣ нашей, всему обчеству! Мы здѣсь промежду себя всѣ товарищи—это справедливо. А по разницѣ ежели—не товарищъ я тебѣ, ни другъ, ни пріятель, и никакихъ дѣловъ съ тобой не хочу имѣть; такъ тебѣ и сказано было, потому что ты есть дрянь-человѣкъ. Я тебя николи не трогаю, ни единымъ словомъ, а ты опять-таки зацѣпилъ меня. Захотѣлъ ты меня убить какъ собаку. Да и за полтину. Будто ужъ моя голова не стоитъ дороже?

— Да этого и говорено не было,—попробовалъ Богдановъ увильнуть.

— Подожди, не виляй хвостомъ: это самое сказано было, хотя и обинякомъ. Я понимаю разговоръ-то не хуже тебя. Да мало этого: и приставнику за тебя досталось, и старостѣ попало, и мнѣ, а вонъ Александру смотритель съѣсть хотѣлъ живьемъ, всѣмъ холоду нагналъ за твое бахвальство, всей камерѣ изъ-за тебя показалъ кулакъ.

— Полно, Нилъ Ѳедорычъ: говорю же вѣдь въ шутку я.

— Нѣтъ, не полно. Шутки твои мнѣ совсѣмъ не по ндраву, а особливо теперича; не сегодня, завтра, придется мнѣ на кобылѣ отшучиваться подъ Васькиной плетью, такъ ужъ твоя-то шутка не къ слову пришлась.

— Ну что-жъ: я винюсь, коли вы обиждаетесь.

— Этого мало, что винишься ты. Всей камерѣ попало за твою вину, и вотъ, выходитъ, что подъ судъ тебя отдать надобно.

— Ну что-жъ, и судите,—согласился Богдановъ, попробовавъ освободить руку, сидѣвшую какъ въ клещахъ.

— И хотя ты,—продолжалъ Нилка,—при всей компаніи далъ честное твое слово убить собственно меня, а присудили твоей милости вотъ какое рѣшенье: ежели ты слово далъ—такъ ты долженъ исполнить его. Какъ только пойдемъ въ садъ—ты

доставай камень, какъ знаешь, и въ високъ меня, чтобы сразу духъ вонъ. Это тебѣ и есть справедливый судъ и приговоръ.

— Что-жъ это, братцы,—съ укоризною произнесъ Богдановъ:—я только-что изъ ящика вылѣзъ, а, по вашему суду, опять стало быть, долженъ туда лѣзть?

— Это дѣло твое,—отвѣчалъ ему за всѣхъ Нилка:—коли слово сказалъ—исполни его.

— Да руку-то хотя отпустите! Я не воръ, изъ окна не выпрыгну.

— А коли не выпрыгнешь, такъ не бойся за руку: при тебѣ останется. Не торопись, дознай до конца.—Нилка еще крѣпче зажалъ кисть руки, какъ бы предупреждая Богданова, что во всемъ сказанномъ нѣтъ и тѣни шутки.—Ежели достанешь ты камень—полное тебѣ уваженіе будетъ, отъ меня отъ перваго, и почетъ тебѣ отъ обчества. Значитъ, ты человѣкъ надежный. Слова тебѣ не скажу за то, что ты меня пріобидѣлъ малость. Пользуйся ты этимъ каменемъ себѣ на здоровье. Ну, а ужъ високъ-то, не прогнѣвайся, я тебѣ подставлять не стану: цѣнишь дешево. Развѣ, вотъ, Александра, что ускалъ тебя, можетъ, онъ и за полтину сойдется съ тобой. А ежели ты камень не добудешь,—резонисто досказывалъ Нилка,—тогда долженъ ты принять наказаніе за твое язычество. Долженъ ты недѣлю убирать всѣ койки въ этой самой камерѣ; долженъ ты полъ въ ней подметать и приносить и выносить парашку. Такъ тебѣ присудило обчество. Или камень добудь, или отработай недѣлю. Идетъ, что ли?

Богдановъ давно понялъ, съ какой цѣлью живыя клещи держатъ его руку. Откажись онъ отъ исполненія приговора камеры, Нилка тотчасъ станетъ закручивать руку, какъ веревку, какъ онъ продѣлалъ это въ московской тюрьмѣ. Если закричать, чтобы услышалъ корридорный, шаги котораго слышатся въ другомъ концѣ корридора—это большой рискъ и совсѣмъ не вѣрный. Нилка—человѣкъ рѣшительный и шутить не любитъ; пока корридорный прибѣжитъ на крикъ, да, пожалуй, захочетъ прежде вызвать въ корридоръ приставника изъ его коморки, до тѣхъ поръ Нилка успѣетъ десять разъ вывихнуть Богданову плечевой суставъ. Товарищи сердито помалчиваютъ; стало-быть у нихъ такъ уговорено, и они не заступятся. А Нилка—ежели онъ вывернетъ кому-нибудь и обѣ руки, такъ ему терять нечего; къ ожидаемой экзекуціи плетьми ему не прибавятъ ни одного лишняго удара, а только и всего, что посадятъ въ карцеръ, да предадутъ суду. А что ему судъ? Онъ теперь суда не боится. Не

повѣсятъ же его за вывихъ руки. Никоимъ образомъ отъ него теперь не отдѣлаться...

Такъ теперь думалось Богданову, знавшему, что ежели очень расшевелить Нилку, такъ онъ свое сдѣлаетъ: онъ не станетъ разсказывать, что, вотъ-де, мнѣ нипочемъ убить человѣка, да и камня не станетъ подыскивать; онъ просто раскроитъ обидчику голову первымъ тяжелымъ предметомъ, попавшимся подъ руку, а ежели нѣтъ такового, какъ, напримѣръ, теперь, такъ—безъ дальнихъ разговоровъ—объ стѣну, о ребро вотъ этого подоконника или объ уголъ нары. Блѣдный, какъ отъ страха, такъ и отъ безсильной злобы и отъ сознанія своего ничтожества, не глядя на Нилку, но чувствуя на себѣ его мрачный взглядъ, только одну-двѣ секунды подумалъ Богдановъ и рѣшилъ:

— Ладно, Нилъ Ѳедорычъ: будь по твоему, коли говоришь, что такъ камера рѣшила. Противу всѣхъ гдѣ же мнѣ перечить.

— Любезное дѣло и справедливо,—сказалъ Нилка, выпуская руку.—Не токмо, что тебѣ, молодому парню, а и намъ, старикамъ, противу обчества перечить не слѣдъ. Твое одно дѣло: выбирай любое, что тебѣ по силѣ, по ндраву: или слово свое выполни, или отработай. Самъ знаешь: мірской приговоръ—святое дѣло, и всякое даже начальство его уважаетъ. А коли не вѣришь, что это не отъ меня, а такъ міръ рѣшилъ—воленъ ты спросить теперь же у всѣхъ и у каждаго. Мое дѣло тутъ небольшое: я только истецъ на тебя, да за одно и прокурорскую должность на меня свалилъ опять-таки міръ.

— Я первый свидѣтельствую, что таково рѣшеніе камеры,—подалъ голосъ Ба—въ. Прочіе, слегка загалдѣвъ, тотчасъ поддержали, что дѣйствительно таковъ общій приговоръ.

— Ну что жъ, выбирай,—сказалъ Сашка.

— Это не твое дѣло, а мое. Ты себя знай, а мнѣ не указывай. Я тебѣ не „прачка“ достался. И знать тебя не хочу, и отвѣчать тебѣ не обязанъ я, какъ судьѣ какому!—огрызнулся Богдановъ, почувствовавъ, что теперь опасность прошла, и потому можно похрабриться. Онъ рѣшился отработать недѣлю, на основаніи слѣдующихъ соображеній: ежели приняться камень добывать—для чего онъ мнѣ? Да и не добудешь, а только-что въ ящикъ попадешь опять, да уже не на трое, а на шесть сутокъ, а потомъ въ секретку упрячутъ, а то и перчаточки попросятъ надѣть для вѣжливости. Нѣтъ, не складно. Надо потѣшить ихъ, отработать надо. Оно хотя и позорно будетъ передъ товарищами, да и отдѣленіе все узнаетъ, и начальству будетъ донесено объ этакомъ посрамленіи, узнаютъ обо всемъ старосты прочихъ отдѣ-

леній, а затѣмъ и прочіе... Сунула же меня нечистая сила зацѣпить этого душегуба Нилку! Всему Сашка виноватъ, татарская морда. Хм... Какъ тутъ быть?.. Э, чортъ побери: пущай позорно —не больно зато, да опять же и въ карцерѣ не будешь страдать.

— Ты вотъ что̀, Богдановъ: ты скажи резонно, что̀ ты порѣшилъ?—спросилъ его Нилка.—Такъ и знать будемъ. Кончай, братецъ, верши дѣло въ сурьёзъ, потому что—вонъ, видишь: бродяжное выходитъ изъ сада, значитъ, сейчасъ насъ потребуютъ.

— Что-жъ, пущай такъ: я недѣлю отработаю,—невеликая бѣда,—чѣмъ опять шесть-то сутокъ киснуть въ ящикѣ.—И на половинѣ этой рѣчи Богдановъ отвернулся къ окну и слегка забарабанилъ пальцами по оконной рамѣ.

Многіе это послѣднее рѣшеніе встрѣтили съ улыбкой. А Ба—въ громко засмѣялся надъ товарищемъ.

— Чего глотку-то дерешь?—оглянулся на него Богдановъ: —радъ, что она у тебя пустая.

— Это дѣло твое—выбирай любое, неволить не станемъ,— сказалъ Нилка.—Да, по моему, такъ-то лучше будетъ, чѣмъ заводить непріятное.—И вслѣдъ затѣмъ онъ тѣмъ же строгимъ тономъ обратился къ Ба—ву:—Вотъ что̀, господинъ баринъ, я тебѣ скажу: коли ты ужъ породистый, такъ тебѣ слѣдуетъ понимать больше нашего брата-мужика, что смѣяться надъ этимъ дѣломъ, ни тебѣ, ни другому, вовсе не пристало. Ежели онъ честно выполнитъ мірской приговоръ—этого и полно. А коли мы надъ нимъ же станемъ еще зубы скалить, такъ ужъ это будетъ сверхъ приговора.

— Это вѣрно. Нила Ѳедорычъ правду говоритъ. Смѣяться не слѣдъ,—загалдѣли всѣ.

— Я, господа, противъ этого и спорить не стану: что̀ вѣрно, то̀ вѣрно,—замахалъ Ба—въ на всѣхъ говорившихъ руками.— Я, понятно, шучу и вовсе не думаю смѣяться надъ несчастьемъ ближняго, да еще товарища.

— То-то, братъ,—вразумлялъ Нилка:—шутка шуткѣ рознь. И онъ тоже пошутилъ, а что̀ вышло? Сказать правду: тебѣ послѣ всѣхъ надобно смѣяться; вѣдь ты и самъ врать-то не дуракъ, а стало-быть и самъ можешь подвернуться подъ такую конфирмацію. Не забудь про это.

— А развѣ я тебѣ, Нилъ Ѳедорычъ, совралъ что-нибудь такое?—явно обидясь, спросилъ его Ба—въ.

— Ну, мы съ тобой объ этомъ не станемъ считаться. Я тоже пошутилъ, сказавши, что ты врать здоровъ. Быть такъ: ты за-

всегда рѣжешь правду-матку. Такъ и запиши, что, молъ, пошутилъ Нилъ Ѳедоровъ.

И, потрепавъ Ба—ва рукою по широкой, мясистой спинѣ, Нилка пошелъ къ своей койкѣ и потянулся за шапкой, чтобы по зову приставника быть готовымъ идти. Онъ и не ошибся: минутъ черезъ пять отдѣленіе дѣйствительно вышло на прогулку.

За тюремнымъ дуумвиратомъ, состоящимъ изъ Нилки и Сашки, слѣдуетъ поставить трехъ мусульманъ-горцевъ, приговоренныхъ въ каторгу за убійство и разбой. Эти дикари, впрочемъ, держатъ себя здѣсь очень смирно, даже нѣсколько приниженно предъ прочими, но это только маска грубой работы; коснись дѣло какой-нибудь кровавой расправы—они будутъ впереди всѣхъ и, какъ говорится, заткнутъ за поясъ дюжину Богдановыхъ. Одинъ изъ нихъ, Ибрагимъ-Кара-Оглы-Узунъ-Чекаевъ, выдѣляется особенно: это здоровый, огромнаго роста старикъ съ звѣрскою физіономіей и хищнымъ взглядомъ большихъ карихъ глазъ, бывшій мюридъ и нукеръ Шамиля; хорошо говоритъ по-русски и служитъ толмачемъ двухъ своихъ товарищей. Сашку онъ видимо презираетъ, отворачивается отъ него, какъ отъ вѣроотступника; тотъ только посмѣивается и говоритъ, что „онъ большой машэннык и совсэмъ хитра человэкъ; ежели мэня встрэчалъ съ нимъ въ лѣса—онъ бы мэня съѣла“. И Сашка правъ.

Какъ-то я случайно сообщилъ Ибрагиму, что имама Шамиля уже нѣтъ въ живыхъ, но онъ не сразу повѣрилъ, какъ бы думая, что имамъ безсмертенъ; мнѣ показалось, что онъ даже какъ будто обидѣлся, полагая, что я шучу, сообщая ему такую вѣсть. Но когда я растолковалъ ему, что шутить тутъ нечѣмъ, что имамъ дѣйствительно умеръ, тамъ-то и тогда-то, старикъ заплакалъ, а минуту спустя повернулся лицомъ на востокъ и зашепталъ молитву. Однажды, благодаря небольшой порціи чая, сахару и табаку [1]), мнѣ удалось втянуть его въ болѣе продолжительную бесѣду о покойномъ, и онъ мнѣ многое разсказывалъ о Шамилѣ и послѣдней войнѣ, но это нейдетъ къ дѣлу...

Какимъ образомъ попадаютъ сюда, на сѣверъ, эти жители Кавказа—я никогда не умѣлъ этого объяснить себѣ. Если они натворили бѣдъ и золъ, тамъ у себя на югѣ—на сѣверъ они не пойдутъ грабить—то почему именно оттуда, съ мѣстъ пре-

[1]) Ни одинъ изъ шести горцевъ татебнаго отдѣленія не курилъ, поступивъ въ замокъ. Теперь всѣ выучились и отлично тянутъ махорку изъ бумаги, увѣряя, что куреніе сильно разгоняетъ скуку.

ступленія и вѣроятнаго суда, они не идутъ прямой дорогой въ Сибирь? Вообще всѣ эти безпокойные и опасные жильцы тюрьмы дѣлаются безпокойными и опасными, прежде всего потому, что засиживаются здѣсь, рѣшительно не зная причины, по которой не высылаютъ ихъ къ мѣсту назначенія, хотя бы и въ каторгу. Здѣсь каждый чуть не на цѣпи, запертъ въ душной камерѣ; въ мелочахъ жизни они ограничены до крайности, такъ что смѣло можно сказать вмѣстѣ съ ярославцемъ, что здѣсь всѣ живутъ именно „по нотамъ"; для порядка, для спокойствія тюрьмы вообще и безопасности служащихъ—всѣ эти ограниченія и строгости безусловно необходимы, но при чемъ тутъ заключенный, что его держатъ взаперти, безъ воздуха? Всѣ они говорятъ, что какъ ни тяжелъ путь отъ столицы и почти черезъ всю Сибирь, но это все-таки далеко легче заключенія и этой жизни „по нотамъ"; во время пути онъ живетъ далеко свободнѣе, жизнь становится ему гораздо милѣе, онъ дышетъ воздухомъ и видитъ солнце, онъ можетъ добыть копѣйку подаянія или краюху свѣжаго хлѣба. И вотъ, онъ ждетъ какъ праздника, когда-то пошлютъ его въ пересыльную тюрьму; ждетъ—и не можетъ дождаться, и не понимаетъ, почему его держатъ взаперти за семью замками; ждетъ, скучаетъ и волей-неволей начинаетъ ненавидѣть не тѣхъ, кто его задерживаетъ въ душной тюрьмѣ, а тѣхъ, кто ближе, кто ограничиваетъ его въ мелочахъ жизни, не разсуждая о томъ, что тотъ дѣлаетъ это по-неволѣ; ожиданіе, безконечное и безнадежное, тюремная праздность и смертельная тоска — они-то и дѣлаютъ его безпокойнымъ, опаснымъ, готовымъ на все, хотя бы и потому только, чтобы чѣмъ-либо развлечь себя, не отстать отъ товарищей и, главное, досадить чѣмъ-либо ненавистному начальству.

Остальные члены этой камеры не отличаются никакими выдающимися качествами и не могутъ идти въ сравненіе ни съ Николаевымъ, ни съ Ѳедоровымъ; тюремный юмористъ, Викулъ Савельевъ, хотя и считаетъ ихъ тоже „брилліантами" отдѣленія, но называетъ „худосочными" или—„темной воды".

Этимъ я заключу мало-интересную страницу моей лѣтописи и поведу читателя въ другое арестантское отдѣленіе, гдѣ содержатся различныя титулованныя особы, бывшіе статскіе совѣтники, полковники, капитаны, чиновники и всѣ до безчиновнаго дворянина включительно,—а именно на такъ-называемое благородное отдѣленіе.

В. К—невъ.

НОВОЕ

НА

СТАРОЙ ПОДКЛАДКѢ

Повѣсть изъ американскаго быта.

XIII *).

Выпивъ наскоро чашку чая и заѣвъ ее жареными устрицами и сдобнымъ фруктовымъ пирогомъ, Магги быстро сбѣжала съ лѣстницы вслѣдъ за Абрамомъ Гиксомъ, говоря, что все давно готово—и въ первое мгновеніе глазамъ своимъ не повѣрила: вмѣсто ожидаемаго ею двумѣстнаго бѣгги,—а интимное катанье, вдвоемъ съ мистеромъ Гиксомъ, по разсчетамъ ея, и слѣпому должно бы открыть глаза на его матримоніальныя намѣренія — у задней галереи отеля стоялъ всего-на-все одинъ экипажъ, и это—пятимѣстная элегантная плетенка, запряженная парою рыжевато-гнѣдыхъ, небольшихъ, но сильныхъ и красивыхъ лошадей, а на почетномъ мѣстѣ въ этой плетенкѣ уже расположилась, вся сіяющая улыбками, миссисъ Альва Флинтъ!..

Не только бунтовать противъ распоряженія Гикса везти всѣхъ въ своемъ экипажѣ Магги не могла, но не смѣла изъявить и тѣни неудовольствія своего передъ Альвой Флинтъ: благодаря именно ея приглашенію, она попала первоначально въ Сидеръ Гровъ, почитаясь состоящею подъ присмотромъ миссисъ Альвы, пока не наступилъ мѣсяцъ лѣтнихъ вакансій Стивена и сестры ея, Эльзы.

---

*) См выше: кн., 88 стр.

Но худшее для Магги еще оказалось впереди: не Гиксъ, а докторъ Кларкъ усѣлся на передкѣ экипажа, съ возжами въ рукахъ, приглашая ее сѣсть рядомъ съ собою.

— Но развѣ это—не мѣсто мистера Гикса?—пробормотала бѣдная Магги, чуть не со слезами на глазахъ.

— Садитесь, садитесь, Магги, скорѣе къ доктору на козлы: лошади не стоятъ, я же прекрасно и здѣсь умѣщусь,—отвѣчалъ Гиксъ.

— Вотъ и прекрасно,—одобрила миссисъ Флинтъ;—мнѣ же съ вами, мистеръ Гиксъ, надо поговорить о дѣлахъ, неинтересныхъ молодежи.

Гиксъ будто и не разсчитывалъ ни на что другое: сильною рукой подсадилъ онъ Магги на козлы и уже на ходу вскочилъ самъ въ экипажъ.

Съ докторомъ Магги не церемонилась, успѣвъ уже, за многіе года знакомства съ нимъ, попривыкнуть къ его балагурству и полу-родственной фамильярности, и потому дулась теперь открыто, сквозь зубы цѣдя отвѣты на обычныя докторскія приставанья и шутки. Она съ трудомъ сдерживала слезы досады, и поѣздка казалась ей въ конецъ испорченной,—тѣмъ болѣе, что и обычнаго товарища, Стивена, не было подъ руками; тотъ усѣлся на запяткахъ, спина со спиною съ Гиксомъ, для уравновѣшенія покачнувшагося-было въ сторону миссисъ Альвы и доктора экипажа, съ преважнымъ видомъ скрестя руки на груди и очевидно забавляясь мыслью, что представляетъ собою выѣзднаго лакея—на потѣху многихъ молодыхъ особъ, наблюдавшихъ за экипажемъ съ верандъ элегантныхъ частныхъ коттэджей, разсыпанныхъ въ виду самаго океана.

Рѣзкій вѣтеръ, дувшій со стороны моря, впрочемъ, и не допускалъ особаго оживленія въ разговорѣ: приходилось все время придерживать шляпы, а докторъ едва сдерживалъ застоявшихся лошадей, неудержимо мчавшихся впередъ по гладкому какъ паркетъ и жесткому еще послѣ отлива морскому дну. Близость все еще отступавшаго моря сказывалась удручающимъ образомъ на всей окружной природѣ: кое-гдѣ выступала въ сторонѣ темная зелень листвы густыхъ приземистыхъ миртовыхъ порослей, да мѣстами лишь, словно пятна, стлались заросли высокой, жесткой травы, сухой и колючей, какъ солома; скудная растительность нарушала отчасти печальное однообразіе песчаной мѣстности, выступая, то тутъ, то тамъ, аляповатыми кучками на бѣлесоватомъ пескѣ, но не придавала ей никакого оживленія. Голые, песчаные холмы мягкими контурами своими напоми-

нали волнующееся море, а на пологихъ ихъ сторонахъ иллюзія еще усугублялась мелкими чешуйчатыми, равномѣрными бороздами, которыя отпечатались на всей поверхности песка, будто вода, подернутая мелкою зыбью. На далекое разстояніе впереди, по сырому, гладкому морскому дну, обнаженному отливомъ, несся и кружился наносимый съ сосѣднихъ холмовъ сухой, сѣрый песокъ, то стелясь какъ туманъ, надъ самой землей, то вертясь и завиваясь легкими клубами, которые ни на минуту не прерывали своей безпорядочной пляски, то разсыпаясь по сторонамъ, какъ брызги, то завиваясь вверхъ кольцами, какъ дымъ.

Лишь кое-гдѣ межъ песчаныхъ холмовъ ютились кучками кривобокія, сѣдыя ветлы да искалѣченныя, приземистыя сосны, съ верхушками, срѣзанными вѣтромъ, какъ серпомъ, въ уровень съ ограждающими ихъ холмами: будто живое существо, непроизвольно проявляющее новыя краски и новыя черты подъ-стать характеру окружной природы и тѣмъ препятствіямъ, съ которыми приходится ежечасно бороться—то утаивая, то отстаивая свое жалкое существованіе—такъ и деревья эти вынуждены были преклонить головы свои подъ напоромъ подавляющихъ стихій. Это — уже не тѣ увалистыя ветлы, что склоняются надъ безъименными рѣчками, не тѣ стройныя сосны, что величаво высятся надъ тихими ландшафтами, гордо покачивая своими хвойными коронами развѣсистыхъ вѣтвей на макушкѣ, а какіе-то не то неуклюжіе вѣники, не то уродливые карлики, отщепенцы хвойной породы, съ исковерканнымъ стволомъ на подобіе жалкихъ ветелъ, съ вѣтвями, обращенными въ какіе-то оленьи рога; будто корни, они перепутывались между собою, то цѣпляясь за приникшій къ нимъ склонъ скалистой глыбы, а то и совсѣмъ уходя въ песчаный холмъ, съ тѣмъ, чтобы въ нѣсколькихъ шагахъ снова выйти на поверхность свѣжими, зелеными порослями.

Все, казалось, притиснуто было къ землѣ тяжкою рукой природы, соблаговолившей сказаться здѣсь не матерью, а злою мачихой, ревниво стремящейся сгладить все выдающееся, искоренить всякую самостоятельность во всемъ окружающемъ, какъ будто для того, чтобы все свести къ одному низменному уровню, чтобы ничто не отвлекало вниманія отъ грозныхъ волнъ ея любимаго океана, а океанъ за это самое время набирался будто бы, въ отступленіи своемъ, новыхъ силъ, чтобы затѣмъ мощнымъ, дружнымъ натискомъ своимъ стереть всѣ препятствія, на все наложить свою мертвящую печать... Даже чайки—и у тѣхъ крылья точно наливались свинцомъ, такъ что вились онѣ низко

надъ берегомъ, чуть-чуть что не задѣвая бѣлою грудью своей песчаную пелену, источенную по всѣмъ направленіямъ чисто отдѣланными миніатюрными ямочками: изъ ямокъ этихъ стремительно выбѣгали міріады бѣлесоватыхъ, какъ песокъ, морскихъ пауковъ-скрипачей, которые безцѣльно метались въ разныя стороны, разсыпались по всѣмъ направленіямъ и затѣмъ такъ же быстро скрывались по норкамъ своимъ.

— Не подъ-стать вамъ, Магги, въ городской вашей шляпкѣ бороться со стихіями,—съ дружеской насмѣшкой обратился докторъ къ сидѣвшей съ нимъ рядомъ дѣвушкѣ.

— Конечно, не подъ-стать!—раздался огорченный голосъ Магги изъ-подъ придерживаемыхъ обѣими руками широкихъ мягкихъ полей шляпы, надувавшихся и хлопавшихъ какъ паруса: пропалъ эффектъ тщательно взбитыхъ надъ лбомъ завитковъ, а выбивавшіяся на затылкѣ густыя пряди кудрей еще усиливали неудовольствіе молодой дѣвушки, обвиваясь вокругъ ея тонкой шеи и цѣпляясь за браслетъ.—Но кому же въ голову могло придти, что мы ѣдемъ наслаждаться морскимъ шкваломъ?—досадливо добавила она.

— Послушайте, Гиксъ: не взять ли намъ вправо? Оно, пожалуй, и немного тяжело будетъ для лошадей, да все же удобнѣе для дамъ, а то вотъ Магги головы не снести!—прокричалъ докторъ своимъ зычнымъ басомъ, перегибаясь всѣмъ корпусомъ къ сидящей позади парѣ.

Тѣ, очевидно, нимало не страдали отъ вѣтра и вели бесѣду за большимъ раскрытымъ зонтомъ, который нещадно впирался мистеру Гиксу желѣзнымъ ребромъ своимъ прямо въ щеку, но зато предохранялъ и его самого, и его собесѣдницу, отъ вѣтра морского, относившаго звукъ ихъ рѣчей въ сторону и обезпечивая имъ тѣмъ полную обособленность. Они не сразу услыхали доктора, но, понявъ наконецъ, въ чемъ дѣло, мистеръ Гиксъ, равно какъ и миссисъ Флинтъ, поспѣшили выразить полнѣйшую готовность ѣхать куда бы ихъ ни повезли, и снова было-вернулись къ разговору своему подъ прикрытіемъ зонта; но докторъ Кларкъ, круто завернувъ въ сторону зеленыхъ порослей, послѣ нѣсколькихъ минутъ тяжелаго брода сыпучими песками, направилъ экипажъ по кочкамъ и рытвинамъ, образованнымъ древесными корнями лѣсной опушки, дѣлая невозможнымъ маломальски связный разговоръ.

Зато, выѣхавъ на болѣе удобную дорогу, избавилась наконецъ и Магги отъ необходимости физическаго сопротивленія срывавшему все передъ собою вѣтру, который, впрочемъ, и со-

всѣмъ стихъ, лишь только завернули они за ближайшій песчаный холмъ; молодая дѣвушка быстро вернулась къ обычному своему радужно-игривому настроенію; снявъ шляпу, она со смѣхомъ распустила свои волнистые волосы и приступила къ реставраціи своей растрепанной прически.

XIV.

Съ перемѣною вѣтра совѣщаніе миссисъ Флинтъ съ Абрамомъ Гиксомъ натуральнымъ образомъ утратило прежній характеръ обособленной интимности, и разговоръ становился всеобщимъ.

Рѣшено было насколько можно прибавить шагу, чтобы поскорѣе доѣхать до фермы Дана Ригби, поставщика зелени и фруктовъ для отеля, и затѣмъ вернуться во-свояси при лунѣ.

— Не опасно ли намъ будетъ везти Магги и Стивена въ это гнѣздо стараго рубаки-аболюціониста [1])?—утрированно тревожнымъ тономъ освѣдомился докторъ: — капитану пожалуй не по нраву придется вторженіе въ его строгую семью нашихъ юныхъ представителей южанской суетности и эгоистичной тиранніи надъ темнокожими братьями.

— Не забывайте, докторъ, что и вы съ собой захватили птицу того же полета, что и самъ капитанъ—авось я вамъ пригожусь громоотводомъ. Впрочемъ, напрасно вы такъ думаете—Данъ Ригби совсѣмъ не рубака въ семьѣ: дочь у него прекрасная музыкантша, да и самъ онъ кротокъ дома какъ ягненокъ.

— А вѣдь и то правда!—спохватился докторъ, и, смѣясь собственной оплошности, пояснилъ миссисъ Флинтъ:—мистеръ Гиксъ если и не аболюціонистъ, такъ только потому, что годами къ тому движенію не подоспѣлъ... Зато тенденціями своими вы и теперь, Гиксъ, къ старымъ квэкерамъ, пожалуй, подойдете. Вообразите себѣ, миссисъ Флинтъ—нога его, кажется, во всю его жизнь въ театрѣ не бывала.

— Неужели же вы такой ригористъ? — удивилась Альва Флинтъ.

— Пустяки! докторъ только язычокъ свой, практики ради, на мнѣ точитъ: совсѣмъ я отъ квэкерскихъ нашихъ обычаевъ поотсталъ, даже и въ театрѣ бываю, и долженъ сказать, что ничего собственно дурного для себя въ нихъ не вижу, а не на-

---

[1]) Аболюціонисты времени, предшествовавшаго войнѣ за эмансипацію, были членами партіи, настойчиво добивавшейся освобожденія всѣхъ негровъ-рабовъ.

хожу въ нихъ удовольствія—какъ бы вамъ сказать?—оттого ли, что времени какъ-то лишняго нѣтъ, да и матушку не хочется волновать: она—женщина стараго завѣта и не можетъ уже отказаться отъ предубѣжденій молодыхъ своихъ лѣтъ.

— Боже правый, мистеръ Гиксъ! ужъ не собираетесь ли вы лѣта себѣ сбавлять, что такъ на свою матушку всегда ссылаетесь? Не можетъ же, въ самомъ дѣлѣ, матушка ваша претендовать на полное распоряженіе взрослымъ сыномъ? Надо же наконецъ и другимъ, въ свою очередь, дорогу очистить.

Эта ничѣмъ невызванная вспышка Магги была такъ неожиданна, что не могла остаться незамѣченной: докторъ кинулъ черезъ плечо взглядъ на миссисъ Флинтъ и передернулъ возжами: замѣчаніе дѣйствительно было безтактно, но и отвѣтъ мистера Гикса не разсчитанъ былъ на облегченіе натянутаго положенія.

— Почему бы и нѣтъ, если матушкино руководство мнѣ по сердцу? Лѣта, казалось бы, не должны измѣнять въ человѣкѣ лучшихъ его привязанностей.

Всѣмъ показалось это заявленіе если не напыщеннымъ, то все же не по времени торжественнымъ; но приговоръ положить опять-таки вызвалась та же Магги Стромъ: - Право, мистеръ Гиксъ, вамъ бы хоть прямо идти въ педагоги или проповѣдники...

— Мистеръ Гиксъ всегда преклоняется передъ волей представительницъ прекраснаго пола,—неловко попытался перевести разговоръ въ иной тонъ докторъ; въ этомъ, однако, его тутъ же поддержала миссисъ Флинтъ.

— Какъ вы хотите, мистеръ Гиксъ, а къ этой похвальной поблажкѣ родителей все же должна примѣшиваться извѣстная доля дипломатіи: какого бы высокаго ума ни была ваша матушка, напримѣръ, но все же едва ли въ ея лѣта и изъ своего фабричнаго поселка способна она вѣрно оцѣнять всѣ мотивы дѣйствій людей въ большихъ городахъ.

Миссисъ Флинтъ нимало не радовалась перспективѣ женитьбы Абрама Гикса. Онъ во многомъ былъ ей нужнымъ человѣкомъ, а полезность его по отношенію къ ней неминуемо должна была подорваться его вступленіемъ въ законный бракъ—положеніе, въ которомъ каждый добропорядочный, непопорченный европейскими вѣяніями американецъ долгомъ почитаетъ сторониться всѣхъ женщинъ, не принадлежащихъ къ кругу ближайшей его родни. Утрированное ли представленіе о долгѣ своемъ по отношенію къ женѣ служитъ мотивомъ нежеланія хорошаго мужа нарушать покой жены даже малѣйшимъ намекомъ на то, что онъ способенъ находить удовольствіе въ кругу иныхъ женщинъ, или

же осторожность въ этомъ случаѣ вызывается сознаніемъ собственной слабости и неспособности противостоять малѣйшему проявленію постороннихъ женскихъ чаръ — фактъ все же остается неизмѣннымъ, и миссисъ Альва Флинтъ, какъ женщина по преимуществу практичная, никакъ не вздумала бы сама содѣйствовать утратѣ нужнаго человѣка путемъ женитьбы; но вся ея женская преданность искусству ради самого искусства возмущалась тѣми непростительными промахами, въ которые Магги вдавалась—иногда даже послѣ самыхъ удачныхъ, съ точки зрѣнія миссисъ Флинтъ, шаговъ въ дѣлѣ похода на руку и милліоны Абрама Гикса.

Настоящее вмѣшательство миссисъ Альвы было, значитъ, вполнѣ безкорыстно, и дѣлало ей честь. Сама миссисъ Флинтъ сознавала свое рыцарство и начинала тяготѣть къ интересамъ Магги, сообразно тому, не переведенному еще на бумагу, но тѣмъ не менѣе непреложному закону, а именно, что мы привязываемся къ людямъ въ прямой пропорціи къ тому, поскольку самимъ намъ приходилось выручать ихъ изъ бѣды.

Но трудно—даже такой находчивой женщинѣ, какъ миссисъ Флинтъ—разомъ импровизировать доводы, способные переубѣдить человѣка, взгляды котораго выработались на подкладкѣ всего его прошлаго.

— Видно сейчасъ, что вы, миссисъ Флинтъ, никогда въ квэкерскихъ семьяхъ не живали и нашихъ женщинъ не знаете: у всѣхъ у нихъ, увѣряю васъ, есть какой-то врожденный инстинктъ, подсказывающій имъ, гдѣ наступаетъ предѣлъ ихъ вмѣшательства въ дѣла мужчинъ: онѣ ни разговора, ни вліянія своего не размѣниваютъ на мелкую монету—оттого-то такъ велико и стойко и вліяніе ихъ въ семьѣ.

„Неужели же онъ это Магги въ поученіе мѣтитъ?“ —не безъ досады подумала миссисъ Флинтъ; она даже плечами пожала, мысленно дивясь неисправимой слѣпотѣ мужчинъ: „или же онъ и впрямь не видитъ, что не про нея такія тонкости писаны?“ Всѣ эти соображенія мелькали, однако же, въ умѣ миссисъ Флинтъ съ быстротою и неуловимостью зайчика, пущеннаго на стѣнѣ зеркаломъ въ шалуна ребенка, и не мѣшали ей возражать Гиксу привычнымъ, шутливымъ тономъ:

— Счастье ваше, мистеръ Гиксъ, что я еще не такая яростная поборница женскихъ правъ, какою меня рада выставить миссисъ Моррисъ,—а то бы я вамъ даромъ не пропустила такого отсталаго прославленія идеи ограниченія женской сферы и женскаго вліянія!

— А я такъ сейчасъ готова подъ всей хартіей женскихъ правъ расписаться, еслибы отъ меня—какъ отъ квэкерскихъ женщинъ—потребовалъ кто такого же преклоненія передъ высшимъ сужденіемъ мужчинъ.

— Ай! ай! ай! кузина Магги!.. Да кто же это только-что возставалъ противъ маменькина вліянія?—поймалъ Магги на словѣ Стивенъ; онъ никода не упускалъ случая подставить Магги ножку въ ея побѣдоносномъ походѣ противъ противнаго ему янки; а теперь его, къ тому же, такъ и подбивало чѣмъ-нибудь позабавиться: ему давно уже прискучила величавая обособленность лакейскаго поста, и онъ ѣхалъ стоя, держась за экипажъ, то вставляя въ общій споръ свои никѣмъ непрошенныя замѣчанія, то нашептывая миссисъ Альвѣ на ухо свои дальнѣйшіе комментаріи, за которые нерѣдко и получалъ иногда отъ нея вѣскіе удары зонтика по плечу.

Магги готова была не на шутку разсердиться за дерзкое вмѣшательство кузена въ разговоръ въ ту самую минуту, какъ сама она почувствовала себя въ ударѣ преподать будущему мужу нужный урокъ, и къ тому же начала такъ удачно говорить, какъ казалось ей, внушительнымъ, высокимъ слогомъ. Хотя Стивенъ и былъ года на два, на три, старше ея, Магги все еще считала его мальчишкой. Но на этотъ разъ гнѣвъ ея подкошенъ былъ въ самомъ началѣ: смѣшливость ея не устояла; при оборотѣ назадъ, на дерзкія рѣчи кузена, глазамъ ея представился самъ онъ, въ широкополой шляпѣ, развѣвавшейся по вѣтру надъ его смѣшными оттопыренными ушами и глазомъ, лукаво подмигивающимъ въ сторону безмятежно возсѣдавшаго передъ нимъ Абрама Гикса.

Вооруженный миръ на этотъ разъ не былъ между кузенами нарушенъ, и оба они, будто отъ полноты чувствъ, присоединились къ нетвердому басу доктора, внезапно разразившагося торжественнымъ пѣніемъ:

„Marching through Georgia“...

Чистые, молодые голоса Магги и Стивена такъ плавно сливались съ низкими тонами доктора, что противъ заразительнаго примѣра не устояли и другіе, а лошади зафыркали и еще дружнѣе понесли экипажъ, будто проявляя тѣмъ одобреніе популярной пѣсни сѣверянъ. Южанскія тенденціи молодого Стивена, очевидно, были покладистѣе матушкиныхъ: онъ безъ малѣйшаго угрызенія совѣсти подтягивалъ пѣснѣ, прославляющей историческій походъ сѣвернаго Аттилы—генерала Шермана—по Георгіи.

Сама природа, казалось, отозвалась на возвращеніе общества

къ безхитростно простодушному американскому веселью. Тучи, заволакивавшія небо съ самаго полудня, раздались, пропуская начинавшій склоняться къ горизонту огненный шаръ солнца, тогда какъ лежащая подъ нимъ голубая полоса неба на дальнемъ небосклонѣ запада подернулась цѣлымъ стадомъ мелкихъ облачковъ-барашковъ, вобравшихъ, казалось, въ себя всѣ цвѣта радуги изъ поглощаемыхъ ими солнечныхъ лучей.

Мѣстность также утратила свой пустынный, холодный характеръ съ той самой поры, какъ, по выѣздѣ на гладкую, проѣзжую дорогу, обѣими ея сторонами потянулись густыя молодыя поросли дубовыхъ и осиновыхъ лѣсовъ, въ непроходимой чащѣ которыхъ не прилагалось, повидимому, никакихъ изъ новѣйшихъ правилъ ученаго лѣсоводства: деревьямъ предоставлялось расти гдѣ и посколько попало, пока не приходило никому нужды ихъ извести—что и производилось вездѣ, начиная съ самой лѣсной опушки. Не протоптано было въ чащѣ этой тропинокъ ногою неустанныхъ сборщиковъ грибовъ, не оглашался лѣсъ и шаловливымъ ауканьемъ; а если гдѣ и виднѣлась сѣрая головка подосинника, или пробивалась изъ-подъ желтаго прошлогодняго листа красная сыроѣжка, видъ ихъ не радовалъ ничье человѣческое сердце, и сами они—будто томясь сознаніемъ своей излишности въ странѣ людей, неспособныхъ ихъ оцѣнить по достоинству—забивались подъ самыя цѣпкія поросли дикаго плюща и разнородныхъ ліанъ, застилавшихъ подножіе деревьевъ, корни и траву своею цѣпкою порослью, равно уютно укрывающей какъ безвредную жабу и ящерицу, такъ и гремучихъ змѣй и смертоносныхъ мѣдянокъ.

Тамъ, гдѣ дубовая и осиновая поросль раздавалась, пропуская медленно ползущіе къ морскому заливу ручьи, въ самой водѣ ютились группы стройныхъ кедровъ, промежъ которыхъ стоячая вода подергивалась зеленою пленкой, тогда какъ ближе къ проѣзжей дорогѣ тѣснились чистенькія березы, ясени, кожевенныя и тутовыя деревья; выдавалась сама по себѣ рѣдкая листва сумахи, свѣшивались гроздьями, точно хмелевые, наросты желѣзняка; вѣтви каштановъ пригибались къ землѣ отъ великаго множества насѣвшихъ на нихъ тяжелыхъ ежеподобныхъ колючекъ, вмѣщавшихъ въ себѣ невызрѣвшій плодъ, а между всѣми ними, плебеемъ между прибранными барами, ютилась приземистая, нечистоплотная бузина, со своими обвитыми паутиной красными гроздьями и источенными злокачественною росой и паразитами листьями.

Но вотъ лѣса все чаще и чаще стали разступаться, давая мѣсто воздѣланнымъ полямъ, на которыхъ уже красовались снопы срѣзанныхъ стволовъ кукурузы, разставленные шалашами, какъ

ружья на военныхъ бивуакахъ; вездѣ, гдѣ только можно было ихъ приткнуть, разсажены были ломившіяся подъ тяжестью плодовъ яблони, груши и персиковыя деревья, да проглядывали сквозь густую листву древнихъ вязовъ и сахарнаго клена двухъ-этажные дома фермеровъ, сплошь и рядомъ обнесенные крытыми верандами; то тамъ, то сямъ, къ самой проѣзжей дорогѣ дерзко подступали—будто франтовски подбоченившіеся, съ шапкой на бекрень, гуляки—невзрачные, сѣрые бревенчатые дома съ полустертыми вывѣсками, всѣ покачнувшись на сторону; они какъ бы сами указывали на то, что возведены на скорую руку лишь для временнаго убѣжища людей, не пустившихъ въ краѣ корней, а прибывающихъ сюда съ однѣми корыстными цѣлями скорой наживы или мѣны привозныхъ товаровъ на фермерское сырье и на деньги; неказистостью своею дома эти рѣзко выдѣлялись изъ выбѣленныхъ, аккуратно подправляемыхъ фермерскихъ жилищъ, а безобразіемъ своимъ они могли смѣло поспорить съ приземистыми, жалкими лачугами наѣзжихъ рыбаковъ, занимавшихся садкой устрицъ въ сосѣдней морской бухтѣ: не имѣя, подобно сосѣдямъ своимъ, пришлымъ торгашамъ, никакой нужды работать надъ землею, хозяева этихъ устричныхъ залежей селились какъ кому попало на разныхъ урванныхъ на время участкахъ—среди непереводимаго рѣпья и бурьяна.

XV.

Послѣдній звукъ пѣсни не успѣлъ замереть въ тихомъ воздухѣ, какъ Магги уже заливалась своимъ металлическимъ смѣхомъ: издавна привыкнувъ къ дурной замашкѣ кузины сталкивать зонтикомъ съ головы Стивена шляпу въ самыя неподходящія, казалось бы, для того времена, онъ, для вѣрности, повязался поверхъ широкополой шляпы платкомъ, и представлялъ теперь такой жалкій видъ, что, оглянувшись на него, и другіе не удержались — послѣдовали примѣру Магги:

— Помилосердуй, Стивенъ, насъ изъ-за тебя примутъ за авангардъ „Арміи Спасенія"!—взмолилась Магги:—взгляните только на него, Альва—сущій членъ *Salvation Army*, затянувшій гимнъ на тощій желудокъ: не даромъ мнѣ все сдавалось, что кому-то изъ поющихъ нездоровится.

— Нисколько не нездоровится. Ты вѣчно подкапываешься подъ репутацію человѣка, Магги. Я просто—какъ бы вамъ сказать—плоть свою бичую—чтобы... да, бишь... чтобы рабовладѣль-

ческіе грѣхи предковъ замолить передъ вступленіемъ въ берлогу рыкающаго льва.

Сказано это было какимъ-то спотыкающимся голосомъ, и при этомъ Стивенъ еще скосилъ глаза въ сторону, то-и-дѣло засовывая палецъ за воротъ рубашки; онъ до такой степени комично представлялъ манеру говорить и замѣшательство мистера Гикса, когда кому случалось словить его любующійся взглядъ, украдкой обращенный на Магги, что Магги пришла въ совершенный восторгъ и чуть не насильственнымъ образомъ заставила на Стивена обернуться и доктора, занятаго лошадьми, которыя, чуя жилье, мчались быстрѣе прежняго.

— Ужъ не струсили ли вы?—съ напускнымъ участіемъ освѣдомилась у Стивена кузина.

— Берегитесь, Магги,—остерегла ее, смѣясь, миссисъ Альва: —не беритесь за чужое ремесло—дразнить другихъ! Какъ бы еще мнѣ не быть за то въ отвѣтѣ передъ вашей строгой матушкой, Стивенъ.

Строгою назвать изящную, бойкую, вѣчно увлекающуюся собой и всѣмъ на свѣтѣ миссисъ Моррисъ—можно было никакъ не иначе, какъ въ насмѣшку. И какъ Стивенъ ни дурачился, непочтительныхъ ссылокъ на мать онъ совсѣмъ не любилъ: по давно въ немъ установившейся привычкѣ закрывать глаза на всѣ ея выходки и даже слабости, Стивенъ впалъ, съ годами, въ привычку требовать такой снисходительности къ матери и отъ постороннихъ. Однако та же школа материнской выправки слишкомъ крѣпко еще сидѣла въ молодомъ человѣкѣ, чтобы допустить его явно высказать досаду на какую бы то ни было женщину.

— Вы забываете, миссисъ Флинтъ, что матушка—такая же, какъ и вы, женщина. Лэди же, если вѣрить слухамъ, никогда не избираютъ одной тактики, прекрасно зная, что если взять хотя бы то же остроуміе, что представляется въ васъ, напримѣръ, такимъ очаровательнымъ, можетъ показаться, пожалуй, даже тривіальнымъ въ поддѣлкѣ подъ него другой особы.

— Какой же льстецъ вы, Стивенъ Моррисъ!—перебила его миссисъ Флинтъ, не почитая нужнымъ замѣчать досаду, сквозящую въ тонѣ молодого человѣка:—смотрите, не изощряйте вашей дипломатіи въ присутствіи стараго Ригби, а то—чего добраго—онъ узнаетъ южанина по языку; а это, полагаю, будетъ то же, что помахать краснымъ флагомъ передъ ярымъ быкомъ!

— Не бойтесь, миссисъ Флинтъ: старый грѣховодникъ никогда не допускался въ общество южныхъ джентльменовъ на

равной ногѣ, и, конечно, онъ понятія не имѣетъ объ ихъ манерѣ говорить въ своемъ кругу; я же слишкомъ себя уважаю, чтобы въ присутствіи дамъ позволить себѣ впасть въ тотъ тонъ, который ему всего привычнѣе со стороны моихъ земляковъ.

— Ого, молодой человѣкъ! — Не слишкомъ ли строги вы къ человѣку такихъ безупречныхъ правилъ, какъ капитанъ. Пожалуй, васъ и взаправду не слѣдовало вводить въ домъ моего кузена Ригби.

— Какъ! кузена?—раздалось со всѣхъ сторонъ разомъ.

— Родство то наше, пожалуй, и дальнее, но я слишкомъ многимъ капитану обязанъ, чтобы спокойно слушать такія о немъ рѣчи хотя бы отъ людей, которые не больше, конечно, знаютъ о немъ, чѣмъ объ обитателяхъ луны.

Всѣми овладѣло непріятное ощущеніе безтактности Гикса, слушавшаго въ теченіе цѣлыхъ двухъ дней всесторонніе толки о „вульгарномъ фермерѣ", не выдавая своего съ нимъ родства. Первая спохватилась миссисъ Альва Флинтъ и поспѣшила теперь на выручку своего другого *protégé*, Стивена, забравшагося, подобно Магги, въ непролазныя дебри, единственно благодаря своему языку.

— Послушайте, мистеръ Гиксъ, разскажите же намъ что-нибудь о вашемъ кузенѣ-капитанѣ, а то мнѣ, признаться, и самой жутко предстать ему на глаза... Какъ теперь помню, какъ онъ на митингѣ, гдѣ я его впервые видѣла, кувшинъ объ столъ разбилъ въ азартѣ спича своего объ угнетеніи негровъ, а потомъ схватилъ стулъ и сталъ имъ тактъ выбивать на платформѣ, вызываясь поклясться, что наберетъ другой полкъ волонтеровъ на вторичное освобожденіе юга, если правительство не обезпечитъ тамъ для негровъ полной свободы голосованія.

— А не во гнѣвъ вамъ, Гиксъ, будь сказано,—вставилъ свое слово и докторъ Кларкъ: — какъ тамъ о Данѣ Ригби ни говорятъ, а самого Джона Брауна многіе, я вижу, о сю пору измѣнникомъ страны почитаютъ.

— Да вѣдь какъ же иначе, докторъ?—поддержала его миссисъ Флинтъ:—Джонъ Браунъ самимъ же правительствомъ былъ за измѣну при *Harpers Ferry* повѣшенъ. Не станетъ же и мистеръ Гиксъ отвергать, что Браунъ — хотя бы и героемъ былъ — все же нарушилъ конституцію.

— Не соверши Браунъ своего безумнаго набѣга съ кучкой двадцати человѣкъ смѣльчаковъ на *Harpers Ferry*,—продолжалъ свой доводъ докторъ,—не вооружился бы и югъ, не возмечталъ бы одолѣть сѣверъ.

— Напрасно вы такъ думаете, докторъ, — горячо вступился Стивенъ:—всѣ наши старики-плантаторы говорятъ, что съ малыхъ лѣтъ выросли на разговорахъ о томъ, что югу, рано ли—поздно ли, а придется съ рабами своими отъ сѣвера отложиться... Да и съ сѣверомъ югу не трудно бы было справиться... Та была бѣда, что наши лидеры выпустили западъ изъ разсчета,—а на западѣ-то и лежала непочатая сила, оттуда-то и двинулись на войну цѣлыя полчища такихъ же фанатиковъ, какъ Браунъ... Да и тѣмъ бы югъ не сломить, еслибы у сѣверянъ не было денегъ на поставку полковъ эмигрантовъ, тогда какъ у юга уже всѣ люди, способные нести ружье, были убиты или переранены... По чести одержали верхъ—нечего сказать...

Но вспышка молодого южанина нимало не подѣйствовала на вернувшагося къ своей флегмѣ Абрама Гикса.

— Какъ тамъ ни понимай,—твердилъ онъ свое,—а все же вѣрнѣе будетъ сказать, что Джонъ Браунъ былъ героемъ первой руки. Не руби этотъ мечъ Голіаѳа со всего плеча, гдѣ только была нужда въ защитѣ его—не назрѣлъ бы вопросъ объ эмансипаціи негровъ еще пожалуй цѣлый десятокъ лѣтъ, несмотря на всѣхъ нашихъ краснорѣчивыхъ аболюціонистовъ.

— Прошу прощенія, мистеръ Гиксъ: напрасно вы такъ выставляете впередъ эмансипацію негровъ. Вы всѣ, сѣверяне, кичитесь этой эмансипаціей, какъ нивѣсть какимъ своимъ благодѣяніемъ... Кровь тоже, говорятъ, лили за освобожденіе чернокожихъ братьевъ!.. И все это, когда вся война велась изъ-за вопроса объ автономіи штатовъ, а хваленая ваша эмансипація была лишь военною мѣрой президента Линкольна—и вызвана была военною необходимостью. Нельзя же такъ, въ самомъ дѣлѣ, искажать факты!—горячился молодой Стивенъ.

— Да вѣдь не скажете же вы, что Джонъ Браунъ не изъ-за негровъ...

Но Стивенъ увлекался все сильнѣе и сильнѣе, совсѣмъ бросивъ свои привычныя мальчишескія ухватки; обращаясь ко всѣмъ, онъ все же всѣ сильнѣйшіе аргументы направлялъ на Абрама Гикса, будто тотъ въ одномъ лицѣ своемъ сосредоточивалъ всѣ несимпатичныя южанину черты сѣверянъ.

— Меня всегда изъ себя выводитъ это искаженіе фактовъ... Ну, скажите пожалуйста, какой справедливости ждать было югу, когда самъ Линкольнъ сознавался, что долгое время принималъ столбы, на которыхъ у насъ лошадей гоняютъ на кордѣ, за позорные столбы истязанія негровъ!?.

— Но послушайте, мистеръ Моррисъ, не можете же вы

оспаривать того, что позорна была самая система рабства,—возразилъ Гиксъ. Спокойствіе, чтобы не сказать флегматичность его въ спорѣ, очевидно, не затрогивавшемъ его за живое, являлось интереснымъ въ сопоставленіи съ заносчивостью молодого человѣка; онъ былъ слишкомъ возбужденъ, чтобъ удержать теперь ту маску невозмутимости, которую неизмѣнно нацѣплялъ на себя въ присутствіи всѣхъ постороннихъ, которыхъ почему-нибудь почиталъ неравными себѣ или непріятными, а Абрамъ Гиксъ несомнѣнно былъ занесенъ имъ въ разрядъ лицъ рѣшительно ему непріятныхъ.

— Почему система позорна?.. Совсѣмъ не система позорна! Хотя и я, и другіе южане изъ молодыхъ, согласимся съ тѣмъ, пожалуй, что югу лучше бы никогда было рабства не знать, а все же сами негры вамъ скажутъ—тѣ, кто помнитъ, что такое было рабство на дѣлѣ—сами негры вамъ скажутъ, что за плантаторами имъ въ рабствѣ не въ примѣръ лучше, чѣмъ теперь, жилось. Тогда они были сыты, обуты, одѣты, никакой заботы не знали, а теперь всѣ пропились, проворовались.

— Тотъ, кто самъ „рукава жуетъ“, и не то поди про другихъ скажетъ,—непочтительно замѣтилъ Абрамъ Гиксъ.

— Скажетъ и не одинъ такой, а всѣ негры скажутъ,—хватилъ въ возбужденіи своемъ черезъ край Стивенъ:—всѣ старики вамъ скажутъ, что прежде не въ примѣръ лучше жилось... Возьмите хоть плантацію моего родного дѣда: у него цѣлыхъ триста негровъ было—однимъ изъ первыхъ богачей почитался... А изъ этихъ самыхъ негровъ чуть ли не семьдесятъ-пять человѣкъ было никуда негодныхъ стариковъ, которыхъ одѣвали, обшивали, обмывали, лечили въ больницѣ, и къ нимъ же еще прислугу приставляли.

— Но, Стивенъ,—остановила его миссисъ Флинтъ,—нельзя же выставлять впередъ исключенія. Конечно, никто съ вами и спорить не станетъ, что плантаторы не были поголовно извергами.

— Извергами были не южане,—продолжалъ горячо отстаивать противъ всѣхъ свою позицію Стивенъ:—совсѣмъ не южане, которые плантаторами родились, а разная сѣверная шушера, что скупали чернокожихъ для эксплуатаціи, какъ воловъ! Этимъ господамъ какая была нужда? Они съ чернокожими вмѣстѣ не росли, для нихъ тѣ и вправду были одними вьючными животными, скотами безчувственными. Всѣ погонщики негровъ, самые жестокіе надсмотрщики—торговцы неграми—всѣ, всѣ были сѣверяне!

— Но вы должны же допускать, Стивенъ...

— Да чего же вамъ лучше!—и Стивенъ, все болѣе и болѣе опьяняясь собственнымъ возбужденіемъ, безцеремонно отстранилъ

отъ себя руку миссисъ Флинтъ:—самый послѣдній грузъ негровъ, что подвезенъ былъ на югъ на продажу, прибылъ туда на кораблѣ, принадлежавшемъ завзятому аболюціонисту!.. Аболюціонисту, замѣтьте, который на сѣверѣ звѣремъ рычалъ, обличая зло рабовладѣльчества и неисправимую порочность плантаторовъ.

— Оставьте лучше этотъ разговоръ, довольно вамъ громить сѣверянъ,—остановилъ, наконецъ, Стивена, какъ и всегда, не то шуткою, не то серьезно, докторъ:—вотъ мы сейчасъ и къ берлогѣ аболюціониста подъѣзжаемъ; дайте же дамскимъ нервамъ хоть немного отойти.

— Громить я никого и не громлю, докторъ, а только различіе указываю... Конечно, вы скажете, я увлекаюсь. Не сѣверянинъ же на самомъ дѣлѣ я, чтобы не было у меня ничего завѣтнаго. Я и глупыми, на ваши глаза, увлеченіями своими не поступлюсь, какую бы мнѣ за то хорошую плату ни давали,—отпустилъ Стивенъ полную мѣру.

Докторъ только плечами пожалъ и стегнулъ лошадей возжею.

XVI.

Обсужденіямъ и спорамъ дѣйствительно не было больше мѣста, такъ какъ экипажъ уже въѣзжалъ съ тянувшейся рядомъ яблонь и персиковыхъ деревьевъ дороги на открытую лужайку, среди которой разомъ, какъ на ладони, предсталъ среднихъ размѣровъ заурядный сѣрый досчатый домъ того типа, какой сплошь и рядомъ встрѣчается на старательно обстроенныхъ фермерскихъ пепелищахъ.

Странно было бы и искать архитектурнаго характера въ такого рода домахъ, возникающихъ всегда по одному личному произволу, въ основу котораго ложится приблизительно одна и та же семейная хроника: бѣдность первыхъ лѣтъ жизни хозяевъ на новыхъ мѣстахъ и постепенное увеличеніе семьи, вызывающее соразмѣрное расширеніе помѣщенія; достатокъ наступаетъ туго, послѣ долгихъ лѣтъ жизни, полной лишеній, и конечное устройство домашняго очага является для членовъ семьи тѣмъ болѣе дорогимъ гнѣздомъ, что каждая часть этого неуклюжаго подчасъ, но тѣмъ не менѣе удобнаго цѣлаго и нехитрыхъ его принадлежностей возникала и росла въ силу настоятельныхъ требованій, постановленныхъ самою сутью интимнаго существованія семьи; молодымъ членамъ ея предоставляется затѣмъ, въ свой чередъ, слѣдовать примѣру родителей, селясь гдѣ-нибудь по близости роди-

тельскаго дома, если юная непосѣдливость и предпріимчивость не потянутъ ихъ пытать счастья на далекую сторону.

Какъ самъ капитанъ Ригби, удержавшій за собой это званіе съ послѣдней войны, въ которой участвовалъ добровольцемъ, такъ и жена его Руѳь, любили обращать вниманіе посѣтителей на первоначальное зерно, изъ котораго разросся ихъ теперешній вѣтвистый очагъ, вводя пріѣзжаго въ гостиную, которая представлялась теперь большой, комфортабельной комнатой, устланной хорошимъ, прочнаго домашняго издѣлья, ковромъ. Уставлена эта гостиная была удобною, хотя и сборною мебелью, съ инструментомъ прекраснаго звука промежъ двухъ дверей; большая кругообразная горка занимала одинъ изъ угловъ, и полки ея были сплошь заставлены сотнями различныхъ экземпляровъ минераловъ, собранныхъ самимъ хозяиномъ или же вымѣненныхъ имъ на другіе камни и ископаемые въ теченіе болѣе чѣмъ четверти столѣтія—времени, которымъ, по собственному выраженію капитана, исчислялся періодъ существованія его послѣдняго „конька“: страстнаго увлеченія геологіей.

Что гостиная эта была жилая, а не показная лишь комната, бросалось въ глаза при первомъ взглядѣ на груды нотъ, сваленныхъ въ изрядномъ-таки безпорядкѣ на стулѣ и на полу у піанино, по прислоненной къ нему негритянской гитарѣ—банджо, по забытымъ на столѣ, среди альбомовъ, катушкамъ, наперстку. Да и все въ комнатѣ говорило о повседневной, интимной жизни сжившейся со своимъ угломъ семьи, не стѣсненной въ дѣйствіяхъ никакимъ рутиннымъ педантизмомъ. На каминѣ красовалась недоконченная сова, вырѣзываемая изъ дерева въ часы досуга молодымъ Джимми, и тутъ же рядомъ лежалъ открытый ножикъ, призанятый имъ для этого дѣла у старшаго брата; письма, безъ всякой симетріи, высовывались изъ клѣточекъ и ящиковъ письменнаго стола, изъ-подъ выступавшаго, полуотодвинутою внутрь круглой рубчатой крышкой, по самой серединѣ громоздкаго, старомоднаго шкафа, весь верхъ котораго сплошь занятъ былъ полками книгъ; яркіе переплеты ихъ виднѣлись за маленькими стеклами и хитро задуманными клѣтками двустворчатыхъ дверецъ. Не могло быть въ томъ и сомнѣнія, что хозяйскій женскій глазъ часто и любовно останавливался на вышитыхъ шелками по *papier piqué* изреченіяхъ, красовавшихся на стѣнахъ, и на главномъ монументѣ фамильнаго женскаго искусства—на вѣерѣ огромныхъ размѣровъ, хитро составленномъ изъ разнокалиберной узорчатой обойной бумаги; очевидно, онъ предназначался хозяйками на эстетическое украшеніе боковой стѣны, слишкомъ оголенной въ

сравненіи съ угломъ, занятымъ горкою хозяина и другими стѣнами, завѣшанными фотографіями въ дешевыхъ рамкахъ.

Несмотря, однако же, на издавна привычныя сборища семьи въ этой гостиной, все же новая обстановка комнаты и украшенія ея не вытѣснили изъ умовъ хозяевъ памяти о прошломъ; очки Руѳи Ригби неизмѣнно подергивались подозрительнымъ туманомъ и вызывали ее на усиленное протираніе ихъ фартукомъ, лишь только молодцоватый еще, несмотря на свой седьмой десятокъ лѣтъ, капитанъ, вводя посѣтителя въ гостиную, втягивался въ воспоминанія о прошломъ. И лились при такомъ случаѣ нескончаемые разсказы Дана Ригби о томъ времени, когда этой одной комнатой ограничивался весь домъ, построенный имъ здѣсь, въ самой чащѣ лѣсной, съ четверть вѣка назадъ; поясняль онъ, какъ подростаніе дѣтей вынудило его построить ту часть, что примыкаетъ къ гостиной и зовется сборной комнатой; какъ дѣти, посмотрясь на этомъ свѣтѣ, набрались храбрости, вытѣснили семейную печку для стряпни за предѣлы владѣній своихъ, и какъ надъ изгнанной печкой, въ ограду обѣдовъ отъ произвола бурныхъ стихій, пришлось, хочешь-нехочешь, выстроить навѣсъ, превратившійся затѣмъ, волею судебъ, въ другую комнату, тогда какъ наѣздъ, временами, многочисленныхъ друзей и знакомыхъ, понабравшихся у хозяевъ за долгую тяжелую кочевку по разнымъ дальнимъ мѣстамъ ихъ широкаго отечества, вызвалъ пристройку комнаты тутъ же, бокъ-о-бокъ съ гостиной.

Будь личность гостя мало-мальски симпатична капитану, онъ неизмѣнно вдавался и въ дальнѣйшія, болѣе интимныя подробности исторіи дома, разсказывая о томъ, какъ разросшееся хозяйство и увеличивающаяся семья тяжело ложились на старѣющую Руѳь, такъ что пришлось вдвое противъ прежняго ограждать ея силы и нервы, и, за полной невозможностью оторвать ее отъ исполненія всѣхъ домашнихъ работъ, пристроить къ самой кухнѣ сарайчикъ для дровъ и для удобства лѣтней стряпни на прохладномъ сквознякѣ; какъ опять-таки непокладистые нервы Руѳи—и это уже говорилось съ любовно укоризненнымъ и нѣсколько лукавымъ взглядомъ въ сторону жены, виновницы всѣхъ золъ—продолжали вершить свое дѣло и вызвали его на постройку добавочной комнаты, гдѣ бы ему складывать свой хламъ,—какъ звала жена его коллекцію камней, череповъ и старыхъ книгъ,—заводящій, видите, въ жилыхъ комнатахъ моль и крайній безпорядокъ; а претензіи подростающихъ дочерей не только вызвали обнесеніе всего дома широкой крытой верандой, но и всю семью вытѣснили на спанье изъ первоначальныхъ предѣловъ, такъ что

безъ надстройки спаленъ и всего верхняго этажа рѣшительно не представлялось возможности обойтись.

Хотя Руѳь и встрѣчала всѣ эти шутливыя рѣчи лучезарной улыбкой полнѣйшаго счастья и тѣмъ будто опровергала ссылки своего словоохотливаго старика на его тяжкій семейный крестъ и ея бѣдовые нервы, надѣлавшіе въ прошломъ столько переполоха при домашнемъ очагѣ, посѣтителю все же трудно было не вѣрить существованію этихъ нервовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя ему было и не поблагодарить судьбу за ихъ слабость: именно благодаря этимъ бѣдовымъ нервамъ, на извѣстномъ пунктѣ мужняго разсказа, неизмѣнно снимались очки, придававшія блѣдному лицу Руѳи Ригби нѣсколько взыскательно сосредоточенное выраженіе, и тогда взгляду гостя, безъ всякихъ уже преградъ, представлялась пара добрыхъ темныхъ, глубокихъ и очень еще блестящихъ глазъ, которыми, за-одно съ улыбкой, освѣщалось худощавое, но все еще, несмотря на сѣдые волосы, моложавое лицо хозяйки. Со стороны ее легко бы еще можно было принять за молодую особу, если судить по прямой, какъ тополь, фигурѣ ея и легкой, быстрой поступи, которой она неустанно, съ ранняго утра и до поздняго вечера, обходила весь домъ, кухню, огородъ и сараи, въ однѣхъ своихъ рукахъ держа бразды матеріальнаго управленія домомъ и нравственнаго и физическаго удовлетворенія семьи, или—какъ выражался, по старой военной привычкѣ, капитанъ—завѣдуя какъ коммиссаріатомъ, такъ и духовнымъ продовольствіемъ всей семьи Ригби.

И не глупыя ли, на самомъ дѣлѣ, шутки играли эти нервы съ почтенною личностью Руѳи Ригби, доводя ее, при всей ея врожденной сдержанности и привитой пуританскою дисциплиною строгой правдивости, до такой, недостойной солидной матроны, увертки, какъ это недоумѣвающее протираніе очковъ: точно будто затуманивались они отъ какихъ-то непредусмотрѣнныхъ и вполнѣ загадочныхъ причинъ, а никакъ не отъ слезъ, неизмѣнно вызываемыхъ мужниными разсказами изъ далекаго счастливаго прошлаго, разросшагося въ еще болѣе солидное счастье настоящаго? Добро бы еще введена была она мужемъ въ ихъ первоначальную избушку молодой новобрачной, начинавшей жизнь полною самыхъ радужныхъ надеждъ и мечтаній, подъ наитіемъ которыхъ и самая жалкая лачуга готова показаться за царскіе чертоги. Но ничуть того и не бывало.

Довольно-таки жестко помяла жизнь ихъ обоихъ задолго до того времени, какъ, лѣтъ съ двадцать-пять тому назадъ, вернувшись съ войны, поселился здѣсь Данъ Ригби съ женою, въ гу-

стой еще тогда лѣсной чащѣ, въ твердой рѣшимости снова бодрымъ духомъ приступить къ устройству очага, не взирая на первыя четырнадцать лѣтъ ихъ совмѣстной жизни, которые всѣ прошли въ горѣ, лишеніяхъ, тяжкихъ, невознаградимыхъ утратахъ. Теперь Руѳь Ригби, правда, смотрѣла степенной, разсудительной матроной, но почему бы и этому не быть однимъ изъ „напускныхъ ея фокусовъ“, подобныхъ тѣмъ, къ какимъ она прибѣгала, чтобы скрывать свою надоѣдливую нервность или же тотъ врожденный въ ней эгоистическій деспотизмъ, которые, по серьезнѣйшему завѣренію Дана Ригби, не только его самого въ баранiй рогъ согнули, но выжили теперь и дорогія коллекціи его не только изъ первоначально примощенной для нихъ сбоку дома свѣтелки, но и изъ самаго дома; кабинетъ капитана помѣщался теперь уже по ту сторону лужайки, въ бревенчатой просторной избѣ, носящей названіе конторы. Будь Руѳь Ригби и на самомъ дѣлѣ такъ степенна и разумна, какою казалась она на видъ, не связала бы она судьбу свою съ судьбою Дана Ригби, который и въ ранней молодости долженъ былъ, конечно, проявлять тѣ безпокойныя черты нрава, что сдѣлали его впослѣдствіи преданнымъ другомъ и ревностнымъ помощникомъ Джона Брауна; а Брауна негры звали освободителемъ, сѣверяне — героемъ-мученикомъ, робкіе торгаши—безумнымъ фанатикомъ, южане-плантаторы и клевреты ихъ—бѣшенымъ маніакомъ, анаѳемой, нарушителемъ конституціи и измѣнникомъ отечества. Браунъ твердо увѣренъ былъ въ правотѣ своей (Богомъ, какъ увѣрялъ онъ, испоконъ вѣка предопредѣленной) миссіи, твердымъ шагомъ шелъ 2-го декабря 1859 года принимать мученическій вѣнецъ на висѣлицѣ при *Harpers Ferry*, въ старой, аристократической Виргиніи, и съ спокойнымъ духомъ подставилъ свою сѣдую голову подъ колпакъ и петлю во искупленіе, на этомъ алтарѣ рабовладѣльческой гордыни, того вопіющаго преступленія, а именно, что онъ положилъ все свое имущество, десятки лѣтъ жизни и энергіи на борьбу съ чудовищемъ рабства въ отечествѣ своемъ,—безропотно поступясь на пользу „дѣла“ жизнью трехъ молодыхъ сыновей, легшихъ костьми на полѣ братоубійственныхъ схватокъ, среди многихъ другихъ его преданныхъ друзей и сторонниковъ.

XVII.

Совсѣмъ еще молодымъ человѣкомъ поддался Данъ Ригби на пылкія воззванія суроваго фанатика Джона Брауна—оригинала, по собственному сознанію не признававшаго иного въ жизни

руководства, какъ рьяно-демократическіе принципы, включенные въ историческій документъ „Объявленія Независимости Штатовъ отъ Англіи“ въ 1776 году, ни иного кодекса законовъ, кромѣ старыхъ, какъ сама христіанская эра, принциповъ, провозглашенныхъ впервые нагорною проповѣдью Христа. И вѣрный ученію тому, молодой Данъ продалъ и на самомъ дѣлѣ все, что онъ имѣлъ, и послѣдовалъ, въ числѣ десятка-другого другихъ молодцовъ, за Джономъ Брауномъ въ Канзасъ, чтобы, въ ожиданіи желаннаго открытія борьбы не на жизнь, а на смерть, съ чудовищемъ рабовладѣльчества на югѣ, произвести себѣ пробу силъ, противясь насильственному водворенію рабства на этой только-что открытой для заселенія территоріи. Послѣдовала за нимъ и молоденькая Руѳь, захвативъ съ собою едва начинавшаго подниматься на ноги сынишку.

И потянулись для воодушевленной идеей всеобщей свободы и равенства молодежи тѣ тяжелые, но тѣмъ не менѣе славные по воспоминаніямъ годы пролога къ длинной братоубійственной войнѣ, когда рѣдкому изъ нихъ не представлялось случая отличиться молодеческой отвагой въ вооруженныхъ стычкахъ съ превосходившими ихъ числомъ эмиссарами гордыхъ плантаторовъ, подобранныхъ изъ разныхъ шлявшихся безъ дѣла разночинцевъ и промотавшихся джентльменовъ — для того, чтобы хорошенько вздуть и разсѣять по всѣмъ четыремъ вѣтрамъ шайку Брауновскихъ головорѣзовъ; они явились подъ самыя стѣны рабовладѣльческой твердыни бороться противъ системы, давно признанной бѣлымъ населеніемъ юга за необходимую почву для взращенія и поставки на пользу отечества рѣдкостныхъ продуктовъ—государственныхъ людей, дипломатовъ и разныхъ другихъ отборныхъ особей человѣческой породы, по самому праву рожденія своего предназначаемыхъ къ руководству дѣлами великой республики.

Палъ въ открытомъ неравномъ бою мальчикъ — братъ Дана Ригби; предательски убитъ былъ и другой братъ врагомъ изъ-за угла: но не время было понурить голову надъ личными утратами, когда все окружное населеніе, какъ на подборъ состоявшее изъ людей, готовыхъ, съ оружіемъ въ рукахъ, отстаивать принципъ свободы новой территоріи отъ рабства, содрогалось отъ ярости при видѣ вопіющихъ надругательствъ надъ свободой голоса, въ которыя вдавались плантаторскіе эмиссары, цѣлыми оравами набѣгавшіе изъ сосѣдняго Миссури подавать, безъ всякаго на то права, голоса свои на мѣстныхъ выборахъ, въ видахъ проведенія законовъ, крѣпко утверждающихъ рабство. Смерть братьевъ лишь

еще болѣе закалила Дана Ригби въ рѣшимости добиться цѣли, къ которой стремился старый Джонъ Браунъ—или же костьми лечь въ рядахъ его послѣдователей: и сталъ Данъ Ригби правою рукою „фанатика-героя", тогда какъ Руѳь вся ушла въ заботы о коммиссаріатѣ, объ укрытіи дѣтей, остававшихся безъ крова послѣ каждаго изъ многочисленныхъ поджоговъ ихъ домовъ и усадьбъ, учиняемыхъ суровыми насадителями благъ рабовладѣльческой цивилизаціи. Непривыкшая разсчитывать на защиту всегда почти находившагося въ опасныхъ „командировкахъ" мужа, Руѳь давно предала себя и своихъ въ руки Всевышняго, какимъ представлялся Онъ ей по раннему сродству ея ума въ строго пуританской отцовской семьѣ съ книгами Ветхаго Завѣта, – Богомъ библейскаго Гедеона, Богомъ мести, огня и меча, предначертаніямъ котораго суждено порою водворяться на землѣ средствами, чуть ли не болѣе самаго зла для кроткой натуры ненавистными...

Въ концъ обойденный чарами магнетическаго стараго Брауна, Данъ не раздѣлялъ пугливаго недовѣрія Руѳи къ тѣмъ средствамъ, которыми, по планамъ Джона Брауна, должна была, въ концѣ концовъ, быть обезпечена побѣда надъ хитрымъ и неразборчивымъ на орудія врагомъ: по одному взгляду идола своего, Брауна, Данъ однимъ изъ первыхъ вызвался пробраться въ Южную-Каролину съ тѣмъ, чтобы въ самомъ станѣ врага наблюдать его дѣйствія, выслѣживать планы его, а главное—вдохновлять идеей свободы рабовъ-негровъ, раздавая имъ тайкомъ оружіе и подготовляя ихъ разомъ подняться противъ владѣльцевъ своихъ и по первому сигналу стать подъ команду заранѣе намѣченныхъ, испытанныхъ уже въ канзасскій періодъ лидеровъ, которыхъ, въ часъ подготовляемаго повсемѣстнаго возстанія негровъ, предстояло узнавать по условленнымъ значкамъ.

И училъ Данъ Ригби рабовъ со всею слѣпотою беззавѣтнаго увлеченія молодого борца за идею: училъ тому, какъ сообща имъ пробить себѣ огнемъ и мечемъ дорогу къ свободѣ, не останавливаясь на этомъ тяжкомъ пути изъ-за жалости къ нѣкоторымъ добрымъ хозяевамъ, не заботясь объ отдѣленіи злыхъ отъ добрыхъ, плевеловъ отъ пшеницы, а ежечасно помня, что дѣло идетъ не о воздаяніи каждому по заслугамъ его, а о ниспроверженіи всей насажденной вѣками вредоносной системы, и что для блага всѣхъ необходимо будетъ принести въ жертву многихъ, хотя и неповинныхъ лично людей...

Проповѣдуя открыто эту политику огня и меча, Данъ Ригби становился чуть ли не большимъ радикаломъ, чѣмъ самъ Джонъ Браунъ, который хотя и держался тѣхъ же взглядовъ, все же

не провозглашалъ ихъ открыто самимъ неграмъ, не пускалъ шутихъ у самаго пороха. Но въ Данѣ не было ни малѣйшихъ задатковъ политика или дипломата, вѣчно выжидающаго удобнаго момента, вѣчно выгадывающаго себѣ лазейку: онъ не могъ ничего выгораживать, не могъ ничего и замалчивать тамъ, гдѣ дѣло шло о системѣ, угнетавшей милліоны неповинныхъ темнокожихъ, разгонявшей семьи по всѣмъ четыремъ вѣтрамъ, допускавшей продажу отцовъ, матерей и дѣтей въ разныя руки, истязаніе непокорныхъ — водвореніе разврата, возведеннаго въ систему подъ предлогомъ скрещиванья породъ въ отдѣльныхъ особяхъ, въ видахъ воспроизведенія расы наибольшей выносливости для полевыхъ фермерскихъ работъ... „Нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ! — чуть не съ пѣной у рта вторилъ Данъ Ригби своему предводителю Джону Брауну:—самъ Творецъ Небесный вложилъ мечъ, огонь и веревку въ руку надѣленнаго умомъ пониманія и чутьемъ справедливости бѣлаго человѣка — вложилъ ихъ въ его руку на то, чтобы жечь, убивать, какъ собакъ, вѣшать и плантаторовъ, и наемниковъ, и агентовъ ихъ—всѣхъ тѣхъ, что орудуютъ рабами какъ меринами и кобылами на конномъ заводѣ... Лучше ужъ пусть сотрется цѣлое поколѣніе людей съ лица земли, — лучше ужъ пускай погибнутъ насильственною смертью всѣ мужчины, женщины и даже дѣти, чѣмъ допустить дальнѣйшее надруганіе такого рода надъ завѣтами Библіи и основными принципами знаменитаго „Объявленія Американской Независимости“!... —говорилъ съ своей стороны старый Браунъ, а Данъ Ригби готовъ былъ при всякомъ случаѣ на ножи идти, отстаивая тѣ же идеи.

Опасная миссія подготовки негровъ-рабовъ къ открытому возстанію противъ плантаторовъ обошлась, однако же, Дану Ригби не особенно дорого: спасаясь отъ выслѣдившихъ его, наконецъ, озлобленныхъ плантаторовъ, ему пришлось съ недѣлю всего пробродить лѣсами, питаясь, какъ первобытный человѣкъ, листвой и кореньями; когда же счастливая звѣзда довела его, ободраннаго и полумертваго отъ голода, до одного, имъ же, съ содѣйствіемъ сѣверныхъ аболюціонистовъ, организованныхъ тайныхъ этаповъ знаменитой подземной желѣзной дороги,—черезъ которые, изъ рукъ въ руки добрыхъ людей, передавались съ мѣста на мѣсто, укрывались и проводились на сѣверъ тѣ негры, которымъ удавалось бѣжать отъ хозяевъ,—то и Данъ Ригби, въ свою очередь, добрался до главной квартиры архи-агитатора Джона Брауна, на самомъ себѣ испытавъ всѣ невзгоды и ужасы, переживаемые бѣглецомъ-рабомъ, за которымъ гонится свора готовыхъ его разорвать плантаторскихъ собакъ.

Шевельнулось, навѣрное, тутъ — и едва ли не впервые по отношенію къ бѣлому человѣку — сердце закоренѣлаго фанатика Брауна, весь запасъ состраданія котораго всецѣло, казалось, уходилъ на негровъ и, затѣмъ, кристаллизировался въ одну манію искорененія, во что бы то ни стало, рабовладѣльчества въ странѣ: на югъ онъ болѣе своего преданнаго Дана не послалъ, а отправилъ его съ болѣе легкимъ порученіемъ завербовки волонтеровъ на „дѣло“ среди укрывшихся уже въ Канадѣ, бѣжавшихъ за многіе прошлые года, рабовъ, выискивая среди тамошней сорокатысячной, болѣе или менѣе цвѣтной колоніи — добровольцевъ, готовыхъ рискнуть болѣе чѣмъ жизнью на то, чтобы идти на югъ мутить тамошнихъ рабовъ, разгорячая ихъ разсказами о вольности и подготовляя исподоволь всеобщее возстаніе рабовъ.

Бурнѣйшая пора жизни Дана Ригби, казалось, тутъ миновала, и Руѳь съ облегченнымъ сердцемъ уложила скудные семейные пожитки и снарядила дѣтей въ путь, въ Канаду, изъ которой затѣмъ вызвала ихъ уже смерть попавшагося-таки, наконецъ, въ руки южанъ стараго „мятежника и измѣнника Брауна“. А все же и тутъ, вмѣсто того, чтобы вздохнуть, наконецъ, свободнѣе за себя и своихъ, безразсудная Руѳь, вѣрная своимъ бѣдовымъ нервамъ и наперекоръ своей пуританской выдержкѣ, лила по старомъ фанатикѣ искреннія слезы, а затѣмъ — опять таки вопреки всѣмъ принципамъ здраваго смысла—за-одно со многими другими изъ прежнихъ мятежниковъ и измѣнниковъ ликовала, снаряжая своего дорогого Дана на открытую уже самимъ правительствомъ войну противъ зазнавшихся рабовладѣльцевъ.

Четверть вѣка прошло съ того смутнаго времени; четверть вѣка уже прожилъ Данъ Ригби, мѣрно выступая за плугомъ на фермѣ своей, подрѣзая вѣтки фруктовыхъ деревьевъ, осмаливая невода и изъ года въ годъ взимая съ земли щедрую дань на поддержку семьи и на устройство прочнаго семейнаго гнѣзда. Мирная цѣль эта давно уже была достигнута: ферма округлилась на славу; земля, деревья и вода даютъ хорошіе урожаи зерна, плодовъ, вина, сидра, рыбы и устрицъ; на сторонѣ скуплены заливные луга, съ которыхъ собирается много тоннъ приморскаго соленаго сѣна; дочери повыданы замужъ за хорошихъ людей, сыновья также стали на ноги; а старый Данъ Ригби все еще не утратилъ воинственной осанки, пріобрѣтенной за время боевой жизни въ суровомъ канзасскомъ стану Джона Брауна.

XVIII.

Саженнаго роста, прямой, широкоплечій старикъ бодро еще держалъ свою сѣдую, львинообразную голову, спокойно поглаживая длинную рыжевато-бѣлую бороду и пристально всматриваясь съ крыльца своей берлоги въ партію гостей, подкатившихъ къ главному дому.

— Здорово живете, капитанъ Ригби! — весело окликнулъ его Гиксъ, кивая ему съ козелъ головой:—гдѣ бы у васъ лошадей привязать?.. Я вамъ цѣлую компанію гостей навезъ...

— Кого я вижу?.. Абрамъ Гиксъ? Да и впрямь—Абрамъ Гиксъ! — Давно ли опять въ нашихъ краяхъ? Какъ поживаете, другъ Абрамъ?

Капитанъ быстрыми шагами перешелъ лужайку и усердно трясъ въ обѣихъ своихъ рукахъ широкую руку, протянутую ему съ козелъ Гиксомъ.—Радъ, душевно радъ, братъ Абрамъ, радъ всѣмъ друзьямъ вашимъ.

— Понятное дѣло, капитанъ,—рады: какихъ еще друзей я вамъ навезъ — первый что ни на есть сортъ!—шутливо отозвался Гиксъ, приступая къ представленію своихъ спутниковъ.—Вотъ вамъ нумеръ первый—миссисъ Альва Флинтъ, нарочно прикатившая изъ Нью-Іорка попытать худодѣйственнаго вліянія вашихъ морскихъ купаній,—раскатился громкимъ хохотомъ Абрамъ Гиксъ; онъ не скрывалъ восторга своего отъ того, что самъ почиталъ весьма-таки мѣткимъ камешкомъ, брошеннымъ въ огородъ миссисъ Флинтъ, частенько точившей на немъ свой острый язычокъ.— А это миссъ Магги Стромъ и мистеръ Стивенъ Моррисъ... Съ докторомъ, я полагаю, вы уже не впервые, капитанъ, встрѣчаетесь?

— Какъ же, какъ же доктора Кларка въ нашихъ краяхъ не знать, — будто бы посдержаннѣе отвѣчалъ Данъ Ригби, спѣшно пожимая доктору руку и помогая высаживать изъ экипажа дамъ.

— Такъ и до васъ сюда дошелъ слухъ о политическомъ магѣ и волшебникѣ?—шутливо ввернула свое словцо миссисъ Флинтъ, спрыгивая съ высокой подножки экипажа съ легкостью, вполнѣ опровергающей инсинуацію Гикса насчетъ ея полновѣсности.—Но у васъ вѣдь, капитанъ, нѣтъ здѣсь никакихъ чающихъ движенія политическихъ водъ людей, которымъ приходится прибѣгать къ нашему общему другу, доктору.

Но на этотъ разъ замѣчаніе миссисъ Флинтъ не попало въ

цѣль: капитанъ пріостановился на минуту, будто взвѣшивая значеніе этой непривычной ему въ посторонних фамильярности, пристально взглянулъ на бойкую даму и, обращаясь къ доктору, прибавилъ:—Радъ буду возобновить съ вами знакомство, докторъ; позаботимся только сначала о дамахъ...

Миссисъ Флинтъ, давно выработавшая въ себѣ практичную привычку подхватывать въ свои паруса малѣйшее дуновеніе вѣтра налету, разомъ сообразила, что сдѣлала ошибку, въ которую больше впадать не слѣдуетъ: „Капитанъ,—рѣшила она,—юмора не цѣнитъ, то-есть, не понимаетъ его". Миссисъ Альва не допускала и мысли о томъ, чтобы человѣкъ, надѣленный нервной системой, достаточно отзывчивой на то, чтобы не только понимать, но и чуять юморъ—могъ его не цѣнить, хотя бы юморъ этотъ былъ направленъ даже противъ него самого. Юморъ, какъ это давно было опредѣлено миссисъ Альвой Флинтъ, былъ даромъ боговъ, споконъ вѣка предназначеннымъ на то, чтобы жизнь облегчать бѣдняку, а пожалуй даже и смерть—богатому: удивительно еще, какъ это, мастера на выдумку, древніе не изобрѣли въ свое время бога юмора!.. „А можетъ быть,—думала при этомъ миссисъ Флинтъ,—можетъ быть когда-нибудь былъ такой богъ на Парнассѣ"... Миссисъ Альва не кичилась особенно фундаментальнымъ знаніемъ миѳологіи или какихъ иныхъ наукъ. Жизнь на добычу всего этого знанія была слишкомъ коротка,—особенно ея собственная жизнь, всецѣло ушедшая въ неустанную борьбу за существованіе.

— Милости просимъ въ комнату, я сейчасъ извѣщу миссисъ Ригби и мою дочь,—нѣсколько церемонно привѣтствовалъ капитанъ гостей, вводя ихъ въ пріемную и направляясь за хозяйками: предосторожность, казалось бы, излишняя, если принять во вниманіе, что подобное событіе, какъ пріѣздъ гостей на глухую ферму, не могло остаться незамѣченнымъ такими прозорливыми карими глазами, какими надѣлена была стройная, какъ тополь, дѣвушка, которую капитанъ тутъ же вывелъ къ гостямъ, представляя ее какъ дочь свою, Эсѳирь. Недоразвившаяся еще фигура дѣвушки казалась еще худощавѣе въ своемъ простомъ полосатомъ платьѣ, падавшемъ прямыми, плоскими складками отъ самаго кожанаго пояса, по отсутствію тѣхъ самыхъ дамскихъ аксессуаровъ, которыми исключалась всякая прямолинейность изъ туалета пріѣхавшихъ дамъ. Не заставила ждать себя и сама хозяйка, причемъ какъ мать, такъ и дочь не преминули начать разговоръ съ извиненій насчетъ своего рабочаго костюма—извиненій тоже, казалось бы, излишнихъ, при ихъ чистыхъ, непомятыхъ платьяхъ; хотя, очевидно, при всей молодой зоркости Хетти

Ригби, и ей, и матери ея, едва ли было время съ пріѣзда гостей что-либо поправить въ своемъ туалетѣ, кромѣ спѣшнаго приглаженія волосъ мокрой щеткой; влажные волосы Хетти казались теперь отъ воды еще чернѣе и еще рѣзче отдѣлялись отъ бѣлоснѣжнаго лица и шеи, предохраненныхъ отъ загара старозавѣтными солнечными чепцами американскихъ сельскихъ обитательницъ.

— Мы только-что отъ ужина — запоздали сегодня изъ-за воскресной лѣни,—пояснила миссисъ Ригби, обращаясь къ гостямъ:—но, можетъ быть, и вы послѣ катанья скушаете чего-нибудь?

— Нѣтъ, благодарствуйте, мы плотно поужинали,—отвѣчали въ одинъ голосъ пріѣзжіе.—Да и наше катанье невелико,—добавила миссисъ Флинтъ:—сюда отъ отеля и обратно десяти миль не будетъ; мы раньше одиннадцати можемъ быть дома.

— Нѣтъ, ужъ назадъ вамъ домой сегодня не попасть!—спокойно возразилъ капитанъ.—Квэкерская лощина теперь скоровся подъ водой будетъ.

— Такъ намъ сейчасъ же и выѣзжать слѣдовало бы,—засуетился докторъ Кларкъ, — какъ ни жаль мнѣ разстроивать всеобщее удовольствіе.

— Не мѣшало бы, полагаю, спросить сначала согласія лэди: позволятъ ли онѣ еще себя увезти,—укоризненно перебилъ доктора капитанъ, который, какъ истый американецъ, ни при какихъ обстоятельствахъ не забывалъ выставлять впередъ желаніе дамъ, хотя это нимало не мѣшало ему, подобно другимъ мужчинамъ, пользоваться услугами женщинъ въ домашнемъ своемъ быту такъ же свободно, какъ бы услугами наемной прислуги.

— Да успокойтесь, докторъ, переѣхать лощину вбродъ уже не поспѣете; на нее мигомъ набѣгаетъ вода съ приливомъ, который до насъ доходитъ, лишь только наступаетъ полный отливъ у васъ, при отелѣ.

— Что же дѣлать, докторъ? придется покориться судьбѣ,—успокоивала, полушутя, полусерьезно, видимо недовольнаго доктора миссисъ Альва Флинтъ.—Благодарите еще судьбу, что мы попали въ такія хорошія руки. Миссисъ Ригби уже, конечно, не откажется насъ пріютить на ночь.

— О, конечно, конечно!—радушно отозвалась Руѳь, вся просіявъ отъ пріятной перспективы похвастаться передъ такимъ компетентнымъ судьей, какимъ, очевидно, была во всемъ миссисъ Флинтъ, тѣмъ порядкомъ, съ которымъ содержался у нея весь домъ; женщины — не то, что мужчины, передъ которыми такъ часто приходится самолюбивымъ хозяйкамъ совсѣмъ задаромъ ме-

тать бисеръ своихъ самыхъ утонченныхъ хозяйственныхъ приспособленій—женщины несомнѣнно оцѣнятъ тонкость кружевныхъ прошивокъ, вставленныхъ въ накинутыя на подушки покрывала, исчислитъ ту массу труда и мелкихъ соображеній, что вложены были въ стеганое одѣяло, составленное изъ мельчайшихъ разноцвѣтныхъ, на разные манеры расшитыхъ лоскутковъ, собираемыхъ въ теченіе лѣтъ всевозможными путями и ухищреніями; не укроются, знала она, отъ женскаго глаза ни искусство, приложенное къ глаженью домашняго бѣлья, ни блескъ отчищеннаго, не хуже лучшаго серебра, мельхіора на столѣ—всѣ тѣ мелочи, которыми устилается путь къ всестороннему удовлетворенію человѣка, и которыя все же принимаются безъ всякой серьезной оцѣнки—будто манна, валящаяся на нихъ съ небесъ—мужчинами, всегда готовыми всѣмъ пользоваться, но неспособными, какъ женщины, разлагать на составныя части сущность самыхъ даже пріятныхъ для нихъ ощущеній.

Такого рода пріятное предвкушеніе своихъ успѣховъ неизмѣнно, однакожъ, связано бываетъ, въ умахъ добрыхъ хозяевъ, съ нѣкотораго рода лихорадочнымъ волненіемъ; этою собственно легкою дозою неувѣренности, впрочемъ, и обезпечивается полнота слѣдующаго затѣмъ удовольствія: абсолютная увѣренность способна извлечь всякую соль изъ ожидаемыхъ успѣховъ. Живя на полномъ деревенскомъ просторѣ, Руѳь Ригби менѣе другихъ выработала въ себѣ контроль надъ собственными побужденіями, и теперь положительно уже не могла усидѣть за пустыми разговорами съ гостями, когда такое множество вещей требовало вниманія ея хозяйственнаго глаза.—Пойдемъ, Хетти,—позвала она дочь, и пояснила миссисъ Альвѣ и Магги:—у насъ еще посуда отъ ужина не перемыта, вы насъ извините; мы, впрочемъ, скоро уберемся.

— Сейчасъ, мама: я только проведу нашихъ гостей въ гостиную—они могутъ пока заняться альбомами,—возразила дочь.

Говорила Хетти Ригби пѣвучимъ, нѣсколько носовымъ американскимъ акцентомъ, свойственнымъ всѣмъ предоставленнымъ собственнымъ инстинктамъ въ говорѣ янки; у самого капитана носовые звуки значительно были сглажены раннимъ образованіемъ, полученнымъ имъ въ одной изъ восточныхъ коллегій, но въ дочери своей онъ видимо этого клейма плебейскаго происхожденія — какъ сказала бы миссисъ Моррисъ—не замѣчалъ, и первый послѣдовалъ за Хетти въ гостиную, облекаясь самъ мимоходомъ, въ честь дамъ, въ сюртукъ, который висѣлъ на гвоздѣ тутъ же, при входѣ въ парадную комнату дома.

Абрамъ Гиксъ не проявилъ ни малѣйшаго возбужденія, когда, при входѣ въ комнату, его встрѣтили миссисъ Флинтъ и Магги сообщеніями о томъ, что придется на фермѣ провести ночь. Стивенъ часто говаривалъ, что въ мистерѣ Гиксѣ должна быть навѣрное частица индѣйской крови—иначе онъ не могъ бы удерживать ту же деревянную невозмутимость при самыхъ различныхъ и возбуждающихъ обстоятельствахъ. Можно, конечно сомнѣваться въ способностяхъ Стивена полагать вѣрный діагнозисъ ощущеніямъ столь несимпатичнаго ему человѣка, какъ Абрамъ Гиксъ, который—точно по врожденному духу противорѣчія—несомнѣнно казался еще деревяннѣе въ присутствіи блестящей миссисъ Моррисъ или находчивой на ѣдкія реплики миссъ Эльзы. Въ настоящемъ, впрочемъ, случаѣ невозмутимость Абрама Гиксъ была бы дамамъ вполнѣ понятна, еслибы онъ соблаговолилъ имъ пояснить, что только-что обсудилъ всѣ дѣла съ хозяйскимъ младшимъ сыномъ Джимми и успѣлъ уже сводить выпряженныхъ лошадей на водопой и задать имъ щедрую мѣру овса.

Никто изъ людей, знавшихъ энергію Гикса въ дѣлахъ и быстроту его рѣшеній въ пору наиболѣе опасныхъ кризисовъ, не рѣшился бы взвести на него упрекъ въ апатіи или неподвижности; однако нельзя было отрицать, что въ повседневной жизненной рутинѣ Абрамъ Гиксъ обыкновенно не благоволилъ пальцемъ шевелить въ видахъ того или другого направленія мнѣній и дѣйствій людей, не представлявшихся ему вѣрными.

Такъ и теперь: вмѣсто того, чтобы положить однимъ словомъ конецъ разсказамъ и возбужденнымъ толкамъ дамъ насчетъ сущности постигшей ихъ всѣхъ задержки, Абрамъ Гиксъ съ обычною невозмутимостью выслушивалъ всѣ сыпавшіяся на него рѣчи, держа, съ видомъ послушнаго школьника, шляпу въ рукахъ и оглядывая комнату. Взоры его были тутъ же, впрочемъ, привлечены красовавшейся на стѣнѣ платяной щеткой, на футлярѣ которой изъ papier-piqué наивно красовалось на славу расшитое бисеромъ и шелкомъ приглашеніе: „Почистите себѣ платье!“... И Гиксъ, съ тѣмъ же видомъ послушнаго мальчика досталъ щетку и принялся, согласно вышитому внушенію, усердствовать ею по рукавамъ и плечамъ своего темнаго пиджака, къ немалой забавѣ миссисъ Флинтъ, наблюдавшей одновременно и Гикса, и мимику скандализированной Магги; тогда какъ докторъ, не рѣшаясь еще искать утѣшенія въ давно дразнящей его воображеніе сигарѣ, со вздохомъ вожделѣнія бросилъ прощальный взглядъ на парный со щеточнымъ спичечный футляръ, изреченіе на которомъ пригла-

шало „потереть ему спину“ — и, заложивъ руки за спину, двинулся вслѣдъ за капитаномъ и Стивеномъ въ гостиную.

— Дайте сюда, я вамъ помогу, мистеръ Гиксъ!.. — разразилась, наконецъ, смѣхомъ, отъ вящшей полноты чувствъ, миссисъ Альва: вы совершенно безпомощный ребенокъ, пока не приметъ въ васъ участіе женщина: вѣдь вы и до половины спины не достаете... Давно бы вамъ слѣдовало жениться, чтобы было кому васъ въ порядкѣ содержать: смотрите, Магги,—вся половина спины еще въ пескѣ и пыли—совершенно татуированный рыцарь!..

Но въ этотъ день миссисъ Флинтъ положительно не везло: ни одна изъ ея шутокъ не цѣнилась слушателями по достоинству. И теперь, вмѣсто смѣха, у Магги чуть слезы не брызнули изъ глазъ отъ досады: всѣ знали, что если женится Гиксъ, то ни на комъ другомъ, какъ на ней — Магги Стромъ; такъ неужели же миссисъ Флинтъ способна вообразить, что она, Магги, станетъ чистить Абраму Гиксу платье — или хотя бы знакомство поддерживать станетъ съ домами, гдѣ держатъ платяную щетку на стѣнѣ въ пріемныхъ комнатахъ?.. Напрасно бы, казалось, умной женщинѣ—а ужъ какъ объ этомъ умѣ Альвы Флинтъ прожужжали ей уши!—напрасно бы поощрять въ Гиксѣ такія иллюзіи. Если же Альва Флинтъ болтаетъ зря, шутки ради, то Магги могла бы ее въ томъ увѣрить, что это шутка совсѣмъ дурного тона, и, конечно, она ей, Альвѣ, это выскажетъ—хотя бы сегодня же вечеромъ!.. Пускай даже выйдетъ изъ-за того ссора,—пускай даже конечный разрывъ: сентябрь на исходѣ—и Магги все равно... Но такъ чудовищно надъ собой командовать и издѣваться она никакой миссисъ Флинтъ не позволитъ, и съ этимъ конечнымъ рѣшеніемъ, вызваннымъ цѣлымъ водоворотомъ бурныхъ чувствъ, Магги стремительно перешла въ гостиную, бросивъ на Абрама Гикса и „даму его“ — какъ мысленно заклеймила она теперь миссисъ Альву Флинтъ—одинъ общій взглядъ невыразимаго презрѣнія.

XIX.

„Покажетъ же она этому тюленю Гиксу, какъ пренебрегать ея обществомъ для какой-нибудь миссисъ Флинтъ!“ — успокоивала себя Магги, съ наслажденіемъ выворачивая всѣ факты наоборотъ и, какъ къ отдаленному плеску воды, прислушиваясь къ мѣрнымъ рѣчамъ капитана, объяснявшаго доктору Кларку сущность и исторію самыхъ рѣдкостныхъ изъ красовавшихся на горкѣ геологическихъ экземпляровъ.

Настроеніе Магги было какъ разъ таково, въ какомъ люди, не увѣренные въ своей правотѣ, ищутъ подкрѣпленія въ сочувственныхъ рѣчахъ другихъ, предоставляя себѣ, впрочемъ, право съ минуты на минуту измѣнить свое настроеніе и всею желчью своихъ укоровъ обратиться на пріятеля, если сочувствіе его не попало въ настоящій тонъ. А у кого же было Магги и искать сочувствія, какъ не у сидѣвшаго тутъ же за столомъ Стивена, разсѣянно разсматривавшаго листы навязанныхъ ему назойливой выскочкой альбомовъ? Дѣйствительно, и Стивенъ былъ не мало пораженъ непривычнымъ положеніемъ, въ которое внезапно попалъ, съ тою, однако же, разницей, что послѣ минутной нерѣшительности, удивленіе смѣнилось въ немъ смѣшливостью, а смѣшливость, въ свою очередь, уступила мѣсто непредвидѣнному восхищенію.

Конечно, невѣжественная самонадѣянность капитанской дочки могла хоть кого ошеломить: надо быть или ребенкомъ, или совершеннымъ кретиномъ, чтобы вообразить, что имъ, людямъ, живущимъ въ столицѣ—въ самомъ центрѣ всѣхъ новостей по части модъ, знанія и искусствъ—можетъ быть интересенъ обзоръ въ какомъ-нибудь оборванномъ альбомѣ криворожихъ изображеній никому неизвѣстныхъ фермерскихъ кузеновъ, съ неизмѣнно растопыренными на колѣнчахъ руками!.. Стивенъ никогда не отворачивался отъ смѣшной стороны нелѣпаго положенія, и не безъ забавы теперь подумалъ, что, конечно-де, капитанская дочка не имѣетъ возможности распознать, какіе сами они всѣ, столичные жители, профаны въ наукахъ и искусствахъ; это соображеніе не помѣшало ему, однако же, подивиться смѣлости, проявленной этой фермерской дочкой въ ихъ присутствіи. Приглашеніе на нелѣпый осмотръ альбомовъ было произнесено такимъ независимымъ тономъ, сопровождалось оно такимъ спокойно-самостоятельнымъ наклоненіемъ головы и такою снисходительно-привѣтливою улыбкою нѣсколько широкаго, но прекраснаго по разрѣзу и складу губъ рта, что Стивенъ поспѣшилъ сдаться на приглашеніе и чинно пристроился къ первому попавшемуся альбому, тогда какъ Хетти Ригби—съ спокойнымъ довольствомъ женщины, въ конецъ осчастливившей ближняго—удалялась, какъ онъ прекрасно зналъ, мыть на кухнѣ посуду.

Понятное дѣло, что эти мысли Стивена не могли встрѣтить сочувствія въ его оскорбленной кузинѣ. Даже и поспорить тутъ ни въ чемъ никогда несогласнымъ кузенамъ не удалось.

— Чего вы насъ такъ внезапно покинули?—громогласно обратился къ Магги Абрамъ Гиксъ, переходя въ гостиную вслѣдъ за

миссисъ Флинтъ, прямо устремившейся покорять сердце упорнаго капитана, а за-одно съ тѣмъ сослужить службу и нужному человѣку, доктору, котораго, она знала, давно тянетъ развязаться съ ученымъ хозяиномъ и покурить въ сторонѣ отъ дамъ, на верандѣ.

— А вотъ за картинки насъ сюда присадили,—съ напускною жалобностью отвѣчалъ Гиксу, за дувшуюся еще Магги, Стивенъ, указывая на кипу лежащихъ передъ ними на столѣ литографій и иллюстрированныхъ журналовъ:—добро бы еще показывала намъ ихъ хозяйская дочка, за ней бы и приволокнуться не дурно... Лицомъ-то она, правду сказать, пожалуй, и не вышла, хоть и кузина она вамъ, мистеръ Гиксъ, но зато такіе глаза, да и фигура, что и картинки забудешь за ними.

— Не лучше ли вамъ будетъ на кого другого обратить ваше вниманіе, сэръ, а мою-то кузину уже оставить въ покоѣ?—не въ тонъ серьезно отозвался Абрамъ Гиксъ на очевидное повѣсничанье Стивена: — какъ бы городскіе ваши нравы въ разрѣзъ со здѣшними понятіями не пришлись.

— Ужъ, конечно, не у васъ придется мнѣ, сэръ, учтивости учиться, — бесьма внятнымъ шопотомъ и стиснувъ побѣлѣвшія губы отвѣчалъ Стивенъ, явно пересиливая себя, чтобы не обрушиться всѣмъ гнѣвомъ своимъ на дерзкаго янки.

— Напрасно ты, Стивенъ, горячишься! Мистеръ Гиксъ совершенно правъ: ужъ если браться пѣть здѣсь въ унисонъ, такъ ужъ начинай съ первыхъ нотъ пьесы: почисти себѣ въ гостиной сапоги, причешись семейнымъ гребнемъ, почисти зубы общей щеткой, сюртукъ свой повѣсь вонъ на гвоздикъ! — посовѣтовала Магги, съ кошачьей граціей расположившись на креслѣ-качалкѣ и смотря въ упоръ на Абрама Гикса: въ глазахъ ея не было и тѣни шутки или веселья, несмотря на улыбку, выставлявшую на видъ два ряда бѣлыхъ, мелкихъ, какъ у хищнаго звѣрька, зубовъ.

Абрамъ Гиксъ только взглянулъ на нее, но не возражалъ ни словомъ, хотя на широкій бѣлый лобъ его и набѣжали складки, точно отъ внезапной боли. Къ гостямъ, впрочемъ, уже подходилъ капитанъ Ригби, въ сопровожденіи миссисъ Альвы, нимало, повидимому, не подозрѣвая того, что его нарочно уводитъ отъ дорогой его сердцу коллекціи только-что подкупившая его своимъ интересомъ къ этой самой коллекціи миссисъ Флинтъ.

— Немудрено, если мы съ вами во вкусахъ сойдемся: вѣдь мы съ вами пожалуй и родня, капитанъ, если мистеръ Гиксъ вамъ кузенъ,—повернула въ сторону разговоръ миссисъ Флинтъ,

замѣчая, что и Гиксъ, и молодые люди—не въ своей тарелкѣ:—мы съ нимъ только-что родствомъ сочлись по дорогѣ сюда.

— Что—родство! Родство—дѣло пустое. Наше родство съ Абрамомъ Гиксомъ трудно и разобрать—отвѣчалъ капитанъ, дружески кладя свою тяжелую руку на плечо Гикса: — а пожалуй поближе мы съ нимъ и родни будемъ — не правда ли, другъ Абрамъ?.. Я твердо вѣрю въ Wahlverwandtschaft, проповѣдуемое Гёте.

— Все еще предаетесь изученію языковъ, капитанъ?—разсѣянно освѣдомился Гиксъ.

— Почитываю, почитываю, — уклончиво отвѣчалъ тотъ: — очень уже завлекъ меня геній Гёте: захотѣлось прочесть его въ оригиналѣ... Сами посудите — кому изъ насъ не случалось подпадать подъ тѣ же вліянія? Я полагаю, что этими Wahlverwandtschaft'ами, какъ рычагами, движется самый свѣтъ,—направляется въ тѣ или другія русла народная жизнь, стремленія, политика.

— Да вы идеалистъ, капитанъ! — воскликнула миссисъ Флинтъ.

— Лучше скажите—поэтъ: оно ближе будетъ къ истинѣ,—поправилъ ее Гиксъ.

— Куда намъ въ поэты, другъ Абрамъ: у меня за цѣлые года книги стиховъ въ рукахъ не побывало, кромѣ того же самаго Гёте, да и онъ, по моему, не поэтъ, а мыслитель... А что, живя здѣсь по цѣлымъ годамъ — вдали отъ всего, что волнуетъ людей по большимъ городамъ—поневолѣ впадаешь въ привычку подводить разныя явленія къ одному знаменателю — такъ это вѣрно... Возьмите вы хоть эти новыя теоріи...

— Не мѣшало бы и намъ, для освѣженія, почаще навѣдываться сюда, — любезно перебила начинавшаго ей прискучивать капитана миссисъ Флинтъ, устремляясь на остановившагося въ дверяхъ доктора: тотъ только-что кончилъ сигару, никогда не позволяя себѣ, по гигіенической предосторожности, выкуривать болѣе половины, и возвращался теперь къ обществу въ прекрасномъ расположеніи духа.

Разговоръ сталъ общимъ и, конечно, утратилъ прежнюю отвлеченность, такъ что къ нему присоединилась даже и Магги, лишь только увидѣла, что молчаливая демонстрація ея неудовольствія не замѣчается уже рѣшительно никѣмъ: кузенъ ея первый—она это видѣла — перешелъ всецѣло на сторону врага, лишь только въ комнату вернулась хозяйская дочь. Стивена нельзя было бы, однако, обвинять въ сознательной измѣнѣ интересамъ кузины.

Онъ не только не стремился къ обществу Хетти Ригби, но даже не сразу узналъ ее въ молодой лэди, облеченной въ легкое бѣлое платье, стянутое по таліи яркимъ кушакомъ; надвинутыя нѣсколько впередъ плечи придавали всей фигурѣ дѣвушки выраженіе какого-то сосредоточеннаго—какъ казалось Стивену—участія къ тому, на кого обращались ея рѣчи и вниманіе; плоскость неразвившагося бюста скрадывалась приколотымъ къ корсажу большимъ букетомъ гвоздики и пахучей герани, а темные глаза казались еще спокойнѣе и глубже отъ матовой бѣлизны лица, слегка, по деревенскому обычаю, притертаго крахмаломъ—столько же для предохраненія отъ загара, сколько и для бѣлизны.

Стивенъ поднялся, уступая молодой хозяйкѣ свое мѣсто.

— Нѣтъ, благодарствуйте: я собиралась и васъ отсюда увести,—отвѣчала та, беря Магги за руку, а Стивена приглашая за собой кивкомъ головы: — наверху съ веранды открывается такой чудный видъ на залитыя лощины... Теперь вѣдь скоро полнолуніе, и приливъ такъ силенъ, что подходитъ почти-что къ самой фермѣ. Тамъ — позади огорода — точно озеро теперь багровое разлилось и тянется подъ самыя облака на западъ. Пойдемте: я увѣрена, вы ничего подобнаго не видывали!

И Хетти твердою дружескою рукою подняла съ мѣста Магги; та не только не нашлась, какъ осадить такую самонадѣянную навязчивость, но даже, къ удивленію своему, и сопротивленія въ себѣ никакого не почувствовала.

— И мнѣ позволите за вами наверхъ? — освѣдомился Стивенъ, твердо порѣшившій „пріударить“, несмотря на „сопѣніе Абрама“, какъ пояснилъ онъ тутъ самъ себѣ.

— Конечно, позволяемъ: не такія же мы эгоистки, чтобы наслаждаться однѣмъ,—безъ малѣйшаго признака аффектаціи или шутливости, совершенно серьезно отвѣчала Хетти, открывая въ углу гостиной дверь, ведущую наверхъ, и, ловкимъ движеніемъ подхватывая свои легкія юбки, стала подниматься по крутой лѣстницѣ вверхъ.

XX.

Даже такому профану въ поэзіи и искусствѣ, какимъ несомнѣнно былъ и сознавалъ себя молодой Стивенъ Моррисъ—даже и тому начинало сдаваться, что у фермерской дочки есть вкусъ. Видъ, открывавшійся сверху, былъ по истинѣ чудесенъ, особенно на глаза, равно уставшіе какъ отъ однообразія сплошныхъ песковъ, окружавшихъ отель, такъ и отъ узкости кругозора тѣхъ

немногихъ плодородныхъ мѣстъ, что сплошь засаживались ихъ владѣльцами виноградомъ, кукурузой и фруктовыми деревьями, чтобы выгадать изъ нихъ возможно большій доходъ. Слегка покатистая въ сторону перилъ веранда оцѣпляла весь верхній этажъ дома, служа въ то же время крышей нижней веранды, и, переходя съ одной стороны на другую, молодые люди рѣшительно не знали, чему отдать предпочтеніе, на какой сторонѣ подольше остановиться.

Нерѣшительность, впрочемъ, охватила бы тутъ, пожалуй, и человѣка болѣе взыскательныхъ вкусовъ. Темный отъ нависшихъ облаковъ океанъ стлался свинцовой пеленой поодаль, сливаясь съ горизонтомъ и едва колыхаясь—словно студень какой—равномѣрно смѣняющимися волнами отлива, чуть-чуть прибивающими къ берегу воду легкою пѣной черезъ песчаныя мели, тогда какъ съ двухъ другихъ сторонъ открывался обширнѣйшій видъ на сѣрые пески, съ ихъ пятнами хвойныхъ зарослей, на заливные луга, на миніатюрныя фермы, отдѣланныя какъ игрушки руками самихъ ихъ работящихъ хозяевъ и перерѣзанныя будто фіолетовыми атласными лентами; далѣе, цѣлая сѣть проливовъ, образовавшихся въ низменныхъ мѣстахъ водою, загнанною со стороны залива все еще наступавшимъ съ западной стороны морскимъ приливомъ. Солнце, скрываясь за низко къ западу нависшими облаками, еще играло яркимъ пятномъ на отдаленной части сосѣдняго выгона, захватывая блескомъ своимъ ослѣпительно бѣлые домики поселка мѣстныхъ сектаторовъ-шэкеровъ и играя всѣми цвѣтами радуги на простыхъ окнахъ ихъ неуклюжей бѣлой молельни; а самъ поселокъ утопалъ, казалось, въ свѣжей, чуть-чуть лишь тронутой краснымъ осеннимъ листомъ зелени, въ виду тянущихся въ сторонѣ, спаленныхъ лѣтнею жарою и убранныхъ нивъ болѣе отдаленныхъ отъ морского залива фермъ.

— Сколько ни ищите, а не найти вамъ лучшаго мѣста, какъ у хамака при капитанской спальнѣ: оттуда за десять миль все на землѣ, какъ на ладони, видно,—раздался голосъ Абрама Гикса на самой верандѣ въ отвѣтъ на споры молодежи о томъ, съ какой стороны лучше усѣсться.

Абрамъ Гиксъ стоялъ тутъ же, ни на кого не смотря и прислонясь къ притолокѣ двери, ведущей на лѣстницу внизъ, въ спокойной позѣ человѣка, давно и не спѣша наслаждавшагося тѣмъ, что развертывалось передъ его глазами...

— Ухъ, мистеръ Гиксъ!.. Можно ли такъ всегда подкрадываться! — вскричала Магги, непритворно вздрогнувъ при этой внезапно раздавшейся рѣчи, тогда какъ Абрамъ беззвучно хохоталъ

успѣху своего излюбленнаго метода шутокъ съ молодыми дѣвицами.

— А вы, я вижу, тотъ же старый шутникъ, Абрамъ Гиксъ, —съ ласковымъ укоромъ обратилась къ нему Хетти Ригби:—вы на него не обращайте вниманія,—Магги, кажется, ваше имя?.. Магги Стромъ — да!.. такъ нелѣпо съ моей стороны, что я никогда не могу съ перваго раза запомнить имени... Намъ и то лучше ему предоставить выборъ. Абраму Гиксу—старому, древнему моему кузену Абъ—и книги въ руки: ему здѣсь не хуже меня самой всѣ закоулки знакомы; нѣтъ того мѣста, гдѣ бы онъ, бывало, не подкараулилъ меня, чтобы подразнить.

— Будто бы только подразнить, кузина Хетти?—возражалъ Абрамъ Гиксъ, открыто любуясь оживленнымъ лицомъ дружески положившей ему на плечо руку дѣвушки и заботливо отглаживая своими плоскими, широкими пальцами прядь черныхъ волосъ, надвинувшуюся на ея красивый, хотя и нѣсколько низкій лобъ: —Развѣ забыли, какъ я васъ разъ съ этого самаго мѣста внизъ на веревкѣ спускалъ?.. А помните, какъ мы на Насѣдкинъ-Отвосъ набѣги за чайкиными яйцами предпринимали?

— И какъ еще насъ засталъ приливъ, и вы меня на плечѣ переносили черезъ ручьи, которые совсѣмъ, какъ теперь вотъ, отрѣзывали намъ дорогу домой?.. О, не знаю, какъ вы, кузенъ Абъ, а я ничего, ничего не забыла!.. И какъ рада я, что вы, наконецъ, сюда собрались! Только поживите здѣсь: мы съ вами все опять снова продѣлаемъ...

— И на плечѣ моемъ снова покатаетесь?—подсказалъ кузенъ Абъ.

— И на плечѣ снова покатаюсь, если представится въ томъ неотложная необходимость!—усмѣхнулась Хетти.—Смотрите, сами только о пощадѣ не молите—мнѣ уже теперь не десять, а цѣлыхъ двадцать лѣтъ.

— А у васъ-таки порядочный, какъ видно, запасъ общихъ воспоминаній, — замѣтилъ Стивенъ Моррисъ, шутливымъ движеніемъ поднимая вверхъ брови и мгновенно становясь чрезвычайно похожимъ на мать.—Ужъ не посчитаться ли и намъ пикантными воспоминаніями, Магги?—не то съ шуткой, не то съ насмѣшкой добавилъ онъ въ сторону своей собственной — когда-то весьма бойкой—кузины.

Но Магги Стромъ, не любившая оставаться за штатомъ въ доступныхъ ей по тону разговорахъ, въ которыхъ она сознавала себя призванною блистать, только плечами пожала и отвернулась, не удостоивая кузена отвѣтомъ. Да ей и на самомъ дѣлѣ было

не до Стивена: она усиливалась пріискать слова, которыми бы дать Гиксу почувствовать вульгарность подобнаго провѣтриванья при посторонних ъ никому на свѣтѣ неинтересных ъ воспоминаній, общих ъ съ деревенскими кузинами. Особенно непріятно было ей то, что разговоръ этотъ шевельнулъ въ ней чувство, гораздо болѣе сложное, чѣмъ простое; въ сущности, ей никогда и на умъ не приходило, чтобы у мѣшковатаго, молчаливаго Абрама Гикса могли быть какія-нибудь интимныя, дружескія связи съ кѣмъ бы то ни было, интересы къ чему бы то ни было, кромѣ рутиннаго накопленія милліоновъ, какимъ, однако же, путемъ—было для Магги вполнѣ безразлично. И вдругъ, у этого самаго безличнаго, простоватаго Абрама Гикса, годнаго лишь на то, чтобы на фундаментѣ его милліоновъ установить подобающій пьедесталъ своей собственной красотѣ, предмету поклоненія избранных ъ счастливцевъ, у этого самаго Абрама Гикса оказывается позади цѣлая, пестрая, человѣческая жизнь—темная для нея, какъ книга, написанная на невѣдомомъ языкѣ...

— Куда уже вамъ за нами угоняться по части воспоминаній!—отвѣчала, за Магги, Стивену Хетти:—вы сами только-что говорили, что выросли по городамъ; какъ же въ городѣ набраться хорошихъ воспоминаній!

— Однако же, миссъ Ригби, и въ городахъ мы не устрицами по раковинамъ живемъ.

— Да не то я совсѣмъ и сказать хочу, а то, что вдвоемъ-то съ кѣмъ-нибудь у васъ не можетъ быть много воспоминаній.— Нельзя было не замѣтить рѣзкаго ударенія, сдѣланнаго Хетти на словѣ „вдвоемъ“; впрочемъ она подчеркнула его и дѣйствіемъ: выдавшись впередъ всѣмъ корпусомъ и вытянувъ свою длинную шею, молодая дѣвушка заглянула въ самые глаза Абрама Гикса, продѣвшаго тѣмъ временемъ руку подъ ея локоть—на американскій манеръ. Ласковый взглядъ Гикса, очевидно, принятъ былъ Хетти за подтвержденіе ея словъ, и она еще съ большею увѣренностью добавила: — У васъ, я такъ думаю, всѣ общія воспоминанія портятся тѣмъ, что разойтись-то вамъ бывало негдѣ, что всѣ впечатлѣнія профанировались присутствіемъ чужой, посторонней толпы.

— А вы по прежнему, Хетти, любите просторъ?

— А какъ же иначе, кузенъ Абъ? Гдѣ просторъ, тамъ и свобода выбора: я же терпѣть не могу...

— Неужели же вы такъ презираете нашу пустую городскую жизнь?—съ вкрадчивою мягкостью перебила ее Магги: ей вдругъ ясно представился путь, которымъ можно бы выставить

эту деревенскую выскочку въ смѣшномъ видѣ—довести ее, пожалуй, и до рѣшительнаго „мата“.

— Городъ... презираю?—будто не понимая, въ чемъ дѣло, удивилась Хетти:—напротивъ, я ужасно люблю городъ... Знаете ли, кузенъ Абъ, я въ Цинциннатѣ цѣлый мѣсяцъ прогостила: меня на тамошнее музыкальное торжество пригласили—не проглатывайте языка отъ удивленья, кузенъ Абъ! Папа мнѣ чековъ на этотъ путешъ не выдавалъ—да я бы и сама не взяла: такой былъ прошлой осенью плохой урожай на все—и на устрицы, и на фрукты... Музыкальное общество всѣ мои расходы по переѣзду взяло на себя, да и своихъ денегъ у меня оставалось отъ моего куринаго хозяйства. И какъ, скажу я вамъ, закружилась я тамъ!...

— Да, я и самъ слышалъ, что дѣвочка моя изрядно бряпчитъ на клавикордахъ.

— Грубіянъ!—съ напускною обидчивостью отдернула отъ него руку Хетти:—хороши тоже клавикорды! Папа мнѣ прекрасный рояль подарилъ къ Рождеству... Да вы, извѣстное дѣло, кузенъ Абъ, рояли отъ мѣдной трубы не отличите.

— Будто это и такъ, кузина Хетти?—расхохотался тотъ, оглядываясь на другихъ и даже хитро подмигивая въ сторону Магги глазомъ, будто призывая ее въ свидѣтели замѣчательнаго остроумія своей кузины.

— Понятное дѣло, что такъ... Вы только послушайте, какой у моего рояля чудный звукъ... Но, можетъ, вы сами играете, или—еще того лучше—пожалуй и поете?—обратилась она къ Магги и Стивену.

— О, нѣтъ,—отвѣчала та:—я такой же въ музыкѣ профанъ, какъ и мистеръ Гиксъ... Квинтъ-эссенція семейныхъ музыкальныхъ дарованій вся сосредоточилась у насъ въ одномъ Стивенѣ,—добавила Магги съ задорнымъ огонькомъ въ глазахъ, будто по наитію свыше.

Стивенъ поглядѣлъ на кузину съ весьма понятнымъ удивленіемъ: не далѣе, какъ дорогой на ферму, Магги приставала къ нему, что онъ то-и-дѣло срывается и поетъ не въ тонъ. Могла, конечно, припомниться эта недавняя подробность и присутствовавшему при томъ Абраму Гиксу; но стоитъ ли останавливаться за такими пустяками, когда несешься къ цѣли во весь карьеръ?!.. А цѣль казалась Магги такъ близка, и достиженіе ея, болѣе чѣмъ когда-нибудь, желательно!..

Помощь ей, однако, подана тутъ была не друзьями, а какъ разъ съ той стороны, съ которой ей чуялся непріятель, присут-

ствіе котораго пришпоривало ее къ немедленному, рѣшительному дѣйствію. Сама Хетти вызвалась исполнить невысказанное желаніе Магги, какъ по писанному:

— Такъ чего же лучше—идемъ внизъ, мистеръ Стивенъ! А ихъ—профановъ—здѣсь оставимъ; пусть себѣ критикуютъ насъ! Я за глаза критики не боюсь.

— А вотъ посмотримъ, какъ не боитесь!—ухватилъ ее за руку, стараясь удержать, Абрамъ Гиксъ:—я здѣсь пока всѣ наши общіе секреты могу разболтать.

— А хотя бы и такъ, - болтайте, кузенъ Абъ, на здоровье!—съ хохотомъ вырвалась у него изъ рукъ Хетти и бѣгомъ бросилась по лѣстницѣ:—Догоняйте—кто хочетъ!..—донеслось уже съ другой стороны веранды, далеко впереди стучавшихъ за нею по досчатому помосту длинныхъ, спѣшныхъ шаговъ обутаго въ желтыя ботинки Стивена.

XXI.

Но Абрамъ Гиксъ не расположенъ былъ ни за кѣмъ бѣжать вдогонку. Будь онъ изъ тѣхъ непосѣдовъ, что вѣчно бросаются отъ добра добра искать, не нажилъ бы онъ, надо полагать, и тѣхъ милліоновъ, которые ему любили приписывать друзья: такъ вѣдь лестно зачислять въ списки личныхъ друзей владѣльца нѣсколькихъ милліоновъ...

Бѣжать Абраму Гиксу уже и потому одному не приходилось бы, что въ настоящую минуту ему чувствовалось особенно хорошо и пріятно.

Онъ любилъ поддразнивать кузину Хетти; съ давнихъ поръ впали они въ этотъ тонъ легкаго, безцѣльнаго препирательства, еще болѣе скрѣплявшаго дружескія отношенія, которыя, иначе, могли бы съ годами, при рѣдкихъ свиданіяхъ, проникнуться натянутостью; у нихъ еще въ былое время—лѣтъ пять-шесть тому назадъ—выработалась цѣлая своя коллекція условныхъ шутовъ, ссылокъ, выраженій, а теперь на Абрама Гикса будто рано, за дѣлами, заглохшею молодостью повѣяло отъ шаловливой выходки Хетти, и улыбка еще нѣсколько времени не сходила съ его широкаго рта, пока сидѣлъ онъ на перилахъ балкона, разсѣянно уставясь на картинно утонувшую передъ нимъ въ хамакѣ Магги и вслушиваясь въ пѣніе, которое налаживалось внизу.

— Что находите вы во мнѣ такого комичнаго, мистеръ Гиксъ, чтобъ смѣяться надо мною въ лицо?—спросила, наконецъ,

Магги, чтобъ чѣмъ-нибудь вызвать его на разговоръ, хотя она и прекрасно понимала, что улыбка его относится совсѣмъ не къ ней.

— Я—смѣяться надъ вами? Боже меня упаси, Магги!—возразилъ Абрамъ Гиксъ все еще разсѣянно, но уже совершенно серьезно:—какое еще преступленіе вамъ вздумается на меня взвести?

— Какъ же прикажете васъ понимать, если вы уставились на меня, не переставая улыбаться?

— О, вотъ оно что!.. Да я совсѣмъ не о васъ, Магги, и думалъ,—безхитростно извинился Абрамъ Гиксъ:—я думалъ объ этомъ ураганѣ—Хетти; кто бы могъ подумать, что изъ такого поджараго, черномазаго бѣсенка выравняется такая красивая дѣвушка!

— Такъ отчего же вы не пошли за нею внизъ талантами ея восхищаться? Право, кажется, не за приглашеніемъ дѣло стало!.. При такихъ настоятельныхъ зазывахъ, я на мѣстѣ мужчины все считала бы себѣ разрѣшеннымъ. Ужъ, конечно, не я васъ стану здѣсь задерживать...

Но гладко, за исключеніемъ усовъ, обритое лицо Абрама Гикса успѣло уже снова раздаться въ улыбку; въ умѣ его, неподатливомъ на схватыванье налету мелкихъ деталей, не возникало и подозрѣнія настоящаго смысла рѣчей Магги Стромъ.

— Да, прекрасная изъ этой дѣвочки выровняется женщина; не зная ея близко съ дѣтства, ея нельзя оцѣнить вполнѣ.—Вамъ бы стоило поближе съ нею сойтись, Магги, она была бы вамъ прекраснымъ товарищемъ.

Магги обдала находчиваго Абрама такимъ ледянымъ взглядомъ, который, пожалуй, сдѣлалъ бы честь и самой Эльзѣ.

— О, несомнѣнно, у миссъ Ригби должна быть бездна добродѣтелей!.. Но если есть у меня съ тетей Флорой что общее, такъ это именно—наша общая непріязнь къ добродѣтельнымъ людямъ... Мы такъ сами дурны, такъ испорчены.

— Зачѣмъ вы клевещете на самое себя, Магги?

— Совсѣмъ не клевещу. Развѣ это клевета—сказать, что меня тошнитъ отъ примѣрной добродѣтели, что нѣтъ ничего скучнѣе милыхъ и добрыхъ знакомыхъ, которые и судятъ обо всемъ, и веселятся по рецепту воскресныхъ школъ.

— Ужъ воскресныя-то школы, кажется, тутъ ни-при-чемъ.

— Я лучше предпочитаю систему этой ханжи, миссисъ Сноббсъ, которая, говорятъ, носа даже по воскресеньямъ не сморкаетъ, дабы не нарушить святости дня, чѣмъ эта кисло-сладкая весе-

лость общепризнанныхъ святошъ, у которыхъ все въ мѣрку, все кстати. Что до меня касается, то я вовсе не прочь отъ общества недобродѣтельныхъ, отъ порочныхъ людей: во всякомъ случаѣ—съ ними много веселѣе!...

— Перестаньте же, Магги! Сознайтесь—вы мнѣ все это на зло говорите... Вы просто, какъ всегда, забавляетесь, доказывая мнѣ, что бѣлое—черное, а черное—бѣлое... Понятное дѣло, мнѣ за вами и за вашей тетей Флорой не угоняться: вы меня всегда съумѣете такъ обойти и запутать, что я собственныхъ своихъ словъ не узнаю.

— И вы станете серьезно увѣрять, что во всѣхъ нашихъ спорахъ за мной всегда остается послѣднее слово? — кокетливо переспросила его Магги; она ни мало не сомнѣвалась въ своей силѣ, и въ этотъ самый моментъ сознавала, что ею нельзя не залюбоваться; этого было вполнѣ достаточно, чтобы къ ней вернулось хорошее расположеніе духа.—Сознайтесь, мистеръ Гиксъ, что вы неискренни на этотъ разъ.

— Не искренень, Магги? Съ чего вы это взяли? Вамъ-то ужъ, кажется, я слова неискренняго никогда не сказалъ...

— Зачѣмъ же напѣваете вы мнѣ здѣсь комплименты насчетъ моей способности вами вертѣть и все прочее? Конечно, только для того, чтобы отвести меня отъ разговора о вашей пассіи.

— Какой пассіи?

— А эта ваша Хетти Ригби-то?

— Ха! ха! ха! ха!—разсмѣялся Гиксъ:—и вы не шутя это говорите? Хетти—пассія!—повторилъ онъ снова, покатываясь отъ смѣха, и даже руками развелъ.

Магги также, какъ видно, поддалась возбужденію минуты: по крайней мѣрѣ она приподнялась въ сидячее положеніе на хамакѣ и спустила съ него маленькую, элегантную ножку, которою могла бы съ основаніемъ возгордиться любая изъ ея взыскательныхъ на этотъ предметъ соотечественницъ, и принялась шаловливо болтать этой, обутой въ черный ажурный чулокъ, ножкой въ тактъ съ дальнѣйшими своими аргументами. Если этимъ способомъ Магги—съ присущею дочерямъ Евы неразборчивостью на средства—разсчитывала отуманить мысли оппонента и разбить его въ спорѣ на голову, то она на этотъ разъ жестоко ошибалась; на Абрама Гикса такъ же мало дѣйствовалъ видъ дамской ножки, какъ и видъ затянутыхъ въ перчатки рукъ: не всѣ ли дѣвушки привычнаго ему, сельскаго круга носятъ короткія платья, откровенно выставляя икры ногъ, чуть ли не вплоть до замужества?

— Что-жъ, вы скажете, что это не пассія ваша? Осмѣлитесь сказать это мнѣ въ глаза, положа руку на сердце? — наступала на него Магги въ упоръ, поднимаясь съ помощью его же руки съ хамака и прислоняясь къ бѣлому столбу веранды, обвитому дикимъ виноградомъ.

— Да я же эту самую Хетти Ригби чуть-чуть что самъ не выняньчилъ!

— Что же это, по вашему, доказываетъ?

— Какъ—что доказываетъ?.. Вѣдь Хетти вашихъ же, пожалуй, лѣтъ—и года, я полагаю, разницы не будетъ; по себѣ же вы можете судить.

— О чемъ это могу я судить? О томъ развѣ, что въ меня бы вамъ не влюбиться? — пустила Магги въ ходъ любимый свой пріемъ неожиданнаго взвода на собесѣдника никогда не снившихся ему вещей и поднимая на Гикса свои лучистые глаза.

Абрамъ Гиксъ быстро взглянулъ на нее, и со спокойною разсудительностью, будто взвѣшивая положеніе на вѣсахъ, продолжалъ:

— Н-нѣтъ,—что и говорить: трудно въ васъ не влюбиться! А я еще говорю, что дѣвушки вашихъ лѣтъ не прощаютъ такой глупости въ мужчинахъ, которымъ перевалило за четвертый десятокъ.

— Причемъ же тутъ лѣта? Въ чемъ же тутъ глупость?

— Полноте, Магги!—остановилъ ее опять Гиксъ совершенно спокойно, какъ во всѣхъ ея дурачествахъ, когда ему приходило на мысль, что она хватала, шутки ради, черезъ край.—Вообразите себѣ меня въ роли вздыхающаго обожателя! Ха! ха! ха! ха!.. Вы первая бы меня подняли на смѣхъ.

— Почему же такъ?.. А еслибы... мнѣ... было не до смѣха?..

Никогда еще не видывалъ Гиксъ такого очаровательнаго выраженія на лицѣ Магги Стромъ, хотя она и говорила теперь, стоя къ нему въ полуоборотъ, будто сама себѣ не довѣряя на него взглянуть и отстраняя рукою надъ головой щекотавшій ей лобъ завитокъ отъ спустившейся сверху виноградной вѣтки, и снова шевельнулось въ Абрамѣ Гиксѣ то чувство обиднаго недовѣрія къ самому себѣ, которое все чаще и чаще этими днями навѣвалось на него присутствіемъ Магги Стромъ, ихъ безпрестанно повторяющимися—необъяснимо для него—столкновеніями. Всѣми силами отбивался онъ отъ осаждавшихъ его непривычныхъ мыслей: онъ инстинктивно страшился близости всей этой молодости и красоты, не находя въ себѣ силъ ни оттолкнуть ее, ни бѣжать отъ нея, и всегда въ такихъ случаяхъ, въ безпомощной злобѣ своей,

самому себѣ приписывая испорченность и развращенность воображенія, которыя будто и побуждаютъ его всегда чувствовать въ этой дѣвочкѣ женщину.

— Что вы хотите сказать, Магги? — не справился Гиксъ и тутъ съ охватившимъ его мгновенно возбужденіемъ. Онъ даже всталъ съ своего мѣста, ближе подходя къ дѣвушкѣ; но сила привычки была еще крѣпка, и Абрамъ Гиксъ еще разъ во-время остановилъ вихрь хлынувшихъ на него необычныхъ, низменныхъ, какъ ему сдавалось, чувствъ. — Да что я говорю?! Конечно, вамъ бы было не до смѣха, еслибы у васъ самихъ на рукахъ очутился смѣшной, вздыхающій старикъ, тотъ самый товаръ, что вы теперь стараетесь навязать моей молоденькой кузинѣ!

— Будьте увѣрены, что я съ такого рода вздыхателемъ справилась бы.

— Какъ справились бы?.. Запретили бы ему попадаться вамъ на глаза?

— Зачѣмъ же?—развѣ я не могла бы выйти за него замужъ! —проронила, будто вскользь, Магги, наклонивъ свою чудную головку внизъ и пристально вглядываясь въ зелень букета, приколотаго у нея у самаго пояса. Она сознавала, что беретъ, такъ сказать, „быка за рога“, и, несмотря на то, что возможность момента этого была ею давно предусмотрѣна, детали своей роли на такой случай она всегда предоставляла наитію рѣшительной минуты: непривычность положенія, вмѣстѣ съ интенсивностью желанія добиться своего, всю кровь пригнали ей къ сердцу, и Магги говорила съ неподдѣльною дрожью голоса, съ необычной серьезностью на миловидномъ лицѣ.

Абрамъ Гиксъ, въ наступившемъ на моментъ неловкомъ молчаніи, слышалъ, казалось ему, какъ кровь молотомъ стучитъ ему въ виски.

— Какъ это: „выйти за него замужъ“?—повторилъ онъ глухимъ голосомъ послѣднія слова Магги, и ему сдавалось, его собственный голосъ звучитъ будто изъ-за угла веранды:—какъ это замужъ выйти? безъ любви... изъ жалости... къ безумству другого?.. Магги!.. да вы—сущій ребенокъ. Или... или... вы и тутъ опять издѣваетесь надо мною?

— Да меня-то что же вы, Абрамъ Гиксъ,—меня-то вы... за дерево, что-ли, принимаете?..—будто черезъ силу вырвалось у нея.

— Такъ неужели же вы можете допустить... можете вообразить...

— Я не воображаю... я знаю...—и Магги разомъ оборотилась

къ нему пылающимъ, какъ зарево, лицомъ; грудь ея высоко поднималась, зрачки расширились, ноздри трепетали.

— Магги, Магги, но не обо мнѣ же вы теперь говорите?.. вѣдь мы же говорили вообще,—слабо цѣплялся Абрамъ Гиксъ за первую попавшуюся мысль, чтобы увернуться отъ нестерпимаго искушенія.

— Конечно, вообще!.. понятно... вообще!—съ явной досадой повторяла его слова выведенная этою нелѣпостью изъ себя Магги: —но вамъ остается сказать, кто та особа, которую мы ставимъ съ вами въ такое ужасное положеніе: миссъ Ригби ваша, или—я?

Мысль, что образъ, который онъ, думалось ему, съ такимъ добродѣтельнымъ самопожертвованіемъ отталкиваетъ отъ себя, мысль, что образъ этотъ самъ собою ускользаетъ теперь отъ него — задѣла Абрама Гикса за живое. Онъ чувствовалъ, притомъ, какъ у него начинаетъ кружиться голова отъ духовъ, которыми пропитаны были волосы склонившейся надъ нимъ дѣвушки.

— И вы—будь вы на мѣстѣ миссъ Ригби—вы бы согласились стать женою такого человѣка, какъ я?— спросилъ Абрамъ Гиксъ такъ тихо, что она скорѣе догадалась, чѣмъ услыхала вопросъ. Ея голосъ зато не проявилъ и тѣни колебанія, когда она отвѣчала ему вопросомъ же, съ вернувшеюся къ ней вкрадчивой кокетливостью: — почемъ знать?—и еще ближе подалась въ его сторону.

Но Абрамъ Гиксъ уже снова овладѣлъ собою.

— Нѣтъ, Магги, нѣтъ: вы поднимаете меня на смѣхъ. Или... или еще того хуже: сами себя обманываете — не знаете, что говорите... Мы... мы мужъ и жена?! Вы—привыкшая весь свѣтъ радовать однимъ видомъ своимъ... красивая, молоденькая... Весь свѣтъ открытъ передъ вами, какъ на ладони. И я — старикъ — никогда, правда, не жившій... Ну, если хотите, и не старикъ по годамъ, но все же старикъ по тяжелой работѣ, грубый, простой человѣкъ, ничѣмъ неспособный сгладить нашу разницу лѣтъ и взглядовъ, которую вы будете чувствовать во всѣхъ нашихъ сношеніяхъ. Магги, да скажите же мнѣ правду, наконецъ,—вырвалось у него вдругъ, и вырвалось такъ страстно, что на мгновеніе ему почудилось, что въ немъ говоритъ совсѣмъ посторонній, чуждый ему, человѣкъ:—вы вѣдь шутите, вы сами не знаете, что говорите! Я, я не хочу жертвы... Я не стану... я не долженъ принимать вашихъ словъ серьезно.

— Вѣдь не на необитаемомъ же островѣ мы будемъ съ вами жить! — отозвалась Магги; въ голосѣ ея звучало непритворное непониманіе:—не въ скитъ же я удаляюсь. Да и васъ не стану

же я выхватывать цѣликомъ изъ вашей жизни; я знаю, что для мужчины первая забота — дѣла, деньги. Тогда какъ женщина, какъ я, ни на какое дѣло не годна,—добавила она, уже смѣясь: —но я васъ отъ дѣла отвлекать не стану.

— Нѣтъ, дорогая... я не смѣю, я никогда не рѣшусь словить васъ на необдуманномъ словѣ... вы слишкомъ хрупкой игрушкой были бы въ моихъ грубыхъ рукахъ. Останемся друзьями... мы оба неспособны теперь судить.

— Магги! мистеръ Гиксъ! — раздался у самыхъ ихъ ногъ знакомый голосъ, а вслѣдъ затѣмъ показалось и поднятое кверху круглое, румяное лицо миссисъ Альвы Флинтъ:—вотъ уже не ожидала, что вы такіе поклонники красотъ природы!.. Что вы не присоединитесь къ нашему концерту?—Хетти уже собирается за вами наверхъ, да я ее увѣрила, что вы давно, должно быть, отъ красотъ природы бѣжали.

Предупрежденіе было своевременно: на передовой сторонѣ веранды уже слышалось торопливое поскрипыванье женскихъ ботинокъ, сѣменившихъ въ ихъ сторону мелкими шажками.

— Лѣнтяй вы неисправимый, Абрамъ Гиксъ!—всплеснула руками Хетти при видѣ снова уже сидѣвшаго пнемъ на прежнемъ мѣстѣ Гикса:—наказать васъ надо за то, что держите здѣсь Магги, когда намъ внизу безъ нея спѣться совсѣмъ нельзя...

— Благодарствуйте, миссъ Ригби, за то хоть, что вы для меня какое-нибудь дѣло изобрѣли, а то вотъ любезный кузенъ вашъ совсѣмъ меня въ безполезный хламъ зачислилъ. Никому не нужна, говоритъ, я на свѣтѣ,—довольно безсвязно пробормотала Магги, и, добавивъ нѣсколько словъ о нестерпимой головной боли, попросила скорѣе отвести ей на ночь комнату.

Растерянность и страданье, отпечатлѣнныя на подвижномъ лицѣ Магги Стромъ, возбудили всѣ симпатіи Хетти, и она готова была разразиться упреками самой себѣ въ эгоизмѣ—въ способности веселиться и пѣть, когда другіе страдаютъ.

Но отчего же это кузенъ Абъ вдругъ такъ осунулся и будто постарѣлъ, не проявляя ни къ чему участія; не можетъ же вдругъ эпидемія проявиться на головную боль?

Эти бѣглыя мысли подорвали раскаяніе Хетти Ригби въ собственномъ легкомысліи въ самомъ ихъ зародышѣ, и она молча провела Магги Стромъ въ приготовленную комнату; спросивъ, не нужно ли еще ей чего, она вышла, ограничившись сухимъ пожеланіемъ покойной ночи.

Никогда еще не сознавала себя Хетти Ригби такой низкой... такой гадкой... такой негостепріимной...

Но не прошло и десяти минутъ, какъ внизу возобновилась музыка и длилась, казалось Магги, въ теченіе долгихъ, долгихъ часовъ. Ей даже почудился въ импровизированномъ хорѣ голосъ Абрама Гикса: это переполнило чашу долготерпѣнія Магги, и, оскорбленная до глубины души такимъ безсердечіемъ, она разрыдалась въ постели, какъ дитя, не взирая на опасность быть захваченной на мѣстѣ преступленія Альвою Флинтъ, которой отведена была одна съ нею кровать.

Сонъ скоро приходитъ на смѣну ночныхъ слезъ въ здоровыхъ, молодыхъ натурахъ. Но трудно ли было Альвѣ Флинтъ, какъ по писанному, прочесть исторію прошлаго вечера на распухшемъ лицѣ уже спавшей, но и во снѣ еще всхлипывавшей при ея приходѣ Магги Стромъ?

И не такая догадливая особа, какъ миссисъ Флинтъ, сообразила бы, что не Магги Стромъ быть хозяйкою великолѣпнаго дома милліонера Гикса, строившагося всѣмъ на удивленье въ большой, тихой, патріархальной Филадельфіи.

XXII.

— Жаль, не придется сыну Джорджу васъ, другъ Абрамъ, повидать; вы у насъ такимъ становитесь рѣдкимъ гостемъ,—радушно обратился капитанъ къ Гиксу, дружески похлопывая его по плечу, когда мужчины остались, по уходѣ дамъ и Стивена, одни на нижней верандѣ.

— А что, я и то хотѣлъ спросить, Джорджъ все еще при васъ живетъ?

— Зачѣмъ ему здѣсь жить? Вотъ пробудетъ съ нами теперь до поздней осени, какъ заберемъ весь урожай устрицъ, а тамъ, милости просимъ, на всѣ четыре стороны... Неповадно взрослымъ сыновьямъ за стариками; да и я молодежи при себѣ не держу—намъ здѣсь не нужно лежебоковъ; по своему хозяйству я и съ младшимъ управлюсь, вѣдь и тому ужъ двадцатый годъ идетъ... Было сыновьямъ мѣсто здѣсь, когда приходилось въ порядокъ приводить тотъ каменистый клинъ, что я у Гарвудовъ скупилъ, а теперь у насъ здоровымъ молодцамъ и дѣла не найдется. Пашни, вонъ, этимъ годомъ, что пухъ, вспахали: не годится это, совсѣмъ не годится для молодежи. Слишкомъ ужъ комфортабельно для нихъ въ нашихъ краяхъ стало: такъ наши-то все норовятъ на новыя мѣста уходить... Что-жъ, пускай, я имъ не препят-

ствую: такъ оно даже и лучше, отъ соблазна, отъ лѣни подальше, другъ Абрамъ.

— Да вѣдь и у васъ, капитанъ, все, небось, въ прежней строгости содержится?

— По прежнему, не курите, не пьете?—освѣдомился Гиксъ, отламывая изрядный кусокъ отъ плитки табаку и закладывая обычный зарядъ за щеку.

— Нѣтъ, сэръ. Другіе пусть дѣлаютъ какъ хотятъ, а наша статья иная: не довольно мы, сэръ, богаты, чтобы пороки еще за собой разводить,—сухо отрѣзалъ капитанъ Гиксу; но, очевидно, спохватясь въ виду курящаго въ эту самую минуту передъ нимъ дорогую сигару доктора Кларка, капитанъ Ригби круто повернулъ разговоръ на менѣе щекотливую тему:

— Пріѣхалъ сюда сегодня мой старый товарищъ, сенаторъ Гринъ,—знаете вѣдь его?.. Онъ еще агентомъ у васъ былъ по части ввода здѣсь артезіанскихъ колодцевъ, на которые у васъ скупленъ былъ патентъ... Такъ вотъ теперь зазвали сюда сенатора, спичъ на республиканскомъ митингѣ говорить, а Джорджу надо было его въ Лангпортъ свезти: туда и обратно добрыхъ тридцать миль будетъ, и все горами; да Джорджу и спичей, небось, послушать захочется: раньше обѣда завтра не вернется.

— А сами-то вы что-жъ, капитанъ? Или ужъ васъ и на митингъ своей партіи не тянетъ? Помнится, вы изъ самыхъ ревностныхъ были республиканцевъ,—замѣтилъ Абрамъ Гиксъ.

— Я республиканецъ? Нѣтъ, сэръ, прощенья прошу; я никогда слѣпымъ партизаномъ не былъ... А что я за республиканскихъ кандидатовъ подавалъ и подаю свой голосъ, такъ оно весьма понятно: нахожу, что великія традиціи этой партіи за время подавленія мятежнаго юга и до сей поры притягиваютъ къ ней самые лучшіе элементы.

— Такъ вы, капитанъ, по старой памяти, все еще противъ южанъ ополчаетесь?—любопытствовалъ докторъ, пустивъ въ пробивавшемся лунномъ свѣтѣ особенно удачное кольцо табачнаго дыма.

— Нѣтъ, сэръ! тысячу разъ нѣтъ!—и капитанъ даже съ мѣста поднялся и выпрямился во весь ростъ, будто пробуя, достаточно ли крѣпки старыя кости, чтобъ силой еще постоять за свои слова:— еслибы не извѣрился я самъ въ клятвы, такъ готовъ бы, кажется, что ни на есть страшной клятвой поклясться, что противъ южанъ, какъ южанъ, я ровно ничего не имѣю, хотя и долженъ сознаться— пальцемъ не двину, чтобъ передать правленіе въ руки ихъ друзей и пособниковъ, демократовъ... по крайней мѣрѣ, до той поры,

пока негры и на самомъ дѣлѣ не добьются въ южныхъ штатахъ той равноправности, что имъ слѣдуетъ по конституціи.

Докторъ Макфарланъ бросилъ-было украдкой многозначительный взглядъ на Гикса, будто давая тому знать, что капитанъ благополучно взбирается на своего конька; но Абрамъ Гиксъ ничѣмъ не выказалъ волненія, съ олимпійскимъ спокойствіемъ продолжая сплевывать въ сторону сокъ отъ табаку, который съ неимовѣрнымъ удовольствіемъ придерживалъ за щекою. Зато докторъ, любившій-таки выводить людей на показъ во всей красѣ ихъ смѣшныхъ сторонъ и слабостей, сдѣлалъ попытку поддержать разговоръ въ томъ же направленіи собственными усиліями.

— Старыя традиціи, видно, крѣпче цѣпей, капитанъ.

— А какъ же иначе, сэръ? традиціи—что твой якорь при кораблѣ: не придерживайся ихъ человѣкъ, яйца онъ выѣденнаго не стоитъ.

— Неужели же вы серьезно этого мнѣнія, капитанъ?—сбрасывая съ себя прежнюю безучастность, вмѣшался Гиксъ:—неужели вы серьезно станете утверждать, что человѣку нельзя измѣнять своихъ первоначальныхъ политическихъ воззрѣній, хотя бы съ годами все измѣнилось, если самъ онъ сталъ ужъ чуть ли не другимъ человѣкомъ?

— Отчего нельзя? не только можно, слѣдуетъ даже,—какъ-то брезгливо процѣдилъ капитанъ сквозь зубы: — пускай вертятся флюгера, куда вѣтеръ подуетъ, пускай всѣ сороки перескакиваютъ изъ одной партіи въ другую,—ниоткуда ихъ не гонять и никуда ихъ не ждутъ!.. Завидная, нечего сказать, доля... Зналъ я такихъ молодцовъ въ свое время: аболюціонистами тоже звались.

— Но позвольте, капитанъ: вы говорите—аболюціонисты... Нельзя же ко всему прикидывать одну мѣрку, — начиналъ уже горячиться Абрамъ Гиксъ, засовывая себѣ палецъ за воротникъ рубашки, будто тотъ душилъ его, и въ то же время съ видимымъ усиліемъ подыскивая ускользающія отъ него, въ волненіи, слова:—надо же, наконецъ, разсуждать по справедливости. Не всѣмъ же людямъ героями или лидерами быть... Ну, вотъ, возьмите вы простого человѣка, меня же хоть, примѣрно сказать.

— Вы—статья совсѣмъ особая, Абрамъ Гиксъ: вы и войну даже захватили, послужили отечеству честью и кровью.

— Опять-таки это не то, капитанъ! Зачѣмъ обходить вопросъ? Надо все на чистоту,—ну, какъ бы вамъ это лучше пояснить?.. Хорошо. Былъ я, что называется, „a war democrat“: изъ-за принципа нерушимости союза пошелъ я на войну, поступился даже кореннымъ демократическимъ принципомъ полной независи-

мости штатовъ, сражался въ рядахъ республиканцевъ, сражался противъ своихъ же демократовъ. И все изъ-за того, что хоть и юнъ я тогда былъ, а все же не могъ одобрить того, что демократическая партія массою стала на сторону угнетателей свободы, стала плясать по дудкѣ рабовладѣльцевъ, поднялась въ защиту тирановъ, стремившихся насадить у насъ чуждыя американскому духу кастовыя разграниченія. Ну, и что же?.. Былъ развѣ я отъ того презрѣннымъ перебѣжчикомъ въ чужой лагерь? Былъ ли я...

— Постойте, постойте, Абрамъ Гиксъ: вы совсѣмъ не такъ на дѣло смотрите.

— Нѣтъ, нѣтъ, погодите, капитанъ: вы меня не дослушали... Ну, кончилась, скажемъ, не входя въ подробности, война; югъ былъ подавленъ; настоятельность идеи насажденія аристократической обособленности на почвѣ рабовладѣльчества доказана... Что же мнѣ было, спрашиваю васъ, тогда дѣлать?.. Оставаться въ рядахъ республиканцевъ, съ которыми у меня ничего не было общаго, кромѣ ненависти къ не-демократической системѣ подраздѣленія людей на касты?.. Или опять то возьмите: слѣдовало развѣ демократической партіи закрыть передо мною двери свои изъ-за того, что, стремясь охранить цѣлость союза, я не признавалъ правъ южныхъ штатовъ отлагаться отъ союза и съ оружіемъ въ рукахъ отстаивалъ правду этого взгляда? И хотя тогда во мнѣ молодая кровь кипѣла—мнѣ немногимъ больше двадцати вѣдь было, когда я у васъ, капитанъ, былъ въ отрядѣ, передъ заключеніемъ мира,—а все же я и теперь готовъ бы на то же самое изъ-за этихъ самыхъ взглядовъ пойти... А между тѣмъ, сражался я на войнѣ, или нѣтъ,—все же я по прежнему стою за широчайшія права самоуправленія для штата, - опять-таки за исключеніемъ полнаго его отдѣленія отъ союза. — Чѣмъ же я не демократъ, скажите мнѣ, на милость?!..—И Гиксъ вдругъ точно оборвался, осушая струившійся съ лица потъ и поочередно уставляя на собесѣдниковъ свои маленькіе сѣрые глаза, будто на лицахъ ихъ стараясь прочесть то, что они стѣснялись высказать словами.

Но капитанъ самъ поспѣшилъ его успокоить:

— Не горячитесь такъ, братъ Абрамъ Гиксъ. Побольше бы намъ такихъ людей, какъ вы, все бы лучше наладилось: изъ настоящаго, знаемъ мы, вы лѣса сколочены... Кому черезъ то же проходить не приходилось?.. При всей моей къ неграмъ преданности, и я не всегда такъ къ нимъ относился; помнится, разъ, въ дѣтствѣ моемъ, укрывалась у отца бѣглая негритянка, да какъ-то поцѣловала меня, такъ я весь день тотъ мылся и пескомъ это мѣсто поцѣлуя оттиралъ... Я только то говорю, что разъ уже

сформировались въ мыслящемъ человѣкѣ убѣжденія, то они должны стоять для него выше всякаго партизанства; а не вступилъ человѣкъ въ жизнь съ какими ни на есть твердыми убѣжденіями, то, по моему, лучше ужъ было бы прямо ему жерновъ на шею, да и въ воду.

— А много, полагаете вы, найдется на свѣтѣ людей съ „твердыми", что вы называете, убѣжденіями? — насмѣшливо освѣдомился, закусывая зубами сигару, докторъ: — или хотя бы людей неуклонно идущихъ къ разъ намѣченной цѣли?.. Мало что-то попадается мнѣ такихъ... Не у всѣхъ ли насъ въ иную пору складываются убѣжденія, такъ сказать, на ходу, въ разговорѣ?.. Люди, что-ли, измельчали за наше поколѣніе.

— Измельчали!—перебилъ его капитанъ, сразу повышая голосъ на нѣсколько тоновъ и рѣшительно выпрямляя осунувшуюся на деревянномъ стулѣ фигуру.—Нѣтъ, сэръ... Это вѣчный парадоксъ, подъ защиту котораго ползутъ всѣ пресмыкающіяся, всѣ эгоисты, всѣ недоноски, грязью готовые закидать любого человѣка, лишь бы доказать, что не они одни въ тину по уши ушли... Измельчали!.. Душу мнѣ, сэръ, воротитъ это ваше модное нынче выраженье! Нельзя же ждать, что все намъ жаренымъ, вареным, паренымъ само въ ротъ полѣзетъ, надо тоже поогляд'ться да попристальнѣе къ людямъ присмотрѣться... У насъ, сэръ, у американцевъ, не въ примѣръ всему свѣту, лучшіе люди въ пастухахъ живутъ... Не во дворцахъ, поэтому, приходится намъ лидеровъ искать... Не носятся у насъ тоже люди — благодаренье Создателю!— съ принципами своими у всѣхъ на виду, таская эти самые принципы передъ собою съ опаскою, какъ папистъ чашу съ Дарами: вѣдь и скромность тоже зачѣмъ нибудь да людямъ дана!.. Вѣрьте опытности моей, докторъ. Всегда вышлетъ Господь дѣлателей своихъ на жатву свою... Хоть и старъ я становлюсь, а все же вижу, что и молодежь съ нами готова поровняться—не то, и насъ же, пожалуй, за поясъ заткнетъ.

— Допустимъ, что и такъ, капитанъ, да жатва-то, дѣло-то гдѣ? Гдѣ тѣ вопросы, гдѣ тѣ идеи, проповѣдь которыхъ огнемъ бы жгла сердца людей?—съ лѣнивой небрежностью, будто роняя свои доводы, возразилъ докторъ. — Дѣло, и не что, какъ одно дѣло, вырабатываетъ людей. Не растутъ же спасители отечества какъ грибы! Не родились же на самомъ дѣлѣ всѣ ваши Вашингтоны, Линкольны, Нэды Тернеры, Джоны Брауны, Гранты – полководцами и героями! Не найдись пригодная для развитія ихъ спеціальныхъ талантовъ почва—и всѣ эти ваши хваленые вожаки

людей остались бы кто за плугомъ, кто въ конторѣ, кто на заводѣ, а кто и просто съ круга бы спился.

— Ну, это опять-таки, воля ваша, докторъ, не то: какъ это вы теперь говорите—дѣло гдѣ? Да вездѣ же кругомъ насъ, на всѣхъ перекресткахъ.

— Да я и не говорю, Гиксъ, о дѣлѣ наполненія голодныхъ желудковъ, о насажденіи свѣта христіанства въ Сахарѣ, о снабженіи дикарей на тропикахъ стеганными одѣялами. Эта статья уже давно отмежевана „филантропамъ", дамскимъ проповѣдникамъ да надушеннымъ „миссіонерамъ",—процѣдилъ сквозь зубы докторъ, не то лѣниво, не то презрительно отпарировавъ вмѣшательство неподходившаго къ нему силой оппонента.

— Да не о томъ у насъ теперь и рѣчь!—съ рѣзкимъ нетерпѣніемъ въ голосѣ перебилъ вялую рѣчь Гиксъ. Бѣдный Абрамъ Гиксъ по-джентльменски спорить совсѣмъ не умѣлъ: онъ то-и-дѣло выходилъ изъ себя, не такъ, впрочемъ, часто досадуя на собесѣдника, сколько на самого себя за то, что не удавалось самому подыскать подходящихъ словъ, за то, что самъ онъ справиться не могъ съ тѣмъ роемъ мыслей, которыя въ такую пору могли бы нахлынуть цѣлымъ потокомъ на память изъ разныхъ потайныхъ закоулковъ его мозга,—а тамъ онѣ годами ютились для него самого незамѣтно, затертыя, заваленныя, какъ тяжелымъ щебнемъ, массою болѣе мелкихъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и непосредственно близкихъ ему интересовъ.

Пав. Каширинъ.

НОВЫЕ РОМАНЫ СЕНКЕВИЧА.

— „Огнемъ и мечемъ". Историческій романъ Генриха Сенкевича. Полный переводъ съ польскаго Ф. Домбровскаго. Спб. 1887. Два тома.
— „Потопъ". Историческій романъ Генриха Сенкевича. Полный переводъ съ польскаго Ф. Домбровскаго. Спб. 1887. Два тома.
— Польско-русскія соотношенія XVII в. въ современной польской призмѣ. (По поводу повѣсти г. Сенкевича „Огнемъ и мечемъ"). В. Антоновича,—въ „Кіевской Старинѣ" 1885, май.

Въ послѣдніе годы въ нашей литературѣ нельзя было не замѣтить одной довольно новой черты—появленія значительнаго числа переводовъ изъ современной польской беллетристики: имена нѣкоторыхъ изъ наиболѣе талантливыхъ польскихъ писателей стали у насъ очень извѣстны, даже популярны, какъ Болеславъ Прусъ, Ламъ, Сенкевичъ, Элиза Оржешко. Польско-русскія отношенія издавна и донынѣ такъ натянуты, что нельзя не порадоваться, что нѣкоторая тѣнь сближенія начинаетъ показываться въ той области, гдѣ народы, повидимому, могли бы и должны бы спокойно, безъ раздраженія, изучать другъ друга—въ обоюдномъ интересѣ. Область поэзіи и беллетристики могла бы быть такой нейтральной почвой: литературное изученіе и взаимное знакомство могли бы, кажется, происходить даже тогда, когда политическій раздоръ нарушалъ общественныя связи, обливалъ желчью не только племенныя, но личныя отношенія. На дѣлѣ этого не было: къ сожалѣнію, враждебное настроеніе—съ обѣихъ сторонъ—доходило до того, что казалось непозволительнымъ интересоваться даже литературой народа, съ которымъ шли политическіе счеты. Это было, какъ мы сказали, съ обѣихъ сторонъ. Можно было бы еще объяснять эту вражду и нетерпимость въ народѣ небольшомъ, побѣжденномъ и притѣсненномъ, у котораго нѣтъ выхода изъ его

отчаянія; но такъ было и у насъ, со стороны народа огромнаго, сильнаго и побѣдившаго: извѣстно, какъ со времени послѣдняго польскаго возстанія еще долго малѣйшій признакъ—не говоримъ: сочувствія, но только нѣкоторой справедливости и безпристрастія въ объясненіи польскаго вопроса сводился тотчасъ къ „польской интригѣ", „рукѣ" и т. п., словомъ, къ обвиненію въ стачкѣ и заговорѣ съ врагами отечества. Нельзя не считать это фактомъ чрезвычайно прискорбнымъ: представленіе о „польской интригѣ", способной будто бы проникать всюду и грозить опасностью огромному государству даже въ какой-нибудь безвредной журнальной статьѣ, это представленіе было не только фантастическое, но унизительное для національнаго достоинства великаго народа, которое хотѣли защищать подобными инсинуаціями не въ мѣру усердные публицисты. Въ самомъ дѣлѣ, не только русское общество, но самая администрація предполагались столь малоумными и, что еще хуже, столь податливыми на измѣну, что польская интрига могла управлять ими по желанію, въ то время какъ сама Польша лишена была малѣйшаго политическаго значенія; съ другой стороны, предполагалось, что великій народъ, которому принадлежало политическое господство, такъ слабъ, что надо было бить въ набатъ и кричать объ опасности по поводу всякаго мелкаго факта, гдѣ мерещилась польская интрига...

Въ подобныхъ условіяхъ трудно ждать какого-нибудь взаимнаго пониманія: когда одна сторона видитъ въ другой только грозящую физическую силу, а эта вездѣ подозрѣваетъ интригу, то пониманіе становится невозможнымъ; заглушается даже самый интересъ. Онъ и дѣйствительно долго былъ заглушенъ. Поэтому можно съ удовольствіемъ привѣтствовать указанное появленіе польской беллетристики въ русскихъ переводахъ. Надо думать, что этотъ литературный фактъ указываетъ, что острая борьба, раздѣлявшая два общества, начинаетъ ослабѣвать. Въ русской литературѣ начинаютъ показываться историческія изученія, исполняемыя съ извѣстнымъ безпристрастіемъ, возникаетъ любопытство къ изображеніямъ польской жизни, сдѣланнымъ самими поляками. Если не ошибаемся, въ польской литературѣ также зарождается потребность въ безпристрастной оцѣнкѣ русской жизни и слышатся отголоски того впечатлѣнія, какое въ послѣднее время русская литература производитъ на западѣ.

Генрихъ Сенкевичъ, одинъ изъ самыхъ видныхъ представителей польской литературы, былъ переводимъ особенно часто. Два большіе историческіе романа, заглавіе которыхъ мы выписали, удостоились даже двойного перевода и вышли теперь осо-

быми изданіями. Оба романа посвящены изображенію событій польской исторіи половины XVII-го вѣка, и первый изъ нихъ—именно изображенію той кровопролитной племенной борьбы, которая, начавшись задолго раньше, окончилась при Хмельницкомъ отпаденіемъ Малороссіи отъ Польши и присоединеніемъ къ московскому государству. Какъ взглянулъ польскій писатель на событія, въ высшей степени характеристическія въ отношеніяхъ Польши и Малороссіи и до настоящаго времени составляющія предметъ самыхъ разнорѣчивыхъ сужденій у историковъ польскихъ, малорусскихъ и русскихъ?

Говоря о литературныхъ отношеніяхъ малорусско-польскихъ [1]), мы указывали, что здѣсь не однажды оказывались въ послѣднее время попытки болѣе или менѣе мирныхъ, историческихъ и этнографическихъ, взглядовъ, которыя, однако, бывали такъ рѣдки и неполны, что на нихъ трудно было бы основывать надежду на скорое установленіе взаимнаго пониманія и справедливости. Повидимому, самыя событія и внѣшнее положеніе народностей могли бы указывать, что должна, наконецъ, наступить пора забвенія старой вражды и мирнаго сожительства. Положеніе славянскихъ народностей на германской границѣ (а южно-руссы и поляки въ Галиціи, и поляки въ самой Польшѣ, и даже въ нашемъ западномъ краѣ—стоятъ на этой границѣ) могло бы внушать мысль о солидарности противъ враждебной силы, которая можетъ грозить обѣимъ сторонамъ, и въ настоящее время политическаго цинизма эта угроза можетъ быть весьма серьезной для польской національности; съ другой стороны, надо бы ожидать, что большее развитіе историческаго знанія и гуманнаго общественнаго чувства окажетъ вліяніе на тѣ между-племенныя отношенія, которыя такъ долго состояли въ фанатической враждебной нетерпимости. Но попытки сближенія все-таки рѣдки, и мы видѣли, что на почвѣ литературной онѣ были слишкомъ мало послѣдовательны: польско-украинская школа, построенная на романтическомъ увлеченіи народностью, оставалась дѣломъ сантиментальной фантазіи и въ подкладкѣ ея было ложное предположеніе, что малорусская народность есть только вѣтвь польской, ея провинціальная разновидность, и что послѣднимъ исходомъ для нея можетъ быть только сліяніе съ народностью польской. Какъ невелики пріобрѣтенія, сдѣланныя этими и подобными опытами сближенія, можно видѣть тамъ, гдѣ спорный предметъ попадается въ руки писателя, пред-

[1]) „Вѣстн. Европы“, 1886, февраль и мартъ.

ставляющаго мысли и поэтическіе образы большинства. Таковъ именно романъ Сенкевича „Огнемъ и мечемъ“.

Было бы длинно, да и нѣтъ особенной надобности передавать содержаніе этого романа. Довольно сказать, что если самъ авторъ не имѣлъ въ виду создать изъ картины этой эпохи національную эпопею, то очевидно, что сюжетъ казался ему именно такимъ, какой заслуживалъ быть предметомъ національной эпопеи. Большая часть романа занята изображеніемъ борьбы польскаго государства съ возстаніемъ Хмельницкаго. Не обошлось, конечно, безъ любовнаго эпизода; но онъ занимаетъ очень второстепенное мѣсто —героиня романа, появившись на первыхъ страницахъ, исчезаетъ потомъ, чтобы явиться только въ концѣ разсказа и довершить благополучіе героя, совершавшаго на всемъ пространствѣ романа воинственные патріотическіе подвиги: дѣло въ томъ, что эта особа, плѣнивъ польскаго рыцаря, въ то же время внушила „дикую страсть“ казацкому герою, который успѣлъ ее похитить и скрыть въ мрачномъ захолустьѣ, надѣясь добиться ея благосклонности со временемъ, — въ данную минуту и ему некогда было заняться предметомъ своей страсти, потому что надо было воевать, а къ концу романа героиня освобождена изъ плѣна и возвращена польскому рыцарю. Война изображается съ большой обстоятельностью: разсказываются цѣлые военные планы, описываются битвы со всѣми подробностями тактики и стратегіи, со множествомъ эпизодическихъ частностей, въ которыхъ отличаются и польскіе, и казацкіе храбрецы, но преимущественно первые. Кромѣ битвъ, война преисполнена и всякими другими приключеніями, и героямъ распредѣлены разныя спеціальности: одинъ непобѣдимъ въ схваткѣ, другой—великій мастеръ найтись во всякихъ трудныхъ обстоятельствахъ, съумѣетъ избѣжать засады или устроить ее, пробраться черезъ толпу враговъ, доставить необходимыя вѣсти и т. п. Герои отличаются разными характерами: одинъ серьезный, мужественный боецъ, другой—простодушный и немного смѣшной мечтатель, который, однако, можетъ удивить своими боевыми подвигами; третій —гулякa, который при всякомъ случаѣ съумѣетъ устроить попойку, съ сомнительною храбростью, но въ трудную минуту никто лучше его не придумаетъ военной хитрости, не обманетъ непріятеля, и т. п. Они ведутъ суровую бранную жизнь, авторъ не задумывается изображать ихъ порядочно кровожадныя дѣянія, но это не мѣшаетъ имъ оставаться нѣжными голубками къ царицамъ ихъ сердца и вообще къ прекрасному полу (конечно, только ихъ круга); всѣ они—очень религіозны, и появленіе ксендза исполняетъ ихъ благочестивымъ энтузіазмомъ. Но весь жаръ сочувствія

и удивленія положенъ авторомъ на изображеніе главнаго представителя польскаго магнатства той эпохи—Іереміи Вишневецкаго: авторъ благоговѣетъ предъ его величіемъ. Іеремія страшно богатъ, обладаетъ почти королевскимъ могуществомъ; это великій политическій умъ, великій полководецъ, одно имя котораго приводитъ въ трепетъ непріятельское войско; онъ созданъ повелѣвать, и все предъ нимъ преклоняется. Обыкновеннаго читателя покоробитъ изображеніе подвиговъ этого великаго человѣка: подвиги и великая политическая мудрость состоятъ зачастую въ кровожадномъ звѣрствѣ, достойномъ какого-нибудь Аттилы и Батыя и совершенно возмутительномъ, но которое авторъ считаетъ только патріотической энергіей и описываетъ съ полнымъ удовольствіемъ. Есть въ романѣ и описаніе Запорожской Сѣчи, и казаки, въ противоположность изящнымъ польскимъ героямъ въ серебряныхъ латахъ съ крыльями за плечами, изображены какъ стадо освирѣпѣвшихъ животныхъ, безсмысленное и дикое. Таковъ въ сущности и самъ Хмельницкій, котораго дикая натура нѣсколько смягчена лоскомъ шляхетскаго образованія, полученнаго между поляками.

Въ такомъ тонѣ ведется романъ. Въ польской публикѣ онъ имѣлъ огромный успѣхъ: изображеніе этой эпохи, очевидно, совпадало съ ходячими вкусами большинства—такъ мало проникло въ это большинство болѣе безпристрастное пониманіе прошедшаго и именно одного изъ тѣхъ пунктовъ этого прошедшаго, которыми рѣшалось самое бытіе польскаго государства. Вопросъ объ отношеніяхъ Польши и Малороссіи ставится здѣсь и теперь совершенно такъ же, какъ онъ ставился два съ половиной столѣтія тому назадъ.

Писатели польскіе и малорусскіе съ XVII-го вѣка и до послѣдняго времени расходились въ пониманіи этого спорнаго пункта. Какъ для самихъ людей XVII-го вѣка, такъ и для позднѣйшихъ историковъ двухъ сторонъ, фактъ возстанія Хмельницкаго, какъ и вообще тогдашнихъ отношеній Польши и Малороссіи, представлялся съ двухъ совершенно противоположныхъ точекъ зрѣнія. Для однихъ, это возстаніе былъ дикій бунтъ презрѣннаго хлопства, которое возмущалось противъ законной власти и противъ благодѣяній цивилизаціи; для другихъ, это было славное освобожденіе отъ иноплеменнаго ига, защита православія отъ католическаго угнетенія, великое національное событіе. Когда новѣйшая польско-украинская школа желала подновить мнимое старое единеніе Польши и „Руси“ и изображала старыя казацкія преданія какъ собственныя польскія, она тщательно избѣгала упоминаній о томъ племенномъ, соціальномъ и религіозномъ раздорѣ,

который въ сущности всегда дѣлилъ южную Русь отъ Польши и вырвался, наконецъ, наружу въ бурномъ возстаніи и для умиренія котораго польское государство никогда не хотѣло, и по характеру всей польской жизни не могло, принять дѣйствительныхъ мѣръ — политической и религіозной равноправности Иначе не могло и быть: нельзя было не уклониться отъ этого факта, потому что воспоминаніе о немъ тотчасъ разрушило бы иллюзію и указало бы всю несовмѣстимость племенныхъ и религіозныхъ элементовъ, забытую въ романтической фантазіи. Теперь объ этой самой эпохѣ берется разсказывать Сенкевичъ. Мы упомянули отчасти, въ какомъ настроеніи составленъ его разсказъ, и чтобы указать, до какой вопіющей степени изображеніе тѣхъ событій въ традиціонномъ польскомъ смыслѣ расходится со взглядомъ на тѣ же событія у писателей, которые представляютъ малорусскую сторону дѣла, мы приведемъ нѣсколько выдержекъ изъ замѣчательной статьи извѣстнаго историка южной Руси, В. Б. Антоновича, написанной вскорѣ по появленіи романа Сенкевича въ подлинникѣ. Внѣ круга читателей, заинтересованныхъ малорусской исторіей и польско-малорусскими отношеніями, эта статья была, кажется, мало замѣчена, но она заслуживаетъ полнаго вниманія, какъ мѣткая и рельефная оцѣнка тенденціи польскаго романа, и можетъ съ пользою служить противовѣсомъ—а пожалуй, полнымъ опроверженіемъ—тому впечатлѣнію, какое романъ можетъ произвести на мало подготовленнаго читателя; а, судя по двукратному переводу романа, число его читателей у насъ должно быть значительно.

Сенкевичъ, выбравши тему, представляющую самую чувствительную струну въ польско-малорусскихъ отношеніяхъ (чего онъ едва ли могъ не знать), въ изложеніи ея не сдѣлалъ никакой уступки изъ старинныхъ польскихъ представленій о свойствѣ тѣхъ событій и не съ умѣлъ найти въ себѣ безпристрастія къ давнему прошедшему; г. Антоновичъ является теперь какъ altera pars.

Польская критика превозносила романъ Сенкевича сверхъ всякой мѣры; нашлись критики, ставившіе автора выше самого Шекспира, Данте, Гёте, и лишь немногіе находили, что гораздо ближе можно было бы вспомнить о „Трехъ Мушкатерахъ“, и замѣчаніе было совершенно справедливо. Это—тотъ же стиль, та же внѣшняя занимательность, какъ въ историческихъ романахъ Дюма, и хитросплетенныя похожденія главныхъ героевъ такъ же мало отвѣчаютъ даже условной романтической вѣроподобности... Патріотическій тонъ романа напоминаетъ нашего Загоскина—съ тою разницею, что Загоскинъ писалъ пятьдесятъ лѣтъ тому

назадъ, и что съ нимъ миритъ его явное простодушіе, котораго совсѣмъ нѣтъ у Сенкевича и вмѣсто котораго бросается въ глаза сухое раздраженіе и нежеланіе ближе справиться съ исторіей. Обратимся къ статьѣ г. Антоновича.

Критикъ объясняетъ въ началѣ, что романъ Сенкевича требуетъ къ себѣ особеннаго вниманія именно по тому восторженному пріему, какой онъ встрѣтилъ въ польскомъ литературномъ мірѣ и въ публикѣ. Съ появленія первыхъ главъ романа, онъ поставленъ былъ выше произведеній корифеевъ польской поэзіи,— онъ затмѣвалъ Мицкевича, Красинскаго, Словацкаго, Винцентія Поля; послѣ, извѣстный краковскій профессоръ, графъ Тарновскій, читалъ о романѣ рядъ публичныхъ лекцій и поставилъ романъ выше созданій Шекспира, Мильтона, Данта, Гёте,—и публика апплодировала... Что же это такое? — Причину этого необычайнаго успѣха г. Антоновичъ видитъ не столько въ художественныхъ достоинствахъ произведенія, сколько въ публицистическихъ положеніяхъ автора, подкупившихъ польскую публику, и опредѣляетъ его точку зрѣнія такъ:

„Историко-философскій взглядъ г. Сенкевича на описываемую имъ эпоху сводится къ слѣдующимъ положеніямъ: въ половинѣ XVII столѣтія Польша представляла могущественное государство, опиравшееся на многочисленное, вполнѣ сознательное, исполненное энергіи и гражданскихъ доблестей шляхетское сословіе; сословное преобладаніе шляхты въ государствѣ было признакомъ высшей культуры, на уровнѣ которой стояла тогда Польша. Государство это преслѣдовало великую культурную миссію; оно призвано было цивилизовать, т.-е. претворить по своему образцу обширныя русскія области, входившія въ предѣлы Рѣчи Посполитой. Миссію эту оно исполняло весьма энергично и цѣлесообразно, но наткнулось на неожиданное препятствіе—на врожденную дикость и непригодность къ культурѣ русскаго племени, которое неспособно было по природѣ усвоить себѣ какую бы то ни было гражданственность и цивилизацію; всѣ попытки поляковъ къ насажденію культурныхъ идей разжигали въ русскомъ населеніи лишь ненависть и дикіе необузданные порывы, проявленія того непонятнаго для поляковъ настроенія, которое шляхтичи XVII столѣтія называли весьма мѣтко „хлопскою innata malitia“. Въ борьбѣ съ этою врожденною дикостью польская шляхта напрасно истощала свои доблестныя геройскія качества, она не могла осилить враждебной стихійной силы. Впрочемъ, нѣкоторыя ошибки замѣчаются и въ дѣйствіяхъ польскаго государства; важнѣйшая изъ нихъ состоитъ въ томъ, что въ средѣ

правящихъ польскихъ классовъ существовала вліятельная партія, которая относилась слишкомъ гуманно къ враждебному элементу, предлагала сдѣлать русскимъ нѣкоторыя уступки, заставляла воздерживаться отъ слишкомъ крутыхъ мѣръ, даже намекала по временамъ на какія-то частныя злоупотребленія, будто бы подававшія поводъ къ казацкимъ возстаніямъ. Эта партія ослабила энергическія мѣры, которыя стремились осуществить лучшіе представители тогдашней Польши, считавшіе необходимымъ потопить казацкій бунтъ въ цѣломъ морѣ крови, хотя бы пришлось для этого истребить поголовно все русское народонаселеніе края. По мнѣнію г. Сенкевича, достоинство польскаго государства требовало не только казнить смертью всѣхъ участниковъ возстанія, но и примѣнять къ нимъ всевозможныя жестокости, пока они не смирятся и не станутъ, такимъ образомъ, достойными вкусить плодовъ шляхетской культуры, которая послѣ расправы готова была облагодѣтельствовать строптивыхъ, но покаявшихся, ополяченіемъ, іезуитскою школою и прежде всего панщиною. Казаки, какъ представители русскаго населенія, не только не умѣли понять этихъ высшихъ культурныхъ стремленій шляхетства, но, благодаря своей дикости и врожденной злости, усумнились въ пригодности для своего народа того государства, которое навязывало имъ свои общественныя, не совсѣмъ выгодныя бытовыя формы, и дерзнули послѣ долгихъ безплодныхъ просьбъ и заявленій прибѣгнуть къ бунту; конечно, какъ бунтовщики, они обрекли себя на казнь и истребленіе, которое, къ несчастію, поляки не съумѣли примѣнить съ нужною энергіею и тѣмъ нанесли чувствительный ударъ своему государству. Полагаемъ, что это изложеніе мнѣній г. Сенкевича нисколько нами не утрировано, и постараемся оправдать нашу резюмировку при подробномъ разсмотрѣніи отдѣльныхъ положеній автора".

Дѣйствительно съ этой точки зрѣнія и написанъ весь романъ; впрочемъ, критикъ, — не знаемъ, не безъ нѣкоторой ли доли ироніи, — замѣчаетъ во взглядѣ Сенкевича „нѣкоторые признаки прогресса", развившагося въ послѣднее время въ польскомъ обществѣ, а именно особое благоговѣніе г. Сенкевича передъ государственной идеей. Мы привыкли думать, что государство есть одна изъ высшихъ формъ общежитія, обезпечивающая благосостояніе общества и удовлетвореніе его высшихъ интересовъ: свободу совѣсти, возможность умственнаго развитія и т. п.; мы цѣнимъ его какъ выраженіе возможной въ данномъ обществѣ справедливости ко всѣмъ подданнымъ безъ различія племенъ, сословнаго положенія и пр. По мнѣнію г. Сенкевича, дѣло стоитъ нѣсколько иначе и

онъ, наконецъ, переступаетъ всякую мѣру. Польша XVII вѣка кажется ему образцовымъ государствомъ именно потому, что отрицала лучшія стороны государственной дѣятельности и не признавала равноправности своихъ гражданъ, ставила себѣ „миссію“ невозможную по антропологическимъ законамъ природы—претвореніе одного народнаго типа въ другой, и несправедливую въ общественномъ смыслѣ—подчиненіе всей народной массы одному привилегированному классу. „Наткнувшись на сопротивленіе національное и сословное, польское государство не обязано было, по мнѣнію г. Сенкевича, сознать и исправить ошибочное направленіе своей внутренней политики; напротивъ того, идея государства требовала отъ него другого образа дѣйствія, который онъ слишкомъ, можетъ быть, краснорѣчиво высказываетъ, возстановляя мысли, слова и дѣянія самаго, по его мнѣнію, даровитаго государственнаго человѣка того времени, Іереміи Вишневецкаго: князь Вишневецкій сознавалъ обязанность наказывать безъ мѣры и милосердія; онъ полагалъ, что достоинство Рѣчи-Посполитой возлагаетъ на него обязанность истреблять казаковъ и хлоповъ „безъ остатка“, сажать на колъ и рубить головы посламъ казацкимъ; онъ даетъ клятву въ томъ, „что потопитъ въ крови хлопскіе бунты“; размышляя въ рѣшительную минуту о предстоящей ему роли руководителя государственныхъ стремленій Польши, онъ такимъ образомъ очерчиваетъ свою дѣятельность: „растоптать Запорожье, пролить океанъ крови, сломить, уничтожить, раздавить, а потомъ только отмѣнить злоупотребленія“, „пожрать бунтъ и вскормиться его тѣломъ“—ему грезится поле, на которомъ распростерты „сотни тысячъ труповъ“ и т. д. Читая всѣ эти страстные каннибальскіе возгласы, невольно образованный читатель нашего времени приходитъ въ недоумѣніе—какимъ образомъ въ головѣ писателя XIX вѣка зародились эти кровавые порывы, болѣе приличные клевретамъ Нерона или сподвижникамъ Чингизхана, чѣмъ мыслителю или художнику нашего времени; между тѣмъ, всѣ эти кровавыя пожеланія являются въ повѣсти не результатомъ объективнаго воспроизведенія настроенія эпохи, но продуктомъ политическихъ воззрѣній самого автора“.

Критикъ, вспоминая, какъ польское общество конца прошлаго вѣка постоянно и упорно протестовало противъ государствъ, среди которыхъ оно было размѣщено, находитъ теперь, что въ идеяхъ Сенкевича отражается поворотъ къ лучшему въ убѣжденіяхъ польской интеллигенціи: „польское общество,—говоритъ критикъ,—наконецъ, убѣдилось, вѣроятно въ неосновательности и незаконности своихъ протестовъ, въ убѣжденіи произошелъ крутой пово-

ротъ, и ненавистная до того времени мысль о святости государственныхъ учрежденій и о преступности всякаго бунта заняла почетное мѣсто въ кругу общественныхъ принциповъ польскаго общества и высказалась въ слишкомъ, можетъ быть, рѣзкихъ и необдуманныхъ чертахъ подъ перомъ излюбленнаго беллетриста. Что-жъ, и слава Богу, только на первыхъ порахъ неофиты зашли слишкомъ далеко и попали въ другую крайность — прійдется лишь сказать: trop de zèle".

Отдавая эту ироническую справедливость польскому писателю, критикъ, однако, совсѣмъ не соглашается съ тѣмъ, чтобы Польша XVII-го вѣка была символомъ цивилизаціи, а Русь — представителемъ дикости, и находитъ, что еслибы авторъ мѣрялъ обѣ стороны одной мѣркой, то даже по фактамъ, такъ пристрастно собраннымъ, не оказалось бы ни особенной дикости съ одной стороны, ни особой цивилизаціи съ другой. Но, увлекшись своими личными чувствами, авторъ романа не замѣчаетъ противорѣчія между его характеристиками и самыми изображаемыми сценами. Для малороссовъ онъ не находитъ достаточно суровыхъ эпитетовъ, обличающихъ ихъ дикость. „Казаки въ его произведеніи не говорятъ, не возражаютъ, не кричатъ, не поютъ, но всегда „верещатъ", „ревутъ", „рычатъ", и „воютъ". Лишь только дѣло идетъ о не-дворянскомъ населеніи Украйны, оно всегда упоминается съ эпитетами: „хлопство дикое и разнузданное", „народъ дикій, разбойничій", „разбойничья сволочь", „народъ дикій по природѣ", „народъ дикій, стремящійся въ дикой свободѣ", „дичь, сорвавшаяся съ цѣпи", „чернь, жаждущая крови и убійства"; если въ описаніи сраженія ему нужно сказать, что шляхтичъ нанесъ ударъ казаку, то онъ выражается такъ: „треснулъ ватажка саблею въ морду" и т. д. Такихъ стилистическихъ цвѣтковъ можно набрать въ повѣсти цѣлые ворохи"...

Понятно, что эти дикіе люди не понимаютъ совсѣмъ гражданственности: по мнѣнію Сенкевича, положеніе южно-русскаго народа подъ панскимъ и іезуитскимъ правленіемъ характеризуется только тѣмъ, что „дикій народъ, преобразованный шляхтичами изъ разбойниковъ въ земледѣльцевъ, тяготился существованіемъ *права*, строгостью *управленія* и существованіемъ *порядка*", что „все то, что̀ разсказываютъ о религіозномъ настроеніи запорожцевъ—выдумка"... Въ отвѣтъ на это, критику пришлось указывать, что со временъ Геродота до конца XVI вѣка, когда въ южной Руси появилась польская шляхта, всѣ историческія свидѣтельства говорятъ, что земледѣліе было главнымъ занятіемъ жителей этого края; что религіозный вопросъ былъ однимъ изъ

главныхъ мотивовъ возстанія, доказывается цѣлымъ длиннымъ рядомъ несомнѣнныхъ историческихъ документовъ, и за 30 лѣтъ до Хмельницкаго Запорожье выдвинуло Сагайдачнаго, который уже выступалъ на защиту православной церкви противъ уніатства.

Указавъ на такія подробности романа, гдѣ уродливо передаются факты историческіе (напр., казаки, истребляющіе собственные города и села) и этнографическіе (напр., изумительное описаніе чабановъ, т.-е. просто пастуховъ, какъ особеннаго „племени“ и т. п.), критикъ приводитъ еще собственныя показанія автора о томъ, каковы были сами носители „цивилизаціи“. Въ противоположность дикости и свирѣпости казаковъ слѣдовало бы ожидать, что представители культуры мягче и гуманнѣе; и авторъ дѣйствительно указываетъ, въ неясныхъ, впрочемъ, фразахъ, что „Рѣчь Посполитая проявляла по отношенію къ казакамъ милосердіе безъ границъ и мѣры“ (?), но, увлекшись изображеніемъ подвиговъ усмирителей возстанія, онъ совсѣмъ забылъ объ антитезѣ дикости и цивилизаціи. Критику не стоило никакого труда собрать рядъ картинъ слѣдующаго рода. „Польскіе жолнеры, по словамъ г. Сенкевича, всегда истребляютъ казаковъ поголовно, даже тогда, когда они бросаютъ оружіе и просятъ помилованія. По пути князя Вишневецкаго, усмирявшаго бунты, „исчезаютъ слободы, села, хутора и мѣстечки и вмѣсто нихъ торчатъ окровавленные колы и висѣлицы“. Князь этотъ бралъ приступомъ Погребище и истребилъ поголовно все народонаселеніе: „700 плѣнниковъ повѣсили, 300 посадили на колъ“, причемъ князь далъ жолнерамъ приказъ: „казните ихъ такъ, чтобы они чувствовали, что умираютъ“; на пути черезъ лѣса, „онъ украшалъ сосны, вѣшая на нихъ плѣнныхъ“, и т. д. Герои г. Сенкевича неутомимо и нѣсколько дней сряду „жгутъ села и рубятъ головы“ до изнеможенія....; вообще плѣнныхъ они подвергаютъ пыткѣ и жгутъ огнемъ, даже и въ томъ случаѣ, если эти плѣнные покрыты ранами“ и т. д.

При подвигахъ этого рода, авторъ тѣмъ не менѣе продолжаетъ изображать своихъ польскихъ героевъ какъ верхъ рыцарства и культуры. Его главнѣйшія сочувствія, какъ выше сказано, сосредоточены на Вишневецкомъ. „Князь Вишневецкій,— говоритъ критикъ, — изображенъ идеаломъ государственной мудрости, гражданскихъ добродѣтелей и поборникомъ правды и справедливости; авторъ до того увлекается своимъ героемъ, что доходитъ въ отзывахъ о немъ до кощунства; такъ всякій неуважительный отзывъ о Вишневецкомъ г. Сенкевичъ называетъ бого-

хульствомъ (bluznierstwo), онъ одаряетъ князя какою-то сверхъестественною силою, дарованною ему свыше, вслѣдствіе которой цѣлыя тысячи казаковъ, населенія цѣлыхъ округовъ бѣгутъ, объятыя паническимъ страхомъ, при одномъ имени „Яремы“. Во время приступа казаковъ къ Збаражу на валахъ крѣпости появляется среди знаменъ и факеловъ князь Вишневецкій и казаки дрожатъ и выпускаютъ оружіе при его видѣ; можетъ быть, ошибаемся, но намъ кажется, что краски для этой эффектной картины заимствованы г. Сенкевичемъ изъ VI книги Потеряннаго Рая Мильтона“...

Авторъ романа не замѣчаетъ, что при этомъ бросаются въ глаза каннибальскіе подвиги, которые онъ разсказываетъ о своемъ героѣ и которые нимало не отличаются отъ дѣяній „дикой сволочи“, т.-е. запорожцевъ. Авторъ видимо такъ увлекся своимъ сочувствіемъ къ подвигамъ польскимъ, что, не замѣчая, ставитъ ихъ на одномъ уровнѣ съ подвигами презираемаго имъ народа. Наивность доходитъ до того, что онъ серьезно объясняетъ доблести своихъ героевъ ихъ шляхетскимъ происхожденіемъ, и признакъ нравственнаго достоинства у ихъ противниковъ можетъ объяснить только вмѣшательствомъ шляхетской крови. „Одинъ изъ героевъ Сенкевича,—говоритъ критикъ,—повстрѣчавъ незнакомаго ему до того времени Хмельницкаго и замѣтивъ въ выраженіи его лица большую рѣшимость, недоумѣваетъ, откуда такое выраженіе явилось на лицѣ человѣка неизвѣстнаго происхожденія. Правда, оно напомнило ему выраженіе лица князя Вишневецкаго, „но у князя оно являлось естественнымъ даромъ природы, свойственнымъ знатному происхожденію“. Героиня романа одарена, конечно, небывалою красотою и энергіею въ силу княжеской крови Курцевичей, зато ея тетка, княгиня Курцевичева, груба въ обращеніи, нахальна и своекорыстна, потому что она родомъ „изъ семьи сомнительнаго происхожденія“. Полковникъ (казацкій) Богунъ, украшенный авторомъ большою силою и храбростью,—для того, чтобы польскіе рыцари имѣли возможность проявить на его счетъ свое геройство, — является обладателемъ этихъ качествъ только потому, что мать его заподозрѣваютъ въ незаконныхъ связяхъ съ шляхтичемъ, но зато качества эти совершенно изуродованы дикостію, наслѣдованною отъ матери, до того свирѣпою, что у полковника этого ночью глаза блестятъ, какъ у волка“.

Общій выводъ критика о романѣ Сенкевича, имѣвшемъ такой громадный успѣхъ въ польскомъ обществѣ, весьма неблагопріятный. „Г. Сенкевичъ и его почитатели стоятъ пока еще на той низкой степени развитія патріотическаго чувства, на которой

люди полагаютъ, что все свое непремѣнно хорошо, потому только, что оно свое. Въ силу этого ложнаго патріотическаго чувства, они считаютъ долгомъ отрицать всякую попытку критическаго отношенія къ своему прошедшему и стремятся, путемъ отрицанія или извращенія несомнѣнныхъ фактовъ, путемъ всевозможныхъ натяжекъ, оправдать и возвеличить всякое безобразное явленіе въ исторической жизни своего народа. Писатель, руководящійся такимъ чувствомъ, особенно если онъ писатель талантливый и вліятельный въ своемъ обществѣ, оказываетъ этому обществу плохую услугу. Онъ способствуетъ затемнѣнію народнаго самопознанія, стремится къ увѣковѣченію ошибокъ прошедшаго, способствуетъ застою и косности и затрудняетъ прогрессъ своего народа".

Этотъ ложный патріотизмъ побуждаетъ его освящать фразами о цивилизаціи тѣ историческіе недуги, которые и были причиной паденія польскаго государства: національную, религіозную и сословную исключительность, презрѣніе къ земледѣльческому классу и жестокость къ тѣмъ, кто сопротивлялся насиліямъ правящаго сословія. Понятіе о государственной власти крайне превратное: власть должна не заботиться о потребностяхъ управляемыхъ, но навязывать имъ свои цѣли, хотя бы онѣ противны были всему существу данной народности, и въ случаѣ протеста не останавливаться даже предъ поголовнымъ истребленіемъ цѣлаго населенія. Къ южно-русскому народу авторъ романа старается возбудить ненависть и презрѣніе, по мнимой дикости этого народа и неспособности къ культурѣ; авторъ не умѣетъ отнестись къ этому народу не только объективно, но даже прилично, и картина является памфлетомъ...

Замѣчаніе о „Трехъ Мушкатерахъ" оказалось вѣрно и въ томъ отношеніи, что второй романъ Сенкевича представляетъ продолженіе перваго и ведется въ томъ же патріотическо-воинственномъ духѣ. Къ счастію, на этотъ разъ вопросъ между-племенной отсутствуетъ; по крайней мѣрѣ очень рѣдки упоминанія о казакахъ и лишь раза два-три говорится вскользь о „гиперборейцахъ" или „септентріотахъ", которыхъ съ великимъ успѣхомъ побивалъ одинъ изъ описываемыхъ героевъ, который, между прочимъ, набралъ, за кулисами романа, цѣлыя пригоршни драгоцѣнныхъ камней съ „боярскихъ *колпаковъ*". „Потопъ" означаетъ ту эпоху изъ правленія Яна-Казиміра, когда, вслѣдъ за возстаніемъ Хмельницкаго, Польша сама стала театромъ войны и была наводнена, кромѣ казаковъ, русскими войсками, вступившими въ Польшу послѣ присоединенія Малороссіи къ московскому госу-

дарству, и войсками шведскаго короля Карла-Густава, который самъ хотѣлъ сдѣлаться королемъ польскимъ; къ нашествіямъ иноземнымъ присоединились внутренніе раздоры и безурядица, когда одна часть польскихъ магнатовъ, и въ томъ числѣ могущественный Янушъ Радзивиллъ и братъ его Богуславъ, приняла сторону Карла-Густава, когда шведы овладѣли Краковомъ и Варшавой и вся страна сдѣлалась жертвой безначалія. На этомъ фонѣ развивается дѣйствіе романа, который вообще (за исключеніемъ отсутствующихъ здѣсь изображеній малорусскаго народа и казачества) очень похожъ на предыдущій. Какъ тамъ, такъ и здѣсь, большая часть романа занята описаніемъ военныхъ событій, сопровождающихся необычайными подвигами храбрости, военнаго искусства и хитрости, и наилучшая часть этихъ подвиговъ принадлежитъ главному герою романа. Какъ тамъ, такъ и здѣсь, въ эту военную исторію вплетена любовная исторія, гдѣ герой, влюбившись въ героиню на первыхъ страницахъ романа, вскорѣ потомъ теряетъ ее изъ виду, успѣвши страшно вооружить ее противъ себя; они остаются разлучены на пространствѣ двухъ большихъ томовъ, предаваясь отчаянію и тоскѣ другъ о другѣ, и встрѣчаются вновь только на самыхъ послѣднихъ страницахъ, когда вдругъ узнаютъ о томъ, что было съ ними во время долгой разлуки, трогательно примиряются и соединяются законнымъ бракомъ.

Исторія скрываетъ, впрочемъ, въ себѣ и поученіе. Судьба главнаго героя, Кмитица, связана съ судьбою самой тогдашней Польши: въ началѣ это—храбрый, но порядочно необузданный воинъ, преданный излишествамъ своего ремесла, а именно, рѣжущій не только чужихъ, но и своихъ; въ концѣ это—умудренный слуга своего отечества, свободный отъ прежнихъ пороковъ и заблужденій. Эта перемѣна совершается вмѣшательствомъ мудраго всендза. Дѣло происходило слѣдующимъ образомъ.

Въ одно прекрасное утро Кмитицъ, богатый шляхтичъ, является въ помѣстье панны Билевичъ, на которой онъ долженъ жениться по завѣщанію ихъ родителей. До тѣхъ поръ Кмитицъ никогда не видѣлъ панны, и при первомъ появленіи обнаруживаетъ грубыя ухватки той военной компаніи, въ какой онъ проводилъ время. Оказывается, что раньше начала исторіи онъ успѣлъ уже пріобрѣсти славу своими подвигами противъ „гиперборейцевъ“ и успѣлъ набрать упомянутыя пригоршни драгоцѣнныхъ камней съ боярскихъ колпаковъ. Его необузданность смиряется, однако, передъ строгимъ достоинствомъ панны, разумѣется, великой красавицы. Между тѣмъ Кмитицъ тутъ же успѣваетъ перессориться

съ окрестными шляхтичами, старыми друзьями панны, совершаетъ насилія и убійства, наконецъ похищаетъ самую панну, но получаетъ жестокій урокъ отъ нѣкоего Володыевскаго, который успѣваетъ придти на выручку, разбиваетъ скопище Кмитица, причемъ, для избѣжанія дальнѣйшаго кровопролитія, противники рѣшаютъ дѣло поединкомъ. Володыевскій изображается уже въ первомъ романѣ Сенкевича: это—воинъ очень маленькаго роста, но совершающій, однако, великія дѣла; онъ храбръ и неустрашимъ и извѣстенъ во всей Рѣчи-Посполитой, какъ неодолимый боецъ на сабляхъ—несмотря на маленькій ростъ, который, между прочимъ, прискорбнымъ образомъ мѣшалъ ему до сихъ поръ нравиться паннамъ. Повидимому, однако, эта слава не дошла до Кмитица, который, начиная поединокъ, подсмѣивается надъ своимъ противникомъ; но поединокъ оканчивается весьма для него плачевно. Володыевскій тотчасъ увидѣлъ неумѣлость Кмитица и, сопровождая борьбу нравоученіями о правилахъ фехтовальнаго искусства, сначала выбиваетъ саблю изъ рукъ противника, а потомъ, когда бой начался снова, наноситъ ему жестокій ударъ. Затѣмъ мы видимъ Кмитица при дворѣ могущественнаго литовскаго магната Януша Радзивилла. Авторъ съ любовью описываетъ великолѣпную резиденцію Радзивилла, гдѣ онъ, окруженный преданными кліентами и сильнымъ войскомъ, чувствовалъ себя почти независимымъ владѣльцемъ. Кмитицъ, столь высокомѣрный, дикій и жестокій, преклоняется предъ Радзивилломъ и готовъ служить ему, но вскорѣ открывается обстоятельство, сильно его смутившее и послужившее для него надолго источникомъ тяжкихъ патріотическихъ страданій. Янушъ Радзивиллъ былъ, во-первыхъ, протестантъ, а во-вторыхъ, онъ задумалъ пристать къ шведскому королю для своихъ честолюбивыхъ плановъ. Когда Радзивиллъ открыто заявилъ это у себя на пиру, гдѣ собралось множество начальниковъ и шляхты, и провозгласилъ здоровье шведскаго короля, то произошелъ страшный переполохъ: одни стали на сторонѣ Радзивилла и Карла-Густава, другіе воспротивились и зато были задержаны и посажены въ тюрьму. Присутствовала на этомъ банкетѣ и панна Билевичъ, которая вмѣстѣ съ другими шляхтянками должна была поселиться въ замкѣ въ виду опасностей военнаго времени. Кмитицъ, пораженный и подавленный энергіей и аргументами Радзивилла, остался на его сторонѣ; но онъ видѣлъ, что люди, имъ уважаемые, отреклись отъ Радзивилла, рискуя собственною жизнью, и видѣлъ также, что панна Билевичъ, горячая патріотка, отказалась отъ него, какъ отъ измѣнника. На этомъ они и разстались. Уже вскорѣ Кмитицъ почувствовалъ, что

онъ и дѣйствительно будетъ измѣнникомъ своей родинѣ, если останется при Радзивиллѣ; это стало ему еще яснѣе, когда онъ узналъ другого Радзивилла, Богуслава: это былъ блестящій аристократъ, долго жившій при иностранныхъ дворахъ, перенявшій французскіе обычаи, нравственный и политическій циникъ, который притомъ, увидавши при дворѣ своего брата панну Билевичъ, задумалъ овладѣть ею и дѣйствительно успѣлъ захватить ее и скрыть ее въ одномъ изъ своихъ далекихъ владѣній, а кстати оклеветалъ и самого Кмитица, чтобы окончательно повредить ему въ глазахъ панны. Кмитицъ рѣшилъ оставить Радзивилла, но такъ какъ имя его уже было покрыто позоромъ измѣны въ глазахъ патріотовъ, оставшихся вѣрными Яну-Казиміру, онъ назвался Бабиничемъ по одному изъ своихъ помѣстій, и рѣшилъ очистить себя подвигами самоотверженія на службѣ короля. На первый разъ онъ задумалъ-было устроить смѣлое дѣло—схватить самого князя Богуслава, среди его собственнаго лагеря, и отдать плѣнникомъ въ руки короля; отважная затѣя едва не удалась, но ловкій и смѣлый Богуславъ успѣлъ вырваться изъ рукъ похитителей и ранить самого Кмитица. Послѣдній едва самъ спасся отъ преслѣдованія въ лѣсной трущобѣ и, продолжая свое странствованіе, вскорѣ встрѣтилъ то мѣсто, гдѣ должно было начаться его нравственное исправленіе и искупленіе совершонной имъ измѣны. На своемъ пути онъ завидѣлъ вдали окруженную таинственнымъ свѣтомъ обитель: это былъ Ченстоховъ съ его знаменитой святыней (странно, что Кмитицъ, попавши въ этотъ край, не зналъ, что онъ находится возлѣ знаменитаго монастыря). Дорогою ему удалось подслушать разговоръ имперскаго посла съ однимъ изъ агентовъ шведскаго короля; изъ разговора оказывалось, что шведы, несмотря на охранную грамоту, данную Карломъ-Густавомъ, вознамѣрились овладѣть монастыремъ и захватить его сокровища. Съ этимъ важнымъ извѣстіемъ Кмитицъ, онъ же Бабиничъ, является въ монастырь, гдѣ его встрѣтили съ недовѣріемъ, заподозрили въ зломъ умыслѣ, но вскорѣ должны были убѣдиться въ справедливости его показаній. На исповѣди передъ мудрымъ ксендзомъ онъ открываетъ свое настоящее имя и свое прошедшее, выноситъ тяжелую эпитимію (ему предписано было каждодневное бичеваніе и уроки смиренія), совершаетъ необычайные подвиги храбрости на защиту національной святыни, когда шведы дѣйствительно подступили къ монастырю, и много способствуетъ освобожденію монастыря отъ упорной осады. Затѣмъ онъ ѣдетъ къ королю; слѣдуютъ новые подвиги мужества, гдѣ, между прочимъ, онъ однажды спасаетъ самого короля отъ плѣна, участвуетъ въ освобожденіи Варшавы

отъ шведовъ, наконецъ, все еще скрывая свое имя, долго воюетъ, истребляя въ партизанской войнѣ враговъ отечества; между прочимъ, встрѣчается въ битвѣ съ заклятымъ врагомъ, Богуславомъ Радзивилломъ, и беретъ его въ плѣнъ, потомъ, однажды, спасаетъ отъ непріятельскаго нашествія тотъ край, который былъ родиной его и панны Билевичъ, и гдѣ нѣкогда самъ произвелъ кровавыя буйства. На самой родинѣ распространяется громкая слава „Бабинича", когда, однажды, привозятъ его домой, страшно израненнаго, едва живого. Панна Билевичъ узнаетъ объ этомъ съ глубокимъ состраданіемъ, но остается чужда „Кмитицу", котораго все еще полагаетъ врагомъ своего короля; но однажды, когда она въ первый разъ встрѣчаетъ его въ костелѣ еще изможденнаго отъ страданій, пріѣзжаютъ боевые друзья и сотоварищи послѣднихъ подвиговъ Кмитица-Бабинича — и въ ихъ числѣ былъ уже тотъ самый Володыевскій, который нѣкогда далъ ему чувствительный урокъ фехтованія;—эти друзья привозятъ съ собой королевскую грамоту, которую ксендзъ прочитываетъ тутъ же въ церкви для всеобщаго свѣденія: въ грамотѣ подробно разсказана была вся военная жизнь Кмитица, упомянуто было о прежнихъ его проступкахъ на службѣ Радзивилла, которые были, однако, вполнѣ искуплены его дальнѣйшими подвигами; исчислены его великія заслуги предъ королемъ и отечествомъ, и воздавалась имъ великая почесть и слава, должная добродѣтельнымъ сынамъ отечества, объявлялось высокое королевское благоволеніе и награда. Панна Билевичъ, сидѣвшая подлѣ Кмитица, была поражена, когда увидѣла, какъ долго была несправедлива къ своему рыцарю; она взяла его руку, поцѣловала ее и быстро удалилась изъ храма; Кмитицъ былъ подавленъ безмѣрнымъ счастіемъ и не скоро пришелъ въ себя. Затѣмъ Кмитицъ, окруженный друзьями, и вся толпа направились въ помѣстье панны, гдѣ и совершилось тотчасъ обрученіе и великій пиръ на всю околицу.

Мы передали, конечно, только въ самыхъ краткихъ чертахъ одинъ остовъ романа; исторія, протянувшаяся на два большихъ тома, исполнена множествомъ эпизодовъ такого же рода, какіе украшаютъ первый романъ Сенкевича. И главный, и второстепенный герои блистаютъ необычайными военными качествами; кровь льется рѣками; мы не припомнимъ романа, гдѣ она проливалась бы въ такомъ изобиліи, какъ въ этихъ романахъ Сенкевича, и гдѣ самъ авторъ относился бы къ этому кровопролитію съ такимъ замѣчательнымъ спокойствіемъ. Авторъ не щадитъ красокъ для изображенія неустрашимости, благородства, ловкости своихъ любимцевъ, и слишкомъ часто эффекты, къ которымъ онъ

прибѣгаетъ, способны подѣйствовать только на вкусъ очень нетребовательный. При осадѣ Ченстохова, Бабиничъ одинъ пробирается въ непріятельскія баттареи и взрываетъ главное осадное орудіе—и никто его не видитъ; оглушенный самъ взрывомъ, онъ попадаетъ въ плѣнъ, ему грозитъ лютая казнь, но онъ съумѣлъ повѣсить надъ огнемъ того человѣка, кто собирался повѣсить его самого, и убѣгаетъ изъ непріятельской толпы. Ушедши отъ Радзивилла, онъ хочетъ извѣстить его, что отказывается отъ его дѣла, но въ лѣсной трущобѣ, гдѣ спасается Кмитицъ отъ погони, у него нѣтъ чернилъ, и онъ прокалываетъ руку кинжаломъ и пишетъ собственною кровью длинное письмо, и т. п.

Старое магнатство по прежнему увлекаетъ автора: оно изображается величественнымъ; магнаты стоятъ выше обыкновенныхъ людей; они созданы для того, чтобы повелѣвать, чтобы внушать и страхъ, и почтеніе; таковъ даже Радзивиллъ, на которомъ тяготѣютъ два мрачныхъ пятна—измѣна королю и протестантство. Съ другой стороны, мелкіе люди созданы, чтобы безпрекословно повиноваться: въ романѣ приводится множество примѣровъ этой добродѣтели мелкихъ людей,—они преданы и покорны какъ хорошо вышколенныя собаки. Надо, однако, замѣтить, что шляхта, даже мелкая, при всемъ преклоненіи передъ магнатами, оказываетъ, однако, и благородную независимость. Съ неменьшимъ почтеніемъ, чѣмъ къ магнатству, авторъ относится къ служителямъ церкви: ксендзъ Кордецкій, главное лицо въ Ченстоховѣ во время осады, есть олицетвореніе мудрости и святости. Самый монастырь впервые видится Кмитицу въ какомъ-то чудесномъ ореолѣ и одно имя ясногорской святыни дѣйствуетъ на него какъ залогъ спасенія...

Все это, какъ видимъ, есть привычное, чтобы не сказать шаблонное, представленіе о добрыхъ старыхъ временахъ, гдѣ мы напрасно искали бы такого правдиваго и реальнаго представленія вещей, какому могли бы научить современное историческое знаніе и современные пріемы романическаго творчества. Въ широкой рамкѣ, какую ставитъ Сенкевичъ, мы не находимъ, однако, картины польской жизни XVII-го столѣтія. Жизнь цѣлаго народа и общества заключена въ одни военныя отправленія: походы, битвы, засады, потоки крови, военныя хитрости, единоборства, буйныя попойки и т. д. наполняютъ почти все содержаніе обширнаго романа; только въ началѣ находимъ единственную картинку быта деревенской шляхты, — но затѣмъ остается совершенно неизвѣстно: что же дѣлается въ странѣ внѣ войны? Правда, что въ это бурное время война была глав-

ной и общей бѣдой и заботой, но читатель невольно ищетъ бытовой подкладки дѣйствія,—и не находитъ ея, не находитъ даже точнаго опредѣленія историческаго хода политическихъ и военныхъ событій: войска являются и исчезаютъ точно по щучьему велѣнью; отдѣльные люди и большія людскія массы движутся какъ театральные статисты по распоряженію автора—выходятъ, когда понадобится романисту, безъ всякихъ затрудненій изъ самыхъ мудреныхъ обстоятельствъ, и вся исторія исполнена эффектами, такъ сказать, театральнаго свойства...

Положеніе вещей въ Польшѣ XVII-го вѣка авторъ характеризуетъ, напримѣръ, слѣдующими словами одного изъ дѣйствующихъ лицъ, иностранца, агента шведскаго короля:

„Народъ этотъ долженъ погибнуть... Прежде всего потому, что они сами хотятъ этого; во-вторыхъ потому, что они заслуживаютъ погибели. Есть ли на свѣтѣ другой такой край, гдѣ можно было бы найти столько безпорядковъ, неурядицъ и безчинствъ, сколько въ Рѣчи Посполитой? Какое здѣсь правленіе? Король не управляетъ, потому что ему не даютъ. Сеймы—тоже, потому что ихъ срываютъ. Почему нѣтъ войскъ? Потому что никто не хочетъ платить подати; нѣтъ справедливости, потому что некому судить, и каждый, болѣе или менѣе сильный, попираетъ ногами право. Почему, напримѣръ, нѣтъ вѣрности? Потому что всѣ измѣнили своему королю. У нихъ нѣтъ любви къ отчизнѣ, потому что они продали ее шведамъ за обѣщаніе, что они позволятъ имъ безчинствовать по прежнему... Гдѣ, спрашивается, есть такая безурядица, какая здѣсь? Какой народъ помогъ бы завоевать собственную землю или оставилъ короля не за его тиранство, не за зло, которое онъ учинилъ, а только потому, что пришелъ другой народъ, сильнѣе его? Гдѣ есть такіе люди, которые бы соблюдали только собственный интересъ и отвергали общественный? Что у нихъ есть... пусть они покажутъ мнѣ хоть одну свою добродѣтель. Кромѣ хорошей кавалеріи у нихъ ничего нѣтъ... Ну, іудеи тоже славились своей кавалеріей, да и галлы—какъ видно изъ исторіи—имѣли своего предводителя, а гдѣ они?—Погибли, какъ должны погибнуть и остальные. Кто пожелаетъ спасти Рѣчь Посполитую, тотъ напрасно только потеряетъ время, потому что они сами не хотятъ спасаться!... Край населенъ одними безчинцами, злыми и продажными людьми!“

Эти слова сказаны были упомянутымъ шведскимъ агентомъ, Вржещовичемъ (онъ былъ родомъ чехъ и католикъ) въ бесѣдѣ съ цесарскимъ посломъ, и значеніе ихъ авторъ хочетъ опредѣ-

лить дальнѣйшей замѣткой: „Послѣднія слова Вржещовичъ произнесъ съ настоящею ненавистью, странной въ иностранцѣ, который нашелъ кусокъ хлѣба въ этомъ краѣ; но Лисоля (цесарскій посолъ) не удивлялся; онъ зналъ свѣтъ и людей; зналъ, что кто не умѣетъ платить сердцемъ своему благодѣтелю, тотъ находитъ въ немъ много недостатковъ, чтобы прикрыть ими собственную неблагодарность. Впрочемъ, можетъ быть, онъ и признавалъ справедливость его словъ и поэтому не протестовалъ".

Изъ дальнѣйшаго разговора оказывается, что Вржещовичъ былъ по религіи католикъ, что̀ не мѣшало ему посовѣтовать шведскому королю захватъ Ченстоховскаго монастыря и руководить той осадой, при которой Кмитицъ совершилъ свои упомянутые подвиги.

Такимъ образомъ злобные отзывы Вржещовича объясняются только его собственною испорченностью и неблагодарностью, но въ словахъ его о внутренней безурядицѣ политическаго быта Польши была, однако, большая доля правды, въ чемъ косвенно сознаются другія дѣйствующія лица и что̀ подтверждалось фактами самого романа. Дальше мы находимъ какъ бы отвѣтъ на эти обвиненія въ словахъ пріора ченстоховскаго монастыря, Кордецкаго, когда въ монастырѣ шли совѣщанія о приближающейся осадѣ.

„Положеніе такое,—говорилъ пріоръ,—что развѣ только одинъ Господь да Пресвятая Богородица затмятъ глаза непріятеля. Одно Божье попущеніе; иначе враги не осмѣлились бы поднять руки на эту святыню. Какъ извѣстно, враги наши не собственною силою овладѣли Рѣчью Посполитой: сами поляки помогли имъ въ этомъ. Однако, какъ бы ни упалъ низко нашъ народъ, какъ бы ни заблуждался, какъ бы ни погрязъ въ грѣхахъ, но всему есть свои границы, которыя никто не можетъ перейти. Несмотря на то, что народъ отступился отъ своего короля и отчизны, все-таки онъ не отступится отъ своей Матери, Патронессы и Царицы. Непріятель смѣется надъ нами и спрашиваетъ: сколько осталось въ насъ прежней честности? а я отвѣчаю, что все пропало, кромѣ чести и вѣры въ Пресвятую Богородицу, при помощи которой можетъ все поправиться. Я чувствую, что еслибы хоть одна непріятельская пуля ударилась объ эти святыя стѣны, то самый закоренѣлый изъ внутреннихъ враговъ отвернулся бы отъ шведовъ, и изъ пріятелей сдѣлался бы врагомъ. Вѣдь и шведы понимаютъ это не хуже насъ... Поэтому, какъ я сказалъ, если Господь умышленно не допуститъ зла, то они никогда не осмѣлятся поднять своей руки на Ясную

гору, потому что этотъ день былъ бы для нихъ поворотомъ колеса фортуны и днемъ нашего раскаянія".

Дальше говорится, что „Кмитицъ съ изумленіемъ слушалъ слова ксендза-пріора, которыя вмѣстѣ съ тѣмъ были отвѣтомъ на слова Вржещовича". Но отвѣтъ былъ, однако, не совсѣмъ полный. Религіозное возбужденіе могло, безъ сомнѣнія, поднять народныя силы противъ иноземнаго и иновѣрнаго врага, но оно, во-первыхъ, было бы все-таки недостаточно для того, чтобы устранить внутренній политическій разладъ, который потомъ дѣйствительно не только не прекратился, но еще увеличился; а во-вторыхъ, это религіозное возбужденіе, не умѣряемое христіанскою терпимостью и политическимъ благоразуміемъ и выражавшееся и раньше, и послѣ притѣсненіемъ диссидентовъ, послужило одной изъ причинъ самаго паденія польскаго государства. Вопросъ о средствахъ достиженія политическаго порядка остался безъ отвѣта.

Наконецъ, счастье повернулось на сторону Яна-Казиміра. Сенкевичъ разсказываетъ объ этомъ такъ:

„Между тѣмъ, пламя возстанія охватило всю страну. Кто зимой не брался за саблю или пику, тотъ дѣлалъ это теперь, весной—лѣса давали убѣжище и возможность скрыться отъ опасности, а теплая пора облегчала войну.

„Наконецъ, пронесся слухъ о поголовномъ ополченіи. Сколько было *деревьевъ* въ лѣсахъ Рѣчи Посполитой, сколько *колосьевъ* колыхалось на ея нивахъ, сколько *звѣздъ* сверкало ночью на небѣ, столько воиновъ, поднялось противъ врага! Всѣ бросились къ оружію, чтобы выгнать враговъ изъ отчизны...

„Шведъ тонулъ уже въ этой массѣ, какъ въ выступившей изъ береговъ рѣкѣ.

„Къ удивленію всего міра, на защиту Рѣчи Посполитой нашлось болѣе сабель, чѣмъ ихъ могли найти нѣмецкій императоръ или французскій король".

По разсчету деревьевъ, колосьевъ и звѣздъ, въ Польшѣ взялось за сабли такое количество милліоновъ, что самый сговорчивый читатель долженъ будетъ усомниться—преувеличеніе довольно характерное. Въ мѣньшихъ, но также мало-вѣроятныхъ размѣрахъ эти излишества стиля вообще не разъ повторяются въ романахъ Сенкевича, напоминая манеру историческихъ романовъ Александра Дюма.

Такимъ образомъ, романы Сенкевича по своему содержанію не возвышаются надъ уровнемъ ходячихъ популярныхъ представленій о старой Польшѣ: она продолжаетъ рисоваться его

воображенію въ фантастическихъ чертахъ, съ великими, впрочемъ, случайными бѣдствіями, отъ которыхъ въ крайнемъ случаѣ спасетъ ее Ченстоховская Богоматерь; эта старая Польша блистаетъ шляхетскими добродѣтелями—дурные шляхтичи оказываются особенно въ партіи шведскаго короля; тяжелыя испытанія, великія заблужденія, какія бывали и здѣсь, приводятся только внѣшними несчастно сложившимися обстоятельствами; въ самомъ строѣ польскаго государства автору не видится никакихъ особенныхъ недостатковъ. Напримѣръ, среди буйствъ военной сволочи слышатся голоса, что преступленія будутъ наказаны „судомъ", но на дѣлѣ суда не оказывается, и просто одному насилію противопоставляется другое насиліе—отъ доброй воли автора зависитъ при этомъ наказать порокъ и вознаградить добродѣтель; въ дѣйствительности, безъ сомнѣнія, порокъ гораздо чаще торжествовалъ. Что касается племеннаго состава государства, мы видѣли, какъ изображены въ первомъ романѣ Сенкевича отношенія Польши и Малороссіи: возстаніе Хмельницкаго есть не болѣе какъ бунтъ хлоповъ, полу-дикихъ, возстающихъ противъ разумной дисциплины, вводимой цивилизующею шляхтой, и единственное средство дѣйствовать противъ подобнаго бунта, это—„потопить его въ океанѣ крови": такъ именно разсуждалъ тотъ магнатъ, въ которомъ авторъ удивляется и военному генію, и великой политической мудрости.—Если въ основѣ содержанія положена апотеоза старой Польши, свидѣтельствующая о недостаткѣ реальнаго историческаго взгляда, то этому отвѣчаетъ и недостатокъ историческаго реализма въ исполненіи.

Сенкевичъ видимо увлекся успѣхомъ своихъ романовъ въ польской публикѣ. Въ послѣднее время началось въ одномъ изъ польскихъ журналовъ печатаніе новаго романа; мы не имѣли его въ рукахъ, но, судя по заглавію („Панъ Володыевскій"), это—продолженіе той-же серіи сказочно-историческихъ романовъ.

А. Пыпинъ.

ОСЕНЬЮ.

Душа то грустію томима,
То тихой радостью полна...
Летѣли дни неуловимо,
И пролетѣло лѣто мимо,
Какъ грёза прерваннаго сна.

Все къ неминуемой развязкѣ
Въ природѣ вянущей идетъ.
Нѣтъ съ неба прежней, теплой ласки;
Ужъ былъ морозъ; другія краски;
Другіе звуки; видъ не тотъ.

Аллея липъ въ саду—раскрыта;
И съ высоты вѣтвей нагихъ,
Гдѣ гнѣздъ весною много свито,
Грачи мнѣ вслѣдъ кричатъ сердито
За то, что я встревожилъ ихъ.

Тогда какъ были дни свѣтлѣе,
Зайду, бывало, въ старый садъ,—
Темна тѣнистая аллея...
Но я, о лѣтѣ сожалѣя,
Признаться, днямъ осеннимъ радъ.

Пока есть слухъ, пока есть зрѣнье
И впечатлѣніе—свѣжо,
Любя въ природѣ всѣ явленья,
Твержу я, полнъ благоговѣнья:
„Все—хорошо! все—хорошо!“

Алексѣй Жемчужниковъ.

НАКАНУНѢ
ПЕРЕВОРОТА

Романъ въ двухъ частяхъ, соч. Маріонъ Крофордъ.

Съ англійскаго.

VI *).

Корона д'Астрарденте воспитывалась въ монастырѣ, то-есть выросла въ строгомъ исполненіи обрядовъ религіи, и въ продолженіе пяти лѣтъ, истекшихъ съ тѣхъ поръ какъ она стала выѣзжать въ свѣтъ, не находила причины измѣнять привычкамъ, пріобрѣтеннымъ съ дѣтства. Нѣкоторые считаютъ религію обузой; другіе смотрятъ на нее какъ на безразличное, безполезное учрежденіе, въ которомъ не желаютъ участвовать, и о которомъ совсѣмъ не думаютъ; третьи, наконецъ, считаютъ ее главной опорой жизни.

Весьма естественно предположить, что образъ мыслей и привычки, усваиваемые себѣ молодыми дѣвицами въ духовномъ заведеніи, не исчезаютъ безслѣдно при вступленіи ихъ въ свѣтъ, и можно даже думать, что воспоминанія о впечатлѣніяхъ первоначальныхъ лѣтъ остаются у нихъ на всю жизнь. Но разнообразные интересы общественной жизни расшатываютъ зданіе вѣры. Бѣшеная сила страстей подкапывается подъ стѣны, и когда, наконецъ, удары судьбы задѣнутъ ключъ свода, потрясутъ личность мужчины или женщины, разслабленную житейскими невзгодами,

---

*) См. выше: янв., 293 стр.

—весь душевный строй человѣка рухнетъ, и въ жалкихъ обломкахъ нельзя уже больше найти и намека на прежнія правильныя очертанія, и нѣтъ уже ни тѣни красоты, уничтоженной на-вѣки.

Но бываютъ и такіе люди, въ которыхъ интересы земной жизни не настолько сильны, чтобы поколебать вѣру въ жизнь загробную; страсти у нихъ не берутъ верха надъ всѣмъ остальнымъ, а щитомъ ихъ личности служитъ нѣчто болѣе надежное, чѣмъ совершеннѣйшій эгоизмъ. Корона была одною изъ такихъ, потому что доля ея была не изъ счастливыхъ, а путь усыпался не розами.

Она была одинокая женщина; у нея не было друзей; ей суждено было много страдать, и страданія были тѣмъ сильнѣе, что, казалось, вотъ-вотъ она найдетъ друга въ свѣтѣ, гдѣ играла такую видную роль. Но когда все существованіе поставлено на ложномъ основаніи, то въ немъ уже не можетъ быть счастія, хотя бы ошибка произошла сознательно и подъ вліяніемъ чувства долга, заставившаго Корону выйти замужъ за Астрарденте. Утѣшеніе—не удовлетвореніе, и хотя, размышляя о томъ, какъ она поступила, она знала, что, съ своей точки зрѣнія, избрала наилучшій путь, но знала также, что передъ ней на-вѣки закрыты двери земного рая, и что въ здѣшнемъ мірѣ ей уже нечего надѣяться на счастіе. Для такой женщины, покорившейся послѣдствіямъ своего выбора, вѣра въ лучшій міръ, внушившая ей самопожертвованіе, дѣлается главнымъ источникомъ утѣшенія. Былъ одинъ добрый человѣкъ, къ которому она обращалась за совѣтами съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ только себя помнила. Когда она чувствовала себя несчастной, она шла къ нему. Отецъ Филиппъ былъ для нея живымъ доказательствомъ существованія хорошихъ людей, подобно тому какъ вѣра для многихъ есть „вещей невидимыхъ обличеніе“.

Корона была несчастна въ настоящую минуту, и несчастіе было такого новаго рода, что она едва понимала, въ чемъ оно заключается; оно было такъ страшно и однако такъ смутно, что она чувствовала, какъ опасность близка. Поэтому она безъ колебанія и промедленія поѣхала на другой же день послѣ охоты въ церковь капуциновъ на піацца Барберини, и съ бьющимся сердцемъ поднялась на широкія ступени, не зная, какъ и что она скажетъ, но увѣренная, что ей не успокоиться прежде, нежели она не скажетъ всего, что слѣдуетъ, и не выслушаетъ совѣта и руководства, въ которыхъ такъ нуждается.

Отецъ Филиппъ былъ свѣтскій человѣкъ въ свое время—человѣкъ очень образованный, съ изящными вкусами и пониманіемъ чужихъ вкусовъ, мягкій и вѣжливый въ обращеніи и съ очень

добрымъ сердцемъ. Никто не зналъ, откуда онъ пріѣхалъ. Онъ говорилъ правильно по-итальянски, и въ рѣчи его часто проскакивали ученыя слова, но его акцентъ доказывалъ иностранное происхожденіе. Онъ былъ капуцинскимъ монахомъ уже много лѣтъ, быть можетъ больше полжизни, и Корона помнила его съ дѣтства, такъ какъ онъ былъ другомъ ея отца; но съ нимъ не посовѣтовались насчетъ ея брака — она хорошо это помнила; потому что ей очень хотѣлось повидаться съ нимъ до свадьбы; отецъ сказалъ, что отецъ Филиппъ уѣхалъ на время изъ Рима: старику очень хотѣлось, чтобы Корона вышла замужъ, и въ душѣ онъ боялся, что она колеблется и спроситъ совѣта отца Филиппа, — а онъ слишкомъ хорошо зналъ послѣдняго, чтобы думать, что тотъ одобритъ жертву со стороны молодой дѣвушки, выдаваемой замужъ за старика Астрарденте. Корона узнала объ этомъ впослѣдствіи, но едва ли отдала себѣ ясный отчетъ въ томъ, какъ эгоистично поступилъ съ ней отецъ. Она была довольна тѣмъ, что онъ умеръ спокойно, выдавъ ее замужъ за знатнаго и богатаго человѣка, и что она могла напослѣдокъ его жизни избавить его отъ долговъ и затрудненій, отчасти сократившихъ и самую жизнь его.

Гордая женщина, смирившаяся передъ тѣмъ, что считала долгомъ, никогда больше не возвращалась къ этому вопросу. Она никогда не говорила о своемъ положеніи съ отцомъ Филиппомъ, и монахъ уважалъ ея твердость. Если она и страдала, то молча, безъ комментарій и жалобъ, и такъ прострадала бы она до конца. Но судьба рѣшила иначе. Уже давно видѣла она, что интересъ, внушаемый ей Джіованни Сарачинеска, все возрасталъ: она подавляла его и употребляла всѣ усилія, чтобы быть равнодушной; но, наконецъ, кризисъ наступилъ. Когда онъ заговорилъ съ ней о женитьбѣ, она почувствовала,—теперь она это ясно сознавала, —что любитъ его. Самое слово, когда она повторяла его себѣ, звучало въ ея ушахъ какъ ужасное, почти непонятное обвиненіе въ тяжкомъ грѣхѣ.

— Padre mio,—сказала она монаху, по окончаніи исповѣди: — я очень несчастна.

И закрыла смуглое лицо руками безъ перчатокъ, а слезы, одна за другой, покатились сквозь тонкіе пальчики и падали на черное дерево исповѣдальни.

— Дочь моя,—отвѣчалъ старикъ-монахъ,—я буду молиться за васъ, другіе будутъ молиться за васъ... но, прежде всего, вы сами должны за себя молиться. И знайте, дитя мое, что хотя мы всѣ доступны соблазну, но не должны думать, что если со-

блазнъ посѣтилъ насъ, то мы стали отъ этого безнадежными грѣшниками; если же мы боролись съ соблазномъ, то значитъ побѣдили его, и тогда мы правы. Еслибы зло не таилось въ насъ самихъ, то не было бы и соблазна, потому что ничто злое не казалось бы намъ привлекательнымъ. Но что касается васъ, то я еще не нахожу, чтобы вы были такая грѣшница. Мужайтесь. Мы всѣ живемъ въ мірѣ и, несмотря на всѣ усилія, не можемъ вполнѣ устраниться отъ него. Грѣхъ близокъ отъ васъ, но онъ еще не завладѣлъ вами, такъ какъ внушаетъ вамъ такой ужасъ. Успокойтесь, не поддавайтесь унынію. Противьтесь соблазну, но не анализируйте его или самое себя слишкомъ усердно; одно изъ главнѣйшихъ нашихъ золъ,—это то, что мы слишкомъ носимся съ собой и съ своими соблазнами.

— Padre mio,—повторила Корона,—я очень несчастна. У меня нѣтъ ни одного близкаго человѣка на свѣтѣ, съ кѣмъ бы я могла поговорить по душѣ. Жизнь еще не представлялась мнѣ въ томъ свѣтѣ, въ какомъ я вижу ее теперь. Богъ да проститъ мнѣ это: я не люблю своего мужа. Я до сихъ поръ не понимала, что значитъ любить. Я была ребенокъ, невинный ребенокъ, когда выходила за него замужъ. Я хотѣла посовѣтоваться съ вами, но мнѣ сказали, что вы уѣхали изъ Рима, и я думала, что поступаю хорошо, исполняя волю отца.

Падре Филиппъ вздохнулъ. Онъ давно зналъ и понялъ, что Корону не допустили повидаться съ нимъ въ самую важную минуту ея жизни.

— Мой мужъ очень добръ ко мнѣ,—продолжала она прерывистымъ голосомъ:—онъ, по своему, любитъ меня, но я не люблю его. Это уже само по себѣ большой грѣхъ. Мнѣ кажется, что я видѣла только одну сторону жизни, и видѣла ее изъ оконъ тюрьмы, и однако я не въ тюрьмѣ. Я бы желала сидѣть въ тюрьмѣ, потому что тогда не увидѣла бы другого человѣка. Я бы не слышала его голоса, не видѣла его лица и не... не любила бы его, какъ люблю,—договорила она съ рыданіями.

— Полно, полно, дочь моя,—сказалъ старикъ-монахъ очень мягко.—Вы говорили мнѣ, что никогда не говорили о любви, что онъ, правда, интересовалъ васъ, но что вы не знаете...

— Я знаю... Я знаю теперь! — закричала Корона, теряя всякое самообладаніе.—Я не могла выговорить этого... мнѣ оно казалось такъ ужасно... Я люблю его всей душою! Мнѣ ни за что не справиться съ этой любовью... она жжетъ меня. О, Боже, какъ я несчастна!

Падре Филиппъ помолчалъ нѣкоторое время. Онъ ждалъ, пока

Корона выплачется хорошенько и успокоится. Но онъ вполнѣ понималъ ее и сожалѣлъ.

— Дочь моя,—сказалъ онъ, наконецъ, когда она какъ будто затихла:—было бы необыкновеннымъ счастіемъ, еслибы этотъ человѣкъ могъ уѣхать на время, но, вѣроятно, объ этомъ нечего и думать. Во всякомъ случаѣ вы не должны слушать его, если онъ станетъ говорить...

— Не то, не то!—перебила Корона.—Онъ никогда не говоритъ о любви. О! я, право, думаю, что онъ вовсе не любитъ меня.

Но въ душѣ она чувствовала, что онъ любитъ ее.

— Тѣмъ лучше, мое дитя,—спокойно замѣтилъ монахъ.—Если онъ не любитъ васъ, то и соблазнъ не будетъ такъ великъ.

— Но, можетъ быть, онъ и...—пролепетала Корона, чувствуя, что было бы дурно скрывать свои подозрѣнія отъ духовника.

— Не надо никакихъ „можетъ быть"!—перебилъ отецъ Филиппъ почти сурово.—Пусть мысль о томъ, что онъ можетъ васъ любить, никогда не входитъ вамъ въ голову. Подумайте, что, даже съ свѣтской точки зрѣнія, въ женщинѣ, выказывающей любовь мужчинѣ, который никогда не говорилъ ей о своей любви, слишкомъ мало чувства собственнаго достоинства. У васъ нѣтъ причинъ предполагать, что онъ любитъ васъ, кромѣ того, что вамъ бы этого хотѣлось. Пусть же не будетъ никакихъ „можетъ быть".

Глубокое пониманіе монахомъ характера Короны дало ему неожиданное оружіе въ руки. Онъ зналъ, что для гордой женщины нѣтъ ничего ужаснѣе мысли, что она любитъ безъ отвѣта, и что если она не встрѣтитъ любовь, равную ея собственной, то послѣдняя легко превратится въ ненависть или, по крайней мѣрѣ, въ равнодушіе. Сильный характеръ герцогини д'Астрарденте откликнулся на эту ноту, какъ онъ и ожидалъ. Слезы перестали течь, и она почувствовала презрѣніе къ самой себѣ.

— Ваша правда,—сказала она внезапно.—Я презрѣнная женщина. Вы раскрыли мнѣ глаза. Никакихъ „можетъ быть" больше не будетъ. Я презираю себя за такую мысль. Пожалуйста, молитесь, чтобы я больше не падала такъ низко!

Нѣсколько минутъ позже Корона вышла изъ исповѣдальни и пробыла нѣкоторое время въ церкви, чтобы собраться съ мыслями. Она была теперь совсѣмъ въ другомъ настроеніи, чѣмъ когда выѣхала изъ дому, часъ тому назадъ. Она не могла бы сказать, что стала лучше, но навѣрное стала сильнѣе. У нея прошла охота углубляться мысленно въ свои горести... разбираться въ испытываемыхъ ею чувствахъ, опасеніяхъ и невысказанныхъ надеждахъ на то, что Джіованни, быть можетъ, и любитъ

ее. Въ ней осталась одна только высокомѣрная рѣшимость скорѣе покончить съ своимъ безумiемъ, употребить всѣ усилiя и забыть его. Отнынѣ она больше не падетъ такъ низко. Она готова была идти въ свѣтъ и ничего больше не боялась. Болѣе по привычкѣ, чѣмъ изъ необходимости, простояла она нѣкоторое время на колѣняхъ въ церкви послѣ исповѣди, такъ какъ чувствовала себя очень сильной. Она встала съ колѣнъ и пошла къ двери, но на полдорогѣ очутилась лицомъ къ лицу съ донной Туллiей Майеръ.

То было странное совпаденiе обстоятельствъ. Римскiя дамы, какъ и Корона, часто ѣздятъ въ церковь капуциновъ, чтобы совѣтоваться съ падре Филиппомъ и исповѣдываться, но Корона никогда не встрѣчалась съ донной Туллiей.

M-me Майеръ не хвалилась особенно набожностью и вошла въ церковь только потому, что увидѣла у дверей экипажъ герцогини д'Астрарденте.

Донна Туллiя встала сегодня рано, потому что ей предстоялъ сеансъ у одного юнаго живописца, жившаго по сосѣдству съ пiацца Барберини, и, проѣзжая мимо церкви, она увидѣла ливрейнаго лакея герцогини. Живописецъ подождетъ съ часокъ; случай былъ слишкомъ соблазнительный. Ей не только можно будетъ исполнить свой религiозный долгъ и побывать на исповѣди, но и увидѣть, какова бываетъ Корона послѣ исповѣди. Быть можетъ, также можно будетъ по манерѣ отца Филиппа заключить, было ли его свиданiе съ Короной интереснымъ. Астрарденте такъ искренно набожна, что врядъ ли станетъ каяться въ небывалыхъ грѣхахъ. Быть можетъ, на ея лицѣ можно будетъ прочитать слѣды волненiя.

Во всякомъ случаѣ упускать этого удобства никакъ не слѣдуетъ. Тѣмъ болѣе, что если донна Туллiя найдетъ, что нерасположена къ покаянiю, то ей никто не мѣшаетъ пробыть нѣсколько минутъ въ церкви и ѣхать дальше. Она велѣла кучеру остановиться, вошла въ церковь и сейчасъ же увидѣла высокую фигуру Короны д'Астрарденте, шедшую ей на встрѣчу въ простыхъ на видъ, но великолѣпныхъ мѣхахъ, съ короткимъ вуалемъ на лицѣ и непривычнымъ румянцемъ на щекахъ.

Корона удивилась, увидѣвъ m-me Майеръ, но не выказала этого. Она кивнула головой съ достаточно любезной улыбкой и хотѣла пройти мимо. Но это не входило въ планы донны Туллiи, такъ какъ она желала хорошенько поглядѣть на пріятельницу. Не даромъ же она рѣшила вдругъ, ни съ того, ни съ сего, идти къ исповѣди. Поэтому она остановила герцогиню и протянула ей руку.

— Какая неожиданная встрѣча!—вскричала она.—Вы вѣрно были у отца Филиппа?

— Да,—отвѣчала Корона.—Вы найдете его въ ризницѣ.

Она замѣтила, что m-me Майеръ съ большимъ интересомъ вглядывается въ нее. И дѣйствительно, она и не подозрѣвала, до какой степени сама на себя непохожа; подъ глазами у нея были темные круги, а глаза какъ-то странно блестѣли; оливковыя щеки разрумянились непривычнымъ румянцемъ, а въ голосѣ слышалось волненіе. M-me Майеръ вытаращила на нее глаза, и Корона не могла этого не замѣтить.

— Что это вы такъ смотрите на меня?—спросила она съ улыбкой.

— Я удивляюсь, въ чемъ вы можете каяться,—отвѣчала донна Туллія вкрадчиво.

Глаза Короны мрачно сверкнули. Она догадалась, что m-me Майеръ замѣтила непривычное въ ней волненіе, и задала этотъ глупый вопросъ, чтобы скрыть свое любопытство. Ей была досадна эта встрѣча, а тѣмъ болѣе—такіе глупые разговоры въ церкви.

— Вы очень добры, что предполагаете во мнѣ такую добродѣтель. Увѣряю васъ, что зато я вовсе не такъ добра, какъ вы думаете... Прощайте... я спѣшу домой.

— Постойте!—закричала донна Туллія.—Я могу пойти къ исповѣди въ другой разъ. Поѣдемте со мной въ мастерскую Гуаша. Онъ пишетъ съ меня портретъ. Такъ скучно сидѣть одной!

— Очень вамъ благодарна,—вѣжливо отвѣчала Корона.—Мнѣ никакъ нельзя ѣхать съ вами. Мужъ ждетъ меня. Желаю вамъ удачнаго сеанса.

— Ну, такъ прощайте. О! я забыла вамъ сказать,—мы такъ вчера веселились. Погода была такая хорошая; Джіованни былъ такъ забавенъ; онъ вчера былъ въ ударѣ и смѣшилъ насъ весь день. Прощайте; очень жаль, что вы не хотѣли вчера ѣхать.

— И мнѣ очень жаль, но это было невозможно. Я рада, что вы такъ весело провели время. Прощайте.

И онѣ разстались.

— „Какъ бы ей хотѣлось, чтобы ея супругъ послѣдовалъ примѣру моего добрѣйшаго старика Майера, благословенной памяти, и отправился бы не сегодня-завтра на тотъ свѣтъ!“—подумала донна Туллія, прохаживаясь по церкви.

Она была увѣрена, что случилось нѣчто необычайное, и жаждала раскрыть тайну. Но она не была въ конецъ дурной женщиной, и когда собралась съ мыслями, то сообразила, что, даже прикидывая самую снисходительную мѣрку, она не можетъ счи-

тать себя настроенной въ томъ духѣ, какого требовало покаяніе. А потому подождавъ нѣсколько минутъ, чтобы дать время Коронѣ отъѣхать, вышла изъ церкви. Экипажъ Астрарденте скрылся изъ виду. Донна Туллія сошла со ступенекъ, сѣла въ свой тильбюри и отправилась въ мастерскую портретнаго живописца Анастасія Гуаша. Она немногаго достигла, только подзадорила свое любопытство, а прощальный намекъ на донъ Джіованни былъ и совсѣмъ неумѣстенъ.

Она подъѣхала къ дверямъ мастерской и нашла, что дель-Фериче, по обыкновенію, дожидается ея. Еслибы Корона поѣхала съ нею, она выразила бы удивленіе, найдя его у дверей, но въ сущности Уго постоянно встрѣчалъ ее и помогалъ проводить время, пока длился сеансъ. Онъ былъ очень забавенъ и не совсѣмъ ненравился ей; къ тому же онъ выказывалъ ей безграничную преданность... можетъ быть и искренно, и во всякомъ случаѣ очень искусно. Еслибы кто-нибудь присмотрѣлся къ поведенію дель-Фериче, то сказалъ бы, что тотъ ухаживаетъ за молодой, богатой вдовой.

Но никто не смотрѣлъ на него какъ на жениха, а потому его поступкамъ и не придавали значенія. Тѣмъ не менѣе, Уго, постепенно повышавшійся на общественной лѣстницѣ, не видѣлъ причины, почему бы ему не добиваться руки донны Тулліи, какъ и всякому другому, еслибы только можно было устранить Джіованни Сарачинеска съ этой дороги; и онъ сталъ неотступно ухаживать за молодой вдовой и въ то же время разглашать про страсть Джіованни къ Астрарденте, которую первый открылъ. Донна Туллія, по всей вѣроятности, расхохоталась бы до слезъ при мысли, что дель-Фериче можетъ серьезно помышлять о женитьбѣ на ней, но изъ всѣхъ ея поклонниковъ онъ былъ самый постоянный и самый удобный.

— Что новаго сегодня?—спросила она, когда онъ подошелъ, чтобы высадить ее изъ экипажа.

— Ничего, кромѣ того, что я, какъ и всегда, вашъ вѣрный рабъ,—отвѣчалъ онъ.

— Я сейчасъ видѣла Астрарденте,—сказала донна Туллія, все еще не выходя изъ экипажа.—Угадайте, гдѣ мы встрѣтились?

— Въ церкви капуциновъ,—немедленно отвѣчалъ дель-Фериче съ довольной улыбкой.

— Вы колдунъ: какъ вы узнали?

— Поглядите вдаль съ того пункта, на которомъ я стою, и вы увидите, что отсюда я могъ ясно видѣть всякій экипажъ, поворачивающій съ піацца Барберини къ церкви капуциновъ,—

отвѣчалъ Уго.—Она пробыла въ церкви около часа, а вы всего какихъ-нибудь пять минутъ.

— Какъ ужасно быть подъ такимъ надзоромъ!—воскликнула донна Туллія со смѣхомъ, въ которомъ выражалось не то удовольствіе, не то насмѣшка надъ поклоненіемъ дель-Фериче.

— Я такъ же не могу не надзирать за вами, какъ земля не можетъ не вертѣться вокругъ солнца,—сказалъ Уго съ сантиментальной интонаціей въ мягкомъ, вкрадчивомъ голосѣ. Донна Туллія поглядѣла на его гладкое лицо и снова засмѣялась—милостиво.

— Астрарденте каялась въ грѣхахъ,—замѣтила она.

— Опять?! Она постоянно кается.

— Въ чемъ бы это, какъ вы думаете?

— Въ томъ, что ея мужъ отвратителенъ, а вы красавица.

— Но почему?

— Потому что она ненавидитъ мужа и васъ.

— Но, опять-таки, почему?

— Потому что вы увезли вчера на вашъ пикникъ Джіованни Сарачинеска; потому что вы всегда отнимаете его у нея. За это я ненавижу его такъ же сильно, какъ Астрарденте ненавидитъ васъ,—прибавилъ дель-Фериче съ пріятной улыбкой.

Донна Туллія любила лесть, но слова Уго заставили ее задуматься.

— Неужели вы думаете, что она въ самомъ дѣлѣ къ нему неравнодушна?

— Это такъ же вѣрно, какъ то, что онъ равнодушенъ.

— Странно,—задумчиво проговорила донна Туллія.—Желала бы я знать, правда ли это.

— Вамъ стоитъ только наблюдать за ними.

— Конечно, Джіованни больше ею интересуется, чѣмъ она имъ. Всѣ говорятъ, что онъ въ нее влюбленъ, но никто не говоритъ, что она въ него влюблена.

— Тѣмъ хуже. Гласъ народа всегда ошибается... кромѣ того, что касается васъ.

— Меня?

— Да; онъ приписываетъ вамъ все хорошее, и совершенно справедливо.

Донна Туллія засмѣялась и взяла его руку, чтобы выйти изъ экипажа.

VII.

Студія живописца Гуаша была во второмъ этажѣ. Узкая лѣстница прямо упиралась въ зеленую дверь съ ящикомъ для писемъ и колокольчикомъ, на зеленомъ шнуркѣ, съ жидкимъ и дребезжащимъ звукомъ. На двери прибита была визитная карточка, на которой съ различными и вполнѣ излишними росчерками и орнаментами стояло имя художника: „Анастасій Гуашъ“.

Дверь не была заперта, и дель-Фериче съ донной Тулліей вошли; поднявшись еще на нѣсколько ступенекъ, они очутились въ студіи, просторной комнатѣ съ окномъ, пробитымъ высоко надъ поломъ и прикрытымъ занавѣской изъ стараго каленкора. Въ одномъ углу стояла желѣзная печка и въ ней трещали дрова — что было очень пріятно въ сырое зимнее утро, и пламя виднѣлось сквозь ржавую заслонку. Темно-зеленый, довольно порядочный коверъ покрывалъ полъ; три или четыре широкихъ дивана, покрытыхъ восточными коврами, и два довольно потасканныхъ рѣзныхъ стула съ кожанымъ сидѣньемъ довершали убранство мастерской. По стѣнамъ висѣли эскизы головъ и лицъ; полу-оконченные портреты стояли на двухъ мольбертахъ, а другіе у стѣнъ; нѣсколько небольшихъ столиковъ покрыты были банками съ красками, кистями и палитрами. Смѣшанный запахъ масляной краски, лака и папиросъ стоялъ въ воздухѣ. И, наконецъ, на высокомъ табуретѣ передъ однимъ изъ мольбертовъ, съ рукавами, засученными по локоть, сидѣлъ самъ Анастасій Гуашъ.

Онъ былъ человѣкъ лѣтъ двадцати-семи, не болѣе, блѣдный, съ тонкими чертами лица и цѣлой шапкой черныхъ, блестящихъ кудрей. Небольшіе, вытянутые въ ниточку усики оттѣняли верхнюю губу и загибались кверху почти перпендикулярно по угламъ красиво очерченнаго рта. Глаза были темные и необыкновенно выразительные, низкій лобъ очень широкъ, руки нервныя, красивой формы, но бѣлыя, какъ у женщины. На немъ былъ темный бархатный пиджакъ, болѣе или менѣе запачканный краской, и отложные воротнички у рубашки.

При входѣ донны Тулліи и дель-Фериче, онъ вскочилъ съ высокаго табурета, не выпуская кисти и палитры изъ рукъ, и отвѣсилъ очень церемонный поклонъ, на что донна Туллія разсмѣялась.

— Ну, что подѣлываете, Гуашъ?—фамильярно спросила она.

Анастасій пригласилъ ее жестомъ подойти и поглядѣть на свой портретъ, надъ которымъ онъ трудился. Портретъ былъ без-

спорно хорошъ; донна Туллія представлена во весь ростъ, какъ двѣ капли воды похожа, причемъ передано было не только свойственное ей оживленіе, но и нѣкоторая грубость.

— Ахъ, другъ мой!—замѣтилъ дель-Фериче:—портретъ не удастся вамъ, если вы не послушаетесь моего совѣта.

— Мнѣ кажется, онъ очень похожъ,—проговорила донна Туллія задумчиво.

— Вы слишкомъ скромны,—отвѣчалъ дель-Фериче:—внѣшность схвачена, но недостаетъ души.

— О! но это само придетъ,—сказала m-me Майеръ.

И, повернувшись къ художнику, прибавила уже съ сомнѣніемъ въ голосѣ:

— Быть можетъ, дель-Фериче не совсѣмъ неправъ, и вы лучше сдѣлаете, если придадите мнѣ немного больше выраженія... какъ бы сказать, поэзіи.

Анастасій Гуашъ тонко улыбнулся. Онъ былъ человѣкъ съ громаднымъ талантомъ, и съ тѣхъ поръ, какъ получилъ prix de Rome, сильно ушелъ впередъ и уже снискалъ ту полузнаменитость, которую молодые люди принимаютъ за настоящую славу. Новая комета, видимая лишь въ хорошій телескопъ, возбуждаетъ много толковъ, но если она не подойдетъ такъ близко къ землѣ, чтобы задѣть ее хвостомъ, то бываетъ скоро позабыта.

Но Гуашъ, повидимому, понималъ это и работалъ неустанно. Когда m-me Майеръ выразила желаніе, чтобы ей придали на портретѣ поэтичность, какой въ ней не было, онъ улыбнулся, хорошо зная, что поэзія такъ же далека отъ нея, какъ шампанское отличается отъ пива.

— Да,—сказалъ онъ,—я знаю... я хорошо замѣчаю этотъ недостатокъ.

И дѣйствительно, онъ замѣчалъ этотъ недостатокъ въ ней самой. Но по многимъ причинамъ не желалъ ссориться съ донной Тулліей и готовъ былъ скорѣе поступиться художественными убѣжденіями и изобразить ее вдохновенной пророчицей, чѣмъ прогнѣвить.

— Сядьте, и я займусь головой,—сказалъ онъ.

И, усадивъ ее въ одно изъ рѣзныхъ креселъ, при томъ освѣщеніи, какое требовалось, принялся за работу, не теряя больше словъ. Дель-Фериче усѣлся на диванъ, откуда онъ могъ видѣть донну Туллію и ея портретъ, и сеансъ начался. Онъ прошелъ бы въ глубокомъ молчаніи, еслибы мужчинамъ предоставлена была полная свобода дѣйствія, но молчаніе было нестерпимо для донны Тулліи.

— О чемъ вы говорили вчера съ Сарачинеска?—спросила она вдругъ, поворачиваясь къ дель-Фериче.

— О политикѣ,—отвѣчалъ тотъ, и замолчалъ.

— Ну, и что же? — спросила m-me Майеръ, какъ бы съ тревогой.

— Я увѣренъ, что вамъ такъ же хорошо извѣстны его взгляды, какъ и мнѣ,—отвѣчалъ дель-Фериче нѣсколько мрачно. —Онъ глупъ и съ предразсудками.

— Въ самомъ дѣлѣ? — воскликнулъ Гуашъ съ невиннымъ удивленіемъ.

— Повернитесь въ мою сторону, сударыня, добавилъ онъ:— Вотъ такъ... благодарю васъ.

И продолжалъ писать.

— Вы нелѣпы, дель-Фериче! — вскричала донна Туллія, слегка покраснѣвъ. — Вы считаете каждаго глупымъ и съ предразсудками, кто не согласенъ съ вами.

— Со мною? скажите лучше: съ вами, съ нами. Джіованни— образецъ отчаяннаго консерватора, который ненавидитъ перемѣны и содрогается при одномъ словѣ „республика“. Развѣ вы назовете такого человѣка умнымъ?

— И все-таки Джіованни уменъ, — настаивала m-me Майеръ.—Я даже не увѣрена, что онъ не умнѣе васъ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ,—прибавила она, смягчая рѣзкость своего замѣчанія, но уже послѣ того, какъ оно произвело свое дѣйствіе.

Дель-Фериче пріятно улыбнулся. Въ его планы не входило показывать, что онъ обиженъ.

— Въ одномъ отношеніи онъ глупѣе меня,—возразилъ онъ. —Онъ не поклоняется вамъ какъ бы слѣдовало. По моему, онъ глупъ, если не видитъ, что вы не только красивы, но и очаровательны. Не правда ли, Гуашъ?

— Неужели кто-нибудь это отрицаетъ?—спросилъ французъ съ видомъ человѣка вполнѣ убѣжденнаго въ томъ, что говоритъ.

М-me Майеръ покраснѣла съ досадой, во-первыхъ, потому, что ей хотѣлось, чтобы Джіованни ей поклонялся болѣе, чѣмъ кто другой, и она знала, что этого не было, а во-вторыхъ, потому, что ее бѣсило, какъ дель-Фериче такъ легко могъ задѣть ее! Чтобы скрыть свою досаду, она свернула разговоръ на политику.

— Мы много толкуемъ про наши убѣжденія, но слѣдуетъ сознаться, что ровно ничего не сдѣлали. Какой толкъ въ томъ, что мы сходимся здѣсь два или три раза въ недѣлю, шепчемся, переписываемся шифрованнымъ способомъ и тому подобное, когда все идетъ по старому?

— Лучше, конечно, бросить все, и примкнуть къ дону Джіованни и его партіи,—отвѣтилъ дель-Фериче язвительно.—Онъ говоритъ, что если перемѣны наступятъ, онъ примирится съ ними. Конечно, и мы не могли бы благоразумнѣе поступить.

— У насъ все это такъ просто дѣлается,—проговорилъ Гуашъ, задумчиво.—Горсть студентовъ, нѣсколько вывороченныхъ камней изъ мостовой, „vive la république!“—и революція готова.

Но не въ такого рода революціи желалъ бы принимать участіе дель-Фериче. Онъ замышлялъ играть очень маленькую роль въ очень большомъ движеніи, и когда борьба будетъ окончена—намѣревался преувеличить доигранную имъ роль и потребовать весьма существеннаго вознагражденія. Предложи ему титулъ и двадцать тысячъ франковъ дохода, и онъ сталъ бы такимъ же приверженцемъ свѣтской власти папы, какъ любой каноникъ св. Петра. Когда онъ сталъ болтать о революціяхъ съ m-me Майеръ и полудюжиной легкомысленныхъ юношей, и въ томъ числѣ съ Гуашемъ, у него не было никакого опредѣленнаго плана въ головѣ. Онъ просто воспользовался существующимъ возбужденіемъ умовъ, чтобы тѣснѣе сблизиться съ донной Тулліей, чего не могъ бы достигнуть никакимъ инымъ путемъ. Онъ хотѣлъ жениться на ней, и это новое звено закрѣпляло его вліяніе надъ нею. Ни она, ни ея друзья,—не были того сорта люди, какой требуется для революціонера; но дель-Фериче надѣялся, что посредствомъ кучки недовольныхъ, которыхъ онъ постепенно собиралъ вокругъ себя, ему удастся погубить Джіованни Сарачинеска и жениться на доннѣ Тулліи. Самъ онъ былъ дѣйствительно замѣшанъ въ заговоры итальянской партіи; но его употребляли лишь какъ шпіона, а въ сущности онъ такъ же мало зналъ объ истинныхъ намѣреніяхъ тѣхъ, кому служилъ, какъ и сама донна Туллія. Но положеніе это было такъ выгодно въ денежномъ отношеніи, что онъ вынужденъ былъ объяснить свое благосостояніе сказкой объ умершемъ дядѣ и наслѣдствѣ.

— Если вы ожидали, что донъ Джіованни присоединится къ горсти студентовъ, выворачивающихъ камни изъ мостовой и орущихъ: vive la république! то меня не удивляетъ, что вы разочаровались въ своихъ ожиданіяхъ,—сказала донна Туллія презрительно.

— Это только Гуашъ представляетъ себѣ народное движеніе въ такомъ видѣ,—возразилъ дель-Фериче.

— А вы въ какомъ видѣ представляете его себѣ?—отвѣчалъ Гуашъ, опуская кисть и рѣзко поворачиваясь къ итальянцу:—по

вашему, всадить бы изъ-за угла ножъ въ спину кардинала Антонелли? такъ, что ли?

— Вы ошибаетесь во мнѣ, другъ мой, — мягко отвѣтилъ дель-Фериче.

— Еслибы вы пожелали оказать эту услугу Италіи, я, конечно, не сталъ бы васъ отговаривать. Но ужъ, разумѣется, не предложилъ бы вамъ своего содѣйствія.

— Фи! какъ можете вы говорить такъ объ убійствѣ!—воскликнула донна Туллія.— Займитесь лучше опять моимъ портретомъ, Гуашъ, и не говорите вздора.

— Вопросъ о правѣ убить тирана очень интересенъ,—отвѣчалъ Анастасій задумчивымъ тономъ, снова берясь за кисть и взглядывая то на m-me Майеръ, то на свое полотно.

— Оно принадлежитъ къ такимъ дѣйствіямъ, какія дель-Фериче одобряетъ, но не желаетъ совершать,—замѣтила донна Туллія.

— Мнѣ кажется благоразумнѣе ждать хорошихъ результатовъ, нежели безполезно и измѣннически проливать кровь,—отвѣчалъ дель-Фериче сентенціозно. Гуашъ опять улыбнулся насмѣшливо и взглянулъ на m-me Майеръ, которая громко расхохоталась.

— Нравственныя размышленія звучатъ такъ смѣшно и нелѣпо въ вашихъ устахъ, Уго!—сказала она.

— Почему?—спросилъ тотъ обиженнымъ тономъ.

— Право, не знаю. Конечно, всѣ мы хотѣли бы видѣть Виктора-Эммануила въ Квириналѣ, а Римъ столицей свободной Италіи. Конечно, весьма бы намъ хотѣлось, чтобы это совершилось безъ убійства или кровопролитія, но когда *вы* высказываете это желаніе, оно кажется нелѣпымъ.

Съ своей грубой манерой, m-me Майеръ высказала большую истину, и дель-Фериче стало очень досадно. Онъ зналъ, что онъ негодяй; но зналъ также m-me Майеръ за женщину очень ограниченную, и часто дивился, почему ему никакъ не удается провести ее. Иногда она слушалась его и даже хвалила его хитрость, но, несмотря на всѣ его усилія, гораздо лучше понимала его, нежели ему того хотѣлось.

— Мнѣ грустно,—сказалъ онъ, — что когда я высказываю благородныя мысли, онѣ кажутся смѣшными. Я думалъ, что вы вѣрите мнѣ.

— О, разумѣется! — отвѣтила донна Туллія, вдругъ совершенно мѣняя тонъ. — Я пошутила. Я думала, что вы всегда говорите правду. Но только въ наше время, знаете, не въ модѣ высказывать нравственныя сентенціи строгимъ тономъ и съ ви-

домъ убѣжденія. Небольшая примѣсь цинизма, знаете, нѣкоторое, какъ бы сказать, зубоскальство, считается своего рода шикомъ. Это придаетъ болѣе высокое понятіе о нравственности, потому что какъ бы дѣлаетъ ее недостижимой. Спросите Гуаша...

— Еще бы!—отвѣчалъ артистъ, беря карминъ кисточкой изъ банки: — зубоскальство всего приличнѣе надъ тѣмъ, что недоступно. Лисица, помните, находила виноградъ кислымъ. Она, вѣроятно, была права, потому что она—умнѣйшее изъ животныхъ.

— Желала бы я слышать, что говорилъ Джіованни объ этомъ виноградѣ?—полюбопытствовала донна Туллія.

— О! онъ зубоскалилъ самымъ фешенэбельнымъ образомъ,—отвѣчалъ дель-Фериче.—Онъ бы вамъ очень понравился. Онъ говорилъ, что перемѣна правительства разорила бы его, и что онъ считаетъ своимъ долгомъ бороться противъ нея. Онъ много толковалъ про уровень Тибра, крупное землевладѣніе и обязанности дворянина. И въ концѣ концовъ объявилъ, что примирился бы съ перемѣной, какъ то и подобаетъ эгоисту.

— Желалъ бы я слышать, какого вы мнѣнія о донъ-Джіованни Сарачинеска, и затѣмъ услышать, какого онъ о васъ мнѣнія,—сказалъ Гуашъ.

— Я могу вамъ сказать и то, и другое,—отвѣчалъ дель-Фериче.—Я считаю его аристократомъ до мозга костей, исполненнымъ предразсудковъ и поклоняющимся деньгамъ, не желающимъ пожертвовать убѣжденіями богатству, или богатствомъ убѣжденіямъ, умнымъ во всемъ, что касается его личной выгоды, и близорукимъ относительно чужихъ интересовъ, пропитаннымъ насквозь феодальными понятіями и необыкновенно высокаго о себѣ мнѣнія.

— А какъ онъ думаетъ о васъ?—спросилъ Анастасій, усердно работая надъ портретомъ.

— О, очень просто,—отвѣчалъ дель Фериче со смѣхомъ.—Онъ думаетъ, что я негодяй.

— Въ самомъ дѣлѣ! Какъ странно! Я бы этого никогда не сказалъ.

— Чего? что дель-Фериче негодяй?—спросила донна Туллія со смѣхомъ.

— Нѣтъ, я бы этого никогда не сказалъ,—повторилъ Анастасій, задумчиво.—Я бы сказалъ, что нашъ пріятель дель-Фериче—человѣкъ съ глубокими филантропическими убѣжденіями, благородно отдающій всю жизнь достиженію свободы, братства и равенства.

— Вы въ самомъ дѣлѣ такъ думаете?—спросила донна Тул-

лія, бросивъ слегка насмѣшливый взглядъ на Уго, который былъ необычайно серьезенъ.

— Сударыня,—возразилъ Гуашъ, — я никогда не позволяю себѣ думать иначе о своихъ друзьяхъ.

— Честное слово, — замѣтилъ дель-Фериче:—я въ восторгѣ отъ комплимента, мой милый, но долженъ сказать, что ваше мнѣніе о друзьяхъ нѣсколько однообразно.

Можетъ быть,—отвѣчалъ Гуашъ,—но число моихъ друзей невелико, да и самъ я большой энтузіастъ. Я всей душой зову тотъ день, когда слова: „свобода, равенство и братство", будутъ начертаны пламенными буквами, при самомъ дорогомъ бенгальскомъ освѣщеніи, надъ воротами каждаго дворца въ Римѣ, не говоря уже о церквахъ. Я зову этотъ день, но безъ всякой надежды, что когда-либо увижу его. Кромѣ того, еслибы онъ когда-либо наступилъ, я уложилъ бы свою палитру и кисть, и ближайшей дорогой направился въ другое мѣсто.

— Боже мой, Гуашъ! — воскликнула донна Туллія: — какъ можете вы такъ говорить! Право же, цинично такъ насмѣхаться надъ священнѣйшими убѣжденіями или же говорить, что вы хотѣли бы, чтобы эти слова начертаны были на дверяхъ нашихъ церквей.

— Я не смѣюсь. Я обожаю Виктора Гюго. Я люблю мечтать о всемірной республикѣ—въ этомъ есть громадное художественное упоеніе,—о дикой ревущей толпѣ, разъяренныхъ лицахъ, красныхъ колпакахъ, страшныхъ фуріяхъ-женщинахъ, подстрекающихъ отважныхъ злодѣевъ къ кровопролитію, о заревѣ горящихъ церквей, о блѣдныхъ и дрожащихъ подъ ножемъ жертвахъ—ахъ! это все очень раззадориваетъ артиста, но что касается меня—ба!—я добрый католикъ и никому не желаю зла, да и жизнь—что ни говори—штука веселая!

При этомъ удивительномъ изложеніи взгляда Анастасія Гуаша на значеніе революцій, дель-Фериче громко разсмѣялся; но Анастасій и не думалъ смѣяться, потому что былъ вполнѣ искренен. Дель-Фериче, считавшій шалостью ежедневный революціонный шопотъ въ кружкѣ донны Тулліи, былъ крайне равнодушенъ и даже забавлялся бреднями юнаго художника. Но донна Туллія, желавшая стать центромъ настоящаго заговора, подумала, что надъ ней смѣются, и надула красныя губы и недовольно сморщила брови.

— Я думаю, что у васъ нѣтъ убѣжденій! — сердито проговорила она.—Въ то время, какъ мы рискуемъ жизнью и состояніемъ ради добраго дѣла, вы сидите въ своей студіи и мечтаете

о баррикадахъ и гильотинѣ лишь какъ о сюжетахъ для картинъ; вы даже сознаетесь, что, въ случаѣ еслибы мы произвели революцію, вы отъ насъ уѣдете.

— Но не прежде, чѣмъ окончу вашъ портретъ,—возразилъ Анастасій, нимало не смущаясь.—Онъ очень похожъ, и въ томъ случаѣ, еслибы вы исчезли—вы знаете, что вѣдь это бываетъ съ людьми во время революцій—или еслибы, по несчастію, ваша прелестная шейка попала подъ гильотину... ну, вотъ тогда эта картина осталась бы памятникомъ пріятнѣйшаго времяпрепровожденія, не правда ли?

— Вы неисправимы, — сказала донна Туллія, слабо улыбнувшись.—Вы минуты не можете быть серьезны.

— Очень трудно писать съ васъ, когда выраженіе лица такъ часто мѣняется,—спокойно отвѣтилъ Анастасій.

— Я не расположена позировать для васъ сегодня утромъ. Хоть бы развеселили вы меня, дель-Фериче! Вы вообще это умѣете.

— Я думалъ, что политика забавляетъ васъ...

— Она меня интересуетъ, но идеи Гуаша омерзительны.

— Выскажите намъ ваши собственныя, сударыня!—попросилъ живописецъ, отступая отъ картины, чтобы лучше судить о своей работѣ.

— О, мои идеи очень просты: Викторъ-Эммануилъ, Гарибальди и свободная печать!

— Комбинація монархіи, республиканизма и народнаго образованія—это мало-интересно,—замѣтилъ Гуашъ, не отрывая глазъ отъ портрета.

— Нѣтъ, для васъ никакого сюжета для картины изъ этого не выкроишь; вамъ остается одно: писать портреты съ освободителей...

— Этого добра понадѣлано уже достаточно. Я видѣлъ ихъ портреты во всѣхъ кофейняхъ сѣверной Италіи,—перебилъ художникъ.—Но я бы охотно написалъ Гарибальди. У него красивая голова.

— Я попрошу его дать вамъ сеансъ, когда онъ сюда явится.

— Когда онъ сюда явится, меня уже здѣсь не будетъ,—отвѣтилъ Гуашъ.—Они выштукатурятъ Корсо, превратятъ Колизей въ ресторанъ и водрузятъ итальянскій флагъ на крестѣ св. Петра. Тогда я отправлюсь въ Константинополь: вѣрно, пройдетъ еще нѣсколько десятковъ лѣтъ, прежде нежели Турція обновится.

— Художники—безнадежный народъ,—сказалъ дель-Фериче.

—Они совсѣмъ не логичны, и съ ними нельзя имѣть дѣла. Если вы любите старые города, то почему же вы не любите старыхъ женщинъ? Почему вы охотнѣе пишете портретъ донны Туллiи, нежели ея старой тетушки графини.

— Это какъ разъ двѣ противоположности,—спокойно возразилъ Гуашъ.—Творенiя рукъ человѣческихъ хороши только тогда, когда начинаютъ разрушаться; творенiя Божiи всего лучше, когда они юны. Вы могли бы съ такой же логикой утверждать, что если старое вино лучше молодого, то и старыя лошади также лучше молодыхъ. Способность сравненiя отсутствуетъ у васъ, мой любезный дель-Фериче, какъ и у всѣхъ истинныхъ патрiотовъ. Великiя реформы и великiя революцiи производятся обыкновенно людьми буйныхъ и крайнихъ убѣжденiй, подобными вамъ, которые прутъ впередъ, сами не зная—куда. Квинтъ-эссенцiя же таланта художника есть именно способность сравненiя, даръ провидѣнiя—дѣйствительно ли вещь, которую онъ дѣлаетъ, возможно близко подходитъ къ той вещи, которую онъ воображаетъ.

Въ голосѣ Гуаша не было и тѣни сарказма, когда онъ приписывалъ дель-Фериче дикiй энтузiазмъ революцiонера. Но когда Гуашъ, который отнюдь не былъ спокойнымъ по природѣ человѣкомъ, говорилъ что-нибудь особенно мягкимъ голосомъ, то въ немъ всегда чувствовалась шпилька, и дель-Фериче невольно подумалъ о позорной торговлѣ краденными „справками“, путемъ которой онъ доставалъ средства для жизни, и ему стало какъ будто стыдно. Даже донна Туллiя какъ-то почувствовала, что роль, которую она воображала, будто играетъ, довольно мизерна, сравнительно съ упорнымъ трудомъ, твердой волей и замѣчательнымъ талантомъ юнаго художника. Но хотя она и чувствовала его превосходство,—скорѣе, однако, умерла бы, чѣмъ созналась въ этомъ даже дель-Фериче. Она знала, что уже нѣсколько мѣсяцевъ подъ-рядъ болтаетъ съ дель-Фериче, съ Вальдэрно, съ Казальверде и даже съ меланхоличнымъ и ироничнымъ Спикка о заговорахъ и всякихъ таинственныхъ интригахъ, и знала, что они могутъ болтать такъ до скончанiя вѣка, нимало не вліяя этимъ на ходъ событiй; но она ни за что бы не отреклась отъ дорогой ей иллюзiи, что она дѣйствительный, настоящiй заговорщикъ, и что еслибы кто-нибудь изъ ея легкомысленныхъ знакомыхъ предалъ остальныхъ, то всѣ они были бы въ двадцать-четыре часа изгнаны изъ Рима, или же бы исчезли въ одномъ изъ темныхъ зданiй по лѣвую руку колоннады св. Петра, мучениками своей собственной самонадѣянности и полутеатральнаго тщеславiя. Много было кучекъ такихъ мнимыхъ заговорщиковъ въ тѣ дни, вся отвага которыхъ

ограничивалась тѣмъ, что за бокаломъ шампанскаго въ гостиной, или за стаканомъ итальянскаго вина въ какомъ-нибудь трастеверинскомъ кабачкѣ, они шопотомъ произносили магическія и страшныя слова: „да здравствуетъ Гарибальди! да здравствуетъ Витторіо!“ —Кромѣ этого они ничего не дѣлали.

Тѣ же самые мужчины и женщины ворчатъ теперь и сожалѣютъ о папскомъ правительствѣ или шепчутъ съ безсильнымъ недовольствомъ: „да здравствуетъ республика!“ —и они же и ихъ потомки будутъ до скончанія вѣка шептать что-нибудь на ухо другъ другу, въ то время, какъ болѣе сильныя руки низвергаютъ имперіи, образуютъ непреодолимыя коалиціи и проводятъ краснымъ карандашомъ новыя границы на картѣ Европы.

Заговорщики тѣхъ дней ничего не сдѣлали послѣ того, какъ Пій IX вернулся изъ Гаэты; единственными, хоть сколько-нибудь полезными людьми были тѣ, которые, подобно дель-Фериче, пользовались тайными источниками для свѣденій и низко продавали свои извѣстія. Но даже и они не имѣли большого значенія. Моментъ еще не наступилъ, и никакой болтовней, никакими шептаніями и вѣстями нельзя было ни ускорить событій, ни задержать ихъ. Но донна Туллія была преисполнена сознаніемъ своей важности, а дель-Фериче старался привлечь ровно столько вниманія на свою безобидную болтовню о прогрессѣ, сколько нужно было для того, чтобы безпрепятственно продолжать прибыльную торговлю тайными свѣденіями.

Донна Туллія, съ ея полнымъ отсутствіемъ художественнаго вкуса, совсѣмъ не оцѣнила достоинства портрета, который писалъ Гуашъ, и совсѣмъ не поняла опредѣленія, даннаго имъ, художественной способности сравненія; но дель-Фериче очень хорошо это понялъ. У донны Туллiи, подобно многимъ аристократкамъ, текло слишкомъ много иностранной крови въ жилахъ, но темное происхожденіе дель-Фериче обезпечивало за нимъ чисто итальянскую кровь, и потому онъ наслѣдовалъ общій инстинктъ въ дѣлѣ искусства, который составляетъ природный даръ итальянца. Онъ понималъ необыкновенный талантъ Гуаша и привелъ донну Туллію въ его мастерскую, что̀, впрочемъ, было и не трудно сдѣлать, когда она услышала, что юный художникъ становится знаменитостью. Ей нравилась мысль, что, заказавъ ему свой портретъ, она можетъ разыгрывать роль его патронессы и хвастаться впослѣдствіи, что помогла ему пробить себѣ дорогу. Мода и желаніе быть ея представительницей руководили донной Туллiей, точно собакой на шнуркѣ; а ничего не могло быть моднѣе, какъ патронировать моднаго портретнаго живописца.

Но послѣ того, какъ Анастасій Гуашъ высказалъ свой взглядъ на дель-Фериче и даръ художественнаго сравненія, разговоръ сталъ вялымъ, и донна Туллія соскучилась.

— Сеансъ длился достаточно долго,—объявила она; и такъ какъ выраженіе ея лица вовсе не годилось для портрета, то Анастасій не противорѣчилъ ей, и отпустилъ ее съ набожнымъ поклонникомъ по пятамъ.

А когда они ушли, Анастасій закурилъ папироску и, взявъ уголь, набросалъ каррикатуру донны Тулліи въ революціонномъ колпакѣ, въ театральной позѣ призывающей на помощь дель-Фериче, изображеннаго въ видѣ генія смерти, съ гильотиной на заднемъ планѣ. Затѣмъ Анастасій заперъ студію и пошелъ завтракать, напѣвая арію изъ „Belle Hélène“.

VIII.

Когда Корона пріѣхала домой, она прошла въ будуаръ съ намѣреніемъ отдохнуть тамъ, если можно, съ часокъ. Она смѣло могла на это разсчитывать, такъ какъ узнала, что ея супругъ еще не одѣвался, а на туалетъ ему требовалось много времени. У него былъ лакей-космополитъ, и онъ одинъ изъ всѣхъ людей въ мірѣ владѣлъ искусствомъ поддѣлывать настоящаго Астрарденте. Корона считала этого человѣка величайшимъ негодяемъ, но у нея не было никакихъ доказательствъ. Старикъ же герцогъ искренно вѣрилъ въ него и довѣрялъ только ему одному; понимая, что не можетъ быть героемъ въ глазахъ своего лакея, онъ воспользовался этимъ и превратилъ его въ повѣреннаго.

Корона нашла у себя на столѣ три или четыре письма и стала читать ихъ, сбросивъ на полъ мѣховое пальто и пододвинувъ маленькія ножки къ огню, такъ какъ онѣ озябли на холодномъ церковномъ полу.

Ей предстояло, очевидно, прожить день, полный треволненій. Одно изъ писемъ было отъ Джіованни Сарачинеска. Онъ впервые писалъ ей, и она удивилась, прочитавъ его подпись въ концѣ страницы. Онъ писалъ твердымъ, разборчивымъ почеркомъ, безъ всякихъ росчерковъ и завитушекъ; въ его письмѣ выражалась какая-то рѣшимость, весьма симпатичная, и сжатость, поразившая Корону, которой казалось, что она слышитъ какъ бы его самого:

„Я пишу вамъ, дорогая герцогиня, потому что дорожу вашимъ добрымъ мнѣніемъ, а потому мотивы мои прежде всего личные. Мнѣ бы не хотѣлось, чтобы вы думали, что я для про-

формы просилъ вашего совѣта въ такомъ важномъ для меня дѣлѣ, какъ женитьба, и затѣмъ съ полнымъ невниманіемъ отнесся къ этому совѣту. Взгляды, высказанные вами по этому вопросу, слишкомъ основательны, чтобы я не придалъ вашему мнѣнію всего значенія, какое оно заслуживаетъ, даже въ томъ случаѣ, еслибы раньше думалъ иначе. Но произошло нѣчто такое, что заставило меня перемѣнить рѣшеніе. Я видѣлся съ отцомъ: онъ коротко и ясно высказался объ этомъ дѣлѣ. Не знаю, какъ и сказать вамъ это, но чувствую, что обязанъ объясниться, хотя бы вы и стали презирать меня за то, что я сейчасъ скажу. Дѣло, однако, очень просто. Отецъ объявилъ мнѣ, что своимъ поведеніемъ я вызвалъ сплетни, въ которыхъ мое имя связывается съ именемъ очень дорогой для меня женщины, хотя, къ несчастію, я не могу на ней жениться. Онъ убѣдилъ меня, что я обязанъ по отношенію къ этой дамѣ, которая—долженъ сознаться—совершенно ко мнѣ равнодушна, дать единственно возможное для меня удовлетвореніе, а именно, жениться, и такимъ образомъ публично доказать, что въ томъ, что говорятъ, нѣтъ никакого основанія. Такъ какъ рано или поздно меня заставятъ жениться, то лучше ужъ теперь покориться обстоятельствамъ, когда столь непріятный для меня шагъ можетъ, хотя отдаленно, быть полезенъ особѣ, которую я люблю, устранивъ меня съ ея дороги. Сплетни обо мнѣ никогда не достигали вашихъ ушей; въ противномъ случаѣ вамъ было бы понятнѣе мое положеніе.

„Не думайте, поэтому, что если я не послѣдовалъ вашему совѣту, то изъ вѣтренности или что я дерзко позволилъ себѣ спросить вашего мнѣнія, не имѣя намѣренія руководиться имъ. Простите мнѣ также, что я вамъ пишу изъ мелкихъ, быть можетъ, мотивовъ тщеславія, въ надеждѣ, что не вполнѣ утрачу ваше доброе обо мнѣ мнѣніе, а главное вѣрьте тому, что я всегда и на-вѣки вашъ покорнѣйшій слуга—

„Джіованни Сарачинеска".

Къ чему повело рѣшеніе, принятое ею сегодня поутру, забыть Джіованни, если онъ могъ, посредствомъ клочка бумажки, напоминать ей о своемъ существованіи? Корона конвульсивно сжала письмо въ рукѣ, и комната закружилась въ ея глазахъ.

Итакъ, существуетъ женщина, которую онъ любитъ, ради которой готовъ пожертвовать собой, лишь бы оградить ея доброе имя отъ нареканій. И эта женщина его не любитъ; совершенно къ нему равнодушна. Такъ говоритъ онъ, и это должно быть правда, потому что онъ никогда не лжетъ. Это объясняетъ, по-

чему онъ поѣхалъ на пикникъ съ донной Тулліей. Итакъ, онъ все-таки женится. Чтобы спасти особу, безнадежно любимую, онъ готовъ связать свою жизнь съ первой попавшейся женщиной, которая выйдетъ за него замужъ. И это нисколько не помѣшаетъ сплетникамъ говорить, что онъ все же любитъ ту женщину. Да это и не можетъ ей повредить, если она къ нему равнодушна. Кто бы она была, это холодное созданіе, которую даже Джіованни Сарачинеска не могъ заинтересовать? Какъ это нелѣпо!— и письмо нелѣпо... да и вся эта исторія нелѣпа! Только безумецъ можетъ такъ вести себя... И зачѣмъ онъ нашелъ нужнымъ повѣрять свои планы... свои безумные планы—ей, Коронѣ д'Астрарденте? зачѣмъ?.. Ахъ, Джіованни, какъ все могло бы быть иначе!

Корона съ сердцемъ встала съ мѣста и, прислонившись къ камину, поглядѣла на часы... Было около полудня. Онъ можетъ жениться на комъ и когда ему угодно... какое ей до этого дѣло! Онъ можетъ жениться и жертвовать собой, если ему это нравится... ей-то что до этого!

Она подумала о своей собственной жизни. Она тоже принесла себя въ жертву; она тоже связала себя на-вѣки съ человѣкомъ, котораго въ душѣ презирала, и сдѣлала это, какъ ей казалось, съ доброю цѣлью. Она все еще глядѣла на часы, потому что не хотѣла сдаться, не хотѣла горько заплакать, хотя слезы уже стояли въ ея глазахъ.

„Джіованни, не дѣлай этого, не дѣлай этого!"—Губы ея произносили эти слова, но беззвучно. Сердце билось, а щеки густо покраснѣли. Она расправила смятое письмо и вторично прочитала его. И когда она его читала, въ ней загорѣлось страстное желаніе узнать, кто эта женщина, которую любилъ Джіованни, и вмѣстѣ съ этимъ желаніемъ въ ней проснулось новое и отвратительное чувство—ненависть, до того сильная, что внезапно слезы ея высохли, а кровь отлила отъ щекъ назадъ къ сердцу. Блѣдныя руки стиснулись, а глаза загорѣлись дикимъ огнемъ. Ахъ! еслибы только она могла найти женщину, которую онъ любилъ! еслибы только она могла видѣть ее мертвой, и рядомъ съ нею, на полу—мертваго же Джіованни Сарачинеска! При этой мысли она топнула ногой по толстому ковру и еще сильнѣе поблѣднѣла. Она не понимала, что съ нею дѣлается, но вполнѣ поддалась своему чувству. „Отецъ Филиппъ былъ бы доволенъ",— подумала она, такъ какъ сознавала, что ненавидитъ Джіованни Сарачинеска.

Съ новымъ порывомъ какого-то неяснаго чувства она усѣлась и стала читать другое письмо. То было посланіе одной пріятельницы изъ Парижа, полное разныхъ сплетенъ и новостей, воскли-

ціанй и описанй различныхъ нарядовъ и тому подобнаго вздора. Она съ нетерпѣніемъ пробѣгала его и готовилась уже бросить, какъ вдругъ ей бросилось въ глаза имя Джіованни. „Конечно, неправда, будто бы Сарачинеска женится на m-me Майеръ"... вотъ слова, прочитанныя ею. Фраза эта стояла совсѣмъ внизу страницы, и въ тотъ моментъ, какъ пріятельница переворачивала ее, она уже забыла, что̀ написала—и заговорила о другомъ. Казалось, что Коронѣ рѣшились не давать покоя съ Джіованни. Но она еще не дочитала всей своей корреспонденціи, такъ какъ оставалось еще одно нераспечатанное письмо. Корона разорвала конвертъ и увидѣла всего лишь нѣсколько строкъ, написанныхъ неправильнымъ и какъ бы измѣненнымъ почеркомъ и безъ подписи, на грубой простой бумагѣ, купленной, повидимому, въ мелочной лавочкѣ. Записка гласила слѣдующее:

„Герцогиня д'Астрарденте напоминаетъ басню о собакѣ на сѣнѣ, которая сама не ѣла и другимъ не давала ѣсть. Она не можетъ принять поклоненіе дона Джіованни Сарачинеска, но мѣшаетъ ему исполнить свои обязательства къ другимъ".

Будь Корона въ обыкновенномъ настроеніи, она, по всей вѣроятности, посмѣялась бы надъ этимъ анонимнымъ посланіемъ. Въ первое время своего замужества она получала много анонимныхъ объясненій въ любви, но всегда съ какимъ-нибудь указаніемъ о личности автора, и безпечно бросала ихъ въ огонь. Но здѣсь было не то, и никакой намекъ не давалъ разгадать, кто это рѣшился критиковать ея поведеніе и бросить ей въ лицо такое несправедливое обвиненіе. Къ тому же она была очень разгнѣвана и выбита изъ колеи. Первымъ движеніемъ ея было идти къ мужу и въ бронѣ своей невинности показать ему письмо. Но затѣмъ она горько разсмѣялась при мысли, какъ этотъ себялюбивый старый дэнди станетъ трунить надъ ея обидчивостью, и какъ безусловно неспособенъ онъ открыть виновнаго и наказать его. Затѣмъ лицо ея вновь омрачилось, и она спросила себя: дѣйствительно ли она невинна? не заслуживаетъ ли она порицанія за то, что отговаривала Джіованни жениться на доннѣ Туллій?

Но если это такъ, то значитъ она сама — та женщина, о которой говорится въ его письмѣ. Всякая другая давно бы уже объ этомъ догадалась. Корона подошла къ окну, и на минуту въ глазахъ ея засвѣтилась радость. Но затѣмъ раздумье снова овладѣло ею. Она не могла себѣ представить, чтобы Джіованни такъ любилъ ее, чтобы жениться ради нея. Кромѣ того, никто и никогда ни однимъ словомъ не проговорился при ней, чтобы имя

его связывалось съ ея именемъ... только вотъ теперь это анонимное письмо...

Мысль о томъ, что, пожалуй, она дѣйствительно „женщина, которая очень для него дорога", та самая, которая „совершенно къ нему равнодушна", снова зашевелилась въ мозгу, и она опять ощутила дикую и невыразимую радость! Затѣмъ она вспомнила, что она чувствовала раньше: какъ она разсердилась, какъ вышла изъ себя при мысли, что другая женщина любима имъ, и вдругъ поняла, что она ревновала его. Это самое чувство снова породило мысль, что не она—та женщина, которая имѣла такую власть надъ Джіованни Сарачинеска, и она сидѣла блѣдная и неподвижная.

Конечно, это другая! Что она сдѣлала или сказала такого, чтобы свѣтъ могъ выдумать, что она вліяетъ на дѣйствія этого человѣка, „мѣшаетъ исполнить обязательства"?—говоритъ письмо. Это должно быть написано человѣкомъ, который не знаетъ ихъ отношеній, не имѣетъ понятія о томъ, что происходитъ, и пишетъ на удачу, надѣясь затронуть чувствительную струну и причинить боль, въ отмщеніе за мнимую обиду. Но въ глубинѣ души, хотя она и подавляла это желаніе, ей бы хотѣлось быть той женщиной, для которой Джіованни Сарачинеска жертвовалъ своимъ счастіемъ...

Мужъ, конечно, и не подозрѣвалъ, что герцогиня д'Астрарденте провела такое мучительное утро, и разсмѣялся бы, еслибы ему кто нибудь сказалъ, что жена его прошла черезъ цѣлую вереницу бурныхъ ощущеній; онъ отвѣтилъ бы, что Коронѣ незнакомы и чужды всякія страсти. Вечеромъ они вмѣстѣ отправились въ оперу, и старикъ былъ веселѣе обыкновеннаго. Изъ Парижа ему только-что прислали сюртукъ, фасонъ котораго былъ вѣрхомъ портняжнаго искусства. Корона также казалась красивѣе, чѣмъ когда-либо. Она была одѣта въ простое черное атласное платье, безъ всякихъ украшеній, кромѣ знаменитаго фамильнаго ожерелья—трехъ нитокъ жемчуга, равной величины, которыми не побрезговала бы и императрица.

Театръ былъ набитъ биткомъ. Шла „Норма", съ нѣсколькими знаменитыми пѣвцами и пѣвицами, приглашенными спеціально на этотъ разъ—обстоятельство столь рѣдкое въ Римѣ, что публика ломилась въ театръ. Герцогиня съ мужемъ прибыли въ половинѣ перваго акта и просидѣли одни въ ложѣ, пока онъ не кончился. Корона очень любила „Норму", и, усѣвшись въ ложѣ, уже не отводила глазъ отъ сцены. Астрарденте, съ другой стороны, выдерживалъ характеръ человѣка, утратившаго иллюзіи, и разсматри-

валъ публику въ бинокль. Послѣдній былъ въ его родѣ и годился бы для любой франтихи временъ первой имперіи; онъ былъ изъ перламутра, очень малъ и легокъ, металлическая оправа золотая и осыпана бирюзой.

— Всѣ рѣшительно, кого мы только знаемъ, собрались сюда сегодня,—сказалъ онъ. Право, стоитъ взглянуть на твоихъ разряженныхъ соперницъ, моя душа.

Корона медленно обвела глазами вокругъ залы. У нея было превосходное зрѣніе, и она никогда не прибѣгала къ биноклю. Она увидѣла тѣ же лица, что видѣла въ продолженіе пяти лѣтъ, тѣхъ же красавицъ, тѣхъ же безвкусно одѣтыхъ франтихъ, тѣ же румяна, перья и брилліанты. Напротивъ сидѣла m-me Майеръ съ престарѣлой графиней, которой патронировала ради ея глухоты; она находила въ ней удобнаго для себя chaperon. Графиня плохо слышала музыку, но любила свѣтъ и любила въ немъ показываться; она ничего не слышала изъ того, что дель-Фериче говорилъ вполголоса m-me Майеръ. Въ другихъ ложахъ сидѣли ихъ другіе знакомые, и дѣйствительно, какъ сказалъ мужъ, всѣ были на-лицо. Опустивъ глаза въ партеръ, она замѣтила черные глаза Джіованни Сарачинеска, съ тревогой устремляемые на нее. Слабая улыбка мелькнула на ея спокойномъ лицѣ; она почти невольно кивнула ему головой и отвернулась. Многіе мужчины глядѣли на нее и кланялись, когда она на нихъ взглядывала, и она отвѣчала имъ, наклоняя голову; но никому она не улыбалась, кромѣ Джіованни, и когда снова взглянула въ его сторону, то увидѣла, что онъ куда-то скрылся.

— Все тѣ же лица, но по прежнему занимательны,—сказалъ Астрарденте.—У m-me Майеръ вѣчно торчитъ въ ложѣ не тотъ, кого ей нужно. Она отдала бы всѣ свои брилліанты, чтобы вмѣсто этого сплетника у нея сидѣлъ Джіованни Сарачинеска. Если придетъ къ намъ, я отошлю его къ ней.

— Быть можетъ, ей нравится дель-Фериче,—замѣтила Корона.

— Онъ добрый песъ, очень добрый,—отвѣчалъ ея супругъ.— Онъ совсѣмъ не кусается, и его шерстка такъ нѣжна, какъ у котенка. Онъ носитъ поноску отлично.

— Все это прекрасныя качества, но мало интересныя. Онъ очень скученъ съ своими вѣчными каламбурами и пошлыми комплиментами и сплетнями.

— Но онъ такой безобидный!—отвѣчалъ Астрарденте съ сострадательнымъ презрѣніемъ.—Онъ неспособенъ обидѣть. Донна Туллія хорошо дѣлаетъ, избравъ его своимъ рабомъ. Она не

была бы такъ безопасна съ Сарачинеска. Если тебѣ понадобится поклонникъ, душа моя,—возьми дель-Фериче. Я ничего противъ него не имѣю.

— Зачѣмъ мнѣ поклонники?—спросила Корона спокойно.

— Я шучу, мой другъ. У тебя собственный мужъ—ревностнѣйшій изъ поклонниковъ и преданнѣйшій рабъ, вдобавокъ.

Лицо старика Астрарденте искривилось на подобіе улыбки, когда онъ, наклонившись къ молодой женѣ, понизилъ свой дребезжащій, разбитый, старческій голосъ и заговорилъ такимъ же старческимъ шопотомъ. Онъ былъ искренно влюбленъ въ жену и не упускалъ случая высказать ей это. Она устало улыбнулась.

— Ты очень добръ ко мнѣ,—проговорила она.

Она часто удивлялась тому, какимъ образомъ этотъ престарѣлый дэнди, во всю свою жизнь не проявлявшій постоянства въ привязанностяхъ, которыя обыкновенно длились у него не долѣе пяти мѣсяцевъ, въ самомъ дѣлѣ какъ будто вѣрно любитъ, и уже цѣлыхъ пять лѣтъ. Быть можетъ, то былъ ея величайшій тріумфъ, хотя ей не приходило въ голову взглянуть на это обстоятельство съ этой точки зрѣнія. Но хотя она и не уважала мужа,—не могла, однако, думать о немъ злобно потому, что, какъ она говорила, она былъ очень добръ къ ней. Она часто упрекала себя за то, что слѣдовало бы ей больше радоваться его поклоненію.

— Я не могу не быть добръ къ тебѣ, мой ангелъ. Развѣ это возможно? вѣдь я такъ люблю тебя!

— Да, я знаю,—отвѣчала Корона.

Когда она говорила это, послышался стукъ въ дверь. Сердце ея сильно забилось, и она слегка поблѣднѣла.

— Чортъ бы побралъ посѣтителей!—пробормоталъ старикъ Астрарденте, разсердясь, что ему мѣшаютъ ухаживать за женой.—Надо ихъ, конечно, пустить.

— Я думаю,—отвѣчала герцогиня съ насильственнымъ спокойствіемъ.

Мужъ отворилъ дверь, и Джіованни Сарачинеска вошелъ, со шляпой въ рукѣ.

— Садитесь,—сказалъ Астрарденте немного рѣзко.

— Надѣюсь, что я не помѣшалъ?—замѣтилъ Джіованни, все еще стоя.

Его удивилъ нелюбезный тонъ старика.

— О, нѣтъ, нисколько,—сказалъ послѣдній, быстро приходя въ себя.—Пожалуйста садитесь; второе дѣйствіе сейчасъ начнется.

Джіованни сѣлъ на стулъ позади герцогини. Онъ пришелъ,

чтобы поговорить съ нею, и надѣялся, что во время второго дѣйствія ему это удастся.

— Я слышала, что вы очень веселились вчера, — сказала Корона, поворачивая голову, чтобы легче было разговаривать.

— Въ самомъ дѣлѣ!—отвѣчалъ Джіованни, и тѣнь досады мелькнула у него на лицѣ.—А кто вамъ это говорилъ, герцогиня?

— Донна Туллія. Я встрѣтила ее сегодня утромъ. Она сказала, что вы занимали все общество... весь день смѣшили ихъ...

— Какое удивительное заявленіе!—воскликнулъ Джіованни. —Оно показываетъ, какъ человѣкъ можетъ безсознательно смѣшить другихъ. Я не помню, чтобы былъ особенно разговорчивъ. Но, конечно, пикникъ вообще былъ очень шумный.

— Можетъ быть, донна Туллія сказала это иронически, — предположила Корона.—Вы любите „Норму“?

— О, да; я люблю всякую оперу. Но вотъ и занавѣсъ поднимается.

Дѣйствіе началось, и въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ всѣ въ ложѣ молчали. Но вотъ оркестръ шумно заигралъ, Джіованни наклонился такъ, что лицо его приходилось совсѣмъ близко отъ лица Короны. Онъ могъ говорить, не будучи услышаннымъ Астрарденте.

— Вы получили мое письмо?

Корона чуть замѣтно наклонила голову.

— И понимаете мое положеніе?

Онъ не могъ видѣть ея лица, и въ продолженіе нѣсколькихъ секундъ она не подавала никакого знака, что слышала его; наконецъ, опять сдѣлала движеніе головой, но на этотъ разъ отрицательное.

— Однако, мнѣ кажется, оно очень просто, — продолжалъ Джіованни, нахмуривая брови.

Корона замѣтила, что, повернувшись немного, она можетъ глядѣть на сцену и въ то же время говорить съ сидѣвшимъ сзади нея Сарачинеска.

— Какъ могу я судить объ этомъ? Вы не все мнѣ сказали. Почему вы просите меня рѣшить, хорошо ли вы поступаете?

— Я такъ не поступлю, если вы найдете, что это дурно, —коротко отвѣтилъ онъ.

Герцогиня вдругъ вспомнила про ту, другую женщину, ради которой человѣкъ, просившій у нея совѣта, готовился пожертвовать жизнью.

— Удивительно, какое важное значеніе вы приписываете моему мнѣнію!—очень холодно замѣтила она, отворачиваясь отъ него.

— Никто лучше васъ не можетъ мнѣ посовѣтовать,—настаивалъ Джіованни.

Корона была оскорблена. Она истолковала эти слова въ такомъ смыслѣ, что такъ какъ она пожертвовала жизнью старику, сидѣвшему рядомъ съ нею въ ложѣ, то лучше другихъ могла судить, благоразумно ли поступаетъ Джіованни, женясь по разсчету, ради цѣли, которая, въ концѣ концовъ, можетъ оказаться призрачной. Она живо повернулась къ нему, и въ глазахъ ея сверкнулъ гнѣвный огонь.

— Пожалуйста, оставьте въ сторонѣ мою личность!—надменно сказала она.

Джіованни былъ слишкомъ удивленъ, чтобы сразу отвѣтить. Онъ не имѣлъ и въ виду намекать на ея собственный бракъ.

— Вы совсѣмъ не такъ поняли меня, — отвѣтилъ онъ, наконецъ.

— Ну, такъ говорите яснѣе, — замѣтила она. Она чувствовала бы себя очень виноватой за то, что говорила съ Джіованни, такъ какъ не стала бы съ нимъ разговаривать при мужѣ, еслибы не думала, что говоритъ о постороннемъ дѣлѣ, нисколько лично ея не касающемся. Что касается Сарачинеска, то онъ былъ въ опасномъ положеніи и начиналъ уже терять самообладаніе. Онъ сидѣлъ близко отъ нея, сердце у него сильно билось, въ вискахъ стучало, и онъ былъ задѣтъ тѣмъ, что его не поняли.

— Я не могу говорить яснѣе; мнѣ очень больно, что я вынужденъ былъ высказать вамъ такъ мало, когда не смѣю высказать всего. Я не намекалъ на вашъ бракъ, когда говорилъ съ вами о своемъ. Простите меня; я больше не буду объ этомъ говорить.

Корона снова испытала странное ощущеніе не то боли, не то радости, и театральныя лампы запрыгали передъ нею, принявъ ту неопредѣленную форму, какую имѣютъ предметы для человѣка, падающаго съ высоты. Почти безсознательно заговорила она, едва ли сознавая также и то, что она повернула голову и уставила черные глаза въ блѣдное лицо Джіованни.

— И однако должна же быть причина, почему вы мнѣ говорите это немногое, и почему вы не хотите мнѣ сказать всего?

Произнеся эти слова, она бы отдала все на свѣтѣ, чтобы взять ихъ назадъ. Но было поздно; Джіованни отвѣчалъ ей низкимъ, глухимъ голосомъ, который какъ будто прорывался у него въ горлѣ. Лицо его было блѣдно, какъ смерть, зубы стучали, точно въ лихорадкѣ, а глаза сверкали, точно черныя звѣзды, въ тѣни ложи.

— Есть самыя основательныя на то причины. Вы—женщина, которую я люблю.

Корона не шевелилась въ продолженіе нѣсколькихъ секундъ, точно не понявъ, что онъ такое сказалъ. Затѣмъ вдругъ вздрогнула, глаза ея опустились, и она откинулась на спинку кресла. При этомъ пальцы ея, крѣпко сжимавшіе вѣеръ, разомкнулись, и вѣеръ съ шумомъ упалъ на полъ ложи.

Старикъ Астрарденте, не обращавшій вниманія на жену и гостя, раздосадованный приходомъ Джіованни и заинтересованный тѣмъ, что происходило напротивъ, въ ложѣ m-me Майеръ, услышалъ шумъ и торопливо нагнулся, чтобы поднять вѣеръ, лежавшій у его ногъ.

— Тебѣ дурно, душа моя?—поспѣшно сказалъ онъ, увидѣвъ необычайную блѣдность жены.

— Нѣтъ, ничего; сейчасъ пройдетъ, — промолвила она съ страшнымъ усиліемъ и прибавила: — здѣсь, должно быть, дуетъ; меня знобитъ.

Джіованни сидѣлъ какъ статуя, подавленный сознаніемъ своей собственной безразсудности и неосторожности, а также и удивленіемъ, что такъ неожиданно выдалъ тайну, которую такъ боялся открыть. Услышавъ голосъ Короны, онъ вдругъ всталъ, точно спросонья.

— Извините меня,—торопливо прибавилъ онъ: — я только-что вспомнилъ объ одномъ очень важномъ дѣлѣ...

— Пожалуйста, не церемоньтесь,— кисло отвѣтилъ Астрарденте.

Джіованни поклонился герцогинѣ и вышелъ изъ ложи. Она не взглянула на него, когда онъ уходилъ.

— Не лучше ли тебѣ ѣхать домой, мой ангелъ? — сказалъ старикъ.—Ты простудилась.

— О, нѣтъ, мнѣ хочется остаться. Это пройдетъ, а лучшая часть оперы—впереди.

Корона говорила довольно спокойно. Ея крѣпкіе нервы уже оправились отъ испытаннаго потрясенія, и она могла уже владѣть голосомъ. Ей не хотѣлось ѣхать домой; напротивъ того: яркій свѣтъ и музыка какъ бы успокоивали ее. Еслибы сегодня ночью давался балъ, она бы поѣхала туда; она бы на все согласилась, лишь бы не оставаться наединѣ съ своими мыслями. Мужъ съ любопытствомъ поглядѣлъ на нее. У него мелькнуло подозрѣніе, что донъ Джіованни сказалъ что-то, испугавши или оскорбивши его жену; но онъ тотчасъ же подумалъ, что это невѣроятно.

Онъ считалъ Сарачинеска не особенно даже короткимъ знакомымъ своей жены.

— Какъ хочешь, душа моя,—отвѣчалъ онъ, придвигая ближе къ ней свой стулъ.—Я радъ, что этотъ франтъ ушелъ. Мы теперь можемъ свободно побесѣдовать.

— Да, я рада, что онъ ушелъ. Мы теперь можемъ свободно побесѣдовать,—машинально повторила Корона.

— Я нашелъ, что извиненіе его немножко формально, чтобы не сказать болѣе того,—замѣтилъ Астрарденте.—„Важное дѣло", это звучитъ какъ-то банально. Но все равно; хорошо, что онъ ушелъ.

— Развѣ онъ такъ сказалъ? — спросила Корона:—я не разслышала. Конечно, все равно, какъ ты справедливо сейчасъ замѣтилъ.

IX.

Джіованни вышелъ немедленно изъ театра, одинъ и пѣшкомъ. Онъ былъ очень взволнованъ. Онъ сдѣлалъ нечаянно и внезапно то, чего рѣшилъ никогда не дѣлать; его намѣренія сметены были, какъ ничтожная преграда, сносимая весеннимъ полноводьемъ. Сердце заговорило вопреки разсудку. Онъ горько раскаявался и упрекалъ себя за это.

И какъ она, должно быть, разсердилась на него!—думалось ему. Быть можетъ, она даже и испугалась. Такъ грубо, такъ неделикатно отрѣзать: „я васъ люблю", и только. Онъ почти рѣшилъ, что ему слѣдуетъ уѣхать на время, чтобы хоть этимъ загладить свое поведеніе.

Джіованни легъ спать. На другое утро, подъ предлогомъ простуды, онъ не выходилъ изъ своей комнаты. Отецъ, страстно любившій его, несмотря на рѣзкое обращеніе и запальчивыя рѣчи, пришелъ къ нему и провелъ большую часть дня съ нимъ; но время отъ времени, прохаживаясь по комнатѣ, клялся и божился, что Джіованни не болѣе нездоровъ, чѣмъ онъ самъ, и пріобрѣлъ во время путешествій проклятую привычку валяться въ постели. Джіованни только улыбался и спорилъ лишь затѣмъ, чтобы доставить удовольствіе старику-отцу. На слѣдующій день онъ объявилъ, что уѣзжаетъ, и съ раннимъ поѣздомъ покинулъ Римъ. Никто не видѣлъ болѣе Джіованни до того вечера, когда назначенъ былъ балъ у Франджипани.

Между тѣмъ онъ очень удивился бы, еслибы зналъ, что Корона тщетно искала его вездѣ, куда ни пріѣзжала, и, не видя,

она становилась печальна и блѣдна, коротко отвѣчала на веселые и любезные разговоры, какіе съ нею вели мужчины. Всѣмъ недоставало Джіованни. Онъ написалъ Вальдэрно, что вынужденъ былъ внезапно отправиться въ свое помѣстье по дѣлу о продажѣ лѣса, но каждый удивлялся, зачѣмъ онъ оставилъ городъ изъ-за такихъ пустяковъ въ самый разгаръ сезона. Его видѣли въ послѣдній разъ въ ложѣ Астрарденте въ оперѣ, гдѣ онъ пробылъ всего нѣсколько минутъ, по свидѣтельству дель-Фериче, сидѣвшаго напротивъ, въ ложѣ m-me Майеръ. Дель-Фериче втайнѣ поклялся, что узнаетъ, въ чемъ дѣло, а донна Туллія въ неумѣренныхъ выраженіяхъ бранила Джіованни, въ кругу короткихъ знакомыхъ и поклонниковъ, за то, что онъ пригласилъ ее на котильонъ, на балу у Вальдэрно, и даже не извѣстилъ, что не будетъ. Послѣ чего всѣ присутствующіе мужчины предложили себя взамѣнъ отсутствующаго кавалера, и донна Туллія заставила ихъ кинуть жребій, кому съ нею танцовать; кавалеръ, которому судьба доставила эту честь, безъ церемоніи бросилъ свою первоначальную даму и чуть-было не дрался за это на дуэли впослѣдствіи,—все это къ вящшему удовольствію донны Тулліи. Тѣмъ не менѣе, въ душѣ она сердилась на отъѣздъ Джіованни.

А Корона всюду его искала и, наконецъ, услышала, что онъ уѣхалъ изъ Рима, два дня спустя послѣ того, какъ весь городъ о томъ зналъ. По всей вѣроятности, она была бы очень смущена, встрѣтивъ его вскорѣ послѣ того рокового вечера, но желаніе видѣть его было такъ велико, что она совсѣмъ не думала о послѣдствіяхъ. Въ настоящее время вся жизнь ея перевернулась вверхъ дномъ; она вздрагивала при звукахъ собственнаго голоса; проводила долгіе часы въ одиночествѣ, молясь отъ всей души о прощеніи за то, что услышала отъ него; но какъ только оставляла уединеніе и появлялась въ свѣтѣ, такъ немедленно къ ней возвращалось непреодолимое желаніе его видѣть. Тайное желаніе ея сердца было услышать отъ него снова то, что онъ уже ей сказалъ. Она бы отправилась къ отцу Филиппу и разсказала ему все; но когда молилась наединѣ, то сознавала, что эту борьбу она должна выдержать собственными силами, не прибѣгая къ посторонней помощи.

Наступилъ вечеръ, когда назначенъ былъ балъ у Франджипани, и весь Римъ былъ въ состояніи ожиданія и волненія. Эта знатная и старинная фамилія была въ траурѣ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, вслѣдствіе послѣдовательной смерти нѣсколькихъ изъ своихъ членовъ, и во все это время старинная крѣпость, которую они называли дворцомъ, была недоступна для

свѣта. Нѣкоторое время даже никто изъ этой фамиліи не находился въ Римѣ, такъ какъ князь и княгиня предпочитали проводить эпоху траура въ деревнѣ и за границей, между тѣмъ какъ старшій сынъ оканчивалъ образованіе въ одномъ изъ англійскихъ университетовъ. Въ нынѣшнемъ году фамилія вернулась: во дворцѣ уже происходили пріемы и давались обѣды; а сегодняшній балъ, даваемый по случаю совершеннолѣтія сына и наслѣдника, обѣщалъ быть событіемъ текущаго сезона. Говорили, что около тридцати покоевъ, кромѣ большой бальной залы, открыты для пріема гостей, и что вся обстановка будетъ достойна фамиліи, удержавшейся на вершинѣ своего величія въ продолженіе чуть не тысячи лѣтъ. Говорили также, что приглашенія разосланы безъ всякихъ различій политическихъ партій и общественныхъ слоевъ, такъ что народу соберется столько, какъ давно уже не собиралось подъ одной и той же крышей.

Франджипани устроили дѣло en grand, и никто не былъ разочарованъ. Сады и дворы дворца были великолѣпно иллюминованы; длинныя амфилады покоевъ открыты и убраны рѣдкими цвѣтами. Большая лѣстница уставлена лакеями въ ливреяхъ, мимо которыхъ проходили приглашенные; ужинъ былъ такимъ великолѣпнымъ банкетомъ, подобный которому можно найти лишь въ средневѣковыхъ лѣтописяхъ.

Какъ и всегда бываетъ на такихъ балахъ, танцы начались поздно, но многіе изъ гостей пріѣхали рано, чтобы на свободѣ полюбоваться убранствомъ дворца. Среди тѣхъ, кто прибылъ вскорѣ послѣ десяти часовъ, находился и Джіованни Сарачинеска, котораго громко привѣтствовали всѣ знакомые. Онъ былъ блѣденъ и казался усталымъ; но необыкновенно любезенъ и разговорчивъ. Онъ довольно беззаботно на видъ прохаживался по комнатамъ, а въ сущности его сжигало нетерпѣніе увидѣть любимую женщину, и глаза его искали высокую фигуру Короны во всѣхъ направленіяхъ. Но она еще не пріѣзжала, и Джіованни, наконецъ, остановился въ одной изъ переднихъ залъ, терпѣливо ожидая ея прибытія.

Въ то время, какъ онъ дожидался такимъ образомъ, прислонясь къ одной изъ мраморныхъ колоннъ двери, толпа быстро возрастала, но онъ не замѣчалъ этого, пока вдругъ не наступило молчаніе и толпы мужчинъ и женщинъ не разступились, чтобы пропустить кардинала. Граціозно раскланиваясь направо и налѣво и обольстительно улыбаясь, великій человѣкъ двигался впередъ, и зоркій глазъ его видѣлъ все и всѣхъ. Отъѣздъ его, за которымъ вскорѣ послѣдовалъ отъѣздъ многихъ другихъ карди-

наловъ и прелатовъ, былъ сигналомъ, что танцы вскорѣ начнутся, и въ тѣхъ покояхъ, гдѣ онъ уже прошелъ, мужчины и женщины устремились въ бальную залу.

Но въ то время, какъ глаза великаго кардинала остановились на Джіованни Сарачинеска съ той неизмѣнной улыбкой, какую многіе не забыли еще и по сіе время, нѣжная рука дала знакъ, какъ бы приглашая молодого человѣка послѣдовать за собою. Джіованни повиновался, и на эту минуту сталъ самой значительной особой въ комнатѣ. Оба вышли вмѣстѣ и остановились въ сѣняхъ. Уже факельщики стояли внизу лѣстницы и лакеи выстроивались, чтобы поклониться первому министру. Какъ разъ въ этотъ моментъ хозяинъ дома прибѣжалъ впопыхахъ. Онъ не видѣлъ, что кардиналъ Антонелли уходитъ, и поспѣшилъ нагнать его, дабы не навлечь на себя его неудовольствія нарушеніемъ этикета.

— Простите, ваша свѣтлость!—воскликнулъ онъ поспѣшно: —я не видѣлъ, что ваша свѣтлость покидаете насъ... и такъ рано... Княгиня опасается...

— Не смущайтесь этимъ!—отвѣтилъ кардиналъ елейнымъ голосомъ.—Я не такъ крѣпокъ, какъ былъ прежде. Намъ, старикамъ, слѣдуетъ рано спать ложиться и предоставить веселиться вамъ, молодымъ. Не извиняйтесь... Покойной ночи... Чудный балъ!.. Поздравляю съ возвращеніемъ въ Римъ. Еще разъ прощайте. Мнѣ надо сказать два слова Джіованни, прежде нежели уѣхать.

Онъ протянулъ руку Франджипани, который почтительно поднесъ ее къ губамъ и ушелъ, видя, что онъ не нуженъ больше. Онъ и многіе другіе долго ломали голову, какого рода дѣло могло заставить его свѣтлость разговаривать съ Джіованни Сарачинеска слишкомъ четверть часа въ холодныхъ сѣняхъ, гдѣ свободно разгуливалъ вѣтеръ. Въ сущности Джіованни былъ такъ же удивленъ, какъ и другіе.

— Гдѣ были вы, мой другъ?—спросилъ кардиналъ, когда они остались вдвоемъ.

— Въ своемъ имѣніи, ваша свѣтлость.

— А что вы тамъ дѣлали въ теперешнее время года? Я надѣюсь, что вы бережете свой лѣсъ? вы, конечно, не хотите вывести его?

— Намъ болѣе чѣмъ кому-либо дорого, чтобы наши горы не обезлѣсились. Будьте спокойны на этотъ счетъ, ваша свѣтлость!

— На этотъ счетъ, пожалуй,—но сознаюсь, что у меня есть другія причины тревожиться за васъ,—сказалъ великій кардиналъ

испытующе глядя на Джіованни маленькими, острыми, черными глазками.

— Вы тревожитесь за меня, ваша свѣтлость?—переспросилъ Джіованни не безъ удивленія.

— За васъ. Я не безъ тревоги услышалъ, что ходитъ слухъ о вашей женитьбѣ на m-me Майеръ. Такой бракъ не будетъ одобренъ его святѣйшествомъ, папою, а также – если мнѣ позволено, недостойному, упомянуть о себѣ за-одно съ нашимъ святѣйшимъ государемъ—и на мой взглядъ будетъ неразуменъ.

— Позвольте мнѣ замѣтить вашей свѣтлости,—гордо отвѣтилъ Джіованни,—что въ моей фамиліи нѣтъ обычая спрашивать чьего-либо совѣта въ такого рода дѣлахъ. Донна Туллія—католичка. Поэтому не можетъ быть никакого серьезнаго возраженія противъ моей женитьбы, если отецъ и я найдемъ ее желательной.

— Вы, Сарачинеска, бѣдовые люди,—сказалъ кардиналъ мягко.—Я прочиталъ исторію вашей фамиліи съ большимъ интересомъ, и то, что вы говорите, совершенно справедливо. Я не могу представить ни одного случая, когда бы вы послушались чужого совѣта и въ томъ числѣ святой церкви. Я съ крайней осмотрительностью рискнулъ заговорить объ этомъ предметѣ съ вами, и увѣренъ, что вы повѣрите мнѣ, если я скажу, что слова мои внушены не духомъ интриги или стремленіемъ совать свой носъ въ чужія дѣла; я говорю съ вами вслѣдствіе непосредственнаго желанія святѣйшаго отца.

Мягкій отвѣтъ прогоняетъ гнѣвъ, и если отвѣтъ всемогущаго государственнаго человѣка былъ мягче, чѣмъ этого можно было бы ожидать, то слѣдуетъ помнить, что онъ говорилъ съ наслѣдникомъ одного изъ могущественнѣйшихъ домовъ римскаго государства и въ такое время, когда дружба такихъ людей, какъ Сарачинеска, была гораздо важнѣе, чѣмъ теперь. Въ то время какихъ-нибудь человѣкъ двадцать дворянъ владѣли большею частью папскихъ владѣній, и вліяніе ихъ на своихъ арендаторовъ было велико, потому что ни феодальный духъ, ни феодальная система еще не были искоренены. Болѣе того,—хотя кардиналъ Антонелли былъ далеко не популяренъ во всѣхъ партіяхъ, но Пій IX былъ уважаемъ и любимъ громаднымъ большинствомъ какъ дворянства, такъ и народа. Первымъ движеніемъ Джіованни было воспротивиться вмѣшательству въ его дѣла; но мягкій отвѣтъ кардинала на его надменное заявленіе о своей независимости, заставилъ его вѣжливо поклониться и выразить готовность выслушать его резоны.

— Такъ какъ его святѣйшество обратилъ вниманіе на это

дѣло, то прошу вашу свѣтлость сообщить ему, что хотя всѣ толкуютъ про мою женитьбу, но это еще дѣло далеко не рѣшенное.

— Я радъ этому, Джіованни, — отвѣчалъ кардиналъ, фамильярно беря его подъ руку.—Я радъ этому. Есть причины, по которымъ такой бракъ недостоинъ васъ. Если вы позволите мнѣ, то, не задѣвая нисколько чести m-me Майеръ, я сообщу вамъ эти причины.

— Радъ васъ выслушать,—отвѣтилъ серьезно Джіованни,—лишь бы не задѣвать чести донны Туллiи.

— Никоимъ образомъ. Причины чисто политическія. M-me Майеръ—или донна Туллія, если вамъ такъ больше нравится—является центромъ нѣкотораго рода клуба, такъ-называемаго либеральнаго, и однимъ изъ его дѣятельнѣйшихъ и безразсуднѣйшихъ членовъ—нѣкій Уго дель-Фериче,—человѣкъ, называющій себя графомъ, но дѣдъ котораго служилъ кучеромъ въ Ватиканѣ при Львѣ XII. Онъ кончитъ тѣмъ, что навлечетъ на себя большія непріятности. Онъ слѣдуетъ какъ тѣнь за донной Туллiей, и по всей вѣроятности онъ завлекъ ее въ эту банду безразсудной молодежи изъ-за личныхъ цѣлей. Это очень глупое общество; я полагаю вы слышали, что они болтаютъ?

— Очень мало,—отвѣчалъ Джіованни.—Я не интересуюсь политикой. Я даже не зналъ, что существуетъ такой клубъ, какъ говоритъ ваша свѣтлость.

Кардиналъ Антонелли зорко взглянулъ при этомъ отвѣтѣ на своего собесѣдника.

— Эти юноши рисуются солидарностью и тайной,—замѣтилъ онъ съ насмѣшкой:—но ихъ солидарность всегда измѣняетъ ихъ тайнѣ, потому что въ нашемъ дорогомъ Римѣ, къ несчастію, справедливо, что если гдѣ соберутся двое или трое, то уже затѣютъ что-нибудь неладное. Но они могутъ собираться съ миромъ въ студіи Гуаша или гдѣ имъ угодно. Гуашъ—человѣкъ умный и долженъ писать съ меня портретъ. Вы знакомы съ нимъ? Но вернемся къ нашимъ овцамъ въ волчьей шкурѣ... къ моимъ забавнымъ заговорщикамъ. Они не могутъ причинить никакого вреда, потому что сами не знаютъ, что говорятъ, и слова ихъ никогда не перейдутъ въ дѣло. Но въ принципѣ это худое занятіе. Ваши смѣлые предки, Джіованни, открыто боролись съ нами, церковниками, и если только Всевышній не простилъ ихъ по своей неизреченной благости, то души ихъ обрѣтаются нынѣ въ худомъ мѣстѣ, такъ какъ дьяволъ знаетъ своихъ слугъ и не даетъ имъ поблажки Но они боролись открыто, какъ и подобаетъ дворянамъ, между тѣмъ какъ эти люди роютъ мнѣ яму, но ужъ, ко-

нечно, ни я и никто другой въ нее не попадетъ Ихъ совѣщанія, какъ бы сказалъ Руссо, происходятъ ежедневно, и они болтаютъ много вздора и ничего не дѣлаютъ, что не доказываетъ, чтобы ихъ принципы были хороши, но доказываетъ, что ихъ умъ слабъ. Не въ обиду будь сказано синьору графу дель-Фериче, но я думаю, что невѣжество характеризуетъ его партійку, а глупость отличаетъ всѣ ея собранія. Если они вѣрятъ наполовину тѣмъ глупостямъ, что говорятъ, то почему они не уложатъ своихъ пожитковъ и не переберутся за границу? Еслибы они серьезно хотѣли что-нибудь сдѣлать, то дѣйствовали бы.

— Очевидно,—отвѣтилъ Джіованни, котораго забавляла тирада кардинала.

— Очевидно. Значитъ, они ничего не хотятъ. Значитъ, наша пріятельница донна Туллія пробавляется пустымъ упражненіемъ въ политическомъ дилетантствѣ изъ-за глупаго тщеславія; не въ обиду будь ей сказано, это въ духѣ такихъ женщинъ, какъ она.

Джіованни молчалъ.

— Повѣрьте мнѣ, князь,—прибавилъ кардиналъ, внезапно мѣняя тонъ и говоря очень серьезно,—есть болѣе достойное дѣло въ наше время для сильныхъ мужчинъ, какъ мы съ вами, чѣмъ играть въ заговоры и пить шампанское за итальянское единство и Виктора-Эммануила. Условіе ихъ жизни—борьба и борьба неравная. Ни вы, ни я, не согласились бы тратить силу, сражаясь съ тѣнями, носиться съ личными честолюбивыми пустяками, зная, что армія зла выступаетъ въ боевомъ порядкѣ противъ добра.

Худое лицо кардинала выразило большую рѣшимость, а его тонкіе пальцы впились въ руку Джіованни съ силой, которая того удивила.

— Вы смѣло разсуждаете,—отвѣчалъ молодой человѣкъ.— Вы болѣе розово смотрите на вещи, чѣмъ мы, свѣтскіе люди. Вы считаете невозможной бѣду, которая, по нашему мнѣнію, съ каждымъ днемъ надвигается все ближе и ближе.

Кардиналъ Антонелли устремилъ черные, сверкающіе глазки прямо въ лицо собесѣднику.

— O, generatio incredula! Если у васъ нѣтъ вѣры, то нѣтъ и мужества, а если нѣтъ мужества, то вы всю жизнь будете гоняться за пустотой! Такимъ-то бы именно людямъ, какъ вы, людямъ древней породы, крупнымъ землевладѣльцамъ, съ желѣзнымъ тѣломъ и здоровымъ духомъ, слѣдовало взяться за доброе дѣло и помогать намъ, которые боролись уже долгіе годы и начинаемъ ослабѣвать. Каждое дѣйствіе въ вашей жизни, каждая мысль въ минуты досуга должны были бы быть обращены къ доброй цѣли,

иначе мы всѣ погибнемъ и поплатимся за наше холодное равнодушіе. Timidi nunquam statuerunt trophaeum—если мы хотимъ дѣлить добычу, то должны отточить мечъ и отважно пустить его въ дѣло; мы не должны допускать возможности неудачи; мы должны быть бдительны; должны быть единодушны, какъ одинъ человѣкъ. Вы говорите мнѣ, что вы, свѣтскіе люди, уже считаете бѣду близкою;—но ждать пораженія, значитъ, уже быть на девять десятыхъ разбитымъ. Ахъ, еслибы мы могли разсчитывать, на жизнь и на смерть, на такихъ людей, какъ вы, то наше дѣло далеко не было бы проиграннымъ!

— Что касается этого, ваша свѣтлость можетъ разсчитывать на насъ,—спокойно отвѣтилъ Джіованни.

— На васъ, Джіованни, да, потому что вы храбрый и благородный человѣкъ. Но на вашихъ пріятелей, даже на ваше сословіе—нѣтъ. Могу ли я, напримѣръ, разсчитывать на Вальдэрно? вы знаете такъ же хорошо, какъ и я, что они симпатизируютъ либераламъ, что у нихъ не хватаетъ мужества ни поддерживать насъ, ни открыто бросить насъ, и, что̀ хуже всего, они представляютъ многочисленный классъ, и среди нихъ—съ сожалѣніемъ говорю это—выдающееся мѣсто занимаетъ донна Туллія Майеръ! При своемъ богатствѣ, молодости, бойкости и раннемъ вдовствѣ, она водитъ за собой всѣхъ мужчинъ на веревочкѣ; они болтаютъ зря и сами радуются своей болтовнѣ. Всѣ они, какъ двѣ капли воды, похожи другъ на друга—non tantum ovum ovo simili—яйца не такъ похожи между собой, какъ они. Non tali auxilio—намъ не нужны такіе союзники. Мы просимъ хлѣба, а не камней; намъ нужны мужи, а не пустоголовые дэнди. Теперь у насъ есть и тѣ, и другіе; но если императоръ покинетъ насъ, у насъ останется слишкомъ много дэнди и слишкомъ мало мужей,—слишкомъ мало такихъ мужей, какъ вы, донъ Джіованни. Вмѣсто вооруженныхъ батальоновъ, у насъ будутъ тайныя общества для взаимнаго страхованія отъ политическихъ опасностей; вмѣсто поддержки величайшей военной силы въ Европѣ, намъ придется опираться на горсть молокососовъ, мнѣніями которыхъ руководитъ донна Туллія Майеръ.

Джіованни засмѣялся и посмотрѣлъ на кардинала, вздумавшаго приписывать всѣ грядущія бѣдствія дамѣ, на которой ему не хотѣлось, чтобы женился его собесѣдникъ.

— Неужели ея вліяніе такъ велико?—спросилъ Сарачинеска недовѣрчиво.

— Она мила, хороша собой, богата; ея вліяніе—типъ того вліянія, какое царитъ въ Римѣ, какъ отраженіе парижской жизни.

Но тамъ женщины дѣйствительно играютъ роль, и часто весьма крупную: здѣсь же, гдѣ онѣ могутъ командовать только въ гостиныхъ, набитыхъ пустоголовыми франтами, онѣ сами не знаютъ, куда ихъ вести; онѣ мѣняютъ мнѣнія по двадцати разъ на дню; великимъ постомъ у нихъ появляется религіозный восторгъ, а на масляницѣ бываютъ припадки либеральной горячки, и все кончается прострацією, въ которой онѣ доживаютъ до весны. Къ этому времени всѣ ихъ принципы перевернуты вверхъ дномъ, и онѣ уѣзжаютъ въ Парижъ на май мѣсяцъ—pour se retremper dans les idées idéalistes, какъ онѣ выражаются. Какъ вы думаете: можно создать партію изъ такихъ элементовъ,—въ особенности если вы размыслите, что эта легкомысленная масса всегда готова въ окончательномъ результатѣ поступить такъ, какъ ей это лично выгоднѣе? Половина изъ нихъ держитъ на-готовѣ итальянскій флагъ, вмѣстѣ съ папскимъ, чтобы выставить въ окнѣ тотъ или другой, смотря по обстоятельствамъ. Покойной ночи, Джіованни! Довольно я съ вами бесѣдовалъ, и весь Римъ набросится теперь на васъ, чтобы узнать, какія такія государственныя тайны довѣрялъ я вамъ. Придумайте, смотрите, какой-нибудь отвѣтъ, потому что нельзя же вамъ сообщить, что я назвалъ донну Туллію и ея кружокъ пустыми и вздорными людьми. Они могутъ оскорбиться и станутъ бранить меня, чего добраго; подумайте, какъ это будетъ мнѣ обидно! Покойной ночи, Джіованни, поклонитесь вашему отцу.

Кардиналъ кивнулъ головой, но не протянулъ руки. Онъ зналъ, что Джіованни терпѣть не могъ цѣловать его перстень, и былъ слишкомъ тактиченъ, чтобы настаивать на церемоніальномъ этикетѣ относительно человѣка, на котораго желалъ повліять. Но кивнувъ любезно головой и надѣвъ верхнее платье, поданное ему камергеромъ, всюду его сопровождавшимъ, государственный человѣкъ прошелъ въ большія двери, гдѣ двойной рядъ факельщиковъ выстроился уже, чтобы послѣдовать за нимъ по лѣстницѣ до его экипажа, согласно обычаю тѣхъ дней.

X.

Оставшись одинъ, Джіованни вернулся назадъ въ залу и занялъ прежнее мѣсто у дверей. Ему нужно было обдумать то, что онъ только-что услышалъ, и въ ожиданіи Короны онъ занялся этимъ. Ему вовсе не нравился интересъ, возбуждаемый его женитьбой въ высшихъ сферахъ; онъ ненавидѣлъ всякое вмѣ-

шательство въ его личныя дѣла. Независимость дѣйствія была наслѣдственной чертой ихъ фамиліи. Еслибы Джіованни рѣшилъ раньше, что женится на доннѣ Тулліи, то, по всей вѣроятности, совѣты кардинала Антонелли только укрѣпили бы въ немъ это намѣреніе. Но донкихотская мысль сочетаться бракомъ съ m-me Майеръ, затѣмъ, чтобы показать свѣту, что онъ нимало не интересуется Короной д'Астрарденте, представлялась теперь нелѣпой даже его возбужденному уму. Когда онъ пріѣхалъ въ палаццо Франджипани сегодня вечеромъ, то почти забылъ о существованіи донны Туллія, и рѣшилъ, что ни за что не дастъ отвѣта отцу до святой. Когда кардиналъ Антонелли оставилъ его, онъ рѣшилъ, что никакая власть на землѣ не заставитъ его жениться на доннѣ Туллія. Онъ не давалъ себѣ труда прибавлять, что не женится также и ни на какой другой женщинѣ.

Слова кардинала запали глубоко въ глубокую душу. Джіованни довольно правдиво высказалъ дель-Фериче свои убѣжденія на пикникѣ, устроенномъ m-me Майеръ. Онъ считалъ себя практическимъ человѣкомъ, преданнымъ свѣтской власти скорѣе по принципу, нежели изъ восторженнаго почитанія, нежелающимъ крупныхъ перемѣнъ, потому что всякая такая перемѣна была бы невыгодна для него, какъ для землевладѣльца, нечувствующимъ пристрастія ни къ какой политикѣ, кромѣ политики мира, предпочитая вмѣстѣ съ Цицерономъ худой миръ доброй ссорѣ, приверженнымъ къ старымъ обычаямъ и не особенно любознательнымъ по части идей о прогрессѣ; короче сказать, Джіованни считалъ себя такимъ, какимъ былъ его отецъ въ молодые годы, и какими онъ желалъ, чтобы были его сыновья, если таковые у него будутъ.

Но въ немъ было больше жизни и энергіи, чѣмъ онъ самъ думалъ; и при первомъ отдаленномъ военномъ кличѣ, въ немъ проснулся духъ отваги и самоотверженія, присущій ему, инстинктивная симпатія къ слабымъ и ненависть къ пустозвонамъ. Онъ говорилъ дель-Фериче, что станетъ драться изъ принципа: теперь, прислонясь къ мраморной колоннѣ въ дверяхъ палаццо Франджипани, онъ желалъ, чтобы бой уже начался.

Дожидаясь тутъ и глядя на движущуюся толпу, онъ замѣтилъ молодого человѣка съ блѣднымъ и тонкимъ лицомъ и черными волосами, который спокойно стоялъ около него и, подобно ему, казался праздным, хотя и не безучастнымъ зрителемъ того, что происходило. Джіованни пристальнѣе поглядѣлъ на молодого человѣка и подумалъ, что онъ ему знакомъ, а встрѣтивъ серьезный взглядъ, догадался, что это Анастасій Гуашъ, живописецъ.

Онъ мелькомъ видѣлъ его, потому что Гуашъ считался восходящею знаменитостью и, благодаря доннѣ Тулліи, приглашался на всѣ большіе пріемы и балы текущаго сезона, хотя нигдѣ еще не былъ на счету короткаго знакомаго. Гуашъ былъ гордъ и охотнѣе держался бы особнякомъ, чѣмъ допустить, чтобы его зачислили въ то безразличное стадо, которое приглашается „вмѣстѣ съ другими“; но онъ былъ человѣкъ созерцательнаго ума и очень любилъ стоять незамѣченнымъ и наблюдать за движеніемъ общественныхъ планетъ, кометъ и ихъ спутниковъ, и изучать различные типы космополитическаго римскаго свѣта.

— Добрый вечеръ, m-r Гуашъ,—сказалъ Джіованни.

— Добрый вечеръ, князь,—отвѣтилъ художникъ съ церемоннымъ поклономъ, послѣ чего оба замолчали и продолжали наблюдать толпу.

— Что вы думаете о нашемъ римскомъ свѣтѣ?—спросилъ вдругъ Джіованни.

— Я не могу сравнить его ни съ какимъ другимъ,—отвѣтилъ Гуашъ просто.—До пріѣзда въ Римъ я не былъ въ свѣтѣ. Я нахожу его блестящимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ солиднымъ; у него великолѣпный видъ исторической древности и при этомъ какая-то парадоксальность.

— Въ чемъ же парадоксъ?—спросилъ Джіованни.

— Es-tu libre? les lois sont-elles respectées?
Crains-tu de voir ton champ pillé par le voisin?
Le maître a-t-il son toit, et l'ouvrier son pain?

Усмѣшка пробѣжала по лицу художника, когда онъ привелъ эти стихи Мюссѐ въ отвѣтъ на вопросъ Джіованни. Самъ Джіованни засмѣялся и поглядѣлъ на Анастасія съ большимъ интересомъ.

— Вы хотите сказать, что мы пируемъ подъ Дамокловымъ мечомъ—веселимся наканунѣ казни?

— Въ родѣ того. Легкая примѣсь неувѣренности въ завтрашнемъ днѣ подстрекаетъ аппетитъ сегодняшняго. Невозможно, чтобы такое большое общество безусловно не сознавало собственной близкой опасности — и однако эти мужчины и женщины ведутъ себя сегодня такъ, какъ еслибы они были древніе римляне, властители всего міра, но только менѣе увѣренные въ незыблемости своего владычества.

— Почему бы и не такъ!—отвѣтилъ Джіованни, съ любопытствомъ глядя на блѣднаго молодого человѣка.—Въ отвѣтъ на вашу цитату, я скажу, что лично я такъ свободенъ, какъ только могу желать; что законы достаточно уважаются; что до сихъ

поръ никому еще въ голову не приходило ограбить мои поля; что у меня есть скромная кровля, и что, насколько мнѣ извѣстно, въ настоящее время не видать рабочихъ, умирающихъ съ голоду на улицахъ. Вотъ вамъ удовлетворительный, полагаю, отвѣтъ, господинъ Гуашъ.

— И это ваше настоящее мнѣніе?—спросилъ спокойно художникъ.

— Да. Что касается свободы, то я свободенъ, какъ воздухъ; никто не помышляетъ стѣснять мои дѣйствія; что касается законовъ, то они пишутся для честныхъ гражданъ, и честные граждане уважаютъ ихъ; если нечестные этого не дѣлаютъ, то имъ же хуже. Мои земли безопасны отъ ограбленія, быть можетъ, потому, что не стоитъ ихъ грабить, хотя онѣ и даютъ мнѣ средства, достаточныя для удовлетворенія моихъ скромныхъ потребностей и потребностей тѣхъ, кто ихъ для меня обработываетъ.

— И однако въ Римѣ много толковъ про нищету, несправедливость и угнетеніе...

— Будетъ еще больше толковъ по этому поводу и съ большимъ основаніемъ, если людямъ вашего образа мыслей, господинъ Гуашъ, удастся произвести революцію, — замѣтилъ Джіованни холодно.

— Зато если много есть людей вашего образа мыслей, князь, то революція немыслима. Что касается меня, то я иностранецъ, и вижу то, что̀ у меня передъ глазами, и слышу то, что̀ говорится.

— Революція немыслима. Ее пытались произвести здѣсь, но безуспѣшно. Если мы будемъ побѣждены превосходной внѣшней силой, то волей-неволей должны будемъ покориться, то-есть тѣ, которые останутся въ живыхъ... такъ какъ мы будемъ драться. Но намъ нѣчего опасаться внѣшнихъ враговъ.

— Быть можетъ, вы правы,—задумчиво отвѣтилъ Гуашъ.— Я слышу столько противоположныхъ мнѣній, что не знаю, что̀ думать.

— Я узналъ, что вы будете писать портретъ кардинала Антонелли,—сказалъ Джіованни.—Быть можетъ, его свѣтлость поможетъ вамъ разобраться во всемъ этомъ.

— Да; говорятъ, онъ умнѣйшій человѣкъ въ Европѣ.

— Въ этомъ тѣ, кто такъ думаетъ, ошибаются. Но онъ все же очень умный человѣкъ.

— Я еще не увѣренъ, что буду писать его портретъ,—сказалъ Гуашъ.

— Вы не желаете, чтобы васъ переубѣдили?

— Нѣтъ. Собственныя идеи мнѣ больше нравятся. Я не желаю мѣнять ихъ на другія.

— Могу я спросить, какія это идеи? — освѣдомился Джіованни съ интересомъ.

— Я республиканецъ,—отвѣчалъ Гуашъ спокойно.—Но я также добрый католикъ.

— Значитъ, вы гораздо парадоксальнѣе, чѣмъ все римское общество, вмѣстѣ взятое, — отвѣтилъ Джіованни съ сухимъ смѣхомъ.

— Можетъ быть... Но вотъ идетъ красивѣйшая женщина въ мірѣ!

Было около полуночи, когда Корона пріѣхала. Старикъ Астрарденте сѣменилъ ножками рядомъ съ нею, съ лицомъ, раскрашеннымъ болѣе тщательно, чѣмъ когда-либо, и въ парикѣ, до полнаго обмана похожимъ на натуральные волосы. Говорили, что у него нѣсколько париковъ различной длины, и онъ носитъ ихъ по очереди, поддерживая такимъ образомъ иллюзію, что время отъ времени стрижется. Въ глазу у него былъ монокль, а въ рукахъ, обтянутыхъ перчатками, шляпа. Воротникъ у рубашки простѣйшаго фасона и простѣйшія золотыя запонки; цѣпочки не было видно на жилетѣ, а маленькія ножки обуты въ тонкія лакированныя ботинки. Еслибы не раскрашенное лицо, то онъ казался бы воплощеніемъ фешенэбельной простоты. Но раскрашенное лицо выдавало его.

Что касается Короны, то она была ослѣпительно хороша. Хотя никакой цвѣтъ и никакая матерія, надѣтая на ней, не могли особенно усилить ея красоту, но всѣ, кто видѣлъ ее въ ту достопамятную ночь, помнили удивительную выразительность ея лица и блестящій взглядъ ея великолѣпныхъ глазъ. Бѣлый бархатъ служилъ какъ бы пьедесталомъ ея красотѣ, а роскошные фамильные брилліанты вокругъ шеи и на черныхъ волосахъ отражали свѣтъ зажженныхъ свѣчъ и образовали вокругъ нея какъ бы сіяніе, въ которомъ она шла. Джіованни увидѣлъ ее—и страсть бросилась ему въ голову и отуманила его, точно бредъ больного человѣка. Онъ готовъ былъ броситься ей на встрѣчу, пасть къ ея ногамъ и молиться ей, но онъ вдругъ почувствовалъ, что сотни глазъ наблюдаютъ за ними. Онъ придвинулся ближе къ двери, въ которую она должна была войти. Сердце въ немъ совсѣмъ замерло.

Онъ самъ не зналъ, какъ это случилось. Онъ заговорилъ съ ней, пригласилъ ее на танецъ, на котильонъ—онъ самъ не понималъ, откуда въ немъ взялась такая смѣлость; она согласи-

лась, глаза ея на минуту остановились на немъ съ невыразимымъ взглядомъ, затѣмъ она стала вдругъ очень холодна и спокойна, и прошла дальше.

Все это длилось одно мгновеніе. Джіованни вернулся назадъ на свое мѣсто, когда она прошла мимо, и стоялъ неподвижно, точно окаменѣлъ. Хорошо, что два часа слишкомъ оставалось до котильона; ему нужно было немного придти въ себя. Въ ушахъ его звенѣло, и онъ видѣлъ лица присутствующихъ, какъ во снѣ, неспособный сосредоточить вниманіе ни на комъ и ни на чемъ.

— Онъ точно парализованъ, — проговорилъ голосъ около него. А ему и не въ домёкъ, что это говоритъ донна Туллія, и что она говоритъ именно про него.

— Нѣчто въ этомъ родѣ, право,—отвѣтилъ вкрадчивый голосъ дель-Фериче. — Онъ, по всей вѣроятности, былъ боленъ съ тѣхъ поръ, какъ вы его не видали. Его имѣніе, Сарачинеска,— нездоровая мѣстность.

Джіованни круто повернулся.

— Да; мы говоримъ про васъ, донъ Джіованни, — сказала донна Туллія съ пренебреженіемъ.—Развѣ вы не находите, что съ вашей стороны было необыкновенно какъ грубо не извѣстить меня, что вы уѣзжаете изъ города, когда обѣщали танцовать со мной на балѣ у Вальдэрно?

Она скривила губки и выставила острые бѣлые зубы. Но Джіованни былъ прежде всего свѣтскій человѣкъ, и не потерялся.

— Прошу смиренно прощенія. Это было дѣйствительно очень грубо. Но важныя обстоятельства заставили меня позабыть обо всѣхъ остальныхъ обязательствахъ. Пожалуйста простите и осчастливьте, подаривъ мнѣ какой-нибудь танецъ на сегодняшній вечеръ!

— У меня всѣ танцы разобраны,—отвѣтила m-me Майеръ, холодно глядя на него.

— Очень жаль, — сказалъ Джіованни, внутренно благодаря небо за такое благополучіе и думая, какъ бы ему уйти отъ нея.

— Постойте минуту! — объявила донна Туллія, считая, что произвела желанный эффектъ. — Дайте поглядѣть. Кажется, у меня остается еще одинъ вальсъ. Дайте взглянуть; да; одинъ, предпослѣдній—я могу отдать его вамъ, если хотите.

— Благодарю васъ,—отвѣтилъ Джіованни, раздосадованный. —Буду помнить.

М-me Майеръ положила руку на руку дель-Фериче и ушла. Она была тщеславная женщина, и, будучи влюблена въ Джіованни

по-своему, не понимала, какъ можетъ онъ быть вполнѣ къ ней равнодушенъ. Она считала, что, сказавъ ему: — у нея всѣ танцы разобраны, она достаточно наказала его, а затѣмъ, давъ ему танецъ, оказала великую милость. Она думала также, что досадила этимъ дель-Фериче, а это ее всегда забавляло. Но дель-Фериче былъ человѣкъ слишкомъ для нея хитрый, хоть и прикидывался простачкомъ.

Они вмѣстѣ ушли въ бальную залу и танцовали въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ. Когда музыка замолкла, Уго оставилъ ее подъ предлогомъ, что танцуетъ слѣдующую кадриль. И немедленно отправился разыскивать герцогиню д'Астрарденте, съ тѣмъ, чтобы не терять больше ея изъ виду. Она объявила, что не намѣрена танцовать до котильона, и сидѣла въ креслахъ въ картинной галереѣ, окруженная тремя или четырьмя мужчинами, въ томъ числѣ и Вальдэрно, старавшимися ее занимать по мѣрѣ силъ. Другіе подходили и уходили, но Корона не двигалась съ мѣста и сидѣла окруженная своимъ дворикомъ, желая только какъ-нибудь скоротать время до котильона. Когда дель-Фериче разузналъ, въ какомъ положеніи дѣла, то ушелъ обратно въ бальную залу, гдѣ танцовалъ и разговаривалъ со многими. Черезъ часъ онъ вернулся къ группѣ мужчинъ, окружавшихъ герцогиню, и вмѣшался въ разговоръ.

Нетрудно было навести его на Джіованни Сарачинеска. Каждому болѣе или менѣе любопытно было узнать, куда и зачѣмъ онъ ѣздилъ. Каждый хотѣлъ вставить свое словцо, и зная, по городскимъ слухамъ, что Джіованни влюбленъ въ Корону, каждому хотѣлось сказать что-нибудь особенно остроумное. Сама Корона была заинтересована въ томъ, что говорили, такъ какъ для нея одной ясна была причина его внезапнаго отъѣзда, и ей хотѣлось знать, какъ объ этомъ толкуютъ.

Мнѣнія на этотъ счетъ были очень разнообразны. Кто говорилъ, что онъ воевалъ съ мѣстными властями въ Сарачинеска, а кто — что они вмѣшивались въ его распоряженія и улучшенія по имѣнію, и въ каррикатурѣ изображали деревенскихъ мудрецовъ, съ которыми ему приходилось имѣть дѣло. Другіе утверждали, что онъ пробылъ въ имѣніи всего лишь одинъ день и затѣмъ побывалъ въ Неаполѣ. Третьи увѣряли, что онъ охотился на медвѣдя; наконецъ нашлись и такіе, что знали за достовѣрное, что въ лѣсахъ Сарачинеска появилась шайка разбойниковъ, наводившая ужасъ на всю округу.

— А вы что скажете, дель-Фериче? — обратилась къ нему Корона, видя хитрую усмѣшку на его блѣдномъ и жирномъ лицѣ;

— Да чего проще узнать, въ чемъ дѣло,—отвѣтилъ Уго:— съ позволенія герцогини мы спросимъ у самого Джіованни, гдѣ онъ былъ и что дѣлалъ. Вонъ онъ стоитъ съ старымъ Канталоргано на томъ концѣ комнаты. Общественную любознательность слѣдуетъ удовлетворить. Могу я позвать его, герцогиня?

— Ни подъ какимъ видомъ!—быстро отвѣтила Корона. Но прежде чѣмъ она успѣла договорить, Вальдэрно, легкомысленный и порывистый, торопливо перебѣжалъ черезъ галерею и уже заговорилъ съ Джіованни. Послѣдній наклонилъ голову, какъ бы повинуясь приказанію, и поспѣшно пошелъ за позвавшимъ его молодымъ человѣкомъ. Толпа мужчинъ разступилась передъ нимъ, когда онъ подошелъ къ герцогинѣ и стоялъ, въ душѣ очень удивленный.

— Что прикажете, герцогиня? — спросилъ онъ церемонно.

— Вальдэрно слишкомъ поторопился,—отвѣчала герцогиня, раздосадованная. — Кто-то предложилъ позвать васъ, чтобы рѣшить одинъ спорный вопросъ, и онъ ушелъ, прежде чѣмъ я успѣла его остановить. Я боюсь, что это большая дерзость съ нашей стороны.

— Я къ вашимъ услугамъ,—сказалъ Джіованни, въ восторгѣ отъ того, что его позвали и успѣвъ опомниться отъ перваго волненія при видѣ ея.—Въ чемъ вопросъ?

— Мы говорили про васъ,—замѣтилъ Вальдэрно.

— Удивлялись, гдѣ вы пропадали, - сказалъ другой.

— Говорятъ, что вы охотились на медвѣдя.

— Были въ Неаполѣ.

— Или даже въ Парижѣ.

Трое и четверо заговорили разомъ.

— Я очень польщенъ участіемъ, какое вы мнѣ выказываете,— сказалъ Джіованни спокойно.—Я могу сообщить очень мало интереснаго. Я ѣздилъ въ Сарачинеска по дѣламъ и проводилъ дни въ лѣсу съ управителемъ, а по ночамъ сражался съ холодомъ и привидѣніями. Я бы всѣхъ васъ охотно пригласилъ раздѣлить со мной это удовольствіе, еслибы зналъ, что васъ такъ интересуетъ моя персона. Говядина тамъ жестка такъ, что не разгрызть, и крысы поднимаютъ страшный шумъ, но горный воздухъ, говорятъ, очень здоровъ.

Большинство присутствующихъ мужчинъ почувствовали, что не только разыграли дураковъ, но и испортили все удовольствіе бесѣды съ герцогиней, призвавъ человѣка, владѣвшаго тайной занимать ее, тогда какъ они только развлекали. Вальдэрно все еще стоялъ, и стулъ его около Короны не былъ занятъ. Джіо-

ванни спокойно сѣлъ и сталъ разговаривать такъ, какъ еслибы ничего не случилось.

— Вы не танцуете, герцогиня!—замѣтилъ онъ.—Вы уже были въ бальной залѣ?

— Да; но я сегодня что-то устала. Я подожду еще.

— Вы были здѣсь на послѣднемъ большомъ балѣ, прежде, нежели умеръ старикъ князь, не правда ли?—спросилъ Джіованни, помня, что тогда онъ въ первый разъ увидѣлъ ее.

— Да,—отвѣчала она,—и я помню, что мы вмѣстѣ танцовали, и помню исторію про окно и про привидѣніе.

Они занялись разговоромъ, и хотя мужчины пытались вставлять по временамъ словцо-другое, но постепенно отставали, и Джіованни остался одинъ около герцогини. Отдаленные звуки вальса долетали до нихъ, но они не обратили вниманія и не слыхали ихъ.

— Какъ странно!—разсказывалъ Джіованни:—говорятъ, что это бывало съ незапамятныхъ временъ: никто ничего не видѣлъ, но когда здѣсь дается большой балъ, то раздается по временамъ звукъ разбитаго стекла. Никто не могъ объяснить, какъ окно разбилось пять лѣтъ тому назадъ, ровно въ этотъ самый день,—припоминалъ онъ.—Да... какъ разъ девятнадцатаго января, я хорошо помню это число—это день рожденія моей матери.

— Это не такъ странно, какъ кажется,—отвѣтила Корона:—потому что въ этотъ же день приходятся именины и нашего князя. Потому, вѣроятно, они и въ нынѣшнемъ году даютъ балъ именно сегодня.

— Но все же это странно!—сказалъ, понижая голосъ, Джіованни.—Странно, что мы впервые встрѣтились здѣсь и затѣмъ не сходились здѣсь до сегодня.

Онъ глядѣлъ на нее, говоря это, и ихъ глаза встрѣтились и на секунду остановились другъ на другѣ. Но вдругъ кровь прилила къ щекамъ Короны, рѣсницы ея опустились, она откинулась на спинку кресла и замолчала.

Поодаль отъ нихъ, при входѣ въ бальную залу, дель-Фериче нашелъ донну Туллію въ одиночествѣ. Она казалась очень разсерженной. Танецъ, на который ее пригласилъ Джіованни Сарачинеска, начался и уже почти кончился, а ея кавалеръ все не приходилъ. Розовое личико ея раскраснѣлось, а голубые глаза сердито сверкали.

— Ахъ! я вижу, что донъ Джіованни опять позабылъ, что пригласилъ васъ,—сказалъ Уго вкрадчиво.

Онъ очень хорошо зналъ, что самъ вызвалъ эту забывчивость, но никто бы не вывелъ этого изъ его манеры.—Могу я просить васъ удостоить меня чести танцовать съ вами, пока не придетъ вашъ кавалеръ?

— Нѣтъ,—отвѣтила сердито донна Туллія.—Дайте мнѣ вашу руку. Мы пойдемъ и отыщемъ его.

Она чуть не прошипѣла эти слова сквозь стиснутые зубы.

Она и не замѣчала, что дель-Фериче ведетъ ее прямо въ картинную галерею черезъ всѣ покои, наполненные народомъ. Она не произносила ни слова, но движенія ея были порывистыя, и она сердилась на то, что не легко было пробираться сквозь толпу гостей. Когда они вошли въ галерею, увѣшанную портретами членовъ фамиліи Франджипани съ одного конца до другого, дель-Фериче воскликнулъ съ хорошо разыграннымъ удивленіемъ:

— Ахъ! вотъ и онъ! видите вы его?—повернулся онъ къ доннѣ Тулліи.—Вонъ онъ вдвоемъ съ Астрарденте.

— Пойдемте!—кратко произнесла донна Туллія.

Дель-Фериче предпочелъ бы, чтобы она шла одна, а онъ издали наблюдалъ бы за этой сценой. Но онъ не смѣлъ отказаться сопровождать m-me Майеръ.

Ни Корона, сидѣвшая лицомъ къ вошедшей парѣ, но говорившая въ это время съ Джіованни, ни самъ Джіованни, сидѣвшій къ нимъ спиной, не замѣтили ихъ приближенія, пока они не очутились рядомъ. Сарачинеска взглянулъ и вздрогнулъ. Герцогиня д'Астрарденте съ удивленіемъ приподняла черныя брови.

— Нашъ вальсъ!—воскликнулъ Джіованни съ волненіемъ.—Онъ будетъ послѣ...

— Ошибаетесь,—отвѣтила донна Туллія дрожащимъ отъ бѣшенства голосомъ: —вальсъ уже кончился. Это неслыханная дерзость съ вашей стороны!

Джіованни было стыдно за себя и за донну Туллію. Его смущала не столько унизительность его положенія—сама по себѣ очень непріятная—сколько то, что сцена эта происходила при Коронѣ, которая съ гнѣвнымъ удивленіемъ глядѣла то на одного, то на другую, но, конечно, ничего не говорила.

— Увѣряю васъ, что я думалъ...

— Мнѣ нѣтъ дѣла до того, что вы думали!—кричала донна Туллія, потерявъ всякое самообладаніе.—Для васъ нѣтъ оправданія, нѣтъ извиненія: вы дѣлаете это вторично. Не оскорбляйте меня болѣе своими увертками!

— И все-таки...—началъ Джіованни, искренно сожалѣвшій о

своей невѣжливости и желавшій объяснить свое поведеніе, считая, что донна Туллія въ правѣ на него сердиться.

— Нѣтъ никакого „все-таки"!—перебила она.—Оставайтесь тамъ, гдѣ вы сидите!—прибавила она съ презрительнымъ взглядомъ на герцогиню д'Астрарденте.

И, положивъ руку на руку дель-Фериче, сердито повернулась, такъ что шлейфъ ея краснаго шелковаго платья хлестнулъ Корону по бѣлому бархатному платью.

Джіованни простоялъ минуту съ растеряннымъ выраженіемъ въ лицѣ.

— Какъ могли вы сдѣлать такую невѣжливость?—спросила Корона очень серьезно.—Она никогда не проститъ вамъ, и будетъ права.

— Самъ не знаю, какъ это я забылъ,—отвѣчалъ онъ, снова усаживаясь на мѣсто.—Это ужасно, непростительно... но, можетъ быть, послѣдствія будутъ хороши.

XI.

Корона была смущена. Въ первый моментъ свиданія съ Джіованни, удовольствіе, испытываемое ею, пересиливало всѣ другія мысли. Но когда минуты перешли въ четверть часа, а затѣмъ въ полчаса, она стала нервна, и отвѣты ея становились все короче и короче. Она говорила себѣ, что ей не слѣдовало соглашаться танцовать съ нимъ котильонъ, и удивлялась, какимъ образомъ она проведетъ все это время. Воспоминаніе о томъ, что онъ ей сказалъ, просыпалось по временамъ и заливало краской ея лицо. Затѣмъ проходило, и она успокоивалась. Однако она не могла произнести то, что ей подсказывала гордость, потому что ей было жаль Джіованни, и она охотно цѣплялась за это чувство жалости, увѣряя себя, что ничего больше въ эту минуту къ нему не чувствуетъ, чтобы не быть вынужденной прогнать его отъ себя.

Но Джіованни сидѣлъ около нея и зналъ, что чары непреодолимы и для него нѣтъ спасенія. Онъ захватилъ ее врасплохъ, хотя самъ не сознавалъ этого, когда въ минуту ея появленія пригласилъ неожиданно на котильонъ. Онъ смутно удивлялся, почему она такъ легко согласилась, но, очарованный ея присутствіемъ, потерялъ всякую власть надъ собою. Вся его сила куда-то улетучилась, и онъ самъ не зналъ, гдѣ ее вновь обрѣсти.

— Вы должны хорошенько извиниться передъ нею,—ска-

зала Корона, когда красный шлейфъ m-me Майеръ исчезъ въ дверяхъ на противоположномъ концѣ комнаты.

— Конечно, конечно,—отвѣтилъ Джіованни разсѣянно.—Въ сущности я не удивляюсь, что забылъ про нее; я удивляюсь скорѣе, что узналъ ее въ лицо. У меня все на свѣтѣ вылетѣло изъ головы, кромѣ того, что я буду танцовать съ вами.

Герцогиня глядѣла впередъ и медленно обмахивалась вѣеромъ; при этихъ словахъ она вздохнула и тяжело перевела духъ. Вальсъ окончился, и танцующіе наводнили сосѣднія съ галереей комнаты, ища прохлады. Нѣсколько секундъ тому назадъ, Сарачинеска и Корона были почти одни въ этомъ громадномъ покоѣ; теперь ихъ со всѣхъ сторонъ окружали группы мужчинъ и женщинъ, съ раскраснѣвшимися или, наоборотъ, поблѣднѣвшими лицами, смотря по тому, какъ на нихъ дѣйствовало усиленное движеніе. Въ воздухѣ стоялъ гулъ сотни голосовъ, и Джіованни съ герцогиней почти не слышали того, что говорили другъ другу.

— Это нестерпимо!—вдругъ проговорилъ Джіованни.—Вы не танцуете послѣднюю кадриль?—пройдемтесь, пока не начнется котильонъ.

Корона колебалась съ минуту и молчала. Она взглянула мелькомъ на Джіованни и стала разглядывать движущуюся толпу.

— Хорошо,—сказала она, наконецъ,—пойдемте.

— Какъ вы добры!—отвѣтилъ Джіованни тихимъ голосомъ, предлагая ей руку. Она пытливо взглянула на него, и лицо ея стало еще серьезнѣе въ то время, когда они медленно пробирались сквозь толпу.

Наконецъ они пришли въ теплицу и стали прохаживаться среди высокихъ растеній. Въ теплицѣ никого не было, и она была тускло освѣщена лампами съ матовыми колпаками. Растенія стояли почти непроницаемой стѣной по бокамъ, а по срединѣ билъ небольшой мраморный фонтанъ, и вокругъ него стояли стулья изъ рѣзного дерева. Но Джіованни и Корона не садились, а медленно прохаживались взадъ и впередъ.

— Почему вы сейчасъ сказали, что я добра?—спросила, наконецъ, Корона.

Голосъ ея звучалъ холодно.

— Мнѣ не слѣдовало, можетъ быть, этого говорить,—отвѣтилъ Джіованни.—Я вообще говорю многое совсѣмъ нечаянно. Мнѣ очень жаль.

— И мнѣ тоже,—спокойно сказала герцогиня.

— Ахъ! еслибы вы знали, вы бы простили! еслибы могли догадаться объ истинѣ, вы бы простили.

— Я не хочу догадываться.

— Конечно, но... вы вѣдь уже все знаете, развѣ я вамъ не сказалъ!

Джіованни говорилъ тономъ отчаянія.

— Донъ-Джіованни,—произнесла Корона гордо и спокойно, но ласково:—я знаю васъ давно и считаю такимъ благороднымъ человѣкомъ, что готова думать, готова вѣрить, что вы сказали... это въ минуту безумія.

— Безумія! да, это безуміе, но мнѣ слаще вспоминать о немъ, чѣмъ обо всѣхъ умныхъ дѣяніяхъ въ моей жизни!—сказалъ Сарачинеска, у котораго вдругъ развязался языкъ.—Если безуміе любить васъ, то я неизлечимый безумецъ. Для меня нѣтъ исцѣленія, и ко мнѣ никогда больше не вернется разсудокъ. Прогоните меня, раздавите меня, растопчите ногами, но вы не убьете во мнѣ безумія, потому что оно нераздѣльно съ моею жизнью. Вотъ и все. Я не такъ краснорѣчивъ, какъ другіе мужчины. Я не умѣю говорить нѣжныхъ словъ и ловкихъ фразъ. Я люблю васъ...

— Вы уже сказали слишкомъ много, слишкомъ, слишкомъ много!—пролепетала Корона дрожащимъ голосомъ.

Она отняла свою руку во время его страстнаго объясненія и отошла отъ него къ темной стѣнѣ зеленыхъ растеній, опустивъ голову и крѣпко стиснувъ пальцы. Ей страшно и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ невыразимо сладко было слушать его.

— Вы такъ холодны!—страстно вскричалъ онъ:—вы не можете понять...

Онъ протянулъ руки, говоря это, и ближе подошелъ къ ней. Корона конвульсивно задрожала, и губы ея побѣлѣли отъ сильнаго соблазна упасть къ нему въ объятія.

Онъ взялъ ея руку и пылко прижалъ къ губамъ. Рѣсницы ея опустились, а сердце какъ бы перестало биться. Они стояли такъ близко другъ отъ друга, что его рука какъ бы невольно обвилась вокругъ ея таліи, точно онъ хотѣлъ поддержать ее.

Но вдругъ она выпрямилась во весь ростъ и съ силой, почти грубо оттолкнула Джіованни.

— Никогда!—сказала она.—Я слабая женщина, но не до такой степени. Я жалкая женщина, но не настолько, чтобы согласиться слушать васъ. Джіованни Сарачинеска, вы говорите, что любите меня!—Дай Богъ, чтобъ это была неправда! но вы это говорите. Но развѣ въ васъ нѣтъ ни чести, ни мужества, ни воли? Развѣ вы не благородный человѣкъ? развѣ нѣтъ преданности въ вашей

любви и великодушія въ вашемъ сердцѣ? Если вы такъ любите меня, какъ говорите, то неужели вамъ такъ мало жаль меня, что вы способны соблазнять меня отвѣчать на вашу любовь?

Она говорила внушительно, но не презрительно и сердито, а съ сознаніемъ своей силы и права и съ глубокимъ убѣжденіемъ, что упрямый человѣкъ будетъ побѣжденъ и послушается ея. Онъ и былъ побѣжденъ, и она тотчасъ же увидѣла это.

Джіованни отошелъ отъ нея и опустилъ голову. Въ одну минуту сила страсти была подавлена, и съ вершины невыразимаго и безумнаго упоенія онъ былъ низвергнутъ въ пучину раскаянія. Онъ молча стоялъ передъ нею, дрожащій и пристыженный.

— Вы не можете меня понять,—сказала она:—да я и сама себя не понимаю. Но одно только я знаю, что вы не такой, какимъ казались сегодня... что въ васъ есть достаточно благородства и великодушія, чтобы уважать женщину, и что отнынѣ вы докажете, что я права. Я постараюсь не видѣть васъ больше, но... если мнѣ неизбѣжно придется васъ видѣть, то обѣщайте мнѣ, что я могу вамъ довѣриться, скажите, что я могу вамъ довѣриться!—прибавила она не то съ мольбой, не то повелительно.

Сарачинеска наклонилъ голову и помолчалъ съ минуту. Затѣмъ поднялъ ее, и глаза его встрѣтились съ ея глазами и какъ будто почерпнули въ нихъ силу.

— Если вы дозволите мнѣ видѣть васъ изрѣдка, то можете довѣриться мнѣ. Я желалъ бы быть такъ же благороденъ и добръ, какъ вы... я не такой. Но постараюсь быть такимъ. Ахъ, Корона! —внезапно вскричалъ онъ:—простите меня, простите меня! я самъ не зналъ, что́ говорилъ.

— Тс!—сказала мягко герцогиня.—Вы не должны такъ говорить и не должны звать меня Короной. Быть можетъ, я дурно дѣлаю, что прощаю васъ, но я довѣряю вамъ. Я вѣрю, что вы образумитесь и оправдаете мое довѣріе.

— Герцогиня, я еще ничье довѣріе не обманывалъ, ни мужчины, ни женщины... и всего менѣе способенъ обмануть ваше довѣріе,—съ гордостью сказалъ Джіованни.

— Ну, вотъ и прекрасно,—слабо улыбнулась она.—Я больше люблю видѣть васъ гордымъ, чѣмъ малодушнымъ, и помните свое обѣщаніе; только при этихъ условіяхъ намъ возможно видѣться послѣ... послѣ этой страшной ночи.

Джіованни наклонилъ голову. Онъ все еще былъ очень блѣденъ, но къ нему вернулось самообладаніе.

— Торжественно обѣщаюсь, что не буду напоминать вамъ

о ней, и умоляю васъ простить, хотя бы вы и не могли забыть.

— Я не могу забыть,—сказала Корона. Глаза Джіованни сверкнули.

— Вернемся въ бальную залу—я скоро уѣду домой.

Когда они повернулись, чтобы уйти, послышался сильный шумъ какъ бы отъ разбитаго стекла, вмѣстѣ съ паденіемъ чего-то тяжелаго, и остановилъ ихъ. За шумомъ наступила безусловная тишина. Корона, нервы которой были очень натянуты, слегка задрожала.

— Какъ странно,—сказала она.—Говорятъ, что всегда такъ бываетъ.

Ничего не было видно. Густая преграда изъ растеній скрывала причину шума, какая бы она ни была. Джіованни колебался минуту, оглядываясь и ища, какъ бы ему пробраться сквозь цвѣточные горшки. Затѣмъ оставилъ Корону, ни слова не говоря, и пройдя наконецъ теплицы, зашелъ за живую стѣну, замѣтилъ, что въ концѣ ея оставленъ узкій проходъ, вѣроятно чтобы садовникъ могъ поливать цвѣты. Корона слышала его торопливые шаги, и ей показалось, что она слышитъ также глухой стонъ и тихій шопотъ, но она могла и ошибаться: теплица была велика, а сердце ея сильно билось.

Джіованни не прошелъ и нѣсколькихъ шаговъ по узкому проходу, гдѣ было достаточно свѣтло отъ множества лампъ, скрытыхъ въ зелени, какъ наткнулся на человѣка, приподнимавшагося съ полу, куда онъ, очевидно, свалился. Обломки тяжелаго глинянаго горшка валялись передъ нимъ, а высокій фикусъ, упавшій на окно, пробилъ стекло, разлетѣвшееся въ дребезги. Когда Джіованни подходилъ къ человѣку, тотъ пытался подняться на ноги, и при тускломъ свѣтѣ Сарачинеска узналъ дель-Фериче. Истина сразу озарила его. Человѣкъ этотъ подслушивалъ, и по всей вѣроятности слышалъ все. Джіованни немедленно рѣшился скрыть это обстоятельство отъ герцогини, которой было бы нестерпимо обидно знать, что мучительная сцена между ними имѣла свидѣтеля. Джіованни зналъ, что съумѣетъ заставить молчать шпіона.

Съ быстротой молніи схватилъ онъ дель-Фериче за горло и сдавилъ его точно желѣзными тисками.

— Собака!—яростно прошепталъ онъ на ухо негодяю:—если ты пикнешь, я изъ тебя вышибу духъ на мѣстѣ! можешь черезъ часъ присылать ко мнѣ на домъ секундантовъ, а теперь молчи!

Послѣ этого онъ ушелъ, оставивъ дель-Фериче полумертвымъ отъ боли и страха. Подойдя къ Коронѣ, онъ не выдалъ своего волненія.

— Пустяки!—сказалъ онъ ей съ принужденнымъ смѣхомъ, подавая руку и поспѣшно уводя ее.—Представьте: большой горшокъ съ однимъ изъ большихъ фикусовъ, плохо поставленный, упалъ въ окно и разбилъ стекло.

— Какъ странно!—мнѣ показалось, что я слышала стонъ.

— Это былъ вѣтеръ. Стекло разбилось, а ночь бурная.

— Точно такъ разбилось окно и пять лѣтъ тому назадъ. Здѣсь вѣчно что-нибудь случится. Я теперь поѣду домой, помогите мнѣ разыскать мужа...

Когда герцогиня уѣхала, Джіованни стоялъ въ дверяхъ залы и разглядывалъ сновавшихъ мимо мужчинъ, соображая, кого бы изъ нихъ пригласить въ секунданты. Вдругъ онъ замѣтилъ, что отецъ его стоитъ рядомъ съ нимъ и съ любопытствомъ смотритъ на него.

— Что случилось, Джіованни? — спросилъ старикъ-князь:— отчего ты не танцуешь?

— Дѣло въ томъ...—началъ Джіованни и вдругъ умолкъ. Его поразила одна мысль. Онъ подошелъ ближе къ отцу и проговорилъ тихимъ голосомъ.

— Дѣло въ томъ, что я сейчасъ схватилъ одного человѣка за горло и назвалъ его собакой. Человѣку это было непріятно, и я сказалъ ему, что онъ можетъ прислать секундантовъ. Я же не могу отыскать ни одного пріятеля; всѣ танцуютъ въ котильонѣ. Можетъ быть, вы поможете мнѣ,—прибавилъ онъ, съ сомнѣніемъ глядя на отца.

Къ его великому удивленію и удовольствію, старый князь весело разсмѣялся.

— Разумѣется!—закричалъ онъ.—За кого ты меня принимаешь? Неужели же я не помогу тебѣ въ такомъ дѣлѣ? Ступай и вели подавать мою карету, а я пока устрою все.

Старикъ-князь былъ дуэлистомъ въ свое время и такъ же мало способенъ былъ оттоваривать сына отъ дуэли, какъ самъ отказаться отъ нея.

Черезъ нѣсколько минутъ онъ усаживался въ каретѣ вмѣстѣ съ сыномъ и графомъ Спикка, котораго поймалъ въ бальной залѣ.

— Ну, Джіованнино, разсказывай, что случилось?—сказалъ князь, закуривая папиросу...

Когда они подъѣхали къ дворцу Сарачинеска и вошли въ переднюю, то услышали стукъ подъѣзжавшаго экипажа.

— Ступай къ себѣ въ кабинетъ, Джіованнино, — сказалъ старикъ-князь.—Эти господа пунктуальны. Я позову тебя, когда они уѣдутъ. Ты вѣдь серьезно думаешь драться?

— Мнѣ все равно. Я дамъ ему то удовлетвореніе, какое онъ хочетъ. Вы очень добры, что берете на себя это дѣло; я вамъ очень благодаренъ.

— Я бы ни за что не уступилъ его другому,—пробормоталъ старикъ-князь и поспѣшилъ на встрѣчу секундантамъ дель-Фериче.

Джіованни вошелъ къ себѣ въ кабинетъ и прямо направился къ письменному столу. Онъ взялъ перо, листъ бумаги и сталъ писать. Лицо его было серьезно, но рука тверда. Болѣе часу писалъ онъ, не останавливаясь. Послѣ того отецъ вошелъ къ нему.

— Ну, что?—спросилъ Джіованни, взглядывая на него.

— Все улажено; я боялся, что они не допустятъ меня вторымъ секундантомъ. Ты знаешь, что существуетъ старинное правило, по которому близкіе родственники устраняются. Но они объявили, что считаютъ мое содѣйствіе за честь. Будь остороженъ, мой другъ. Негодяй намѣренъ биться не на животъ, а на смерть. Дуэль назначена въ семь часовъ. Мы должны выѣхать изъ дому въ половинѣ седьмого. Ты можешь поспать два съ половиной часа. Я не лягу и разбужу тебя. Спикка уѣхалъ домой переодѣться и тотчасъ же вернется сюда. А теперь ложись. Я осмотрю твои рапиры.

— Значитъ, дуэль на рапирахъ?—спросилъ Джіованни спокойно.

— Да. Они не спорили. Ложись лучше.

— Сейчасъ. Отецъ, если что случится... вы знаете, все возможно... вы найдете мои ключи въ этомъ ящикѣ и письмо, которое я васъ прошу прочитать. Оно вамъ адресовано.

— Пустяки, мой милый! ничего не случится... ты проколешь ему руку и вернешься домой завтракать.

Старикъ-князь говорилъ весело и развязно; но голосъ его дрожалъ, и онъ отвернулся, чтобы скрыть двѣ крупныхъ слезы, скатившихся по его смуглымъ щекамъ на бѣлую бороду.

А. Э.

РОССІЯ и ЕВРОПА

— „Россія и Европа“, Н. Я. Данилевскаго [1]).
— „Дарвинизмъ“, его же.
— „Борьба съ Западомъ въ русской литературѣ“, Н. Страхова.

Леопольдъ Ранке въ своей „Всемірной исторіи“, излагая идеалъ государства у Платона, замѣчаетъ, что идеалъ этотъ, рѣшительно и намѣренно противопоставленный основамъ тогдашней греческой государственности, былъ, въ главныхъ своихъ чертахъ, черезъ много вѣковъ послѣ Платона, осуществленъ въ общемъ политическомъ строѣ средневѣковой Европы. Идеальное государство Платона основывается, какъ извѣстно, на раздѣленіи трехъ классовъ: 1) рабочаго, питающаго общество (брюшная часть политическаго тѣла), 2) военнаго, защищающаго или охраняющаго общество (грудная часть), и 3) духовнаго или философскаго, управляющаго обществомъ (головная часть). И именно это основное политическое дѣленіе,—говоритъ Ранке,—было въ полной силѣ въ Европѣ среднихъ вѣковъ: подчиненное рабочее населеніе; надъ нимъ особый классъ, имѣвшій исключительное право носить оружіе; и, наконецъ, во главѣ всего общественнаго организма духовенство, которое обладало всѣмъ тогдашнимъ знаніемъ, но „съ перевѣсомъ идеи божественнаго“ (какъ и у Платона), и воспитывало народъ въ этомъ направленіи [2]).

[1]) Мы пользуемся 2-мъ изданіемъ (1871 г.), которое исправлено и дополнено самимъ авторомъ. Третье (посмертное) изданіе приготовляется нынѣ къ печати Н. Н. Страховымъ.

[2]) Weltgeschichte, von Leopold v. Ranke, I. Theil, 2. Abth. (2-te Auflage). S. 80. Впрочемъ это любопытное сближеніе можно найти и у нѣкоторыхъ историковъ философіи.

Тутъ, въ этомъ идеальномъ государствѣ Платона, мы имѣемъ, такимъ образомъ, блестящій примѣръ *крылатой* теоріи общества, —такой теоріи, которая, глубоко расходясь съ даннымъ, и мѣстнымъ, и временнымъ, видомъ общежитія, имѣетъ, однако, внутреннюю силу реальности въ болѣе широкихъ размѣрахъ, и потому, высоко поднявшись надъ современнымъ ей міромъ, перелетаетъ въ иную эпоху и иныя условія, и тамъ спускается на твердую почву исторической жизни. Сила всякихъ крыльевъ имѣетъ, разумѣется, свой предѣлъ, и наши требованія общественной правды уже не удовлетворяются идеаломъ Платона. Но все-таки остается несомнѣннымъ, что эта, будто-бы, анти-историческая утопія оказалась въ основныхъ чертахъ своихъ лишь предвареніемъ дѣйствительной исторіи, и что схемой Платона въ теченіе многихъ вѣковъ опредѣлялся политическій и культурный строй не какой-нибудь мелкой эллинской республики, а могучаго общественнаго тѣла, несравненно большаго, чѣмъ вся Эллада.

Существуютъ другого рода общественныя теоріи, которыя, въ противоположность *крылатымъ*, слѣдуетъ назвать *ползучими*. Онѣ крѣпко держатся за данныя основы общества и никогда не поднимаются на значительную высоту надъ современною имъ жизнью. Онѣ умираютъ тамъ, гдѣ выросли, и въ будущіе вѣка переходятъ лишь какъ историческое воспоминаніе. Еслибы такія „ползучія“ теоріи ограничивались только научною задачей—объяснить генетически данный общественный строй, то противъ нихъ (въ случаѣ успѣшнаго исполненія этой задачи), конечно, нельзя было бы ничего возразить. Но обыкновенно такія теоріи, привязавшись къ современному имъ типу общественныхъ отношеній, выдаютъ его за нѣчто окончательное и непреложное. При этомъ онѣ, съ одной стороны, вступаютъ въ гибельное для нихъ противорѣчіе съ дѣйствительнымъ ходомъ исторіи, которая чревата будущимъ и никакъ не вмѣщается въ эти тѣсныя обыденныя схемы, а съ другой стороны — онѣ еще болѣе теряютъ научный характеръ, когда стараются подкрасить данный жизненный строй и, сохраняя неприкосновенными его основныя черты, требуютъ исправленія второстепенныхъ подробностей, стремятся не къ внутреннему разумному преобразованію, а къ произвольному усиленію, внѣшнему закругленію и увѣковѣченію данной дѣйствительности. Эта малая доля поверхностнаго идеализма, которымъ приправлены подобные „трезвые“ взгляды, даетъ легкое удовлетвореніе лѣнивой и робкой мысли. Тѣмъ не менѣе, такія теоріи несомнѣнно полезны для дальнѣйшаго хода общественнаго сознанія. Онѣ значительно облегчаютъ борьбу прогрессивныхъ идей съ темными

силами современности. Благодаря этимъ „ползучимъ", но все-таки идеализирующимъ теоріямъ, данная дѣйствительность предстаетъ предъ нами въ очищенномъ видѣ. Несостоятельность конкретныхъ жизненныхъ явленій всегда можетъ быть отнесена къ „злоупотребленіямъ", и критика ихъ не имѣетъ общаго значенія. Но когда сами защитники данной дѣйствительности осмысливаютъ и обобщаютъ ея коренные грѣхи и возводятъ ихъ на степень идеала, тогда приговоръ нравственнаго сознанія надъ такимъ идеаломъ есть приговоръ—окончательный.

Къ такимъ полезнымъ (въ указанномъ смыслѣ) теоріямъ, старающимся закрѣпить современную имъ дѣйствительность, придавая ей болѣе опредѣленный и систематическій характеръ, принадлежитъ воззрѣніе, изложенное съ такою обстоятельностью въ книгѣ покойнаго Н. Я. Данилевскаго: „Россія и Европа". По мнѣнію ея почитателей, книга эта есть „катихизисъ или кодексъ славянофильства" [1]). Авторъ стоитъ всецѣло и окончательно на почвѣ племеннаго и національнаго раздора, осужденнаго, но еще не уничтоженнаго евангельскою проповѣдью. Мысль русскаго писателя не имѣетъ крыльевъ, чтобы подняться хотя бы лишь въ теоріи надъ этою темною дѣйствительностью. Задача его въ томъ, чтобы возвести существующую въ человѣчествѣ рознь въ закругленную и законченную систему, и вывести изъ этой системы нѣкоторые практическіе „постулаты" для той дроби человѣчества, къ которой принадлежитъ самъ авторъ.

Раздѣленіе людей на племена и націи, ослабленное до нѣкоторой степени великими міровыми религіями и замѣненное дѣленіемъ на болѣе широкія и болѣе подвижныя группы, возродилось въ Европѣ съ новою силою и стало утверждаться, какъ сознательная и систематическая идея, съ начала истекающаго столѣтія. Прежде всѣхъ отличился въ этомъ дѣлѣ знаменитый Фихте, который, установивъ въ своей „Wissenschaftslehre" отвлеченно-философскій эгоизмъ или „солипсизмъ" сознающаго *я*, перешелъ въ „Рѣчахъ къ нѣмецкому народу" на почву болѣе широкаго, но все-таки произвольнаго и отталкивающаго эгоизма національнаго. Послѣ Наполеоновскихъ войнъ, принципъ національностей сдѣлался ходячею европейскою идеей. Эта идея заслуживала всякаго уваженія и симпатіи, когда во имя ея защищались и освобождались народности слабыя и угнетенныя: въ такихъ случаяхъ принципъ національности совпадалъ съ истинною спра-

[1]) См. „Извѣстія петербургскаго славянскаго Общества", № 12, 1886 г., статья Н. Н. Страхова.

ведливостью. *Всякая народность имѣетъ право жить и свободно развивать свои силы, не нарушая такихъ же правъ другихъ народностей.* Это требованіе *равнаго права* для *всѣхъ* народовъ вноситъ въ политику нѣкоторую высшую нравственную идею, которой должно подчиниться національное себялюбіе. Въ этой высшей идеѣ всѣ народы солидарны между собою, и въ мѣру этой солидарности человѣчество уже не есть пустое слово. Но, съ другой стороны, это возбужденіе національнаго самочувствія въ каждомъ народѣ, особенно же въ народахъ болѣе крупныхъ и сильныхъ, благопріятствовало развитію народнаго эгоизма или національнаго, который уже ничего общаго съ справедливостью не имѣетъ и выражается совсѣмъ въ иной формулѣ. „Нашъ народъ есть самый лучшій изо всѣхъ народовъ, и потому онъ предназначенъ такъ или иначе покорить себѣ всѣ другіе народы, или во всякомъ случаѣ занять первое, высшее мѣсто между ними". Такою формулой освящается всякое насиліе, угнетеніе, безконечныя войны, все злое и темное въ исторіи міра.

И жизнь, и теорія, какъ-то очень легко и незамѣтно подмѣнивають справедливую и человѣчную формулу національной идеи формулою насилія и національнаго убійства. Далеко не всѣ глашатаи этой идеи проповѣдуютъ прямо покореніе и уничтоженіе чужихъ народовъ; но есть для этого обходный способъ, болѣе мягкій по виду, хотя столь же убійственный по духу. „Нашъ народъ по самому ходу исторіи и по естественному преемству національныхъ культуръ долженъ *смѣнить* всѣ прочіе отжившіе или отживающіе народы". „Смѣна" эта тоже не обходится безъ жестокой кровавой борьбы и разныхъ національныхъ убійствъ, но окончательный результатъ достигается какъ будто самъ собою. Такую смягченную формулу національнаго эгоизма восприняли отъ нѣмцевъ наши славянофилы, примѣнившіе къ Россіи то, что ихъ учители присвоивали германизму,—систематически же разработалъ у насъ это воззрѣніе авторъ „Россіи и Европы". Между нимъ и прежними славянофилами есть, однако, различіе, на которое онъ самъ указываетъ, хотя не всегда его соблюдаетъ. Тѣ утверждали, что русскій народъ имѣетъ всемірно-историческое призваніе, какъ носитель всечеловѣческаго окончательнаго просвѣщенія: Данилевскій же, отрицая всякую общечеловѣческую задачу, считаетъ Россію и славянство лишь особымъ культурно-историческимъ типомъ,—однако наиболѣе совершеннымъ и полнымъ (четырехъ-основнымъ, по его терминологіи), совмѣщающимъ въ себѣ преимущества прежнихъ типовъ. Разногласіе, такимъ образомъ, выходитъ только въ отвлеченныхъ терминахъ, не измѣ-

няющихъ сущности дѣла. Должно, однако, замѣтить, что коренные славянофилы (Хомяковъ, Кирѣевскій, Аксаковы, Самаринъ), не отвергая всемірной исторіи и признавая, хотя лишь въ отвлеченномъ принципѣ, солидарность всего человѣчества, были ближе, чѣмъ Данилевскій, къ *христіанской* идеѣ и могли утверждать ее, не впадая въ явное внутреннее противорѣчіе.

Зато, Данилевскій имѣетъ несомнѣнное преимущество въ выраженіи *національной* идеи. Для прежнихъ славянофиловъ эта идея была по преимуществу предметомъ поэтическаго, пророческаго и ораторскаго вдохновенія. Они ее воспѣвали и проповѣдывали. Съ другой стороны, въ послѣдніе годы та же идея стала предметомъ рыночной торговли, оглашающей своими полу-животными криками всѣ грязныя площади, улицы и переулки русской жизни. Противъ поэзіи и краснорѣчія спорить нельзя. Безполезно также препираться съ завывающимъ и хрюкающимъ воплощеніемъ національной идеи. Но, кромѣ этихъ двухъ крайностей, мы имѣемъ, благодаря книгѣ Данилевскаго, спокойное и трезвое, систематическое и обстоятельное изложеніе этой идеи въ ея общихъ основахъ и въ ея примѣненіи къ Россіи. Эмпирикъ и реалистъ по складу своего ума, естествоиспытатель и практическій дѣятель, Н. Я. Данилевскій былъ чуждъ и философскаго идеализма, и поэтической фантазіи, рѣзко отличаясь этимъ отъ главныхъ славянофиловъ, большею частью поэтовъ, воспитанныхъ на Гегелевской діалектикѣ. Но съ другой стороны, обладая, какъ и они, крупнымъ умственнымъ дарованіемъ и безукоризненнымъ нравственнымъ характеромъ, авторъ „Россіи и Европы“ примыкаетъ къ лучшимъ представителямъ славянофильства и цѣлою бездною отдѣляется отъ торжествующаго нынѣ площаднаго патріотизма и націонализма. Если противъ сего послѣдняго единственно дѣйствительное средство есть соблюденіе опрятности, то добросовѣстная и наукообразная система націонализма, разработанная въ сочиненіи Данилевскаго, заслуживаетъ и требуетъ серьезнаго критическаго разбора.

Множественность самобытныхъ культурно-историческихъ типовъ, вмѣсто единаго человѣчества; независимое и отдѣльное развитіе этихъ типовъ, вмѣсто всемірной исторіи; затѣмъ, Россія (со славянствомъ), какъ особый культурно-историческій типъ, совершенно отличный отъ Европы и, притомъ, типъ высшій, самый лучшій и полный — вотъ главныя положенія въ книгѣ „Россія и Европа“. Опровергать эти положенія съ точекъ зрѣнія христіанской и гуманитарной (которыя въ этомъ случаѣ совпадаютъ) мы теперь не станемъ. Мы будемъ спрашивать не о

томъ, насколько эта теорія національнзма нравственна, а лишь о томъ, насколько она *основательна*.

Во-первыхъ, посмотримъ, есть ли какія-нибудь фактическія основанія приписывать Россіи [1]) значеніе цѣлаго культурно-историческаго типа, *отдѣльнаго—и въ этой отдѣльности высшаго по отношенію къ Европѣ*; а во-вторыхъ, изслѣдуемъ вопросъ, насколько самое дѣленіе человѣчества на культурные типы въ смыслѣ Данилевскаго соотвѣтствуетъ исторической дѣйствительности. Главнымъ матеріаломъ для нашей критики послужитъ книга: „Россія и Европа“, но для подтвержденія и иллюстраціи нашихъ сужденій мы воспользуемся и сочиненіемъ „Дарвинизмъ“ того же автора, а также сборникомъ статей его почтеннаго единомышленника, Н. Н. Страхова: „Борьба съ Западомъ въ русской литературѣ“.

Предупреждаемъ еще, что разборъ нашъ будетъ въ извѣстномъ отношеніи неполонъ. Нѣкоторыхъ сторонъ вопроса, которыя на отвлеченный взглядъ могли бы показаться существенными, мы вовсе не будемъ касаться. Полагаемъ, что внимательный и добросовѣстный читатель не посѣтуетъ на насъ за эту необходимую неполноту, которая, надо думать, не ослабляетъ, а скорѣе усиливаетъ наши главные выводы.

I.

Въ сельской общинѣ и крестьянскомъ надѣлѣ Данилевскій видитъ „общественно-экономическое устройство, справедливо обезпечивающее народныя массы“, и это, по его мнѣнію, составляетъ главную основу русско-славянскаго культурно-историческаго типа, важнѣйшій залогъ нашей будущности. Хотя и къ народамъ слѣдуетъ примѣнять слово Писанія: „не о хлѣбѣ единомъ“ и т. д.,— тѣмъ не менѣе общественный строй, обезпечивающій благосостояніе народныхъ массъ, есть дѣло огромной важности. Обладаетъ ли Россія преимуществомъ такого строя?

Собственно объ общинной формѣ землевладѣнія нашъ авторъ говоритъ лишь вскользь. Ему, конечно, было извѣстно, что сравнительная исторія учрежденій доказала неопровержимо, что сельская община никакъ не есть исключительная особенность русскаго или славянскаго культурнаго типа, а что она соотвѣтствуетъ

[1]) По примѣру самого Данилевскаго, мы будемъ иногда для краткости говорить просто: „Россія“, вмѣсто: „русско-славянскій міръ“, или: „Россія и славянство“.

одной изъ первобытныхъ ступеней соціально-экономическаго развитія, черезъ которую проходили самые различные народы. Это не есть задатокъ особо-русскаго будущаго, а лишь остатокъ далекаго общечеловѣческаго прошлаго. Съ одной стороны, можно найти слѣды аграрной общинности у самыхъ передовыхъ націй Запада (такъ-называемыя Almenden въ Швейцаріи и Германіи); съ другой стороны, въ глубинѣ Азіи, индусы, коихъ общественное и экономическое развитіе остановилось на низкихъ ступеняхъ, сохраняютъ ту же первобытную форму поземельной собственности. Въ самомъ русскомъ народѣ замѣчается стремленіе отдѣлаться отъ общиннаго владѣнія, и это запоздалое учрежденіе было бы окончательно потрясено (какъ уже и случилось съ сродной формой *задруги* у южныхъ славянъ), еслибы государство не поддерживало его своимъ закономъ. Мы полагаемъ, что, взявъ на первое время подъ свою защиту эту элементарную общественную форму, наше правительство выказало большую мудрость. Затруднивши частное отчужденіе крестьянскихъ земель, нашъ законъ избавилъ всѣхъ слабыхъ и безпечныхъ крестьянъ (т.-е. значительное большинство) отъ немедленнаго разоренія и кабалы. Но если для государства было очень выгодно не допустить *внезапно* народиться цѣлому классу бездомныхъ нищихъ, то отъ этой выгоды—еще очень далеко до окончательнаго предохраненія народа отъ пауперизма. Общинное землевладѣніе само по себѣ, какъ показываетъ статистика, совсѣмъ не благопріятствуетъ успѣхамъ сельскаго хозяйства. Община обезпечиваетъ каждому крестьянину кусокъ земли, но она никакъ не можетъ обезпечить ему урожая или возвратить производительныя силы истощенной почвѣ.

Тѣмъ не менѣе нашъ авторъ увѣренно и настойчиво противопоставляетъ Россію съ ея *крестьянскимъ надѣломъ* безземельному населенію Европы. Для прямой и полной противоположности въ этомъ отношеніи слѣдовало бы вмѣсто Европы взять одну только Англію. Но эта страна (которая скорѣе есть всесвѣтная держава, нежели одна изъ частей Европы) находится въ условіяхъ совершенно исключительныхъ. Фабричная промышленность и всемірная торговля настолько поглощаютъ здѣсь національныя силы, что сельскій классъ, уступающій и въ числѣ городскому населенію, занимаетъ лишь второстепенное мѣсто въ общей жизни этого новаго Карѳагена. Существованіе и процвѣтаніе британской имперіи, какъ культурно-національнаго цѣлаго, зависитъ гораздо болѣе отъ обезпеченности ея индійскихъ колоній, нежели отъ обезпеченности іоркширскаго или ульстерскаго крестьянина.—А для прочей Европы безземельность крестьянства далеко не есть

безусловное правило, и контрастъ съ Россіей здѣсь вовсе не такъ полонъ. На всемъ европейскомъ материкѣ сельское населеніе въ извѣстной мѣрѣ участвуетъ во владѣніи землей, не говоря уже о такихъ странахъ, гдѣ крестьяне суть единственные поземельные собственники (Норвегія).

Впрочемъ, каково бы ни было соціально-экономическое положеніе Европы, на однихъ чужихъ недостаткахъ и бѣдствіяхъ нельзя строить зданіе нашего будущаго. Собственное же общественно-экономическое устройство, справедливо обезпечивающее благосостояніе народныхъ массъ, существуетъ у насъ только въ видѣ неопредѣленныхъ мечтаній, какихъ и въ Европѣ довольно. Для дѣйствительнаго обезпеченія народнаго благосостоянія прежде всего необходимо улучшеніе и правильное развитіе сельскаго хозяйства, а для этого народъ нуждается въ разумной и дѣятельной помощи образованнаго класса. Вотъ еслибы у насъ организовался общественный классъ, обладающій всѣми средствами знанія и посвящающій эти средства всецѣло на служеніе землѣ, не для частной выгоды, а для общей пользы, — то это было бы и оригинально, и плодотворно; тутъ можно было бы видѣть дѣйствительный задатокъ новаго культурно-историческаго типа. Но ничего подобнаго у насъ указать нельзя. Ни славянофильская идеализація народа, ни стремленіе нѣкоторыхъ литературныхъ кружковъ „въ деревню“, ни извѣстное хожденіе въ народъ—не организовались ни въ какую постоянную общественную дѣятельность и ничего, въ смыслѣ дѣйствительной солидарности образованнаго класса съ простымъ народомъ, не создали. Это были только временныя увлеченія, прекрасныя по чувству и намѣренію, но совершенно безплодныя. Такихъ увлеченій, и еще болѣе оригинальныхъ, не мало найдется въ исторіи англо-американскаго, въ особенности же французскаго соціализма [1]).

Знаменитому редактору „Московскихъ Вѣдомостей“ не разъ приходилось выражать странную мысль, что *тѣло* Россіи, т.-е. низшіе классы населенія, пользуется полнымъ здоровьемъ, и что только *голова* этого великаго организма, т.-е. высшій и образо-

---

[1]) Maxime Ducamps, въ своихъ литературныхъ воспоминаніяхъ, разсказываетъ, между прочимъ, любопытную исторію о томъ, какъ цѣлая компанія сенсимонистовъ, найдя, что для полнаго благоденствія человѣчества необходима, кромѣ „отца“ Анфантэна, еще и особая „матерь“ новаго общества, рѣшились, несмотря на скудость своихъ средствъ, отправиться отыскивать эту „матерь“ по всѣмъ странамъ Востока, и дѣйствительно добрались до Константинополя и Египта. Немногимъ практичнѣе и успѣшнѣе этого—всѣ наши попытки спасти и осчастливить народъ то посредствомъ „хитрыхъ механикъ“, то посредствомъ старомодныхъ букварей.

ванный классъ, страдаетъ тяжкимъ недугомъ. Вотъ удивительное здоровье, много обѣщающее въ будущемъ! Московскій публицистъ не замѣтилъ, что онъ сравнивалъ свое отечество съ тѣми неизлечимо-умалишенными, которымъ полнота физическихъ силъ не мѣшаетъ страдать безнадежнымъ слабоуміемъ. Мы увѣрены, что прославленный патріотъ ошибался, и что Россія вовсе не находится въ такомъ безвыходномъ положеніи. Головная дѣятельность нашего народнаго организма совершается въ не совсѣмъ нормальныхъ условіяхъ—это правда. Болѣзненное возбужденіе отъ неправильныхъ приливовъ крови быстро смѣняется припадками анэміи, погружающей насъ въ глубокій сонъ. Но отъ этого еще очень далеко до прогрессивнаго паралича и размягченія мозга, которыя пригрезились опрометчивому охранителю нашихъ основъ.

Желанное общественно-экономическое устройство, обезпечивающее матеріальное благосостояніе и духовное развитіе народа, немыслимо безъ органической связи и правильнаго взаимодѣйствія между образованнымъ классомъ и народными массами. Такая связь, крайне слабая у насъ и прежде, можетъ и совершенно разорваться при переходѣ народной школы въ руки или подъ руку какого-нибудь класса, вообще чуждаго или прямо враждебнаго образовательнымъ цѣлямъ, и при замѣнѣ самостоятельныхъ органовъ общественной жизни какими-нибудь учрежденіями полицейско-сословнаго характера. Къ другимъ путямъ и не могло привести то политическое воспитаніе Россіи, которое Данилевскій считалъ безусловно правильнымъ. Можно признавать въ духовномъ складѣ русскаго народа задатки или возможности лучшаго общественнаго строя, но никакихъ условій для перехода этихъ возможностей въ дѣйствительность—ни въ современной русской жизни, ни въ теоріи нашего автора, мы не найдемъ. Но предположимъ, что эта теорія грѣшитъ только преувеличеніемъ значенія общественно-экономическаго элемента въ будущемъ русско-славянскаго міра. Быть можетъ, Россія призвана къ обширному и самобытному творчеству преимущественно въ области высшей, духовной культуры, въ области науки, философіи, литературы и искусства? Посмотримъ, есть ли какія-нибудь фактическія основанія для такого предположенія.

II.

Хотя русская наука, которая серьезно началась только съ Ломоносова († 1765), имѣла меньше времени для своего развитія, нежели наука западной Европы, но зато у насъ было здѣсь

великое преимущество: наши ученые могли работать на расчищенной почвѣ, строить на крѣпкомъ фундаментѣ. Западная наука (я разумѣю преимущественно науки точныя) при началѣ своемъ не имѣла никакого руководства, кромѣ элементарныхъ и отрывочныхъ опытовъ древне-греческихъ писателей, коихъ работы не только по своимъ результатамъ, но также по задачамъ и пріемамъ были весьма далеки отъ настоящей науки. Многому ли можно было научиться изъ физическихъ и естественно-историческихъ сочиненій Аристотеля или александрійцевъ? Европейскимъ ученымъ приходилось самимъ пролагать пути настоящаго знанія; русская же наука сразу, съ перваго шага, вступала на готовый и вѣрный путь и могла идти за вождями вполнѣ надежными, за Декартами и Лейбницами, Галилеями и Ньютонами. Разница тутъ была въ извѣстномъ отношеніи такая же, какъ между изобрѣтеніемъ письменъ и усвоеніемъ уже готоваго алфавита. Эту огромную разницу нужно принять прежде всего въ разсчетъ, чтобы правильно оцѣнить предполагаемые задатки самобытной науки въ Россіи.

Русскіе несомнѣнно оказались весьма способными ко всѣмъ наукамъ. Эта способность, въ соединеніи съ превосходною школой, которую намъ можно было пройти, позволяла надѣяться, что въ теченіе столѣтія — при чрезвычайной быстротѣ новѣйшаго умственнаго движенія — наша нація произведетъ чудеса въ области науки. Дѣйствительность не оправдала такихъ надеждъ, и извѣстное желаніе Ломоносова остается и до сихъ поръ лишь „благочестивымъ желаніемъ“. Рожденная подъ самыми счастливыми созвѣздіями, русская наука не озарила міръ новымъ свѣтомъ. Въ математикѣ, химіи, въ наукахъ біологическихъ, мы можемъ назвать нѣсколько ученыхъ, занимающихъ видное и почетное мѣсто въ *европейской* наукѣ. Особой русской науки работы этихъ ученыхъ не составляютъ: для этого онѣ слишкомъ малочисленны и разрозненны, а главное — вовсе не отличаются яснымъ національнымъ характеромъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, со стороны результатовъ труды нашихъ первоклассныхъ ученыхъ, при всѣхъ своихъ достоинствахъ, не имѣютъ настолько глубокаго и обширнаго значенія, чтобы вліять опредѣленнымъ образомъ на общій ходъ научнаго развитія или составить эпоху въ исторіи хотя бы отдѣльныхъ наукъ.

Говоря о научныхъ задаткахъ грядущаго славяно-русскаго культурнаго типа, Данилевскій упоминаетъ, между прочимъ, о Коперникѣ. Еслибы дѣло шло о способности славянскаго племени давать иногда Европѣ великихъ ученыхъ, то, конечно, Коперникъ

доказываетъ эту способность, которую, впрочемъ, едва ли кто-нибудь отрицалъ. Но въ теоріи *нашего* славянофила знаменитому поляку рѣшительно дѣлать нечего. Вѣдь совершенно несомнѣнно, что имя Коперника, неразрывно связанное съ именами нѣмца Кеплера, итальянца Галилея и англичанина Ньютона, принадлежитъ всецѣло и безраздѣльно къ настоящей европейской, или романо-германской, а никакъ не къ будущей русско-славянской наукѣ [1]).

Что люди славянскаго племени, какъ и люди прочихъ племенъ земныхъ, способны съ бо́льшимъ или мѣньшимъ успѣхомъ заниматься наукой—это, кажется, доказательствъ не требовало. А что Россія (со славянствомъ) образуетъ и со стороны науки особый культурно-историческій типъ, т.-е. что она способна и призвана создать внѣ европейской науки свою особую, самобытную славяно-русскую науку—это весьма нуждалось бы въ доказательствахъ, но ихъ у нашего автора не находится. Никакого дѣйствительнаго *задатка* самобытно-научнаго творчества (независимаго отъ Европы) онъ указать не можетъ. Немногія русскія и славянскія ученыя знаменитости, которыхъ онъ поминаетъ (къ нимъ можно было бы присоединить еще нѣсколько другихъ), также принадлежатъ всецѣло къ европейской наукѣ, какъ и Коперникъ, съ тою лишь разницей, что ихъ именами не отмѣчено никакого великаго переворота въ этой наукѣ.

До выступленія Россіи въ качествѣ культурной державы, другія славянскія народности, болѣе или менѣе причастныя европейскому просвѣщенію, никогда не заявляли никакихъ притязаній на особую анти-европейскую самобытность въ умственной сферѣ. Всѣ подобныя претензіи должны быть отнесены на счетъ Россіи. Но чего-либо соотвѣтствующаго этимъ претензіямъ въ нашей дѣйствительности не удается найти самымъ предубѣжденнымъ искателямъ. Если же оставить всякое предубѣжденіе и всякія произвольныя гаданія и фантазіи, то на основаніи 140-лѣтняго опыта можно придти лишь къ одному несомнѣнному заключенію, а именно, что русскіе способны участвовать въ обще-европейской научной дѣя-

[1]) Кстати можно отмѣтить одну характерную черту. Когда дѣло идетъ у насъ о какомъ-нибудь великомъ *польскомъ* имени,—будь то въ сферѣ научной, какъ Коперникъ, или же въ сферѣ политической и военной, какъ Янъ Собѣскій,—поляки не только признаются настоящими славянами, но даже почти не различаются отъ русскихъ: ихъ слава—наша слава! Когда же хотятъ во что бы то ни стало оправдать существующія ненормальныя отношенія между Россіей и польской націей, тогда поляки выставляются отщепенцами, измѣнниками и предателями славянства, перешедшими во враждебный латино-германскій міръ и долженствующими погибнуть вмѣстѣ съ нимъ безъ всякаго права на участіе въ будущихъ великихъ судьбахъ славянскаго племени.

тельности приблизительно въ такой же мѣрѣ, какъ шведы или голландцы.

Но какъ ни малы (сравнительно съ нашими претензіями) дѣйствительные результаты русскаго научнаго творчества,—повидимому, наука въ Россіи уже достигла наивысшей ступени своего развитія и вступаетъ въ эпоху упадка. Лучшіе наши ученые (какъ въ естественныхъ, такъ и въ гуманитарныхъ наукахъ) частію окончили, частію кончаютъ свое поприще. Работниковъ науки въ настоящее время больше чѣмъ прежде, но настоящихъ мастеровъ почти вовсе нѣтъ. Благодаря непрерывному накопленію научнаго матеріала, наши молодые ученые знаютъ больше чѣмъ ихъ предшественники, но они хуже ихъ умѣютъ пользоваться своимъ обильнѣйшимъ знаніемъ. Вмѣсто цѣльныхъ научныхъ созданій мы видимъ лишь разростающуюся во всѣ стороны груду строительнаго матеріала, и трудъ ученаго все болѣе и болѣе превращается въ черную работу ремесленника. При этомъ самый интересъ къ наукѣ, то научное увлеченіе, которое одушевляло прежде лучшую часть русскаго общества, совершенно исчезаютъ. Только отсутствіемъ всякаго научнаго интереса можно объяснить себѣ полное равнодушіе, съ которымъ наше общество встрѣтило новый университетскій уставъ 1884 года.

Въ виду скудныхъ наличныхъ результатовъ русской науки и плохихъ надеждъ для ея будущности, нашъ патріотизмъ могъ бы пожалуй находить утѣшеніе въ той мысли, что наука въ тѣсномъ значеніи этого слова, т.-е. совокупность точныхъ и положительныхъ знаній, есть вообще лишь служебная сфера духовной дѣятельности, гдѣ умственное творчество имѣетъ мало простора, и гдѣ поэтому самобытность національнаго и племенного духа не можетъ найти своего настоящаго выраженія. Положительная наука (помимо своихъ техническихъ приложеній, полезныхъ въ практической жизни) есть вообще лишь дробный матеріалъ, изъ котораго только философія можетъ возвести цѣльное умственное зданіе. Въ философскомъ міросозерцаніи какъ личный, такъ и національный духъ дѣйствуетъ вполнѣ свободно и самостоятельно, и слѣдовательно здѣсь по преимуществу нужно искать выраженія нашей культурной самобытности. Итакъ, посмотримъ, что̀ такое представляетъ русская философія.

III.

Одинъ изъ первыхъ (по времени) схоластиковъ Rabanus (или Hrabanus) Maurus, въ сочиненіи своемъ: De nihilo et tenebris („О ничемъ и о мракѣ"), между прочимъ, замѣчаетъ, что „небытіе есть нѣчто столь скудное, пустое и безобразное, что нельзя достаточно пролить слезъ надъ такимъ прискорбнымъ состояніемъ". Эти слова чувствительнаго монаха невольно вспоминаются, когда подумаешь о русской философіи. Не то, чтобы она прямо, открыто относилась къ категоріи „небытія", оплаканнаго Рабаномъ Мавромъ: за послѣднія два десятилѣтія довольно появлялось въ Россіи болѣе или менѣе серьезныхъ и интересныхъ сочиненій по разнымъ предметамъ философіи. Но все философское въ этихъ трудахъ вовсе не русское, а что въ нихъ есть русскаго, то ничуть не похоже на философію, а иногда и совсѣмъ ни на что не похоже. Никакихъ дѣйствительныхъ задатковъ самобытной русской философіи мы указать не можемъ: все, что выступало въ этомъ качествѣ, ограничивалось одною пустою претензіей.

А между тѣмъ русскіе несомнѣнно способны къ умозрительному мышленію, и одно время можно было думать, что философіи предстоитъ у насъ блестящая судьба. Но русская даровитость оказалась и здѣсь лишь воспріимчивою способностью, а не положительнымъ призваніемъ: прекрасно понимая и усвоивая чужія философскія идеи, мы не произвели въ этой области ни одного значительнаго творенія, останавливаясь, съ одной стороны, на отрывочныхъ наброскахъ, а съ другой стороны, воспроизводя въ каррикатурномъ и грубомъ видѣ тѣ или другія крайности и односторонности европейской мысли.

Нигдѣ въ Европѣ германскій философскій идеализмъ въ своей окончательной формѣ — гегельянствѣ — не вызвалъ такого живого сочувствія и не нашелъ, быть можетъ, такого глубокаго пониманія, какъ въ ученo-литературномъ кружкѣ московскихъ западниковъ (а частію и славянофиловъ) въ 30-хъ и 40-хъ годахъ. Все это были люди чрезвычайно талантливые, а многіе изъ нихъ обладали, сверхъ того, основательнымъ и многостороннимъ образованіемъ. Но странно сказать: это философское движеніе избранныхъ умовъ, начавшись съ такимъ блескомъ и одушевленіемъ, кончилось — по крайней мѣрѣ для философіи — ровно ничѣмъ. Главный представитель философскаго кружка, Станкевичъ, рано умеръ, не оставивъ по себѣ никакого труда. Другой выдающійся мыслитель, И. В. Кирѣевскій (сначала западникъ и гегельянецъ, потомъ славянофилъ),

пришелъ въ своихъ философскихъ занятіяхъ къ тому выводу, что истинная мудрость и подлинное знаніе находятся исключительно только у аскетическихъ писателей православнаго Востока. Друзья его надѣялись, что онъ извлечетъ изъ этого глубокаго источника новую восточную философію, чтобы побѣдоносно противопоставить ее обветшавшимъ умозрѣніямъ гнилого Запада. Но все дѣло ограничилось однимъ голословнымъ утвержденіемъ; аскетическая философія осталась въ своемъ старомъ видѣ въ кельяхъ аѳонскихъ и оптинскихъ монаховъ и не превратилась въ основу новаго славяно-русскаго просвѣщенія, о которомъ мечтала одна половина расколовшагося московскаго кружка. Въ сущности вѣрное, но слишкомъ „суммарное“ и бѣглое *отрицаніе* германской метафизики въ трехъ или четырехъ журнальныхъ статьяхъ, да ничѣмъ не оправданное *требованіе* новой восточной философіи — вотъ и все, что мы имѣемъ съ этой стороны. Другая, западническая половина нашего кружка пошла инымъ путемъ, но *для философіи* столь же безплоднымъ. Бѣлинскій, выразивъ свое пламенное увлеченіе гегельянствомъ въ нѣсколькихъ критическихъ статьяхъ по поводу современныхъ ему литературныхъ явленій, перешелъ затѣмъ отъ нѣмецкой философіи къ французскому (теоретическому) соціализму. Еще болѣе талантливый и гораздо болѣе образованный Герценъ пошелъ дальше въ этомъ направленіи, и съ эѳирныхъ высотъ философскаго идеализма спустился прямо въ подземныя жилища соціальной революціи; а еще одинъ рьяный гегельянецъ, Бакунинъ, безповоротно посвятилъ всю свою жизнь заговорамъ и уличнымъ бунтамъ.

Происшедшія приблизительно въ одно время: смерть Бѣлинскаго, удаленіе Кирѣевскаго въ монастырь и эмиграція Герцена и Бакунина — могутъ служить гранью перваго періода въ развитіи „русской философіи“. Мысль наша въ эту эпоху несомнѣнно отличалась чисто-философскимъ характеромъ, но она не выразилась ни въ какомъ философскомъ трудѣ. Цѣльныхъ памятниковъ отъ этихъ временъ мы не имѣемъ, остались только отрывочныя надписи — я хочу сказать статьи — частію вдохновленныя умозрѣніями западныхъ философовъ, частію направленныя противъ нихъ, но безъ всякихъ положительныхъ задатковъ самобытнаго философскаго міросозерцанія. Въ послѣдовавшія затѣмъ 25 лѣтъ русская литература отражала въ преувеличенномъ и каррикатурномъ видѣ реакцію противъ философскаго идеализма, происшедшую въ умственномъ мірѣ Европы. Всѣмъ памятно, какъ умозрительная философія, или метафизика, была признана у насъ не только печальнымъ заблужденіемъ ума человѣческаго, но прямо сумасшествіемъ, или

даже тяжкимъ преступленіемъ. Памятно всѣмъ пылкое увлеченіе новѣйшимъ нѣмецкимъ матеріализмомъ въ сочетаніи съ французскимъ позитивизмомъ. Вспоминаю это никакъ не для осужденія, и вовсе не думаю, чтобы мы просто изъ подражательности передразнивали разныя умственныя движенія Европы,—какъ это страннымъ образомъ утверждалъ Н. Я. Данилевскій въ своей статьѣ о нигилизмѣ [1]). Какъ искренно было увлеченіе философскимъ идеализмомъ, такъ же искренна была и реакція противъ него; преувеличенія же и каррикатуры происходили не отъ подражательности, а отъ пылкости и цѣльности чувства. Но я хочу лишь отмѣтить тотъ безспорный фактъ, что и въ этомъ второмъ періодѣ нашей новѣйшей литературы никакихъ задатковъ самобытной русской философіи не обнаружилось, и никакого значительнаго и долговѣчнаго памятника философской мысли не создано. Умственное движеніе шестидесятыхъ годовъ отрицало идеальную философію лишь подъ чужимъ знаменемъ: то нѣмецкихъ матеріалистовъ, то французскихъ позитивистовъ, то англійскихъ эмпириковъ. Такую полную зависимость нашей мысли отъ чужихъ идей и школъ авторъ „Россіи и Европы“ приписываетъ исключительно западнической подражательности, забывая, что и славянофильскіе мыслители не имѣли въ этомъ отношеніи особеннаго преимущества, ибо всѣ ихъ руководящія философскія и богословскія идеи могутъ быть найдены частію у французскихъ писателей, какъ Ламеннэ, Борда-Демулэнъ и др., частію же и у нѣмцевъ, какъ Сарторіусъ, Мёллеръ [2]). Да и въ тѣхъ случаяхъ, когда они „западнымъ“ заблужденіямъ противопоставляли „восточную“ истину, эта истина являлась не въ видѣ живой и дѣятельной *философской* мысли, а въ видѣ простой ссылки на мудрость старыхъ мистическихъ и аскетическихъ писаній, съ которыхъ они собирались—да такъ и не собрались—стряхнуть пыль вѣковъ.

Русскому обществу, при всѣхъ недостаткахъ, происходящихъ главнымъ образомъ отъ условій его историческаго воспитанія, нельзя отказать въ одномъ качествѣ: умственной подвижности. Если мы склонны признавать надъ собою деспотическую власть всякихъ идей и идоловъ, то, по крайней мѣрѣ, мы быстро мѣняемъ предметы своего поклоненія. Съ середины семидесятыхъ годовъ замѣчается у насъ довольно сильная реакція противъ безраздѣльно господствовавшихъ передъ тѣмъ ученій матеріализма и позитивизма. Этотъ новый поворотъ, если уже говорить о русской фи-

[1]) Въ „Руси“ Аксакова, 1884 г.

[2]) Если потребуется, я берусь подтвердить это цитатами.

лософіи, можетъ обозначать третій періодъ въ ея развитіи. Общая тенденція этого умственнаго движенія вовсе не имѣетъ, однако, философскаго характера. Сколько-нибудь значительныя и оригинальныя произведенія этого періода переходятъ съ той или другой стороны въ область недоступнаго для чисто-философской мысли мистицизма. Безусловно независимая и въ себѣ увѣренная дѣятельность человѣческаго ума есть собственная стихія философіи. Невозможно произвести чего-нибудь истинно-великаго въ какой бы то ни было сферѣ человѣческой дѣятельности, если нѣтъ полной увѣренности, что именно эта сфера есть самая важная и достойная, что дѣятельность въ ней имѣетъ самостоятельное и безконечное значеніе. Такъ для великихъ и долговѣчныхъ созданій въ области философіи прежде всего нужно вѣрить въ самозаконную и неограниченную силу человѣческаго ума, въ безусловное превосходство чистаго мышленія передъ всѣми прочими видами дѣятельности. Но, наблюдая особенности нашего національнаго характера, легко замѣтить, что чисто-русскій даровитый человѣкъ отличается именно крайнимъ недовѣріемъ къ силамъ и средствамъ человѣческаго ума вообще и своего собственнаго въ частности, а также глубокимъ презрѣніемъ къ отвлеченнымъ, умозрительнымъ теоріямъ, ко всему, что̀ не имѣетъ явнаго примѣненія къ нравственной или матеріальной *жизни*. Эта особенность заставляетъ русскіе умы держаться по преимуществу двухъ точекъ зрѣнія: крайняго скептицизма и крайняго мистицизма. Ясно, что и та, и другая—исключаютъ возможность настоящей философіи.

Правда, всякая сколько-нибудь углубленная философская система непремѣнно заключаетъ въ себѣ и скептическій, и мистическій элементы, но лишь настолько, насколько они не противорѣчатъ самоувѣренности или самодовлѣющему сознанію человѣческаго ума. *Философскій скептицизмъ* направляетъ свои удары противъ всякаго произвольнаго авторитета и противъ всякой мнимой реальности. *Философскій мистицизмъ* есть лишь чувство внутренней неразрывной связи мыслящаго духа съ абсолютнымъ началомъ всякаго бытія, сознаніе существеннаго тождества между познающимъ умомъ и истиннымъ предметомъ познанія. Совсѣмъ не таковы тѣ крайнія настроенія, которыя характеризуютъ нашъ національный умъ. Русскій скептицизмъ мало похожъ на здравое сомнѣніе Декарта или Канта, имѣвшихъ дѣло съ внѣшнею предметностію и съ границами познанія; нашъ „скепсисъ“, напротивъ, подобно древней софистикѣ, стремится поразить самую идею достовѣрности и истины, подорвать самый интересъ къ познанію: „все одинаково возможно, и все одинаково сомнительно“—вотъ

его простѣйшая формула. При такой точкѣ зрѣнія нашъ умъ, вмѣсто самодѣятельной силы, превращается въ безразличную и пассивную среду, пропускающую черезъ себя всякія возможности, ни одной не отталкивая и ни одной не задерживая. Но подобнымъ образомъ и нашъ національный мистицизмъ стремится не къ тому, чтобы поднять силу духа сознаніемъ его внутренняго безусловнаго превосходства надъ всякою внѣшностью, а, напротивъ, ведетъ къ совершенному уничтоженію и поглощенію духовной личности въ томъ абсолютномъ предметѣ, который она надъ собою признала. Эта *безвозвратная потеря себя* въ томъ, что поставлено выше себя, выражается, смотря по различію частныхъ характеровъ, то въ невозмутимомъ равнодушіи и квіэтизмѣ, то въ самоубійственномъ изувѣрствѣ, породившемъ извѣстныя секты въ нашемъ народѣ (самосожигатели, скопцы и т. д.). Такимъ образомъ, если наша философская мысль обнаруживаетъ теперь мистическое направленіе,—ничего болѣе опредѣленнаго о ней пока сказать нельзя,—то она навѣрное никакихъ плодовъ не принесетъ *на почвѣ нашего національнаго мистицизма*. Этотъ послѣдній (свойственный, впрочемъ, не исключительно русскимъ, а и другимъ полудикимъ народамъ Востока) самыми крайностями своими свидѣтельствуетъ, конечно, о нѣкоторыхъ силахъ нашей духовной натуры, которыя при иныхъ условіяхъ, при болѣе правильномъ и глубокомъ развитіи просвѣщенія и образованія въ народѣ, *могли бы* принести хорошіе плоды (по крайней мѣрѣ въ области религіозно-нравственной). Во всякомъ случаѣ несомнѣнно только одно:—мистическое настроеніе этого рода, въ соединеніи съ безграничнымъ недовѣріемъ къ *раціональному* элементу человѣческой и міровой жизни, составляетъ умственную почву, рѣшительно неблагопріятную для развитія всякой самобытной и наукообразной философіи.

Итакъ, мы не находимъ никакихъ положительныхъ задатковъ или хотя бы сколько-нибудь опредѣленныхъ вѣроятностей (въ данной дѣйствительности, при данныхъ условіяхъ) для великаго и независимаго будущаго Россіи въ области мысли и знанія.

IV.

Болѣе основательныя надежды на великую будущность возбуждаетъ, повидимому, русская дѣйствительность въ области изящной литературы и искусствъ. Русскій романъ пользуется въ послѣднее время громкою извѣстностью въ Европѣ. Наши лучшіе

писатели не только высоко цѣнятся тамошними знатоками, но и пріобрѣтаютъ популярность въ широкихъ кругахъ образованнаго и полуобразованнаго европейскаго общества. Въ области чистой поэзіи у насъ, кромѣ Пушкина и Лермонтова, есть нѣсколько лириковъ, которыми могла бы гордиться любая европейская литература. Произведеніями искусства (въ тѣсномъ смыслѣ) Россія менѣе богата. Однако есть у насъ геніальный композиторъ Глинка, а въ области живописи, кромѣ нѣсколькихъ замѣчательныхъ пейзажистовъ и портретистовъ, мы имѣемъ—если вѣрить славянофиламъ—одну великую историческую картину—Иванова: „Явленіе Христа народу“ [1]). Конечно, всего этого еще слишкомъ мало для особаго культурно-историческаго типа, который (по воззрѣнію нашего автора) долженъ соперничать не съ какою-нибудь отдѣльною европейскою націей, а съ цѣлою Европой, со всею совокупностью романо-германскихъ народовъ. Но такъ какъ дѣло идетъ о культурно-историческомъ типѣ, еще только слагающемся, то сдѣланное нами въ литературѣ и искусствахъ могло бы несомнѣнно представлять хорошій положительный задатокъ великаго будущаго. Но для того, чтобы можно было признать здѣсь такой задатокъ или зародышъ, безусловно необходимо, чтобы русское эстетическое творчество находилось въ прогрессивномъ развитіи, чтобы оно продолжало слѣдовать по *восходящей* линіи. Такъ ли это на самомъ дѣлѣ?

Когда у насъ такъ возгордились блестящимъ успѣхомъ русскихъ романистовъ за границей, никто, кажется, не замѣтилъ одного обстоятельства, что этотъ успѣхъ представлялъ собою лишь громкое эхо нашей минувшей славы. Кто они въ самомъ дѣлѣ, эти писатели, которымъ такъ рукоплещетъ Западъ? Или покойники, или инвалиды. Гоголь, Достоевскій, Тургеневъ умерли; И. А. Гончаровъ самъ подвелъ итоги своей литературной дѣятельности; младшій, но самый прославленный изъ нашихъ знаменитыхъ романистовъ, гр. Л. Н. Толстой, уже болѣе десяти лѣтъ какъ обратилъ совсѣмъ въ другую сторону неустанную работу своего ума. Что касается до современныхъ писателей, то при самой доброжелательной оцѣнкѣ все-таки остается несомнѣннымъ, что Европа никогда не будетъ читать ихъ произведеній. Чтобы имѣть право допустить, что цвѣтущая эпоха нашей литературы, продолжавшаяся около полу-столѣтія (отъ „Евгенія Онѣгина“ до

[1]) Только въ архитектурѣ и скульптурѣ нельзя указать совсѣмъ ничего значительнаго, созданнаго русскими. Древніе наши соборы строились иностранными зодчими; иностранцу же принадлежитъ единственный высоко-художественный памятникъ, украшающій новую столицу Россіи (статуя Петра Великаго).

„Анны Карениной"), представляетъ лишь *зародышъ* нашего будущаго творчества, нужно выставить возрастающихъ талантовъ и геніевъ болѣе значительныхъ, нежели Пушкинъ, Гоголь или Толстой. Но наши новыя литературныя поколѣнія, которыя имѣли, однако, время проявить свои силы, не могли произвести ни одного писателя, хотя бы лишь приблизительно равнаго старымъ мастерамъ. То же самое должно сказать о музыкѣ и объ исторической живописи: Глинка и Ивановъ не имѣли преемниковъ одинаковой съ ними величины. Трудно, кажется, отрицать тотъ очевидный фактъ, что литература и искусство въ Россіи идутъ въ послѣднее время по нисходящей линіи (со стороны художественнаго достоинства), и что нѣтъ ничего обѣщающаго намъ, при данныхъ условіяхъ, новый эстетическій расцвѣтъ. И въ этой области у насъ также мало положительныхъ надеждъ на будущее, какъ и въ области научнаго творчества.

Хотя это заключеніе и не было еще такъ очевидно въ то время, когда писалась „Россія и Европа", однако Н. Я. Данилевскій его предвидѣлъ и противопоставилъ ему очень странное соображеніе. Въ каждой націи,—говоритъ онъ,—высшее развитіе ея духовныхъ силъ *слѣдуетъ* за кульминаціоннымъ пунктомъ ея политическаго могущества.—Исторія показываетъ, однако, что бываетъ и противное. Нельзя же изъ числа культурныхъ націй исключить грековъ и нѣмцевъ. Внутренній духовный расцвѣтъ Эллады предварилъ внѣшнее политическое торжество эллинизма: вѣкъ Перикла предшествовалъ вѣку Александра Великаго. Точно также въ Германіи Лессингъ и Гёте, Кантъ и Гегель, Моцартъ и Бетховенъ — жили значительно ранѣе Бисмарка и Мольтке. Странно, что Данилевскій объ этомъ не вспомнилъ, но еще болѣе странно, что онъ не замѣтилъ, какъ его мнимый „историческій законъ" въ примѣненіи къ Россіи обращается противъ него самого, противъ той цѣли, ради которой онъ его выставилъ. Какъ доказать, что кульминаціонный пунктъ политическаго могущества не былъ уже достигнутъ Россіей, когда послѣ цѣлаго столѣтія военныхъ и дипломатическихъ успѣховъ эта держава вступила въ гигантскую борьбу со всѣми силами Запада, предводимыми Наполеономъ I, и, восторжествовавъ въ этой борьбѣ, пріобрѣла политическую гегемонію надъ цѣлою Европой? И вотъ, согласно „историческому закону", за величайшимъ торжествомъ нашего оружія послѣдовалъ золотой вѣкъ нашей литературы.

Какъ бы то ни было, примѣнять или не примѣнять къ Россіи воображаемые историческіе законы, несомнѣннымъ остается то, что особый, внѣ-европейскій русско-славянскій культурный

типъ, съ своею особенною наукой, философіей, литературой и искусствомъ, есть лишь предметъ произвольныхъ гаданій и гаданій, ибо никакихъ положительныхъ задатковъ новой самобытной культуры наша дѣйствительность не представляетъ.

Безъ сомнѣнія, русская изящная литература въ своихъ лучшихъ произведеніяхъ не лишена оригинальности и внутреннихъ достоинствъ. Но если своеобразность и значительность изящной литературы у нѣмцевъ, испанцевъ, англичанъ не служитъ для каждой изъ этихъ націй признакомъ особаго культурно-историческаго типа, то нѣтъ здѣсь такого признака и для Россіи. *Національной* нашей самобытности, проявившейся, между прочимъ, и въ литературѣ, никто, кажется, и не оспаривалъ. Русскій романъ несомнѣнно отличается отъ англійскаго, не болѣе, однако, чѣмъ этотъ послѣдній отъ испанскаго. Русскій романъ есть одинъ изъ видовъ *европейскаго* романа не только по формѣ, которую мы получили готовою съ Запада, но также и по внутреннимъ особенностямъ, которыя представляютъ лишь видовыя, а не родовыя отличія относительно европейскихъ литературъ. Такъ, напримѣръ, реализмъ или натурализмъ, какимъ обыкновенно характеризуется нашъ романъ, есть лишь особое видоизмѣненіе того реализма, который ранѣе появился на Западѣ: Бальзакъ и Теккерей предшествовали нашимъ знаменитымъ писателямъ.

Какъ русская изящная литература, при всей своей оригинальности, есть одна изъ европейскихъ литературъ, такъ и сама Россія, при всѣхъ своихъ особенностяхъ, есть одна изъ европейскихъ націй. Противорѣчащій этому тезисъ Данилевскаго о нашей внѣ-европейской культурной самобытности никакимъ прямымъ доказательствомъ не подтверждается; отъ прямой защиты своего положенія уклоняется и самъ авторъ „Россіи и Европы“, ссылаясь на историческую молодость русскаго народа, на особенности его политическаго воспитанія (которое онъ, впрочемъ, самъ же признаетъ нормальнымъ) и т. п. Убѣдительная сила его воззрѣнія, по мнѣнію его самого и его единомышленниковъ, заключается главнымъ образомъ въ общей теоріи „культурно-историческихъ типовъ“, изъ которой выводится, какъ частное приложеніе, и его взглядъ на отношеніе Россіи къ Европѣ. Разберемъ же эту теорію безъ всякой иной предвзятой мысли, кромѣ одного только требованія, чтобы историческая теорія, враждебная высшимъ вселенскимъ идеаламъ, не вступала по крайней мѣрѣ въ противорѣчіе съ тою историческою дѣйствительностью, которую она должна объяснять.

Владиміръ Соловьевъ.

ТРИ НАРОДНОСТИ

ВЪ

ВОСТОЧНОЙ АЗІИ.

Китайцы—Монголы—Тангуты.

Въ послѣднее время въ русскомъ обществѣ былъ возбужденъ интересъ къ Китаю выходомъ въ русскомъ переводѣ французской книги, написанной французскимъ консуломъ Симономъ, и появленіемъ двухъ статей о Китаѣ, изъ которыхъ одна принадлежитъ перу нашего путешественника генерала Пржевальскаго, и напечатана въ „Русскомъ Вѣстникѣ", другая—собственно не статья, а рѣчь, сказанная г. Позднѣевымъ на послѣднемъ университетскомъ актѣ. Гг. Симонъ и Позднѣевъ описываютъ китайскій народъ въ симпатичномъ свѣтѣ; генералъ Пржевальскій свою статью посвятилъ другой темѣ; притомъ онъ достаточно уже высказался о своихъ антипатіяхъ къ китайцамъ въ прежнихъ своихъ произведеніяхъ. Въ нынѣшней статьѣ онъ разсматриваетъ вопросъ о степени крѣпости связей, соединяющихъ съ Китаемъ кочевыя и другія не-китайскія народности, которыя приходятся намъ сосѣдями, а также о способности Китая удержать ихъ на своей сторонѣ въ случаѣ военнаго столкновенія. Хотя три эти статьи трактуютъ не объ одномъ и томъ же, но тѣмъ не менѣе либо тою, либо другой стороной соприкасаются,—всѣ три онѣ одинаково живо заинтересовали русское общество и въ разговорѣ обыкновенно всегда вмѣстѣ припоминаются.

И меня стали тогда осаждать вопросами, читалъ ли я эти статьи, и что я могу сказать по поводу ихъ. Къ сожалѣнію, я лишенъ возможности сдѣлать свой отзывъ о китайской жизни, потому что не настолько знакомъ съ нею, чтобы имѣть право говорить о ней съ увѣренностью. Несмотря на неслыханную у насъ, европейцевъ, нивеллировку, которую исторія произвела въ китайскомъ обществѣ, оно все-таки представляетъ такой сложный организмъ, что даже человѣкъ, знакомый съ китайскимъ языкомъ, не рѣшится высказывать свое мнѣніе о цѣлой націи. Мы же знакомились съ китайскимъ населеніемъ урывками и безъ знанія ихъ языка. Но все-таки мы входили въ сношенія съ ними, а потому, я полагаю, не будетъ лишнимъ разсказать о нашихъ чисто внѣшнихъ впечатлѣніяхъ.

I.

Составить правильное понятіе о чуждомъ обществѣ могутъ помѣшать иногда нѣкоторыя обстоятельства, напримѣръ встрѣча на первыхъ же порахъ съ личностями съ неприглядной нравственной физіономіей и т. п. Такъ случилось и съ нами. Первые китайцы, съ которыми намъ довелось подольше жить, были наши слуги, которыхъ мы захватили изъ Пекина и Таньцзина. Это были китайцы Цуйсанъ, Ли и Тэнъ—люди, избалованные жизнью большихъ городовъ и испорченные службой у богатыхъ европейцевъ. Нѣсколько мѣсяцевъ сряду они безжалостно эксплуатировали насъ: провизію покупали и за постой въ гостинницахъ платили въ три-дорога; при наймѣ верблюдовъ подъ свозъ нашихъ вьюковъ они не столько заботились о нашемъ карманѣ, сколько о своемъ; только впослѣдствіи мы узнали, что возчики обошлись намъ потому такъ дорого, что наши слуги взяли съ нихъ значительную сумму за сдѣлку. Въ то же время нельзя сказать, чтобы они были ретивые слуги. Ли вскорѣ совсѣмъ отбился отъ рукъ. Однажды вечеромъ, по закатѣ солнца, мой спутникъ г. Скасси, которому онъ спеціально служилъ, кричитъ ему:—„М-г Ли! будьте добры, приготовьте мнѣ телескопическую трубу!“—А Ли отвѣчаетъ ему изъ своей палатки:—„Я уже лежу въ постели!“—Онъ и не могъ обращаться съ нами иначе, какъ свысока, потому что онъ зналъ нѣсколько дюжинъ іероглифовъ, а мы—ни одного, и сверхъ того мы, къ его ужасу, не имѣли никакого представленія—въ какой послѣдовательности царствовали китайскія династіи Хань, Тань, Сунъ и другія. Только черезъ три мѣсяца послѣ выхода изъ Пекина, когда мы достигли до колоніи бельгійскихъ миссіонеровъ въ

южныхъ предѣлахъ Ордоса и при помощи ихъ окружили себя честными слугами изъ монголовъ, мы узнали о существованіи въ Китаѣ дешевыхъ цѣнъ.

Второе обстоятельство, помѣшавшее намъ симпатизировать китайцамъ, заключалось въ томъ высокомѣрномъ отношеніи китайцевъ къ ихъ полуцивилизованнымъ сосѣдямъ, которое намъ приходилось наблюдать. Можетъ быть, и извинительно китайцу такую цѣну давать себѣ, какъ человѣку, принадлежащему къ націи, создавшей собственными усиліями большую культуру; но намъ, тѣмъ не менѣе, было досадно видѣть своихъ любимцевъ монголовъ и тангутовъ приниженными. Вашъ слуга китаецъ норовитъ выбрать себѣ задѣлье полегче, тяжелую работу норовитъ свалить на монгола или тангута, а жалованье ему подай побольше. Такому слугѣ, въ свою очередь, нуженъ слуга; монголъ долженъ осѣдлать ему лошадь, принести воды и пр. Еще болѣе непріятно было видѣть, какъ относились китайскіе солдаты и чиновники къ монголамъ и тангутамъ. Какой-то маленькій чинъ съ бѣлымъ шарикомъ, данный намъ въ провожатые по тангутской землѣ, при въѣздѣ въ тангутскую деревню, отдавъ первому попавшемуся обывателю приказаніе насчетъ очищенія квартиры для русскихъ „лоэ", т.-е. русскихъ баръ, считалъ необходимымъ огрѣть его раза два нагайкой. По его мнѣнію, это было нужно, чтобы поставить обывателя на высоту минуты. И тотъ же шариконосецъ въ другое время бросается снимать съ васъ сапоги. Мой слуга, товарищъ мой по собиранію коллекцій, тангутъ Самбарча, когда проѣзжалъ въ своемъ народномъ костюмѣ по китайскимъ деревнямъ или городскимъ улицамъ, всегда подвергался такимъ насмѣшкамъ, что долженъ былъ подъ конецъ переодѣться въ китайское платье.

Еще было одно обстоятельство, которое болѣе, чѣмъ другія, содѣйствовало нашему охлажденію къ китайцамъ—это безграничное любопытство китайской толпы. Для многихъ селеній и городовъ мы были большой новинкой; понятно, что обыватели сбѣгались отовсюду посмотрѣть на рѣдкихъ гостей. Если въ городѣ заблаговременно узнавали, что будутъ въѣзжать иностранцы, по улицамъ становилось трудно проѣзжать отъ запрудившей ихъ толпы; на заборахъ, воротахъ, на крышахъ кумиренъ сидѣли зрители; дамы выѣзжали поглазѣть въ телѣгахъ или повозкахъ. Вслѣдъ за нами толпа вливалась во дворъ нанятой для насъ гостинницы, обступала наши комнаты, лѣзла внутрь и обыкновенно не отходила вплоть до заката солнца. Нужно имѣть понятіе объ устройствѣ китайскихъ гостинницъ и домовъ вообще, чтобы пред-

ставить себѣ, какой пыткѣ подвергается путешественникъ этимъ китайскимъ ротозѣйствомъ. Дома въ сѣверномъ Китаѣ строятся, по большей части, одноэтажные, особенно въ деревняхъ; комнаты располагаются только въ одинъ рядъ; если вы займете нѣсколько комнатъ, всѣ онѣ будутъ рядомъ, всѣ будутъ выходить окнами въ одну сторону, въ тотъ дворъ, который наполненъ толпой; толпа обступаетъ ваше окно, которое довольно низко, и смотритъ на васъ въ прорѣхи въ бумагѣ, которою оклеена рама. Рѣдко вы найдете, чтобы въ окнахъ гостинницы бумага была цѣла; всегда она въ дырахъ, какъ рѣшето; но если и случится, что окна были оклеены новой бумагой, дворовая публика не задумается тотчасъ же содрать ее. Итакъ, сколько бы вы дней ни жили въ гостинницѣ, вы съ утра до вечера играете роль предмета на выставкѣ; на людяхъ вы должны дѣлать все, приводить въ порядокъ ваши коллекціи, приводить въ порядокъ вашъ туалетъ, переодѣваться, закусывать и пить чай; все это вы дѣлаете, чувствуя, что на васъ устремлены сотни глазъ; особенно невыносимымъ это становится для вашей спутницы дамы. Нѣкоторые смѣльчаки не довольствуются разсматриваніемъ васъ въ окно, а приподнимаютъ занавѣску у дверей и всовываютъ голову въ комнату; другіе, еще болѣе смѣлые, входятъ въ комнату, становятся посреди нея и начинаютъ разсматривать васъ, разинувъ ротъ или широко улыбаясь. Когда вы къ такому любознательному человѣку обратитесь съ вопросомъ: зачѣмъ онъ пожаловалъ въ комнату, которую не онъ нанялъ?—онъ вамъ отвѣтитъ вопросомъ же: „Развѣ это не гостинница?“—Только тѣ апартаменты, гдѣ живутъ женщины, считаются у китайцевъ недоступными для посторонникъ; гостинницы же и лавки—мѣста открытыя для всѣхъ. Намъ приходилось вести ежедневную войну съ толпой, и это отравляло нашу жизнь въ китайскихъ городахъ и большихъ селеніяхъ.

Эти непріятности мы испытывали только въ большихъ селеніяхъ; въ маленькихъ же деревняхъ мы чувствовали себя совершенно иначе; въ городахъ и большихъ промышленныхъ селеніяхъ много праздныхъ людей, у которыхъ всегда найдется время сбѣгать на интересное зрѣлище. Не въ такихъ условіяхъ земледѣлецъ; ему каждый часъ дорогъ. Часто случалось проѣзжать мимо пашенъ, на которыхъ работаютъ мужчины и женщины; они намѣтили докончить къ сроку извѣстную работу; заслышавъ бубенчики нашихъ муловъ, они взглянутъ на насъ и опять принимаются за свою работу.

Китайское крестьянство производитъ пріятное впечатлѣніе трудящейся и миролюбивой массы. Трудиться сынъ китайскаго

крестьянина начинаетъ съ раннихъ лѣтъ; лѣтъ съ семи его уже высылаютъ родители на дороги для сбора удобренія; вы видите этого будущаго землепашца съ корзиной въ одной рукѣ и съ вилкой въ другой, которою онъ поднимаетъ съ земли свой товаръ. Этотъ выходъ на дороги за удобреніемъ—чуть ли не единственное развлеченіе китайскихъ дѣтей; онъ замѣняетъ имъ тѣ набѣги въ поля и въ лѣса, иногда верстъ за 10 отъ деревни, искать яйца, вырѣзывать свирѣли и пр., что дѣлаютъ наши деревенскія дѣти.

Случаевъ враждебнаго отношенія къ намъ со стороны китайской массы не было ни одного. Напротивъ, часто китайскіе крестьяне были къ намъ предупредительны. Спутникъ мой А. И. Скасси открыто производилъ топографическую съёмку и никогда не встрѣчалъ затрудненій. Часто къ его мензулѣ собирались проходившіе мимо по дорогѣ крестьяне и охотно отвѣчали на его разспросы и передавали названія горъ, деревень и т. п. За всѣ три года съ нами не было ни одного недоразумѣнія съ крестьянами; едва ли бы иностранцу и даже русскому удалось такъ благополучно пропутешествовать по Россіи три года. Впрочемъ нужно сказать, что при нашемъ караванѣ всегда было два, три полицейскихъ солдата, которыхъ въ каждомъ городѣ навязывали намъ, несмотря на нашъ отказъ. Во всякомъ случаѣ, однако, китайскій крестьянинъ далеко культурнѣе нашего; онъ вѣжливѣе; молодой человѣкъ, проѣзжая по деревенской улицѣ, на которой стоятъ люди почтенныхъ лѣтъ, спѣшивается, и хотя тѣ добродушно кричатъ ему: „поѣзжай безъ церемоній!"—идетъ по деревнѣ пѣшкомъ. Воспитанное въ такой дисциплинѣ, китайское крестьянство умѣетъ держать себя прилично во всѣхъ случаяхъ; даже когда оно образуетъ толпу, вы чувствуете, что она состоитъ изъ выдрессированныхъ людей. Меня постоянно удивляла покладистость китайскихъ простолюдиновъ; при разсчетѣ за службу, у насъ никогда не возникало споровъ; сколько бы шуму было съ русскими возчиками изъ-за того, что баринъ сворачиваетъ въ сторону отъ маршрута, обозначеннаго въ договорѣ; съ китайскими же возчиками всегда у насъ споры кончались полюбовно,—никогда они не возбуждали вопроса о лишней совершонной ими работѣ и приплатѣ за нее. Вообще въ китайской массѣ много той духовной культуры, которая создается не литературной проповѣдью, а простымъ продолжительнымъ совмѣстнымъ сожительствомъ людей, и которая выработываетъ практику скораго полюбовнаго улаживанія разныхъ непредвидѣнныхъ столкновеній жизненныхъ интересовъ.

Сказать, русскій ли крестьянинъ живетъ лучше, или китайскій, по крайней мѣрѣ въ тѣхъ провинціяхъ, которыя мы видѣли,—трудно, потому что трудно ихъ сравнивать. Если вещей въ домѣ китайскаго крестьянина больше, то во всякомъ случаѣ достатокъ добывается имъ съ меньшими усиліями; онъ живетъ въ тепломъ климатѣ, потому не нуждается въ такой теплой одеждѣ и въ отопленіи жилища, какъ нашъ; затѣмъ въ тепломъ климатѣ большій выборъ культурныхъ растеній; въ случаѣ неудачи въ одной культурѣ, крестьянинъ можетъ перейти къ другой. Наконецъ, продолжительная культура выработала давно методъ обработки земли; давно исполнены капитальныя работы, напр. по проведенію оросительныхъ каналовъ и т. п.

Непріятное впечатлѣніе производитъ въ домахъ китайскихъ крестьянъ грязь и пыль, покрывающія внутренность жилья, и вообще отпечатокъ ветхости на всѣхъ вещахъ. Китаецъ строитъ домъ и шьетъ платье—и затѣмъ не заботится о ремонтѣ: домъ не поправляется, полинялыя части не подкрашиваются, бѣлье не моется, металлическая посуда не чистится. Внутренность жилья китайскаго крестьянина поэтому походитъ на лавку старьевщика, заваленную всякаго рода хламомъ, бракомъ и ломью. Все это покрыто пылью, копотью и паутиной.

Наслажденіями жизнь китайскаго крестьянина не богата. Кромѣ удовольствій, которыя можетъ доставить семейная жизнь, китаецъ только имѣетъ трубку опіума и театральный балаганъ. Общественныхъ собраній, сельскихъ гуляній китайская жизнь не знаетъ. Зато трактирная жизнь развита; въ бѣднѣйшей деревнѣ есть харчевни, за столами которыхъ собираются крестьяне съѣсть чашку лапши, выпить чаю и поболтать о дѣлахъ. Въ общемъ жизнь китайскаго общества отъ нижнихъ слоевъ до верхнихъ есть какія-то демократическія будни.

Теперь я хочу сказать нѣсколько словъ о томъ, какъ къ намъ относилось китайское начальство. Мы не замѣтили въ немъ не только никакой подозрительности, не только не испытали какихъ-нибудь препятствій; напротивъ, оно оказывало намъ всякое содѣйствіе, насколько это было возможно ему. При первомъ же вступленіи на китайскую почву, въ Тяньцзинѣ, извѣстный и теперь всесильный въ Китаѣ государственный человѣкъ Ли-хунъ-чжанъ, генералъ-губернаторъ чжилійской провинціи, обѣщалъ написать письма о насъ генералъ-губернаторамъ провинцій Шаньси и Ганьсу, и черезъ нашего консула г. Вебера позволилъ г. Скасси снять фотографическія копіи съ картъ атласа Крейтнера. Пекинское начальство разослало во всѣ города шаньсійской и

ганьсуйской провинцій бумаги о насъ, такъ что во всѣхъ самыхъ маленькихъ городахъ насъ встрѣчали какъ гостей, которыхъ ждали уже два мѣсяца назадъ. Въ большихъ городахъ большіе генералы оказывали намъ всякое покровительство, въ маленькихъ же встрѣчали даже съ помпой и съ пушечными выстрѣлами съ городскихъ стѣнъ, какъ, напр., въ городахъ Боунань и Ли-юань. Въ подобныхъ захолустныхъ городахъ мандаринамъ, должно быть, скука смертная, и они были рады-радехоньки заѣзжимъ путешественникамъ, доставившимъ имъ случай развлечься трескомъ китайскихъ потѣшныхъ огней. Особенно были комичны проводы экспедиціи въ городѣ Ли-юань. Самъ мандаринъ выѣхалъ верхомъ проводить насъ; шествіе открывали пѣшіе солдаты въ оффиціальныхъ костюмахъ, съ сѣкирами въ рукахъ; впереди мандарина несли красный балдахинъ. У городскихъ воротъ были выстроены войска, т.-е. человѣкъ двадцать, одѣтыхъ въ униформу; по мѣстнымъ разсказамъ, въ Ли-юанѣ полагается содержать отрядъ въ 300 человѣкъ, но мандарины по изстари заведенному порядку держатъ только 20 или 30 солдатъ, а сборъ на остальныхъ кладутъ себѣ въ карманъ. При нашемъ приближеніи къ этому войску, раздался трескъ: разорвали три ракеты, и войско сдѣлало намъ „кутоу“, т.-е. земной поклонъ.

Большіе генералы такихъ овацій намъ не дѣлали, но всѣ наши просьбы исполняли съ предупредительностью. Въ особенности очень былъ любезенъ съ нами синиńскій чинъ-цсай или, какъ его зовутъ, также амбань. Чинъ-цсай—собственно правитель инородцевъ, обитающихъ въ тибетской провинціи Амдо; чинъцсай значитъ посолъ; это посолъ отъ императора къ народамъ Амдо. Чинъ-цсай далъ намъ охранный листъ и кромѣ того во всѣ подчиненные города разослалъ предписанія оказывать намъ содѣйствіе. Для насъ спеціально ладили дороги и исправляли мосты; въ долинѣ рѣки Пуцзянь запущенные мосты задержали дальнѣйшее движеніе экспедиціи; былъ высланъ особый отрядъ подъ начальствомъ какого-то чина, и два моста были исправлены, а третій былъ совсѣмъ заново сдѣланъ, такъ какъ онъ былъ совсѣмъ разрушенъ водой, и были цѣлы только устои. Въ опасныхъ мѣстахъ намъ давали конвой; такъ, въ промежуткѣ между городами Гуйдуй и Боунань насъ провожалъ отрядъ изъ 20 китайскихъ и 20 тангутскихъ солдатъ. Письма изъ Россіи мы получали раза три въ годъ; они приходили обыкновенно въ Синиń, на имя чинъ-цсая, и чинъ-цсай присылалъ ихъ намъ съ чиновникомъ; если мы находились въ глухихъ частяхъ Тибета, а безъ

насъ приходила въ Сининъ почта, чинъ-цсай начиналъ разыскивать насъ; онъ слалъ одного курьера за другимъ въ пограничный городъ узнать, нѣтъ ли о насъ какихъ слуховъ. Если мы, получивъ пекинскую почту, медлили своимъ отвѣтомъ на нее, чинъ-цсай присылалъ чиновника справиться, почему мы не доставляемъ свою почту, не обидѣлись ли мы на него. Письма чинъ-цсая намъ были очень полезны въ пути; благодаря имъ, мы имѣли хорошій пріемъ не только въ китайскихъ городахъ, но и въ буддійскихъ монастыряхъ. Когда мы прибыли въ богатый монастырь Лабранъ, монахи отвели подъ экспедицію два большихъ дома, и объявили намъ, что, если мы хотимъ, монастырь возьметъ на свое содержаніе весь нашъ скотъ и нашихъ людей на все время нашего пребыванія въ монастырѣ, а „гэгэнь Джаянь джаппасэнь" —главное духовное лицо въ монастырѣ—предложилъ намъ дать письмо къ монгольской княгинѣ, вдовѣ Срювана, кочевья которой находятся къ югу отъ Лабрана, и кромѣ того, на случай, еслибъ мы это предложеніе приняли, обѣщалъ дать намъ военный конвой (гэгэнь въ то же время и свѣтскій правитель, и имѣетъ войско). Къ сожалѣнію, мы должны были отказаться отъ этого предложенія; предложеніе же было заманчиво—мы могли бы этимъ путемъ легко пройти къ вершинамъ Желтой рѣки и въ провинцію Камъ, получая рекомендательныя письма отъ одного князя къ другому. Такія же благопріятныя послѣдствія для экспедиціи имѣло и другое письмо чинъ-цсая къ монахамъ монастыря Гумбумъ.

Только раза два китайское начальство пробовало-было поставить намъ препятствія идти по маршруту, который мы сами себѣ намѣтили. Такъ, сининскій чинъ-цсай отговаривалъ насъ идти въ Минъ-чжу горной дорогой черезъ Гуй-дуй и Лабранъ, и потомъ мандаринъ города Сигу отсовѣтовалъ идти проселочной дорогой въ Супъ-панъ, но и на этотъ разъ все объясняется другими причинами, а не какимъ-нибудь желаніемъ что-то скрыть отъ иностранныхъ путешественниковъ. Дѣло въ томъ, что пекинская бумага имѣетъ такое рѣшительное значеніе въ китайской провинціи, какое у насъ—министерская бумага; написано изъ Пекина мандарину, что онъ отвѣчаетъ за жизнь и имущество путешественника,—конечно, онъ и будетъ бояться отпустить его въ глухія мѣста, гдѣ его власть слаба или и совсѣмъ не чувствуется. А бывали случаи, что мандаринъ платился мѣстомъ за несчастіе, которое стряслось съ какимъ-нибудь европейцемъ, напр. французскимъ миссіонеромъ. Мандаринъ города Сигу долго настаивалъ на своемъ, но сейчасъ же уступилъ, какъ только мы согласились дать ему письмо, въ которомъ было сказано, что мы не будемъ

предъявлять къ нему никакихъ претензій, если на насъ на той дорогѣ, которую мы избрали, нападутъ разбойники и ограбятъ насъ.

Разскажу забавный анекдотъ о томъ, какъ синиńское начальство мучилось съ пакетомъ, полученнымъ на имя Н. М. Пржевальскаго. Генералъ Пржевальскій въ это время находился въ центральномъ Тибетѣ, въ 1.000 верстахъ отъ Синина; посылать туда одного человѣка, значило бы судьбу его подвергнуть случайностямъ, а посылать цѣлый отрядъ съ однимъ пакетомъ—слишкомъ дорого; что было дѣлать съ пакетомъ? Порѣшили послать его ко мнѣ, а я въ то время зимовалъ въ 200 верстахъ отъ Синина. Конечно, я возвратилъ пакетъ въ Сининъ. Когда мы сами пріѣхали въ Сининъ, къ намъ снова принесли пакетъ и спрашиваютъ, что мы посовѣтуемъ съ нимъ сдѣлать. Такъ какъ мы уже знали, что въ это время генералъ Пржевальскій двинулся въ Россію, мы посовѣтовали отправить пакетъ въ Пекинъ въ русское посольство. Послѣ того мы сходили въ Сычуанъ, перезимовали въ Гумбумѣ и весной явились въ Сининъ, проститься съ чинъ-цсаемъ; злополучный пакетъ все еще не уѣхалъ изъ Синина; его принесли къ намъ чуть ли не въ четвертый разъ и просили увезти его въ Россію. Пакетъ пролежалъ въ Сининѣ болѣе года, и, вѣроятно, потому, что канцелярія синиńскаго амбая боялась возвратить его въ Пекинъ; оттуда могъ придти запросъ, почему конвертъ не былъ переданъ русскому генералу, когда онъ былъ въ предѣлахъ края.

Этой боязнью, какъ бы не отвѣтить за путешественника, по всей вѣроятности и слѣдуетъ объяснить всѣ тѣ прижимки, которыя дѣлаютъ мандарины, чтобы направить путешественника по большой, густонаселенной дорогѣ, и то навязываніе конвоя, отъ котораго намъ не было никакой возможности отдѣлаться. Можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ этотъ конвой спасъ насъ не отъ одного лишняго недоразумѣнія; въ какой мѣрѣ мы обязаны благодарностью мандаринамъ за него, мы судить не можемъ, потому что безъ конвоя почти не путешествовали.

Одно только обстоятельство возбуждало въ насъ досаду на мандариновъ — это то, что они не могли защитить наши квартиры отъ нашествія толпы. Но и въ этомъ дѣлѣ можно для нихъ найти оправданіе. Китайскіе мандарины боятся до смерти толпы и ея толковъ; по крайней мѣрѣ, я такое вынесъ впечатлѣніе изъ жизни въ китайской средѣ. Синиńскій чинъ-цсай принялъ насъ очень торжественно, въ присутствіи всѣхъ другихъ генераловъ и важныхъ чиновниковъ въ городѣ, но этотъ созывъ

генераловъ вовсе не означалъ особаго почета, который онъ хотѣлъ сдѣлать иностранцамъ; онъ просто не смѣлъ сдѣлать аудіенціи въ своей частной квартирѣ, чтобъ не возбудить глупыхъ толковъ въ сининскомъ обществѣ; онъ принималъ насъ не только въ присутствіи другихъ чиновниковъ, но даже въ присутствіи простонародной толпы, такъ какъ дѣло происходило въ верандѣ одной кумирни, и простолюдины, разносчики, извозчики толпились у перилъ, за которыми сидѣли мандарины. Къ увеличенію курьеза, г. Скасси предложилъ чинъ-цсаю снять съ него фотографію; была привезена изъ гостинницы камера, и посолъ китайскаго императора къ народамъ Амдо долженъ былъ позировать публично передъ этой толпой и добродушно бездѣйствовать, когда какой-нибудь оборванецъ, протискавшись впередъ, вставлялъ свою голову между мандариномъ и камерой, чтобы заглянуть въ объективъ.

Яснѣе мнѣ довелось убѣдиться въ этой политикѣ мандариновъ, когда я зимовалъ въ селеніи Ничжѣ. Однажды мѣстный чиновникъ обратился къ моему слугѣ съ вопросомъ: „Не дастъ ли твой баринъ что-нибудь на нашу деревенскую школу?“ Узнавъ объ этомъ желаніи мандарина, я послалъ съ своимъ слугою два съ половиною лана серебра. Слуга принесъ серебро назадъ и передалъ такія слова мандарина: „Такъ не дѣлается въ благоустроенномъ государствѣ. Народъ можетъ подумать, что русскій путешественникъ далъ больше, мандаринъ же скрылъ часть. А нужно сдѣлать это публично!“ Онъ обѣщалъ на завтра придти ко мнѣ самъ и дѣйствительно пришелъ въ сопровожденіи другихъ чиновъ тоже съ шариками на шапкахъ. Главный чиновникъ предварительно сказалъ рѣчь о томъ, что грамотность полезна, съ распространеніемъ грамотности уменьшится число воровъ въ государствѣ, потомъ публично принялъ мое серебро и вписалъ въ красную книгу.

Страхъ ли это передъ толпой, или достойная подражанія снисходительность къ толпѣ, выработанная вѣковой практикой управленія,—не знаю, только китайскіе мандарины не любятъ стѣснять и ограничивать толпу; тѣмъ меньше можно было ожидать, чтобъ они рѣшились терять свою популярность ради временнаго посѣтителя-иностранца. Наши просьбы оградить насъ отъ любопытныхъ, передаваемыя, впрочемъ, черезъ нашихъ слугъ, по большей части оставались безъ отвѣта; а мандаринъ, къ которому мы обратились лично, улыбаясь, отвѣтилъ намъ: „Вѣдь они ничего дурного не имѣютъ въ мысляхъ. Они хотятъ только посмотрѣть на васъ, какъ на невиданныхъ иностранцевъ“.

II.

Перейду теперь къ монголамъ.

Монголы представляютъ меньше интереса для Европы, чѣмъ китайцы. Племя это значительно меньше китайскаго, занимаетъ бѣдную территорію и притомъ со всѣхъ сторонъ отгорожено отъ прямыхъ сношеній съ западно-европейцами. Отъ Индіи они отдѣлены Тибетомъ, отъ Восточнаго океана—застѣннымъ Китаемъ и Манджуріей, и только однимъ бокомъ Монголія примыкаетъ къ области европейскаго вліянія—къ Россіи. Но если для Европы Монголія не имѣетъ значенія, то для насъ, русскихъ, она интересна во многихъ отношеніяхъ. Во-первыхъ, потому что прилегаетъ къ нашему отечеству на протяженіи нѣсколькихъ тысячъ верстъ; во-вторыхъ, въ нашемъ государствѣ есть подданные, которые сородичи монголовъ, это—астраханскіе калмыки и прибайкальскіе буряты; въ-третьихъ, чрезъ Монголію идутъ наши караванные пути въ богатѣйшія естественными произведеніями провинціи застѣннаго Китая; наконецъ, Монголія интересуетъ насъ по связямъ нашей древней исторіи съ исторіей монголовъ; есть такой періодъ русской исторіи, который не можетъ быть изучаемъ безъ помощи монгольскихъ источниковъ и безъ изученія бытовыхъ чертъ монгольскаго народа. Да и помимо эпохи нашествія монголовъ, тюркскій міръ—а чрезъ его посредство и славянскій—испытывали на себѣ духовное вліяніе отдаленной Монголіи. Поэтому изученіе Монголіи составило одну изъ задачъ русской науки; и не удивительно, что капитальнѣйшіе научные труды о Монголіи и монголахъ совершены русскими учеными или иностранцами на русскія деньги.

Въ послѣднее время съ учащеніемъ нашихъ сношеній съ дальнимъ Востокомъ и съ развитіемъ интереса къ нему со стороны Европы, и наше вниманіе сильнѣе стало приковываться къ нашимъ восточнымъ сосѣдямъ. Стали выходить чаще книги о монгольскомъ народѣ, пробудился интересъ къ буддизму и проскользнуло желаніе заглянуть въ будущее монгольскаго народа. Хотя несмѣло, но брошена мысль о возрожденіи его; начинаетъ интересовать вопросъ: возможно ли это возрожденіе; мыслима ли для монгольскаго народа хоть какое-нибудь пріобщеніе къ европейскому духовному движенію; сдѣлаетъ ли онъ это, предварительно окитаившись, или сохранивъ свою народность, или онъ навѣки осужденъ остаться кочевой ордой? Ожидать ли, что условія монгольской жизни измѣнятся и нѣсколько подойдутъ къ на-

шимъ, осѣдлые оазисы умножатся, земледѣліе расширится и пр., или монгольскій народъ исчерпалъ все, что можно было сдѣлать по культурѣ при физико-географическихъ данныхъ страны? Можно ли соединить кочевой бытъ съ потребностями духовной жизни на европейскій ладъ, нельзя ли создать смѣшанный бытъ? Наконецъ, если монгольскій народъ не можетъ избѣжать, чтобъ его не затронуло обще-міровое движеніе человѣческой жизни, то откуда прежде всего придетъ къ нему это воздѣйствіе — отъ насъ ли, или отъ китайцевъ, обновившихся сношеніями съ западнымъ міромъ, изъ Иркутска или изъ Тяньцзина? Сейчасъ же затѣмъ напрашивается вопросъ: популярны ли мы въ Монголіи и что мы сдѣлали для нашей популярности?

Русское имя извѣстно во всей Монголіи и въ Тибетѣ; по крайней мѣрѣ въ сѣверномъ Тибетѣ его хорошо знаютъ. Мы видѣли въ монастырѣ Гумбумѣ тангутскихъ ламъ, которые по нѣскольку лѣтъ живали въ нашемъ Забайкальѣ среди бурятъ. Въ Гумбумѣ есть даже домъ, построенный на русскій манеръ съ окнами и стеклянными рамами; онъ выстроенъ ламой, который прожилъ болѣе 10 лѣтъ въ Забайкальѣ. Въ китайскихъ областяхъ члены нашей экспедиціи сходили за си-яновъ, т.-е. западныхъ заморцевъ; иначе говоря, китайцы смѣшивали насъ съ французами, англичанами и пр.; въ Тибетѣ же и Монголіи, наоборотъ, французовъ и англичанъ называли русскими. Въ Ордосѣ бельгійскіе миссіонеры говорили намъ, что мѣстные монголы зовутъ ихъ: *орусъ*.

За какихъ людей они насъ считаютъ, за худыхъ или хорошихъ,—трудно сказать. Тѣ лица, которыя живали въ Забайкальѣ, и которыхъ разсказы собственно и знакомятъ монгольскую степь съ русскою жизнью, знаютъ, конечно, и лицевую, и оборотную сторону русской монеты, и вѣроятно, ушедши на родину, чаще уносятъ память о послѣдней, чѣмъ о первой. Я слышалъ въ Монголіи, что буряты, приходящіе въ тибетскіе и южно-монгольскіе монастыри, скрываютъ, что они буряты, и выдаютъ себя за халхасцевъ.

Съ другой стороны, недовольство монголовъ китайской властью едва ли велико; китайское начальство вовсе не вмѣшивается въ народную жизнь: оно предоставляетъ управленіе монголами ихъ собственнымъ князьямъ, не трогаетъ народныхъ обычаевъ и къ религіи народа относится съ самой широкой терпимостью. Ламамъ, т.-е. буддійскимъ монахамъ, оказывается почетъ; высшіе духовные сановники получаютъ печати такихъ степеней, что по общественному положенію иногда такой лама оказывается выше

китайскаго правителя той области, въ которой лама живетъ, и китайскій вельможа при встрѣчѣ съ монахомъ долженъ спѣшиваться и творить поклонъ. Ни въ числѣ монаховъ, ни въ числѣ храмовъ и монастырей, не дѣлается никакого ограниченія; напротивъ, нѣкоторые храмы и монастыри получаютъ даже субсидіи отъ императора, другіе же и выстроены на его счетъ и по иниціативѣ китайскаго правительства. Такое же покровительство китайскіе императоры оказываютъ и національному достоянію монголовъ въ видѣ лѣтописей или былиннаго творчества. Лѣтописи монгольскія и большая народная эпическая поэма „Гэсэръ-ханъ" изданы на монгольскомъ языкѣ на счетъ китайской государственной казны.

Конечно, есть и дурная сторона у этой системы. Правительство, отказавшись отъ налоговъ съ народа, предоставило ихъ всецѣло въ пользу князей; князья всѣ сборы тратятъ на себя, не устроивая для народа ни школъ, ни больницъ; правда, они не жалѣютъ денегъ на монастыри, при которыхъ есть и школы; но въ этихъ школахъ преподается только тибетскій языкъ и то, что нужно знать монаху; для свѣтскаго же образованія нѣтъ ни одного заведенія въ Монголіи. Кромѣ того, въ южной Монголіи князья, въ погонѣ за богатствомъ, отдаютъ народныя земли въ аренду китайскимъ земледѣльцамъ, такъ что хошунъ, или княжество, постепенно превращается въ округъ, населенный китайцами, вытѣснившими монголовъ съ лучшихъ земель. Въ южной Монголіи дѣйствительно слышатся жалобы, что князья продали свой народъ. Въ сѣверной Монголіи эта измѣна князей своему народу имѣетъ другой видъ; тамъ хлѣбопахатныхъ земель мало, и потому жалобъ на стѣсненіе въ землѣ китайцами нѣтъ; но зато сѣверные монгольскіе князья вошли въ стачку съ китайцами-торговцами, монополизировали торговлю за извѣстными компаніями, которыя дѣлятся съ ними своими барышами. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что монгольскіе князья живутъ всѣ по своимъ хуторамъ, т.-е. въ своихъ княжествахъ, а не живутъ въ столицахъ; они не оставляютъ привычекъ простой степной жизни и живутъ скромно.

Недовольство въ народѣ есть, и, можетъ быть, имъ поддерживаются мессіанскія легенды и мессіанскія надежды, но гдѣ и въ какомъ народѣ не найдешь его? Подданническія чувства монголовъ къ китайскому императору нисколько не колеблются этимъ недовольствомъ; Эджень-ханъ, т.-е. китайскій императоръ, остается выше всѣхъ этихъ нареканій. Монгольскій народъ говоритъ, что самъ Эджень-ханъ желалъ бы дѣлать только добро и благодѣянія

для народа, но онъ самъ народа не видитъ, а мандарины его обманываютъ. Уваженіе къ народнымъ вѣрованіямъ, которое выказываетъ китайское правительство, денежная помощь монастырямъ и постройка ламайскихъ храмовъ, вѣроятно, не мало содѣйствуютъ воспитанію въ монгольскомъ народѣ того преданнаго чувства, которое онъ питаетъ къ Эджень-хану.

Мессіанскія легенды, о которыхъ я сказалъ выше, можно слышать по всей Монголіи. Въ западной Монголіи у калмыковъ ожидается пришествіе Амурсаны; въ сѣверной части Халхи ждутъ Шидырвана, а въ южной Монголіи—Чингисъ-хана.

Ордосскіе монголы вѣрятъ, что Чингисъ-ханъ вновь явится и уведетъ ихъ изъ Ордоса опять на старую ихъ родину. Эту свою старую родину, откуда былъ родомъ также и самъ Чингисъ-ханъ, они указываютъ на сѣверо-западъ и называютъ ее Алтай-Хангай Алтынъ-тебши. Разсказываютъ, что въ Чингисъ-хановой усыпальницѣ, которая теперь находится въ Ордосѣ и состоитъ подъ охраненіемъ особаго сословія дархатовъ, хранится сѣдло Чингисъ-хана, убранное серебромъ; оно всегда лежитъ обращенное передней лукой на сѣверо-западъ; предполагается, что когда Чингисъ-ханъ явится, онъ сядетъ на это сѣдло и поѣдетъ на сѣверо-западъ. Говорятъ, что въ Ордосѣ вообще соблюдается обычай класть всякое сѣдло, гдѣ бы то ни было, передней лукой на сѣверо-западъ, въ той мысли, что рано или поздно ордосскій народъ отправится въ этомъ направленіи. Обычай выставлять флаги надъ домами или передъ домами также объясняется ожиданіемъ пришествія Чингисъ-хана. Оставляя землю, Чингисъ-ханъ сказалъ монголамъ: „Выставляйте у домовъ пятицвѣтные флаги, чтобы по нимъ я могъ отличить монгольскіе дома и во время избіенія своихъ враговъ пощадить ихъ“.

Въ усыпальницѣ Чингисъ-хана, кромѣ сѣдла, хранятся серебряное корыто, чашка и трубка знаменитаго завоевателя, съ тою цѣлью, чтобы посредствомъ ихъ могъ быть узнанъ ребенокъ, въ видѣ котораго возродится Чингисъ-ханъ. Когда ребенокъ достигнетъ трехлѣтняго возраста, онъ будетъ говорить: „Въ странѣ, гдѣ я прежде жилъ, есть такая-то лошадь, на которой я ѣздилъ, есть такое-то сѣдло, такая-то узда, которыя надѣвали на мою лошадь; такое-то серебряное корыто, изъ котораго я ѣлъ, такая-то чашка, изъ которой я пилъ, такой-то платокъ, которымъ я повязывался“. По этимъ словамъ узнаютъ его хранители усыпальницы, дархаты, и приведутъ въ Ордосъ. Иные говорятъ, что Чингисъ-ханъ уже возродился, что ему теперь три года, и что дархаты ѣздятъ повсюду и ищутъ его. Они возятъ съ собой 10

одинаковыхъ чашекъ и 10 одинаковыхъ ложекъ, въ числѣ которыхъ одна чашка и одна ложка—тѣ самыя, которыя Чингисъ-ханъ употреблялъ при жизни, остальныя—поддѣльныя. Дархаты показываютъ эти чашки и ложки всѣмъ трехлѣтнихъ мальчикамъ; тотъ мальчикъ, въ которомъ возродился Чингисъ-ханъ, схватится не за поддѣльныя, а за настоящія чашку и ложку. Этимъ способомъ дархаты надѣются найти Чингисъ-хана, но пока всѣ ихъ поиски остаются безъ успѣха: любящая мать возродившагося Чингисъ-хана не желаетъ разстаться съ ребенкомъ, и, заслышавъ о приближающихся дархатахъ, тщательно прячетъ его отъ нихъ.

Шидырванъ былъ князь въ сѣверной Халхѣ; онъ жилъ въ началѣ прошлаго столѣтія. Онъ участвовалъ въ смутахъ тогдашняго времени и былъ казненъ; къ этой дѣйствительной исторіи примкнула потомъ народная легенда. Послѣдняя разсказываетъ, что Шидырванъ составилъ заговоръ между монгольскими князьями съ цѣлью отложиться отъ Китая. Заговорщики убили чернаго козла, ѣли его мясо и пили его кровь. Въ то уже время одинъ товарищъ Шидырвана, нѣкто кривой Дондукъ, предупреждалъ Шидырвана, что одинъ изъ князей, именно Уйджанджинъ, не заслуживаетъ довѣрія, что онъ хочетъ измѣнить. Однако Шидырванъ сказалъ: „Дондукъ смотритъ только однимъ глазомъ и хорошо не видитъ“,—и не повѣрилъ ему. Но Уйджанджинъ дѣйствительно донесъ на князей въ Пекинъ, Шидырванъ былъ схваченъ и казненъ. Халхасцы вѣрятъ, что Шидырванъ возродится и освободитъ свой народъ отъ чужеземцевъ. Преданіе говоритъ, что, удаляясь отъ своего народа, онъ отрубилъ своему коню хвостъ и сказалъ: „когда хвостъ отростетъ, тогда я вновь приду къ своему народу“. По другому варіанту онъ отстрѣлилъ вершину дерева; когда отростетъ вершина, явится Шидырванъ. Чтобы отличить тогда своихъ друзей отъ враговъ, онъ завѣщалъ монголамъ имѣть синія двери у домовъ; вотъ почему халхасцы обшиваютъ двери своихъ домовъ синею бязью. Халхасцы думаютъ, что уже приблизилось время пришествія Шидырвана, что гдѣ-то уже народился уродливый ребенокъ съ 9 отверстіями на головѣ; изъ него, какъ предполагаютъ, должно вырости то чудовище, съ убіенія котораго начнутся освободительные подвиги Шидырвана.

Третье мессіанское лицо монгольскаго народа—Амурсана. Это былъ калмыцкій князь, возведенный потомъ въ ханы джунгарскаго народа при помощи китайскихъ войскъ. Когда китайскій главнокомандующій началъ править народомъ отъ своего имени, Амурсана увидѣлъ, что онъ остался только номинальнымъ ханомъ, и возмутился противъ китайцевъ, но былъ разбитъ и бѣ-

жалъ въ Россію. Онъ выбѣжалъ всего съ двумя спутниками въ нынѣшнюю Бѣлокаменную станицу на Иртышѣ; его перевезли въ лодкѣ на русскую сторону, сейчасъ же окружили конвоемъ, самое прибытіе его въ русскіе предѣлы окружили тайной и отправили хана въ Тобольскъ. Вслѣдъ за бѣглецомъ на Иртышъ вышелъ китайскій отрядъ; мандаринъ потребовалъ выдачи бывшаго китайскаго подданнаго, но русское начальство отперлось въ пріемѣ джунгарскаго хана: знать не знаю и вѣдать не вѣдаю. Однако скрыть истину русскимъ не удалось; хотя хана, котораго въ бумагахъ называли „самосекретнѣйшимъ азіанином“, везли подъ строжайшимъ конвоемъ, и высшее сибирское начальство не разрѣшило видѣться съ нимъ даже его женѣ и дѣтямъ во время дороги, но мелкіе русскіе чины, повидимому, за деньги устроивали хану свиданія съ калмыками, которыми была полна тогда вся пограничная линія. Ханъ, потрясенный событіями, заболѣлъ оспой и, по прибытіи въ Тобольскъ, умеръ. Сколько русское начальство ни отпиралось, подъ конецъ созналось въ утаеніи хана и выдало китайцамъ кости его, которыя и были гдѣ-то, на границѣ, кажется, сожжены и развѣяны. Тѣмъ не менѣе народное повѣрье говоритъ, что Амурсана живъ, скрывается въ русскихъ предѣлахъ и рано или поздно явится въ Монголію. Когда русскій полковникъ Пѣвцовъ путешествовалъ по Халхѣ въ сопровожденіи казаковъ изъ забайкальскихъ бурятъ, халхасцы, пораженные видомъ своихъ сородичей, говорящихъ на понятномъ для нихъ языкѣ и одѣтыхъ въ русскіе военные мундиры, приняли русскаго путешественника за посланника Амурсаны.

Эти мессіанскія легенды не должны, однако, вводить въ заблужденіе; они ведутъ начало изъ отдаленной древности, происхожденія, вѣроятно, миѳическаго, но вовсе не возникли на почвѣ неудовлетворенности современной жизни, да и не особенно поддерживаются ею,—а не умираютъ въ народѣ, какъ не умираютъ и разныя другія преданія.

Обратимся теперь къ вопросу объ измѣненіи условій, въ которыхъ живетъ теперь монгольскій народъ. Вопросъ этотъ пока не подвергался тщательному изслѣдованію, и рѣшительный приговоръ о немъ преждевременъ. Мы, напримѣръ, знаемъ, что въ сѣверной части Халхи, именно вдоль долины Орхона, доселѣ идетъ возрастаніе земледѣлія; по всей вѣроятности и въ другихъ частяхъ степи окажется, что далеко еще не всѣ способныя земли заняты подъ обработку. Да и при данномъ состояніи монгольская степь представляетъ очень смѣшанный характеръ въ отношеніи образа жизни. Большинство народа, занятое скотоводствомъ, ведетъ ко-

чевой образъ жизни, но высшіе классы, князья и ламство, живутъ осѣдло въ постоянныхъ монастыряхъ. Въ Халхѣ обыкновенно ламы лѣтомъ живутъ въ деревянныхъ кельяхъ, а зимой въ тѣхъ же дворахъ выставляютъ юрты, отопляемыя желѣзными печами. Въ южной Монголіи, наоборотъ, князья и ламы зимуютъ въ глиняныхъ фанзахъ, а лѣтомъ выселяются въ юрты. Во всякомъ случаѣ, повсюду среди кочевого населенія разсѣяны во множествѣ постоянные населенные пункты, въ которыхъ живутъ ламы и занимаются чтеніемъ и изученіемъ священныхъ книгъ, обученіемъ дѣтей, изученіемъ тибетской медицины, переписываніемъ книгъ на продажу, лѣпкой изображеній боговъ и т. п. Въ каждомъ маленькомъ хошунѣ, или княжествѣ, насчитываютъ такихъ монастырей по два, а въ большихъ и до десятка.

Элементами возрожденія могутъ быть наука о языкѣ монгольскомъ, монгольская исторія, пѣсенное творчество и искусство. По языку существеннѣйшія работы сдѣланы у насъ въ Россіи; у насъ же преимущественно занимаются и монгольской исторіей. Единственный сборникъ монгольскихъ пѣсенъ изданъ русскимъ ученымъ, г. Позднѣевымъ; конечно, этотъ небольшой сборникъ далеко не исчерпываетъ всего богатства монгольскаго народнаго пѣсеннаго творчества. Былины же, которыя распѣваются народными пѣвцами подъ звуки струннаго инструмента, вовсе еще не записывались; равно не положено еще начало и записыванію сказокъ. Архитектуры и живописи въ смыслѣ національной школы въ Монголіи не существуетъ; храмы строятся по образцамъ или китайской архитектуры, или тибетской. Даже у насъ въ Забайкальѣ чуть ли не большинство дацановъ—китайской архитектуры. Живопись и лѣпка въ храмахъ производятся по тибетскимъ образцамъ; свѣтская же живопись, которою обыкновенно расписывается деревянная обшивка внутри келій, по образцамъ китайскимъ. Въ городѣ Кухухото мнѣ удалось видѣть покои гэгэна, которые только-что отдѣлывались за-ново. Всѣ стѣны и створки дверей были покрыты свѣжею живописью, но были исполнены китайскимъ живописцемъ по китайскимъ стереотипамъ; всѣ сцены и виды, изображенные тутъ, были заимствованы изъ китайской жизни, и ни одной картины, которая напомнила бы будущему жильцу, монгольскому монаху, его родныя степи и родной кочевой бытъ.

Не преувеличивая наше значеніе, мы все-таки скажемъ, что хотя немного, но намъ суждено что-нибудь сдѣлать для умственнаго возрожденія монголовъ. Въ Ургѣ, монгольскомъ городѣ, въ которомъ насчитывается до 30.000 жителей, русскимъ правительствомъ основана школа для образованія переводчиковъ. Къ со-

жалѣнію, мнѣ не удалось побывать въ Ургѣ и видѣть эту школу; по слухамъ, въ нее принимаютъ не только русскихъ, но и дѣтей мѣстныхъ монголовъ. Въ русскихъ школахъ Забайкалья также учатся нерѣдко бурятскіе мальчики, которые иногда встрѣчаются и въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ Иркутска и Читы. Не замедлитъ время, если не будетъ положено ограниченіе этому дѣлу, когда изъ этихъ учениковъ образуется классъ людей, который будетъ служить посредникомъ между русской духовной культурой и монгольскою національностью. Наконецъ, по всей вѣроятности, у насъ же будутъ когда-нибудь изданы памятники монгольскаго творчества.

III.

Теперь остается разсказать еще о тангутахъ. Подъ этимъ именемъ извѣстны въ русской литературѣ жители сѣвернаго Тибета, говорящіе нарѣчіемъ тибетскаго языка. Они обитаютъ на тибетскомъ нагорьѣ и въ долинахъ, по окраинамъ его, но нигдѣ не спускаются на монгольскую плоскость. Они дѣлятся на кочевыхъ и осѣдлыхъ; кочевые живутъ въ палаткахъ, перекочевывая со своимъ скотомъ по степямъ нагорья; осѣдлые живутъ въ глубокихъ долинахъ окраины нагорья и занимаются земледѣліемъ.

Культурное состояніе этого народа—нѣчто удивительное въ своемъ родѣ. Вы видите, съ одной стороны, многолюдные и богатые монастыри, большіе каменные храмы, мощеные дворы, золоченыя крыши, широкія лѣстницы, внутри храмовъ—мѣдныя позолоченыя статуи въ ростъ человѣка, расписанныя стѣны, духовые оркестры и танцоровъ въ шолковыхъ дорогихъ костюмахъ и разнообразныхъ маскахъ; тутъ же по крошечнымъ кельямъ, въ длинные зимніе вечера, при свѣтѣ жировиковъ, или сальныхъ свѣчъ, идетъ переписка духовныхъ книгъ, изученіе медицины, лѣпка боговъ,—и рядомъ съ такими монастырями живетъ цѣлая нація дикарей въ нагольныхъ тулупахъ, надѣтыхъ на голое тѣло, довольствующихся самымъ бѣднымъ инвентаремъ домашней посуды, живущихъ въ однихъ помѣщеніяхъ со своимъ скотомъ. Контрастъ поразительный! Болѣе поразительный, чѣмъ какой мы видимъ въ Монголіи. Тангутскіе монастыри—это очаги умственной дѣятельности не только для своего ближайшаго населенія, но и для всего ламайскаго міра на сѣверъ до границъ Сибири и Манджуріи, а рядомъ съ ними—кочевники, болѣе бѣдные культурными чертами, чѣмъ монголы. Не вѣрится, чтобы этотъ бѣдный тангутскій народъ, живущій вразбродъ подъ управленіемъ такихъ же бѣдныхъ и

грубыхъ старшинъ, не сложившій болѣе крупныхъ общественныхъ институтовъ, могъ стать во главѣ духовнаго культурнаго движенія, какимъ, однако, его знаетъ исторія? Тутъ кроется какая-то историческая неясность.

Намъ довелось познакомиться только съ осѣдлыми тангутами. Въ палатку кочевыхъ тангутовъ намъ не пришлось ни разу войти, но мы имѣли знакомыхъ изъ кочевыхъ тангутовъ, и одинъ кочевой тангутъ былъ у насъ даже цѣлое лѣто въ числѣ нашихъ слугъ. И тѣ, и другіе тангуты отличаются диковатостью и на первый взглядъ кажутся нелюдимыми. Но это только внѣшность. Они не любятъ сближаться съ чужеземцами, не вступаютъ въ родственныя связи съ китайцами и держатся отъ китайцевъ дальше, чѣмъ китайскіе мусульмане. Живутъ особыми деревнями; попасть въ тангутскій дворъ не легко; онъ оберегается злыми цѣпными собаками, и тангутъ никогда не войдетъ въ чужой дворъ, не выкликавши за ворота хозяина или хозяйку. Трудно также путнику разсчитывать на гостепріимство тангутовъ; когда пилигримы-монголы проходятъ черезъ тангутскія деревни, жители подаютъ имъ милостыню, даютъ поѣсть, но не впускаютъ въ свои дома. Но трудно только завести сначала дружбу съ тангутомъ, а разъ начало сдѣлано, и ваше мнѣніе о нелюдимости тангутовъ постепенно исчезаетъ. Насъ увѣряли, что найти слугъ изъ тангутовъ намъ будетъ невозможно ни за какія деньги; тангутъ не любитъ закабалять себя чужеземцу и не любитъ оставлять свой домъ; это вѣрно. Но тѣмъ не менѣе мы добились-таки, что у насъ, во время странствованій по сѣверо-восточному Тибету, всегда были рабочіе и слуги изъ тангутовъ. Одинъ изъ нихъ, Самбарча, оказался неоцѣненнымъ товарищемъ въ моихъ работахъ; это былъ человѣкъ въ родѣ Тургеневскаго Калиныча; онъ любилъ природу, зналъ окрестности своей деревни Гамаки и всѣ ихъ естественныя произведенія; зналъ, гдѣ какая трава растетъ, гдѣ какое насѣкомое водится, гдѣ искать скорпіоновъ, какъ отыскать корень бонва, хотя ростокъ его еще не показался изъ земли. Собиралъ онъ для меня насѣкомыхъ и растенія съ увлеченіемъ; принести новый видъ, котораго еще не было въ нашемъ гербаріѣ, для него было торжествомъ. Онъ всюду лѣзъ за сборомъ, и въ воду, и на деревья, и на крутыя скалы; иногда было страшно смотрѣть на него, когда онъ висѣлъ въ воздухѣ надъ дномъ оврага, наверху отвѣсной скалы, уцѣпившись ногами за кустъ. Онъ вернулся въ свою деревню раньше насъ, въ концѣ іюля мѣсяца; когда осенью я пріѣхалъ туда же, онъ поднесъ мнѣ сюрпризъ—гербарій осеннихъ растеній своей родины. Онъ

купилъ бумаги и началъ сушить растенія. Все наиболѣе рѣдкое въ моемъ гербаріѣ и въ энтомологической коллекціи собрано Самбарчей. Это былъ усердный, трудолюбивый слуга и, кромѣ того, ловкій и веселый человѣкъ. Онъ находилъ намъ потерявшихся ночью барановъ, онъ отыскивалъ удобную дорогу, которую скрывали крестьяне, чтобы за указаніе ея сорвать барышъ, а въ свободные часы онъ распѣвалъ пѣсни, шутилъ и продѣлывалъ какую-то эквилибристику съ шестомъ въ рукѣ.

Тангутовъ рисуютъ иногда угрюмымъ народомъ, но это несправедливо. Покойный оріенталистъ Григорьевъ, пріурочивая одно мѣсто у мусульманскаго географа Эдризи, именно мѣсто города Тюбетъ, отказывался видѣть подъ этимъ именемъ нынѣшній Тибетъ, а думалъ, что тутъ надо разумѣть Хотанъ или какой-нибудь другой мусульманскій городъ восточнаго Туркестана. Краски, которыми рисовалъ Эдризи жизнь тюбетцевъ, пляски, наряды, веселье,—все это, казалось нашему оріенталисту, такъ не идетъ къ дикимъ и угрюмымъ обитателямъ суроваго тибетскаго нагорья. Вѣрнѣе та оцѣнка народнаго характера тангутовъ, которая дана у Реклю въ его извѣстной книгѣ.

Тангуты—народъ веселый, и улыбка на лицѣ тангута является ничуть не рѣже, чѣмъ у другихъ смертныхъ. Они имѣютъ пѣсни и пляски; женщины, возвращаясь съ полевыхъ работъ вечеромъ, часто поютъ хоровыя пѣсни. Пѣснями же прерываются работы иногда и въ срединѣ дня. Во время свадебныхъ пиршествъ дѣвицы и юноши поочередно выходятъ парами передъ публикой и пляшутъ подъ пѣсню, которую сами же и поютъ. На тѣхъ же свадьбахъ люди съ большою памятью поютъ большую сложенную былину о нѣкоемъ царѣ Гэсэрѣ.

Если киргизовъ зовутъ французами средней Азіи, а монголовъ нѣмцами, то тангутовъ можно назвать итальянцами.

Здѣсь и ханжество сильнѣе, чѣмъ въ Монголіи, и страсти ярче горятъ. Богомольцы здѣсь шляются повсюду; повсюду разсѣяны разныя святыни: здѣсь потѣющая періодически башня; тамъ нерукотворная, сама собою явившаяся статуя; еще далѣе статуя съ ростущими волосами, еще далѣе башня, не касающаяся основаніемъ земли и висящая въ воздухѣ, и т. д. Молельныя мельницы встрѣчаются на каждомъ шагу: и надъ домами вмѣсто флюгеровъ, и въ отдушинахъ домовъ, на горныхъ рѣчкахъ, движимыя водой, надъ воротами, движимыя вѣтромъ, но чаще всего въ рукахъ человѣка. Ихъ вертятъ не только монахи, но и свѣтскіе люди, особенно женщины. Какъ у насъ обыкновенная деревенская картина крестьянская—съ веретеномъ и прялкой, такъ въ

Тибетѣ—женщина съ молельной мельницей въ рукахъ. Сойдутся на улицѣ двѣ женщины посплетничать; пока онѣ языкомъ перемываютъ косточки сосѣдей, руки неистово вертятъ мельницы, стержни которыхъ воткнуты въ пазуху шубы. И какъ реакцію противъ этого ханжества, здѣсь же вы услышите комическіе разсказы въ родѣ средневѣковыхъ фабліо, въ которыхъ изображается закулисная жизнь монастырей. Въ этихъ сказкахъ описываются похожденія нѣкоего Аку Ртомбу; въ нихъ разсказывается о его забавныхъ продѣлкахъ въ женскихъ монастыряхъ, которыя онъ совершалъ, будучи переодѣтъ въ женское платье, о его паломничествѣ въ Хлассу и издѣвательствѣ надъ самимъ Далай-Ламой.

Нельзя сказать, чтобы въ этой странѣ буддійскихъ святителей жизнь въ монастыряхъ проходила тихо и безмятежно. Въ тѣхъ самыхъ монастыряхъ, откуда расходится по всей средней Азіи слово о мирѣ и любви, часто происходятъ бурныя и кровавыя исторіи. Тангуты вообще народъ горячій и рѣшительный. Въ Лабранъ мы прибыли, когда только-что закончилась кровавая исторія. Мѣстная партія начала интриговать противъ иноземца, попавшаго въ нюрбы, т.-е. въ казначеи монастыря; его обвинили въ сожительствѣ съ матерью лабранскаго гэгэна; народъ возмутился и напалъ на домъ, въ которомъ жилъ нюрба; къ счастью его, онъ былъ въ это время у гэгэна. Народъ началъ брать домъ приступомъ, приверженцы нюрбы защищались, и нѣкоторые были убиты; домъ былъ взятъ и сожженъ: онъ былъ деревянный. Нюрбѣ при помощи гэгэна удалось бѣжать, но потомъ онъ былъ все-таки найденъ и убитъ. Другая кровавая исторія подготовлялась въ восточномъ Тибетѣ, когда мы были въ городѣ Сунъ-панѣ; окрестные тангуты, вѣры бонбо, получили извѣстіе, что въ княжествѣ Сомо регентъ, управляющій за малолѣтствомъ князя, воздвигъ гоненіе на секту бонбо, принуждая ея сторонниковъ обратиться въ секту хонь. Сунъ-панскіе бонбо при насъ устроили съѣздъ, нѣсколько дней совѣщались и порѣшили отправить войско въ княжество Сомо; многіе ламы должны были, по рѣшенію съѣзда, сѣсть на коней, взять оружіе и отправиться вмѣстѣ съ войскомъ на поле брани.

Мы видѣли нѣсколько мелкихъ монастырей и три большихъ: Гумбумъ, Лабранъ и Джони, но съ жизнью монаховъ познакомились преимущественно въ Гумбумѣ. Въ этомъ послѣднемъ считается до 2.500 монаховъ, которые управляются тремя чиновниками, избираемыми на три года. Въ Гумбумѣ до 5 большихъ храмовъ, изъ которыхъ одинъ съ золотой крышей; но болѣе знаменитъ другой, небольшой храмъ, въ оградѣ котораго растетъ чу-

десное дерево; по разсказамъ ламъ, листья его бываютъ покрыты буквами или молитвами. Дерево это выросло на мѣстѣ, гдѣ былъ зарытъ послѣдъ Зонкавы, реформатора буддизма. Другая святыня въ Гумбумѣ—черепъ матери Зонкавы.

О ламахъ часто высказываются мнѣнія, что это праздный народъ и дармоѣды. Мнѣніе это слѣдуетъ принимать съ ограниченіемъ. Въ Монголіи надо различать два рода ламъ; одни живущіе по хошунамъ, въ семьяхъ, другіе—въ монастыряхъ. Первые —это большею частію постриженные въ дѣтствѣ; не задастся ламѣ грамота, онъ и остается дома, въ семьѣ. Такіе ламы, придя въ возрастъ, иногда обзаводятся женой и дѣтьми и занимаются хозяйствомъ; къ такимъ вовсе не идетъ названіе дармоѣдъ; остающіеся холостяками тоже пропитываются трудомъ собственныхъ рукъ, нанимаются въ рабочіе при торговыхъ караванахъ и т. п. На чужой счетъ будто бы живутъ тѣ ламы, которые живутъ въ монастыряхъ; но и къ этимъ не ко всѣмъ приложима эта кличка. Нѣкоторая часть ламъ занимается торговлей; ни въ Монголіи, ни въ Тибетѣ, отдѣльнаго торговаго сословія нѣтъ, вся торговля сосредоточена въ монастыряхъ въ рукахъ ламъ (за исключеніемъ тѣхъ монастырей, гдѣ поселились торговцы-китайцы). Затѣмъ нужно выдѣлить тѣхъ ламъ, которые занимаются изученіемъ священныхъ книгъ, далѣе—тѣхъ, которые занимаются монастырскими ремеслами, переписываніемъ и печатаніемъ книгъ, живописью, лѣпкой статуй и масокъ и т. п. Изъ остающагося процента еще нужно выдѣлить тѣхъ бѣдняковъ, которые, будучи привлечены въ монастырь набожнымъ настроеніемъ, кое-какъ перебиваются среди братьи, заработывая тѣмъ, что шьютъ и чинятъ на богатенькую братью, служатъ поварами, водоносами и пр. Остается небольшой процентъ дѣйствительныхъ дармоѣдовъ, которые проводятъ время въ странствованіяхъ изъ монастыря въ монастырь; но такихъ шалопаевъ не много, и ихъ вездѣ можно найти.

Не нужно упускать изъ виду, что въ ламайскихъ монастыряхъ въ настоящее время собрано все лучшее изъ народа; всѣ тѣ лица, которыя имѣютъ, кромѣ обыкновенныхъ матеріальныхъ, еще и духовные интересы, тѣ, которые ищутъ знаній, люди идеи, всѣ подобные люди идутъ въ монастыри, и другихъ учрежденій, къ которымъ бы они могли примкнуть, въ Монголіи и Тибетѣ нѣтъ.

Въ Гумбумѣ на одномъ дворикѣ съ нами жило нѣсколько ламъ, и все это были люди не дурные и не лѣнивые. Тутъ жилъ художникъ Гэндунъ, который съ утра до вечера пропадалъ въ мастерской (онъ трудился надъ барельефомъ изъ окрашеннаго

масла) и приходилъ только ночевать; далѣе, монахъ, который принадлежалъ къ ордену Джотпа, и потому мы его звали Джотпа, не зная его настоящаго имени; онъ вѣчно сидѣлъ на солнышкѣ и корпѣлъ надъ переписываніемъ книгъ, прижимая одной рукой къ колѣнку листъ бумаги, оригиналъ и баночку съ разведенной тушью, а другой—водя по бумагѣ заостренной спичкой; онъ сколачивалъ деньжонки на дорогу, потому что собирался идти въ Хлассу на поклоненіе тамошнимъ святынямъ. Третій монахъ былъ портной; онъ тоже вѣчно сидѣлъ съ иглой въ рукѣ, и только отрывался, когда во дворъ входилъ какой-нибудь нищій или богомолецъ попросить милостыни; тогда онъ, кряхтя отъ боли, поднимался на свои больныя ноги и ковылялъ въ кухню за горстью муки; и какъ бы часто ни являлись просители, онъ съ равною невозмутимостью, молча и медленно, направлялся на кухню. Четвертый нашъ сосѣдъ по кельѣ былъ Ратна-Вала, веселый юноша лѣтъ 16-ти, горячій поклонникъ боговъ, бѣжавшій въ Гумбумъ изъ Ордоса тайно отъ родителей. Одни изъ этихъ людей пришли сюда, потому что монастырь есть въ то же время и пріютъ для убогихъ; другіе—потому, что разсчитываютъ въ монастырской жизни найти удовлетвореніе своимъ духовнымъ потребностямъ.

Не знаю,—добрую ли память мы оставили по себѣ у гумбумскихъ монаховъ, но сами мы о нихъ унесли съ собою не дурную память.

Г. Потанинъ.

ФАБРИЧНЫЙ РАБОЧІЙ

ВЪ

СРЕДНЕЙ РОССІИ И ЦАРСТВѢ ПОЛЬСКОМЪ

По личнымъ наблюденіямъ и изслѣдованіямъ.

Какъ извѣстно, уже нѣсколько лѣтъ между промышленностью середины Россіи и ея окраины—губерній царства польскаго—завязалась глухая, но упорная борьба изъ-за обладанія рынками. Достаточно немногихъ примѣровъ тому. Извѣстно, съ какою настойчивостью московское купечество добивалось также уничтоженія закавказскаго транзита, желая найти тамъ болѣе широкое поле сбыта для собственныхъ продуктовъ,—и вотъ цѣль, повидимому, была достигнута: транзитъ уничтоженъ, привозъ туда иностранныхъ товаровъ значительно уменьшился, но мѣсто ихъ... въ значительной степени заняли произведенія не московской, а польской фабрикаціи, и въ настоящее время нѣтъ самаго глухого городка или мѣстечка въ этомъ краѣ, гдѣ бы нельзя было встрѣтить продукты лодзинскихъ мануфактуръ. То же самое можно сказать и относительно почти всей южной Россіи: Харьковъ всегда былъ излюбленнымъ мѣстомъ сбыта для московскихъ и владимірскихъ фабричныхъ фирмъ, но въ настоящее время сбытъ этотъ, особенно по шерстянымъ товарамъ, значительно вытѣсненъ конкурренціей привислянскихъ фабрикъ; Кіевъ и прежде былъ рынкомъ для сбыта польскихъ фабричныхъ произведеній, нынѣ же заваленъ ими настолько же, насколько сбытъ московскихъ

ограниченъ; наконецъ, въ послѣдніе годы въ самой Москвѣ, въ центрѣ русской промышленности, появились многочисленные склады польскихъ фирмъ, и многіе ихъ продукты успѣшно конкуррируютъ съ мѣстными.

Такимъ образомъ, фактъ промышленной конкурренціи серединной Россіи съ ея окраинами не подлежитъ сомнѣнію, и повсемѣстный торгово-промышленный кризисъ послѣдняго времени не только не ослабилъ этой борьбы, какъ можно бы было ожидать въ виду общей для страны невзгоды, но, напротивъ, усилилъ, обострилъ и перенесъ ее изъ сферы мирнаго промышленнаго состязанія въ литературу, какъ русскую, такъ и польскую, и въ заключеніе—въ правительственную дѣятельность. Когда московскіе публицисты, съ легкой руки г. Шарапова, забили тревогу о пагубной-де конкурренціи для московской промышленности, вниманіе правительства уже было обращено на ненормально-быстрый наплывъ и ростъ иностраннаго населенія на нашихъ окраинахъ. Министерство внутреннихъ дѣлъ назначило коммиссію для изслѣдованія по этому важному вопросу, а министерство финансовъ, почти единовременно, для изученія промышленности царства польскаго назначило также спеціальную коммиссію съ цѣлью провѣрки основательности жалобъ, приносимыхъ московскими фабрикантами на эту конкурренцію. Прошлымъ лѣтомъ, наконецъ, мы были свидѣтелями петиціи „всероссійскаго купечества“ по тому же вопросу, принесенной на нижегородской ярмаркѣ г. управляющему министерствомъ финансовъ, а въ прошломъ мѣсяцѣ въ газетахъ появилась контръ-петиція лодзинскихъ фабрикантовъ въ отвѣтъ на нижегородское прошеніе, съ изложеніемъ взглядовъ мѣстныхъ польскихъ промышленниковъ на взаимные шансы конкурренціи.

Итакъ, важность изученія положенія промышленности въ Привислянскомъ краѣ, сравнительно съ центральной Россіей, признанная самимъ правительствомъ, является вообще однимъ изъ насущныхъ вопросовъ дня, знакомство съ которымъ для нашей публики должно быть весьма интересно. Съ цѣлью именно удовлетворить этому любопытству, и написанъ настоящій очеркъ, представляющій собою сравнительное описаніе главнѣйшихъ условій фабричнаго труда внутри Россіи и на ея окраинахъ—въ царствѣ польскомъ. Составляя плодъ личныхъ наблюденій, свѣденія, здѣсь сообщаемыя, отнюдь, однако, не претендуютъ на безусловную новизну, и авторъ имѣетъ своей цѣлью освѣтить одну лишь сторону важнаго въ практическомъ отношеніи и спорнаго вопроса объ условіяхъ промышленнаго труда въ различныхъ

частяхъ россійской имперіи, представивъ для того съ полною объективностью необходимые факты [1]).

Несмотря на то, что царство польское почти уже три четверти вѣка составляетъ неразрывную часть русскаго государства, разница предшествовавшей исторіи, равно какъ географическое положеніе, мѣстныя юридическія, національныя и иныя особенности Привислянскаго края кладутъ особый отпечатокъ на весь тамошній фабричный бытъ, который во многомъ отличается отъ средней Россіи. Первая особенность, которая бросается въ глаза русскому изслѣдователю тамошнихъ экономическихъ отношеній, заключается въ частномъ различіи законодательныхъ нормъ и обязательныхъ административныхъ предписаній. Такъ, рядомъ съ мѣстными законами, столь, напр., важными, какъ гражданскіе, дѣйствуютъ и общерусскіе—въ нѣкоторыхъ случаяхъ всецѣло, въ другихъ—лишь отчасти, что, разумѣется, на практикѣ создаетъ иногда или ведетъ за собой значительныя затрудненія. Изъ нашихъ законовъ, относящихся къ фабрикамъ и промышленнымъ заведеніямъ въ Привислянскомъ краѣ, дѣйствуютъ далеко не всѣ. Первое уже различіе заключается въ условіяхъ найма рабочихъ. Но для выясненія этого различія начнемъ съ внутренней Россіи и изложимъ существующіе по этому предмету у насъ законы и обычаи.

До выхода въ свѣтъ закона о наймѣ фабричныхъ рабочихъ 3-го іюня 1886 года всѣ условія фабричнаго быта отличались у насъ крайней неопредѣленностью и произволомъ, и нѣкоторыя предписанія закона и фабричные обычаи являлись нерѣдко остаткомъ бывшихъ крѣпостныхъ отношеній. Наемъ совершался на самые разные сроки и притомъ даже на одной фабрикѣ, но господствующимъ можно считать—наемъ на *срокъ паспорта*, какъ наиболѣе употребительный и распространенный. Тѣмъ не менѣе, въ силу прямого дозволенія закона (ст. 54 устава о пром. фабр. и зав.), хозяинъ фабрики могъ всегда отпустить отъ себя рабочаго и до истеченія договорнаго срока за дурное поведеніе или невыполненіе его обязанностей, но съ обязательнымъ предупрежденіемъ работника за двѣ недѣли до отпуска. Въ дѣйствительности послѣднее условіе настолько плохо соблюдалось, что было мало извѣстно не только рабочимъ, но и самимъ хозяе-

---

[1]) Сообщаемый очеркъ былъ прочитанъ въ извлеченіи, какъ рефератъ, въ статистическомъ отдѣленіи московскаго Юридическаго Общества 18-го ноября 1887 года.

вамъ. Такъ, въ 1886 году, когда московскій генералъ-губернаторъ, съ цѣлью упорядоченія отношеній между хозяевами и рабочими послѣ бывшихъ передъ тѣмъ волненій, издалъ обязательныя постановленія по этому предмету, напомнивъ въ нихъ предписанія означеннаго закона о двухъ-недѣльномъ предупрежденіи, то это обстоятельство вызвало нѣкоторое неудовольствіе фабрикантовъ и критическія замѣчанія въ „Руси“ покойнаго Аксакова.

При неопредѣленности условій найма время расплаты на нашихъ фабрикахъ закономъ не предусматривалось; оно предоставлялось, по теоріи, на волю сторонъ, заключающихъ договоръ найма, а въ дѣйствительности, у большинства промышленныхъ заведеній, кромѣ ремесленныхъ, плата заработанныхъ денегъ производилась, когда хозяинъ пожелаетъ и имѣетъ нужныя для того деньги. Очень нерѣдко даже правилами фабрики воспрещалось рабочимъ, какъ это ни странно можетъ показаться, требовать свои деньги ранѣе срока окончательнаго отхода съ фабрики, что обыкновенно совершалось къ Святой или къ 1-му октября.

Законъ 3-го іюня 1886 года сдѣлалъ важный переломъ въ жизни нашихъ фабричныхъ рабочихъ, установивъ точный порядокъ найма и расплаты тамъ, гдѣ его прежде не было. Этотъ важный законъ, составляющій эпоху въ русскомъ фабричномъ законодательствѣ, опредѣлилъ, во-первыхъ, способы найма и установилъ точно обязательные термины расплаты—не менѣе раза въ мѣсяцъ, при срокѣ опредѣленномъ,—и двухъ разъ въ мѣсяцъ, при срокѣ неопредѣленномъ, нарушеніе чего навлекаетъ на хозяина отвѣтственность въ случаѣ иска рабочаго.

Во многомъ иначе та же часть промышленныхъ отношеній организована въ царствѣ польскомъ, для котораго, притомъ, законъ 3-го іюня 1886 г. обязателенъ и въ настоящее время лишь отчасти, такъ какъ въ цѣломъ составѣ этотъ законъ распространился всего на три губерніи—московскую, владимірскую и петербургскую. Какъ общее правило, издавна существовавшее въ царствѣ польскомъ, кромѣ спеціальныхъ письменныхъ договоровъ съ отдѣльными рабочими (большею частью мастерами), рабочіе нанимались и нанимаются безъ срока, но съ обязательнымъ предупрежденіемъ за двѣ недѣли для обѣихъ сторонъ объ отходѣ или отпускѣ, и послѣднее условіе, совершенно непривычное въ остальной Россіи и лишь внесенное для подобнаго же найма закономъ 3-го іюня 1886 года, является тамъ повсемѣстно принятымъ обыкновеніемъ, гарантирующимъ интересы обѣихъ договаривающихся сторонъ. Обратно съ остальной Россіей, расплата съ ра-

бочими является на фабрикахъ Привислянскаго края также правильной и твердо опредѣленной— или еженедѣльной, или не рѣже двухъ разъ въ мѣсяцъ. Фактъ неполученія рабочими по нѣскольку мѣсяцевъ или даже по году отъ своего хозяина наличныхъ денегъ и только лишь товаровъ, получаемыхъ изъ фабричной лавки, или денегъ для уплаты налоговъ рабочаго, непосредственно высылаемыхъ конторою въ волостныя правленія, не могъ и не можетъ имѣть совершенно мѣсто на польскихъ фабрикахъ, по крайней мѣрѣ въ центрахъ промышленности, во-первыхъ, вслѣдствіе указанной правильности расплаты, и во-вторыхъ, по отсутствію фабричныхъ лавокъ. Одни эти условія ставили положеніе работника на фабрикахъ Привислянскаго края въ гораздо болѣе завидное положеніе, чѣмъ его собрата на большинствѣ фабрикъ московскаго района. Но къ этому присоединяются въ большинствѣ края и нѣкоторыя другія благопріятныя условія. На первомъ планѣ стоитъ *заработная плата*.

Уже a priori можно предвидѣть, что въ Польшѣ заработная плата должна быть выше серединной Россіи, благодаря двумъ обстоятельствамъ: нѣкоторой сравнительно дороговизнѣ жизненныхъ припасовъ и отсутствію при многихъ польскихъ фабрикахъ безплатныхъ жилыхъ помѣщеній для рабочихъ, что естественно заставляетъ ихъ требовать большей платы для найма помѣщенія на сторонѣ. При этомъ является лишь вопросъ: какъ велика эта плата должна быть сравнительно съ московской и какъ различается по главнымъ промышленнымъ пунктамъ Привислянскаго края?

Если взять по этому предмету свѣденія изъ многочисленныхъ цифровыхъ данныхъ, имѣющихся у меня подъ руками, по семи главнѣйшимъ волокнистымъ производствамъ для московской губерніи (которую можно принять за типъ, въ отношеніи платы для всей средней Россіи) и всего царства польскаго, фабричное производство котораго примѣрно равняется таковому же производству данной губерніи, то окажется по всѣмъ производствамъ значительное превышеніе платы на сторонѣ польскихъ фабрикъ; лишь въ одномъ суконномъ производствѣ, по причинамъ, которыя трудно объяснить, польская плата близко подходитъ къ русской, хотя все-таки выше; но затѣмъ почти во всѣхъ остальныхъ случаяхъ, мнѣ извѣстныхъ, превосходитъ ее значительно, иногда на одну треть, на половину, вдвое, а въ одномъ производствѣ даже втрое: въ среднемъ, мужская фабричная плата въ Польшѣ больше московской на одну треть (32,2%), женская — почти на три четверти (73,9%), и плата малолѣтнихъ или дѣтей въ Польшѣ

выше, болѣе чѣмъ на половину, противъ московской (на 60%). Если къ этому принять во вниманіе, что цѣна жизненныхъ припасовъ въ Привислянскомъ краѣ выше лишь въ немногихъ случаяхъ (мясо и хлѣбъ—и то не всегда), а многіе продукты въ свою очередь дешевле (напр., зелень), квартирная же плата, по общему правилу, никогда не поглощаетъ болѣе одной шестой заработка, то слѣдуетъ признать, что вознагражденіе рабочихъ на польскихъ фабрикахъ, особенно женщинъ, значительно выше, нежели въ Россіи.

Но, превосходя въ среднемъ русскую плату, вознагражденіе польскихъ рабочихъ весьма различается по отдѣльнымъ мѣстностямъ: изъ трехъ главныхъ промышленныхъ пунктовъ края—Лодзи, Варшавы и Сосновицъ—она замѣтно ниже въ послѣднемъ, т.-е. на всѣхъ пограничныхъ фабрикахъ бендинскаго уѣзда (домбровскаго) петроковской губерніи; особенно низко сравнительно стоитъ вознагражденіе женщинъ, а именно въ Сосновицахъ женщины получаютъ слишкомъ на половину меньше, нежели, напр., въ Лодзи (на 62%). Эта странная аномалія объясняется, главнымъ образомъ, какъ характеромъ промышленности этой мѣстности, расположенной на границѣ двухъ государствъ, Австріи и Пруссіи, такъ и свободнымъ приливомъ изъ-за-границы иностранныхъ рабочихъ. Извѣстно, что важнѣйшимъ промысломъ, какъ у насъ въ Сосновицахъ и ея окрестностяхъ, такъ и въ сосѣдней Силезіи, является горный, въ которомъ представителями труда преимущественно служатъ мужчины и лишь частью малолѣтніе; женская же часть семьи остается дома, большею частью безъ заработка, и представляетъ собою готовый и притомъ дешевый запасъ рабочей силы для тѣхъ нѣсколькихъ десятковъ фабрикъ, которыя заняты другимъ производствомъ и быстро возникли здѣсь за послѣднія десять лѣтъ.

Но если абсолютная плата на промышленныхъ заведеніяхъ царства польскаго, какъ видно изъ приведенныхъ данныхъ, и выше въ общемъ, то, собственно говоря, одинъ этотъ фактъ еще мало значитъ: успѣшность работы и ея достоинство въ одной и той же категоріи труда весьма различно, и очень часто рабочій при дорогой платѣ можетъ обойтись своему хозяину, въ концѣ концовъ, даже дешевле самаго дешеваго рабочаго. Это свойство труда, извѣстное подъ именемъ *„интенсивности“*, давно уже замѣчено многими изслѣдователями при сравненіи вознагражденія за одну и ту же работу въ разныхъ странахъ или даже въ одной и той же странѣ, но разныхъ частяхъ ея. Напримѣръ, извѣстный англійскій желѣзнодорожный дѣятель и экономистъ Томасъ Брас-

сей, разсказываетъ въ своей книгѣ [1]), что при постройкѣ его отцомъ первыхъ желѣзныхъ дорогъ въ сѣверной Франціи онъ находилъ болѣе выгоднымъ, несмотря на двойную плату и многіе лишніе расходы, выписывать рабочихъ изъ Англіи, предпочитая ихъ мѣстнымъ французскимъ рабочимъ, къ дѣлу не привыкшимъ; и прошло нѣсколько лѣтъ, прежде чѣмъ отношенія въ этомъ случаѣ измѣнились и интенсивность французскаго труда приблизилась къ англійской. Такимъ образомъ, энергія труда и успѣшность его окупаютъ высокую плату, и чтобы отвѣтить съ увѣренностью на вопросы, какой рабочій выгоднѣе, польскій или русскій, для своего хозяина, потребовалось бы точно опредѣлить сравнительную интенсивность ихъ труда. Къ сожалѣнію, вполнѣ опредѣленныхъ данныхъ по этому важному и трудному вопросу я не имѣю, почему долженъ ограничиться лишь тѣми приблизительными выводами, которые я могъ получить изъ своихъ наблюденій и разспросовъ. Большинство лицъ, завѣдующихъ польскими фабриками, или хозяева ихъ—нѣмцы, и они знакомы съ рабочими въ Германіи или Австріи, но не въ Россіи, а потому, конечно, могутъ сравнивать трудъ мѣстныхъ рабочихъ лишь съ извѣстнымъ имъ трудомъ ихъ земляковъ, а не русскихъ. Насколько мнѣ извѣстно, на этомъ основаніи, трудъ мѣстныхъ рабочихъ, какъ польскихъ, такъ и нѣмецкаго происхожденія, нисколько не уступаетъ, по своей спорости и качеству, труду силезцевъ, т.-е. большей части иностранцевъ, тамъ работающихъ, хотя вмѣстѣ съ силезцемъ уступающихъ, напр., въ металлическомъ производствѣ—вестфальцамъ, лучшимъ въ Германіи рабочимъ, или по стеклянному—чехамъ или вообще богемцамъ.

Чтобы сравнить интенсивность польскаго рабочаго на однородныхъ фабрикахъ съ русскимъ, я вычислилъ, во что обходится для нѣсколькихъ бумагопрядильныхъ и ткацкихъ фабрикъ расходъ въ платѣ на одинъ пудъ пряжи или ткани; оказалось, что въ то время, когда въ разныхъ мѣстностяхъ царства польскаго расходъ платы на одинъ пудъ пряжи составляетъ около 66 коп., и нигдѣ не выше 1 р. 20 к.,—на четырехъ русскихъ фабрикахъ, съ которыхъ лишь имѣлись подробныя данныя, такой же расходъ, но безъ администраціи, обратно съ Польшей, уже составлялъ отъ 80 к. до 1 р. 50 к., т.-е. въ общемъ гораздо выше; расходъ въ ткацкомъ производствѣ далъ данныя еще болѣе поразительныя, и въ то время, когда на нѣкоторыхъ польскихъ фабрикахъ на плату при выработкѣ пуда хлопчатобумажныхъ

[1]) *Thomas Brassey*: Work and Wages. 1876.

тканей выходитъ всего лишь 77 к. и никакъ не выше 1 р. 50 к., на русскихъ фабрикахъ—не менѣе 2 р., т.-е., повидимому, несмотря на болѣе низкіе размѣры русской платы, она обходится дороже.

Къ сожалѣнію, этихъ данныхъ еще недостаточно, чтобы твердо обосновать означенный выводъ о сравнительномъ качествѣ и интенсивности труда польскаго и русскаго, по многимъ причинамъ, требующимъ спеціальнаго изслѣдованія. Очевидно, нужно подойти къ вопросу съ другой стороны и поискать иной мѣрки интенсивности труда, чтобы косвеннымъ путемъ опредѣлить сравнительное качество фабричнаго рабочаго изъ средней Россіи и царства польскаго. Для развитія лучшихъ качествъ въ рабочемъ и наибольшей успѣшности въ трудѣ, нѣтъ сомнѣнія, необходимы три условія: во-первыхъ, постоянство работы, единственно дающее навыкъ къ ней силою спеціализаціи; во-вторыхъ, умственная развитость рабочаго, дающая ему возможность наилучшимъ образомъ приноровиться къ работѣ и требованіямъ ея, и третье—лучшее питаніе, дающее бо́льшія физическія силы для исполненія работы. Что касается до перваго и третьяго условій, то, нѣтъ сомнѣнія, преимущество должно быть на сторонѣ польскаго рабочаго, и это не требуетъ большихъ доказательствъ: въ то время, когда огромная часть русскихъ фабричныхъ рабочихъ связана тѣсно съ землей, причемъ они нерѣдко даже съ регулярностью покидаютъ фабрику для лѣтнихъ сельскихъ работъ, мѣняя часто тонкую фабричную работу на соху,—значительная часть польскихъ рабочихъ представляетъ собой постоянный элементъ, получающій свой заработокъ лишь отъ фабрикъ, а потому могущій скорѣе довести свой трудъ до извѣстнаго совершенства. Кромѣ многочисленныхъ иностранныхъ промышленныхъ рабочихъ, всегда въ значительномъ количествѣ пребывающихъ въ важнѣйшихъ промышленныхъ пунктахъ царства польскаго, имѣется уже большой и постоянный контингентъ собственныхъ представителей труда, особенно по ткацкому производству, въ видѣ довольно многочисленнаго уже нынѣ потомства нѣмецкихъ эмигрантовъ двадцатыхъ годовъ, вызванныхъ спеціально съ цѣлью создать въ краѣ фабричную промышленность. Наконецъ, польскіе рабочіе, какъ мы это видѣли выше, получаютъ въ среднемъ бо́льшую плату и, слѣдовательно, имѣютъ возможность питаться лучше, нежели московскій рабочій; особенно это касается до женщинъ, которыя при низкой платѣ на русскихъ фабрикахъ (на $^3/_4$ ниже, чѣмъ въ Польшѣ) почти совсѣмъ не употребляютъ мясной пищи [1])!

---

[1]) Проф. Эрисманъ: „Пища рабочихъ на фабрикахъ московскаго уѣзда. Москва, 1882 г.“

Чтобы окончательно рѣшить вопросъ о сравнительной интенсивности труда, намъ остается разсмотрѣть второе условіе его успѣшности—умственное развитіе польскаго и русскаго рабочаго. Внѣшнимъ выраженіемъ такового можетъ служить прежде всего самодѣятельность рабочаго, направленная къ обезпеченію его нуждъ и потребностей. Съ этой стороной дѣла мы познакомимся въ достаточной степени далѣе, говоря о благотворительныхъ и иныхъ учрежденіяхъ на польскихъ и русскихъ фабрикахъ. Затѣмъ, лучшимъ выраженіемъ развитія рабочаго и, слѣдовательно, по нашей схемѣ, интенсивности его труда является грамотность рабочаго—вопросъ, на которомъ мы и остановимся долѣе. Нѣтъ сомнѣнія, что болѣе развитой рабочій не только заботится лично о пріобрѣтеніи грамотности, если ея не имѣетъ, но и объ обученіи ей своихъ дѣтей, а потому если и могутъ быть частныя исключенія, то во всякомъ случаѣ, въ общемъ, значительная часть грамотныхъ рабочихъ представляетъ въ то же время и значительную часть лучшихъ исполнителей работы.

Если судить о грамотности на польскихъ фабрикахъ по общему числу грамотныхъ въ Привислянскомъ краѣ сравнительно съ средней Россіей, или даже по числу фабричныхъ школъ, то получатся выводы обратно предшествовавшимъ, весьма неутѣшительнымъ для царства польскаго. Если число школъ при фабрикахъ—напр., московской губерніи—вообще незначительно, то на польскихъ фабрикахъ такихъ школъ еще меньше: изъ 87, напримѣръ, лучшихъ фабрикъ царства польскаго, мнѣ лично извѣстныхъ, школы находятся лишь при 14 фабрикахъ, несмотря на огромные размѣры многихъ фабрикъ и массу малолѣтнихъ. Съ другой стороны, общая грамотность въ Привислянскомъ краѣ, можетъ быть, благодаря отсутствію земства и земской заботливости о народномъ образованіи, вообще стоитъ ниже, нежели внутри имперіи. Такъ, по даннымъ центральнаго статистическаго комитета, объ исполненіи воинской повинности въ имперіи, за десятилѣтіе отъ 1874 по 1883 годъ, видно, что для всей европейской Россіи число грамотныхъ, принятыхъ на военную службу, равнялось 26 человѣкамъ на сто; между тѣмъ въ Привислянскомъ краѣ всего лишь 14,2%, т.-е. гораздо ниже общей средней цифры, тогда какъ для отдѣльныхъ губерній внутренней Россіи число грамотныхъ рекрутовъ далеко превосходитъ эту послѣднюю (напр., для московской губерніи 57%, а ярославской—даже 68%!). Итакъ, фактъ общаго, сравнительно низкаго, уровня грамотности въ царствѣ польскомъ, повидимому, является безспорнымъ.

Обратимся теперь спеціально къ фабрикамъ и вопросу грамотности на нихъ: замѣчу, что для внутренней Россіи я имѣю переписи лишь для четырехъ, но зато во всѣхъ отношеніяхъ *образцовыхъ* фабрикъ (3 — въ московской и 1—во владимірской губерніи), а для царства польскаго—для нѣсколькихъ десятковъ фабрикъ, взятыхъ безъ выбора, притомъ въ обоихъ случаяхъ принимается во вниманіе грамотность обоего пола и всякаго, именно рабочаго возраста. Данныя, по этому поводу имѣющіяся, представляютъ совершенно неожиданный выводъ. Оказывается, что на четырехъ нашихъ лучшихъ и притомъ крупныхъ фабрикахъ процентъ грамотныхъ колеблется отъ 22 до 36, — между тѣмъ на фабрикахъ царства польскаго онъ составляетъ болѣе 45%, а въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ, напр. въ Сосновицахъ и въ Варшавѣ, число грамотныхъ рабочихъ болѣе 65 человѣкъ на сто. При этомъ встрѣчаются факты, прямо даже поразительные: такъ, на одной игольной фабрикѣ въ Ченстоховѣ я встрѣтилъ, напр., четверыхъ рабочихъ—простыхъ слесарей, которые кончили, однако, курсъ въ классической прогимназіи и затѣмъ уже выучились своему мастерству.

Итакъ, несмотря на низкій уровень общей грамотности населенія царства польскаго вообще, тамошній фабричный классъ вообще грамотнѣе и развитѣе нашего, а слѣдовательно и самый трудъ его долженъ быть интенсивнѣе и успѣшнѣе. Изъ малограмотнаго населенія наилучшая и наиболѣе развитая часть идетъ работать на фабрики. Этому обстоятельству, нѣтъ сомнѣнія, помогаетъ также и значительная численность на польскихъ фабрикахъ иностранныхъ рабочихъ и особенно изъ Германіи, гдѣ, какъ извѣстно, давно существуетъ обязательное обученіе, а потому нѣмцы почти всѣ сплошь грамотны. Въ то время, какъ въ средней Россіи иностранцы фигурируютъ исключительно почти въ числѣ хозяевъ и служащихъ, и рѣдко мастеровъ, въ Польшѣ число иностранцевъ-рабочихъ для всей страны—$8^1/_2$%, а между служащими и хозяевами—даже болѣе половины (б. 50%), въ отдѣльныхъ же случаяхъ,—напр. на нѣкоторыхъ заводахъ бендинскаго уѣзда,—даже б льшая часть тѣхъ и другихъ иностранцы. Понятно, что такое сильное присутствіе иностраннаго элемента особенно между хозяевами и служащими не можетъ оставаться безъ вліянія и на степень образованности этихъ послѣднихъ. Такъ, по точно извѣстнымъ мнѣ даннымъ для многихъ польскихъ фабрикъ, между хозяевами и служащими число лицъ съ высшимъ образованіемъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ доходитъ до 8 и даже 10%, а съ среднимъ—почти до 42%. Для внутренней Россіи

у меня недостаетъ данныхъ по этому вопросу, но, на основаніи продолжительнаго личнаго знакомства съ фабриками средней Россіи и особенно московской губерніи, я могу сказать утвердительно, что между хозяевами и служащими число лицъ, получившихъ образованіе на нашихъ фабрикахъ, едва ли даже составитъ и одинъ процентъ, а среднее—никакъ не превзойдетъ десяти [1]). Неоднократно мнѣ встрѣчались случаи видѣть въ Москвѣ фабрикантовъ, не умѣющихъ читать и писать, а между лицами завѣдующими фабрикой въ московской губерніи сплошь и рядомъ встрѣчаются люди, не имѣющіе никакого образованія. Одной крупной бумагопрядильной фабрикой въ московскомъ уѣздѣ, напримѣръ, долго завѣдывалъ бывшій дворникъ, другой—бывшій мелочной лавочникъ. Вообще составъ хозяевъ и служащихъ, равно какъ и рабочихъ, въ царствѣ польскомъ слѣдуетъ признать въ цѣломъ гораздо выше—въ смыслѣ образованія и развитія, нежели въ средней Россіи, что̀ не можетъ, конечно, не отражаться какъ на качествѣ тамошнихъ издѣлій, такъ и на общемъ ходѣ промышленности [2]).

Вслѣдъ за заработной платой и степенью развитія рабочаго, другимъ важнымъ вопросомъ въ бытѣ рабочихъ является *продолжительность* ихъ *суточнаго и годичнаго труда*. Самой ходячей жалобой у нашихъ фабрикантовъ на рабочихъ является, какъ извѣстно, сѣтованіе на многочисленные праздники и прогулъ. Хотя, нѣтъ сомнѣнія, число праздничныхъ дней у насъ въ Россіи вообще гораздо больше, сравнительно съ Европой, особенно съ протестантскими странами, но, какъ я уже показалъ въ другомъ мѣстѣ, общее количество годичнаго рабочаго времени на московскихъ фабрикахъ не только не короче, но гораздо длиннѣе, напр.,

---

[1]) Орловъ, въ „Указателѣ фабрикъ и заводовъ", приводитъ нѣкоторыя данныя о техническомъ образованіи завѣдующихъ производствомъ въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, но на одного такого завѣдующаго приходится въ среднемъ, нѣтъ сомнѣнія, гораздо болѣе десяти другихъ служащихъ, а въ представленныхъ мною для царства польскаго данныхъ я имѣлъ въ виду именно образованіе всѣхъ служащихъ, а не только завѣдующихъ или хозяевъ. (См. Указатель фабрикъ и заводовъ Европейской Россіи и Царства Польскаго. П. А. Орловъ. Петербургъ, 1887 г.)

[2]) Изъ трехъ главныхъ промышленныхъ пунктовъ царства польскаго—Лодзи, Сосновицъ и Варшавы—ниже всего образованіе на фабрикахъ, какъ относительно рабочихъ, такъ и служащихъ и хозяевъ, стоитъ въ Лодзи, хотя все-таки выше фабрикъ средней Россіи. До 18[illegible]6 г. Лодзь не имѣла, напр., даже гимназіи, несмотря на полтораста тысячъ населенія, и довольствовалась однимъ лишь ремесленнымъ училищемъ, почему большинство мѣстныхъ фабрикантовъ и посылало своихъ дѣтей для образованія преимущественно въ Германію, въ различныя спеціальныя заведенія, особенно въ т.-н. Webschule и Polytechnikum.

даже англійскаго (см. Фабричный бытъ московской губерніи. Отчетъ фабричнаго инспектора московскаго округа за 1882—83 годъ). То же самое можно сказать и при сравненіи московскихъ фабрикъ съ польскими. Въ самомъ дѣлѣ, работа на московскихъ фабрикахъ, какъ я это подробно изложилъ въ упомянутой выше книгѣ, нерѣдко продолжается отъ 14 до 16 часовъ въ сутки, а въ одномъ производствѣ—рогожномъ, доходитъ даже до 18; среднее же время работы можно считать въ $12^1/_2$ часовъ, если не болѣе. Въ царствѣ польскомъ максимумъ продолжительности, мнѣ извѣстной—14 часовъ въ сутки; затѣмъ, на значительномъ большинствѣ фабрикъ, работа продолжается отъ 10 до 12 часовъ, т.-е. не свыше 11 часовъ среднимъ числомъ. Если же принять во вниманіе такъ-называемую смѣнную работу, то получится даже мѣньшая цифра для обоихъ видовъ фабричной работы, а именно не болѣе 10 часовъ въ сутки. Переходимъ теперь къ болѣе сложной годовой продолжительности: я далъ въ указанномъ выше трудѣ среднее число праздниковъ—27,6 или, прибавляя сюда воскресенья и вычитая затѣмъ сумму изъ общаго числа дней въ году, получимъ рабочихъ дней 285,3. Въ царствѣ польскомъ фабричныхъ праздниковъ вообще гораздо меньше, и встрѣчаются даже уродливыя въ этомъ случаѣ исключенія, гдѣ, какъ на одномъ стекляннномъ заводѣ въ Сосновицахъ, работа тянется непрерывно круглый годъ каждый день, почти безъ праздниковъ. Но среднее число рабочихъ дней можно считать равнымъ 292 суткамъ, т.-е. больше, чѣмъ на московскихъ фабрикахъ, если считать продолжительность работы въ суткахъ. Совсѣмъ иное отношеніе получится, если перевести годовую работу на часы:

Въ московской губерніи 285,3×12=3.429,6 часовъ;
„ царствѣ польскомъ 292 ×11=3.212 „

то-есть, въ московской губерніи число годовыхъ часовъ больше, чѣмъ въ царствѣ польскомъ, на 217 часовъ или, переведя на сутки и считая по 12 часовъ день и за вычетомъ 7 лишнихъ праздниковъ, московскій рабочій трудится противъ польскаго на 11 сутокъ больше въ году. Замѣтимъ при этомъ, что мы брали для московской губерніи число рабочихъ часовъ на полчаса короче дѣйствительнаго средняго, а для Польши—наоборотъ—нѣсколько длиннѣе (11 часовъ вмѣсто 10,6); иначе разница къ невыгодѣ московскаго рабочаго получилась бы еще больше. При этомъ предполагалась исключительно дневная работа; между тѣмъ на многихъ московскихъ, владимірскихъ и ярославскихъ фабрикахъ по всѣмъ почти отраслямъ обработки волокнистыхъ

веществъ, несмотря на запрещеніе закономъ 3 іюня 1885 года ночной работы для женщинъ и подростковъ, фабричный трудъ продолжается или 18 часовъ въ сутки двумя смѣнами, или даже круглыя сутки, съ замѣной ночью женщинъ и подростковъ взрослыми мужчинами. Вообще, слѣдовательно, на фабрикахъ средней Россіи годовая работа продолжительнѣе, несмотря на большее число праздниковъ, а трудъ болѣе напряженъ и тяжелъ, такъ какъ совершается отчасти ночью, между тѣмъ какъ въ царствѣ польскомъ ночную работу, за немногими исключеніями, гдѣ это требуется условіями и характеромъ производства (писчебумажное, стеклянное, металлическое и т. п. производства), можно считать почти несуществующей.

Чрезвычайно важное значеніе въ фабричномъ бытѣ имѣетъ *жилище*, и притомъ одинаково, какъ для благополучія рабочаго, такъ и для интересовъ самого хозяина. Хорошее, удобное по его понятіямъ, жилище, будь оно при самой фабрикѣ или вблизи ея, нѣтъ сомнѣнія, косвенно привязываетъ рабочаго къ заведенію, заставляетъ имъ больше дорожить, рѣже мѣнять мѣсто занятія, что одинаково выгодно, какъ для него, такъ и для самой фабрики. Возможность вообще при его небольшомъ заработкѣ завести свой семейный очагъ или выписать семью, если она осталась въ деревнѣ, нѣтъ сомнѣнія, хорошо дѣйствуетъ на рабочаго въ нравственномъ отношеніи, отвлекаетъ его отъ пьянства и дурного времяпрепровожденія; но чтобы имѣть при себѣ семью, необходимо для того опять-таки удобное для нея помѣщеніе, а послѣднее для рабочаго не всегда возможно. По словамъ одного изъ наилучшихъ и крупныхъ, напримѣръ, московскихъ фабрикантовъ паровыхъ котловъ, англичанина, бывшаго нѣкогда рабочимъ, однимъ изъ важнѣйшихъ золъ его русскихъ рабочихъ, которыхъ онъ ставитъ, по качеству труда, не ниже своихъ соотечественниковъ, является именно отсутствіе для большинства семейной жизни, такъ какъ многіе изъ нихъ принуждены оставлять жену и дѣтей въ деревнѣ, работая большую часть года на фабрикахъ и заводахъ. Въ результатѣ являются, благодаря хорошему заработку въ этой категоріи производства, легкія связи, развратъ, а съ нимъ пьянство и часто, вслѣдствіе того, непригодность рабочаго. Важность хорошихъ и удобныхъ жилищъ для рабочихъ начинаетъ замѣтно сознаваться промышленниками, и они начинаютъ щедрѣе и щедрѣе затрачивать деньги на ихъ улучшеніе, чтобы привязать къ фабрикѣ рабочаго.

Въ отношеніи жилищъ для рабочихъ, вся исторія среднерусской и польской промышленности представляетъ, однако, еще

больше различія, чѣмъ въ прежде описанныхъ отношеніяхъ. Огромное большинство фабрикъ внутри Россіи, во-первыхъ, старѣе польскихъ и, во-вторыхъ, держатся по преимуществу на древесномъ топливѣ, а потому ихъ хозяевамъ приходилось устроивать свои заведенія не тамъ, гдѣ есть, напримѣръ, на лицо селеніе или большой городъ съ значительнымъ количествомъ готовыхъ рабочихъ, а гдѣ есть дешевое топливо, т.-е. дрова или торфъ, хотя бы для этого удобства пришлось жертвовать многими иными, не исключая даже иногда и усовершенствованныхъ путей сообщенія. Поэтому многія, напримѣръ, московскія фабрики возникли и существуютъ вдали отъ желѣзныхъ дорогъ и отъ селеній, иногда среди лѣса или около обширныхъ торфяныхъ болотъ, и имъ приходится не только пріискивать рабочихъ издалека, часто изъ другихъ губерній, но и устроивать ихъ при своей фабрикѣ, строить для нихъ жилища, часто не менѣе обширныя, чѣмъ рабочія мастерскія. Цѣлыя производства, какъ, напримѣръ, кумачное, кирпичное, рогожное, основаны у насъ на пришлыхъ издалека рабочихъ; даже въ Москвѣ большинство фабрикъ имѣютъ или нанимаютъ большіе дома для рабочихъ; исключеніе составляютъ лишь нѣкоторыя новыя и хорошо оплачиваемыя производства, въ родѣ машиностроительнаго, гдѣ рабочіе живутъ въ помѣщеніяхъ, ими самими нанимаемыхъ.

Совершенно иначе возникла польская промышленность. Во-первыхъ, она держится исключительно на каменномъ углѣ, сравнительно дешевомъ; затѣмъ значительная часть польскихъ фабрикъ—новѣйшаго происхожденія, выросли вмѣстѣ съ ростомъ тарифа за послѣднія двадцать лѣтъ и проведеніемъ желѣзно-дорожныхъ путей; поэтому большинство ихъ устроилось у самыхъ желѣзныхъ дорогъ или вблизи, при регулярной и постоянной доставкѣ необходимаго количества угля и большею частью въ городахъ или селеніяхъ съ значительнымъ контингентомъ постоянныхъ рабочихъ; число послѣднихъ, благодаря еще старой нѣмецкой эмиграціи съ двадцатыхъ годовъ, и кромѣ того, разнымъ мѣстнымъ причинамъ, вообще несравненно значительнѣе, нежели во внутренней Россіи, и, будучи безземельными, они имѣютъ иногда, однако, собственныя жилища или, получая большую заработную плату, имѣютъ возможность легко устроиться, путемъ найма, въ частныхъ жилищахъ. По всѣмъ этимъ причинамъ, по общему правилу, на польскихъ фабрикахъ жилища для рабочихъ встрѣчаются гораздо рѣже: на половинѣ фабрикъ, можно сказать, таковыхъ и совсѣмъ нѣтъ, да гдѣ и существуютъ, то большею частью не для всѣхъ рабочихъ, а лишь для части ихъ; а потому эти по-

стройки и не достигаютъ тѣхъ колоссальныхъ размѣровъ, которыми отличаются внутри Россіи. Прежде всего жилища для рабочихъ у насъ и въ Польшѣ весьма различаются, такимъ образомъ, уже по наружности; въ то время, когда на русскихъ крупныхъ фабрикахъ это бо́льшею частью громадные многоэтажные дома, иногда для тысячи человѣкъ жителей и болѣе,—въ Польшѣ это—бо́льшею частью двухъ- и трехъ-этажныя постройки для нѣсколькихъ десятковъ, рѣдко сотенъ человѣкъ, и встрѣчаются прямо домики для двухъ или даже одной семьи. На русскихъ фабрикахъ эти жилища очень часто имѣютъ чисто казарменный характеръ: огромныя залы, иногда съ сотней и болѣе коекъ, на лучшихъ фабрикахъ съ раздѣленіемъ половъ, на худшихъ—безъ всякаго раздѣленія, причемъ спятъ рядомъ мужчины и женщины, взрослые и малолѣтніе, холостые и женатые... Чаще, впрочемъ, въ послѣднее время начали у насъ устроивать жилые рабочіе дома коморками; но, благодаря быстрому росту многихъ фабрикъ и увеличенію численности рабочихъ, очень часто въ одной комнатѣ тѣснятся четыре, пять семействъ, совершенно чуждыхъ людей, притомъ постоянно мѣняющихся и работающихъ даже въ разное время дня и ночи. Само собой понятно, какъ все это должно пагубно дѣйствовать на нравственность рабочихъ—и косвенно вынуждаетъ ихъ смотрѣть на фабрику лишь какъ на временный лагерь или стоянку. Подобныхъ „свальныхъ“, какъ выражаются о нихъ наши рабочіе, спаленъ на фабрикахъ Привислянскаго края не существуетъ: встрѣчаются по нѣскольку семействъ въ одной комнатѣ, но вообще рѣже, чѣмъ у насъ, и притомъ чаще между рабочими поляками, нежели нѣмцами, которые стремятся болѣе обособиться съ своей семьей и устроиться отдѣльно. Очень можетъ быть, что большому количеству нѣмецкихъ рабочихъ польскія фабрики обязаны и отсутствіемъ тамъ казарменныхъ спаленъ.

Вообще печать нѣмецкаго выгоднаго вліянія лежитъ на всей польской промышленности и фабричномъ бытѣ. Это вліяніе отражается, между прочимъ, и на организаціи *медицинской помощи*, дѣлая и въ этомъ отношеніи огромную разницу въ бытѣ рабочаго въ царствѣ и въ средней Россіи. Какъ извѣстно, забота о больныхъ рабочихъ въ послѣдней возложена на фабрикантовъ: циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ, отъ 1866 года, повторенный весной 1887 года, установилъ у насъ медицинскую помощь на фабрикахъ, обязавши открывать при нихъ больницы съ разсчетомъ, примѣрно, одной койки на сто рабочихъ. Результаты,

какъ я уже объяснялъ въ другомъ мѣстѣ [1]), не оправдали ожиданій благого распоряженія, и въ дѣйствительности настоящія больницы имѣются лишь на весьма небольшомъ числѣ нашихъ фабрикъ; въ большинствѣ же—медицинская помощь фиктивна и ограничивается отводомъ какой-нибудь пустой комнаты, яко-бы подъ больницу, и много если присутствіемъ или періодическимъ посѣщеніемъ фабрики фельдшеромъ, рѣдко—врачомъ. Повтореніе этого распоряженія правительства въ нынѣшнемъ году подало мысль московскому земству взять медицинскую помощь на фабрикахъ въ свои руки; но неизвѣстно еще, чѣмъ дѣло кончится... Какъ бы то ни было, участь больного рабочаго на фабрикѣ средней Россіи, въ большинствѣ случаевъ, ничѣмъ не обезпечена, и если нѣтъ своей больницы, то рабочій, смотря по роду болѣзни, или валяется нѣсколько дней въ общемъ помѣщеніи, часто заражая здоровыхъ, или помѣщается въ сосѣднюю городскую или земскую больницу, или, еще чаще, просто разсчитывается, удаляется съ фабрики и отправляется домой умирать или выздоравливать. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, если боленъ глава и кормилецъ семьи, то положеніе его семейства крайне безутѣшно: обыкновенно съ началомъ болѣзни, хотя бы она была результатомъ увѣчья или несчастнаго поврежденія отъ машинъ, заработокъ рабочаго прекращается, и семьѣ приходится жить или на собственную работу, если таковая имѣется у остальныхъ членовъ ея, или изъ милости въ домѣ у фабриканта, что, разумѣется, закабаляетъ впослѣдствіи рабочаго, и онъ долженъ по выздоровленіи неопредѣленное время отработывать за все отпускаемое въ домъ изъ фабричной лавки на содержаніе семейства, или идти побираться Христовымъ именемъ.

Помянутый циркуляръ 1866 года, повидимому, совсѣмъ не распространялся на царство польское; по крайней мѣрѣ, примѣненіе его не выразилось ни въ чемъ внѣшнимъ образомъ. Фабричныя больницы въ Привислянскомъ краѣ встрѣчаются еще рѣже, нежели въ средней Россіи, и вся медицинская помощь тамъ держится исключительно на благотворительныхъ началахъ, частью на нѣкоторыхъ затратахъ со стороны фабрикантовъ—на приглашеніи врача или фельдшера, или безплатномъ отпускѣ лекарствъ изъ ближайшей аптеки и помѣщеніи рабочихъ въ ближайшія больницы, съ сохраненіемъ иногда для больныхъ рабочихъ части получаемаго ими содержанія (одна треть, а иногда половина жалованья); чаще же дѣло кончается, какъ и внутри Россіи, про-

[1]) См. „Фабричный отчетъ за 1882—83 гг.“

стымъ разсчитываніемъ рабочаго съ фабрики. Но если медицинская помощь и забота о больныхъ рабочихъ стоитъ для польскихъ фабрикантовъ, въ среднемъ, такъ же мало денегъ, какъ, напр., для московскихъ, зато въ Польшѣ выступаетъ *самодѣятельность* рабочихъ—собственная забота о своихъ больныхъ сочленахъ, на нашихъ фабрикахъ немыслимая, и указывающая на сравнительно бо́льшее развитіе тамошнихъ рабочихъ. Еще въ началѣ двадцатыхъ годовъ, вмѣстѣ съ первыми нѣмецкими эмигрантами и ремесленниками, появились въ Польшѣ цеховыя вспомогательныя кассы для ремесленниковъ, членовъ цеха, въ родѣ кассы суконщиковъ въ Згержѣ, существующей тамъ до нынѣ. Позднѣе, вмѣстѣ съ наплывомъ рабочихъ изъ Берлина и развитіемъ польской промышленности, туда заносились разнаго рода сберегательныя и вспомогательныя общества, знакомыя имъ еще на родинѣ, и главное—такъ-называемыя Krankenkasse, кассы для больныхъ, наиболѣе распространенныя изо всѣхъ подобныхъ обществъ и существующія, по крайней мѣрѣ, у половины польскихъ фабрикъ, и притомъ нерѣдко одна касса для нѣсколькихъ заведеній.

„*Кассы для больныхъ*“ представляютъ собою учрежденія добровольныя—и иначе быть не можетъ, такъ какъ онѣ законнымъ путемъ не разрѣшены; но, тѣмъ не менѣе, какъ приходилось слышать, собственный интересъ заставляетъ иногда рабочихъ оказывать нѣкоторое давленіе на новичковъ; очень часто также хозяева, какъ мы увидимъ дальше, оказываютъ этимъ обществамъ самопомощи болѣе или менѣе значительныя пособія, и во всякомъ случаѣ не препятствуютъ ихъ основанію, хотя опасеніе отвѣтственности иногда и заставляетъ ихъ утаивать отъ русскихъ властей полезный фактъ ихъ существованія. Средства этихъ Krankenkasse составляются, поэтому, самымъ различнымъ образомъ: а) или исключительно изъ взносовъ рабочаго по извѣстному проценту съ заработка (отъ 1% до 3%), или изъ опредѣленнаго недѣльнаго взноса отъ 4 до 10 коп. съ человѣка; б) или изъ взносовъ рабочихъ, съ *приплатой* отъ фабрикантовъ отъ 30% до 50% общей суммы ихъ взносовъ; иногда же послѣдняя приплата совершенно неопредѣленна, и хозяинъ приплачиваетъ—„чего не хватаетъ на нужды кассы“; наконецъ, часто сюда же поступаютъ штрафныя деньги и вычеты за порчу издѣлій, собираемыя хозяиномъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ средства кассы исключительно составляются изъ однѣхъ штрафныхъ денегъ, безъ всякихъ особыхъ взносовъ. Назначеніе кассы состоитъ въ доставленіи члену безплатно всей медицинской помощи, бо́льшею частью на дому, т.-е. касса платитъ по особому договору врачу, фельдшеру, за отпускаемые

медикаменты и т. п., а иногда опасныхъ и заразныхъ больныхъ помѣщаетъ на свой счетъ и въ больницу. Притомъ кассы отнюдь не исключаютъ иногда и прямой помощи отъ хозяина, который въ то же время имѣетъ своего врача или аптеку, а одинъ разъ мнѣ встрѣтилась подобная касса на фабрикѣ, гдѣ даже существуетъ и благоустроенная больница (въ Пабіяницахъ); понятно, что въ такомъ случаѣ самая дѣятельность кассы должна нѣсколько измѣниться, и вообще ихъ организація и правила, при описанныхъ общихъ чертахъ, отличаются по фабрикамъ чрезвычайнымъ разнообразіемъ.

Но главный и общій всѣмъ кассамъ для больныхъ видъ помощи, не встрѣчаемый, къ сожалѣнію, на нашихъ русскихъ фабрикахъ, заключается въ томъ, что кассы эти гарантируютъ больному рабочему часть его заработка и не ставятъ его семейство или самого рабочаго по выздоровленіи въ безъисходное положеніе или кабалу, а именно: кассы выдаютъ больному, болѣе или менѣе продолжительное и условленное правилами время, суточную или недѣльную плату, размѣръ которой опредѣляется иногда извѣстною частью заработка ($^1/_3$ или $^1/_2$), иногда же опредѣленной цифрой денежной помощи. Такимъ образомъ, благодаря существованію этихъ прекрасныхъ обществъ, рабочій во время болѣзни не теряетъ всего, какъ у насъ, и не находится подъ вѣчнымъ страхомъ войти въ неоплатные долги хозяину, или очутиться даже на улицѣ. Нѣкоторыя кассы простираютъ свои благодѣтельныя дѣйствія даже послѣ смерти сочлена и выдаютъ его семейству деньги для необходимыхъ похоронныхъ издержекъ. Нельзя не пожалѣть въ заключеніе, что эти столь полезныя для рабочихъ учрежденія до сихъ поръ не санкціонированы нашимъ законодательствомъ, что до крайности затрудняетъ иногда основаніе новыхъ кассъ, а особенно ведетъ, какъ были тому примѣры, къ безвозвратной потерѣ рабочими денегъ кассъ, находившихся у хозяина, въ случаѣ его банкротства.

Кассы для больныхъ представляютъ лишь одинъ изъ разнообразныхъ видовъ самопомощи и благотворительности, столь же распространенныхъ на польскихъ фабрикахъ, сколько рѣдкихъ на нашихъ. Первое мѣсто между ними по своей важности, нѣтъ сомнѣнія, занимаютъ существующія при многихъ польскихъ фабрикахъ *потребительныя общества*, имѣющія своею цѣлью снабженіе рабочихъ пищею и другими предметами продовольствія. Какъ извѣстно, такія общества еще встрѣчаются на фабрикахъ петербургской губерніи, но въ средней Россіи составляютъ большую рѣдкость; во всей московской губерніи, напримѣръ, насколько

мнѣ извѣстно, до нынѣшняго года существовало лишь одно потребительное общество при коломенскомъ машиностроительномъ заводѣ Струве и лишь въ настоящемъ году недавно открыто еще два другихъ. Затѣмъ, какъ общее правило, рабочіе на нашихъ фабрикахъ снабжаются припасами или съ фабричныхъ лавокъ, или забираютъ на сторонѣ у вольныхъ торговцевъ, но обыкновенно съ поручительствомъ хозяевъ, причемъ, несмотря на запрещеніе закона, при расплатѣ съ поставщиками или маркитантами провизіи для рабочихъ, фабричныя конторы нерѣдко пользуются уступкой извѣстнаго процента въ пользу хозяина или иными douceur'ами, обнаружить которые для фабричной инспекціи, благодаря обоюдному соглашенію, крайне затруднительно (такіе случаи обыкновенно открываются лишь вслѣдствіе ссоры контрагентовъ). На лучшихъ фабрикахъ *харчевыя лавки* даютъ возможность рабочимъ пріобрѣтать нужные припасы по обыкновенной рыночной цѣнѣ, а иногда даже нѣсколько дешевле; въ большинствѣ же—не менѣе десяти, двадцати и даже до пятидесяти процентовъ дороже, и притомъ очень часто худого качества, такъ что потери рабочихъ, несмотря даже на распространенную артельную форму продовольствія, на переплатахъ въ провизіи должны быть весьма значительны и поглощаютъ напрасно часть ихъ заработка. Еще худшее вліяніе, впрочемъ, чѣмъ сама дороговизна припасовъ, оказываетъ отпускъ ихъ въ кредитъ—прежде, до выхода въ свѣтъ закона 3-го іюня 1886 года, можетъ быть и необходимый, но нынѣ, при регулярной (по крайней мѣрѣ—по закону) расплатѣ съ рабочими, не только излишній, но крайне вредный. Лавки крупныхъ фабрикъ представляютъ собой цѣлые обширные магазины, заключающіе въ себѣ не только предметы необходимости, но и всѣ предметы прихоти и роскоши, доступные рабочему и даже выше того. Слабохарактерный и всегда имѣющій мало наличныхъ денегъ рабочій вѣчно соблазняется, при доступности кредита, набирать больше, чѣмъ ему нужно, и часто—предметовъ безполезныхъ, истощающихъ его и безъ того скудный бюджетъ; на нѣкоторыхъ фабрикахъ, какъ я показалъ въ своемъ мѣстѣ [1]), это забираніе въ кредитъ вводитъ его даже въ неоплатные долги хозяину. Еще въ 1886 году московскій генералъ-губернаторъ, съ цѣлью устранить замѣченныя злоупотребленія на московскихъ фабрикахъ, издалъ обязательныя постановленія, въ которыхъ поручилъ мѣстной полиціи контролировать расцѣнки или таксы фабричныхъ лавокъ. Затѣмъ, когда вступилъ въ силу, съ 1-го октября 1886 года, новый за-

[1]) См. „Фабр. отчетъ за 1882—83 г.“.

конъ о наймѣ фабричныхъ рабочихъ, то контроль этотъ перешелъ къ фабричной инспекціи и, какъ извѣстно, вызвалъ противъ себя сильное неудовольствіе фабрикантовъ и цѣлую бурю въ органахъ прессы, имъ принадлежащихъ. Нельзя не сознаться, что при всей безусловной важности такого контроля въ интересахъ рабочихъ онъ является, по многимъ причинамъ, крайне затруднительнымъ и рискуетъ обратиться современемъ въ пустую формальность, если законодательство не уничтожитъ совсѣмъ фабрично-лавочный кредитъ, безполезный при условіи правильной расплаты, которую многіе наши фабриканты болѣе всего не любятъ. Другимъ исходомъ можетъ быть поощреніе на фабрикахъ потребительныхъ обществъ, что и начинаютъ сознавать, какъ я привелъ два примѣра, наиболѣе благоразумные изъ нашихъ предпринимателей (Струве, Гужонъ и Прохоровы); для большинства же русскихъ промышленниковъ доходъ отъ фабричной лавки является составною частью общаго дохода отъ предпріятія, за которую они держатся крайне цѣпко.

Иначе организовано снабженіе продовольствіемъ рабочихъ на фабрикахъ царства польскаго. Какъ правило, фабричныя лавки тамъ совершенно не существуютъ: посѣтивши всѣ наиболѣе видныя фабрики въ промышленныхъ центрахъ края, я лишь однажды встрѣтилъ исключеніе въ видѣ продовольственнаго магазина съ продажей немногихъ припасовъ при одномъ варшавскомъ заводѣ, но и этотъ магазинъ былъ устроенъ по просьбѣ самихъ рабочихъ и отпускалъ припасы лишь съ надбавкой 2% на оптовыя цѣны. Польскіе рабочіе, получая аккуратно деньги, или забираютъ припасы, гдѣ желаютъ, въ частныхъ лавкахъ, или устроиваютъ, съ цѣлью избавиться отъ эксплоатаціи лавочниковъ, потребительныя товарищества, которыя бываютъ двухъ видовъ: или совершенно самостоятельныя, т.-е. возникаютъ по иниціативѣ самихъ рабочихъ на ихъ личную складчину, или съ помощью и по иниціативѣ хозяевъ. Большею частью встрѣчается второй типъ потребительныхъ обществъ: хозяева обыкновенно даютъ для лавки помѣщеніе или оказываютъ денежную помощь при закупкѣ припасовъ и обзаведеніи лавки, а служащіе, какъ болѣе интеллигентные люди, оказываютъ дѣятельное участіе личнымъ трудомъ или совѣтами, а иногда и денежными средствами. Вообще можно считать за правило, что хозяева въ Польшѣ не пользуются прибылью отъ продовольствія рабочихъ, не смѣшивая, такимъ образомъ, своихъ прибылей отъ промышленнаго предпріятія съ лавочными доходами отъ своихъ собственныхъ рабочихъ, и вообще расплата подъ тѣмъ или инымъ видомъ припасами или товарами (т.-н. Truck-

system), по крайней мѣрѣ на извѣстныхъ мнѣ фабрикахъ въ Привислянскомъ краѣ встрѣчается, обратно съ Москвой, очень рѣдко—рѣже даже, думаю, на основаніи фабрично-инспекторскихъ отчетовъ, нежели въ сосѣднихъ Германіи и Австріи, и, можетъ быть, именно благодаря болѣе высокой доходности промышленныхъ предпріятій подъ защитой охранительнаго тарифа.

Кромѣ кассы для больныхъ и потребительныхъ обществъ, польскія фабрики имѣютъ многія другія учрежденія для удовлетворенія различныхъ нуждъ рабочихъ, частью основанныхъ на началахъ самопомощи, при развитой самодѣятельности хозяевъ и особенностяхъ самого фабричнаго акта. Учрежденія эти вообще несравненно многочисленнѣе, нежели на фабрикахъ средней Россіи, а самые способы благотворительности—разнообразнѣе и разностороннѣе московскихъ. Чаще всего изъ нихъ встрѣчаются *сберегательныя кассы* разнаго устройства (болѣе нежели у четвертой части всѣхъ извѣстныхъ мнѣ фабрикъ). Нѣкоторыя изъ этихъ кассъ имѣютъ исключительно въ виду сбереженіе денегъ; другія же являются и вспомогательными учрежденіями, откуда служащіе или рабочіе могутъ позаимствоваться въ трудную минуту жизни на льготныхъ условіяхъ. Излишне распространяться о важномъ значеніи такихъ учрежденій, у насъ еще весьма рѣдкихъ, а между тѣмъ одинаково выгодныхъ, какъ для рабочихъ, такъ и для хозяевъ. Сберегательныя кассы вызваны на свѣтъ на польскихъ фабрикахъ опять-таки общераспространенной тамъ регулярной расплатой съ рабочими, что̀ на нашихъ фабрикахъ до новаго закона 1886 года было лишь исключеніемъ. Получая аккуратно деньги и не желая ихъ цѣликомъ растрачивать, польскій рабочій, весьма естественно, при малочисленности государственныхъ учрежденій въ этомъ родѣ, сходился интересами съ хозяиномъ, которому, въ свою очередь, выгодно, конечно, удержать часть заработной платы для оборота; и вотъ, по взаимному соглашенію и при надлежащемъ, конечно, довѣріи, открывается касса, куда рабочій немедленно отдаетъ часть только-что полученныхъ имъ денегъ, а хозяинъ, за умѣренный процентъ, получаетъ иногда, при крупной численности рабочихъ, и значительныя суммы свободныхъ денегъ, привязывая въ то же время лучшихъ рабочихъ къ своему заведенію.

Послѣдней цѣли весьма способствуетъ также и устройство на нѣкоторыхъ польскихъ фабрикахъ (мнѣ извѣстно—на семи) уже самими хозяевами спеціальныхъ *пенсіонныхъ фондовъ*, изъ которыхъ выдаются рабочимъ пенсіи подъ старость или въ случаѣ увѣчья, или же, по желанію, такія лица помѣщаются въ бо-

гадельни. Эти прекрасныя учрежденія устроиваются на различныхъ началахъ, но вообще по иниціативѣ владѣльцевъ: иногда такіе фонды или богадельни содержатся на особый капиталъ, пожертвованный хозяиномъ, иногда—на пособія отъ хозяина, съ прибавкой сюда всѣхъ штрафныхъ денегъ съ рабочихъ; наконецъ, самый распространенный видъ — составленіе такого фонда ежегоднымъ отчисленіемъ извѣстнаго процента съ прибыли (отъ 2% до 5%).

Наконецъ, совершенно своеобразный видъ благотворительности, занесенный также изъ Германіи и у насъ до послѣдняго времени совсѣмъ невстрѣчаемый, составляетъ на польскихъ фабрикахъ *страхованіе рабочихъ отъ увѣчья и несчастій* отъ машинъ; онъ встрѣчается преимущественно на фабрикахъ, содержимыхъ иностранцами [1]). Съ цѣлью обезпечить участь пострадавшихъ, хозяева застраховываютъ ихъ на свой собственный счетъ, обыкновенно въ какомъ-нибудь заграничномъ страховомъ обществѣ (чаще всего въ Schweizer-Unfallversicherungs-Actien-Gesellschaft, агентъ котораго живетъ въ Лодзи), причемъ уплата преміи во всѣхъ случаяхъ совершается, какъ я имѣлъ возможность удостовѣриться, безъ вычетовъ съ рабочихъ; при этомъ рабочему, получившему увѣчье перваго класса, выдается лично или семейству его тысячедневный заработокъ по послѣдней высотѣ его, второго—пятисотъдневный; то же самое касается, большею частью, и служащихъ.

Чтобы познакомить со всѣмъ разнообразіемъ встрѣчающихся на польскихъ фабрикахъ благотворительныхъ учрежденій, приведу лишь перечень такозыхъ на одной только фабрикѣ Шейблера—одной изъ крупнѣйшихъ во всей Россіи. Кромѣ больницы, аптеки, двухъ школъ, ресторана и пр., фабрика имѣетъ слѣдующія собственно благотворительныя учрежденія: 1) *потребительное общество*; фабрика даетъ для него безплатно зданіе, квартиру для служащихъ и капиталъ, нужный для оборота (268.349 р. за

[1]) Въ прошломъ году на одномъ химическомъ заводѣ въ московской губерніи, *принадлежащемъ также иностранцу*, въ первый разъ, насколько мнѣ извѣстно, рабочіе застрахованы отъ увѣчья и несчастія. Слышалъ о другой такой же попыткѣ, *также* на фабрикѣ, принадлежащей *иностранцу*, но не имѣлъ возможности удостовѣриться. Вообще въ данномъ случаѣ повторяется то же самое, что извѣстно по поводу вліянія англійскаго законодательства объ огражденіи опасныхъ механизмовъ: благодаря строгому контролю англійской инспекціи, тамошніе машиностроительные заводы не выпускаютъ машины иначе, какъ уже съ готовыми ограженіями, и русскіе рабочіе на тѣхъ фабрикахъ, гдѣ машины выписываются изъ Англіи, пользуются такимъ образомъ благодѣяніями, предназначенными для рабочихъ англійскихъ. Въ приведенномъ выше примѣрѣ то же самое является результатомъ германскаго законодательства.

послѣдній отчетный годъ), и общество береть лишь 5% на продаваемые продукты, прибыль же присоединяетъ къ капиталу вспомоществованія; 2) *общество вспомоществованія для престарѣлыхъ и увѣчныхъ*, на что фабрика даетъ ежегодно 7.466 рублей; 3) *сберегательная и вспомогательная касса для служащихъ, получающихъ* менѣе двухъ съ половиною тысячъ въ годъ; капиталъ образуется вычетомъ 5% съ жалованья участниковъ и таковой же приплатой отъ фабрики; 4) *пенсіонный фондъ для рабочихъ*, который поддерживается отчисленіемъ 2% отъ валовой прибыли фабрики, что составляетъ въ годъ около 25.000 рублей; 5) *сберегательная касса для рабочихъ*—и нѣкоторыя другія учрежденія.

Замѣчу въ заключеніе, что всѣ описанныя благотворительныя учрежденія, въ числѣ многихъ десятковъ разныхъ видовъ, встрѣчаются на 87 мнѣ извѣстныхъ лично польскихъ фабрикахъ; между тѣмъ, изъ описанныхъ мною московскихъ фабрикъ, въ отчетѣ за 1882 — 83 г., на 158 фабрикъ приходилось всякаго рода благотворительныхъ учрежденій—всего лишь 10... Sapienti sat!!!

Мы сдѣлали въ нашемъ сравнительномъ очеркѣ обзоръ всѣхъ важнѣйшихъ моментовъ въ жизни фабричнаго рабочаго средней Россіи и Привислянскаго края—и должны въ заключеніе придти къ слѣдующимъ выводамъ:

1) Польскій рабочій не только абсолютно получаетъ плату большую, нежели московскій (кромѣ Сосновицъ), но, по всей вѣроятности, трудъ его интенсивнѣе, производительнѣе, нежели московскаго рабочаго; послѣднее предположеніе, между прочимъ, подтверждается тѣмъ, что, несмотря на общую малограмотность населенія Привислянскаго края, тамошній фабричный рабочій грамотнѣе и, слѣдовательно, развитѣе московскаго; косвеннымъ удостовѣреніемъ того же положенія служитъ также болѣе развитая иниціатива и самодѣятельность польскихъ рабочихъ, которая находитъ себѣ выраженіе въ разнородныхъ учрежденіяхъ самопомощи, устроиваемыхъ рабочими на польскихъ фабрикахъ и почти не встрѣчаемыхъ у насъ, за исключеніемъ продовольственныхъ артелей.

2) Польскій рабочій имѣетъ менѣе праздниковъ въ году, но въ теченіе дня и года трудится меньшее число часовъ, т.-е. его трудъ менѣе напряженъ и вреденъ для здоровья; польскій же промышленникъ отъ мѣньшаго количества праздниковъ, сравнительно съ московскимъ, *количественно* во времени не выигры-

ваетъ, но *качественно*, благодаря болѣе правильному распредѣленію годичной работы, несомнѣнно получаетъ выгоду.

3) Отношенія польскаго рабочаго къ своему хозяину нормальнѣе и лучше, нежели московскаго, что̀ выражается во всѣхъ главныхъ фактахъ его жизни. По огромной практической важности этого пункта остановимся на немъ подольше и разберемъ подробнѣе.

Никто не будетъ, вѣроятно, оспаривать, что главныя начала благоустройства каждой фабрики заключаются во взаимномъ согласіи хозяевъ и рабочихъ, въ привязанности послѣднихъ къ дѣлу и нежеланіи часто мѣнять и бросать работу, какъ это нерѣдко, къ сожалѣнію, бываетъ съ нашими рабочими. Я не говорю уже о такъ-называемыхъ безпорядкахъ или волненіяхъ на фабрикахъ, которые случаются гораздо чаще, нежели извѣстно нашей публикѣ, такъ какъ въ большинствѣ прекращаются домашними средствами. Подобныя происшествія одинаково прискорбны и невыгодны для обоюдныхъ интересовъ и, задерживая спокойный ходъ развитія промышленности, приносятъ важный матеріальный ущербъ всей странѣ. Спрашивается теперь: какія же необходимыя условія требуются для существованія добраго согласія между двумя сторонами? Безъ сомнѣнія, условій такихъ много; но, на основаніи одинаковаго знакомства съ русской фабричной жизнью, какъ и съ опытомъ западной Европы, элементарными и въ то же время несомнѣнными условіями такого согласія слѣдуетъ считать устраненіе всѣхъ такихъ поводовъ, которые чаще всего ведутъ за собой къ неудовольствію между хозяевами и рабочими. Поэтому прежде всего необходимы:

а) Правильная регулярная расплата съ рабочими и строгое обоюдное соблюденіе договора о наймѣ. Разъ рабочій знаетъ, что его трудъ никоимъ образомъ не можетъ остаться неоплаченнымъ, что онъ получитъ свои деньги въ извѣстный срокъ, а не когда хозяину вздумается, то тѣмъ самымъ рабочій регулируетъ свои издержки, сводитъ концы съ концами, не входя въ долги, а можетъ быть даже сберегая, и вообще остается господиномъ своихъ матеріальныхъ средствъ, своего заработка. Точно также, если рабочій знаетъ, что хозяинъ не можетъ безнаказанно нарушить условіе договора, напр. разсчитать его до срока, то и въ свою очередь остережется его нарушить и будетъ уважать такой законъ.

б) Умѣренное штрафованіе, если того совсѣмъ нельзя избѣжать, и безусловное отсутствіе своекорыстнаго мотива въ такомъ штрафованіи. Нашъ рабочій слишкомъ привыкъ къ на-

казанію, чтобы не подчиниться ему, когда чувствуетъ себя виновнымъ, а наказаніе заслуженнымъ. Другое дѣло, если поводы къ штрафованію мелочны, придирчивы и часто повторяемы, и особенно когда такіе штрафы поступаютъ въ карманъ хозяина, и онъ, слѣдовательно, или его представители заинтересованы въ ихъ назначеніи.

в) Третье необходимое условіе взаимнаго согласія на фабрикахъ заключается въ правильной постановкѣ продовольствія рабочихъ, т.-е. чтобы рабочій не видалъ стремленія со стороны хозяина наживаться на счетъ его издержекъ на необходимые предметы пропитанія; что если существуетъ при фабрикѣ лавка, то цѣны умѣренны, не дороже, чѣмъ у сосѣдей, а припасы хорошаго качества; чтобы онъ видѣлъ и убѣждался, что лавка устроена лишь для его удобства, а не какъ средство для поглощенія всего его заработка.

Вотъ важнѣйшія изъ условій, необходимыхъ для созданія добрыхъ отношеній и взаимнаго довѣрія между фабричнымъ предпринимателемъ и его наемниками. Безпрестанно сопоставляя все, до сихъ поръ сказанное, по сравненію фабрикъ на разныхъ концахъ нашего государства, нельзя не придти къ сознанію, что польскія фабрики выше и благоустроеннѣе московскихъ и другихъ губерній средней Россіи, мнѣ извѣстныхъ. Разберемъ эти отношенія детально, резюмируя все сказанное и имѣя въ виду русскія фабричныя отношенія до примѣненія закона 3-го іюня 1886 года. Не нужно забывать при этомъ, что пройдутъ годы прежде, чѣмъ начала новаго благодѣтельнаго закона войдутъ въ жизнь и прочно измѣнятъ существующіе обычаи.

Возьмемъ, во-первыхъ, *расплату*. Уже было сказано, что въ Польшѣ, какъ господствующее обыкновеніе, она совершается на всѣхъ фабрикахъ правильно, не рѣже двухъ разъ въ мѣсяцъ, т.-е. самаго краткаго термина, установленнаго для московской губерніи новымъ закономъ 3-го іюня 1886 года. Напротивъ, на среднерусскихъ фабрикахъ, до вступленія закона въ силу, расплата не регулировалась ни закономъ, ни обычаемъ, и повсемѣстно была неправильна и неопредѣленна. Законъ измѣнилъ этотъ порядокъ и потребовалъ разсчета съ рабочими въ правильные сроки и въ извѣстныхъ случаяхъ предупрежденія рабочихъ за двѣ недѣли до отказа отъ занятія, что такъ распространено, какъ мы видѣли, само по себѣ уже въ Польшѣ. Но одно дѣло — издать законъ, другое — добиться его исполненія: инспекція, какъ мнѣ достовѣрно извѣстно, до сихъ поръ завалена кучами жалобъ на неправильность расплаты и самовольные отпуски безъ предупрежденія. По-

слѣднее до сихъ поръ является въ глазахъ московскихъ фабрикантовъ нестерпимымъ нарушеніемъ хозяйскихъ правъ распоряженія своей фабрикой и вызываетъ ихъ неудовольствіе; такъ что пройдетъ, вѣроятно, не мало времени, пока этотъ порядокъ вещей на нашихъ фабрикахъ войдетъ въ такую же норму, въ какой онъ давно уже находится въ Польшѣ.

Организація *штрафовъ* также кладетъ важную разницу на отношенія хозяевъ и рабочихъ въ обоихъ сравниваемыхъ пунктахъ Россіи: за нѣкоторыми, весьма немногими, исключеніями штрафы на фабрикахъ царства польскаго умѣренны, взимаются по малому количеству поводовъ и на большинствѣ фабрикъ, какъ было въ своемъ мѣстѣ помянуто, идутъ на благотворительныя цѣли: кассы для больныхъ, пенсіонные фонды и т. п., т.-е., такъ или иначе, возвращаются, большею частію, самимъ же рабочимъ. Наоборотъ, на фабрикахъ средней Россіи штрафы отличаются своими крупными размѣрами, крайнимъ разнообразіемъ поводовъ, доходящимъ до своего рода виртуозности, и, за немногими исключеніями, составляютъ доходную статью хозяина. Изъ нѣсколькихъ, въ послѣдніе годы опубликованныхъ процессовъ извѣстно, до какихъ почтенныхъ цифръ достигаетъ иногда эта выгодная статья и къ какимъ серьезнымъ волненіямъ, одинаково вреднымъ для обѣихъ сторонъ, она приводитъ. Между тѣмъ привычка настолько сильна, что весь первый годъ послѣ вступленія закона 3-го іюня 1886 г. въ силу прошелъ въ борьбѣ фабрикантовъ съ инспекціей, главнымъ образомъ, изъ-за присвоенія себѣ этихъ штрафовъ, съ которыми не хочется разстаться...

Третья важная сторона фабричнаго быта — *продовольствіе* — организована въ Польшѣ, вслѣдствіе отсутствія фабричныхъ лавокъ и распространенности потребительныхъ обществъ, такимъ образомъ, что уничтожаетъ въ корнѣ одинъ изъ частныхъ поводовъ къ мелкому ежедневному недовольству рабочаго на своего хозяина, имѣющему основаніе на большинствѣ русскихъ фабрикъ.

Таковы главнѣйшіе выводы изъ нашего сопоставленія, исключительно основаннаго на личныхъ наблюденіяхъ условій фабричнаго акта двухъ промышленныхъ районовъ русскаго государства. Невольно отсюда является вопросъ: что же слѣдуетъ сдѣлать къ улучшенію существующихъ на русскихъ фабрикахъ отношеній хозяевъ и рабочихъ, къ увеличенію взаимнаго согласія и довѣрія и упроченію желаемыхъ для мирнаго развитія промышленности порядка и спокойствія на фабрикахъ, безусловно важныхъ, нѣтъ сомнѣнія, даже въ интересахъ конкурренціи этихъ промышленныхъ районовъ нашей страны?

Весьма ясный и категорическій отвѣтъ на этотъ вопросъ данъ самимъ правительствомъ, а именно — новымъ фабричнымъ закономъ, Высочайше утвержденнымъ 3-го іюня 1886 года. Этотъ важнѣйшій памятникъ нашего промышленнаго законодательства внесъ въ русскій фабричный бытъ новыя начала, въ значительной степени измѣняющія тѣ аномаліи, о которыхъ только-что мы распространялись. Законъ этотъ изданъ именно съ цѣлью установить на нашихъ фабрикахъ *большее благоустройство* и *улучшить* взаимныя отношенія хозяевъ и рабочихъ. Въ самомъ дѣлѣ, его существенныя положенія можно привести къ слѣдующему: 1) регулированіе расплаты и сроковъ найма; 2) регулированіе штрафовъ, и 3) регулированіе продовольствія (контроль за фабричными лавками) и поощреніе потребительныхъ товариществъ.

Вотъ что̀ сдѣлало правительство для упорядоченія нашего фабричнаго быта; но, само собой разумѣется, что благія и гуманныя предначертанія закона окажутся безсильными измѣнить что-либо къ лучшему, если сами заинтересованныя лица, вмѣсто теперешней апатіи и даже непріязни, не пойдутъ на встрѣчу намѣреніямъ закона, не помогутъ его выполненію и не проникнутся убѣжденіемъ, что законъ этотъ имѣетъ именно въ виду *вывести нашу фабричную промышленность изъ того хаотическаго состоянія, въ которомъ находится ея внутренняя жизнь*, и которое ставитъ ее въ неблагопріятное положеніе, даже по сравненію съ Привислянскимъ краемъ, не говоря уже о западной Европѣ. Пора сознать нашимъ промышленникамъ, что нельзя успокоиваться и ограничиваться однимъ „лишь повышеніемъ охранительныхъ пошлинъ“ и на нихъ возлагать всю надежду для поднятія промышленности; необходимо подумать о мѣрахъ къ улучшенію всего внутренняго фабричнаго быта и способовъ самаго производства.

Дальнѣйшая поддержка и проведеніе въ жизнь началъ гуманнаго закона, повторяемъ, являясь однимъ изъ существенныхъ условій улучшенія быта рабочихъ и ихъ состава на нашихъ фабрикахъ, послужитъ къ улучшенію самой промышленности, а слѣдовательно явится и новымъ орудіемъ успѣшной конкурренціи промышленности центральныхъ губерній съ губерніями Привислянскаго края.

Иванъ Янжулъ.

Москва, декабрь 1887.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ РОСПИСЬ

на 1888 годъ.

Государственная роспись на 1888-ый годъ задолго еще до своего появленія вызывала въ обществѣ и въ печати оживленные толки, предметомъ которыхъ было предположеніе, что только рядомъ новыхъ налоговъ и повышеніемъ нѣкоторыхъ изъ существующихъ уже государственныхъ доходовъ и расходовъ будетъ установлено равновѣсіе, повидимому, безвозвратно покинувшее наши росписи. Появившійся 1-го января всеподданнѣйшій докладъ управляющаго министерствомъ финансовъ (нынѣ министра) о государственной росписи на 1888 годъ не опровергнулъ того предположенія: роспись, по крайней мѣрѣ въ главной ея части,—въ отдѣлѣ обыкновенныхъ доходовъ и расходовъ,—сведена съ превышеніемъ доходовъ въ 500.000 р., что́ достигнуто дѣйствительно значительнымъ увеличеніемъ доходнаго бюджета, посредствомъ возвышенія въ немъ нѣкоторыхъ изъ существующихъ косвенныхъ налоговъ и введеніемъ новыхъ. Не въ этомъ ли обстоятельствѣ кроется и причина того, не совсѣмъ обычайнаго, явленія, а именно, что отсутствіе дефицита въ нашемъ бюджетѣ мало воздѣйствовало на улучшеніе нашего кредита, ибо и послѣ того нашъ курсъ продолжалъ свое паденіе попрежнему?

Сплошные дефициты нашихъ бюджетовъ послѣднихъ лѣтъ, составившіе въ общей суммѣ за семь лѣтъ, 1880—1886, около 250 мил. р.,—среднимъ числомъ по 35 м. р. въ годъ,—естественно могли внушать тревожное чувство. Столь ненормальное положеніе государственныхъ финансовъ должно было вызвать серьезное вниманіе—и тѣ или другія мѣры къ его устраненію. На необходимость такихъ мѣръ не упускала случая указывать и наша печать при ежегодномъ разсмотрѣніи росписей и отчетовъ объ ихъ исполненіи. Правда, мы по этому

поводу высказывались за введеніе у насъ прямого подоходнаго налога и противъ слишкомъ разнообразныхъ и слишкомъ высокихъ косвенныхъ налоговъ, прежде всего потому, что по такимъ налогамъ народу всегда приходится платить значительно болѣе того, что̀ получаетъ казна, тогда какъ по прямому налогу все взятое съ народа попадаетъ почти сполна въ государственное казначейство. Но, во всякомъ случаѣ, мы прежде всего стояли и теперь стоимъ за водвореніе порядка въ нашихъ бюджетахъ, необходимаго вездѣ не только въ исключительно финансовомъ, но и въ международномъ отношеніи. Для установленія этого порядка бездефицитное сведеніе росписи, конечно, составляетъ первый шагъ, хотя, къ сожалѣнію, далеко еще не рѣшающій вопроса окончательно,—и притомъ многое зависитъ отъ того, какимъ образомъ сдѣланъ этотъ шагъ, по какому пути онъ направленъ.

Замѣтимъ прежде всего, что сведеніе росписи безъ дефицита у насъ вовсе не такое небывалое явленіе, какъ это можетъ казаться тѣмъ, кто не слѣдилъ постоянно за оборотами нашихъ бюджетовъ. Напротивъ, въ былое время оно вызывало даже неудовольствіе и въ обществѣ, и въ печати, встрѣтившей даже съ сочувствіемъ роспись 1881 года, сведенную съ громаднымъ дефицитомъ въ 50 мил. р.: всѣ усматривали въ такой росписи со стороны министерства финансовъ искреннее и откровенное отношеніе къ дѣлу и къ общественному мнѣнію. Въ примѣръ обратнаго могутъ быть приведены росписи 1880 и 1883 годовъ. Обѣ онѣ были сведены съ избыткомъ въ доходахъ не на $^1/_2$ милліона, а почти на цѣлыхъ 6 мил. руб.; и дѣйствительно, такой избытокъ не помѣшалъ, по ихъ исполненіи, оказаться дефицитомъ: по первой—слишкомъ въ 43 мил. рублей, и по второй—до 25 мил. рублей. Можно найти и противоположные тому случаи: роспись 1878 г. была сведена съ дефицитомъ въ 21 мил. р.; при ея же исполненіи оказалось превышеніе доходовъ надъ расходами въ суммѣ болѣе 25 мил. рублей. Впрочемъ, этотъ случай относится къ тому времени, когда налоги, далеко еще не доведенные до ихъ нынѣшняго размѣра, обладали достаточною эластичностью и способностью доставлять казнѣ гораздо болѣе того, что̀ отъ нихъ ожидалось. Теперь на возможность подобныхъ случаевъ разсчитывать трудно, и потому, какъ мы сказали, первымъ шагомъ къ удачному исполненію росписи должно быть составленіе ея безъ дефицита. Впрочемъ, нужно оговориться: тотъ или другой бюджетный результатъ не имѣетъ значенія, или имѣетъ только временное—и часто зависитъ отъ случая. На 1882-ой годъ послѣдовало существенное измѣненіе въ системѣ заготовленія вещевыхъ запасовъ военнаго вѣдомства, что̀, вмѣстѣ съ другими незначительными сбереженіями, сократило расходы этого вѣдомства на 25 мил. рублей. Еслибы это измѣненіе было предпри-

нято годомъ позже, то дефицитъ 1882 г. былъ бы значительнѣе; но зато по исполненію росписи за 1883 г. оказалось бы превышеніе доходовъ надъ расходами. Другой примѣръ, также въ видѣ случая: коммиссія по разсчетамъ съ николаевской желѣзной дорогой за прежнее время могла окончить свои занятія не въ концѣ, а въ началѣ прошлаго года, вслѣдствіе чего причитающееся съ этой дороги поступило бы въ казну по смѣтѣ 1887 года и не попало бы, какъ теперь, въ роспись 1888 года, а это привело бы къ заключенію этой росписи съ дефицитомъ, равняющимся средней цифрѣ дефицитовъ, исчисленныхъ по росписямъ послѣднихъ пяти лѣтъ. Съ другой стороны, такой случай не повторится при составленіи бюджета на ближайшій, 1889 годъ.

Итакъ, важны не случайные цифровые результаты по бюджету того или другого года, а прочное установленіе соотвѣтствія государственныхъ потребностей съ средствами къ ихъ удовлетворенію. Нѣтъ сомнѣнія, что въ этомъ отношеніи обороты и одного года имѣютъ значеніе: роспись безъ дефицита, все же, въ данную минуту можно считать лучше росписи съ дефицитомъ. Но дѣло въ томъ, что толки, которые ведутся и велись по поводу росписи 1888 г., выходятъ изъ предѣловъ успокоившейся заботы о результатѣ предстоящаго финансоваго года; думаютъ, что теперь все исправлено,—и росписи этой какъ бы придается вообще рѣшающее значеніе въ вопросѣ о нашихъ государственныхъ бюджетахъ. Поэтому-то она заслуживаетъ особеннаго вниманія. Намъ предстоитъ разсмотрѣть, во-первыхъ: дѣйствительно ли—отсутствіе дефицита въ росписи ручается за то, что и при исполненіи ея такового не окажется; и во-вторыхъ: дѣйствительно ли она составляетъ поворотный шагъ къ улучшенію, хотя бы и медленному, общаго положенія нашихъ государственныхъ бюджетовъ?

По государственной росписи *обыкновенныхъ доходовъ и расходовъ* на 1888 годъ—доходовъ исчислено 851.767.628 р., а расходовъ, вошедшихъ въ смѣтныя назначенія, 845.767.628 р., и сверхъ того 6 мил. рублей на экстраординарныя, не вошедшія въ смѣты, надобности; всего *851.242.423* р., что̀ представляетъ избытокъ доходовъ надъ расходами на сумму полумилліона съ небольшимъ рублей. Такой результатъ, какъ бы весьма благопріятный, по сравненію съ росписями двухъ предшествовавшихъ лѣтъ, получается—вслѣдствіе увеличенія (противъ росписи на 1887 годъ) доходовъ, по 26 статьямъ росписи, на 78 м. р., что̀, при уменьшеніи ихъ по другимъ 11 статьямъ на 19½ мил. рублей, составитъ увеличеніе на 58½ мил. руб. Сравнительно же съ суммой дѣйствительно поступившихъ доходовъ въ 1886 году, роспись 1888-го года представляетъ (принимая въ счетъ и оборотные доходы) увели-

ченіе на 84 мил. р. Въ прежнихъ статьяхъ нашихъ по поводу государственныхъ росписей мы не разъ уже указывали на косность, обнаружившуюся въ послѣднее пятилѣтіе въ нашихъ доходахъ, передъ тѣмъ изъ года въ годъ быстро возраставшихъ. Послѣднее значительное увеличеніе ихъ, сравнительно съ предшествовавшимъ годомъ (слишкомъ на 50 мил. рублей) замѣчается въ 1882 году, а затѣмъ, несмотря на увеличеніе размѣра нѣкоторыхъ налоговъ и введеніе новыхъ, доходы уже увеличивались едва замѣтно: такъ, въ 1886 году ихъ поступило больше противъ 1882 года всего лишь на 16 мил. рублей. Теперь же, въ 1888 году, ожидается разомъ ихъ увеличеніе на 80 мил. рублей слишкомъ!.. Въ виду этого, прежде всего возникаетъ вопросъ: дѣйствительно ли есть основаніе разсчитывать, что при исполненіи доходной росписи 1888 года оправдаются такія возлагаемыя на нее надежды?

Увеличеніе доходовъ въ 1888 году, какъ это указано выше, должно прежде всего произойти вслѣдствіе возвышенія размѣра нѣкоторыхъ существующихъ налоговъ и установленія новыхъ, а именно:

а) по податямъ, поземельному и лѣсному налогамъ, вслѣдствіе возвышенія государственнаго поземельнаго налога въ 22 губерніяхъ европейской Россіи и введенія нѣкоторыхъ новыхъ видовъ налоговъ въ Закавказскомъ краѣ;

б) по налогу за право торговли, вслѣдствіе вновь установленнаго сбора съ торговыхъ свидѣтельствъ, выбираемыхъ акціонерными обществами, и съ промысловыхъ документовъ;

в) по питейному доходу, независимо отъ обнаружившагося въ 1887 г. нѣкотораго поступательнаго движенія этого дохода; отъ увеличенія акциза на 1/4 к. съ градуса, или на 25 коп. съ ведра безводнаго спирта;

г) по табачному доходу, въ виду возвышенія размѣра акциза съ табака;

д) по гербовымъ пошлинамъ, вслѣдствіе увеличенія размѣра простого гербоваго сбора и цѣнъ актовой бумаги, а также отъ обложенія гербовымъ сборомъ нѣкоторыхъ документовъ, прежде не подлежавшихъ обложенію;

е) наконецъ, ожидается увеличеніе дохода на 5 мил. р. отъ установленнаго вновь акциза съ нефтяныхъ маслъ, и на 1 мил. р. отъ акциза съ зажигательныхъ спичекъ.

Всего, какъ это видно изъ всеподданнѣйшаго доклада министра финансовъ, вслѣдствіе увеличенія доходовъ отъ одного возвышенія существовавшихъ налоговъ и отъ введенія новыхъ въ роспись, внесено на сумму около 31 мил. рублей.

Для сознательнаго отвѣта на поставленный выше вопросъ: дѣй-

ствительно ли поступитъ отъ увеличенія указанныхъ налоговъ вся исчисленная сумма,—было бы необходимо провѣрить тѣ данныя, на которыхъ основаны соображенія министерства финансовъ, а къ сожалѣнію данныхъ этихъ мы не имѣемъ. Но соображенія по этому предмету, также какъ и сама роспись, провѣрялись и просматривались вполнѣ компетентными высшими государственными учрежденіями; затѣмъ, въ докладѣ мы находимъ собственное удостовѣреніе министра финансовъ, что совокупность принятыхъ мѣръ (усиленіе нѣкоторыхъ существующихъ обложеній и акцизные сборы съ керосина и зажигательныхъ спичекъ) должны дать, при полномъ ихъ дѣйствіи, усиленіе государственныхъ средствъ на сумму до 52 мил. р. Между тѣмъ, въ роспись внесено лишь три пятыхъ этой суммы, т.-е. около 31 мил. р., именно въ виду того, что не всѣ налоги будутъ взиматься въ увеличенномъ размѣрѣ съ самаго начала года, что при введеніи новаго налога нѣкоторая часть облагаемыхъ предметовъ ускользаетъ отъ обложенія, и что возвышеніе налоговъ, какъ бы они ни было умѣренно, можетъ, однако, отразиться уменьшеніемъ потребленія соотвѣтствующихъ предметовъ, т.-е. уменьшеніемъ самаго сбора.

Допустимъ, что сказанное нами можетъ ручаться не только за ариѳметическую вѣрность сдѣланныхъ министерствомъ финансовъ исчисленій, но и за вѣроятность, что они осуществятся,—однако, не болѣе, какъ за вѣроятность: экономическія явленія не всегда подчиняются ариѳметически-выведенному регламенту. За примѣрами ходить недалеко: припомнимъ еще разъ разъясненіе, сообщаемое государственнымъ контролемъ, относительно поступленія таможеннаго дохода въ 1885 г. [1]); доходъ этотъ въ 1885 году увеличился противъ 1879 года всего на 2 мил. р., представляя въ промежуточные годы незначительныя колебанія. Между тѣмъ съ 1879 года состоялся цѣлый рядъ постановленій, увеличивающихъ пошлину, по которымъ, какъ это было видно изъ свѣденій и соображеній, имѣвшихся въ виду при обсужденіи этихъ постановленій, *могло* послѣдовать, *при нормальномъ теченіи торговли, увеличеніе таможеннаго дохода на сумму свыше 30 мил. рублей.* И того, 2 м. р. вмѣсто 30! Другой примѣръ—доходъ питейный. При акцизѣ въ 8 коп. съ градуса, онъ, въ 1882 и 1883 годахъ, доставилъ казнѣ по 253 мил. рублей въ годъ; въ 1885 году акцизъ былъ увеличенъ до 9 коп. съ градуса, т.-е. на $12^1/_2\%$; казна же получила питейнаго дохода 231 мил. р. въ 1885 году, и 237 мил. р. въ 1886 году. Такъ иногда бываютъ обманчивы ариѳ-

[1]) Объяснительная записка къ отчету госуд. контроля объ исполненіи госуд. росписи за 1885 годъ, стр. 18 и 19.

метическіе разсчеты въ приложеніи къ экономической народной жизни. Капля, переполняющая сосудъ, проливается не одна, а увлекаетъ за собою десятки другихъ капель, которыя безъ нея остались бы въ сосудѣ!

Во всякомъ случаѣ, суммами, которыя должны получиться отъ добавочныхъ и новыхъ налоговъ, не исчерпывается ожидаемое по росписи увеличеніе доходовъ. Они должны быть пополнены изъ другихъ источниковъ. Однимъ изъ нихъ служитъ питейный доходъ. Сверхъ излишка въ 6—7 милліоновъ рублей, которые должны получиться вслѣдствіе увеличенія акциза, министерствомъ финансовъ ожидается еще и непосредственное такое же увеличеніе питейнаго дохода; на 1888 годъ послѣдній исчисленъ въ цифрѣ 252 милліоновъ рублей,—болѣе, сравнительно съ росписью 1887 года и съ доходомъ 1886 года (237 мил. рублей), на 15 мил. По имѣющимся нынѣ свѣденіямъ за 10 мѣсяцевъ 1887 г. о поступленіи питейнаго сбора, онъ увеличился, сравнительно съ предшествовавшимъ годомъ, на сумму до 9 мил. рублей, которые—если количество вина, оплаченнаго акцизомъ въ 1888 году, не уменьшится—и дадутъ, вмѣстѣ съ упомянутымъ выше излишкомъ, ожидаемое увеличеніе дохода на 15 мил. р. Но, замѣтимъ при этомъ, въ подтвержденіе сказаннаго нами о судьбѣ слишкомъ увеличенныхъ налоговъ,—внесенная въ роспись 1888 года сумма питейнаго дохода, при акцизѣ въ $9^1/_4$ к. съ градуса, все-таки на милліонъ рублей ниже дохода, полученнаго въ 1882 и 1883 годахъ при восьми-копѣечномъ акцизѣ.

Крупнымъ дополнительнымъ поступленіемъ по росписи 1888 года оказываются невнесенные въ казну своевременно 15 мил. руб., которые, на основаніи послѣдовавшаго недавно соглашенія, должна въ короткій срокъ уплатить казнѣ николаевская желѣзная дорога за счетъ прибылей за прежнее время. Въ печати былъ возбужденъ вопросъ: слѣдуетъ ли считать эту сумму принадлежностью росписи 1888 года и притомъ не чрезвычайнаго, а именно обыкновеннаго ея бюджета? Если разсматривать роспись 1888 года внѣ отношеній ея къ прежнимъ или будущимъ бюджетамъ, то, во-первыхъ, вопросъ этотъ и не имѣетъ особенной важности; во-вторыхъ, его скорѣе слѣдовало бы рѣшить даже положительно. Причитающаяся въ казну доля изъ прибылей николаевской желѣзной дороги должна была по частямъ засчитываться въ смѣты обыкновенныхъ доходовъ прежнихъ лѣтъ, и тѣмъ нѣсколько содѣйствовала бы болѣе выгодному бюджетному ихъ результату. Своевременно суммы эти не поступили; исправить выводы прежнихъ бюджетовъ теперь нельзя, остается одно—увеличить этими поступленіями доходы росписи 1888 года, хотя бы съ тою цѣлью, чтобы, при обозрѣніи бюджетныхъ балансовъ за нѣ-

сколько лѣтъ, недоборы одного года уравновѣшивались излишкомъ по росписи другого. Все это дѣйствительно было бы внѣ вопроса, еслибы только сведенію безъ дефицита росписи 1888 года не придавалось особенное, выходящее изъ ряда, какъ мы выразились, *поворотное* значеніе. А именно такое значеніе придавать этой росписи склонно, повидимому, даже само министерство финансовъ. Министръ финансовъ, въ своемъ всеподданнѣйшемъ докладѣ [1]), обстоятельство сведенія росписи безъ дефицита и даже съ нѣкоторымъ превышеніемъ доходовъ надъ расходами приписываетъ нѣкоторымъ несомнѣннымъ признакамъ общаго поворота къ лучшему въ экономической жизни Россіи, что̀, по его словамъ, „возложило на финансовое управленіе обязанность употребить всѣ старанія къ тому, чтобы устранить изъ нашего обыкновеннаго бюджета дефицитъ, угрожавшій получить хроническій характеръ“. Объ ожидаемомъ случайномъ поступленіи крупной суммы прибылей николаевской желѣзной дороги за прежнее время при этомъ не упоминается. Между тѣмъ, безъ этого поступленія 15 м. р. государственная роспись обыкновенныхъ доходовъ и расходовъ на 1888 годъ оказывалась бы менѣе выгодной, нежели росписи на 1884 годъ (съ дефицитомъ въ $11\frac{1}{2}$ м. р.), или на 1885 годъ (съ дефицитомъ менѣе 8 м. р.). Единовременнаго характера этого поступленія министръ финансовъ, однако, не умолчалъ, объясняя, что оно въ бюджетѣ 1888 года замѣнило единовременное же поступленіе, по обыкновенному бюджету 1887 года, почти равной суммы, полученной отъ перечисленія за четыре года прибылей государственнаго банка. Тайный совѣтникъ Вышнеградскій выражаетъ надежду, что въ будущихъ бюджетахъ доставленная имъ сумма будетъ возмѣщена излишкомъ, который, за внесенными въ роспись 31 м. р., должны доставить дополнительные налоги, а равно и сбереженія по системѣ государственнаго кредита отъ предпринятой пересрочки пятипроцентныхъ банковыхъ билетовъ.

На это можно замѣтить, что сбереженія отъ пересрочки не могутъ быть велики; что же касается излишка отъ дополнительнаго обложенія, составляющаго разницу между 52 и 31 мил. рублей, то насколько было осторожно внести въ смѣту не всѣ 52 мил. р., а лишь три пятыхъ теоретически исчисленнаго приращенія доходовъ, настолько же было бы осторожно не основывать дальнѣйшихъ разсчетовъ на упомянутомъ выше излишкѣ до тѣхъ поръ, пока опытомъ не будетъ болѣе или менѣе подтверждена правильность сдѣланныхъ исчисленій. Повторяемъ, ошибка въ этомъ отношеніи весьма

[1]) „Вѣстникъ финансовъ, промышленности и торговли“, № 1 за 1888 годъ, стр. 5 и 6.

[2]) Тамъ же, стр. 7.

возможна, и каждая ошибка повлечетъ весьма замѣтныя финансовыя послѣдствія: сокращеніе потребленія предметовъ, обложенныхъ дополнительнымъ налогомъ, на 10% — сократитъ также на 10% и поступленіе не одной дополнительной части налога, а всего налога,— такъ что вмѣсто прибыли можетъ оказаться чувствительная убыль. Это уже и случилось съ питейнымъ доходомъ.

Не имѣя, однако, точныхъ данныхъ для опроверженія предположеній министра финансовъ, мы должны и на этотъ разъ согласиться не болѣе какъ съ одною возможностью ихъ осуществленія, но все это не приведетъ еще насъ къ желаемому бюджетному равновѣсію даже по отношенію къ одной разсматриваемой нами пока части бюджета—доходной.

Есть еще доходъ, по которому въ 1888 г. предполагается, противъ росписи 1887 года, увеличеніе на сумму до 9 м. р., хотя, какъ замѣчается и во всеподданнѣйшемъ докладѣ, это увеличеніе только кажущееся. Дѣло въ томъ, что таможенныя пошлины взимаются у насъ преимущественно въ золотой валютѣ, которая, затѣмъ, для росписей и для отчетовъ перечисляется въ кредитные рубли приблизительно въ соотвѣтственности съ курсомъ. Для 1886 года (и предшествующихъ лѣтъ) былъ принятъ курсъ 1 р. 50 коп. кредитн. за металлич. рубль; для 1887 года—1 р. 67 к. кред., а для 1888 года—1 р. 80 коп. кред.; т.-е. 100 рублей метал. (400 франковъ), поступившіе въ таможенный доходъ, были бы перечислены на кредитные рубли, въ 1886 году, въ 150 р.; въ 1887 году—въ 167 р., и въ 1888 году—въ 180 рубляхъ. Въ дѣйствительности, таможеннаго дохода показано по отчету 1886 года 103 мил. рублей, что̀ соотвѣтствуетъ, по курсу 1 р. 50 коп.—68 мил. метал.; по росписи на 1887 годъ принято то же количество метал. рублей, которые, однако, по курсу 1 р. 67 коп., составили 115.644.000 р. кред.; наконецъ, въ роспись на 1888 годъ внесено таможенныхъ доходовъ 124 мил. рублей кредитн., которые равняются, при курсѣ 1 р. 80 к. кред. за золотой рубль, приблизительно 69 мил. р. метал. Такимъ образомъ, въ дѣйствительности таможеннаго дохода на 1888 годъ исчислено нѣсколько болѣе противъ поступленія 1886 года и противъ росписи 1887 года. Между тѣмъ, уже въ 1887 году поступленіе таможенныхъ доходовъ весьма значительно уменьшилось противъ предшествовавшаго года, и на болѣе успѣшный оборотъ дѣлъ въ 1888 году нѣтъ никакихъ основаній надѣяться, какъ это между прочимъ видно и изъ всеподданнѣйшаго доклада министра финансовъ [1]). Поэтому разсчитывать на поступленіе въ 1888 г. таможеннаго дохода въ цифрѣ, занесенной въ роспись,

[1]) Тамъ же, стр. 3.

весьма трудно, а всякій недоборъ, который, судя по свѣденіямъ о таможенномъ доходѣ въ первые 9 мѣсяцевъ 1887 года, можетъ простираться до 10—15 мил. р., на такую же цифру нарушитъ выведенный бюджетный балансъ.

Но все это только одна сторона. Переходимъ къ другой,—къ расходамъ.

Обыкновенные расходы по росписи на 1888 годъ исчислены въ суммѣ 851.242.423 р., считая въ этомъ и 6 мил. рублей на предусмотрѣнныя смѣтами экстренныя въ теченіе года надобности. Такое назначеніе, превышающее на 21½ мил. рублей расходную роспись 1887 года, и настолько же, со включеніемъ оборотныхъ расходовъ, дѣйствительный расходъ 1886 года, должно быть признано весьма умѣреннымъ. По сравненію съ расходами 1886 года, все превышеніе, даже съ крупнымъ избыткомъ, поглощается неизбѣжнымъ увеличеніемъ расходовъ по системѣ государственнаго кредита, которыхъ на 1888 г. исчислено до 288 мил. р.,—болѣе расхода 1886 г. почти на 24 м. р., вслѣдствіе исчисленія платежей въ металлической валютѣ по измѣненному курсу 1 р. 80 коп., вмѣсто 1 р. 50 коп., за металлическій рубль. Затѣмъ немного въ большемъ размѣрѣ исчислены кредиты по министерствамъ путей сообщенія, внутреннихъ дѣлъ и юстиціи, и въ значительно меньшемъ по министерствамъ финансовъ, морскому и военному.

Разумѣется, не иначе какъ съ полнымъ сочувствіемъ можно отнестись къ дружному усилію всѣхъ вѣдомствъ содѣйствовать уврачеванію весьма серьезнаго нашего финансоваго недуга упорядоченіемъ нашихъ государственныхъ бюджетовъ. Но, во-первыхъ, дѣйствительно ли расходы 1888 года могутъ ограничиваться размѣромъ, отведеннымъ для нихъ росписью? во-вторыхъ — est modus in rebus, есть расходы, сокращеніе которыхъ обойдется дороже, нежели дефицитъ, и, къ сожалѣнію, именно одно изъ такихъ *сбереженій* замѣтили мы въ росписи расходовъ на 1888 годъ. По министерству народнаго просвѣщенія испрашивается по смѣтамъ 1888 года болѣе противъ предшествующаго года на 450 тысячъ рублей, но только вслѣдствіе расхода на постройку университетскихъ клиникъ въ Москвѣ а въ то же время сокращается расходъ на 110 тысячъ рублей на университеты и лицеи, и на 162 тысячи рублей на среднія учебныя заведенія—и это тогда, когда страна буквально *изнываетъ* отъ недостатка именно этихъ заведеній, стоя передъ неразрѣшимой проблеммой: гдѣ же получать дѣтямъ образованіе, идущее сколько-нибудь далѣе простой грамотности?! Увеличеніе расхода на 360 т. р. на уѣздныя, приходскія, начальныя и народныя училища и на *особыя учебныя заведенія* (?) не вознаграждаетъ этого ущерба.

Что касается того, ограничатся ли обыкновенные расходы кредитами, исчисленными по росписи, съ добавленіемъ 6 мил. рублей на сверхсмѣтныя потребности, то, судя по примѣру прежнихъ нашихъ бюджетовъ, въ этомъ можно очень усомниться. Какъ извѣстно, нашимъ бюджетамъ всегда поставлялось въ вину обиліе испрашиваемыхъ въ теченіе года сверхсмѣтныхъ дополнительныхъ кредитовъ, безъ которыхъ не обходится почти ни одно вѣдомство. Усиленныя старанія всѣхъ вѣдомствъ уменьшить сумму такихъ кредитовъ привели ее въ 1884 году къ 18 мил. рублей, но въ слѣдующіе два года она снова почти удвоилась. Въ теченіе десятилѣтняго періода 1877—1886 гг., сверхсмѣтныхъ кредитовъ было разрѣшено 342 мил. рублей, что составитъ ровно 5% по отношенію къ кредитамъ смѣтнымъ (6.805 мил. р.). Если исключить два года, 1880 и 1881, наиболѣе невыгодные по крупной суммѣ сверхсмѣтныхъ кредитовъ (102 м. р. въ оба года), то средняя цифра ихъ составитъ 30 мил. р. въ годъ, т.-е. около 4% суммъ, отпущенныхъ по росписи. Такой размѣръ сверхсмѣтныхъ кредитовъ для столь обширнаго государства, какъ Россія, находящагося въ періодѣ созиданія и притомъ по преимуществу земледѣльческаго, т.-е. подверженнаго болѣе быстрому колебанію экономическихъ условій,—вовсе не можетъ считаться слишкомъ большимъ. Чтобы въ этомъ убѣдиться, стоитъ только просмотрѣть въ отчетахъ государственнаго контроля [1]) массу потребностей, въ отдѣльности очень мелкихъ, на которыя испрашиваются сверхсмѣтныя назначенія. Разумѣется, многія изъ такихъ потребностей могли быть оставлены безъ удовлетворенія, или отложены до слѣдующаго смѣтнаго періода, но это въ большинствѣ случаевъ значило бы жертвовать формѣ сущностью, такъ какъ несвоевременное удовлетвореніе потребности часто вело бы къ увеличенію расхода, умаливъ его полезное дѣйствіе.

По слухамъ, сумма разрѣшенныхъ сверхсмѣтныхъ кредитовъ въ минувшемъ 1887 году еще ниже той, какая значится въ отчетѣ за 1884 годъ (18 м. р.), но это не даетъ права разсчитывать, что въ текущемъ году она ограничится назначенными для этого по росписи 6 м. рублей [2]). Такія случайности, какъ пониженіе курса кредитнаго рубля (а онъ уже успѣлъ понизиться на 2—3% противъ курса, принятаго въ росписи) [3]); неурожай въ какой-нибудь мѣстности съ усиленнымъ расходомъ на провіантъ и фуражъ для войскъ; необходимость какой-

[1]) См. объяснительныя записки къ отчету за 1886 г., стр. 29 и 30, къ отчету 1885 г., стр. 29 и др. годы.

[2]) Въ росписи предшествовавшихъ лѣтъ—на чрезвычайныя, не вошедшія въ смѣтныя назначенія, надобности также вносилось не болѣе 3 мил. рублей.

[3]) На покрытіе курсовой разности отпущено въ 1886 году 781 тис. рублей.

нибудь санитарной мѣры—противъ холеры или эпизоотіи; правительственная помощь бѣдствующему почему-либо населенію той или другой мѣстности, и пр.,—не допустятъ возможности отстранять отпускъ сверхсмѣтныхъ кредитовъ сверхъ упомянутыхъ 6 м. р., какъ ни сильна была бы предвзятая мысль не выходить изъ этого предѣла.

Впрочемъ, для опредѣленія той суммы, какая, *по всему вѣроятію*, потребуется въ дополненіе къ расходу, исчисленному по росписи на 1888 годъ, нельзя остановиться на средней цифрѣ сверхсмѣтныхъ кредитовъ: испрошенные кредиты эти не всегда расходуются сполна; сверхъ того, всегда бываютъ неизрасходованные остатки отъ кредитовъ смѣтныхъ. Для опредѣленія этой суммы слѣдуетъ взять разность между расходной цифрой, внесенной въ роспись, и цифрой дѣйствительно произведеннаго расхода. Въ десятилѣтіе 1877—1886 г. по росписямъ на обыкновенные расходы было назначено 6.805 м. р.; дѣйствительно же израсходовано 7.056 мил., т.-е. болѣе на 251 мил. рублей. Если исключить два наиболѣе невыгодные года—1880 и 1881 (разница 90 м. р.) и наиболѣе выгодный 1884 (разница ½ м. р.), то разность для семи лѣтъ окажется въ 160 мил. р., а для одного года это составитъ около 23 мил. рублей. Эта-то цифра, за исключеніемъ 3 мил. руб., которыхъ болѣе противъ прежнихъ лѣтъ назначено на сверхсмѣтныя надобности, и должна быть принята для опредѣленія *вѣроятнаго* превышенія дѣйствительными обыкновенными расходами 1888 года цифры, назначенной по росписи. Съ недоборомъ въ таможенномъ доходѣ на 10 мил. рублей, это приведетъ къ дефициту въ 30 мил. рублей.

Благодаря нѣсколько болѣе благопріятнымъ экономическимъ условіямъ двухъ послѣднихъ лѣтъ, если и нынѣшній будетъ также благопріятенъ, дефицитъ можетъ понизиться, но едва ли спустится ниже 20 мил. рублей. Таковъ, по нашему мнѣнію, выводъ, который, по имѣющимся на лицо даннымъ, можетъ быть сдѣланъ относительно *вѣроятныхъ* результатовъ 1888 финансоваго года. Дефицитъ этотъ меньше дефицита двухъ предшествовавшихъ лѣтъ, но — все-таки дефицитъ.

Такимъ образомъ, ни роспись на 1888 годъ, ни усиленіе налоговъ—не разрѣшаютъ, по нашему мнѣнію, настоятельнаго вопроса объ установленіи равновѣсія въ нашихъ государственныхъ бюджетахъ. Между тѣмъ, усиленіе налоговъ ложится на народъ бременемъ, оно далеко не пропорціонально выгодамъ, получаемымъ казною. Въ примѣръ можетъ быть приведено обложеніе нефтяныхъ освѣтительныхъ матеріаловъ; въ торговлѣ не находится еще ни одного фунта, оплаченнаго акцизомъ, а уже цѣна керосина, особенно въ розничной продажѣ, поднялась въ размѣрѣ, вдвое превышающемъ установленный

акцизъ!—За 5 мил. р., которые получитъ казна, народонаселенію придется уплатить, по меньшей мѣрѣ, вдвое болѣе. Подъемъ цѣны продукта несомнѣнно значительно сократитъ его потребленіе; это окажется во вредъ и нефтяной промышленности, и удобству народной жизни, и народной производительности. То же, въ большей или меньшей мѣрѣ, можно сказать и о другихъ налогахъ. Пусть считаютъ установленіе равновѣсія въ бюджетахъ необходимымъ, это—вѣрно; но не менѣе вѣрно и то, что оно не можетъ быть достигнуто путемъ усиленія косвенныхъ налоговъ, которое никогда не угонится за возрастающими изъ года въ годъ расходами. „Московскія Вѣдомости" припоминаютъ, по поводу росписи 1888 года, слова, сказанныя, въ объяснительной запискѣ къ росписи на 1887 г., бывшимъ министромъ финансовъ Н. Х. Бунге, объ усиленіи косвенныхъ налоговъ, а именно: „существующіе косвенные налоги—говорилъ онъ годъ тому назадъ—доведены до значительной высоты", а если и есть еще „предметы потребленія, которые свободны отъ податей и могутъ дать казначейству *хотя небольшія* средства для удовлетворенія возрастающихъ расходовъ", то „обращеніе къ этимъ рессурсамъ, до ослабленія хозяйственнаго кризиса, было бы, быть можетъ, несвоевременно". Теперь, мы видимъ, прибѣгли именно къ „этимъ рессурсамъ", и притомъ не ожидая ослабленія хозяйственнаго кризиса, а слѣдовательно также довольствовались „хотя небольшими средствами". Что же означаютъ, послѣ этого, какъ бы укоризненныя слова московской газеты по адресу, однако, одного только бывшаго министерства финансовъ: „не въ томъ была задача,—говорятъ „Московскія Вѣдомости",—чтобы добыть для казны „хотя небольшія средства", хоть какіе-нибудь гроши на бѣдность; и въ обществѣ, и въ административныхъ кругахъ, ожидали исправленія финансовъ отъ серьезныхъ финансовыхъ мѣръ". Все это, пожалуй, справедливо, но тогда слѣдуетъ признать справедливымъ и то, что общее положеніе финансовъ и по истеченіи этого года то же самое; годъ тому назадъ не считали существеннымъ дѣломъ — прибѣгать къ „небольшимъ средствамъ" — при помощи усиленія налоговъ и введенія новыхъ, до зажигательныхъ спичекъ включительно; теперь сдѣланъ и этотъ шагъ; но, говоря словами „Московскихъ Вѣдомостей", „и въ обществѣ, и въ административныхъ кругахъ, ожидали исправленія финансовъ отъ серьезныхъ финансовыхъ мѣръ". Настоящій же путь къ такому исправленію остается все тотъ же, какой былъ нами указанъ при разсмотрѣніи росписи на 1887 годъ [1]), а именно: въ экономическомъ отношеніи необходимо устранить отъ всѣхъ видовъ народной производительности—умственной, художе-

[1]) „Вѣстникъ Европы", февраль 1887 г., стр. 819

ственной и промышленной—стѣсняющія ее условія, которыя несравненно болѣе обременительны, нежели иностранная конкурренція; а въ государственно-финансовомъ — установленіе, взамѣнъ большей части косвенныхъ налоговъ—прямого подоходнаго налога.

Есть еще обстоятельство, препятствующее установленію порядка въ нашихъ бюджетахъ; это—колебаніе въ курсѣ кредитнаго рубля. Значеніе этого обстоятельства вполнѣ оцѣнивается и министерствомъ финансовъ, по крайней мѣрѣ по отношенію къ торговлѣ. „При неустойчивости валюты—говорится во всеподданнѣйшемъ докладѣ—каждая торговая сдѣлка заключаетъ въ себѣ лишній, не принадлежащій ей по существу, элементъ риска". Къ сожалѣнію, по международной торговлѣ не только рискъ, но и прямая невыгода отъ неустойчивости валюты вся на нашей сторонѣ. Но, сознавая важность упроченія нашей валюты, министръ финансовъ не усматриваетъ, повидимому, близкой возможности осуществленія этого и какъ бы надолго отказывается отъ мѣръ для достиженія цѣли, которая постоянно озабочивала прежнее финансовое управленіе. „Для упроченія вексельнаго курса—читается во всеподданнѣйшемъ докладѣ — можно съ увѣренностію въ успѣхѣ принять надлежащія мѣры только при спокойномъ настроеніи, при увѣренности народовъ въ сохраненіи мира, и нужно надѣяться,—прибавляетъ министръ финансовъ,—что недалеко то время, когда предубѣжденія, питаемыя противъ Россіи, разсѣются. Тогда наступитъ время къ принятію дѣйствительныхъ и рѣшительныхъ мѣръ для упроченія нашей валюты".

Ставить одну изъ самыхъ необходимыхъ и неотложныхъ мѣръ нашей финансовой политики въ зависимость отъ тѣхъ или другихъ чувствъ, питаемыхъ къ нашему правительству народами Европы, очень рисковано, особенно теперь, когда на установленіе взаимныхъ доброжелательныхъ отношеній между европейскими государствами мало надежды. Съумѣла же Италія, не справляясь съ чувствами Европы, въ самый непродолжительный срокъ установить свою денежную валюту, устроить свои финансы и вмѣстѣ упрочить свое политическое положеніе. Что возможно было для Италіи,—почему оно невозможно для насъ?—Потому что средства къ этому заключаются не въ такъ-называемой чисто-финансовой мѣрѣ, т.-е. не въ биржевыхъ и банкирскихъ сдѣлкахъ и изворотахъ, а въ сферѣ экономической,—обнимающей всю умственную, общественную и промышленную жизнь народа.

Ѳ. С.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 февраля 1888 г.

Проектируемое ограниченіе круга дѣйствій мировыхъ учрежденій въ пользу новаго института земскихъ начальниковъ.—Возможно ли судить, не будучи судьею?—Возможно ли созданіе „бытового суда", органы котораго были бы администраторами и при отправленіи своихъ судебныхъ функцій?—Процессуальныя нововведенія проекта о земскихъ начальникахъ: періодическіе выѣзды, собираніе справокъ, необязательность явки въ судъ, устраненіе адвокатовъ, „распорядительное производство" по уголовнымъ дѣламъ.—Административно-карательная власть земскаго начальника.—† С. И. Зарудный.

Послѣ кратковременной остановки, вызванной, повидимому, возраженіями одного изъ министровъ и нѣсколькихъ членовъ государственнаго совѣта, проектъ о земскихъ начальникахъ, если вѣрить газетнымъ слухамъ, ни въ чемъ существенномъ не измѣненный, опять получилъ дальнѣйшее движеніе; слухи о компромиссѣ, упомянутые нами въ предыдущемъ обозрѣніи, оказались, какъ кажется, лишенными основанія. На-дняхъ, если не началось, то должно начаться слушаніе проекта въ соединенныхъ департаментахъ государственнаго совѣта. Текстъ проекта и объяснительныхъ къ нему записокъ попрежнему остается въ точности неизвѣстнымъ, а потому приблизительное понятіе о содержаніи его и объ его мотивахъ можно составить себѣ только съ помощью газетныхъ извѣстій, довольно, однако, подробныхъ и, повидимому, достаточно точныхъ. Основываясь на этихъ извѣстіяхъ, мы хотимъ коснуться тѣхъ сторонъ вопроса, которыя не исчерпаны ни статьями нашего журнала о сословности и о соединеніи властей [1]), ни прежними обозрѣніями, посвященными, вполнѣ или отчасти, реформѣ мѣстнаго управленія [2]).

Судебной власти земскаго начальника предполагается, судя по га-

[1]) См. № 12 „В. Европы" за 1886 и №№ 2 и 4 за 1887 г.

[2]) См. №№ 7 и 11 за 1881, № 11 за 1883, №№ 3 и 10 за 1885, № 2 за 1886 г.

зетнымъ слухамъ, подчинить — за городской чертою — значительно бо́льшую часть гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ, подвѣдомственныхъ теперь мировому суду. Сохраняются за послѣднимъ, въ сферѣ уголовнаго процесса, почти исключительно дѣла о преступленіяхъ и проступкахъ, караемыхъ тюремнымъ заключеніемъ, въ сферѣ же гражданскаго процесса—только дѣла на сумму отъ 300 до 500 рублей, а также иски менѣе цѣнные, если они основаны на судебномъ рѣшеніи, векселѣ или нотаріальномъ актѣ. Земскій начальникъ становится, такимъ образомъ, настоящимъ преемникомъ уѣзднаго мирового судьи; послѣднему предоставляется едва ли не безцѣльное и безплодное существованіе, которое можетъ послужить современемъ наглядным аргументомъ въ пользу совершеннаго упраздненія мировыхъ учрежденій. Въ самомъ дѣлѣ, уѣзднымъ мировымъ судьямъ, хотя бы и въ числѣ вдвое меньшемъ противъ прежняго, придется сидѣть чуть не сложа руки, обременяя земскую кассу непроизводительнымъ расходомъ, а самихъ себя—вынужденною праздностью. Воровъ и мошенниковъ въ нашихъ деревняхъ, къ счастію, не такъ много, чтобы для суда надъ ними нужно было имѣть хотя бы только двухъ судей на уѣздъ; весьма мало, внѣ городовъ, и гражданскихъ споровъ на сумму отъ 300 до 500 рублей. Обязательства, совершонныя или явленныя у нотаріуса, составляютъ въ сельскомъ быту большую рѣдкость; то же самое можно сказать и о векселяхъ, а судебное рѣшеніе, какъ основаніе иска—явленіе исключительное вездѣ и всегда. Отъ немногихъ тяжущихся и подсудимыхъ, остающихся въ вѣденіи уѣздныхъ мировыхъ судей, послѣдніе будутъ отодвинуты на разстояніе вдвое бо́льшее, чѣмъ теперь; исчезнетъ, значитъ, и близость мирового суда къ населенію—и для него не будетъ больше въ уѣздѣ никакой raison d'être. На это указываютъ уже теперь наиболѣе прямолинейные защитники проектируемой реформы. „Московскія Вѣдомости“ прямо упрекаютъ составителей проекта „въ излишней боязни задѣть амбицію судебнаго вѣдомства“, въ неумѣстной courtoisie, помѣшавшей поставить ребромъ вопросъ о совершенномъ упраздненіи уѣздныхъ мировыхъ учрежденій. Ошибочно было бы думать, впрочемъ, что переходъ судебной власти въ уѣздѣ отъ мировыхъ судей къ земскимъ начальникамъ не отразится на положеніи городскихъ мировыхъ судей. Въ настоящее время участокъ городского мирового судьи захватываетъ собою, въ большинствѣ случаевъ, нѣсколько волостей, ближайшихъ къ городу—и только благодаря этому получается число дѣлъ, достаточно наполняющее дѣятельность судьи. Съ изъятіемъ изъ вѣдомства городского мирового судьи бо́льшей части дѣлъ, поступающихъ къ нему изъ уѣзда, онъ почувствуетъ себя, во многихъ мѣстахъ, столь же

излишнимъ, какъ и уѣздный мировой судья, и на очередь неминуемо выступитъ соединеніе города, въ судебномъ отношеніи, съ участкомъ ближайшаго земскаго начальника. Нѣкоторое подобіе жизни мировой судебный институтъ сохранитъ только въ губернскихъ городахъ и немногихъ уѣздныхъ, значительно населенныхъ. Мы говоримъ: *подобіе жизни*, потому что мировой судъ, дѣйствующій въ какой-нибудь сотнѣ городовъ и являющійся исключеніемъ изъ общаго правила—да вдобавокъ еще, по всей вѣроятности, назначенный, а не выборный,—не будетъ уже тѣмъ мировымъ судомъ, который мы теперь видимъ и знаемъ. Оазисы, образуемые большими городами, не устоятъ противъ напора окружающей степи, и городской мировой судъ обратится, мало-по-малу или внезапно, de facto или de jure, въ учрежденіе столь же зависимое, какимъ будетъ институтъ земскихъ начальниковъ. Во имя послѣдовательности и гармоніи придется учредить какой-нибудь „полицейскій судъ", и о мировомъ судѣ, какъ его понимали судебные уставы 1864 года, останется только одно воспоминаніе.

Логическій выводъ изъ принципа соединенія властей увлекъ насъ, правда, въ область будущаго; но возвратимся къ настоящему, т.-е. къ проекту положенія о земскихъ начальникахъ. Предоставляя земскому начальнику обширныя и сложныя судебныя функціи, проектъ исходитъ, очевидно, изъ того убѣжденія, что отправленіе правосудія, въ рукахъ чиновника-администратора, должно быть и дѣйствительно будетъ чѣмъ-то совершенно инымъ, чѣмъ въ рукахъ мирового судьи. Съ понятіемъ о судьѣ соединяется здѣсь представленіе о формалистѣ, одностороннемъ законникѣ; съ понятіемъ о земскомъ начальникѣ — представленіе о лицѣ, близко знакомомъ съ дѣйствительною жизнью, отзывчивомъ на всѣ ея указанія, стремящемся не къ отвлеченной, а къ практической, житейской правдѣ. Въ лицѣ земскаго начальника имѣется въ виду создать судъ бытовой, народный, руководящійся преимущественно существомъ дѣла и требованіями справедливости. Разбирательство имъ судебныхъ дѣлъ разсматривается не какъ обыкновенное судебное производство; предполагается, что, постановляя рѣшеніе или приговоръ, земскій начальникъ не перестанетъ быть органомъ административной власти. Большое значеніе придается тому, что земскій начальникъ не образуетъ судебной инстанціи и состоитъ внѣ всякой связи съ судебной организаціей. Другими словами, земскій начальникъ облекается судебными полномочіями, но никогда не долженъ быть и чувствовать себя судьею; разсмотрѣніе гражданскихъ исковъ и уголовныхъ дѣлъ должно быть у него чѣмъ-то своеобразнымъ, не только могущимъ, но и долженствующимъ отличаться отъ судебнаго разбирательства въ обычномъ

смыслѣ этого слова. Въ рукахъ судебныхъ учрежденій отправленіе правосудія по дѣламъ маловажнымъ ни въ какомъ случаѣ—такъ по крайней мѣрѣ думаютъ — не можетъ соотвѣтствовать потребностямъ сельскаго населенія... Задача, возлагаемая такимъ образомъ на земскихъ начальниковъ, не принадлежитъ къ числу простыхъ и легко понятныхъ. Обязанъ ли земскій начальникъ основывать свои рѣшенія на законѣ? Да, обязанъ; проектъ, ни въ чемъ не отступая по этому пункту отъ судебныхъ уставовъ, запрещаетъ земскому начальнику постановлять рѣшенія, противорѣчащія закону. Расширяетъ ли проектъ, сравнительно съ уставомъ гражданскаго судопроизводства, роль обычая въ дѣлахъ гражданскихъ? Весьма мало; какъ и въ уставѣ, основаніемъ рѣшенія дозволяется принимать лишь *общеизвѣстные* мѣстные обычаи, насколько они *не противорѣчатъ закону*. Не требуется только ссылки на обычай со стороны одного или обоихъ тяжущихся; но это требованіе врядъ ли когда-либо стѣсняло мирового судью въ примѣненіи обычая. Устанавливается ли проектомъ бо́льшая свобода въ оцѣнкѣ доказательствъ? И этого утверждать нельзя. Проектъ не ограничиваетъ права земскаго начальника допрашивать свидѣтелей; но вѣдь и у мирового судьи нельзя опровергать свидѣтельскими показаніями только содержаніе актовъ, установленнымъ порядкомъ совершонныхъ или засвидѣтельствованныхъ, а иски по такимъ актамъ вовсе неподсудны земскому начальнику.

Констатируя многочисленныя точки соприкосновенія между проектомъ и судебными уставами, мы подготовили этимъ самымъ почву для нашего основного тезиса. Онъ заключается въ томъ, что производство, направленное къ разрѣшенію, силою закона, гражданской тяжбы или уголовнаго процесса, всегда остается, по своему свойству, *судебнымъ* производствомъ, кому бы оно ни было предоставлено и какъ бы ни было названо. Можно, сколько угодно, отказывать земскому начальнику въ наименованіи *судебной инстанціи*, можно подчеркивать бытовой характеръ его дѣятельности, его изолированность отъ общей судебной организаціи—все это ни мало не помѣшаетъ ему быть *судьею*, разъ что ему придется рѣшать судебныя дѣла. Кто опредѣляетъ силу доказательствъ, выводитъ изъ нихъ существованіе или несуществованіе даннаго гражданскаго отношенія, совершеніе или несовершеніе даннымъ лицомъ даннаго преступленія или проступка, и прилагаетъ къ установленнымъ фактамъ дѣйствіе гражданскаго или уголовнаго закона, тотъ *судитъ*, т.-е. является органомъ судебной власти, хотя бы онъ не имѣлъ съ нею ничего общаго по имени и служебному положенію. Формы процесса могутъ быть различны, но онѣ всегда обязательны для лица, облеченнаго судебною властью; всегда обязательно для него и согласованіе рѣ-

шенія съ закономъ. Близость рѣшенія къ справедливости и правдѣ зависитъ, слѣдовательно, не отъ того, какой титулъ присвоенъ судьѣ, не отъ того, какое мѣсто онъ занимаетъ въ той или другой отрасли служебной іерархіи, а отъ личныхъ качествъ судьи и отъ бо́льшей или меньшей цѣлесообразности примѣняемыхъ имъ законовъ. Если матеріальное право устарѣло, отстало отъ жизни, обнимаетъ собою не всѣ ея явленія, идетъ въ разрѣзъ съ ея условіями и требованіями, оно должно быть дополнено или измѣнено; измѣненію подлежатъ и процессуальныя формы, насколько онѣ мѣшаютъ раскрытію истины. Пересмотръ матеріальнаго права у насъ уже предпринятъ; надъ составленіемъ уложеній гражданскаго и уголовнаго работаютъ особыя коммиссіи, труды которыхъ, нужно надѣяться, будутъ въ свое время подвергнуты повѣркѣ со стороны лучшихъ силъ общества. Реформы, настоятельно необходимыя, могутъ быть произведены и прежде окончанія этого громаднаго дѣла. Въ области процесса преобразованіе совершилось уже двадцать лѣтъ тому назадъ; но ничто не мѣшаетъ приступить къ отдѣльнымъ поправкамъ, указываемымъ опытомъ. Чтобы осуществить эти поправки, нѣтъ надобности создавать новый типъ суда или „какъ-бы суда", нѣтъ надобности смѣшивать судебныя функціи съ административными; все желательное и полезное можетъ быть введено въ рамки судебныхъ уставовъ и достигнуто посредствомъ существующихъ мировыхъ учрежденій. Въ этомъ легко убѣдиться, присмотрѣвшись поближе къ разбираемому нами проекту.

Рѣчь идетъ, прежде всего, о томъ, чтобы придвинуть къ населенію судъ по дѣламъ маловажнымъ. Хотя земскихъ начальниковъ будетъ почти столько же, сколько насчитывается въ настоящее время мировыхъ судей, но предполагается, что они будутъ выѣзжать періодически въ каждую волость своего участка и разбирать тамъ всѣ дѣла, накопившіяся ко времени ихъ пріѣзда. Спрашивается: что́ же препятствуетъ установленію такого же точно порядка для мировыхъ судей? На самомъ дѣлѣ нѣкоторые изъ нихъ и теперь уже придерживаются системы періодическихъ выѣздовъ; нужно только узаконить обычай, кое-гдѣ появившійся самъ собою. Онъ весьма удобенъ для населенія, но не совсѣмъ удобенъ для мировыхъ судей; на мѣсто доброй воли нужно поставить, поэтому, безусловную обязанность и установить контроль надъ ея исполненіемъ—но нѣтъ никакой надобности измѣнять изъ-за нея порядокъ, вполнѣ съ нею совмѣстимый. Выѣхать изъ постояннаго мѣста жительства и посвятить день или два разбору дѣлъ въ томъ или другомъ волостномъ правленіи—для мирового судьи ничуть не труднѣе, чѣмъ для земскаго начальника. Намъ могутъ возразить, что земскій начальникъ, выѣзжая на мѣсто,

сдѣлаетъ за-одно два дѣла—произведетъ судебное разбирательство, не тревожа свидѣтелей и сторонъ, и обревизуетъ мѣстныя крестьянскія учрежденія, тогда какъ мировой судья ограничится по-неволѣ только одною изъ этихъ задачъ. Но развѣ ревизія въ заранѣе опредѣленный день составляетъ главное назначеніе земскаго начальника? Не въ тысячу ли разъ больше пользы можетъ принести внезапный, неожиданный его пріѣздъ на мѣсто — и много ли у него останется времени для *такихъ* пріѣздовъ, если онъ будетъ обязанъ посѣщать періодически всѣ волости своего участка, для разбора судебныхъ дѣлъ? День судебнаго разбирательства непремѣнно долженъ быть извѣстенъ заблаговременно, а день административной повѣрки долженъ наступать „яко тать въ нощи". Этого мало. Земскій начальникъ, какъ лицо, отвѣтственное за порядокъ въ своемъ участкѣ, долженъ быть всегда готовъ къ выѣзду туда, гдѣ необходимо его присутствіе. Онъ никогда не можетъ быть увѣренъ, что пріѣдетъ въ ту или другую волость къ назначенному сроку: онъ можетъ быть задержанъ неотложными дѣлами у себя дома, можетъ быть поставленъ въ необходимость совершенно измѣнить свой маршрутъ и очутиться, въ данную минуту, въ противоположномъ концѣ участка. Каково будетъ положеніе тяжущихся и подсудимыхъ, свидѣтелей и свѣдущихъ людей, собравшихся въ назначенный имъ пунктъ и напрасно ожидающихъ тамъ появленія земскаго начальника? Каково будетъ положеніе ихъ и тогда, когда они явятся въ камеру земскаго начальника, въ обыкновенный пріемный день, и узнаютъ объ его отъѣздѣ на неопредѣленное время? Въ противоположность мировому судьѣ, земскій начальникъ не можетъ заранѣе располагать своимъ временемъ — и это уже одно дѣлаетъ его неспособнымъ къ исправленію обязанностей судьи. Аккуратность—первый долгъ судьи, первое условіе правильнаго судопроизводства, а она немыслима для администратора, въ дѣятельности котораго господствуютъ двѣ черты: непредвидѣнность и подвижность. Допустимъ, наконецъ, невозможное—допустимъ, что въ періодическихъ выѣздахъ земскій начальникъ могъ бы быть столь же исправенъ, какъ и мировой судья; это только поставило бы ихъ на одинъ уровень, но не дало бы первому никакого преимущества передъ послѣднимъ. Ничтожное сбереженіе труда, получаемое вслѣдствіе пріѣзда на мѣсто для одновременнаго исполненія двухъ задачъ—административной и судебной — не можетъ идти ни въ какое сравненіе съ неудобствами, обусловливаемыми соединеніемъ властей.

Облегчая предъявленіе исковъ по дѣламъ гражданскимъ и жалобъ по дѣламъ уголовнымъ, допуская для нихъ словесную форму наравнѣ съ письменной, проектъ повторяетъ, въ сущности, постанов-

ленія судебныхъ уставовъ; отступленія отъ нихъ—только кажущіяся или во всякомъ случаѣ несерьезныя. Такъ напримѣръ, проектъ не опредѣляетъ вовсе, что̀ должно содержаться въ жалобѣ по уголовному дѣлу; но и уставъ уголовнаго судопроизводства (ст. 46) даетъ, въ этомъ отношеніи, не столько предписанія, сколько совѣты, не имѣющіе никакой обязательной силы. Отъ устава гражданскаго судопроизводства (ст. 54) проектъ отличается тѣмъ, что не требуетъ указанія, при самомъ предъявленіи иска, доказательствъ, на которыхъ онъ основывается; но въ практикѣ мирового суда это требованіе всегда оставалось и остается мертвой буквой. Весьма легко, притомъ, вовсе исключить его изъ устава. Допускаемый проектомъ словесный вызовъ отвѣтчика и обвиняемаго также не чуждъ судебнымъ уставамъ (уст. угол. судопр., ст. 54); если нужно дать ему болѣе широкое примѣненіе, то это можетъ быть сдѣлано и на почвѣ дѣйствующаго судопроизводства. То же самое слѣдуетъ сказать и о другихъ мелкихъ процессуальныхъ нововведеніяхъ проекта, касающихся отвода свидѣтелей, обезпеченія исковъ, и т. п. Разборъ каждаго изъ нихъ отдѣльно увлекъ бы насъ слишкомъ далеко въ область спеціально-юридическую и не подвинулъ бы впередъ разрѣшеніе главнаго вопроса—о возможности *упростить* судопроизводство, не прибѣгая къ ломкѣ существующихъ судебныхъ порядковъ. Отвѣтъ на этотъ вопросъ можно найти только путемъ изученія коренныхъ различій между проектомъ и судебными уставами. Первое изъ нихъ—это право земскаго начальника собирать, по дѣламъ гражданскимъ, свѣденія и справки, хотя бы о томъ не просила ни одна изъ спорящихъ сторонъ.

Собираніе справокъ по усмотрѣнію суда было одною изъ отличительныхъ принадлежностей—и вмѣстѣ съ тѣмъ однимъ изъ самыхъ больныхъ мѣстъ — стараго гражданскаго процесса. Всѣмъ извѣстно, почему оно было отмѣнено составителями судебныхъ уставовъ. Оно служило источникомъ медленности, не знавшей границъ, источникомъ злоупотребленій, не поддававшихся никакому контролю. Чтобы положить дѣло „въ долгій ящикъ“, чтобы показать его въ отчетѣ числящимся не за судомъ, чтобы сообщить ему мнимое движеніе, суду стоило только „обратить его къ справкамъ“—и оно погружалось въ глубокій сонъ, искусственное продолженіе котораго всегда могло быть достигнуто постановленіемъ новаго „справочнаго опредѣленія“. Нужно было порвать съ этой традиціей—и она дѣйствительно отошла въ прошедшее. Состязательное начало, предоставляющее сторонамъ—исключительно однѣмъ сторонамъ—подготовку дѣла къ окончательному рѣшенію, не было, однако, осуществлено судебными уставами во всей его послѣдовательности и строгости. Статья 368-ая устава

гражданскаго судопроизводства (примѣнимая, по разъясненію сената, и къ мировымъ учрежденіямъ) уполномочиваетъ судъ объявлять сторонамъ, какія обстоятельства недостаточно ими разъяснены или доказаны, и назначать срокъ для пополненія замѣченныхъ пробѣловъ. Суду или судьѣ, понимающему свое призваніе и относящемуся къ нему серьезно, это правило устава даетъ полную возможность руководить сторонами, возстановлять равновѣсіе между ними, исправлять упущенія, допущенныя по незнанію или непониманію закона. Важно не то, чтобы судъ самъ собиралъ справки—важно то, чтобы онъ замѣчалъ и указывалъ ихъ необходимость, чтобы онъ не приступалъ къ рѣшенію на основаніи неполныхъ или неточныхъ данныхъ. Часто ли примѣняется ст. 368-ая на практикѣ, въ особенности мировыми судьями — это могло бы быть выяснено только путемъ подробнаго изслѣдованія, едва ли произведеннаго, едва ли даже предпринятаго въ оффиціальныхъ сферахъ. Съ достовѣрностью можно сказать лишь одно: статья 368-ая дѣйствовала и дѣйствуетъ до сихъ поръ не только на бумагѣ, и ничто не препятствуетъ прибѣгать къ ней каждый разъ, когда это необходимо. Регламентировать пользованіе ею, заранѣе предусмотрѣть случаи, когда судья *долженъ* принимать мѣры къ разъясненію дѣла — совершенно невозможно; но столь же невозможно и *обязать* земскихъ начальниковъ къ собиранію справокъ. По смыслу проекта, оно составляетъ только ихъ *право*—и это не можетъ быть иначе, потому что никакой законъ не въ состояніи опредѣлить признаковъ неполноты или невыясненности дѣла. Внѣшнее расширеніе роли, принадлежащей „справкамъ", отнюдь не равносильно увеличенію ихъ реальной силы. Земскій начальникъ, уполномоченный прямо „собирать справки", можетъ отводить имъ, на самомъ дѣлѣ, гораздо меньше мѣста, чѣмъ мировой судья, ограничивающійся указаніемъ тяжущемуся недоказанныхъ имъ обстоятельствъ. Еслибы, наконецъ, и можно было признать, что опредѣленія, постановленныя на основаніи ст. 368, часто остаются неисполненными, вслѣдствіе трудностей и расходовъ, сопряженныхъ съ собираніемъ справокъ самими сторонами, то въ судебные уставы достаточно было бы ввести поправку приблизительно такого рода: „если судья найдетъ нужнымъ представленіе новыхъ доказательствъ, а сторона, которой будетъ предложено ихъ представить, заявитъ судьѣ о затрудненіяхъ, встрѣчаемыхъ ею въ исполненіи этого предложенія, то судья въ правѣ самъ принять мѣры къ дополненію дѣла означенными доказательствами". Дѣйствіе этой поправки могло бы быть ограничено мировыми учрежденіями, которыя всего чаще имѣютъ дѣло съ тяжущимися безпомощными, нуждающимися на каждомъ шагу въ поддержкѣ и руководительствѣ судьи. Въ „собираніи справокъ" нѣтъ ничего

безусловно несовмѣстнаго съ судебною дѣятельностью; судьѣ—настоящему судьѣ — оно можетъ быть предоставлено съ такимъ же удобствомъ (или неудобствомъ), какъ и quasi-судьѣ въ родѣ земскаго начальника. Другой вопросъ—способъ собиранія справокъ. Положеніе о земскихъ начальникахъ расходится, въ этомъ отношеніи, съ самыми обыкновенными условіями правильнаго гражданскаго процесса; оно разрѣшаетъ земскому начальнику поручать собираніе справокъ чинамъ общей и сельской полиціи, начиная съ становыхъ приставовъ и нисходя до урядниковъ, сотскихъ и десятскихъ, а также волостному и сельскому начальству. Личная повѣрка дѣйствій, произведенныхъ при исполненіи такихъ порученій, для земскаго начальника не обязательна. Не ясно ли, что одна возможность слагать на другихъ значительную часть собственнаго труда должна имѣть не особенно выгодное вліяніе на земскаго начальника? При старыхъ судебныхъ порядкахъ пресловутое значеніе „справокъ" обусловливалось, между прочимъ, именно тѣмъ, что собирались справки, бо́льшею частью, полиціей, по требованію суда. И какую же доказательную силу можетъ имѣть осмотръ на мѣстѣ, произведенный сотскимъ или десятскимъ? Какова будетъ внутренняя цѣнность рѣшенія, основаннаго на такомъ осмотрѣ? Центръ тяжести правильнаго гражданскаго процесса лежитъ въ непосредственномъ дѣйствіи каждаго доказательства на убѣжденіе судьи—а эта непосредственность возможна только при личной повѣркѣ всѣхъ доказательствъ самимъ судьею. Довѣряясь другимъ, судья какъ бы дѣлится съ ними своею властью; а можно ли сомнѣваться въ томъ, что къ такому дѣлежу не призваны десятскіе, сотскіе, урядники, сельскіе старосты и волостные старшины? Не проникнетъ ли въ область суда, разъ что она будетъ обнимать собою подобные элементы, старинная тысячеглавая гидра, отравлявшая до-реформенный судебный строй—*взятка*, во всѣхъ ея видахъ и формахъ? Не появится ли, по меньшей мѣрѣ, тенденціозный подборъ доказательствъ, регулируемый предполагаемымъ настроеніемъ судьи,—судьи, въ прямомъ подчиненіи котораго состоятъ нѣкоторые изъ числа „собирателей справокъ"? Можно ли ожидать, что сельскій староста или волостной старшина, прекрасно зная господствующія симпатіи и антипатіи своего земскаго начальника, представитъ ему матеріалъ, идущій прямо въ разрѣзъ съ этими симпатіями и антипатіями?

Итакъ, нашъ общій выводъ по вопросу о собираніи справокъ формулируется такъ: насколько оно совмѣстимо съ требованіями правосудія вообще, оно можетъ быть предоставлено и мировымъ судьямъ—а въ томъ видѣ, въ какомъ оно проектируется положеніемъ о земскихъ начальникахъ, оно угрожаетъ возвращеніемъ къ самымъ

невыгоднымъ сторонамъ до-реформенныхъ судебныхъ порядковъ. Нѣчто подобное слѣдуетъ сказать и о другомъ нововведеніи проекта, касающемся явки тяжущихся къ судебному разбирательству. Уставъ гражданскаго судопроизводства вовсе не допускаетъ разбора дѣла въ случаѣ неявки истца; положеніе о земскихъ начальникахъ не считаетъ неявку одной изъ сторонъ препятствіемъ къ слушанію дѣла, если о томъ будетъ просить другая сторона. Безспорно, могутъ быть случаи, въ которыхъ отсутствіе истца не должно было бы имѣть послѣдствіемъ отсрочку въ слушаніи дѣла (въ особенности если самъ истецъ заранѣе просилъ постановить рѣшеніе по представленнымъ имъ письменнымъ доказательствамъ). И здѣсь, однако, возникаютъ сами собою тѣ же два главныя сомнѣнія, съ которыми мы встрѣчались и раньше,—сомнѣнія въ томъ, нужно ли пріурочивать частную процессуальную реформу къ ломкѣ цѣлой системы судоустройства, а также въ томъ, хорошо ли, осторожно ли задумана самая реформа. Пересмотръ правилъ о явкѣ въ судъ можетъ и долженъ быть предпринятъ на почвѣ существующихъ судебно-мировыхъ учрежденій. Если есть условія, при которыхъ цѣлесообразенъ разборъ дѣла безъ явки истца, то нѣтъ причины сохранять во всей силѣ статьи судебныхъ уставовъ, совершенно отрицающія возможность такого разбора. Нужно только избѣжать перехода изъ одной крайности въ другую; нужно имѣть въ виду, что рѣшеніе, постановленное безъ бытности истца—особенно въ сельскомъ быту—можетъ быть построено, сплошь и рядомъ, на самыхъ неполныхъ и шаткихъ данныхъ. Малоопытный, малоразвитой истецъ можетъ считать свое требованіе вполнѣ яснымъ, не требующимъ дальнѣйшихъ доказательствъ, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ оно является висящимъ на воздухѣ, почти вовсе немотивированнымъ. Явись онъ въ судъ, недоразумѣніе его разсѣялось бы при первыхъ вопросахъ или указаніяхъ судьи; но онъ остался дома, слишкомъ понадѣявшись на свою правоту, и вслѣдствіе этого проигралъ дѣло, хотя дѣйствительно былъ правъ. Тотъ элементарный способъ разрѣшенія затрудненій, который принятъ положеніемъ о земскихъ начальникахъ, не окажетъ никакой услуги истиннымъ цѣлямъ правосудія. Желательны и необходимы не рѣзкіе переходы, обращающіе въ прахъ то или другое основное начало судебныхъ уставовъ; желательны и необходимы обдуманныя, сдержанныя движенія инструмента, сглаживающія частные недостатки и приспособляющія великое цѣлое къ новымъ запросамъ жизни... Положеніе о земскихъ начальникахъ впадаетъ, притомъ, въ противорѣчіе съ самимъ собою. Допуская разрѣшеніе гражданскаго процесса, по которому не явился истецъ, оно признаетъ неявку истца поводомъ къ прекращенію уголовнаго дѣла, если послѣднее принадлежитъ къ числу тѣхъ, которыя

могутъ быть окончены миромъ. На чемъ основана такая разница между двумя случаями, во всемъ существенномъ аналогичными между собою? Если неявка истца-обвинителя въ уголовномъ дѣлѣ разсматривается какъ отказъ отъ обвиненія, то почему же неявка истца въ гражданскомъ процессѣ не можетъ быть разсматриваема какъ отказъ отъ иска?

Освобождая истца отъ явки на судъ, проектъ положенія о земскихъ начальникахъ стремится, повидимому, къ облегченію тяжущихся, къ предоставленію имъ возможности достигать рѣшенія своихъ дѣлъ съ возможно меньшей затратой времени и труда. Хороши ли средства, избираемыя для осуществленія цѣли, объ этомъ можно судить на основаніи всего вышесказаннаго; но цѣль, во всякомъ случаѣ, имѣется въ виду—или, по крайней мѣрѣ, ею мотивируются многія стороны проектируемой реформы. Тѣмъ болѣе странное впечатлѣніе производитъ то правило проекта, которое совершенно устраняетъ право тяжущихся, обвинителей и обвиняемыхъ замѣнять себя на судѣ лицами, занимающимися ходатайствомъ по чужимъ дѣламъ. Проектъ позволяетъ сторонамъ присылать вмѣсто себя на судъ почти кого угодно—родственника, арендатора, управляющаго, приказчика, рабочаго, батрака, сосѣда-односельца,—*только не адвоката.* Свобода выбора сводится, такимъ образомъ, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, къ полной несвободѣ. Что̀ можетъ сказать на судѣ рабочій или батракъ, не имѣющій понятія ни о судебныхъ порядкахъ, ни о законѣ? Разсказать, какъ совершились событія, составляющія предметъ процесса? Но это—дѣло свидѣтеля-очевидца, а не повѣреннаго. При разборѣ дѣла у земскаго начальника могутъ возникать такіе же сложные юридическіе вопросы, какъ и у мирового судьи; предоставить ихъ разработку исключительно профанамъ, значитъ сдѣлать ее совершенно невозможной, а самый исходъ дѣла отдать во власть случая или произвола. Говорятъ, что участіе повѣренныхъ установляетъ неравенство между сторонами; а устраненіе повѣренныхъ не можетъ привести къ такому же результату? Землевладѣлецъ, юридически образованный, владѣющій словомъ, привыкшій къ судебной обстановкѣ, развѣ будетъ равенъ на судѣ неграмотному крестьянину, никогда не говорившему публично, смущенному, сбитому съ толку, едва понимающему вопросы и замѣчанія земскаго начальника? Предположимъ, что каждый изъ нихъ пришлетъ вмѣсто себя представителя: первый — управляющаго, окончившаго курсъ въ высшей технической школѣ, а второй — „сосѣда“ или „односельца“, ни въ чемъ не отличающагося отъ него самого. Будетъ ли въ такомъ случаѣ достигнуто равенство между сторонами?... Допустимъ, наконецъ, что въ числѣ крестьянъ данной мѣстности найдется одинъ, болѣе

бойкій и рѣчистый, чѣмъ другіе, лучше и скорѣе схватывающій суть судебнаго производства. Два-три успѣха дадутъ ему нѣкоторую извѣстность въ средѣ „односельцевъ", они начнутъ, одинъ за другимъ, посылать его вмѣсто себя на судъ, какъ излюбленнаго своего уполномоченнаго; тогда земскій начальникъ причислитъ его къ лицамъ, занимающимся ходатайствомъ по чужимъ дѣламъ, и устранитъ его отъ права защищать интересы „односельцевъ"... Въ допущеніи или недопущеніи къ защитѣ легко можетъ установиться полнѣйшій произволъ. Захочетъ земскій начальникъ усомниться въ правоспособности явившагося замѣстителя, онъ станетъ повѣрять ее путемъ малонадежныхъ полицейскихъ удостовѣреній; не захочетъ—замѣстителемъ явится и лицо, не подходящее ни подъ одну изъ рубрикъ проектируемаго закона. Не говоримъ уже о томъ, что никакія запрещенія не могутъ положить конецъ закулисной дѣятельности сельскихъ „аблакатовъ",—а она-то именно всего опаснѣе. Гораздо болѣе радикальнымъ лекарствомъ противъ болѣзни, существованія которой мы не отрицаемъ—противъ ябеды, проникающей въ глубину сельскаго быта—было бы учрежденіе правильной сельской адвокатуры, которая приходила бы, безвозмездно или за ничтожное вознагражденіе, на помощь всякому сельскому жителю, дѣйствительно нуждающемуся въ судебной защитѣ. Объ этомъ мечталъ покойный Кавелинъ, объ этомъ нѣсколько разъ упоминали и мы въ нашихъ обозрѣніяхъ. Рука-объ-руку съ положительной поддержкой малограмотнаго, бѣднаго населенія, могла бы идти и отрицательная, въ видѣ усиленія репрессивныхъ мѣръ противъ профессіональныхъ ходатаевъ, злоупотребляющихъ довѣріемъ кліентовъ или распложающихъ ябедническіе иски. Само собою разумѣется, что такія мѣры съ успѣхомъ могутъ быть приняты мировыми учрежденіями, и теперь, по временамъ, широко пользующимися принадлежащею имъ дисциплинарною властью. Вмѣсто того, чтобы поголовно отстранять адвокатовъ, несравненно лучше было бы предоставить мировому судьѣ право требовать личной явки тяжущихся,—право, нисколько не противорѣчащее основнымъ началамъ гражданскаго процесса. Личное объясненіе судьи съ обѣими сторонами или съ одной изъ нихъ является иногда незамѣнимымъ средствомъ къ раскрытію истины. Тяжущійся иной разъ посылаетъ вмѣсто себя на судъ другое лицо именно для того, чтобы избѣжать вопросовъ, которые поставили бы передъ нимъ дилемму: или солгать, или сказать невыгодную для него правду. Недобросовѣстные повѣренные вредны, между прочимъ, именно тѣмъ, что они вызываютъ или укрѣпляютъ въ тяжущемся рѣшимость начать или продолжать неправое дѣло, отговаривая его отъ явки въ судъ и принимая на себя всѣ лживые или уклончи-

вые отвѣты, которые нужно дать для выигрыша процесса. Всѣ подобныя ухищренія теряютъ свою силу, когда судья въ правѣ не ограничиться объясненіями повѣреннаго. Конечно, въ гражданскомъ дѣлѣ тяжущіеся не могутъ и не должны подлежать *приводу* въ судъ; но если они будутъ знать, что неявка ихъ на призывъ судьи можетъ быть истолкована противъ нихъ и послужитъ однимъ изъ основаній къ обвиняющему ихъ рѣшенію, то они будутъ уклоняться отъ личной явки развѣ при полной увѣренности въ собственной неправотѣ. Найдутся между ними, конечно, и такіе, которые не отступятъ передъ прямымъ искаженіемъ истины—но это будетъ скорѣе исключеніемъ, чѣмъ общимъ правиломъ. Отъ судьи будетъ зависѣть, притомъ, не давать вѣры объясненіямъ тяжущагося, явно неправдоподобнымъ или заключающимъ въ себѣ внутреннее противорѣчіе. Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что введеніемъ въ судебные уставы предлагаемой нами поправки роль повѣренныхъ въ малоцѣнныхъ гражданскихъ процессахъ будетъ ограничена, de facto, гораздо больше, чѣмъ искусственными мѣрами противъ адвокатуры, проектируемыми положеніемъ о земскихъ начальникахъ [1]).

Представимъ себѣ теперь, что земскій начальникъ пустилъ въ ходъ всѣ дарованныя ему полномочія — собралъ черезъ полицію справки, заподозрилъ лицо, явившееся на судъ отъ имени истца, въ ходатайствѣ по чужимъ дѣламъ, отстранилъ его, на этомъ основаніи, отъ защиты истца и рѣшилъ дѣло безъ выслушанія объясненій со стороны послѣдняго; неужели отъ всего этого возросли шансы правосуднаго рѣшенія, шансы раскрытія объективной, реальной истины, шансы торжества справедливости, дѣйствительной, а не формальной?.. Вопросъ, кажется, ясенъ и разрѣшается самъ собою. Допустимъ, затѣмъ, другое предположеніе, болѣе выгодное для проектируемаго института: допустимъ, что земскій начальникъ ни въ чемъ не вышелъ изъ рамокъ существующаго теперь гражданскаго процесса—не собиралъ справокъ, потому что онѣ были не нужны, не прогонялъ адвоката, потому что его вовсе и не было, не приступалъ къ разбору дѣла въ отсутствіи истца, потому что обѣ стороны постоянно были на-лицо. Онъ готовится постановить рѣшеніе по иску мелкаго кулака, требующаго отъ отвѣтчика-крестьянина нѣсколькихъ дней полевой работы за данный взаймы весною и возвращенный осенью куль хлѣба (мы беремъ именно подобный случай, потому что защитники проекта много говорятъ о благодѣтельномъ дѣйствіи, которое онъ будетъ имѣть на

[1]) Требованіе личной явки проектъ допускаетъ только по дѣламъ уголовнымъ, какъ по отношенію къ обвиняемому, такъ и по отношенію къ потерпѣвшему. Нововведеніемъ, сравнительно съ судебными уставами, это правило представляется только въ послѣдней своей части.

крестьянъ, угнетаемыхъ и обманываемыхъ кулаками). Намѣренія у земскаго начальника самыя лучшія; онъ жалѣетъ о крестьянинѣ, негодуетъ противъ кулака и очень желалъ бы отказать истцу или, по крайней мѣрѣ, уменьшить число требуемыхъ имъ рабочихъ дней. Но какъ этого достигнуть? Имѣетъ ли къ тому земскій начальникъ какія-либо законныя средства, недоступныя для мирового судьи? Никакихъ. Разъ что искъ основанъ на условіи (хотя бы домашнемъ), подписанномъ отвѣтчикомъ, и послѣдній не оспариваетъ ни своей подписи, ни содержанія условія,—содержанія совершенно яснаго и не допускающаго двухъ различныхъ толкованій,—земскій начальникъ, какъ и мировой судья, будетъ вынужденъ постановить рѣшеніе въ пользу истца, потому что иначе онъ впалъ бы въ противорѣчіе съ законами о взысканіи по обязательствамъ. Не ясно ли, что центръ тяжести заключается здѣсь именно въ матеріальномъ правѣ, а не въ наименованіи и обстановкѣ судьи, постановляющаго рѣшеніе? Чтобы оградить крестьянское населеніе отъ эксплуатаціи кулаками, нужно не соединеніе властей; нуженъ пересмотръ гражданскихъ и уголовныхъ законовъ, нуженъ цѣлый рядъ мѣръ противъ ростовщическихъ сдѣлокъ, противъ неустоекъ, явно несоразмѣрныхъ съ цѣнностью договора [1])... Намъ могутъ возразить, что въ примѣрѣ, нами приведенномъ, земскій начальникъ оказывается безсильнымъ только вслѣдствіе простоты и ясности юридическаго отношенія, съ которымъ ему приходится имѣть дѣло. Во многихъ другихъ случаяхъ взаимныя права и обязанности сторонъ далеко не столь опредѣленны; они могутъ быть истолкованы такъ или иначе, причемъ ничто не мѣшаетъ земскому начальнику принять изъ всѣхъ толкованій наиболѣе справедливое, наиболѣе соотвѣтствующее житейской правдѣ. Совершенно вѣрно; но развѣ нельзя сказать того же самаго и о мировомъ судьѣ? Развѣ онъ больше стѣсненъ въ оцѣнкѣ доказательствъ, чѣмъ земскій начальникъ? Мы уже видѣли, что нѣтъ [2]). Развѣ онъ менѣе знакомъ съ мѣстными условіями, съ народнымъ бытомъ, съ населеніемъ своего участка, съ различными личностями, обращающимися къ его суду? Нисколько. Мировой судья—такой же мѣстный житель, такой же, по меньшей мѣрѣ, „земскій человѣкъ“, какъ и предполагаемый земскій начальникъ. Участки того и другого одинаково велики, и одина-

---

[1]) Само собою разумѣется, что мы касаемся здѣсь только того воздѣйствія противъ кулачества, которое возможно въ судебной сферѣ; окончательно сломить кулаковъ можетъ лишь поднятіе общаго уровня развитія и благосостоянія.

[2]) Если кассаціонная практика установила для мировыхъ судей слишкомъ стѣснительныя правила относительно допущенія свидѣтелей и силы свидѣтельскихъ показаній, то этому можетъ быть положенъ конецъ изданіемъ новеллы, увеличивающей свободу дѣйствій мирового суда.

кова для обоихъ, слѣдовательно, возможность изученія обычаевъ, порядковъ и отдѣльныхъ лицъ. Отъ земскаго начальника, какъ и отъ мирового судьи, не требуется, чтобы до назначенія на должность онъ жилъ въ предѣлахъ своего участка; не требуется также, чтобы онъ занимался передъ тѣмъ такимъ дѣломъ, которое сближало бы его съ мѣстною жизнью. Однимъ словомъ, ни фактически, ни юридически земскій начальникъ не отличается отъ мирового судьи настолько, чтобы внести въ свою *судебную* дѣятельность элементъ непосредственнаго попеченія о народномъ благѣ.

Мы говорили до сихъ поръ преимущественно о дѣлахъ гражданскихъ, потому что именно они больше всего имѣются въ виду, когда идетъ рѣчь о созданіи суда „бытового, народнаго, руководящагося существомъ дѣла и требованіями справедливости". Въ области уголовнаго права, особенно насколько оно примѣняется мировыми учрежденіями, „существо дѣла" и теперь безусловно господствуетъ надъ „формальными доказательствами", „требованія справедливости" и теперь не встрѣчаютъ отпора со стороны „формальной истины". Для того, чтобы создать здѣсь что-либо новое, проекту положенія о земскихъ начальникахъ приходится прибѣгнуть къ мѣрѣ, въ полномъ смыслѣ слова—экстраординарной. Оно вводитъ такъ-называемое *распорядительное разбирательство* по дѣламъ уголовнымъ, заключающееся въ томъ, что, получивъ сообщеніе должностного лица о проступкѣ, подсудномъ земскому начальнику, или лично обнаруживъ такой проступокъ,—земскій начальникъ прямо посылаетъ виновному, не вызывая его къ себѣ и не выслушивая его оправданій, *приказъ* о наложенномъ на него взысканіи. Для этого нужно только, чтобы земскій начальникъ убѣдился въ основательности приведенныхъ въ сообщеніи данныхъ и не встрѣтилъ затрудненій въ опредѣленіи, съ ихъ помощью, взысканія, которому по закону подлежитъ виновный. Лицо, получившее приказъ, можетъ просить, въ теченіе семи дней, о разсмотрѣніи дѣла въ порядкѣ обыкновеннаго судебнаго разбирательства; земскій начальникъ обязанъ исполнить эту просьбу, не стѣсняясь, при рѣшеніи дѣла, раньше состоявшимся приказомъ. Спрашивается, прежде всего: какая предстоитъ надобность въ установленіи такого порядка? Неужели интересы правосудія пострадаютъ отъ того, что взысканіе за маловажный проступокъ наложено будетъ нѣсколькими днями позже? Неужели необходимо, чтобы кара слѣдовала за виной съ тою же быстротою, какъ громъ слѣдуетъ за молніей? Какимъ образомъ, далѣе, земскій начальникъ будетъ удостовѣряться въ основательности данныхъ, содержащихся въ оффиціальномъ сообщеніи [1])? Посредствомъ

[1]) Случаи обнаруженія проступка лично самимъ судьею такъ рѣдки, что мы не видимъ надобности говорить о нихъ особо.

разслѣдованія, допроса свидѣтелей, осмотра на мѣстѣ? Но почему же не вызвать тогда и обвиняемаго, почему не направить дѣло прямо къ обычному судебному разбору? Или, можетъ быть, основательнымъ должно быть признаваемо всякое сообщеніе, не заключающее въ себѣ ничего явно неправдоподобнаго? Въ такомъ случаѣ во что̀ обратится гарантія, обусловливаемая повѣркой сообщенія? Не откровеннѣе ли сказать прямо, что сообщеніе начальства составляетъ само по себѣ достаточное доказательство виновности?... Не слѣдуетъ упускать изъ виду, что „должностными лицами", на сообщеніяхъ которыхъ будутъ основываться *приказы* земскаго начальника, явятся, бо́льшею частью, урядники, сотскіе, волостные старшины, сельскіе старосты. Въ какой степени удобно предоставить имъ, фактически, предрѣшающій голосъ въ уголовномъ дѣлѣ—это не требуетъ разъясненій. А между тѣмъ, едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что *предрѣшеніе* будетъ, въ большинствѣ случаевъ, равносильнымъ *рѣшенію*, что отмѣна однажды состоявшагося „приказа" будетъ явленіемъ чрезвычайно рѣдкимъ. Лицо, осужденное „приказомъ", далеко не всегда рѣшится просить о судебномъ разбирательствѣ. Оно будетъ бояться, что прогнѣвитъ этимъ земскаго начальника, навлечетъ на себя въ настоящемъ увеличеніе наказанія [1]), въ будущемъ—еще болѣе опасное (особенно для крестьянина) нерасположеніе распорядителя судебъ участка. Изъ двухъ золъ — этого нерасположенія и незаслуженнаго ареста или штрафа—первое легко можетъ показаться бо́льшимъ и въ самомъ началѣ остановить всякую мысль о просьбѣ, похожей на жалобу. Не особенно удобнымъ будетъ и положеніе земскаго начальника, пересматривающаго свой собственный „приказъ". Ошибочно было бы сравнивать его съ положеніемъ мирового судьи, пересматривающаго, вслѣдствіе отзыва отвѣтчика или обвиняемаго, свое заочное рѣшеніе. Въ послѣднемъ случаѣ нельзя было избрать другого способа разбора; образъ дѣйствій судьи былъ предрѣшенъ, независимо отъ его воли, неявкой отвѣтчика или обвиняемаго. Въ первомъ случаѣ, наоборотъ, земскій начальникъ свободно, произвольно вступаетъ на путь, уменьшающій шансы правильнаго рѣшенія; ничто не мѣшаетъ ему вызвать обвиняемаго, но онъ предпочитаетъ начать съ конца, т.-е. прямо поста-

[1]) Взысканіе, налагаемое „приказомъ", не должно превышать, на основаніи проекта, половину высшаго наказанія, назначеннаго закономъ за данный проступокъ. Это—своеобразная премія за подчиненіе „приказу", премія не только лишенная всякой raison d'être, но и прямо несправедливая. Изъ двухъ лицъ, одинаково виновныхъ, одно можетъ быть наказано вдвое строже, чѣмъ другое, только потому, что по отношенію къ первому земскій начальникъ счелъ нужнымъ дѣйствовать путемъ судебнаго разбора, а по отношенію къ другому—путемъ „распорядительнаго разбирательства".

новить обвинительный приговоръ. Понятно, что ему будетъ трудно сознаться въ своей ошибкѣ. Хорошо еще, еслибы невиновность обвиняемаго доказывалась всегда фактическими данными, которыхъ не было въ дѣлѣ въ моментъ его возбужденія, и которыхъ не могъ, слѣдовательно, знать земскій начальникъ при постановленіи „приказа". Тогда, отмѣняя „приказъ" и оправдывая обвиняемаго, земскій начальникъ могъ бы сказать себѣ и другимъ, что перемѣна въ его взглядахъ произошла исключительно отъ бо́льшей полноты дѣла. Конечно, его можно было бы спросить, почему же онъ не позаботился съ самаго начала о всестороннемъ освѣщеніи процесса, трудно достижимомъ безъ участія обвиняемаго; но упущеніе все-таки бросалось бы въ глаза не слишкомъ сильно. Другое дѣло, если обвинительный „приказъ" послѣдовалъ вслѣдствіе явно неправильнаго толкованія закона, раскрытаго просьбой о судебномъ разбирательствѣ или личными объясненіями обвиняемаго. Земскій начальникъ очутится здѣсь лицомъ-къ-лицу съ собственной погрѣшностью, происшедшей исключительно вслѣдствіе торопливости, по меньшей мѣрѣ—излишней. Совѣсть и чувство долга будутъ требовать отъ него исправленія ошибки, но вмѣстѣ съ тѣмъ для него будетъ ясно, что нѣсколькихъ случаевъ этого рода вполнѣ достаточно для поколебанія его авторитета. Произойдетъ внутренняя борьба, за исходъ которой никакъ нельзя ручаться. Гораздо лучше не давать повода къ такой борьбѣ, не вводить въ наше законодательство ничѣмъ не оправдываемаго и ни къ чему не ведущаго „распорядительнаго разбирательства" или карательнаго „приказа".

Помимо судебной власти въ полномъ смыслѣ этого слова, земскому начальнику предоставляется власть административно-карательная. Она заключается въ томъ, что лицо, не исполнившее законнаго распоряженія земскаго начальника, можетъ быть немедленно и безапелляціонно подвергнуто имъ взысканію, доходящему до пяти рублей штрафа или семи дней ареста. Распространяется эта власть, однако, не на все населеніе участка, а только на мѣщанъ и крестьянъ; въ примѣненіи къ послѣднимъ административная кара можетъ быть замѣнена, по усмотрѣнію земскаго начальника, преданіемъ волостному суду, и поводомъ къ той или другой мѣрѣ можетъ служить не только неисполненіе распоряженій самого земскаго начальника, но и неповиновеніе должностнымъ лицамъ волостного и сельскаго управленія. Мы имѣли уже случай показать, что необходимымъ коррективомъ административно-карательной власти представляется право судебнаго обжалованія ея распоряженій [1]); теперь насъ останавливаютъ на себѣ въ особенности двѣ другія черты проекта. Первая изъ нихъ—это ограниченіе

[1]) Въ статьѣ о слiяніи властей, напечатанной въ № 12 „В. Европы" за 1886 г.

административно-карательной власти, обусловливаемое сословнымъ началомъ. Еслибы объектами дѣйствія административной кары были признаны одни крестьяне, это можно было бы объяснить—хотя, конечно, не оправдать—тѣмъ обстоятельствомъ, что земскій начальникъ спеціально поставленъ во главѣ крестьянскаго управленія и имѣетъ особое право на повиновеніе со стороны крестьянъ; но къ мѣщанамъ подобныя соображенія неприменимы, и мы имѣемъ дѣло, очевидно, не съ чѣмъ инымъ, какъ со старою противоположностью привилегированныхъ и непривилегированныхъ сословій. Если административно-карательная власть земскаго начальника дѣйствительно необходима, то ей должны быть подчинены всѣ безъ изъятія жители участка; освободить отъ нея одну группу населенія, значитъ признать, что нѣтъ причины оставлять подъ нею всѣ остальныя. Въ послѣднія двадцать лѣтъ понятіе о равенствѣ передъ закономъ настолько успѣло пустить корни въ народной массѣ, что открытое его нарушеніе не можетъ не произвести самаго нежелательнаго впечатлѣнія. Представимъ себѣ слѣдующій случай: купецъ и его приказчикъ явно, на глазахъ у всѣхъ, дѣйствуютъ вопреки законному распоряженію земскаго начальника (относящемуся, напримѣръ, къ охраненію въ деревнѣ благочинія и порядка). Земскій начальникъ удостовѣряется въ этомъ самъ и арестуетъ приказчика, но останавливается передъ главнымъ виновнымъ—купцомъ, какъ лицомъ, не принадлежащимъ ни къ мѣщанскому, ни къ крестьянскому сословію, и ограничивается, по отношенію къ нему, составленіемъ протокола, для направленія дѣла къ судебному разбирательству. Какъ подѣйствуетъ на цѣлую деревню такая двойственность въ распоряженіяхъ земскаго начальника? Не подорветъ ли она его авторитетъ гораздо больше, чѣмъ могло бы поколебать его полное отсутствіе административно-карательной власти? Скажемъ болѣе—не подорветъ ли она авторитетъ самаго закона, такъ явно взирающаго не на дѣло, а на лица?.. Еще болѣе серьезныя сомнѣнія возбуждаетъ то правило проекта, которое уполномочиваетъ земскаго начальника предавать крестьянъ волостному суду. Не слѣдуетъ обманывать себя насчетъ настоящаго значенія этого правила: оно облекаетъ земскаго начальника правомъ присуждать крестьянъ къ тѣлесному наказанію, только не прямо, а косвенно, черезъ посредство волостного суда. Что волостной судъ не осмѣлится пойти противъ выраженной, хотя бы и въ видѣ намека, воли земскаго начальника, это не можетъ подлежать никакому спору. Волостные судьи, на основаніи проекта, подчиняются земскому начальнику не только in corpore, какъ судъ, но и каждый лично, отдѣльно; онъ имѣетъ право подвергать каждаго изъ нихъ штрафу до пяти рублей или аресту до семи дней, а также увольнять ихъ отъ должности. Не ясно

ли, что преданіе волостному суду, по распоряженію земскаго начальника, будетъ, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, равносильно постановленію обвинительнаго приговора, и притомъ приговора, присуждающаго къ розгамъ, потому что къ другому наказанію—аресту или штрафу—земскій начальникъ могъ бы присудить обвиняемаго и собственною властью? Между строками приказа, передающаго дѣло въ волостной судъ, волостные судьи безъ труда прочтутъ слѣдующую резолюцію земскаго начальника: „сдѣлайте то, чего я самъ не могу сдѣлать". Въ прецедентахъ для такой неписанной резолюціи у насъ, къ сожалѣнію, нѣтъ недостатка; она сплошь и рядомъ постановляется полиціей при взысканіи недоимокъ, и волостные суды исполняютъ ее неукоснительно, присуждая недоимщиковъ къ тѣлесному наказанію. Въ такомъ же отношеніи они будутъ находиться и къ земскому начальнику, съ тою только разницей, что поводомъ къ „резолюціямъ" будетъ служить уже не одно накопленіе недоимокъ. Положеніе власти, возлагающей на другихъ отвѣтственность за собственное свое рѣшеніе, едва ли можетъ способствовать поднятію ея значенія въ глазахъ массы.

Бросимъ теперь ретроспективный взглядъ на всѣ постановленія проекта, о которыхъ мы до сихъ поръ говорили, и постараемся предугадать нѣкоторые ихъ результаты. Для кого будутъ всего чувствительнѣе процессуальныя нововведенія проекта? Безъ сомнѣнія—для крестьянъ, и не въ смыслѣ для нихъ благопріятномъ. Землевладѣльцевъ и „кулаковъ" запрещеніе обращаться къ адвокатамъ не оставитъ безпомощными; они съумѣютъ найти, въ случаѣ надобности, такихъ „управляющихъ", „арендаторовъ" или „приказчиковъ", которые окажутся достаточно вооруженными для судебной защиты. Если истецъ изъ той же среды не явится къ земскому начальнику ни лично, ни въ лицѣ уполномоченнаго, то это рѣдко повредитъ его интересамъ; онъ имѣетъ полную возможность навести справки о шансахъ выигрыша или проигрыша и сообразовать съ ними свой дальнѣйшій образъ дѣйствій. Можно сказать съ полною увѣренностью, что въ процессѣ, участникомъ котораго является лицо привилегированнаго сословія, собираніе справокъ не будетъ возложено на урядника, сотскаго или сельскаго старосту. Едва ли будетъ когда-либо посланъ такому лицу и „приказъ", налагающій на него уголовное взысканіе; земскій начальникъ будетъ знать заранѣе, что безъ судебнаго разбора дѣло здѣсь не обойдется, и предпочтетъ начать прямо съ вызова на судъ, не подвергая себя напрасно риску отмѣны „приказа". Отъ административно-карательной власти земскаго начальника лица привилегированныхъ сословій, начиная съ купцовъ, освобождены, наконецъ, самымъ текстомъ проекта. Итакъ, собираніе справокъ черезъ полицію,

рискъ проигрыша дѣла, вслѣдствіе неявки на судъ, затрудненіе найти сколько-нибудь компетентнаго защитника, „распорядительное производство“ съ его „приказами“, административныя кары—все это будетъ составлять исключительно или преимущественно удѣлъ низшихъ сословій. Но и этого еще недостаточно; необходимо также имѣть въ виду, что земскому начальнику подсудны преимущественно дѣла, возникающія изъ экономическихъ отношеній между лицами различныхъ сословій (наемъ рабочихъ, обработка помѣщичьей земли исполу или кругами, мелкая аренда, потравы, порубки и т. п.), а между тѣмъ онъ является представителемъ одного сословія, и безъ того наиболѣе сильнаго вліяніемъ, образованіемъ, достаткомъ. Это—обстоятельство въ высшей степени важное; мы постараемся возвратиться къ нему въ слѣдующемъ нашемъ обозрѣніи.

Предыдущая книжка нашего журнала была уже въ печати, когда въ Петербургѣ получено было извѣстіе о кончинѣ С. И. Зарудnаго. Еще не поздно помянуть его добрымъ словомъ; его имя навсегда останется тѣсно связаннымъ съ одною изъ лучшихъ страницъ русской исторіи. Въ концѣ пятидесятыхъ и началѣ шестидесятыхъ годовъ онъ вынесъ на своихъ плечахъ главную тяжесть той работы, результатомъ которой явился краеугольный камень судебной реформы—основныя положенія 1862 года. Въ составленіи самыхъ судебныхъ уставовъ С. И. Зарудный также игралъ первостепенную роль; не пришлось ему только, по странной несправедливости судьбы, участвовать въ осуществленіи ихъ на самомъ дѣлѣ. Послѣднія двадцать лѣтъ своей жизни онъ провелъ въ старыхъ судебныхъ департаментахъ сената. И тамъ, конечно, онъ не переставалъ быть полезнымъ труженикомъ, но его силамъ соотвѣтствовало бы другое, болѣе широкое поприще. С. И. Зарудный принадлежитъ къ тѣмъ, довольно многочисленнымъ у насъ, государственнымъ людямъ, способности которыхъ лишь не надолго находили надлежащее примѣненіе. Тяжело вспомнить, что они оставались въ полномъ бездѣйствіи, въ то самое время, когда довершеніе начатаго ими дѣла переходило въ руки людей, относившихся къ нему равнодушно или даже враждебно. Въ этомъ, много разъ повторявшемся, явленіи коренится, быть можетъ, одна изъ самыхъ печальныхъ особенностей великой эпохи преобразованій... Мало извѣстны, сравнительно, первые годы служебной дѣятельности С. И. Зарудnаго. Мы знали его въ то время, хотя и не близко, и можемъ удостовѣрить, что онъ имѣлъ уже тогда самое хорошее вліяніе на всѣхъ его окружавшихъ. Онъ былъ однимъ изъ той плеяды юристовъ сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ, ко-

торые воспитали въ себѣ глубокое отвращеніе къ до-реформеннымъ судебнымъ порядкамъ и внесли въ узкія рамки тогдашней судебной службы чуждое ей до тѣхъ поръ высокое понятіе о правосудіи и справедливости. Для своего маленькаго міра они были, mutatis mutandis, тѣмъ же самымъ, чѣмъ „писатели сороковыхъ годовъ“—для литературы и для общества. Докладъ на консультаціи, учрежденной при министрѣ юстиціи, служилъ для молодыхъ людей, руководимыхъ С. И. Зарудныхъ (въ качествѣ юрисконсульта и старшаго юрисконсульта), не только школой практическаго знанія, но и школой серьезнаго, задушевнаго отношенія къ дѣлу. Тѣ же привычки и взгляды вкоренялись и въ сенатскихъ канцеляріяхъ—и такимъ образомъ незамѣтно подготовлялись дѣятели для новаго суда. Участіе С. И. Зарудняго въ этой подготовкѣ составляетъ мало замѣтную, но крупную заслугу, раскрытіе которой лежитъ на обязанности ближайшихъ его друзей, пережившихъ своего наставника или товарища.

НАРОДНОСТЬ И НАРОДНИЧЕСТВО.

— Беллетристы-народники: Θ. Рѣшетниковъ, А. Левитовъ, Гл. Успенскій, Н. Златовратскій и др.—Критическіе очерки А. Скабичевскаго. Спб., 1888.

Наша критика рѣдко задавалась обзорами новѣйшаго періода нашей литературы или какого-либо цѣльнаго отдѣла ея фактовъ, такъ что и въ самой критикѣ, и въ общемъ мнѣніи, составляются болѣе или менѣе опредѣленныя сужденія объ отдѣльныхъ писателяхъ, ихъ достоинствахъ и недостаткахъ, но остается темнымъ вопросъ о томъ, что̀ надо думать о цѣломъ движеніи нашей литературы за двѣ три послѣднія десятилѣтія, что́ было принесено имъ новаго въ изображеніи и истолкованіи русской жизни, все ли было полезнымъ пріобрѣтеніемъ, и не было ли также утратъ и отступленій назадъ, или безцѣльнаго толченія на одномъ мѣстѣ,—потому что было и то, и другое, и третье. Подобный обзоръ, разумѣется, дѣло очень трудное: требуется подвести подъ историческую оцѣнку такое количество разнообразныхъ, часто противорѣчащихъ или еще не вполнѣ обозначившихся фактовъ, что задача пугаетъ своею сложностью,—но въ то же время она была бы исполнена величайшаго интереса. Подведеніе итоговъ разъяснило бы для самихъ дѣятелей положеніе вещей, указывало бы ошибки и, можетъ быть, послужило бы полезнымъ урокомъ. Поэтому мы съ особеннымъ удовольствіемъ встрѣчаемъ попытки такихъ общихъ обзоровъ, попытки отдать себѣ отчетъ въ совершающихся фактахъ литературы, которые бываютъ обыкновенно въ большей или меньшей степени и фактами общественной жизни. Мы говоримъ—въ большей или меньшей степени, потому что наша литература, какъ извѣстно, далеко не охватываетъ и не отражаетъ всѣхъ стремленій и волненій нашей общественности...

Къ числу такихъ попытокъ принадлежитъ и книга г. Скабичевскаго. Правда, это не есть цѣльная работа съ назначенной заранѣе темой, которая была бы соображена и разработана за одинъ разъ: напротивъ, это—только собраніе отдѣльныхъ этюдовъ, хотя и связанныхъ общимъ предметомъ, но писанныхъ по отдѣльнымъ случаямъ на пространствѣ лѣтъ пятнадцати (съ 1869 и до послѣднихъ годовъ), причемъ авторъ въ началѣ книги не имѣетъ въ распоряженіи тѣхъ данныхъ, какія получаетъ въ концѣ. Такимъ образомъ, книга представляетъ сборникъ разновременныхъ литературныхъ фактовъ, и

хотя авторъ остался при тѣхъ же основныхъ взглядахъ,—но во всякомъ случаѣ тема сама развивалась передъ нимъ въ теченіе упомянутаго времени и явилась не вдругъ въ цѣломъ своемъ объемѣ, а трактовалась по частямъ, въ разбивку.

Книга г. Скабичевскаго составилась изъ журнальныхъ статей по поводу различныхъ явленій „народнической беллетристики"; но такъ какъ авторъ въ теченіе многихъ лѣтъ не пропускалъ главнѣйшихъ произведеній этого рода, то составилось довольно цѣльное обозрѣніе народнической беллетристики. Статьи начаты, какъ мы сказали, въ концѣ 60-хъ годовъ, когда нѣкоторыя стороны этого направленія довольно опредѣлились: г. Скабичевскій съумѣлъ отнестись къ нимъ здраво; онъ увидѣлъ и сильныя стороны разбираемыхъ писателей, и ихъ недостатки, связанные съ сущностью направленія и съ личными особенностями писателей,—такъ что очень многое въ его сужденіяхъ остается и теперь очень вѣрнымъ, и обозрѣніе можетъ быть прочтено съ удовольствіемъ и пользой. Мы скажемъ дальше о нѣкоторыхъ теоретическихъ пунктахъ, гдѣ взгляды автора кажутся намъ односторонними и исключительными, но онъ правильно указываетъ ту общую роль новѣйшей народнической беллетристики, гдѣ она была противовѣсомъ прежней идеализаціи и замѣняла искусственный взглядъ на народъ простымъ реальнымъ изображеніемъ его дѣйствительности.

Въ самомъ дѣлѣ, до появленія этой новѣйшей беллетристики, въ изображеніяхъ народнаго быта было съ одной стороны слишкомъ много односторонности и неполноты, и съ другой — отвлеченности. У старыхъ беллетристовъ, касавшихся этой темы, не было прямого и открытаго интереса къ народной жизни. У первыхъ начинателей, какъ Даль (не говоримъ о Гоголѣ, котораго первые разсказы принадлежатъ къ особой области нашей народности и окрашены этнографическимъ романтизмомъ), картина народнаго быта имѣетъ характеръ этюда, первой пробы нарисовать невѣдомый прежде міръ: это скорѣе этнографія, чѣмъ поэзія, скорѣе анекдотъ, нежели изображеніе какой-либо стороны быта и народнаго характера, скорѣе опытъ виртуозности въ обладаніи народной рѣчью, въ знаніи бытовыхъ подробностей, чѣмъ изображеніе самой сущности народнаго міровоззрѣнія и дѣйствительнаго положенія народной жизни—напримѣръ, во всей этой давней народнической литературѣ совсѣмъ нѣтъ рѣчи о крѣпостномъ и административномъ положеніи народа. Въ слѣдующихъ литературныхъ поколѣніяхъ сказывается уже потребность взглянуть глубже на эту внутреннюю и внѣшнюю сущность народнаго быта и высказать слово сочувствія къ подавленному состоянію милліоновъ народа. Такова была тайная мысль поэтическихъ обра-

щеній къ народу и картинъ народной жизни у Тургенева, Григоровича, Некрасова, Потѣхина или у иныхъ мелкихъ беллетристовъ сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ. Сказать это первое слово сочувствія было не легко; за нимъ подозрительно подслушивали въ ту эпоху, когда крѣпостное право было строго охраняемымъ государственнымъ учрежденіемъ; и этого одного обстоятельства было бы достаточно, чтобы объяснить многіе недостатки въ тогдашнихъ изображеніяхъ народа: если писатель долженъ былъ скрывать самую задушевную свою мысль, можно себѣ представить, сколько должно было это вредить самой основѣ произведенія, которому приходилось давать искусственный оборотъ, показывать только уголъ изображенія вмѣсто цѣлой картины или затуманивать ее, чтобы она—не была всѣми понята. Къ этому прибавлялось и другое обстоятельство. Поэзія, какъ и наука, не дѣлаетъ своихъ пріобрѣтеній вдругъ; еслибы даже въ тѣ годы, сорокъ-пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ (когда возникаютъ первыя положительныя желанія изображать народную жизнь), была возможность говорить открыто о предметѣ, то не было еще техники,—не было ни достаточнаго знанія подробностей народной жизни, въ самомъ читающемъ мірѣ, не было привычки къ картинамъ этого рода; въ свое время разсказы Даля казались, напримѣръ, удивительной и даже смѣлой новостью для тогдашняго вкуса,—но довольно сравнить ихъ съ произведеніями новѣйшихъ народниковъ-беллетристовъ, чтобы увидѣть громадную разницу въ техникѣ. Въ настоящее время намъ бросаются въ глаза недостатки тогдашнихъ повѣстей изъ народнаго быта, преувеличенная сентиментальность или искусственно приглаженный народный языкъ въ разсказахъ Потѣхина и Григоровича, но читатели того времени замѣчали эти недостатки гораздо меньше, или даже совсѣмъ ихъ не чувствовали; для нихъ интересъ заключался въ томъ общемъ отношеніи къ народному быту, какое высказывалось въ этихъ разсказахъ, въ ихъ мягкомъ, сочувственномъ и поэтическомъ тонѣ. Ставя дѣло исторически, инымъ и не могъ быть первый приступъ литературы къ народно-бытовой повѣсти, какой она до тѣхъ поръ не имѣла. Въ параллель къ этому сочувственному изображенію народной жизни въ одномъ литературномъ лагерѣ, является въ другомъ та идеализація народа, какая выразилась въ философско-историческихъ теоріяхъ славянофильства и, напр., въ повѣстяхъ г-жи Кохановской.

Новый поворотъ въ этой области начинается съ тѣхъ поръ, какъ открылась перспектива рѣшенія народнаго вопроса въ государственномъ смыслѣ. Собственно говоря, только съ этихъ поръ явилась возможность говорить о предметѣ болѣе или менѣе прямо и открыто, и примѣнить реалистическій пріемъ къ изображеніямъ народной жизни.

Этотъ реализмъ, постоянно выроставшій въ нашей литературѣ съ Пушкина и Гоголя, не распространялся до сихъ поръ на эту спеціальную область (какъ, впрочемъ, и на многія другія) именно потому, что самый предметъ почти не былъ доступенъ для литературныхъ изображеній—этимъ изображеніямъ приходилось быть или слишкомъ неполными, ограничиваясь только внѣшними и анекдотическими явленіями народной жизни, какъ бывало у Даля, или оставаться намекомъ (хотя бы весьма художественно выполненнымъ), какъ бывало иногда у Тургенева, или, наконецъ, имъ приходилось впадать въ романтическую идеализацію, какъ бывало у Потѣхина и Григоровича, когда требовалось удовлетвореніе не столько реально-художественной потребности, сколько нравственнаго чувства. Теперь вопросъ ставился совершенно иначе. Народная жизнь открывалась, хотя не вдругъ, а мало-по-малу, для изученія со всѣхъ сторонъ: и со стороны исторической, потому что еще наканунѣ она и съ этой стороны не была доступна для изслѣдованія (кромѣ періода варяжскаго),—и со стороны внутренне-политической и экономической, и со стороны нравственно-общественной, и даже, наконецъ, этнографической (потому что и въ этомъ послѣднемъ отношеніи строго запрещалось касаться извѣстныхъ подробностей народнаго быта для соблюденія крѣпостного благоприличія). Такимъ образомъ по чисто внѣшнимъ обстоятельствамъ народнаго вопроса являлась возможность и новаго художественнаго отношенія къ нему въ литературѣ. Какъ обыкновенно бываетъ, инстинкты общественнаго чувства и самыя потребности литературнаго развитія готовили уже эту новую художественную почву, но полное утвержденіе новаго направленія совпадаетъ именно съ постановкой крестьянскаго вопроса. Народническая беллетристика, какъ цѣлое направленіе и школа, именно съ этихъ поръ получаетъ мѣсто въ литературѣ, которое сохраняетъ и до сей минуты; начинается дѣятельность тѣхъ писателей, которымъ посвящаетъ свои обзоры г. Скабичевскій.

Эти обзоры вообще весьма мѣтко указываютъ какъ особенности разбираемыхъ писателей, такъ и самое развитіе идей и пріемовъ направленія. Таковы характеристики содержанія и манеры въ произведеніяхъ Николая Успенскаго, Слѣпцова, Рѣшетникова, Левитова и пр. Въ Н. Успенскомъ критикъ видитъ первую зачаточную ступень новой школы: изученіе народнаго быта ограничивается тѣснымъ уголкомъ, гдѣ разсматриваются отдѣльныя подробности бросающіяся въ глаза, безъ всякой мысли о цѣломъ, какъ будто дѣлается только первая проба ученическаго наблюденія. „Чтеніе подобныхъ очерковъ (какъ очерки Н. Успенскаго) для человѣка, незнакомаго съ народною жизнію, очень похоже на разсматриванье въ микроскопъ

листочка въ то время, какъ не только что не имѣешь никакого понятія о родахъ и видахъ растеній, но не знаешь, съ какого дерева сорванъ листокъ... Писатель этотъ въ своихъ очеркахъ представляетъ ту степень знанія, на которой человѣкъ не имѣетъ еще никакихъ понятій о тѣхъ предметахъ, которые онъ наблюдаетъ; передъ нимъ представляется пестрая смѣсь конкретныхъ явленій, и онъ каждое разсматриваетъ отдѣльно, безъ связи съ другими, обращая вниманіе на одну внѣшность наблюдаемыхъ предметовъ. Большинство очерковъ Н. Успенскаго представляется случайно-схваченными изъ жизни сценками и анекдотиками: какой-нибудь разговоръ на постояломъ дворѣ, разсказъ проѣзжаго мужика, купца или бабы— все, что̀ удалось Н. Успенскому мелькомъ увидѣть или услышать— все это онъ такъ и передаетъ, какъ оно есть. Ограничиваясь фотографическими снимками случайныхъ сценъ жизни, Н. Успенскій думаетъ, можетъ быть, что онъ этимъ вполнѣ выполнилъ задачу реализма. Но если реализмъ требуетъ, чтобы художникъ изображалъ жизнь, какъ она есть, то изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы онъ допускалъ художнику теряться въ массѣ конкретныхъ фактовъ. Обобщать эти факты, изслѣдовать ихъ причины и слѣдствія, переходить къ общимъ условіямъ отъ частныхъ явленій—вотъ чего требуетъ реализмъ, какъ отъ науки, такъ и отъ искусства. И въ этомъ отношеніи разбираемые нами очерки стоятъ на самой низшей ступени реальнаго изученія быта народа, такъ сказать, передъ самымъ входомъ въ это зданіе". Во-первыхъ, г. Скабичевскій указываетъ въ разсказахъ Н. Успенскаго полное отсутствіе того, что̀ называется типами, а затѣмъ и вообще отсутствіе мысли о томъ, что за грубостью и невѣжествомъ народнаго быта все-таки живетъ человѣческая природа и человѣческое чувство, которыя именно и возбуждаютъ интересъ и симпатію къ народной жизни. Оттого и разсказы Успенскаго получали какой-то странный, двойственный характеръ. Онъ такъ усердно изображалъ грубость и невѣжество мужика, его неумѣнье понимать даже собственные интересы, что его разсказы могли съ успѣхомъ эксплуатироваться тѣми людьми, которые въ свое время утверждали, что освобожденіе крестьянъ было преждевременно. „Н. Успенскій рисуетъ въ этихъ очеркахъ тупоуміе и отсутствіе всякаго здраваго смысла въ мужикахъ для того, чтобы внушить вамъ, до какого печальнаго положенія доведенъ мужикъ крѣпостнымъ правомъ. Но факты, выставляемые имъ, могутъ служить отличными доказательствами необходимости того же самаго крѣпостного права. Приверженцы крѣпостничества на такіе именно факты и опираются въ своихъ доводахъ въ пользу крѣпостного права, и очерки Н. Успенскаго могутъ доставить отличный матеріалъ для нихъ; они еще

болѣе убѣдятся, прочитавши эти очерки, что крестьяне, предоставленные самимъ себѣ, погибнутъ по своей глупости, чуть-что не съѣдятъ другъ друга" (стр. 23—24, 27). Г. Скабичевскій видитъ въ этомъ отношеніи Н. Успенскаго къ изображаемому имъ быту какъ будто только недостатокъ его художественнаго пониманія. „Въ чемъ же должна заключаться *цѣль реальной поэзіи*, какъ не въ томъ, чтобы, изучивши бытъ народа, проникнуть въ сердце простого человѣка, на самой низшей степени развитія уловить крикъ и протестъ противъ неправды и выставить этотъ крикъ на первый планъ, какъ доказательство того, что, какъ бы ни былъ невѣжественъ мужикъ, а онъ все-таки человѣкъ, и, какъ человѣкъ, имѣетъ право на всѣ человѣческія блага. Тургеневъ, Григоровичъ и Писемскій—въ былое время, когда они были еще молодые писатели—стояли на этомъ пути и старались изучать человѣческіе элементы въ бытѣ простого народа. Н. Успенскій, хотя и цѣлымъ поколѣніемъ моложе ихъ, но, видно, сильна во всѣхъ насъ старая закваска, и горе тому писателю, который *добросовѣстно, старательно не поработаетъ* надъ изученіемъ народнаго быта, а будетъ дѣло дѣлать, спустя рукава, и не потревожитъ своихъ высокоразвитыхъ мозговъ, чтобы подумать, какъ недалеко отошелъ онъ отъ своихъ отцовъ и дѣдовъ, если продолжаетъ ничего не видѣть въ мужикахъ, кромѣ безсловесныхъ скотовъ и олуховъ". Дѣло было, слѣдовательно, не только въ недостаткѣ пониманія требованій *реальной поэзіи*, а гораздо больше въ отсутствіи простого теоретическаго пониманія; „поработать" надо было не надъ изученіемъ народнаго быта (въ качествѣ внѣшняго матеріала, его могло бы быть достаточно), а надъ пріобрѣтеніемъ элементарныхъ понятій общественныхъ и психологическихъ. Въ свое время разсказы Н. Успенскаго получили извѣстный успѣхъ именно потому, что въ ту пору были новы по своей манерѣ: это была все-таки попытка реальнаго, неприкрашеннаго изображенія народной жизни; на ту пору эта попытка подходила къ историческимъ выводамъ о подавляющемъ вліяніи крѣпостного права, а также была противовѣсомъ патріархальной идилліи или мистическому народолюбію. Но собственныя идеи Н. Успенскаго уже тогда оцѣнялись по достоинству: его роль въ литературѣ и окончилась этими первыми разсказами.

Г. Скабичевскій ставитъ гораздо выше произведенія В. А. Слѣпцова: его отношеніе къ народу гуманнѣе, по крайней мѣрѣ въ томъ смыслѣ, что онъ не просто желаетъ изображать мужицкое невѣжество, но желаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ показать отношеніе къ народу администраціи, не желающей войти въ его нужды. По таланту, Слѣпцовъ несравненно выше не только Н. Успенскаго, но и Рѣшетни-

кова; но его картины слишкомъ отрывочны, слишкомъ похожи иногда на подобранный намѣренно анекдотъ, и вина недостатковъ его произведеній заключается опять не столько въ неполнотѣ художественнаго чутья или въ недостаточномъ знаніи быта, а въ тѣхъ же недостаткахъ пониманія общественнаго, какіе мы указывали въ Н. Успенскомъ. Слѣпцовъ, конечно, никогда не доходилъ до тѣхъ нелѣпостей, до какихъ договаривался Н. Успенскій, но во всякомъ случаѣ въ его взглядѣ на предметъ было много поверхностнаго въ чисто теоретическомъ отношеніи.

Иную полосу народнической беллетристики представляютъ произведенія Рѣшетникова, Левитова и, можно сказать, всѣхъ дальнѣйшихъ, хотя нѣсколько талантливыхъ, писателей этого направленія. Крестьянская реформа была закончена; народный вопросъ въ значительной степени выяснился, и это само собой отразилось на народнической беллетристикѣ... У Рѣшетникова г. Скабичевскій не находитъ и половины таланта, какой былъ у Слѣпцова; разсказы Левитова страдаютъ крайнимъ отсутствіемъ обработки, отрывочностью и недодѣланностью, но тотъ и другой далеко превосходятъ своихъ предшественниковъ всѣмъ тономъ своихъ произведеній: народъ для нихъ не есть предметъ случайнаго и внѣшняго интереса, они стоятъ къ нему гораздо ближе, между прочимъ, и по своему личному положенію; въ грубыхъ формахъ народнаго быта они видятъ и чувствуютъ ту же человѣческую жизнь, нерѣдко дикую и мрачную, но способную такъ же вызывать глубокое сочувствіе или состраданіе. Критикъ умѣлъ справедливо оцѣнить сильную и слабую сторону Рѣшетникова и Левитова,—грубоватый реализмъ перваго, какъ будто заботившійся только о бо́льшемъ накопленіи сырыхъ фактовъ и мало думавшій о томъ, насколько всѣ эти факты нужны для художественной цѣли произведенія; и поэтическій реализмъ второго, наполненный то лирическими воспоминаніями о своей родинѣ и тепло написанными картинами простого сельскаго быта, то мрачными изображеніями дикой разнузданности и бѣдствія, приводящими писателя къ отчаянію объ этомъ самомъ народѣ. Тотъ и другой, и особенно Рѣшетниковъ, рѣдко, или почти нигдѣ, не даютъ полнаго художественнаго впечатлѣнія; г. Скабичевскій объясняетъ это невѣрностью ихъ эстетическихъ теорій. Указавъ, что изображеніе простой обыденной жизни и обыкновенныхъ людей гораздо труднѣе, чѣмъ романтическія изображенія необыкновенныхъ личностей и эффектныхъ сценъ, которыя легче поражаютъ читателя и которыя вмѣстѣ съ тѣмъ ему труднѣе провѣрить, тогда какъ, напротивъ, въ изображеніяхъ простого быта нужно именно съ трудомъ выбирать такія характерныя черты и положенія, которыя сдѣлали бы этотъ

быть интереснымъ и завлекательнымъ для читателя,—критикъ находитъ, что, напримѣръ, Рѣшетниковъ думалъ объ этомъ всего меньше. „Беретъ ли Рѣшетниковъ въ разсчетъ всю трудность своей задачи? Понимаетъ ли онъ, что̀ ему нужно преодолѣть, чтобы выполнить ее лишь сколько-нибудь добросовѣстно? Повидимому, онъ не только не понимаетъ, но пренебрегаетъ всѣмъ этимъ самымъ упорнымъ образомъ. Судя по характеру и пріемамъ его способа изложенія, онъ держится такого взгляда, что лишь бы была разсказана *правда* жизни, а какъ она разсказана, это все равно,—правда сама за себя постоитъ; заботиться же объ особенной художественной отдѣлкѣ своего произведенія,—дѣло совершенно излишнее и пустое".

Критикъ думаетъ, что этотъ взглядъ произошелъ у Рѣшетникова изъ сознательнаго противорѣчія съ той „художественностью", которая прибѣгала къ разнымъ наркотическимъ средствамъ, чтобы подѣйствовать на нервы читателя, въ родѣ описаній красотъ природы или описаній женской красоты и иныхъ эффектовъ. По словамъ г. Скабичевскаго выходитъ (стр. 67), будто такъ въ самомъ дѣлѣ понималась художественность въ то время, когда писалъ или готовился писать Рѣшетниковъ, что въ этомъ заключалось искусство для искусства, и что этой теоріи Рѣшетниковъ думалъ противопоставить свой пріемъ. По этому пріему, искусство должно выставлять только голую правду жизни для того, чтобы будить общественное сознаніе, указывать общественные недостатки и тѣ цѣли, къ которымъ люди должны стремиться. „Руководствуясь этою формулою, Рѣшетниковъ и думаетъ, что если онъ выводитъ правду въ своихъ произведеніяхъ, этимъ онъ вполнѣ исполняетъ свой долгъ и можетъ почивать на лаврахъ". Такъ ли это?—спрашиваетъ критикъ,—и, конечно, не согласенъ съ этимъ взглядомъ. Реальное искусство также имѣетъ свои художественныя требованія, иначе „любая наука вдесятеро могущественнѣе въ изображеніи правды, чѣмъ какое хотите геніальное искусство... Одна маленькая статистическая табличка можетъ не въ примѣръ яснѣе и больше сказать вамъ о нищетѣ и страданіяхъ бѣднаго класса, чѣмъ не только три тома сочиненій Рѣшетникова, но 20 томовъ, прибавленные къ нимъ и занятые разсказами все о той же нищетѣ. Взявши это во вниманіе, остается сдѣлать простой логическій выводъ, что если искусство не имѣетъ никакой своей особенной цѣли кромѣ одинаковой съ наукою, въ такомъ случаѣ вовсе не надо никакого искусства, и Рѣшетниковъ принесъ бы болѣе пользы, занявшись статистикою народныхъ бѣдствій, нежели безконечными описаніями ихъ" (стр. 67—68).

И критикъ приводитъ наглядные примѣры тѣхъ крайнихъ излишествъ, какими страдаютъ нѣкоторыя повѣсти Рѣшетникова: онъ

переполняетъ ихъ сырымъ повѣствовательнымъ матеріаломъ—другими словами, не умѣетъ имъ распоряжаться и построить свое произведеніе сколько-нибудь художественно. Едва ли только не напрасно г. Скабичевскій приписываетъ Рѣшетникову какую-нибудь сознательную теорію въ его беллетристической работѣ. Намъ сомнительно, чтобы онъ имѣлъ ясное представленіе о художественной теоріи, которую онъ будто бы отвергалъ: это былъ, сколько мы его знали, въ полной мѣрѣ самоучка, съ запасомъ литературныхъ свѣденій весьма ограниченнымъ; успѣхъ его перваго произведенія (выдержавшаго, помнится, извѣстную редакцію) породилъ въ немъ высокое мнѣніе о своемъ талантѣ, и безъ того свойственное всѣмъ самоучкамъ, и онъ съ неохотой принималъ какія-либо указанія, и въ концѣ концовъ получался результатъ, описываемый г. Скабичевскимъ (стр. 72—76).

Мы не будемъ останавливаться на подробностяхъ книги г. Скабичевскаго, въ которой и дальше сообщается не мало вѣрныхъ замѣчаній о народнической беллетристикѣ, и остановимся только на нѣкоторыхъ положеніяхъ, которыя представляются намъ ошибочными. Авторъ, возводя эту беллетристику къ „реальной поэзіи", которой онъ приписываетъ по преимуществу утилитарное значеніе, противополагаетъ эту поэзію, съ одной стороны, искусству для искусства, съ другой—романтизму. Цѣль и пріемы статей г. Скабичевскаго были популярные, но, упрощая вопросы для болѣе нагляднаго разъясненія дѣла, онъ даетъ и искусству для искусства, и романтизму слишкомъ узкія и потому невѣрныя толкованія.

„Всѣ почти литературы европейскаго материка,—говоритъ онъ,—не смотря на все стремленіе къ реализму, до сихъ поръ не успѣли еще отдѣлаться вполнѣ отъ значительной доли романтизма, какъ въ выборѣ сюжетовъ, такъ и въ обработкѣ ихъ. Возьмите корифеевъ западно-европейскихъ литературъ — Жоржъ-Занда, Виктора Гюго, Шпильгагена, Ауербаха,—всѣ они до сихъ поръ выѣзжаютъ (?) на титаническихъ личностяхъ, избранныхъ натурахъ, необыкновенныхъ умахъ и красотахъ, эффектныхъ, чувствительныхъ и патетическихъ сценахъ, и у всѣхъ у нихъ обыкновенная жизнь обыкновенныхъ людей является на заднемъ планѣ въ видѣ фона, на которомъ рисуются необыкновенные герои. Только одинъ Шатріанъ вполнѣ сталъ на реальную почву: на первомъ планѣ стоятъ у него по большей части простые смертные, не смотря на то, что онъ выбираетъ для своихъ сюжетовъ самые великіе и роковые моменты исторической жизни своего отечества; его занимаетъ болѣе всего то, какъ въ эти моменты дѣйствовали и проявляли себя массы обыденнаго люда, какими бичами отражались на ихъ плечахъ подвиги разныхъ великихъ героевъ, воспѣтыхъ романтическими поэтами, какъ изъ

будничной жизни мелкаго труда они выходили, исполненные энтузіазма, на историческую арену... Замѣчательное въ этомъ отношеніи зрѣлище представляетъ англійская литература. Давно ли она стояла въ Европѣ во главѣ романтическаго движенія въ литературѣ — въ лицѣ Байрона, который подчинилъ своему вліянію всѣ европейскія литературы? Въ то время казалось, что безъ титаническихъ личностей не можетъ обойтись ни одно поэтическое произведеніе, что изображеніе грандіозныхъ явленій природы и жизни человѣческой только и достойно изображенія. Надо было ожидать, что Англія, какъ страна аристократическая, позже всѣхъ разстанется съ романтизмомъ, такъ какъ романтизмъ есть прямое чадо феодализма, и нигдѣ онъ такъ долго не застаивается, какъ въ аристократическихъ сферахъ общества, а между тѣмъ, случилось совершенно наоборотъ: англійская литература раньше всѣхъ другихъ очистилась отъ романтизма... Нѣтъ ничего мудренаго, что европейскія литературы до сихъ поръ не могутъ отрѣшиться вполнѣ отъ романтизма. Кромѣ исторической рутины, это обусловливается трудностью самой задачи. Казалось бы на первый взглядъ, что гораздо легче изображать обыденную жизнь, окружающую васъ, къ которой вы присмотрѣлись, чѣмъ различныя рѣдкія, величественныя явленія; но на дѣлѣ выходитъ наоборотъ: гораздо легче вывести на сцену необыкновенную личность и обставить ее эффектными сценами, чѣмъ обрисовывать, какъ слѣдуетъ, любого Ивана и Петра", и т. д.

Итакъ, романтизмъ, — въ числѣ служителей котораго поставлены Байронъ, Жоржъ-Зандъ, Викторъ Гюго, и, вѣроятно, могутъ быть поставлены еще не мало другихъ знаменитыхъ именъ, — кажется автору только какимъ-то неестественнымъ, совсѣмъ произвольнымъ и ненужнымъ періодомъ европейской, а въ хвостѣ ея и русской литературы, что упомянутые писатели „выѣзжали на титаническихъ личностяхъ" отъ бездѣлья, или не зная, чѣмъ лучше заняться. Такъ, по крайней мѣрѣ, выходитъ по приведеннымъ противоположеніямъ; но читатель г. Скабичевскаго будетъ, конечно, введенъ въ заблужденіе, потому что романтизмъ при всѣхъ его преувеличеніяхъ формы и содержанія былъ въ свое время не только естественно развившимся историческимъ фактомъ, но и фактомъ, имѣвшимъ во многихъ отношеніяхъ благотворное вліяніе на развитіе литературы. Слово „романтизмъ", въ сущности, слишкомъ широко и неопредѣленно: только съ одной стороны онъ можетъ представляться „прямымъ чадомъ феодализма"; съ другой стороны, онъ былъ, напротивъ, и однимъ изъ главныхъ предшественниковъ того стремленія въ народную среду, откуда произошла сама новѣйшая народническая беллетристика; наконецъ, такіе романтики, какъ Байронъ, были плохими „чадами феодализма". Заботясь о томъ, чтобы литература изобразила и защитила интересы

народныхъ массъ, авторъ забылъ (конечно, на минуту), что, кромѣ этихъ интересовъ, несомнѣнно важныхъ, существуютъ иные, принадлежащіе другимъ, и именно руководящимъ слоямъ общества и своимъ сложнымъ содержаніемъ далеко превышающіе уровень массъ, и этимъ интересамъ не меньше обязана служить литература. Изъ этого мнимо-феодальнаго романтизма выходили „властители думъ", которыхъ вліяніе благотворнымъ возбуждающимъ образомъ отразилось и въ нашей литературѣ. Различіе упомянутыхъ уровней развитія и въ настоящую минуту такъ велико, что слить ихъ въ какой-либо одной „реальной поэзіи", въ одной „истинно-народной" литературѣ, едва ли мыслимо даже для самаго просвѣщеннаго изъ современныхъ народовъ, не говоря о русскомъ; и та поэзія и литература, которыя будутъ уходить въ область болѣе сложной умственной и нравственной жизни и которыя никогда не могутъ отказаться отъ этихъ широко объемлющихъ идеальныхъ стремленій, рискуютъ и впредь, по понятіямъ автора, остаться внѣ предѣловъ „реальнаго" и „истинно народнаго", и даже оказаться „романтизмомъ".

Справедливы тѣ замѣчанія автора (стр. 95 и слѣд.), гдѣ онъ говоритъ о тѣхъ условіяхъ нашей общественности, которыя мѣшаютъ явиться у насъ великимъ произведеніямъ общечеловѣческаго значенія. У насъ нѣтъ общественной жизни и, за отсутствіемъ ея, не могло быть до сихъ поръ и произведеній, широко изображающихъ національную жизнь. „Гдѣ нашимъ писателямъ доходить до такихъ общечеловѣческихъ обобщеній, которыя могли бы поставить ихъ на одну высоту съ Шекспиромъ или Сервантесомъ? Гдѣ у насъ такая общественная жизнь, такое всемірно-историческое движеніе, которое приводило бы въ столкновеніе и выдвигало бы наружу существенныя стороны людей различныхъ состояній и доставляло бы поэтому обильный матеріалъ для наблюденій и обобщеній? Прозябая въ тѣсныхъ, замкнутыхъ кружкахъ, наши писатели только и могутъ доходить до тѣхъ частныхъ, узкихъ обобщеній, какія имъ доставляетъ ихъ кружокъ. Они только и могутъ выставлять рельефно типы своей среды, схватывая общіе мотивы жизни этой среды; обо всѣхъ же прочихъ слояхъ общества они уже судятъ гадательно, гипотетично, изображая только внѣшнія черты; внутреннія же предполагая все тѣ же, какія имъ удалось подмѣтить въ своей средѣ... Немногихъ писателей, которымъ удалось обобщить типы и мотивы жизни цѣлаго класса помѣщичьяго, купеческаго или военнаго, мы, по всей справедливости, считаемъ нашими первоклассными писателями, потому что обобщенія ихъ, какъ ни частны сами по себѣ, все-таки довольно широки сравнительно съ тѣми писателями, жизнь которыхъ сосредоточивается въ тѣсномъ кружкѣ пяти-шести человѣкъ. Послѣдніе писатели на всю жизнь страны, о которой не имѣютъ ровно никакого понятія, смо-

трятъ обыкновенно съ точки зрѣнія иллюзій своего кружка и искажаютъ эту жизнь, елико возможно. Кромѣ двухъ-трехъ такъ-называемыхъ положительныхъ типовъ, являющихся ходячими олицетвореніями иллюзій кружка, всѣ остальные герои у нихъ представляются обыкновенно или блѣдными призраками, или стереотипными манекенами. Вотъ почему многіе молодые таланты наши гибнутъ въ самомъ началѣ своего поприща, не идя далѣе многообѣщающихъ начинаній. Но и первоклассные таланты, при условіяхъ нашей жизни, бродятъ часто въ потемкахъ, рискуя ежедневно попадать въ просакъ. Такимъ блужданіемъ въ потемкахъ является, напримѣръ, отношеніе нашихъ первоклассныхъ беллетристовъ къ молодому поколѣнію. Критика напала на подобное отношеніе вовсе не потому, чтобы требовала отъ беллетристовъ нашихъ непремѣнно выставленія молодого поколѣнія въ идеальномъ свѣтѣ... Но для того, чтобы выставлять недостатки какой-либо среды, нужно прежде всего глубоко изучить эту среду, собрать какъ можно болѣе наблюденій изъ ея жизни, и тогда уже рѣшиться дѣлать какіе-либо выводы и обобщенія. Теперь подумайте, могутъ ли, положа руку на сердце, по чистой совѣсти, беллетристы наши громко заявить, что, да, они изучили молодое поколѣніе и создавали свои типы не гипотетически, не наобумъ, не по двумъ-тремъ случайно встрѣченнымъ экземплярамъ? Видѣли ли ихъ когда-нибудь среди этого молодого поколѣнія наблюдающими его бытъ, нравы, интересы? Напротивъ того, можно сказать, что послѣднія произведенія нашихъ первоклассныхъ беллетристовъ какъ-будто нарочно для того написаны, чтобы показать людямъ несостоятельность теоріи поэтическаго ясновидѣнія и всю важность опыта для поэтическаго творчества“ (стр. 95—96).

Г. Скабичевскій всю надежду современной литературы возлагаетъ на тѣхъ писателей новой реальной школы, которые, отказавшись отъ поэтическаго ясновидѣнія, начинаютъ „прямо съ азбуки, наблюдаютъ и изучаютъ народъ въ разныхъ его слояхъ и этимъ путемъ опытнаго изученія готовятъ возможность въ будущемъ все болѣе широкихъ поэтическихъ обобщеній, откуда и должны выйти произведенія широкаго всенароднаго значенія“. Нѣтъ сомнѣнія, что этотъ путь долженъ приносить свои благотворные результаты; но критикъ все-таки слишкомъ преувеличилъ свою вражду къ „ясновидѣнію“. Детальныя изученія, какъ бы они ни были обширны, сами по себѣ еще не дадутъ широкихъ обобщеній; поэзія все-таки не есть наука, сводящая сырые матеріалы, и если, какъ теперь убѣждаются, для самой науки, для широкихъ построеній въ ея области необходимо участіе большой силы воображенія, то для поэзіи ясновидѣніе всегда останется потребностью и закономъ. Тѣ недостатки, какіе, напримѣръ, возстановляютъ критика противъ нѣкоторыхъ произведеній, трактую-

щихъ извѣстныя явленія современной жизни, исходятъ настолько же отъ неполноты фактическихъ изученій, указываемой г. Скабичевскимъ, насколько отъ слабаго развитія нашей общественности и отъ несвободы поэтическаго слова, и отъ послѣднихъ причинъ иногда даже больше, чѣмъ отъ первой. Были ли и могли ли быть, напримѣръ, упомянутыя явленія, „вопросъ молодого поколѣнія", объяснены нашей литературой внѣ поэтической области — въ отдѣлѣ современной исторіи и публицистики, и существуетъ ли „современная исторія"?

Объясняя произведенія Левитова, г. Скабичевскій останавливается между прочимъ на тѣхъ предразсудкахъ, какіе уже издавна и донынѣ держатся въ обществѣ относительно изображенія народнаго быта. „Предразсудки эти происходятъ вслѣдствіе отсутствія всякаго твердаго и опредѣленнаго критерія относительно беллетристики народнаго быта. Каждый руководствуется въ этомъ случаѣ своими личными требованіями и вкусами, смотря по тому, какими самъ глазами смотритъ на бытъ народа, насколько ему знакомъ или незнакомъ этотъ бытъ и что онъ въ немъ предполагаетъ или отрицаетъ. Такъ мы видимъ, что одни читатели и судьи вполнѣ удовлетворяются вѣрностью изображенія народнаго быта съ одной внѣшней его стороны, въ духѣ грубаго натурализма.... Если писатель съумѣетъ описать довольно натурально базарный или праздничный день въ селѣ, знаетъ, гдѣ у мужика лежитъ соха и борона, когда и какъ происходитъ сватовство,... если еще ко всему этому съумѣетъ ловко ввернуть два-три мѣстныя словечка или особенности жаргона, то весьма многіе будутъ готовы видѣть въ авторѣ самаго тонкаго и глубокаго знатока народнаго быта. Зато иные подходятъ къ этой беллетристикѣ съ такими страшными по своей необъятности и туманности требованіями, что невольный ужасъ беретъ за бѣдныхъ изобразителей народнаго быта. Людямъ этимъ постоянно мерещится, что гдѣ-то тамъ, въ нѣдрахъ народныхъ массъ, въ самой глубокой глубинѣ народной, словно на морѣ Океанѣ, на островѣ Буянѣ, за тридесятью замками таится нѣкій кладъ, въ видѣ особеннаго какого-то народнаго міросозерцанія, народныхъ идеаловъ, постиженіе которыхъ и должно будто бы составлять задачу каждаго нравописателя народнаго быта. Народъ, по мнѣнію этихъ господъ, вовсе не проводитъ открыто въ самой жизни этихъ своихъ завѣтныхъ идеаловъ, а блюдетъ ихъ въ своей душѣ и особенно тщательно скрываетъ ихъ отъ каждаго человѣка, носящаго европейское платье, питая къ такимъ людямъ крайнее недовѣріе. Поэтому, самою высшею заслугою и, конечно, идеальною цѣлью нравописателя должно представляться умѣнье заслужить полное довѣріе народа, войти въ его душу и успѣть захватить тамъ за хвостъ искомую жаръ-птицу, для того чтобы вы-

вести ее на свѣтъ божій въ очеркахъ, повѣстяхъ или романахъ. Такія рѣчи доводилось мнѣ не разъ слышать не отъ однихъ славянофиловъ, но и отъ людей, не имѣющихъ ничего общаго съ этимъ ученіемъ. Это—своего рода мистицизмъ, исканіе чего-то невѣдомаго, особеннаго, фантастически-чудеснаго и желаннаго, но чего именно—искатели сами не могутъ дать себѣ отчета" (стр. 175—176).

Нѣтъ сомнѣнія, что наше знаніе народа до сихъ поръ чрезвычайно неполно и отрывочно, но извѣстная полнота его можетъ быть достигнута только настоящимъ реальнымъ изслѣдованіемъ народныхъ отношеній, а вовсе „не мистическимъ исканіемъ нѣкоего клада, который можетъ быть въ одинъ прекрасный день найденъ и открытъ ключомъ довѣрія и проникновенія въ душу простого человѣка, и затѣмъ должны будто бы послѣдовать сразу различныя сліянія, просвѣтленія, возрожденія и т. д." Г. Скабичевскій не надѣется, чтобы можно было вразумить нашихъ мистиковъ относительно этого пункта: сколько бы новыхъ данныхъ ни представляла наука въ изученіи народной жизни, они все-таки были бы недовольны и продолжали бы думать, что народные идеалы продолжаютъ скрываться гдѣ-то какъ кладъ. „Понятно, — замѣчаетъ тутъ же г. Скабичевскій,—что подобные господа должны остаться неудовлетворенными и недовольными всѣми беллетристическими произведеніями изъ народнаго быта, какія только когда-либо проявлялись въ нашей литературѣ, не исключая даже произведеній и такихъ знатоковъ народной жизни, какъ Рѣшетниковъ, Гл. Успенскій или Левитовъ".

Дѣйствительно, Ив. Аксаковъ, бывало, съ великимъ пренебреженіемъ отзывался о гг. Златовратскомъ и Гл. Успенскомъ, главнымъ образомъ безъ сомнѣнія потому, что они не отвѣчали тѣмъ мистическимъ требованіямъ, но отчасти, можетъ быть, и по другой причинѣ. По объясненію г. Скабичевскаго, разбираемые имъ народники-беллетристы имѣютъ въ нашей литературѣ именно то значеніе, что они выразили собою моментъ разочарованія въ прежнихъ, черезъчуръ теоретическихъ мечтаніяхъ о народѣ. Это справедливо, хотя не безъ оговорокъ, потому что въ произведеніяхъ самихъ этихъ беллетристовъ были свои преувеличенія и крайности: одни самый вопросъ художества ставили такъ грубо (какъ будто для народной темы нужно было покинуть основныя „старыя" требованія искусства), другіе слишкомъ прельщались тѣми „открытіями", какія будто бы совершали, и которыя признаетъ и высоко цѣнитъ самъ г. Скабичевскій, особенно у Гл. Успенскаго. Намъ случалось говорить въ другомъ мѣстѣ, что мы этихъ открытій находимъ гораздо меньше: новые изыскатели наклонны были находить удивительныя вещи тамъ, гдѣ бывало естественное бытовое явленіе, или, напр., сами въ нема-

лой степени помогали извѣстной теоріи противоположенія города и деревни, теоріи также полу-мистической. Въ упомянутомъ враждебномъ отношеніи Ив. Аксакова къ новѣйшимъ народникамъ-беллетристамъ, повидимому, участвовало и это нерасположеніе къ дешевымъ открытіямъ,—въ чемъ мы согласились бы съ нимъ. Какъ извѣстно, у нѣкоторыхъ писателей этой школы беллетристика нерѣдко, или даже часто, перемежается съ публицистикой: насколько первая требуетъ поэтическаго чутья, настолько вторая нуждается въ чутьѣ общественномъ, въ прямой помощи простого научнаго знанія, особливо знанія бытовой исторіи и экономіи. Опасаемся, что это послѣднее нѣсколько пренебрежено беллетристами-народниками.

Добавимъ еще одно замѣчаніе. Мы замѣчали выше, что въ развитіи народнической беллетристики большое вліяніе имѣла чисто внѣшняя постановка народнаго вопроса въ нашей внутренней политической жизни, и изложеніе г. Скабичевскаго было бы точнѣе, еслибы онъ обратилъ вниманіе на это обстоятельство, какъ и вообще на историческое развитіе этой области литературы. Наша литература въ теченіе всего новаго періода жила въ исключительныхъ и достаточно неестественныхъ условіяхъ: многое, что́ уже назрѣвало въ обществѣ, т.-е. въ болѣе образованномъ слоѣ народа, не имѣло возможности высказываться, или высказывалось въ укороченномъ и искаженномъ видѣ, и не разъ тѣ мысли, которыя съ теченіемъ времени получали, наконецъ, право гражданства въ печати и казались новостью при своемъ появленіи, на дѣлѣ не были такою новостью. Въ одномъ мѣстѣ своей книги г. Скабичевскій исчисляетъ различныя ступени литературнаго изображенія народной жизни, но, напримѣръ, та искусственность, которую указываетъ онъ въ первыхъ попыткахъ Григоровича или Потѣхина и др., была почувствована и замѣчена гораздо раньше, чѣмъ онъ предполагаетъ, даже вскорѣ по появленіи самыхъ произведеній. Обративъ вниманіе на подробности этого историческаго развитія, авторъ былъ бы болѣе справедливъ къ прошлому и, можетъ быть, болѣе снисходителенъ къ современному. Такъ, иныя явленія народнической беллетристики, которыя представляются ему художественнымъ откровеніемъ, въ сущности своего содержанія уже были подготовлены раньше, а въ иныхъ случаяхъ эти откровенія не удовлетворяютъ той постановкѣ дѣла, какая пріобрѣталась на теоретической почвѣ, и если народническая беллетристика, какъ нерѣдко теперь случается, ставитъ себѣ и публицистическія задачи, она нерѣдко беретъ себѣ задачи не по силамъ и впадаетъ въ то самонадѣянное „ясновидѣніе“, которое критикъ осуждаетъ такъ строго.

В. Н.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 февраля (20 января) 1888.

Натянутость международнаго положенія.—Мирныя вѣянія и заявленія.—Болгарскій кризисъ и балканскія дѣла.—Парламенты Германіи и Австро-Венгріи.—Внутренніе вопросы во Франціи.—Столкновеніе съ Италіею.

Международное положеніе продолжаетъ быть натянутымъ и неяснымъ. Каждая держава въ отдѣльности заявляетъ твердую рѣшимость сохранить миръ, а всѣ вмѣстѣ—безпокоятся, торопятъ вооруженія и готовятся къ войнѣ, на всякій случай. Новый законъ о ландверѣ и ландштуркѣ, внесенный на разсмотрѣніе германскаго парламента, потребуетъ чрезвычайныхъ расходовъ на сумму около 250 милліоновъ марокъ, и эта крупная жертва не можетъ быть объяснена иначе, какъ ожиданіемъ серьезныхъ событій въ скоромъ будущемъ. Общее вниманіе обращено на востокъ, а не на западъ; франко-германская распря отодвинулась на задній планъ, и на очереди стоитъ все еще неразрѣшенный споръ изъ-за Болгаріи. Загадочнымъ кажется только то обстоятельство, что вопросъ, выступившій въ своей острой формѣ болѣе двухъ лѣтъ тому назадъ, становится источникомъ опасеній именно тогда, когда оставлены, повидимому, всякіе проекты крутыхъ мѣръ относительно княжества, и когда „политика бездѣйствія“ должна была бы упрочить шансы мира. Два года тому назадъ, болгарскія дѣла не считались настолько важными, чтобы изъ-за нихъ могло быть нарушено спокойствіе Европы; Австро-Венгрія и Германія не находили ничего опаснаго въ попыткахъ разрѣшенія кризиса со стороны Россіи. Ни паденіе принца Баттенберга, ни миссія генерала Каульбарса, ни позднѣйшія русскія предположенія не вызывали толковъ о войнѣ, а теперь, когда Болгарія фактически предоставлена самой себѣ, соперничество между державами на Балканскомъ полуостровѣ переходитъ въ явную вражду. Чѣмъ создается и питается эта вражда въ настоящее время? Заинтересованные кабинеты не ведутъ даже дипломатическихъ переговоровъ по болгарскому вопросу, и не существуетъ поэтому формальнаго матеріала для преканій; тѣмъ не менѣе, разладъ проявляется сильнѣе, чѣмъ когда-либо. За отсутствіемъ положительныхъ поводовъ къ воинственной полемикѣ, оффиціозныя газеты прибѣгаютъ къ обоюднымъ придиркамъ, возбуждаютъ споры о чрезмѣрныхъ вооруженіяхъ того или другого государства, отыскиваютъ

„заднія мысли“ противниковъ и поддерживаютъ тревогу въ умахъ публики. Цѣль этой безплодной хронической агитаціи едва ли имѣетъ какое-нибудь отношеніе къ заботамъ объ устройствѣ балканскихъ дѣлъ.

Судя по отзывамъ непріязненной намъ заграничной печати, Австро-Венгрію и Германію занимаютъ не столько русскія намѣренія относительно Болгаріи, сколько неизвѣстность и неопредѣленность той роли, которую думаетъ играть Россія въ случаѣ какихъ-либо замѣшательствъ и столкновеній въ Европѣ. Отказавшись отъ ненужнаго союза съ двумя сосѣдними имперіями, мы могли имѣть въ виду предаться всецѣло разрѣшенію внутреннихъ нашихъ задачъ, которыя нерѣдко забывались въ погонѣ за внѣшнею политикою; но большинство нашихъ газетъ по какимъ-то причинамъ, и какъ будто мало интересуясь внутренними дѣлами,—хотя одинъ вопросъ о реформѣ мѣстнаго управленія у насъ несравненно важнѣе всѣхъ болгарскихъ дѣлъ,—направило главное вниманіе на международные интересы, а иностранная пресса вывела заключеніе, что у насъ есть готовый планъ дѣйствій въ области этихъ интересовъ. Если печать удѣляетъ наибольше мѣста разсужденіямъ о чужихъ предпріятіяхъ и ошибкахъ, а не о своихъ новыхъ политическихъ комбинаціяхъ и союзахъ, о коварствѣ европейской дипломатіи, о деспотизмѣ въ Болгаріи и о необходимости рѣшительнаго отпора всякимъ притязаніямъ, то невольно возникаетъ предположеніе, будто за этой газетной кампаніею скрывается серьезный политическій смыслъ, который нужно только разгадать. Систематическое, неуклонное преобладаніе внѣшнихъ вопросовъ надъ внутренними въ нашихъ газетахъ заставляетъ иностранныхъ публицистовъ приписывать намъ далекіе замыслы, не имѣющіе ничего общаго съ дѣйствительнымъ настроеніемъ русскаго общества. Трудно убѣдить Европу, что люди хлопочутъ о болгарскомъ или иномъ кризисѣ безъ всякой опредѣленной цѣли, не готовясь предпринять ничего положительнаго въ данное время и запуская собственныя домашнія дѣла безъ достаточной къ тому причины. Преувеличенная заботливость газетъ о внѣшней политикѣ, въ ущербъ внутренней, принимается за признакъ воинственнаго настроенія, предвѣщающаго угрозу. А такъ какъ Россія сохраняетъ теперь „свободу дѣйствій“ и не желаетъ вступать въ какія-либо сдѣлки съ Германіею, то открывается широкое поле для догадокъ о стремленіяхъ русской дипломатіи.

Часть нѣмецкой печати стала обвинять Россію въ желаніи довести дѣло до войны съ Австро-Венгріею; указывалось на численность войскъ, сосредоточенныхъ въ пограничныхъ мѣстностяхъ, на усиленныя военныя приготовленія съ нашей стороны и на сравнительную неподготовленность австрійцевъ. Статья „Русскаго Инвалида“

не устранила этихъ толкованій и не успокоила противниковъ, такъ какъ въ ней не былъ затронутъ вопросъ о политическихъ видахъ Россіи. Болѣе ясный отвѣтъ на заграничныя сомнѣнія сдѣланъ былъ въ документѣ, не касающемся, въ сущности, иностранной политики.— въ всеподданнѣйшемъ докладѣ г. управляющаго министерствомъ финансовъ о государственной росписи доходовъ и расходовъ на 1888 г. „Особаго вниманія заслуживаетъ, — говорится въ одномъ мѣстѣ доклада,—что смѣта военнаго министерства не только не увеличена на предстоящій бюджетный періодъ, но даже представляетъ нѣкоторое сокращеніе. Должно надѣяться, что это обстоятельство, являя собою новое доказательство глубокаго и искренняго миролюбія Вашего Императорскаго Величества, поможетъ торжеству мирной политики Вашей, которая предотвратитъ отъ Россіи бѣдствія и ужасы войны и доставитъ Вашимъ вѣрнымъ подданнымъ возможность наслаждаться благами мира, и подъ скипетромъ самодержавнаго Государя неуклонно и невозбранно идти по пути дальнѣйшаго экономическаго развитія". Министръ финансовъ возвращается къ той же мысли, при указаніи на упадокъ цѣнности нашего рубля; онъ полагаетъ, что для упроченія курса „можно съ увѣренностью въ успѣхѣ принять надлежащія мѣры только при спокойномъ настроеніи, при увѣренности народовъ въ сохраненіи мира, и нужно надѣяться, что недалеко то время, когда предубѣжденія, питаемыя противъ Россіи, разсѣются, и признано будетъ, что прямодушно-мирная политика Вашего Императорскаго Величества стремится лишь къ тому, чтобы, ограждая цѣлость, честь, достоинство и интересы Россіи, обезпечить надолго нашему отечеству благодѣянія мира". Эти слова, конечно, напоминаютъ извѣстное изреченіе: „дайте намъ хорошую политику, и мы дадимъ вамъ хорошіе финансы". Впрочемъ, можно сказать и наоборотъ, что для хорошей политики необходимо хорошее финансовое состояніе; а въ такомъ случаѣ право на хорошую политику можетъ быть достигнуто общимъ улучшеніемъ системы государственнаго хозяйства и облегченіемъ экономическаго быта народа, независимо отъ предубѣжденій и недовѣрія иностранцевъ. Министры финансовъ—повсюду сторонники мира въ силу своей спеціальной функціи, и успокоительное заявленіе, приведенное выше, принято было за границею сочувственно, но подъ тѣмъ условіемъ, чтобы съ такимъ заявленіемъ были согласны министры иностранныхъ дѣлъ и военный. Особенно австро-нѣмецкая печать предпочитала бы, чтобы миролюбіе подтверждено было тѣми двумя министерствами, отъ которыхъ оно непосредственно зависитъ, и чтобы оно раздѣлялось также наиболѣе распространенными русскими газетами. Но и послѣднія сомнѣнія насчетъ желаній Россіи должны были считаться устраненными обнародованіемъ Высочайшаго ре-

скрипта на имя московскаго генералъ-губернатора, князя Долгорукова, отъ 2-го января, гдѣ прямо выражена надежда, что „миръ дозволитъ, и въ наступившій годъ, и въ грядущіе годы, посвятить всѣ силы государства и всѣ усилія вѣрноподданныхъ сыновъ его на дѣло внутренняго преуспѣянія". И однако успокоенія все-таки не послѣдовало, и пессимизмъ западно-европейскихъ кабинетовъ не уступилъ мѣста „увѣренности народовъ въ сохраненіи мира". Положеніе настолько запуталось, что теперь одними словами миролюбія оно едва ли можетъ быть измѣнено; оно должно разрѣшиться фактически въ ту или другую сторону — или исчезновеніемъ обстоятельствъ, мѣшающихъ соглашенію, или какимъ-нибудь смѣлымъ дипломатическимъ шагомъ, способнымъ поставить вопросъ на надлежащую почву, или, наконецъ, катастрофой, которой всѣ хотятъ, повидимому, избѣгнуть. Наши газеты ссылаются все еще на берлинскій трактатъ, какъ на единственную основу законнаго порядка въ Болгаріи; но нельзя держаться этого трактата, по крайней мѣрѣ, въ одномъ существенномъ пунктѣ—относительно отдѣленія княжества отъ Восточной Румеліи, такъ какъ уничтожить достигнутое болгарское единство не возьмутся, вѣроятно, и самые упорные приверженцы договорнаго status-quo.

Виновница нынѣшняго европейскаго кризиса—Болгарія—менѣе, нежели когда-либо, обнаруживаетъ рѣшимость отказаться отъ неудобныхъ намъ правителей. Недавняя попытка горсти болгаръ и черногорцевъ поднять возстаніе въ Бургасѣ окончилась для нихъ весьма печально; одни погибли въ бою, другіе взяты въ плѣнъ, и только немногіе успѣли спастись. Предводитель отряда, офицеръ Набоковъ, оказался въ числѣ убитыхъ, и сторонники принца Кобургскаго еще болѣе торжествуютъ свою побѣду. Сообщаютъ о военныхъ заговорахъ въ Рущукѣ и Шумлѣ; арестовано много заподозрѣнныхъ лицъ изъ разныхъ слоевъ общества. Оппозиція держится на-сторожѣ, опасаясь дать какой-либо поводъ къ преслѣдованіямъ. Единомышленники Каравелова и Цанкова скрываютъ свои чувства, выжидая благопріятнаго поворота событій. Принцъ Кобургскій, повидимому, не признаетъ ненормальности своего положенія въ странѣ; онъ считаетъ себя избранникомъ народнымъ и мало заботится о тѣхъ хлопотахъ, которые причиняются Болгаріею Европѣ. Въ день новаго года, при пріемѣ болгарскихъ властей и офицеровъ, онъ произнесъ даже политическую рѣчь. „Мы должны, —говоритъ онъ,—поздравить себя съ достигнутыми результатами. Національное существованіе, скомпрометтированное въ 1886 г. и спасенное патріотизмомъ регентства, нашло свою окончательную форму. Успокоенный народъ принялся за обычныя работы и занятія, обезпечивающія ему благосостояніе. Опираясь на министерство, онъ чувствуетъ себя достаточно сильнымъ, чтобы противостоять случай-

ностямъ будущаго. Князь сдѣлался болгариномъ по духу и сердцу. При Божьей помощи, Болгарія напишетъ славную и великую страницу въ исторіи. Связанный съ народомъ торжественною клятвою, я никогда не отдѣлю своего дѣла отъ народнаго, Съ такою арміею, какъ болгарская, можно рѣшиться на все (?). Прошедшая слава служитъ гарантіею будущихъ успѣховъ. Если 1888 годъ заставитъ взяться за мечъ и выйти на поле битвы, то болгарское войско, вѣрное традиціямъ дисциплины и храбрости, съ своимъ княземъ во главѣ, съумѣетъ показать міру, какъ болгары жертвуютъ собою за честь знамени и для защиты отечества". Это—рѣчь, какъ будто, могущественнаго потентата, вѣрящаго въ свою силу и въ свое право, а не правителя небольшого княжества, созданнаго только недавно и лишеннаго поэтому какихъ бы то ни было политическихъ традицій, — а тогда надобно думать, что принцъ Кобургскій имѣлъ къ сказанному имъ какія-нибудь другія основанія, о которыхъ не нашелъ умѣстнымъ упоминать въ своей рѣчи. Что принцъ не думаетъ объ отставкѣ, которую готовятъ ему дипломаты, это видно изъ того, что онъ вызвалъ въ Софію свою мать, принцессу Клементину, и вмѣстѣ съ нею отправился въ Филиппополь для личнаго ознакомленія съ восточно-румелійскою областью. Съ цѣлью заручиться поддержкою Турціи и ея кредиторовъ — англичанъ, правительство сдѣлало первый взносъ въ уплату ежегодной дани, установленной берлинскимъ конгрессомъ и идущей теперь на погашеніе турецкаго государственнаго долга. Благодаря взаимному недовѣрію и соперничеству высокихъ покровителей княжества, болгарскіе патріоты могутъ свободно устроивать свои дѣла, и даже перспектива европейской войны должна мало ихъ пугать, такъ какъ великимъ имперіямъ, вступившимъ въ роковую борьбу, будетъ уже не до Болгаріи, какъ никому не было дѣла до Испаніи въ 1870 г., когда началомъ франко-прусской войны послужила кандидатура Гогенцоллерна на испанскій престолъ.

Современное направленіе дѣлъ въ государствахъ Балканскаго полуострова вообще характеризуется двумя фактами: во-первыхъ, сильнымъ сокращеніемъ дѣятельной роли Англіи на востокѣ и, во-вторыхъ, энергическимъ вооруженіемъ отдѣльныхъ странъ и областей, которыя прежде полагались на защиту и опеку Европы. Румынія, Сербія и Болгарія тратятъ значительную долю своихъ средствъ на образованіе многочисленныхъ армій, чтобы имѣть возможность самостоятельно охранять свои интересы въ виду ожидаемой борьбы изъ-за турецкаго наслѣдства. Румынское правительство потребовало недавно отъ палаты депутатовъ новаго, чрезвычайнаго кредита на военныя надобности, въ размѣрѣ 60 милліоновъ, и, ради полученія этой суммы,

министерство Братіано распустило парламентъ и назначило новые выборы на февраль. Въ Сербіи военный министръ Савва Груичъ сдѣланъ министромъ-президентомъ на мѣсто Ристича, и скупштина утвердила проектъ займа на 20 милліоновъ, послѣ чего она распущена королевскимъ декретомъ. Новые выборы будутъ произведены 4 марта (н. ст.), и правительство разсчитываетъ добиться болѣе однороднаго большинства. Паденіе Ристича вызвано было, повидимому, разладомъ его съ радикальною партіею, которая требовала себѣ большей доли участія въ управленіи, чѣмъ какую соглашался допустить глава кабинета; король высказался въ пользу радикаловъ, и кризисъ окончился назначеніемъ австрофила Франассовича министромъ иностранныхъ дѣлъ. Удаленіе Ристича и появленіе бывшаго товарища и единомышленника Гарашанина въ составѣ министерства свидѣтельствуютъ о поворотѣ въ сторону австрійскаго вліянія, хотя, съ другой стороны, видная роль, предоставленная Саввѣ Груичу, бывшему сербскому посланнику въ Петербургѣ, указываетъ какъ будто на дружественный, относительно Россіи, характеръ преобразованнаго кабинета, но настоящее его значеніе состоитъ въ томъ, чтобы такимъ образомъ создать противовѣсъ Австріи. Гораздо крѣпче, чѣмъ въ Бѣлградѣ, теперь держится австро-нѣмецкое вліяніе въ Бухарестѣ и въ Софіи, но также какъ противовѣсъ нашему вліянію. Такое балансированіе вліяній иноземныхъ на Балканскомъ полуостровѣ служитъ только средствомъ, а настоящею цѣлью остается одно—достиженіе независимости отъ всякихъ вліяній.

Парламентская сессія, открывшаяся въ Германіи 14-го (2) января, обѣщала быть весьма интересною. Кромѣ военнаго закона, разсмотрѣннаго въ спеціальной коммиссіи рейхстага, правительствомъ былъ внесенъ законопроектъ противъ соціалистовъ, который своею чрезмѣрною строгостью возбудилъ возраженія даже въ средѣ преданныхъ князю Бисмарку національ-либераловъ. Въ числѣ репрессивныхъ мѣръ предполагалось изгнаніе изъ предѣловъ имперіи, мотивируемое тѣмъ соображеніемъ, что люди, отрицающіе государство, не могутъ пользоваться правами его членовъ. Имѣлось также въ виду ограничить пропаганду соціализма путемъ печати, и по этому новоду, для охраны угрожаемыхъ правъ журналистики, прогрессисты представили проектъ, по которому проступки прессы должны быть судимы при участіи присяжныхъ. Въ преніяхъ о законѣ противъ соціалистовъ предполагалъ принять участіе князь Бисмаркъ, и во всякомъ случаѣ борьба должна была быть горячая и серьезная. Оживленные дебаты происходили въ прусской палатѣ депутатовъ,

въ засѣданіи 25-го (13) января, при обсужденіи запроса о преслѣдованіи польскаго языка въ школахъ Познани. Министерство народнаго просвѣщенія отмѣнило обученіе польскому языку въ мѣстныхъ училищахъ, и депутатъ Яздржевскій энергически протестовалъ противъ мѣры, произведшей тяжелое впечатлѣніе на польскихъ жителей, которые, наравнѣ съ коренными пруссаками, исполняютъ всѣ обязанности и повинности гражданъ. Министръ Госслеръ объяснилъ, что распоряженіе правительства имѣетъ цѣлью облегчить ознакомленіе съ нѣмецкимъ языкомъ для лицъ, знающихъ только свой родной польскій языкъ, для того, чтобы вывести ихъ изъ соціальной и экономической обособленности и дать имъ возможность принять болѣе дѣятельное участіе въ общественной и народно-хозяйственной жизни Пруссіи. Одновременное изученіе двухъ языковъ въ школахъ можетъ только вредить одному изъ нихъ. Говоря о преимуществахъ знанія нѣмецкаго языка для прусскихъ поляковъ, министръ могъ бы указать на самихъ оппонентовъ, которые, благодаря этому знанію, защищаютъ права своей народности въ нѣмецкомъ парламентѣ. Но что нельзя изучать въ одно и то же время свой родной языкъ и общій, государственный, — это осталось, предположеніемъ, котораго министръ не подтверждалъ ни однимъ серьезнымъ аргументомъ. Предводитель партіи центра, Виндгорстъ, выразилъ удивленіе, что принимаются подобныя мѣры и создаются ненужные конфликты, когда предстоитъ, быть можетъ, война, и отъ этого же притѣсняемаго народа потребуются великія жертвы. Чего же ожидать, въ случаѣ войны, отъ 5-го корпуса арміи, который состоитъ изъ однихъ поляковъ и будетъ находиться въ первой линіи? Послѣ нѣкоторыхъ замѣчаній другихъ ораторовъ, вопросъ оказался исчерпаннымъ, и палата не приняла никакого рѣшенія.

Австрійскій парламентъ занимался, главнымъ образомъ, внутренними дѣлами—законами о школахъ, объ организаціи студенческихъ союзовъ подъ контролемъ университетскихъ властей и т. п. Венгерскія палаты интересовались больше внѣшнею политикою. Въ засѣданіи 11-го января (30 декабря) внесены были сразу два запроса относительно образа дѣйствій Австро-Венгріи въ виду русскихъ вооруженій. Депутатъ Гельфи желалъ бы, чтобы вѣнскій кабинетъ обратился куда слѣдуетъ за разъясненіями о причинѣ и цѣли неожиданныхъ военныхъ приготовленій Россіи, чтобы программа, изложенная министромъ-президентомъ Тиссою въ сентябрѣ прошлаго года и клонящаяся къ поддержанію независимости балканскихъ народовъ, оставалась неприкосновенною, и чтобы правительство заявило, можетъ ли оно твердо разсчитывать на союзъ съ Германіею въ случаѣ наступленія войны. Депутатъ Парчель еще рѣзче формулировалъ

свои требованія. Онъ предлагалъ, ни болѣе, ни менѣе, какъ „категорически понудить Россію не только прекратить свои вооруженія, но еще уменьшить численность войскъ близь австрійской границы, и затѣмъ принять мѣры, чтобы русскимъ интригамъ (?) положенъ былъ конецъ, и чтобы рѣшеніе болгарскаго и всего восточнаго вопроса состоялось, согласно правамъ національностей, безъ незаконнаго вмѣшательства". Министръ-президентъ Тисса не торопился назначить день для отвѣта на столь щекотливые и вызывающіе вопросы, ибо онъ не хотѣлъ бы ни разочаровывать мадьярскихъ патріотовъ, ни задѣвать достоинство великой сосѣдней державы. Видя усердныя заботы мадьяръ въ пользу самостоятельнаго развитія нынѣшней Болгаріи, нельзя не вспомнить, что, говоря о свободномъ развитіи народностей, венгерскіе и австрійскіе дѣятели забываютъ, что, въ силу этого принципа, они должны были бы потребовать предоставленія Босніи и Герцеговины самимъ себѣ. Непослѣдовательность и несправедливость, придирчивость къ противникамъ и слѣпота относительно собственныхъ грѣховъ—обычныя черты не одного, впрочемъ, мадьярскаго шовинизма.

Во Франціи настало сравнительное затишье, послѣ недавняго лихорадочнаго возбужденія. Даже министерство Тирара, которое въ другое время не продержалось бы и двухъ дней, пользуется пассивною благосклонностью палаты и публики, въ ожиданіи, впрочемъ, болѣе или менѣе скораго кабинетнаго кризиса. Парламентъ открылся 10-го января обычными вступительными рѣчами старѣйшихъ его членовъ—Пьера Леблана въ палатѣ депутатовъ, и Карно-отца въ сенатѣ. Выбранный вновь президентъ Флоке произнесъ свою рѣчь въ засѣданіи 12-го января; онъ указалъ на задачи настоящей сессіи и въ короткихъ словахъ развилъ цѣлую программу, совпадающую отчасти съ направленіемъ крайней лѣвой.

Первое серьезное испытаніе, которому подверглось министерство Тирара, прошло для него благополучно. Правительство и палата депутатовъ должны были высказаться о поведеніи парижской городской думы во время президентскаго кризиса. Депутатъ правой, Ламарзелль, предъявилъ запросъ по этому предмету еще въ концѣ прошлаго года. Факты, которые онъ привелъ въ своихъ объясненіяхъ, были всѣмъ извѣстны; но имъ можно было придавать различное толкованіе: одни видѣли въ нихъ преступную попытку возмущенія противъ существующаго законнаго порядка; другіе находили лишь понятное и вполнѣ извинительное увлеченіе событіями, волновавшими всѣхъ и каждаго. Городское представительство Парижа—сила слишкомъ крупная, чтобы затѣвать съ нимъ прямую борьбу безъ особенной въ томъ надобности;

тѣмъ не менѣе, министры не пощадили муниципальныхъ дѣятелей и выказали рѣшимость заставить ихъ исполнять законныя требованія администраціи. Пренія вертѣлись главнымъ образомъ около вопроса о помѣщеніи префекта департамента Сены въ зданіи „Hôtel de Ville". Правительство признало необходимымъ, чтобы резиденція префекта находилась въ домѣ городской думы, согласно постановленіямъ временъ республики и консульства. Предполагалось, что присутствіе префекта облегчитъ постоянный контроль надъ дѣйствіями муниципалитета и устранитъ возможность революціонной организаціи подъ прикрытіемъ городского самоуправленія. Съ своей стороны, избранники города требовали для столицы тѣхъ же правъ, какими пользуются всѣ городскія и сельскія общины Франціи,—и прежде всего права имѣть особаго выборнаго мэра. Ни одинъ изъ провинціальныхъ городовъ не даетъ помѣщенія префекту департамента, такъ какъ департаменты имѣютъ свои спеціальныя зданія для должностныхъ лицъ и учрежденій.—Чѣмъ же—спрашиваютъ автономисты—Парижъ хуже другихъ французскихъ городовъ?—Трудно отрицать принципіальную справедливость доводовъ, выставляемыхъ приверженцами автономіи. Многимъ передовымъ республиканцамъ—не говоря уже объ умѣренныхъ и консерваторахъ—мысль о мэрѣ Парижа кажется крайне революціонною; она почему-то связывается съ представленіемъ о коммунѣ, объ отпаденіи столицы отъ государства. Парижъ воплощаетъ въ себѣ Францію, и потому лицо, выбранное столицею на постъ мэра, могло бы имѣть больше значенія, чѣмъ министры и депутаты; оно вступало бы въ пререканія съ правительствомъ и во многихъ случаяхъ оказывало бы давленіе на администрацію. Такъ думаютъ, повидимому, противники центральной мэріи. Этотъ взглядъ объясняется, быть можетъ, традиціонными предубѣжденіями, которыя, въ сущности, не имѣютъ въ себѣ ничего республиканскаго. Опытъ главныхъ европейскихъ столицъ,—по обыкновенію игнорируемый французами,—рѣшительно опровергаетъ обычныя опасенія по этому предмету. Берлинъ имѣетъ выборнаго городского голову, прогрессиста Форкенбека, и хотя этотъ дѣятель принадлежитъ къ оппозиціи, однако никакихъ неудобствъ не возникаетъ для правительства, вслѣдствіе такого сосѣдства. Въ Парижѣ правами мэра пользуется отчасти префектъ департамента (по нашему—генералъ-губернаторъ), и въ числѣ этихъ правъ наиболѣе серьезнымъ является, съ точки зрѣнія правительства, право жить въ „Hôtel de Ville". Старые законы, установившіе этотъ принципъ, часто оспаривались и истолковывались различно; поэтому, чтобы положить конецъ всякимъ недоразумѣніямъ, министерство внесло проектъ особаго закона, которымъ вопросъ рѣшается категорически разъ навсегда. Въ преніяхъ 16-го января участвовали поочередно министръ

внутреннихъ дѣлъ Сарьенъ, бывшій министръ въ кабинетѣ Гамбетты, Вальдекъ-Руссо, бывшій премьеръ Гобле и нынѣшній—Тираръ. Въ сущности, всѣ были согласны, и только небольшая группа радикаловъ возражала противъ мнѣній, раздѣляемыхъ большинствомъ. Тираръ потребовалъ заявленія довѣрія къ кабинету, и, сверхъ ожиданія, предложеніе о довѣріи было принято 259 голосами противъ 175. Министерство продержится еще, быть можетъ, до принятія палатою бюджета на 1888 годъ; оно успѣло разсѣять недоумѣніе, которымъ было встрѣчено въ самомъ началѣ, и завоевало себѣ на время нѣкоторое сочувствіе своимъ прямодушіемъ и добросовѣстностью.

До открытія парламентской сессіи происходили выборы для обновленія извѣстной части сената. Предстояло выбрать 83 сенаторовъ въ 31 департаментъ; избирательное движеніе отличалось особою оживленностью; консерваторы употребляли всѣ усилія для пріобрѣтенія лишнихъ мѣстъ въ сенатѣ, чтобы доказать существованіе въ народѣ направленія, враждебнаго республикѣ. Результаты выборовъ не оправдали разсчетовъ ни той, ни другой стороны. Вмѣсто прежнихъ 65 республиканскихъ сенаторовъ выбрано было 62; вмѣсто 18 консервативныхъ—21, такъ что первые потеряли, а послѣдніе выиграли три мѣста. Успѣхъ для монархической оппозиціи слишкомъ ничтожный, чтобы реакціонеры могли торжествовать побѣду; но для республиканцевъ даже незначительная потеря имѣетъ непріятный смыслъ предостереженія или урока. Впрочемъ, избраніе даннаго кандидата часто зависитъ не отъ его политическихъ убѣжденій, а отъ личной его популярности, отъ положенія и связей. Монархистъ можетъ быть избранъ людьми, не сочувствующими вовсе его тенденціямъ, но уважающими его достоинства и честность,—и наоборотъ; поэтому нельзя сказать ничего опредѣленнаго о причинахъ небольшого сокращенія или увеличенія численности представителей той или другой партіи.

Внѣшняя политика Франціи продолжала сохранять свой сдержанный, спокойный оттѣнокъ. Послѣ пограничныхъ конфликтовъ съ Германіею произошелъ небольшой споръ съ Италіею, который также разрѣшился удовлетворительно, благодаря терпѣнію и хладнокровію министра иностранныхъ дѣлъ, Флуранса. Одинъ изъ агентовъ судебной власти въ Италіи явился въ помѣщеніе французскаго консульства и, несмотря на протесты секретаря, наложилъ свои печати на часть бумагъ, хранившихся въ консульскомъ архивѣ; такимъ образомъ, нарушенъ былъ общій, соблюдаемый повсюду, принципъ экстерриторіальности помѣщеній консульскихъ и дипломатическихъ представителей. Судебная власть ссылалась на то, что арестованныя бумаги относятся къ процессу, который неправильно принятъ консуломъ къ своему разсмотрѣнію, и что консулъ дѣйствовалъ неправильно, не може-

лавъ добровольно выдать хранившіеся у него документы. Какъ это ни странно, но итальянское правительство долго и упорно отстаивало эту точку зрѣнія, хотя и признавало, что судебная власть не должна была поступить столь круто безъ предварительныхъ сношеній съ министерствомъ. Министръ-президентъ Криспи соглашался удовлетворить Францію перемѣщеніемъ увлекшагося должностного лица въ другую мѣстность и объявленіемъ ему порицанія только въ томъ случаѣ, когда и французскому консулу будетъ сдѣланъ выговоръ за его образъ дѣйствій. Между тѣмъ, для всякаго ясно, что нарушеніе консульскихъ правъ не могло быть поставлено въ связь съ поступками консула, такъ какъ для оспариванія или предупрежденія послѣднихъ существуетъ законный способъ дипломатическихъ переговоровъ. Дипломатическая переписка продолжалась болѣе трехъ недѣль; полемика между итальянскими и французскими газетами становилась все болѣе оживленною, и взаимное раздраженіе, для котораго и безъ того находились достаточные поводы, сказывалось уже въ упрекахъ и угрозахъ болѣе нетерпѣливой части журналистики. Конечно, изъ-за флорентинскаго „инцидента“ не послѣдовало бы дѣйствительнаго разрыва между двумя сосѣдними націями, уже потому, что предметъ для спора выбранъ былъ слишкомъ мелкій и неважный. Дѣло ограничилось бы временнымъ разладомъ, который устранился бы при помощи посредничества другихъ державъ; но отношенія испортились бы надолго, и чувство обоюдной непріязни легко перешло бы въ открытую вражду. Что итальянское правительство было неправо—это признавали всѣ иностранные дипломаты и консулы въ Италіи, какъ видно изъ единодушнаго протеста резидирующихъ во Флоренціи консуловъ, представленнаго министру-президенту Криспи. Защита консульской внѣземельности, нарушенной въ лицѣ французскаго представителя, сдѣлалась общимъ дѣломъ всѣхъ консульскихъ агентовъ, и министерству пришлось отказаться отъ своего страннаго взгляда. Инцидентъ, получившій начало 22-го декабря, закончился лишь 19-го января (н. ст.). Виновникъ спора, преторъ Тозини, переведенъ въ другой округъ Флоренціи, и ему выражено было неудовольствіе начальства; зато и процессъ, который считалъ себѣ подсуднымъ французскій консулъ, перейдетъ на разсмотрѣніе итальянскихъ судебныхъ мѣстъ, съ соблюденіемъ существующихъ договоровъ.

Конфликтъ былъ самъ по себѣ неваженъ, но онъ имѣлъ значеніе, какъ симптомъ международныхъ настроеній. Французы не могли не сознавать, что отношеніе Криспи къ флорентинскому инциденту было бы совсѣмъ другое, еслибы дѣло касалось какой-либо другой могущественной державы, поставленной въ лучшія условія, чѣмъ Франція, —еслибы, напримѣръ, задѣты были интересы Англіи, не говоря уже

о Германіи или Австріи. Итальянское министерство хотѣло какъ будто показать французамъ, что они безсильны относительно Италіи, прикрытой двумя такими союзниками, какъ Германія и Австро-Венгрія. Впрочемъ и въ Берлинѣ находили, что эта тактика Криспи не оправдывалась обстоятельствами и могла только повредить самимъ итальянцамъ въ общественномъ мнѣніи Европы. Самообладаніе французской дипломатіи помогло Франціи снова доказать передъ всѣмъ свѣтомъ, что не ей принадлежитъ вызывающая роль въ конфликтахъ съ сосѣдними государствами, и что ея спокойное миролюбіе ничѣмъ не можетъ быть поколеблено. Вести дѣло такъ, чтобы сами противники должны были формально признать правоту задѣтой стороны—это лучшій и вѣрнѣйшій путь охраны личнаго и національнаго достоинства.

ПИСЬМА ИЗЪ-ЗА ГРАНИЦЫ.

Политическія партіи во Франціи.

Казалось бы, нѣтъ ничего легче, какъ опредѣлить положеніе и цѣли существующихъ политическихъ партій въ странѣ, гдѣ и слово, и печать свободны. Гдѣ каждое общественное теченіе имѣетъ возможность выражаться безпрепятственно, тамъ нѣтъ простора для произвольныхъ догадокъ, относительно желаній и интересовъ различныхъ слоевъ населенія. Такъ какъ всѣ оттѣнки общественнаго настроенія проявляются въ журналистикѣ, то стоитъ только ознакомиться съ массою издаваемыхъ во Франціи газетъ и распредѣлить ихъ на извѣстныя группы, чтобы получить вѣрное понятіе о характерѣ и направленіи французскихъ политическихъ партій. Но такой способъ оцѣнки недостаточенъ для выясненія господствующихъ въ народѣ политическихъ мнѣній и чувствъ: нужно еще знать степень распространенности и вліянія отдѣльныхъ газетъ, ихъ закулисныя связи, отношенія ихъ къ партіямъ парламента и къ той или другой мѣстности страны. Нужно также принять во вниманіе то обстоятельство, что не всѣ классы французскаго общества пользуются услугами печати въ одинаковой мѣрѣ, въ виду различій образованія, умственныхъ потребностей и привычекъ; такъ, напримѣръ, крестьянство имѣетъ гораздо меньше представителей среди органовъ прессы, чѣмъ слѣдо-

вало бы по важности его интересовъ и по относительной численности его въ общемъ составѣ населенія. То же самое приходится сказать и о представительствѣ въ палатѣ депутатовъ, гдѣ почти исключительно преобладаетъ элементъ городской интеллигенціи, наиболѣе дѣятельной и энергической. Съ другой стороны, ошибочно было бы судить о политическихъ партіяхъ только по тѣмъ группамъ, которыя существуютъ въ парламентѣ; эти группы образуются часто для удобства парламентскихъ занятій, подчиняясь руководству той или другой выдающейся личности, и многое изъ того, что̀ откровенно высказывается въ печати, прикрывается въ палатахъ совсѣмъ другими именами, облекаясь въ болѣе заманчивыя отвлеченныя формулы. Ни одинъ бонапартистъ не выступитъ на парламентскую трибуну для прославленія павшаго режима или для доказательства правъ принца Виктора на управленіе страною; ни одинъ сторонникъ Орлеанскихъ принцевъ не упомянетъ въ палатѣ о графѣ Парижскомъ, какъ о претендентѣ на французскій престолъ: обѣ эти партіи являются въ парламентѣ въ видѣ консерваторовъ, монархистовъ или приверженцевъ „воззванія къ народу",—дѣйствительныя же цѣли ихъ находятъ себѣ свободное выраженіе только въ журналистикѣ.

Кто бывалъ въ засѣданіяхъ французской палаты депутатовъ, тотъ не могъ не поражаться непримиримою рознью между двумя половинами парламента, между правою и лѣвою сторонами, между монархистами и республиканцами. Можно было бы подумать, что представители народа, сидящіе въ одной и той же залѣ, принадлежатъ къ двумъ враждебнымъ лагерямъ, не имѣющимъ между собою ничего общаго, и что депутаты правой стороны засѣдаютъ въ палатѣ въ силу какого-либо другого принципа, а не на основаніи всенароднаго избирательнаго права, установленнаго республикою. Нѣтъ худшаго обвиненія для членовъ большинства, какъ заподозриваніе ихъ въ сношеніяхъ съ дѣятелями оппозиціи. Республиканскіе ораторы съ негодованіемъ указываютъ на правую сторону, при малѣйшемъ вмѣшательствѣ ея въ рѣшеніе судьбы министерства или какого-либо важнаго законопроекта, стоящаго на очереди; они убѣждаютъ палату избѣгнуть ненужныхъ разногласій, чтобы не дать монархистамъ возможности оказать какое-либо вліяніе на участь спорнаго вопроса. Самое лучшее дѣло кажется испорченнымъ въ глазахъ республиканцевъ, если оно состоялось при участіи консервативныхъ голосовъ. Идея „сосредоточенія", о которомъ такъ много говорилось въ послѣднее время, заключается именно въ томъ, чтобы всѣ вопросы рѣшались сплоченною республиканскою партіею, помимо всякаго участія меньшинства. Такое отношеніе къ меньшинству противорѣчитъ, повидимому, здравымъ началамъ парламентаризма; представители двухъ

или трехъ милліоновъ избирателей не могутъ быть устранены отъ законной доли вліянія на ходъ парламентскихъ дѣлъ. Съ тѣхъ поръ, какъ республика объявлена во Франціи окончательною формою правленія, она перестала быть дѣломъ партіи и должна одинаково служить интересамъ всѣхъ вообще гражданъ страны. Но образъ дѣйствій республиканцевъ объясняется характеромъ консервативной оппозиціи; такъ-называемые консерваторы возстаютъ не противъ данной правительственной системы или программы, а противъ самыхъ основъ народнаго самоуправленія, противъ самаго существованія республики. Предметомъ спора служитъ не политика правительства въ вопросахъ внутреннихъ и внѣшнихъ, какъ это бываетъ въ Англіи; споръ касается здѣсь государственнаго устройства, достигнутаго съ большимъ трудомъ, цѣною громадныхъ усилій и жертвъ. Поэтому антагонизмъ между обѣими главными партіями парламента напоминаетъ скорѣе отношенія побѣдителей къ побѣжденнымъ, чѣмъ нормальную борьбу правительственнаго большинства съ законной оппозиціею.

Французскіе монархисты представляются какъ бы въ трехъ видахъ: передъ избирателями они просто благонамѣренные охранители общественныхъ интересовъ, строгіе судьи, критикующіе увлеченія и ошибки республиканскихъ министерствъ; въ палатѣ они—принципіальные противники республики и ея дѣятелей; въ своихъ журналахъ и газетахъ, въ своихъ частныхъ собраніяхъ и кружкахъ, они оказываются уже вѣрными слугами Орлеановъ и Бонапартовъ, безъ всякой общественной или политической подкладки. Ихъ публичныя рѣчи въ палатахъ и на избирательныхъ сходкахъ кажутся весьма умѣренными и благоразумными; они разсуждаютъ довольно здраво, когда ограничиваются указаніемъ промаховъ правительства въ области финансовъ или по отдѣльнымъ вопросамъ международнымъ или соціальнымъ. Но трудно найти какую-нибудь логическую связь между этими рѣчами и дѣлаемыми изъ нихъ выводами. Благоразуміе и политическій смыслъ покидаютъ монархистовъ, когда они берутся указывать способы исцѣленія замѣченныхъ ими недуговъ. Въ наиболѣе распространенномъ изъ органовъ правой, въ „Le Soleil“, извѣстный Эдуардъ Гервé пишетъ слѣдующее: „Насъ—тысячи и сотни тысячъ во Франціи, которые не только не уважаютъ, но презираютъ республику. Мы презираемъ ее, потому что она достойна презрѣнія, потому что она цинически нарушаетъ правосудіе (?), потому что она развращаетъ страну и сообщаетъ ей ту болѣзнь, которою страдаетъ сама,—продажность (?)“. Приписывая республикѣ злоупотребленія, которыя она же рѣшилась вырвать съ корнемъ, посредствомъ отставки президента Греви, редакторъ „Le Soleil“ употребляетъ пріемъ весьма неудачный. Онъ могъ бы съ гораздо бо́льшимъ правомъ сказать республиканцамъ:

„вы слишкомъ круто и рѣзко поступили по поводу скандальныхъ разоблаченій, направленныхъ противъ высокопоставленныхъ лицъ; вмѣсто того, чтобы замять дѣло и скрыть передъ свѣтомъ оказавшійся недугъ,—какъ это практиковалось при прежнихъ правительствахъ,—вы предприняли шумную кампанію противъ виновниковъ зла и не отступили даже передъ общимъ политическимъ кризисомъ ради предупрежденія подобныхъ фактовъ на будущее время; вы смѣнили стараго президента и избрали на его мѣсто другого, болѣе твердаго по характеру и традиціямъ, но вы упустили изъ виду, что на первомъ планѣ долженъ стоять внѣшній авторитетъ власти, хотя бы агенты послѣдней не пользовались репутаціею безукоризненной честности". Какъ бы то ни было, монархисты, въ лицѣ Гервѐ, заявляютъ, что „республика достойна презрѣнія". Чѣмъ замѣнить ее—это ясно для всякаго читателя „Soleil"; но почему другой режимъ будетъ свободенъ отъ грѣховъ республики—объ этомъ не говорится ни слова. Газета прямо переходитъ къ сообщеніямъ о графѣ Парижскомъ и о его семействѣ, предполагая доказаннымъ именно то, что̀ требовалось бы доказать,—что одни только Орлеанскіе принцы способны гарантировать Францію отъ злоупотребленій и ошибокъ. Почему эти принцы лучше справятся съ задачею, чѣмъ президентъ Карно̀ и его совѣтники,—это остается тайною публицистовъ „Soleil" и ихъ единомышленниковъ. Скачокъ отъ критики существующаго порядка къ выставленію личности графа Парижскаго совершается какъ-то внезапно, безъ малѣйшихъ объяснительныхъ попытокъ. Въ ряду приверженцевъ монархіи есть не мало блестящихъ писателей и ученыхъ, руководствующихся личными симпатіями къ членамъ Орлеанской фамиліи; но нѣтъ талантливыхъ журналовъ, которые смѣло и прямо развивали бы монархическую теорію и основывали бы на ней права претендентовъ. Консервативныя газеты ставятъ вопросъ на почву текущей „злобы дня"; онѣ улавливаютъ временныя затрудненія республики и пользуются ими для доказательства ея несостоятельности. Такую отрицательную политику ведутъ всѣ монархическіе органы во Франціи; они нападаютъ на противниковъ и воздерживаются отъ подробнаго изложенія своихъ собственныхъ идей. „Soleil" довольствуется неустаннымъ поддержаніемъ интереса къ Орлеанскимъ принцамъ; онъ даже назначаетъ подписчикамъ преміи, напоминающія о нихъ,—въ родѣ сборника любимыхъ музыкальныхъ пьесъ графини Парижской, и т. п. Крайняя бѣдность дарованій, недостатокъ остроумія и оригинальности, монотонные напѣвы на одну и ту же тему, какой-то замкнутый, узкій кругозоръ,—все это невыгодно отличаетъ консервативную печать отъ республиканской. „Soleil" имѣетъ еще нѣкоторый успѣхъ въ публикѣ, благодаря своей дешевизнѣ (по 5 сантимовъ) и

сравнительному обилію содержанія; болѣе древняя и чопорная „Gazette de France", основанная въ 1631 году (какъ значится въ ея заголовкѣ), наводитъ скуку своимъ недалекимъ клерикализмомъ и своими безсодержательными воздыханіями о прошломъ. „Le petit Moniteur", редактируемый Эрнестомъ Додэ, аккуратно слѣдитъ за разъѣздами и визитами принцевъ, которымъ, по обыкновенію, посвящается особая рубрика. Каждая изъ этихъ газетъ раздѣлена какъ будто на двѣ самостоятельныя части: на общія политическія разсужденія, проникнутыя пессимизмомъ, и на отдѣлъ свѣденій и справокъ изъ тѣснаго міра претендентовъ. Не хватаетъ чего-то средняго, что связывало бы вопросы политики и потребности общества съ частными дѣлами Орлеановъ. Можно признавать вмѣстѣ съ монархистами, что нужна бережливость въ финансахъ, что республиканскіе дѣятели поступали иногда неразсчетливо въ области государственнаго бюджета, что частные министерскіе кризисы неудобны и нежелательны; но странно ссылаться при этомъ, какъ на образецъ, достойный подражанія, на режимъ, провозгласившій своимъ лозунгомъ обогащеніе („enrichissez-vous!") и возведшій финансовыя аферы на степень политической системы. Когда роль идетъ о безкорыстіи и самоотверженіи, то всего меньше основанія вспоминать о такомъ порядкѣ вещей, при которомъ господство принадлежитъ капиталистамъ, биржевымъ спекулянтамъ и банкирамъ. Послѣ несчастной войны 1870 года, Орлеанскіе принцы потребовали отъ Франціи возврата имуществъ, конфискованныхъ при имперіи, и требованіе ихъ было исполнено консервативнымъ національнымъ собраніемъ, прежде чѣмъ страна успѣла оправиться отъ постигшихъ ее ударовъ. Это свидѣтельствовало объ извѣстной практичности при устройствѣ частныхъ дѣлъ на счетъ государства, чѣмъ всегда отличался и король Луи-Филиппъ. Главные приверженцы Орлеановъ—крупные представители того финансоваго міра, который не имѣетъ никакого разсчета преслѣдовать злоупотребленія, открывающія богатымъ доступъ ко всякаго рода отличіямъ. Разница между нынѣшними Вильсонами и тѣми, которые дѣйствовали бы при владычествѣ принцевъ, заключалась бы только въ томъ, что первыхъ можно преслѣдовать и разоблачать въ печати съ безпощадною суровостью, а вторые имѣли бы защиту въ стѣсненіяхъ печатнаго слова и распоряжались бы болѣе свободно подъ прикрытіемъ „авторитета власти". Очевидно, нападая на республику подъ предлогомъ злоупотребленій и продажности, приверженцы графа Парижскаго задѣваютъ больное мѣсто орлеанизма и косвенно наносятъ удары самимъ себѣ.

Вслѣдъ за консерваторами-орлеанистами, о „высокой честности" заговорили и бонапартисты. Въ письмѣ отъ 18-го (6-го) ноября прошлаго года, принцъ Жеромъ-Наполеонъ выразилъ свое мнѣніе о

порчѣ нравовъ при республикѣ. „Зло лежитъ глубоко,—писалъ онъ: —оно коснулось всѣхъ органовъ государственной власти. Другія правительства имѣли, безъ сомнѣнія, своихъ взяточниковъ и аферистовъ; но недугъ ограничивался какими-нибудь отдѣльными случаями. Теперь въ нашей демократіи, предоставленной въ распоряженіе парламентской анархіи, фаворитизмъ и продажность заполонили все. Когда власть принадлежитъ палатамъ, то какимъ образомъ могутъ депутаты противиться искушенію эксплуатировать ее?“ Другими словами, при имперіи взяточники и государственные аферисты только въ рѣдкихъ случаяхъ могли быть обличаемы въ печати и еще рѣже предавались суду; они носили высокія званія сановниковъ, генераловъ и министровъ, — и зло, которое замѣчаетъ теперь принцъ Наполеонъ, не признавалось оффиціально существующимъ, когда оно олицетворялось блестящимъ герцогомъ Морни или герцогомъ Персиньи. Личный произволъ всемогущаго министра, въ родѣ Руэра, прикрывалъ всякія злоупотребленія администраціи; финансами страны управляли дѣльцы, заинтересованные въ разныхъ предпріятіяхъ,—подобно Фульду или Мань; крупные хищники были вліятельными политическими дѣятелями, и печать не смѣла касаться многихъ особенностей государственнаго хозяйства. Какой-нибудь Вильсонъ не произвелъ бы тогда замѣтнаго впечатлѣнія своими, сравнительно мелкими, дѣлами; онъ процвѣталъ бы безпрепятственно, при вынужденномъ молчаніи журналистики и при отсутствіи свободнаго общественнаго контроля. Сотни и тысячи Вильсоновъ составляли себѣ большія состоянія во времена второй имперіи, и темныя средства, которыми достигалось обогащеніе, считались какъ будто совершенно нормальными. И представитель этого разорительнаго режима, съ его обманчивымъ, поверхностнымъ блескомъ и внутреннею гнилью, разсуждаетъ теперь о продажности и распущенности, какъ о новѣйшихъ продуктахъ французской политической жизни! Принцъ Наполеонъ не хотѣлъ бы, однако, чтобы грѣхи республики послужили въ пользу орлеанистамъ; онъ предостерегаетъ „отъ увлеченій реакціоннымъ духомъ, который смѣшиваетъ республиканскую форму съ учрежденіями, данными ей монархистами“. Онъ совѣтуетъ быть на-сторожѣ противъ „кандидата, готоваго купить голоса роялистовъ цѣною таинственныхъ сдѣлокъ и двусмысленныхъ компромиссовъ“. По мнѣнію принца Наполеона, „страна не желаетъ возвратиться къ монархіи, какъ ни встревожена она послѣдними скандалами; монархія, какою бы маскою она ни прикрывалась, была бы отрицаніемъ народнаго верховенства, и эта двуличная королевская власть была бы снесена первымъ напоромъ всеобщаго голосованія“. Принцъ желалъ бы другого, болѣе широкаго народовластія, чѣмъ нынѣшнее республиканское, и не трудно дога-

даться, что самою желательною системою была бы такая, которая открыла бы Бонапартамъ доступъ къ президентству и подготовила бы почву для имперіи. Такъ какъ въ 1849 году принцъ Луи-Наполеонъ былъ избранъ въ президенты всеобщею подачею голосовъ, то бонапартисты смотрятъ на этотъ способъ избранія, какъ на единственный благопріятный для нихъ путь къ владычеству; они думаютъ, повидимому, что исторія повторяется, и что пріемъ, удавшійся разъ, можетъ быть съ успѣхомъ употребленъ вторично. Они усвоили себѣ догматъ „воззванія къ народу", сохраняя почему-то увѣренность, что народъ, спрошенный непосредственно, выскажется за нихъ. Эта принципіальная основа бонапартизма представляетъ собою нѣчто весьма неясное и шаткое. Какое нужно еще воззваніе къ народу, когда народъ и безъ того имѣетъ полную возможность высказаться черезъ посредство своихъ выборныхъ представителей? Что̀ можетъ быть общаго между „воззваніемъ къ народу" и личными притязаніями принца Жерома или его сына, Виктора Бонапарта? Одно изъ двухъ: или принцъ Викторъ имѣетъ какое-либо самостоятельное право на французскій престолъ, и тогда нельзя говорить о принципѣ народовластія; или народъ дѣйствительно признается распорядителемъ своихъ собственныхъ судебъ, и тогда непонятны притязанія принца Виктора.

Бонапартистскія газеты не объясняютъ этой дилеммы и, подобно органамъ графа Парижскаго, ничего не говорятъ о правахъ своего претендента по существу. Газета „Pays" пріобрѣла извѣстность бойкими статьями Поля Кассаньяка, сторонника „крѣпкой власти" и авторитета; но она не касалась вопроса о томъ, какъ вяжется этотъ идеалъ личнаго управленія съ догматомъ воззванія къ народу, и почему власть будетъ крѣпкою и авторитетною въ рукахъ неопытнаго принца Виктора. Газета „Souveraineté" старается доказать превосходство Наполеона I передъ всѣми другими правителями и занимаетъ читателей сантиментальными анекдотами изъ временъ имперіи. „Вопреки противоположному взгляду—заявляетъ, напримѣръ, одинъ изъ сотрудниковъ этой газеты—и несмотря на установившіяся предубѣжденія, возможно и даже легко подтвердить, что Наполеонъ I былъ по преимуществу человѣкомъ мира (?!). Онъ предлагаетъ, онъ проситъ мира, когда побѣда осталась за нимъ. Въ 1805 году, въ 1807, въ 1809, въ 1812 и 1813 годахъ, кто искреннѣе его желаетъ мира?" Авторъ не шутитъ; онъ серьезно развиваетъ эту забавную аргументацію, основанную на той неоспоримой истинѣ, что всякая война кончается миромъ. Если великій полководецъ не достигъ своей миролюбивой цѣли, то въ этомъ, по мнѣнію газеты, виновата измѣна; онъ до конца остался бы побѣдителемъ, еслибы всѣ приказы его

исполнялись въ точности. „Позоръ—заключаетъ „La Souveraineté“ — тѣмъ, кто оскорбляетъ самую чистую и благородную славу Франціи со времени Жанны д'Аркъ! Позоръ тѣмъ, которые, считая себя достойными сынами французской революціи, рѣшаются клеветать на плѣнника королей, безсмертнаго мученика св. Елены! Бодрость и довѣріе!“ Призывъ къ бодрости и довѣрію, выраженный и въ заглавіи статьи, намекаетъ, очевидно, на какіе-то практическіе выводы, относящіеся къ настоящему положенію партіи. Но опять-таки нельзя понять, какое значеніе можетъ имѣть величіе Наполеона I для современныхъ политическихъ обстоятельствъ. Всякій легко согласится, что Наполеонъ I былъ геніальный полководецъ и правитель; пусть онъ даже провозглашается великимъ миролюбцемъ,—но это не можетъ внушать „бодрость и довѣріе“ кому бы то ни было, по той простой причинѣ, что знаменитаго полководца давно не существуетъ. Бонапартистская газета, толкующая съ азартомъ о достоинствахъ и дарованіяхъ перваго императора, строитъ, въ сущности, такого рода софизмъ: Наполеонъ I былъ великій человѣкъ, поэтому нужно отдать власть принцу Виктору. Ни сами руководители партіи, ни ихъ приверженцы не могутъ серьезно вѣрить въ подобныя истины; они не могутъ съ „бодростью и довѣріемъ“ предлагать своего кандидата на постъ правителя Франціи, ибо этотъ кандидатъ не представляетъ собою ни наслѣдственной монархіи, олицетворяемой нынѣ графомъ Парижскимъ, ни правъ таланта и народнаго выбора, на которыя опирался Наполеонъ III.

Бонапартисты держатся своего знамени не въ силу какой-либо политической доктрины и не по убѣжденію въ правахъ и достоинствахъ претендента, а въ силу личныхъ и сословныхъ интересовъ, семейныхъ связей и традицій, соединяющихъ ихъ съ имперіею. Люди, служившіе при Наполеоновскомъ режимѣ, выросшіе въ средѣ его придворнаго или чиновнаго персонала, обязанные ему своимъ положеніемъ или богатствомъ, образуютъ ядро партіи, около котораго группируются перемѣнчивые, случайные элементы—неудавшіеся честолюбцы, мелкіе дѣльцы и журналисты. Точно также монархисты, большею частью, унаслѣдовали свои взгляды и симпатіи отъ поколѣній, дѣйствовавшихъ при Луи-Филиппѣ или еще раньше, при Бурбонахъ. Остатки стариннаго землевладѣльческаго дворянства придерживаются преданій легитимизма и только неохотно примкнули къ Орлеанамъ, какъ законнымъ преемникамъ старшей королевской линіи, угасшей въ лицѣ графа Шамбора; нѣкоторые изъ легитимистовъ понынѣ сохранили вѣрность бѣлому знамени и довели свою послѣдовательность до признанія правъ Донъ-Карлоса на французскій престолъ. Главная же часть монархистовъ мечтаетъ объ установленіи

того умѣренно-консервативнаго режима, который соединялъ бы въ себѣ устойчивость власти съ извѣстною долею общественныхъ и политическихъ вольностей. Обычныя формулы, служащія девизомъ для разныхъ консервативныхъ группъ, — воззваніе къ народу, честное управленіе, бережливость въ финансахъ, авторитетъ государства, — имѣютъ значеніе вывѣсокъ, которыми не опредѣляются настоящія цѣли партій. Какъ бонапартисты, такъ и монархисты выдаютъ себя за консерваторовъ; въ дѣйствительности, они—реакціонеры, стремящіеся повернуть политическую жизнь назадъ, въ эпохѣ реставраціи или второй имперіи. Самое вѣское оружіе въ ихъ рукахъ — это непрочность республиканскихъ министерствъ, шаткость парламентскаго правительства, частыя колебанія и кризисы въ ходѣ государственныхъ дѣлъ. Они берутъ подъ свою защиту интересы буржуазіи, нуждающейся въ твердомъ общественномъ порядкѣ и спокойствіи, и на этой почвѣ они разсчитываютъ пріобрѣсть сторонниковъ въ мірѣ торговли и промышленности.

Само собою разумѣется, что водвореніе прочности и постоянства среди перемѣнчивыхъ общественныхъ теченій было бы возможно только путемъ внѣшняго насилія, при помощи системы обузданія и репрессіи; а для подобной насильственной системы недостаетъ необходимыхъ элементовъ въ нынѣшней демократической Франціи. Никакой новый режимъ не въ состояніи ни устранить принципъ всенароднаго толкованія, ни ослабить вліяніе и роль парламента; а пока существуютъ эти основы французскаго политическаго быта, до тѣхъ поръ останутся неизбѣжными и частыя смѣны министровъ, и кабинетные кризисы, ибо общественный темпераментъ, отличающійся подвижностью и впечатлительностью, не можетъ не отражаться на характерѣ и дѣйствіи учрежденій. Если министерство не пользуется популярностью или вызываетъ даже раздраженіе въ странѣ, то удержаніе его во власти создало бы серьезный внутренній разладъ, который во Франціи кончается революціею. По-неволѣ монархическое правительство слѣдовало бы за общественнымъ мнѣніемъ, за его перемѣнами и поворотами, такъ какъ въ противномъ случаѣ неудовольствіе, возбуждаемое кабинетомъ, направилось бы противъ самой династіи. При іюльской монархіи, несмотря на настойчивость и консерватизмъ Луи-Филиппа, министры мѣнялись столь же часто, какъ и теперь, и кризисы продолжались иногда цѣлые мѣсяцы, такъ что жалобы на непрочность министерствъ раздавались и при владычествѣ консерваторовъ. Извѣстный нѣмецкій писатель, жившій въ сороковыхъ годахъ въ Парижѣ, замѣчаетъ по этому поводу, что каждое утро, просыпаясь, онъ первымъ дѣломъ справлялся, какихъ министровъ имѣетъ Франція. Тогда еще не было республики, и опытные

совѣтники короля занимались еще отыскиваніемъ „золотой середины". „Прочность" хороша и благотворна, когда она опирается на общее довѣріе, вызываемое талантами и честностью государственныхъ дѣятелей; но никто не скажетъ, что долгое и упорное хозяйничаніе людей неспособныхъ, своекорыстныхъ и лживыхъ, — какъ это было при второй имперіи,—составляетъ преимущество и заслугу „твердой власти". Безцеремонный защитникъ бонапартизма, Поль Кассаньякъ, видитъ главное достоинство правительства въ могуществѣ и авторитетѣ, не заботясь о вопросахъ общественной пользы и народнаго благосостоянія; онъ откровенно проповѣдуетъ эту точку зрѣнія въ газетѣ „Autorité". Французы испытали на себѣ „прочное" господство Руэровъ, Морни и Базэновъ, и едва ли они согласятся повторить этотъ тяжелый опытъ, завершившійся седанской катастрофою.

Консерваторы или, вѣрнѣе, реакціонеры, распадаются, такимъ образомъ, на три группы: умѣренныхъ монархистовъ, строгихъ легитимистовъ и бонапартистовъ; во время выборовъ и отчасти также въ палатахъ всѣ они дѣйствуютъ сообща, такъ какъ цѣль у нихъ одна —дискредитировать республику. Для достиженія этого результата они стараются по возможности чаще низвергать министерства и создавать кризисы, на которые ссылаются потомъ въ доказательство шаткости существующаго правительственнаго порядка. Пользуясь раздорами въ республиканскомъ лагерѣ, они всякій разъ присоединяются къ той партіи, которая недовольна министерствомъ, и министерскія перемѣны чаще всего происходятъ подъ рѣшающимъ вліяніемъ консервативныхъ голосовъ. Противъ умѣреннаго кабинета они выступаютъ въ союзѣ съ радикалами, противъ радикальнаго—въ союзѣ съ оппортунистами. Изъ этого видно, какую цѣну имѣютъ въ ихъ устахъ краснорѣчивыя жалобы на неустойчивость власти. Безъ сомнѣнія, тактика консерваторовъ значительно облегчается разрозненностью группъ среди республиканцевъ. На выборахъ или въ моменты опасности и общаго возбужденія всѣ республиканцы дѣйствуютъ за-одно; уклоненіе отъ этого правила вызываетъ жестокую полемику, взаимные упреки въ измѣнѣ, какъ это было недавно при избраніи сенатора въ департаментѣ Ньевръ, гдѣ оппортунисты не поддержали радикаловъ. Но внѣ избирательной агитаціи партійные счеты сохраняютъ полную силу. Въ палатѣ депутатовъ республиканское большинство дѣлится на четыре группы: на бывшую партію Гамбетты, или „союзъ лѣвыхъ", радикальную лѣвую, крайнюю лѣвую и соціалистовъ. „Союзъ лѣвыхъ", руководимый преимущественно Жюлемъ Ферри, представляетъ наиболѣе сплоченную и многочисленную часть республиканцевъ; ихъ умѣренно-либеральныя убѣжденія характеризуются неудачнымъ терминомъ оппортунизма. Въ дѣлахъ внутрен-

нихъ эта группа склонна обнаруживать твердость въ охранѣ порядка и государственнаго авторитета, и она могла бы осуществить идеалъ стойкаго правительства, еслибы этому не помѣшали консерваторы. Въ политикѣ внѣшней оппортунисты готовы отказаться отъ мысли о возмездіи относительно Германіи, и направляютъ свои заботы на расширеніе и пріобрѣтеніе колоній, на развитіе торговыхъ сношеній. Они умѣютъ лавировать, дѣлаютъ уступки радикаламъ и консерваторамъ, смотря по обстоятельствамъ, и не уклоняются отъ крупныхъ реформъ, какъ они доказали это въ вопросахъ о народномъ образованіи, о запрещеніи религіозныхъ конгрегацій и о пересмотрѣ конституціи. Играя роль чего-то средняго между партіями и поступая иногда неясно и двусмысленно, вслѣдствіе желанія угодить и нашимъ, и вашимъ, оппортунисты оттолкнули отъ себя всѣхъ и сдѣлались наименѣе популярной и наиболѣе ненавидимою группою парламента. Демократія въ высшей степени чувствительна къ лицемѣрію и фальши: правдивость — вѣрнѣйшій способъ заслужить ея расположеніе. Оппортунисты хотѣли быть тонкими политиканами, и они быстро лишились народныхъ симпатій. Двѣ другія группы—радикальная лѣвая и крайняя лѣвая — мало чѣмъ разнятся между собою; программы ихъ изобилуютъ требованіями реформъ, болѣе или менѣе отвлеченныхъ и затруднительныхъ, въ родѣ отдѣленія церкви отъ государства, новаго пересмотра конституціи, избранія судей народомъ, и т. п. Крайняя лѣвая, направляемая смѣлыми и энергическими дѣятелями, тянетъ за собою радикальную лѣвую, болѣе пассивную и сговорчивую. Наконецъ, небольшая группа соціалистовъ, организованная въ палатѣ только недавно, представляетъ интересы и стремленія рабочаго класса: она выработала точную profession de foi, въ видѣ категорическихъ положеній, обнимающихъ главные пункты спеціальной реформы въ широкомъ смыслѣ этого слова. Мы находимъ тутъ и „международный союзъ народовъ", и разрѣшеніе всѣхъ споровъ между націями, какъ между отдѣльными лицами, и преобразованіе постоянныхъ армій въ вспомогательныя милиціи, составленныя изъ всѣхъ взрослыхъ гражданъ, соотвѣтственно нуждамъ національной обороны. Соціалисты требуютъ, далѣе, отмѣны смертной казни и ограниченія наказаній правомъ соціальной защиты; прогрессивной эмансипаціи женщины, дарового школьнаго обученія, научнаго, профессіональнаго и военнаго; неограниченной свободы мысли, слова, печати, сходокъ, сдѣлокъ и т. п.; преобразованія монополій въ публичныя учрежденія, завѣдуемыя корпораціями, подъ контролемъ администраціи; постепенной націонализаціи собственности, причемъ пользованіе землею должно сдѣлаться доступнымъ для всякаго рабочаго; прогрессивнаго налога на личное богатство и на наслѣд-

ства; уничтоженія права наслѣдованія въ боковыхъ линіяхъ; установленія публичной благотворительности, школъ, пенсіонныхъ кассъ, страхованія отъ несчастныхъ случаевъ и т. п. на счетъ общества. Эта программа, подписанная девятнадцатью депутатами въ декабрѣ прошлаго года, имѣетъ скорѣе теоретическое, чѣмъ практическое значеніе, такъ какъ въ ней не упоминается о способахъ осуществленія изложенныхъ требованій.

Соціалисты и революціонеры пишутъ много во Франціи, и ихъ газеты имѣютъ значительный сбытъ; они ограничиваются, бо́льшею частью, рѣзкими возгласами противъ буржуазіи, грозятъ переворотами и расправами, ведутъ горячіе споры съ противниками, и ничѣмъ не выясняютъ своихъ собственныхъ идей о будущемъ соціальномъ устройствѣ. Газета „Cri du peuple“ заявляетъ, что нужно „разбить крѣпкія головы буржуазіи, дающія ежедневно тысячи доказательствъ неспособности, безсилія и дурной воли; пролетаріатъ долженъ сгруппироваться, собраться около знамени революціи и приготовиться принять наслѣдство послѣ того класса, отъ котораго необходимо избавить страну, если хотятъ основать соціальную республику“. И, чтобы наслѣдовать быстро, прежде чѣмъ наслѣдство не будетъ скомпрометтировано,—продолжаетъ газета, — „необходимо поскорѣе упразднить буржуазію, какъ классъ владѣющій и заправляющій“. Какъ упразднить владѣющіе и промышленные классы, что́ разумѣть подъ словомъ „упраздненіе“ и какъ понять желаніе получить наслѣдство, которое само по себѣ считается зломъ,—это остается неизвѣстнымъ. Еслибы имущество перешло отъ одного класса къ другому, то измѣнился бы составъ буржуазіи, но сущность осталась бы та же, и весь этотъ разговоръ о „наслѣдствѣ“ обнаруживаетъ довольно наивное представленіе о соціальной проблемѣ. Газета „Prolétariat“, оффиціальный органъ федераціи французскихъ рабочихъ-соціалистовъ, высказывается столь же сбивчиво и неопредѣленно. Газета совѣтуетъ „образовать громадную армію труда, чтобы поскорѣе освободить страну отъ шайки мошенниковъ и отъ всякихъ піявокъ, президентскихъ, министерскихъ, военныхъ и бюрократическихъ“. „Устроимъ,—говоритъ „Prolétariat“, —республику труда и справедливости“; но какъ устроить и въ чемъ будетъ заключаться новое устройство—объ этомъ ничего не сказано. Зато газета посвящаетъ не мало статей горячимъ нападкамъ на „клоуна“ Рошфора, на версальскаго „убійцу“—Буланже и т. п. При такой скудости принципіальныхъ разъясненій въ о́рганахъ газетнаго соціализма, положительная программа, редактированная парламентскою группою 16-го декабря, представляетъ нѣкоторый прогрессъ и можетъ принести пользу уже тѣмъ, что даетъ матеріалъ для спокойнаго обсужденія вопросовъ, волнующихъ умы рабочаго класса. Въ

программѣ не содержится ничего такого, что намекало бы на насиліе; всякая опасность пропаганды исчезаетъ, если дѣло идетъ о мирномъ способѣ убѣжденія для подготовки новыхъ законовъ, которые не имѣютъ никакихъ шансовъ быть принятыми большинствомъ. Наиболѣе щекотливые предметы затронуты лишь слегка; капитальнѣйшіе вопросы объ организаціи промышленности, о правѣ собственности на капиталы и на орудія производства, объ отношеніяхъ между хозяевами предпріятій и рабочими,—обойдены молчаніемъ; фраза о „преобразованіи монополій“ не можетъ считаться ясною, и нельзя даже сказать, о какихъ именно монополіяхъ идетъ здѣсь рѣчь. Мысль о „націонализаціи собственности“ выражена настолько двусмысленно, что она можетъ быть примѣнена не къ одному лишь землевладѣнію, а указаніе на „прогрессивность“ націонализаціи можетъ быть понято или въ смыслѣ постепеннаго выкупа частныхъ владѣній государствомъ, или какъ-нибудь иначе, смотря по желанію комментаторовъ. Такимъ образомъ, программа не отличается ни полнотою, ни точностью отдѣльныхъ положеній; она, въ сущности, довольно безобидна, но и намѣченное въ ней едва ли будетъ исполнено въ близкомъ будущемъ, такъ какъ въ палатѣ депутатовъ оказалось всего девятнадцать соціалистовъ, и даже радикалы отнеслись несочувственно къ новой парламентской группѣ.

Рознь между партіями и направленіями во Франціи производитъ впечатлѣніе чего-то прочнаго, установившагося; каждая политическая группа ревниво хранитъ свою обособленность, питается извѣстнымъ кругомъ идей и избѣгаетъ живого общенія съ противниками, для взаимной провѣрки спорныхъ взглядовъ. Особенно рѣзко бросается эта черта въ журналистикѣ. Постоянный читатель радикальныхъ газетъ можетъ совсѣмъ забыть о существованіи такихъ органовъ, какъ „Journal des Débats“ или „Revue des deux Mondes“; онъ не встрѣтитъ даже названій ихъ и не будетъ имѣть понятія о ихъ мнѣніяхъ и отзывахъ по поводу дѣлъ республики, если не пожелаетъ ознакомиться съ ними по какому-нибудь спеціальному случаю. Надо замѣтить, что „Journal des Débats“ почти не имѣетъ розничной продажи и, напримѣръ, во время президентскаго кризиса, когда газеты въ Парижѣ раскупались на-расхватъ, совсѣмъ не было видно присяжнаго органа академиковъ. Намъ этотъ фактъ казался удивительнымъ, въ виду европейской репутаціи „Journal des Débats“ и всегдашняго блеска и остроумія его статей; но игнорированіе чужихъ взглядовъ, когда они не затрогиваютъ личностей, входитъ издавна въ журнальные французскіе нравы. Всякая газета обращается къ особому кругу читателей и упоминаетъ о другихъ изданіяхъ только въ тѣхъ случаяхъ, когда это требуется ходомъ полемики

или когда затѣянъ какой-нибудь личный споръ. Разсужденія умѣренныхъ и консервативныхъ газетъ, какъ бы талантливы и вѣски они ни были, остаются поэтому неизвѣстными въ кружкахъ, привыкшихъ къ передовой республиканской прессѣ, а эта послѣдняя рѣшительно преобладаетъ въ Парижѣ и въ большинствѣ провинціальныхъ центровъ. Точно также газеты одинаковаго направленія весьма рѣдко цитируютъ одна другую. Вслѣдствіе этого взаимнаго игнорированія, политическая рознь крѣпнетъ и принимаетъ странныя формы: монархическіе органы живутъ какъ будто въ мірѣ иллюзій, гдѣ реставрація представляется скорою и неминуемою, гдѣ со дня на день ожидается пришествіе графа Парижскаго; а республиканскія газеты только изрѣдка удостоиваютъ своимъ вниманіемъ настойчивую проповѣдь реакціи—преимущественно во время кризисовъ или парламентскихъ выборовъ. Въ періоды сравнительнаго спокойствія республиканскіе публицисты почти исключительно поглощены своими внутренними партійными счетами, оцѣнкою министерскихъ проектовъ и парламентскихъ засѣданій, не заботясь о дѣятельной пропагандѣ консерватизма, которая сказывается вдругъ въ результатахъ ближайшаго избирательнаго движенія, въ симптомахъ общественной тревоги или въ неожиданномъ паденіи сочувственнаго республиканцамъ министерства.

Невниманіе къ мнѣніямъ противниковъ приводитъ къ исключительности, къ односторонней оцѣнкѣ обстоятельствъ и къ невѣрному пониманію событій. Извѣстный сотрудникъ „Journal des Débats“, сдѣлавшійся академикомъ и сенаторомъ за свои газетныя статьи, Джонъ Лемуаннъ, не находилъ лучшаго рѣшенія правительственнаго кризиса, какъ избраніе президентомъ республики Леона Сэя, предсѣдателя и участника крупныхъ финансовыхъ предпріятій. Подобная кандидатура могла придти на мысль только человѣку, совершенно не замѣчавшему дѣйствительнаго смысла всеобщаго возбужденія, приведшаго къ отставкѣ Греви. Когда всѣ озабочены были освобожденіемъ президентства отъ компрометтирующихъ связей, отъ духа наживы и спекуляціи, когда старый антагонизмъ между буржуазіею и рабочимъ классомъ выступалъ наружу въ зловѣщихъ симптомахъ,—тогда предлагать въ правители типическаго дѣятеля высшаго коммерческаго міра—значило, очевидно, смѣяться надъ взволнованною демократіею; но Джонъ Лемуаннъ говорилъ серьезно въ газетѣ „Matin“,—потому что для него и его единомышленниковъ агитація всей радикальной и независимой печати какъ бы не существовала. Либералы и консерваторы не снисходятъ до обмѣна мыслей съ радикалами или соціалистами; они не стараются непосредственно просвѣщать тѣ слои населенія, которые особенно воспріимчивы къ ре-

волюціоннымъ идеямъ. Рабочіе предоставлены самимъ себѣ въ дѣлѣ умственнаго и политическаго развитія; на сходкахъ и въ предназначенной для нихъ прессѣ они получаютъ матеріалъ крайне односторонній и случайный, которому нѣтъ противовѣса со стороны представителей болѣе благоразумныхъ элементовъ общества. Безпристрастные ученые и публицисты не появляются въ тѣхъ залахъ, гдѣ простой народъ собирается слушать ораторовъ соціализма и анархіи; они сохраняютъ свои доводы для себя и для лицъ своего круга, въ полной увѣренности, что не стоитъ даже входить въ подробную оцѣнку враждебныхъ теорій. А потомъ они удивляются широкому распространенію этихъ теорій, толкуютъ о невѣжествѣ народа и остаются при спокойномъ убѣжденіи, что экономическія истины не могутъ противорѣчить интересамъ господствующаго класса. Но рознь между классами, недостатокъ взаимнаго пониманія и соглашенія, духъ партій и кружковъ,—все это не мѣшаетъ твердому сознанію общаго равенства и свободы.

Въ сторонѣ отъ политическихъ партій существуетъ направленіе, имѣющее съ ними нѣкоторую связь и могущее отчасти вліять на ихъ судьбу. Это направленіе можно назвать международно-патріотическимъ. Перспектива войны съ Германіею заставляетъ французовъ имѣть въ виду необходимые внѣшніе союзы; это обстоятельство необходимо принимается въ разсчетъ и при устройствѣ внутреннихъ дѣлъ, какъ это обнаружилось съ особенною ясностью во время послѣдняго кризиса, по поводу кандидатуры Жюля Ферри и Флокѣ. Орлеанисты считаютъ весьма важнымъ преимуществомъ своей партіи возможность сближенія съ европейскими дворами, которые легко сошлись бы съ монархіею и не захотятъ будто бы вступить въ сдѣлку съ республикою. Республиканцы, въ свою очередь, опровергаютъ это предположеніе и тщательно избѣгаютъ всего, что̀ могло бы, напримѣръ, подѣйствовать непріятно на Россію. Мы имѣли уже случай указать на чрезмѣрную поверхностность французскихъ сужденій о чужихъ государствахъ. Французы не могутъ обойтись безъ ошибокъ даже въ географическихъ названіяхъ; между прочимъ, въ числѣ городовъ, имена которыхъ вырѣзаны на стѣнахъ тріумфальной арки, значится „Smolensko“, и нѣмецкія названія совсѣмъ перепутаны,—хотя на такомъ монументѣ можно уже было позаботиться о соблюденіи точности. Въ газетахъ грубыя погрѣшности встрѣчаются постоянно; недавно „XIX Siècle“ сообщилъ о военныхъ приготовленіяхъ Румыніи на основаніи депеши о множествѣ вагоновъ, собранныхъ около Одессы. Незнаніе распространяется на внѣшнія отношенія державъ и приводитъ къ оригинальному взгляду на политику Франціи. Газеты, не желающія никакой войны, предлагаютъ мини-

стерству дѣйствовать болѣе круто относительно Германіи и не церемониться съ Италіею, такъ какъ рѣшительный тонъ французской дипломатіи побудилъ бы этихъ сосѣдей воздерживаться отъ враждебныхъ поступковъ. „Intransigeant“ хотѣлъ бы, чтобы правительство изгнало всѣхъ итальянцевъ въ отвѣтъ на недружелюбныя мѣры Криспи. На министра Флуранса сыплются упреки и обвиненія за то, что онъ не слѣдуетъ этимъ мудрымъ совѣтамъ. Французскіе патріоты, повидимому, твердо убѣждены, что Россія будетъ сражаться рядомъ съ Франціею въ будущей войнѣ; франко-русскій союзъ сдѣлался чѣмъ-то въ родѣ догмата или аксіомы для передовыхъ республиканскихъ партій.

Въ послѣднее время мысль о войнѣ все чаще и сильнѣе волнуетъ общественное мнѣніе. Статуя Страсбурга на площади Согласія всегда обложена траурными вѣнками съ краснорѣчивыми надписями, напоминающими объ Эльзасѣ. Образовалась цѣлая литература, предназначенная спеціально для поднятія духа въ арміи и въ обществѣ, въ виду ожидаемыхъ событій. Большія и малыя иллюстрированныя изданія, посвященныя военному патріотизму, выходятъ выпусками по 10 сантимовъ (4 коп.); первые выпуски раздаются даромъ всѣмъ желающимъ. Въ книгѣ Бартелэми, подъ заглавіемъ: „La guerre“, дѣлается общій обзоръ всего выполненнаго и достигнутаго въ области народной обороны, и уже въ предисловіи приводится тотъ выводъ, что „наконецъ, мы готовы“. „Мы не можемъ избѣгнуть войны,—говоритъ авторъ,—она—роковая. Борьба между Франціею и Пруссіею есть не только борьба расы латинской противъ германской, но и борьба цивилизаціи противъ феодализма, свободы народовъ противъ деспотизма. Эта война, которую мы должны предвидѣть, есть война священная; въ ней замѣшаны интересы и права человѣчества“. Въ сочиненіи: „La prochaine guerre“, разсказываются ужасы о прусскихъ подвигахъ, наглядно изображаемыхъ въ соотвѣтственныхъ иллюстраціяхъ. Книга: „Les fiancés de la revanche vu la vision patriotique“, заключаетъ въ себѣ нѣчто въ родѣ военнаго романа, съ невѣроятными подробностями о звѣрствахъ германскихъ войскъ, — насколько можно судить по вышедшимъ двумъ выпускамъ. Въ этомъ же духѣ издается юмористическій еженедѣльный журнальчикъ, въ форматѣ небольшихъ книжекъ съ картинками, подъ заглавіемъ „Le petit Pioupiou“, съ особыми прибавленіями: „L'enfant de troupe“. Остроумныя каррикатуры и насмѣшки, разсказы и анекдоты касаются не только пруссаковъ и арміи, но и текущей политики и ея дѣятелей. „Almanach du petit Pioupiou“ на 1888 годъ даетъ рядъ предсказаній въ картинкахъ, причемъ фигуры Бисмарка и Буланже играютъ главную роль.

Нѣкоторыя изъ этихъ изданій имѣютъ, быть можетъ, характеръ спекуляціи; но нѣтъ сомнѣнія, что вражда къ Пруссіи замѣтно усилилась подъ вліяніемъ частыхъ столкновеній, къ которымъ Франція не давала повода. Трудно было бы найти признаки воинственности и шовинизма въ нынѣшнемъ французскомъ обществѣ, и ожидаемая война, если она состоится, будетъ лишь защитою національной независимости, отчаянной борьбою противъ дѣйствительнаго или мнимаго гнета суровыхъ побѣдителей.—Л. С.

ОСИПЪ ФЕДЬКОВИЧЪ.

Письмо въ Редакцію.

Галицко-русская литература понесла въ послѣдніе дни тяжелую потерю. 29-го декабря 1887 г. (11-го янв. нов. стиля), скончался въ Черновцахъ, въ Буковинѣ, одинъ изъ талантливѣйшихъ ея писателей и редакторъ черновецкой политической газеты „Буковина", Осипъ Федьковичъ. Въ исторіи народнаго возрожденія австрійскихъ малороссовъ и въ развитіи ихъ литературы покойный Федьковичъ займетъ очень видное мѣсто. Имя его въ теченіе почти тридцати лѣтъ не сходило со столбцовъ лучшихъ малорусскихъ народныхъ изданій въ Галичинѣ и въ Буковинѣ. И у насъ, на Украйнѣ, едва ли найдутся образованные люди, которымъ не было бы извѣстно это популярное имя. Юрій Гордынскій (настоящее имя Осипа Федьковича) родился въ 1834 г. въ Буковинѣ, въ селѣ Сторонкѣ, населенномъ при-карпатскими горцами, русинами-гуцулами „Мать моя,—говоритъ Федьковичъ въ своей коротенькой автобіографіи [1]), —была женою священника въ селѣ Сторонкѣ, а овдовѣвши, вступила въ бракъ съ моимъ отцомъ, выходцемъ изъ Галичины. Насъ было два брата и три сестры, и жили мы счастливо, пока не наступилъ несчастный 1848—9 годъ, который обездолилъ всю нашу семью и насъ, дѣтей-сиротъ, распустилъ по свѣту": сестры умерли, старшій братъ Иванъ пропалъ безъ вѣсти, „а я съ горя отправился въ придунайскіе края искать себѣ хлѣба". — Какъ провелъ свои дѣтскіе годы, гдѣ и какое именно получилъ Федьковичъ школьное образованіе, намъ неизвѣстно. Говоря о своемъ

[1]) Поэзія Іосифа Федьковича. Львовъ, 1862, стр. X—XVI.

дѣтствѣ, онъ вспоминаетъ лишь о томъ глубокомъ впечатлѣніи, которое производили на него народныя пѣсни и сказки, „которыхъ безчисленное множество знала моя старшая сестра. Будучи еще мальчикомъ, я, находясь почти неразлучно съ сестрою, позаучивалъ отъ нея всѣ тѣ сказки и пѣсни". „Выросши уже,—продолжаетъ онъ,—когда бывало запою одну изъ тѣхъ пѣсенъ, мнѣ казалось, что душа моей сестры, какъ благодатный ангелъ-хранитель, оберегаетъ меня отъ горя".

Находясь въ Молдавіи, Федьковичъ близко сошелся съ однимъ нѣмецкимъ художникомъ, „который сердечно меня полюбилъ, научилъ меня нѣмецкому языку, познакомилъ меня съ нѣмецкою и даже съ испанскою поэзіею. Вся душа этого великаго, но непонятаго художника, была чистою, истинною поэзіею, онъ и мою душу наполнилъ ею такъ глубоко, что уже никакія адскія муки не въ состояніи вырвать ее оттуда". Въ семьѣ этого художника Федьковичъ всецѣло отдался самообразованію и изученію поэзіи. Это было, по признанію самого Федьковича, самое лучшее, самое счастливое время въ его жизни. Я живо помню, какъ при личной встрѣчѣ со мною въ 1884 г. поэтъ съ восторгомъ и съ какимъ-то благоговѣніемъ вспоминалъ это время!.. Къ несчастію, продолжалось оно не долго: въ 1852 г. онъ долженъ былъ поступить въ военную службу, испытать неприглядную казарменную жизнь, вынести всѣ невзгоды, лишенія и нравственныя муки похода въ Италію во время войны Австріи съ Франціею и Италіею. Поклонникъ народной свободы и національнаго возрожденія, пѣвецъ общечеловѣческой любви — долженъ былъ сражаться за деспотизмъ, за притѣсненіе нѣмцами чуждыхъ имъ народностей, долженъ былъ проливать кровь порабощенныхъ нѣмецкимъ деспотизмомъ итальянцевъ, сражавшихся за свободу, за право жить и развиваться самостоятельно! Легко понять, какія чувства и мысли долженъ былъ тогда таить въ себѣ и переживать Федьковичъ! Свое настроеніе галицкій поэтъ выразилъ,—но вслѣдствіе цензурныхъ условій только отчасти,—въ прекрасныхъ стихотвореніяхъ, относящихся къ походу и походной жизни.

Возвратясь съ войны лѣтомъ 1859 года, Федьковичъ познакомился въ Черновцахъ съ нѣмецкимъ поэтомъ Наубаеромъ и показалъ ему свои первыя стихотворныя произведенія на нѣмецкомъ языкѣ, написанныя еще въ Молдавіи. Наубаеръ похвалилъ лирическія стихотворенія, въ особенности же переводы на нѣмецкій языкъ украинскихъ народныхъ думъ, и совѣтовалъ печатать ихъ; но у поэта не было для этого средствъ. Между тѣмъ онъ вскорѣ познакомился съ однимъ хорошо образованнымъ русиномъ, Кобылянскимъ, который настаивалъ, чтобы онъ писалъ на украинско-русскомъ народномъ языкѣ. Оказа-

лось, что Федьковичъ еще во время похода началъ дѣлать то, что ему теперь совѣтовали, и черезъ нѣсколько времени явились въ печати первыя стихотворенія Федьковича, а въ 1862 г. были изданы въ Львовѣ отдѣльною книжкою. Къ этому времени относится первое мое знакомство съ Федьковичемъ, пока только письменное, но, къ сожалѣнію, независящія обстоятельства надолго прервали потомъ нашу задушевную переписку. Къ великому моему огорченію, рядъ писемъ ко мнѣ Федьковича, полныхъ поэтическихъ описаній горной природы Карпатъ и ея обитателей, погибъ въ 1869 году невозвратно.

Подъ вліяніемъ Кобылянскаго, Федьковичъ сдѣлался ревностнымъ послѣдователемъ народной партіи и ея національно-демократическихъ идеаловъ. Повѣсти его сдѣлались лучшимъ украшеніемъ всѣхъ періодическихъ изданій народной партіи, начиная съ „Вечорницъ“ 1862 г. и кончая „Зарею“ и „Буковиною“ 1887 года. Но литературнымъ трудомъ, да еще на украинско-русскомъ языкѣ, въ Галичинѣ, а тѣмъ болѣе въ Буковинѣ — жить чрезвычайно трудно почти невозможно; литературный трудъ едва оплачивается и обставленъ еще такими трудностями, преодолѣвать которыя не всякій способенъ; а натуры, подобныя Федьковичу, простыя и глубоко искреннія, положительно неспособны...

Освободившись въ 1863 г. окончательно отъ военной службы, Федьковичъ долженъ былъ испытать новое горе: старуха мать его находилась въ ужасающей бѣдности. Къ счастію, гуцулы избрали поэта своимъ уполномоченнымъ въ сервитутную коммиссію, а въ 1866 г. тѣ же гуцульскія общества избрали его „войтомъ“ (въ родѣ нашего волостного головы); наконецъ, въ слѣдующемъ году онъ былъ назначенъ окружнымъ инспекторомъ народныхъ школъ. Поэтическая натура съ трудомъ переносила бюрократическій формализмъ, и лишь нужда заставляла Федьковича оставаться въ должности инспектора. Отстаивая народные интересы школы, Федьковичъ болѣе и болѣе пріобрѣталъ себѣ враговъ въ средѣ мѣстныхъ нѣмецкихъ и румынскихъ ассимиляторовъ, которые, наконецъ, довели его до того, что онъ оставилъ должность инспектора и переселился во Львовъ. Сюда влекло его желаніе больше и самостоятельнѣе трудиться для національнаго развитія и просвѣщенія народной массы русиновъ. Повидимому, обстоятельства благопріятствовали его намѣреніямъ: незадолго передъ тѣмъ народная партія русиновъ организовала въ Львовѣ общество для распространенія въ народѣ просвѣщенія, „Просвіту“. Новому обществу нуженъ былъ человѣкъ болѣе или менѣе образованный, хорошо знающій народный языкъ, требованія и понятія народа, и когда Федьковичъ предложилъ свои услуги обществу, оно приняло его предложеніе и, въ свою очередь, потребовало, чтобы Федь-

ковичъ для изданій общества далъ ежегодно не менѣе 12 печатныхъ листовъ своихъ оригинальныхъ сочиненій для народа за 250 гульденовъ годовой платы! Федьковичъ принялъ это тяжелое условіе; но на 250 гульденовъ нельзя жить въ Львовѣ... Русскій народный клубъ „Бесіда“ предложилъ ему другіе 250 гульд. за переводъ на украинско-русскій языкъ *пяти* классическихъ драматическихъ произведеній съ иностранныхъ языковъ. Впослѣдствіи, однако, уплату послѣднихъ 250 гульд. приняла на себя „Просвіта“, обязавъ Федьковича дать еще 12 листовъ...

„Едва-едва,—говоритъ поэтъ,—я въ состояніи былъ вытянуть 14 мѣсяцевъ этой черной работы“... „Тяжелѣе всего въ это время было для меня то,— жаловался мнѣ въ 1884 г. покойный поэтъ,— что „Просвіта“ не только указывала мнѣ темы *и планъ* для народныхъ сочиненій, но правленіе общества цензировало и поправляло мой слогъ и языкъ“...

Переселившись опять въ Черновцы и поселившись на загородной улицѣ „Эгерштрассе“, Федьковичъ уже не оставлялъ этого города. Здѣсь онъ буквально бѣдствовалъ, испытывая всевозможныя лишенія, но не переставалъ писать и трудиться для русинской литературы!.. Весьма естественно, что бѣдность, нужда, одиночество производили иногда на поэта тяжелое угнетеніе, и неудивительно, что въ такія минуты онъ старался „залить свое горе“ виномъ!..

— „Не я пью,—лихо пье!“

Въ концѣ 1884 г. буковинскіе русины пришли къ сознанію необходимости имѣть свой народный политическій органъ на народномъ языкѣ. Нуженъ былъ редакторъ. Выборъ палъ на Федьковича, и лучшаго выбора нельзя было сдѣлать. Три года Федьковичъ редактировалъ „Буковину“, заслуги которой оцѣнитъ правильно лишь будущій историкъ развитія австрійскихъ русиновъ.

Въ іюнѣ 1886 г. Галичина и Буковина торжественно отпраздновали 25-лѣтній юбилей литературной дѣятельности Федьковича. Многія общества въ это время избрали его своимъ почетнымъ членомъ. Но не долго пришлось послѣ юбилея маяться поэту: нужда и лишенія оказались сильнѣе довольно крѣпкой гуцульской натуры Федьковича и совершенно внезапно свели его въ могилу: 29 декабря кровь хлынула у него горломъ, и—„угасъ поэтъ! народъ осиротѣлъ“... Я не буду на этотъ разъ перечислять всѣ стихотворныя, повѣствовательныя и драматическія произведенія Федьковича, не буду входить и въ оцѣнку ихъ. Скажу только, что лучшія произведенія его—повѣсти изъ народной жизни гуцуловъ. Первые разсказы Федьковича были изданы особою книгою въ Кіевѣ въ 1875; все написанное имъ послѣ этого разбросано по разнымъ галицкимъ и буковинскимъ изданіямъ, а

многія лучшія его поэтическія произведенія извѣстны лишь по рукописямъ, въ печати же не могли еще появиться. Многія повѣсти Федьковича были переведены на польскій, чешскій и другіе языки.

Потеря Федьковича для австрійскихъ русиновъ, въ особенности для буковинскихъ, есть потеря, трудно вознаградимая. Значеніе его для Буковины было громадное. Это значеніе лучше всѣхъ оцѣнилъ профессоръ Смаль-Стоцкій, сказавъ въ юбилейной рѣчи своей: „Федьковичъ первый началъ разгонять у насъ (среди буковинскихъ русиновъ) темноту и распространять свѣтъ; онъ первый заговорилъ къ народу народнымъ языкомъ; онъ развѣялъ у насъ мракъ узкихъ взглядовъ, онъ показалъ, что мы не должны отдѣляться отъ нашихъ братьевъ въ Галичинѣ и въ Украйнѣ; наконецъ, онъ взялся за трудное дѣло просвѣщенія народа и защиту его національныхъ правъ, и мы видимъ, какъ народное чувство самосознанія стало расти и крѣпнуть—съ каждымъ днемъ“... Какъ человѣкъ, покойный отличался необыкновенною скромностью, симпатичною добротою и беззавѣтною любовью и преданностью къ русинамъ, въ особенности къ своимъ гуцуламъ. И гуцулы знали и любили „своего батька Федьковича“! Въ сердцахъ ихъ онъ никогда не умретъ... „Нехай тобі земля пером!“...

А. Кониоскій.

Кіевъ, 5 янв. 1888.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-го февраля, 1888.

— *Уралцы.* Очерки быта уральскихъ казаковъ. Полное собраніе сочиненій Іоасафа Игнатьевича *Желѣзнова.* Изданіе 2-е, посмертное, съ дополненіями и включеніемъ неизданныхъ статей. Три тома. Спб. 1888.

Имя казака Желѣзнова, нѣсколько забытое теперь, было очень извѣстно въ 50-хъ и въ 60-хъ годахъ, когда нерѣдко появлялись его разсказы объ уральцахъ и ихъ краѣ. Это была личность своеобразная и любопытная. Желѣзновъ былъ истый казакъ по происхожденію, уральскій уроженецъ; дѣдъ и отецъ его были казаки: одинъ дѣлалъ походы двѣнадцатаго года, былъ за границей, потомъ ходилъ въ среднюю Азію; отецъ, чиномъ урядникъ, былъ также большой служака, мало жилъ дома и въ концѣ двадцатыхъ годовъ пропалъ безъ вѣсти. Желѣзновъ-отецъ былъ человѣкъ неграмотный, но мать была грамотная, хотя и не совсѣмъ, и ея заботамъ будущій писатель былъ обязанъ тѣмъ, что получилъ кой-какое обученіе въ мѣстной элементарной школѣ, въ родѣ уѣзднаго училища. Человѣкъ талантливый, притомъ грамотный, Іоасафъ Желѣзновъ исполнялъ службу не только походную, но и канцелярскую, и обращалъ на себя вниманіе властей, что̀ потомъ и помогло отчасти его литературнымъ занятіямъ. Съ 1849 года онъ назначенъ былъ въ экстренный казачій полкъ, который двинутъ былъ (въ виду венгерской войны) съ Урала въ Малороссію, гдѣ онъ и прожилъ два года; затѣмъ его причислили въ казачій полкъ, стоявшій въ Москвѣ, гдѣ Желѣзновъ прожилъ вслѣдствіе того нѣсколько лѣтъ и гдѣ опредѣлилась его литературная дѣятельность. Въ Москвѣ онъ сошелся съ кружкомъ тогдашней молодой редакціи „Москвитянина“ и, по словамъ его біографа, воспринялъ идеи тогдашняго славянофильства, разумѣется, насколько онѣ были ему доступны. „Молодая редакція“, въ томъ числѣ А. Н. Островскій, повидимому, отнеслась сочувственно къ Желѣзнову, въ

которомъ видѣли большого знатока своего края и казацкаго быта, и, какъ послѣ оказалось, талантливаго разсказчика; въ „Москвитянинѣ“ и была напечатана его первая литературная работа. За первымъ трудомъ послѣдовали другіе, печатавшіеся въ другихъ журналахъ и, наконецъ, вышедшіе въ отдѣльной книгѣ. Пребываніемъ въ Москвѣ Желѣзновъ воспользовался для работъ въ московскихъ архивахъ, гдѣ онъ разыскивалъ матеріалы для исторіи уральскаго края; самъ Желѣзновъ не успѣлъ воспользоваться этимъ матеріаломъ, онъ остался въ рукописи и, какъ объясняетъ біографъ, этимъ матеріаломъ обильно воспользовался (не всегда на то указывая) новѣйшій историкъ уральскаго края, Витевскій. Живя въ литературномъ кружкѣ и увлекшись своими планами, Желѣзновъ не могъ не видѣть недостатковъ своего образованія, но дальнѣйшая школа была уже невозможна; онъ старался пополнять пробѣлы чтеніемъ. Въ концѣ 50-хъ годовъ его стали требовать на службу домой; приходилось покидать начатыя историческія работы, и потому съ большой неохотой онъ отправился на Уралъ, гдѣ его ожидала почетная выборная должность въ войсковомъ управленіи. Къ сожалѣнію, новая служба поставила его, въ концѣ концовъ, въ чрезвычайно трудное служебное и нравственное положеніе. Въ началѣ 60-хъ годовъ въ мѣстномъ главномъ управленіи поднятъ былъ вопросъ о нѣкоторыхъ перемѣнахъ въ хозяйственномъ быту уральскаго войска; эти перемѣны казались всему войску несправедливыми; Желѣзновъ, преданный интересамъ своихъ земляковъ и сотоварищей, очутился въ оппозиціи противъ главнаго мѣстнаго управленія, много и, конечно, безплодно хлопоталъ и волновался, подвергся разнымъ административнымъ непріятностямъ и, повидимому, въ ожиданіи еще бо́льшихъ, потерялъ самообладаніе и застрѣлился въ іюнѣ 1863 года. Ему было тогда 39 лѣтъ.

Сочиненія Желѣзнова посвящены исключительно уральскому краю и, почти исключительно, это—бытовые разсказы. Таковы: „Картины казацкой жизни“, „Сайгачники“, „Картины аханнаго рыболовства“, „Башкирцы“ (въ первомъ томѣ); большая повѣсть: „Василій Струняшевъ“, „Маринкинъ городокъ“ (во второмъ томѣ); затѣмъ „Преданія и пѣсни уральскихъ казаковъ“, „Предапія о Пугачевѣ“, „Сказанія уральскихъ казаковъ“ (въ третьемъ томѣ); далѣе нѣсколько статей историко-критическихъ и полемическихъ, въ томъ числѣ статья объ „Исторіи пугачевскаго бунта“ Пушкина; наконецъ, двѣ-три статьи публицистическаго характера, въ особенности статья „Мысли казака о казачествѣ“. Все это вмѣстѣ заключаетъ много любопытнаго матеріала объ уральскомъ краѣ, и вполнѣ заслуживало новаго изданія.

Чтобы понять свойства Желѣзнова какъ писателя, надо вспо-

мнить обстоятельства, среди которыхъ возникла его литературная дѣятельность. У него несомнѣнно было прирожденное дарованіе, но, какъ мы видѣли, онъ былъ совершенный самоучка, до очень поздняго времени не имѣвшій даже достаточно книжныхъ средствъ въ своемъ распоряженіи. Біографія его сохранила мало свѣденій о томъ, на чемъ воспитался его вкусъ, что̀ дало первую складку его писательству. Прежде всего, это былъ горячій мѣстный патріотъ; его рано стали занимать разсказы о казацкой старинѣ; жизнь въ казацкой средѣ и довольно сильно развитая наблюдательность дали ему большое знаніе мѣстнаго быта, а знакомство съ молодыми писателями въ кружкѣ „Москвитянина“, которые были своего рода народниками, утвердило его въ мысли ввести въ литературу свѣденія о своей мѣстной родинѣ, къ которой онъ былъ такъ привязанъ. Его разсказы были приняты съ большимъ любопытствомъ, потому что въ нихъ дѣйствительно было много новаго, а изученіе народности начинало становиться важнымъ литературнымъ интересомъ. Но недостатокъ школы помѣшалъ Желѣзнову разобраться какъ слѣдуетъ въ своемъ матеріалѣ. Въ немъ постоянно борются и сливаются два различные интереса и пріема: онъ хочетъ быть беллетристомъ, но среди разсказа его увлекаетъ желаніе подѣлиться тѣмъ этнографическимъ матеріаломъ, какимъ онъ владѣлъ въ изобиліи, и въ результатѣ получается смѣшеніе, очень вредившее художественной сторонѣ его трудовъ. Это смѣшеніе и неравномѣрность доходили до того, что, напримѣръ, въ разсказѣ: „Василій Струняшевъ“, Желѣзновъ ухитрился даже въ любовный разговоръ помѣстить этнографическій трактатъ въ нѣсколько страницъ, и наоборотъ, останавливаясь на преданіяхъ и сказаніяхъ уральскихъ казаковъ, Желѣзновъ не передаетъ ихъ въ прямой и простой формѣ народнаго повѣствованія, но опять вставляетъ ихъ въ беллетристическую рамку, какъ въ такой же рамкѣ сообщено имъ нѣсколько весьма, впрочемъ, любопытныхъ старыхъ уральскихъ пѣсенъ. Такимъ образомъ, получается въ сочиненіяхъ Желѣзнова беллетристическая этнографія, которой не всегда можетъ воспользоваться ученый спеціалистъ, какъ подлиннымъ фактомъ, и которая больше разсчитана на популярное ознакомленіе съ мѣстной родиной писателя, хотя, конечно разбросано здѣсь множество подробностей, которыми можетъ воспользоваться и наука.

Въ общемъ развитіи литературы о народѣ Желѣзновъ принадлежитъ къ особой группѣ писателей, подготовлявшихъ современный періодъ народнической беллетристики и этнографіи. Его пріемъ воспитанъ на томъ состояніи нашей этнографической литературы, въ какомъ была она въ сороковыхъ годахъ: авторитетами были Сахаровъ и Даль; собственно научной постановки предмета еще не было;

не совсѣмъ сознавали, чего надо искать и что̀ дѣлать съ отысканнымъ; довольно было пробуждать любовь къ изслѣдованію народности, и беллетристическая форма считалась весьма подходящей. Такъ построены были разсказы самого Даля—родъ небольшихъ новѣстей и анекдотовъ изъ народной среды, снабженныхъ болѣе или менѣе цѣнными этнографическими частностями. Такъ впослѣдствіи построилъ свои извѣстные разсказы „Въ лѣсахъ“ и „На горахъ“ Мельниковъ, писатель-этнографъ той же школы. У Желѣзнова прибавляется одно характерное обстоятельство: онъ самъ былъ вполнѣ человѣкъ изъ народа; его матеріалъ не былъ матеріалъ, собранный чужимъ человѣкомъ, любителемъ изъ иной общественной среды; напротивъ, изслѣдователемъ являлся человѣкъ, самъ выросшій на этой почвѣ, привязанный къ ней всѣми своими сочувствіями, старавшійся раскрыть ее передъ обществомъ, какъ свою мѣстную святыню и свое мѣстное право. Впослѣдствіи не разъ являлись другіе дѣятели въ области поэзіи и науки, такимъ же образомъ выходившіе прямо изъ народной среды и вносившіе въ литературу живое непосредственное чувство народной дѣйствительности, присутствіе котораго, безъ сомнѣнія, придавало новымъ изученіямъ особую нравственную силу. Таковы были, напримѣръ, Рѣшетниковъ и Левитовъ въ беллетристикѣ, или Щаповъ въ исторической наукѣ; есть и въ современной наукѣ дѣятели того же склада, вышедшіе изъ народа и не потерявшіе живого пониманія его быта. Понятно, что это условіе еще увеличиваетъ значеніе трудовъ Желѣзнова.

Изданіе исполнено очень хорошо. Въ первомъ томѣ, кромѣ портрета писателя, помѣщена довольно обстоятельная біографія, составленная г. Бородинымъ. Къ сожалѣнію, не во власти издателей было помѣстить нѣсколько доселѣ неизданныхъ рукописей Желѣзнова, которыя, по ихъ словамъ, могли бы еще рельефнѣе очертить складъ его мыслей, точно также какъ біографъ стѣсненъ былъ въ изложеніи нѣкоторыхъ подробностей изъ послѣднихъ лѣтъ жизни Желѣзнова. Новое изданіе приноситъ, однако, и нѣсколько новыхъ статей, которыя еще не были въ печати. Настоящее изданіе сочиненій Желѣзнова могло появиться въ свѣтъ благодаря тому, что исполненіе его нашло поддержку въ мѣстной уральской интеллигенціи, которой, конечно, дѣлаетъ честь эта память о заслуженномъ и несчастномъ уральскомъ патріотѣ.

— *Очеркъ домашней жизни и нравовъ великорусскаго народа* въ XVI и XVII столѣтіяхъ (изданіе третье) и Старинные Земскіе Соборы.—Историческія монографіи Николая *Костомарова* (томъ девятнадцатый). Спб. 1887.

Вышедшее теперь въ новомъ изданіи сочиненіе Костомарова о жизни и нравахъ великорусскаго народа въ XVI и XVII столѣтіяхъ, давно не существуетъ въ продажѣ. Настоящее изданіе не вполнѣ точно названо третьимъ: книжка, вышедшая въ 1860 году и которая считается, вѣроятно, вторымъ изданіемъ, была только отдѣльнымъ оттискомъ статей, печатавшихся тогда въ „Современникѣ“. Самъ авторъ при жизни не повторилъ этой книжки, находя, что она требовала бы значительныхъ дополненій изъ литературы, накоплявшейся съ 1860 года. Его соображеніе было вполнѣ естественно; къ сожалѣнію, Костомаровъ не успѣлъ сдѣлать этой работы, и книга явилась въ томъ же видѣ, какъ вышла въ первый разъ изъ рукъ автора. Тѣмъ не менѣе, переизданіе ея, хотя бы безъ дополненій, было очень желательно. Въ самомъ дѣлѣ прошло почти тридцать лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ она была написана (Костомаровъ работалъ надъ нею еще въ досуги своей саратовской ссылки), и однако въ нашей исторической литературѣ, при всемъ сильномъ развитіи ея съ пятидесятыхъ годовъ, не явилось другого труда, который могъ бы сколько-нибудь замѣнить изслѣдованіе Костомарова. Наши историческія работы слишкомъ уходятъ въ детали; рѣдко дѣлаются попытки обобщенія, и настоящая книга Костомарова является наглядным примѣромъ того, какъ мало привлекаютъ нашихъ историковъ даже такія любопытныя темы, какъ предметъ этой книги. Въ послѣднее время книга была извѣстна только спеціалистамъ; для большинства она будетъ новостью, по невозможности добыть прежнее изданіе, и новостью очень интересной. Сочиненіе Костомарова представляетъ довольно полный обзоръ домашняго быта временъ московскаго царства. Начавъ съ указанія жилыхъ мѣстностей, онъ характеризуетъ старинные города, въ частности Москву, посады, слободы, села и деревни; затѣмъ описываетъ дворы и дома, домашнюю мебель и утварь, одежду, пищу и питье, образъ домашней жизни; говоритъ о здоровьѣ и болѣзняхъ, семейныхъ нравахъ, порядкѣ домоправленія; затѣмъ описываетъ выѣздъ изъ дома и путешествіе, обычаи общественные, пріемъ гостей, обращеніе, пиршества, пьянство, увеселенія, игры и забавы, праздники; наконецъ, обряды домашніе, родины и крестины, бракъ, новоселье, смерть и погребеніе, и вѣрованія. Эта программа по своему времени была имъ выполнена весьма обстоятельно; свой матеріалъ Костомаровъ бралъ изъ лѣтописей и всякаго рода актовъ XVI и XVII вѣка, въ которыхъ онъ былъ вообще весьма начитанъ, и въ большой

мѣрѣ также изъ сочиненій старинныхъ иноземныхъ путешественниковъ въ Россію. Работа была мелкая и мозаичная, но живой талантъ Костомарова, искусство комбинаціи и живой разсказъ помогли ему собрать эти разбросанныя и безсвязныя черты въ цѣльную бытовую картину. При настоящемъ положеніи литературы эта картина стараго быта могла бы быть значительно расширена въ подробностяхъ, но существенное собрано, и новое изданіе имѣетъ передъ старымъ еще то великое преимущество, что здѣсь книга снабжена весьма подробнымъ указателемъ, съ помощію котораго читатель легко можетъ дѣлать справки обо всѣхъ бытовыхъ предметахъ и обычаяхъ, упомянутыхъ въ описаніи. Этотъ указатель занимаетъ восемнадцать страницъ мелкаго шрифта въ два столбца. Въ первоначальномъ планѣ Костомарова было дать цѣлый рядъ очерковъ старой жизни, а именно, кромѣ домашняго быта, онъ думалъ дать описаніе церковнаго устройства, администраціи, судопроизводства, военнаго быта; но планъ остался неисполненнымъ; написанъ былъ еще только „Очеркъ торговли московскаго государства“ за тѣ же вѣка, изданный въ 1862 году.

Въ томъ же томѣ „Монографій“ перепечатанъ рядъ статей Костомарова о земскихъ соборахъ, напечатанный имъ въ 1880 году въ одной газетѣ и съ тѣхъ поръ не повторенный. Вопросъ о земскихъ соборахъ въ послѣднее время опять привлекъ вниманіе нашихъ историковъ, и новое изданіе труда Костомарова является очень кстати.

— *Сборникъ матеріаловъ по этнографіи*, издаваемый при Дашковскомъ Этнографическомъ Музеѣ. Выпускъ II. Подъ редакціей В. Ѳ. *Миллера*. Москва, 1887.

— *Систематическое описаніе коллекцій* Дашковскаго Этнографическаго Музея, составленное хранителемъ музея, профессоромъ В. Ѳ. *Миллеромъ*. Москва, 1887.

Въ литературномъ обозрѣніи „В. Е.“ было упомянуто о первомъ выпускѣ „Сборника“, вышедшемъ въ 1885 году. „Сборникъ“ посвященъ собиранію и обнародованію свѣденій преимущественно о русскихъ инородцахъ и сосѣднихъ съ Россіей славянскихъ народностяхъ, и въ первомъ выпускѣ редакція могла воспользоваться даже трудами лицъ, принадлежащихъ къ самимъ описываемымъ народностямъ, что должно было давать бо́льшее ручательство въ точности свѣденій. Вышедшій теперь второй выпускъ (почти до 300 страницъ) весь посвященъ одному труду, именно большому собранію латышскихъ сказокъ, которыя собраны были г. Трейландомъ и сообщены здѣсь въ русскомъ переводѣ. Здѣсь опять самъ этнографъ принадлежитъ къ изслѣдуемому племени. Литовская и латышская народная поэзія въ послѣдніе годы вызвала нѣсколько замѣчательныхъ трудовъ, между прочимъ и въ русской литературѣ. Благодаря работамъ Спрогиса, того же

Трейланда и другихъ, собрано много свѣденій о латышскихъ пѣсняхъ, пословицахъ, загадкахъ, заговорахъ, но латышскія *сказки* являются въ настоящемъ сборникѣ въ первый разъ. Г. Трейландъ давно уже пріобрѣлъ себѣ почетную извѣстность этнографическими трудами, посвященными изученію латышской народности. Работая для своихъ соотечественниковъ распространеніемъ между ними свѣденій о Россіи, русской исторіи и литературѣ, онъ въ то же время даетъ нашей наукѣ важные матеріалы по изученію латышской старины и народности: въ 1872 году имъ изданъ былъ обширный русско-латышско-нѣмецкій словарь; въ 1873, были имъ изданы народныя пѣсни латышей; въ 1881, латышскія пословицы и поговорки, загадки и заклинанія, напечатанныя въ „Трудахъ“ московскаго Общества естествознанія, антропологіи и этнографіи. Онъ принялъ также участіе въ первомъ выпускѣ настоящаго „Сборника“.

Литовскія изученія, къ сожалѣнію, до сихъ поръ очень скудны въ нашей литературѣ, хотя бы и близкое племенное родство, и давнія историческія связи, и современный бытъ должны были привлечь вниманіе ученыхъ къ этому предмету; поэтому труды г. Трейланда являются особенно желаннымъ вкладомъ въ нашу этнографическую литературу.

Другая книга, составленная г. Миллеромъ: „Систематическое описаніе коллекцій Дашковскаго этнографическаго Музея“, является у насъ первымъ трудомъ подобнаго рода. Посѣтителямъ извѣстнаго московскаго Музея, называемаго Публичнымъ и Румянцевскимъ и составляющаго соединеніе обширной библіотеки и музея, извѣстенъ единственный въ своемъ родѣ у насъ этнографическій его отдѣлъ, носящій имя г. Дашкова, которому онъ обязанъ своимъ образованіемъ. Этотъ особый музей, какъ извѣстно, состоитъ главнымъ образомъ въ обширномъ собраніи манекеновъ, представляющихъ разнообразныя народности Россіи и славянскихъ племенъ, въ ихъ обычныхъ или праздничныхъ одеждахъ, съ болѣе или менѣе характерной передачей физическаго типа, съ различными предметами быта и промысла. Эта коллекція и послужила предметомъ описанія, составленнаго г. Миллеромъ. Описаніе должно служить пособіемъ къ изученію внѣшняго быта изображаемыхъ народностей для лицъ, интересующихся этнографіей. „Согласно съ этой цѣлью,—говоритъ г. Миллеръ,—планъ „Описанія“ значительно шире плана такъ-называемыхъ Catalogues raisonnés и скорѣе приближается къ описанію этнографическо-антропологическаго отдѣленія Музея Годефруа (Godefroy) въ Гамбургѣ, составленному гг. Шмельцемъ и Краузе въ 1881 году. При каждой народности, представленной манекенами въ Дашковскомъ этнографическомъ Музеѣ, приводится сначала списокъ книгъ

и статей, въ которыхъ можно найти по ней болѣе или менѣе обстоятельныя свѣденія. Далеко не достигая абсолютной полноты, библіографическій отдѣлъ „Описанія“ содержитъ, однако, перечисленіе статей болѣе полное по инородцамъ Россіи, чѣмъ появлявшіяся до сихъ поръ, и въ этомъ отношеніи несомнѣнно можетъ быть полезенъ любителямъ и изслѣдователямъ этнографіи. За „библіографіей“ слѣдуютъ нѣкоторыя необходимыя географическія и статистическія свѣденія о каждой народности, а затѣмъ уже описаніе манекеновъ и бытовыхъ предметовъ, находящихся въ Музеѣ“.

Описаніе, впрочемъ, не ограничилось только тѣми одеждами, какія надѣты на манекенахъ, но присоединило и другіе костюмы, не имѣющіеся въ Музеѣ, но употребительные въ той народности. Короче описаны предметы бытовые—вооруженіе, земледѣльческія орудія, домашняя утварь; иногда они только перечислены, когда назначеніе ихъ понятно само собою.

Все изданіе разсчитано по четыре выпуска. Въ первый вошли народы, названные арктическими (чукчи), затѣмъ урало-алтайскіе (самоѣды, финны и турко-татары съ ихъ многочисленными разновидностями, потомъ монголы и тунгусы), семитскіе (евреи и караимы). Во второмъ выпускѣ предполагается помѣстить народности Кавказа и инородцевъ индо-европейскаго племени; третій выпускъ будетъ посвященъ славянскому населенію Россіи, а четвертый—славянскимъ народамъ, живущимъ въ Австріи и на Балканскомъ полуостровѣ. Такимъ образомъ, въ этомъ описаніи Дашковскаго Музея, кромѣ руководства къ обозрѣнію самихъ его коллекцій, предполагается дать цѣлый этнографическій очеркъ населенія Россіи и славянскихъ племенъ, съ указаніемъ литературы предмета; это будетъ трудъ, безъ сомнѣнія, очень полезный для распространенія свѣденій племенномъ составѣ Россіи и славянства, хотя можно и пожалѣть, что исполненіе этой задачи ограничено предѣлами существующихъ коллекцій. При всемъ своемъ богатствѣ московскій этнографическій Музей, конечно, далеко не полонъ и если разъ предпринимается этнографическая классификація и описаніе племенъ, жаль было бы стѣснять его содержаніемъ музея (которому, вѣроятно, предстоитъ, однако, расшириться). Въ данномъ случаѣ характеръ изданія оправдывается цѣлями самого музея и видами его администраціи, и „систематическое описаніе“, исполненное такимъ компетентнымъ ученымъ, какъ г. Миллеръ, несмотря на его спеціальныя цѣли, послужитъ хорошимъ началомъ для цѣльнаго и полнаго описанія народовъ, населяющихъ Россію.

— *Сарапулъ*. Историческій очеркъ. Составилъ свящ. Николай *Блиновъ*, дѣйств. членъ Импер. Р. Геогр. Общества и пр. Сарапулъ, 1887.

Имя автора этой книжки давно извѣстно въ литературѣ: ему принадлежитъ нѣсколько прекрасныхъ сочиненій народно-педагогическаго характера, которыя отличались и свѣжестью взгляда, и знаніемъ народнаго быта, и умѣньемъ владѣть простымъ, общедоступнымъ языкомъ. Таковы, напримѣръ, его книжки—„Сельская общественная служба", „Земская служба", книга для чтенія въ народныхъ школахъ. „Жизнь Робинзона" въ оригинальной передѣлкѣ, далѣе „Страданія Великаго Учителя", и др.; въ послѣднее время обратилъ вниманіе его драматическій эскизъ: „Свѣтъ и во тьмѣ свѣтитъ", написанный въ противовѣсъ извѣстной драмѣ гр. Толстого „Власть тьмы". Вмѣстѣ съ тѣмъ г. Блиновъ, вятскій уроженецъ, работалъ и по мѣстнымъ вопросамъ своего края: имъ составлена любопытная книжка о „Народномъ образованіи въ вятской губерніи за десять лѣтъ"; теперь мы имѣемъ передъ собой изслѣдованіе объ исторіи одного изъ старѣйшихъ городовъ вятскаго края. Г. Блиновъ собралъ историческія свѣденія о городѣ Сарапулѣ съ эпохи перваго утвержденія русскихъ въ этой странѣ и до послѣдняго времени, и свѣденія о современномъ состояніи мѣстной жизни въ отношеніяхъ административномъ, экономическомъ, образовательномъ и пр. Исторія края подъ русской властью начинается со второй половины XVI-го столѣтія, хотя, повидимому, русская колонизація еще до взятія Казани направлялась въ область Камы и утверждалась въ ней, такъ что занятіе Казани быстро преобразовало татарское царство въ русскую провинцію. Здѣсь, какъ и на всемъ среднемъ Поволжьѣ, русское населеніе захватывало прежнія татарскія мѣстности, и слѣдъ этого остался въ массѣ топографическихъ татарскихъ названій, какъ, напримѣръ, и названіе самого Сарапула. Какъ именно произошла замѣна татарскаго населенія русскимъ въ этихъ пунктахъ, остается несовсѣмъ ясно, но уже въ концѣ XVI-го вѣка русское населеніе оказывается господствующимъ. Г. Блиновъ упоминаетъ, что между прочимъ въ XVIII столѣтіи явился здѣсь новый азіатскій элементъ. „Само правительство присылало въ сарапульскій уѣздъ поселенцевъ и довольно своеобразныхъ—азіатцевъ: персіянъ, хивинцевъ, авганцевъ, бухарцевъ и бѣлыхъ араповъ (?). Въ настоящее время, среди массы мѣстнаго населенія, съ преобладающимъ болѣе русымъ цвѣтомъ волосъ, встрѣчаются мѣщане и крестьяне съ черными, какъ смоль, волосами и бородой, съ особеннымъ складомъ смуглаго лица: они носятъ фамилію Азіатцевыхъ". Эти Азіатцевы произошли слѣ-

дующимъ образомъ. Съ послѣдовательнымъ расширеніемъ русскихъ владѣній на востокъ и все развивавшейся колонизаціи, русскіе вступали въ болѣе частыя сношенія съ пограничными кочующими народами, у которыхъ находились въ рабствѣ плѣнники, захваченные туркменами въ Авганистанѣ и Персіи и перепроданные киргизъ-кайсакамъ и др. Пользуясь благопріятными случаями, эти плѣнники-рабы выбѣгали на сибирскія линіи и отдавались во власть русскихъ. Ихъ обращали въ христіанство и крестили. Часть изъ нихъ брали въ услуженіе частные люди; оставшихся за раздачею доставляли въ московскую губернскую канцелярію. Въ началѣ же царствованія Екатерины II послѣдовало повелѣніе сената „разныхъ азіатскихъ націй людей“ отсылать въ дворцовую канцелярію, гдѣ ихъ опрашивали, кто изъ нихъ въ какія дворцовыя волости пожелаетъ поселиться,—туда ихъ и отправляли на поселеніе; тамъ, „пока они не навыкнутъ русскимъ обрядамъ и знанію языка“, велѣно было ихъ „содержать на казенномъ коштѣ и приводить въ обычай, чтобы могли противъ прочихъ обзаводиться“. Устроивая ихъ поселенія, правительство очень заботилось о томъ, чтобы они не терпѣли никакой нужды, и такъ какъ сами азіатцы, не зная Россіи, не могли указать мѣста для своего поселенія, то рѣшено было отправлять ихъ въ тѣ дворцовыя волости, „гдѣ тамошніе крестьяне могли бы знать ихъ языкъ“ (?) и было бы довольно земли; поэтому они и были направлены особливо въ казанскую и оренбургскую губерніи. Такихъ азіатцевъ поселено было тогда въ сарапульскомъ уѣздѣ до нѣсколькихъ сотъ человѣкъ, и хотя приняты были заботы о томъ, чтобы обратить ихъ въ христіанскую вѣру, но, несмотря на то—„въ проѣздъ чрезъ Сарапулъ въ 1778 г. директора экономіи Депрейса, азіатцы подавали прошеніе о просвѣщеніи ихъ св. крещеніемъ. Хотя нѣкоторые изъ нихъ и крещены-де были прежде поселенія въ Сарапулѣ, но, находясь между своими братьями некрещенными, забыли христіанскую вѣру, ѣли мертвечину и разныя непозволительныя яства; посему консисторія предписала дать однимъ очистительную молитву, а другихъ, по наученіи ихъ молитвамъ, окрестить“.

Въ книжкѣ г. Блинова находятся, между прочимъ, любопытныя извѣстія объ одномъ историческомъ лицѣ, которое до сихъ поръ было окружено легендой и о которомъ г. Блиновъ сообщаетъ несомнѣнныя фактическія данныя. Это лицо — знаменитая „дѣвица-кавалеристъ“, Дурова или Александровъ-Дурова. Эта Дурова, или, точнѣе, по мужу Чернова, именно изъ Сарапула отправилась въ военную службу и вообще здѣсь провела большую долю своей жизни. Въ запискахъ самой Дуровой, дѣвицы-кавалериста, сообщены были объ ея біографіи свѣденія, которыя въ свое время приняты были за подлинную правду

и потомъ повторялись, какъ дѣйствительная біографія этой во всякомъ случаѣ замѣчательной женщины; оказывается, однако, что эти свѣденія были не совсѣмъ точны и нѣсколько прикрашены. Новыя данныя, сообщаемыя теперь г. Блиновымъ, заимствованы изъ источника несомнѣннаго, а именно изъ метрическихъ книгъ сарапульскаго Вознесенскаго собора. Отецъ ея, секундъ-маіоръ Андрей Васильевъ Дуровъ, пріѣхалъ въ Сарапулъ на должность городничаго въ 1789 году. Надежда Андреевна Дурова въ запискахъ своихъ замѣчаетъ, что отецъ ея оставилъ гусарскую службу, когда ей было $4^1/_2$ года. Такимъ образомъ, ея рожденіе приходится въ 1784 году или еще раньше. Въ тѣхъ же метрическихъ книгахъ записано о бракѣ Надежды Андреевны съ дворянскимъ засѣдателемъ нижняго земскаго суда, Черновымъ, въ октябрѣ 1801 года (ей записано тогда 18 лѣтъ, такъ что годъ рожденія ея былъ, вѣроятно, 1783), затѣмъ о рожденіи у нихъ сына въ январѣ 1803 года. Впослѣдствіи, Чернова разошлась съ мужемъ, который вмѣстѣ съ сыномъ жилъ въ другомъ городѣ; она осталась въ Сарапулѣ у отца, близко познакомилась съ казачьимъ полковникомъ, и когда послѣдній вышелъ съ отрядомъ къ своему полку, гдѣ у него была жена, то Чернова скрылась изъ Сарапула и, переодѣвшись въ солдатское платье, поступила къ нему деньщикомъ. Это было въ 1806 году, такъ что ей было тогда 23 года, а не 16, какъ разсказывается въ ея запискахъ, и она была тогда уже не дѣвица, а замужняя женщина. Въ „Русскомъ Архивѣ“ (1872) напечатанъ былъ всеподданнѣйшій докладъ, гдѣ приведена просьба отца ея (въ сентябрѣ 1807 г.) объ отысканіи дочери его Надежды, по имени Черновой, которая, по семейнымъ несогласіямъ, должна была скрыться изъ дому и отъ родныхъ и отъ которой было потомъ письмо изъ Гродна, что она служитъ юнкеромъ въ конномъ полку и участвовала во многихъ сраженіяхъ. Въ то время, однако, Чернова не была возвращена отцу, потому что полкъ выступилъ тогда же за границу. Впослѣдствіи она, уже въ чинѣ поручика, участвовала въ войнѣ 1812 года, была контужена подъ Бородинымъ и для леченія возвратилась къ отцу, но, поправившись, опять вернулась въ литовскій уланскій полкъ, съ которымъ въ 1814 году была въ заграничномъ походѣ; по окончаніи войны, вышла въ 1816 году въ отставку и жила съ тѣхъ поръ въ Сарапулѣ. Въ половинѣ 30-хъ годовъ она провела нѣсколько времени въ Петербургѣ, когда были изданы ею извѣстныя записки, встрѣтила здѣсь самый радушный пріемъ и была героиней дня; затѣмъ она снова возвратилась на родину, гдѣ и умерла въ мартѣ 1866 года, 83 лѣтъ. Прибавимъ къ свѣденіямъ г. Блинова, что со времени основанія общества Литера-

турнаго Фонда она, въ дополненіе къ своей скромной пенсіи, получала также пенсію отъ этого учрежденія.

Въ литературномъ исполненіи книжки г. Блинова можно бы пожелать больше точности. Авторъ напрасно оставляетъ нѣкоторыя свои показанія безъ цитатъ: гдѣ, напр., найдетъ читатель тѣ „переписныя книги“ XVI-го вѣка или „челобитныя“ XVII-го столѣтія, на которыя авторъ ссылается? Имя стараго историка вятскаго края пишется на три различные манера: Вештомовъ, Вечтомовъ, Вѣчтомовъ; не трудно было бы сохранить одно правильное написаніе этого имени, и т. п.—А. П.

— *Основныя начала психологіи* и ея примѣненіе къ воспитанію, Дж. Сёлли. Перев. съ англ. М. Ш. Спб. 1888. Стр. 358. Ц. 1 р. 75 к.

Послѣдній трудъ весьма извѣстнаго въ западныхъ литературахъ философа можетъ быть отнесенъ къ числу самыхъ популярныхъ и общедоступныхъ трактатовъ, не утратившихъ, однако, чрезъ то строго-научнаго характера—о психологіи въ примѣненіи ея началъ къ душевному воспитанію ребенка; а въ оригиналѣ этотъ трудъ и озаглавленъ прямо какъ „Руководство къ психологіи для воспитателей и учителей“. Но эту книгу можетъ прочесть съ любопытствомъ и пользою каждый, такъ какъ культивированіе дальнѣйшаго душевнаго развитія, силы сужденія и чувствованія, направленія воли и характера, должно далеко продолжаться и за предѣлами школы—въ такъ-называемой „школѣ жизни“. Нѣтъ надобности прибавлять, что англійскій психологъ, живущій во всемірной столицѣ капитала и поклоненія „золотому тельцу“, не строитъ ничего на этомъ „тельцѣ“, а напротивъ, при анализѣ „чувствованія уваженія“, и высшей его степени—„восхищенія“, говоритъ: „истинное уваженіе является послѣдствіемъ пониманія и оцѣнки хорошихъ и цѣнныхъ качествъ въ другихъ, каковы: умъ, благоразуміе, доброта“; у юношей къ этому присоединяется „сильное впечатлѣніе знанія и искусства ихъ родителей и наставниковъ, превышающія ихъ собственныя; но одно признаніе превосходства можетъ вызвать только холодное чувство благоговѣнія, а не горячую эмоцію уваженія“. Если же юноша и имѣетъ поводъ любить наставника за доброту и снисхожденіе къ естественнымъ и присущимъ юношескому возрасту слабостямъ, то уваженіе доходитъ „до безкорыстнаго элемента восхищенія высшимъ превосходствомъ“.— Вотъ это вполнѣ вѣрно—а капиталъ тутъ долженъ быть ни-причемъ.—Р.

Въ теченіе января мѣсяца были доставлены авторами въ редакцію слѣдующія новыя изданія книгъ и брошюръ:

— Повѣсти, сказки и разсказы Кота-Мурлыки. Т. II. Спб. 1888. Стр. 344.

— Русская исторія въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей, Н. Костомарова. Т. I. Изд. 3-е. Спб. 1888. Стр. 727.

— Первые дни христіанства. Соч. Фаррара, перев. А. Лопухина. Спб. 1888. Стр. 993.

— Семейная жизнь въ ея радостяхъ и печаляхъ. Правила житейской мудрости для мужей и женъ. Спб. 1888. Стр. 321.

— Къ рѣшенію женскаго вопроса. Спб. 1888. Стр. 315.

— Иллюстрированная географическая библіотека. Вып. 1-й. Путешествіе вокругъ свѣта, составила Ѳ. И. Шмидтъ, авторъ разсказовъ, премированныхъ Фрёбелевскимъ обществомъ. Спб. Стр. 138.

— Родные поэты. В. Острогорскій. М. Стр. 355.

— Русская исторія въ русской поэзіи. Сборникъ стихотвореній, составилъ П. Вейнбергъ. Спб. 1888. Стр. 274.

— Патріархъ Никонъ и его противники въ дѣлѣ исправленія церковныхъ обрядовъ. Вып. I. Время патріаршества Іосифа. М. 1887. Стр. 175.

— Основные вопросы философіи исторіи, Н. Карѣева. Часть I: Сущность и задачи философіи исторіи. 2-е изд. Спб. 1887. Стр. 346.

— Тоже. Часть II: Научныя основы теоріи прогресса. 2-е изд. Спб. 1887. Стр. 311.

— Основные факты химіи, для врачей и студентовъ, равно какъ пособіе при изученіи химіи. Сост. Гарнакъ, проф. мед. въ Галле, перев. С. Ламанскій. Спб. 1887. Стр.

— Беллетристы-народники: Ѳ. Рѣшетниковъ, А. Левитовъ, Гл. Успенскій, Н. Златовратскій и пр. Критическіе очерки А. Скабичевскаго. Спб. 1888. Стр. 315.

— Учебникъ педагогики. Основанія психологіи и логики, въ связи съ педагогическими примѣненіями. Для средне-учебныхъ заведеній. Состав. Т. Докучаевъ. М. 1887. Стр. 388.

— Лягушки, комедія Аристофана. Съ греческ. перев. К. Нейлисовъ. Спб. 1887. Стр. 129.

— Исторія древняго міра. Курсъ средн. учебн. завед. Сост. Н. Тумновъ. Спб. 1888. Стр. 310.

— Книга любви. Сборникъ стихотвореній. Вопросъ любви въ русской поэзіи, оригинальной и переводной. Спб. 1888. Стр. 128.

— Русскіе поэты, въ біографіяхъ и образцахъ. Изд. 3-е, подъ ред. П. Полевого. Спб. 1888. Стр. 581.

— Основныя начала психологіи и ея примѣненіе къ воспитанію, Джемса Сёлли. Перев. съ англ. М. Ш. Спб. 1888. Стр. 358.

— Чему и какъ учить на урокахъ родного языка въ начальной школѣ? Методика обученія грамотѣ, объяснительному чтенію, толковому изложенію мыслей, грамматикѣ, правописанію и церковно-славянскому чтенію. Руководство для учителей подготовительной и народной школы. Сост. Д. Тихомировъ. М. 1888. Стр. 319.

— Juvenalis Saturae, etc. Сатиры Ювенала, введеніе, текстъ, варіанты комментаріи и указатель. Объяснилъ и издалъ Д. И. Нагуевскій. Т. I: Изслѣдованіе о Ювеналѣ и его произведеніяхъ, и Сатиры I — III. Казань. 1888.

— Перлъ Кавказа. Боржомъ и его окрестности. Г'р. Джаншіева. 2-е изд. М. 1887. Стр. 70.

— Суета суетъ. Историч. повѣсть для юношества изъ жизни прошлаго столѣтія. Соч. С. Макаровой, съ рисунками Н. Каразина и съ портретами по современнымъ гравюрамъ. Спб. 1887. Стр. 168.

— Въ часы досуга. Очерки и разсказы для дѣтей. А. П. Смирнова. Съ рисунками М. Михайлова. Спб. 1887. Стр. 286.

— Славянскія повѣсти для юношества. Болгарія, Сербія, Черногорія. М. Лялиной, съ рисунками Каразина и Михайлова. Спб. 1887. Стр. 220.

— Ласточкино гнѣздо и другіе разсказы для дѣтей, О. И. Роговой. Спб. 1887. Стр. 234.

— Сборникъ стихотвореній для дѣтей (напечатано церковно-славянскимъ шрифтомъ). Изд. и рис. Кн. А. Св. Ч. Москва. 1887. Стр. 99.

— Москва и Лондонъ. С. Б. Иппо. М. 1888. Стр. 498.

— Жена. Романъ А. Вольскаго. Спб. 1888. Стр. 450.

— Очерки изъ исторіи Тамбовскаго края. Вып. 4. Изслѣд. И. И. Дубасова. Тамбовъ. 1887. Стр. 187.

— Русскіе врачи-писатели. Тетр. 3-я. Л. Ѳ. Змѣевъ. Спб. 1887. Стр. 77.

— Оцѣнка имѣній. Краткое руководство. Состав. директ. Харьк. Землед. Училища А. А. Колесовъ. Харьковъ. 1888. Стр. 56.

— Одна изъ задачъ русской интеллигенціи. Анд. Анд. Пыпина. Псковъ. 1887. Стр. 41.

— Народное образованіе въ Острогожскомъ уѣздѣ, съ планами школъ и картою грамотности. Воронежъ. 1887. Стр. 150 и прилож.

— Пятидесятилѣтіе Москов. Благотвор. Общества 1837 г. Историческая Записка. М. 1887. Стр. 65.

— Антикварная книжная торговля, П. Шибанова. Каталогъ русскихъ и славянскихъ книгъ, напечатанныхъ внѣ Москвы и Петербурга, съ основанія типографій и до новѣйшаго времени. № 1. М. 1887. Стр. 127.

— Народная безплатная библіотека въ г. Томскѣ. Томскъ. 1887. Стр. 14.

— Статистическій Ежегодникъ С.-Петербурга. 1886. Годъ шестой. Спб. 1887. Стр. 262.

— Подробный атласъ Россійской Имперіи, съ планами главнѣйшихъ городовъ, А. Ильина. Вып. 5 и 6-й. Спб.

— Календарь для врачей всѣхъ вѣдомствъ. Подъ ред. проф. Анрепа и д-ра Воронихина. Изд. Риккера. Спб. 1888. Стр. 268.

— Свѣденія о привозѣ изъ-за границы иностранныхъ товаровъ, за 1869—1886 гг. Спб. 1887. Стр. 527.

— Систематическое описаніе коллекцій Дашковскаго Этнографическаго Музея. Состав. В. Ѳ. Миллеромъ. Вып. 1-й. М. 1887. Стр. 161.

— Нижегородское начало. Опытъ математической теоріи, для опредѣленія взаимодѣйствія въ финансовомъ отношеніи двухъ странъ, имѣющихъ металлическое кредитное обращеніе. Вып. 1-й. Инженера С. М. Житкова. Спб. 1888. Стр. 43.

— Библіотекарь. Спутникъ по библіографіи и библіотековѣденію. Вып. 1-й. Состав. В. Фрейманъ. М. 1888. Стр. 44.

— Самарецъ. Календарь для города Самары и Самарской губ. на 1888 г. Изд. Щепянскаго. Самара. 1888.

— Матеріалы по статистикѣ народнаго хозяйства въ Спб. губ. Вып. V:

Крестьянское хозяйство въ Спб. уѣздѣ. Ч. II: Очеркъ крестьянскаго хозяйства. Спб. 1887.

— 1836 — 1886 г. Стихотвореніе Н. И. Познякова, читанное авторомъ на актѣ 50-лѣтняго юбилея Ларинской гимназіи. Спб. 1887. Стр. 8.

— Нѣдра Томбердокуки. Стихотворенія. Кіевъ. 1887. Стр. 51.

— Histoire d'une grande dame au XVIII siècle; La princesse Hélène du Ligne, par. Luc. Perey. Par. 1887. Стр. 488.

— Najnowszy zwrót w historyographji polskiey (1861—1866), przez M. I. Kariejewa. Pet. 1888. Стр. 108.

— Zu den Landtagswahlen in Kroatien. Agram. 1888. Стр. 64.

— Kurze Sibirische Chronik (die kungurische), v. Fr. Böncken. St. Pet.

„ХОДЪ НАЗАДЪ!"

ВЪ НАУКѢ УГОЛОВНАГО ПРАВА.

— Наказаніе въ русскомъ правѣ XVII вѣка. Изслѣдованіе Н. Д. Сергѣевскаго.

Въ 1764 году появилась въ Миланѣ небольшая книжка подъ названіемъ: „Dei Delitti e delle Pene". Авторомъ ея былъ совершенно неизвѣстное тогда современникамъ лицо, маркизъ Цезарь Беккаріа Бонесана. Не прошло и двухъ-трехъ мѣсяцевъ, какъ и книга, и имя ея автора, были уже извѣстны всей Европѣ. По словамъ одного изъ самыхъ наблюдательныхъ и умныхъ лѣтописцевъ XVIII вѣка — Гримма, котораго Байронъ не въ шутку называлъ „великимъ человѣкомъ въ своемъ родѣ", — книга „О преступленіяхъ и наказаніяхъ" произвела потрясающее впечатлѣніе на тѣхъ, кто былъ только способенъ живо чувствовать, мыслить, — въ комъ жила отзывчивость ко всѣмъ общественнымъ вопросамъ. А кто же не былъ отзывчивъ, кто не чувствовалъ живо, кто не мыслилъ, или, по крайней мѣрѣ, не притворялся мыслящимъ въ тотъ удивительный вѣкъ, когда умъ и талантъ заставляли склоняться передъ собою даже коронованныхъ особъ? Лишь только появилась книга Беккаріи, какъ Вольтеръ, Дидро, д'Аламберъ, Гельвеціусъ, Бюффонъ, Гольбахъ, спѣшили чествовать новую славу въ лицѣ миланскаго философа; изъ Петербурга летѣло къ нему привѣтствіе Екатерины II съ приглашеніемъ переселиться въ Петербургъ и своимъ геніемъ содѣйствовать осуществленію громко провозглашаемой тогда великой задачи — вывести

Россію изъ мрака невѣжества и широкимъ потокомъ разлить въ ней просвѣщеніе.

Гдѣ же хранилась причина необыкновеннаго успѣха книги, слава которой облетѣла въ нѣсколько недѣль всю Европу, отъ Средиземнаго моря до береговъ Невы? Независимо отъ глубины мысли и генія автора, она крылась въ ясно сознаваемой, но недостаточно обнаженной еще въ то время ненормальности уголовнаго правосудія. Уголовные законы, отправленіе уголовнаго правосудія, были еще въ XVIII вѣкѣ однимъ изъ самыхъ больныхъ мѣстъ общественнаго организма во всей Европѣ, за исключеніемъ одной лишь Англіи, гдѣ безпощадная строгость законовъ смягчалась лишь тѣми гарантіями, которыя представляетъ судъ присяжныхъ.

Беккаріа обнажилъ это больное мѣсто. Съ спокойствіемъ мыслителя, согрѣтаго любовью къ человѣчеству, онъ нарисовалъ правдивую картину отправленія уголовнаго правосудія того времени и, чуждый юридической казуистики, смѣло указалъ тѣ основные принципы, которыми должно руководиться уголовное правосудіе, не только въ интересахъ отвлеченной справедливости и гуманности, но одинаково и въ интересахъ частныхъ лицъ и государства. Онъ доказалъ необходимость уничтожить безчеловѣчныя наказанія, это наслѣдіе эпохи варварства; онъ требовалъ реформы уголовнаго процесса и искорененія вопіющихъ злоупотребленій, выражавшихся въ безчисленныхъ примѣрахъ „холодной жестокости“, на которую смотрѣли тогда какъ на законное право.

Оцѣнивъ по достоинству то вліяніе, которое завоевали себѣ въ XVIII вѣкѣ философы, Беккаріа указываетъ на „жалобные стоны слабыхъ, принесенныхъ въ жертву грубому невѣжеству, на невѣроятныя муки, которыя варварство расточаетъ за недоказанныя или даже мнимыя преступленія, на гнусное зрѣлище тюремъ и заточеній, ужасъ которыхъ усиливается самою тяжелою для несчастныхъ заключенныхъ пыткою — неизвѣстностью“, и задается вопросомъ: неужели всѣ эти злоупотребленія не пробудятъ вниманія философовъ, служеніе которыхъ и состоитъ именно въ томъ, что они должны направлять общественное мнѣніе?

Дѣйствительно, уголовные законы еще въ XVIII вѣкѣ отличались неслыханною жестокостью; большая часть преступленій влекла за собою смертную казнь, и не простую, а утонченную всегда изобрѣтательною жестокостью, въ видѣ колесованія, сожженія, четвертованія, и притомъ еще предшествуемую всѣмъ разнообразіемъ всевозможныхъ пытокъ. Не было такихъ мукъ, не было такихъ истязаній, которымъ не подвергались бы еще не обвиненные, а лишь только

обвиняемые, заподозрѣнные, среди которыхъ слишкомъ часто оказывались вполнѣ невиновные люди.

Формы уголовнаго процесса не представляли никакихъ, даже самыхъ слабыхъ гарантій для привлеченнаго къ уголовному дѣлу. Достаточно вспомнить, такіе процессы, какъ Каласа и Сирвена, одной безстрашной защиты которыхъ было бы довольно, чтобы имя Вольтера снискало себѣ благодарную память человѣчества, и для того, чтобы убѣдиться, какое мрачное изувѣрство господствовало въ отправленіи уголовнаго правосудія.

Уголовное правосудіе въ XVIII вѣкѣ было чуждо человѣчности, глухо къ голосу состраданія, между тѣмъ больше чѣмъ за два столѣтія уже провозглашалось начало, образно выраженное на языкѣ того времени словами: „justice sans miséricorde est trop dure chose, et miséricorde sans justice est trop large chose“.

Единственными принципами уголовнаго правосудія являлись устрашеніе и месть, слишкомъ часто прикрывавшаяся какимъ-нибудь громкимъ именемъ.

Великая заслуга Беккаріи въ томъ и состояла, что онъ противопоставилъ прежней сатурналіи уголовнаго правосудія, этому поклоненію силѣ, или, вѣрнѣе, насилію—гуманное начало уваженія правъ человѣка не только въ личности обвиняемаго, который можетъ оказаться еще и невиновнымъ, но даже и въ личности признаннаго преступникомъ. Беккаріа училъ, и его ученіе, казалось, вошло въ плоть и кровь каждаго просвѣщеннаго человѣка, а именно, что уголовная кара можетъ постигать только того человѣка, который своимъ дѣяніемъ преступилъ законъ общественный или нравственный. Онъ требовалъ, чтобы законъ точно опредѣлялъ, по какимъ основаніямъ, въ силу какихъ доказательствъ, уликъ, человѣкъ можетъ быть привлеченъ въ качествѣ обвиняемаго. Для XVIII вѣка или, по крайней мѣрѣ, для уголовнаго правосудія того времени были еще новы слова: „человѣкъ не долженъ быть разсматриваемъ какъ преступникъ прежде, чѣмъ не состоялось рѣшеніе судьи; и общество не можетъ отказать ему въ своей защитѣ прежде, чѣмъ не будетъ доказано, что онъ нарушилъ тѣ условія, въ силу которыхъ ему обезпечивалась эта защита. Только право насилія можетъ предоставить суду обречь человѣка на наказаніе, когда еще не разсѣялось сомнѣніе, виновенъ онъ или невиновенъ... Передъ закономъ тотъ невиновенъ, чье преступленіе не доказано“.

Справедливыя идеи Беккаріи посѣяны были на добрую почву: онѣ не только сдѣлались точкою отправленія всѣхъ ученыхъ, работавшихъ по уголовному праву, и прочнымъ достояніемъ всѣхъ сколько-нибудь просвѣщенныхъ людей, но онѣ легли какъ основныя положе-

нія всѣхъ дѣйствующихъ уголовныхъ законодательствъ XIX вѣка, не исключая и нашего.

Нужно было, со времени Беккаріи, миновать цѣлому вѣку, для того, чтобы могъ наконецъ появиться ученый, который среди бѣлаго дня, безъ особой робости и смущенія,—напротивъ, съ большимъ апломбомъ и самоувѣренностью, сталъ поучать иное, а именно, что основной принципъ уголовнаго правосудія, стоящій краеугольнымъ камнемъ всѣхъ современныхъ законодательствъ,—въ томъ числѣ и нашего,—принципъ, въ силу котораго каждый человѣкъ несетъ кару только за совершонное имъ преступное дѣяніе (ст. 15 Уст. Угол. Суд.), вовсе уже не представляется такою святою святыхъ уголовнаго правосудія, до котораго никакимъ образомъ нельзя прикасаться, что направленіе уголовнаго правосудія можетъ опредѣляться просто началомъ государственной пользы, и т. д.

Таковы основныя идеи экстраординарнаго профессора Сергѣевскаго, недавно выпустившаго въ свѣтъ „изслѣдованіе" подъ названіемъ: „Наказаніе въ русскомъ правѣ XVII вѣка".

Книга почтеннаго профессора, довольно объемистая, распадается на два отдѣла. Отдѣлъ первый: карательная дѣятельность и ея задачи, и отдѣлъ второй: карательныя мѣры. Наибольшаго вниманія заслуживаетъ первый отдѣлъ изслѣдованія, какъ отдѣлъ теоретическій, гдѣ авторъ и высказываетъ свои „научные" взгляды на задачи карательной дѣятельности государства. На этихъ-то взглядахъ мы прежде всего и остановимся.

Указавъ на то, что въ XVII вѣкѣ организація наказаній преслѣдовала исключительно государственныя полезности, г. Сергѣевскій переходитъ къ опредѣленію этихъ полезностей На первомъ планѣ въ ряду государственныхъ полезностей, стояла, говоритъ онъ, цѣль обезпеченія общества отъ преступника. Такое обезпеченіе (?) представляла собою смертная казнь, пожизненная ссылка и, наконецъ, изувѣчивающія наказанія: отсѣченіе рукъ, пальцевъ, отрѣзаніе языка. Вторая государственная полезность состояла въ „устрашеніи преступника и всѣхъ гражданъ отъ совершенія преступныхъ дѣяній тяжестью и жестокостью наказаній". Третья полезность состояла въ извлеченіи выгодъ матеріальныхъ изъ наказанія и изъ личности преступника; и, наконецъ, послѣдняя цѣль, вліявшая на образованіе карательныхъ мѣръ, заключалась въ стремленіи дать удовлетвореніе пострадавшему.

Каждый ученый въ изложеніи своего историческаго труда имѣетъ полное право держаться строго объективнаго метода изслѣдованія, не внося вовсе въ оцѣнку историческихъ явленій своего личнаго, субъективнаго взгляда, и такое уклоненіе ученаго отъ критическаго

отношенія къ прошлому никто, конечно, не могъ бы поставить въ вину автору. Но г. Сергѣевскій не держится такого метода, и по крайней мѣрѣ въ первомъ отдѣлѣ своего изслѣдованія онъ вноситъ свою собственную оцѣнку, онъ дѣлаетъ выводы, сопоставленія прошлаго съ настоящимъ, и въ этой собственной оцѣнкѣ и выводахъ и заключается главный интересъ изслѣдованія. Отмѣтимъ главнѣйшія собственныя заключенія автора.

Говоря о первой государственной полезности, т.-е. обезпеченіи общества отъ преступника путемъ отрѣзанія, напр., языка, г. Сергѣевскій дѣлаетъ такое замѣчаніе: „что отсѣченіе рукъ, ногъ и пальцевъ и отрѣзаніе языка (за „неистовыя рѣчи“) служитъ отличнымъ (!) средствомъ обезпеченія отъ преступника на будущее время,—это, по мнѣнію автора,—явствуетъ само собою“. Читатель, быть можетъ, подумаетъ, что въ замѣчаніи этомъ звучитъ иронія,—но онъ глубоко ошибется. Г. Сергѣевскій весьма далекъ отъ мысли иронизировать; онъ безъ всякихъ колебаній признаетъ, что отрѣзаніе языка представляетъ (т.-е. и теперь?) *отличное* средство обезпеченія общества отъ преступника виновнаго въ „неистовыхъ рѣчахъ“. Если бы это было высказано шутки ради, то и въ такомъ случаѣ шутку пришлось бы назвать плохою. Но что́ сказать, когда подобныя истины „явствуютъ сами собою“—въ ученомъ изслѣдованіи?!

Впрочемъ, читая дальше изслѣдованіе г. Сергѣевскаго, мы видимъ, что такой взглядъ на отрѣзаніе языка, какъ на „отличное средство“, долженъ перестать удивлять читателя. Этотъ взглядъ. видимо, вытекаетъ изъ представленія самого автора вообще о карательной дѣятельности государства.

Разсуждая о томъ, что личность и ея интересы не имѣютъ никакого значенія въ русскомъ государствѣ XVII вѣка, онъ указываетъ на одну, какъ онъ выражается, „въ высшей степени оригинальную“ черту въ институтѣ наказанія, а именно—примѣненіе уголовныхъ каръ къ лицамъ невиновнымъ вмѣстѣ съ виновными.

Черта по истинѣ „оригинальная“ и вполнѣ достойная нравовъ XVII-го вѣка; но мы находимъ въ самомъ трудѣ проф. Сергѣевскаго, появившемся на исходѣ XIX столѣтія, нѣчто еще болѣе „оригинальное“—это горячую защиту примѣненія уголовныхъ каръ къ лицамъ невиновнымъ; въ XVII-мъ вѣкѣ, по крайней мѣрѣ, только практиковали подобную кару, но не писали въ честь ея ни диѳирамбовъ, ни научныхъ изслѣдованій. Порядокъ этотъ, т.-е. наказаніе невиновныхъ вмѣстѣ съ виновными, „къ сожалѣнію“, какъ выражается—къ нашему сожалѣнію—почтенный авторъ, „получилъ въ литературѣ весьма поверхностное и, скажемъ не обинуясь, легкомысленное (!!) объясненіе: все дѣло сводится обыкновенно къ грубости

нравовъ и жестокости правителей, или представляется, безъ дальнихъ разсужденій, какъ простая ошибка, юридическая нелѣпость. Между тѣмъ,—прибавляетъ г. Сергѣевскій,—въ дѣйствительности этотъ порядокъ имѣетъ весьма глубокія (!!) основанія".

Итакъ, только вслѣдствіе нашего „легкомыслія", мы до сихъ поръ полагали, что наказаніе невиновныхъ есть результатъ грубости нравовъ, жестокости правителей; между тѣмъ, при нѣкоторомъ глубокомысліи, мы должны были бы понять, что наказаніе невиновныхъ вовсе не есть юридическій абсурдъ, а явленіе законное, имѣющее „глубокія основанія". Еслибъ такое положеніе было высказано не съ высоты каѳедры, а въ какомъ-нибудь летучемъ листкѣ,—мы не обратили бы на него никакого вниманія, мы слишкомъ давно знаемъ, что область „оригинальныхъ" мыслей безпредѣльна, но почтенное званіе автора невольно заставляетъ остановиться передъ „глубокими основаніями" г. Сергѣевскаго.

Необходимость (sic!) подвергать наказаніямъ лицъ невиновныхъ проистекала, по мнѣнію г. Сергѣевскаго, прежде всего изъ существа нѣкоторыхъ карательныхъ мѣръ. Онъ указываетъ именно на ссылку, которая требовала для плодотворнаго дѣйствія этого наказанія „семейной обстановки ссыльнаго". Ссылка невиновныхъ женъ и дѣтей являлась, слѣдовательно, необходимою въ XVII вѣкѣ.

Но ссылка, какъ мы знаемъ, и въ настоящее время представляется далеко не въ удовлетворительномъ состояніи, а слѣдовательно, придерживаясь взгляда почтеннаго автора, съ такимъ же „глубокимъ основаніемъ" можно и въ настоящее время подвергать ссылкѣ невинныхъ женъ и дѣтей. Проницательный авторъ предвидѣлъ такое возраженіе и впередъ блистательно его опровергнулъ: „современное государство—говоритъ г. Сергѣевскій—всегда идетъ путемъ компромиссовъ съ интересами отдѣльныхъ личностей. Не такъ поступали наши предки. Интересъ государственный требовалъ ссылки женъ и дѣтей преступниковъ — ихъ и ссылали безъ малѣйшихъ колебаній". Въ послѣднихъ словахъ слышится очевидная жалоба на эти проклятые „компромиссы" нашего времени: то ли было дѣло въ доброе старое время—напримѣръ, въ XVII-мъ вѣкѣ, когда не было никакихъ каѳедръ уголовнаго права, и все дѣлали по простотѣ и удобства ради!

Другое, столь же „глубокое основаніе" порождавшее „дѣйствительную, практическую необходимость возлагать кару на лицъ подозрительныхъ и опасныхъ, хотя бы виновность ихъ и не была доказана", вызывалось, по мнѣнію автора изслѣдованія о наказаніи въ XVII в., „слабостью судебно-слѣдственной власти, съ одной стороны, и слабостью средствъ полицейскаго надзора, съ другой".

Если слабость судебно-слѣдственной власти и недостаточность средствъ полицейскаго надзора служатъ „глубокимъ основаніемъ“ для наказанія людей невиновныхъ, но близкихъ преступнику, „которые должны (?) были знать, не могли не знать его замысловъ, но не донесли слѣдователю, содѣйствовали и, можетъ быть (!) участвовали“, то и современныя государства, особенно тѣ, въ которыхъ судебно-слѣдственная власть и полицейскій надзоръ не стоятъ на идеальной высотѣ, съ такимъ же правомъ и съ одинаково „глубокимъ основаніемъ“, по мысли г. Сергѣевскаго, могутъ наказывать невиновныхъ, не вызывая даже порицанія нашего ученаго криминалиста,—но за что?—По мысли г. Сергѣевскаго, выходитъ такъ, что ихъ слѣдуетъ наказать за то, что въ государствѣ слаба судебно-слѣдственная власть, а средства полицейскаго надзора недостаточны!! Но, разсуждая такимъ образомъ, не проектируетъ ли почтенный профессоръ реставрацію столь памятнаго народу Шемякина суда?!

Какъ бы въ подтвержденіе своей мысли, г. Сергѣевскій прибавляетъ: „нельзя не замѣтить, что вѣдь даже и нынѣ, въ современныхъ государствахъ, близкіе политическимъ преступникамъ люди, хотя и не наказываются по суду, но нерѣдко терпятъ такое отношеніе къ себѣ органовъ власти и подвергаются такимъ стѣсненіямъ, которыя мало чѣмъ уступаютъ, а иногда и не уступаютъ тягчайшимъ наказаніямъ, по суду налагаемымъ“. Мы не станемъ распространяться о томъ, возможны или не возможны въ современномъ государствѣ такія явленія, какъ тѣ, на которыя указываетъ г. Сергѣевскій. Мы готовы съ нимъ согласиться, что такія явленія не только возможны, но что съ ними слѣдуетъ считаться, какъ съ существующими фактами. Мы позволимъ себѣ лишь обратить вниманіе на одно обстоятельство: какъ ни прискорбно, что въ современномъ государствѣ могутъ происходить порой такія насилія, какъ наказаніе невиновныхъ, но еще во сто разъ прискорбнѣе, когда подобнымъ явленіямъ подыскиваются людьми науки „глубокія основанія“, оправдывающія, въ дѣйствительности, такой порядокъ вещей.

Что мы не взводимъ напраслины на г. Сергѣевскаго, приписывая ему роль поборника такихъ, ничѣмъ и никогда не оправдываемыхъ порядковъ, какъ наказаніе невиновныхъ,—въ этомъ убѣждаютъ насъ тѣ страницы его изслѣдованія, гдѣ онъ говоритъ о групповой отвѣтственности въ двухъ ея формахъ: „въ формѣ групповой, поголовной отвѣтственности и въ формѣ групповой отвѣтственности по процентамъ, т.-е. изъ всей опредѣленной группы лицъ подвергается наказанію пятый, десятый и т. д., или всѣ такъ-называемые „лучшіе люди“ безъ опредѣленія числа ихъ“. Намъ кажется прежде всего, что г. Сергѣевскому подобало бы сначала указать, о какой груп-

повой отвѣтственности онъ говоритъ. Слово: „групповая“ отвѣтственность, представляется слишкомъ общимъ. Оно можетъ относиться и къ осужденной теоріей отвѣтственности юридическихъ лицъ, и къ той коллективной отвѣтственности, въ силу которой, въ доброе старое время, наказывались всѣ родственники и близкіе человѣка, обвиненнаго, напр., въ государственномъ преступленіи.

Вопросы эти прекрасно разобраны въ наукѣ уголовнаго права, и, не вдаваясь въ подробности, мы можемъ отослать г. Сергѣевскаго къ обязательно знакомому ему курсу русскаго уголовнаго права проф. Таганцева, освѣтившаго эти вопросы, какъ подобаетъ истинно ученому и просвѣщенному юристу.

Указывая на существованіе групповой отвѣтственности и въ нынѣ дѣйствующемъ Уложеніи о наказаніяхъ, авторъ разбираемаго изслѣдованія ссылается на ст. 530 Ул. Статья эта, налагающая взысканіе до трехъ сотъ рублей на еврейское общество за укрывательство бѣглаго еврея изъ военно-служащихъ, и устанавливающая, такимъ образомъ, отвѣтственность юридическаго лица—еврейскаго общества,—равно какъ и нѣкоторыя другія статьи, напр. ст. 985 Улож. о нак., налагающая также денежное взысканіе на общества, составляютъ сохранившійся въ Уложеніи слѣдъ того времени, когда принципъ личной отвѣтственности еще окончательно не восторжествовалъ. Не говоря о томъ, что статьи эти, устанавливающія отвѣтственность юридическихъ лицъ, представляютъ собою ненормальное отклоненіе отъ господствующаго принципа, не только въ теоріи уголовнаго права, но и въ самомъ дѣйствующемъ законодательствѣ,—статьи эти, при дѣйствіи устава уголовнаго судопроизводства, оказываются вовсе непримѣнимыми.

Но дѣло вовсе не въ томъ, сохранилась или не сохранилась въ Уложеніи о наказаніи та или другая статья,—а во взглядѣ, высказываемомъ ученымъ юристомъ на наказаніе невиновныхъ; и вотъ въ этомъ-то отношеніи изслѣдованіе г. Сергѣевскаго представляется въ высшей степени любопытнымъ.

„На первый взглядъ,—говоритъ нашъ авторъ,—трудно найти основанія такому образу дѣйствій государственной власти: за нерозысканіемъ виновныхъ наказываются невиновные, въ томъ предположеніи, что среди ихъ находятся виновные. Однако, указанныя выше особенности эпохи даютъ, думается (!) намъ, при болѣе внимательномъ разсмотрѣніи, не только полное объясненіе, но и достаточное оправданіе (!!) этому институту групповой отвѣтственности; скажемъ даже болѣе, онъ получаетъ достаточное оправданіе и для нашихъ дней, и для права грядущихъ эпохъ, насколько сохраняются и сохранятся условія, его вызвавшія первоначально“.

Когда кто-либо, не говоря уже о лицѣ, носящемъ званіе уче-

наго, признаетъ цѣлесообразнымъ такой недостойный и науки, и нравственности, принципъ, какъ наказаніе невиновныхъ, тогда меньшее, что̀ можно требовать, это—чтобы были указаны по крайней мѣрѣ основанія такой цѣлесообразности.

Чѣмъ же подкрѣпляетъ г. Сергѣевскій свое мнѣніе о цѣлесообразности наказанія невиновныхъ и не только „для нашихъ дней, но и для права грядущихъ эпохъ“? Разсужденія автора въ этомъ отношеніи по истинѣ изумительны!

Государство, по мнѣнію автора, не можетъ терпѣть безнаказанности преступныхъ дѣяній, такъ какъ такая безнаказанность роняла бы авторитетъ государственныхъ законовъ и грозила бы разложеніемъ всему государственному строю. Оттого, что судебно-слѣдственная власть сильна или слаба, потребность государства въ томъ, чтобы преступныя дѣянія не оставались безнаказанными, нисколько не мѣняется, такъ какъ, по словамъ г. Сергѣевскаго, „государство требуетъ своего количества жертвъ, того количества, которое для него необходимо, въ предѣлахъ возможнаго терпѣнія“.

Установивъ такое „научное“ положеніе, г. Сергѣевскій безбоязненно и безъ всякихъ колебаній устремляется дальше. Государство требуетъ своего количества жертвъ, жертвы же могутъ быть набраны среди тѣхъ, виновность которыхъ не вполнѣ доказана; но если оказывается, что числа этихъ жертвъ не достаточно, то государство не должно останавливаться: оно можетъ наказывать „и лицъ прямо невиновныхъ“. Опасаясь, что читатель заподозритъ насъ въ неправильномъ толкованіи мысли почтеннаго профессора, предоставимъ ему самому защиту принципа наказуемости невиновныхъ. „Представимъ себѣ,—говоритъ онъ,—что, благодаря особымъ условіямъ быта (хорошъ бытъ!), въ извѣстныхъ случаяхъ для государства весьма важныхъ, виновныя лица вовсе не могутъ быть опредѣлены индивидуально наличными силами уголовной юстиціи, между тѣмъ государство не можетъ терпѣть безнаказанности ихъ преступныхъ дѣяній. Тогда,—продолжаетъ ученый криминалистъ,—для государственной власти остается единственная дилемма: или допустить безнаказанность свыше мѣры возможнаго терпѣнія и тѣмъ подвергнуть опасности разложенія извѣстную сторону государственнаго порядка, или *наложить наказаніе, не опредѣляя виновнаго индивида, на всѣхъ тѣхъ лицъ, въ числѣ которыхъ долженъ находиться дѣйствительный виновникъ*“.

Г. Сергѣевскій такъ проникся, повидимому, духомъ XVII-го и предыдущихъ вѣковъ, до XII-го включительно, что онъ не колеблется въ выборѣ, на чьей сторонѣ стать: на сторонѣ ли Ивана Грознаго, или на сторонѣ Екатерины Великой. Онъ душою отдается первому и объявляетъ „сомнительнымъ“ безсмертное изреченіе Ека-

терины: лучше оправдать десять виновныхъ, чѣмъ осудить одного невиновнаго!

Насъ, впрочемъ, не столько интересуетъ самая теорія почтеннаго профессора о законности наказанія невиновныхъ, сколько тѣ соображенія, которыми онъ ее подкрѣпляетъ. До сихъ поръ мы полагали, что авторитетъ государственной власти крѣпнетъ по мѣрѣ того, какъ крѣпнутъ тѣ нравственныя начала, которыми она руководится во всѣхъ своихъ начинаніяхъ, и которыя она старается укоренить въ самомъ обществѣ; мы думали, что такой авторитетъ усиливается, по мѣрѣ того, какъ обезоруживается беззаконіе и государственная жизнь обставляется бо́льшими и бо́льшими гарантіями, обезпечивающими права какъ частныхъ лицъ, такъ и всего общества. До г-на Сергѣевскаго, мы не представляли себѣ государственной власти въ образѣ ненасытнаго языческаго Молоха, требующаго, для поддержанія своего величія, обильныхъ человѣческихъ жертвъ. Мы думали, раздѣляя въ этомъ случаѣ мнѣніе другого профессора уголовнаго права, г. Таганцева, что въ концѣ XIX-го вѣка невиновные могутъ жить спокойно, и только злоумышленники должны трепетать. Но старые профессора, вѣроятно, ошибались и питали насъ иллюзіями; а вотъ явился на сцену профессоръ новаго, юнаго поколѣнія, — и онъ разсѣялъ всѣ подобныя иллюзіи! Притомъ, г. Сергѣевскій рѣшительно неумолимъ, жестоко послѣдователенъ, у него на все есть отвѣтъ, его не собьешь никакимъ аргументомъ, онъ все предусмотрѣлъ. Читая его разсужденія о правѣ государственной власти подвергать наказанію невиновныхъ, при слабости судебно-слѣдственныхъ органовъ, мы чуть не сдались, но вдругъ невольно остановились на мысли: какъ же, однако, быть, если въ городѣ съ двухмилліоннымъ или трехмилліоннымъ населеніемъ, какъ Парижъ или Лондонъ, совершится хотя бы даже государственное преступленіе, и виновный не будетъ разысканъ? У г. Сергѣевскаго и на этотъ вопросъ есть готовый отвѣтъ: „когда количество лицъ слишкомъ велико, а отъ умноженія числа наказанныхъ государство никакихъ выгодъ (?!) не получаетъ, какъ, напр., при тѣлесныхъ наказаніяхъ и смертной казни, тогда весьма практично и удобно ограничиться наказаніемъ пятаго, десятаго...“ По истинѣ жестокая послѣдовательность! и мы не скроемъ, что желали бы, въ интересахъ науки, чтобы послѣдовательность автора была не такъ неумолима. Вѣдь нельзя все-таки забывать, что нашъ авторъ готовитъ будущихъ судей, прокуроровъ, судебныхъ слѣдователей, которые будутъ имѣть дѣло съ живыми людьми, а не съ бумагой только, которая все терпитъ.

Послѣ того, какъ читатель познакомился съ „научными“ взглядами г. Сергѣевскаго, онъ уже не станетъ удивляться тому, что

авторъ изслѣдованія: „Наказаніе въ русскомъ правѣ XVII в.“, объясняетъ наказаніе невиновныхъ, страшныя казни, сажаніе на колъ, повѣшаніе за ребра, отсѣченіе рукъ, ногъ, отрѣзаніе языка—не жестокостью нравовъ, не грубостью чувствъ, не суровостью правителей, а „лишь могучею конструктивною силою служенія началу государственности“. Семнадцатый вѣкъ, когда „кровь лилась потоками“, когда „лихоимство, неправосудіе и прочія злоупотребленія должностныхъ лицъ“ достигли своего апогея, когда въ развратѣ духовенство „ни въ чемъ не уступало мірянамъ“, когда „корыстныя убійства и разбои“ въ громадномъ количествѣ совершались среди бѣлаго дня, эта эпоха представляется г. Сергѣевскому „вѣкомъ созиданія и наибольшаго напряженія народныхъ силъ“! Но почтенный профессоръ забываетъ, что „созданное“ XVII-мъ вѣкомъ было таково, что потребовало въ началѣ XVIII-го вѣка коренной, великой реформы, „прорубившей окно въ Европу“, какъ выразился нашъ поэтъ, и приведшей насъ отъ эпохи Петра Великаго къ эпохѣ Екатерины Великой.

Г. Сергѣевскій не задумывается вступить въ бой и съ такими историками, какъ Соловьевъ, Костомаровъ, Забѣлинъ, и раздаетъ по пути удары направо и налѣво такимъ юристамъ, какъ г. Неклюдовъ, и, само собою разумѣется, побѣдоносно выходитъ изъ боя, разбивъ на голову скромныхъ историковъ и доказавъ имъ, что они не съумѣли понять и оцѣнить по достоинству вѣкъ „зиждительной“ силы. Что же вызываетъ въ XVII-мъ вѣкѣ восторгъ и умиленіе почтеннаго профессора? Этотъ вѣкъ создалъ-молъ такіе институты, которые опредѣлили на цѣлые вѣка русскую исторію, „онъ сложилъ зданіе крѣпостного права, въ свое время давшее государству силу и внутренній порядокъ...“ Позволительно остановиться передъ вопросомъ: какой порядокъ и какую силу? До сихъ поръ почти всѣ просвѣщенные люди, за весьма немногими болѣзненными исключеніями, думали, что крѣпостное право задержало здоровый и естественный ростъ русскаго народа, въ немъ усматривали причину застоя развитія, отзывающагося до настоящаго времени. Все это оказывается сущимъ вздоромъ, и отнынѣ крѣпостное право должно быть возвеличиваемо какъ институтъ, давшій силу и крѣпость нашему государственному и общественному строю!

Вторая часть труда г. Сергѣевскаго, гдѣ онъ излагаетъ карательныя мѣры XVII вѣка, не представляетъ уже того *своеобразнаго* интереса, какимъ отличается первый отдѣлъ его книги. Мы охотно готовы признать, что этотъ второй отдѣлъ служитъ доказательствомъ большой усидчивости автора, обличаетъ весьма кропотливую работу, по части выписокъ изъ различныхъ памятниковъ, и содержитъ въ себѣ самыя подробныя описанія всевозможныхъ пытокъ и ихъ орудій; не забытъ даже тотъ, вѣроятно, рѣдкій экземпляръ кнута, ко-

торый г. Сергѣевскій держалъ „въ своихъ рукахъ“,—но смѣемъ думать, что всѣ эти относительныя достоинства его труда никоимъ образомъ не искупаютъ *грѣха* первой части его изслѣдованій въ области уголовнаго права. Въ наше время, за границей весьма интересуются, какъ извѣстно, произведеніями русской литературы; если этотъ интересъ распространится и на изслѣдованія нашихъ криминалистовъ, то мы позволили бы себѣ пожелать, чтобы трудъ г. Сергѣевскаго остался — между нами: онъ, конечно, заслужилъ бы себѣ извѣстность не менѣе быстро, какъ и трудъ Беккаріи,—но совсѣмъ другую извѣстность!

Е. О.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1-го февраля 1888.

Толки въ печати по поводу университетскихъ безпорядковъ. — Паденіе нѣкоторыхъ предразсудковъ и предвзятыхъ мнѣній.—Замѣчательная статья В. И. Ламанскаго.—Общій вопросъ, возбуждаемый частнымъ случаемъ.—Циркуляръ черниговскаго губернатора гг. городскимъ головамъ.

Когда мы пишемъ эти строки, временная пріостановка университетской жизни доживаетъ свои послѣдніе дни; занятія возобновляются въ университетахъ петербургскомъ, московскомъ, харьковскомъ, за которыми, нужно надѣяться, скоро послѣдуютъ казанскій и новороссійскій. Настало время бросить ретроспективный взглядъ если не на самыя событія, нарушившія обычный ходъ университетскаго преподаванія — о нихъ извѣстно еще слишкомъ мало, — то, по крайней мѣрѣ, на разныя мнѣнія, высказанныя по этому поводу въ нашей печати.

Источникомъ всѣхъ золъ, отъ которыхъ страдали наши университеты, еще недавно принято было считать университетскій уставъ 1863 г. Отъ него вели „Московскія Вѣдомости“ при Катковѣ лѣтосчисленіе бѣдствій, постигшихъ Россію; онъ разсматривался какъ первый шагъ къ безначалію и вольномыслію, широкой струей вторгшемуся въ русское послѣ-реформенное общество. Уставъ 1884 года долженъ былъ, въ силу этого мнѣнія, служить исходной точкой обратнаго движенія; онъ долженъ былъ все исцѣлить, все успокоить, ввести все и всѣхъ въ колею безмятежнаго и мирнаго житія. Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что эта иллюзія болѣе не существуетъ. „Всякій уставъ—говорятъ теперь недавніе панегиристы но-

выхъ порядковъ — есть мертвая буква, доколѣ его примѣненіе не начинается на дѣлѣ посредствомъ людей (это—истина достойная monsieur de la Palisse, но вѣдь послѣдній вообще давно уже воскресъ и ревностно сотрудничаетъ въ русскихъ реакціонныхъ газетахъ). Уставъ университетскій (1863 г.), предшествовавшій послѣднему, *могъ бы* переродить университетъ ко благу и славѣ молодежи... Сгубилъ и испортилъ университеты не уставъ, — ихъ испортили профессора, для которыхъ уставъ явился правомъ и санкціей махнуть рукой на душевную жизнь молодежи и поиграть съ нею въ политическія игры". Лучшимъ доказательствомъ этому — говорятъ теперь тѣ же господа —служитъ то, что „ничего не измѣнилось и при дѣйствіи новаго устава", хотя онъ былъ изданъ съ спеціальною цѣлью „распущенность замѣнить порядкомъ". Это сознаніе чрезвычайно важно; оно свидѣтельствуетъ о томъ, что уставъ 1863 года пересталъ быть, въ извѣстныхъ сферахъ, предметомъ омерзѣнія и ужаса, а уставъ 1884 г. — предметомъ обязательнаго и безусловнаго поклоненія. Устраненъ, такимъ образомъ, одинъ изъ главныхъ предразсудковъ, мѣшавшихъ правильному объясненію, а слѣдовательно и устраненію университетскихъ волненій. Факты, не допускающіе никакого спора, одержали верхъ надъ предвзятой мыслью. Нельзя было не обратить вниманія на то, что въ петербургскомъ университетѣ не осталось ни одной группы студентовъ, испытавшей на себѣ вліяніе старыхъ порядковъ; за немногими единичными исключеніями, онъ наполненъ молодыми людьми, поступившими въ университетъ уже при дѣйствіи новаго устава. Въ другихъ закрытыхъ университетахъ представителями прежняго времени оставались только студенты послѣднихъ семестровъ медицинскаго факультета, но не къ этой средѣ принадлежали, повидимому, участники безпорядковъ. Все это, вмѣстѣ взятое, обнаружило съ полною очевидностью, что абсолютной гарантіи спокойствія и тишины уставъ 1884 года не представляетъ, и что уставъ 1863 года вовсе не былъ той „золовой пещерой", какою его одно время признавали и провозглашали.

Вѣра въ новый уставъ была тѣсно связана съ вѣрой въ его дальнѣйшее развитіе, т.-е. въ тѣ многочисленныя правила и распоряженія, которыми было регулировано его исполненіе. Ноябрьскія и декабрьскія событія поколебали, повидимому, и эту послѣднюю вѣру. Вотъ что́ говорится въ той же газетной статьѣ, изъ которой мы заимствовали мнѣніе объ обоихъ уставахъ: „начальство, кое-гдѣ ссылаясь на новый уставъ, представляло себя (?) обязаннымъ улучшить положеніе университета *принятіемъ полицейскихъ мѣръ строгости*, забывая, что гораздо важнѣе была на основаніи новаго устава возможность подѣйствовать на облагораживаніе института профессоровъ и непосредственно войти въ душевное сближеніе съ молодежью".

Обычная безграмотность формы не мѣшаетъ уловить основную мысль газеты—осужденіе стремленій, выдвинувшихъ на первый планъ внѣшнее благочиніе, наружный контроль надъ занятіями студентовъ. Ближе познакомиться съ этими стремленіями намъ поможетъ небольшая книга, за „благонамѣренность" которой ручается похвала „Московскихъ Вѣдомостей", гдѣ такъ много прославлялся новый уставъ. Мы имѣемъ въ виду вышедшія отдѣльной брошюрой въ Москвѣ, за нѣсколько дней до университетскихъ безпорядковъ, „Письма о современной молодежи и направленіяхъ общественной мысли". Указавъ на „верхоглядство" и на „халатность въ занятіяхъ", какъ на главный порокъ современной университетской молодежи, авторъ „Писемъ" восклицаетъ: „новый университетскій уставъ искореняетъ этотъ порокъ одними только внѣшними, формальными дѣйствіями! Мудрено ли, что благое желаніе остается невыполнимымъ, что формальность порождаетъ только формальность? Вотъ, напримѣръ, новое правило, по которому студентъ *обязанъ* посѣщать университетъ, т.-е., конечно, подразумѣвается, для слушанія лекцій, для чего и устроенъ особый контроль изъ педелей. Какой же результатъ дало благое желаніе заставить студента слушать лекціи? Очень простой результатъ: студентъ дѣйствительно каждый день посѣщаетъ университетъ, но только университетъ, а не аудиторію; приходитъ студентъ въ зданіе, показывается педелю, записывается въ его книгѣ, какъ явившійся, и затѣмъ преспокойно уходитъ обратно". Заканчиваетъ авторъ свои разсужденія по этому предмету слѣдующимъ тезисомъ: „формальныя мѣры, принятыя министерствомъ для искорененія халатности въ занятіяхъ студентовъ, не достигаютъ и не могутъ достигнуть своей цѣли". Прибавимъ отъ себя, что „формальныя мѣры", не достигающія цѣли, представляются не только безполезными, но и вредными. Всякое излишнее стѣсненіе вызываетъ реакцію, побуждаетъ либо къ тайному обходу, либо къ явному нарушенію правилъ. Послѣднее производитъ больше шуму, но опасность, сопряженная съ первымъ, въ сущности, еще серьезнѣе; она угрожаетъ совершеннымъ извращеніемъ отношеній между студентами и университетскимъ начальствомъ.

Итакъ, вполнѣ доказаннымъ можно считать слѣдующее положеніе: уставъ 1884-го года и правила, его дополняющія и развивающія, не заключаютъ въ себѣ послѣдняго слова педагогической мудрости и требуютъ повѣрки, основанной на указаніяхъ опыта. Въ особенности необходима такая повѣрка по отношенію къ дополнительнымъ правиламъ, не составляющимъ законодательнаго акта и гораздо легче поддающимся видоизмѣненію или отмѣнѣ. Весьма многое можетъ быть сдѣлано здѣсь на почвѣ дѣйствующаго устава, безъ всякаго отступленія отъ его смысла и даже отъ его буквы. Приведемъ, въ

подтвержденіе нашей мысли, одинъ примѣръ, особенно характеристичный. Если теперешній историко-филологическій факультетъ такъ мало похожъ на прежній, если онъ обратился, по удачному выраженію В. И. Ламанскаго, въ „приготовительную школу учителей древнихъ языковъ", то это зависитъ вовсе не отъ устава, а отъ правилъ о зачетѣ полугодій и объ испытательныхъ коммиссіяхъ. Чтобы возвратить историко-филологическому факультету его истинное значеніе, не нужно трогать ни одной статьи университетскаго устава. А между тѣмъ, это возвращеніе становится съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе необходимымъ. Мы говорили, въ свое время, о неудобствахъ, сопряженныхъ съ новой организаціей историко-филологическаго факультета [1]); вотъ авторитетный отзывъ по тому же предмету, принадлежащій профессору Ламанскому [2]). Констатировавъ убыль студентовъ-филологовъ во всѣхъ русскихъ университетахъ и указавъ на вѣроятность дальнѣйшаго ея роста, г. Ламанскій продолжаетъ: „цѣлыя отрасли знанія—философія, общее языкознаніе, русская исторія и литература, славянская филологія, романская и германская филологія, средняя и новая исторія германо-романскихъ народовъ, исторія восточной имперіи и славянскихъ народовъ—такъ поставлены въ нынѣшнихъ историко-филологическихъ факультетахъ, что буквально нѣтъ возможности профессорамъ преподавать, а студентамъ заниматься такъ, чтобы по этимъ наукамъ могли вырабатываться въ университетахъ хорошіе спеціалисты и ученые. Продлись такой порядокъ лѣтъ двадцать — и всѣ эти отрасли знанія будутъ обрабатываться въ Россіи только стариками, питомцами прежнихъ историко-филологическихъ факультетовъ, учениками уже окончившихъ или кончающихъ службу профессоровъ". Вполнѣ увѣренный въ томъ, что преобразованіе историко-филологическаго факультета было предпринято съ самыми лучшими намѣреніями, В. И. Ламанскій именно въ этой увѣренности черпаетъ надежду на скорую отмѣну реформы, оказавшейся явно-неудачною. „Могущественные наши государи,—говоритъ почтенный профессоръ,—Петръ I и Екатерина II, случалось, брали назадъ свои высочайшіе указы, когда практика и искренніе голоса честныхъ слугъ царскихъ раскрывали имъ ихъ нецѣлесообразность; здѣсь же идетъ рѣчь только о частныхъ распоряженіяхъ одного вѣдомства... Неожиданно явившіяся въ Россіи задержки и помѣхи распространенію русскаго языка и русской литературы просуществуютъ, можно уповать, недолго, и русскимъ интересамъ не придется много страдать изъ-за излишней поспѣшности и мало-обдуманной, торопли-

[1]) См. Обществ. Хронику въ № 10 „Вѣсти. Евр." за 1885 г. и Внутр. Обозр. въ № 10 за 1887 г.

[2]) См. „Извѣстія С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества", 1887 г., № 10.

вой ретивости двухъ-трехъ чиновниковъ". По мнѣнію г. Ламанскаго, въ историко-филологическомъ факультетѣ слѣдовало бы допустить, начиная съ третьяго курса (пятаго семестра), различныя отдѣленія—напр. классической, славяно-русской, германо-романской филологіи (вѣроятно, также философіи и исторіи?). Для не-классиковъ совершенно достаточно было бы, начиная съ пятаго семестра, четырехъ обязательныхъ часовъ въ недѣлю по древнимъ языкамъ: двухъ по греческому и двухъ по латинскому. Оказывается, что именно такимъ образомъ и полагали разрѣшить вопросъ, три года тому назадъ, *всѣ* профессора нашихъ историко-филологическихъ факультетовъ, поддерживаемые извѣстнымъ знатокомъ классическихъ языковъ — академикомъ Наукомъ; но побѣда осталась за мнѣніемъ *двухъ* лицъ—покойнаго Каткова и г. Георгіевскаго... Само собою разумѣется, что съ измѣненіемъ плана занятій въ историко-филологическомъ факультетѣ должны были бы измѣниться и программы испытательныхъ коммиссій, такъ какъ „нельзя предъявлять одинаковыхъ требованій по классической филологіи къ спеціалистамъ-славистамъ, къ русскимъ историкамъ и къ спеціалистамъ-классикамъ".

Обращеніе историко-филологическихъ факультетовъ въ „приготовительныя школы для учителей древнихъ языковъ" послѣдовало, несомнѣнно, подъ вліяніемъ того теченія, которое видѣло въ классицизмѣ спасеніе отъ всякихъ золъ и разсчитывало на обновленіе университетовъ путемъ обновленія гимназій. Молодые люди, прошедшіе полный курсъ преобразованной классической гимназіи, должны были дать новый, усовершенствованный контингентъ студентовъ, вооруженный противъ соблазна и неспособный къ увлеченіямъ. Это ожиданіе оказалось тщетнымъ—столь же тщетнымъ, какъ и надежда на всемогущее дѣйствіе новаго университетскаго устава. Отсюда реакція противъ крайностей классической системы, проникающая въ такія сферы, гдѣ о ней, повидимому, не могло бы быть и рѣчи. Петербургская реакціонная газета иронизируетъ надъ „аттестатомъ зрѣлости", разсматриваемымъ какъ „броня противъ враговъ порядка"; авторъ „Писемъ о современной молодежи" прямо взваливаетъ на гимназіи значительную долю отвѣтственности за „верхоглядство" и „халатность" студентовъ. „Многое становится понятно въ характерѣ молодежи,—говоритъ онъ,—при первомъ же взглядѣ на программу учебныхъ предметовъ старшихъ классовъ гимназій. Четырнадцать часовъ въ недѣлю однихъ древнихъ языковъ, одинъ часъ закона Божія и два часа исторіи. Всѣ силы ума настойчиво привлекаются къ одной цѣли: къ изученію классиковъ. А между тѣмъ, несомнѣнно—отечествовѣденіе, самое основательное и подробное, должно быть основой всякаго преподаванія въ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Но гдѣ же оно—отчизновѣденіе—въ нашихъ гимназіяхъ? что̀ изъ этого предмета

знаютъ люди, получившіе аттестатъ зрѣлости? Совѣстно вспомнить теперь о томъ знаніи нашей дорогой родины, которое мы всѣ вынесли изъ гимназій, совѣстно подумать о томъ, что заставляютъ (!) насъ любить ту родину, о которой мы не имѣемъ никакихъ понятій... Школа (средняя) не даетъ положительныхъ знаній, не даетъ даже самаго насущнаго и основного, необходимость чего признается и правительствомъ". Итакъ, мы присутствуемъ при крушеніи еще одной предвзятой мысли, при паденіи еще одной преграды, затруднявшей торжество здравыхъ педагогическихъ взглядовъ. По странной ироніи судьбы, расчистка пути производится, по крайней мѣрѣ отчасти, тѣми же самыми руками, которыя всего больше способствовали постройкѣ загражденій!!..

Чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ! Консервативныя и реакціонныя газеты не только извѣрились, до извѣстной степени, въ свои прежніе кумиры; онѣ подходятъ иногда довольно близко къ такимъ фактамъ, которымъ суждено, быть можетъ, играть не послѣднюю роль въ безпристрастной исторіи недавнихъ университетскихъ безпорядковъ. Вотъ что́ мы читаемъ, напримѣръ, въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ". Указавъ на „недовѣріе къ дисциплинирующей и воспитывающей силѣ университетовъ", выразившееся въ отсрочкѣ возобновленія лекцій, онѣ продолжаютъ: „двадцать-пять лѣтъ тому назадъ, нѣкоторые наши университеты также переживали періодъ бурныхъ волненій. Въ самомъ опасномъ положеніи находился кіевскій университетъ, гдѣ волненія перешли на болѣе жгучую политическую почву. Попечителемъ кіевскаго учебнаго округа былъ въ то время Н. И. Пироговъ. Онъ держался системы, противоположной той, съ какою дѣйствовали въ другихъ университетахъ, и опираясь, на свой громадный авторитетъ среди профессоровъ и студентовъ, старался лично овладѣть кризисомъ, жить среди смущаемой и смущенной молодежи, быть посвященнымъ во все происходящее среди нея, держать ее подъ своимъ зоркимъ, широкимъ и безгранично вліяющимъ взглядомъ". Эта ссылка на Пирогова весьма знаменательна и удобопонятна; но въ „Гражданинѣ"—въ „Гражданинѣ"!—мы находимъ нѣчто еще болѣе цѣнное. Онъ передаетъ слѣдующій „вполнѣ достовѣрный и съ натуры записанный" діалогъ между молодымъ человѣкомъ и „педагогомъ, претендующимъ на авторитетъ и на нравственное вліяніе". —„Дайте слово",—говоритъ педагогъ,—„что вы больше никогда этого дѣлать не будете". Молодой человѣкъ затрудняется исполнить требованіе, потому что не вполнѣ увѣренъ въ возможности сдержать данное однажды слово. Тогда педагогъ успокоиваетъ его указаніемъ на то, что *слово не клятва*.—„Ну, гдѣ мыслимы такіе педагоги?"—восклицаетъ реакціонная газета.—„Нигдѣ, рѣшительно; а между тѣмъ, у насъ они есть, и не только есть, но ихъ считаютъ достойными до-

вѣрія, имъ ввѣряютъ судьбы цѣлыхъ десятковъ жизней и, слѣдовательно, поколѣній. Какія понятія о чести могутъ создать мысль: *слово—не клятва*! и каковъ долженъ быть человѣкъ, чтобы эту мысль высказать?"—Опроверженія такого изумительнаго факта, приведеннаго „Гражданиномъ", мы нигдѣ не встрѣчали; въ достовѣрности его, значитъ, нѣтъ причины сомнѣваться, а если онъ достовѣренъ, то не бросаетъ ли онъ весьма яркій свѣтъ на многія, недостаточно разъясненныя, стороны недавнихъ событій?

Само собою разумѣется, что переродиться вполнѣ, совлечь съ себя ветхаго человѣка, реакціонныя газеты не могли и не могутъ, еслибы даже и захотѣли. Отказываясь, полу-сознательно и какъ бы невольно, отъ нѣкоторыхъ старыхъ заблужденій, откидывая стертыя и никуда больше негодныя клише, реакціонная печать все-таки остается сама собою. Ея образъ дѣйствій напоминаетъ ту дѣтскую игру, въ которой одинъ изъ участвующихъ ищетъ искусно спрятанную вещь. Онъ проходитъ нѣсколько разъ мимо того мѣста, гдѣ она спрятана, почти касается ея рукою—и опять отдаляется отъ нея, усердно и напрасно шаритъ въ противоположныхъ углахъ комнаты, переходитъ отъ одной неосновательной догадки къ другой, еще болѣе нелѣпой. Въ какіе моменты своихъ поисковъ реакціонныя газеты были всего ближе отъ истины—это мы уже видѣли; посмотримъ теперь, на чемъ онѣ окончательно останавливаются. „Московскія Вѣдомости", вѣрныя своей старинной темѣ, объясняютъ безпорядки вліяніемъ крамолы, внутренней и заграничной; „Гражданинъ" энергично возстаетъ противъ этого предположенія и обрушивается всей своей тяжестью... на профессоровъ, оказывающихся настоящими виновниками студенческихъ волненій! Въ подтвержденіе своихъ тезисовъ обѣ газеты не приводятъ рѣшительно ни одного факта—но это не понижаетъ ни на одну ноту самоувѣренность ихъ тона, не дѣлаетъ ихъ болѣе осмотрительными въ выводахъ и требованіяхъ. Онѣ не говорятъ, а вѣщаютъ, прикрывая пустоту содержанія напыщенностью или рѣзкостью формы. Одна изъ нихъ доходитъ до того, что порицаетъ профессоровъ, остающихся на службѣ; „пусть назовутъ,—восклицаетъ она,—хоть одного профессора, имѣвшаго доблесть выйти въ отставку, чтобы свидѣтельствовать о своемъ протестѣ". Если же кто-либо изъ профессоровъ имѣлъ бы наивность послѣдовать этому призыву, то не трудно себѣ представить, какихъ карательныхъ мѣръ потребовала бы противъ него та же самая газета!.. Съ точки зрѣнія справедливости и правды, оба мнѣнія, только-что упомянутыя нами, совершенно равны, т.-е. одинаково не выдерживаютъ критики; но мы не можемъ не признать, что взглядъ, проводимый въ Петербургѣ, вреднѣе того, который поддерживается въ Москвѣ. Связывать студенческіе безпорядки съ крамолой, значитъ направлять остріе подозрѣнія туда, куда

оно обращается и безъ того, само собою; обвинять профессоровъ, значитъ подвергать опасности такую сферу, которая, при обыкновенныхъ условіяхъ, находится болѣе или менѣе подъ охраной закона. Неожиданныхъ и тяжелыхъ потерь она, въ послѣднее время, понесла не мало, но все же онѣ имѣли единичный, случайный характеръ; неужели намъ суждено увидѣть возведеніе ихъ на степень общаго правила? Неужели мы такъ богаты научными силами, чтобы рисковать внезапнымъ ихъ уменьшеніемъ—рисковать имъ только въ виду неопредѣленныхъ слуховъ и вымышленныхъ страховъ? Нужно потерять всякое понятіе о гражданскомъ долгѣ, всякое уваженіе къ самому себѣ, чтобы спокойно рекомендовать увольненіе „профессоровъ-мутителей", какъ самую заурядную административную мѣру—и мотивировать, вдобавокъ, эту мѣру *благомъ студентовъ и честью науки* (!!). Честь науки заключается, прежде всего, въ ея самостоятельности—а во что обратилась бы самостоятельность профессоровъ, еслибы ихъ судьба зависѣла отъ первой тѣни подозрѣнія, отъ перваго намека на „неблагонадежность"? Положеніе профессоровъ, при существующихъ условіяхъ, безъ того уже крайне затруднительно: неужели нужно усложнять его извѣтами, проникнутыми желчью и ядомъ?.. Приведемъ по этому поводу еще одну выписку изъ цитированной уже нами и слишкомъ мало замѣченной статьи В. И. Ламанскаго. „Еще С. М. Соловьевъ, въ своихъ замѣчаніяхъ на проектъ новаго университетскаго устава, высказалъ справедливое опасеніе, что независимые умы и характеры не будутъ отнынѣ увлекаться профессорскою карьерою. Но Соловьевъ давно уже умеръ и имѣлъ въ виду тогдашнія еще, а не нынѣшнія условія нашего бѣднаго просвѣщенія. У насъ многіе говорятъ, что этихъ независимыхъ умовъ и характеровъ намъ именно и не нужно. Этимъ *намъ* они дѣйствительно ненужны—но безъ нихъ университеты, родное просвѣщеніе и отечественная образованность, русская наука и литература неизбѣжно должны клониться къ упадку"...

Мы всегда готовы признать заслуги нашихъ противниковъ: если реакціонной печати принадлежала, въ послѣднее время, иниціатива въ обсужденіи университетскихъ безпорядковъ, то она участвовала и въ поднятіи другого вопроса, частнаго—повидимому, но общаго—на самомъ дѣлѣ. Это—вопросъ объ учрежденіи опеки надъ личностью и имѣніемъ молодого человѣка, обладающаго однимъ изъ самыхъ крупныхъ русскихъ состояній. Сомнѣніе въ дѣйствительности фактовъ, послужившихъ основаніемъ къ учрежденію опеки, было заявлено раньше всего „Гражданиномъ". „Дѣло тутъ въ принципѣ,—таковы подлинныя слова князя Мещерскаго,—въ печальномъ нравственномъ знаменіи времени. Интрига какого-нибудь лица можетъ посягнуть на гражданскія и человѣческія права гражданина, и здраваго человѣка обра-

тить въ нуждающагося въ опекѣ. Въ особенности странно и непостижимо то, что нѣсколько сановныхъ лицъ, говорятъ, своею личностью и вліяніемъ дали этой интригѣ разыграться, и этимъ помогли ввести правительство въ заблужденіе". Да, все это странно и печально—но едва ли непостижимо. Справедливое, на этотъ разъ, негодованіе реакціонной газеты мѣшаетъ ей замѣтить, что порицаемое ею распоряженіе составляетъ логическій выводъ изъ излюбленныхъ ею принциповъ. Опека надъ молодымъ богачомъ была учреждена *внѣ* законнаго порядка; не были спрошены представители сословія, къ которому онъ принадлежитъ, не были выслушаны его объясненія и оправданія, не было, наконецъ, постановлено опредѣленіе сенатомъ, какъ высшимъ опекунскимъ учрежденіемъ имперіи. Назначеніе опеки, вслѣдствіе расточительности, обставлено, по нашимъ законамъ, формальностями и гарантіями, достаточно ограждающими права личности; эти формальности не были соблюдены, эти гарантіи были забыты—неудивительно, что въ концѣ концовъ получилось явное правонарушеніе. Кто же, однако, постоянно проповѣдуетъ у насъ пренебреженіе къ закону, кто радуется всякимъ чрезвычайнымъ, внѣзаконнымъ мѣрамъ? Конечно, реакціонная печать, съ „Гражданиномъ",—если не во главѣ, то въ хвостѣ. Въ дѣлѣ, о которомъ идетъ рѣчь, мы видимъ одинъ изъ всходовъ ея собственныхъ сѣмянъ, одно изъ проявленій усердно рекомендуемой ею системы. Не понравилось ей, должно быть, только то, что отступленіе отъ закона было допущено, въ данномъ случаѣ, по отношенію къ лицу богатому, занимающему видное мѣсто въ свѣтѣ. Когда удары направлялись въ другую сторону, она молчала—или ликовала. Впрочемъ, раскаяться никогда не поздно, и если упомянутое нами опекунское дѣло убѣдило петербургскихъ реакціонеровъ въ опасности внѣ-законнаго образа дѣйствій, то мы готовы отъ души ихъ съ этимъ поздравить.

Едва ли, впрочемъ, намъ суждено видѣть обращеніе грѣшниковъ: они слишкомъ закоснѣли въ своихъ привычкахъ и потеряли способность видѣть вещи въ настоящемъ ихъ свѣтѣ. Повѣрятъ ли наши читатели, что воспоминанія И. А. Гончарова, напечатанныя въ прошедшей книжкѣ нашего журнала, вызвали въ присяжныхъ „хвалителяхъ прошлаго" не конфузъ, а сожалѣніе о „тогдашней жизни, можетъ быть болѣе грубой, но несомнѣнно болѣе цѣльной"!? Каждый человѣкъ зналъ-молъ тогда „свое опредѣленное мѣсто и свое дѣло"; „на Руси господствовалъ прочно установившійся, самобытный строй жизни, нынѣ разрушенный и новымъ еще незамѣненный". И дѣйствительно, какъ не пожалѣть о времени, когда „все губернское общество не только мирилось съ системой чиновничьихъ доходовъ, но даже покровительствовало ей"; когда „годичные вѣдомости и отчеты представлялись *со вложеніемъ*"; когда образованные, вездѣ принятые люди разсказы-

вали анекдоты о золотыхъ, попавшихъ къ нимъ въ перчатки, и возбуждали такими разсказами благодушный смѣхъ слушателей; когда „честный“ губернаторъ счастливоигралъ въ карты съ откупщикомъ!!.. Въ „самобытности“, въ „цѣльности“ всему этому отказать нельзя; нельзя отрицать и того, что каждый чиновникъ отлично зналъ свое „дѣло“, т.-е. полученіе взятокъ, что незыблемою и ненарушимою оставалась іерархія „опредѣленныхъ мѣстъ“, изъ которыхъ одни давали право заушать, а другія—подвергаться заушеніямъ... Отъ восхищенія столь идиллическими порядками, засвидѣтельствованными такимъ авторитетнымъ лицомъ, какъ И. А. Гончаровъ, не далеко до попытокъ воскресить изъ нихъ хоть малую толику, возсоздать хоть въ чемъ-нибудь утраченную „самобытность“—и надъ такими-то именно попытками и трудится усердно наша реакціонная пресса. Очевидно, что съ такими попытками несовмѣстимо для реакціонной печати возвращеніе ея на путь истины; это къ ней, вѣрно, относится народная поговорка: „горбатаго одна могила исправитъ“!

Въ „Черниговскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“, 14-го января 1888 г., № 4, въ „Оффиціальной части“, въ „Отдѣлѣ II, мѣстномъ“, опубликованъ „Циркуляръ черниговскаго губернатора гг. городскимъ головамъ черниговской губерніи“, отъ 12-го января 1888 года; но этотъ циркуляръ имѣетъ не одно *мѣстное* значеніе, а потому мы приведемъ его дословно:

„Г. Начальникъ 5-й пѣхотной дивизіи, 5-го января за № 33, препроводилъ мнѣ переписку, возбужденную командиромъ 2 бригады ввѣренной ему дивизіи. Изъ этой переписки видно, что командиръ бригады, озабочиваясь оздоровленіемъ мѣстности, въ которой квартируютъ ввѣренныя ему войска, обратился объ этомъ къ глуховскому исправнику, который, въ свою очередь, отнесся непростительно къ этому дѣлу лишь съ формальной стороны, передавъ отношеніе бригаднаго командира въ глуховскую городскую управу. Управа эта, вмѣсто того, чтобы исполнить **законное требованіе** [1]) генералъ-маіора Гецъ, направленное къ глуховскому исправнику, позволила себѣ грубо и дерзко отнестись къ справедливой и сердечной заботливости военноначальника о здравіи ввѣренныхъ ему нижнихъ воинскихъ чиновъ.

„Грубость и дерзость городского головы, купца Букатина, и члена управы, титулярнаго совѣтника Домбровскаго, заключается въ томъ, что на требованіе, предъявленное имъ начальникомъ уѣздной полиціи, они позволили себѣ отнестись къ генералъ-маіору Гецъ, и въ своемъ сообщеніи къ его превосходительству излагаютъ: „Такъ какъ въ городовомъ положеніи, которымъ городская управа руководствуется при исполненіи возложенныхъ на нее обязанностей, нигдѣ не указано, чтобы **въ хозяйственныя** дѣла города **вмѣшивались военныя власти** (?!) квартирующихъ въ городѣ частей, просить ваше

---

[1]) Жирный шрифтъ въ подлинникѣ циркуляра.

превосходительство указать управѣ тотъ законъ, на основаніи котораго управа обязана, по требованію военныхъ властей, временно квартирующихъ въ городѣ, очищать улицы и площади отъ нечистотъ".

„Иронизируя въ своемъ сообщеніи къ бригадному командиру, купецъ Букатинъ и титулярный совѣтникъ Домбровскій, хотя и выбранные—одинъ городскимъ головой, а другой членомъ городской управы, вѣроятно, забыли ту разницу, которая существуетъ между генераломъ Императорскихъ войскъ и купцомъ, а также и титулярнымъ совѣтникомъ; кромѣ того, они также упустили изъ виду,—желая, вѣроятно, пощеголять передъ бригаднымъ командиромъ своею „самостоятельностью",—что отвѣтъ свой на требованіе глуховскаго исправника за № 6315 они должны были бы направить къ нему же, а не къ генералу Гецъ, а затѣмъ, указывая генералу на городовое положеніе, купецъ Букатинъ съ титулярнымъ совѣтникомъ Домбровскимъ, вѣроятно, забыли, что для всѣхъ русскихъ подданныхъ обязательно знать не одно только городовое положеніе, но и всѣ 15 томовъ свода законовъ Россійской Имперіи, тогда, можетъ быть, глуховская городская управа узнала бы, что на начальниковъ воинскихъ частей возлагается неусыпная заботливость о сохраненіи здоровья ввѣренныхъ имъ чиновъ, и тогда, можетъ быть, купецъ Букатинъ съ тятулярнымъ совѣтникомъ Домбровскимъ постигли бы, что, согласуя общій законъ Россійской Имперіи съ 2 ст. и п. п. 1, 4, 5, 6. 7 и 11 ст. 103 городового положенія, изд. 1886 г., они **обязаны** были оказать свое содѣйствіе чинамъ полиціи въ дѣлѣ очищенія города отъ нечистотъ, такъ вредно отражающихся на народномъ здравіи. Кромѣ сего, прежде чѣмъ отправить отвѣтъ бригадному командиру, городской голова,—если онъ самъ, по малограмотности, не могъ сдѣлать справокъ въ дѣлахъ управы,—долженъ былъ бы поручить секретарю ознакомить его съ спеціальными правительственными распоряженіями. хотя бы съ циркуляромъ г. министра внутреннихъ дѣлъ отъ 19-го января 1879 г. за № 325, возлагающимъ на **особую** обязанность городского общественнаго управленія въ видахъ охраненія народнаго здравія **озаботиваться оздоровленіемъ городовъ**, въ виду того, что законъ предоставилъ широкое право городскимъ общественнымъ управленіямъ на изысканіе средствъ для устраненія **всѣхъ** условій, **вредно вліяющихъ на народное здравіе**. Изъ этого циркуляра городской голова увидѣлъ бы, что своевременнымъ дознаніемъ констатировано, что развитію заразы въ 1878 г. въ астраханской губерніи наиболѣе способствовала нечистота и вообще дурныя санитарныя условія.

„Въ заключеніе считаю нужнымъ еще сказать, что, указывая г. бригадному командиру на городовое положеніе, которымъ руководствуется городская управа, купцу Букатину съ титулярнымъ совѣтникомъ Домбровскимъ ужъ нужно было бы ознакомиться и съ 10 ст. город. полож., изъ которой они узнали бы, что, несмотря на самостоятельность дѣйствій, предоставленныхъ городскому общественному управленію по 5 ст. город. полож., эти самыя управленія подвергаются также и отвѣтственности за неисполненіе законныхъ требованій мѣстныхъ властей.

„О вышеизложенномъ давая знать гг. городскимъ головамъ, я надѣюсь, что городскія общественныя управленія, состоящія подъ

ихъ предсѣдательствомъ, будутъ относиться **съ полнымъ вниманіемъ и сочувствіемъ** къ справедливымъ требованіямъ военныхъ начальниковъ, квартирующихъ во ввѣренной мнѣ губерніи войскъ и употребятъ всѣ зависящія отъ нихъ мѣры къ доставленію имъ возможнаго удобства, не говоря уже о такомъ святомъ дѣлѣ—какъ охраненіе ихъ здоровья въ мирное время, помня то, что самимъ Богомъ они призваны жизнью своею защищать неприкосновенность, спокойствіе и честь святой Руси".

Какъ видно изъ словъ приведеннаго циркуляра, г. губернаторъ обращаетъ особенное вниманіе всего черниговскаго городского общественнаго управленія на ст. 10 Высочайше утвержденнаго городового положенія 1870 г., а потому и приведемъ ее также цѣликомъ, въ видѣ справки:

„Ст. 10 (1957). Городское общественное управленіе подвергается отвѣтственности (ст. 2095—2108) за превышеніе власти, *за неисполненіе законныхъ требованій мѣстныхъ властей* (т.-е. губернской администраціи министерства внутреннихъ дѣлъ, въ вѣдомствѣ котораго находится городское общественное управленіе, а не другихъ вѣдомствъ), за нарушеніе законныхъ правъ обществъ и частныхъ лицъ и за всякія вообще дѣйствія, противныя дѣйствующимъ законамъ".

Въ томъ же Высочайше утвержденномъ законѣ указанъ и законный, весьма строгій и точный способъ, какимъ подвергаются городскія управы, городскіе головы и городскія думы отвѣтственности, а именно:

„Ст. 2097. За исключеніемъ случаевъ, въ ст. 2095—2096 указанныхъ, жалобы на неправильныя распоряженія городской управы или городского головы приносятся думѣ, и на противозаконныя опредѣленія думы—губернатору или градоначальнику, по принадлежности, который передаетъ ихъ на разсмотрѣніе присутствія по городскимъ дѣламъ".

„Ст. 2098. Жалобы и заявленія *правительственныхъ*, земскихъ и сословныхъ установленій по *преткновеніямъ* ихъ съ городскимъ общественнымъ управленіемъ о предѣлахъ вѣдомства, власти и обязанностяхъ, обращаются также къ губернатору или градоначальнику, по принадлежности, и ими передаются на обсужденіе присутствія по городскимъ дѣламъ. *Такимъ же образомъ губернаторъ* или градоначальникъ поступятъ въ тѣхъ случаяхъ, когда *непосредственно* усмотрятъ незаконность распоряженія или опредѣленія городского общественнаго управленія".

— А какова власть „присутствія по городскимъ дѣламъ"?—спроситъ насъ несвѣдущій читатель:—можетъ быть, тутъ будетъ одна проволочка, между тѣмъ дѣло иногда не терпитъ отлагательства, а требуетъ быстроты дѣйствія?

Отвѣчаемъ.

„Ст. 2099. Присутствіе по городскимъ дѣламъ (оно состоитъ изъ *четырехъ правительственныхъ* лицъ отъ различныхъ вѣдомствъ, и изъ *трехъ* представителей отъ города, земства и мирового суда: губернаторъ, вице-губернаторъ, управляющій казенною палатою, прокуроръ окружнаго суда, предсѣдатель мирового съѣзда и губернской земской управы, наконецъ, городской голова губернскаго города) разрѣшаетъ подлежащія его разсмотрѣнію дѣла простымъ большинствомъ голосовъ. Рѣшенія его *немедленно* приводятся въ исполненіе, если въ самомъ заключеніи не будетъ постановлено противнаго".

Въ слѣдующей же статьѣ разъяснено, что „губернаторъ, если признаетъ рѣшеніе присутствія неправильнымъ, можетъ, въ шестинедѣльный срокъ, представить дѣло на разрѣшеніе правительствующаго сената".

Послѣ приведенныхъ нами „справокъ" изъ закона, самый предубѣжденный читатель вынужденъ будетъ признать, что Верховная власть хорошо позаботилась о томъ, чтобы вполнѣ обезпечить успѣшный ходъ дѣлъ въ нашихъ городахъ и поставить его внѣ всякой зависимости отъ личнаго произвола лицъ, входящихъ въ составъ городского управленія, и отъ малѣйшихъ злоупотребленій. Какъ же это происходитъ, что мы со стороны администраціи слышимъ постоянныя жалобы на самовольныя будто бы дѣйствія городского общественнаго управленія? Вотъ, настоящій циркуляръ и объясняетъ причину такого ненормальнаго явленія, какъ отказъ администраціи пользоваться указаніями закона. Отъ г. черниговскаго губернатора вполнѣ зависѣло въ данномъ случаѣ (см. выше статьи закона) немедленно созвать присутствіе по городскимъ дѣламъ; это присутствіе, какъ мы видѣли, состоитъ почти все цѣликомъ изъ правительственныхъ лицъ —и едва ли можно ожидать со стороны вице-губернатора и другихъ лицъ небрежности и невниманія къ приглашенію губернатора; еще менѣе можно думать, что такое присутствіе не поддержитъ „законныхъ" требованій губернатора, а вѣдь рѣшенія этого присутствія приводятся въ исполненіе „*немедленно*".

Если читатель заинтересовался настоящимъ случаемъ, то онъ непремѣнно спроситъ насъ:—такъ почему же г. черниговскій губернаторъ, имѣя такое неотразимое орудіе въ своихъ рукахъ для обузданія своеволія г. городского головы, купца Букатина, не воспользовался тѣмъ, и обратился къ написанію циркуляра, т.-е. къ средству, не предвидѣнному статьями 2097 и 2098 вышеупомянутаго Высочайше утвержденнаго закона 1870 г.? Вѣдь, оказывается, что созваніе присутствія, постановленіе котораго будетъ приведено въ исполненіе „немедленно", потребовало бы еще меньше времени, нежели

сколько нужно для начертанія циркуляра и напечатанія его въ мѣстныхъ вѣдомостяхъ (на все это потребовалось цѣлыхъ три дня— отъ 12-го до 14-го января)?

Читатель—признаемся—задался слишкомъ любопытнымъ вопросомъ, хотя нельзя не замѣтить, что правильное рѣшеніе такого вопроса могло бы одно, само по себѣ, навсегда прекратить всякія прискорбныя пререканія между правительственною администраціею и общественными учрежденіями. Впрочемъ, внимательное чтеніе вышеприведеннаго циркуляра можетъ дать, отчасти, отвѣтъ на выше-предложенный вопросъ. Въ присутствіи по городскимъ дѣламъ, пришлось бы, во-первыхъ, объяснить, почему мѣстная администрація ожидала такъ долго указаній почтеннаго начальника 5-й дивизіи на „дурныя санитарныя условія“ мѣстности, и терпѣла ихъ, въ противность закону, который возлагаетъ именно на нее, а не на воинскихъ начальниковъ, имѣющихъ достаточно другихъ заботъ, надзоръ за правильностью и исправностью дѣйствій общественнаго управленія; но такимъ образомъ мѣстной администраціи пришлось бы сознаться присутствію въ собственной винѣ несоблюденія возложенныхъ на нее закономъ обязанностей надзора. Во-вторыхъ, въ присутствіи нельзя было бы утверждать, что простая ссылка на Высочайше утвержденный законъ, какую сдѣлалъ городской голова въ своемъ отзывѣ, есть „грубость и дерзость“,—а въ циркулярѣ и это возможно. Въ-третьихъ, по закону, и городской голова есть также членъ присутствія по городскимъ дѣламъ, а потому онъ имѣлъ бы возможность по городскому дѣлу дать какія-нибудь объясненія, между тѣмъ какъ при циркулярѣ такого неудобства нѣтъ. Въ-четвертыхъ, и это, можетъ быть, самое главное,—въ присутствіи никакъ нельзя было бы въ число доказательствъ неправоты городского головы привести его „малограмотность“, что̀ весьма легко можно было сдѣлать въ циркулярѣ.

Но намъ кажется, что послѣднее едва ли слѣдовало бы дѣлать и въ циркулярѣ г. губернатора гг. городскимъ головамъ—и вотъ по какимъ соображеніямъ. Независимо отъ того, что правительство въ тѣхъ актахъ, которые исходятъ отъ него, служитъ намъ всегда образцомъ, и мы никогда еще не встрѣчали, даже и въ тѣхъ „сообщеніяхъ“, къ которымъ оно иногда прибѣгаетъ, исправляя погрѣшности печати, никакихъ укоризненныхъ выраженій, въ родѣ „малограмотный“, или вообще направленныхъ къ личному оскорбленію,—но, и независимо отъ того, циркуляръ, повидимому, упустилъ изъ виду ст. 2.039 городового положенія. Циркуляръ, вѣроятно, принялъ въ соображеніе только одну сторону дѣла, а именно, что городской голова есть не больше, какъ выборное лицо, а потому... Это совершенно спра-

ведливо, но, въ то же время, по закону (ст. 2039) столичный городской голова утверждается Государемъ Императоромъ, губернскій же—министромъ внутреннихъ дѣлъ, подъ начальствомъ котораго служитъ и самъ г. губернаторъ, а въ прочихъ городахъ, какъ въ г. Глуховѣ—губернаторомъ. Къ кому же относятся укоризны черниговскаго губернатора за „малограмотность“ глуховскаго городского головы,—еслибы малограмотность могла служить, по закону, причиною неутвержденія—къ его избирателямъ, или къ тому, кто утвердилъ его въ этой должности? Оставляя этотъ вопросъ открытымъ, позволимъ себѣ, однако, въ заключеніе представить небольшое извлеченіе изъ послѣдняго циркуляра г. министра внутреннихъ дѣлъ, обращеннаго также къ гг. городскимъ головамъ: „Званіе городского головы не есть почетный титулъ, а первостепенная въ средѣ городского общественнаго управленія должность, сопряженная съ многочисленными и разнообразными обязанностями, которыя возлагаются городскимъ обществомъ на лицо, избранное имъ въ головы“. Конечно, ни почетъ избранія и утвержденія министромъ внутреннихъ дѣлъ или губернаторомъ, которое должно имѣть въ глазахъ самого г. губернатора вѣсъ и значеніе, ни многочисленность обязанностей—не избавляютъ гг. городскихъ головъ отъ сужденія ихъ дѣяній въ присутствіи по городскимъ дѣламъ и далѣе; но, по нашему мнѣнію, достаточно, однако, уваженія, со стороны губернатора, къ собственному утвержденію упомянутаго городского головы, чтобы избавить послѣдняго отъ публичныхъ упрековъ въ „малограмотности“, притомъ безъ предварительнаго его испытанія въ наукахъ. Правда, что еще на-дняхъ „Гражданинъ“ усиливался доказать, будто малограмотность вовсе не есть какой-нибудь недостатокъ, и даже въ извѣстномъ смыслѣ можетъ быть принята за особое достоинство и преимущество; при этомъ удобномъ случаѣ газета, конечно, перешагнула за Геркулесовы столпы и указала, что въ прежнее время будто и начальники губерній были малограмотны, а управляли или справлялись съ губерніею (для „Гражданина“ это одно и то же) лучше нынѣшнихъ образованныхъ; но „афоризмы“ этой газеты давно перестали изумлять публику, и немножко даже надоѣли; настоящій „афоризмъ“ въ похвалу малограмотности ничѣмъ не лучше и не хуже многихъ другихъ, а потому мы надѣемся, что читатель, вмѣстѣ съ нами, останется—по вопросу о значеніи малограмотности — при особомъ мнѣніи.

ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ.

По поводу открытія дѣйствій Комитета по улучшенію экономическаго состоянія населенія Красноуфимскаго уѣзда, Пермской губерніи.

„Извѣщая объ открытіи дѣйствій постояннаго Комитета, основаннаго XVIII очереднымъ Красноуфимскимъ Земскимъ Собраніемъ, для поднятія экономическаго благосостоянія населенія Красноуфимскаго уѣзда, предсѣдатель Комитета считаетъ долгомъ ознакомить редакцію съ главнѣйшими задачами этого новаго въ Россіи земскаго учрежденія. Задача Комитета опредѣлена самимъ его наименованіемъ. Обязанный принимать участіе во всѣхъ отправленіяхъ народнаго хозяйства, какъ земледѣльческаго, такъ и промышленнаго: кустарно-ремесленнаго и техническаго, Комитетъ уполномоченъ Земскимъ Собраніемъ возбуждать всякаго рода вопросы и ходатайства предъ учрежденіями и лицами, отъ которыхъ зависитъ то или другое разрѣшеніе, связанное съ пользою поднятія какой-либо отрасли народнаго хозяйства уѣзда вообще или какой-либо отдѣльной общины въ частности. Независимо отъ сего, для болѣе реальнаго достиженія главнѣйшей цѣли, XVIII очередное Красноуфимское Земское Собраніе открыло въ распоряженіе Комитета кредитъ, въ видѣ оборотнаго капитала, въ размѣрѣ $^1/_3$ суммы, предназначенной на устройство крестьянскаго уѣзднаго земскаго банка, что̀ въ данное время для Комитета составляетъ 10.000 руб., а въ недалекомъ будущемъ (а именно, по полученіи недоимокъ съ заводовъ, находящихся въ казенномъ управленіи), достигнетъ 30.000 руб. Снабженный такими уполномочіями и средствами, Комитетъ поясняетъ, что задача его кажется ему нетрудною уже потому, что въ Красноуфимскомъ уѣздѣ, кромѣ плодородной почвы, кромѣ особыхъ богатствъ, лежащихъ въ его ископаемомъ царствѣ и до сихъ поръ невоздѣлываемыхъ за ненахожденіемъ еще для нихъ сбыта, кромѣ всего этого, въ распоряженіи народа имѣется ежегодно 7 мѣсяцевъ зимы, которые легко съ большою пользою употребить на развитіе разнаго рода производствъ, тѣмъ болѣе, что самъ народъ состоитъ по преимуществу изъ заводскихъ мастеровыхъ и рабочихъ, людей умѣлыхъ и предпріимчивыхъ, но въ послѣднее время очень часто остающихся безъ работы, за сокращеніемъ, а иногда и полнымъ прекращеніемъ дѣйствій многихъ упадающихъ горныхъ заводовъ. Принявъ это въ соображеніе и имѣя въ своемъ распоряженіи (въ видѣ опытной фермы и учебныхъ техническихъ и ремесленныхъ мастерскихъ) всѣ средства, какъ для развитія переработывающей промышленности, такъ и для практически-контрольной оцѣнки ея

произведеній, Комитетъ, независимо отъ общихъ стараній на пользу поднятія земледѣлія—путемъ улучшенія частныхъ и общественныхъ хозяйствъ, скотоводства—путемъ развитія молочнаго хозяйства, независимо стараній для развитія эксплуатаціи минеральныхъ богатствъ и пр., принялъ на себя въ частности посредничество между возможными потребителями мѣстныхъ товаровъ и ихъ производителями. Поставивъ своей задачей установить возможно большее число рынковъ для мѣстныхъ производствъ, Комитетъ, естественно, долженъ былъ взять на себя контроль за ними, дабы имѣть право и возможность нравственно отвѣтствовать какъ за ихъ достоинства, такъ и за соотвѣтственность объявляемыхъ на нихъ цѣнъ. Что касается до способовъ доставленія мѣстныхъ произведеній на отдаленные рынки, то Комитетъ не видитъ въ этомъ особыхъ затрудненій, такъ какъ по отношенію къ рынкамъ центральной Россіи всѣ заказы, выполняемые зимою, могутъ быть сплавляемы по Уфѣ въ Каму и далѣе на баркахъ весною, а по отношенію къ Сибири—товары удобно отправлять зимою, такъ какъ доставка ихъ до ближайшей станціи тюменской желѣзной дороги обходится отъ 15 до 20 коп. за пудъ. Сообщая свои главнѣйшія основанія, соображенія и разсчеты и обѣщая, если редакція того пожелаетъ, дѣлиться съ нею успѣхами дальнѣйшей дѣятельности Комитета въ области развитія произведеній мѣстной промышленности, могущей интересовать, Предсѣдатель сего Комитета проситъ не отказать этому благому начинанію въ помощи и сообщить мнѣ, не найдется ли возможность помѣщать время отъ времени на столбцахъ журнала объявленія Комитета объ особенно выдающихся произведеніяхъ мѣстной кустарной промышленности, нуждающейся болѣе всего въ обезпеченіи сбыта. Комитетъ въ этомъ случаѣ обѣщаетъ не злоупотреблять сочувствіемъ; но онъ вынужденъ обратиться къ содѣйствію печати потому, что съ одной стороны распространенныя объявленія обезпечатъ успѣхъ дѣла, а съ другой—онъ не можетъ изъ оборотнаго капитала тратиться на эти объявленія, такъ какъ не предполагаетъ накладывать на товары торговые расходы, а желалъ бы отдавать ихъ по цѣнѣ какъ бы изъ первыхъ рукъ.—Красноуфимскъ, Пермской губ., 1-го января 1888 г.“

Помѣщая настоящее письмо г. Предсѣдателя упомянутаго Комитета, Редакція, съ своей стороны, въ предѣлахъ возможнаго для себя, будетъ всегда готова оказать посильное содѣйствіе благому начинанію Комитета, въ указанной выше формѣ.—*Ред.*

Издатель и редакторъ: М. Стасюлевичъ.

СОДЕРЖАНІЕ

ПЕРВАГО ТОМА.

ЯНВАРЬ — ФЕВРАЛЬ, 1888.

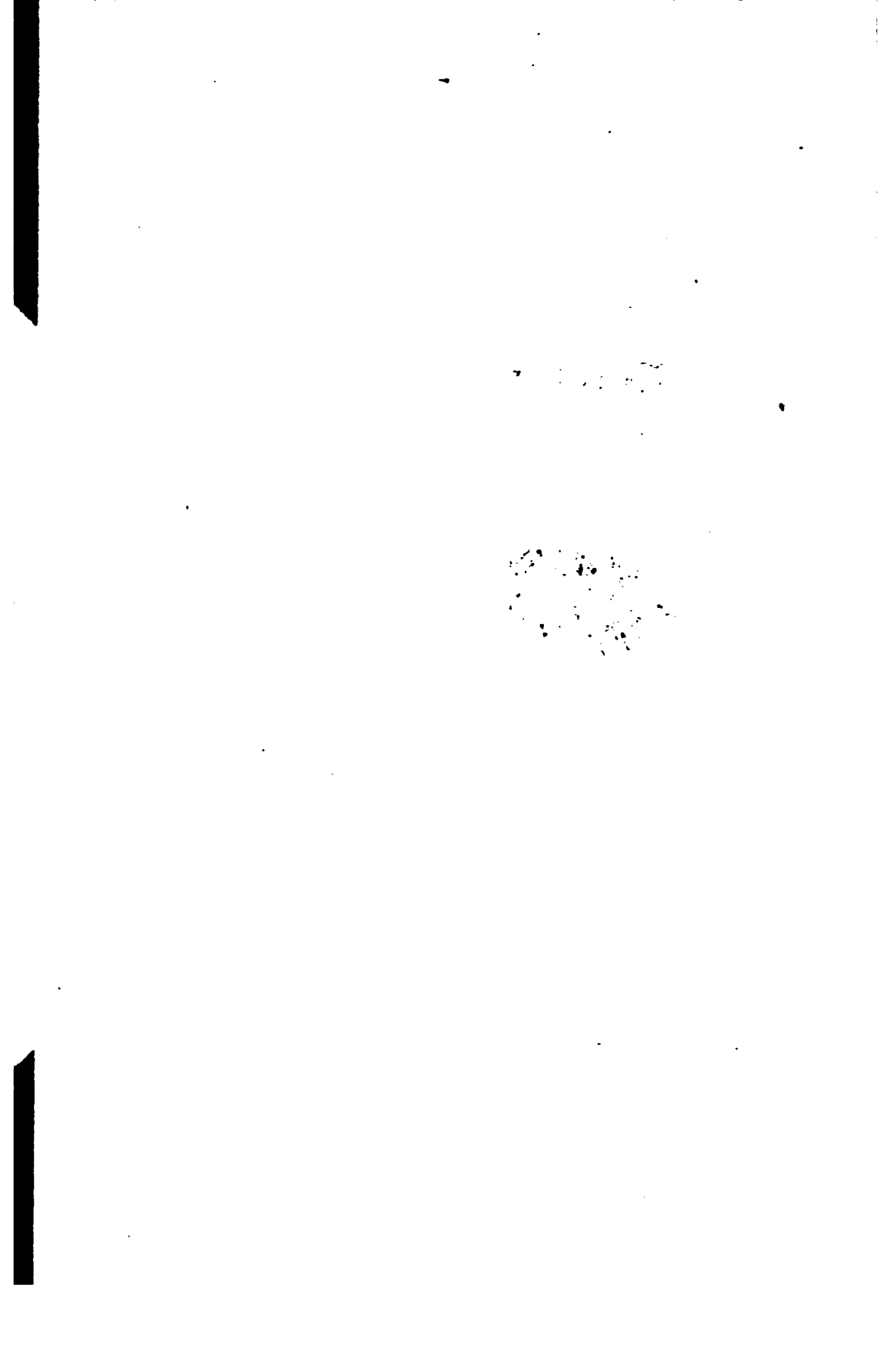
Книга первая. — Январь.

	стр.
На родинѣ. Воспоминанія и очерки.—I-VIII.—И. А. ГОНЧАРОВА	5
Первое двадцатипятилѣтіе освобожденія негровъ.—1-ое января 1863—1888 г.—П. ПОПОВА	50
Новое на старой подкладкѣ. — Повѣсть изъ американскаго быта.—I-XII.—П. КАШИРИНА	88
Жизнь тюрьмы въ шестидесятыхъ годахъ.—Личныя наблюденія и замѣтки.—I.—В. К—НЕВЪ	151
На мотивъ изъ Сырокомли.—Стих. В. Н.	207
Семенъ-сирота и его жена.—Деревенская быль.—Ѳ. Ѳ. ТИЩЕНКО	209
Иноземцы въ московской Россіи.—А. Н. ПЫПИНА	255
Цвѣтущая старость.—Стих. А. М. ЖЕМЧУЖНИКОВА	297
Наканунѣ переворота.—Романъ въ двухъ частяхъ, соч. Маріонъ Крофордъ.—Съ англійскаго.—Часть первая.—I-V.—А. Э.	298
Новѣйшія произведенія Салтыкова.—К. К. АРСЕНЬЕВА	348
Хроника.—Исполненіе государственной росписи за 1886 г.—Ѳ. С.	373
Внутренній Овозрѣніе.—Университетскіе безпорядки по сообщеніямъ „Правительственнаго Вѣстника“, и отзывы о томъ въ печати.—Авторитетный голосъ въ пользу свѣтской начальной школы.—Попытка опредѣлить, что̀ даетъ народу начальная школа.—Циркуляръ попечителя дерптскаго учебнаго округа.—Непрекосновенность начальной школы, какъ выводъ изъ всего предыдущаго.—Министерство финансовъ въ 1887 году.—Мировая сдѣлка съ главнымъ обществомъ желѣзныхъ дорогъ.—Къ вопросу о вѣротерпимости.	391
Иностранное Овозрѣніе.—Политическіе итоги 1887 года въ области международныхъ отношеній.—Роль Германіи и князя Бисмарка.—Новые союзы и новыя вооруженія.—Статья „Русскаго Инвалида“.—Политика вѣнскаго кабинета и ея особенности.—Логика оффиціозной печати.—Вопросъ о сооруженіяхъ и толки объ австро-русскомъ столкновеніи.—Внутреннія дѣла Франціи за истекшій годъ.—Президентъ Карно и его первое министерство.—Положеніе дѣлъ въ Англіи.—Балканскій полуостровъ.	413
Письма изъ-за границы.—Президентскій кризисъ во Франціи.—Л. С.	428
Литературное Овозрѣніе.—Бѣлорусскій Сборникъ, т. I, вып. 8, собр. Е. Романовъ.—Геродотъ, 2 т.; Ѳукидидъ, 2 т.; Послѣсловіе къ переводу Ѳукидида, Ѳ. Г. Мищенка.—Лекціи по всемірной исторіи проф. Петрова, изд. п. р. В. Надлера.—А. П.—Стихотворенія Н. Минскаго.—К. К.—Новыя изданія книгъ и брошюръ	452
Изъ Общественной Хроники.—Разрывъ нео-славянофиловъ съ своими бывшими союзниками.—Междоусобная война оруженосцевъ Каткова, разсматриваемая съ точки зрѣнія посторонняго зрителя.—Толки объ „отрезвленіи“.—Земская медицина въ черниговской губерніи.—Еще о защитѣ дѣтей.—Изъ школьной хроники.—Нѣчто объ одной прекратившейся болгарской газетѣ.	464
Извѣщенія.—Отъ Редакціи.—Отчетъ о пожертвованіяхъ на поддержаніе сельской школы Кавелина въ с. Ивановѣ	478
Библіографическій Листокъ.—Полное собраніе сочиненій кн. П. Вяземскаго. Т. XI.—Въ Европѣ. Г. Джаншіева.—Курганы и случайныя археологическія находки близъ м. Смѣлы, гр. А. А. Бобринскаго.—Письменность на первыхъ шагахъ ея развитія, А. Деревицкаго.—Расколъ-сектантство, А. С. Пругавина, вып. 1-й.—Мысли объ историческихъ судьбахъ еврейства, Х. Житловскаго.—Русскій календарь и Всеобщій календарь на 1888 г.	

Книга вторая. — Февраль.

стр.

На родинѣ.—Воспоминанія и очерки.—IX-XVI.—И. А. ГОНЧАРОВА . . . 481
Пирогъ Пушкина.—По новѣйшимъ изслѣдованіямъ.—В. П. ГАЕВСКАГО . . 521
Два года въ гельсингфорсскомъ университетѣ. — Изъ воспоминаній женщины-врача.—А. Ш. 538
Жизнь тюрьмы въ шестидесятыхъ годахъ. — Личныя наблюденія и замѣтки. — В. К—НЕВЪ 569
Новое на старой подкладкѣ.—Повѣсть изъ американскаго быта.—XIII-XXII.—ПАВ. КАШИРИНА 615
Новые романы Сенкевича.—Очеркъ.—А. Н. ПЫПИНА 665
Осенью.—Стих. А. М. ЖЕМЧУЖНИКОВА 687
Наканунѣ переворота.—Романъ въ двухъ частяхъ, соч. Маріонъ Крофордъ. — Съ англійскаго.—VI-XI.—А. Э. 688
Россія и Европа. — Труды Н. Я. Данилевскаго и Н. Н. Страхова. — I-IV. — ВЛАДИМІРА СОЛОВЬЕВА 742
Три народности въ Восточной Азіи.—Китайцы, монголы, тангуты.—Г. ПОТАНИНА 762
Фабричный рабочій въ средней Россіи и царствѣ польскомъ. — По личнымъ наблюденіямъ и изслѣдованіямъ.—И. И. ЯНЖУЛА 785
Хроника.—Государственная роспись на 1888 г.—Ѳ. С. 812
Внутреннее Обозрѣніе.—Проектируемое ограниченіе круга дѣйствій мировыхъ учрежденій въ пользу новаго института земскихъ начальниковъ. — Возможно ли судить, не будучи судьею?—Возможно ли созданіе „бытового суда“, органы котораго были бы администраторами и при отправленіи своихъ судебныхъ функцій? — Процессуальныя нововведенія проекта о земскихъ начальникахъ: періодическіе внѣзды, собираніе справокъ, необязательность явки въ судъ, устраненіе адвокатовъ, „распорядительное производство“ по уголовнымъ дѣламъ. — Административно-карательная власть земскаго начальника.—† С. И. Зарудный 825
Народность и народничество. — По поводу критическихъ очерковъ А. Скабичевскаго: „Беллетристы-народники“.—В. Н. 846
Иностранное Обозрѣніе. — Натянутость международнаго положенія. — Мирныя вѣянія и заявленія. — Болгарскій кризисъ и балканскія дѣла. — Парламенты Германіи и Австро-Венгріи.—Внутренніе вопросы во Франціи.—Столкновеніе съ Италіею 861
Письма изъ-за границы.—Политическія партіи во Франціи.—Л. С. . . 872
Осипъ Федьковичъ.—Письмо въ редакцію.—А. Я. КОНИССКІЙ. 888
Литературное Обозрѣніе.—Уральцы, І. И. Желѣзнова.—Очеркъ домашней жизни и нравовъ великорусскаго народа въ XVI и XVII ст., и Старинные Земскіе Соборы, Н. Костомарова, изд. 3-е.—Сборникъ матеріаловъ по этнографіи, и Систематическое описаніе коллекцій Даниловскаго Этнографическаго Музея, В. Ѳ. Миллера.—Сарапулъ, Н. Блинова.—А. П.—Основы психологіи, Дж. Сёлли.—Новыя изданія книгъ и брошюръ 893
„Ходъ назадъ!“—въ наукѣ уголовнаго права.—Наказаніе въ русскомъ правѣ XVII-го вѣка. Изслѣдованіе Н. Д. Сергѣевскаго.—Е. О. 907
Изъ Общественной Хроники. — Толки въ печати по поводу университетскихъ безпорядковъ. — Паденіе нѣкоторыхъ предразсудковъ и предвзятыхъ мыслей.—Замѣчательная статья В. И. Ламанскаго.—Общій вопросъ, возбуждаемый частнымъ случаемъ —Циркуляръ черниговскаго губернатора гг. городскимъ головамъ 918
Письмо въ Редакцію. — По поводу открытія дѣйствій Комитета по улучшенію экономическаго состоянія Красноуфимскаго уѣзда, Пермской губерніи . 933
Библіографическій Листокъ.—Ближайшія нужды мѣстнаго управленія, бар. П. Л. Корфа.—Къ рѣшенію женскаго вопроса.—Семейная жизнь въ ея радостяхъ и печаляхъ.—Повѣсти, сказки и разсказы Кота-Мурлыки, т. II.



This book should be returned to the Library on or before the last date stamped below.

A fine is incurred by retaining it beyond the specified time.

Please return promptly.

FEB 21 '64 H

163-930

CANCELLED

STALL STUDY

CHARGE